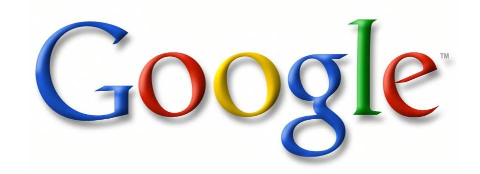

ОТЕЧЕСТВЕННЫЯ

ЗАПИСКИ.

ГОДЪ ТРЕТІЙ.

Печатать позволяется. С. Петербургъ, 31 октября 1841.

Цензоръ *А. Никитенко.*
Цензоръ *С. Куторга.*

ОТЕЧЕСТВЕННЫЯ ЗАПИСКИ,

УЧЕНО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЖУРНАЛЪ,

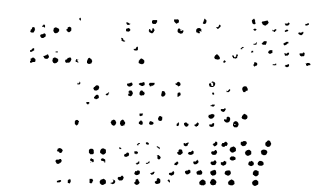
ИЗДАВАЕМЫЙ

АНДРЕЕМЪ КРАЕВСКИМЪ

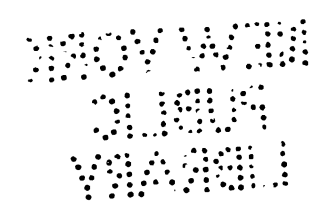
НА 1841 ГОДЪ.

Beatae plane aures, quae non vocem foris sonantem, sed intus auscultant veritatem docentem.
Gersonius.

ТОМЪ XIX.

С. ПЕТЕРБУРГЪ.
ВЪ ТИПОГРАФІИ А. БОРОДИНА И КОМП.
1841.

ОТЕЧЕСТВЕННЫЯ
ЗАПИСКИ.

I.

СОВРЕМЕННАЯ ХРОНИКА РОССІИ.

ОБОЗРѢНІЕ СОВРЕМЕННАГО ДВИЖЕНІЯ РУССКАГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА И РАСПОРЯЖЕНІЙ ПО ГОСУДАРСТВЕННОМУ УПРАВЛЕНІЮ ЗА АВГУСТЪ И СЕНТЯБРЬ 1841 ГОДА.

—

I. Государственныя учрежденія. (Измѣненіе и дополненіе состава и правъ ихъ).

— Высочайше повелѣно: Краковскую Губернію въ Царствѣ Польскомъ, во избѣжаніе одноименности съ смежнымъ съ нею округомъ вольнаго города Кракова, именовать впредь, по губернскому городу ея Кельцамъ, *Губерніею Келецкою*.

— Положеніемъ Комитета Министровъ постановлено: распространить милость, въ XII статьѣ Всемилостивѣйшаго манифеста 16 апрѣля сего года изложенную, на *сложеніе недоимокъ*, числящихся по двойному написанію душъ и по 7-й ревизіи; относительно же прописныхъ по ревизіи душъ, открытыхъ уже мѣрами правительства, или по какимъ либо случаямъ послѣ повѣрки ревизіи обнаруженныхъ, до состоянія Всемилостивѣйшаго манифеста, то сложивъ съ нихъ изъ недоимокъ, по двойному окладу числящихся, одну лишь половину оклада по 1840 годъ, оставить ихъ на будущее время до новой переписки при платежѣ двойныхъ податей.

— Высочайше повелѣно: *срокъ по всѣмъ вообще ссудамъ*, выданнымъ понынѣ изъ капиталовъ народнаго продовольствія, по случаю неурожаевъ хлѣба помѣщичьимъ имѣніямъ съ того времени, на которое онѣ выданы, продолжить еще на два года.

— Обнародованъ Высочайше-утвержденный *Уставъ Духовныхъ Консисторій*. Общія положенія сего устава суть слѣдующія: Духовная консисторія есть присутственное мѣсто, чрезъ которое, подъ непосредственнымъ начальствомъ епархіальнаго архіерея, производятся управленіе и духовный судъ въ помѣстномъ предѣлѣ православной россійской церкви, именуемомъ епархіею. Консисторія, вмѣстѣ съ епархіальнымъ архіереемъ, состоитъ въ вѣдѣніи Святѣйшаго Синода, яко правительствующаго россійской церкви собора; отъ одного Синода принимаетъ указы, и кромѣ Синода и епархіальнаго архіерея никакое другое присутственное мѣсто, или начальство, не можетъ непосредственно входить въ ея дѣла, ни останавливать ея рѣшеній и распоряженій во всемъ томъ, что̀ принадлежитъ къ кругу дѣйствій духовнаго вѣдомства. Какъ по 35 правилу святыхъ апостолъ іерархическая власть епископа простирается не далѣе границъ ввѣренной ему епархіи, то и вѣдомство консисторіи заключается въ тѣхъ же границахъ. Консисторія, въ исполненіи своихъ распоряженій, дѣйствуетъ чрезъ подвѣдомыя ей мѣста и лица, каковы суть: духовныя правленія, благочинные, настоятели и настоятельницы монастырей и прочія лица, имѣющія особыя должности. Отношенія къ консисторіи мѣстъ и должностныхъ лицъ епархіальнаго вѣдомства, обязанности ихъ и кругъ дѣйствій опредѣляются особыми постановленіями. Основанія епархіальнаго управленія и суда суть: а) Законъ Божій, въ Священномъ Писаніи предложенный; б) каноны и правила святыхъ апостолъ, святыхъ соборовъ вселенскихъ и помѣстныхъ и святыхъ отецъ; в) духовный регламентъ и послѣдовавшіе за нимъ Высочайшіе указы и опредѣленія Святѣйшаго Правительствующаго Синода; г) уставы гражданскіе.

— Высочайше повелѣно: распространить VIII ст. Всемилостивѣйшаго манифеста 16 апрѣля сего года на всѣхъ тѣхъ, которые по то число состояли *въ частныхъ заработкахъ или на поручительствѣ* за неплатежъ числящихся на нихъ казенныхъ взысканій по дѣламъ таможеннымъ, конченнымъ.

— Обнародованы образцы кредитныхъ билетовъ. Вотъ ихъ описаніе: бумага бѣлая съ внутреннимъ водянымъ изображеніемъ словъ: *Кредитный билетъ 50 рублей серебромъ* и года выдѣлки (въ четырехъ строкахъ). На лицевой сторонѣ билета вверху находится украшеніе, состоящее изъ пяти гильешированныхъ овальныхъ щитовъ, между собою соединенныхъ, изъ коихъ въ среднемъ показано достоинство билета (50) цифрами; сіи щиты окружены украшеніями изъ разныхъ листочковъ; по бокамъ билета тоже четыре овально-гильешированные щита, изъ коихъ въ верхнемъ по лѣвой сторонѣ означено: «1841», а по правой: «года»; въ нижнихъ же щитахъ нумеръ билета; боковые щиты перпендикулярно соединены гильешированнымъ

ными полосами, на коихъ по лѣвой сторонѣ значится прописью «пятьдесятъ», а по правой «руб. сереб.» Все сіе отпечатано краскою темнозеленаго цвѣта. Посреди билета черною краскою: въ 1-й строкѣ: «кредитный билетъ», прямыми литерами, состоящими изъ цѣльныхъ и половинныхъ паралелограмовъ; во 2-й: «сохранныхъ казенъ и Государственнаго Заемнаго Банка» печатнымъ курзивнымъ шрифтомъ, съ пробѣлами въ почеркѣ буквъ; въ 3-й, 4-й и 5-й строкахъ: «Сохранныя Казны, Санктпетербургская и Московская, равно и Заемный Банкъ выдаютъ по сему билету немедленно по предъявленіи его пятьдесятъ рублей серебряною монетою» (Все сіе письменнымъ курзивнымъ шрифтомъ, исключая только слово «пятьдесятъ», отпечатанное прямымъ крупнымъ). Въ 6-й: Упр. Сохранною Казною (шрифтомъ прямымъ письменнымъ) *и* почеркъ управляющаго; въ 7-й: Директоръ Заемнаго Банка и въ 8-й: Кассиръ Санктпетербургской Сохранной Казны (письменнымъ курзивнымъ). На оборотѣ билета по срединѣ на грунтѣ изъ маленькихъ штриховъ помѣщенъ двуглавый орелъ, на которомъ губернскіе гербы, орденская цѣпь, корона, скиптръ и держава; все сіе, равно какъ и перья обозначены бѣлою контурою; по бокамъ же отпечатано тремя разными мелкими шрифтами въ шести параграфахъ извлеченіе изъ Высочайшаго манифеста о кредитныхъ билетахъ.

— *Высочайше* повелѣно: открыть *новое управленіе государственными имуществами* съ 1 сентября 1841 года въ Губерніяхъ Курляндской, Лифляндской и Эстляндской, и за тѣмъ существующую для преобразованія управленія государственными имуществами въ Остзейскихъ Губерніяхъ коммиссію и Курляндскій Обер-Форстамтъ закрыть.

— По предмету встрѣченнаго министромъ финансовъ затрудненія при распространеніи силы Всемилостивѣйшаго манифеста 16 апрѣля сего года на взысканія за *корчемство*, опредѣлено: что изъ штрафовъ, присуждаемыхъ за корчемство, на основаніи откупныхъ условій, половина отдается доносителю, а другая отсылается въ Приказъ Общественнаго Призрѣнія; слѣдовательно, дѣла о корчемствѣ, сопрягаясь въ первомъ случаѣ съ исками частныхъ лицъ, принадлежатъ къ роду тѣхъ, о коихъ упоминается въ окончаніи 1-й статьи Всемилостивѣйшаго манифеста и по коимъ виновные силою онаго не освобождаются отъ обязанности удовлетворить истца на законномъ основаніи. Что жь касается до взыскиванія другой половины штрафа въ пользу Приказа Общественнаго Призрѣнія, то въ настоящемъ случаѣ должно руководствоваться Высочайшимъ указомъ, 5-го мая сего года распубликованнымъ, равно 433 и 437 ст. XIII т. Св. Законовъ.

— Разрѣшено: продлить еще на два года существованіе временной коммиссіи, учрежденной для окончанія дѣлъ, счетовъ и отчетовъ бывшаго въ составѣ Министерства Внутреннихъ Дѣлъ Медицинскаго Департамента.

— Въ именномъ Высочайшемъ указѣ, данномъ Правительствующему Сенату въ 6 (18) день сентября, изображено: Признавъ за благо учредить въ 1832 году въ Нашемъ Государственномъ Совѣтѣ особый *Департаментъ Дѣлъ Царства Польскаго*, въ который поступаютъ всѣ важнѣйшія дѣла до Царства относящіяся, Мы находимъ дальнѣйшее существованіе отдѣльнаго Государственнаго Совѣта въ Царствѣ несоотвѣтствующимъ настоящему положенію края; а какъ вмѣстѣ съ тѣмъ настоитъ необходимость дать высшей палатѣ суда прочнѣйшее основаніе, то и положили Мы, упразднивъ какъ нынѣшній Государственный Совѣтъ Царства, такъ и Высшую Палату Суда, замѣнить ихъ въ Варшавѣ, для всего Царства Польскаго, двумя департаментами Правительствующаго Сената, кои пріймутъ послѣдовательные нумера девятаго и десятаго, и Общимъ Правительствующаго Сената Варшавскихъ Департаментовъ Собраніемъ. Вслѣдствіе чего повелѣваемъ: Общему Правительствующаго Сената Варшавскихъ Департаментовъ Собранію предоставить разборъ всѣхъ дѣлъ, кои поступали доселѣ въ Государственный Совѣтъ Царства, за исключеніемъ разсмотрѣнія годовой росписи доходовъ и расходовъ Царства, которую вносить отнынѣ на утвержденіе Наше прямо чрезъ Департаментъ Дѣлъ Царства Польскаго Государственнаго Совѣта, и разсмотрѣнія отчетовъ главноначальствующихъ разными частями управленія, которое ввѣряемъ впредь Совѣту Управленія Царства. Порядокъ засѣданій въ Общемъ Собраніи и сношеніе его съ другими мѣстами и лицами, равно производство дѣлъ въ ономъ, оставить на такомъ основаніи правилъ, кои предписаны были по симъ предметамъ для Государственнаго Совѣта Царства. Герольдію Царства, сохраняющую внутреннее свое образованіе, оставить въ видѣ особаго учрежденія при Общемъ Правительствующаго Сената Варшавскихъ Департаментовъ Собраніи, въ тѣхъ самыхъ съ нимъ отношеніяхъ, въ коихъ она находилась съ Государственнымъ Совѣтомъ Царства. Девятому Департаменту Правительствующаго Сената предоставить власть, принадлежавшую доселѣ Высшей Палатѣ Суда Царства. Почему всѣ дѣла, кои поступали доселѣ въ оную, будутъ отнынѣ окончательно рѣшаемы въ департаментѣ, на основаніи существовавшихъ доселѣ для Высшей Палаты Суда узаконеній. Десятому Департаменту Правительствующаго Сената вѣдать дѣла уголовныя. Предметы вѣдомства и предѣлы власти по симъ дѣламъ департамента будутъ опредѣлены новыми уголовными законами. До обнародованія оныхъ, всѣ существующія по сему предмету узаконенія сохраняютъ силу свою и дѣйствіе. Общему Правительствующаго Сената Варшавскихъ Департаментовъ Собранію состоять подъ предсѣдательствомъ намѣстника Нашего въ Царствѣ, изъ особъ первыхъ трехъ классовъ, пожалованныхъ Нами въ сенаторы. Въ Общемъ Правительствующаго Сената Варшавскихъ Департаментовъ Собраніи, по званію своему присутствовать также: членамъ Совѣта Управленія Царства и варшавскому военному губернатору. Варшавскимъ Правительствующаго Сената Департаментамъ состоять изъ сенато-

ровъ и другихъ призванныхъ Нами на сей разъ къ исправленію сей должности особъ, кои будутъ назначены присутствовать въ оныхъ. Варшавскіе Правительствующаго Сената Департаменты могутъ, по мѣрѣ нужды, быть раздѣлены на два или болѣе отдѣленій. Отдѣленія сіи имѣютъ тотъ же составъ и тотъ же образъ дѣйствія, какъ и департаменты. Въ каждомъ изъ Варшавскихъ Правительствующаго Сената Департаментовъ и отдѣленій быть первоприсутствующему, назначаемому Нами ежегодно, по представленію намѣстника Нашего въ Царствѣ. Въ отсутствіе намѣстника Нашего въ Царствѣ по болѣзни или по дѣламъ службы, должность предсѣдателя въ Общемъ Правительствующаго Сената Варшавскихъ Департаментовъ Собраніи, по назначенію намѣстника, исправлять одному изъ первоприсутствующихъ въ департаментахъ либо отдѣленіяхъ, или же предсѣдателю Герольдіи. Сенаторамъ Общаго Правительствующаго Сената Варшавскихъ Департаментовъ Собранія пользоваться всѣми правами и преимуществами, принадлежащими прочимъ сенаторамъ Нашей Имперіи. Исправляющимъ же должность сенаторовъ повелѣваемъ имѣть при сужденіи дѣлъ въ Варшавскихъ Правительствующаго Сената Департаментахъ равный съ сенаторами голосъ. Министру Юстиціи, какъ генералъ-прокурору, по истеченіи каждаго года сообщать, для свѣдѣнія, краткія статистическія вѣдомости относительно судебной части въ Царствѣ Польскомъ и формулярные списки о служащихъ въ Варшавскихъ Правительствующаго Сената Департаментахъ и въ Общемъ оныхъ Собраніи. Проекты указовъ, необходимыхъ для дальнѣйшаго развитія сихъ главныхъ основаній, повелѣваемъ намѣстнику Нашему въ Царствѣ поднести, по изготовленіи оныхъ, на утвержденіе Наше.

II. Губернскія учрежденія. (Измѣненіе и дополненіе состава и правъ ихъ).

— Обнародовано Высочайше-утвержденное положеніе *Елисаветградской Военной Градской Полиціи*. Положеніемъ этимъ установлено: военный полиціймейстеръ есть начальникъ всей полиціи; городъ дѣлится на двѣ части, и каждою изъ нихъ управляетъ частный приставъ, и кварталами квартальные надзиратели. Вся военная полиція состоитъ въ вѣдѣніи Штаба 2-го Резервнаго Кавалерійскаго Корпуса подъ непосредственнымъ начальствомъ корпуснаго командира, съ сохраненіемъ къ губернскимъ и уѣзднымъ мѣстамъ всѣхъ своихъ отношеній и обязанностей, и они посредствомъ ея дѣйствуютъ на лица, военному вѣдомству непринадлежащія. Весь составъ полиціи именуется Полуротою Елисаветградской Военной Градской Полиціи. Полурота сія управляется во всемъ на правилахъ для строевыхъ войскъ предписанныхъ, и воинскій порядокъ и дисциплина наблюдаются во всей точности и строгости.

— По совершенной ветхости и неудобству дома, въ которомъ помѣщалась *старосельская почтовая станція* Витебской Губерніи,

станція сія переведена въ трактиръ помѣщика Добошанскаго, называемый Маріанполь, на разстояніи съ одной стороны отъ станціи въ Витебскъ въ $23^3/_4$ версты, а съ другой отъ Кириловской станціи въ $20^3/_4$ версты, и получила наименованіе Маріанпольской.

—*Для облегченія слишкомъ-обременительныхъ перегоновъ*, существовавшихъ на нѣкоторыхъ станціяхъ между мѣстечкомъ Опошнею и городомъ Ромномъ въ Полтавской Губерніи, учреждены, вмѣсто 5-ти, слѣдующія *7-мь почтовыхъ станцій*: Курлюковская, въ $20^3/_4$ верстъ отъ м. Опошни, Зеньковская 15 верстъ, Масюковская 17 верстъ, Гадячская $17^1/_2$ верстъ, Войновская 20 верстъ, Гидовичевская $16^1/_2$ верстъ, а отъ сей послѣдней станціи до Ромна $19^1/_4$ верстъ.

— Высочайше утверждено положеніе объ *устройствѣ губернскаго города Орла*. Для сего учреждается строительный комитетъ, состоящій подъ непосредственнымъ начальствомъ Департамента Военныхъ Поселеній Военнаго Министерства. Обязанность его вообще заботиться: а) чтобъ зданія, наблюденію его принадлежащія, возводимы были прочно и правильно и служили къ украшенію города; б) чтобъ домы, дворы, заборы, мосты, мостовая на улицахъ и площади содержимы были во всегдашней исправности. Для выдачи обывателямъ пособія на постройку домовъ, комитетъ, по мѣрѣ надобности, требуетъ изъ Орловскаго Приказа Общественнаго Призрѣнія сумму, изъ назначеннаго на сей предметъ вспомогательнаго капитала. Это пособіе заключается въ двухъ родахъ: въ выдачѣ денежной суммы и въ назначеніи рабочихъ. Выдача денежной суммы производится заимообразно и безъ возврата. Ни въ какомъ случаѣ безвозвратная ссуда не должна превышать болѣе 570 руб. сереб., и по окончаніи постройки, чрезъ надлежащую оцѣнку строенія, удостовѣряется, вся ли выданная сумма употреблена на постройку.

— Въ разрѣшеніе возникшаго вопроса: до какой степени можетъ быть предоставлена начальникамъ губерній власть, въ случаѣ надобности, располагать *помѣщеніями арестантовъ гражданскаго вѣдомства* на городскихъ гауптвахтахъ, повелѣно: 1) предоставить мѣстному гражданскому начальству право требовать о помѣщеніи на военныхъ гауптвахтахъ арестантовъ, вѣдомству онаго принадлежащихъ, въ слѣдующихъ случаяхъ: а) когда гражданскихъ помѣщеній будетъ недостаточно, а на военныхъ гауптвахтахъ будутъ оставаться излишнія для арестантовъ мѣста, и б) когда производство изслѣдованія или суда будетъ требовать разобщенія преступниковъ. Въ семъ послѣднемъ случаѣ, если на гауптвахтахъ окажется недостатокъ помѣщеній, то до окончанія изслѣдованія или суда переводить военныхъ арестантовъ въ гражданскіе тюремные остроги, а гражданскаго вѣдомства арестантовъ помѣщать въ военныя гауптвахты, и 2) подтвердить всѣмъ военнымъ начальникамъ, чтобъ они, въ случаѣ требованія гражданскаго начальства о принятіи арестантовъ на гауптвахты, не отказывали въ томъ безъ уважительныхъ причинъ.

III. Постановленія относительно гражданской службы.

— Высочайше повелѣно: силу указа, даннаго въ 21 день декабря 1840 года, распространить на всѣхъ вообще *чиновниковъ вѣдомства Министерства Иностранныхъ Дѣлъ,* которые находятся на службѣ въ чужихъ краяхъ и которымъ назначено жалованье рублями серебромъ или червонцами, и для того, при повышеніи ихъ чинами, вмѣсто мѣсячнаго оклада жалованья, вычитать по разсчету изъ каждыхъ тысячи двухъ-сотъ-семидесяти рублей серебромъ годоваго оклада по двадцати-пяти рублей серебромъ же и червонецъ въ такомъ случаѣ считать, по прежнему, въ три рубля серебромъ.

— Разрѣшено: утвержденныя въ октябрѣ мѣсяцѣ 1839 года правила о правахъ производства въ чины по гражданской службѣ *воспитанниковъ кадетскихъ корпусовъ и Дворянскаго Полка* распространить и на тѣхъ офицеровъ и чиновниковъ, служащихъ нынѣ по военному и гражданскому вѣдометву, которые выпущены изъ помянутыхъ заведеній до утвержденія означенныхъ правилъ.

— Должность *безсмѣннаго члена Бессарабскаго Областнаго Совѣта* отнесена къ 1-й степени III разряда пансіоннаго росписанія.

— Должности *ландгофмейстера, канцлера, обер-бурграфа и ландмаршала Курляндскаго Обер-Гофгерихта* отнесены ко 2-й степени III разряда пансіонныхъ окладовъ.

— При утвержденіи штата *миссіи и консульства въ Персіи* повелѣно: 1) должности старшаго секретаря миссіи въ Персіи и консула въ Гилянѣ отнести—первую къ VI, а послѣднюю къ VII классамъ по росписанію должностей; 2) старшаго драгомана миссіи считать въ VII классѣ, и 3) должность секретаря генеральнаго консульства въ Тавризѣ отнести къ VIII классу, а студентовъ, отправляемыхъ въ Персію для усовершенствованія въ знаніи восточныхъ языковъ и состоящихъ въ дѣйствительной службѣ, причислить по росписанію должностей къ X классу; это правило распространить и на воспитанниковъ учебнаго отдѣленія восточныхъ языковъ, которые отправляются на такомъ же основаніи въ Турцію.

—Повелѣно: не производить вычета 10 процентовъ въ инвалидный капиталъ только съ *наградъ,* выдаваемыхъ учителямъ приходскихъ училищъ, содержимыхъ отъ обществъ и помѣщиковъ; съ учителей же приходскихъ училищъ, получающихъ содержаніе отъ казны, дѣлать вычетъ на общемъ основаніи, для сохраненія единства существующаго закона.

IV. Постановленія относительно состояній.

— Высочайше повелѣно съ 1842 года изъять *Башкиръ и Мещеряковъ* отъ платежа сбора, установленнаго Высочайшими повелѣніями 25 іюля 1834 и 2 ноября 1835 года, на составленіе вспомогательнаго капитала въ пособіе губерніямъ, болѣе другихъ отягощеннымъ

денежнымъ взносомъ на земскія повинности, но не постоянно, а въ видѣ временной мѣры, до утвержденія ожидаемаго о семъ войскѣ проекта положенія, и тогда уже, по разсмотрѣніи, или включить эту повинность въ постоянную, или же вовсе отмѣнить.

— Разрѣшено новороссійскому и бессарабскому генерал-губернатору всѣ тѣ *еврейскія семейства,* которыя прибыли въ Херсонскую Губернію для поселенія на собственномъ иждивеніи, но не имѣютъ достаточныхъ къ тому средствъ, водворить съ заимообразнымъ пособіемъ отъ казны, какъ водворяются тамъ по особому положенію тѣ изъ нихъ, которыя распродали свою собственность въ намѣреніи переселиться въ Сибирь, и на томъ же положеніи продовольствовать ихъ до новаго урожая, а также оказать разныя пособія и тѣмъ семействамъ, которыя могутъ находиться еще въ пути и прибыть въ Херсонскую Губернію въ-теченіе 1841 года и которыя, въ-продолженіе пути, также должны быть продовольствуемы на счетъ казны, по примѣру рекрутскихъ партій, получая и обывательскія подводы для больныхъ, дряхлыхъ и малолѣтныхъ. Но съ тѣмъ вмѣстѣ поставлено мѣстнымъ начальствомъ тѣхъ губерній, откуда переселяются Евреи, въ непремѣнную обязанность, не иначе дозволять имъ переселеніе, какъ по представленіи ими и по пересылкѣ къ новороссійскому и бессарабскому генерал-губернатору той суммы, о которой уже увѣдомило ихъ херсонское губернское начальство, т. е. по 600 руб. ас. или по 171 р. 43 к. сер. отъ каждаго семейства, на издержки собственно для водворенія каждаго семейства нужныя и по удостовѣреніи, что они имѣютъ сверхъ того достаточную сумму на продовольствіе себя въ пути и на мѣстѣ поселенія до новаго урожая.

V. Законы гражданскіе.

— По вопросу: какимъ порядкомъ подвергать *отвѣтственности Башкиръ* и *Мещеряковъ* по упадающимъ на нихъ разнаго рода взысканіямъ, постановлены слѣдующія правила: 1) При казенныхъ съ Башкиръ и Мещеряковъ взысканіяхъ, примѣняясь къ статьямъ 2554 и 2555 Свода Законовъ Гражданскихъ (т. X), не подвергать продажѣ: а) домъ съ заведеніями, въ которомъ живетъ должникъ; б) земляныя угодья, если оныя принадлежатъ цѣлымъ обществамъ, а не отдѣльно одному лицу по особымъ крѣпостнымъ правамъ; в) ношенное платье какъ должника, такъ и семейства его; г) двѣ рабочія лошади и одну корову, упряжь, телегу, сани, соху и прочіе земледѣльческіе орудія и инструменты, въ сельскомъ быту необходимые; д) нѣкоторое, по усмотрѣнію начальства, количество хлѣба, потребное для продовольствія до новаго урожая, и сѣмена для посѣва; е) у служащихъ, сверхъ того, всѣ нужныя для исправленія службы принадлежности обмундированія, оружіе и лошадей, верховыхъ и подъемныхъ съ сѣдлами и военною сбруею. 2) Когда на Башкирѣ или Мещерякѣ будетъ лежать незначительная казенная недоимка, то, не подвергая продажѣ имущество его, отдавать таковаго неплательщи-

ка, по распоряженію войсковаго начальства, въ заработку казенную, или частную, не менѣе, какъ изъ платы по семи рублей серебромъ въ годъ. Но заработкѣ сей ни въ какомъ случаѣ не должны быть подвержены числящіеся на службѣ, доколѣ уволены отъ оной не будутъ. 3) Если на Башкирѣ или Мещерякѣ окажется столь значительное казенное взъисканіе, что онаго въ-теченіе одного года черезъ отдачу въ заработку и пополнить будетъ нельзя, то, къ отвращенію замедленія въ удовлетвореніи казны, подвергать публичной продажѣ, соразмѣрно суммѣ взъисканія, принадлежащее неисправному плательщику движимое имѣніе и скотъ, на томъ основаніи, кàкъ въ первомъ пунктѣ сихъ правилъ постановлено, обращая въ таковую же продажу и имѣніе недвижимое, если оно составляетъ собственность должника, а не цѣлаго общества; буде же и за тѣмъ взъисканіе не пополнится, то несостоятельнаго употреблять въ заработку. 4) Но если несостоятельный окажется дряхлымъ, или будетъ имѣть болѣе 60-ти лѣтъ отъ роду, то, освобождая его отъ заработки, числящійся на немъ долгъ, какъ безнадежный ко взъисканію, исключить изъ недоимки установленнымъ порядкомъ. Впрочемъ, постановленіе сіе не измѣняетъ силы содержащихся въ законахъ уголовныхъ (т. XV) правилъ, касательно несостоятельныхъ въ платежѣ денежныхъ штрафовъ за порубку казенныхъ лѣсовъ, за корчемство и за *другіе сего* рода поступки. 5) Частныя съ Башкиръ и Мещеряковъ взъисканія производить такимъ же образомъ, какъ и казенныя, исключая отдачи въ заработку, но не лишая притомъ кредиторовъ права, въ случаѣ несостоятельности неслужащихъ должниковъ, держать ихъ подъ тюремною стражею. 6) При взъисканіяхъ казенныхъ и частныхъ съ башкирскихъ и мещерякскихъ чиновниковъ, какъ отставныхъ, такъ и служащихъ, соблюдать тѣ же правила, какія о Башкирахъ и Мещерякахъ вообще постановляются, съ тою только отмѣною, чтобъ не подвергать чиновниковъ заработкѣ, а числящихся на службѣ — и личному аресту; при незначительныхъ взъисканіяхъ, впредь до пополненія оныхъ, брать имѣніе должниковъ въ опекунское управленіе, по распоряженію войсковаго начальства, безъ всякаго въ томъ участія начальства гражданскаго. Сверхъ сего вычитать у тѣхъ чиновниковъ узаконенную часть жалованья, которую удерживать и при взъисканіяхъ значительныхъ, когда продажею свободнаго имѣнія долги вполнѣ удовлетворены не будутъ. 7) Продажу имѣній, принадлежащихъ чиновникамъ и казакамъ башкирскаго и мещерякскаго войска, въ опредѣленныхъ выше случаяхъ, производить на общихъ правилахъ по предварительному сношенію о томъ съ командующимъ войскомъ, и при бытности назначеннаго имъ для сего чиновника, а отнюдь не по однимъ собственнымъ распоряженіямъ земскихъ полицій, которыя, согласно ст. 3044 и 3045 Св. Зак. Граж. т. X, обязаны на таковыя продажи испрашивать предварительно разрѣшеніе губернскаго правленія, подъ опасеніемъ за противное отвѣтственности по законамъ. 8) Такъ-какъ продажа съ публичныхъ торговъ общественныхъ башкирскихъ и мещерякскихъ земель не

допускается, то на будущее время не составлять на тѣ земли никакихъ вообще долговыхъ актовъ, и если таковые, вопреки сему запрещенію, кѣмъ-либо изъ Башкиръ и Мещеряковъ, какъ чиновниковъ, такъ и казаковъ, будутъ выданы, то считать оные недѣйствительными, а самихъ должниковъ судить, какъ положено за обманъ.

VI. Законы уголовные.

— Высочайше повелѣно, чтобъ судебныя мѣста, при постановленіи приговоровъ о преступникахъ, прощенныхъ по манифесту и вновь впавшихъ въ преступленіе, принимали въ соображеніе невосчувствованіе прощенія и въ особенности срокъ новаго преступленія послѣ милостиваго манифеста.

СОБЫТІЯ ВЪ ОТЕЧЕСТВѢ ЗА АВГУСТЪ И СЕНТЯБРЬ МѢСЯЦЫ 1841 ГОДА.

—

Народное просвѣщеніе. Открытія.

— Чтобъ доставить средства къ образованію дѣтей женскаго пола чиновникамъ, служащимъ или служившимъ въ Восточной-Сибири, учреждается въ Иркутскѣ учебное заведеніе, подъ названіемъ: *Дѣвичій Институтъ Восточной Сибири*. Институтъ состоитъ подъ Высочайшимъ покровительствомъ и вѣдѣніемъ Ея Императорскаго Величества Государыни Императрицы. Въ Институтѣ первоначально назначается 40 казенныхъ воспитанницъ и 30 пансіонерокъ. Въ число воспитанницъ, кромѣ дѣтей чиновниковъ, въ Институтъ принимаются дочери инородческихъ тайшей и шуленговъ и дѣти купцовъ 1-й и 2-й гильдіи. Предметы, преподаваемые въ Институтѣ: 1) Законъ Божій, 2) ариѳметика, 3) исторія и географія всеобщая и россійская, 4) россійская грамматика и словесность, 5) французскій языкъ, 6) нужнѣйшія и полезнѣйшія свѣдѣнія изъ естественной исторіи, 7) рукодѣлія, шитье и вышиванье, 8) танцованіе, 9) пѣніе, 10) музыка. Для преподаванія сихъ предметовъ избираются учители изъ гимназій и другія лица, имѣющія потребныя познанія и способности. Законоучитель назначается съ утвержденія мѣстнаго архіепископа. Учебная часть Института ввѣряется особому инспектору классовъ, которому подчинены всѣ учители. Институтъ состоитъ подъ главнымъ начальствомъ генерал-губернатора Восточной Сибири. Черезъ него посылаются на Высочайшее усмотрѣніе Государыни Императрицы всеподданнѣйшія донесенія о происшествіяхъ, случившихся въ семъ заведеніи; также годичные отчеты о состояніи Института и всеподданнѣйшіе доклады въ случаяхъ, требующихъ Высочайшаго разрѣшенія. Ближайшее управленіе Институтомъ ввѣряется совѣту, который состоитъ, подъ предсѣдательствомъ гражданскаго губернатора, изъ трехъ членовъ, избираемыхъ изъ совѣтниковъ главнаго управленія. Кромѣ этихъ лицъ, въ совѣтѣ присутствуетъ и начальница Института. Своекоштныя воспитанницы, поступающія въ Институтъ, платятъ за ученіе и содержаніе по 100 руб. сереб. въ годъ, внося деньги за полгода впередъ. Институтъ имѣетъ свою печать съ изображеніемъ государственнаго герба и съ надписью: «Дѣвичьяго Института Восточной Сибири». Всѣ пакеты за печатью Института принимаются

на почту безъ платежа вѣсовыхъ денегъ, равно и посылки вѣсом не болѣе пуда. Зданіе, принадлежащее Институту, освобождаетс отъ постоя и всѣхъ другихъ городскихъ повинностей. Всѣ училищ ные чиновники Института состоятъ въ дѣйствительной государствен ной службѣ, производятся въ чины, награждаются орденами и зна ками отличія безпорочной службы на общемъ основаніи училищныхъ чиновниковъ сибирскихъ губерній. Инспекторъ состоитъ въ VIII учители наукъ, кассиръ и экономъ въ IX классѣ, письмоводитель учители искусствъ въ XII классѣ, а канцелярскіе служители въ XIV Послѣдніе производятся въ первый чинъ судя по ихъ происхожденіі и правамъ. Пенсія чиновникамъ, непринадлежащимъ къ учебном вѣдомству Института, и прибавочное жалованье, какъ-то: кассиру экономy и письмоводителю, производятся на общихъ правилахъ чи новниковъ сибирскихъ губерній. При увольненіи ихъ отъ службы кассиръ получаетъ пенсію по VI, экономъ по VII, а письмоводител по VIII разрядамъ. Инспекторъ избирается преимущественно изъ у чилищныхъ чиновниковъ Иркутской Дирекціи. Начальница Инсти тута, назначенная изъ Санктпетербурга или другаго какого мѣста, по лучаетъ прогоны на четыре лошади и годовое жалованье впередъ в награжденіе. Классным дамамъ выдаются прогоны на двѣ лошад и также впередъ годовое жалованье. Выдачу прогоновъ впередъ обратно и годичное награжденіе продолжать до того времени, пок не будетъ возможности имѣть начальницу и классныхъ дамъ изъ т мошняго края. Начальница, прослуживъ 10 лѣтъ въ Сибири, пол чаетъ половинную, чрезъ 15 двѣ трети, и чрезъ 20 полную пенсі Если послѣ сего пожелаетъ продолжать службу и признана будет способною, получаетъ двойное жалованье. Всѣ чиновники Института неимѣющіе другихъ должностей, носятъ мундиры и вице-мундиры установленные для институтовъ Императрицы Маріи. Библіотека Ин ститута и различные кабинеты состоятъ въ вѣдѣніи инспектора. Кни гами изъ библіотеки могутъ пользоваться всѣ институтскіе чиновни ки; воспитанницамъ же даются книги для чтенія съ одобренія на чальницы. По открытіи Института, отводится для него огородъ дл овощей и луга для заготовленія нужнаго количества сѣна. Совѣт предоставляется, въ случаѣ остатка штатныхъ суммъ, выдавать, п окончаніи курса, воспитанницамъ бѣднаго состоянія отъ 30 до 5 руб. серебр., съ разрѣшенія генерал-губернатора.

— Для Санктпетербургскаго Коммерческаго Училища утвержден новый уставъ, изъ котораго представляемъ краткое извлеченіе. Учи лище имѣетъ цѣлію образовать купеческое, а частію и мѣщанско юношество для дѣлъ коммерціи всѣхъ родовъ, и приготовлять свѣ дущихъ и искусныхъ бухгалтеровъ, контролеровъ и прикащиков для торговыхъ, фабричныхъ и заводскихъ конторъ. Сверхъ того, в Училищѣ воспитываются и образуются дѣти чиновниковъ, предна значаемыя въ бухгалтеры и счетоводцы разныхъ казенныхъ мѣстъ Воспитанники Санктпетербургскаго Коммерческаго Училища состо ятъ изъ двухъ разрядовъ: штатныхъ и пансіонеровъ. Число пер

ныхъ, содержимыхъ изъ процентовъ съ пожертвованныхъ капиталовъ, опредѣляется сообразно количеству сихъ процентовъ до 60, а число пансіонеровъ по мѣрѣ способовъ къ помѣщенію. Въ штатные воспитанники принимаются только состоящіе въ россійскомъ подданствѣ законные сыновья обѣднѣвшихъ купцовъ и мѣщанъ, прежде бывшихъ въ купечествѣ, но выбывшихъ изъ онагó по разнымъ несчастнымъ обстоятельствамъ; если же изъ таковыхъ не явится достаточнаго числа кандидатовъ, то принимаются и законные сыновья обѣднѣвшихъ мѣщанъ, производившихъ прежде торговлю. Въ пансіонеры принимаются законные сыновья лицъ всѣхъ свободныхъ состояній, какъ россійскихъ подданныхъ, такъ и иностранцевъ, желающіе себя посвятить коммерціи, и дѣти чиновниковъ, предназначаемыя въ казенную службу по счетной части. Пріемъ въ штатные воспитанники назначается ежегодно съ 20 іюля по 1 августа, по предварительному испытанію и удостоенію кандидатовъ; но, въ случаѣ открывшейся вакансіи, Совѣту предоставляется право производить пріемъ и въ другое время. Въ штатные воспитанники должны быть принимаемы дѣти не моложе 10 и не старѣе 12 лѣтъ. Впрочемъ, если кандидаты шестью мѣсяцами моложе или старѣе узаконенныхъ лѣтъ, то сіе препятствіемъ къ пріему не считается. Пансіонеры принимаются во всякое время, не моложе 9 и не старѣе 16 лѣтъ, и, по мѣрѣ ихъ познаній, размѣщаются въ соотвѣтственные классы. Степень требуемыхъ познаній опредѣляется программою, имѣющею издаваться ежегодно Совѣтомъ. Желающій помѣстить въ Санктпетербургское Коммерческое Училище воспитанника, подаетъ о томъ прошеніе въ Совѣтъ на простой бумагѣ: о штатномъ воспитанникѣ съ 1 марта по 1 мая, а о пансіонерѣ во всякое время, буде есть вакансія. При прошеніи должны быть представлены установленныя свидѣтельства, на узаконенной гербовой бумагѣ: а) о званіи родителей и состояніи, къ которому они принадлежатъ, означая о мѣщанахъ, были ли они въ купечествѣ и сколько времени; б) о святомъ крещеніи, и в) о здоровьѣ и привитіи оспы. Сверхъ того, при прошеніи объ опредѣленіи въ штатные воспитанники должно быть представлено и свидѣтельство градской думы о дѣйствительной бѣдности родителей. Полный курсъ ученія продолжается семь лѣтъ, и раздѣляется на пріуготовительный и окончательный. Первый, т. е. пріуготовительный, совершается въ четырехъ классахъ: 7, 6, 5 и 4, а окончательный въ трехъ—3, 2 и 1. Предметы ученія въ курсѣ пріуготовительномъ суть слѣдующіе: 1) законъ Божій и священная исторія; 2) языки: русскій и славянскій, нѣмецкій, англійскій, французскій; 3) исторія всеобщая и россійская, 4) географія и статистика; 5) математика; 6) чистописаніе; 7) рисованіе. Предметы ученія въ курсѣ окончательномъ, сверхъ продолженія вышеозначенныхъ предметовъ, суть слѣдующіе: 1) законовѣдѣніе; 2) физика и естественная исторія; 3) технологія; 4) наука о торговлѣ; 5) товаровѣдѣніе, и для всѣхъ классовъ вообще церковное пѣніе и танцы.

— Разрѣшено: доктора медицины Цыцурина, предназначаемаго къ занятію должности преподавателя въ Университетѣ св. Владиміра, отправить на два года за границу для усовершенствованія въ клинической терапіи, патологической анатоміи и семіотекѣ съ тѣмъ, чтобъ онъ посѣтилъ лучшія клиническія заведенія Германіи, преимущественно въ Берлинѣ и Вѣнѣ, Франціи и Англіи.

— Дозволено въ Курскомъ и Бѣлогородскомъ Уѣздныхъ Училищахъ ввести преподаваніе латинскаго и нѣмецкаго языковъ.

—Въ Разрядномъ Архивѣ открыты подлинныя книги пошлинныхъ сборовъ съ граммать и другихъ актовъ, выдававшихся изъ Приказа Большаго Дворца, имѣвшаго въ свое время обширное вѣдомство. Это открытіе будетъ особенно важнымъ пособіемъ при составляемомъ «спискѣ русскихъ владыкъ и настоятелей».

— Читателямъ нашимъ уже извѣстно, что карболеинъ, изобрѣтенный г. Вешняковымъ, принадлежитъ къ числу тѣхъ открытій, которыхъ необъятная польза болѣе-и-болѣе обнаруживается. Нынѣ изобрѣтатель придалъ ему новое усовершенствованіе открытіемъ простаго средства, повсюду находящагося, препятствовать потерѣ значительной части жара карболеина.

—

Торговля. Промышленность. Благотворительность.

— Постановлено, чтобъ, при выдачѣ хозяевамъ россійскихъ купеческихъ судовъ патентовъ на плаваніе по рѣкѣ Дунаю подъ россійскимъ флагомъ, взимать въ государственный доходъ по 90 коп. сер. за патентъ и по 15 коп. серебр. съ каждаго ласта судна, для сего плаванія назначаемаго.

— По положенію Комитета Министровъ учреждено 1) турецкія каботажныя и маломѣрныя суда, величиною не болѣе 80 ластовъ, приходящія изъ турецкихъ портовъ Чернаго-Моря въ россійскіе черноморскіе, азовскіе и дунайскіе порты, освободить вовсе отъ платежа въ пользу городовъ ластовыхъ по 15 коп. серебр. съ каждаго ласта привозныхъ товаровъ и якорныхъ сборовъ, взимая впредь съ сихъ судовъ только поступающіе въ черноморское морское вѣдомство на устроеніе маяковъ по 7 руб. 15 коп. серебр. съ каждаго судна и въ пользу казны по $2^1/_2$ коп. сер. съ ласта за приходъ, и по стольку же за отходъ, всего по 5 коп. серебр. съ каждаго ласта, подъемлемаго судномъ, вмѣсто взъискиваемыхъ нынѣ по 10 коп. серебр. съ ласта. Но такія облегченія въ платежѣ корабельныхъ сборовъ не распространять на турецкія каботажныя суда, приходящія въ порты восточнаго берега Чернаго-Моря, въ коихъ оставить существующіе нынѣ сборы безъ измѣненія. 2) Облегченія сіи въ платежѣ корабельныхъ сборовъ предоставить турецкимъ судамъ, въ видѣ опыта,

только на три года, а именно по 1844 годъ, включая однако остальную часть навигаціи нынѣшняго года.

— Высочайше повелѣно: 1) Данное Азіатцамъ, по статьямъ 1740 и 1742 Прод. Свода Уставовъ Таможенныхъ за 1832 и 1838 и частію 1839 годы дозволеніе брать изъ таможенъ товары до платежа пошлины, съ оставленіемъ части ихъ въ залогъ, распространить, въ видѣ опыта, на три года, на всѣхъ торгующихъ въ Семипалатинскѣ купцовъ, съ увеличеніемъ до восьми мѣсяцевъ срока, въ-теченіе котораго привозные товары должны быть оплачены пошлиною и съ предоставленіемъ пользоваться таковымъ увеличеннымъ срокомъ для платежа пошлинъ и Азіатцамъ, торгующимъ чрезъ Семипалатинскую Таможню, и 2) со всѣхъ чаевъ, привозимыхъ на Оренбургскую и Сибирскую Линіи, исключая кирпичнаго, лугана и всякаго плохаго, взъискивать добавочную $12^1/_2\%$ пошлину, установленную тарифною росписью 11 ноября 1831 года, подобно тому, какъ пошлина сія взъискивается съ чаевъ въ Кяхтинской Таможнѣ.

— Въ нынѣшнемъ году на ирбитской ярмаркѣ было привезено по средней цѣнѣ: товаровъ россійскихъ на 11,055,086 руб.; изъ нихъ продано на 8,264,826, осталось на 2,790,260 руб.; иностранныхъ привезено на 1,729,000 руб.; продано на 1,200,000 руб.; осталось на 529,000 руб. Приведено лошадей на 16,300 руб.; изъ нихъ продано на 14,000 руб.; осталось на 2,300 руб. Получено городоваго дохода 2496 руб. $19^6/_7$ коп.; жителями собрано за наемъ квартиръ и продовольствіе 12,200 руб.; на ярмарку собралось дворянства 72, купечества 703, простаго народа 14,500.

— Изъ частныхъ писемъ о нижегородской ярмаркѣ видно, что товаровъ, особенно мануфактурныхъ, сверхъ ожиданія, было привезено болѣе, нежели въ прошломъ году и, не смотря на то, сбытъ ихъ былъ значительнѣе и живѣе прошлогодняго. Это главнѣйше относится къ бумажнымъ тканямъ. Сукнами для внутренней продажи торговали хорошо, а для Кяхты заготовлено ихъ было большое количество, какого никогда не привозили на ярмарку для продажи. Плисы требовались и проданы безъ остатка. Нанку продали съ повышеніемъ цѣны. Шелковыми товарами торговали хорошо. Поташъ купили весь и цѣнами высокими. Желѣзо продавали по сортамъ, отъ 5-ти до 10-ти проц. дешевле прошлогодняго. Чаи изъ первыхъ рукъ куплены безъ остатка, сверхъ ожиданія; но цѣны за нихъ выручены почти 20-ю процентами дешевле прошлогоднихъ.

— Въ нынѣшнемъ году по 1-е сентября при Кронштадтскомъ Портѣ увеличился противъ прошлаго года *привозъ*: сахара, индиго, кошенили, пряденой бумаги; табаку въ листахъ и стебелькахъ, сигаръ и въ особенности муки, ячменя и гороха. Привозъ виноградныхъ винъ, кофе, деревяннаго масла, соли, шерстяныхъ, шелковыхъ и бумажныхъ товаровъ, сельдей, угля и ржи уменьшился. Отпускъ увеличился: желѣза, канатовъ и веревокъ, выдѣланныхъ кожъ, лѣснаго товара, конопляннаго и льнянаго масла, фламскаго полотна, равендука, поташа и щетины; — уменьшился отпускъ: невыдѣланныхъ кожъ,

льна, парусного полотна, пеньки, сала, свѣчей, льняного сѣмени и разнаго хлѣба.

— 14 сентября въ Одессѣ послѣдовало открытіе крестовоздвиженской ярмарки, седьмой со времени ея учрежденія. На этотъ разъ всѣ безъ исключенія лавки гостинаго двора заняты были пріѣзжими купцами съ товарами внутренняго произведенія; это подаетъ надежду, что русскіе купцы и мануфактуристы станутъ болѣе-и-болѣе посѣщать эту ярмарку, и что она постепенно будетъ приближаться къ главной цѣли своего учрежденія: содѣйствовать сбыту въ Одессѣ русскихъ мануфактурныхъ произведеній. Торгъ лошадьми, рогатымъ скотомъ и овцами завязывается еще на этой ярмаркѣ, къ-сожалѣнію, довольно медленно.

— Попечительное правительство наше употребляетъ всѣ мѣры къ разведенію картофеля въ Россіи и къ убѣжденію обитателей ея въ великой пользѣ его. Въ семъ случаѣ это стараніе начинаетъ вознаграждаться успѣхомъ. Изъ свѣдѣній Министерства Государственныхъ Имуществъ видно, что въ Губерніяхъ Новгородской, Ярославской, Костромской и нѣкоторыхъ другихъ разведеніе картофеля все болѣе-и-болѣе распространяется. Въ первыхъ двухъ губерніяхъ, крестьяне не только разводятъ картофель на поляхъ, но нѣкоторые занимаются даже приготовленіемъ картофельной муки, которую возятъ на продажу тысячами фунтовъ въ Санктпетербургъ и Москву.

— Въ-теченіе первой половины нынѣшняго года, золота и платины съ казенныхъ и частныхъ заводовъ Уральскаго Хребта получено: съ казенныхъ заводовъ: золота 65 п. 33 ф. 82 зол. 65 дол.; платины 9 ф. 28 зол. Съ частныхъ заводовъ: золота 80 п. 25 ф. 27 зол. 44 доли; платины: 55 п. 18 ф. 79 зол. 24 доли.

—Высочайше утвержденъ уставъ Московской Дѣтской Больницы, которая, какъ благотворительное заведеніе, имѣетъ цѣлію подавать помощь дѣтямъ, страждущимъ болѣзнями, возрасту ихъ свойственными, исключая сумасшествія и совершенной неисцѣлимости. Приходящія дѣти пользуются ежедневно, въ назначенные часы, врачебными совѣтами и лекарствами безденежно. На полное содержаніе въ больницу поступаютъ дѣти отъ трехъ лѣтъ до четырнадцати, обоего пола, съ платою по 4 руб. сер. въ мѣсяцъ. Для пользованія на полномъ содержаніи безденежно начальство больницы собираетъ справки о бѣдномъ состояніи родителей и родственниковъ больнаго, не отказывая въ помѣщеніи по неимѣнію удостовѣренія въ бѣдности, но взъискивая чрезъ мѣстное начальство надлежащую плату съ кого слѣдуетъ, если бъ оказалось противное. Число дѣтей, принимаемыхъ на полное содержаніе, предполагается сто; но оно можетъ быть болѣе или менѣе, смотря по средствамъ, доставляемымъ щедротами благотворительныхъ лицъ, ибо заведеніе это устроивается на счетъ добровольныхъ приношеній.

—Состоящій при Демидовскомъ Дѣтскомъ Пріютѣ почетнымъ старшиною санктпетербургскій 2-й гильдіи купецъ В. А. Пивоваровъ, въ память посѣщенія сего пріюта Ея Императорскимъ Высочествомъ

Государынею Великою Княгинею Маріею Павловною въ сопровожденіи Ея Императорскаго Высочества Государыни Великой Княжны Александры Николаевны, пожертвовалъ въ пользу санктпетербургскихъ дѣтскихъ пріютовъ 1000 аршинъ нанки на платья и 100 аршинъ фламскаго полотна. За это приношеніе Ея Императорское Величество повелѣла изъявить Пивоварову Высочайшее свое благоволеніе.

— Затрудненіе въ продовольствіи, обнаружившееся въ разныхъ мѣстахъ по случаю предшествовавшихъ неурожаевъ въ самыхъ хлѣбородныхъ губерніяхъ, открыло для частной благотворительности обширное поприще и вызвало многіе примѣры безкорыстнаго усердія къ общей пользѣ, вполнѣ заслуживающіе быть извѣстными и имѣть подражателей. Съ начала мая минувшаго 1840 года, недостатокъ хлѣба въ Орлѣ сдѣлался такъ чувствителенъ, что цѣна ржаной муки внезапно поднялась отъ 1 р. 90 к. до 4 р. 50 к. ассиг. за пудъ. Мѣстные лабазы опустѣли, и продавцы не могли удовлетворять требованія покупателей. Въ это время оказали жителямъ Орла большую услугу купцы: Комардинъ, Добросердовъ и Шелковъ и мѣщанинъ Овчинниковъ. Доставая хлѣбъ дорогою цѣною, они стали продавать его невыше 2 р. 50 к. за пудъ, а наиболѣе нуждавшимся отпускали безденежно. Сверхъ того, ревностно содѣйствовали составленію капитала для вспоможенія бѣднымъ, изъискивая и другихъ постороннихъ благотворителей. Собственныя пожертвованія ихъ, по засвидѣтельствованію начальства, простирались,—Камардина до 20,000 руб., Добросердова и Шелкова по 18,000 руб., мѣщанина Овчинникова до 12,000 руб. въ-продолженіе одного мѣсяца. — Въ то же время общество елецкихъ гражданъ, руководствуясь примѣромъ и убѣжденіями начальника города и нѣкоторыхъ членовъ думы, пожертвовало въ пользу бѣдныхъ жителей Ельца болѣе 21,000 руб. ассиг. Въ Рязани и Касимовѣ, сверхъ удостоенныхъ Всемилостивѣйшаго вниманія по представленію управляющаго Министерствомъ Внутреннихъ Дѣлъ въ іюлѣ минувшаго года, мѣрамъ правительства къ облегченію продовольствія ревностно способствовали купцы Слетовъ, Колобаевъ и Осьмининъ. Продавая хлѣбъ по собственнымъ цѣнамъ въ самое затруднительное время, они дѣятельно также участвовали, какъ въ составленіи денежныхъ капиталовъ для вспомоществованія бѣднымъ, такъ и въ учрежденіи особыхъ хлѣбныхъ запасовъ, клонившихся вообще къ поддержанію умѣренныхъ цѣнъ на жизненныя потребности.—Подобными же благотворительными дѣйствіями обратилъ на себя признательность гражданъ и мѣстнаго начальства вяземскій градской глава, купецъ 1-й гильдіи Зуевъ, добровольно принявшій, сверхъ того, на свой счетъ всѣ расходы по продовольствію рекрутъ, превышавшіе назначенную для того цѣну. По положеніямъ Комитета гг. Министровъ, сообщеннымъ 21 и 28 января, Его Императорское Величество соизволилъ наградить золотыми медалями, для ношенія на шеѣ:—на александровской лентѣ—купца Осьминина; на анненской — купцовъ Комардина, Добросер-

дова, Шелкова, Слетова, Колобаева и Зуева; мѣщанина Овчинникова — серебряною медалью на анненской лентѣ. Всѣмъ участвовавшимъ притомъ въ пожертвованіяхъ на пользу жителей города Ельца, въ томъ числѣ и елецкому городничему, коллежскому ассессору Холодовичу, Высочайше повелѣно объявить Монаршее Его Императорскаго Величества благоволеніе.

II.

НАУКИ И ХУДОЖЕСТВА.

СОМНѢНІЯ ВЪ ЗООЛОГІИ, КАКЪ НАУКѢ.

—

«Ea, quae scimus sunt pars minima
«eorum, quae ignoramus.

Lin.

«L'histoire naturelle est la science qui éxige les méthodes les plus précises comme la géometrie celle, qui demande les syllogismes les plus rigoureux.»

Cuvier.

Одно изъ существенныхъ условій каждой науки есть стремленіе къ ея внутреннему единству, къ ея стройной цѣлости, которыя нарушаются противорѣчіями. Что противорѣчія существуютъ, были и всегда будутъ между писателями данной науки, это извѣстно каждому знакомому слегка съ ея исторіею. Мы хотимъ говорить о противорѣчіяхъ другаго рода, о несообразностяхъ въ понятіяхъ одного и того же писателя, противорѣчіяхъ въ наукѣ, какъ окончательномъ результатѣ трудовъ многихъ писателей, очищенномъ критически. Вліянія этихъ двухъ родовъ несообразностей на науку діаметрально противоположны другъ другу, хотя равно важны. Первыя разоблачаютъ истину, знаменуютъ постепенное раскрытіе нашихъ понятій; вторыя задерживаютъ ихъ, изобличаютъ слабость средствъ человѣка, темныя мѣста въ наукѣ. Первыя приводятъ окончательно-различныя мнѣнія къ единству; вторыя нарушаютъ цѣлость и единство науки. Первыя видимъ мы легко, вторыхъ мы не примѣчаемъ, мы ими обманываемъ самихъ-себя. Къ-сожалѣнію, недостатки послѣдняго рода имѣютъ мѣсто даже въ наукахъ, называемыхъ по-преимуществу «точными», и въ частности въ зоологіи.

Укажемъ на нѣкоторыя изъ нихъ.

I.

«Nosce patriam tuam et postea viator eris.»
Ovid.

«Уклоненія тогда только становятся для насъ понятными, когда мы знакомы съ образцомъ.»
Щуровскій.

Отъ извѣстнаго переходимъ мы къ неизвѣстному, посредствомъ даннаго отъискиваемъ неизвѣстное. Это коренное правило лежитъ въ основаніи всѣхъ способовъ, употребляемыхъ для изслѣдованія вновь-изучаемаго предмета: должно изучить ближайшее данное. Всегда ли такъ поступаемъ мы въ нашей наукѣ? Нѣтъ, иногда идемъ мы путемъ обратнымъ, не чувствуя того. Всѣ первоклассные ученые согласны, что въ основаніи зоологіи полагается возможно-точное разграничиваніе видовъ животныхъ. Гдѣ же это болѣе возможно, какъ не въ животныхъ насъ безпрестанно окружающихъ, т. е. домашнихъ, или въ животныхъ нашей фауны? Съ другой стороны, большее количество видовъ одного рода требуетъ необходимо, для удобнѣйшаго обозрѣнія, принять одинъ изъ нихъ за типическій, нормальный, а прочіе за измѣняющіеся отъ него, который, слѣдовательно, долженъ быть намъ болѣе доступенъ, извѣстенъ; а такимъ можетъ быть животное нашей фауны. Такъ точно поступаютъ въ математикѣ: найдти неизвѣстное возможно только при помощи предшествующихъ данныхъ извѣстныхъ. Ботаники давно уже оцѣнили по достоинству эту истину: всѣ дѣлаютъ экскурсіи. Часто учащійся знаетъ названіе бразильскаго и новоголландскаго животнаго и останавливается въ недоумѣніи передъ улиткою, рыбою и дичью своей мѣстности: такихъ зоологовъ могутъ экзаменовать и пристыжать любой продавецъ съѣстныхъ припасовъ и каждый поварёнокъ, неимѣющіе ни малѣйшаго притязанія на образованность и науку. Почему же и зоологъ не дѣлаетъ подобныхъ экскурсій? Учащіеся знакомятся охотно съ своею флорою, почему же не знакомятся они съ фауною? Если потому, что не всегда можно изловить достаточное число нужныхъ животныхъ, что справедливо только для нѣкоторыхъ классовъ и то отчасти, то единственное средство устранить это неудобство — собирать постепенно всѣхъ животныхъ данной мѣстности въ своемъ кабинетѣ. Такъ въ Гейдельбергѣ, профессоръ Броннъ составилъ въ кабинетѣ университета полную фауну окрестностей, и даже преподаетъ ее отдѣльно въ извѣстные часы; такъ профессоръ Леонгардъ излагаетъ желающимъ геогнозію Гейдельберга. Обыкновенное же пренебреженіе къ изученію близкихъ къ намъ животныхъ причиною того, что мы многихъ изъ нихъ дурно или почти совершенно не знаемъ. Недавно всѣ думали, что дождевой червь представляетъ одинъ видъ, а нынѣ доказано, что онъ заключаетъ въ себѣ нѣсколько видовъ. Профессоръ Эверсманнъ, въ Казани, доказалъ въ послѣднее время, что бурый или европейскій медвѣдь (Ursus arctos Lin.) вмѣщаетъ въ себѣ два самостоятельные, рѣзко другъ отъ друга разграниченные вида. И сколько еще должны мы изучить въ животныхъ нашей фауны особенно мелкихъ, даже домашнихъ, чтобъ съ точностью и увѣренностью опредѣлить ихъ различные виды, видоизмѣненія, нравы, и проч. и проч.? Украшать музей одними

иностранными или красивыми экземплярами, значитъ унижать науку на степень ея недостойную, дѣлать изъ нея предметъ любопытства и забавы.

II.

«Les anatomistes et les médecins dissequaient le cerveau il y a déja trois mille ans.»
E. R. A. Serres.

Говорятъ: «животное имѣетъ свойство чувствовать, имѣетъ нервный аппаратъ, условливающій произвольное движеніе, и присутствіемъ его животное отличается отъ растеній». Изъ этого должно бы ожидать, что при описаніи и изученіи животныхъ вообще и каждаго въ частности, главное вниманіе обращено будетъ на нервную систему,—а между-тѣмъ, въ исторіи животнаго говорится всего менѣе о ней. Всѣ второстепенныя дѣленія и группировки животныхъ основаны на признакахъ, взимаемыхъ не со стороны нервовъ. Англійскіе ученые впервые пытались классифировать животное царство по организаціи нервной системы. Недавно предложилъ Эренбергъ дѣленіе всѣхъ животныхъ на мозговыя (Markthiere, Medullaria, Myeloneura) и безмозговыя или узлонервныя (Ganglioneura, Emedullaria), гораздо болѣе точное, и мы прибавимъ, болѣе логическое, нежели дѣленіе ихъ на позвоночныя и безпозвоночныя, которому, однакожь, оно совершенно соотвѣтствуетъ по объему: иногда въ первыхъ нѣтъ слѣда позвонковъ, иногда они въ послѣднихъ неоспоримо существуютъ, что впрочемъ и прежде уже указалъ Эшгольцъ въ нѣкоторыхъ насѣкомыхъ. Наконецъ, эту мысль вновь подтвердилъ профессоръ Ратке полнымъ описаніемъ анатоміи Amphioxi lanceolati Yarell, круглоротой рыбы, лишенной черепнаго мозга, орудій чувствъ, словомъ, всѣхъ частей, характеризующихъ голову. Такимъ образомъ, эта рыба между позвоночными занимаетъ то же мѣсто, какое безголовые слизняки занимаютъ между слизняками и безпозвоночными вообще. Я имѣлъ случай видѣть нѣсколько экземпляровъ этого страннаго животнаго у г. Ратке, въ Кёнигсбергѣ.

Едва знаемъ мы главныя измѣненія мозга по классамъ позвоночныхъ животныхъ. О различіи устройства и отправленій нервовъ по различнымъ порядкамъ, семействамъ и проч. всѣхъ животныхъ вообще,—а они должны существовать необходимо, и должны были бы обращать на себя преимущественное вниманіе зоологовъ, если бы мы хотѣли быть вездѣ возможно послѣдовательными, — доселѣ неизвѣстно почти ничего. Говоря о семействѣ, родѣ и видѣ, описываемъ часто малѣйшіе признаки, и характеристическіе и дополнительные, а умалчиваемъ совершенно о нервной системѣ, какъ-будто-бы ея и не бывало.

III.

Wer will was *lebendig's* erkennen und beschreiben,
Sucht erst den Geist herauszutreiben,
Dann hat er die Theile in seiner Hand,
Fehlt leider! *nur das geistige Band,*
Eincheiresin naturae nennt's die Chemie
Spottet ihrer selbst und weiss nicht wie.
Goethe въ «Faустѣ».

Всѣ лучшіе писатели почти всѣхъ временъ принимали и доселѣ принимаютъ единогласно произвольное движеніе за отличительную черту живот-

ныхъ. Изъ всѣхъ зоологовъ, съ которыми я имѣлъ случай познакомиться на путешествіи своемъ по Германіи, Эренбергъ одинъ отличаетъ животное способностью принимать твердыя вещества (пищу) во внутреннія, рѣзко-ограниченныя полости; и онъ, однакоже, не отвергаетъ произвола въ движеніи животныхъ, а говоритъ только, что часто слишкомъ-трудно открыть его. Изъ такого общепринятаго опредѣленія, казалось бы, должна проистекать естественно, даже необходимо, мысль изслѣдовать ближе этотъ произволъ въ движеніи, это духовное начало животнаго, а между-тѣмъ мы говоримъ въ зоологіи о весьма многомъ и разнообразномъ, но всего менѣе говоримъ или даже совершенно умалчиваемъ о высшихъ способностяхъ животной жизни. Мы не скажемъ, что знаемъ вполнѣ человѣка, когда изучили его тѣлесное устройство и отправленіе его орудій, а ограничиваемся въ изученіи животнаго указаніемъ этихъ двухъ сторонъ. Человѣкъ давно уже сдѣлался предметомъ психологіи, которую всѣ ставятъ выше антропологіи матеріальной, а между-тѣмъ, *для* матеріальной антропологіи доселѣ еще нѣтъ соотвѣтствующей части въ наукѣ о животныхъ, нѣтъ психологія ихъ. Что̀ въ извѣстномъ случаѣ одного рода непозволительно, то въ другомъ, совершенно-тождественномъ, почитается достаточнымъ. Есть даже и такіе писатели, которые, изъ предпочтенія къ человѣку, отрицаютъ въ животныхъ существованіе разсудка, и допускаютъ въ нихъ только инстинктъ, который, по ихъ же мнѣнію, есть непроизвольное, безсознательное влеченіе дѣлать одно и избѣгать другаго,—забывая притомъ, что въ основаніи всей науки полагаютъ они понятіе о произволѣ движенія животныхъ, — забывая также, что при частномъ описаніи животныхъ они же называютъ наскоро одно животное умнымъ, другое тупымъ, и проч. Другіе, немогущіе противостоять доказательствамъ въ пользу разсудка животныхъ, и нехотѣвшіе совершенно признать его, допускали, однакожь, нѣчто въ родѣ его, и называли это нѣчто *смысломъ!* Кювье́-младшій впервые раскрылъ всю важность психологіи животныхъ, и это величайшая его заслуга, хотя уже до него писали нѣкоторые о нравахъ животныхъ, въ особенности же Вирей, и хотя Бленвиль уже прежде составилъ для этой части зоологіи названіе зооэтики; но повторяемъ, никто не чувствовалъ ея важности; ей не было дано мѣста въ наукѣ, и немногія изслѣдованія проявленія духовной жизни въ животныхъ лежали безъ употребленія, какъ матеріалы безъ назначенія, безъ видимаго отношенія къ зоологіи. Кювьѐ говоритъ, какъ прежде указывалъ уже и Вирей, что всѣмъ животнымъ свойствененъ и инстинктъ и разсудокъ, не исключая самого человѣка; что степень развитія этихъ двухъ началъ дѣйствій находится постоянно во взаимной противоположности по различнымъ классамъ животныхъ и по возрасту одного и того же животнаго, такъ-что животное съ самымъ развитымъ инстинктомъ, напримѣръ, пчела, муравей, бобръ, есть вмѣстѣ и самое глупое, а напротивъ собака, слонъ и пр., имѣющіе слабый инстинктъ, надѣлены, относительно, сильнымъ разсудкомъ. Этимъ же разрѣшаетъ онъ кажущееся противорѣчіе тѣхъ, которые отличали человѣка по его разсудку, а между-прочимъ говорили, что есть умныя животныя, которыя умнѣе глупаго человѣка: они смѣшивали здѣсь явленіе инстинкта съ явленіями разсудка. Въ-самомъ-дѣлѣ, непонятно, ка́къ такъ долго отнимали у жи-

вотныхъ разсудокъ, когда издавна допускали въ нихъ неоспоримо-замѣтныя всѣ отдѣльныя явленія или способности его: воспріимчивость, память, соображеніе, собственно-разсудокъ и волю; доказательства существованія ихъ неисчерпаемы на каждомъ домашнемъ животномъ. При всемъ томъ, однакоже, между разсудкомъ животныхъ и разсудкомъ человѣка болѣе разстоянія, нежели между двумя оконечными точками безконечной прямой линіи: способность самопознанія человѣка, проявляющаяся въ сознаніи необходимости религіи, въ совершенствованіи рода человѣческаго, которыхъ и малѣйшихъ слѣдовъ незамѣтно въ животныхъ, ставитъ его главою всѣхъ ихъ. А потому весьма справедливо поступаютъ тѣ, которые исключаютъ человѣка изъ царства животныхъ и дѣлаютъ изъ рода его особенное четвертое царство. Отдѣленіе животныхъ отъ растеній основано на началѣ духовномъ, а не на органическомъ или тѣлесномъ: почему жь то же начало, какъ замѣчаетъ Вагнеръ, не можетъ служить достаточнымъ поводомъ для отдѣленія человѣка отъ животныхъ?

Я видѣлъ у профессора Бурдаха (въ Кёнигсбергѣ), издателя классической физіологіи орудныхъ тѣлъ, которую онъ, впрочемъ, не хочетъ кончить, — почти готовую къ печати сравнительную психологію животныхъ. Карусъ, въ Дрезденѣ, трудился надъ тѣмъ же предметомъ.

IV.

Человѣкъ, какъ существо немогущее освободиться изъ-подъ вліянія безконечнаго разнообразія наружныхъ дѣятелей, *долженъ* измѣняться наружно и внутренно: можетъ, напримѣръ, утратить зубы, волосы, пальцы, можетъ, въ-слѣдствіе ушиба, нароста и проч. получить измѣненія въ формѣ, можетъ имѣть родимыя пятна, веснушки, можетъ заболѣть различными органическими, матеріальными болѣзнями и проч. *Множество людей* можетъ, въ-слѣдствіе эпидемической болѣзни, претерпѣть одинакія измѣненія и проч. Естественное и неестественное отступленіе въ формѣ у родителя можетъ повториться или отразиться *на многихъ его дѣтяхъ и чуждыхъ для него особей*, и пр. и пр.—и никто не почтетъ этихъ измѣненій достаточнымъ для того, чтобъ по видамъ творить новые виды и видоизмѣненія (varietates) въ родѣ человѣка. Животному же мы не позволяемъ имѣть ни веснушки, ни облысѣть, ни обеззубѣть, ни захворать, и пр. Лишнее пятнышко, бугорокъ, отверстіе, присутствіе или отсутствіе волосъ, перьевъ, иглъ на животныхъ различныхъ классовъ, особенно низшихъ, почитаемъ мы достаточнымъ для разграничиванія видовъ. Примѣры такъ часты, что не знаемъ, съ котораго начать, если бы хотѣли ихъ вычислить; стоитъ раскрыть первую книгу, попавшуюся въ руки. Почему же не изслѣдуемъ мы подобныхъ измѣняющихъ условій въ царствѣ животныхъ, а что животныя живутъ подъ дѣйствіемъ многоразличныхъ и могучихъ условій, что между ними (?) существуютъ нечаянные случаи, болѣзни спорадическія и эпидемическія,—доказываютъ намъ животныя домашнія, т. е. тѣ, которыхъ мы, для удовлетворенія нуждъ своихъ, изучаемъ подробнѣе, ближе прочихъ. Справедливо, что каждое животное, представляющее даже малѣйшее отступленіе отъ извѣстнаго, должно принять въ науку и записать его какъ но-

вое явленіе или фактъ; но это еще не даетъ право дѣлать изъ этого животнаго новые виды и видоизмѣненія: вѣдь мы сами же записываемъ и изучаемъ другимъ способомъ новые факты и различныя измѣненія въ родѣ человѣка? Можно сказать безошибочно, что если бы отнять у зоологовъ право привѣшивать къ названію животнаго, представляющему неизвѣстное дотолѣ измѣненіе, словечко michi, которымъ означаютъ первенство описанія, то многіе обратились бы къ изслѣдованіямъ другаго рода, по-крайней-мѣрѣ не менѣе полезнымъ, а не утверждали бы наперерывъ новыхъ видовъ и не умножали тѣмъ бездны именъ, которыя уже примѣтно обременяютъ силу учащаго. Предсказаніе Кювье: «la connaissance des noms va bientôt devenir plus difficile que celle des choses» сбывается, къ-сожалѣнію, слишкомъ скоро. Дайте то же право каждому могущему указать новое измѣненіе; естественное или неестественное, въ человѣкѣ, даже въ одной части явленій его—въ болѣзняхъ, и посмотрите сколько вы должны будете прибавить новыхъ видовъ.

V.

Съ одной стороны допускаемъ мы, что земная планета наша подвергалась въ разныя времена многократнымъ и сильно-измѣняющимъ ее вліяніямъ или переворотамъ, которые наконецъ даже истребляли цѣлыя группы растеній и животныхъ; необходимо подвергшихся имъ, а съ другой стороны, не обращаемъ совершенно вниманія на то, что, слѣдовательно, кости ископаемыхъ животныхъ и различные ихъ остатки, по которымъ мы опредѣляемъ нынѣ ихъ виды, могли и должны были также подвергнуться тѣмъ же измѣняющимъ условіямъ, которыя наконецъ истребили животную и растительную жизнь. Мы теперь еще смѣло дѣлаемъ виды и роды ископаемыхъ животныхъ и растеній по одному, часто неполному, орудію одной особи. Гдѣ же тутъ постоянство и взвѣшиваніе относительнаго достоинства видовыхъ признаковъ, на которое указываемъ, говоря о видѣ вообще?

VI.

«Nommer, décrire et classer c'est la base et le but de la science.»

CUVIER.

«L'espèce est fixe.

CUVIER. BLAINVILLE.

«L'espèce varie.

LAMARCK. ETIENNE ET ISID. GEOFF. S-t HILAIRE.

«L'espèce du chien présente un grand nombre de races; dont la plupart diffère tellement du type sauvage, qu'on ne pourait éviter, si l'on voulait leur appliquer les régles ordinaires de la zoologie, de les considerer comme formant non seulement des espèces, mais même des genres distincts.»

ISID. GEOFF. S-t HILAIRE.

Намѣреваясь говорить, должно предварительно условиться въ томъ, о чемъ желаемъ говорить, указать предметъ свой. Такъ дѣлаютъ вездѣ. Въ математикѣ, которую самъ Кювье называетъ наукою строжайшаго силло-

гизма, говорятъ о единицахъ вѣса, числа, мѣры. Гдѣ же единица животная? О чемъ говоритъ зоологъ? Отвѣтъ готовъ: объ животномъ. Но о какомъ животномъ? не объ Иванѣ ли, жившемъ тогда-то и такъ-то. Не о собакѣ ли мызарки, находившейся у N***? Нѣтъ, зоологъ говоритъ не объ особи (individuum), существующей слишкомъ-ограниченное время и составляющей слишкомъ-частное явленіе въ животномъ царствѣ. Если бы онъ говорилъ о существовавшихъ особяхъ, зоологія превратилась бы въ археологію (*), и была бы невозможною по общимъ объ ней понятіямъ. Число животныхъ особей необозримо, безконечно для человѣка. Съ другой стороны, что̀ пользы въ томъ, что великій естествоиспытатель открылъ бы въ такой-то особи устройство орудія, когда никто его не можетъ повѣрить, когда животное умерло для него и для всѣхъ? Ошибки одного всегда имѣли бы всю цѣну истины для другихъ. Нужно нѣчто болѣе-постоянное во времени, и болѣе-обширное въ объемѣ.

Такъ и дѣлаютъ зоологи: они мысленно сливаютъ всѣ ближайшія между собою особи въ одно цѣлое, называемое видомъ (species), и говоря въ наукѣ неопредѣленно, разумѣютъ обыкновенно видъ. И такъ, что̀ такое видъ, гдѣ его границы?—*Ихъ нѣтъ*.—Что характеризуетъ видъ?—Мысленное собраніе многихъ особей, имѣющихъ между собою ближайшее сходство въ суммѣ признаковъ и отдѣленныхъ отъ другихъ особей тѣмъ, a) что не размножаются съ ними, или по-крайней-мѣрѣ рождающіяся дѣти остаются безплодными; b) признаками рѣзко отличающимися, т. е. существенными, важность коихъ опредѣляется, c) постоянствомъ ихъ: одинъ видъ ни подъ какими условіями не переходитъ въ другой, вотъ сущность многихъ, часто темныхъ опредѣленій различныхъ писателей. Разсмотримъ же ее ближе:

Размноженіе доставляетъ a) признакъ (**) слишкомъ непостоянный, невѣрный и не рѣзкій, а потому и не имѣетъ той важности, которую ему придавали. Лошадь и оселъ, оселъ и зебра, канарейка и чижикъ, волкъ и собака, и проч. и проч., составляютъ у зоологовъ различные виды, но совокупляются и размножаются между собою; между птицами ублюдки часто не лишены способности возрожденія. Допустимъ даже, что этотъ признакъ какъ-нельзя-болѣе постояненъ, но спрашивается: руководствуетесь ли вы имъ при разграничиваніи видовъ? Нѣтъ, и не только не вездѣ, но такъ рѣдко, что во всемъ безконечномъ многоразличіи животныхъ едва указать можно на нѣсколько сотъ, о которыхъ вы скажете съ увѣренностью, изъ чистыхъ наблюденій, что они могутъ или не могутъ размножаться вмѣстѣ. Большею частью видъ бываетъ утвержденъ и о размноженіи его ничего неизвѣстно. Слѣдовательно, съ этой стороны нѣтъ вѣрныхъ границъ между видами.

b) По инымъ, одинъ видъ измѣняется въ другой, по другимъ онъ не измѣняется. Но гдѣ же основаніе принимающихъ то или другое мнѣніе? Датскую собаку и африканскую, водолаза и борзую, пуделя или овчарку и африканскую, наибольшую и мельчайшую, всѣ почитаютъ недѣлимыми одного и того же вида, единственно потому-что замѣтили переходы одной формы въ

(*) Наша наука и безъ того уже имѣетъ свою археологію, — палеонтологію.

(**) Овенъ.

другую, нисколько не обращая вниманія на важность или степень измѣненія. Въ другихъ же животныхъ, которыхъ различія основаны на признакахъ гораздо меньшаго объема или важности, допускаютъ различное число видовъ, даже родовъ, какъ совокупности видовъ. Многіе виды райскихъ птицъ колибри основаны на различной формѣ украшеній головы, хвоста и т. д.; тетерева, хищныя птицы и пр. раздѣлены на роды по присутствію и отсутствію у нихъ перьевъ на нижней части ногъ, а между-прочимъ всѣхъ домашнихъ голубей съ разнообразными хвостами, хохлами и мохнами и голыми ногами, даже разнымъ устройствомъ зоба, сводятъ въ одинъ видъ. Что въ одномъ животномъ не разграничиваетъ двухъ видовъ, то въ другомъ условливаетъ ихъ различіе. И это разнообразіе въ взвѣшиваніи относительнаго достоинства признаковъ не опредѣляется никакимъ закономъ, не руководится никакимъ соображеніемъ. Формы самыя отдаленныя другъ отъ друга принадлежатъ одному виду, если человѣкъ замѣтилъ ихъ переходъ; и часто формы, имѣющія между-собою гораздо болѣе сродства и сходства, причисляются къ разнымъ видамъ, если человѣку не удалось подсмотрѣть ихъ перехода. Не-уже-ли же справедливо заключеніе о несуществованіи того, чего мы не видали? Конечно, въ наукѣ, по преимуществу опытной, должно рѣшать въ особенности наблюденіе; но повторяемъ, несправедливо отвергать съ увѣреніемъ невиданное нами. По-крайней-мѣрѣ, недостаточно этого начала для утвержденія видовъ. Что видъ неизмѣняемъ, приводитъ Кювье примѣры крокодила и ибиса и другихъ немногихъ животныхъ, найденныхъ въ видѣ мумій.

Въ свою очередь приводитъ Жоффруа примѣры перехожденія животнаго одного вида въ другой, или по-крайней-мѣрѣ столь важнаго измѣненія признаковъ, что ихъ, при вторичномъ утвержденіи видовъ, конечно приняли бы за характеризующіе разные виды. Послѣдніе примѣры взяты преимущественно съ домашнихъ животныхъ, за которыми человѣкъ долѣе и легче наблюдалъ; они, конечно, немногочисленны, но та же справедливость, то же сужденіе требуетъ не придавать общаго значенія немногимъ примѣрамъ, отрицающимъ взаимное перехожденіе или измѣняемость видовъ. Кювье, Блэнвиль, Голларъ и другіе на одной сторонѣ, Ламаркъ и оба Жоффруа на другой, доказали взаимными спорами касательно этого предмета только ту современную истину, что мы ничего объ немъ положительнаго не знаемъ. Равно справедливо и несправедливо допускать неизмѣняемость (fixité des espèces) и отрицать ее. Тутъ могли бы рѣшить единственно доказательства для человѣка не невозможныя—наблюденія и опытъ, историческія свидѣтельства и притомъ, относительно большей части, если не всѣхъ животныхъ, а не немногихъ, чѣмъ довольствуются противоположныя партіи: что для одного животнаго или вида неизмѣняемо, то можетъ быть измѣняемо для другаго. Изъ того, что крокодилъ и ибисъ древнихъ Египтянъ существуютъ и до нашихъ временъ, не утративъ своихъ признаковъ, не слѣдуетъ еще, что и прочія животныя неизмѣняемы въ видахъ, равно какъ и нельзя заключить объ измѣняемости видовъ вообще изъ немногихъ частныхъ примѣровъ. Какого свойства должны быть признаки, чтобъ животное не измѣнялось?

Но допустимъ, что видъ неизмѣняемъ. Спрашивается опять: обращали

ли вы вниманіе на это постоянство въ признакахъ при наименованіи видовъ? Можете ли вы сказать хотя о третьей части общепринятыхъ видовъ, что вы изъ строгихъ наблюденій убѣдились въ ихъ неизмѣняемости? Нѣтъ. Слѣдовательно, и тутъ не указаны границы видовъ.

c) Важность признаковъ по инымъ измѣряется важностью системы, къ которой принадлежатъ: самую же относительную важность системъ Кювье, Вирей, Ламаркъ, Бленвиль опредѣляютъ различно; они согласны, однакоже, въ преимуществѣ нервной и костной системы передъ прочими. Но первую, какъ мы видѣли, совершенно не изучаютъ при утвержденіи видовъ, довольствуясь исключительно или преимущественно второю. Костная система, говорятъ, измѣняется всего менѣе, по-крайней-мѣрѣ менѣе существенно, нежели прочія, а потому и доставляетъ превосходные, наиболѣе вѣрные признаки для разграничиванія видовъ. На этомъ основывается важность собиранія скелетовъ и вся палеонтологія. Но справедливо ли это? Голуби обыкновенные имѣютъ малую крестцовую кость, а турбастый, носящій распущенный хвостъ павлина, имѣетъ большую; собака иногда получаетъ лишній палецъ и передаетъ его потомству; кабанъ имѣетъ огромные клыки, а домашняя свинья не имѣетъ ихъ; у жеребца клыки, а у кобылы они иногда бываютъ, иногда и не бываютъ; есть свиньи однокопытныя, которыя, слѣдовательно, принадлежатъ, по всей строгости, совершенно другому порядку—однокопытныхъ, а не двукопытныхъ животныхъ, а мы ихъ считаемъ только видоизмѣненіемъ домашней свиньи; есть овцы безъ рогъ, съ двумя, тремя, четырьмя и пятью рогами; самки большою частью не имѣютъ рогъ; олени сбрасываютъ ежегодно рога, и пр. и пр. Гдѣ же эта чрезвычайная и всеобщая важность костей, на которую почти всѣ указываютъ? А послѣ того, на достаточномъ ли основаніи палеонтологи описываютъ виды и роды допотопныхъ животныхъ, имѣя передъ собою часто *одну* косточку *одного* животнаго? Не потеряютъ ли кости и остальной важности своей, если припомнимъ себѣ, что по возрасту они измѣняются въ формѣ, *даже числѣ*, не говоря уже о томъ, что въ-теченіи немногихъ сутокъ можно измѣнить цвѣтъ ихъ (посредствомъ красящаго начала). Сколько видовъ и родовъ ископаемыхъ животныхъ должно было бы измѣнить совершенно, если бъ имѣли передъ собою полную исторію ихъ измѣненій? Докторъ Каупъ, одинъ изъ искуснѣйшихъ и осторожнѣйшихъ современныхъ палеонтографовъ, показывалъ мнѣ, въ Дармштадтѣ, собраніе многихъ зубовъ Dinotherii, которые другими и имъ-самимъ принимаются за отличные другъ отъ друга виды; теперь же, получивъ превосходный рядъ переходныхъ формъ, г. Каупъ убѣдился, что изъ нѣсколькихъ видовъ можно нынче оставить только два. Что же можетъ быть съ тѣми видами и родами, которые извѣстны по одной только косточкѣ? Напрасно ссылаются на постоянно-тѣсное отношеніе взаимнаго устройства костей между собой; но вспомните законъ, открытіе котораго, замѣтимъ мимоходомъ, несправедливо приписываютъ Кювье, и который прежде уже былъ приложенъ Камперомъ и нашимъ зоографомъ Палласомъ. Не отрицая его, должно, однакожь, замѣтить, что взаимное соотвѣтственное отношеніе костей для насъ досель слишкомъ мало раскрыто: открывъ первый экземпляръ неполной челюсти и отдѣльно клыки Dinotherii, никто бы, конечно, не помѣстилъ въ

нижнюю челюсть его огромныхъ клыковъ, образуемыхъ въ нихъ, и никто, конечно, не упрекаетъ доктора Каупа въ незнаніи сравнительной анатоміи позвоночныхъ животныхъ за то, что онъ, слѣдуя организаціи моржа и бабирусы, хотѣлъ помѣстить первоначально клыки въ верхней челюсти обращенными внизъ, или въ нижнюю обращенными вверхъ. Слѣдовательно, и важность признаковъ не полагаетъ границъ между видами.

И такъ, мы видѣли, что во всѣхъ трехъ случаяхъ, полагаемыхъ обыкновенно признаками, характеризующими существованіе и важность ихъ, указаны только въ опредѣленіи понятія о видѣ, а не приложены къ самому дѣлу; что тамъ, гдѣ должны быть строжайшіе законы, руководствуетъ чистый произволъ, и что если въ-самомъ-дѣлѣ вездѣ можно было бы строго опредѣлить важность видовыхъ признаковъ (а это невозможно), то рѣдко обращаютъ на него должное вниманіе.

VII.

Всѣ почитаютъ строгое изученіе видовъ и описаніе ихъ главнѣйшею опорою науки, на что и употребляютъ главную часть времени, а между-тѣмъ только немногіе, для достиженія этой цѣли, упражняютъ слушателей своихъ въ полномъ и отчетливомъ описаніи предметовъ, подобно тому, какъ дѣлаетъ профессоръ Пёппиль въ Лейпцигѣ, и Броннъ въ Гейдельбергѣ. Упражненія учащихся въ опредѣленіи животныхъ по экземплярамъ кабинета, въ случаѣ нужды, даже по хорошимъ рисункамъ, совершенно необходимо.

VIII.

Изъ того же опредѣленія животнаго, въ которомъ на произволъ движеній указывается, какъ на признакъ существенный, отличительный, слѣдовало бы ожидать, что и въ утвержденіи вида, дѣлѣ столь важномъ въ наукѣ, мы также будемъ обращать вниманіе на нравы, на психологію животныхъ, — а между-тѣмъ сторона эта упущена почти во всѣхъ видахъ. Мы этимъ изучаемъ животныя тѣла въ природѣ; а вмѣсто того изучаемъ ихъ въ кабинетахъ по остаткамъ, шкуркамъ, чучеламъ, и проч. Въ этомъ случаѣ мы поступаемъ столь же несправедливо, какъ поступали тѣ, которые еще недавно изучали слизистыхъ животныхъ по ихъ раковинѣ, а полипы по ихъ полипнику. Пока мы не станемъ, подобно тому естествоиспытателю, который въ лѣсахъ Америки наблюдалъ бытъ птицъ, изучать животныхъ во всѣхъ моментахъ ихъ жизни, до-тѣхъ-поръ наши понятія о раздѣльности видовъ останутся неполными, шаткими. Сперва изучали животное по признакамъ наружнымъ (какъ говорили зоогностически Аристотель, Линней), потомъ начали разсѣкать животныхъ, полагать сущность въ анатоміи и физіологіи (Кювье); далѣе открыли въ животныхъ новую важную сторону изученія: исторію зачатія (Пуркинье, Вагнеръ и другіе современные намъ писатели). Наконецъ начинаетъ намъ раскрываться возможность пополнить и углубить наши свѣдѣнія о животномъ новымъ элементомъ его быта, психологіею его. Этотъ шагъ впередъ предстоитъ еще поборникамъ науки: нынѣ едва существуетъ сознаніе необходимости его.

Скажутъ, можетъ-быть, что сторона матеріальная есть единственно-постоянная, легко-уловимая въ животномъ. На это замѣтимъ, что образъ животнаго столь же постояненъ: никогда животное не измѣняетъ его безъ перемѣны самыхъ матеріальныхъ признаковъ своихъ, и если съ одной стороны отправленіе зависитъ отъ организаціи орудія, то никто не станетъ отрицать, что въ свою очередь и отправленіе имѣетъ вліяніе на устройство орудія: орудіе и отправленіе, вещество и жизнь, существуютъ во взаимной, тѣсной, родственной связи.

Изъ этого однакожь не слѣдуетъ, что системы, основанныя на однихъ матеріальныхъ признакахъ, безполезны. Лексиконы, въ которыхъ слова размѣщаются по послѣдовательности составляющихъ ихъ буквъ, нужны для удобнѣйшаго пріискиванія первыхъ. Но никто не станетъ утверждать, что лексиконы выражаютъ собою все, что̀ можно и, слѣдовательно, нужно знать о словѣ; что въ порядкѣ буквъ заключается, напримѣръ, всегда значеніе, происхожденіе и проч. слова.

IX.

«La science des noms va devenir plus difficile que celle des choses.»

Cuvier.

Описывать виды и назначать имъ мѣсто въ системѣ почиталось всѣми главнымъ дѣломъ въ наукѣ: «Nommer, décrire et classer c'est la base et le but de la science» говоритъ Кювьѐ, представитель современнаго періода науки нашей.

Слѣдовательно, къ этому дѣлу должно приступать съ возможными предосторожностями, чтобъ не положить ложныхъ началъ въ основаніе науки.

Я хочу классифировать животное, какъ нѣчто цѣлое,—полное животное, а не часть его. А потому, чтобъ утвердить существованіе вида на достаточномъ основаніи, я долженъ обозрѣть всю массу отдѣльныхъ явленій, знаменующихъ животное, полную исторію его. Чтобъ раскрыть ее, припомнимъ себѣ, что животное существуетъ A) въ пространствѣ и B) во времени.

A) Какъ тѣло органическое, существующее въ пространствѣ, животное требуетъ, чтобъ разсмотрѣть его:

a) Съ матеріальной стороны орудій его.

b) Со стороны проявленій жизни въ нихъ.

c) Съ матеріальной стороны цѣлаго животнаго.

d) Со стороны проявленій жизни въ цѣломъ животномъ, какъ *частной*, такъ и *общей*.

B) Какъ тѣло органическое, существующее во времени, животное должно быть разсмотрѣно:

e) Во всѣхъ измѣненіяхъ и періодахъ зачатія, постепеннаго развитія, смерти, возрожденія и проч.

Вотъ сумма явленій, составляющая полную исторію животнаго. Только изучивъ ее вполнѣ имѣемъ мы право рѣшить о самостоятельности или нераздѣльности извѣстнаго вида; только тогда, когда мы изучили животное со всѣхъ возможныхъ сторонъ, имѣемъ мы право говорить съ увѣрен-

ностью объ отношенія полной его сферы къ ближайшимъ или смежнымъ сферамъ другихъ животныхъ, т. е. классифировать его видъ.

На подобныхъ ли основаніяхъ, такъ ли мы вездѣ и всегда утверждаемъ виды? Нѣтъ, мы поступаемъ обыкновенно гораздо-легче: опредѣляемъ видъ по одной шкуркѣ, по одному экземпляру, даже не всегда живому, а набитому, не зная ничего о его органическихъ измѣненіяхъ в условіяхъ, его переходныхъ формахъ, его жизни и проч., и прибавляемъ только подъ конецъ описанія: «чучело видѣлъ я въ такомъ-то кабинетѣ», или «единственный экземпляръ этого насѣкомаго сохраняется у того-то.»

Изъ такого скороспѣшнаго утвержденія видовъ слѣдуетъ весьма естественно, что мы ихъ характеризуемъ не надлежащими, не существенными признаками, или не достаточною суммою признаковъ: характеристика вида поминутно измѣняется; раждается необходимо сбивчивость, неясность въ описаніяхъ видовъ, которую разрѣшить можетъ только одно полное изученіе организаціи, жизни и нравовъ животнаго. Припомнимъ себѣ только хищныхъ и водяныхъ птицъ: существуютъ ли два писателя, которые ихъ описываютъ одинаково и въ одинаковомъ числѣ? Есть ли даже одинъ писатель, который, говоря объ нихъ дважды въ разное время, не измѣнялъ существенно мнѣній своихъ объ нихъ? И это справедливо, даже относительно самыхъ обыкновенныхъ птицъ нашей фауны. Оно весьма естественно: мы обманываемъ самихъ-себя, принимая часть за цѣлое. Мы хотимъ классифировать цѣлыхъ животныхъ, а классифируемъ ихъ зубы, клювъ, перья, ноги и пр. Мы смѣемся надъ человѣкомъ, подбирающимъ въ своей библіотекѣ книги по цвѣту бумаги, чернилъ, обрѣзу, переплету и пр., а междутѣмъ не то же ли мы дѣлаемъ съ животными?

Пока мы не станемъ изучать каждое животное со всѣхъ сторонъ его жизни, ab ovo ad mortem usque, монографіями законченными, отвсюду замкнутыми, до-тѣхъ-поръ системы наши не пріобрѣтутъ возможной степени совершенства и постоянства. Въ этомъ отношеніи имѣемъ мы единственное утѣшеніе передъ собою, что естествоиспытатель, лишенный возможности пріобрѣтать новыхъ животныхъ, не лишенъ возможности дѣлать полезныя и важныя наблюденія надъ животными своей фауны. Монографіи самыхъ обыкновенныхъ, даже домашнихъ животныхъ представляютъ обширное поле для полезной дѣятельности естествоиспытателя и доставятъ ему имя не менѣе достойное имени того, кто описалъ не малое количество новыхъ животныхъ. Повѣрять и пополнять старое въ наукѣ, по-крайней-мѣрѣ, столько же важно, какъ и указывать новое. Такъ въ рукописяхъ извѣстнаго русскаго естествоиспытателя профессора Боянуса, сохраняемыхъ нынѣ въ Дармштадтѣ, видѣлъ я почти законченныя монографіи лошади, овцы, дождевика. limacis rufi, садовой улитки,—монографіи, которыя, къ-сожалѣнію, не поступаютъ въ печать. Авторъ въ началѣ разбираетъ критически всѣхъ авторовъ, писавшихъ объ одномъ съ нимъ предметѣ, потомъ описываетъ въ отдѣльныхъ главахъ, поясняемыхъ точными рисунками, полную анатомію, физіологію, исторію развитія, дополняетъ фактами психологическими. Такъ профессоръ Ратке, въ Кёнигсбергѣ, занимается нынѣ подобнымъ изученіемъ европейской черепахи, которую анатомически превосходно уже описалъ Боянусъ.

X.

Въ единственномъ родѣ человѣка допускаемъ мы только одинъ видъ—«homo sapiens L». Но далѣе, замѣтивъ, что многія особи представляютъ рѣзкія, важныя отличія, которыя постоянны, т. е. не зависятъ отъ наружныхъ условій, передаются въ потомствѣ, и не переходятъ другъ въ друга, мы раздѣлили этотъ видъ на новыя группы, которыя и назвали племенами или поколѣніями (stirpes generis humani); въ животныхъ же виды дѣлимъ мы только на видоизмѣненія (varietates), и придаемъ племенамъ гораздо-большую важность, нежели видоизмѣненіямъ; но почему? Если взаимныя отличія племенъ чрезвычайно важны, то почему не называемъ мы ихъ видами, почему принимаемъ только одинъ видъ, а не многіе виды въ родѣ человѣка? Почему не принимаемъ мы *племенъ* въ животныхъ, а *видоизмѣненій* или *видовъ* въ родѣ человѣка?

XI.

> «En vain les naturalistes consumeront-ils leur temps à décrire des nouvelles espèces etc... en un mot à instituer diversement des genres et changeant sans cesse l'emploi des considerations pour les caractères; si la philosophie de la science est négligée, ses progrés seront sans réalité et l'ouvrage entier restera imparfait.»
>
> LAMARK.
>
> «Mépriser la théorie c'est avoir la prétention excessivement orgueilleuse d'agir sans savoir ce qu'on fait et de parler sans savoir ce qu'on dit.»
>
> BENJAMIN CONSTANT.
>
> «Опытъ нѣмъ, его должно объяснить.»
>
> *Анонимъ.*

Мы говоримъ, что естественная исторія, а въ частности и зоологія, есть наука чисто опытная; въ ней все начинается и оканчивается опытомъ. Съ другой же стороны, науку вообще слагаемъ изъ матеріи или содержанія и формы; первая пріобрѣтается наблюденіемъ и опытомъ, послѣдняя соображеніемъ или умозрѣніемъ. Наблюденія и опыты нѣмы: ихъ должно объяснить, имъ должно дать значеніе, безъ того они будутъ лежать безъ пользы въ наукѣ; въ свою очередь, каждое умозрѣніе должно повѣряться и отражаться какимъ-либо фактомъ. Словомъ, содержаніе составляетъ предметъ (объектъ) изслѣдованія и изученія, а форма выражаетъ собою способъ дальнѣйшаго изслѣдованія и облегчаетъ начальное изученіе его. Что̀ же будетъ послѣ того наука чисто-опытная и чисто-умозрительная? — Чистый парадоксъ.

Зоологія и вся естественная исторія по-преимуществу опытная уже потому, что она изслѣдуетъ тѣла, и вмѣстѣ съ тѣмъ умозрительная потому-что должна представлять собою форму науки, а не безпорядочный, безотчетный наборъ необъясненныхъ фактовъ, схваченныхъ наудачу или на случай.

Іюля 17-го дня. К. РУЛЬЕ.

ГРЕЦІЯ ВЪ НЫНѢШНЕМЪ СВОЕМЪ СОСТОЯНІИ.

Статья I.

—

ЖИЗНЬ И ЛИТЕРАТУРА ВЪ НОВѢЙШЕЙ ГРЕЦІИ.

Народонаселеніе нынѣшней Греціи состоитъ изъ двухъ, если не болѣе, совершенно-различныхъ поколѣній. Одно изъ нихъ, Албанцы, до того отличается отъ другихъ жителей этой страны своею наружностію, нравами и нарѣчіемъ, неимѣющимъ ничего общаго ни съ древнимъ, ни съ новымъ греческимъ языкомъ, что съ перваго взгляда представляется племенемъ совершенно чуждымъ всему прочему населенію Греціи.—И дѣйствительно, Албанцы пришлецы между своими настоящими единоземцами: оставивъ въ XIV и XV столѣтіяхъ Иллирію и Эпиръ, они заняли большую часть Аттики, Беотіи, Коринеа и смежнаго съ Пелопонесомъ морскаго берега, значительное пространство въ самой внутренности Греціи, острова Идру, Спецію, и наконецъ третью часть Андроса и Эвбеи. Все это они удержали за собою донынѣ и, благодаря блистательному мужеству, которымъ отличились вмѣстѣ съ Суліотами и другими единоплеменниками своими въ послѣднюю войну за независимость, пріобрѣли право полнаго гражданства греческаго. Въ этой войнѣ, храбрость Албанцевъ рѣшила участь весьма многихъ важныхъ сраженій; въ-продолженіи ея, они вооружили на свой собственный счетъ цѣлыя сотни судовъ и, подъ предводительствомъ Марко-Боццариса, Завеллы и другихъ вождей, бились всюду какъ львы. Они такъ облагородили въ это время фустенеллу и фесъ, что нынѣче молодые люди во всей Греціи считаютъ за честь носить этотъ костюмъ, хотя онъ и не имѣетъ никакого сходства съ одеждою коренныхъ обитателей. Быть можетъ, что сначала, т. е. вскорѣ послѣ вторженія Албанцевъ въ Грецію, другія поколѣнія греческія ненавидѣли ихъ, но теперь они любятъ другъ друга братскою любовію, не смотря на прежній жаркій раздоръ политическихъ партій. Албанцы-мужчины всѣ безъ исключенія говорятъ по-албански и по-гречески, а между Албанками только весьма немногія не знаютъ греческаго языка. Нынѣче они начинаютъ сближаться съ греческими племенами даже въ самихъ нравахъ и обыкновеніяхъ. Музыка и танцы (романка и албанитика) у нихъ въ настоящее время почти одинаковы: теперь уже весьма трудно угадать, что̀ въ этомъ отношеніи первоначально создали Греки и что̀ Албанцы. Однакожь одеждой, мужчины и жен-

щины албанскіе еще во многомъ отличаются отъ поколѣній греческихъ. Иные упрекаютъ Албанцевъ въ лѣности, но это несправедливо: ихъ скорѣе можно упрекнуть въ неповоротливости и въ упрямствѣ, между-тѣмъ, какъ сосѣди ихъ, Греки, чрезвычайно дѣятельны и изворотливы. Различіе это особенно замѣтно на островѣ Андросѣ. Сѣверная часть его, населенная Албанцами, несравненно хуже обработана, чѣмъ южная, въ которой живутъ Греки. Вообще, на Андросѣ превосходство Грековъ надъ Албанцами такъ велико, что первые, охотно отправляясь въ Аѳины и въ нѣкоторыя другія мѣста для промысла работами, никогда не рѣшаются наниматься для работъ дома; вторые же составляютъ на своемъ островѣ исключительный классъ наемныхъ труженикобъ.

Цѣлая половина Эллиновъ и всѣ Романцы (Romäer) нынѣ забыли свое греческое происхожденіе и считаютъ себя Албанцами; но другое поколѣніе Эллиновъ, напротивъ, твердо увѣрено въ томъ, что происходитъ по прямой линіи отъ племенъ, населявшихъ Грецію со времени ѳивской и троянской войнъ до императора Юстиніана и никакъ не соглашается съ тѣми, которые утверждаютъ, будто предки его были анатолійскіе колонисты, а языкъ его — испорченный остатокъ языка древнегреческаго. Кстати о происхожденіи современныхъ намъ племенъ греческихъ, считаемъ не лишнимъ привести весьма любопытное по этому предмету мнѣніе ученаго Фальмерайера, основанное имъ, будто-бы, на византійскихъ хроникахъ. Фальмерайеръ думаетъ, что въ VI и слѣдующихъ за тѣмъ столѣтіяхъ славянскіе народы завоевали Грецію и утвердились въ ней, истребивъ почти всѣхъ древнихъ ея обитателей, но что въ X и XI вѣкѣ византійскимъ императорамъ удалось собрать въ Аѳины малочисленные остатки этихъ обитателей, а послѣ того разселить по Греціи нѣсколько колоній изъ Константинополя, Малой-Азіи и пр. — Въ подтвержденіе этого мнѣнія, Фальмерайеръ приводитъ множество славянскихъ названій различныхъ мѣстъ въ Греціи,—названій, употребительныхъ нынѣ и упоминаемыхъ въ хроникахъ X и XI столѣтій: славянскіе обычаи, существующіе въ этой странѣ и сходство ея музыки и архитектуры съ музыкою и архитектурою Славянъ... Словомъ, если допустить это предположеніе, выйдетъ, что нынѣшнее населеніе Греціи, по происхожденію своему, есть населеніе славянское.

Къ-сожалѣнію, это одна только гипотеза. Правда, славянскіе народы дѣлали въ VI вѣкѣ счастливыя нападенія на Пелопонесъ и оставили въ немъ глубокіе слѣды своихъ завоеваній — въ этомъ согласны всѣ византійскіе историки; но они не истребили всего населенія Греціи, не уничтожили языка его, не были родоначальниками нынѣшнихъ племенъ древней Эллады. Слова лѣтописцевъ, на которыхъ основывается г. Фальмерайеръ, — не что иное, какъ риторическія преувеличенія, ибо тѣ же самые лѣтописцы говорятъ въ другихъ мѣстахъ, что Славяне всегда воевали одни приморскіе города эллинскіе, какъ, напримѣръ, Патрасъ, Монемвазію и др. Изъ числа же названій, почитаемыхъ славянскими, весьма многія, по мнѣнію филологовъ, происходятъ отъ греческаго корня. Точно также и предположеніе о новомъ заселеніи Греціи посредствомъ колоній, разосланныхъ императорами, не имѣетъ никакого основанія, потому-что если бъ дѣйствительно преж-

нее греческое населеніе было почти все истреблено Славянами, то какъ могли бы византійскіе императоры, бывшіе въ X, XI и XII столѣтіяхъ въ столь затруднительныхъ обстоятельствахъ, выводить цѣлыя сотни тысячь колонистовъ изъ азіатскихъ провинцій (далеко немноголюдныхъ) и потомъ снабжать этихъ выходцевъ всѣмъ необходимымъ для поселенія? Да и какъ удержались бы азіатскіе поселенцы — еслибъ даже имѣли все нужное — между враждебными славянскими племенами? Быть можетъ, намъ скажутъ, что новогреческій языкъ не происходитъ отъ древне-греческаго, и для подтвержденія этого присовокупятъ, что когда бы онъ происходилъ отъ древняго греческаго, то изъ него не исчезли бы совершенно отличія іоническаго, дорическаго и эолическаго діалектовъ. Но дѣйствительно ли они совершенно исчезли? Ученые знатоки древняго и новаго греческаго языка утверждаютъ противное, а Тиршъ открылъ въ нарѣчіи Законійцевъ древнегреческіе корни словъ, рѣшительно чуждые болгарскому языку. Впрочемъ, если даже мы согласимся, что большая часть древнихъ жителей Греціи была истреблена, то и въ такомъ случаѣ долженствовало остаться ихъ столько, что они могли спасти свой языкъ посреди чужеземнаго нашествія точно такъ же, какъ было въ то же самое время на западѣ Европы.

Да и самый языкъ новогреческій явно обличаетъ сродство свое съ древнегреческимъ. Конечно, онъ, подобно всѣмъ новѣйшимъ языкамъ, имѣетъ свою особенную, произвольную формацію, и, лишившись древняго богатства формъ грамматическихъ, замѣняетъ ихъ вспомогательными словами, множествомъ союзовъ и другихъ нарочно-придуманныхъ пособій; но къ древнему корню своему онъ гораздо ближе, чѣмъ романскіе языки къ латинскому. Поэтому, онъ можетъ дѣлать безпрерывныя заимствованія изъ источника своего и даже пріобрѣсти современемъ древнія грамматическія формы. Знаменитый филологъ, Адамантіасъ Кораисъ открылъ въ этомъ отношеніи путь совершенно новый и столь вѣрный, что, слѣдуя ему съ разумѣніемъ аналогіи лингвистической и осторожностію, можно доставить новогреческому языку почетнѣйшее мѣсто между самыми богатыми и наилучше-сформированными новѣйшими языками. Онъ вполнѣ сохранилъ свою первобытную силу, не принявъ въ себя ничего славянскаго, франкскаго, турецкаго и албанскаго; языки славянскій, новогреческій, нѣмецкій суть нынѣ единственные коренные языки въ Европѣ.

Мы не будемъ однакожь отъискивать древнихъ греческихъ элементовъ въ быту современныхъ обитателей Греціи и изъ сходства способностей, образа мыслей, нравовъ и обыкновеній выводить тождество нынѣшнихъ Грековъ съ древними, потому-что при подобныхъ изслѣдованіяхъ весьма трудно отличить случайное отъ существеннаго, пріобрѣтенное отъ наслѣдственнаго. Словомъ, мы не будемъ искать въ нынѣшнихъ Аѳинянахъ, Ѳиванахъ и Аргиванахъ племенъ, населявшихъ въ древности Аѳины, Ѳивы и Аргосъ, хотя между древними и новѣйшими Греками существуетъ сходство, неподлежащее никакому сомнѣнію. Сходство особенно замѣтно въ дарѣ слова, которымъ столь щедро надѣлены какъ образованные, такъ и необразованные обитатели современной Греціи. Даръ этотъ состоитъ въ инстинктивномъ умѣньи употреблять для изъясненія мысли вѣрныя, важныя выраженія, и въ искусствѣ придавать имъ такую интонацію, посред-

ствомъ которой получаютъ они еще болѣе жизни, еще болѣе значенія. Краснорѣчіе, или, какъ Греки гораздо вѣрнѣе называютъ его, «даръ слова» (εὐγλωττια) выпалъ въ удѣлъ преимущественно живымъ, пылкимъ народамъ Юга; но Греки надѣлены имъ отъ природы еще щедрѣе, чѣмъ Итальянцы, Французы и Испанцы.

Мужчины въ Греціи, особенно молодые, нерѣдко могутъ служить моделью для скульптора. Черты лица ихъ прекрасны; глаза большіе, темные; брови круглыя; кожа смуглая, но чистая; губы и щеки—румяныя; формы тѣла удивительно-правильны; волосы черные, вьющіеся; затылокъ сформированъ прекрасно; плеча широкія, грудь высокая; ростъ много выше средняго: мускулы сильно развиты. Греки вообще искательны и тщеславны; но мужчины берутъ въ этомъ отношеніи рѣшительный перевѣсъ надъ женщинами. Впрочемъ, чужеземцу довольно трудно судить о «прекрасномъ полѣ» въ Греціи, потому-что тамошнія женщины ведутъ, по-большой части, жизнь самую уединенную. Путешественникъ можетъ наблюдать ихъ только по вечерамъ, когда онѣ, послѣ дневныхъ занятій, безпечно сидятъ предъ своими домами. Это поверхностное наблюденіе покажетъ ему, что Гречанки далеко не такъ хороши собою, какъ мужья ихъ и братья. Если жъ природа изрѣдка надѣляетъ ихъ красотою, то прелести ихъ вянутъ неимовѣрно-быстро: греческія красавицы начинаютъ дурнѣть уже на семнадцатомъ году отъ рожденія; а на двадцать-пятомъ всѣ Гречанки старухи, можетъ-быть отъ-того, что кормятъ грудью дѣтей по три года и болѣе. Эти бѣдныя, дурныя собою Гречанки, по-большой-части, лишены всякаго воспитанія, но привѣтливы, прилежно смотрятъ за хозяйствомъ, страстно любятъ дѣтей своихъ и считаютъ брачныя узы святынею. Въ Греціи, даже богатыя женщины исключительно преданы домашнимъ занятіямъ: политическія дѣла для нихъ совершенно-чужды. Вышиванье, лютня, ромаика, — вотъ что наполняетъ однообразную жизнь ихъ. Читать и писать умѣютъ онѣ рѣдко; однакожь учебныя заведенія для дѣвицъ, учрежденныя съ недавняго времени въ Аѳинахъ, неоспоримо доказываютъ, что молодое женское поколѣніе Эллады надѣлено съ избыткомъ умственными способностями и необычайнымъ рвеніемъ къ знанію.

Обращеніе Грековъ было бы чрезвычайно привлекательно, еслибъ основаніемъ ему всегда служило чистосердечіе. Когда Грекъ желаетъ что нибудь получить отъ васъ, онъ весь услужливость, предупредительность и лесть; но потомъ, когда достигнетъ своей цѣли, вамъ очень-часто прійдется проститься съ его услужливостію, предупредительностію и льстивыми похвалами. Но и между собой, Греки, знатные и простолюдины, учтивы до безконечности. Вы удивились бы, еслибъ вамъ случилось подслушать разговоръ двухъ греческихъ мужиковъ, которые встрѣчаются другъ съ другомъ послѣ нѣсколькихъ дней разлуки: это настоящій потокъ освѣдомленій о здоровьѣ, благодарностей, привѣтствій, увѣреній въ дружбѣ и проч. и проч. Говорить для Грека—почти такъ же нужно, какъ и ѣсть. Страсть говорить они, вѣроятно, получили въ наслѣдство отъ предковъ своихъ, которые, какъ извѣстно, были величайшими говорунами въ свѣтѣ и произнос и-

ли иногда такія рѣчи, передъ которыми самыя длинныя выходки членовъ англійскаго парламента—просто лиллипуты. Надобно однакожь сказать, — какъ и выше замѣчено, — что Греки говорятъ превосходно: разговоръ ихъ живъ, исполненъ остроумія, нерѣдко колко-насмѣшливъ и всегда чудно-краснорѣчивъ. Всѣ они— будто урожденные поэты и ораторы. За то пѣніе ихъ рѣшительно гадко. Они еще менѣе музыкальны, чѣмъ Англичане. Они поютъ въ носъ, и притомъ съ самымъ печальнымъ однообразіемъ...Много, весьма много времени пройдетъ прежде, нежели пѣвцы ихъ разгадаютъ ту удивительную стройность, которою отличались хоры древней Греціи.

Народность греческая образовалась подъ вліяніемъ жестокаго угнетенія чужеземнаго. Турки поступали съ Греками самымъ безчеловѣчнымъ образомъ. Это всѣмъ извѣстно; но не всѣ знаютъ, что именно въ-слѣдствіе этого-то продолжительнаго, варварскаго угнетенія, національный характеръ современныхъ Грековъ принялъ тотъ дурной оттѣнокъ, за который укоряютъ ихъ нынѣ. Это тяжкое иго обратило у нихъ въ привычку ложь и обманъ; оно тѣсно сдружило ихъ съ корыстолюбіемъ и лихоимствомъ, потому-что, во время этого ига, корыстолюбіе и лихоимство были необходимостію. Ка́къ можно было не привыкнуть Греку ко лжи и обману, когда ему надобно было во всемъ таиться отъ своихъ утѣснителей? ка́къ могъ онъ не сдѣлаться лихоимцемъ, когда, нерѣдко поневолѣ, долженствовалъ служить орудіемъ лихоимства? Жаль, что последняя война греческая, — война, пробудившая въ душѣ Грековъ столько высокихъ, благородныхъ чувствованій, не истребила этихъ плевелъ; но есть надежда, что они исчезнутъ мало-по-малу подъ благотворнымъ вліяніемъ нынѣшняго правительства Греціи. Въ этомъ убѣждаетъ насъ и привязанность Грековъ къ ихъ юному государю, и предусмотрительные законы, имъ изданные, и всегдашняя, истинно-отеческая заботливость его о благѣ подданныхъ. Начало уже сдѣлано; молодое поколѣніе Греціи ужь рѣзко отличается отъ стараго благородствомъ образа мыслей; остается не ослабѣвать въ мѣрахъ улучшенія, и народная нравственность совершенно измѣнится въ древней Элладѣ. Но, чтобъ эти надежды наши не показались несбыточными, скажемъ, что за возможность осуществленія ихъ ручается самая основа національнаго характера теперешнихъ Грековъ: основа эта— благорасположеніе и любовь. И то, и другое ярко проявляется у нихъ въ ихъ семейномъ быту, въ ихъ гостепріимствѣ и обращеніи. У нихъ нынѣче супружеская вѣрность уважается глубоко; дѣти чтутъ старшихъ съ истинно-трогательною покорностію; примѣры братской любви,—любви нѣжной и попечительной,— весьма нерѣдки; а согласіе многихъ большихъ семействъ, дружелюбно живущихъ въ тѣснѣйшихъ хижинахъ, можетъ удивить каждаго. Гостепріимство же, во многихъ мѣстахъ Греціи, сохранило и въ настоящее время свои древнія, гомерическія формы. Правда, иныя бѣдныя семейства греческія пріймутъ за него подарокъ, но никогда не проводятъ васъ отъ себя холодно и угрюмо, хотябы вы и ничего имъ не дали. Часто они отдарятъ васъ несравненно-щедрѣе, чѣмъ вы одарили ихъ; зажиточные же люди въ Греціи, во всякомъ случаѣ, сочтутъ оскорбленіемъ, еслибъ вы вздумали дать что-нибудь не

только имъ-самимъ, но и прислугѣ ихъ. А когда бъ видѣли вы, ка́къ пламенно они любятъ своего короля и свою королеву!

Но, говоря о любви, мы не рѣшаемся умолчать объ одномъ прекрасномъ обыкновеніи, которое существуетъ нынѣ въ Греціи подъ именемъ *братованія*. Вотъ въ чемъ состоитъ оно: два Грека, сходные между собою характеромъ и образомъ мыслей, чувствуя привязанность другъ къ другу, заключаютъ между собою тѣсный, вѣчный союзъ и освящаютъ его религіознымъ обрядомъ, *братаются*. При «братованіи», совершаемомъ обыкновенно въ церкви, всегда присутствуетъ дѣвушка, выбираемая «братающимися», и *для* избранной это считается особенною честію. Во время церемоніи, она становится у алтаря передъ лицомъ «братающихся» и обвиваетъ ихъ тканью (символически-выражающею новую связь ихъ), между-тѣмъ, какъ они, получивъ благословеніе служителя алтаря, клянутся въ неизмѣнной вѣрности другъ другу. Мы не знаемъ, въ какую именно эпоху началось это обыкновеніе въ Греціи, но можемъ сказать, что «братованіе» считается тамъ выше кровнаго родства и, безъ-сомнѣнія, оно породило эту безграничную преданность, которою удивляли насъ такъ часто паликары и вожди ихъ. «Братья», по совершеніи обряда, никогда уже не покидаютъ другъ друга и жертвуютъ одинъ *для* другаго имуществомъ и самою жизнію.

Кстати о народныхъ обычаяхъ, имѣющихъ источникомъ глубокое сердечное чувство. Вотъ еще одно весьма древнее греческое обыкновеніе—поминовеніе усопшихъ. Въ Греціи, родственники умершаго, по истеченіи двухъ лѣтъ послѣ его смерти, въ день его кончины, собираются на могилѣ усопшаго и, въ воспоминаніе о немъ, совершаютъ простую трапезу. На третій годъ, они снова сходятся на кладбищѣ, вынимаютъ кости усопшаго родственника изъ гроба и хоронятъ ихъ въ церкви, гдѣ послѣ того спокойствіе усопшаго ничѣмъ уже не нарушается. Это обыкновеніе соблюдается въ Греціи такъ свято, что нерѣдко, по истеченіи многихъ лѣтъ, переносятся въ освященную землю даже кости такихъ людей, которые погибли на войнѣ, или во время чумы, и были схоронены на томъ мѣстѣ, гдѣ застала ихъ смерть. Впрочемъ, относительно умершихъ, въ Греціи существуетъ очень много суевѣрныхъ обычаевъ и мнѣній, оставшихся послѣ языческой древности. Такъ, на-примѣръ, между Греками есть еще вѣрованіе въ Харона, этого перевозчика черезъ Стиксъ древнихъ, и повѣрье, что тѣни усопшихъ порхаютъ около гробовъ до того времени, когда души отъидутъ на вѣчное успокоеніе. Далѣе, они, точно такъ же, какъ и въ древности, обвиваютъ могилы и надгробные камни плющемъ (δέλινον). Надгробныя жалобы и пѣніе женщинъ напоминаютъ собою «Naeniae» древнихъ и выражаютъ сильную, по-большей-части истинную скорбь душевную. Но есть между нынѣшними Греками и другія обыкновенія, которыя происхожденіемъ своимъ очевидно обязаны языческой древности. Такъ греческіе моряки часто избираютъ себѣ какого-нибудь особаго патрона, подобно предкамъ своимъ, обращавшимся съ мольбами къ Посейдону, или къ какому-нибудь морскому божеству. На свадьбахъ, молодые люди, такъ же какъ и въ древнія времена,

съ пѣснями и музыкою сопровождаютъ невѣсту въ домъ жениха, и проч. и проч. Очевиднѣе всего вліяніе язычества замѣтно на множествѣ суевѣрій, существующихъ во всей Греціи: Греки вѣрятъ въ дурныя предзнаменованія, въ дурной глазъ, въ амулеты, предохраняющіе отъ бѣдствій, и т. д.; вѣрятъ въ существованіе Парвъ, только подъ другимъ названіемъ (новѣйшіе Греки сдѣлали изъ нихъ какихъ-то властительницъ чумы), въ божества, обитающія въ источникахъ и лѣсахъ, и во многое другое.

Веселости Греки затѣваютъ преимущественно въ дни праздничные. Въ эти дни, нерѣдко до глубокой ночи площади бываютъ покрыты разряжеными Греками и Гречанками, которые или танцуютъ съ безпримѣрною неутомимостію свои важно-патетическія пляски, или смотрятъ на танцующихъ. Конечно, инымъ обитателямъ Сѣвера танцы въ праздникъ могутъ показаться не совсѣмъ приличными; но греческія пляски такъ благопристойны, до того чужды всего чувственнаго, что ими нельзя оскорбиться самому строгому благочестію. Танцующіе, обыкновенно, становятся въ круги, состоящіе или изъ однихъ мужчинъ, или изъ однѣхъ женщинъ (оба пола смѣшиваются въ танцахъ весьма рѣдко), и по-временамъ медленно движутся, между-тѣмъ, какъ первый танцовщикъ нерѣдко пускается въ самые странные прыжки, а первая танцовщица выказываетъ свое искусство въ тихихъ, граціозныхъ поворотахъ и движеніяхъ. Эти круги никогда, впрочемъ, несомкнутые и имѣющіе, по-большей-части, эллиптическую форму, образуютъ танцующіе, взявъ другъ друга за руки, или, для увеличенія объема хоровода, за платки. Собственно танцы можно увидѣть въ Греціи только на «франкскихъ» балахъ; туземцамъ же, за исключеніемъ Фанаріотовъ, они, повидимому, не нравятся. Греческіе *па* простые, но разнообразные. обыкновенно очень занимаютъ собою присутствующихъ. Люди не танцующіе смотрятъ преимущественно на перваго танцовщика и на первую танцовщицу, въ движеніяхъ которыхъ бываетъ нѣсколько болѣе жизни. И притомъ самая музыка Грековъ чрезвычайно монотонна. Какъ не соскучиться, слушая всегда почти одни и тѣ же звуки лиры, цитры и скрипки, сопровождаемые по-временамъ гнусливымъ пѣніемъ, при которомъ часто не произносится ни одного слова?

Но дни святыхъ, которыхъ память особенно почитается въ томъ или другомъ мѣстѣ Греціи, празднуются тамъ несравненно привлекательнѣе. Въ подобные праздники, во время литургіи, мѣстныя церкви и монастыри бываютъ полны богомольцами, пришедшими пѣшкомъ и пріѣхавшими въ повозкахъ, на лошадяхъ и на ослахъ. По окончаніи обѣдни, вся эта пестрая толпа располагается неподалеку отъ храма, въ тѣни деревъ, и начинаетъ весело полдничать. Попробуйте пройдтись между этими группами, сколько радушныхъ приглашеній получите вы со всѣхъ сторонъ! Тамъ зовутъ васъ отвѣдать оливокъ, нарочно сбереженныхъ для этого дня; здѣсь предлагаютъ сыру, хлѣба и плодовъ; въ другомъ мѣстѣ подчуютъ славнымъ виномъ,—и все это сопровождается самыми ласковыми, самыми дружелюбными привѣтствіями. А еслибъ вы вздумали взглянуть немного поодаль, увидѣли бы огромные пылающіе костры, на которыхъ жарятся ягня-

та и большіе бараны, посыпанные солью, перцомъ и другими приправами. Когда же обѣдъ оканчивается, между пришельцами затѣваются танцы чинные, степенные, и народъ, безъ различія званій и состояній, веселится до поздней ночи. Вообще, въ этихъ праздникахъ подъ открытымъ небомъ,— подъ небомъ плѣнительнаго Юга, — въ прохладной тѣни высокихъ тополей, при плескахъ волнъ змѣистыхъ, голубыхъ рѣчекъ, такъ много патріархальнаго, такъ много привлекательнаго, что путешественникъ, увидѣвъ ихъ, долго-долго будетъ хранить о нихъ воспоминаніе тихое и сладостное. Къ числу подобныхъ-то празднествъ должно отнести торжество, происходившее въ 1838 году, въ воспоминаніе послѣдней войны за независимость, —торжество по-истинѣ трогательное.

Перейдемъ къ предмету болѣе серьёзному,—къ современной духовной дѣятельности въ Греціи. Дѣятельность эта живо пробудилась въ народныхъ пѣсняхъ греческихъ, воспламенившихъ Эллиновъ во время морейской войны, едва ли не болѣе самой любви къ отчизнѣ и сдѣлавшихся извѣстными Европѣ незадолго передъ этою войною (прежнія собранія Гюи, Бартольди, Пуквиля и другихъ путешественниковъ остались какъ-то незамѣченными). Вліяніе ихъ на новѣйшихъ Грековъ и пылкое одушевленіе, которымъ проникнуты онѣ, было признано Нибуромъ, Гёте и всѣми другими мыслителями того времени. Но дѣятельность, о которой говоримъ мы, гораздо-сильнѣе проявилась въ живомъ стремленіи нынѣшнихъ Грековъ къ самообразованію. Потребность ученія заговорила въ душахъ ихъ еще въ концѣ прошлаго столѣтія. Еще въ то время, посредствомъ частныхъ приношеній(*), были основаны новыя эллинскія школы въ Хіосѣ, Смирнѣ, Салоникѣ, Турново, Кидоніи, на Критѣ, Патмосѣ, Паросѣ и проч. и улучшены прежде-существовавшія въ Янинѣ, Яссахъ и Бухарестѣ. Вскорѣ послѣ того, многіе молодые Греки, поддерживаемые своими богатыми соотчичами, отправились въ итальянскіе, французскіе и германскіе университеты, для изученія богословія, философіи, филологіи и т. д. Изъ числа этихъ молодыхъ людей, столь много содѣйствовавшихъ распространенію просвѣщенія въ ихъ отечествѣ, передъ начатіемъ войны за независимость и вскорѣ по окончаніи ея, должно поименовать братьевъ Суццо, Константина Шинаса, Θеохариса, Филиппоса Іоганниса, Фармакидеса, Геннадіоса, Азопіоса, Мануссиса и Бамбаса. Притомъ, непосредственно передъ этимъ періодомъ и во время самой войны, молодые Греки занимались изученіемъ правовѣдѣнія, какъ-бы предугадавъ, что юридическія знанія ихъ будутъ нужны для Греціи. Изъ нихъ вышли нынѣшніе важнѣйшіе сановники греческіе, каковы Клеонарисъ, Полицоидисъ, Паикосъ, Ралисъ и нѣкоторые другіе.

(*) Нѣкоторыя изъ этихъ пожертвованій весьма значительны: на-примѣръ, Ипсаріотъ І. А. Варваки пожертвовалъ на учрежденіе школы въ Хіосѣ 125,000 турецкихъ піастровъ, а другой богатый Грекъ положилъ въ основаніе меццовскаго (Mezzovo) учебнаго заведенія 70,000 рублей.

успѣхи учебныхъ заведеній весьма замѣтно. Особенно проявляется оно при публичныхъ испытаніяхъ, продолжающихся по цѣлымъ недѣлямъ и посѣщаемымъ сторонними лицами съ большимъ усердіемъ. Видно, что новѣйшіе Греки понимаютъ пользу просвѣщенія, любятъ его и открытіе каждаго новаго учебнаго заведенія почитаютъ великимъ дѣломъ. Скажемъ еще болѣе: такое стремленіе къ самообразованію, и такіе быстрые успѣхи на поприщѣ наукъ, какіе проявились теперь въ Греціи, можно найдти въ весьма немногихъ другихъ странахъ. Но, знакомя нашихъ читателей съ состояніемъ просвѣщенія въ Греціи, мы считаемъ долгомъ упомянуть объ учено-воспитательномъ заведеніи, которое было учреждено Θеоѳиломъ Каирисомъ на островѣ Андросѣ для бѣдныхъ сиротъ, а нынче временно закрыто. Этотъ Каирисъ прежде былъ монахомъ въ монастырѣ на Андросѣ; потомъ довольно долго занимался науками во Франціи. По возвращеніи въ Грецію, онъ, въ-продолженіи нѣкотораго времени, училъ въ маленькомъ городкѣ Кидоніи, а при открытіи войны за независимость, принялъ въ ней участіе. Будучи тяжело раненъ, онъ удалился изъ воинскаго стана и, при помощи нѣкоторыхъ частныхъ приношеній, основалъ то заведеніе для сиротъ, о которомъ упомянуто выше. Въ 1838 году, въ главномъ зданіи этого заведенія находилось уже 96 питомцевъ; каждый изъ нихъ имѣлъ для помѣщенія особое отдѣленіе, пространствомъ футовъ въ девять. Продольный, широкій корридоръ, идущій между двумя рядами этихъ комнатокъ (зданіе имѣетъ два этажа) и корридоръ поперечный служили воспитанникамъ сборными мѣстами для общихъ занятій, развлеченій и стола. Для приготовленія кушанья и мытья бѣлья состояло при заведеніи нѣсколько служителей и служительницъ; прочія же домашнія работы исправлялись самими воспитанниками. Преподаваніе производилось Каирисомъ при помощи наиболѣе-успѣвшихъ питомцевъ. Сверхъ того, онъ по три и по четыре раза въ день, въ особо-устроенномъ зданіи, разбиралъ греческихъ классиковъ и преподавалъ исторію, философію, математику и физику. На эти приватныя лекціи собиралось до 200 молодыхъ и немолодыхъ слушателей изъ обитателей Андроса, нѣкоторыхъ другихъ греческихъ и турецкихъ острововъ, и даже съ материка греческаго. Подлѣ залы, гдѣ читалъ онъ свои лекціи, находилась небольшая библіотека и собраніе математико-физическихъ аппаратовъ, которыми пользовались слушатели Каириса и питомцы сиротскаго заведенія. Впрочемъ, изъ числа послѣднихъ, допускались къ лекціямъ только отличнѣйшіе и болѣе прочихъ успѣвшіе. Но заведеніе имѣло весьма мало средствъ для своего содержанія: нерѣдко Каирису не было извѣстно утромъ, что́ припасти на обѣдъ воспитанникамъ, хотя обѣдъ этотъ, такъ же какъ и весь образъ жизни ихъ, былъ самый умѣренный. Между-тѣмъ, до свѣдѣнія греческаго синода дошло, что религіозное ученіе, преподаваемое Каирисомъ, не вполнѣ согласно съ установленіями греческой церкви. Въ-слѣдствіе этого, потребовано было отъ Каириса объясненіе, которое онъ старался отклонить тѣмъ, что, не имѣя познаній въ догматическомъ богословіи, вовсе не излагаетъ его своимъ питомцамъ, хотя и крайне желалъ бы пріобрѣсти эти познанія. На второй подобный запросъ онъ отвѣчалъ то-же. Послѣ этого, по

предписанію синода, Каирисъ лично явился въ его засѣданія, гдѣ, по новомъ разсмотрѣніи дѣла, окончательно было признано, что религіозное преподаваніе Каириса несогласно съ догматами и ученіемъ греческой церкви. Результатомъ этого было, какъ и выше замѣчено, временное закрытіе андросскаго учебно-воспитательнаго заведенія,—закрытіе, послѣдовавшее совершенно основательно, потому-что Каирисъ дѣйствительно имѣетъ превратныя понятія о религіи. Мѣсто его будетъ передано духовному, вполнѣ достойному уваженія.

Когда заведенія, исчисленныя нами, пришли въ полное дѣйствіе, когда они наполнялись юными, жаждущими познаній питомцами, Греки увидѣли необходимость въ учрежденіи университета, какъ мѣста, въ которомъ ученіе, излагаемое въ приготовительныхъ школахъ и гимназіяхъ, получаетъ свое полное развитіе. Къ осуществленію этой идеи они приступили съ рѣдкою ревностію, съ рѣдкимъ одушевленіемъ, и въ маѣ 1837 года былъ уже открытъ въ Аѳинахъ университетъ, наименованный, въ честь основателя своего, Оттоновымъ. Университетъ учрежденъ скорѣе по образцу германскихъ, нежели французскихъ университетовъ. Впрочемъ, окончательное его устройство предположено произвести согласно указанію опыта и времени, чтобъ въ-послѣдствіи онъ могъ вполнѣ соотвѣтствовать своей цѣли и стать, относительно своей организаціи, на одну степень съ совершеннѣйшими изъ подобныхъ заведеній въ другихъ странахъ. Для временнаго же управленія его изданъ статутъ, разсмотрѣнный коммиссіею, состоявшею изъ новоназначенныхъ профессоровъ его. Въ число этихъ профессоровъ, по четыремъ факультетамъ (это раздѣленіе обозначено въ уставѣ, какъ временное) поступили люди, получившіе основательное образованіе въ германскихъ и французскихъ университетахъ, а именно: Миссаилъ Апостолидисъ, Ѳеоклесъ Фармакидисъ и Контогонисъ для преподаванія богословія; Георгіадисъ, Буросъ, Костисъ и Маврокордато для лекцій медицинскаго факультета; Бамбасъ и въ-послѣдствіи Филиппосъ Іоаннисъ для преподаванія философіи; Геннадіюсъ, а потомъ Бенѣвлосъ для преподаванія филологическихъ наукъ; Константинъ Шинасъ, вмѣстѣ съ Германцами Россомъ и Ульрихсомъ для преподаванія исторіи; Бурисъ и Негрисъ для математическихъ и физическихъ наукъ; Домнадосъ для естественной исторіи; Германцы Ландереръ и Фраасъ для химіи и ботаники. Сверхъ того, въ числѣ новыхъ профессоровъ юридическаго факультета, находятся люди, занимающіе и другія должности: это президентъ аѳинскаго суда Раллисъ, Пробеленгіюсъ, Германецъ Федеръ, І. Суццо, Мануссисъ, Периклъ Аргиропулосъ и еще нѣсколько другихъ достойныхъ людей. Такое соединеніе обязанностей профессорской и административной оказалось на дѣлѣ весьма-выгоднымъ: многія необходимѣйшія каѳедры нынѣ заняты людьми знающими, между-тѣмъ, какъ расходовъ на плату имъ почти вовсе не требуется, а вмѣстѣ съ тѣмъ и важныя должности гражданскія не остаются вакантными. Притомъ самое преподаваніе въ юридическомъ факультетѣ, получивъ направленіе болѣе практическое, выиграло весьма-много, а между высшими гражданскими сановниками распространилось довѣріе къ юному

разсаднику знаній. Впрочемъ, юридическій факультетъ пріобрѣлъ и такихъ преподавателей, которые принадлежатъ ему исключительно. Мы разумѣемъ подъ этимъ г. Маврокордато и Германица Герцога. Нынѣ въ Аѳинскомъ Университетѣ число студентовъ, приготовленныхъ полнымъ гимназическимъ ученіемъ къ слушанію курсовъ его, еще невелико; за то онъ обилуетъ слушателями изъ молодыхъ чиновниковъ, которые, не получивъ основательнаго предварительнаго образованія, стараются настоящимъ прилежаніемъ вознаградить этотъ недостатокъ. Самый же многочисленный классъ слушателей его составляютъ люди всѣхъ званій, среднихъ и даже пожилыхъ лѣтъ, привлеченные въ него однимъ только желаніемъ образовать себя. Какое несомнѣнное доказательство любви нынѣшнихъ Грековъ къ просвѣщенію, и какой залогъ счастія для Греціи въ будущемъ составляетъ это стремленіе! Наиболѣе посѣщаются въ Аѳинскомъ Университетѣ слѣдующія лекціи: Бамбаса—философіи, Мануссиса—статистики, І. Суццо—политической экономіи, Раллисса и нѣкоторыхъ другихъ—правовѣдѣнія, и Ландерера—химіи. Послѣдній изъ нихъ такъ любимъ, что нерѣдко, послѣ удавшагося опыта, его съ жаромъ обнимаетъ какой-нибудь сѣдовласый герой послѣдней войны морейской, въ знакъ сердечной своей благодарности. Жаль, что студенты Аѳинскаго Университета не всегда слѣдуютъ какому-либо одному факультету, и нерѣдко слушаютъ лекціи безъ надлежащаго выбора; но зло это безъ-сомнѣнія исчезнетъ, когда въ числѣ слушающихъ будутъ поступать люди, болѣе приготовленные къ академическому ученію. Тамъ весьма ощутителенъ нынѣ недостатокъ въ собраніи нѣкоторыхъ необходимѣйшихъ книгъ и аппаратовъ; но еще болѣе былъ чувствителенъ недостатокъ въ приличномъ помѣщеніи для библіотеки, уже собранной, и для самаго университета. Библіотека эта, составившаяся преимущественно изъ приношеній, была сначала размѣщена съ большимъ трудомъ въ небольшой церкви; для университета же были вынуждены нанять, впрочемъ довольно просторный, домъ. Чтобъ отвратить такія неудобства, не дожидаясь времени, когда позволятъ сдѣлать это государственныя средства, составилось общество, которое, благодаря важнымъ частнымъ приношеніямъ, какъ внутри, такъ и внѣ Греціи, нашло наконецъ возможность воздвигнуть зданія для университета и библіотеки.

Но не одна жажда умственнаго совершенствованія такъ живо пробудилась въ современной Греціи: потребность техническаго образованія велика въ ней не менѣе. Ремесленная школа, открытая въ Аѳинахъ однимъ германскимъ офицеромъ, посѣщается людьми молодыми и пожилыми столь усердно, что, вѣроятно, сдѣлается политехническимъ заведеніемъ. При этомъ, мы не можемъ, не нарушая справедливости, умолчать о важномъ и дѣятельномъ участіи англійскихъ и американскихъ обществъ въ распространеніи просвѣщенія между нынѣшними Эллинами. Школы ихъ истинно благодѣтельны для Греціи и любимы Греками, не смотря на возгласы нѣкоторыхъ фанатиковъ, ожесточенно противъ нихъ враждующихъ. Религіозное ученіе предоставлено въ нихъ греческимъ духовнымъ; ихъ же начальство никогда не дѣлало даже самомалѣйшаго покушенія къ обраще-

нію вѣрованныхъ ему питомцевъ въ другое христіанское исповѣданіе, или къ поколебанію этихъ молодыхъ людей въ вѣрѣ греческой. Къ-счастію, ни одинъ изъ этихъ питомцевъ, по выходѣ изъ заведенія, не покинулъ вѣры предковъ своихъ. Цѣль чужеземныхъ школъ—просто содѣйствовать распространенію просвѣщенія въ Греціи посредствомъ вспомоществованія національнымъ школамъ, которыя еще не могутъ вполнѣ удовлетворить пылкому стремленію нынѣшнихъ Грековъ къ образованію. Въ нихъ, такъ же какъ и въ греческихъ школахъ, преимущественно введена метода взаимнаго обученія; а преподаютъ по ней греческіе наставники, подъ надзоромъ англійскихъ, американскихъ и германскихъ директоровъ. Лицей, основанный американскимъ обществомъ въ Аѳинахъ, закрытъ съ той поры, когда прежняя Эгинская Гимназія была переведена въ новую столицу Греціи. Но существеннѣйшая заслуга англо-американскихъ школъ состоитъ въ ихъ полезномъ вліяніи на женское воспитаніе въ Греціи. Женскія воспитательныя заведенія, основанныя обществами въ Аѳинахъ и Сирѣ (изъ директриссъ ихъ особенно замѣчательна мистриссъ Гилль), уже образовали значительное количество греческихъ наставницъ, которыя помѣщены въ различныя греческія женскія школы, содержимыя частію на счетъ казны, частію же на счетъ общинъ. Сверхъ-того, вліяніе Американцевъ и Англичанъ на воспитаніе дѣвицъ пробудило благородное соревнованіе по этому предмету между самими Греками: Кондуріотти, Геннадіосъ и нѣкоторые другіе основали педагогическое общество, которое уже успѣло учредить женскую школу и вообще дѣйствуетъ весьма успѣшно на распространеніе образованія между дѣвицами.

Есть однакоже въ Греціи важный недостатокъ, который пополнить еще не успѣли Греки: это недостатокъ хорошихъ учебныхъ книгъ. Правда, и въ этомъ отношеніи филэллинскія общества сдѣлали много полезнаго, печатая, какъ могли, учебныя руководства въ типографіяхъ своихъ, учрежденныхъ на Мальтѣ, въ Сирѣ и Смирнѣ; но и теперь еще въ иныхъ греческихъ школахъ такъ мало учебныхъ книгъ, что ученики должны *списывать* цѣлыя сочиненія.

Само собою разумѣется, этотъ порывъ Грековъ къ просвѣщенію, порывъ столь новый, не могъ еще принести плодовъ зрѣлыхъ и обильныхъ. Но зачатки литературные подаютъ самыя пріятныя надежды, тѣмъ болѣе, что нѣкоторыя вспышки духовной дѣятельности проявлялись между новѣйшими Греками и въ прежнія времена. Первое замѣчательное поэтическое произведеніе относится у нихъ къ XVI столѣтію: это «Эротокритосъ», романтическая эпопея, написанная на критскомъ нарѣчіи. Сколько можно судить по отрывкамъ, напечатаннымъ въ «Researches in Greece» полковника Лика, эта эпопея приближается, по плану своему и исполненію, къ твореніямъ Аріоста, хотя въ ней и нѣтъ того одушевленія, той увлекательной прелести, которыми такъ дивно очаровываетъ пѣвецъ итальянскій. Равномѣрно должно счесть отголосками итальянской поэзіи трагедію «Эрофилэ» и пастушеское стихотвореніе «Воскопула», написанныя также на критскомъ

нарѣчія. Въ прошедшемъ столѣтіи, появлялись преимущественно комическія сочиненія, каковы «Стехомахія» (вражда стихій), «Ватрахоміомахія» и т. д., и анакреонтическія стихотворенія, изъ которыхъ прелестныя пѣсни Аѳанасія Христопуло очень нравились до-той-поры, когда раздались первые звуки пѣснопѣній Рига и нашли себѣ самое живое сочувствіе въ Греціи. «Военныя Пѣсни» Рига, исполненныя пламенной любви къ родинѣ, произвели на Грековъ такое же впечатлѣніе, какое на Германцевъ производили кёрнеровы «Leier und Schwert». Любовь къ родинѣ благородный пѣвецъ Греціи запечатлѣлъ геройскою смертію: онъ сдѣлался ея первою жертвою. Послѣ него, непосредственно передъ началомъ войны за независимость, Миссолунгецъ Спиридіонъ Трикуписъ высказалъ въ романтической поэмѣ «Димосъ» такія чувства, которыя оправдалъ потомъ на самомъ дѣлѣ. Димосъ, знаменитый по происхожденію своему и храбрый Миссолунгецъ, обрученный съ молодою дѣвушкою, убитъ своимъ соперникомъ. Друзья Димоса вызываютъ убійцу на поединокъ, но, передъ боемъ, совершаются похороны юнаго Миссолунгца, и два пѣвца, по-очереди, то славятъ его мужество, то оплакиваютъ его безвременную кончину. Этою поочередною пѣснію оканчивается поэма, которая предназначена, по-видимому, для изображенія «героя» и «геройской смерти», олицетворенныхъ въ Димосѣ и его гибели. Поэтому, авторъ и назвалъ ее «клефтическою».

Великіе подвиги перваго года войны за независимость, осада и взятіе Триполицы, битва коринѳская, первая оборона Миссолунги, первыя морскія битвы и трагическая смерть патріарха константинопольскаго,— все это воспѣто греческими поэтами. Но нынче подобныя произведенія нравятся меньше, чѣмъ прежде, и даже самая пѣснь на паденіе Миссолунги (Панагіотиса Суццо), кажется, не производитъ особеннаго эффекта. За то пѣсни Александра Суццо, брата Панагіотиса, направленныя сначала противъ благороднаго Маврокордато, и потомъ противъ партіи графа Каподистріа, приняты были многими благосклонно. Однакожь политическій романъ того же автора, «Изгнанникъ», имѣлъ менѣе успѣха. Романъ этотъ полонъ одушевленія тамъ, гдѣ описываются въ немъ раздоры политическихъ партій временъ графа Каподистріа; но относительно изображенія политическаго характера героя — чего-то въ ролѣ Вертера, — ему менѣе посчастливилось, чѣмъ Уго-Фосколо въ «Джакобо Ортисѣ».

Драматическія произведенія новѣйшихъ Грековъ также заслуживаютъ вниманія. Нѣкоторыя комедіи Якобаки Риццо, бывшаго министра греческаго, не лишены комическихъ, истинно-новогреческихъ положеній; Трагедія «Катастрофа Миссолунгская», написанная сестрою того Каприса, о которомъ говорено выше, воспламеняетъ Грековъ какъ въ чтеніи, такъ и на сценѣ. Впрочемъ, дѣйствіе это скорѣе можно приписать тому, что въ «Катастрофѣ» вѣрно изображены минувшія страданія Грековъ, нежели собственно поэтической силѣ этого произведенія. Трагедіи Панагіотиса Суццо, написанныя по образцу древнихъ, весьма мало нра-

мится въ Греціи, а «Мессіада» его имѣетъ еще менѣе успѣха. Но переводы древнихъ трагедій принимаются съ несравненно-живѣйшимъ участіемъ (подобныя произведенія пока только въ хорошихъ переводахъ могутъ имѣть цѣну для нынѣшнихъ Грековъ). Къ числу самыхъ удачныхъ изъ нихъ должно отнести переводъ эврипидовыхъ «Финикіянокъ», сдѣланный Рицсо-Равгабисомъ въ его «Разныхъ Стихотвореніяхъ» (Διάφορα ποιήματα); но послѣдующіе опыты другихъ въ томъ же родѣ были несравненно слабѣе.

Однакожь, во всякомъ случаѣ, поэтическая литература не стоитъ еще въ Греціи на той высотѣ, до которой, независимо отъ нея, достигла народная поэзія. Эта поэзія просто, безъискуственно, но сильно изображаетъ жизнь и подвиги Клефтовъ и Арматольцевъ; она возводитъ васъ даже ко временамъ завоеванія Константинополя и, описывая ихъ, высказываетъ надежду на освобожденіе и на помощь Европы; она переноситъ васъ въ Сули, заставляетъ удивляться геройскому терпѣнію и чудному мужеству Клефтовъ; въ ней слышатся и слова вражды противъ утѣснителей — Турокъ, и жалобы матери, сынъ которой палъ въ битвѣ; въ ней птички тоскливо воспѣваютъ смерть героя-Клефта и, какъ-бы въ утѣшеніе ему, несутъ на могилу его вѣсть о веснѣ благодатной. Въ ней конь нѣжно привязанъ къ своему господину во всю жизнь его и вырываетъ ему копытомъ могилу послѣ его смерти; въ ней горы гордятся тѣмъ, что сдѣлались убѣжищемъ для колесницъ Паликаровъ. Не менѣе того одушевленно изображаются въ греческихъ народныхъ пѣсняхъ жизнь семейная и ея перемѣны; на-примѣръ, печаль матери, лишившейся сына, которую народные поэты Греціи олицетворяютъ въ видѣ лани, одиноко скитающейся въ дремучемъ лѣсу; или обманутыя ожиданія юноши, который, спѣша на обрученіе, вмѣсто возлюбленной своей находитъ гробъ ея. Они передаютъ вамъ и жалобы уединеннаго мореплавателя, захваченнаго на морѣ болѣзнію, и жалобы женщины, не находящей врачебнаго средства для исцѣленія своего больнаго мужа, и жалобы на разлуку съ милымъ, или съ милой; но онѣ воспѣваютъ также радость свиданія, счастіе любви и прелесть весны. Сверхъ-того, между ими много свадебныхъ и колыбельныхъ пѣсень. Въ праздникъ св. Василія, дѣти ходятъ съ пѣснями изъ дома въ домъ и получаютъ за нихъ разные мелкіе подарки. Изъ пѣсень, собранныхъ Манусисомъ и другими Греками, Форіель составилъ превосходный сборникъ, а Вильгемъ Мюллеръ и, въ недавнее время, Фирменихъ прекрасно перевели нѣкоторыя изъ нихъ на нѣмецкій языкъ (Икенъ и Киндъ присовокупили къ нимъ въ «Евноміи» объясненія). Одинъ германскій ученый, съ давняго времени проживающій въ Греціи и составившій уже значительное собраніе тамошнихъ народныхъ пѣсень, вѣроятно, скоро издастъ его съ примѣчаніями.

По части исторіи, новѣйшіе Греки также не остаются въ бездѣйствіи. І. Филемонъ, или Филимонъ, написалъ весьма легкимъ слогомъ исторію Гетеріи (Ἑταιρία), изобразивъ притомъ, въ видѣ предисловія, пред-

шествовавшія ей времена. Но еще болѣе замѣчательны записки достопочтеннаго епископа патрасскаго, Гермона, и полковника Перебоса (Perrhaebos), котораго историю Сули такъ высоко цѣнилъ Нибуръ. Равномѣрно заслуживаютъ вниманія нѣкоторыя специальныя статьи объ исторіи острова Идры, греческаго мореплаванія, и многія любопытныя статьи «Греческой Всеобщей Газеты», *Γενικὴ ἐφεμερὶς τῆς Ἑλλάδος*, издаваемой Θ. Фармакидисомъ (1825—28).—По предмету физико-математическихъ наукъ, въ послѣднее время, передѣлывали и переводили на греческій языкъ много полезныхъ учебниковъ. Есть, однакоже, по этой части и превосходныя оригинальныя статьи, какъ, на-пр., разсужденія отличнаго врача, профессора Буро, или Вуро, объ ихтіологіи и ботаникѣ древнихъ, разбросанныя въ одномъ врачебномъ періодическомъ изданіи. Въ медицинскомъ отношеніи, кромѣ нѣкоторыхъ нозологическихъ и другихъ специальныхъ статей, напечатанныхъ въ томъ же періодическомъ изданіи, слѣдуетъ упомянуть объ анатоміи покойнаго профессора Алек. Маврокордато (Аѳины, 1836 г.).—Касательно правовѣдѣнія, греческіе юристы, занятые практическимъ гражданскимъ устройствомъ Греціи, не могли сдѣлать многаго; однакожь, они не оставили безъ вниманія и теоретическихъ занятій. Раллисъ и Реніерисъ составили по Макельдею «Руководство къ Изученію Римскаго Права» (Аѳины, 1836 г.); вице-президентъ кассаціоннаго суда, А. Полицоидисъ, перевелъ «Философическое Правовѣдѣніе», соч. Е. Г. Гро (Аѳины, 1836 г.); а братья М. и П. Аргиропуло перевели съ французскаго «Начальныя Основанія Публичнаго Права», Макареля. Успѣху юридическихъ наукъ въ Греціи также весьма содѣйствовали германскій профессоръ Герцбгъ, и нѣкоторые другіе германскіе ученые, живущіе въ Греціи. По части политической экономіи появились многіе полезные труды, между которыми замѣчательнѣйшій — переводъ сочиненія Дроза, сдѣланный А. Полицоидисомъ и обогащенный прекраснымъ историческимъ введеніемъ и драгоцѣнными примѣчаніями.—Философическая литература богата логиками и метафизиками, составленными по Баумейстеру, Соаву (Soave) и другимъ; она еще болѣе богата реториками, изъ которыхъ самыя лучшія суть Бамбаса и Икономоса. Кумасъ пытался познакомить Грековъ съ кантовою философіею, посредствомъ перевода кругова руководства; Дроссо Манзоласъ, нынѣшній министръ внутреннихъ дѣлъ,—посреди военнаго шума (въ 1829 г., въ Сирѣ), развилъ «Нравоученіе» Фихте въ сочиненіи подъ названіемъ «*Διδασκαλίαι περὶ τοῦ ὁρισμοῦ τοῦ ἀνθρώπου καὶ τοῦ σπουδαίου*», а Неоѳ. Бамбасъ, въ Аѳинскомъ Университетѣ, еще въ 1818 г., «Этику». Въ позднѣйшее же время (въ 1838 г.), Бамбасъ издалъ начальныя основанія своего ученія: *Στοιχεῖα φιλοσοφίας*», составленныя имъ, большею частію по «Introduction à l'étude de la philosophie», соч. Тюрô. Впрочемъ, въ этой весьма-дѣльной и прекрасно-написанной книгѣ, заключающей въ себѣ краткое обозрѣніе опытной психологіи, логики и этики, есть нѣкоторыя заимствованія изъ Дюгальда Стюарта и Ф. Жакена. Поэтому, книгу эту должно считать ничѣмъ инымъ, какъ введеніемъ въ философію, подобнымъ тому, какое далъ бы Ксенофонтъ своимъ современникамъ; но такъ-какъ авторъ объясняетъ ученіе свое съ

истинно-ксенофонтовскимъ краснорѣчіемъ, то сочиненіе его вполнѣ соотвѣтствуетъ своей цѣли. Дальнѣйшія, болѣе-глубокомысленныя философическія изслѣдованія, безъ сомнѣнія, появятся, когда въ Греціи начнутъ основательнѣе изучать Платона и Аристотеля.—Богословскія науки также не забыты нынѣшними Эллинами. Въ этомъ отношеніи заслуживаютъ особаго упоминанія изложеніе посланій св. апост. Павла къ Тимоѳею и Титу, разсужденіе «Συνέκδημος ἱερατικός», Ад. Кораиса (перепечатанныя въ Мальтѣ, въ 1835 г.), и краснорѣчивыя слова Константина Икономоса, собранныя подъ названіемъ «Λόγοι ἐκκλησιαστικοὶ etc. etc.», напечатанныя въ Берлинѣ въ 1835 году. Но выходившее, въ 1829 г., при содѣйствіи Икономоса, періодическое изданіе монаха Германиса, подъ названіемъ: Евангелическая Труба «Εὐαγγελικὴ Σάλπιγξ» и его собственное сочиненіе, «Περὶ τῶν τριῶν ἱερατικῶν τῆς ἐκκλησίας βαθμῶν» (О трехъ духовныхъ степеняхъ), появившееся въ томъ же году, въ Навпліи, не такъ замѣчательны, какъ его прекрасныя слова. Для богословія въ Греціи весьма много сдѣлали англійскія и американскія общества: они, кромѣ перепечатки помянутой книги Кораиса, издали еврейскую грамматику, синопсисъ, нѣсколько рѣчей св. Хризостома и многое другое. Въ заключеніе о религіозныхъ сочиненіяхъ, скажемъ, что для церковной исторіи весьма важны нѣкоторыя статьи въ изданіи монаха Германоса, о которомъ говорили мы выше, и слово ученаго аѳинскаго профессора богословія, Миссаила Апостолидиса объ Іоаннѣ Дамаскинѣ и его сочиненіяхъ.

Въ послѣднее время, самый языкъ новогреческій сдѣлалъ быстрые успѣхи. Одни изъ современныхъ писателей Греціи, какъ, на-примѣръ, Константинъ Икономосъ, старались сблизить его съ формами языка древнегреческаго, а другіе —улучшить его нынѣшнюю конструкцію и обогатить его. «Синтактика Древнегреческаго Языка» Бамбаса; его же небольшая сравнительная грамматика древняго и новаго греческаго языка, и грамматика древнегреческаго языка Геннадіоса, суть драгоцѣннѣйшія произведенія, съ которыми можно сравнить только сочиненія другихъ о простонародномъ языкѣ. Весьма желательно, чтобъ замѣчанія о древнемъ и новогреческомъ языкахъ, разбросанныя въ кораисовомъ «Ἄτακτα» и въ другихъ періодическихъ изданіяхъ, были собраны и изданы отдѣльно: они могли бы послужить основаніемъ для самаго полнаго словаря этихъ языковъ. Нынѣшніе же лексиконы новогреческаго языка, включая въ то число и лексиконъ Виз. Скарлатоса (въ Аѳинахъ, 1835), крайне недостаточны, ибо не объясняютъ весьма многихъ простонародныхъ выраженій и народныхъ пѣсенъ. Профессоръ Ульрихсъ, напечатавшій уже латинскую грамматику и хрестоматію, предполагаетъ издать для Грековъ и словарь латинскій. Изданіемъ греческихъ классиковъ занимается съ неутомимою ревностію Н. Дука, посвящая на него все свое небольшое достояніе. Геннадіосъ, профессоры Аѳопіосъ и Псарасъ, Константинъ Шинасъ и нѣкоторые другіе положили основаніе исторической филологіи, между-тѣмъ, какъ профессоръ Россъ старается своими сочиненіями пробудить въ Греціи любовь къ археологіи. Надписи и другіе

вновь-открытые остатки древности обнародываются, съ примѣчаніями и объясненіями, консерваторомъ древностей Питаккисомъ и совѣтникомъ министерства Рицдо-Ранкабисомъ въ археологической газетѣ «Ἐφημερὶς ἀρχαιολογική», которая выходитъ въ Аѳинахъ съ 1837 года. Жаль только, что они завели съ Россомъ полемику, которая имъ не по силамъ и вредитъ ихъ изданіямъ.

О КАРТѢ ЗАУРАЛЬСКИХЪ СТЕПЕЙ, ИЗДАННОЙ ВЪ БЕРЛИНѢ.

—

Извѣстный германскій ученый, Циммерманъ, издалъ въ прошломъ году, въ Берлинѣ, карту зауральскихъ степей подъ названіемъ: «Планъ Театра Войны Россіи съ Хивою и Географическій Анализъ» и пр. (Entwurf des Kriegstheaters Russland's gegen Chiwa und Geographische Analyse etc. Берлинъ. 1840). Эта карта съ объяснительными къ ней приложеніями, плодъ нѣмецкаго прилежанія и добросовѣстности, представляетъ на одномъ листѣ бумаги только окончательную, лицевую сторону долговременнаго труда и многихъ изъисканій; надобно знать по опыту подобныя работы, чтобъ обсудить, по первому взгляду, чего стоялъ окончательный трудъ этотъ сочинителю, сколько надобно было работать, чтобъ наконецъ представить общему суду карту эту въ томъ видѣ, какъ она есть. Вотъ точка, съ которой должно смотрѣть на подобное произведеніе.

Карта издана въ Берлинѣ, а у насъ еще подобной вещи нѣтъ; у насъ все еще ходятъ по рукамъ карты: шестилистовая и Средней Азіи.

Но, отдавъ картѣ Циммерманна полную справедливость, какъ произведенію усидчиваго труда и начитанности, скажемъ напередъ, что хорошая и вѣрная карта Зауральской Степи еще нигдѣ не можетъ быть составлена, тѣмъ менѣе въ Берлинѣ.

Карта степи, то-есть карта такого пространства, на которомъ глазу нашему нельзя опознаться по городамъ, селеніямъ и мѣстечкамъ, связаннымъ взаимною сѣтью дорогъ и сообщеній, - это задача трудная, требующая особыхъ соображеній. Множество сухихъ и мокрыхъ, горькихъ, прѣсныхъ и соленыхъ рѣчекъ, ручьевъ, родниковъ, колодцевъ, ямъ, озеръ и лужицъ— солонцы, грязи, пески, глинистыя суходолья, холмы, бугорки, сырты (*), едва замѣтныя возвышенія и склоны, изволоки, равнины, овраги, провалы,—наконецъ даже рощица, полдюжины деревьевъ, могила, курганъ, развалившійся изъ сырца сложенный памятникъ или голубецъ—вотъ все, что встрѣчаетъ глазъ кочеваго обитателя въ степи этой, все, чему дано названіе, а слѣдовательно этими же предметами ограничивается и то, что мы можемъ нанести на карту и отъискать на ней. Но какимъ образомъ выразить, высказать все это на географической картѣ, какъ нанести и внятно обозначить всѣ эти предметы? Для этого по-крайней-мѣрѣ необходимо сочинителю карты знать во всей подробности къ чему, къ какому именно предмету относится каждое названіе; а гдѣ добыть подобныхъ свѣдѣній?

(*) *Сыртъ*, — это возвышенность, раздѣляющая воды.

Далѣе, какая возможность для иностранца распутать нашу доморощенную галиматью искаженныхъ названій, нарицательныхъ и собственныхъ именъ, сшитыхъ кое-какъ изъ русскихъ и татарскихъ, малоизвѣстнаго въ Европѣ нарѣчія, словъ? Тау—гора, ташъ—камень, бутакъ—оврагъ, булакъ—ключъ, родникъ, ссу—вода, куль—озеро, кудукъ—колодезь, ссу-атъ—водопой, кумъ—песокъ, каткылъ—глинистый суходолъ, ссуръ—солонецъ, бургасъ —ржавое болото, и множество другихъ общихъ или нарицательныхъ именъ русскихъ, киргизскихъ и даже монгольскихъ или калмыцкихъ, переходятъ съ карты на карту подъ видомъ именъ собственныхъ; невыразимыя европейскими азбуками, непроизносимыя для заграничныхъ устъ и гортани слова, бываютъ всегда искажены, подмѣнены другими, схожими, или перепачены до того, что ихъ узнать невозможно; самые незначительные предметы, которые, по размѣру своему, ни коимъ образомъ не могутъ быть нанесены на карту, или по сравнительной ничтожности своей мѣста не заслуживаютъ, расписываются нерѣдко крупными, прописными буквами, какъ однѣ столицы на картахъ европейскихъ; названія, принадлежащія смежнымъ, на тѣсной картѣ, урочищамъ, перемѣшиваются, иногда обмѣниваются, и мы, обознавшись и не понимая нарицательнаго названія, пишемъ на оврагѣ—гора, а на горѣ озеро, или пески; такимъ образомъ рѣчки превращаются въ могилы, а топи въ суходолъ. Все это, кажется, неминуемыя погрѣшности для всякаго, кто возьмется за составленіе карты степей нашихъ.

У кочевыхъ народовъ всякому мѣсту, не только всякому примѣтному урочищу, дается названіе; нерѣдко на одной квадратной верстѣ найдется до десятка и болѣе обозначенныхъ именемъ примѣтъ. Нанести все это на карту невозможно; а между-тѣмъ каждое, и самое ничтожное по виду урочище, можетъ быть, относительно, важно и примѣчательно: поэтому, недостатокъ мѣстныхъ свѣдѣній необходимо заставитъ васъ упустить важнѣйшее и поставить на мѣсто его предметы ничтожные. Но откуда взять необходимыя свѣдѣнія эти? Точекъ между Яикомъ и Сыромъ или Аму, гдѣ стояла когда нибудь мензула и столикъ съемщика—точекъ такихъ немного; только въ самое недавнее время стали пользоваться частыми походами и поисками въ степь для подробныхъ, по возможности, съемокъ; широты и долготы урочищъ еще менѣе извѣстны; однимъ словомъ, карта Турана и Средней-Азіи основывается большею частію на распросахъ и разсказахъ, и потому въ ней гораздо болѣе воображенія, чѣмъ истины. И такъ, сообразивъ всѣ затрудненія и препятствія эти, должны мы говорить съ признательностію и уваженіемъ о всякомъ трудѣ, который можетъ болѣе или менѣе способствовать къ устраненію этого вѣчнаго марева, лежащаго для насъ, какъ непроницаемое или искажающее предметы покрывало, на обширнѣйшихъ въ мірѣ степяхъ, на степяхъ Турана.

Если, послѣ этого предисловія, бросимъ взглядъ на карту Циммермана, то конечно должны сознаться, что всѣ препятствія и затрудненія, о которыхъ мы говорили, имѣли довольно значительное на нее вліяніе. Но карта степей этихъ, безъ погрѣшностей, столь тѣсно связанныхъ съ дѣломъ, была бы истиннымъ дивомъ, потому-что ее могла бы создать одна волшебная сила. Почти всѣ русскія карты, которыми по-необходимости пользовался со-

чинитель, уползли бы цѣликомъ съ глазъ нашихъ, если бы всѣ ошибки, погрѣшности, описки и опечатки на нихъ ожили. Каждому свое; воздадимъ же должное и нашимъ землякамъ, а потомъ не пощадимъ и чужестранца. Карта г. Левшина, на-примѣръ, не смотря на заслуги и достоинства подобнаго труда, никакъ не можетъ избѣжать этого общаго порицанія; вы найдете въ ней немного-дѣйствительно исправленнаго,—много, противу другихъ картъ, прибавленнаго, но за то и не мало перепутаннаго, ошибочнаго. Еслибъ сочинителя статьи этой заставили издать карту Турана, то и она, конечно, не могла бы служить образцовою, и въ ней было бы много ошибокъ и погрѣшностей; причины этому объяснены выше—но онъ и не берется не за свое дѣло, а хочетъ только указать на тѣ погрѣшности, которыя ему, по обстоятельствамъ, ближе извѣстны, чтобъ предупредить повтореніе ихъ на другихъ картахъ; хочетъ также показать иностранцамъ, что труды ихъ цѣнятся и уважаются у насъ, особенно если они касаются нашего отечества, а трудъ Циммермана стóитъ того, чтобъ его разсмотрѣть поближе, не довольствуясь отзывомъ въ общихъ выраженіяхъ, безъ всякаго разбора и критической оцѣнки.

Напередъ всего спрошу: можно ли, при составленіи карты степи, пустыни, принять за основаніе одни и тѣ же общія правила, которыми руководствуются при составленіи карты жилыхъ, осѣдлыхъ мѣстъ? Если я раскину карту русскихъ губерній, то знаю уже, чтó именно означаютъ всѣ имена и названія; я не только вижу, гдѣ рѣка и гдѣ городъ, но по однимъ принятымъ знакамъ вижу гдѣ городъ столичный, губернскій, уѣздный, село, ямъ, деревня — словомъ, знаю куда и чему принадлежитъ названіе, чтó именно оно означаетъ. Не то бываетъ съ нашими картами степи; тамъ дѣло иное: мы подчасъ глядимъ на нихъ, какъ на китайскія письмена, и не знаемъ, чтó такое передъ нами: цѣлый листъ исписанъ варварскими названіями — и только. Вотъ почему, кажется, было бы необходимо разобрать и понять напередъ, какіе урочища и предметы именно на картѣ помѣщены, чтó они означаютъ, а потомъ принять также постоянные знаки для нихъ и придавать ихъ всѣмъ названіямъ; карта сдѣлалась бы отъ этого вразумительнѣе, понятнѣе, и каждый зналъ бы, относится ли названіе къ рѣчкѣ, или къ увалу, или къ оврагу, къ песку, могилѣ и проч. Для этого, конечно, необходимо знать по-русски, по-татарски, и сверхъ того имѣть подъ рукой опытныхъ и хорошихъ вожаковъ степныхъ, которые могли бы объяснить всякое по этому предмету недоумѣніе. На картѣ Циммермана есть нѣсколько,—немного,—значковъ, но они почти всѣ составляютъ тайну сочинителя; объясненіе для большей части ихъ не приложено; кромѣ того мы находимъ во многихъ мѣстахъ у однородныхъ предметовъ различные знаки, и наоборотъ. Еще, казалось бы, не должно вовсе расчерчивать подобную карту хребтами и горами, за исключеніемъ развѣ хорошо-извѣстныхъ, дѣйствительно - снятыхъ пространствъ, потому-что всѣ горы, хребты, узлы и отроги эти выросли въ воображеніи сочинителей картъ и плодовитомъ на подобныя украшенія карандашѣ ихъ. На картѣ Циммермана, кромѣ того, всѣ горы оттѣнены въ одну мѣру, въ одну высоту, начиная отъ Мугоджара, Свинцовыхъ Горъ и Чинка до едва-замѣтныхъ возвышенностей по теченію ручьевъ и рѣчекъ.

Сочинитель избралъ для карты своей проекцію Меркатора, какъ самъ говоритъ, для того только, что ее легче, удобнѣе примѣнить. Меркатора проекція удобна для картъ морскихъ, потому-что развертываетъ поверхность земнаго шара въ такую плоскость, по которой курсъ или ходъ корабля можно прокладывать прямою чертою, а это необходимое условіе для всѣхъ морскихъ картъ. Но проекція эта искажаетъ, какъ извѣстно, всѣ очерки, потому-что переноситъ ихъ съ поверхности шара на поверхность цилиндра; каждая паралель или широта требуетъ особаго масштаба, и при общемъ взглядѣ на карту нельзя получить вѣрнаго понятія о взаимныхъ отношеніяхъ разстояній. Причины эти, кажется, могли бы побудить сочинителя карты избрать проекцію Бона, или другую, употребительную въ картахъ географическихъ, тѣмъ болѣе, что карта степи содержитъ болѣе градусовъ широты, чѣмъ долготы, и кромѣ того, принадлежитъ пространству, удаленному отъ экватора.

Въ особо-отпечатанныхъ объясненіяхъ карты (Geographische Analyse), мы находимъ таблицу астрономически-опредѣленныхъ точекъ. Трудно понять, на чемъ именно основывается выборъ означенныхъ здѣсь мѣстъ. Можно бы предполагать, что таблица эта содержитъ перечень всѣхъ астрономически-опредѣленныхъ точекъ, входящихъ въ пространство карты; но мы находимъ тутъ, между-прочимъ, и приблизительныя широты и долготы, снятыя явнымъ образомъ только съ другихъ картъ; какое же преимущество заслуживаютъ именно эти точки, какое особенное довѣріе, и на чемъ основывается подобный выборъ? Во всякомъ случаѣ, кажется, мѣста, которыхъ широта и долгота снята съ картъ, не могутъ находиться въ таблицѣ опредѣленій астрономическихъ. Далѣе, для чего загадочныя долготы восточныхъ писателей внесены на таблицѣ этой въ графу: «Восточная долгота отъ Парижа»? Если сравнимъ, по таблицѣ этой, долготы Хивы и Ховарезма,—что, вѣроятно, одно и то же, то находимъ, что въ Ханствѣ Хивинскомъ должно быть по-крайней-мѣрѣ 30° долготы!! Наконецъ, въ таблицѣ этой есть невѣрности, которыя, по роду ихъ, нельзя отнести къ опечаткамъ; на-примѣръ: Калмыкова лежитъ, по опредѣленію Вишневскаго, подъ 69° 30′, 18″ долготы отъ Ферро; вмѣсто этого находимъ по таблицѣ, по переводѣ на меридіанъ Ферро: 69°, 18′, съ помѣткою: «опредѣлено одометромъ Гебеля». Можно ли предпочитать наблюденія одометрическія астрономическимъ, и еще такого знаменитаго астронома? Оренбургъ показанъ подъ 59″ широты, вмѣсто 31″; послѣднее опредѣленіе нынѣ, при новыхъ наблюденіяхъ, оказалось чрезвычайно-точнымъ. Сарайчикъ нанесенъ, по картѣ Гебеля, подъ долготою 49°, 33′; а между-тѣмъ давно уже извѣстно, что долгота Сарайчика составляетъ 49°, 23′, 47″. Руководство Шуберта и пр. С. П. б. 1826, изданное, сверхъ-того еще на нѣмецкомъ языкѣ, по-видимому не принято сочинителемъ карты въ руководство, а между-тѣмъ, оно содержитъ важныя и необходимыя для подобныхъ работъ свѣдѣнія.

Путь Рычкова (*) названъ *важнымъ* или замѣчательнымъ (wichtig) и нанесенъ на карту. Въ такомъ случаѣ, остается только нанести также и замѣчательную рѣчку, описанную Рычковымъ во всей подробности; она бы

(*) Это не историкъ и статистикъ оренбургскаго края, а братъ его.

жить безъ оглядки довольно-круто въ гору. Всѣ разсказы Рычкова до того неточны, неопредѣлительны, ничтожны и неосновательны, что нельзя слѣдовать за путемъ его по картѣ, а и того менѣе нанести путь этотъ во всей его подробности.

Разстояніе отъ Оренбурга до Хивы, по всей вѣроятности, болѣе, чѣмъ полагаетъ Циммерманъ, т. е. не 150, а 170 — 180 географическихъ миль. До Бохары считаютъ, по одометрическимъ измѣреніямъ, 1500 верстъ, до Хивы, ближнимъ отъ Оренбурга путемъ, на Усть-Уртъ, отъ 1200 до 1300.

Что на Аральскомъ Морѣ есть острова Барса-Кайтмасъ и Барса-Кильмесъ, это не сказка; мнѣ случалось говорить съ Кайсаками, которые сами бывали на этихъ островахъ. Названія островов этихъ значатъ: «если пойдешь, не прійдешь, или не воротишься», и основаны на томъ, что внезапная весна нерѣдко захватываетъ на этихъ островахъ Киргизовъ, зашедшихъ туда зимою для пастьбы скота, заставляетъ ихъ поневолѣ перелѣтовать въ этомъ уединеніи, гдѣ, сверхъ того еще, на иныхъ, бываетъ недостатокъ въ прѣсной водѣ, что ставитъ и людей и скотъ въ бѣдственное положеніе. Довольно-значительный островъ, на которомъ есть гора и родники, лежитъ въ сѣверовосточной части Арала, около одной трети всей ширины моря отъ береговъ. Объ этомъ островѣ разсказываютъ много чудеснаго и сказочнаго; по всей вѣроятности, на немъ была когда-то огненная сопка. Въ ясную погоду островъ этотъ видѣнъ даже съ западнаго, высокаго берега Арала.

Вершины рѣкъ Эмбы и Илека не соединяются, какъ полагаетъ сочинитель карты, въ этомъ я могу поручиться, какъ очевидецъ; онѣ раздѣляются сыртомъ *Буссагй*. Но сыртъ этотъ вовсе не образуетъ горнаго кряжа: это едва замѣтная возвышенность, раздѣляющая притоки Илека и Эмбы, хотя и состоитъ въ непрерывной связи съ горами Мугоджаръ.

Аргамаки названы бохарскою породою коней. Это несправедливо: аргамакъ составляетъ собственно туркменскую породу, и потому скорѣе могъ бы называться хивинскою, чѣмъ бохарскою породой (*). Аргамаки не переносятъ зимы по-сю-сторону Усть-Урта; хивинская конница, встрѣтившая отрядъ нашъ зимою по ту сторону Эмбы и отброшенная конвоемъ обоза въ 200 человѣкъ, потеряла отъ стужи и безкормицы почти всѣхъ аргамаковъ. Память происхожденія аргамаковъ отъ лошадей арабскихъ сохранилась въ народной сказкѣ: извѣстный богатырь переплываетъ на лошади своей огромное озеро и выводитъ за собою, со дна его, цѣлый табунъ аргамаковъ.

Нельзя, кажется, сказать утвердительно, что въ Аральскомъ-Морѣ водятся тюлени; свѣдѣніе это одинъ писатель списываетъ у другаго, но кто и когда видѣлъ тюленя на Аралѣ? Русскіе плѣнники, старые рыбаки, увѣряютъ, что тюленей тамъ нѣтъ. Это же самое сказалъ я и въ статейкѣ *Аральское Море*, для «Энциклопедическаго Лексикона»; тотъ, кому поручены были поправки, взялъ поправками своими много грѣха на душу и,

(*) Нельзя безъ сожалѣнія читать статьи, подобныя статьѣ «*Аргамакъ*» въ «Энциклопедическомъ *Лексиконѣ*», гдѣ напутано Богъ-вѣсть что такое. Откуда Берлинцамъ взять вѣрныхъ и толковыхъ свѣдѣній о подобныхъ предметахъ, если мы сами пишемъ на-обумъ и печатаемъ свѣдѣнія, въ которыхъ нѣтъ ниже одной тѣни правды?

за-одно уже, принялъ и этотъ небольшой грѣшокъ, переправилъ добросовѣстное показаніе наше и поставилъ: «есть тюлени». Тюлень тюленю рознь; а есть они вездѣ.

Содержаніе солей въ водахъ Арала не одинаково; у восточныхъ и южныхъ береговъ, гдѣ устья большихъ рѣкъ, большею частію воду можно пить, если сѣверозападными вѣтрами не наноситъ воды соленой; у сѣверныхъ и западныхъ береговъ, напротивъ, воду пить нельзя, если юговосточные вѣтры не нагонятъ туда прѣсной воды, которая легче соленой и потому всегда держится болѣе на поверхности.

Аральское-Море никогда не замерзаетъ сплошь, но отчасти только, иногда вся сѣверная половина, хотя нерѣдко вѣтры снова взламываютъ ледъ. Сыръ и Аму замерзаютъ каждую зиму; но ледъ не всегда одинаковой толщины и не равно долго стоитъ. Я напечаталъ однажды показаніе русскаго плѣнника, гдѣ говорилось, что ледъ на рѣкѣ Аму достигаетъ иногда толщины волжскаго льда. Г. академикъ Беръ упоминаетъ объ этомъ показаніи въ «Климатологическихъ Замѣчаніяхъ о Степи» и справедливо замѣчаетъ, что это должно быть преувеличено. Изъ болѣе-точныхъ разспросовъ я узналъ, что рѣка Аму бываетъ покрыта льдомъ отъ двухъ недѣль и до двухъ мѣсяцевъ, а толщина его бываетъ отъ 2 до 10 вершковъ.

О таблицѣ племенъ или родовъ Малой Киргизской Орды можно бы поговорить много; но поправить ее можно только, приложивъ на мѣсто ея болѣе вѣрную и точную таблицу. Замѣтимъ еще относительно бывшихъ въ Хивѣ плѣнниковъ русскихъ, что число ихъ, по неточности имѣвшихся свѣдѣній, было преувеличено. Нынѣ возвратились изъ Хивы до 650 человѣкъ, со включеніемъ всѣхъ, разными путями и по-одиначкѣ прибывшихъ въ-теченіе послѣднихъ двухъ или трехъ лѣтъ; показанія ихъ удостовѣряютъ, что русскихъ плѣнниковъ въ Хивѣ болѣе нѣтъ, или осталось, по разнымъ обстоятельствамъ, не болѣе 25 человѣкъ. По разсчету взятыхъ съ моря людей, ихъ должно бы быть болѣе; но многіе бѣжали изъ неволи, прибыли на родину или погибли на пути, другіе погибли въ Хивѣ или у Туркменъ, а большая часть ихъ умерла во время бывшей въ Хивѣ холеры, въ 1828 и 1829 годахъ. Русскіе въ-особенности подвергались этой болѣзни и отъ нея гибли. По единогласному увѣренію плѣнниковъ, они вымерли тогда въ Хивѣ болѣе чѣмъ на половину.

Въ объясненіяхъ карты (Geogr. Analyse) на стр. 32 сказано: «Между линіею укрѣпленій на Яикѣ и Хивою, едва-ли есть какое-нибудь мѣсто, которое бы можно сравнить съ европейскою деревнею». Какъ прикажете понимать это? Всѣмъ извѣстно, что на упоминаемомъ пространствѣ нѣтъ вовсе никакихъ заселеній, ни дурныхъ, ни хорошихъ; что же тутъ значитъ сомнительное выраженіе: «едва-ли есть»? Въ недоумѣніи ли тутъ самъ сочинитель, или онъ только неясно выразился? Если вѣрить кружкамъ, которые разставлены тамъ-и-сямъ въ степи и по виду ничѣмъ не отличаются отъ знаковъ, поставленныхъ вдоль линіи нашей при каждой станицѣ, то почти должно думать, что сочинитель карты населилъ зауральскую степь деревнями; но такого невѣдѣнія допустить въ ученомъ человѣкѣ невозможно.

На стр. 34 говорится, что въ укрѣпленіи Бековича на Мангишлакѣ бы-

ло нѣкогда 700 домовъ. Свѣдѣніе это ошибочно и ложно—но этого мало: оно и до того безтолково, что непростительно помѣщать его въ ученомъ трудѣ. Откуда берутся подобныя извѣстія, въ которыхъ нѣтъ не только правды, но и смыслу? Не-уже-ли есть люди, которые забавляются такими выдумками, пуская ихъ въ свѣтъ для несвѣдущихъ и легковѣрныхъ?

На той же страницѣ говорится, что Новоалександровскъ заложенъ на превосходной гавани... Въ эту погрѣшность ввела г. сочинителя карта мѣстности; онъ, взглянувъ на Кайдакъ, подумалъ: «въ такомъ сапогѣ должно быть хорошо стоять на якорѣ»—и написалъ: превосходная гавань. Но на Тюпъ-караганѣ (а не Тюкъ), на самой оконечности, есть превосходная гавань, почти круглая, со входомъ при всѣхъ сѣверныхъ вѣтрахъ, и тутъ же вода въ колодцахъ довольно-прѣсная. При этомъ случаѣ, я упомяну о замѣчательныхъ свойствахъ степныхъ колодцевъ: въ пескахъ они всюду даютъ воду прѣсную; въ твёрдой, глинистой почвѣ, напротивъ, горькую и соленую. То же правило примѣняется и къ озерамъ: всѣ озёра въ пескахъ прѣсныя, въ глинѣ горькія. Если у взморья вырытыя ямы даютъ воду прѣсную, какъ именно у Тюпъ-карагана, Кангишлака, то находимъ это только вплоть у взморья, въ ближайшихъ береговыхъ пескахъ; чѣмъ далѣе отъ берегу, тѣмъ вода хуже. Вырывъ колодезь или яму, обыкновенно очень неглубокую, отъ $1^1/_2$ до 4 аршинъ, надобно разъ-другой вычерпать воду изъ нея; тогда набирается уже вода прѣсная, которая мѣстами современемъ портится, мѣстами же остается годною навсегда. Такимъ образомъ, у поименованныхъ урочищъ и въ нѣкоторыхъ другихъ мѣстахъ восточнаго берега Каспія, можно содержать постоянные колодцы; но въ пескахъ внутреннихъ, въ Каракумѣ, Барсукахъ, этого нельзя: тамъ вода сносна только въ свѣжей ямѣ, а черезъ нѣсколько дней тухнетъ и сильно отзывается гнилыми яйцами, т. е. сѣроводороднымъ газомъ. При нѣкоторыхъ солено-горькихъ рѣчкахъ, какъ на-примѣръ при Узеняхъ, добываютъ прѣсную воду, выкопавъ яму въ аршинъ, не болѣе, вплоть у рѣки, въ самомъ руслѣ ея, подъ крутымъ берегомъ; но ямы, вырытыя близёхонько подлѣ первыхъ, только не въ самомъ руслѣ, а на возвышенномъ, глинистомъ берегу, даютъ воду солено-горькую. Въ пескахъ Кизылкума, проходимыхъ на пути въ Бохару въ 4—5 усиленныхъ переходовъ, нынѣ воды нѣтъ вовсе; но, по единогласному показанію Ордынцевъ, были тамъ, лѣтъ тому 80, одѣтые камнемъ и сведенные кверху кувшиномъ колодцы, глубиною отъ 8—20 саженъ. Вода въ нихъ была прѣсная; колодцы эти устроены, какъ говоритъ преданіе, Ногайцами, на которыхъ Кайсаки наши сваливаютъ всѣ древности степи,—памятники, могилы, курганы и колодцы. Хищные Хивинцы завалили ихъ, чтобъ съ большею удобностію и вѣрностію выжидать прибытіе каравановъ у южной оконечности Кизылкума, на Юзъ-Кудукѣ (сто колодцевъ) и брать съ нихъ пошлину или грабить по произволу. На Усть-Уртѣ подобные колодцы остались мѣстами понынѣ. Воду достаютъ изъ нихъ кожаными мѣхами (турсукъ и саба), таская ихъ лошадьми или верблюдами; но добывка воды идетъ этимъ способомъ такъ медленно, что при значительномъ количествѣ скота первая лошадь давно уже снова захочетъ пить прежде, чѣмъ очередь обойдетъ кругомъ и напоятъ послѣднюю. Поэтому караваны на этихъ путяхъ всегда разбиваются на са-

мыя малыя части, которыя слѣдуютъ то различными путями, то на переходъ одна отъ другой.

Перейдемъ теперь собственно къ картѣ Циммермана—не съ тѣмъ, однакожь, чтобъ сдѣлать полный списокъ всѣмъ опискамъ, ошибкамъ, недоразумѣніямъ и опечаткамъ—это было бы выше силъ нашихъ; но мы коснемся только самыхъ рѣзкихъ погрѣшностей, раздѣливъ ихъ нѣкоторымъ образомъ на разряды: пусть онѣ послужатъ примѣромъ и оправдаютъ сдѣланныя нами выше на счетъ карты замѣчанія.

Не только значительная часть татарскихъ названій искажена до того, что ихъ не узнаешь въ нѣмецкомъ платьѣ, но неменѣе того достается и русскимъ; на-примѣръ: Magnitai—т. е. Магнитная; Graznutinskoi—Грязнушенской; Ko'noikoi—т. е. Колнацкой; Sakmarsch—Сакмарскъ; Wergheozernaia—Верхнеозерная; Neainskoi—Нѣженской; Pazboinoe—Разбойный; Zatonkoi—Затонный; Irteckoi—Иртецкой; Genwarcoe—Генварцовъ; Rubegnoi—Рубежной; Guilowski—Гниловскій; Kogekharowskoi—Кожехаровскій; Bakoewa—Баксайская; а подлѣ, рядомъ, но по ту сторону Урала, въ степи, поставлено то же самое названіе, только поправильнѣе; что̀ это значитъ и къ-чему названіе казачей станицы тутъ искажено, а тамъ выдвинуто въ степь, на небывалое мѣсто? Сверхъ того, тутъ же, въ степи, поставленъ и значокъ, который, какъ и большая часть остальныхъ,—загадка для читателей. Начиная отъ Сарайчика, внизъ, находимъ сряду 4 названія, или выдуманныхъ, или искаженныхъ до того, что въ нихъ не осталось уже никакого подобія подлинныхъ. Подлѣ форпоста или станицы Зеленый, читаемъ: Smile; это что̀ такое? Шахтемиръ, городъ, изгладившійся даже изъ памяти народной, не только съ лица̀ землѝ — обозначенъ такимъ же точно значкомъ, какъ и всѣ еще доселѣ существующіе селенія и города̀ Хивинскаго Ханства, тѣмъ же самымъ, какъ и помянутая Баксайская Станица. Этотъ же значокъ, небольшой кружокъ, встрѣчаемъ, кромѣ жилыхъ мѣстъ, также во множествѣ среди пустопорожнихъ, голыхъ степей; непонятно, для чего и какимъ образомъ это сдѣлалось: наборщикъ тутъ не виноватъ и не могъ ихъ просыпать и насѣять невзначай: карта, какъ обыкновенно, вырѣзана. Не понятнѣе этой загадки для насъ и другая: что̀ означаетъ слово: Aule (на-примѣръ на Илекѣ, у Ямankалинской)? Аулъ называется па татарскомъ языкѣ (не будемъ спорить о происхожденіи слова) деревня, жилое мѣсто, а у кочевыхъ народовъ кучка войлочныхъ кибитокъ одной семьи, которая держится всегда вмѣстѣ и состоитъ изъ 3 до 12 кибитокъ. Если же разсудимъ, что селеній постоянныхъ въ степи зауральской нигдѣ нѣтъ, а кочевыя безпрестанно мѣняютъ мѣста̀ свои, такъ-что едва ли есть гдѣ-нибудь въ степи точка, на которой бы въ-теченіе извѣстнаго времени не кочевали Кайсаки и не ставили своихъ ауловъ—то загадка остается загадкой. То же почти можно сказать о надписи: *Зимовье Малой Орды*, на Аксакулѣ, т. е. Аксакал-Барбы; зимовокъ безчисленное множество; онѣ раскинуты отъ Урала до Сыра и далѣе, и ни какимъ образомъ не могутъ быть показаны на картѣ подобнаго размѣра; за что̀ же и къ-чему поставить исключительно на одномъ мѣстѣ: *аулы*, на другомъ: *зимовки*, когда этими двумя словами можно исписать всю карту сплошь-и-подрядъ?

Джаманъ-Айраклы (слово «джаманъ»—дурной, худой, написано то такъ, то иначе, о чемъ поговоримъ ниже) изображенъ неправильно, невѣрно, предлиннымъ мысомъ или косой, отъ-чего къ востоку образовалась на картѣ губа, которой въ природѣ нѣтъ. Новоалександровскъ отодвинутъ слишкомъ далеко на югъ, а сверху читаемъ Dziedelkamei—это также какая-то небывальщина. Впрочемъ, слово это взято съ русскихъ картъ: имъ честь и слава; но правописаніе разсматриваемой нами карты, въ которомъ нѣтъ ни малѣйшаго единообразія, доказываетъ мѣстами, что нѣкоторыя названія взяты и съ французскихъ картъ, безъ надлежащаго приноровленія къ языку нѣмецкому, отъ-чего и выходитъ новая путанница.

Соленыя озёра и солонцы мѣстами названы по-русски: Solontschak, названіе, которое нерѣдко поставлено какъ имя собственное (напр. по обоимъ берегамъ низовьевъ Эмбы), иначе слѣдовало бы сказать по-нѣмецки: Salzsee, Salzmoor; мѣстами по-татарски: ссуръ или ачи; встрѣчаемъ также на картѣ: pressnoi, даже proenoe, т. е. прѣсное, также въ видѣ именъ собственныхъ,—по-крайней-мѣрѣ ни одинъ иностранецъ не можетъ принять подобную надпись иначе, какъ за названіе урочища, и я даже увѣренъ, что у насъ явится вскорѣ русская карта, на которой будутъ красоваться подобныя искаженныя русскія слова въ видѣ именъ собственныхъ, и что какой-нибудь издатель карты, почтенный соотечественникъ нашъ, напишетъ, пользуясь картой Циммермана: «Озеро Проеное». Татарское названіе озера, куль, сочинитель нерѣдко сокращалъ, или лучше сказать списывалъ въ этомъ сокращенномъ видѣ съ другихъ картъ; но кто же догадается, что Khodjak означаетъ Ходжакуль? И это опять поводъ къ новой галиматьѣ.

Обратимся къ рѣчкамъ. Кизылъ, который, какъ извѣстно, давнымъ-давно пересохъ вовсе, оставивъ только мѣстами, на бывшихъ омутахъ, водяныя ямы и озёра, течетъ на картѣ этой довольно-великолѣпно и многоводнѣе самаго даже Сыра; названіе одного изъ близкихъ къ морю рукавовъ Сыра, а именно Утабасъ, перенесено самоуправно на рѣку Куванъ; а между-тѣмъ и Куванъ не вовсе разжалованъ, а названъ также и Куваномъ. Потокъ или рѣка, которая названа выше Кизылъ, а ниже Udsjan, называется не Кизылъ и не Удзьянъ, а Яны или Джаны-Дарья; а названіе Кизылъ слѣдовало бы перенести къ означенному точками руслу рѣки, гдѣ подписано *«слѣды рѣки»*. Эти погрѣшности довольно-значительны, и ихъ, кажется, можно было бы избѣгнуть. Въ степи уральскихъ казаковъ также не было и нѣтъ рѣки: Naryn-chara; Эйба и Сагызъ (на картѣ Sagil) не впадаются такими широкими устьями въ море: обѣ рѣчки эти теряются и исчезаютъ въ камышахъ и топяхъ. На полуостровѣ Бузачи нѣтъ вовсе никакой рѣчки, слѣдовательно нѣтъ и *Сухой* (Suchaja), развѣ кому-нибудь вздумалось дать названіе это оврагу; но тогда бы не должно рисоватъ его довольно-обстоятельно рѣчкой. Взглянувъ на любую изъ нашихъ картъ, мы конечно видимъ, какъ на Бузачи, такъ и въ другихъ мѣстахъ восточнаго берега Каспія, смѣлою рукою начертанныя рѣки; но это позволительно дѣлать только нашимъ составителямъ картъ, для прикрасы, для пополненія пробѣловъ, неприятно-поражающихъ глазъ покупателя — а Кипцу не должно было слѣдовать подобнымъ источникамъ, потому-что

онъ составлялъ карту свою для людей ученыхъ. Между-тѣмъ, у него и въ губу Александръ-бай выплываютъ три небывалыя рѣчки и подтверждаютъ то, что мы говорили сейчасъ о русскихъ картахъ. Наконецъ, встрѣчаемъ мы на картѣ во многихъ мѣстахъ (напр. на южной оконечности Тюпъ-Карасу, также у небывалаго озера Grahi-kulj) русское слово: Kliutsch, т. е. ключъ; и это нарицательное, какъ множество другихъ, могло попасть на карту только по оплошности и недоумѣнію. Если позволительно оставлять иногда, для большей ясности, при собственныхъ именахъ и нарицательныя, то это, конечно, можетъ относиться только къ природному языку обитателей страны, или къ тому языку, на которомъ составляется карта; такъ мы пишемъ имена: Сыръ-Дарья, Аму-Дарья, Кара-Куль, Юзъ-Кудукъ, или же прибавляемъ къ предметамъ русское нарицательное: рѣка, озеро, колодезь; но если прописывать на картѣ нарицательныя имена предметовъ на всѣхъ языкахъ, на которыхъ карта была сочинена или на которые была переведена, то выйдетъ безтолочь; а если еще сверхъ того ставить одно только нарицательное, по себѣ, то это и подавно можетъ только увеличить путаницу именъ и названій.

Колодцы еще строптивѣе рѣкъ для сочинителя карты этой и вовсе отбились отъ рукъ; онъ ихъ распустилъ во всѣ концы, на произволъ судьбы, не заботясь о званіи и прозваніи. Иногда сидятъ они съ подложными русскими паспортами, увѣряя, что они: kolodza, kolodschi (т. е. колодезь или колодцы) и kopani; мѣстами—подъ татарскими ярлыками: kuduk, kudek, иногда даже kodoegi или сокращенно: Kud.; мѣстами же признаются чистосердечно, что они Нѣмцы и называютъ себя: Brunnen. Ихъ бы надобно, кажется, всѣ подъ одну стрижку; безъ этого, повиновенія не будетъ, — и велѣть имъ называться или по-татарски, или по-нѣмецки. Кто, не зная ни татарскаго, ни русскаго языка, тутъ доберется толку?

Горы на картѣ Циммермана также вышли изъ послушанія и величаютъ себя то такъ, то сякъ и на разныхъ языкахъ. Тау, Тагъ, gora, gory, даже gorali—все это замѣняетъ нѣмецкое Berg или Gebirge. Утесъ подъ названіемъ utes (Felsen utes) находится, по картѣ, на южной оконечности Тюпъ-Карасу. И такъ, еслибъ Французъ сталъ переводить карту эту на свой языкъ, то онъ бы уже обязанъ былъ поставить тутъ: rocher, Felsen, utes; Англичанинъ еще прибавилъ бы къ этому свое: roc. Такимъ образомъ, мало по малу, можетъ составиться, совокупнымъ стараніемъ многихъ ученыхъ всѣхъ европейскихъ народовъ, очень-полезный словарь нарицательныхъ именъ; но ему на картѣ было бы тѣсно и лучше, кажется, такіе словари печатать отдѣльно. На полуостровѣ Бузачи отштрафованы и вычерчены горные хребты, которые ни въ чемъ не уступаютъ воздымающемуся отъ поверхности морской на 100 саженъ Чинку; между-тѣмъ, однакоже, на Бузачи горъ нѣтъ вовсе: есть только незначительные овраги, песчаные бугры и пригорки. Есть также, судя по картѣ, еще одна рѣдкость на этомъ замѣчательномъ полуостровѣ: Urozizi Karatasch; послѣднее слово, татарское, значитъ: черный камень, но должно остаться въ этомъ видѣ потому-что обратилось уже въ имя собственное; первое же представляетъ опять образчикъ самаго неудачнаго перевода или передѣлки съ русскаго: это значитъ *урочище*, а слову «урочище», конечно, на нѣмецкой картѣ не мѣсто.

Въ землѣ уральскихъ казаковъ находимъ въ двухъ мѣстахъ: Barchany —во-первыхъ вверху, рядомъ со станціями или форпостами и однимъ съ ними письмомъ, во-вторыхъ пониже, гдѣ слово это выставлено вдоль дороги. Изъ этого надобно заключить, что сочинитель принялъ въ 1-мъ случаѣ слово это за названіе станицы, во 2-мъ за названіе дороги. Но барханами называются наносные песчаные бугры, то же, что въ Южной Россіи кучегуры и то же самое, чтó, на восточномъ берегу Арала, названо на картѣ: pestschanye bugri—выраженіе, непонятное ни для кого, кто не знáетъ по-русски, и конечно вовсе неумѣстное. То же самое должно замѣтить о надписяхъ: glubokoi prowali и kamishi, на Усть-Уртѣ: надобно было поставить на нѣмецкой картѣ, вмѣсто *глубокіе провалы* и *камыши:* tiefe Erd-Fälle und Schilf oder Rohr. Еще видимъ: Naziwaem uro maloi barsuk—т. е. урочище, называемое Малый Барсукъ; переводъ этой русской длинной рѣчи, написанной въ искаженномъ видѣ, находимъ подлѣ: ort, benannt kleiner Barsuk; поэтому, русскій припѣвъ тутъ и подавно лишній, тѣмъ болѣе еще, что онъ изувѣченъ, сокращенъ, переиначенъ и сверхъ того случайно угодилъ на *Большой* Барсукъ, гдѣ уже названію Малаго Барсука никакъ нельзя дозволить поселиться. Вплоть подъ этой ошибкой, есть еще искаженное русское нарицательное: Pesschanaja cosa; чтó за странность переводить такимъ образомъ? Девлетъ-Гирей, остатки какихъ-то стѣнъ, несправедливо приписываемыхъ кн. Бековичу, лежитъ не посреди Усть-Урта, какъ показано на картѣ, а у самаго взморья, на Аралѣ. Razval. kamnai (на Ю. З. отъ Хивы) означаетъ вѣроятно: *каменныя развалины* и представляетъ намъ еще образчикъ того же искусства переводить.

Множество разсѣянныхъ по картѣ могилъ также обозначены то по-татарски (Уба, Аба), то по-русски, еще и сокращенно: mog. т. е. могила, то по-нѣмецки. Это, особенно для иностранцевъ, должно необходимо служить новымъ поводомъ къ сбивчивости и недоумѣніямъ. На восточномъ берегу Каспія читаемъ: Russische Isba. Иностранецъ не знаетъ, чтó такое изба; почему же не назвать ее избой на томъ языкѣ, на которомъ писана карта? и почему же на этомъ мѣстѣ обозначена одинокая избушка—вѣроятно поставленная когда-нибудь астраханскими промышлениками и давно уже уничтоженная—если, напримѣръ, о постоянныхъ казармахъ и зимовкахъ рыбаковъ и тюленьщиковъ нашихъ на островахъ у Тюпъ-Карагана не упоминается ни слóва?—Наконецъ, замѣтимъ, что словá *большой* и *малый*, часто повторяющіяся на картѣ, являются, безъ всякой видимой на то причины, то на одномъ, то на другомъ, то на третьемъ языкѣ, и перейдутъ вѣроятно такимъ образомъ, въ видѣ собственныхъ именъ, на другія карты и въ подробныя землеописанія. Или пишите такія словá разъ-навсегда на природномъ языкѣ той земли, которую изображаете, или переводите на тотъ языкъ, на которомъ составляете карту; но никогда не дѣлайте на одной и той же картѣ то такъ, то иначе, а и пуще того никогда не принимайте еще и третій языкъ, для одного лишь увеличенія путаницы.

Вотъ нѣсколько замѣчаній, какъ объявили мы напередъ, для одного лишь примѣра, для подтвержденія того, чтó сказали мы о картѣ этой въ общихъ словахъ; но никто въ мірѣ не былъ бы, при нынѣшнемъ положеніи дѣлъ, въ состояніи передвинуть каждый предметъ, вошедшій въ карту эту, на

свое мѣсто и выправить всѣ описки, обмолвки и опечатки. Это была бы работа вѣковая, превосходящая силы и познанія одного человѣка. Значительная часть погрѣшностей перешла, конечно, въ эту карту изъ другихъ, а потому и нельзя бы, казалось, обвинять за нихъ сочинителя; пусть такъ,— пусть же каждый изъ предшественниковъ его на этомъ поприщѣ беретъ на свою долю свои грѣхи, которые попутали и соблазнили г. Циммермана, ввѣрившагося, безъ надлежащей повѣрки, работѣ и показаніямъ другихъ, ненадежныхъ составителей картъ и описаній. Если у насъ возникаетъ по временамъ географическая карта, работы грубаго и небрежнаго рѣзца, такъ-сказать уже съ вывѣскою: авось, не бось и какъ нибудь, — то мы не удивляемся, читая на ней Екатеринградъ вмѣсто Екатеринодара, не удивляемся и тому, что сочинитель *скралъ* рѣку Самару, какъ у Гоголя вѣдьма скрала мѣсяцъ, а подарилъ насъ за то расширенной и распространенной рѣкой Бузулукой: мы видимъ по первому взгляду, что тутъ пенять нѐ на кого и нѐ къ чему: нѐ накого, потому-что тутъ не было и намѣренія составить и издать что-нибудь годное, порядочное, а было въ виду только одно: объявить во всѣхъ газетахъ о выходѣ новой, полнѣйшей, лучшей исправленной карты; нѐ къ чему, потому-что пеня наша будетъ гласъ вопіющаго въ пустынѣ: никому онъ не послужитъ къ добру, никто не исправитъ карты своей по замѣчаніямъ вашимъ; приступая, по требованію книгопродавца, къ новому изданію карты, сочинители, какъ мы видимъ безпрестанно, даже не исправляютъ самыхъ грубыхъ опечатокъ: Зачѣмъ хлопотать? разошлось первое изданіе—разойдется и второе, особенно если объявить: «исправленное, дополненное» и пр. Но если Нѣмецъ издастъ карту свою съ такимъ усердіемъ, стараніемъ, тщаніемъ; если видно, что онъ сидѣлъ систематически за каждой точкой иковычкой, собиралъ и сводилъ все, что только было писано и говорено объ этомъ предметѣ, и наконецъ съ добросовѣстною профессорскою важностію предлагаетъ дѣйствительно ученый трудъ, но съ неизбѣжными промахами, — тогда позволено, тогда должно разбирать его и говорить объ немъ вслухъ, потому-что каждое дѣльное замѣчаніе пойдетъ въ прокъ имъ: при первомъ случаѣ воспользуются. Гдѣ критика есть нечто иное, какъ шутовская, дѣтская пальба морковью и рѣпой изъ пернышка, или бумажная хлопушка — не говорю уже шуточная лещёдка паяца,—гдѣ она уже по примѣрному росписанію составляетъ войско непріятельское—тамъ она ни въ прокъ, ни въ помощь; но гдѣ она стоитъ въ числѣ войскъ дружескихъ, союзныхъ, сражающихся за одно общее дѣло, тамъ она должна являться на сборное мѣсто по первому знаку и идти добросовѣстно съ товарищами своими рука-въ-руку и нога-въ-ногу.

Источники, болѣе сподручные сочинителю карты, какъ на-примѣръ, всѣ показанія древнихъ, обработаны въ трудѣ его, по-видимому, съ гораздо бо́льшею осмотрительностію и вѣрностію; сознаваясь въ весьма-поверхностномъ знакомствѣ своемъ на поприщѣ этомъ, критикъ удерживается отъ всякихъ сужденій. Ясно и убѣдительно, при всей краткости, изложенъ взглядъ сочинителя на мнѣнія о такъ-называемомъ старомъ руслѣ или старицѣ р. Аму и о прежнемъ ея теченіи; загадочный предметъ этотъ часто подавалъ уже поводъ къ догадкамъ, спорамъ и разсужденіямъ и остался, болѣе или менѣе, загадкой по сегодняшній день. Сочинитель замѣчаній этихъ,

нѣсколько лѣтъ тому, изложилъ мнѣніе свое объ этомъ предметѣ, основанное на тѣхъ же почти началахъ и съ тѣми же почти выводами, хоть и не могъ подкрѣпить ихъ такою основательною ученостію и начитанностію, какъ г. Циммерманъ. Скромное мнѣніе это, принадлежащее, какъ и всякое мнѣніе и личный взглядъ, собственно личности человѣка, который рѣшился взложить его,—было переиначено и искажено въ знаменитомъ ларчикѣ съ секретомъ, о коемъ въ свое время откровенно объявлялось въ одномъ довольно-рѣшительномъ журналѣ.

Но возвратимся къ Аму-Дарьѣ: преданіе о прежнемъ впаденіи ея въ Каспійское-Море до того невѣроятно, что открытые слѣды стараго русла или старицы—если только доказано будетъ, что она точно идетъ отъ самой плотины Аму до каспійскаго взморья — скорѣе приписать можно стоку морскихъ водъ Арала въ Каспій: большая часть ученыхъ не сомнѣвается нынѣ въ томъ, что оба моря составляли въ древности одно, и только впослѣдствіи раздѣлились: при этомъ постепенномъ раздѣленіи стокъ высшаго, то-есть Арала, въ низшее, то-есть въ Каспій, могъ продолжаться десятки лѣтъ и оставить глубокую старицу, наподобіе русла большой рѣки. Критику было пріятно встрѣтить у Циммермана независимое отъ перваго, но сходное съ нимъ мнѣніе.

Возвращаясь еще напослѣдокъ опять къ картѣ, должны мы признаться, что замѣтки на ней по части естественной исторіи ничтожны, странны и невѣрны. Этому, кажется, и не мѣсто на подобной картѣ, и дѣло всегда выйдетъ безтолково. Если я, на-прим., читаю на югѣ отъ Усть-Урта: «дикіе кони, буйволы, лисицы, karbusen, melonen, dynie, gurken, cucumber und Hirse (карбузы, дыни, мелёны, огурцы, еще огурцы и просо), то мнѣ трудно догадаться, что куланъ (Eq. Hemionus Pall.) водится также верстъ 700 сѣвернѣе этой полосы, что здѣсь дикихъ буйволовъ нѣтъ, хоть Каракалпаки и держатъ иногда ручныхъ или домашнихъ; что собственно лиса водится не только почти во всей степи, но почти во всей Европѣ и Азіи, между-тѣмъ, какъ собственно въ этихъ мѣстахъ нашей лисы нѣтъ вовсе, а есть, по-сѣвернѣе, корсукъ (C. korsak Pall.), а южнѣе, караганка (C. melanotus P.), т. е. два вовсе отличные вида степной лисы; что арбузы (а не карбузы) и дыни растутъ прекрасно около Оренбурга и даже Омска, десять градусовъ сѣвернѣе того, гдѣ они показаны на картѣ; что *dynie* та же самая дыня, которую сочинитель назвалъ уже разъ *melone*; что нѣтъ никакой причины приписывать Туркменской Степи въ особенности огурцы, *cucumber* (?) и просо, и прочее и прочее;— всего этого изъ лаконической надписи видѣть нельзя, а можетъ она или ввести незнающаго въ смѣшныя ошибки, или заставить знающаго улыбнуться на-счетъ этой неумѣстной и неудачной нѣмецкой аккуратности, съ которою размѣщены на картѣ безтолковыя и невѣрныя свѣдѣнія.

Окончательно пользуюсь случаемъ, чтобъ сказать нѣсколько словъ, относящихся къ разсматриваемому нами предмету.

Произношеніе Кайсаковъ или Киргизовъ, говорящихъ нарѣчіемъ турецкаго языка, отличается не только отъ турецкаго, но и отъ татарскаго, употребительнаго въ губерніи. Спрашивается: чему придерживаться намъ въ правописаніи собственныхъ именъ и названій за-уральской степи — турецкому ли произношенію, мѣстному татарскому, или просто киргизскому? Кажется, тутъ нечего и спрашивать: должно называть каждое урочище тѣмъ именемъ, какое дано ему жителями, не переиначивая, не картавя и не исправляя; иначе мы не признáемъ названіе это, увидавъ его гдѣ-нибудь въ другомъ мѣстѣ, и не признáемъ въ устахъ кореннаго жителя, который по-турецки не знаетъ. Составляя карту Сербіи, земли Чеховъ, никому не прійдетъ въ голову переиначивать названія мѣстъ, рѣкъ и городовъ на русскій ладъ, подъ тѣмъ предлогомъ, что русскій языкъ долженъ быть господствующимъ, а сербскій и чешскій суть нарѣчія языка кореннаго. А между-тѣмъ, есть люди—и это опять все тотъ же знаменитый мужъ,— которые не упускаютъ ни одного случая прогнать волею и неволею сквозь чистилище свое, сквозь знаменитый механическій ларецъ, всякое мѣстное названіе, каждое собственное имя одного корня съ турецкимъ языкомъ и передѣлать: *тау* на *тагъ; джа, дже, джи, джу*—на *я, е, и, ю*, окончаніе *ты* на *лы*; твердое *к* на *х*, мягкое на *г* и прочее и прочее. Разсудите насъ, господа, съ этимъ мужемъ, съ этимъ неумолимымъ закройщикомъ: не подаетъ ли чистоплотность его поводъ къ новымъ недоумѣніямъ и путаницѣ? не прійдется ли вамъ, если повѣрите ему нá-слово и затвердите словарь его, переучиваться, пріѣхавъ на мѣсто, и разспрашивать, и переспрашивать, и заучивать снова каждое имя и названіе?

Тотъ же господинъ, человѣкъ очень ученый, знающій, начитанный,—это говоримъ мы вовсе не въ насмѣшку, а отдаемъ чистосердечно должному должное,—слишкомъ рѣзко и положительно опровергаетъ и безъ околичности хéритъ мнѣнія другихъ людей, которые, при несравненно-мéньшей степени учености, могутъ, однакоже, иногда также знать хоть что-нибудь, вовсе не тягаясь, впрочемъ, въ свѣдѣніяхъ своихъ со всезнайкою. И такъ, похéривъ то, чтó сказалъ подпавшій поправкѣ его сотрудникъ, оріенталистъ говоритъ: «Аралъкуль или Аралъ-дынгизъ не можетъ означать островитаго моря, потому-что въ этомъ случаѣ надобно бы сказать Аралъ-дынгизы; да и тогда тутъ заключалось бы понятіе объ одномъ только островѣ; а наконецъ, во всѣхъ турецкихъ нарѣчіяхъ островъ называется не *аралъ*, а *ада*. Настоящее названіе моря этого Аралу-дынгизъ, чтó означаетъ море промежуточное, лежащее между двухъ большихъ рѣкъ, Сыра и Аму». Вотъ смыслъ рѣчи; словъ не помню. Но все это хоть и гладко на письмѣ, кочковато на дѣлѣ, произвольно и несправедливо. Въ подобныхъ вещахъ недостаточно фирмана знаменитаго оріенталиста, а надобно доказать вещь дѣльно, не надѣясь на то, что мало кто знаетъ по-турецки. Дѣло въ томъ, что 1) дѣйствительно надобно бы говорить *Аралъ-дынгизы*, но не принято, не говорится; относительное мѣстоименіе *и* или *ы* откинуто, какъ то встрѣчаемъ мы во многихъ другихъ случаяхъ и какъ самъ оріенталистъ вслѣдъ за тѣмъ допускаетъ, сказавъ, что слѣдовало бы говорить *Аралу-дынгизъ*, между-тѣмъ, какъ народъ говоритъ Аралъ. 2) Единственное число вмѣсто множественнаго

ставится такъ часто на татарскомъ языкѣ, что оріенталисту и не слѣдовало бы объ этомъ упоминать; онъ знаетъ, конечно, что не говорятъ по-татарски: «есть ли у васъ зайцы, медвѣди?» а спрашиваютъ: «заяцъ есть у васъ, медвѣдь есть?» —Впрочемъ, самое значеніе слова Аралъ объяснитъ обстоятельство это еще болѣе. 3) Но самое главное:—на здѣшнихъ нарѣчіяхъ турецкаго языка нѣтъ турецкаго слова *ада*; островъ называется *утрау*, а аралъ значитъ земля, суша, какъ противоположность воды и моря. Вотъ почему Аралъ-дынгизъ, по всѣмъ правиламъ разговорнаго языка и по общему понятію туземцевъ, значитъ: море суши, море земельное, островитое. Къ этому можно еще прибавить: что самопроизвольное объясненіе г. оріенталиста, напротивъ того, не годится, это и мы, неученые, можемъ сказать положительно; и не годится потому-что еслибъ «аралъ» или даже, пожалуй, «аралу», происходило отъ «ара», между, то «аралу» никогда бы не могло означать вещь, лежащую между, но напротивъ того вещь, въ которой есть промежутки; такъ, напр., атлы, бурклы, гакклы означаютъ, будучи составлены по тому же образцу, человѣка, у котораго есть лошадь, шапка, умъ. Охотно соглашусь съ тѣми, которые скажутъ: нѣтъ большой важности въ значеніи этого слова; но на что пускаться въ новыя открытія и запутывать и сбивать народъ? зачѣмъ вымарывать все, что только говорятъ другіе и замѣщать своимъ, важное ли оно, не важное ли?

Мало того; ученый мужъ выкидываетъ подобныя штуки при каждомъ и удобномъ и неудобномъ случаѣ, кстати и некстати, лишь бы ты ему попался. Острова Барса-Кильмесъ и Барса-Кайтмасъ были имъ похѣрены подъ этимъ званіемъ и передѣланы, умышленно, съ намѣреніемъ, въ Бирса-Кильмесъ и Кайтмосъ и переведены по-своему: «никто не пойдетъ», или «никто не пріидетъ» — не упомню теперь. Для чего же сей ученый мужъ посягнулъ на жизнь и цѣлость собственнаго имени или названія, которое онъ, безъ сомнѣнія, переиначить не въ силахъ, а можетъ только развѣ изуродовать его въ столбцахъ книжки? для чего не оставилъ названія эти такими, каковы они есть на самомъ дѣлѣ? Для того, чтобъ перевести ихъ по-своему, иначе, чѣмъ другіе люди, менѣе ученые. Между-тѣмъ, однакоже, острова эти называются по сегодняшній день еще Барса-Кильмесъ и Барса-Кайтмасъ, что значитъ въ вѣрномъ русскомъ переводѣ: «если пойдешь, то не воротишься»; названіе это объяснено уже выше.

Статья моя, сравнительно съ выходомъ карты г. Циммермана, запоздала; она была написана еще весною 1840 года на нѣмецкомъ языкѣ, для несостоявшагося въ Дерптѣ повременнаго изданія; нынѣ напечатана она въ «Beiträge», издаваемые нашей Академіей Наукъ, и, по желанію издателя «Отеч. Записокъ», переложена самимъ сочинителемъ на русскій языкъ (*). Издателю карты незначительныя по себѣ замѣчанія наши будутъ пріятны, въ этомъ можно быть увѣрену; оріенталисту, который, по учености своей,

(*) За что издатель «Отечеств. Записокъ» и свидѣтельствуетъ почтенному автору свою душевную благодарность.

стоитъ такъ высоко, что нашему брату къ нему и съ шестомъ не приступиться, замѣтки эти ни по-чемъ: онъ не сознается въ промахахъ своихъ и не исправится. Пусть же по-крайней-мѣрѣ посмотрятъ да послушаютъ люди со стороны, авось имъ въ прокъ пойдетъ, если у нихъ доброе на умѣ, и они убѣдятся въ справедливости нашего негодованія.

В. ДАЛЬ.

ГРЕЦІЯ ВЪ НЫНѢШНЕМЪ СВОЕМЪ СОСТОЯНІИ.

Статья вторая и послѣдняя.

ГРЕЦІЯ ВЪ ИСТОРИЧЕСКОМЪ, АДМИНИСТРАТИВНОМЪ И СТАТИСТИЧЕСКОМЪ ОТНОШЕНІЯХЪ СО ВРЕМЕНИ ВСТУПЛЕНІЯ ВЪ УПРАВЛЕНІЕ КОРОЛЯ ОТТОНА.

1-го іюня 1835 года, въ новой столицѣ королевства, Аѳинахъ(*), громъ пушекъ, звуки военной музыки и звонъ молчавшихъ въ-продолженіи турецкаго владычества колоколовъ, возвѣстили наступленіе радостнаго дня, когда юный король Греціи, достигнувъ совершеннолѣтія, долженъ былъ, согласно заключеннымъ договорамъ, принять въ собственныя руки бразды правленія. Рано утромъ члены регентства, вмѣстѣ съ высшими государственными чиновниками, отправились въ жилище короля и торжественно сложили передъ нимъ власть свою. Президентъ регентства, графъ Армансперґъ, въ произнесенной при этомъ случаѣ рѣчи, сказалъ между прочимъ: «Просимъ ваше величество бросить снисходительный взглядъ на наше управленіе. Мы первые сознаёмся, что оно далеко не соотвѣтствуетъ даже нашимъ собственнымъ надеждамъ, но по-крайней-мѣрѣ оканчиваемъ наши трудныя обязанности съ полною увѣренностію, что источникомъ всѣхъ нашихъ дѣйствій были побужденія самыя чистыя, что усилія наши увѣнчались нѣкоторымъ успѣхомъ, что мы сдаемъ теперь съ рукъ нашихъ страну совершенно успокоенную, въ значительно-улучшенномъ состояніи въ-сравненіи съ эпохою нашего вступленія». По нѣкоторымъ религіознымъ уваженіямъ, коронація, къ которой стеклось множество народа изъ всей Греціи, и для которой приготовлены уже были и регаліи, — не совершилась. Король издалъ прокламацію къ народу, въ которой обозрѣвалъ положеніе государства въ послѣдніе годы, и излагалъ труды, предстоящіе правительству и народу; въ ней, между прочимъ, было сказано: «Я призывалъ васъ къ согласію и большая часть услышала мой голосъ; безначаліе сокрушено, преступные замыслы подавлены и не осталось никакихъ слѣдовъ ихъ; спокойствіе и благоустройство водворены повсюду въ прекрасномъ оте-

(*) До 10-го декабря 1834 года, мѣстопребываніемъ регентства была Навплія.

честве нашемъ; ваши семейства и собственность нашли покровительство, котораго долго лишены были. Подъ защитою престола, поля ваши процветаютъ; изъ развалинъ возникли новыя жилища, и народъ соединился между собою теснейшими узами; много ранъ уже залечено, много общеполезныхъ предположеній приведено уже въ действіе, и еще къ большимъ положено начало». Далее, король напоминаетъ, что, не смотря на благословеніе, изліянное на Грецію небомъ, остается еще излечить много свежихъ ранъ прошедшаго; что, не смотря на быстрые успехи, сделанные Греціею, она нуждается еще въ безчисленныхъ улучшеніяхъ; ей необходимы величайшая заботливость и напряженіе всехъ силъ, чтобъ изгладить следы безпримерныхъ бедствій, тяготившихъ надъ ней въ-продолженіи несколькихъ столетій. «Эллины!» говоритъ онъ съ благороднымъ одушевленіемъ: «я неразрывно связываю судьбу свою съ вашею судьбою; единственною моею заботою будетъ ваше спокойствіе и счастіе; никакія трудности, никакія усилія не устрашатъ меня; я буду жить только въ васъ и для васъ.» Наконецъ, изложивъ главныя начала своего будущаго правленія, онъ определительно объявляетъ, что наследники престола будутъ принадлежать къ греческой церкви. Этотъ достопамятный день праздновался различными торжествами и народными играми, которыя въ древней Греціи такъ много способствовали сродненію всей націи,—и король Оттонъ самъ раздавалъ награды победителямъ. Вся Греція исполнена была радости и съ надеждою смотрела въ будущее.

Въ день вступленія своего въ управленіе государствомъ, король подписалъ рескриптъ, въ которомъ «принимая въ уваженіе познанія и опытность бывшаго президента регентства, графа Армансперга, и его дознанную любовь къ Греціи», пригласилъ его остаться еще на некоторое время въ Греціи, чтобъ руководить его своими советами. Вместе съ темъ, Армансиергъ сделанъ былъ государственнымъ канцлеромъ, и особое повеленіе определяло весьма обширный кругъ его действій: онъ былъ назначенъ президентомъ совета министровъ съ темъ, чтобъ привести въ должное единство все отрасли государственнаго управленія и однообразно повсюду ввести принятую систему управленія. Въ отсутствіе короля, ему предоставлялось управленіе занятіями совета. Сверхъ того, подъ непосредственнымъ наблюденіемъ короля, онъ занимался въ кабинете его всеми делами, относящимися до государственнаго управленія, и имелъ надзоръ за точнымъ исполненіемъ королевскихъ повеленій. Семь статс-секретарей (министровъ)(*) хотя управляли вверенными имъ частями самостоятельно, подъ непосредственною ответственностію передъ королемъ, но государственный канцлеръ имелъ право надзора и контроль по всемъ безъ исключенія отраслямъ правленія и могъ требовать, по усмотренію своему, о всякомъ предмете отчета и выполненія королевскихъ повеленій. Ему предоставлено было также отменять меры и распоряженія министровъ, до испрошенія касательно ихъ королевскаго повеленія, а въ необыкновенныхъ случаяхъ онъ могъ, не бывъ даже особо уполномоченъ на то королемъ, отдавать приказанія, которыя имели

(*) Министерство состояло изъ семи портфелей: а) иностранныхъ делъ и королевскаго двора, б) внутреннихъ делъ, в) духовныхъ делъ и народнаго просвещенія, г) юстиціи, д) финансовъ, е) сухопутныхъ и ж) морскихъ силъ.

обязательную силу для всѣхъ правительственныхъ мѣстъ и лицъ. О подобныхъ распоряженіяхъ онъ долженъ былъ сообщать совѣту министровъ и докладывать королю, передъ которымъ отвѣтствовалъ за всѣ свои дѣйствія. Такимъ образомъ, графъ Армансепргъ сдѣлался не только первымъ государственнымъ чиновникомъ, по возложеннымъ на него должностямъ, но и первымъ совѣтникомъ короля, съ весьма обширною властію. Должно сознаться, что благоразумное управленіе дѣлами Греціи въ-продолженія регентства вполнѣ оправдывало неограниченное довѣріе короля къ этому необыкновенному государственному человѣку(*). Во время прибытія Армансперга въ Навплію, въ январѣ 1833 года, вся Греція находилась въ совершенномъ безначаліи. Ослѣпленныя страстями партіи съ оружіемъ въ рукахъ свирѣпствовали одна противъ другой; не было даже тѣни правительства; ни судовъ, ни управленія провинціями, ни надежныхъ войскъ, ни военныхъ запасовъ. Государственная казна была пуста; флотъ, состоявшій изъ купеческихъ судовъ, безъ дисциплины, находился въ самомъ жалкомъ положеніи; войска и чиновники не получали жалованья и жили грабительствомъ. Личность и собственность граждамъ не находили защиты; вездѣ убійства и грабежи—и ни законовъ, ни суда, ни темницъ для наказанія ихъ. Въ народѣ было много оружія, но никакой защиты противъ его злоупотребленія. Поля большею частію оставались невоздѣланными, а государственныя зданія, кромѣ Навпліи и нѣкоторыхъ островов, въ развалинахъ. Промышленость и торговля въ упадкѣ,—послѣдняя преимущественно отъ морскихъ разбоевъ. Не было ни дорогъ, ни почтъ, ни правильнаго сообщенія съ другими государствами; сѣверная граница оставлена была безъ защиты въ жертву турецкимъ разбойничьимъ шайкамъ; многія провинціи заняты Турками и даже самая церковь была нѣкоторымъ образомъ въ ихъ зависимости, будучи подчинена константинопольскому патріарху, назначаемому и отрѣшаемому султаномъ. Наконецъ, не было ни школъ, ни больницъ, между-тѣмъ, какъ сотни монастырей наполнены были празднолюбцами.

Въ такомъ положеніи принято было государство регентствомъ, и должно замѣтить, что всѣ эти бѣдствія не были слѣдствіемъ временнаго разстройства, но вѣками глубоко укоренились въ странѣ несчастной, хотя щедро надѣленной всѣми благами природы. Сверхъ того, графу Армансепргу предстояла еще безпрерывная борьба съ заговорами и возмущеніями въ народѣ, съ несогласіями и интригами въ самомъ регентствѣ, что̀ было причиною частой перемѣны членовъ его, и съ безчисленными затрудненіями всѣхъ родовъ. Хотя, по закрытіи регентства, оставалось сдѣлать еще многое, но дѣятельность, твердость графа Армансперга и его любовь къ Греціи успѣли посѣять много сѣменъ, долженствовавшихъ принести обильную жатву. Порядокъ и спокойствіе были возстановлены, законамъ возвращено уваженіе, войско мало-по-малу образовано на европейскую ногу, и школы, хотя еще немногочи-

(*) Армансепргъ родился въ 1787 году. Онъ былъ въ Баваріи министромъ внутреннихъ и наконецъ иностранныхъ дѣлъ. Потомъ, оставивъ службу, жилъ въ своихъ помѣстьяхъ до 1832 года, когда баварскій король призвалъ его занять первое мѣсто въ регентствѣ Греціи, долженствовавшемъ образоваться, на основаніи лондонскаго трактата, 7 мая 1832 года.

сленныя по недостатку въ учителяхъ, оказывали уже благотворное дѣйствіе на народъ. Можно рѣшительно сказать, что, не смотря на нѣкоторыя ошибки свои, регентство удовлетворительно разрѣшило предложенную ему задачу, и передало въ руки юнаго короля страну успокоенную, способную къ воспріятію дальнѣйшихъ улучшеній, необходимыхъ въ постепенномъ ея развитіи. Въ новомъ званіи своемъ, какъ первый совѣтникъ короля, графъ Арманспергъ дѣйствовалъ съ сугубымъ рвеніемъ, и, какъ послѣдствія доказали, съ полнымъ успѣхомъ. Прочіе члены регентства, генерал-майоръ Гейдекъ фон-Гейдеггеръ и баварскіе государственные совѣтники фон-Грейнеръ и фон-Кобелль возвратились въ Баварію; послѣдній изъ нихъ послѣ опять прибылъ въ Грецію въ качествѣ баварскаго посланника.

Новое правительство Греціи приняло, подъ руководствомъ графа Армансперга, рѣшительно національный характеръ. Первое дѣйствіе короля было забвеніе прошедшаго, объявленное всѣмъ политическимъ преступникамъ и эмигрантамъ. Вскорѣ послѣ того, 26 мая, состоялся важный, обдуманный по обширному плану законъ о *дотаціи эллинскихъ фамилій*, который предоставляетъ каждому, закономъ признанному эллинскому главѣ семейства пріобрѣтать государственныя имущества цѣною до 2000 драхмъ (2000 руб. ассиг.) съ титуломъ *эллинской дотаціи*. Главою семейства почитались: каждый отецъ семейства, женатый или вдовый, каждая вдова съ дѣтьми или бездѣтная, всѣ неженатые мужчины, если они не принадлежатъ къ семейству, получившему дотацію, и наконецъ круглые сироты, отъ имени умершаго главы семейства. Въ продажу назначены были не только земли, способныя къ обработкѣ, но и воздѣланные уже участки и другія принадлежащія государству недвижимыя имущества, на-прим., мельницы, въ городахъ — дома и мѣста, удобныя для построекъ, виноградники, фруктовые сады, и проч., за исключеніемъ лѣсовъ и другихъ недвижимостей, предназначенныхъ въ собственность короны и государства. Каждый глава семейства получалъ отъ правительства билетъ въ 2000 драхмъ, который, впрочемъ, не могъ быть обращенъ въ торговлю, и слѣдовательно не составлялъ бумажныхъ денегъ, но имѣлъ цѣну только для уплаты правительству за земли при предстоявшей продажѣ государственныхъ имуществъ. Въ случаѣ смерти отца семейства, кредитъ его распространялся на его законныхъ наслѣдниковъ, если полученный имъ билетъ не былъ еще употребленъ въ дѣло. Непосредственно послѣ раздачи билетовъ, въ каждомъ округѣ начиналась по сдѣланной правительстомъ оцѣнкѣ аукціонная продажа, на которой каждый глава семейства могъ пріобрѣсти недвижимую собственность до вышеозначенной суммы. Пріобрѣтенныя такимъ образомъ имущества составляли на вѣчныя времена полную собственность купившихъ, свободную не только отъ всякихъ натуральныхъ повинностей, но и отъ *десятины*, которою обложены были всѣ государственныя имущества, и которая составляла 25 процентовъ съ валоваго дохода. Въ вознагражденіе за право собственности на эти земли, котораго лишилось государство, новые владѣльцы обязаны были платить въ казну, въ-продолженіи 36 лѣтъ, 6% съ покупной цѣны; но всякій могъ освободиться отъ этой подати, внеся единовременно всю покупную сумму; во всякомъ случаѣ, по истеченіи 36 лѣтъ,

шестипроцентный сборъ оканчивался. Съ виноградниковъ, оливковыхъ садовъ и другихъ заведеній, съ которыхъ прежде платилось въ казну *десятина*, учрежденъ былъ сборъ по 3% въ годъ, до введенія всеобщаго поземельнаго сбора.

Вмѣстѣ съ обнародованіемъ этого превосходнаго закона, были приняты мѣры для точнаго приведенія его въ исполненіе. Далѣе, уже не однимъ только эллинскимъ семействамъ, но всѣмъ вообще городскимъ и сельскимъ общинамъ, потерпѣвшимъ потери въ-продолженіи войны, возвращены были всѣ общественныя владѣнія, принадлежавшія имъ до возмущенія, и въ случаѣ недостаточности ихъ, отводились земли для церквей, школъ, больницъ, богаделенъ, кладбищъ, площадей, для разведенія лѣсовъ, и т. п. Эти вспомоществованія, оказанныя правительствомъ народу, не составляли наградъ или даровъ, ибо всѣ Греки, оказавшіе особенныя заслуги или потерпѣвшіе во время войны за независимость, при самомъ прибытіи короля были отличены почестями и должностями, или вознаграждены землями и пенсіями. Притомъ же, государственныя имущества служили обезпеченіемъ довольно значительнаго государственнаго долга, а во время войны были единственнымъ источникомъ, изъ котораго правительство получало необходимыя средства. Хотя розданныя земли и не составляли дара, но эта мѣра была истиннымъ благодѣяніемъ для народа и положила начало его благосостоянію; большая часть народа или вовсе не имѣла собственности, или должна была обработывать государственныя земли, съ платою корыстолюбивымъ откупщикамъ (fermiers generaux) весьма обременительной *десятины* въ 25%; теперь же, каждый могъ пріобрѣтать собственность, обезпечивающую навсегда его семейство, не имѣя никакого капитала и за весьма умѣренные проценты, 6%, тогда, какъ въ то время, въ Греціи обыкновенные проценты при займѣ капиталовъ были отъ $24—30\%$. Хотя розданныя земли были еще большею частію необработаны, но подъ благотворнымъ южнымъ небомъ онѣ обѣщали, при нѣкоторомъ трудолюбіи, обильные плоды, и государство имѣло въ виду современемъ обладать вѣрнымъ капиталомъ въ нѣсколько милліоновъ драхмъ.

Послѣ этого важнаго закона, который долженъ былъ положить основаніе народному богатству, благодѣтельнѣйшимъ распоряженіемъ для государства было новое образованіе *государственнаго совѣта*. Онъ учреждался съ тою цѣлію, какъ сказано было въ королевскомъ повелѣніи 30 сентября 1835 года, «чтобъ окружить престолъ лучшими людьми изъ всего государства, пользоваться ихъ опытностію и прозорливостію, и дать новое доказательство народу въ любви и довѣріи къ нему короля». — Государственный совѣтъ долженъ былъ представлять изъ себя высшее совѣщательное сословіе, подъ непосредственнымъ предсѣдательствомъ самого короля, который съ нимъ совѣтовался обо всѣхъ государственныхъ дѣлахъ; въ нѣкоторыхъ же случаяхъ, на пр. въ спорныхъ вопросахъ управленія, совѣтъ составлялъ высшую инстанцію.—Замѣчательнѣйшіе и достойнѣйшіе люди Греціи, безъ различія партій, къ которымъ принадлежали они, были призываемы засѣдать въ совѣтѣ, и въ числѣ ихъ былъ одинъ только иностранецъ, генерал - лейтенантъ Чорчъ, оказавшій большія услуги Греціи.

Столько же стремленія къ народности показало правительство въ преобразованіи военнаго управленія. Отмѣнивъ прежнее вербованіе солдатъ изъ иностранцевъ, оно приступило къ образованію *эллинской отборной фаланги*, — родъ гвардіи, которой всѣ чины и званія были почетныя. Эта фаланга была раздѣлена на *тетрархіи*; каждая тетрархія состояла изъ капитана съ титуломъ и рангомъ полковника, изъ лейтенанта перваго класса съ титуломъ и рангомъ подполковника, изъ двухъ лейтенантовъ втораго класса въ рангѣ майора, изъ знаменоносца и четырехъ вахмистровъ капитанскаго чина, и изъ 54-хъ *отборныхъ ратниковъ*, въ томъ числѣ фелдфебель и ефрейторы, въ чинахъ поручиковъ и подпоручиковъ. Въ фалангу могъ быть принятъ только тотъ, кто законнымъ образомъ могъ доказать, что онъ служилъ офицеромъ во флотѣ или въ бывшихъ нерегулярныхъ сухопутныхъ войскахъ, что въ этомъ званіи участвовалъ въ войнѣ за независимость, и всегда велъ себя безукоризненно. Принятый въ фалангу оставался въ ней всю жизнь, если самъ не желалъ оставить ее, или если не былъ исключенъ приговоромъ военнаго суда за проступки по службѣ или за другія какія-нибудь преступленія. Сдѣлавшіеся на службѣ неспособными, поступали въ *ветераны* фаланги, сохраняя званіе, чинъ, одежду, вооруженіе и всѣ преимущества, которыми пользовались на дѣйствительной службѣ. Образованіе этой фаланги возложено было на генерала Чорча, который еще прежде избранъ былъ отъ національнаго собранія главою военныхъ силъ. — По ограниченности финансовыхъ способовъ государства, назначенное новоизбраннымъ членамъ фаланги содержаніе было незначительно, но достаточно для воина, привыкшаго къ воздержанію и лишеніямъ. Такимъ образомъ, правительство спасло людей, геройски жертвовавшихъ отечеству жизнію и имуществомъ во время войны за независимость, отъ тяжкихъ заботъ о пропитаніи, прекратило насилія, къ которымъ ихъ побуждала крайность, и обратило силы ихъ къ благородной цѣли. Равнымъ образомъ, за оказанныя во время войны заслуги, назначаемы были пенсіи и другія вспомоществованія инвалидамъ, вдовамъ и сиротамъ воиновъ, падшихъ въ сраженіяхъ, на что потребовались суммы весьма значительныя. Вообще, правительство старалось сохранить воспоминаніе этой славной эпохи и по возможности наградить заслуги. Въ память національнаго собранія 1822 года выбита была медаль и раздана всѣмъ участникамъ его, бывшимъ еще въ живыхъ, и семействамъ умершихъ.

Между-тѣмъ, какъ рядъ мудрыхъ постановленій упрочивалъ внутреннее устройство юнаго королевства, поддерживались также дружескія сношенія съ европейскими державами, и заключено много трактатовъ для обезпеченія свободы торговли; даже Порта прислала коммиссара въ Аѳины. Хотя въ полученіи третьей сэріи займа въ 60 мильйоновъ франковъ, гарантированнаго тремя державами, оказалась остановка, которая привела правительство въ затруднительное положеніе, но оно умѣло избѣжать финансоваго кризиса. Съ неутомимою заботливостію старалось оно ввести большій порядокъ въ управленіе финансами; государственные доходы собирались повсемѣстно съ успѣхомъ, хотя съ меньшими насиліями, ибо и въ прежнемъ порядкѣ сбора податей сдѣланы были значительныя улучшенія; многія постановленія опредѣляли съ точностію все, что относилось къ та-

моженнымъ пошлинамъ, поземельному и соляному сбору и арендѣ казенныхъ лѣсовъ.

Одна изъ труднѣйшихъ задачь, предстоявшихъ правительству, было развитіе внутреннихъ силъ государства, особенно распространеніе земледѣлія и облегченіе внутреннихъ сообщеній.—Начатыя уже большія дороги отъ Пирея къ Аѳинамъ и отъ Навпліи до Аргоса были скоро приведены къ окончанію, и вслѣдъ затѣмъ приступлено къ проложенію новыхъ дорогъ по разнымъ направленіямъ отъ Аѳинъ. Между Пиреемъ и Смирною правительство учредило постоянное сообщеніе посредствомъ парохода, который каждые 14 дней совершалъ плаваніе между Пиреемъ, Хіосомъ, Чесмою, Смирною, Митиленою, Тенедосомъ, Дарданеллами, Галлиполи и Константинополемъ, и, сверхъ пассажировъ, перевозилъ письма и посылки. Чтобъ показать, до какой степени правительство заботилось объ устраненіи даже самыхъ незначительныхъ неудобствъ, упомянемъ о постановленіи 16 февраля 1836 года, которымъ вмѣнялось въ обязанность всѣмъ почтовымъ конторамъ разсылать письма и посылки по адресамъ въ домы, употребляя для того людей, участвовавшихъ въ войнѣ за независимость и безукоризненнаго поведенія. — Не смотря на всѣ распоряженія правительства, въ государствѣ весьма былъ ощутителенъ недостатокъ кредита и звонкой монеты въ обращеніи. Проценты при частныхъ займахъ весьма мало уменьшились противъ прежняго и все еще стояли между 20 и 24%; организованная законами система займовъ была вовсе неизвѣстна.—Правда, продолжительное пребываніе французскихъ войскъ въ Мореѣ и первыя двѣ сэріи заграничнаго займа привлекли въ государство значительное количество звонкой монеты; но французскія деньги, расходившіяся въ народѣ, по ненадежности торговыхъ оборотовъ, большею частію изъяты были изъ оборота самими владѣльцами, которые вѣроятно зарывали ихъ въ землю; заемъ же почти весь былъ употребленъ на покупку за границею необходимыхъ потребностей для флота и войска; сверхъ того, сумма этого займа значительно уменьшилась расходами на сборъ и пересылку денегъ и различіемъ денежныхъ курсовъ, а остальное поглощено наборомъ войска и военными экспедиціями: Такимъ образомъ изъ этихъ денегъ едва-ли что осталось въ государствѣ. Поэтому, правительство всѣми мѣрами заботилось объ учрежденіи банка; оно старалось собрать третью сэрію заграничнаго займа, и вошло въ переговоры съ англійскими банкирами, именно съ Райтомъ въ Лондонѣ, о ссудѣ необходимой суммы для первоначальнаго открытія банка. Увѣренное въ успѣхѣ своихъ стараній, оно въ январѣ 1836 года издало уже для банка превосходно-обработанное положеніе, введеніе котораго было бы величайшимъ благодѣяніемъ для страны. Но время исполненія этого полезнаго предпріятія еще не наступило. Однакоже, чтобъ сколько возможно утвердить кредитъ, правительство объявило, что оно въ непродолжительномъ времени учредитъ правильную систему ссудъ подъ залоги и сдѣлало къ этому первый приступъ закономъ, которымъ повелѣвалось, чтобъ всѣ долговыя претензіи по закладнымъ были немедленно явлены въ судебныхъ мѣстахъ (*).

(*) По послѣднимъ извѣстіямъ иностранныхъ газетъ видно, что суммы, необходимыя для учрежденія банка, наконецъ собраны, и это благодѣтельное заведеніе скоро

Какъ ни много было сдѣлано регентствомъ для возстановленія общественнаго порядка и спокойствія, предметъ этотъ требовалъ еще неусыпнаго вниманія правительства. Въ 1834 году, возстаніе горнаго народа Майнотовъ усмирено было болѣе мирными средствами, нежели силою оружія; возмущеніе въ Мессеніи подавлено при помощи войска, но вмѣстѣ съ тѣмъ правительство удовлетворило справедливымъ жалобамъ недовольныхъ на притѣсненія и злоупотребленія чиновниковъ, смѣнивъ ихъ и введя лучшую систему администраціи. Даже морскіе разбои, преимущественно на островѣ Эвбеѣ и на Спорадахъ, были почти прекращены строгими законами,изданными противъ нихъ, и казнію нѣсколькихъ захваченныхъ разбойниковъ. Но зло не было еще вырвано съ корнемъ. Продолжительная война съ Турціею и внутренніе раздоры партій питали духъ насилія и грабежа, тѣмъ болѣе, что на сосѣдственныхъ берегахъ Турціи царствовало всеобщее безначаліе, слабость и безнравственность чиновниковъ, дозволявшихъ морскимъ разбойникамъ отправлять ремесло свое въ большомъ размѣрѣ. Въ началѣ іюля 1835 года, въ округахъ Акарнаніи и Этоліи, Ѳокидѣ и Локридѣ разбои усилились до такой степени, что обыкновенныя средства къ поддержанію спокойствія были уже недостаточны, и правительство увидѣло себя принужденнымъ прибѣгнуть къ военной силѣ.

Для огражденія сѣверной границы государства отъ безпрестанно возобновлявшихся вторженій разбойническихъ шаекъ, были усилены войска и приняты мѣры къ защищенію подданныхъ и ихъ имуществъ. Но при всемъ томъ, граница еще не была безопасна. Разбойники вооруженными толпами переходили изъ турецкихъ владѣній, грабили, разрушали, истребляли цѣлыя селенія, и, обремененные добычею, возвращались домой черезъ горныя ущелія, безнаказанно, съ весьма малымъ урономъ, а иногда и вовсе безъ урона. Войска греческаго правительства были или слишкомъ немногочисленны, или состояли изъ наемныхъ Нѣмцевъ, которые еще въ экспедиціи противъ Майнотовъ показали неспособность свою къ *партизанской* войнѣ въ неприступныхъ горахъ. Разбойники становились съ каждымъ днемъ предпріимчивѣе и толпы ихъ многочисленнѣе. Привлекаемыя надеждою добычи, несогласіемъ партій и обѣщаннымъ золотомъ, шайки ихъ были еще усиливаемы всѣми бродягами, мѣстными жителями, которыхъ война довела до нищеты, и которые не получили никакихъ мѣстъ. Наконецъ, всѣ отдѣльныя толпы ихъ, соединившись, подняли знамя бунта, протекшее до Миссолонги, и едва не взяли врасплохъ слабо-защищеннаго города. Опасность была еще тѣмъ грознѣе, что правительсто не могло вывести всѣ войска изъ Мореи и Аттики, и притомъ войска эти также были мало способны къ предстоявшей въ Румеліи войнѣ съ разбойниками. Въ этомъ критическомъ положеніи, правительство прибѣгло къ сильному и

будетъ открыто въ Греціи. Франція участвуетъ въ новомъ банкѣ на 1 мильйонъ, а Ротшильдъ и благородный филэллинъ Эйнаръ на 800,000 драхмъ. Тѣ же газеты увѣряютъ, что финансы Греціи находятся въ самомъ цвѣтущемъ состояніи, что теперь не только уже покрытъ заемъ въ 60 мильйоновъ, но что въ государственной казнѣ находится еще и излишекъ въ нѣсколько мильйоновъ драхмъ.

Ред.

дѣйствительному средству. Съ полною довѣренностію къ эллинской націи, оно вооружило въ самой Румеліи, объятой пламенемъ возмущенія, толпу храбрыхъ, прежде бывшихъ паликаровъ, и въ предводители имъ дало сдѣлавшихся извѣстными во время войны за независимость: Гриваса, Рицоса, Цавелла, Гура Вассо, Тіокриса, и многихъ другихъ отличныхъ офицеровъ; вмѣстѣ съ тѣмъ эскадра королевскаго флота была послана къ берегамъ Румеліи. Двое отличнѣйшихъ изъ сановниковъ государственнаго совѣта посланы были коммиссарами на мѣсто возмущенія: статс-секретарь внутреннихъ дѣлъ, Прайдосъ, который, впрочемъ, въ-послѣдствіи за нѣкоторыя упущенія былъ отрѣшенъ, и отличный военачальникъ Хріезисъ, министръ морскихъ силъ,—игравшіе важную роль въ этой войнѣ. Мѣстныя начальства вооружали вездѣ милицію (національную гвардію); число жандармовъ, состоявшихъ большею частію изъ хитрыхъ *Клефтовъ*, которые сами нѣкогда занимались разбоями, и потому были особенно полезны въ этой войнѣ,— было увеличено: находившіяся въ Румеліи отдѣленія фаланги собраны, и наконецъ призваны къ оружію всѣ вѣрные Румеліоты, которыхъ большая часть послѣдовала призванію. Небольшой гарнизонъ Миссолонги, вмѣстѣ съ жителями, еще защищалъ этотъ важный пунктъ. Офицеры въ нѣсколько дней соединили свои отряды, неожиданно напали на разбойниковъ, и съ помощію милиціи, жандармовъ и фаланги вытѣснили ихъ за границу. Главнѣйшіе изъ плѣнниковъ были суждены по военнымъ законамъ и казнены. Въ-продолженія нѣсколькихъ недѣль, спокойствіе было совершенно возстановлено въ Румеліи, и король объявилъ всеобщее прощеніе, изъ котораго исключены были только нѣкоторыя главы возмущенія. Опасность миновалась; но для предупрежденія на будущее время подобныхъ печальныхъ событій, правительство удержало собранныя толпы паликаровъ и образовало изъ нихъ пограничное войско, раздѣливъ ихъ на батальйоны и роты. и введя болѣе строгую подчиненность.

Эти безпокойства не могли не оставить вредныхъ слѣдовъ, особливо въ финансовомъ отношеніи; многія казначейства были разграблены, поля опустошены; слѣдовательно, посѣвы и надежда на жатву уничтожены, а вмѣстѣ съ тѣмъ и правительство лишилось возможности получить поземельный сборъ и доходы съ арендныхъ имѣній. Притомъ же, самая экспедиція стóила значительныхъ суммъ; для будущаго времени предвидѣлось увеличеніе расходовъ на защищеніе границъ. Необходимость этой мѣры была очевидна и прежде, но, по ограниченности финансовыхъ средствъ государства, ее нельзя было привести въ исполненіе. Для покрытія этихъ необходимыхъ издержекъ, правительство рѣшилось сдѣлать сбереженіе въ другихъ отрасляхъ управленія, именно — оно уменьшило число регулярныхъ войскъ и по этому случаю сдѣлало въ нихъ большія преобразованія.

По усмиреніи возмущенія въ Румеліи, правительство опять обратило все свое вниманіе на внутреннее устройство страны, на возобновленіе древнихъ городовъ, разведеніе лѣсовъ и устроеніе дорогъ. Особенно много было сдѣлано для украшенія Аѳинъ, гдѣ, между-прочимъ, разведенъ обширный ботаническій садъ для общества естествоиспытателей, для медицинской школы и для высшихъ учебныхъ заведеній. Народныя училища были распространяемы; заведены новыя и приняты мѣры къ изданію хорошихъ и

дешевыхъ учебныхъ книгъ. Въ судопроизводствѣ, на которое было обращено дѣятельное вниманіе регентства, также сдѣланы значительныя улучшенія. Во время открытія регентства, Греція почти вовсе не имѣла гражданскихъ судилищъ, которыя всѣ были упразднены во время междоусобныхъ войнъ и еще не возстановлены. Существовало нѣсколько весьма худо устроенныхъ мирныхъ судовъ, и три судилища: въ Навпліи, Миссолонги и Халкидѣ. Процессы лежали неразрѣшенными по нѣскольку лѣтъ. Также недостаточно было и уголовное судопроизводство. Существовавшія тогда три уголовныя судилища были экстраординарныя, временныя, и по устройству своему допускали величайшія злоупотребленія. Членъ регентства, статскій совѣтникъ Мауреръ, организовалъ (26 января 1835 г.) обыкновенные суды, по образцу французскихъ, и ввелъ учрежденіе присяжныхъ, избираемыхъ изъ народа. По удаленіи изъ Греціи Маурера, число мирныхъ судовъ было увеличено; прочимъ судилищамъ дано лучшее устройство, а для разрѣшенія важныхъ споровъ между Греками и возвращающимися Турками учреждено особое мѣсто. Наконецъ, открытъ былъ ареопагъ, и суды присяжныхъ приведены въ дѣйствіе.

Далѣе, правительство издало много законовъ относительно управленія церковными имѣніями и полезнаго употребленія доходовъ съ нихъ. Церковное устройство Греціи было весьма-просто, ибо небольшое число католиковъ и протестантовъ на континентѣ Греціи состояло единственно изъ нѣмецкихъ переселенцевъ, которыхъ число уменьшалось съ каждымъ годомъ. На островахъ, католики имѣли одного архіепископа въ Наксосѣ и трехъ епископовъ въ Сирѣ, Тиносѣ и Санторинѣ. По заключенію 36-ти митрополитовъ, архіепископовъ и епископовъ, собранныхъ въ 1833 году въ Навпліи, греческая церковь объявлена была королевскимъ постановленіемъ, 23 іюня 1833 года, *независимою, православною восточною церковію*. Верховное управленіе духовныхъ дѣлъ поручено было *синоду*, члены котораго ежегодно избирались или утверждались королемъ. Синодъ имѣлъ засѣданія въ Аѳинахъ, подъ непосредственнымъ наблюденіемъ самого короля, который, впрочемъ, оставался католикомъ. Такимъ образомъ, вмѣстѣ съ свѣтскою властію султана, рушилась и духовная зависимость Греціи отъ патріарха константинопольскаго. Чрезвычайная бѣдность духовенства и архіепископовъ, которые не имѣли никакихъ опредѣленныхъ доходовъ, но должны были довольствоваться учрежденными въ пользу ихъ сборами по церквамъ въ извѣстные дни и доходами съ посвященія, поставленія въ духовныя званія и за совершеніе требъ—эта бѣдность заставила правительство озаботиться важнымъ предметомъ—назначеніемъ постояннаго содержанія епископамъ и опредѣленіемъ платы духовенству за требы и за посвященіе въ духовныя званія разныхъ степеней (*).

(*) Относительно монастырей сдѣланы были также значительныя преобразованія со времени независимости Греціи. Монастыри обладали весьма обширными землями и прежде были очень многочисленны, но еще въ 1829 году, опредѣленіемъ національнаго конгресса въ Аргосѣ, упразднено было 320 монастырей, изъ которыхъ въ каждомъ было менѣе 5 монаховъ; при всемъ томъ осталось еще 82 мужскихъ монастыря съ 2000 монаховъ, и до 30 женскихъ монастырей. Во время турецкаго владычества, мо-

Всѣ эти важныя преобразованія совершились въ-теченіи одного года со времени вступленія молодаго короля въ управленіе государствомъ. Въ концѣ апрѣля 1836 года, предпринялъ онъ путешествіе по Греціи, поручивъ, въ отсутствіе свое, управленіе государственными дѣлами всѣмъ министрамъ, подъ председательствомъ государственнаго канцлера. 26 ноября 1836 года, въ Германіи, король Оттонъ сочетался бракомъ съ принцессою Амаліею Ольденбургскою. Въ-продолженіи почти десятимѣсячнаго отсутствія короля, государство управлялось намѣстникомъ его съ тою же прозорливостію и энергіею, какъ и прежде; общественная тишина ни разу не была нарушена, и законодательство обогатилось мудрыми постановленіями. Разбои, дѣятельно преслѣдуемые, почти вовсе уничтожены и изданъ законъ, въ-слѣдствіе котораго каждая община отвѣчаетъ за совершенные въ ней разбои и вознаграждаетъ потери, понесенныя жителями.

Но замѣчательнѣйшимъ дѣйствіемъ Армансперга, во все время его управленія, неоспоримо есть устройство *муниципальной системы*, образованіе общинъ и ихъ управленія, также учрежденіе *муниципальныхъ совѣтовъ*, которые имѣли главный надзоръ за дѣйствіями обширныхъ управленій, и служили

настыри составляли убѣжище отъ притѣсненій, и потому были всегда полны; но съ того времени, какъ начали опять возникать торговля и мореплаваніе, особливо же со времени американской и французской революцій, когда угнетеннымъ Грекамъ открылись другія средства пріобрѣтенія и возможность избавиться притѣсненій, расположеніе къ монастырской жизни стало видимо ослабѣвать. Греки, теперь еще находящіеся подъ туземнымъ владычествомъ, гораздо рѣже вступаютъ въ монастыри, по мѣрѣ того, какъ увеличивается ихъ благосостояніе и безопасность. Даже народонаселеніе монастыря на священной Аѳонской Горѣ съ каждымъ годомъ уменьшается. Сверхъ того, монастырская жизнь не соотвѣтствовала уже народу, котораго бодрость и дѣятельность пробудились наконецъ отъ долгаго сна. Мирнымъ обитателямъ монастырей остались въ удѣлъ только религіозныя упражненія и земледѣліе; ученость прошедшихъ столѣтій давно уже умерла въ нихъ, и только кое-гдѣ небольшое собраніе книгъ свидѣтельствовало о занятіяхъ предковъ. И теперь еще монастырскіе жители должны большею частію сами обработывать поля свои, которыя находятся иногда въ значительномъ разстояніи отъ монастырей; они отдаютъ ихъ своимъ же монахамъ, которые за труды свои получаютъ половину дохода съ нихъ. Весьма небольшое число монаховъ ведетъ собственно монастырскую жизнь; другіе же живутъ въ селеніяхъ, или объѣзжаютъ монастырскія земли *для* надзора за воздѣлываніемъ ихъ и *для* сбора доходовъ. Такимъ образомъ, монастыри въ Греціи были вмѣстѣ и земледѣльческія колоніи, и это соединеніе трудолюбія съ религіозными упражненіями сохранило между ними простоту и непорочность нравовъ, оказавшіяся во время войны за независимость, въ которой многіе монахи принимали участіе и отличались мужествомъ и терпѣніемъ въ перенесеніи всѣхъ трудностей. За то большая часть изъ нихъ не имѣетъ довольно образованности и умственной дѣятельности, чтобъ быть учителями и наставниками народа. Высшая степень ихъ учености состоитъ въ умѣньи читать и писать и въ знаніи книгъ, употребляемыхъ при богослуженіи; этимъ ограничивается обученіе мальчиковъ, которые воспитываются въ монастыряхъ и *для* монастырей, и то ночью, въ часы, свободные отъ хозяйственныхъ ихъ занятій. Счетоводствомъ и перепискою въ большихъ монастыряхъ занимаются особые писцы (Γραμματικος), которые при невѣжествѣ и безпечности старшинъ легко могутъ дѣлать злоупотребленія, ибо старшины и *игумены*, избираемые монахами каждые три года, по-большой-части такъ же мало образованы, какъ и всѣ монахи. При нѣкоторыхъ большихъ монастыряхъ, на-пр. въ Бруссѣ и въ Монастырѣ Св. Луки, находятся заведенія *для* умалишенныхъ,

надежною опорою всей системѣ. Въ первомъ періодѣ регентства, управленіе провинцій образовано было такъ же, какъ во Франціи. Все королевство, по естественному положенію своему состоящее изъ трехъ главныхъ частей, именно: изъ полуострова *Мореи* (3/7), изъ континента Греціи (3/7), и изъ острововъ (1/7), и имѣющее въ сложности до 700 квадратныхъ миль, было раздѣлено постановленіемъ 15 апрѣля 1833 года на 10 округовъ (νομοί), которые подраздѣлялись на 54 уѣзда (ἐπαρχίαι), а сіи послѣдніе на 468 общинъ (δημαρχίαι). Общины, по величинѣ своей, раздѣлялись на 3 класса; къ первому принадлежали 4 общины, имѣвшія болѣе 10 т. жителей каждая; ко второму 83, имѣвшія отъ 4—5000 жителей, и къ третьему 581, имѣвшія около 1000 человѣкъ. Но уже въ 1836 году правительство увидѣло, что это раздѣленіе на номархіи и эпархіи, сдѣланное по образцу обширнаго государства, не годилось для Греціи, требовало слишкомъ-много расходовъ, и безполезными посредствующими инстанціями только затрудняло и замедляло ходъ дѣлъ. Для упрощенія управленія и для быстрѣйшаго движенія дѣлопроизводства, сдѣлано было новое раздѣленіе на 30 губерній; подраздѣленіе же на эпархіи было оставлено только на-время, для

или *для* бѣсвующихся, ибо всѣ сумасшедшіе почитаются въ Греціи испорченныя нечистою силою, и къ исцѣленію ихъ употребляются только духовныя средства, *экзорцизмъ* и т. п. Свѣтское духовенство едва-ли не менѣе монаховъ способно поученіемъ и совѣтами руководить народъ. Монастыри имѣютъ по-крайней-мѣрѣ земли, обработка которыхъ хотя поглощаетъ всю ихъ дѣятельность, но доставляетъ имъ вѣрное пропитаніе: церкви же не имѣютъ никакой собственности, и священники на содержаніе свое получаютъ только незначительный доходъ, изъ котораго часть должны еще удѣлять архіепископамъ. Сверхъ-того, каждый приходъ, какъ бы бѣденъ ни былъ, обыкновенно имѣетъ нѣсколько священниковъ, и скудное содержаніе, которое достается на часть каждаго изъ нихъ, едва ли бываетъ достаточно, чтобъ прокормить его съ семействомъ одинъ день въ недѣлѣ. Поэтому они должны, такъ же какъ и всѣ жители, *для* существованія своего брать на аренду землю и обработывать ее своими руками. Они избираются прихожанами и утверждаются архіепископами, представивъ прежде въ доказательство своей способности собственноручно-написанное прошеніе. Отъ нихъ требуется только, чтобъ они умѣли бѣгло читать и писать, и знали внѣшніе обряды богослуженія; все это они могутъ пріобрѣсти въ своей деревнѣ, будучи церковными чтецами, не посѣщая даже народной школы, хотя многіе, посвящающіе себя духовному званію, нынѣ дѣлаютъ уже это по собственному побужденію. Конечно, проповѣднику, образовавшемуся въ гимназіи и университетѣ, трудно будетъ самому приняться за всѣ сельскія работы, и если онъ рѣшится на это, то будетъ ли онъ имѣть время пещись о своей паствѣ. Между-тѣмъ, съ развитіемъ народнаго образованія въ Греціи, болѣе-и-болѣе дѣлается ощутительна потребность въ духовенствѣ, которое было бы приготовлено *для* своего званія, и посвящало себя исключительно ему. Правда, патріархальные нравы Греціи сохранили еще все наружное уваженіе къ духовенству, хотя и необразованному; духовныя особы всегда занимаютъ почетное мѣсто въ обществѣ: за столомъ имъ первымъ подаютъ блюда; но во всѣхъ духовныхъ и свѣтскихъ дѣлахъ прихожане рѣдко обращаются къ нимъ за совѣтомъ. Въ деревняхъ почти нигдѣ нельзя найдти катехизиса или какой-нибудь проповѣди, и даже въ народныхъ школахъ преподаваніе закона Божія еще весьма неудовлетворительно. А какъ полезенъ поселянину во всѣхъ случаяхъ жизни совѣтъ умнаго и просвѣщеннаго пастыря? Единственное средство удалить это зло, при теперешней бѣдности народа, состоитъ въ томъ, чтобъ надѣлить церкви землями изъ государственныхъ имѣній, такъ же какъ надѣлены ими частныя лица.

опыта. Управленіе каждою губерніею поручено было состоящему въ непосредственной зависимости отъ министерства губернатору, съ жалованьемъ отъ 3600 до 4800 драхмъ. Въ губерніяхъ, состоявшихъ изъ нѣсколькихъ эпархій, въ помощь имъ назначались вице-губернаторы, съ жалованьемъ 2400 драхмъ. Въ послѣдствіи времени, именно въ іюлѣ 1838 года, число губерній уменьшено было до 24, изъ которыхъ каждыя двѣ были подчинены одному губернатору; равнымъ образомъ, и число вице-губернаторовъ ограничено было семью. Муниципальные совѣты, о которыхъ мы упоминали выше, были организованы слѣдующимъ образомъ. Въ каждомъ уѣздѣ, (επαρχια), общины избирали совѣтъ изъ 12-ти членовъ, подъ предсѣдательствомъ президента, также избирательнаго. Совѣтъ этотъ долженъ былъ заботиться о нуждахъ и потребностяхъ всѣхъ общинъ, принадлежащихъ къ его уѣзду, въ отношеніи къ ихъ управленію и къ публичнымъ заведеніямъ, общимъ всѣмъ имъ. Всѣ расходы совѣта покрывались изъ общинныхъ кассъ, которыя составлялись изъ опредѣляемыхъ муниципальными совѣтами налоговъ на разныя естественныя произведенія страны. Изъ нихъ производилось содержаніе президенту, его секретарю, судьямъ и школьнымъ учителямъ, содержались школы, мосты, дороги и т. п., и въ употребленіи этихъ суммъ совѣтъ каждый годъ отдавалъ публичный отчетъ. Совѣтъ ежегодно собирался въ главномъ городѣ уѣзда, и засѣданія его открывались губернаторомъ или особымъ королевскимъ коммиссаромъ. По принесеніи всѣми членами присяги, изъ среды ихъ, большинствомъ голосовъ, избираются на весь годъ президентъ, вицепрезидентъ и секретарь. Для скорѣйшаго движенія дѣлъ, совѣтъ раздѣлялся на отдѣленія, но всѣ постановленія разсматривались въ общемъ присутствіи, и получали законную силу тогда только, когда были утверждены королемъ. По истеченіи трехъ лѣтъ, третья часть членовъ, по жребію, удалялась изъ совѣта и на мѣста ихъ избирались общинами новые члены.

Сверхъ этого превосходнаго учрежденія, многія другія отрасли управленія, нуждавшіяся въ усовершенствованіи, были вполнѣ преобразованы. Издано множество постановленій о почтахъ, о таможенномъ управленіи, о сохраненіи лѣсовъ и гражданскихъ строеніяхъ, объ управленіи темницъ, о дорожной полиціи, и т. д. Неопредѣлительность, господствовавшая еще въ вѣсахъ и мѣрахъ, была устранена опредѣленіемъ постоянныхъ мѣръ, при чемъ была принята въ основаніе десятичная система. Особенное вниманіе обращено было на торговое мореплаваніе. Еще 22 мая 1836 года, учреждены были въ Навпліи, Сирѣ и Патрасѣ торговые комитеты, которые должны были представлять правительству свои наблюденія и предположенія обо всемъ, относящемся къ торговлѣ, изслѣдовать причины, замедляющія развитіе ея, и къ поощренію ея изъискивать средства и источники, соотвѣтствующіе государственнымъ учрежденіямъ. Эти комитеты имѣли также надзоръ за всѣми публичными заведеніями и работами, имѣющими какую-либо связь съ торговлею. 1 іюня 1837 года, образовано было общество для застрахованія торговыхъ судовъ и товаровъ; карантинныя правила смягчены въ пользу торговли, и правительство призывало народъ къ образованію торговыхъ обществъ. Королевскій флотъ, подъ управленіемъ дѣятельнаго Хріезиса, сдѣлалъ необыкновенные успѣхи; число су-

довъ было увеличено, и новымъ морскимъ уставомъ введена на флотѣ строгая дисциплина. Сверхъ заключенныхъ уже съ разными европейскими державами торговыхъ трактатовъ, правительство вошло по этому предмету въ новые переговоры съ Англіею, Франціею, Испаніею, Неаполемъ, Даніею и съ Портою, и торговля Греціи въ это время была если не въ цвѣтущемъ состояніи, то по-крайней-мѣрѣ уже на пути развитія. Уничтоженіе морскихъ разбоевъ, воостановленіе кредитовъ, значительное усиленіе производительности страны, и наконецъ удобныя дороги внутри и легкое сообщеніе съ иностранными государствами были благодѣянія, необходимо долженствовавшія оказать свое дѣйствіе на коммерческія отношенія Греціи.

Къ оживленію и усиленію государственнаго кредита много содѣйствовало благоразумное управленіе финансами. Пересмотрѣвъ еще разъ и исправивъ нѣкоторыя отрасли законодательства относительно податей, учредивъ сообразную выгодамъ государства продажу казенныхъ имуществъ, наконецъ, введя по возможности равновѣсіе между доходами и расходами, правительство обнародовало всѣ дѣйствія свои касательно хозяйственнаго управленія и въ государственной газетѣ напечатало съ малѣйшими подробностями отчеты и балансъ 1835 года, также и утвержденный имъ бюджетъ 1836 года. Результаты этихъ отчетовъ были истинно изумительны и доказывали, что недалеко уже время совершеннаго равновѣсія между доходами и расходами, ибо въ послѣднее время только необыкновенныя издержки для поддержанія общественной тишины и спокойствія и для возстановленія разныхъ государственныхъ учрежденій, нарушали это равновѣсіе. Въ 1833 году, государственные доходы простирались до 7,042,553 драхмъ, а расходы до 13,630,617 др.; въ 1834 г. доходы составляли 9,455,410 др., а расходы 20,750,000 др. Въ 1835 году, дефицитъ уменьшился, ибо доходы возвысились до 10,100,000 др., расходы же были сокращены до 16 мильйоновъ. Еще утѣшительнѣе былъ балансъ 1836 года, въ которомъ, при доходѣ въ 11,300,000 др., дефицитъ былъ только въ 3,700,000 др. Впрочемъ, должно замѣтить, что съ наступленіемъ срока платежа процентовъ по заграничному займу, недостатокъ опять почти удвоился (около 6,500,000 др.); по бюджету 1838 года, доходы увеличены были до высшаго своего предѣла, 16,500,000 др., изъ коихъ 10% отчислялись на расходы по сбору податей; расходы же простирались до 22 мильйоновъ драхмъ (*), въ томъ числѣ на содержаніе войска 6,327,148 драхмъ, на флотъ 2,660,760 др., на учебныя заведенія 441,000 др., на министерство юстиціи 1,577,288 др., а на содержаніе королевскаго двора 1,000,000 др. (кромѣ доходовъ съ особо назначенныхъ для сего государственныхъ имуществъ, liste civile). Правительство употребило всѣ мѣры, чтобъ привести въ исполненіе законъ о дотаціи; уже въ концѣ 1836 года, по оффиціальнымъ извѣстіямъ, роздано было земель на $1^1/_2$ мильйона драхмъ, и внесено въ списки до 70,000 лицъ, имѣвшихъ право на дотацію, что обѣщало государству со временемъ ка-

(*) Въ 1840 году достигнуто было въ первый разъ желаемое равновѣсіе между доходами и расходами, и даже съ остаткомъ въ нѣсколько мильйоновъ драхмъ.

питалъ въ 140 мил. др., покрывавшiй болѣе нежели вдвое заграничный заемъ. Колонизацiя Грецiи совершалась съ величайшею дѣятельностiю, и правительство не щадило издержекъ, чтобъ упрочить благосостоянiе многочисленныхъ уже основанныхъ поселенiй. Сколько всѣ эти мѣры служили къ утвержденiю кредита государственнаго, столько же сдѣлано было и для распространенiя частнаго кредита объщаемыми уже прежде, и наконецъ обнародованными 11 августа 1836 года *законами о займахъ подъ залогъ движимыхъ и недвижимыхъ имѣнiй.*

Стараніямъ дѣятельныхъ иностранцевъ, Гейдеггера, Лесюра и особенно баварскаго генералъ-лейтенанта фон-Шмальца, управлявшихъ военнымъ министерствомъ, удалось наконецъ образовать войско, которое по порядку, дисциплинѣ и обученiю во всѣхъ отношенiяхъ можетъ быть названо отличнымъ. При образованiи войска встрѣтились особенныя затрудненiя. Война за независимость ведена была большею частiю нерегулярными войсками; а иностранцы, спѣшившiе на помощь Грекамъ, приносили съ собою болѣе претензiй на начальство, нежели терпѣнiя и рѣшимости на труды. Такимъ образомъ, по заключенiи мира, наличное число офицеровъ было внѣ всякой соразмѣрности съ числомъ мѣстъ въ войскѣ; слѣдствiемъ этого было множество недовольныхъ и нарушителей спокойствiя. При приближенiи времени, когда 3,500 чел. баварскихъ войскъ, сопровождавшiе короля Оттона въ Грецiю, должны были возвратиться въ Баварiю, правительство увидѣло необходимость, для сохраненiя внутренняго спокойствiя государства, усилить войско иностранцами. Въ-слѣдствiе этого, по опредѣленiю регентства 5 февраля 1835 года, образованы были шесть батальйоновъ, каждый изъ шести ротъ, нѣмецкаго войска; кавалерiя и артиллерiя также преимущественно состояли изъ Нѣмцевъ. При всемъ томъ, по вступленiи короля Оттона въ управленiе, сухопутная сила Грецiи простиралась до 10,000 чел. и состояла изъ 6,421 чел. пѣхоты, раздѣлявшейся на 13 батальйоновъ и 54 роты, въ томъ числѣ 28 греческихъ и 36 нѣмецкихъ (съ несоразмѣрнымъ числомъ офицеровъ—731, изъ которыхъ 533 Грека, 144 Нѣмца и 54 филэллина), изъ одного уланскаго полка (700 человѣкъ), изъ корпуса артиллерiи (1,044 чел.) и изъ корпуса пiонеровъ (324 чел.). Къ сухопутному войску принадлежали также весьма многочисленные отряды жандармовъ. Правительству предстояло теперь образованiе нацiональныхъ войскъ, чтобъ удаленiемъ всѣхъ иностранцевъ отвратить малѣйшiй поводъ къ неудовольствiю въ народѣ. Цѣль эта была достигнута только въ 1838 году введенiемъ правильной конскрипцiи, при чемъ число постояннаго войска сокращено было до 6,000 человѣкъ (оно состояло изъ 3-хъ батальйоновъ линейной пѣхоты, 2-хъ батальйоновъ егерей, 4-хъ эскадроновъ кавалерiи и корпуса артиллерiи въ 600 человѣкъ), и изъ этого сокращеннаго числа осенью 1838 года распущена была четвертая часть для сокращенiя расходовъ. Флотъ, обязанный своимъ устройствомъ неутомимости морскаго министра Хрiезиса, состоялъ теперь изъ 32 военныхъ судовъ съ 120 орудiями и 1650 чел. экипажа (изъ судовъ самыя большiя были 2 корветты о 26 и 22 пушкахъ, 2 парохода и 2 брига; остальныя же суда были большею частiю канонерскiя лодки съ 1 или 2 орудiями).

Во время пребыванія короля Оттона въ Баваріи, мюнхенскій дворъ озабоченъ былъ выборомъ преемника графу Армансперну, который, по причинѣ разстроеннаго здоровья, давно уже и рѣшительно просилъ объ увольненіи. Всѣ отказывались отъ этой почетной, но трудной должности. Наконецъ выборъ палъ на президента Нижне-Дунайскаго Округа Рудгарта, и послѣ долгихъ переговоровъ о назначеніи ему содержанія, онъ наконецъ сдѣланъ былъ баварскимъ государственнымъ совѣтникомъ, и, какъ президентъ министерства, послѣдовалъ за королемъ въ Грецію. Рудгартъ (*) былъ опытный и умный государственный человѣкъ, но, къ-сожалѣнію, не имѣлъ ловкости въ дѣлахъ дипломатическихъ, и не былъ знакомъ съ отношеніями, нравами и постановленіями Греціи, что было необходимо для его новаго круга дѣйствія; притомъ же онъ довольно-худо зналъ французскій языкъ, а новогреческій былъ совершенно чуждъ ему. 2 февраля 1837 года король и королева, въ сопровожденіи Рудгарта, прибыли въ Пирей. Государственный канцлеръ, вмѣстѣ со всѣми министрами, отправился тотчасъ на королевскій корабль, гдѣ король Оттонъ, съ самыми лестными выраженіями, вручилъ ему давно-просимое увольненіе письменно. Вечеромъ того же дня, графъ Армансперns, отдавъ, по волѣ короля, нужныя приказанія, сложилъ съ себя свое достоинство. На другой день король и королева переѣхали въ Аѳины. Въ ближайшемъ нумерѣ «Государственной Газеты», 3 февраля 1837 года, объявлено было объ упраздненіи званія государственнаго канцлера, съ присовокупленіемъ, что совѣтъ министровъ въ непродолжительномъ времени обнародуетъ постановленія о распространеніи круга дѣйствія министровъ и подчиненныхъ имъ мѣстъ. Въ особомъ манифестѣ, король привѣтствовалъ Грековъ и выражалъ удовольствіе свое при видѣ сдѣланныхъ успѣховъ и надежды на будущее. Мѣсяцъ спустя, графъ Армансpергъ оставилъ Грецію—поприще своей обширной и полезной дѣятельности. До самаго отъѣзда его, король осыпалъ его знаками личнаго расположенія, и въ народѣ онъ видѣлъ вездѣ непритворныя доказательства любви и благодарности. Онъ удалялся съ увѣренностію, что въ его попеченіяхъ о благѣ Греціи не было недостатка ни доброй воли, ни трудовъ, и что сдѣланное имъ добро будетъ лучшимъ памятникомъ его управленія. Чтобъ ознакомиться съ положеніемъ государства, Рудгартъ приблизилъ къ себѣ многихъ особъ, которыя были обойдены при прежнемъ управленіи, и которыя съ хитростію и проницательностію, свойственными Грекамъ, старались открыть его слабости и извлечь свою пользу изъ нововведеній. Хотя формальное утвержденіе временныхъ постановленій и опредѣленій къ должностямъ, сдѣланныхъ государственнымъ канцлеромъ во время отсутствія короля, было долго откладываемо, но по прошествіи нѣсколькихъ мѣсяцевъ всѣ распоряженія его были одобрены, съ самыми незначительными измѣненіями. Упраздненіе мѣста государственнаго канцлера, кажется,

(*) Рудгартъ былъ сперва профессоромъ въ Вюрцбургѣ, потомъ долго находился въ государственной службѣ и былъ членомъ палаты. Онъ извѣстенъ многими сочиненіями по части политической экономіи.

имѣло цѣлію поставить министерства и государственный совѣтъ въ непосредственную зависимость отъ короля. Для собранія точныхъ свѣдѣній о состояніи государства, 1 марта отправлено было нѣсколько членовъ государственнаго совѣта въ провинціи, въ качествѣ королевскихъ коммиссаровъ; имъ поручено было удостовѣриться на мѣстѣ, были ли поняты и точно ли приведены въ исполненіе всѣ королевскіе указы и повелѣнія, и если нѣтъ, то изслѣдовать причины, которыя препятствовали исполненію и донести о благонадежности чиновниковъ. При этомъ король объявилъ, что онъ самъ намѣренъ ежегодно объѣзжать провинціи, чтобъ лично наблюдать за ихъ положеніемъ, и такимъ образомъ сближаться съ народомъ. Законы о податяхъ съ разныхъ промысловъ, противъ которыхъ возникли многія жалобы, были подвергнуты пересмотру, равно какъ и законъ объ *эллинской дотаціи*, въ которомъ новое министерство старалось открыть важные недостатки; но всѣ мѣры, предложенныя имъ для пополненія этого закона, оказались неудовлетворительными, и онъ оставленъ былъ въ прежнемъ видѣ, безъ всякихъ измѣненій. Наконецъ, въ апрѣлѣ мѣсяцѣ, послѣдовала перемѣна армансперговa министерства, перемѣна, которой и должно было ожидать. Вмѣсто Дросса Мансола, назначенъ былъ статс-секретаремъ внутреннихъ дѣлъ Полизоидесъ, статс-секретаремъ юстиціи Пайкасъ, вмѣсто Рицоса, Ботассисъ министромъ финансовъ; многія другія лица были также смѣнены. Общественное мнѣніе было не въ пользу всѣхъ этихъ перемѣнъ. Даже открытіе университета въ Аѳинахъ, происходившее 27 мая 1837 года съ большою торжественностію, многіе почитали преждевременнымъ, хотя одинъ изъ членовъ регенства, Мауреръ, три года прежде имѣлъ ту же мысль. Особенно самое устройство университета, составленнаго по образцу германскихъ университетовъ, и сдѣланный по желанію Рудгарта выборъ ректора Шинаса, встрѣтили себѣ много противниковъ. Въ журналахъ многіе голоса возстали противъ управленія Рудгарта, и положеніе его съ каждымъ днемъ становилось запутаннѣе и непріятнѣе. Чтобъ сколько-нибудь утишить всеобщее неудовольствіе, правительство распространило власть министровъ, и король сталъ лично присутствовать въ засѣданіяхъ государственнаго совѣта. Но всѣ эти мѣры и даже обѣщаніе впредь писать всѣ королевскіе указы и постановленія на одномъ греческомъ языкѣ, а не на нѣмецкомъ и греческомъ, какъ дѣлалось до того времени, не могли совершенно успокоить недовѣрчивость къ иностраннымъ совѣтникамъ короля, и журналъ «Ельписъ», отъявленный врагъ всего иностраннаго, былъ неистощимъ въ выходкахъ своихъ противъ Рудгарта.—Стѣсненное положеніе государства въ финансовомъ отношеніи все еще продолжалось, по причинѣ замедленія въ полученіи третьей сэріи заграничнаго займа; это заставило короля отказаться отъ предложеннаго ему увеличенія доходовъ на содержаніе двора.

Содержаніе арміи представляло въ это время весьма большія затрудненія, потому-что сама Греція не была еще въ состояніи выставить много воиновъ; наемные же баварскіе солдаты, по истеченіи срока службы, желали возвратиться въ отечество.—Между-тѣмъ, было совершенно необходимо снова завербовать ихъ въ службу и удержать на должайшее время въ Греціи, потому-что невозможно было оставить государство безъ доста-

точнаго числа хорошо обученнаго войска въ такое время, когда на границѣ опять начали показываться шайки разбойниковъ.—Какъ ни возставали оппозиціонные журналы противъ иностранцевъ, но Греція нуждалась еще въ нихъ для спокойствія и безопасности; они были истиннымъ благодѣяніемъ для страны бѣдной жителями и имѣвшей нужду въ рукахъ для обработыванія своихъ опустошенныхъ полей. — Сверхъ того, многія другія бѣдствія посѣтили Грецію въ этомъ году. Въ концѣ марта мѣсяца чувствуемы были весьма продолжительныя землетрясенія въ разныхъ мѣстахъ, именно: въ Аѳинахъ, гдѣ повредились многія зданія, и на островѣ Паросѣ, преимущественно же на остр. Идрѣ, который пострадалъ болѣе всѣхъ. Наконецъ. на ост. Паросѣ, въ началѣ мая открылась моровая язва, противъ которой правительство приняло самыя дѣйствительныя мѣры. При этомъ случаѣ, баварскія войска подали примѣръ благороднѣйшаго самоотверженія и оказали великую услугу Греціи. Срокъ службы солдатъ, изъ которыхъ составлена была цѣпь между Паросомъ и твердою землею, окончился именно въ то время, когда язва достигла высшей степени. Солдаты имѣли полное право тотчасъ же удалиться; но они единогласно объявили, что не оставятъ своего поста въ такую важную минуту, и дѣйствительно, остались на мѣстахъ своихъ до того времени, пока не миновалась опасность.—Но и этотъ поступокъ не могъ уменьшить нерасположенія къ иностранцамъ; на Рудгарта продолжали нападать съ большею силою, и всячески старались вредить ему въ общественномъ мнѣніи. Въ такомъ затруднительномъ положеніи, онъ еще запутался въ дипломатическій споръ, который вполнѣ обнаружилъ въ немъ недостатокъ умѣренности и благоразумія, необходимыхъ дипломату. Одинъ Итальянецъ, по имени Узиліо, бѣжавшій изъ своего отечества, прибылъ въ Аѳины, съ паспортомъ, выданнымъ отъ англійскаго посланника во Флоренціи и прописаннымъ на островѣ Мальтѣ у англійскаго начальства и у тамошняго греческаго консула; Рудгартъ, безъ предварительнаго сношенія съ анлійскимъ посланникомъ въ Аѳинахъ, Лейонсомъ, выслалъ Узиліо за границу; журналы и посольство приняли сторону Итальянца и жаловались на нарушеніе народнаго права. Слѣдствіемъ этого была переписка съ англійскимъ посланникомъ, веденная съ обѣихъ сторонъ въ довольно рѣзкихъ выраженіяхъ, и до того раздражившая Рудгарта, что онъ въ сентябрѣ 1837 подалъ просьбу объ увольненіи, которой впрочемъ король не принялъ. Рудгартъ остался; но положеніе его и всѣхъ Баварцевъ въ Греціи не улучшилось. Всѣ эти событія доказываютъ, что планъ Армансперга удалить всѣхъ иностранцевъ, по истеченіи срока ихъ службы и замѣнить природными жителями, былъ основанъ на знаніи національнаго характера Грековъ.—Даже обер-гофмейстеръ королевы, баронъ Вейхъ, зять Армансперга, удалился изъ Греціи въ началѣ ноября 1837 года.

Неудовольствія между Греками и Баварцами становились сильнѣе, и «Эльписъ» въ своихъ выходкахъ преступалъ всѣ границы благопристойности; но въ томъ же году, въ-слѣдствіе непріятности съ баварскимъ майоромъ Федеромъ, журналъ этотъ былъ прекращенъ.—Между-тѣмъ, для пополненія регулярнаго войска, обнародованъ былъ законъ о конскрипціи, кото-

рый мы уже упоминали выше. Всѣ опредѣленія его были весьма необременительны. Срокъ службы назначался только 4 года; избавлялись отъ службы всѣ женатые, учащіеся въ гимназіяхъ, приготовляющіе себя къ государственной службѣ или къ духовному званію, единственные сыновья семействъ, опекуны, имѣющіе тѣлесные недостатки, старшіе братья сиротъ, неимѣющихъ ни отца ни матери, старшіе сыновья, первородные внуки вдовъ, у которыхъ нѣтъ сыновей, или слѣпыхъ стариковъ. Передъ конскрипціею въ каждой общинѣ вызывались охотники, а число ихъ исключалось изъ того числа, которое должна была выставить община; сверхъ того каждый, на кого падалъ жребій, могъ представить за себя охотника. Не смотря на всю кротость этого закона, правительство не было увѣрено въ безпрепятственномъ приведеніи его въ исполненіе, и потому иностранное войско все еще было необходимо для сохраненія спокойствія въ государствѣ. Изданъ былъ новый законъ для обузданія буйства журналовъ. Въ-слѣдствіе этого закона, каждый издатель журнала долженъ былъ представить 10,000 драхмъ обезпеченія; это заставило многихъ прекратить свои журналы;—далѣе, этотъ законъ требовалъ, чтобъ всякій издатель политической газеты былъ гражданинъ Греціи и получилъ университетское образованіе; чтобъ онъ самъ лично, а не подставной издатель (gérant) отвѣтствовалъ за содержаніе журнала; въ случаѣ его бѣгства, отвѣтственность падала на типографщика, печатавшаго журналъ.—Статс-секретарь Полизоидесъ внезапно былъ удаленъ отъ министерства и сдѣланъ опять президентомъ Ареопага, а на мѣсто его министромъ внутреннихъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія назначенъ былъ Глауракисъ, знаменитый врачъ и статс-секретарь иностранныхъ дѣлъ при графѣ Каподистріа. Этотъ выборъ жаркаго приверженца Каподистріи возбудилъ всеобщее неудовольствіе и вслѣдъ за тѣмъ, 8 декабря 1837 года, Рудгартъ неожиданно получилъ давно и настоятельно-просимую отставку. Какая бы ни была этому причина, во всякомъ случаѣ должно сознаться, что Рудгартъ имѣлъ преувеличенное понятіе о своихъ познаніяхъ и силахъ для управленія дѣлами Греціи, и потому не могъ удержаться. Время его управленія было чистая потеря для Греціи; всѣ Греки пламенно желали его удаленія, и отставку его считали прекращеніемъ системы въ управленіи, которую назвали эпохою «баварскаго чужевластія», и которую порицали съ ожесточеніемъ. Греческій посланникъ въ Константинополѣ, Зографосъ, былъ назначенъ министромъ королевскаго двора и иностранныхъ дѣлъ, а до прибытія его, управленіе этими министерствами поручено было министру юстиціи Пайкосу. Король объявилъ, что впредь самъ будетъ предсѣдательствовать въ совѣтѣ министровъ. Въ началѣ 1838 года, гофмаршалъ короля, графъ Сапорта, имѣвшій большое вліяніе не государственныя дѣла, также вышелъ въ отставку и возвратился въ Баварію. Съ удаленіемъ Рудгарта, греческое правительство приняло совершенно самостоятельный характеръ во внутреннемъ управленіи государства, и король объявилъ, что впредь не будетъ назначать особаго президента совѣта министровъ, въ которомъ каждый министръ поочередно долженъ предсѣдательствовать. Иностранныя войска были мало-по малу распущены, и только весьма немногіе баварскіе подданные, служба ко-

торыхъ была еще необходима, оставались въ нѣкоторыхъ отрасляхъ управленія. Такимъ образомъ былъ удержанъ въ Греціи, до окончательнаго образованія войска на европейскую ногу, военный министръ Шмальцъ, которому баварское правительство продлило отпускъ до 1842 года.

Съ этого времени, Греція спокойно довершаетъ дѣло своего образованія, не обращая на себя всеобщаго вниманія никакими необыкновенными событіями. Брошенныя сѣмена европейской цивилизаціи пускаютъ корни и развиваются, не смотря на многоразличныя препятствія и все еще продолжающееся затруднительное положеніе правительства, по причинѣ недостатка средствъ. Народъ наслаждается спокойствіемъ и посильно стремится развить основныя силы Греціи—земледѣліе и торговлю, пользуется открытыми ему способами къ образованію и споспѣшествуетъ устройству правильнаго земскаго управленія. Образцовое заведеніе сельскаго хозяйства въ Тиринтѣ, разсадники Ливадіи, находящіеся подъ покровительствомъ правительства, многочисленныя колоніи Критянъ, Суліотовъ, Θессалійцевъ, Ипсаріотовъ, Самосцевъ, Майнотовъ, Македонянъ и Хіосцевъ, находятся въ цвѣтущемъ состояніи и содѣйствуютъ распространенію земледѣлія. Новый министръ иностранныхъ дѣлъ получилъ чрезъ англійскаго посланника въ Константинополѣ, лорда Понсонби, первую аудіенцію у султана, между-тѣмъ, какъ во всѣ шесть лѣтъ пребыванія его въ Константинополѣ, Порта считала его только представителемъ непокорной провинціи. Вскорѣ появился въ Пиреѣ первый турецкій корабль, со времени независимости Греціи; вообще, гавань эта наполнялась болѣе-и-болѣе судами, и флаги всѣхъ націй мирно вѣяли въ ней одинъ подлѣ другаго. Король разрѣшилъ учредить въ Аѳинахъ большую ярмарку, одинъ разъ въ годъ, съ 1-го по 8-е іюня. Не смотря на значительное сбереженіе, сдѣланное во всѣхъ отрасляхъ управленія, государство чувствовало еще тягостный недостатокъ въ деньгахъ, который стѣснялъ каждый шагъ его, каждое движеніе.—Правительство во всѣхъ случаяхъ показывало свою популярность; такъ, при преобразованіи лѣснаго управленія, оно отпустило всѣхъ нѣмецкихъ лѣсничихъ и замѣнило ихъ офицерами фаланги. Постановленіемъ 4 іюля 1838 года, какъ мы выше упоминали, изъ 30 губерній образовано было 24, и число второстепенныхъ губерній (sousgouvernement), изъ 18 сокращено было до 7-ми (*). Въ содержаніи войска также были сдѣланы большія

(*) Греція теперь раздѣлена на слѣдующія губерніи: 1) *Арголида*; главный городъ Навплія (Специія и Герміона составляютъ второстепенную губернію). 2) *Идра*; гл. городъ Идра. 3) *Коринѳъ*; гл. гор. Сикіонъ. 4) *Ахайя*; гл. гор. Патрасъ. 5) *Кинеѳа*; гл. гор. Колаврита. 6) *Элида*; гл. гор. Пиргосъ. 7) *Трифиллія*; гл. гор. Кипарисса. 8) *Мессена*; гл. гор. Каламата (Ѳила и Наваринъ составляютъ второстепенную губернію. 9) *Мантинея*; гл. гор. Триполица. 10) *Гортинія*; гл. гор. Каритена. 11) *Лакедемонъ*; гл. гор. Спарта. 12) *Лаконія или Майна*; гл. гор. Аріополисъ. 13) *Этолія*; гл. гор. Миссолонги (къ ней принадлежитъ второстепенная губернія *Трихонія*, съ гл. гор. Агриніонъ). 14) *Акарнанія*; гл. гор. Аргосъ. 15) *Эвританія*; гл. гор. Ойхалія. 16) *Ѳокида*; гл. гор. Амфисса. 17) *Ѳтіотида*; гл. гор. Ламія (къ ней принадлежитъ второстепенная губернія *Локрида*, съ гл. гор. Аталанта). 18) *Аттика*; гл. гор. Аѳины, съ второстепенною губерніею *Мегарида* и *Эгина*; гл. гор. Мегера). 19) *Беотія*;

сокращенія; весьма незначительное число солдатъ оставлено было на дѣйствительной службѣ, большая же часть была уволена въ отпускъ, съ тою цѣлію, чтобъ какъ-можно-менѣе рукъ отвлекать отъ земледѣлія и промысловъ. Но всѣ эти мѣры не могли вполнѣ устранить вреднаго слѣдствія недостатка денегъ въ государствѣ; этотъ недостатокъ былъ причиною, что законъ о дотаціи весьма-медленно приводился въ исполненіе, а высокость процентовъ дѣлала занятія земледѣльца и ремесленника неприбыточными. —Законъ о конскрипціи произвелъ на ост. Идрѣ возмущеніе, замѣчательное тѣмъ, что въ немъ принимали большое участіе женщины; бунтовщики захватили губернатора острова, Паймора, который только чудомъ спасся отъ нихъ въ Паросъ. Правительство немедленно приняло сильныя мѣры къ усмиренію мятежа, и когда морской министръ Хрiезисъ, самъ Идріотъ, въ апрѣлѣ прибылъ на островъ Идру, съ 30-ю фалангистами, для окончательнаго возстановленія тишины, то не встрѣтилъ ни малѣйшаго сопротивленія; поэтому всякое изслѣдованіе о виновникахъ возстанія было оставлено, и объявлено всеобщее прощеніе. Менѣе значительныя безпокойства на островахъ Специіи и Майнѣ, были также скоро прекращены. Въ послѣдствіи времени правительство, при конскрипціяхъ, всегда принимало въ уваженіе отвращеніе Идріотовъ отъ сухопутной службы; зато жители этого острова, природные моряки, доставляли прекрасныхъ матросовъ для королевскаго флота.

Въ 1838 году начата постройка новаго королевскаго дворца въ Аѳинахъ, на которую опредѣлены были сдѣланныя по министерству двора сбереженія и содержаніе, которое король Оттонъ получалъ еще отъ баварскаго двора. Въ августѣ, во время путешествія королевы въ Швейцарію, для свиданія съ матерью, король объѣзжалъ западныя провинціи государства, чтобъ лично ознакомиться съ ихъ состояніемъ. —На каждомъ шагу видѣлъ онъ непритворныя доказательства любви и преданности къ нему народа, но вмѣстѣ съ тѣмъ долженъ былъ слышать много жалобъ на притѣсненія, произволъ и лихоимство чиновниковъ при сборѣ государственныхъ податей.—Хотя разбои не были уже такъ дерзки какъ прежде, и во всемъ государствѣ водворена была большая безопасность, но по-временамъ скоплялись еще въ разныхъ мѣстахъ шайки злоумышленниковъ, тревожившія мирныхъ жителей. Въ нояб. 1838 г., шайка Клефтовъ разграбила даже казенный денежный транспортъ, съ 23,000 драхмъ, шедшій съ конвоемъ изъ 16-ти человѣкъ. На границахъ спокойствіе также часто нарушалось.

При всемъ томъ можно сказать, что Греція, въ теперешнемъ ея положеніи, представляетъ результатъ весьма удовлетворительный. Ея торговля, земледѣліе и ремесла процвѣтаютъ, учебныя и воспитательныя заведенія

гл. гор. *Ливадія*. 20) *Эвбея*; гл. гор. Халкида (сосѣдніе острова составляютъ второстепенную губернію, съ гл. гор. Скіаѳосъ). 21) *Тиносъ* и *Андросъ*; гл. гор. Тиносъ. 22) *Сира* вмѣстѣ съ Цикладскими Островами; гл. гор. Сира (четыре небольшіе острова, съ гл. гор. Милосъ, составляютъ второстепенную губернію). 23) *Наксосъ* и *Паросъ*; гл. гор. Наксосъ. 24) *Ѳера* съ окружными островами; гл. гор. Ѳера.

оказываютъ ощутительное вліяніе даже на провинціи; народонаселеніе усиливается, и, вѣроятно, скоро возрастетъ до мильйона, если продлится миръ,—чего можно надѣяться,—и благія начинанія правительства увѣнчаются полнымъ успѣхомъ (*).

К. ЛИП..РТЪ.

(*) Желающимъ имѣть объ этомъ предметѣ болѣе-подробныя свѣдѣнія рекомендуемъ обратиться къ «Статистическому Альманаху Греческаго Королевства», издаваемому въ Аѳинахъ съ 1837 года докторомъ Кладосомъ, подъ названіемъ: Ἐφετηρὶς τοῦ βασιλείου τῆς Ἑλλάδος.

III.

СЛОВЕСНОСТЬ.

ЖЕЛАНЬЕ (*).

Отворите мнѣ темницу,
Дайте мнѣ сіянье дня,
Черноглазую дѣвицу,
Черногриваго коня!
Дайте разъ по синю полю
Проскакать на томъ конѣ,
Дайте разъ на жизнь и волю,
Какъ на чуждую мнѣ долю,
Посмотрѣть поближе мнѣ.

Дайте мнѣ челнокъ досчатый
Съ полусгнившею скамьей,
Парусъ сѣрый и косматый,
Ознакомленный съ грозой.
Я тогда пущуся въ море
Беззаботенъ и одинъ,
Разгуляюсь на просторѣ
И потѣшусь въ буйномъ морѣ
Съ дикой прихотью пучинъ.

Дайте мнѣ дворецъ высокой
И кругомъ зеленый садъ,
Чтобъ въ тѣни его широкой
Зрѣлъ янтарный виноградъ,
Чтобъ фонтанъ, не умолкая,

(*) Въ полномъ собраніи «Стихотвореній» покойнаго Лермонтова напечатана пьеска «Узникъ», начинающаяся тѣми же четырьмя стихами, которыми начинается и помѣщаемая здѣсь «Желаніе»; но этимъ и ограничивается сходство; далѣе нѣтъ ни одного похожаго стиха: содержаніе обоихъ стихотвореній также совершенно-различно.
Ред.

Въ залѣ мраморномъ журчалъ
И меня бъ въ мечтаньяхъ рая,
Хладной пылью орошая,
Усыплялъ и пробуждалъ...

М. Лермонтовъ.

ИСКУССТВО.

Срѣзалъ себѣ я тростникъ у прибережья шумнаго моря.
Нѣмъ, онъ забытый лежалъ въ моей хижинѣ бѣдной.
Разъ увидалъ его старецъ прохожій, къ ночлегу
Въ хижину къ намъ завернувшій (Онъ былъ непонятенъ,
Чуденъ на нашей глухой сторонѣ). Онъ обрѣзалъ
Стволъ, и отверстій надѣлалъ, къ устамъ приложилъ ихъ —
И оживленный тростникъ вдругъ исполнился звукомъ
Чуднымъ, какимъ оживлялся порою у моря,
Если внезапно зефиръ, зарябивъ его воды,
Трости коснется и звукомъ наполнитъ поморье.

А. М—въ.

ВЫИГРЫШЪ И КРАЖА.

Повѣсть.

—

I.

Знакомство.

Былъ упоительный майскій вечеръ. Солнце закатилось за ближній лѣсъ, но лучи его еще пробивались огненными искрами сквозь зеленую сѣть деревьевъ. Молодые листья березъ дышали благоуханіемъ; луга роскошно красовались своей свѣжей, изумрудной травой, незабудками и полевыми нарцисами; легкій весенній вѣтерокъ чуть-чуть колыхалъ блѣднозеленыя волны только-что начинавшей колоситься ржи. Въ поднебесьи звенѣла пѣсня жаворонка; въ чащѣ лѣса раздавался громкій, перекатный голосъ соловья... Въ то время я только-что былъ выпущенъ корнетомъ въ ......скій уланскій полкъ. Эскадронъ нашъ шелъ изъ дивизіоннаго штаба на новыя квартиры.

Узкая, проселочная дорога, извиваясь темной лентой между зелени луговъ и полей, вела насъ къ селенію, открывшемуся въ полуверстѣ впереди. Изъ-за небольшаго возвышенія показался сперва невысокій шпиль сельской колокольни, потомъ кровля господскаго дома, а потомъ и вся деревня, оживленная вечернимъ пригономъ стадъ, шумнымъ возвращеніемъ крестьянъ съ полей, и наконецъ этимъ привѣтнымъ дымкомъ, который, весело клубясь изъ трубъ передъ сельскимъ ужиномъ, какъ-будто манитъ путника отдохнуть у гостепріимнаго очага... Какъ хотите, а приходъ войскъ на новыя квартиры, въ уединенную деревеньку, въ глушь, имѣетъ въ себѣ много увлекательности самой романической! По-крайней-мѣрѣ для меня, двадцатилѣтняго юноши, для котораго такое событіе было новизной, для меня, еще только начинавшаго жить, еще страстнаго любовника жизни, не обманутаго, не разочарованнаго ею, — и этотъ прелестный вечеръ, и это путешествіе верхомъ, и эта незнакомая сторона такъ и дышали сценами романическими, картинами Сервантеса, Лесажа, Вальтера Скотта. Воображеніе мое превращало эту господскую усадьбу, съ ея сельскою колокольней, съ ея крутыми, тесовыми кровлями, выкрашенными красной краской, въ старинный замокъ временъ рыцарскихъ; нашъ кавалерійскій отрядъ казался мнѣ толпой паллади-

новъ, или по-крайней-мѣрѣ войскомъ феодальнаго владѣльца... Громкій голосъ эскадроннаго начальника вывелъ меня изъ задумчивости.

Селеніе было близко. Ротмистръ велѣлъ людямъ остановиться, оправиться; крикнулъ: «пѣсенники впередъ!» Они грянули «Ты, долина ли моя, долинушка»—и, при звукахъ этой русской пѣсни, увы! совершенно сгладившей съ нашихъ улановъ типъ древняго рыцарства, который навело-было на нихъ мое воображеніе, мы довольно-торжественно подошли къ селу.

Еще за околицей встрѣтила насъ толпа любопытныхъ, сначала предупрежденная о нашемъ прибытіи квартиргерами, а потомъ вызванная нашими пѣснями.

— Чья эта деревня? спросилъ ротмистръ.

— Енаральши Бахмановой, отвѣчалъ дворовый мальчикъ, одѣтый вмѣстѣ и казачкомъ и черкесомъ, потому-что на немъ былъ синій, довольно-поношенный казакинъ съ красными, засаленными патронами.

— Генеральши? а гдѣ же вашъ генералъ?

— Онъ умеръ-съ.

— И хорошо сдѣлалъ, прибавилъ ротмистръ:—а то еще, пожалуй, къ нему надобно бы было ѣхать съ рапортомъ. Чтó, онъ былъ военный?

— Нѣтъ-съ, такъ, камарьеръ.

Черезъ минуту мы прочли на столбѣ, поставленномъ у въѣзда въ селеніе: «Село Болхово, наслѣдницъ статскаго совѣтника Бахманова. Душъ 85, дворовъ 14.»

Посмѣявшись честолюбію слугъ нашихъ, которые, начиная отъ слуги майорскаго (не ниже, однакожь) и до генеральскаго, всѣ вообще большіе охотники хвастать чинами своихъ господъ, мы подобрали коней и заставили ихъ повторить всю манежную школу по улицѣ села Болхова, гдѣ смотрѣли на насъ со всѣхъ сторонъ крестьяне и крестьянки, вся дворня и горничныя каммергерши, собравшіеся у воротъ господскаго дома, и наконецъ сама помѣщица, сидѣвшая на балконѣ съ двумя дочерьми. Мы также, въ свою очередь, посматривали на пеструю, разнообразную толпу, окружавшую насъ, на красные сарафаны крестьянокъ, на бѣлыя, розовыя, голубыя платья горничныхъ, а чаще всего на балконъ.

Когда я узналъ, что у каммергерши есть двѣ дочери, обѣ невѣсты, и когда узналъ притомъ отъ квартиргеровъ, встрѣтившихъ насъ въ селѣ, что взводная квартира моя *будетъ* только въ верстѣ отъ ихъ усадьбы, въ головѣ моей снова разъигрался цѣлый романъ, но ужь романъ современный, безъ старинныхъ замковъ и рыцарей. Мнѣ нетерпѣливо хотѣлось взглянуть поближе на моихъ будущихъ молоденькихъ сосѣдокъ, которыя на этотъ разъ были отъ меня въ такомъ

разстояніи, что я не могъ различить ни одной ихъ черты. Я рѣшился непремѣнно, въ первое же воскресенье, пріѣхать въ село къ обѣдни, гдѣ, по-моему, былъ самый удобный случай встрѣтиться и познакомиться съ ними; но въ ту самую минуту, когда я только-что началъ составлять планъ этого будущаго, занимательнаго знакомства, каммергерша сама предупредила меня: насъ догналъ ея слуга, и отъ имени своей барыни пригласилъ «всѣхъ господъ-офицеровъ, какъ людей военныхъ и походныхъ, отдохнуть къ ней, на перепутьѣ».

При насъ былъ одинъ только полуэскадронъ. Два другіе взвода, вмѣстѣ съ ихъ офицерами, повернули на свои квартиры еще недоходя до села, и поэтому вся честь приглашенія гостепріимной помѣщицы досталась въ удѣлъ только мнѣ, да ротмистру. Приказавъ вести людей вахмистрамъ, оба мы съ нимъ подъѣхали къ дому каммергерши самымъ щеголеватымъ галопомъ, съ примѣсью лансадъ и пируэтовъ.

Прежде всего мы замѣтили, что домъ и вся усадьба были нѣкогда отстроены съ большой руки, но теперь начинали приходить въ упадокъ. Каменная ограда двора мѣстами обвалилась; дорожки цвѣтника, разбитаго передъ балкономъ, поростали травой; окна во многихъ службахъ были выбиты; даже фамильный гербъ, намалеванный на фронтонѣ дома, полинялъ отъ дождя, и флагъ, который постоянно развѣвался на крышѣ въ-присутствіе помѣщицы, былъ безжалостно истребленъ невѣжливымъ вѣтромъ. Внутри дома было точно то же: мебель довольно-богатая, но ужь потерявшая цѣнность свою и блескъ отъ времени и употребленія; ковры вездѣ полиняли, стѣны потемнѣли. Люди были въ поношеныхъ, но не иначе, какъ ливрейныхъ фракахъ. Два лакея отворили намъ дверь, третій побѣжалъ докладывать о нашемъ пріѣздѣ, хотя сама госпожа очень хорошо видѣла, какъ мы подъѣхали къ крыльцу. Этотъ щепетильный этикетъ, эти остатки богатства полинялаго, упадающаго, но съ которымъ, по-видимому, аристократическая гордость хозяйки никакъ не хотѣла разстаться,—заставили меня подумать, что я встрѣчу въ ея домѣ лица самыя комическія, увижу что-нибудь въ родѣ «Донъ Ранудо де-Калибрадосовъ» Коцебу; но когда я вошелъ въ гостиную, едва-ли не я былъ самымъ комическимъ лицомъ изъ всей нашей группы: такъ показалась мнѣ очаровательна меньшая дочь каммергерши, дѣвушка лѣтъ восьмнадцати, кругленькая, полненькая, живая, веселая, съ голубыми глазками, съ розовыми щечками и съ волосами, завитыми à l'enfant... Все это, если вы хотите, можно назвать довольно-обыкновеннымъ; но въ ея очахъ, въ ея кроткомъ взорѣ, въ ея ласковой улыбкѣ заключалась прелесть необыкновенная, которая привлекла, приковала меня къ ней съ перваго взгляда... Ея дѣтская прическа, нла-

тье изъ голубой англійской холстинки и палевый газовый шарфъ удивительно шли къ ней.

Другая сестра имѣла, можетъ-быть, еще больше правъ на имя красавицы. Ея черные, большіе глаза были полны огня и жизни; черты лица правильны и пріятны; но румянецъ щекъ ея начиналъ блекнуть, въ задумчивомъ взорѣ выражалась какая-то грусть. Она была старше сестры не болѣе какъ двумя или тремя годами, но, казалось, пережила и перечувствовала много лишняго противъ нея. Сосредоточенная, по-видимому, въ глубинѣ души своей, болѣе равнодушная ко всѣмъ внѣшнимъ предметамъ, она встрѣтила насъ не съ такой дѣтской привѣтливостью, не съ такой милой лаской, какъ та, и ужь по одной этой причинѣ не могла, можетъ-быть, при всей красотѣ своей, сдѣлать на меня впечатлѣнія слишкомъ сильнаго. Я замѣтилъ, однакожь, что и она одѣта очень къ-лицу: на ней было бѣлое платье и розовый шарфъ.

Сама каммергерша была женщина лѣтъ пятидесяти, небольшаго роста, курносенькая, круглолицая, но тощая какъ сухарь. Чепецъ ея былъ надѣтъ съ нѣкоторой изъисканностью, капотъ изъ дорогой лѣтней ткани. Казалось, однакожь, что своимъ довольно-богатымъ нарядомъ она не столько хотѣла пощеголять, сколько придать себѣ важности.

Ротмистръ вошелъ настоящимъ лихимъ уланскимъ ротмистромъ: расшаркался, раскланялся очень ловко и кстати брякнулъ саблей и шпорами. Онъ успѣлъ разсыпаться передъ каммергершей цѣлымъ фейерверкомъ привѣтствій, успѣлъ похвалить ея усадьбу, ея болонскую собачку, даже ея очки, и ужь пристально смотрѣлъ на портретъ покойнаго каммергера, который висѣлъ на стѣнѣ въ золотой рамѣ и красовался золотымъ ключомъ и голубымъ бантомъ на фалдѣ мундира, — а я все-еще не могъ отвесть глазъ отъ меньшой дочери хозяйки, не находился сказать ничего порядочнаго ни матери, ни дѣвушкамъ, и въ разсѣянности не слыхалъ и половины того, что разсказывала каммергерша ротмистру, по поводу взгляда его на портретъ каммергера, о достоинствахъ и знатномъ родствѣ покойнаго своего мужа.

Сначала, мишурная важность хозяйки нашей испугала-было меня длиннымъ рядомъ церемоній и принужденія, предстоящихъ мнѣ въ ея домѣ. Но, не смотря на всю видимую страсть каммергерши къ наружному, впрочемъ больше смѣшному, чѣмъ суровому этикету, не смотря на страсть ея похвастать своимъ титуломъ и знатнымъ родствомъ, деревенская жизнь, несовмѣстная ужь сама-по-себѣ со всѣми лишними церемоніями, и милое, непринужденное обращеніе обѣихъ дѣвушекъ, еще незаразившихся болѣзнью своей матери, придавала, какъ-бы вопреки ей, цѣлому ея семейному кругу характеръ какой-то патріархальной простоты, которая скоро развязала и мою при-

родную робость и застѣнчивость, сдѣлала и меня, въ этомъ маленькомъ обществѣ, почти столько же свободнымъ и смѣлымъ, какъ мой ротмистръ. Въ тотъ же вечеръ я успѣлъ довольно-хорошо познакомиться съ обѣими моими молодыми сосѣдками — Наденькой и Аннетой, какъ называла ихъ мать, — и даже успѣлъ замѣтить, что каммергерша, никакъ непропускавшая случая похвастать между-прочимъ и воспитаніемъ дочерей своихъ, которыхъ, по ея словамъ, отецъ приготовлялъ для самаго высшаго круга, по-крайней-мѣрѣ въ этомъ отношеніи хвастаетъ не напрасно. Особенно Аннета (это было имя меньшой) показалась мнѣ страстной любительницей музыки, театра, чтенія. Взапуски принялись мы съ ней перебирать романы Жанлисъ и Котенъ, стихи Жуковскаго, Крылова, Озерова, и хотя всѣ литературные толки наши ограничивались одной поименной перекличкой сочиненій, да безусловными похвалами тому и сему, но совсѣмъ тѣмъ въ каждомъ словѣ Аннеты я находилъ проблескъ ума, въ каждомъ ея восклицаніи слышалъ чувство и душу. Мы говорили много, говорили безъ умолка, не сказали другъ другу ничего дѣльнаго, ничего замѣчательнаго, — и однакожь мнѣ казалось, что никогда еще я не проводилъ вечера такъ пріятно.

Зная, что мы идемъ на новоселье, гдѣ не успѣли еще ничѣмъ обзавестись, гостепріимныя хозяйки пригласили насъ отужинать. За столомъ и товарищъ мой, которому кое-какъ удалось отбиться отъ длинныхъ, хвастливыхъ разговоровъ маменьки, успѣлъ также, въ свою очередь, полюбезничать съ дочками, — и оба мы разстались съ нашими сосѣдками очень довольные новымъ знакомствомъ.

— Стоянка будетъ у насъ славная! сказалъ ротмистръ, когда мы выѣхали въ поле: — каммергерша добрая женщина, хоть и любитъ, Богъ съ ней, поговорить и похвастать своей знатностью. Жаль только, прибавилъ онъ: — что старшая ея дочь не такая же милашка, какъ меньшая.

— Не-ужь-то меньшая вамъ больше понравилась? спросилъ я съ притворнымъ равнодушіемъ.

— Разумѣется. Та, мнѣ кажется, ужь слишкомъ сантиментальна, и горда ли она, неприступна ли — Богъ ее знаетъ. А отъ этой я просто безъ ума, и чортъ меня возьми, если я самъ не вскружу ей голову въ двѣ недѣли!..

Еслибъ на дворѣ было свѣтлѣе, ротмистръ вѣрно замѣтилъ бы, какъ я измѣнился въ лицѣ отъ его словъ. Онъ былъ видный, красивый мужчина лѣтъ тридцати-пяти, съ быстрымъ, орлинымъ взоромъ, съ физіономіей нѣсколько суровой, но выразительной, и притомъ онъ былъ въ полномъ смыслѣ слова уланъ прошедшихъ годовъ наѣздничества, молодечества, собутыльничества. Ни въ какое время дня, и даже ночи, не отказывался онъ выпить пуншу и срѣзать што-

сику; не считалъ большимъ грѣхомъ общипать иногда простачка навѣрное, и еще меньше того ставилъ въ грѣхъ обмануть женщину. Это былъ записной волокита, который любилъ хвастать своими побѣдами, и который, влюбляясь во всѣхъ хорошенькихъ, никогда не любилъ ни одной, потому-что страсть его такъ же скоро простывала, какъ и разгаралась. Одна только неудача могла еще на нѣсколько времени продлить его постоянство; но и въ такомъ случаѣ, какъ онъ сознавался самъ, его подстрекало не столько чувство любви, сколько оскорбленное самолюбіе, за которое онъ готовъ былъ метить всѣми средствами избранной имъ жертвѣ... Я успѣлъ ужъ нѣсколько познакомиться съ ротмистромъ, много слышалъ о немъ отъ товарищей, и потому-то его клятва вскружить голову дѣвушкѣ, которая вдохнула въ меня, съ перваго свиданія, чувство больше чистое и глубокое, непріятно отозвалась въ моемъ сердцѣ.

Да, мнѣ казалось, что участь моя рѣшена навсегда, что Аннета, и никто другая «должна быть подругой моей на всю жизнь». Я былъ уже въ полѣ; густой мракъ окружилъ меня, а ея образъ, ея взоръ, даже ея платье и шарфъ все еще мелькали въ глазахъ моихъ, какъ отблескъ солнца мелькаетъ въ глазахъ человѣка и тогда, когда онъ перестаетъ смотрѣть на него.

II.

Праздникъ.

Прошло около мѣсяца послѣ знакомства моего съ семействомъ каммергерши, и во все это время я не пропускалъ дня, въ который бы не былъ у моихъ сосѣдокъ. Въ городѣ такія частыя посѣщенія молодаго офицера тремъ дамамъ могли бы показаться не совсѣмъ умѣстными; въ деревнѣ, напротивъ, сама ли помѣщица или даже дочки ея вздумаютъ приласкать военнаго, бездомнаго странника, — тутъ нѣтъ ничего ни удивительнаго, ни предосудительнаго, по закону стариннаго русскаго хлѣбосольства и радушія, еще сохраняющагося кое-гдѣ въ провинціяхъ. По этому же закону, или по другимъ какимъ причинамъ, только каммергерша, при всей своей чопорности, принимала меня очень ласково, не бранила дочерей за то, что и онѣ ласкаютъ меня, и каждый разъ, когда я прощался съ ними, снова приглашала къ себѣ. Разумѣется, что я въ этомъ случаѣ не заставлялъ просить себя попустому: я заходилъ къ нимъ пѣшкомъ съ прогулки, заѣзжалъ верхомъ, проѣзжая мою молодую лошадь, наконецъ просто пріѣзжалъ обѣдать, — и съ каждымъ днемъ возвращался домой все больше влюбленный въ Аннету.

Ротмистръ, лѣтъ пятнадцать ужъ служившій въ арміи, видно также хорошо зналъ всѣ права провинціальнаго гостепріимства, потому-

что часто пользовался ими въ домѣ каммергерши даже и безъ приглашенія; и сначала его виды на Аннету, его смѣлое, вольное обращеніе съ ней сильно меня тревожили. Мнѣ казалось, что обѣ дѣвушки больше любили говорить, даже больше находили предметовъ для разговора со мной, чѣмъ съ нимъ; за то, когда онъ бывалъ у нихъ, онѣ больше смѣялись, потому-что онъ имѣлъ особенный даръ развеселить каждаго и былъ большой мастеръ красно разсказывать всякій вздоръ. Мало-по-малу я сталъ замѣчать, однакожь, что Аннета, какъ ни была она молода и неопытна, угадываетъ мою робкую, молчаливую любовь, сталъ замѣчать и то, что самый характеръ ея и образъ мыслей гораздо-сходнѣе съ моими, чѣмъ съ характеромъ и образомъ мыслей моего соперника. Я, напримѣръ, любилъ читать,—и она не выпускала книги изъ рукъ; я не терпѣлъ пустыхъ свѣтскихъ удовольствій,—и она возставала противъ нихъ вмѣстѣ со мной; я былъ страстный поклонникъ природы, хвалилъ тихую, сельскую жизнь — и Аннета приходила въ восхищеніе отъ всѣхъ этихъ вещей. Она часто брала у меня книги изъ моей маленькой, походной библіотеки, и въ замѣнъ ссужала меня своими. Такимъ образомъ мы читали какъ-будто вмѣстѣ, потому-что каждая страница, которую читалъ я, была прежде прочитана ею,—каждая страница, которую читала она, была прежде прочитана мною. Мнѣ попадались ея отмѣтки, ей мои—и это чтеніе было для меня неисчерпаемымъ источникомъ наслажденій, не смотря на то, что по-большой-части мы читали сущій вздоръ. Иногда я отмѣчалъ фразу самую пошлую, но такую, въ которой заключилось или пылкое выраженіе любви, или жалоба на жестокость красавицы, для того только, чтобъ примѣнить къ себѣ и то и другое; Аннета, какъ-бы въ отвѣтъ, отмѣчала другую фразу, гдѣ жаловались на непостоянство и вѣроломство мужчинъ. Это казалось мнѣ хорошимъ признакомъ; но между-тѣмъ я все еще не былъ увѣренъ, что она раздѣляетъ мои чувства, никакъ не рѣшался говорить ей прямо о моей любви, и не переставалъ тревожиться бойкимъ, красноречивымъ волокитствомъ ротмистра, который каждый разъ, когда только бывали мы вмѣстѣ у каммергерши, какъ-бы насильно умѣлъ отвлечь отъ меня Аннету и заставить ее слушать свое любезничанье. Наконецъ, одинъ случай разсѣялъ всѣ мои сомнѣнія и доставилъ полное торжество надъ моимъ соперникомъ.

Давно поговаривали о праздникѣ, который приготовлялся въ деревнѣ уѣзднаго предводителя, по случаю какого-то имениннаго дня. Каммергерша и ея дочери хлопотали изъ всѣхъ силъ, посылали нарочнаго въ городъ, шили себѣ новые наряды. Весь уѣздъ собирался пировать и веселиться, и всѣ офицеры, квартирующіе на двадцать верстъ въ окружности, были также приглашены на этотъ знаменитый пиръ: иные, какъ знакомые хозяина, другіе вѣроятно для

того только, чтобъ барышнямъ не пришлось танцовать безъ кавалеровъ, въ которыхъ, какъ извѣстно всѣмъ, на провинціальныхъ балахъ почти всегда бываетъ большой недостатокъ. Я былъ въ числѣ послѣднихъ, и хотя не имѣлъ еще чести знать предводителя, но одно изъ его пригласительныхъ писемъ, присланныхъ циркулярно на весь нашъ эскадронъ, досталось и на мою долю. Я показалъ его Аннетѣ.

— Что жь, вы поѣдете? спросила она.

Я рѣшился ѣхать для того только, чтобъ быть вмѣстѣ съ ней; но прежде мнѣ хотѣлось испытать, дорожитъ ли и она хоть сколько-нибудь моимъ присутствіемъ тамъ, гдѣ и безъ меня ожидала ее тьма удовольствій.

—Нѣтъ, отвѣчалъ я:—вѣдь вы знаете, что я не большой охотникъ до всѣхъ баловъ вообще, а до баловъ въ домахъ незнакомыхъ въ особенности.

Аннета требовала настоятельно, чтобъ я ѣхалъ, ссылаясь на то, что безъ меня у ней вовсе не будетъ знакомыхъ кавалеровъ.

— Если вы хотите видѣть меня на балѣ для того только, чтобъ не имѣть недостатка въ кавалерахъ, такъ одинъ ротмистръ можетъ вамъ замѣнить цѣлый десятокъ ихъ: это самый неутомимый танцоръ во всей нашей дивизіи.

—О, не говорите, пожалуйста, мнѣ объ этомъ несносномъ ротмистрѣ! перебила Аннета съ самой милой гримаской, какую я только видалъ:—онъ наскучитъ мнѣ пуще незнакомаго. Лучше ужь я соглашусь танцовать съ нашимъ уѣзднымъ штаб-лекаремъ, хоть и знаю напередъ, что онъ отобьетъ мнѣ ноги своими желѣзными коблуками.

— Такъ вы въ-самомъ-дѣлѣ предпочли бы меня другимъ кавалерамъ, — не говорю во всемъ, по-крайней-мѣрѣ въ танцахъ, — и согласились бы быть моей дамой на цѣлый вечеръ?

— Непремѣнно вашей и ничьей больше,—сказала она съ такимъ выраженіемъ и съ такой живостью, какъ-будто дѣло шло о чемъ-то гораздо-болѣе важномъ, чѣмъ танцы.

Я готовъ былъ упасть передъ ней на колѣни, и сказалъ, что съ такимъ условіемъ поѣду хоть на край свѣта.

— Обманщикъ! прибавила она, погрозивъ мнѣ:—я знаю навѣрное, что вы и безъ того поѣхали бы. За вашу ложь извольте сейчасъ же открывать со мной балъ, чтобъ лучше приготовиться къ завтрашнему. Наденька! Наденька! поиграй намъ; мы хотимъ танцовать.

Наденька сѣла за фортепьяно, и мы очень усердно начали репетицію французскаго кадриля и мазурки.

На другой день, я долженъ былъ заѣхать къ каммергершѣ, съ тѣмъ, чтобъ отправиться къ предводителю вмѣстѣ: одинъ я не зналъ до-

роги. Только-что передъ тѣмъ мы прочитали съ Аннетой «Вертера». Эти общіе сборы на праздникъ напомнили мнѣ сельскій балъ, на который Вертеръ ѣздилъ вмѣстѣ съ Шарлоттой, и гдѣ началась ихъ любовь. Я сообщилъ мою мысль Аннетѣ.

— Мнѣ самой приходило это въ голову, сказала она съ самымъ милымъ простодушіемъ: жаль только, что намъ нельзя, по примѣру ихъ, ѣхать въ одномъ экипажѣ.—Въ-самомъ-дѣлѣ, какъ ни часто принимала меня каммергерша и какъ ни ласкова была она ко мнѣ, но отправляясь на такой съѣздъ съ двумя невѣстами, ни за что въ мірѣ не рѣшилась бы она пригласить къ себѣ въ карету молодаго офицера, даже и тогда, еслибъ мнѣ пришлось идти пѣшкомъ. Къ-счастію еще, у меня была своя коляска. Не смотря на это маленькое несходство въ нѣкоторыхъ подробностяхъ нашей поѣздки съ поѣздкой романическихъ героевъ, и дорогой, слѣдуя издали за каммергершинымъ экипажемъ, и на балѣ, танцуя съ Аннетой, я воображалъ ее моей Шарлоттой, и трепеталъ при одной мысли о какомъ-нибудь Альбертѣ, который могъ бы отнять ее у меня...

Никогда еще Аннета не была такъ хороша въ моихъ глазахъ, какъ на этомъ праздникѣ, въ своемъ бальномъ нарядѣ! Изъ всей толпы провинціальныхъ красавицъ, — которыя, надобно замѣтить мимоходомъ, иногда ничѣмъ не хуже столичныхъ,—я видѣлъ только ее одну, думалъ только о ней, былъ влюбленъ въ нее еще больше обыкновеннаго. Казалось, то же самое дѣйствіе произвела она и на ротмистра, и чуть ли на этотъ разъ онъ не влюбился наконецъ въ-самомъ-дѣлѣ. Стоя въ кругу нѣсколькихъ молодыхъ людей и офицеровъ, которые еще не знали ея, онъ разсказывалъ имъ, что это его сосѣдка, что онъ очень часто бываетъ въ домѣ каммергерши и пользуется самымъ лестнымъ расположеніемъ всѣхъ хозяекъ, особенно младшей. Послѣднія слова ротмистръ произносилъ такимъ тономъ и съ такимъ видомъ, какъ-будто хотѣлъ дать почувствовать, что сердце этой красотки, обратившей на себя общее вниманіе, ужь вполнѣ завоевано имъ... Каково жь было его самолюбію, когда, послѣ всѣхъ своихъ хвастливыхъ разсказовъ, онъ замѣтилъ, что Аннета, какъ нарочно, въ этотъ день оказываетъ ему самую убійственную холодность? Она сдержала слово, данное мнѣ: почти ни съ кѣмъ не танцовала кромѣ меня, и каждый разъ, когда ротмистръ подходилъ къ ней, отвѣчала ему роковымъ словомъ: «я ангажирована». Больше всего было ему досадно, что она отказалась танцовать съ нимъ мазурку, этотъ танецъ, который долго изучалъ онъ въ самой его родинѣ, Польшѣ, и въ которомъ хотѣлъ блеснуть передъ публикой и искусствомъ своимъ и своей любезностью съ хорошенькой дамой. Но, вмѣсто ловкой, обворожительной дѣвушки, которую заранѣе назначалъ себѣ въ пару лихой мазуристъ, ему, по этой маленькой о-

шибся въ разсчетѣ, пришлось взять даму самую неуклюжую, даже хуже дамы его vis-à-vis, удаднаго штаб-лекаря, того самого, котораго коблуковъ такъ боялась Аннета, маленькаго, толстенькаго, красненькаго человѣка, и притомъ мастоящаго козлища мазурки. Ротмистръ бѣсился, грызъ и крутилъ безъ всякаго милосердія свои длинные усы, и бросалъ на меня грозные взгляды, на которые, однакожь, я не обращалъ большаго вниманія. Увлеченный вихремъ огненнаго танца, въ которомъ носился я вмѣстѣ съ Аннетой, упоенный блаженствомъ, я невольно сжималъ ея руку въ своей рукѣ; я чувствовалъ только, что ея рука отвѣчаетъ мнѣ тѣмъ же — и уносился въ небеса... Но это было одно преддверіе другой райской минуты, которая готовилась мнѣ...

Еще мазурка не была кончена, еще несчастный полъ предводительской залы жестоко страдалъ отъ сердитыхъ ударовъ по немъ ротмистра и отъ отчаянныхъ прыжковъ штаб-лекаря, который, стараясь замѣнить шпоры желѣзными скобками своихъ коблуковъ, дѣлалъ для этого самые чудные антраша, какъ вдругъ раздались клики: «фейерверкъ! фейерверкъ!» Это былъ сюрпризъ, сдѣланный предводителю конными артиллеристами, принадлежавшими къ нашей дивизіи и квартировавшими близь его имѣнія. Въ-минуту всѣ карточные столы были оставлены, танцы прерваны; все общество толпою хлынуло на балконъ. Мы также бросили нашу мазурку, и попарно, каждый кавалеръ съ своей дамой, побѣжали вслѣдъ за другими. Фейерверкъ былъ зажженъ въ саду, на срединѣ главной аллеи, которая начиналась отъ дома.

Когда мы присоединились къ зрителямъ, на площадкѣ аллеи, между клумбами цвѣтовъ и кустарниковъ, мелькали яркіе, разноцвѣтные огни римскихъ свѣчь и колесъ. Рѣзвымъ, любопытнымъ дѣвушкамъ, въ томъ числѣ и Аннетѣ, вздумалось взглянуть поближе на эту потѣху, пока еще тихую и безопасную; мы вызвались проводить ихъ, и мигомъ цѣлая компанія молодёжи сбѣжала съ балкона въ садъ. «Куда вы, куда вы?» кричали трусливыя маменьки своимъ дочкамъ: «воротитесь!» Никто однакожь не слушался и никто не хотѣлъ воротиться: храбрыя дѣвушки смѣло бѣжали впередъ, съ громкимъ смѣхомъ; мы за ними. Но въ самую ту минуту, когда мы приблизились къ площадкѣ, передъ нами взвился на воздухъ цѣлый навильйонъ ракетъ съ оглушительнымъ шумомъ и трескомъ. Залпъ непріятельской баттареи вѣрно не перепугалъ бы такъ старыхъ солдатъ, какъ трескъ этихъ ракетъ перепугалъ нашихъ молодыхъ партизанокъ. Храбрость ихъ исчезла; весь отрядъ нашъ разсѣялся, всѣ разбѣжались съ громкими криками, кто куда попалъ...

Видно, что Аннета испугалась еще больше другихъ, потому-что мы съ ней забѣжали въ самую темную и глухую аллею. Опасности ни-

какой уже не было, а она все еще прижималась къ моей рукѣ, какъ робкая голубка, которая ищетъ защиты. Я хоть и не испугался, но сердце мое билось такъ сильно, какъ-будто хотѣло выскочить, и право, не знаю, ка̀къ это сдѣлалось, только рука моя невольно обвилась вокругъ ея стана, уста наши слились, и одинъ изъ перстеньковъ Аннеты перескочилъ съ ея пальца на мой. Тутъ мы опять пустились бѣжать изъ всѣхъ силъ, и еще во̀-время, никѣмъ незамѣченные, успѣли присоединиться къ нашему отряду, который, послѣ безпорядочной ретирады своей, начиналъ ужь собираться у балкона.

Праздникъ кончился поздно. Возвратившись домой, я еще долго не могъ заснуть отъ волненія чувствъ, отъ избытка блаженства, переполнявшаго мое сердце. И когда, наконецъ, послѣ тонкаго, мимолетнаго сна, на минуту смежившаго глаза мои, они снова открылись, ка̀къ хорошъ казался мнѣ Божій міръ въ своемъ утреннемъ блескѣ, ка̀къ привѣтливо улыбалась мнѣ жизнь, и ка̀къ много радостей сулила она мнѣ въ будущемъ!...

III.

Школьный товарищъ.

Солнце стояло ужь высоко на безоблачномъ небѣ, и лучи его обливали золотомъ бревенчатыя стѣны избы, въ которой квартировалъ я, небольшой крестьянскій огородъ, съ десяткомъ березъ и рябинъ, стоявшихъ передъ моими окнами, и, за огородомъ, гладкій, зеленый лугъ, раскидывавшійся вдаль необозримою степью. Сидя подлѣ раствореннаго окна, я съ какимъ-то упоительнымъ чувствомъ любовался этимъ роскошнымъ, лѣтнимъ утромъ, которое, можетъ-быть отъ собственнаго моего счастія, казалось мнѣ такъ свѣжо и хорошо, какъ-будто первое утро мірозданія; я перебиралъ въ головѣ всѣ малѣйшія подробности прошедшаго вечера и, желая снова увѣрить себя, что все это былъ не сонъ, ужь конечно въ сотый разъ хотѣлъ снять съ руки перстень Аннеты, когда передъ скромнымъ подъѣздомъ хаты моей остановились дрожки ротмистра. Его ранній пріѣздъ, послѣ праздника, кончившагося такъ поздно, удивилъ меня.

— Ты гдѣ нынче обѣдаешь? спросилъ онъ почти съ первыхъ словъ.

— У старинного пріятеля, съ которымъ я вчера встрѣтился совсѣмъ-неожиданно, отвѣчалъ я.

— А я думалъ у каммергерши.

— Почему жь это, ротмистръ?

— Полно, братъ! сказалъ онъ дружескимъ тономъ: — не-уже-ли ты думаешь, что вчера всѣ были безъ глазъ и никто не видалъ, какъ увивался ты около меньшой дочери ея, и ка̀къ сама она увивалась

около тебя? До-сихъ-поръ я, право, думалъ, что и ты приволакиваешься за ней такъ же, какъ я, шутя, отъ нечего-делать. Но теперь, когда тебе поставили западню при целомъ уезде и ты самъ такъ ходко идешь въ нее, я нарочно, объезжая эскадронъ, завернулъ къ тебе сказать, чтобъ ты былъ поосторожнее и подумалъ обо всемъ хорошенько.

—Я, право, не понимаю, о какой западне говорите вы.

— О такой, что после вчерашняго бала наверное все провозгласятъ тебя женихомъ Анеты. Мать сама станетъ поддерживать эти слухи, станетъ ласкать тебя еще больше; ты станешь ездить къ нимъ еще чаще, и наконецъ, нечувствительно уверишься самъ, что тебе въ-самомъ-деле надобно жениться непременно, или иначе отъ тебя пострадаетъ репутація девушки, ея счастье, и проч. и проч. А для каммергерши такой богатенькій женишокъ, какъ ты, — кладъ, потому-что, между нами будь сказано, дела ея больно-плохи. Ты знаешь ли, что она кругомъ въ долгу?

— Очень знаю; да что жь мне до этого? Еслибъ я и действительно вздумалъ жениться когда-нибудь, такъ ужь верно не на богатстве: я только хочу любить мою невесту и быть любимымъ взаимно.

—А почему ты знаешь, тебя ли она полюбитъ, или твои пятьсотъ душъ?... Поверь, что еслибъ и у меня было такое же состояніе, мне на этотъ разъ, можетъ-быть, посчастливилось бы еще больше твоего.

— (Въ сердце какой-нибудь другой женщины, подумалъ я: — но ужь наверное не въ сердце Аннеты).

— Право, советую поостеречься, продолжалъ ротмистръ все темъ же дружескимъ тономъ:—потому-что, кроме обстоятельствъ каммергерши, самая репутація дочерей ея не совсемъ хороша... Заметилъ ли ты вчера этого хорошенькаго молодаго человека, въ черномъ фраке, который долго говорилъ съ Наденькой въ то время, когда каммергерша играла въ вистъ, а мы танцовали?

— И очень заметилъ, сказалъ я, посмотревъ на ротмистра съ удивленіемъ и нетерпеливо желая услышать, что такое хочетъ онъ сказать о человеке, котораго я самъ зналъ гораздо-короче, чемъ онъ.

—Это сынъ какого-то профессора, который пріезжалъ сюда каждое лето въ купленную имъ деревню, коротко познакомился съ покойнымъ каммергеромъ и училъ въ то время его дочерей. Молодой человекъ всегда присутствовалъ при этихъ урокахъ, былъ принятъ въ доме какъ свой, и короткость его съ девушками кончилась темъ, что каммергерша теперь не пускаетъ его на глаза, потому-что онъ, какъ говорятъ, вздумалъ въ свою очередь преподавать имъ уроки въ такихъ предметахъ, которые вовсе не входили въ планъ ихъ воспитанія...

— И вы все это говорите о Владимірѣ Бранском? воскликнулъ я.—Нѣтъ, ротмистръ, это вздоръ, это клевета самая черная!... Я нынѣче же узнаю всю эту исторію отъ него-самого.

Молодой человѣкъ, о которомъ говорилъ ротмистръ, былъ именно тотъ самый старинный пріятель мой, къ которому я сбирался ѣхать. Нѣкогда я жилъ пансіонеромъ у его отца. Мы вмѣстѣ учились и любили другъ друга какъ самые искренніе друзья, какъ родные братья, хоть онъ былъ старѣе меня тремя или четырьмя годами. Лѣтъ семь я не видалъ его, и вдругъ встрѣтился съ нимъ нечаянно на праздникѣ предводителя. Онъ сказалъ мнѣ только, что не больше какъ за нѣсколько дней пріѣхалъ въ эту сторону, въ свою деревню, оставшуюся ему въ наслѣдство послѣ отца. Поговорить обо всемъ хорошенько намъ не было времени, потому-что на этотъ разъ любовь перевѣшивала въ моемъ сердцѣ прежнюю дружбу. Онъ также, казалось, былъ чѣмъ-то озабоченъ и очень разсѣянъ; но мы разстались съ условіемъ: свидѣться на другой же день, и я далъ обѣщаніе къ нему пріѣхать. Слова ротмистра еще больше подстрекнули мое нетерпѣніе его видѣть.

—Если это и клевета, сказалъ ротмистръ, когда узналъ, что дѣло идетъ о человѣкѣ коротко мнѣ знакомомъ: — такъ по-крайней-мѣрѣ она выдумана не мной. Я передалъ тебѣ эти вѣсти такъ, какъ дошли онѣ до меня, и очень радъ, что ты самъ имѣешь прекрасный случай узнать обо всемъ вѣрнѣе и подробнѣе. Только скажетъ ли тебѣ твой пріятель всю правду? прибавилъ онъ лукаво.—Вѣдь легко можетъ быть, что прежній товарищъ, въ этомъ случаѣ, будетъ съ тобой совсѣмъ не такъ откровененъ, какъ бывалъ въ пансіонѣ... Ну, прощай же; я не хочу тебя задерживать.

— Славно! подумалъ я:—бѣдный клеветникъ вовсе не ожидалъ такъ глупо попасть въ собственныя свои сѣти, и навѣрное думалъ, что я въ жизнь мою не встрѣчусь въ другой разъ съ тѣмъ, кого избралъ онъ орудіемъ своей низкой мести: какъ жестоко ошибся онъ!...

Впрочемъ, какъ ни твердо былъ я увѣренъ, что вся эта исторія выдумана ротмистромъ для того только, чтобъ очернить въ глазахъ моихъ Аннету; какъ ни мало давалъ я цѣны словамъ человѣка съ такими правилами; но послѣ отъѣзда его въ головѣ моей мелькнула мысль, что не могъ же онъ выдумать совершенной небылицы безъ какой-нибудь основной истины, которая подала къ тому поводъ. Эта мысль взволновала меня. Самое замѣчаніе ротмистра, что Владиміръ легко можетъ скрыть отъ меня то, что желалъ я узнать, начало казаться мнѣ довольно справедливымъ, и поэтому я рѣшился прежде всего заѣхать къ камергершѣ: мнѣ хотѣлось, до разговора съ но-

нымъ пріятелемъ, поговорить съ Аннетой и попытать, не изобличитъ ли ее въ чемъ-нибудь совѣсть.

Кажется, она была увѣрена, что, послѣ вчерашней прогулки нашей по аллеямъ предводительскаго сада, я поспѣшу увидѣться съ ней, потому-что я встрѣтилъ ее, или, лучше сказать, она встрѣтила меня еще въ рощѣ, которая примыкала къ ихъ дому и черезъ которую я долженъ былъ проѣзжать къ нимъ. Въ другое время, я принялъ бы эту раннюю встрѣчу, это какъ-бы въ душѣ условленное свиданіе за новое доказательство любви ко мнѣ Аннеты; но теперь, разстроенный словами ротмистра, я думалъ только о томъ, какъ бы скорѣй склонить разговоръ на предметъ, который меня безпокоилъ. Не смотря однакожъ на мое безпокойство и волненіе, я замѣтилъ, что Аннета сама чѣмъ-то встревожена.

— Я никакъ не ожидала (замѣтьте, что когда дѣвушка ожидала кого-нибудь, она навѣрное скажетъ: «я никакъ не ожидала»)—я никакъ не ожидала, чтобъ вы пріѣхали къ намъ поутру, сказала Аннета:—и ужь хотѣла посылать къ вамъ съ вашими книгами, и съ извѣстіемъ, прибавила она горестно: — что, недальше какъ завтра, мы ѣдемъ въ нашъ губернскій городъ, а оттуда въ Москву...

— Въ Москву! повторилъ я съ испугомъ и никакъ не понимая, что значитъ этотъ внезапный отъѣздъ, о которомъ ни каммергерша, ни сама Аннета не говорили мнѣ ни слова наканунѣ.—Зачѣмъ? надолго ли?...

— Маменька должна ѣхать туда по своимъ дѣламъ, которыя никакъ не могутъ скоро кончиться, и по этому-то я думала, что вы вѣрно захотите провесть нынѣшній день вмѣстѣ съ нами.

Ужасъ такой скорой и вмѣстѣ неожиданной разлуки съ Аннетой въ самыя лучшія минуты любви, заставилъ-было меня забыть то, зачѣмъ я къ ней заѣхалъ; но ея приглашеніе провести цѣлый день съ ними напомнило мнѣ слово, данное мной Владиміру, и съ тѣмъ вмѣстѣ исторію, слышанную отъ ротмистра. Мнѣ пришло даже въ голову, что самый этотъ скорый, таинственный отъѣздъ непремѣнно долженъ имѣть какую-нибудь связь съ его разсказами и что каммергерша именно спѣшитъ удалить дочерей своихъ отъ человѣка, котораго близкое присутствіе можетъ запятнать ихъ честь.

— Если бъ вы вчера были со мной откровеннѣе, сказалъ я, желая какъ-нибудь добраться до истины: — и не скрыли бы отъ меня, что такъ скоро ѣдете, я заранѣе отказался бы отъ всѣхъ другихъ приглашеній на нынѣшній день...

— Боже мой! перебила Аннета: — вчера мы сами ничего еще не знали. Маменька получила письмо, которымъ ее вызываютъ въ Москву, ужь возвратившись съ бала... Но развѣ вы нынче приглашены куда-нибудь? спросила она съ безпокойствомъ.

— Я сейчасъ долженъ ѣхать къ общему нашему знакомому и притомъ къ моему давнишнему пріятелю, Владиміру Бранскому... Кажется, я не ошибся, назвавъ его общимъ нашимъ знакомымъ? прибавилъ я, стараясь замѣтить, какое дѣйствіе произведетъ на нее имя этого человѣка.

— Да, онъ былъ знакомъ съ нами, сказала Аннета сквозь зубы и какъ-бы съ неудовольствіемъ.

— Былъ знакомъ? Стало-быть, правда, что ваша маменька отказала ему отъ дома?...

Она сдѣлала утвердительный знакъ.

— Скажите же, ради Бога, что̀ такое вооружило ее противъ Владиміра? Будьте хоть на этотъ разъ откровенны со мной!...

— Это... сказала дѣвушка въ замѣшательствѣ: — это... семейная тайна, о которой маменька не любитъ, чтобъ говорили... Со-временемъ вы, можетъ-быть, узнаете все отъ самаго вашего пріятеля; но теперь, продолжала она тономъ больше веселымъ: — не ѣздите къ нему и останьтесь съ нами: вы съ нимъ можете увидѣться еще завтра, а насъ здѣсь ужь не будетъ...

— Нѣтъ, воскликнулъ я: — мнѣ необходимо видѣть его сегодня, даже сейчасъ!...

И собственныя слова Аннеты, во многомъ сходныя съ тѣмъ, что̀ я слышалъ, и ея замѣшательство при послѣднемъ вопросѣ, и наконецъ ея старанія отклонить меня отъ поѣздки къ Владиміру, все это еще больше возбудило мои подозрѣнія. Я не хотѣлъ долѣе оставаться въ мучительной неизвѣстности ни на одну минуту, и рѣшился, во что̀ бы то ни стало какъ-можно-скорѣй добиться правды.

— Упрямецъ! сказала Аннета вполовину съ сердцемъ, вполовину шутя, когда увидѣла, что ничѣмъ не можетъ удержать меня: — теперь я вижу, что вы слишкомъ-точно слѣдуете мудрому правилу, которое велитъ предпочитать старыхъ друзей новымъ. Не-уже-ли же, спросила она потомъ тономъ горестнаго упрека: — вы не заѣдете къ намъ и проститься?

Въ этомъ я далъ ей слово. Я самъ чувствовалъ необходимость провесть съ ней вмѣстѣ послѣднія, немногія минуты, которыя намъ оставались, провесть ихъ вмѣстѣ, хотя бъ и для того только, чтобъ осыпать ее укоризнами и насмѣшками. Не заходя въ домъ, гдѣ всѣ были заняты сборами къ отъѣзду, я возвратился опять къ моему экипажу и поскакалъ къ Владиміру.

Подъѣзжая къ его усадьбѣ, я замѣтилъ, что черезъ садовую калитку въ поле мелькнулъ каммергершинъ мальчикъ, котораго обѣ дѣвушки употребляли обыкновенно для своихъ посылокъ, и который служилъ всегдашнимъ посломъ между мной и Аннетой. Боже великій! подумалъ я, не-уже-ли знакомство ихъ продолжается и те-

перь? Не-уже-ли онѣ имѣютъ сношеніе съ нимъ тайно отъ матери? Въ-самомъ-дѣлѣ, когда я вошелъ въ кабинетъ Владиміра, онъ сидѣлъ задумавшись надъ какимъ-то письмомъ, которое поспѣшно спряталъ, увидѣвъ меня. Вся кровь оледенѣла во мнѣ при взглядѣ на это письмо, какъ-бы подтверждавшее еще больше мою догадку.

— Что это? секреты отъ стараго товарища? сказалъ я. — Прежде, кажется, между нами ихъ не было!...

— Чужія письма—чужія тайны, отвѣчалъ Владиміръ съ принужденной улыбкой, и стараясь замять и перемѣнить разговоръ.

— Нынѣшнее утро я окруженъ со всѣхъ сторонъ тайнами, замѣтилъ я съ колкостью: — и никакъ не думалъ, чтобъ и ты былъ такъ же скрытенъ со мной, какъ другіе. Скажи мнѣ, ради Бога, отъ кого ты получилъ это письмо?

— Не могу.

— Почему же?

— Потому-что въ этомъ случаѣ каждая нескромность съ моей стороны была бы безчестна.

— А если я самъ отгадаю, отъ кого оно, и скажу даже, что я видѣлъ посла, который его принесъ?

— Посла! повторилъ Владиміръ голосомъ нѣсколько измѣнившимся: — о комъ это говоришь ты?

— О томъ каммергершиномъ мальчикѣ, котораго я сейчасъ встрѣтилъ. Просто, я имѣю причину думать, что дочери ея переписываются съ тобой, и что мальчикъ этотъ для того именно и приходилъ сюда. Послушай, Владиміръ, прибавилъ я: — именемъ прежней дружбы нашей прошу тебя, не скрывай отъ меня истины; скажи, справедливы ли мои догадки?

— Право, я не понимаю, сказалъ онъ съ удивленіемъ: — почему тебя такъ интересуетъ моя переписка съ кѣмъ бы то ни было, и что значатъ всѣ эти вопросы?

Чтобъ заставить его быть вполнѣ-откровеннымъ, я рѣшился самъ открыть ему все. Я разсказалъ ему о любви моей, передалъ исторію, слышанную отъ ротмистра, и наконецъ послѣдній разговоръ мой съ Аннетой.—Ну, теперь понимаешь ли, сказалъ я въ заключеніе:—что значатъ мои вопросы, и что я не изъ одного пустаго любопытства дѣлалъ ихъ?

— Понимаю какъ-нельзя-лучше, сказалъ онъ усмѣхнувшись: — и долженъ былъ бы многое понять еще на вчерашнемъ балѣ. Садись и слушай; за твое признаніе я не останусь у тебя въ долгу.

Вотъ что узналъ я отъ него и о знакомствѣ его съ каммергершей, и о ея обстоятельствахъ, которыя до-тѣхъ-поръ были извѣстны мнѣ только поверхностно.

IV.

Семейная хроника.

Покойный каммергеръ былъ человѣкъ довольно-умный и образованный, но имѣлъ одну слабость, свойственную почти всѣмъ людямъ вообще и всѣмъ русскимъ помѣщикамъ въ-особенности, именно: слабость жить не по своему состоянію. Притомъ, надобно вспомнить, что онъ былъ русскій помѣщикъ тѣхъ временъ, когда мы еще не принимались читать Тэера даже и по складамъ, и считали агрономію и домоводство предметами слишкомъ-низкими для дворянина. Зимой, проживая въ столицѣ, онъ до того развлекался всегда обѣдами, вистомъ, выѣздами въ гости и пріѣздомъ гостей, что никакъ не находилъ времени повѣрить хоть изрѣдка счетовъ своего повара и дворецкаго. Лѣтомъ, проживая въ деревнѣ, украшалъ усадьбу свою больше роскошными, чѣмъ нужными постройками, разбивалъ англійскіе сады, забавлялся домашней музыкой, и опять не считалъ ни запашки своей, ни умолотовъ. Такой образъ жизни неминуемо долженъ былъ повлечь за собой сперва частные и казенные займы, потомъ безчисленные проценты, и наконецъ почти ежегодную продажу деревень, которыхъ у каммергера было съ дюжину, и отъ которыхъ дочерямъ его только и осталась въ наслѣдство одна родительская резиденція съ 80 душами дворовыхъ людей и крестьянъ и съ нѣсколькими десятками тысячь долга. Каммергерша такъ же плохо занималась хозяйственной частью, какъ и мужъ ея. Гораздо-меньше образованная, чѣмъ онъ, воспитанная въ старинной барской лѣни и праздности, она умѣла только кичиться своимъ званіемъ, которое ставила чуть-чуть не наравнѣ съ фельдмаршальскимъ, и, стараясь поддержать его наружнымъ блескомъ, очень усердно помогала мужу проживать, а не наживать деньги. Но послѣ его смерти, ей по-необходимости надобно было подумать о поправкѣ разстроенныхъ дѣлъ, и она рѣшилась прибѣгнуть къ богатымъ родственникамъ покойника. Ихъ было у каммергера почти столько же, сколько и долговъ, и всѣ они очень любили его за его любезность и умъ, за его вкусные обѣды, а больше всего за то, что онъ, очень хорошо зная приличія, никогда не просилъ у нихъ денегъ взаймы. Теперь, напротивъ, когда обстоятельства перемѣнились, когда огорченная вдова, вмѣстѣ съ дочерьми своими, пріѣхала къ одному изъ этихъ господъ съ тѣмъ, чтобъ препоручить «несчастныхъ сиротъ» его покровительству, богатый родственникъ, въ какомъ-то испугѣ, отступилъ на два шага отъ своихъ разорившихся родственницъ. Да и въ-самомъ-дѣлѣ было чего испугаться, потому-что каммергерша, послѣ слезливаго предисловія, приступила къ нему вдругъ съ тремя просьбами, а

именно: чтобъ онъ принялъ на себя опеку надъ имѣніемъ ея дочерей, до совершеннолѣтія Аннеты; чтобъ, по своему великодушію, заплатилъ долги покойнаго ея мужа, и наконецъ, чтобъ часть своихъ денегъ онъ выручилъ посредствомъ залога имѣнія, когда освободитъ его отъ партикулярныхъ долговъ, а другую получалъ бы постепенно изъ доходовъ. Всѣ эти три просьбы до того ужаснули родственника, что онъ въ ту же минуту рѣшительно объявилъ, что у него нѣтъ въ запасѣ ни лишнихъ денегъ для чужихъ долговъ, ни лишняго времени для чужихъ хлопотъ. Только въ покровительствѣ не хотѣлъ онъ отказать сиротамъ, и на первый разъ, взамѣнъ денегъ, снабдилъ вдову самыми благими наставленіями, т. е. посовѣтовалъ ей никому не ввѣрять опеки надъ дочерьми, кромѣ себя самой, жить какъ-можно-скромнѣе и умѣреннѣе и копить какъ-можно-больше денегъ для уплаты долговъ. Потомъ онъ распространился въ похвалахъ покойному каммергеру, не забывъ однакожь прибавить и того, что, при всемъ своемъ умѣ и любезности, онъ былъ человѣкъ чрезвычайно-неразсчетистый. Наконецъ, прощаясь съ своими милыми племянницами, онъ увѣрилъ ихъ самымъ обязательнымъ образомъ, что онѣ и впередъ могутъ надѣяться на его родственную пріязнь и душевное расположеніе дѣлать для нихъ все, чтó только возможно.

Точно съ такой же благосклонностью приняли каммергершу и другіе родственники ея мужа; точно то же говорили они всѣ, и точно также каждый изъ нихъ готовъ былъ помогать ей словами и совѣтами. Только одна родственница, богатая какъ Крезъ, старая какъ Маѳусаилъ, и притомъ совершенно одинокая , обѣщала какъ-то въ благую минуту душеспасительныхъ размышленій ссудить ее деньгами; но и то въ такомъ только случаѣ, если каммергерша въ-продолженіе термина опеки не найдетъ никакихъ средствъ развязаться съ долгами и спасти имѣніе отъ продажи. Эта родственница даже и на совѣты была еще щедрѣе другихъ, потому-что, кромѣ всѣхъ обыкновенныхъ наставленій, какія богачи даютъ бѣднымъ объ умѣренности, разсчетливости и прочемъ, она подала каммергершѣ мысль поправить разстроенныя ея дѣла выгоднымъ замужствомъ старшей дочери, и прибавила, что у нея ужь есть на примѣтѣ и женишокъ именно такой, какого имъ надобно.

Каммергерша сама много разсчитывала на красоту дочерей своихъ. Женихъ, котораго предлагали Надеждѣ, правда, былъ немножко старенекъ для семнадцатилѣтней дѣвушки, но за то онъ былъ знатенъ, богатъ и, по увѣренію свахи-родственницы, за свои лишнія тридцать или сорокъ лѣтъ передъ невѣстой, онъ никакъ не отказался бы заплатить за нее двадцать или тридцать тысячъ долгу. Это послѣднее обстоятельство и притомъ знатная фамилія и чинъ жениха, князя и дѣйствительнаго статскаго совѣтника, сильно со-

блазняли каммергершу. Она ужь готова была принять предложеніе, но тутъ встрѣтилось одно вовсе непредвидѣнное препятствіе, именно: несогласіе невѣсты, которая, съ своей стороны, нисколько не прельщалась богатствомъ и знатностью, и ужь имѣла на счетъ замужества кое-какіе собственные планы, совершенно несходные съ планами ея матери.

Въ послѣднее время, когда разстроенныя обстоятельства заставили каммергера жить по-большой-части въ деревнѣ, сосѣдство Владимірова отца, заслуженнаго профессора и человѣка глубоко-ученаго, сдѣлалось для него безцѣннымъ кладомъ. Каммергеръ много употребилъ на воспитаніе дочерей своихъ, которыхъ онъ хотѣлъ сдѣлать образцами женской учености и между-тѣмъ образовать подъ собственнымъ надзоромъ, а не въ какомъ-либо общественномъ заведеніи. Поэтому домъ его, въ-продолженіи нѣсколькихъ лѣтъ, былъ постоянно наполненъ учителями и учительницами различныхъ націй. Но когда онъ наконецъ лишился средствъ содержать при себѣ всю эту многочисленную ватагу иноплеменниковъ, добрый профессоръ, въ послѣдніе годы жизни своей совершенно удалившійся отъ службы въ свое сельское уединеніе, вызвался самъ, сколько по пріязни къ каммергеру, столько, можетъ-быть, по любви къ наукамъ и по привычкѣ къ занятіямъ, довершить своими уроками окончательное образованіе дѣвушекъ, которое, по мѣрѣ ихъ возраста, особенно для старшей, становилось нужнѣе, чѣмъ когда-нибудь. Такое предложеніе, разумѣется, было принято съ благодарностью и сблизило еще больше двухъ сосѣдей и безъ того хорошихъ пріятелей. Въ тѣ дни, когда профессоръ не могъ быть у своихъ ученицъ, каммергеръ самъ отправлялся къ нему вмѣстѣ съ ними, разсматривать его кабинетъ минераловъ, его ботаническіе травники и заглянуть, что̀ дѣлается новенькаго въ его физическихъ снарядахъ и машинахъ.

Владиміръ, бывшій въ то время въ университетѣ, каждое лѣто, въ вакантные мѣсяцы, пріѣзжалъ къ отцу, и каждый разъ вмѣстѣ съ нимъ бывалъ у каммергера. Ротмистръ не ошибся, сказавъ мнѣ, что онъ былъ принятъ въ домѣ его какъ родной и что его вовсе не старались отдалять отъ дѣвушекъ. Часто онъ присутствовалъ при ихъ урокахъ для того, чтобъ тутъ же, подъ руководствомъ отца, заниматься какимъ-нибудь своимъ дѣломъ; часто онъ занималъ даже въ классѣ его мѣсто. Эти частыя свиданія, эти общія занятія въ-самомъ-дѣлѣ сблизили его съ дочерьми каммергера какъ съ сестрами. Но Аннета была тогда еще совершеннымъ ребенкомъ, и только Наденька приходила въ тѣ лѣта, когда сердце начинаетъ требовать чего-то другаго, кромѣ наукъ, когда дѣвушка, противъ воли своей, чаще думаетъ о своемъ молодомъ учителѣ, чѣмъ объ ученьи, и когда, наконецъ, сама она однимъ взглядомъ своимъ можетъ выбить изъ го-

ловы такого учителя, который старѣе ея только тремя или четырьмя годами, всѣ науки вдругъ. Конечно, не всегда такъ бываетъ, потому-что исключенія есть вездѣ и во всемъ; но по-крайней-мѣрѣ всѣ эти чудныя вещи начали мало-по-малу случаться съ нашими молодыми людьми. Бывало, Наденька ждетъ не дождется когда пріѣдетъ профессоръ и начнется классъ. Всѣ думали, что ея нетерпѣніе происходитъ отъ страсти къ ученью и особеннаго прилежанія,—а на повѣрку выходило, что ей только скорѣе хотѣлось увидѣть Владиміра и быть вмѣстѣ съ нимъ. Бывало, и онъ, начавъ что-нибудь толковать своей ученицѣ, вдругъ станетъ въ-тупикъ, никакъ не понимая отъчего онъ забылъ то, что̀ хотѣлъ сказать и что̀ зналъ очень твердо, —а вся бѣда была въ томъ, что Наденька или слишкомъ пристально устремляла на него свои большіе, черные глаза, или какъ-нибудь нечаянно касалась рукой его руки. Однимъ словомъ, учитель и ученица полюбили другъ друга со всей пылкостью, со всей восторженностью первой страсти, сами не зная ка̀къ и когда это сдѣлалось.

Сначала, они вовсе и не подозрѣвали, что это чувство взаимной привязанности было любовь. А потомъ, когда начали лучше понимать себя, эта любовь такъ глубоко укоренилась въ ихъ сердцахъ, сдѣлалась для нихъ столько необходимой, что они ужь не имѣли силы бороться съ ней, не имѣли воли перестать любить, и, упоенные, очарованные своей страстью, не хотѣли даже хорошенько размыслить о томъ, что̀ ожидало ихъ въ будущемъ. Правда, бывали минуты, въ которыя Наденькѣ приходили иногда въ голову всѣ честолюбивые, заносчивые планы отца ея на счетъ замужства обѣихъ его дочерей; правда, по-временамъ и Владиміру вспадало на умъ точно то же,—но одна считала страшную эпоху замужства еще слишкомъ отдаленной отъ себя, и тотчасъ же старалась потоплять непріятную думу въ сладостныхъ мечтахъ любви, а другаго обыкновенно, въ такихъ случаяхъ, утѣшало его самолюбіе, столь свойственное каждому человѣку и особенно молодому и влюбленному. Оно каждый разъ нашептывало ему, что хотя предки его и не вписаны въ VI часть дворянской родословной книги, но что самъ онъ, по личнымъ своимъ достоинствамъ, смѣло можетъ стать на-ряду со многими потомками знатныхъ предковъ. Впрочемъ, молодые люди, какъ-бы по тайному сочувствію, всегда избѣгали разговоровъ между собой о такомъ предметѣ, который былъ тяжелъ для нихъ, могъ оскорбить одного, встревожить другую; и только въ то время, когда за Наденьку посватался сіятельный женихъ, оба они увидѣли, что опасность разлуки гораздо ближе къ нимъ, чѣмъ они воображали, и что имъ, рано ли, поздно ли, а надобно наконецъ дѣйствовать рѣшительнѣе.

Послѣ смерти каммергера, тайныя мечты и надежды Владиміра начали казаться ему больше сбыточными, т. е. онъ разсуждалъ доволь-

по-логически, что сынъ честнаго, заслуженнаго профессора, если не богача, такъ по-крайней-мѣрѣ имѣющаго состояніе безбѣдное, очень и очень годится въ зятья вдовѣ промотавшагося каммергера. Но, къ его несчастью, каммергерша думала совсѣмъ-иначе, и едва только онъ намекнулъ ей о чувствахъ своихъ къ ея дочери, она гнѣвно указала ему дверь, и даже чуть-чуть не упала въ обморокъ отъ такой, по ея мнѣнію, неслыханной дерзости профессорскаго сына. Она не хотѣла слышать никакихъ убѣжденій и доказательствъ, не хотѣла знать и того, что отецъ Владиміра былъ точно такой же статскій совѣтникъ, какъ покойный мужъ ея, и твердила одно только, что онъ дослужился до статскихъ совѣтниковъ Богъ-знаетъ изъ какого званія, что притомъ онъ былъ профессоръ, т. е., по ея понятіямъ, небольше, какъ такой человѣкъ, который «учитъ дѣтей», и что, слѣдственно, замужство съ его сыномъ было бы слишкомъ унизительно для дѣвушки, отецъ которой, какъ она всегда выражалась, «имѣлъ каммергерскій ключъ».

Устрашенная гнѣвомъ своей матери, грозившей ей вѣчнымъ проклятіемъ за одно помышленіе о профессорскомъ сынѣ, бѣдная Наденька должна была покориться необходимости и пожертвовать любимыми своими мечтами ея честолюбію; но только эту одну уступку она и сдѣлала, объявивъ притомъ твердо и рѣшительно, что, отказавшись разъ отъ замужства съ человѣкомъ, котораго избрало ея сердце, она не пойдетъ ни за одного князя въ мірѣ, хотябъ онъ былъ самъ князь Эстергази.

Въ этомъ случаѣ ужь не дѣйствовали и угрозы, которыми мать еще долго томила ее. Наконецъ, однакожь, сердце матери взяло верхъ надъ сердцемъ каммергерши, и тѣмъ легче, можетъ-быть, что въ слишкомъ-поспѣшномъ принужденіи не было и необходимости. Имѣніе еще можно было кое-какъ удержать отъ продажи до совершеннолѣтія Аннеты, а до того времени оставалось полныхъ два года. Притомъ, та же самая родственница, которая отъискала Наденькѣ жениха, не отказывалась, въ случаѣ крайности, и отъ денежнаго пособія; слѣдственно можно было надѣяться не на то, такъ на другое; да и предлогъ къ отказу былъ прекрасный, потому-что послѣ смерти каммергера не прошло еще и шести мѣсяцевъ: нисколько не оскорбляя самолюбія жениха отказомъ рѣшительнымъ, стоило только сослаться на трауръ и приличія; каммергерша такъ и сдѣлала, и потомъ уѣхала въ деревню поправлять дѣла и копить деньги, какъ совѣтовали ей родственники.

Два года прошли. Аннета достигла совершеннаго возраста, а между-тѣмъ дѣла каммергерши нисколько не поправились. Долги, вмѣсто того, чтобъ погасать, еще больше возрастали, потому-что слишкомъ-ограниченныхъ доходовъ никакъ не умѣли растянуть и на соб-

ственный прожитокъ и на уплату не только капитала, даже процентовъ. Кредиторы, потерявшіе все терпѣніе, не хотѣли больше сдѣлать ни малѣйшей отсрочки, и каммергершѣ оставалась одна только надежда на великодушное обѣщаніе старой родственницы, о которомъ она ей и напомнила. Но такъ-какъ обѣщаніе и исполненіе двѣ вещи совершенно различныя, то и старая родственница отвѣчала каммергершѣ на ея письмо совсѣмъ не то, что̀ говорила за два года назадъ. Она писала, что съ-тѣхъ-поръ ея собственныя дѣла̀ очень разстроились; что въ однѣхъ деревняхъ у нея плохо родился хлѣбъ, а въ другихъ крестьяне вовсе не платятъ оброка; что большая часть ея капитала, розданнаго по рукамъ, пропадаетъ, и что все это вмѣстѣ лишаетъ ее совершенно возможности отдать взаймы послѣднія, оставшіяся у нея деньжонки. Но, въ утѣшеніе за свой отказъ, она прибавляла, что если, со времени ихъ разлуки, измѣнились ея обстоятельства, такъ за то нисколько не измѣнились чувства жениха, котораго высватала она Наденькѣ; что желаніе его получить ея руку до-сихъ-поръ не охладѣло; что онъ никакъ не отказывается и отъ своего прежняго намѣренія заплатить, вмѣсто перваго свадебнаго подарка, всѣ долги отца ея, и даже готовъ, если только сама она согласится, уступить часть, слѣдующую ей изъ отцовскаго имѣнія, въ пользу сестры и матери. Старухѣ, какъ видно, очень хотѣлось устроить эту свадьбу, вѣроятно по страсти къ свадьбамъ многихъ старухъ, а еще больше потому, можетъ-быть, чтобъ отдѣлаться этимъ дешевымъ способомъ отъ всѣхъ просьбъ каммергерши.

Каммергерша показала роковое письмо родственницы старшей дочери и спросила ее, отъ кого теперь зависитъ ихъ семейное спокойствіе, и какое другое средство найдетъ она съ своей стороны сохранить послѣдній кусокъ хлѣба, котораго онѣ скоро должны лишиться. Что̀ могла отвѣчать бѣдная дѣвушка на такой вопросъ? Съ ужасомъ видѣла она, что вся тяжесть семейныхъ бѣдствій должна пасть на нее одну, какъ на жертву-искупительницу. Сначала, она хотѣла-было еще разъ писать, собственно отъ себя, къ скупой бабушкѣ, и умолять ее снова о денежномъ пособіи, — но старуха намекала въ письмѣ своемъ очень ясно, что въ случаѣ упорства и непокорности волѣ старшихъ, любезная внучка ея не должна ожидать отъ своихъ родныхъ ничего, кромѣ гнѣва и совершеннаго отчужденія; потомъ, отчаянная, она готова была сказать матери, что самое замужство ея съ Владиміромъ могло бы избавить всѣхъ ихъ отъ нищеты,—но каммергерша ужь повторяла тысячу разъ, что она скорѣе рѣшится идти съ сумой, чѣмъ назвать сыномъ человѣка, родство съ которымъ, по ея мнѣнію, нанесло бы пятно ихъ фамиліи; да притомъ же Владиміръ былъ не такъ богатъ, чтобъ, кромѣ состоянія жены, могъ обезпечить и состояніе сестры ея, какъ хотѣлъ это сдѣлать князь. Од-

нимъ словомъ, ей предстояли двѣ крайности, обѣ почти равно ужасныя: или принужденное, ненавистное замужство, или вѣчныя терзанія совѣсти за то, что она не хотѣла пожертвовать любовью своей спокойствію матери и счастью сестры. Долго думала бѣдняжка, долго боролась съ собой, и наконецъ высокое чувство самоотверженія взяло въ ней верхъ надъ пылкимъ чувствомъ любви. Ей казалось даже, что она будетъ недостойна того, кого любитъ, если предпочтетъ страсть своему долгу, и при мысли о страшной разлукѣ съ любимцемъ души, ее утѣшала другая мысль, что такой поступокъ еще больше возвыситъ ее въ его глазахъ. Къ нему была послана записка самая страстная и самая отчаянная, въ которой Наденька, высказавъ всѣ чувства свои, всѣ мысли, всѣ страданія, прощалась съ нимъ навсегда.

Эту-то записку держалъ Владиміръ въ рукахъ и перечитывалъ, когда я вошелъ къ нему.

V.

Воздушные замки.

Когда онъ кончилъ разсказъ; когда объяснилось, что вся исторія, слышанная мной отъ ротмистра, основана на одной чистой, невинной любви Владиміра къ Наденькѣ, и что Аннета нисколько тутъ не замѣшана, я бросился обнимать его, какъ человѣка, возвратившаго мнѣ жизнь. Я былъ опять счастливъ и хотѣлъ, чтобъ всѣ вокругъ меня были счастливы также.

— Что же ты думаешь дѣлать теперь? спросилъ я его, когда первый порывъ моего восторга утихъ нѣсколько.

— Не знаю! сказалъ онъ:—рѣшительно не знаю! Я готовъ бы былъ отдать за Наденьку жизнь мою, готовъ бы былъ источить за нее всю мою кровь; но ея матери нужны только громкій титулъ да деньги, а у меня, пока, нѣтъ ни того, ни другаго.

Я между-тѣмъ ужь обдумывалъ планъ, который успѣлъ составиться въ моей пылкой, молодой головѣ.

— Я спасу васъ, сказалъ я наконецъ, протянувъ ему руку. — Да, я спасу васъ самымъ простымъ средствомъ. Ты видишь, какъ я люблю Аннету, знаешь теперь, что и она меня любитъ,—зачѣмъ же мнѣ откладывать вдаль мое счастье? Завтра же ѣду къ отцу, выпрошу у него позволеніе жениться на ней, заплачу всѣ долги каммергерши, ничѣмъ не хуже ея сіятельнаго нареченнаго зятя; а потомъ—не-ужьто всѣ мы не уговоримъ ее отдать тебѣ Наденьку?..

— Нѣтъ, въ этомъ ее не убѣдитъ никто въ мірѣ! Но я ужь былъ бы счастливъ и тѣмъ, еслибъ Наденька могла по-крайней-мѣрѣ о-

статься свободной. Увѣренъ ли ты, что отецъ твой позволитъ тебѣ жениться?

— Такъ же увѣренъ, какъ то, что я теперь здѣсь.

— И въ томъ, что онъ дастъ тебѣ денегъ на уплату чужихъ долговъ?

— Да... по-крайней-мѣрѣ, надѣюсь...

Владиміръ задумался. — Все это, конечно, *можетъ быть,* сказалъ онъ потомъ: — но рѣшишься ли ты обѣщать что-нибудь каммергерше, не переговоривъ прежде съ отцомъ? А ей ждать конца этихъ переговоровъ невозможно, потому-что до продажи ея имѣнія осталось слишкомъ недалеко.

Замѣчаніе его было очень справедливо, и сначала въ-самомъ-дѣлѣ намъ казалось невозможнымъ отвратить это затрудненіе, о которомъ я не подумалъ; но вдругъ мнѣ пришло въ голову одно очень счастливое обстоятельство. — Чудно! безподобно! воскликнулъ я: — вѣдь отецъ мой теперь въ Москвѣ; пускай-себѣ каммергерша ѣдетъ; я пріѣду туда вмѣстѣ съ ней, а можетъ-быть еще и прежде, и успѣю кончить всѣ переговоры и остановить свадьбу Наденьки еще во-время, если только предложеніе мое, какъ я надѣюсь, не будетъ отвергнуто ея матерью. Видишь ли, что намъ помогаетъ сама судьба!

Лучъ надежды проблеснулъ наконецъ въ глазахъ Владиміра.

— Дай Богъ, чтобъ это было такъ! сказалъ онъ, крѣпко сжавъ мою руку. — Для себя я не прошу тебя ни о чемъ; но ты сдѣлаешь прекрасное, доброе дѣло, если избавишь бѣдную дѣвушку отъ ужасной жертвы, на которую обрекла она себя.

Владиміръ рѣшился ѣхать вмѣстѣ со мной. Ему незачѣмъ было оставаться въ деревнѣ, когда Наденька уѣзжала оттуда, и притомъ онъ нетерпѣливо хотѣлъ знать чѣмъ рѣшится ея участь.

Чтобъ привесть въ исполненіе планъ нашъ и отправиться въ путь на другой же день, вслѣдъ за каммергершей, я долженъ былъ тотчасъ скакать въ полковой штабъ. Я могъ только на минутку завернуть къ Аннетѣ, желая сообщить ей мое намѣреніе.

Я не ошибся въ томъ, что предложеніе мое будетъ ей пріятно: когда я сказалъ, для чего хочу ѣхать къ отцу, на лицѣ ея невольно отразилась вся радость сердца, неумѣющаго еще таить своихъ чувствъ; она только робко спросила меня, знаю ли я, что у ней нѣтъ никакого состоянія. Вмѣсто отвѣта на этотъ вопросъ, я прибавилъ на какихъ условіяхъ хочу я просить руки ея, и передалъ ей записку Владиміра къ Наденькѣ, которую онъ спѣшилъ успокоить, извѣщая ее о томъ же. Тутъ весь ложный страхъ Аннеты, боявшейся до-сихъ-поръ, какъ она сама созналась мнѣ, чтобъ подробныя свѣдѣнія о ихъ разстроенныхъ дѣлахъ меня отъ нея не отдалили, миновался. Она увидѣла наконецъ, какъ чиста и безкорыстна любовь моя, увѣрилась,

что я люблю ее для нея-самой, и, казалось, была счастлива вполнѣ. Съ пылающими щеками подала она мнѣ свою руку, называла меня ангеломъ-хранителемъ, посланнымъ для спасенія ихъ семейства. Я просилъ ее, однакожь, не говорить каммергершѣ, до пріѣзда въ Москву, о томъ, что хочу я сдѣлать для ея сестры. Обѣ дѣвушки проводили меня, осыпая благословеніями, и мы разстались съ тѣмъ, чтобъ снова увидѣться въ губернскомъ городѣ, гдѣ былъ нашъ дивизіонный штабъ и куда я, послѣ позволенія полковаго командира, долженъ былъ также заѣхать для полученія настоящаго отпуска.

VI.

Губернская знаменитость.

Старая родственница, отъ которой каммергерша ожидала помощи, до того замедлила своимъ отвѣтомъ, что до продажи имѣнія двухъ сестеръ не оставалось и мѣсяца. Если это было сдѣлано съ намѣреніемъ отклонить всѣ новыя просьбы и заставить каммергершу, безъ дальнѣйшихъ переговоровъ, поспѣшить свадьбой дочери съ прінсканнымъ женихомъ, такъ старуха разочла свою дипломатическую хитрость какъ-нельзя-лучше: каммергерша не только не имѣла времени колебаться въ выборѣ средствъ, но, чтобъ успѣть въ-пору прислать деньги на выкупъ имѣнія, ей нельзя даже было терять ни одной минуты въ самой сдѣлкѣ съ будущимъ своимъ зятемъ. И какъ ни нетерпѣливо желала она породниться съ человѣкомъ знатнымъ и богатымъ, при всемъ томъ эта необходимость дѣйствовать слишкомъ-поспѣшно, эта короткость времени, оставшагося для оборота, сильно огорчали ее и тревожили,— во-первыхъ, потому-что въ такомъ важномъ случаѣ, какъ свадьба, ей хотѣлось еще больше, чѣмъ когда-нибудь, соблюсти весь должный этикетъ и всю должную важность, а не съ перваго слова продать дочь свою, какъ какую-нибудь азіатскую невѣсту за калымъ, или, что еще хуже, какъ невольницу въ султанскій гаремъ; во-вторыхъ, кромѣ всѣхъ приличій и всякаго этикета, развѣ мудрено было встрѣтиться какому-нибудь обстоятельству, которое могло бы оттянуть помолвку Наденьки съ княземъ, а съ тѣмъ вмѣстѣ замедлить и денежную сдѣлку съ нимъ? Боясь потерять родовое имѣніе мужа, которымъ каммергерша слишкомъ дорожила, и выкупъ котораго послѣ продажи могъ бы сдѣлаться затруднительнымъ, даже невозможнымъ, она, по пріѣздѣ своемъ въ губернскій городъ, рѣшилась непремѣнно повидаться съ своими знакомыми, какіе только были у нея тамъ, для того, чтобъ, по общей привычкѣ всѣхъ женщинъ, съ каждымъ изъ нихъ посовѣтоваться о своихъ дѣлахъ.

Знакомые—вѣроятно также по общей привычкѣ всѣхъ знакомыхъ—слушали ее, съ трудомъ удерживая зѣвоту. Иные, однакожь, изъ учтивости, сожалѣли о ней; другіе просто удивлялись, какъ она допустила свои дѣла до такой крайности; третьи вполовину не слыхали того, что̀ она имъ разсказывала, и только, хватясь за какое-нибудь десятое слово, молча покачивали головой; но отъ всѣхъ вообще каммергерша слышала одно и то же заключеніе: «съѣздите къ Ивану Ивановичу и поговорите съ нимъ: онъ навѣрное присовѣтуетъ, что̀ вамъ дѣлать».

Знаете ли, что̀ такое Иванъ Ивановичъ, или, лучше сказать, что̀ такое человѣкъ, котораго въ провинціи и въ глаза и за-глаза обыкновенно называютъ только по имени и по отчеству, не прибавляя къ нимъ его фамиліи? Въ уѣздѣ это бываетъ или предводитель, заслужившій уваженіе долговременной службой—но замѣтьте, непремѣнно чѣмъ-нибудь да заслужившій уваженіе, иначе его станутъ звать просто предводителемъ; или судья, котораго, до изданія «Свода Законовъ», каждый боялся больше суда; или, наконецъ, просто частный помѣщикъ, но ветеранъ, посѣдѣвшій на выборахъ, прямикъ, чаще однакожь крикунъ, богачъ, амфитріонъ, у котораго въ извѣстные дни собирается цѣлый уѣздъ. Въ губерніи это или предсѣдатель одной изъ двухъ палатъ, т. е. гражданской и уголовной, — до казенной рѣдко кому бываетъ надобность,—или кто-нибудь изъ совѣтниковъ, вмѣщающій весь «Сводъ Законовъ» въ своей головѣ, или даже какой-нибудь секретарь, знающій дѣло лучше всѣхъ предсѣдателей и совѣтниковъ. Однимъ словомъ, человѣкъ, котораго въ деревнѣ ли, или въ провинціальномъ городѣ, знаютъ всѣ по одному его имени, какъ маленькаго Наполеона, долженъ быть человѣкъ очень извѣстный, если не въ Европѣ, такъ по-крайней-мѣрѣ въ своемъ околодкѣ или въ своемъ кругу.

Точно такою извѣстностью пользовался Иванъ Ивановичъ, къ которому знакомые единогласно отправляли каммергершу, и пользовался потому-что онъ былъ званіемъ совѣтникъ правленія, что̀ само-по-себѣ составляетъ ужь маленькую знаменитость каждаго губернскаго города, а ремесломъ былъ адвокатъ, успѣвшій прославить себя верстъ на триста въ окружности, т. е. изъ конца въ конецъ всей губерніи.

Каммергерша сама играла тамъ нѣкогда довольно-важную роль. Еще во времена своего цвѣтущаго состоянія, мужъ ея служилъ одинъ выборъ губернскимъ предводителемъ, жилъ двѣ или три зимы въ городѣ; и такъ-какъ въ то блаженное время каммергерша смотрѣла съ уваженіемъ на одну только губернаторшу, дружески принимала только вице-губернаторшу да предсѣдательшу уголовной палаты, а совѣтницы были для нея нипочемъ, то она думала, что и теперь г. совѣтникъ не потяготится пріѣхать къ ней самъ съ своими совѣтами;

но на этотъ разъ она ошиблась. Иванъ Ивановичъ не нуждался въ кліентахъ, былъ знаменитъ, былъ богатъ, и по этимъ причинамъ присвоилъ себѣ маленькое право быть иногда невѣжливымъ даже и съ дамами, разумѣется съ такими, отъ которыхъ онъ не могъ ожидать никакихъ существенныхъ выгодъ. Посланный каммергерши получилъ отвѣтъ, что г. совѣтникъ слишкомъ занятъ дѣлами и не можетъ оставить ихъ во всѣ эти дни. Это значило просто, что, волею или неволею, а надобно было ѣхать къ нему.

Тяжело быть просителемъ во всякомъ случаѣ, но особенно тяжело для того, кто, привыкнувъ самъ къ тону покровительства, къ просьбамъ отъ другихъ, долженъ вдругъ склонить голову передъ ничтожнымъ временщикомъ, смиренно стучаться въ дверь его, ждать его милости. Гордость каммергерши жестоко страдала, когда она на другой день, между девяти и десяти часовъ утра, сидя въ гостиной г. совѣтника съ обѣими дочерьми, должна была ждать его выхода такъ долго, что начала наконецъ терять терпѣніе. «Вотъ до чего дошла я» говорила она: «мужъ мой имѣлъ каммергерскій ключъ, а я должна переносить униженіе отъ какого-нибудь приказнаго, который самъ стоялъ у него по два часа въ передней и не смѣлъ при немъ высморкать носа и понюхать табаку!..» Но еще больше страдало въ эти минуты ожиданія сердце бѣдной Наденьки, потому-что съ пріѣзда въ городъ ей грозила новая бѣда, — и отъ этой бѣды могъ избавить ее теперь только изобрѣтательный умъ законоискусника, къ которому пріѣхали онѣ за совѣтомъ.

Когда каммергерша потеряла нѣсколько дней на справки о своихъ дѣлахъ и на разъѣзды къ знакомымъ; когда разочла, притомъ, что надобно пробыть, до Москвы, около недѣли въ дорогѣ, она нашла необходимымъ, въ случаѣ, если не сыщется средство отсрочить продажу имѣнія, послать впередъ эстафету съ извѣстіемъ о согласіи Наденьки на предложеніе ея жениха, для того, чтобъ заставить его заранѣе сдѣлать всѣ нужныя денежныя приготовленія, и чрезъ то выиграть время, которое въ-самомъ-дѣлѣ для нея было дорого при настоящемъ положеніи дѣлъ. Ясно, что такая поспѣшность въ окончаніи переговоровъ съ сіятельнымъ женихомъ, вовсе нами неожиданная, могла разрушить всѣ наши планы и сдѣлать помощь мою, которой я не могъ навѣрное обѣщать каммергершѣ, не повидавшись съ отцомъ, позднею и безполезною для Наденьки; поэтому-то и она и всѣ мы ждали съ безпокойствомъ и нетерпѣніемъ чѣмъ кончится совѣщаніе ея матери съ дѣльцомъ.

Между-тѣмъ, какъ бывшая губернская предводительша, величаво усѣвшись въ большомъ мѣстѣ гостиной, приготовляла заранѣе вступительную фразу, которой хотѣла немножко кольнуть невѣжливаго хозяина; между-тѣмъ, какъ Наденька втайнѣ молилась, чтобъ Богъ

внушилъ ему совѣтъ спасительный для нея, а Аннета дѣлала по-временамъ критическія замѣчанія на счетъ разнокалиберныхъ, хотя и богатыхъ, мёбелей и фарфора, вѣроятно собравшихся въ комнатахъ совѣтника порознь и съ разныхъ сторонъ,—онъ вышелъ наконецъ со всей важностью человѣка дѣловаго и во всей красѣ своего утренняго наряда, впрочемъ отзывавшагося нѣсколько провинціальнымъ вкусомъ. На немъ былъ лѣтній сюртукъ изъ забалканки, эриванки или чего-то тому подобнаго, очень громкаго по названію и очень глупаго по виду и достоинству; легкіе сапоги, и на шеѣ шелковый розовый платокъ, завязанный огромнымъ бантомъ. Учтиво, но холодно извинился онъ передъ каммергершей въ томъ, что заставилъ себя ждать.

— Извините, что и мы обезпокоили вась нашимъ посѣщеніемъ, отвѣчала она съ замѣтной колкостью.—Впрочемъ, вы сами накликали на себя бѣду: еслибъ вы не поскупились удѣлить мнѣ нѣсколькихъ минутъ изъ того свободнаго времени, которое остается вамъ отъ дѣлъ на ваши визиты и разъѣзды по городу, вы бы избѣжали хлопотъ принимать у себя дамъ такъ рано.

Совѣтникъ снова извинился, что никакъ не могъ самъ быть у г-жи каммергерши; объявилъ, что онъ рѣшительно не имѣетъ свободнаго времени для визитовъ и разъѣздовъ, и наконецъ прибавилъ съ улыбкой, что посѣщенія дамъ очень пріятны для него во всякое время и во всякомъ случаѣ.

—Рады ли вы намъ, или нѣтъ, продолжала каммергерша, обиженная еще больше этой шуткой, сказанной какъ-бы въ отмщеніе за ея ироническій тонъ: — но во всякомъ случаѣ позвольте увѣрить васъ, что я не такая нахальная гостья, которая бы рѣшилась пріѣхать къ вамъ безъ самой крайней необходимости. Дѣло мое касается не до меня самой, а вотъ до этихъ бѣдныхъ сиротъ, для которыхъ я обязана на всѣ возможныя жертвы. Просите сами о себѣ, — прибавила она, обращаясь къ дочерямъ:—можетъ-быть ваши просьбы будутъ больше уважены, чѣмъ просьба такой старухи, какъ я.

Обѣ дѣвушки были довольно привычны къ подобнымъ сценамъ, даже можно сказать были хорошо намётаны въ этихъ случаяхъ, потому-что каждый разъ, когда только каммергерша ѣхала съ какой-нибудь просьбой къ родному или постороннему, она непремѣнно брала съ собой дочерей, какъ для большаго эффекта, такъ и для того, можетъ-быть, чтобъ сложить на нихъ хоть часть унизительной роли, которую сама должна была играть. По первому слову матери, обѣ сестры подошли къ совѣтнику съ двухъ разныхъ сторонъ и съ совершенно различнымъ выраженіемъ въ лицахъ: Наденька съ полуслезящимъ, умоляющимъ взоромъ,—Аннета съ самой уморительной гримаской, которую сдѣлала ему въ то время, когда онъ обернулся къ ея сестрѣ.

Ни колкій тонъ каммергерши, ни разстроенный, трогательный видъ Наденьки нисколько ни поколебали однакожъ стоическаго равнодушія совѣтника. Надъ гнѣвомъ первой онъ, казалось, въ душѣ смѣялся; на печальное лицо второй смотрѣлъ съ равнодушіемъ давно-практикующаго врача, ужь приглядѣвшагося къ страданіямъ своихъ паціентовъ; его, можетъ статься, могла бы тронуть, т. е., могла бы разсердить только насмѣшливая гримаса Аннеты, но она, къ-счастію, была незамѣчена имъ. Отдѣлавшись отъ дѣвушекъ двумя поклонами, онъ придвинулъ кресла къ дивану, на которомъ сидѣла ихъ мать, сѣлъ, и спросилъ самымъ казеннымъ голосомъ: «чѣмъ можетъ быть онъ ей полезенъ».

Каммергерша начала-было длинную рѣчь о своихъ долгахъ, о своихъ кредиторахъ, объ обѣщаніяхъ своей родственницы, — однимъ словомъ, она намѣрена была разсказать самую подробную *«исторію о томъ, какимъ образомъ имѣніе ея подверглось продажѣ»*; но г. совѣтникъ, не имѣя ни времени, ни терпѣнія выслушать вещи вовсе для него незанимательныя, перепрыгнулъ однимъ скачкомъ къ сущности предмета.

— Если дѣло идетъ, какъ я понимаю, о продажѣ вашего имѣнія, сказалъ онъ, перебивъ ее при первомъ удобномъ случаѣ: — такъ тутъ ужь я ничѣмъ не могу помочь вамъ. Теперь, когда публикаціи уже сдѣланы, торги назначены, вамъ остается только одно: заплатить деньги.

— Деньги есть у меня въ виду, потому-что, благодаря Бога, я имѣю еще связи, имѣю родство съ людьми богатыми и значительными; но такъ-какъ время, оставшееся мнѣ для оборота, слишкомъ-коротко, то я боюсь, что не успѣю заплатить ихъ къ сроку. Объ этомъ-то я пріѣхала посовѣтоваться съ вами; и еслибъ вы нашли какое-нибудь средство остановить продажу хоть на нѣсколько дней и подождать присылки отъ меня денегъ, вы бы сдѣлали большое одолженіе этимъ сиротамъ, отецъ которыхъ пользовался уваженіемъ всей здѣшней губерніи.

Совѣтникъ пожалъ плечами:

— Если вы, сударыня, призовете сто законоискусниковъ, они всѣ скажутъ вамъ въ одинъ голосъ, что это вещь невозможная. Правилъ, постановленныхъ законами, перемѣнять нельзя.

— Что же мнѣ дѣлать? воскликнула каммергерша, приведенная почти въ отчаяніе тѣмъ, что и самое имя мужа ея вовсе, повидимому, не подѣйствовало на дѣльца и не склоняло его въ ея пользу.

— Надобно какъ-можно-скорѣй доставить *финансовъ*, сказалъ совѣтникъ съ такой же ужимкой и сдѣлавъ на послѣднемъ словѣ какое-то особенное удареніе, какъ на словѣ приказно-техническомъ, которое онъ очень любилъ.

— И больше вы намъ ничего не можете присовѣтовать?

— Рѣшительно ничего, къ крайнему моему сожалѣнію.

— Стало, Наденька, намъ ненадобно напрасно терять и времени! сказала каммергерша, вставая и раскланиваясь.

Бѣдная дѣвушка съ трудомъ удерживала слезы, готовыя покатиться ручьемъ. Черезъ полчаса мать должна была отправить въ Москву ея роковое согласіе на невольный бракъ; къ вечеру онѣ должны были выѣхать и сами. Если бы присутствіе матери не останавливало ее, она въ состояніи была бы сказать совѣтнику, что здѣсь дѣло идетъ не объ одномъ имѣніи, но о счастьѣ всей ея жизни; въ состояніи была бы открыть ему всѣ страданія своего сердца, которыя, можетъ-быть, тронули бы его, заставили бы подумать внимательнѣе о томъ, какъ спасти ее отъ погибели... Но, вотъ вдругъ и безъ просьбъ ея и безъ ея откровенности, въ его находчивомъ умѣ какъ-будто мелькнула какая-то мысль, и онъ самъ остановилъ каммергершу.

— Позвольте васъ спросить, сударыня, сказалъ онъ: — вы навѣрное надѣетесь достать въ Москвѣ нужную вамъ сумму?

— Навѣрное.

— И считаете возможнымъ успѣть выслать деньги въ-теченіи того времени, которое остается до продажи?

—Я ужь вамъ сказала, что не знаю сама. Думаю, по-крайней-мѣрѣ, что Богъ поможетъ мнѣ и въ этомъ.

— Въ такомъ случаѣ, я не смѣю васъ и отклонять отъ вашей поѣздки. Но если въ-самомъ-дѣлѣ что-нибудь можетъ задлить этотъ оборотъ, такъ ужь вамъ вѣрнѣе было бы остаться здѣсь. Всего вдругъ никакъ не пріидетъ въ голову, но теперь я вздумалъ вотъ что: продажа вашего имѣнія можетъ еще не состояться, если только на него не найдется покупщиковъ. Изъ лицъ постороннихъ я не имѣю въ виду никого, кто бы хотѣлъ его купить; но я слышалъ, что нѣкоторые изъ гг. вашихъ сосѣдей имѣютъ это намѣреніе, и потому-то совѣтовалъ бы вамъ не уѣзжать отсюда. Ваши просьбы, и даже одно ваше присутствіе вѣроятно остановятъ ихъ отъ такого поступка.

— Не можетъ быть, чтобъ сосѣди мои имѣли противъ меня такіе низкіе замыслы! воскликнула каммергерша съ негодованіемъ. — Когда покойный мужъ былъ живъ, эти люди безпрестанно обивали пороги наши, оказывали ему всю преданность и уваженіе, а теперь хотятъ лишить послѣдняго куска хлѣба дѣтей его!.. Кто жь эти неблагодарные?

— Объ этомъ позвольте мнѣ умолчать, сказалъ совѣтникъ съ лукаво-таинственной улыбкой:—но въ справедливости словъ моихъ я васъ смѣю увѣрить, и предупреждаю, что если вы, уѣхавъ отсюда, опоздаете прислать деньги хоть однимъ часомъ, имѣніе ваше непре-

мѣнно будетъ куплено кѣмъ-нибудь изъ этихъ господъ, которые, воспользовавшись вашимъ отсутствіемъ, и слѣдственно невозможностью узнать всѣ подробности дѣла, наскажутъ вамъ послѣ тысячу вещей въ свое оправданіе. А при васъ еслибъ явился покупатель и незнакомый,—вамъ только стоитъ съѣздить къ нему, объяснить ваши обстоятельства, и конечно ужь просьба такой особы, какъ вы, будетъ уважена каждымъ. Однимъ словомъ, можно смѣло ручаться, что ваше личное присутствіе здѣсь подѣйствуетъ какъ-нельзя-лучше: никто не рѣшится сдѣлать вамъ явной непріятности; торги не состоятся, и потомъ вы будете имѣть полную свободу сдѣлать оборотъ не спѣша и какой вамъ угодно.

Быстрый переходъ совѣтника отъ обращенія сухаго и холоднаго къ тону вѣжливому и показывающему участіе не столько удивилъ каммергершу, сколько былъ ей пріятенъ. «Вѣрно онъ въ-самомъ-дѣлѣ слишкомъ озабоченъ дѣлами, и отъ-того сначала не могъ принять меня какъ должно»—подумала она.

Поговоривъ съ нимъ еще нѣсколько времени, каммергерша совершенно согласилась съ его доводами, которые казались ей тѣмъ болѣе дѣльными и убѣдительными, чѣмъ больше льстили ея самолюбію. Свиданіе кончилось тѣмъ, что и посылка и поѣздка въ Москву были отложены,—и Наденька снова ожила наконецъ.

III.

Родительское наставленіе.

Владиміръ также встрепенулся отъ радости, когда я, узнавъ все отъ Аннеты, возвратился на нашу общую квартиру съ этимъ извѣстіемъ. Всякій выигрышъ времени онъ считалъ для себя уже большимъ выигрышемъ. Но со всѣмъ тѣмъ радость его была неполная: его мучило то, что онъ самъ не могъ ничего для себя сдѣлать.

— Неправда ли, сказалъ онъ:—что слишкомъ жалка и ничтожна роль человѣка, который лишенъ всякой возможности дѣйствовать самъ за себя, а долженъ ждать всего отъ другихъ людей и отъ обстоятельствъ? Поѣду ли я съ тобой, останусь ли здѣсь—ни въ томъ, ни въ другомъ случаѣ я не приношу себѣ никакой пользы; а между-тѣмъ я готовъ бы былъ летѣть на край свѣта для обладанія Наденькой. Одно, что̀ состоитъ еще въ моей волѣ—это не удаляться отъ нея, видѣть ее хоть издали, бросить ей иногда хоть мимоходомъ какое-нибудь слово,—и я не хочу лишать себя по-крайней-мѣрѣ этого послѣдняго удовольствія до-тѣхъ-поръ, пока оно для обоихъ насъ не сдѣлалось еще преступленіемъ. Я останусь здѣсь; здѣсь стану ждать твоего возвращенія, и между-тѣмъ буду слѣдить за ходомъ дѣлъ каммер-

герши. Только, ради Бога, напиши мнѣ скорѣе, что̀ скажетъ тебѣ отецъ.

Я далъ ему слово прислать извѣстіе самое утѣшительное не дальше какъ черезъ недѣлю. И въ-самомъ-дѣлѣ, на третій день вечеромъ я ужь сидѣлъ въ кабинетѣ отца и, со всѣмъ энтузіазмомъ страсти и молодости, дружбы и филантропіи, разсказывалъ ему исторію собственной любви моей и любви Владиміра.

— Все это очень хорошо, сказалъ мнѣ отецъ, когда я кончилъ разсказъ и открылъ ему свои замыслы: — но хорошо больше для романа, чѣмъ для нашей существенной жизни, гдѣ, во-первыхъ, жениться въ такихъ молодыхъ лѣтахъ, какъ твои, есть, по-моему, совершенная глупость, до которой я никакъ тебя не допущу.

Я смотрѣлъ на него во всѣ глаза и долго не хотѣлъ вѣрить, что онъ говоритъ это вправду: такъ много надѣялся я впередъ на его согласіе.

— Я и теперь нисколько не противлюсь чувствамъ твоимъ и не противорѣчу твоему выбору, продолжалъ онъ: — но хочу только отсрочить свадьбу твою года на три. И если въ-продолженіи этого времени ни твоя любовь, ни любовь къ тебѣ невѣсты твоей не остынетъ, если я увижу притомъ, что эта дѣвушка, съ которой я надѣюсь познакомиться самъ, дѣйствительно можетъ составить твое счастье, тогда съ Богомъ!

Отецъ много любилъ меня; но онъ былъ характера твердаго, послушнаго больше разсудку, нежели чувствамъ, и въ настоящемъ случаѣ, отъ котораго зависѣла вся моя будущность, онъ показалъ себя непоколебимѣе, чѣмъ когда-нибудь. Напрасно я клялся ему, что кромѣ Аннеты, я не могу любить и не полюблю никогда никакой другой женщины; напрасно называлъ ее ангеломъ, увѣрялъ, что и ея любовь ко мнѣ также искренна, также постоянна: — никакія мои просьбы, никакія убѣжденія не трогали его. Онъ возражалъ, что съ моей молодостью и неопытностью я легко могъ принять первую минутную склонность за любовь и первую хорошенькую дѣвушку за ангела, что можетъ-быть и Аннетѣ пока приглянулись только мои эполеты да мой мундиръ. Однимъ словомъ, онъ непремѣнно хотѣлъ испытать наши взаимныя чувства временемъ, и рѣшилъ окончательно, что въ такомъ важномъ дѣлѣ гораздо-лучше не спѣшить, чѣмъ послѣ, за одинъ необдуманный шагъ, заплатить вѣчнымъ раскаяніемъ.

Точно также необдуманнымъ, и еще больше безразсуднымъ, показалось ему — увы! и мое великодушное обѣщаніе выкупить свободу Наденьки его деньгами: — Ты напрасно считаешь себя такимъ богачомъ, говорилъ онъ, — который можетъ бросать десятки тысячъ для прихотей старой дуры, гораздо-больше привязанной къ титуламъ и деньгамъ, чѣмъ къ своимъ дочерямъ. Конечно, жаль бѣд

ную дѣвушку, по кàкъ же спасти ее постороннимъ, когда сама мать не имѣетъ къ ней жалости? Впрочемъ, еслибъ ты въ-самомъ-дѣлѣ женился на ея сестрѣ, тогда точно можно было бы что-нибудь для нея сдѣлать; но теперь нѐчего и думать объ этомъ, и тѣмъ больше, что, кромѣ отсрочки свадьбы твоей, я требую отъ тебя еще одной вещи: я хочу, чтобъ ты, тотчасъ же по возвращеніи отсюда въ полкъ, объявилъ гласно, что дѣла мои, въ послѣднее время, совершенно разстроились и что состояніе наше изъ богатаго сдѣлалось очень посредственнымъ. Эта маленькая ложь, разумѣется, поддержанная тобой и въ самомъ образѣ жизни, будетъ полезна тебѣ въ двухъ отношеніяхъ: она, такъ же какъ и время, послужитъ самымъ лучшимъ пробнымъ камнемъ для чувствъ и характера твоей невѣсты, и съ тѣмъ вмѣстѣ дастъ тебѣ прекрасное средство, не краснѣя за свою вѣтренность, отказаться отъ обѣщанія слишкомъ щедраго и слишкомъ скораго.

Такова была послѣдняя воля отца моего, и во все время, пока я у него пробылъ, я не успѣлъ сдѣлать ни малѣйшей перемѣны въ его суровомъ рѣшеніи, не успѣлъ исходатайствовать у него никакой милости ни себѣ, ни другимъ. А между-тѣмъ отсрочка, положенная имъ для моей свадьбы, казалась мнѣ цѣлой вѣчностью, и притомъ невозвратною потерей многихъ счастливыхъ дней, отнятыхъ у меня напрасно. Но еще больше собственной неудачи огорчался я тѣмъ, что такъ хвастливо и вмѣстѣ такъ безвинно и неумышленно обманулъ моего пріятеля. Если я надѣялся на любовь отца, я не ошибался; если не считалъ его ни скупцомъ, ни закоснѣлымъ эгоистомъ,—я не ошибался также; но я не взялъ въ соображеніе того, что мнѣ было двадцать лѣтъ, а ему пятьдесятъ, и не думалъ, что при такой разности лѣтъ мы никакъ не могли имѣть ни одинаковаго взгляда на вещи, ни одинаковыхъ сужденій. Какъ бы то ни было, но у меня не подымалась рука сказать даже и въ письмѣ Владиміру, чтобъ онъ не ждалъ отъ меня ничего; и, вопреки моему обѣщанію, я не прежде рѣшился написать къ нему, какъ ужь передъ самымъ отъѣздомъ. Впрочемъ, я и самъ спѣшилъ возвратиться какъ-можно-скорѣй. Мнѣ непремѣнно хотѣлось поспѣть ко дню продажи камергершинаго имѣнія, чтобъ узнать какой оборотъ дастъ этотъ день дѣламъ столькихъ для меня интересныхъ лицъ, и притомъ я нетерпѣливо желалъ увидѣть Аннету. Я готовъ былъ отвѣчать головой, что любовь ея ко мнѣ никогда и ни въ какомъ случаѣ не измѣнится, и что вѣсть о разстройствѣ моего состоянія не только не охладитъ ея сердца, но еще больше усилитъ въ немъ страсть. Это послѣднее испытаніе даже нравилось мнѣ, потому-что я находилъ въ немъ какую-то романическую прелесть, и былъ увѣренъ напередъ, что Аннета выдержитъ его какъ-нельзя-лучше. Я боялся одного только—что ее,

точно такъ же какъ и меня, слишкомъ сильно огорчитъ отсрочка свадьбы нашей.

VIII.

Русскій Госбекъ (*).

Въ-самомъ-дѣлѣ, когда я сказалъ ей, что отецъ мой никакъ не соглашается исполнить наше желаніе такъ скоро, какъ мы хотѣли и какъ предполагали все кончить, ея милое, веселое личико помрачилось грустью, словно свѣтлое, майское утро набѣжавшимъ внезапно облакомъ, и никакія мои ласки, никакія увѣренія въ вѣчной, неизмѣнной любви не могли ее успокоить. Потомъ, когда къ первой непріятной новости я прибавилъ еще другую о разстройствѣ моего состоянія, у нея ужь рѣшительно не достало силъ владѣть собой, и она, со слезами на глазахъ, убѣжала въ свою комнату. Сначала такой поступокъ, показавшійся мнѣ похожимъ на капризъ избалованнаго, малодушнаго ребенка, чрезвычайно удивилъ меня. Но черезъ минуту я подумалъ о томъ, какъ много любитъ Аннета меня и сестру, и узнавъ наконецъ, что она легла въ постель и даже не въ состояніи ко мнѣ выйдти, тысячу разъ проклиналъ себя за неосторожность, съ которой я, двумя ударами вдругъ, растерзалъ ея слабое, нѣжное сердце.

Владиміръ, напротивъ, встрѣтилъ меня совсѣмъ не съ такимъ отчаяніемъ, въ какомъ я ожидалъ его найдти.

—Еще до полученія отъ тебя письма, сказалъ онъ:—по одному твоему молчанію я ужь угадывалъ, что переговоры твои съ отцомъ идутъ худо; а между-тѣмъ я открылъ здѣсь одно обстоятельство, которое, можетъ-статься, дастъ средство мнѣ самому быть полезнымъ для Наденьки. Дѣло вотъ въ чемъ; оракулъ здѣшнихъ законоискусниковъ обманулъ каммергершу самымъ низкимъ образомъ. Онъ очень хорошо знаетъ, что никто изъ сосѣдей не будетъ торговаться на ея имѣніе, что слѣдственно оно пойдетъ дешево, и хочетъ предоставить этотъ дешевый кусочикъ какому-то родственнику своей жены, которому трудно будетъ найдти другой подобный случай употребить съ такой выгодой свой небольшой капиталъ. Только изъ одной боязни, чтобъ каммергерша въ-самомъ-дѣлѣ не прислала денегъ на выкупъ, а не изъ участія и желанія добра, онъ отсовѣтовалъ ей ѣхать въ Москву. Я узналъ объ этой штукѣ совѣтника очень скоро послѣ твоего отъѣзда, и мнѣ тотчасъ же мелькнула мысль явиться самому на аукціонъ и перекупить деревню у его родственника, кото-

(*) Парижскій ростовщикъ, играющій роль во многихъ повѣстяхъ Бальзака.

рый никакъ не можетъ идти до большой цѣны. Я успѣлъ заложить въ приказъ всю мою недвижимость, и кромѣ того успѣлъ сдѣлать сдѣлку съ однимъ каммергершинымъ кредиторомъ, который далъ мнѣ слово, въ случаѣ если имѣніе останется за мной, не требовать тотчасъ своихъ денегъ, а перевесть ихъ на меня. Правда, что и совсѣмъ тѣмъ мнѣ еще не достаетъ, для полной увѣренности въ успѣхѣ, тысячь десяти; но у меня есть нѣсколько дорогихъ вещей, оставшихся послѣ матери, есть прекрасный кабинетъ минераловъ и библіотека, собранные моимъ отцомъ. Все это я перевезъ сюда въ деревню и хочу заложить одному здѣшнему ростовщику, который, правда, беретъ дьявольскіе проценты, но за то у него всегда полны сундуки золота. Онъ даже смѣло можетъ повѣрить мнѣ нужную сумму на кредитъ, потому-что само имѣніе, которое хочу я купить, тотчасъ дастъ мнѣ средства выручить то, что̀ я ему задолжаю. Такъ дѣйствительно я и хочу сдѣлать, если куплю Болхово, и потомъ передамъ его Наденькѣ, только съ тѣмъ небольшимъ долгомъ, на обезпеченіе котораго не достанетъ моей собственности. Весь прочій долгъ, сдѣланный мной по этому случаю, пусть и остается на мнѣ... Одобряешь ли ты мое предпріятіе?

Я не только одобрялъ его, но почти былъ увѣренъ, что, послѣ такого поступка, каммергерша непремѣнно отдастъ за него свою дочь.

— Я, напротивъ, такъ же какъ и прежде, вовсе въ этомъ неувѣренъ, продолжалъ Владиміръ;—но, доставивъ Наденькѣ средства жить независимо, сдѣлаю по-крайней-мѣрѣ для нея то, что̀ ты хотѣлъ сдѣлать, т. е. избавлю ее отъ необходимости страшнаго самопожертвованія; даже еще больше, потому-что дамъ ей способъ содержать мать и сестру. И ка̀къ буду я счастливъ ужь одной мыслью, что успокоилъ ее, что, не бывъ ея мужемъ, я нашелъ возможность сдѣлаться ея покровителемъ, что всѣмъ она обязана мнѣ одному!.. Понимаешь ли ты ка̀къ увлекательна, ка̀къ отрадна для меня эта мысль?.. Да, она сводитъ меня съ ума, не даетъ мнѣ покою ни днемъ, ни ночью, и я, право, не знаю, что̀ будетъ со мной, если мнѣ не удастся осуществить ее!...

Говоря такимъ образомъ, онъ собиралъ и укладывалъ въ узелъ вещи, которыя хотѣлъ заложить и которыя только наканунѣ успѣлъ привезть изъ деревни. Ему надобно было тотчасъ же видѣться съ ростовщикомъ, и я вызвался ѣхать вмѣстѣ съ нимъ, сколько изъ любопытства, столько и потому, что при денежной сдѣлкѣ думалъ ему пригодиться, какъ свидѣтель и даже, можетъ-быть, какъ поручитель.

Цѣлаго кабинета минераловъ и всей библіотеки намъ, разумѣется, нельзя было взять съ собой; но, для образчика, къ брильянтовому фермуару, къ серьгамъ, жемчугу, золотымъ табакеркамъ и дамскимъ часамъ съ эмалью, товарищъ мой прибавилъ нѣсколько шту-

фовъ; взялъ два или три волюма книгъ, изъ самыхъ дорогихъ французскихъ изданій, и мы отправились.

Коляска наша остановилась передъ огромнымъ каменнымъ домомъ, не щегольскимъ, даже вовсе не красивымъ, и мѣстами отдѣланномъ только вчернѣ, но за то въ полномъ смыслѣ слова *капитальномъ*. Весь квадратный корпусъ его, состоящій изъ четырехъ флигелей, построенныхъ замкомъ и со всѣхъ сторонъ окружающихъ дворъ, былъ занятъ магазинами, лавками, лавочками, лабазами, погребами, мастерскими ремесленниковъ—однимъ словомъ, чѣмъ-нибудь да приносящимъ доходъ; и, казалось, каждый кирпичъ этихъ стѣнъ былъ такъ и кладенъ, чтобъ ему не лежать даромъ, для безполезнаго украшенія, а платить за себя процентъ. У воротъ дома, на досчатой лавочкѣ, сидѣлъ какой-то старикъ, худощавый, дряхлый, съ мутными, впалыми глазами, съ длинной бѣлой, или лучше сказать ужь пожелтѣвшей, бородой. Не смотря на теплую лѣтнюю погоду, на немъ былъ тулупъ, подбитый вытертымъ лисьимъ мѣхомъ и покрытый выношеннымъ синимъ сукномъ; на головѣ его была шапка, также съ мѣховой опушкой, сшитая треухомъ, какія носятъ деревенскіе раскольники. Оперщись обѣими руками на толстую палку и положивъ на руки подбородокъ, старикъ, пригрѣтый солнцемъ, казалось, наслаждался самымъ пріятнымъ отдыхомъ.

—Гдѣ намъ съискать здѣшняго хозяина? спросили мы.

— Я хозяинъ,—сказалъ онъ, медленно приподнимая голову:—что угодно?

Мы выпрыгнули изъ коляски.

— Я имѣю къ вамъ просьбу , сказалъ Владиміръ: — мнѣ нужны деньги.

Старикъ смѣрилъ насъ взглядомъ съ головы до ногъ; потомъ недовѣрчиво посмотрѣлъ вокругъ себя, какъ-бы желая удостовѣриться, нѣтъ ли вблизи кого-нибудь лишняго.

— Развѣ вамъ кто сказалъ, что у меня есть деньги?

Владиміръ назвалъ имя одного изъ городскихъ жителей, который адресовалъ его къ этому богачу въ нищенскомъ платьѣ.

— Если вамъ надобна большая сумма, сказалъ старикъ по минутномъ молчаніи: — у меня нѣтъ ея. Какія у меня деньги!.. Правда, я ссужаю иногда на нужду знакомымъ, по малости; но теперь у меня нѣтъ и того.

— А я было привезъ вамъ показать кое-какія вещи...

Старикъ снова осмотрѣлся кругомъ. Жажда корысти начинала въ немъ брать верхъ надъ обыкновенной робостью и недовѣрчивостью скупца.

— Вещи? какія?

— Золото, жемчугъ, брильянты... Вотъ я сейчасъ покажу вамъ.

При этихъ словахъ мутные глаза ростовщика ожили и загорѣлись.

— Постойте, постойте, сказалъ онъ Владиміру, который хотѣлъ достать изъ коляски узелъ: — здѣсь не мѣсто толковать. Прикажите коляскѣ вашей въѣхать на дворъ и пожалуйте въ домъ ко мнѣ.

Старикъ всталъ и, опираясь на палку, хотя нетвердыми, но довольно скорыми шагами пошелъ впереди насъ, черезъ дворъ, къ самому заднему флигелю, гдѣ онъ занималъ небольшое отдѣленіе, очень похожее, по своей мрачности, толстотѣ сводовъ и стѣнъ и желѣзнымъ рѣшеткамъ въ окнахъ, на самую крѣпкую тюрьму. Наружная дверь, въ которую вошли мы, была обита желѣзомъ. Черезъ маленькую переднюю съ голыми, дубовыми лавками, онъ ввелъ насъ въ свою пріемную, изъ которой дальнѣйшій ходъ во внутренніе комнаты преграждался опять кованой, запертой дверью.

—Вотъ моя келлья, сказалъ старикъ, указывая на голыя стѣны и бѣдный скарбъ своего жилища. — Кажется, здѣсь немного богатства, а все говорятъ, что я мильйонщикъ: откуда мнѣ взять?.. Ну, покажите—ка, что̀ у васъ тамъ такое.

Владиміръ развязалъ узелъ.

Прежде всего бросился въ глаза старику брильянтовый фермуаръ.

— Камушки хороши, сказалъ онъ, повертывая ихъ передъ свѣтомъ и любуясь на ихъ игру: — невелики, но вода чиста... Табакерокъ я не люблю, продолжалъ онъ, пересматривая вещи:—въ нихъ часто работа и живопись, этотъ сущій вздоръ, цѣнится дороже золота; да и стòитъ ли того проклятая трава, чтобъ ее держать въ золотой посудѣ!.. До часовъ также я не охотникъ: вещь ломкая, хрупкая, которая никогда не имѣетъ настоящей цѣны, кромѣ развѣ мастерскихъ часовъ... А! изумрудъ! порядочный камушекъ... Хорошо, кабы, вмѣсто всѣхъ нестòящихъ бездѣлокъ, у васъ было побольше такихъ вещей, какъ вотъ этотъ перстень, эти серьги съ бурмицкими зернами, да вотъ этотъ жемчугъ...

При взглядѣ на каждую вещь, которая имѣла побольше цѣны, глаза старика начинали сверкать алчной радостью, будто глаза волка при взглядѣ на добычу. Особенно долго любовался онъ ниткой жемчуга, не крупнаго, но ровнаго и окатистаго. Онъ пробовалъ на рукѣ его вѣскость, перебралъ нѣсколько разъ всю нитку по зернышку, какъ четки,— и казалось, это занятіе было для него наслажденіемъ самымъ роскошнымъ. Потомъ онъ началъ прикидывать каждую на вѣски, и съ чрезвычайно-быстрымъ соображеніемъ дѣлалъ оцѣнку на счетахъ.

— Какая же сумма нужна вамъ? спросилъ онъ наконецъ.

— Сумма довольно порядочная, сказалъ Владиміръ: — такая, ка-

кой, можетъ-быть, вещи мои и не стоятъ; но у меня есть еще библіотека и кабинетъ минераловъ, которые я также хочу заложить вамъ.

— Кабинетъ минераловъ? Что это такое минералы?

— Штуфы, камни... Чтобъ дать вамъ о нихъ понятіе, я привезъ съ собой нѣсколько образцовъ: вотъ, посмотрите, малахитъ.

— Кромѣ драгоцѣнныхъ камней, я не беру никакихъ, сказалъ старикъ, взвѣшивая на рукѣ тяжесть камня: — и право, не знаю, почемъ за фунтъ продаются малахиты.

— Вотъ довольно рѣдкая окаменѣлость.

Ростовщикъ покачалъ головой:

— Дрянь, которая никуда не годится!

— Ну, вотъ еще золотая руда.

— Вотъ это-таки похоже на что-нибудь; дайте-ко посмотрѣть.

Старикъ, какъ видно любившій золото во всѣхъ видахъ, долго держалъ въ рукахъ кусокъ золотой самородки и съ любопытствомъ глядѣлъ на золотыя жилки, струившіяся по камню красивой, точно нарисованной вѣточкой.

— Такъ вотъ оно какъ родится... Хорошо; жаль только, что тутъ слишкомъ мало золота: я думаю не будетъ и четверти золотника, а остальное все простой голышъ... Вы, кажется, сказали про книги, продолжалъ онъ: — если у васъ есть книги церковныя, печатанныя стариннымъ уставомъ до Никона-патріарха и до Дмитрія-Ростовскаго, я дорого дамъ вамъ за нихъ.

Къ-несчастію, у Владиміра не было ни одной такой книги. Когда онъ объяснилъ, что библіотека его состоитъ, по-большой-части, изъ сочиненій ученыхъ, философическихъ и притомъ иностранныхъ, хозяинъ нашъ плюнулъ и перекрестился крестомъ старообрядца.

— Господи помилуй, сказалъ онъ: — чтобъ я далъ деньги за книги еретическія, которыя надобно сжечь!.. Не нужно мнѣ этой мерзости, такъ же, какъ и вашихъ камней.

— Но вѣдь я не продаю ихъ вамъ, возразилъ Владиміръ: — а только отдаю въ залогъ, и притомъ на самое короткое время. Увѣряю васъ, что моя библіотека и мои камни стоятъ по-крайней-мѣрѣ четыре тысячи; почему жь вамъ не дать мнѣ за нихъ хоть три на какой-нибудь мѣсяцъ?

— Ни трехъ копеекъ! отвѣчалъ рѣшительно ростовщикъ. — Вотъ за эти вещи я дамъ вамъ три тысячи, если только вы согласитесь платить мнѣ по двѣнадцати процентовъ въ мѣсяцъ.

— Вещи мои стоятъ по-крайней-мѣрѣ вдвое дороже, сказалъ Владиміръ горестно.

— Да, если ихъ купить изъ лавки или магазина; но вамъ за нихъ никакъ не дадутъ больше четырехъ тысячь. Въ этомъ повѣрьте старику Опилкину, прибавилъ ростовщикъ, указывая на себя: — безъ

оцѣнки котораго никто въ здѣшнемъ городѣ не покупаетъ драгоцѣнныхъ вещей; и повѣрьте также, что я даю вамъ настоящую цѣну за вашъ закладъ, потому-что мнѣ надобно же чѣмъ-нибудь обезпечить себя въ процентахъ, въ случаѣ, если онъ останется на рукахъ у меня и пролежитъ безъ всякой пользы нѣсколько мѣсяцевъ. Угодно — получайте деньги; нѣтъ—какъ хотите; больше я не могу прибавить ни одной полушки.

— Дьяволъ! подумалъ я.

Между-тѣмъ, Владиміръ все еще надѣялся склонить его въ свою пользу, объяснивъ ему подробности предпринимаемаго оборота, надѣялся его тронуть своими просьбами и убѣжденіями. Онъ разсказалъ, что занимаетъ деньги для покупки имѣнія очень выгоднаго; разсчелъ, что заимодавецъ, ссудившій ему нужную сумму, ни въ какомъ случаѣ не можетъ потерять ее, и прибавилъ наконецъ, что отъ этой покупки зависитъ спокойствіе его цѣлой жизни. Старика, однакожь, ничто не убѣждало и не трогало. Въ этомъ движущемся скелетѣ, казалось, не было никакой другой страсти, кромѣ страсти къ золоту, никакого другаго чувства, кромѣ чувства корысти.

— Я даю деньги только подъ ручные заклады, сказалъ онъ: — а имѣніямъ не вѣрю, особенно такимъ, покупка которыхъ можетъ еще не состояться.

— Если покупка не состоится, сказалъ Владиміръ: — такъ я еще скорѣе возвращу ваши же собственныя деньги.

— А если вы завтра умрете?

— Въ такомъ случаѣ я ручаюсь вамъ за него, подхватилъ я, со всей пылкостью и гордостью молодаго офицера.

— Хорошо. Только чѣмъ вы обезпечите свое поручительство?

— Моей честью.

— Честь, не прогнѣвайтесь, вещь смертная...

Ростовщикъ былъ непоколебимъ, какъ камень. Онъ ни за что въ мірѣ не хотѣлъ отступить отъ правила, разъ имъ принятаго: не входить ни въ какія сдѣлки, которыя бы могли навлечь ему хоть малѣйшія хлопоты,—и мы уѣхали отъ него, ничего не кончивъ.

Положеніе Владиміра было ужасно. Онъ такъ радовался возможности спасти Наденьку, такъ твердо былъ увѣренъ въ успѣхѣ своего предпріятія,—и вдругъ его лучшія мечты, его самыя сладостныя надежды должны были разрушиться отъ одного совершенно-безсознательнаго упрямства скупца, послушнаго только голосу корысти и эгоизма. Все то, что̀ хотѣлъ онъ отдать въ залогъ, навѣрное сто̀яло суммы, которая была нужна ему, и между-тѣмъ онъ не зналъ къ кому обратиться и гдѣ найдти такого добраго человѣка, который, даже не рискуя ничѣмъ, далъ бы ему денегъ взаймы. Первая попытка доказала, что это не такъ легко, какъ сначала воображалъ

онъ. Онъ хотѣлъ, однакожъ, побывать съ своими вещами у другихъ купцовъ, хотѣлъ поискать на свою библіотеку и свои штуфы другаго охотника. Кромѣ того, онъ думалъ еще склонить на такую же сдѣлку, какую успѣлъ уже сдѣлать съ однимъ кредиторомъ каммергерши, другаго ея кредитора, котораго ждали въ городъ съ часу-на-часъ.

IX.

Выигрышъ.

Я также безпрестанно думалъ о томъ, какъ мнѣ съ своей стороны помочь чѣмъ-нибудь ему и Наденькѣ, но не находилъ никакихъ средствъ, или если и находилъ, такъ самыя скудныя. Отецъ мой, желая поддержать вполнѣ выдуманную имъ мистификацію, далъ мнѣ слишкомъ-мало денегъ. Я могъ сдѣлать только одно: продать мой экипажъ и упряжныхъ лошадей, и я тѣмъ смѣлѣе рѣшался на эту продажу, что она должна была послужить самымъ существеннымъ доказательствомъ упадка моихъ обстоятельствъ. Но роковая минута аукціона была ужь слишкомъ близка: до нея оставалось не болѣе сутокъ, а на мой товаръ не выискивалось ни одного покупщика, хоть сколько-нибудь выгоднаго. Дѣла Владиміра тоже не подвигались впередъ. Всѣ другіе купцы давали ему за его вещи не дороже ростовщика, у котораго были мы съ нимъ, а нѣкоторые, въ-самомъ-дѣлѣ, ничего не хотѣли брать безъ его оцѣнки. На его книги и минералы не было охотника въ цѣломъ городѣ. Наконецъ, кредиторъ, на сдѣлку съ которымъ онъ полагалъ теперь всю свою надежду, пріѣхалъ только наканунѣ послѣдняго торга. Намъ дали знать о его пріѣздѣ часа въ четыре послѣ обѣда.

Почти въ то же время я узналъ, что къ намъ въ дивизіонную квартиру пріѣхалъ и мой эскадронный командиръ, ротмистръ, нашъ старинный знакомецъ, который, «по независѣвшимъ отъ него обстоятельствамъ», долженъ былъ выйдти въ отставку. Пріѣздъ ротмистра обрадовалъ меня и даже показался мнѣ добрымъ предзнаменованіемъ. Еще съ первыхъ дней моего прибытія въ полкъ, ротмистръ, бывшій тогда какъ-то въ выигрышѣ, торговалъ у меня мою петербургскую коляску, прельстившую его чистотой работы и прочностью. Теперь это обстоятельство очень кстати пришло мнѣ на мысль и, между-тѣмъ, какъ Владиміръ пошелъ къ кредитору, я отправился къ ротмистру.

Пока я разсказывалъ ему сказку о разстройствѣ дѣлъ моихъ, стараясь свесть разговоръ къ тому, что̀ было мнѣ надо, съ квартирой его поравнялся щегольской дорожный экипажъ, въ которомъ сидѣлъ какой-то молодой человѣкъ.

— Аксентьевъ! закричалъ ему ротмистръ въ окно: — постой на минутку!..

Молодой человѣкъ толкнулъ ямщика, и тотъ остановилъ лошадей подлѣ самаго окошка.

— Bon jour, mon cher. Куда это ты?

— Ѣду къ отцу, отвѣчалъ молодой человѣкъ.

— Давно ты здѣсь?

— Недѣли двѣ.

— Вѣрно все собиралъ деньги, злодѣй!

— Разумѣется.

— Фу, чортъ возьми, какъ ты не лопнешь съ богатства! Пожилъ бы на твоемъ мѣстѣ хоть полгода.

— Нашелъ чему завидовать. Хорошо собирать для себя; а то хлопочи, хлопочи, и потомъ, каждый мѣсяцъ, вези дань отцу, какъ какому-нибудь татарскому хану.

— Ну, по-крайней-мѣрѣ, когда отецъ умретъ, все тебѣ же достанется.

— Однако надобно ѣхать. Adieu, ротмистръ!

— Постой, братецъ, зайди на минутку.

— Право, нельзя.

— Полно, какъ тебѣ не стыдно упрямиться! Не все ли равно: часомъ прежде, часомъ послѣ. Подожди, пока схлынетъ жаръ: тогда ѣхать будетъ лучше; а между-тѣмъ мы напьемся чайку. Какъ знатока во всѣхъ питейныхъ вещахъ, я тебя попотчиваю чуднымъ аракомъ...

И ротмистръ началъ читать извѣстное посланіе партизана-поэта къ Бурцову:

Бурцовъ, ёра, забіяка,
Собутыльникъ дорогой...

Молодой человѣкъ перебилъ его и дочиталъ слѣдующіе два стиха:

Ради рома и арака
Посѣти домишка мой!

— Что съ тобой дѣлать! сказалъ онъ, выходя изъ коляски: — отъ такого уланскаго приглашенія грѣхъ отказаться.

Гость, котораго зазвалъ къ себѣ ротмистръ, былъ молоденькій купчикъ, сынъ мѣстнаго откупщика, мильйонера, державшаго три или четыре смежные города. Получивъ образованіе больше свѣтское, чѣмъ основательное, онъ всѣми силами старался поставить себя на дворянскую ногу и прикрыть свое нефрантовское происхожденіе франтовскими ухватками и одеждой. Платье его всегда было сшито по послѣдней модѣ, волосы завиты, усики расправлены, — и, казалось, дорого бы онъ далъ за то, чтобъ, при этихъ усахъ, надѣть еще уланскій мундиръ, прогремѣть саблей и шпорами. Но такъ-какъ

это желаніе было неудобоисполнимо для него, онъ по-крайней-мѣрѣ утѣшалъ себя тѣмъ, что былъ принятъ въ офицерскомъ кругу какъ товарищъ. Не проходило ни одной офицерской пирушки, на которой не былъ бы онъ; не проходило дня, чтобъ и у него кто-нибудь изъ офицеровъ не пилъ шампанскаго. Онъ игралъ съ ними въ карты, участвовалъ во всѣхъ ихъ шалостяхъ и — все это для того только, чтобъ имѣть право говорить каждому изъ нихъ: *ты*, ходить съ ними рука объ руку по улицѣ, и прослыть въ цѣлой дивизіи *лихимъ малымъ*. Такихъ молодыхъ людей можно найдти много и теперь, а за десять, за пятнадцать лѣтъ ихъ были тысячи.

— Если ты ужь зазвалъ меня, сказалъ онъ, входя въ комнату: — такъ не откажи же въ гостепріимствѣ моимъ лошадямъ и моей шкатулкѣ, т. е. первымъ позволь въѣхать на дворъ, а послѣднюю внесть сюда.

— Сдѣлай милость, братецъ, распоряжайся какъ дома. Да и какой же дуракъ откажется отъ удовольствія принять такую почтенную гостью, какъ твоя шкатулка? я-чай бѣдняжка чуть-чуть не треснетъ отъ толщины. А много ли *итого*-то везешь на поклонъ родителю?

—Тысячь сорокъ, сказалъ молодой человѣкъ такимъ тономъ, какъ-будто онъ везъ четыре рубля.

— Благородный кушъ! Ну, садись же, mon cher, пожалуйста. Скажи, ради Бога, вѣдь мы съ тобой цѣлый вѣкъ не видались, и ты не хотѣлъ удѣлить мнѣ получаса: не безсовѣстный ли? Эй! Сидоровъ! чаю!

— Что̀ за чай въ этакую пору? Ужь коли пить, такъ пить грогъ съ твоимъ аракомъ.

— Charmant! какъ ты уменъ! а мнѣ это не пришло и въ голову.

Въ-минуту стаканы были поданы, и я ужаснулся, замѣтивъ, какую огромную дозу арака ротмистръ налилъ въ стаканъ своего гостя.

— Что́ ты, съ ума сошелъ! сказалъ тотъ.

— Э, полно, милый! давно ли ты сталъ такимъ нѣжнымъ созданіемъ? По нашему пить, такъ пить.

— Стало-быть, выпьемъ и поклянемся, сказалъ молодой человѣкъ смѣясь.

—Разумѣется. Ты видишь, я и себя не обмѣриваю.

Пока они разговаривали такимъ образомъ, приготовляя грогъ, вошелъ еще какой-то отставной офицеръ — одной масти съ ротмистромъ, какъ я узналъ послѣ. При бѣгломъ огнѣ разговоровъ, вовсе для меня незанимательныхъ, попойка пошла въ затяжную; и я, дорожа каждой минутой, въ душѣ проклиналъ этихъ гостей, мѣшавшихъ мнѣ переговорить съ ротмистромъ о продажѣ моей коляски.

— Ну, что̀ же, Вася, сказалъ онъ наконецъ откупщикову сыну, когда замѣтилъ, что пріемъ арака ужь довольно хорошо подѣйствовалъ на его голову:—не кинуть ли тебѣ штосику?

— Нѐкогда, пора ѣхать, отвѣчалъ тотъ.

— Э, что̀ за вздоръ! Право, изъ лихаго товарища ты сталъ какимъ-то кислякомъ. Вѣдь не въ самомъ же дѣлѣ ты ѣдешь къ Татарамъ: авось не отрубятъ головы за просрочку.

Ротмистръ взялъ карты, стасовалъ ихъ со всѣми пріемами мастера, срѣзалъ и сказалъ: «штосъ».

Откупщиковъ сынъ невольно взглянулъ на свою шкатулку. — Понтировать я не стану, сказалъ онъ.

— Ну, мечи ты; для меня все равно.

Неотвязчивостью, умѣньемъ подстрекнуть самолюбіе молодаго человѣка, то похвалой удальству его, то насмѣшкой надъ его упрямствомъ и трусостью, ротмистръ добился наконецъ чего хотѣлъ: откупщиковъ сынъ сдѣлалъ ему банкъ. Сначала игра шла незначительная и довольно-ровная; но мало-по-малу она разгорѣлась, и съ тѣмъ вмѣстѣ счастье замѣтно склонилось на сторону ротмистра. Онъ игралъ какими-то порывами: то уменьшалъ, то увеличивалъ ставку и всегда какъ-будто по вдохновенію, потому-что всѣ большія карты ему выигрывали.

— Не пора ли вамъ отпереть вашу шкатулку? сказалъ онъ, испестривъ почти весь столъ своей запиской: — мнѣ ужь нѐгдѣ писать.

Эта выходка, этотъ вѣжливый тонъ, принятый ротмистромъ съ намѣреніемъ, еще больше разгорячили молодаго игрока, и безъ того начинавшаго терять хладнокровіе. — Стало-быть, вы мнѣ не вѣрите, или не хотите больше играть? спросилъ онъ.

— Напротивъ, очень вѣрю и очень хочу играть; но знаешь, братецъ, когда получишь деньги, такъ пойдетъ совсѣмъ другой разсчетъ въ игрѣ...

—Ну, да; это просто значитъ, что вы хотите удостовѣриться, есть ли со мной то, что̀ я проигрываю. Извольте...

Онъ отперъ шкатулку и кинулъ на столъ огромный пукъ ассигнацій.

— Этого, кажется, будетъ достаточно для расплаты съ вами... Можете ставить даже на все остальное, если только у васъ достанетъ духу и денегъ.

— Къ-чему такъ горячиться? отвѣчалъ ротмистръ холодно.

Послѣ двухъ или трехъ абцуговъ, онъ поставилъ однакожь карту на половину того, что̀ у него было записано.

— Фигура! сказалъ онъ, не открывая ея.

Двѣ фигуры упали направо. Ротмистръ поблѣднѣлъ; третья, ол-

какожь, ему выиграла. У молодаго человѣка задрожали руки: карта шла тысячь на семь.

Я былъ совершенный профанъ въ игрѣ и не имѣлъ къ ней никакого пристрастія. Но эта кипа ассигнацій, лежавшая у меня передъ глазами, эти обстоятельства, которыми былъ я окруженъ и которыя ужь въ-продолженіи нѣсколькихъ дней заставляли меня думать объ однѣхъ только деньгахъ, наконецъ два или три выпитые мной стакана шампанскаго, безпрестанно подаваемаго во время игры, — все это вмѣстѣ взволновало мою кровь, подстрекнуло меня попробовать счастья. Какой славный случай представлялся мнѣ помочь Владиміру и съ тѣмъ вмѣстѣ заслужить благодарность Аннеты; доказать имъ обоимъ, что обѣщаніе мое было не пустыя слова, что я исполняю его при первой возможности! И кàкъ легко было достать здѣсь денегъ, о которыхъ столько хлопотали мы: нѣсколько удачно-выдернутыхъ картъ, нѣсколько минутъ постояннаго счастья, и Наденька спасена, и бѣдный пріятель мой успокоенъ, и самолюбіе мое удовлетворено... Я попросилъ позволенія поставить карту.

— Хоть двѣ, отвѣчалъ банкометъ.

Но увы! счастье было совсѣмъ не такъ благосклонно ко мнѣ, какъ къ ротмистру. Въ двѣ или три таліи я проигралъ все, чтó у меня было въ карманѣ, и предложилъ играть на моихъ лошадей и коляску.

— Играй, сказалъ ротмистръ: — я знаю и то и другое и сейчасъ возьму у тебя все въ той самой цѣнѣ, въ какой онъ проигрываетъ.

Коляскѣ была такая же участь, какъ и моимъ деньгамъ; лошадямъ тоже. Однимъ словомъ, желая помочь пріятелю, я въ одинъ часъ кончилъ дѣла мои такъ, что ужь ровно ничего не могъ для него сдѣлать.

Между-тѣмъ, ротмистръ постоянно выигрывалъ. И кипа денегъ, лежавшая на столѣ, и то, чтò проигралъ я, — все перешло къ нему изъ банка.

— Баста! сказалъ онъ: — я не понтирую больше. А если хочешь, буду метать.

Откупщиковъ сынъ былъ въ значительномъ проигрышѣ. Тоска, раскаяніе, жажда отъигрыша томили его: онъ былъ согласенъ на все. Игра сдѣлалась еще сильнѣе, еще азартнѣе и еще неудачнѣе для него. Молодой человѣкъ горячился, удвоивалъ, утроивалъ ставку, рвалъ понтёрки, бросалъ ихъ подъ столъ, — ничто не помогало: его карты билъ ротмистръ. Онъ проклиналъ весь свѣтъ, себя, свое счастье; на него страшно было смотрѣть.

— Сочтите, сказалъ онъ наконецъ, какъ-бы опомнившись.

Но было ужь поздно: у него не оставалось и четвертой доли того, чтò онъ везъ.

— На, воскликнулъ онъ, поставивъ все на одну карту: — бери последнее!

Ротмистръ очень хладнокровно началъ метать талію,—карта убита.

Несчастный съ ужасомъ отшатнулся отъ стола. — Ты зарѣзалъ меня! сказалъ онъ глухимъ голосомъ: — какъ я теперь покажусь къ отцу?

Будто терзаемый смертными муками, опустился онъ на стулъ. Волосы его всклочились, глаза были мутны и дики, мускулы лица судорожно дергались. У меня готовы были покатиться слезы, и я взялся за фуражку.

—Скажи, пожалуйста, спросилъ ротмистръ съ совершеннымъ равнодушіемъ, и замѣтивъ, что я хочу идти: — правда ли, что завтра будетъ продаваться имѣніе каммергерши?

Я сдѣлалъ утвердительный знакъ. Не понимая еще хорошенько, къ чему клонится его вопросъ, я ужь однако предчувствовалъ въ немъ что-то недоброе.

— Вотъ кстати выигрышъ, продолжалъ онъ: — я думаю, оно пойдетъ не слишкомъ въ дорогой цѣнѣ; а мнѣ ужь давно хочется купить деревеньку. Славно! непремѣнно куплю эту деревню и заживу паномъ... Гм! любопытно мнѣ видѣть, какъ станутъ тогда смотрѣть на меня эти гордыя красавицы и ихъ маменька, которымъ скоро нечего будетъ ѣсть, прибавилъ ротмистръ съ усмѣшкой и какъ-бы говоря самъ съ собой.

Я никакъ не ожидалъ этой новой непріятности, никакъ не думалъ, что ротмистръ будетъ и даже найдетъ средства мстить Аннетѣ за ея ко мнѣ предпочтеніе. Еще больше, чѣмъ прежде, роптaлъ я на упрямство отца, еще больше проклиналъ мой проигрышъ, и вышелъ отъ ротмистра съ страшной тоской на душѣ.

— Не забудь же завтра поутру прислать лошадей и коляску! кричалъ онъ мнѣ вслѣдъ.

Вмѣстѣ со мной вышелъ и отставной офицеръ, бывшій свидѣтелемъ игры.

— Ну, славно ротмистръ ощипалъ гуська! сказалъ онъ, когда мы прошли шаговъ сто.

— Дьявольское счастье, отвѣчалъ я, думая о его еще больше для меня дьявольскомъ замыслѣ.

Офицеръ захохоталъ. — Еслибъ вы играли такъ же, какъ онъ, я думаю, и вамъ было бы точно такое же счастье, которое выгоняетъ людей изъ службы.

Я смотрѣлъ на него, не понимая, что онъ хочетъ сказать.

— Не-уже-ли же вы не могли догадаться, что онъ бралъ деньги даромъ? Онъ металъ навѣрное.

— И вы видѣли это и молчали! вскричалъ я, остановившись середи улицы.

— Вотъ забавно! не-уже-ли же вывесть на сцену товарища передъ какимъ-нибудь купчишкой, отецъ котораго сидитъ по горло въ червонцахъ? Что я не былъ въ долѣ, въ этомъ вы можете быть увѣрены, потому-что въ такомъ случаѣ я никакъ не сказалъ бы того, что̀ теперь говорю. А мѣшаться въ чужія дѣла какая мнѣ надобность! Да и что̀ же за важность, что дурака объиграли навѣрное: не онъ первый, не онъ и послѣдній! Повѣрьте мнѣ, когда вы побольше поживете въ свѣтѣ и потретесь между людей, сами будете смотрѣть на эти вещи сквозь пальцы.

— Всякій думаетъ по-своему, сказалъ я. Не знаю, что̀ будетъ со мной впередъ, но по-крайней-мѣрѣ теперь я не позволю при себѣ ни съ кѣмъ поступать такъ, и сейчасъ же иду къ ротмистру съ тѣмъ, чтобъ заставить его возвратить выигранныя деньги.

Офицеръ остановилъ меня.—Сумасшествіе! сказалъ онъ.—Не-ужьто вы не понимаете, что теперь ужь невозможно поправить дѣла? Вы только одурачите себя, впутаете обоихъ насъ въ исторію и ничему не пособите. Подумаютъ еще, что все это затѣяли вы изъ своей коляски. Но вы проиграли ее не ротмистру, проиграли на счастье; слѣдовательно, для васъ все равно, у того или у другаго она осталась.

Одумавшись хорошенько, я въ-самомъ-дѣлѣ согласился наконецъ, что по-крайней-мѣрѣ въ настоящую минуту офицеръ судитъ справедливо. Но я никакъ не могъ простить ему его преступнаго равнодушія во время игры; и пока мы шли вмѣстѣ, я продолжалъ упрекать его за̀ то, что онъ не остановилъ ротмистра. Онъ только смѣялся надо мной.

X.

Кража.

Когда я пришелъ домой, были ужь сумерки. Владиміръ давно возвратился и ждалъ меня съ нетерпѣніемъ. Его лицо не предвѣщало добра.

Въ-самомъ-дѣлѣ, кредиторъ не соглашался ни на какую сдѣлку, ни на какую отсрочку. Онъ ссылался на то, что ему нужны деньги; но Владиміръ подозрѣвалъ, что онъ самъ хочетъ торговаться на имѣніе.

Я разсказалъ ему, въ свою очередь, мой подвигъ, и сообщилъ замыслъ ротмистра.

— Часъ-отъ-часу хуже! воскликнулъ онъ.—Ни откуда помощи и только со всѣхъ сторонъ гроза! Какъ-нарочно являются все новые

покупатели, и то, что̀ каждый изъ насъ думаетъ купить дешево, непремѣнно пойдетъ въ дорогой цѣнѣ. Теперь мнѣ надобно еще больше денегъ, чѣмъ предполагалъ я: иначе меня отобьютъ, вырвутъ у меня изъ рукъ добычу, которая такъ дорога мнѣ.

Тутъ я вспомнилъ одно обстоятельство, о которомъ только въ тотъ день узналъ.

— Да, сказалъ *я*, развѣ ты не знаешь, что при покупкѣ имѣнія съ аукціона надобно внесть только третью часть денегъ, а въ остальныхъ дается отсрочка на нѣсколько времени?

— Очень хорошо знаю; но какая жь мнѣ изъ того польза? Ты ужь можешь видѣть по теперешнему ходу дѣлъ, что до-тѣхъ-поръ, пока имѣніе не будетъ въ рукахъ у меня и я не получу права располагать имъ какъ собственностью, кредитъ мой нисколько не возвысится. Правда, я буду имѣть время снестись съ моими знакомыми; но богатыхъ пріятелей нѣтъ у меня, а бѣдные все-таки не въ силахъ будутъ помочь мнѣ. Однимъ словомъ, со мной опять повторится теперешняя исторія: мнѣ опять никто не дастъ денегъ, и въ то время, когда предпріятіе мое сдѣлается извѣстнымъ, мнѣ еще больнѣе будетъ отступиться отъ него. Даже сама каммергерша, воспользовавшись этой оттяжкой, легко можетъ разрушить всѣ мои планы. Она тотчасъ же поскачетъ въ Москву, нарочно поспѣшитъ продать тамъ Наденьку, для того только, чтобъ заставить меня отъ всего отказаться,—и тогда дѣйствительно къ-чему послужитъ мнѣ моя покупка?.. Нѣтъ, нѣтъ, это дѣло надобно кончить однимъ разомъ, вдругъ, такъ чтобъ камемргершѣ не осталось никакой возможности поправить его, или ужь вовсе не начинать.

Говоря эти слова, онъ ходилъ большими шагами по комнатѣ; потомъ вдругъ проворно взялся за шляпу.

— Куда ты? спросилъ я.

— Хочу испытать послѣднее средство, хочу сдѣлать все, что̀ только отъ меня зависитъ, чтобъ послѣ не упрекать себя. Пойду опять къ старому скрягѣ, у котораго мы съ тобой были; стану снова просить, умолять его, отдамъ ему въ залогъ самого-себя, отдамъ ему, какъ Шейлоку, кусокъ моего мяса, если онъ хочетъ... Авось мнѣ удастся какъ-нибудь тронуть его каменное сердце.

И теперь, какъ въ первое наше посѣщеніе, я хотѣлъ идти къ ростовщику вмѣстѣ съ Владиміромъ; но на этотъ разъ онъ остановилъ меня.

— Нѣтъ, сказалъ онъ:—зачѣмъ же тебѣ быть свидѣтелемъ моихъ просьбъ, моего униженія, которое необходимо теперь? При тебѣ, я, можетъ-статься, буду гордъ больше, чѣмъ надобно, и твое присутствіе будетъ только мнѣ въ тягость. Боже великій! прибавилъ онъ, выходя изъ комнаты:—думалъ ли я, чтобъ все счастье моей жизни,

чтобъ самое мое душевное спокойствіе могло когда-нибудь зависѣть отъ денегъ?..

Во все время владимірова отсутствія, я самъ былъ нисколько не спокойнѣе его. Неудачная попытка моя на выигрышъ тѣмъ больше мучила меня, что съ самаго моего пріѣзда изъ отпуска, я началъ замѣчать въ Аннетѣ какую-то странную перемѣну. Обращеніе ея со мной сдѣлалось не такъ нѣжно, даже нѣсколько сухо. Она какъ-будто сердилась на меня за то, что свадьба наша отсрочена, какъ-будто думала, что я не умѣлъ или не хотѣлъ убѣдить отца моего. Чего не далъ бы я, чтобъ снова доказать ей мою любовь! Но какъ и чѣмъ, когда я даже не имѣлъ средствъ отвратить самую разлуку нашу, которая неминуемо грозила намъ въ такомъ случаѣ, еслибъ имѣніе каммергерши перешло въ постороннія руки и она должна бы была оставить его? Всѣ надежды мои, въ эту минуту, основывались на невѣрномъ, шаткомъ предпріятіи Владиміра, потому-что одинъ только успѣхъ въ задуманномъ имъ дѣлѣ могъ еще удержать Аннету вблизи ко мнѣ. Я ждалъ его съ самымъ живымъ нетерпѣніемъ.

Чрезъ часъ онъ возвратился, блѣдный, запыхавшійся. Онъ почти бѣгомъ вбѣжалъ ко мнѣ въ комнату и заперъ за собою дверь. Прежняго унынія въ немъ ужь не было; но въ лицѣ, въ глазахъ, во всѣхъ его движеніяхъ была замѣтна такая мудреная живость, такое сильное волненіе, что я испугался и ждалъ чего-то необыкновеннаго.

— Вотъ деньги, о которыхъ столько хлопоталъ я, сказалъ онъ, бросивъ на столъ пукъ ассигнацій.—Здѣсь, я думаю, будетъ то, что мнѣ надобно.

Я не вѣрилъ глазамъ.

— Не-ужь-то ты въ-самомъ-дѣлѣ умѣлъ тронуть стараго скрягу? воскликнулъ я съ изумленіемъ.—Невозможно! Гдѣ и какъ взялъ ты эти деньги?

— *Гдѣ* взялъ я ихъ—на это немудрено отвѣчать, потому-что онѣ взяты именно у старика, къ которому я ходилъ; но *какъ* я ихъ взялъ—это надобно разсказать подробнѣе. Выслушай меня, и суди, виноватъ ли я передъ нимъ.

Владиміръ сѣлъ, чтобъ перевести духъ отъ усталости и волненія.

— Только въ то время, когда я вышелъ отсюда на улицу, сказалъ онъ:—я подумалъ о томъ, что на дворѣ довольно ужь поздно и что въ такую пору старикъ легко можетъ лечь спать. Эта мысль заставила меня бѣжать опрометью до самаго мѣста. Къ-счастью, когда я пришелъ туда, ворота этого дома, очень похожаго на крѣпость, въ которую трудно войдти, были еще отворены. Въ нихъ въѣзжали возы съ какимъ-то товаромъ, который складывали на дворѣ. Когда я спросилъ у людей, хлопотавшихъ около возовъ, о хозяинѣ дома, мнѣ

сказали, что онъ небольше какъ съ четверть часа откуда-то возвратился, и по-этому вѣроятно еще не спитъ. Съ замирающимъ сердцемъ приближался я къ его жилищу. Хочу стучаться, но, тронувъ дверь, не вѣрю себѣ, потому-что она при первомъ моемъ усилiи отворилась. Передняя этой тюрьмы тускло озарялась сальнымъ огаркомъ, горѣвшимъ въ желѣзномъ подсвѣчникѣ; въ ней, растянувшись на лавкѣ, храпѣлъ единственный, бородатый слуга старика. Прохожу прямо въ другую комнату,—тамъ нѣтъ никого, нѣтъ даже свѣчи; но, при слабомъ свѣтѣ сумерекъ, я замѣтилъ на столѣ приготовленный скудный ужинъ, а отблескъ огня, проникающiй сквозь неплотно-притворенную дверь слѣдующей комнаты, давалъ мнѣ знать, что хозяинъ былъ тамъ. Удивленный тѣмъ, что довольно-громкiе шаги мои не вызываютъ его, томимый безпокойствомъ и нетерпѣнiемъ, я рѣшился заглянуть къ нему, и — никогда я не ожидалъ увидѣть въ такой конурѣ столько богатства!.. Представь себѣ довольно-большую комнату, наполненную золотомъ, серебромъ, разной дорогой утварью; на стѣнахъ цѣлый рядъ старинныхъ иконъ, въ горящихъ, какъ жаръ, окладахъ; на полу и на полкахъ цѣлыя груды драгоцѣнныхъ вещей, серебряныхъ чашъ и мисъ, золотыхъ стопъ и кубковъ. Направо, въ углу, подлѣ открытаго желѣзнаго сундука, сидѣлъ обладатель этихъ сокровищъ, безмолвный, неподвижный, склонившись головою на столъ, заваленный и монетами и ассигнацiями—однимъ словомъ, деньгами во всѣхъ ихъ видахъ. Сначала я вообразилъ, что старикъ умеръ; но онъ дышалъ, и я понялъ наконецъ настоящую причину его безчувственности: возвратившись домой, онъ вѣроятно принесъ какiя-нибудь вещи или деньги; не принимаясь еще за ужинъ, хотѣлъ, можетъ-быть, спрятать ихъ, но, отперевъ сундукъ, увлекся страстью къ своему идолу, залюбовался, засмотрѣлся на свое богатство и, утомленный ходьбой, нечувствительно заснулъ надъ нимъ... Что было мнѣ дѣлать? Разбудить скупца надъ его золотомъ, показать ему, что я засталъ его врасплохъ, посреди его капища, въ которое онъ вѣрно не допускалъ никого, значило бы испугать его, взбѣсить, привесть въ отчаянiе—короче, испортить все. Я хотѣлъ ужь возвратиться въ переднюю и, разбудивъ слугу, послать его сказать обо мнѣ, какъ вдругъ меня остановила внезапная мысль: «Не безумно ли съ моей стороны надѣяться на щедрость этого кащея, видѣвъ ужь разъ его ледяную холодность, его каменную безчувственность? Точно также и теперь онъ будетъ глухъ ко всѣмъ моимъ просьбамъ, недовѣрчивъ ко всѣмъ моимъ клятвамъ и увѣренiямъ. И между-тѣмъ, эти деньги, которыя такъ нужны мнѣ, а для него такъ ничтожны, пролежатъ въ его сундукѣ безъ всякой пользы. Онъ не дастъ ихъ отъ одной только скупости, отъ пустой боязни потерять ихъ. Воспользовавшись теперешнимъ случаемъ, я могу взять безъ его

вѣдома то, что̀ мнѣ нужно; а послѣ, когда кончу мой оборотъ, возвращу ему этотъ своевольный заемъ съ благодарностью, со всѣми процентами, какіе самъ бы онъ назначилъ?» Такъ думалъ я, и такому своеволію бѣдственныя мои обстоятельства придавали видъ безгрѣшности. Нѣсколько минутъ я колебался; но боязнь отказа почти несомнѣннаго, крайность моего положенія и наконецъ самый случай этотъ, который судьба какъ-будто нарочно посылала мнѣ въ послѣднюю, рѣшительную минуту, заставили меня привесть въ исполненіе то, что̀ я задумалъ... Когда однакожь подошелъ я къ столу, вся кровь бросилась мнѣ въ голову, въ ушахъ у меня зазвенѣло... Старикъ все спалъ тѣмъ же мертвымъ сномъ; въ передней слуга храпѣлъ по-прежнему. Я взялъ первую попавшуюся мнѣ пачку ассигнацій и вышелъ отъ ростовщика такъ же незамѣтно, какъ и вошелъ. Со всѣмъ тѣмъ, проходя черезъ дворъ, я трепеталъ какъ преступникъ и безпрестанно озирался назадъ. Какъ преступникъ боялся я, чтобъ меня не догнали, не задержали; но въ воротахъ все еще стояли возы; меня никто не преслѣдовалъ, никто не остановилъ,—и когда я былъ ужь на улицѣ, мнѣ стало легче... А теперь, когда тайна моя стала извѣстна тебѣ, когда наконецъ есть свидѣтель въ томъ, съ какимъ намѣреніемъ взята мной чужая собственность, есть порука въ заемномъ письмѣ, выданномъ моей совѣстью, съ души моей спала новая тяжесть. Впрочемъ, и этого мало для меня: я хочу имѣть еще другаго свидѣтеля и судью моего поступка. Я сейчасъ же напишу обо всемъ къ Наденькѣ, и такимъ образомъ сдѣлаю съ моимъ заимодавцемъ, хоть заочное и неизвѣстное ему, но все-таки *письменное* обязательство.

То, что̀ я слышалъ отъ Владиміра, было для меня такъ неожиданно, что въ-продолженіи нѣсколькихъ минутъ я не умѣлъ порядочно ничего сообразить и обдумать. Я даже не зналъ, ка̀къ назвать его поступокъ, и только замѣтилъ ему, что о пропавшихъ деньгахъ, вѣроятно, будетъ подано объявленіе завтра же, и что подозрѣніе можетъ пасть на него прежде, чѣмъ онъ успѣетъ ихъ возвратить.

— Почему же пріидетъ кому-нибудь въ голову подозрѣвать меня? возразилъ онъ.—Когда я шелъ къ ростовщику, на дворѣ ужь темнѣло; люди, которыхъ я о немъ спрашивалъ, были довольно-далеко отъ меня и притомъ такъ озабочены своимъ дѣломъ, что никакъ не могли ни разсмотрѣть моего лица, ни даже обратить на меня особеннаго вниманія. Когда я шелъ назадъ, меня и подавно никто не замѣтилъ. Съ этой стороны я спокоенъ.

— Ну, а если за тебя обвинятъ другаго, невиннаго?

— Тогда я напишу къ моему заимодавцу безъименное письмо, которымъ объясню ему, что деньги его не украдены и будутъ возвра-

щены въ совершенной цѣлости. Я даже хочу успокоить его такимъ письмомъ во всякомъ случаѣ, и непремѣнно сдѣлаю это тотчасъ же, какъ только имѣніе утвердится за Паденькой.

Владиміръ сѣлъ писать къ ней; а я все еще не зналъ, какъ должно судить о его поступкѣ...

XI.

Аукціонъ.

Во всю эту ночь ни Владиміръ, ни я не смыкали глазъ. Впечатлѣнія прошедшаго вечера были слишкомъ-сильны; ожиданія наступающаго дня слишкомъ-тревожны. Прежде всего мнѣ любопытно было узнать, что̀ говорятъ о случившейся наканунѣ пропажѣ, слухъ о которой, по ея значительности и небольшому объему губернскаго городка, непремѣнно долженъ былъ разнестись очень скоро, особливо между купцами. Съ самаго ранняго утра я отправился въ гостиный дворъ, заходилъ во всѣ значительныя лавки и магазины, и, пересматривая товары, нарочно вступалъ въ разговоръ съ хозяевами и сидѣльцами; но, къ удивленію моему, никто изъ нихъ, казалось, не имѣлъ и малѣйшаго свѣдѣнія о томъ, что̀ меня тревожило. Даже въ самомъ домѣ ростовщика, наполненномъ множествомъ народа и различныхъ торговыхъ помѣщеній, было такъ тихо и спокойно, какъ-будто ничего не случилось. Я узналъ только, что самого хозяина видѣли; что онъ, ужь съ часъ, куда-то ушелъ; но больше о немъ не разсказывали никакихъ новостей. Успокоенный нѣсколько тѣмъ, что происшествіе нигдѣ еще не разгласилось, я пошелъ наконецъ въ губернское правленіе. До аукціона оставалось немного времени, и я хотѣлъ непремѣнно быть свидѣтелемъ этой слишкомъ для меня любопытной продажи.

Всѣ чиновники и покупатели давно ужь собрались. Самъ губернаторъ былъ въ присутствіи; но и здѣсь, въ этомъ средоточіи дѣлъ и властей, куда безпрестанно то за тѣмъ, то за другимъ приходили члены другихъ присутственныхъ мѣстъ, чиновники магистрата и полиціи,—тоже не было никакихъ слуховъ и толковъ о вчерашнемъ похищеніи. Не зная чему приписать такое равнодушіе старика къ пропавшимъ у него деньгамъ, я готовъ былъ думать, что онъ наконецъ потерялъ въ нихъ счетъ. Владиміру, казалось, нѣчего было бояться и тѣни подозрѣнія.

И вотъ наконецъ часы пробили двѣнадцать. Двери присутственной палаты растворились; покупателей вызвали по списку, и роковой молотокъ поднялся.

Владиміръ былъ блѣденъ какъ смерть; духъ занимался въ груди его, — и чудно ли? Онъ покупалъ съ молотка не имѣніе, а свободу той, которая была для него дороже всѣхъ сокровищъ въ мірѣ; за рубли и копейки онъ выторговывалъ себѣ право безгрѣшно любить ее во всю жизнь, откупался деньгами отъ мукъ ревности, отъ тоски и отчаянія, отъ всѣхъ терзаній, которыми грозило ему и ей ея продажное замужство!.. Такой торгъ, разумѣется, не могъ быть продолжителенъ: на каждый рубль противника онъ набавлялъ тысячу, и скоро родственникъ совѣтника и кредиторъ каммергерши, въ-самомъ-дѣлѣ думавшіе купить имѣніе за полцѣны, отступились. На сценѣ остались только Владиміръ да ротмистръ.

Чтобъ имѣть возможность передать имѣніе Наденькѣ, безъ всякаго нареканія ей, пріятель мой торговался не отъ себя собственно, но прямо отъ ея имени. Каждый думалъ, какъ ему и хотѣлось, что онъ только повѣренный каммергерши, и поэтому каждый, желая ему успѣха, нисколько не дивился тому, что онъ такъ горячо наноситъ цѣну. На ротмистра многіе негодовали напротивъ за то упрямство, съ которымъ хотѣлъ онъ отбить у бѣдной старухи и ея дочерей послѣднее ихъ пристанище и лишить ихъ послѣдняго способа какъ-нибудь поправить дѣла. Дѣйствительно, легко-доставшіяся деньги и желаніе мести, очень хорошо мнѣ извѣстное, заставляли его биться до послѣдней возможности. Ужь торгъ дошелъ до такой точки, что малѣйшая передача съ той или другой стороны могла сдѣлать покупку слишкомъ-безвыгодной для ротмистра, а для Владиміра снова недоступной, по недостатку средствъ. Оба противника видѣли свое положеніе, оба они сдѣлались медленнѣе, осторожнѣе, какъ бойцы, уже истощившіе свои силы. Вмѣсто тысячь, они прибавляли только сотни, вмѣсто сотень рубли — и между-тѣмъ все еще бились. Наконецъ Владиміръ рѣшился однимъ ударомъ кончить эту борьбу, слишкомъ для него томительную. Въ послѣдній разъ онъ нанесъ опять вдругъ довольно-значительный кушъ, и съ какимъ-то предсмертнымъ ужасомъ ждалъ рѣшенія судьбы своей: всѣ его средства были истощены, дальше онъ не могъ торговаться...

Ротмистру также нельзя было ничего прибавить, безъ особенныхъ личныхъ видовъ и безъ явнаго убытка; но онъ еще колебался. Послѣ своего выигрыша, онъ легко могъ бросить, по капризу, нѣсколько тысячь даромъ—и тогда все было бы для насъ потеряно. Мы смотрѣли на него какъ на судью, въ рукахъ котораго былъ приговоръ нашъ, и который медлитъ произносить его; ротмистръ видѣлъ это и какъ-будто нарочно томилъ насъ... Однакожь денежные разсчеты взяли въ немъ верхъ надъ всѣми другими страстями: роковая минута прошла въ молчаніи, онъ ничего не прибавилъ,—и покупка осталась за Владиміромъ.

Не помня себя отъ радости, побѣжалъ онъ разсчитываться къ казначейскому столу. Желаніе его исполнилось, онъ достигъ наконецъ своей цѣли... Но ротмистръ тайно за нимъ слѣдовалъ, и когда Владиміръ началъ отсчитывать деньги бухгалтеру, ротмистръ, взглянувъ на ассигнаціи, отвелъ его въ сторону и сказалъ:

— Молодой человѣкъ, гдѣ взяли вы эти деньги? Вчера вечеромъ онѣ украдены у здѣшняго купца. Вотъ ихъ нумерація.

Дѣйствительно, нумерація была точна и вѣрна какъ-нельзя-больше. Наканунѣ, передъ приходомъ Владиміра, старикъ только-что возвратился отъ одного своего должника, отъ котораго принялъ по нумераціи деньги, попавшіяся несчастному моему пріятелю. Не умѣя никакъ придумать, кто бы могъ похитить ихъ и не подозрѣвая никого въ особенности, онъ разсчелъ, что ему безполезно будетъ поднимать въ городѣ тревогу открытыми разсказами, которые только могли напугать вора и сдѣлать его болѣе-осторожнымъ; онъ рѣшился безъ всякаго шума разнесть нумерацію въ мѣняльныя и другія значительныя лавки, къ богатымъ купцамъ и капиталистамъ, и въ томъ числѣ далъ такую же нумерацію ротмистру, какъ извѣстному игроку. Принявъ эти мѣры, хитрый старикъ рѣшился подождать нѣсколько дней, не попадется ли какъ-нибудь самъ похититель, — и какъ разсчитывалъ онъ, такъ и случилось. Улика была ясна. Владиміръ не могъ, да и не хотѣлъ запираться. Вмѣсто всякаго оправданія, онъ просилъ только ротмистра выслушать его безъ свидѣтелей.

Со всѣмъ жаромъ человѣка, потрясеннаго до глубины души своимъ страшнымъ униженіемъ, со всей откровенностью описалъ онъ ему несчастную любовь свою, разсказалъ всѣ обстоятельства, заставившія его рѣшиться на такой поступокъ, объяснилъ съ какимъ намѣреніемъ взялъ онъ деньги, и въ доказательство справедливости словъ своихъ сослался на меня и Наденьку, которая могла оправдать его собственнымъ его же письмомъ.

Ротмистру никакого дѣла не было до поступка Владиміра. Онъ видѣлъ въ этомъ замѣшательствѣ собственную свою выгоду и обѣщалъ моему несчастному товарищу молчать, если тотъ дастъ ему слово — навсегда отказаться отъ имѣнія и объявить въ присутствіи, что какъ у него будто-бы не достаетъ нѣсколькихъ тысячь, то онъ и уступаетъ имѣніе ротмистру.

Владиміръ согласился и отдалъ ему деньги для передачи ростовщику. Голова у него кружилась; онъ едва могъ держаться на ногахъ и вышелъ на улицу, опираясь на мою руку.

Ротмистра всѣ поздравляли, и никто не имѣлъ права гласно

сказать ему обиднаго слова, никто не могъ запятнать его именемъ грабителя, — даже самъ я, очень хорошо знавшій, что наканунѣ онъ такъ подло обобралъ молодаго человѣка!..

XII.

Разочарованіе.

Не прежде, какъ на другой день послѣ этого происшествія, рѣшился я идти къ каммергершѣ. Мнѣ нетерпѣливо хотѣлось узнать, ка̀къ приняла Аннета вѣсть о покупкѣ ихъ имѣнія ротмистромъ, хотѣлось узнать и то, ка̀къ и куда думала теперь переселиться каммергерша; и между-тѣмъ, послѣ несчастной исторіи Владиміра, послѣ такого жалкаго и конечнаго разрушенія всѣхъ нашихъ плановъ и замысловъ, мнѣ было совѣстно показаться въ домѣ моей невѣсты. Впрочемъ, не чувствуя себя ни въ чемъ передъ ней виноватымъ, кромѣ развѣ слишкомъ-сильной любви къ ней, я боялся упрековъ не съ ея стороны, а со стороны ея матери.

Приходъ мой, какъ приходъ человѣка слишкомъ-знакомаго, не обратилъ на меня никакого вниманія каммергершиныхъ людей. Я вошелъ безъ доклада прямо въ гостиную и невольно сдѣлался свидѣтелемъ довольно-жаркой семейной сцены, которая происходила въ сосѣдней комнатѣ: каммергерша жестоко бранила свою старшую дочь за ея упрямство и непослушаніе, за то, что она и теперь не хотѣла измѣнить своей привязанности къ человѣку, запятнавшему себя самымъ низкимъ поступкомъ. Наденька плакала, но рѣшительнѣе и тверже, чѣмъ когда-нибудь, защищала себя, Владиміра и свою любовь.

— Маменька, говорила она: — будьте справедливы и не требуйте, чтобъ я сдѣлалась чудовищемъ неблагодарности. Не для меня ли одной рѣшился онъ на этотъ отчаянный поступокъ? не изъ одной ли любви ко мнѣ пожертвовалъ своимъ добрымъ именемъ, честью, всѣмъ, что̀ только было у него въ виду въ его еще начинающейся жизни? Ка̀къ же вы хотите, чтобъ я заплатила ему за такую жертву холодностью и презрѣніемъ?.. Это невозможно! Прежде я считала обязанностью повиноваться вамъ однѣмъ, теперь я должна повиноваться и голосу собственной совѣсти, которая убьетъ меня, если я откажусь отъ несчастнаго, потерявшаго все въ мірѣ, кромѣ моей любви. Я не должна принадлежать никому, кромѣ его; я обязана хоть моими ласками и попеченіями усладить жизнь его, такъ горько отравленную, и, мнѣ кажется, чѣмъ хуже будетъ его участь, чѣмъ дороже заплатитъ онъ за свой поступокъ, тѣмъ священнѣе должна быть для меня эта обязанность...

Каммергерша безпрестанно перебивала слова ея своими восклицаніями, и никакъ не хотѣла слышать, чтобъ она отказала жениху, достойному ея по своему званію и богатству, для человѣка съ такимъ пятномъ на его имени... По-временамъ слышалъ я и голосъ Аннеты; но она держала неутралитетъ между сестрой и матерью и вмѣшивалась въ разговоръ для того только, чтобъ скорѣй прекратить ссору.

Мнѣ казалось неловкимъ войдти во время этой сцены и показать, что я ее слышалъ. Съ полчаса стоялъ я въ гостиной, какъ на иголкахъ, и только въ то время вышелъ изъ засады, когда каммергерша выпила нѣсколько стакановъ воды, и споръ ея съ дочерью совершенно утихъ.

— Ахъ, какъ вы подкрались! воскликнула каммергерша: — вы вѣрно давно у насъ, а намъ и не скажутъ.

— Сейчасъ вошелъ...

— Какъ же это мы не слыхали, какъ вы подъѣхали?

— Я... пришелъ пѣшкомъ, сказалъ я нѣсколько смѣшавшись.

—Да, я и забыла, что у васъ нѣтъ ужь вашей коляски, проворчала она съ неудовольствіемъ. — Говорятъ, вы не слишкомъ-то счастливо попробовали поиграть въ карты?

— По-крайней-мѣрѣ я началъ играть съ добрымъ намѣреніемъ, отвѣчалъ я. — Мнѣ хотѣлось выиграть для того только, чтобъ помочь одному семейству, имѣющему надобность въ деньгахъ.

—Каждый разъ, когда вы хотите помочь кому-нибудь, вамъ какъ-то это не удается, замѣтила Аннета насмѣшливо. — Вѣрно отъ-того, что желаніе ваше не искренно...

Уколотый этимъ замѣчаніемъ еще больнѣе, чѣмъ замѣчаніемъ ея матери, я хотѣлъ спросить ее, почему она сомнѣвается въ искренности моихъ чувствъ, хотѣлъ при первомъ же удобномъ случаѣ потребовать наконецъ отъ нея объясненія въ ея странныхъ со мной поступкахъ; но въ эту минуту доложили о пріѣздѣ ротмистра, съ громомъ подкатившагося къ крыльцу въ моей коляскѣ. Онъ вошелъ съ довольнымъ, торжествующимъ видомъ.

— Вамъ извѣстно, сказалъ онъ каммергершѣ, почти съ перваго слова:—что случай сдѣлалъ меня владѣльцемъ вашего имѣнія. Я хочу немедленно приступить тамъ къ моимъ собственнымъ распоряженіямъ и нарочно заѣхалъ предупредить васъ объ этомъ, чтобъ не сдѣлать вамъ какой-нибудь хоть и неумышленной непріятности.

Тонъ, какимъ были сказаны эти слова, и взглядъ, который сопровождалъ ихъ, ясно обличали, что ротмистръ заѣхалъ къ каммергершѣ не столько изъ вѣжливости, сколько изъ тщеславнаго желанія показать ей и ея дочерямъ, что онѣ теперь въ рукахъ у него.

— А я думала, сказала каммергерша, все-еще нетерявшая своей

отчаянной самоувѣренности въ томъ, что каждый обязанъ уважать ее и дѣлать для нея всякое угожденіе: — а я думала, что вы, какъ хорошій нашъ знакомый, вовсе не захотите воспользоваться этой покупкой и уступите ее намъ обратно, —тѣмъ болѣе, что имѣніе доведено до продажи самымъ низкимъ обманомъ, и что я непремѣнно надѣюсь достать денегъ на его выкупъ.

— О, ротмистръ вѣрно будетъ столько добръ, что сдѣлаетъ для насъ все возможное! подхватила Аннета прежде, чѣмъ онъ успѣлъ отвѣчать, и бросила на него такой взглядъ, отъ котораго вся кровь закипѣла во мнѣ. Это былъ одинъ изъ тѣхъ чудныхъ взглядовъ, которыми она такъ часто говорила со мной, которыми такъ хорошо умѣла передавать всѣ чувства души своей, которые, какъ думалъ я прежде, были у нея только для меня одного. Самыя слова ея, обращенныя къ ротмистру, показались мнѣ слишкомъ-дружескими, тонъ голоса слишкомъ-нѣжнымъ.

И въ-самомъ-дѣлѣ, этотъ волшебный взглядъ, этотъ проникающій до души голосъ Аннеты произвели чудную перемѣну въ обращеніи ротмистра. Наглость и насмѣшка исчезли съ лица его, и ужь онъ не хотѣлъ прямо, на-отрѣзъ, отказать каммергершѣ въ томъ, въ чемъ навѣрное отказалъ бы ей за минуту назадъ съ самымъ язвительнымъ сожалѣніемъ. Не обѣщая ничего утвердительно, онъ сказалъ однакожь, что черезъ нѣсколько дней дастъ отвѣтъ, который, при малѣйшей возможности, постарается сдѣлать сходнымъ съ желаніемъ почтенныхъ хозяекъ купленнаго имъ имѣнія.

Послѣ такой снисходительности съ его стороны, я замѣтилъ, что съ нимъ и мать и дочь сдѣлались гораздо ласковѣе и дружелюбнѣе, чѣмъ бывали прежде. Каммергерша осыпала его похвалами за его доброту, честность, благородный образъ мыслей; Аннета занималась только имъ однимъ — и я былъ оставленъ, забытъ совершенно. Напрасно выжидалъ я свободной минуты поговорить съ ней, напрасно думалъ, что она и сама желаетъ многое мнѣ высказать, — она вовсе не замѣчала ни моей грусти, ни моего нетерпѣнія. Ротмистра оставили обѣдать. Я остался самъ, неприглашенный, по какому-то неизъяснимому чувству, которое удерживало меня, заставляло быть свидѣтелемъ мучительнаго для меня торжества моего соперника. За столомъ мнѣ пришлось играть почти точно такую же роль, какую, за нѣсколько времени назадъ, ротмистръ игралъ на балѣ у предводителя. Веселая, разговорчивая съ нимъ, Аннета не бросила мнѣ ни одного ласковаго слова, ни одного утѣшительнаго взгляда... Ревность закипѣла во мнѣ, и послѣ обѣда я остановилъ ротмистра въ залѣ.

— Вы должны завтра стрѣляться со мной! сказалъ я.

Онъ посмотрѣлъ на меня съ усмѣшкой.

— Позвольте, по-крайней-мѣрѣ, узнать, за что.

— Какая надобность знать вамъ причину. Я требую отъ васъ удовлетворенія, и вы должны его мнѣ сдѣлать; иначе я васъ заставлю насильно принять мой вызовъ: я скажу вамъ въ глаза, при свидѣтеляхъ, что вы объиграли навѣрное откупщикова сына,—что вы... негодяй... Довольно этого для васъ?

— Довольно, довольно, и даже ужь слишкомъ! Вижу, что вамъ очень хочется подраться со мной, и хотя нисколько не обижаюсь вашими словами, какъ пустыми словами придирщика, но не откажусь проучить васъ за нихъ. Часъ и мѣсто?

— Завтра въ шесть часовъ, въ саду воксала.

— Очень хорошо-съ.

Возвратившись домой, я тотчасъ же занялся приготовленіями къ дуэли: вычистилъ пистолеты, пригналъ пули и ужь сѣлъ писать прощальныя письма къ отцу и къ Аннетѣ, какъ вдругъ адъютантъ бригаднаго генерала объявилъ мнѣ, что меня велѣно посадить подъ арестъ за вызовъ на дуэль, и чтобъ я тотчасъ же отправлялся на гауптвахту. Уединеніе, неволя и самая мысль объ этомъ новомъ низкомъ поступкѣ ротмистра, который, вѣроятно, донесъ бригадному командиру о вызовѣ моемъ, какъ о взбалмашной выходкѣ мальчишки, еще больше растерзали мое сердце. Чтобъ облегчить его хоть сколько-нибудь, я рѣшился, вмѣсто прощальнаго письма, написать къ Аннетѣ другое, въ которомъ то упрекалъ ее, то заклиналъ прежней нашей любовью объяснить мнѣ, что̀ значитъ ея холодность, замѣченная мной въ послѣдній разъ, и ея дружеское обращеніе съ ротмистромъ. Я все еще утѣшалъ себя надеждой, что Аннета́ дѣйствовала больше по обстоятельствамъ, по внушенію матери, чѣмъ по собственнымъ чувствамъ. Съ нетерпѣніемъ ждалъ я отвѣта на мое письмо, и вотъ что̀ получилъ въ отвѣтъ:

«После того, какъ вы начали играть въ карты и вмѣшались въ извѣстную вамъ несчастную исторію, маменькѣ угодно, чтобъ я прекратила всѣ сношенія мои съ вами, и она приказала мнѣ извѣстить васъ объ этомъ. Отъ себя, на всѣ ваши вопросы могу только сказать, что я ни въ какомъ случаѣ не рѣшусь выйдти изъ повиновенія къ ней, и даже увѣрена, что сами вы не захотите требовать отъ меня недолжнаго.

А. Б.

Я протиралъ глаза, я думалъ, что все это вижу во снѣ. Въ-самомъ-дѣлѣ, увлеченный любовью къ Аннетѣ, вѣрой въ ея совершенства и добродѣтели, могъ ли я ожидать, что она поступитъ со мной такъ жестоко, такъ несправедливо, что она поставитъ мнѣ же въ вину все то, что̀ я дѣлалъ изъ одной любви къ ней, изъ одного желанія спасти ея сестру?.. Я разорвалъ въ клочки ея записку, одинъ видъ которой приводилъ меня въ содраганіе, сжегъ эти клочки, растопталъ ногами ихъ пепелъ. Жажда мести еще сильнѣе, еще нестерпимѣе начала томить мою душу; она смѣшивалась теперь съ желаніемъ

собственной моей смерти. Я былъ наказанъ арестомъ домашнимъ; онъ не могъ продолжаться больше трехъ дней, и вся цѣль жизни моей, всѣ мои желанія въ эти три дня стремились къ тому только, чтобъ въ первую же минуту свободы возобновить вызовъ мой ротмистру... Но онъ, въ-продолженіе моего ареста, уѣхалъ куда-то, а меня, прямо съ гауптвахты, отправили по самой экстренной надобности въ откомандировку, которая должна была продлиться по-крайней-мѣрѣ мѣсяца два. Потомъ, когда еще откомандировка моя не кончилась, я былъ переведенъ въ другой полкъ, слишкомъ-отдаленный своими квартирами отъ моего прежняго полка. Такимъ образомъ, дуэль моя съ ротмистромъ никакъ не могла состояться, а между-тѣмъ до меня дошла вѣсть, что Аннета вышла за него замужъ.

Будь я близко новобрачной четы, я навѣрное надѣлалъ бы тьму глупостей—такъ сильно поразила меня эта вѣсть...

Правда, я ужь видѣлъ непостоянный, малодушный характеръ Аннеты, но никакъ не думалъ, чтобъ низкіе, корыстные разсчеты могли увлечь ее такъ далеко; такъ же какъ не думалъ и того, чтобъ самъ ротмистръ отступилъ когда-нибудь отъ своей меркантильной системы и рѣшился жениться на дѣвушкѣ безъ состоянія. Недѣли три я ходилъ какъ помѣшанный и долго не могъ слышать имени невѣрной безъ тяжкой тоски, безъ самыхъ мучительныхъ терзаній. Но какихъ скорбей не переносимъ мы и какое чувство днями, мѣсяцами, годами не изглаживается изъ нашего сердца!.. Я рѣшился отдалить отъ себя все, что̀ только могло мнѣ напомнить измѣнницу, рѣшился даже прекратитъ всѣ сношенія съ людьми, которые могли сказать мнѣ о ней хоть одно слово, и наконецъ эта воля забыть ее, занятія по службѣ, походы, перемѣна мѣстъ, а самое главное—время,—совершенно исцѣлили меня отъ моей несчастной любви.

XIII.

Эпилогъ.

Лѣтъ чрезъ шесть послѣ замужства Аннеты, мнѣ случилось быть въ Москвѣ. Однажды, при разъѣздѣ изъ театра, я долго ждалъ моей кареты. Противъ меня, у противоположной стѣны корридора, стояла какая-то дама, на которую я не обратилъ вниманія; но она, вглядѣвшись въ меня, произнесла мое имя, и я узналъ въ ней Аннету, много измѣнившуюся съ-тѣхъ-поръ, какъ мы разстались. Послѣ нѣсколькихъ восклицаній, обыкновенныхъ при нечаянной встрѣчѣ, послѣ отрывистыхъ взаимныхъ распросовъ и отвѣтовъ, она объявила мнѣ наконецъ, что мужъ ея теперь служитъ въ томъ самомъ уѣздѣ, гдѣ ихъ имѣніе, и что она вмѣстѣ съ нимъ пріѣхала на зиму въ Москву;

потомъ, при прощаньѣ, сказала свой адресъ и очень ласково пригласила завернуть къ нимъ, когда-нибудь, на вечеръ.

Очень довольный тѣмъ, что встрѣча эта не сдѣлала на меня никакого непріятнаго впечатлѣнія, даже не пробудила во мнѣ ни малѣйшаго отголоска прежнихъ чувствъ, я охотно принялъ приглашеніе Аннеты. Отказаться отъ него значило бы дать ей почувствовать, что я до-сихъ-поръ не могу забыть ее; а я, напротивъ, очень желалъ показать ей все свое равнодушіе, которое, по-моему, было самымъ лучшимъ мщеніемъ въ такомъ случаѣ. Черезъ нѣсколько дней я заѣхалъ къ ротмистру.

Я нашелъ его окруженнаго толпой игроковъ, которымъ металъ онъ банкъ. Не оставляя своего занятія, онъ дружески поздоровался со мной, какъ съ старымъ товарищемъ, и, повидимому забывъ все прошедшее, шутя предложилъ мнѣ поставить карту.

— Въ-самомъ-дѣлѣ, мнѣ надобно еще разъ попробовать счастья въ игрѣ, сказалъ я, зная, что здѣсь ему нельзя было метать навѣрное, и сунулъ подъ карту ломбардный билетъ. — Отвѣчаете?

— Разумѣется.

Не предполагая, чтобъ я рѣшился поставить слишкомъ-большую ставку, ротмистръ очень хладнокровно продолжалъ талію. Карта моя выиграла.

— Что тамъ у васъ? спросилъ онъ.

Я развернулъ билетъ въ 10,000. Ротмистръ измѣнился въ лицѣ, но хотѣлъ, однакожъ, скрыть свое смущеніе.

— Ставьте на квитъ, сказалъ онъ.

— Зачѣмъ же? Я хотѣлъ только отъиграть мой прежній проигрышъ, который остался у васъ. Теперь я возвратилъ его съ процентами. Довольно съ меня.

— Скажите, ради-Бога, спросила Аннета, когда я отошелъ отъ стола: — состояніе ваше, вмѣсто того, чтобъ разстроиться, кажется, еще улучшилось въ послѣднее время. Иначе вы вѣрно бы не поставили такой суммы на одну карту и притомъ такъ равнодушно.

— Состояніе мое никогда и не разстроивалось, отвѣчалъ я холодно.

— Какъ же это?

— Отецъ мой хотѣлъ, чтобъ я распустилъ этотъ слухъ для испытанія моихъ друзей и всѣхъ тѣхъ, кого я любилъ тогда.

— Аннета вспыхнула, но въ ту же минуту оправилась и приняла опять веселый видъ.

— Вамъ было не совѣстно обмануть меня? сказала она съ ласковымъ упрекомъ. — И вы рѣшились на это, зная такъ хорошо маменьку!.. Вините же себя одного за то, что она принудила меня прекратить всѣ сношенія съ вами.

Мнѣ было смѣшно, что она хотѣла оправдываться.

— Можетъ-быть, этотъ обманъ послужилъ къ вашему счастью, сказалъ я съ маленькой колкостью.

Она задумалась.

— Чтó же вы скажете?

— Прежде, чѣмъ буду отвѣчать вамъ, я хочу спросить васъ самихъ: довольны ли вы совѣтомъ вашего отца?

Она съ нетерпѣніемъ ждала моего отвѣта; но къ намъ подошли, и разговоръ нашъ прервался въ самомъ занимательномъ мѣстѣ.

Черезъ полчаса, когда ловкая хозяйка успѣла снова сыскать минуту свободную, она подала мнѣ руку.

— Вы еще не видали нашего дома, сказала она. — Пойдемте, я покажу вамъ всѣ комнаты.

Я очень хорошо понялъ, что это былъ одинъ только предлогъ избавиться отъ докучливыхъ свидѣтелей. И въ-самомъ-дѣлѣ, пробѣжавъ мелькомъ анфиладу комнатъ, убранныхъ съ такою изъисканностію, съ какой только можетъ быть убранъ домъ разбогатѣвшаго игрока, выставляющаго на показъ, для приманки, все, чтó у него есть за душой, мы остановились въ уединенномъ будуарѣ съ мягкими, роскошными диванами, съ богатымъ, пушистымъ ковромъ на полу. Это таинственное убѣжище нѣги было озарено тусклымъ полусвѣтомъ матовой лампы и благоухало ароматомъ цвѣтовъ, наполнявшихъ вазы камина.

— Садитесь, сказала Аннета, небрежно раскинувшись на диванѣ. Здѣсь никто не помѣшаетъ говорить мнѣ съ вами, какъ съ старымъ знакомымъ, съ которымъ я никогда не хотѣла ссориться, и котораго даже никогда не забывала. Повѣрьте, что одни только обстоятельства и строгая воля матери заставили меня написать къ вамъ записку, подавшую, можетъ-быть, вамъ обо мнѣ самое невыгодное мнѣніе. Но клянусь вамъ, эта записка слишкомъ дорого стóяла мнѣ самой!.. Видите ли, кáкъ я съ вами откровенна, прибавила она, взявъ мою руку и взглянувъ на меня со всѣмъ огнемъ прежней любви.

— Очень вамъ благодаренъ, отвѣчалъ я, ужаснувшись наглаго кокетства этой женщины, которая, успѣвъ приманить къ себѣ такаго человѣка, какъ ротмистръ, до того, что онъ женился на ней, хотѣла опять разъиграть и со мной прежнюю комедію.—Очень благодаренъ, и за откровенность вашу заплачу вамъ такой же откровенностью. Вы давича спрашивали меня, доволенъ ли я совѣтомъ отца моего: доволенъ какъ-нельзя-больше, потому-что онъ спасъ меня отъ страшнаго несчастья...

Съ этими словами я поклонился Аннетѣ и вышелъ изъ ея будуара.

Въ домѣ Аннеты я узналъ, что и Владиміръ въ Москвѣ. Дѣло его кончилось, какъ мы видѣли, безъ всякихъ дурныхъ послѣдствій; его

спасли глубокое раскаяніе и недостатокъ оффиціальной гласности поступка предъ закономъ; но со всѣмъ тѣмъ, онъ не захотѣлъ оставаться въ той сторонѣ, гдѣ на него могли смотрѣть непріязненно, продалъ свое маленькое имѣніе и, основавъ себѣ постоянное жилище въ столицѣ, совершенно предался ученымъ трудамъ и занятіямъ. Каммергерша долго еще не соглашалась отдать за него свою дочь; но твердая воля Наденьки, а болѣе всего, какъ я думаю, несносная жизнь у зятя, вовсе неимѣвшаго къ ней уваженія, — побѣдили наконецъ ея упрямство и заставили уступить пламенному желанію молодыхъ людей, которые перезывали ее къ себѣ, обѣщая покоить старость ея съ самой нѣжной заботливостью. Лѣтъ пять Наденька была ужь женой Владиміра, — и если я не позавидовалъ семейной жизни ротмистра, за то каждый разъ завидовалъ ей въ домѣ моего друга, въ обществѣ его доброй жены, въ кругу его маленькихъ дѣтокъ. Правда, и здѣсь блаженство этой тихой жизни возмущалось по-временамъ, иногда домашними недостатками, иногда излишней взъискательностью и обыкновенными аристократическими выходками старой каммергерши, все еще напоминавшей дочери, что отецъ ея «имѣлъ каммергерскій ключъ»; правда и то, что самая любовь двухъ супруговъ, отъ времени и призаическихъ мелкихъ заботъ домашняго быта, ужь утратила свою первоначальную, поэтическую прелесть, промѣняла таинственную повязку на чепчикъ, стрѣлы на связку ключей; но — кто жь изъ насъ совершенно счастливъ и какого человѣка достало бы на вѣчную поэзію любви?..

ПЕТРЪ СУМАРОКОВЪ.

ПОЛДЕНЬ.

—

Полуднемъ жаркимъ ухожу я
На отдыхъ праздный въ тёмный лѣсъ
И тамъ ложусь, и все гляжу я
Между вершинъ на даль небесъ.
И безконечно тонутъ взоры
Въ ихъ отдаленьи голубомъ;
А лѣсъ шумитъ-себѣ кругомъ
И въ немъ ведутся разговоры:
Щебечетъ птица, жукъ жужжитъ
И листъ засохшій шелеститъ
На хворостъ падая случайно,
И звуки всѣ такъ полны тайной...
Въ то время страннымъ чувствомъ мнѣ
Всю душу сладостно объемлетъ:
Теряясь въ синей вышинѣ,
Она лѣсному гулу внемлетъ
И въ забытьи какомъ-то дремлетъ.

Н. ОГАРЕВЪ.

ЛУЧШАЯ ДОЛЯ.

—

Не власти тревожной народовъ правителя,
Не силы для грозной борьбы,
Не скипетра властнаго, не лавра воителя,
Просить бы я сталъ у судьбы.

Плѣнительно власти земной упоеніе,
Заманчивъ побѣдный вѣнокъ,
Но мирный душою, но полный смиренія,
Я гордыхъ желаній далекъ.

Нѣтъ, жаркій поклонникъ искусства свободнаго,
Прекрасное сердцемъ любя,
Возвышенной доли поэта народнаго
Просить бы я сталъ для себя.

Н. ВУИЧЪ.

ПѢСНЯ.

Молода еще дѣвица я была,
Наша армія въ походъ куда-то шла.
Вечерѣло. Я стояла у воротъ,
А по улицѣ все конница идетъ;
Къ воротамъ подъѣхалъ баринъ молодой,
Мнѣ сказалъ: «напой, красавица, водой!»
Онъ напился, крѣпко руку мнѣ пожалъ,
Наклонился, и меня поцаловалъ...
Онъ уѣхалъ... долго я смотрѣла вслѣдъ;
Жарко стало мнѣ, въ очахъ мутился свѣтъ,
Цѣлу ноченьку мнѣ спать было не въ мочь,
Раскрасавецъ-баринъ снился мнѣ всю ночь.

Вотъ недавно, — я вдовой уже была,
Четырехъ ужь дочекъ замужъ отдала, —
Къ намъ заѣхалъ на квартиру генералъ,
Весь прострѣленный, такъ жалобно стоналъ;
Я взглянула — встрепенулася душой:
Это онъ, красавецъ, баринъ молодой;
Тотъ же голосъ, тотъ огонь въ его глазахъ,
Только много сѣдины въ его кудряхъ.
И опять я цѣлу ночку не спала,
Цѣлу ночку молодой опять была.

Е. ГРЕБЕНКА.

ОЛИВЕРЪ ТВИСТЪ.

Романъ г-на Диккинса (Boz).

(*Окончаніе*).

ГЛАВА XXIX.

Благодѣтельница Оливера.

Въ красивой комнатѣ, убранной въ старинномъ вкусѣ, сидѣли двѣ дамы у стола, на которомъ былъ поставленъ завтракъ. Мистеръ Джильсъ, одѣтый съ большою изъисканностью весь въ черное, прислуживалъ имъ. Онъ занялъ позицію между столомъ и буфетомъ, вытянувшись во всю длину своего роста, закинувъ голову назадъ, выставивъ лѣвую ногу впередъ, положивъ правую руку въ жилетъ, а лѣвою сжимая опущенный подносъ,—и, казалось, вполнѣ доволенъ былъ своею должностью.

Одна изъ двухъ дамъ достигла уже преклонныхъ лѣтъ, но высокій стулъ, на которомъ сидѣла она, не былъ прямѣе ея стана. Въ костюмѣ ея была какая-то странная смѣсь новизны и старины; она сидѣла, положивъ руки на столъ, и устремивъ глаза, которые все еще не потеряли прежняго блеска, на молодую свою подругу.

Младшая была въ веснѣ женской жизни. — Ей не исполнилось еще семнадцати лѣтъ. Она была такъ кротка и нѣжна, такъ чиста и прекрасна, что, казалось, земля не была ея стихіею, а грубые люди ея спутниками. Свѣтлый умъ сіялъ въ темноголубыхъ глазахъ и на дѣвственномъ челѣ ея; выраженіе доброты играло на лицѣ; улыбка— счастливая, кроткая улыбка довершала очарованіе.

Она разливала чай. Игриво отбросивъ назадъ свои волосы, просто зачесанные на лбу, она взглянула на старушку съ такимъ полнымъ участіемъ, съ такою непритворною любовію, что добрые ангелы порадовались бы, смотря на нее.

Старушка улыбнулась; но сердце ея было полно; она украдкой отерла слезу.

— Кажется, есть ужь часъ, какъ уѣхалъ Бритльзъ? спросила она.

— Часъ и двадцать минутъ, сударыня, отвѣчалъ мистеръ Джильсъ, смотря на серебряные часы, которые онъ носилъ на голубой ленточкѣ.

— Онъ всегда мѣшкаетъ, замѣтила старушка.

— Бритльзъ всегда былъ неповоротливымъ мальчикомъ, сударыня, отвѣчалъ дворецкій.

— Онъ, кажется, все становится хуже и хуже вмѣсто того, чтобъ исправляться, сказала старушка.

— Не уже-ли онъ все еще играетъ съ дѣтьми? сказала смѣясь молодая дѣвушка.

Мистеръ Джильсъ почелъ необходимымъ улыбнуться; въ это время кабріолетъ подъѣхалъ къ садовой калиткѣ; изъ него выскочилъ толстый джентльменъ и побѣжалъ прямо къ двери, быстро вошелъ въ комнату и чуть не опрокинулъ стола и мистера Джильса.

— Я никогда еще не слыхивалъ ничего подобнаго! вскричалъ толстый джентльменъ, обращаясь къ мистриссъ Мели. Боже мой!.. ночью... я этого никогда не слыхивалъ!

Съ этими словами толстый джентльменъ пожалъ руку обѣимъ дамамъ и, подвинувъ стулъ, спросилъ, кàкъ онѣ себя чувствуютъ.

— Вы могли бы умереть, совершенно умереть отъ страха, сказалъ толстый джентльменъ.

— Зачѣмъ вы не прислали ко мнѣ? Мой человѣкъ прибѣжалъ бы въ одну минуту, и я бы также... Право... такъ неожиданно... ночью!

Казалось, дòктора болѣе всего безпокоило то, что воры пришли такъ неожиданно, и ночью, какъ-будто эти почтенные джентльмены занимаются своимъ ремесломъ въ полдень, и наканунѣ извѣщаютъ о своихъ визитахъ.

— А вы, миссъ Роза, сказалъ докторъ, обращаясь къ младшей изъ дамъ: — я...

— О, да, мы были очень испуганы! сказала Роза, прерывая его. Но тамъ на верху есть бѣдный мальчикъ; тетенька просила васъ посмотрѣть его.

— А! конечно! отвѣчалъ докторъ: —посмотримъ. Это твоя работа, Джильсъ... понимаю.

Мистеръ Джильсъ, убиравшій въ это время чашки, покраснѣлъ какъ ракъ, и сказалъ, что эта честь принадлежитъ ему.

—Честь? сказалъ докторъ.—Много чести подстрѣлить мошенника!

Мистеръ Джильсъ, полагавшій, что хотятъ уменьшить его славу, почтительно отвѣчалъ, что теперь не время разсуждать объ этомъ, потому-что его противникъ нуждается въ помощи.

— Правда, правда! сказалъ докторъ.—Гдѣ жь онъ? Покажите его мнѣ. Я хочу взглянуть на него, мистриссъ Мели. Такъ онъ влѣзъ въ это окно?.. Кто бъ могъ повѣрить?.. Говоря всю дорогу, онъ пошелъ за Джильсомъ на верхъ. Пока онъ туда идетъ, скажемъ читателю, что мистеръ Лосбернъ, сосѣдній медикъ, извѣстный на десять миль въ окружности подъ именемъ «дòктора», растолстѣлъ болѣе отъ веселаго расположенія духа, нежели отъ достатка: онъ былъ добръ, простодушенъ и страненъ, какъ старый холостякъ.

Отсутствіе доктора продолжалось долѣе, нежели ожидали обѣ дамы. Большой ящикъ былъ вынутъ изъ кабріолета; въ спальнѣ часто звѣнѣлъ колокольчикъ, и слуги бѣгали вверхъ и внизъ. Наконецъ онъ

возвратился, и на вопросъ о состояніи больнаго принялъ таинственный видъ, осторожно заперевъ дверь.

— Необыкновенныя вещи, мистриссъ Мели, необыкновенныя вещи! сказалъ докторъ, прислонясь спиною къ двери и какъ-будто заслоняя ее.

— Надѣюсь, что онъ внѣ опасности? спросила старушка.

— Въ этомъ не было бы еще ничего необыкновеннаго, отвѣчалъ докторъ. — Видѣли ль вы этого мошенника?

— Нѣтъ, отвѣчала старушка.

— Не слыхали ли вы чего-нибудь объ немъ?

— Ничего.

— Извините, сударыня, прервалъ Джильсъ:—я хотѣлъ все разсказать вамъ, но мнѣ помѣшалъ пріѣздъ доктора.

Дѣло въ томъ, что мистеръ Джильсъ никакъ не хотѣлъ вѣрить, что онъ только подстрѣлилъ мальчика. Онъ такъ высоко ставилъ свою храбрость, что готовъ былъ для нея жертвовать чужою жизнію.

— Роза хочетъ его видѣть, сказала мистриссъ Мели:—но этому не бывать.

— Гм! сказалъ докторъ.—Онъ совсѣмъ не страшенъ. Но вы можете взглянуть на него при мнѣ...

— Ни за что въ свѣтѣ, хоть бы это было и необходимо, отвѣчала старушка.

— Такъ, я думаю, что это необходимо, сказалъ докторъ.—Во всякомъ случаѣ увѣренъ, что вы будете жалѣть, если не послѣдуете моему совѣту. Онъ теперь совершенно тихъ и покоенъ. Не бойтесь ничего, повѣрьте мнѣ.

Убѣдивъ дамъ, что онѣ будутъ изумлены, взглянувъ на преступника, докторъ взялъ подъ руку молодую дѣвушку и, предложивъ другую руку мистриссъ Мели, съ важностью повелъ ихъ наверхъ.

Вошедъ въ комнату, онъ сдѣлалъ дамамъ знакъ идти впередъ и, заперевъ за ними дверь, тихо отдернулъ занавѣсъ у кровати. Тамъ вмѣсто звѣрскаго, дикаго разбойника, котораго всѣ ожидали увидѣть, лежалъ бѣдный ребенокъ, истощенный усталостію, страданіями и погруженный въ глубокій сонъ. Его раненная рука, крѣпко перевязанная, лежала на груди, а на другую склонилась голова его, полузакрытая длинными, шелковистыми волосами.

Добрый джентльменъ держалъ занавѣску въ рукѣ, и минуту или двѣ смотрѣлъ на него молча. Между-тѣмъ, Роза сѣла на стулъ возлѣ Оливера и расправляла его волосы; крупныя слезы падали изъ глазъ ея на его подушку.

Мальчикъ пошевельнулся и улыбнулся во снѣ, какъ-будто эти знаки состраданія и участія внушили ему новое чувство, котораго онъ не зналъ до того времени.

— Чтò жь это значитъ? воскликнула старушка.—Этотъ бѣдный ребенокъ не можетъ быть сообщникомъ злодѣевъ.

— Порокъ, сказалъ медикъ, задергивая занавѣску: — гнѣздится вездѣ, и кто можетъ поручиться, что его нѣтъ въ этомъ прекрасномъ тѣлѣ?

— Но въ такомъ раннемъ возрастѣ!... замѣтила Роза.

— Любезная миссъ Роза, сказалъ медикъ, печально качая головою: — преступленіе, какъ смерть, не есть удѣлъ одной старости. Прекраснѣйшее и юное часто бываетъ избранною его жертвою.

— Но не-уже-ли вы можете вѣрить, чтобъ этотъ мальчикъ въ-самомъ-дѣлѣ былъ добровольнымъ участникомъ людей, отверженныхъ обществомъ? съ безпокойствомъ спросила Роза.

Медикъ покачалъ головой съ видомъ сомнѣнія и, замѣтивъ, что они безпокоятъ больнаго, вышелъ съ ними въ другую комнату.

— Но если онъ и въ-самомъ-дѣлѣ преступникъ, продолжала Роза: — то взгляните, кàкъ онъ молодъ; подумайте, что, можетъ-быть, онъ никогда не зналъ любви матери, ни спокойствія домашней жизни, и что дурное обхожденіе, побои, нищета ввели его въ общество людей, принудившихъ его къ злодѣйству... Тетушка, ради Бога, подумайте объ этомъ прежде, нежели позволите отдать этого больнаго ребенка въ тюрьму, которая будетъ его могилою. Если вы меня любите, сжальтесь надъ нимъ, пока еще не поздно...

— Другъ мой, сказала старушка, прижимая плачущую дѣвушку къ груди своей:—не-уже-ли ты думаешь, что я трону хоть волосъ на головѣ его?

— О, нѣтъ! отвѣчала Роза: — не вы, не вы!

— Нѣтъ, сказала дрожащимъ голосомъ старушка: — мнѣ ужь не долго жить; пусть простятъ меня другіе, какъ я имъ прощаю. Но, докторъ, чтó могу я сдѣлать для его спасенія?

— Дайте мнѣ подумать, сударыня; дайте мнѣ подумать.

Мистеръ Лосбернъ положилъ руки въ карманы и сдѣлалъ нѣсколько шаговъ взадъ и впередъ по комнатѣ, часто останавливаясь въ раздумьи. Послѣ многихъ восклицаній «нашелъ!» и «нѣтъ, не годится», онъ наконецъ сталъ, какъ вкопанный, и сказалъ:

—Думаю, что если вы дадите мнѣ полную власть надъ Джильсомъ и Бритльзомъ, то я все устрою. Мнѣ извѣстно, что Джильсъ вѣрный малой и старый слуга, но вмѣстѣ съ тѣмъ страшный болтунъ. Не такъ ли?

— Тетушка позволяетъ дѣлать вамъ все, чтò угодно, сказала Розà, улыбаясь сквозь слезы.

—Что касается до мальчика, продолжалъ докторъ:—я думаю, черезъ часъ онъ проснется, и мнѣ можно будетъ съ нимъ поговорить. Я сдѣлаю это при васъ, и если изъ словъ его мы заключимъ, что онъ

точно негодяй, то предоставимъ его судьбѣ его, безъ всякаго сожалѣнія.

— О нѣтъ, тетушка! вскричала Роза.

— О да, тетушка! сказалъ докторъ. — И такъ, рѣшено?

— Онъ не можетъ быть злодѣемъ, сказала Роза: — это невозможно!

— Прекрасно, возразилъ докторъ:—тѣмъ легче для васъ принять мое предложеніе.

Условіе было принято, и всѣ съ нѣкоторымъ нетерпѣніемъ ожидали пробужденія Оливера.

Срокъ, назначенный докторомъ, давно уже прошелъ, а мальчикъ все еще спалъ крѣпкимъ сномъ. Былъ уже вечеръ, когда добрый докторъ принесъ имъ извѣстіе, что Оливеръ проснулся. — Мальчикъ очень болѣнъ, говорилъ онъ:—и слабъ отъ потери крови; но видно, что его безпокоитъ что-то. Пойдемте къ нему и послушаемъ, чтó онъ намъ разскажетъ.

Бесѣда была продолжительна, потому-что Оливеръ разсказалъ имъ все, и часто принужденъ былъ останавливаться, чтобъ успокоиться и собрать силы. Грустно было слушать, въ полутемной комнатѣ, слабый голосъ больнаго ребенка, развивавшаго передъ своими слушателями ужасную цѣпь бѣдствій, наброшенную на него злодѣями.

Въ этотъ вечеръ постель Оливера приготовлена была руками женщины; любовь и благотворительность бодрствовали надъ нимъ во время сна его. Онъ чувствовалъ себя спокойнымъ и счастливымъ; онъ могъ бы безъ сожалѣнія покинуть жизнь.

Едва Оливеръ кончилъ разсказъ свой, какъ заснулъ снова; докторъ, отирая глаза и упрекая себя въ слабости, сошелъ внизъ къ Джильсу. Онъ никого не нашелъ въ залѣ, и ему пришло на мысль, что онъ можетъ произвести лучшій эффектъ на кухнѣ: въ кухню онъ и отправился.

Въ этой нижней палатѣ домашняго парламента собрались служанки, Бритльзъ, Джильсъ, охотникъ (который за свои услуги получилъ приглашеніе остаться на день) и привратникъ. Привратникъ былъ съ огромной палкой, съ большой головой, въ большихъ сапогахъ, и смотрѣлъ какъ человѣкъ, выпившій достаточное количество портеру.

Приключеніе послѣдней ночи все еще было предметомъ разговора, и когда докторъ вошелъ, Джильсъ разсказывалъ о своемъ необыкновенномъ мужествѣ, а Бритльзъ, со стаканомъ пива въ рукѣ, повторялъ слова его.

— Сидите, сказалъ докторъ, махая рукою.

— Покорно благодаримъ, сударь, отвѣчалъ Джильсъ.—Барышня позволила мнѣ взять портеру, и я разсудилъ, что пріятнѣе пить его въ такой пріятной компаніи.

Присутствующіе подкрѣпили слова Джильса, и онъ, осмотрѣвшись кругомъ, спросилъ доктора:

— Каковъ нашъ больной, сударь?

— Такъ и сякъ, отвѣчалъ докторъ. — Я боюсь, не слишкомъ ли опрометчиво поступилъ ты.

— Надѣюсь, вы не хотите сказать этимъ, сударь, сказалъ Джильсъ, дрожа отъ страха:—что онъ при смерти. Еслибъ я зналъ это, ни я, ни Бритльзъ, ни кто другой не тронулъ бы бѣднаго мальчика.

— Не въ томъ дѣло, сказалъ докторъ таинственно. — Джильсъ, ты протестантъ?

— Да, сударь, отвѣчалъ Джильсъ блѣднѣя.

— А ты, дружокъ? спросилъ докторъ, вдругъ обращаясь къ Бритльзу.

— Спаси Господи! отвѣчалъ Бритльзъ, вздрагивая.—Я точно таковъ же, сударь, какъ мистеръ Джильсъ.

— Скажите же мнѣ, продолжалъ докторъ сердито:—оба вы, оба,— готовы ли вы дать клятву, что нашъ больной мальчикъ тотъ самый, который пролѣзъ въ окно въ прошедшую ночь? Ну, скорѣе!

Доктора всѣ считали кротчайшимъ созданьемъ въ мірѣ; но онъ сдѣлалъ этотъ вопросъ такимъ ужаснымъ голосомъ, что Джильсъ и Бритльзъ, на которыхъ портеръ уже производилъ свое дѣйствіе, смотрѣли одинъ на другаго съ безсмысленнымъ видомъ.

— Слушай внимательно отвѣтъ ихъ, привратникъ, сказалъ докторъ съ выразительнымъ жестомъ:—отъ этого можетъ выйдти многое.

Привратникъ старался казаться какъ-можно-внимательнѣе и взялъ палку, которую сначала поставилъ въ уголъ.

— Здѣсь хотѣли ограбить домъ, сказалъ докторъ.—Два человѣка едва могли замѣтить мальчика среди дыма и тревоги. Въ этотъ самый домъ на другое утро приходитъ мальчикъ, и потому, что у него случилась перевязанная рука, эти люди нападаютъ на него — чѣмъ подвергаютъ его жизнь большой опасности,—и клянутся, что онъ разбойникъ. Теперь вопросъ: справедливы ли эти люди, а если нѣтъ, чего они заслуживаютъ?

Привратникъ значительно покачалъ головою.

— Я опять спрашиваю васъ, сказалъ громовымъ голосомъ докторъ:—можете ли вы подъ страшною клятвою обвинить ребенка?

Бритльзъ съ сомнѣніемъ посмотрѣлъ на Джильса; Джильсъ съ сомнѣніемъ посмотрѣлъ на Бритльза; привратникъ приложилъ руку къ уху, чтобъ слышать отвѣтъ; двѣ женщины выставились впередъ, а докторъ сердито осматривался кругомъ, какъ вдругъ у воротъ зазвенѣлъ колокольчикъ и послышался стукъ колесъ.

— Это полицейскіе! вскричалъ обрадованный Бритльзъ.

— Кто? спросилъ докторъ, блѣднѣя.

— Полицейскіе офицеры, сударь, отвѣчалъ Бритльзъ: — Мы съ Джильсомъ посылали за ними сегодня утромъ.

— Какъ! вскричалъ докторъ.

— Да, отвѣчалъ Бритльзъ:—я давно послалъ за ними, и удивляюсь, что они не пришли раньше.

— Кто васъ просилъ объ этомъ? Зачѣмъ? Теперь все пропало!... сказалъ уходя докторъ.

ГЛАВА XXX.

Критическое положеніе.

— Кто тамъ? спросилъ Бритльзъ, отворяя немного дверь и заслоняя свѣчу рукою.

— Отворите, отвѣчали за дверью:— мы полицейскіе офицеры, за которыми сегодня посылали отсюда.

Успокоенный этимъ извѣстіемъ, Бритльзъ отворилъ дверь настежь и встрѣтилъ толстаго человѣка въ сюртукѣ. Этотъ человѣкъ вошелъ не говоря ни слова и началъ вытирать ноги.

— Пошли сейчасъ кого-нибудь за моимъ помощникомъ, сказалъ полицейскій:—онъ въ кабріолетѣ.

Бритльзъ исполнилъ приказаніе. Толстый человѣкъ вошелъ съ своимъ товарищемъ въ залу и снялъ шляпу. Онъ былъ лѣтъ пятидесяти, средняго роста, съ сѣдыми блестящими волосами, коротко остриженными, съ маленькими усами, круглымъ лицомъ и острыми глазами. Другой былъ красноголовый, сухой человѣкъ, въ огромныхъ сапогахъ, съ вздернутымъ, подозрительнымъ носомъ.

— Скажите господамъ, что Блатерсъ и Дуфъ здѣсь, слышите? сказалъ толстый человѣкъ, поправляя волосы и кладя пару рукавицъ на столъ.— А! добрый вечеръ, сударь! Позвольте мнѣ переговорить съ вами наединѣ.

Эти слова относились къ мистеру Лосберну, который явился въ это время. Сдѣлавъ знакъ Бритльзу удалиться, онъ ввелъ двухъ дамъ и заперъ дверь.

— Вотъ хозяйка дома, сказалъ докторъ, показывая на мистриссъ Мели.

Блатерсъ поклонился, положилъ шляпу на полъ, взялъ стулъ и далъ знакъ Дуфу сдѣлать то же.

— Теперь, не угодно ли вамъ будетъ разсказать намъ всѣ обстоятельства этого происшествія, сказалъ Блатерсъ.

Мистеръ Лосбернъ, болѣе всего старавшійся выиграть время, какъ

можно-болѣе растягивалъ разсказъ. Блатерсъ и Дуфъ значительно посматривали другъ на друга.

— Но гдѣ же мальчикъ, о которомъ говорили слуги? спросилъ Блатерсъ.

— Ничего не бывало, отвѣчалъ докторъ. — Одинъ изъ испуганныхъ слугъ вообразилъ, что онъ былъ участникомъ въ грабежѣ; но это пустое, сущая нелѣпость!

— Быть можетъ, однако, онъ и правъ, замѣтилъ Блатерсъ.— Кто этотъ мальчикъ? Откуда онъ? Вѣдь не съ облаковъ же упалъ!

— Конечно нѣтъ, отвѣчалъ докторъ, бросая быстрый взглядъ на обѣихъ дамъ.—Я знаю всю его исторію... мы объ этомъ поговоримъ послѣ. Сначала, я думаю, вы захотите видѣть мѣсто, откуда вошли воры?

— О, непремѣнно! сказалъ Блатерсъ.

Принесли свѣчи, и Блатерсъ съ Дуфомъ, въ сопровожденіи всей домашней челяди, осмотрѣли окно и ставень, и даже слѣды, оставленные на полу. Послѣ этого, Дуфъ и Блатерсъ начали совѣтоваться между собою, какъ два доктора объ участи больнаго.

Между-тѣмъ, докторъ въ другой комнатѣ ходилъ взадъ и впередъ; мистриссъ Мели и Роза смотрѣли на него съ безпокойствомъ.

— Я, право, не знаю, что̀ дѣлать теперь, сказалъ онъ останавливаясь.

— Лучше всего, сказала Роза:—разсказать этимъ людямъ исторію мальчика; она вѣрно разжалобитъ ихъ.

— Сомнѣваюсь, сказалъ докторъ, качая головою.— Она не произведетъ на нихъ никакого дѣйствія. Что̀ жь онъ? — скажутъ они: — онъ бродяга. Да вѣдь не всякій еще и повѣритъ его исторіи!

— Но вы вѣрите? быстро спросила Роза.

— Я вѣрю ей, какъ она ни странна, и, можетъ-быть, дѣлаю большую глупость, замѣтилъ докторъ:—но не думаю, чтобъ она была удовлетворительна для полицейскихъ.

— Почему же? спросила Роза.

— Потому-что мальчику почти нѣчего сказать въ свое оправданіе. По его собственному признанію, онъ былъ сообщникомъ мошенниковъ, хотя невольнымъ,—все равно... Право, чѣмъ больше думаю, тѣмъ больше мнѣ кажется невозможнымъ открыть истинную его исторію. Я увѣренъ, что ей не повѣрятъ, и даже, если все дѣло кончится ничѣмъ, все-таки оно будетъ публично, и вашъ планъ разрушится.

— Что̀ же намъ дѣлать? вскричала Роза.—Зачѣмъ они послали за этими людьми?

— Не знаю, сказала мистриссъ Мели. — Я ни за что въ свѣтѣ не согласилась бы на это.

— Намъ остается только не терять надежды, сказалъ докторъ.— У мальчика еще сильная горячка, и онъ не въ состоянiи ни съ кѣмъ говорить. Войдемте.

— Ну, сударь, сказалъ Блатерсъ, входя въ комнату съ своимъ товарищемъ:— мы осмотрѣли все. Тутъ было два мошенника и съ ними мальчикъ; намъ хотѣлось бы теперь его видѣть.

— Не угодно ли имъ будетъ сначала закусить чего-нибудь, мистриссъ Мели? сказалъ докторъ, съ лицомъ, блиставшимъ отъ какой-то новой, счастливой мысли.

— О, конечно! весело вскричала Роза. — Я сейчасъ прикажу подать.

— Покорно благодаримъ, сударыня, сказалъ Блатерсъ, поднося руку ко рту:—наша обязанность трудная... хлопотъ пропасть!

Скоро вино заставило блюстителей правосудiя забыть о дѣлѣ; они уже едва держались на ногахъ, когда докторъ сказалъ имъ: — Ну, теперь, если угодно, вы можете идти наверхъ.

— Если позволите, отвѣчалъ Блатерсъ. И, слѣдуя за докторомъ, оба офицера вошли въ спальню Оливера, а за ними Джильсъ со свѣчою.

Оливеръ казался полууснувшимъ и смотрѣлъ на незнакомцевъ, не понимая, что̀ вокругъ его происходитъ.

— Вотъ, сказалъ докторъ: — мальчикъ, который, будучи раненъ нечаянно, пришелъ къ этому дому просить помощи; но его тотчасъ схватилъ и обходился какъ съ разбойникомъ этотъ господинъ со свѣчою, чѣмъ и подвергъ опасности жизнь его.

Блатерсъ и Дуфъ посмотрѣли на Джильса. Испуганный Джильсъ смотрѣлъ то на нихъ, то на Оливера, то на доктора, не зная куда дѣваться отъ страха.

— Надѣюсь, ты не отопрешься? сказалъ докторъ.

— Я думалъ все сдѣлать къ... луч... шему, сударь! отвѣчалъ Джильсъ.—Я думалъ, что это мальчикъ...

— Ну, что̀ же мальчикъ? спросилъ Дуфъ.

— Мальчикъ, сударь, который былъ съ разбойниками, отвѣчалъ Джильсъ.—У нихъ, кажется, былъ мальчикъ.

— Ты и теперь то же думаешь? спросилъ Блатерсъ.

— Думаю... что? спросилъ Джильсъ, смотря на всѣхъ съ недоумѣнiемъ.

— Ну, что это тотъ самый мальчикъ, болванъ? нетерпѣливо спросилъ Блатерсъ.

— Не знаю, право, не знаю, сударь. . . отвѣчалъ испуганный Джильсъ.—Я ничего не утверждаю.

— Что̀ жь ты думаешь? спросилъ Блатерсъ.

— Не знаю, что̀ и думать, отвѣчалъ бѣдный Джильсъ.—Я не ду-

маю, что это тотъ самый мальчикъ; я почти увѣренъ, что это не онъ. Вы знаете, что это не можетъ быть онъ...

— Этотъ человѣкъ вѣрно пьянъ? спросилъ Блатерсъ, обращаясь къ доктору.

— Онъ просто дуракъ! съ достоинствомъ замѣтилъ Дуфъ.

Бритльзъ еще болѣе сбился въ отвѣтахъ. Осмотрѣли другой пистолетъ Джильса и нашли, что онъ заряженъ холостымъ зарядомъ; это открытіе сдѣлало сильное впечатлѣніе на всѣхъ, кромѣ доктора, который за нѣсколько минутъ вынулъ оттуда пулю. Но болѣе всѣхъ обрадовался Джильсъ, что не онъ застрѣлилъ мальчика. Полицейскіе, не безпокоясь болѣе объ Оливерѣ, ушли, обѣщаясь прійдти на другое утро.

На другой день разнесся слухъ, что два человѣка и мальчикъ были пойманы въ Кингстонѣ, и туда отправились Блатерсъ и Дуфъ, получа по гинеѣ отъ доброй мистриссъ Мели.

Между-тѣмъ, Оливеръ былъ счастливъ подъ надзоромъ мистриссъ Мели, Розы и добраго мистера Лосберна.

ГЛАВА XXXI.

Счастливая жизнь Оливера съ добрыми друзьями.

Болѣзнь Оливера ни увеличивалась, ни уменьшалась. Кромѣ боли отъ раны, онъ нѣсколько недѣль страдалъ еще отъ-того, что долго пробылъ на сыромъ и холодномъ воздухѣ. Наконецъ, мало-по-малу онъ началъ поправляться и могъ уже выразить словами, какъ глубоко чувствуетъ благодѣяніе обѣихъ дамъ, и какъ пламенно надѣется быть когда будетъ въ силахъ доказать имъ свою благодарность.

— Бѣдняжка! сказала Роза, когда Оливеръ твердилъ о своей благодарности:—ты будешь имѣть много случаевъ услужить намъ, если захочешь. Мы ѣдемъ въ деревню, и тетушка хочетъ взять тебя съ собою. Спокойное мѣсто, чистый воздухъ и весна поправятъ тебя въ нѣсколько дней; ты будешь иногда услуживать намъ, если это только не обезпокоитъ тебя.

— Обезпокоитъ! вскричалъ Оливеръ.—О, еслибъ я только могъ что-нибудь дѣлать для васъ, еслибъ я могъ угодить вамъ, поливая ваши цвѣты, или смотря за вашими птицами, бѣгая для васъ цѣлый день взадъ и впередъ, — чего бы я не отдалъ за это?

— Тебѣ не нужно будетъ ничего отдавать, сказала съ усмѣшкою миссъ Мели.—Я уже сказала тебѣ, что ты можешь услужить намъ, и если исполнишь хоть половину того, что обѣщаешь, то сдѣлаешь меня совершенно счастливою.

— Счастливою! вскричалъ Оливеръ:—о, какъ вы милостивы!

— Да, ты можешь сдѣлать меня гораздо счастливѣе, нежели воображаешь, отвѣчала дѣвушка.—Мысль, что добрая тетушка дала тебѣ средство избѣгнуть того ужаснаго положенія, которое ты намъ описывалъ, доставляетъ мнѣ неизъяснимое удовольствіе; но если я буду убѣждена, что предметъ ея сострадания истинно-благодаренъ и привязанъ къ ней, это меня утѣшитъ еще болѣе, чѣмъ ты думаешь. Понялъ ли ты меня? спросила она, смотря на задумчивое лицо Оливера.

— О, да, сударыня! съ чувствомъ отвѣчалъ Оливеръ. —Но я думалъ о томъ, какъ я неблагодаренъ теперь.

— Къ кому? спросила Роза.

— Къ доброму джентльмену и ласковой старушкѣ, которые обо мнѣ заботились. Если бъ они знали, какъ я счастливъ, имъ вѣрно было бы это пріятно.

— Я увѣрена, сказала миссъ Мели: — добрый нашъ докторъ обѣщалъ, когда ты поправишься, свезти тебя къ нему.

— Въ-самомъ-дѣлѣ? вскричалъ Оливеръ, въ восторгѣ.—Я не знаю, что̀ я сдѣлаю отъ радости, когда снова увижу ихъ!

Скоро Оливеръ былъ въ состояніи исполнить свое желаніе и однажды утромъ сѣлъ съ мистеромъ Лосберномъ въ карету мистриссъ Мели. Когда они подъѣхали къ Чертзейскому Мосту, Оливеръ вдругъ поблѣднѣлъ и громко вскрикнулъ.

— Что̀ съ тобою! вскричалъ докторъ засуетясь, по обыкновенію. —Ты видишь что-нибудь... слышишь что-нибудь... чувствуешь что-нибудь... а?

— Вотъ, кричалъ Оливеръ, показывая изъ окна кареты. — Этотъ домъ...

— Ну, что̀ жь такое? Стой, кучеръ! Ну, что̀ жь этотъ домъ... а?

— Мошенники... это домъ, въ который они привели меня, шепталъ Оливеръ.

— Чортъ возьми! вскричалъ докторъ.—Эй, я хочу выйдти. И прежде, нежели кучеръ успѣлъ исполнить его приказаніе, онъ выскочилъ самъ изъ кареты и побѣжалъ къ опустѣвшему дому, стуча въ дверь, какъ сумасшедшій.

— Кто здѣсь? сказалъ маленькій, безобразный, горбатый человѣкъ, отворяя дверь такъ быстро, что докторъ едва не упалъ. — Что̀ тутъ такое?

— Что̀? вскричалъ докторъ, хватая его за воротъ.—Многое: разбой!

— Будетъ и убійство, отвѣчалъ горбунъ холодно: — если вы не отнимите своихъ рукъ. Слышите?

— Слышу, сказалъ докторъ, давая толчокъ своему плѣннику. — Гдѣ... какъ бишь его... Сайксъ? Гдѣ Сайксъ? Говори, мошенникъ!

Горбунъ взглянулъ на него съ изумленіемъ; но освободившись

изъ рукъ его, проворчалъ ругательства и отвернулся. Прежде нежели онъ успѣлъ запереть дверь, докторъ, не говоря ни слова, вошелъ въ комнату. Съ безпокойствомъ осмотрѣлся онъ кругомъ; но ни что не соотвѣтствовало описанію Оливера.

— Ну, сказалъ горбунъ:—зачѣмъ вы силою вломились ко мнѣ въ домъ? Вы хотите обокрасть, убить меня?

— Видѣлъ ли ты когда-нибудь, старый вампиръ, чтобъ за этимъ пріѣзжали въ каретѣ? сказалъ раздраженный докторъ.

— Такъ что̀ жь вамъ нужно? сердито спросилъ горбунъ.—Скоро ли вы намѣрены убраться отсюда, чортъ возьми?

— Когда мнѣ вздумается, сказалъ мистеръ Лосбернъ, заглядывая въ другую комнату, которая также не имѣла никакого сходства съ описаніемъ Оливера: — я когда-нибудь доберусь до тебя, пріятель.

— До меня? вскричалъ разсерженный горбунъ.—Если я вамъ буду нуженъ,—я здѣсь. Я не за тѣмъ жилъ здѣсь одинъ двадцать-пять лѣтъ, чтобъ вы меня обижали! Вы заплатите за это, заплатите!.. И, говоря такимъ образомъ, маленькій демонъ плясалъ въ припадкѣ ярости.

— Мальчикъ вѣрно ошибся, сказалъ докторъ самому-себѣ. — На! положи это себѣ въ карманъ, и запрись снова. Съ этими словами онъ далъ горбуну мелкую монету и воротился къ экипажу.

Горбунъ провожалъ доктора, произнося во всю дорогу дикія ругательства и угрозы. Въ то время, какъ докторъ говорилъ съ кучеромъ, онъ заглянулъ въ карету и бросилъ на Оливера такой звѣрскій и мстительный взглядъ, что бѣдный мальчикъ долго не могъ позабыть его. Когда же они поѣхали, горбунъ началъ бить ногами о землю и рвать на себѣ волосы.

— Я оселъ! сказалъ докторъ, послѣ долгаго молчанія. — Зналъ ли ты это прежде, Оливеръ?

— Нѣтъ, сударь.

— Такъ не забудь на будущее время.

— Оселъ, сказалъ докторъ, помолчавъ еще нѣсколько минутъ. — Къ-чему мнѣ было торопиться? что̀ могъ я сдѣлать одинъ? Я всегда врежу самъ-себѣ.

Оливеръ зналъ названіе улицы, въ которой жилъ мистеръ Броунло, и потому не трудно было найдти ее. Когда карета поворотила въ эту улицу, сердце его билось такъ сильно, что онъ едва могъ дышать.

— Ну, другъ мой, который же домъ? спросилъ докторъ.

— Вотъ, вотъ! отвѣчалъ Оливеръ, высовываясь изъ кареты. — Бѣлый домъ... Скорѣе, скорѣе!

— Сейчасъ, сейчасъ, сказалъ добрый докторъ, трепля его по пле-

чу. Ты тотчасъ увидишь ихъ; они вѣрно обрадуются, нашедъ тебя живымъ и здоровымъ.

— О, я увѣренъ! вскричалъ Оливеръ.—Они были такъ добры ко мнѣ...

Карета остановилась. Нѣтъ, это былъ не тотъ домъ! Подъѣхали къ другому; Оливеръ смотрѣлъ въ окна и слезы ожиданія катились по лицу его.

Увы! бѣлый домъ былъ пустъ; у окна прибитъ билетъ: «отдается въ наемъ».

— Постучись у слѣдующей двери, сказалъ мистеръ Лосбернъ, взявъ Оливера за руку.—Не знаешь ли, что̀ сдѣлалось съ г. Броунло, жившимъ въ сосѣднемъ домѣ?

Служанка не знала, но пошла спросить. Она тотчасъ возвратилась съ извѣстіемъ, что мистеръ Броунло продалъ все свое имѣніе и шесть недѣль назадъ уѣхалъ въ Вестиндію. Оливеръ всплеснулъ руками и печально опустилъ голову.

— А его ключница? спросилъ докторъ.

— Всѣ уѣхали, отвѣчала служанка.—Старый джентльменъ, ключница и джентльменъ, другъ мистера Броунло.

— Такъ поѣзжай домой, сказалъ мистеръ Лосбернъ кучеру.

— А книгопродавецъ? сказалъ Оливеръ.—Я знаю къ нему дорогу. Поѣдемте къ нему, сдѣлайте милость.

— Бѣдный мальчикъ! сегодня намъ, видно, черный день, сказалъ докторъ.—Если мы поѣдемъ къ книгопродавцу, то вѣрно найдемъ, что и онъ умеръ, или сгорѣлъ, или убѣжалъ. Поѣдемъ лучше домой! И, повинуясь доктору, лошади поскакали домой.

Наступала роскошная весна; благодѣтельницы Оливера переселились въ деревню, недалеко отъ города, оставя домъ на попеченіе Джильса и другаго слуги.

Кто можетъ описать блаженство и спокойствіе, которое больной мальчикъ чувствовалъ среди зеленыхъ луговъ, въ благотворномъ воздухѣ, въ роскошныхъ лѣсахъ деревни? Для него наступила новая жизнь. Невдалекѣ была маленькая часовня, окруженная не высокими, не богатыми памятниками, но смиренными насыпями, покрытыми свѣжимъ, зеленымъ дерномъ и мхомъ. Оливеръ часто блуждалъ здѣсь, думая объ одинокой могилѣ своей матери, грустилъ и украдкою плакалъ; но поднявъ глаза къ голубому небу, встрѣчалъ тамъ милый образъ, благословлявшій его, и успокоивался.

То было счастливое время. Дни проходили спокойно и весело, а ночи не приносили съ собою страха, или общества злодѣевъ. Каждое утро онъ ходилъ къ сѣдому старику, жившему возлѣ церкви; старикъ училъ его читать и писать, и говорилъ такъ кротко, съ такимъ участіемъ, что Оливеръ не зналъ, чѣмъ угодить ему. Иногда

онъ гулялъ съ мистриссъ Мели и Розою, и слушалъ ихъ разговоръ о книгахъ, или чтеніе; потомъ приготовлялъ урокъ къ слѣдующему дню въ маленькой комнаткѣ, выходившей окнами въ садъ; наконецъ опять гулялъ съ дамами, прислушиваясь къ ихъ разговору, и не помня себя отъ радости, когда ему удавалось сорвать имъ цвѣтокъ, или принести что-нибудь. Когда становилось темно, и они возвращались домой, Роза садилась за фортепьяно и играла какую-нибудь меланхолическую арію, или пѣла старинную пѣсню, которая нравилась ея тетушкѣ. Въ такое время еще не подавали свѣчей, и Оливеръ, сидя у окна, со слезами радости слушалъ музыку.

А когда приходило воскресенье, какъ различно отъ прежняго проводилъ онъ его! Въ маленькой деревенской церкви, бѣдняки въ праздничныхъ платьяхъ съ такимъ усердіемъ преклоняли колѣни въ молитвѣ, что Оливеръ невольно подражалъ имъ...

Утромъ онъ вставалъ въ шесть часовъ, бѣгалъ по полямъ, рвалъ цвѣты и возвращался къ завтраку съ букетомъ; потомъ кормилъ птичекъ миссъ Мели, или помогалъ садовнику поливать растенія, и, награжденный привѣтливою улыбкою Розы, казался счастливѣйшимъ изъ людей.

Такъ протекли три мѣсяца. Кротость и великодушіе съ одной стороны, пламенная, святая благодарность съ другой—сдѣлали то, что скоро Оливеръ сталъ совершенно-домашнимъ у старушки и ея племянницы; за ласки и привязанность его платили ему вниманіемъ и любовью.

ГЛАВА XXXII

О ТОМЪ, ЧТО ВОЗМУТИЛО СЧАСТІЕ ОЛИВЕРА И ДРУЗЕЙ ЕГО.

Быстро пролетѣла весна; наступило лѣто, и если деревня была прекрасна сначала, то теперь она была въ полномъ, роскошномъ цвѣтѣ; деревья, едва распускавшіяся въ первые мѣсяцы, теперь казались полными жизни и, далеко раскинувъ широкія вѣтви, давали убѣжище отъ лучей палящаго солнца. Земля одѣлась блестящимъ покрываломъ и разсыпала повсюду цвѣты, наполнявшіе воздухъ чуднымъ ароматомъ.

Обитатели маленькой деревеньки вели ту же мирную жизнь: Оливеръ сдѣлался бодрымъ и здоровымъ, но чувства его къ благодѣтельницамъ оставались тѣ же.

Однимъ прекраснымъ вечеромъ прогулка ихъ продолжалась долѣе [обык]новеннаго; Роза была весела, и живой разговоръ не прерывал[ся; м]истриссъ Мели устала, и всѣ возвратились домой. Роза, снявъ ..., сѣла по обыкновенію за фортепьяно. Пробѣжавъ разсѣянно

по клавишамъ, она заиграла грустную пѣсню, и вдругъ послышались ея рыданія...

— Роза, другъ мой! сказала старушка.

Роза не отвѣчала, но стала играть скорѣе, какъ-будто звуками желая заглушить грусть свою.

— Чтò съ тобою, Роза? сказала мистриссъ Мели, поспѣшно вставая и подходя къ ней. — Ты вся въ слезахъ. Милое дитя мое, чтò печалитъ тебя?

—Ничего, тетушка, ничего... отвѣчала дѣвушка.—Я сама не знаю чтò со мною; не могу выразить; но мнѣ такъ тяжело къ вечеру...

— Не больна ли ты?

— Нѣтъ, нѣтъ! не больна! отвѣчала Роза вздрагивая. — Теперь мнѣ лучше. Заприте окно.

Оливеръ поспѣшно исполнилъ ея просьбу, и Роза, превозмогая себя, хотѣла заиграть что-нибудь веселое. Но пальцы ея дрожали; закрывъ лицо руками, она бросилась на софу и дала волю слезамъ, которыхъ не могла удерживать долѣе.

— Дитя мое, другъ мой! сказала старушка, обнимая ее: — я никогда еще не видала тебя въ такомъ грустномъ расположеніи.

— Я боюсь, не больна ли я, тетушка, прошептала Роза.

Она была больна въ-самомъ-дѣлѣ. Когда принесены были свѣчи, всѣ ужаснулись ея блѣдности. Оливеръ, съ безпокойствомъ слѣдившій за всѣми движеніями старушки, замѣтилъ, что она приходитъ въ отчаяніе. Роза, удаляясь въ свою комнату, утѣшала ее, что на другой день ей будетъ гораздо-лучше.

— Надѣюсь, сударыня, сказалъ Оливеръ, когда мистриссъ Мели возвратилась: — что нѣтъ никакой опасности? Миссъ Мели не такъ здорова, но...

Старушка сдѣлала ему знакъ молчать, и сѣвъ въ темный уголъ комнаты, нѣсколько минутъ оставалась безмолвною. Наконецъ она сказала дрожащимъ голосомъ:

— Надѣюсь, что нѣтъ, Оливеръ. Я была счастлива съ нею нѣсколько лѣтъ,—слишкомъ счастлива... Я боюсь потерять ее...

— О, избави Боже! вскричалъ Оливеръ.

Прошла безсонная ночь; когда наступило утро, Роза была въ сильной горячкѣ.

— Намъ должно дѣйствовать, а не плакать, Оливеръ, сказала мистриссъ Мели, прикладывая палецъ къ губамъ. — Это письмо надо какъ-можно-скорѣе отослать мистеру Лосберну въ Чертзей.

Оливеръ не могъ отвѣчать, но безпокойство видно было въ глазахъ его.

— Вотъ другое письмо, сказала мистриссъ Мели: — но не знаю, теперь отослать его, или подождать, чтò будетъ съ Розою.

— Это тоже въ Чертзей, сударыня? спросилъ Оливеръ, нетерпѣливо желавшій скорѣе исполнить порученіе.

— Нѣтъ, отвѣчала старушка, машинально отдавая письмо. Оливеръ взглянулъ на него, и увидѣлъ, что оно было адресовано къ Генриху Мели, конюшему, въ какой-то загородный домъ, но куда — онъ не могъ разобрать.

— Отослать его? спросилъ съ нетерпѣніемъ Оливеръ.

— Я думаю нѣтъ, отвѣчала мистриссъ Мели, взявъ назадъ письмо. — Подожду до завтра.

Съ этими словами она подала Оливеру кошелекъ, и онъ бѣгомъ пустился изъ дому.

Быстро бѣжалъ онъ по полямъ, перескакивая черезъ рвы и пригорки, и остановился только у трактира, какъ велѣла ему мистриссъ Мели.

Здѣсь онъ заплатилъ трактирщику, который тотчасъ отправилъ человѣка верхомъ въ Чертзей съ письмомъ къ доктору Лосберну. Оливеръ, успокоенный тѣмъ, что исполнилъ порученіе, вышелъ изъ воротъ трактира, и вдругъ наткнулся на толстаго человѣка, завернутаго въ плащъ и входившаго въ ворота.

— Чтó за чортъ! вскричалъ человѣкъ, устремивъ глаза на Оливера и отступивъ нѣсколько шаговъ.

— Извините, сударь, сказалъ Оливеръ: — я торопился домой и не замѣтилъ васъ.

— Смерть! шепталъ незнакомецъ самъ-себѣ, смотря на мальчика большими черными глазами. — Кто бы подумалъ! Онъ и изъ гроба заслонитъ мнѣ дорогу!

— Мнѣ очень совѣстно, сударь, говорилъ Оливеръ, смущенный дикимъ взглядомъ незнакомца. — Надѣюсь, я не ушибъ васъ.

— Проклятіе! шепталъ тотъ, скрежеща зубами.—Еслибъ я только имѣлъ бодрость сказать слово, то въ одну ночь избавился бы отъ него. Проклятіе на твою голову, чертёнокъ! Что ты здѣсь дѣлаешь?

Незнакомецъ сжалъ кулакъ и стиснулъ зубы, сказавъ эти слова. Онъ подошелъ къ Оливеру какъ-бы въ намѣреніи ударить его, но вдругъ упалъ на землю въ ужасныхъ судорогахъ.

Оливеръ взглянулъ на мученія безумнаго (какъ онъ думалъ), и бросился въ домъ за помощью. Увидя, что его осторожно перенесли въ трактиръ, онъ побѣжалъ домой, вспоминая съ изумленіемъ и страхомъ необыкновенныя слова человѣка, вовсе ему незнакомаго.

Но эти мысли разсѣялись, когда онъ подошелъ къ дому. Розѣ было хуже; около полуночи она начала бредить. Докторскій ученикъ, неоставлявшій ея ни на минуту, отвелъ въ сторону мистриссъ Мели и съ горестію сказалъ:

— Если она выздоровѣетъ, это будетъ чудомъ.

Какъ часто Оливеръ, вскакивая ночью съ постели, тихонько пробирался по лѣстницѣ, прислушиваясь къ дыханію больной! Какъ часто дрожь проникала его тѣло, и крупныя капли пота выступали при мысли, что его благодѣтельницѣ хуже. Но что̀ были его прежнія молитвы въ-сравненіи съ тѣми, которыя онъ возсылалъ теперь къ Богу за жизнь и здоровье нѣжнаго созданія, быстрыми шагами стремившагося къ могилѣ!

Наступило утро; въ домѣ все было пусто и тихо. Люди говорили шопотомъ; безпокойныя лица являлись у дверей; женщины и дѣти уходили назадъ въ слезахъ. Цѣлый день Оливеръ ходилъ по саду, не спуская глазъ съ оконъ больной. Поздно ночью пріѣхалъ мистеръ Лосбернъ.

— Плохо, сказалъ докторъ, отворачиваясь: — такъ молода, такъ любима, и такъ мало надежды!

На другое утро солнце сіяло свѣтло, — такъ свѣтло, какъ-будто оно не видѣло ни несчастія, ни заботъ; и между-тѣмъ, какъ каждый листокъ и цвѣточекъ былъ въ полномъ цвѣтѣ, — между-тѣмъ, какъ жизнь, здоровье и звуки радости окружали со всѣхъ сторонъ прекрасное созданіе, оно увядало... Оливеръ тихонько пробрался къ церковному кладбищу, и, сѣвъ на зеленые холмики, плакалъ въ молчаніи.

Картина, раскинутая передъ его глазами была такъ прекрасна, пѣсни лѣтнихъ птицъ такъ веселы, все было такъ полно жизнью и радостью, что когда мальчикъ поднялъ свои влажные глаза и осмотрѣлся кругомъ, его поразила мысль, что теперь нельзя умереть, что Роза вѣрно не можетъ умереть, когда все весело и вольно; что могила создана для холодной и угрюмой зимы, а не для весенняго солнца. Онъ всегда думалъ, что саванъ облекаетъ собою только старость, а не юность и красоту.

Ударъ церковнаго колокола прервалъ размышленія мальчика. Другой,—еще... Колоколъ призывалъ къ погребальной церемоніи. Толпа провожала усопшую; всѣ были въ бѣломъ, потому-что покойница была молода. Гробъ былъ открытъ, — надъ нимъ рыдала мать. А солнце все-таки сіяло и птицы весело пѣли...

Оливеръ возвратился домой, думая о томъ, ка̀къ добра была къ нему молодая дѣвушка, ка̀къ желала, чтобъ онъ могъ заплатить чѣмъ-нибудь ей. Мистриссъ Мели сидѣла въ залѣ. При взглядѣ на нее, сердце Оливера сжалось, потому-что она никогда не оставляла постели своей племянницы, и онъ дрожалъ при мысли о томъ, что̀ привлекло ее сюда. Онъ узналъ, что Роза впала въ глубокій сонъ, изъ котораго должна была пробудиться или къ жизни, или для того, чтобъ сказать имъ последнее прости.

Они сидѣли, прислушиваясь, не говоря ни слова по цѣлымъ ча-

самъ. Обѣдъ унесли нетронутый. Послышались шаги; оба они бросились къ двери, въ которую вошелъ докторъ.

— Что Роза? вскричала старушка. — Скажите мнѣ скорѣе; я все снесу. О, говорите, ради Бога!

— Успокойтесь, сказалъ докторъ, поддерживая ее: — успокойтесь, прошу васъ.

— Пустите меня! вскричала мистриссъ Мели. — Милое дитя мое! Она умерла! умерла!

— Нѣтъ! вскричалъ докторъ. — Господь многомилостивъ, она будетъ жить для вашего счастія.

Старушка пала на колѣни и хотѣла сложить руки; но силы измѣнили ей, и она безъ чувствъ упала на руки друзей своихъ.

ГЛАВА XXXIII.

Новый джентльменъ является на сцену. — Еще приключеніе съ Оливеромъ.

Слова доктора произвели на всѣхъ большое вліяніе. Оливеръ не могъ ни плакать, ни говорить, ни радоваться. Онъ едва понималъ, что̀ происходило, и только ввечеру потокъ слезъ облегчилъ грудь его.

Ночь уже наступала, когда онъ возвращался домой, нарвавъ цвѣтовъ, чтобъ ихъ поставить въ комнату больной Розы. Проходя по дорогѣ, онъ услышалъ за собою стукъ приближавшагося экипажа, и, оглянувшись, увидѣлъ почтовую карету, скакавшую во весь опоръ.

Когда карета проѣзжала мимо, Оливеръ бросилъ взглядъ на человѣка въ бѣломъ колпакѣ, котораго лицо показалось ему знакомымъ. Бѣлый колпакъ еще разъ выглянулъ изъ кареты, приказывая кучеру остановиться, и потомъ назвалъ Оливера по имени.

— Сюда! кричалъ голосъ. — Господинъ Оливеръ, что новаго? Миссъ Роза... господинъ Оливеръ!

— Это ты, Джильсъ? спросилъ Оливеръ, подбѣгая къ каретѣ.

Джильсъ хотѣлъ отвѣчать; но его вытолкнулъ молодой человѣкъ, занимавшій другой уголъ кареты, спрашивая, что̀ новаго?

— Однимъ словомъ, вскричалъ онъ; — хуже, или лучше?

— Лучше, гораздо-лучше! отвѣчалъ Оливеръ.

— Слава Богу! вскричалъ молодой человѣкъ. — Ты точно увѣренъ?

— Точно: мистеръ Лосбернъ сказалъ, что опасность миновалась.

Молодой человѣкъ не сказалъ болѣе ни слова, но выскочилъ изъ кареты и, отведя Оливера въ сторону, спросилъ:

— Точно ли это правда? Не ошибаешься ли ты, дружокъ? Прошу тебя, скажи прямо...

— Я самъ слышалъ слова доктора, отвѣчалъ Оливеръ.

Слезы блистали въ глазахъ Оливера, и молодой человѣкъ, отворотясь, нѣсколько минутъ оставался безмолвнымъ. Въ это время Джильсъ въ бѣломъ колпакѣ, сидя на подножкѣ кареты, облокотился локтями на колѣни и платкомъ утиралъ слезы.

— Я думаю, тебѣ лучше ѣхать къ матушкѣ, Джильсъ, сказалъ молодой человѣкъ.—Я пойду пѣшкомъ; ты можешь сказать, что я иду.

— Позвольте мнѣ идти съ вами, а карету можно отпустить, сказалъ Джильсъ.

Генрихъ согласился, и они пошли вмѣстѣ. Оливеръ смотрѣлъ на него съ любопытствомъ. Молодому человѣку казалось около двадцати-пяти лѣтъ; онъ былъ средняго роста, съ прекраснымъ, открытымъ лицомъ, и, не смотря на различіе лѣтъ, имѣлъ такое сходство съ мистриссъ Мели, что Оливеру нетрудно было бы догадаться о ихъ родствѣ, еслибъ даже Генрихъ и не говорилъ, что онъ сынъ ея.

Мистриссъ Мели съ безпокойствомъ ждала сына; свиданіе ихъ было трогательно.

— О, матушка! шепталъ молодой человѣкъ: — зачѣмъ вы не написали прежде?

— Я хотѣла писать, отвѣчала мистриссъ Мели: — но рѣшилась лучше подождать мнѣнія нашего добраго доктора.

— Но еслибъ что-нибудь случилось безъ меня? спросилъ молодой человѣкъ. — Еслибъ Роза... я боюсь выговорить... еслибъ ея болѣзнь кончилась иначе, могли ли бы вы простить себѣ, и могъ ли бы я быть счастливъ?

— Еслибъ даже это и случилось, сказала мистриссъ Мели: — твой пріѣздъ днемъ ранѣе ни къ чему не послужилъ бы.

— Но если бъ вы знали, что̀ я перенесъ въ это время, сказалъ молодой человѣкъ.—Я не могу скрывать чувствъ своихъ: сердце мое вполнѣ принадлежитъ Розѣ; у меня въ жизни нѣтъ ни мысли, ни надежды, ни желанія, кромѣ ея, и если вы несогласны со мною, вы развѣете на вѣтеръ все мое счастіе и радость. Матушка, подумайте объ этомъ; не пренебрегайте чувствами, о которыхъ вы такъ мало думаете...

— Генрихъ, сказала мистриссъ Мели:—я слишкомъ-много думаю о нихъ, и потому боюсь, чтобъ они не обманули тебя. Подумай...

— Я ужь много думалъ, отвѣчалъ онъ съ нетерпѣніемъ:—думалъ цѣлые годы, думалъ съ-тѣхъ-поръ, какъ началъ думать въ первый разъ. Чувства мои остаются неизмѣнными; зачѣмъ мнѣ мучить себя? Нѣтъ! Прежде, нежели я уѣду отсюда, Роза выслушаетъ меня.

— Но прежде, нежели ты сдѣлаешь это, прежде, нежели ты увидишь себя на высшей степени надежды, подумай, другъ мой, объ исторіи Розы, размысли, какое дѣйствіе вѣсть о ея темномъ рожденіи

можетъ имѣть на ея рѣшеніе,—вспомни, кàкъ она привязана къ намъ и кàкъ во всѣхъ случаяхъ велико ея сомоотверженіе.

— Чтò вы хотите сказать?

— Угадай самъ. Мнѣ пора идти къ Розѣ.

— Увижу ли я васъ вечеромъ? спросилъ молодой человѣкъ.

— Да, когда я оставлю Розу.

— Вы скажете ей, что я здѣсь?

— Скажу.

— И прибавьте, кàкъ я безпокоился, кàкъ я страдалъ, кàкъ я спѣшилъ скорѣе ее видѣть. Не откажите мнѣ въ этомъ, матушка...

— Нѣтъ, сказала старушка: — я все скажу ей. И, пожавъ руку сына, она поспѣшно вышла изъ комнаты.

Мистеръ Лосбернъ и Оливеръ оставались въ другомъ углу комнаты во время этого разговора. Теперь докторъ дружески протянулъ руку Генриху и разсказалъ ему въ подробности болѣзнь своей паціентки, обнадеживая въ скоромъ ея выздоровленіи. Джильсъ въ это время со вниманіемъ прислушивался къ разговору.

— Чтò, Джильсъ? не подстрѣлилъ ли ты опять чего-нибудь? спросилъ докторъ.

— Ничего особеннаго, сударь, отвѣчалъ Джильсъ, покраснѣвъ до ушей.

— Не поймалъ ли какихъ воровъ или разбойниковъ? лукаво спросилъ докторъ.

— Нѣтъ, сударь, отвѣчалъ серьёзно Джильсъ.

— Жаль! Вѣдь ты на это мастеръ. Въ тотъ день, какъ за мной такъ поспѣшно послали отсюда, я выпросилъ кое-что для тебя у твоей доброй барыни. Поди-ка сюда, я скажу тебѣ.

Джильсъ отошелъ въ уголъ съ важностью и нѣкоторымъ удивленіемъ; но когда докторъ шепнулъ ему нѣсколько словъ на ухо, онъ началъ дѣлать ему низкіе поклоны, и, вышедъ въ кухню, съ достоинствомъ объявилъ всѣмъ слугамъ, что госпожѣ угодно было, за его храбрость противъ разбойниковъ, положить для него въ банкъ двадцать-пять фунтовъ стерлинговъ. На это двѣ горничныя подняли вверхъ глаза и руки, думая, что мистеръ Джильсъ уже загордится передъ ними; но онъ успокоилъ всѣхъ, сказавъ, что ни для кого ни въ чемъ не перемѣнится.

Наверху, вечеръ пролетѣлъ незамѣтно; докторъ былъ особенно веселъ: его шутливые разсказы заставляли хохотать Оливера, и даже Генриха; было уже поздно, когда они разошлись по комнатамъ.

Оливеръ всталъ на другое утро съ радостію въ сердцѣ, и съ надеждою принялся за свои ежедневныя занятія. Клѣтки съ птицами были повѣшены на свои мѣста, и прекраснѣйшіе цвѣты собраны для Розы. Задумчивость исчезла съ лица мальчика; всѣ предметы

представлялись ему въ новомъ, прелестнѣйшемъ видѣ. Казалось, роса ярче блестѣла на зеленыхъ листьяхъ, голубой цвѣтъ неба былъ свѣтлѣе и прозрачнѣе.

Но Оливеръ не одинъ дѣлалъ свои утреннія прогулки. Генрихъ Мели, встрѣтивъ однажды утромъ Оливера, получилъ такую страсть къ цвѣтамъ, что сдѣлался усерднѣе его въ собираніи ихъ. Но за то Оливеръ зналъ, гдѣ растутъ лучшіе цвѣты, и каждое утро они бѣгали вмѣстѣ по полямъ, чтобъ потомъ душистою гирляндою украсить окно Розы.

Для Оливера быстро летѣло время, хотя молодая дѣвушка еще не выходила изъ своей комнаты, и вечернія прогулки ихъ не возобновлялись. Онъ съ особеннымъ стараніемъ учился у сѣдаго старика, и сдѣлалъ успѣхи, удивившіе его самого. Но вдругъ одно обстоятельство испугало и разстроило его.

Маленькая комнатка, въ которой онъ привыкъ сидѣть съ своими книгами, была въ нижнемъ этажѣ, въ заднемъ фасадѣ дома. Это была совершенно-деревенская комната, съ рѣшетчатымъ окномъ, вокругъ котораго вились кусты жасминовъ и каприфолій, наполняя ароматомъ воздухъ. Окно выходило въ садъ, откуда калитка вела за ограду; кругомъ было поле и лѣсъ. Вблизи никакого жилья.

Однажды вечеромъ, когда земля начала одѣваться тѣнью, Оливеръ сидѣлъ у этого окна съ своими книгами. Нѣсколько времени онъ читалъ ихъ, и наконецъ, не въ укоръ господамъ-авторамъ, началъ постепенно засыпать.

Есть особенный родъ сна, который, оковывая тѣло, оставляетъ мысли свободными. Оливеръ помнилъ очень-хорошо, что онъ въ своей маленькой комнаткѣ, что его книги лежатъ передъ нимъ на столѣ, и что свѣжій воздухъ вѣетъ ему въ лицо, — и однакоже онъ спалъ. Вдругъ сцена перемѣнилась, воздухъ сдѣлался спертъ и душенъ; ему показалось, что онъ опять въ домѣ Жида. Гнусный старикъ сидѣлъ въ своемъ углу, показывая на него и шепча другому человѣку, сидѣвшему возлѣ него:

— Тише! казалось ему, говорилъ Жидъ: — это онъ, я увѣренъ. Пойдемъ отсюда.

—Онъ! казалось, отвѣчалъ другой: — ужь я не ошибусь. Еслибъ черти спрятали его, я и тогда бы не ошибся. Если бъ вы зарыли его на пятьдесятъ футовъ въ землю и привели меня на могилу, я узналъ бы, безъ памятника, гдѣ онъ зарытъ, — узналъ бы!

Онъ говорилъ это съ такою яростію, что Оливеръ проснулся отъ страха и вздрогнулъ.

Боже! что̀ заставило его кровь прилить къ сердцу и лишило его способности кричать и двигаться?.. Тутъ, у окна, почти возлѣ него, такъ близко, что онъ могъ дотронуться,—стоялъ, устремивъ глаза въ

комнату, Жидъ; а за нимъ, блѣдный отъ ярости или страха—человѣкъ, котораго онъ встрѣтилъ у трактира.

Все это въ одно мгновеніе мелькнуло передъ его глазами и скрылось. Но они узнали его, онъ ихъ, — и взглядъ ихъ такъ глубоко остался въ его памяти, какъ-бы онъ былъ врѣзанъ на камнѣ. Съ минуту онъ стоялъ, не зная, что дѣлать, и потомъ, выскочивъ изъ окна въ садъ, громко звалъ на помощь.

ГЛАВА XXXIV,

изъ которой можно видѣть невыгодныя послѣдствія приключенія съ Оливеромъ и то, что происходило между Генрихомъ и Розою.

Люди, привлеченные криками Оливера, бросились къ нему и нашли его блѣднаго, встревоженнаго: онъ показывалъ на поле, бывшее сзади дома и едва могъ произнести слова: «Жидъ! Жидъ!»

Джильсъ не понималъ, что значитъ этотъ крикъ; но Генрихъ, которому извѣстна была исторія Оливера, тотчасъ догадался, въ чемъ дѣло.

— Куда онъ побѣжалъ? спросилъ онъ, схватывая толстую палку, стоявшую въ углу.

— Сюда! отвѣчалъ Оливеръ, показывая по направленію, гдѣ скрылись люди.

— Такъ они во рву! сказалъ Генрихъ. — Иди за мною. — Но онъ бросился съ такою быстротою, что другіе едва могли за нимъ слѣдовать.

Джильсъ и Оливеръ бѣжали какъ могли. Скоро мистеръ Лосбернъ, только-что возвратившійся домой, побѣжалъ вслѣдъ за ними.

Они остановились, пробѣжавъ поле, на которое показывалъ Оливеръ, и начали осматривать ровъ. Въ это время мистеръ Лосбернъ догналъ ихъ, и Оливеръ разсказалъ ему все происшествіе.

Поиски остались тщетными. Нигдѣ не видно было и слѣдовъ. Всѣ взошли на небольшое возвышеніе, съ котораго видно было кругомъ на три мили. Влѣво была деревня; но чтобъ достичь ея, бѣглецы должны были непремѣнно бѣжать по открытому полю. — Густой лѣсъ чернѣлся по другому направленію; но его они не могли еще достигнуть.

— Тебѣ вѣрно показалось, Оливеръ? спросилъ Генрихъ, отводя его въ сторону.

— О, нѣтъ! отвѣчалъ Оливеръ, дрожа при одномъ воспоминаніи о лицѣ злодѣя: — я видѣлъ ихъ обоихъ, какъ теперь вижу васъ.

— Кто же былъ другой? спросили вмѣстѣ докторъ и Генрихъ.

— Тотъ самый человѣкъ, который бранилъ меня у трактира, сказалъ Оливеръ.

— Они скрылись по этой дорогѣ? спросилъ Генрихъ:—увѣренъ ли ты?

— Такъ увѣренъ, какъ въ томъ, что видѣлъ ихъ у окна, отвѣчалъ Оливеръ, показывая на рѣшетку, отдѣлявшую садъ отъ поля. Незнакомый мнѣ человѣкъ перескочилъ здѣсь, а Жидъ, отбѣжавъ нѣсколько шаговъ вправо, исчезъ въ кустахъ.

Два джентльмена не спускали глазъ съ Оливера, и повидимому были довольны его словами. Но ни въ какомъ направленіи не видно было бѣглецовъ. Трава была высока и нигдѣ не смята.

— Странно! сказалъ Генрихъ.

—Странно! повторилъ докторъ.—На нашемъ мѣстѣ и полицейскіе не нашли бы ничего.

Не смотря на то, что поиски не удались, ихъ не оставляли до вечера. Джильса разослали по всѣмъ сосѣднимъ шинкамъ съ подробнымъ описаніемъ лица и одежды бѣглецовъ; но онъ возвратился безъ успѣха.

На другой день сдѣланы были прежнія разъискавія, но все напрасно. Оливеръ и мистриссъ Мели поѣхали въ городъ, въ надеждѣ что-нибудь услышать, но и это было безуспѣшно; наконецъ, мало-по-малу все было забыто.

Между-тѣмъ, Роза быстро поправлялась. Она могла ужь выходить изъ комнаты, и это было новою радостію для всѣхъ, любившихъ ее.

Хотя эта счастливая перемѣна имѣла видимое дѣйствіе на маленькое общество, хотя веселые голоса и смѣхъ чаще слышались, однакожь было время, когда всѣ, — даже сама Роза, — бывали печальны. Мистриссъ Мели часто разговаривала наединѣ съ сыномъ, и не одинъ разъ Роза являлась съ слѣдами слезъ на лицѣ.

Наконецъ, однажды утромъ, когда она была одна въ залѣ, вошелъ Генрихъ и съ какою-то нерѣшимостію просилъ позволенія переговорить съ нею нѣсколько минутъ.

— Я буду доволенъ немногимъ, Роза, сказалъ молодой человѣкъ, подвигая къ ней стулъ.—Вы вѣрно угадываете, что̀ я хочу сказать вамъ; лучшія надежды моего сердца вамъ извѣстны, хоть отъ меня вы еще ничего не слышали.

Роза была очень блѣдна, когда онъ вошелъ; это могло быть слѣдствіемъ ея недавней болѣзни. Она опустила голову, и, наклонясь къ цвѣтку, стоявшему возлѣ, слушала молча.

— Я... я долженъ ѣхать отсюда, — сказалъ Генрихъ.

— Да, отвѣчала Роза. – Простите, что я говорю вамъ это, но я желаю вамъ добра.

— Меня привела сюда ужаснѣйшая вѣсть, сказалъ молодой чело-

нiкъ: — страхъ потерять существо, въ которомъ сосредоточены всѣ мои надежды и желанія. Вы умирали — вы были между землею и небомъ; а какъ часто красота и юность вянутъ преждевременно!

Слеза блеснула въ прекрасныхъ глазахъ дѣвушки и, упавъ на цвѣтокъ, ярко отразилась въ его чашечкѣ, какъ дань юнаго, чувствительнаго сердца.

— Ангелъ, продолжалъ страстно молодой человѣкъ:—лучшее созданіе Божіе быстро шло къ смерти. Роза, Роза! знать, что вы исчезали какъ тѣнь,—не имѣть надежды, что вы будете жить для нашего счастія,—чувствовать, что вы принадлежите ужѐ лучшему міру—вотъ, чего я не въ силахъ былъ перенесть. Эти мысли мучили меня днемъ и ночью; я боялся, что вы оставите насъ не узнавши, какъ пламенно я любилъ васъ... Вы начали выздоравливать;— я слѣдилъ за вашимъ переходомъ отъ смерти къ жизни съ участіемъ и страхомъ. Не говорите, чтобъ я потерялъ эти чувства;—ими только жило мое сердце.

— Я не говорю вамъ этого, сказала Роза, рыдая: — я желала бы только, чтобъ вы уѣхали и избрали себѣ высшую, благороднѣйшую цѣль, болѣе васъ достойную.

— Нѣтъ цѣли, болѣе меня достойной, какъ привлечь къ себѣ такое сердце, сказалъ молодой человѣкъ, взявъ ее за руку.—Роза, милая Роза, цѣлые годы я любилъ васъ, надѣясь сдѣлаться васъ достойнымъ и просить руки вашей. Это время не пришло. Но пусть еще не осуществились мечты моей юности; я отдаю вамъ сердце, которое давно принадлежитъ вамъ; ваши слова рѣшатъ мою участь...

— Вы всегда были добры и благородны, сказала Роза, скрывая волновавшія ее чувства.—Вы вѣрите, что я не нечувствительна и не неблагодарна; выслушайте же отвѣтъ мой. Вы должны стараться забыть меня—не какъ подругу своего дѣтства, но какъ предметъ любви своей. Идите въ свѣтъ; вы найдете тамъ сердце, достойное васъ. Питайте ко мнѣ другое чувство, и я буду вашимъ вѣрнѣйшимъ, нѣжнѣйшимъ другомъ.

Наступило молчаніе, во время котораго Роза, закрывъ лицо рукою, дала волю слезамъ. Генрихъ все еще держалъ другую ея руку. — Но что, сказалъ онъ тихимъ голосомъ: принуждаетъ васъ къ этому?

— Вы имѣете право знать все, замѣтила Роза.—Вы ничего не можете сказать противъ моихъ словъ. Я исполняю свою обязанность въ-отношеніи къ другимъ и къ самой-себѣ.

— Къ самой-себѣ?

— Да, Генрихъ. Я, бѣдная дѣвушка безъ родныхъ, безъ имени, не хочу, чтобъ свѣтъ думалъ, что я воспользовалась вашею первою

любовью и уничтожила вашу будущность, которая можетъ быть блестящею...

— Если ваши чувства согласны съ вашими понятіями объ обязанности...началъ Генрихъ.

— Они несогласны, отвѣчала Роза, краснѣя.

— Такъ вы не отвергаете любви моей? вскричалъ Генрихъ. — Скажите только это, Роза, и вы смягчите жестокость своего приговора.

— Если бъ я могла сдѣлать это, не вредя тому, кого люблю, — я могла бы...

— Иначе принять это объясненіе? сказалъ Генрихъ. —О, говорите! говорите...

— Да, я могла бы, сказала Роза.—Но къ-чему продолжать этотъ тягостный разговоръ? прибавила она освобождая свою руку:—тягостный особенно для меня, хоть я всегда буду счастлива мыслью, что вы любите меня... Прощайте, Генрихъ! Мы никогда болѣе не встрѣтимся. Пусть молитвы людей, преданныхъ вамъ душою, сдѣлаютъ васъ навсегда счастливымъ.

— Одно слово, Роза! сказалъ Генрихъ. — Какая главная причина вашего отказа? Еслибъ я былъ бѣденъ, еслибъ моею участью была жизнь безвѣстная, еслибъ я былъ несчастливъ, — вы отвергли бы меня?

—Не принуждайте меня отвѣчать, сказала Роза.—Ваше предположеніе никогда не можетъ осуществиться... къ-чему говорить о невозможномъ?

— Именемъ всего, что̀ свято для васъ, заклинаю васъ, отвѣчайте!

— Если бъ измѣнилась ваша участь, сказала Роза: — еслибъ я могла помочь вамъ или утѣшить васъ въ несчастіи, я отдала бы вамъ все... Теперь я имѣю причины быть счастливою, очень счастливою; но тогда, Генрихъ, я была бы еще счастливѣе.

Прежнія надежды дѣвушки оживились въ душѣ ея при этомъ признаніи; слезы заблистали въ глазахъ ея.

— Я не могу удержать эти слезы; онѣ еще болѣе укрѣпляютъ меня въ моемъ намѣреніи, сказала Роза, протягивая руку. — Я должна оставить васъ.

— Прошу еще объ одномъ, сказалъ Генрихъ. — Еще одинъ, послѣдній разъ позвольте мнѣ говорить съ вами о томъ же.

— Только не старайтесь заставить меня перемѣнить мое намѣреніе; это невозможно.

— Нѣтъ, сказалъ Генрихъ.—Я предложу вамъ тогда, что̀ буду имѣть, и если вы откажете, я не буду болѣе настаивать.

— Хорошо! отвѣчала Роза.

Она опять протянула ему руку; но молодой человѣкъ привлекъ ее

къ груди своей и, напечатлѣвъ поцалуй на прекрасномъ челѣ ея, вышелъ изъ комнаты.

ГЛАВА XXXV,

КОТОРАЯ МОЖЕТЪ ПОКАЗАТЬСЯ НЕНУЖНОЮ, НО КОТОРУЮ НЕОБХОДИМО ПРОЧЕСТЬ.

—И такъ, вы хотите быть моимъ спутникомъ въ нынѣшнее утро, – а? сказалъ докторъ, когда Генрихъ Мели засталъ его и Оливера за завтракомъ. – Вы, однако, за полчаса говорили другое?

— Я раздумалъ, отвѣчалъ Генрихъ, краснѣя.

— Но вчера утромъ, вы, какъ почтительный сынъ, хотѣли идти вмѣстѣ съ матушкою; до обѣда вы сказали, что проводите меня по дорогѣ въ Лондонъ, а ночью будите меня съ таинственностью, чтобъ встать прежде дамъ; отъ-этого и Оливеръ сидитъ теперь за завтракомъ вмѣсто того, чтобъ бѣгать по полямъ. Неправда ли, Оливеръ?

— Мнѣ было бы очень жаль, если бъ вы уѣхали отсюда въ то время, когда меня не было дома, отвѣчалъ Оливеръ.

— Именно, сказалъ докторъ.—Но, говоря серьёзно, Генрихъ, не получили ли вы какого-нибудь извѣстія изъ города?

— Нѣтъ, отвѣчалъ Генрихъ:—отъ дяди я во все время моего пребыванія здѣсь не получилъ ни одного письма.

— Но скоро будутъ выборы въ парламентъ. Смотрите не опоздайте, сказалъ докторъ.

—Генрихъ не отвѣчалъ ни слова. Почтовая карета подъѣхала къ воротамъ, и Джильсъ началъ укладывать чемоданы. Докторъ вышелъ.

— Оливеръ, сказалъ Генрихъ тихимъ голосомъ:—мнѣ нужно сказать тѣбѣ слово.

Оливеръ подошелъ къ Генриху, удивленный его грустнымъ и заботливымъ видомъ.

— Ты теперь умѣешь хорошо писать? спросилъ Генрихъ.

— Умѣю-съ.

— Я на нѣсколько времени уѣзжаю изъ дому, и хочу, чтобъ ты писалъ ко мнѣ каждый понедѣльникъ въ Лондонъ: согласенъ?

— О, конечно; я буду гордиться этимъ! вскричалъ Оливеръ, восхищенный такимъ порученіемъ.

— Я хотѣлъ бы знать все, что̀ касается до моей матушки и до миссъ Мели, сказалъ молодой человѣкъ. — Ты можешь писать, гдѣ вы гуляете, о чемъ вы говорите и какъ *она*, — я хочу сказать *онѣ*, счастливы ли, здоровы ли... Понимаешь?

— Понимаю, понимаю.

— Я хотѣлъ бы, чтобъ ты не говорилъ имъ объ этомъ, сказалъ Генрихъ:—потому-что это можетъ заставить матушку писать ко мнѣ чаще, а такая переписка будетъ безпокоить и утомлять ее. Пусть это останется между нами; но только ты все описывай мнѣ, все... Я полагаюсь на тебя.

Обрадованный Оливеръ обѣщался хранить все въ тайнѣ, и Генрихъ разстался съ нимъ, утѣшая его своимъ участіемъ и покровительствомъ.

Докторъ сидѣлъ въ каретѣ; Джильсъ держалъ дверь отворенною, а изъ саду выглядывали горничныя. Генрихъ бросилъ одинъ взглядъ на рѣшетчатое окно и прыгнулъ въ карету.

— Пошелъ! закричалъ онъ: — скорѣе, во весь галопъ!

Карета быстро покатилась, оставляя за собою облако пыли, и изрѣдка мелькая между деревьями; стукъ колесъ дѣлался тише и тише, и скоро совсѣмъ смолкъ въ отдаленіи.

Но чьи-то глаза слѣдили за каретою до-тѣхъ-поръ, пока она совсѣмъ скрылась; и еслибъ Генрихъ могъ видѣть сквозь бѣлую занавѣску рѣшетчатаго окна, то увидѣлъ бы Розу.

— Онъ кажется веселымъ и счастливымъ, сказала она наконецъ. Я прежде боялась за него. Я ошибалась. Я очень, очень рада.

Есть слезы радости и печали; но тѣ, которыя проливала Роза, сидя задумчиво у окна и все смотря вдаль, выражали болѣе горесть, нежели радость.

ГЛАВА XXXVI,

ИЗЪ КОТОРОЙ ЧИТАТЕЛЬ УВИДИТЪ, КАКЪ НЕПРОЧНО СУПРУЖЕСКОЕ СЧАСТІЕ.

Мистеръ Бомбль сидѣлъ въ залѣ Рабочаго Дома, печально устремивъ глаза на рѣшетчатое окно, сквозь которое едва пробивались лучи солнечные. Бумажная клѣтка для мухъ висѣла на потолкѣ; онъ часто поднималъ на нее глаза съ грустною думою, и когда безпечныя летуньи кружились около пышной сѣтки, мистеръ Бомбль испускалъ глубокій вздохъ, а лицо его хмурилось. Мистеръ Бомбль былъ въ размышленіи, и, быть-можетъ, мухи напомнили ему какое-нибудь тягостное происшествіе изъ его собственной жизни.

Но не одна печаль мистера Бомбля могла возбудить сожалѣніе въ зрителѣ. Въ одеждѣ его не доставало многаго, столь тѣсно соединеннаго съ его особою: видно, что въ положеніи его произошла большая перемѣна. Гдѣ обшитый золотомъ воротникъ и треугольная шляпа? Онъ по-прежнему носилъ короткіе панталоны и темные чулки, но уже не прежніе. Сюртукъ его былъ съ длинными полами, но какъ

отличенъ отъ прежняго! Величественная треугольная шляпа замѣнилась скромною круглою: мистеръ Бомбль не былъ уже смотрителемъ богоугодныхъ заведеній!..

Въ жизни есть званія, которыя, независимо отъ существенныхъ своихъ выгодъ, пріобрѣтаютъ особенную важность и достоинство отъ сюртуковъ и жилетовъ, къ нимъ принадлежащихъ. Отнимите у смотрителя треугольную шляпу и золотой галунъ, что̀ такое онъ будетъ? Простой человѣкъ, и больше ничего.

Мистеръ Бомбль женился на мистриссъ Корней и сдѣлался начальникомъ рабочаго дома. Другой смотритель заступилъ его мѣсто; къ этому смотрителю перешли треугольная шляпа, сюртукъ съ золотымъ галуномъ и трость.

— Завтра этому будетъ уже два мѣсяца! сказалъ мистеръ Бомбль со вздохомъ.—Эти мѣсяцы мнѣ кажутся вѣкомъ.

Можно бы подумать, что мистеръ Бомбль сосредоточилъ все свое счастіе въ восьми недѣляхъ; но вздохъ... вздохъ доказывалъ противное.

— Я продалъ себя, сказалъ мистеръ Бомбль, продолжая разсуждать:—за шесть чайныхъ ложекъ, за пару сахарныхъ щипцовъ, за молочникъ и за двадцать фунтовъ стерлинговъ чистыхъ денегъ. Дешево, слишкомъ-дешево!

—Дешево! закричалъ рѣзкій голосъ на ухо мистеру Бомблю.—Ты ровно ничего не сто̀ишь, и я слишкомъ дорого заплатила за тебя, Богъ видитъ это!

Мистеръ Бомбль обернулся и увидѣлъ лицо своей супруги, которая, не совсѣмъ понявъ его жалобы, сказала эти слова наудачу.

— Мистриссъ Бомбль! сказалъ мистеръ Бомбль съ сантиментальною суровостію.

— Ну! вскричала она.

— Сдѣлайте милость, взгляните на меня, сказалъ Бомбль, устремивъ на нее глаза.

—(Если она устоитъ противъ моего взгляда, думалъ Бомбль:—то устоитъ противъ всего въ свѣтѣ. Передъ нимъ дрожали многіе. Если жь она заставитъ меня потупить глаза, власть моя навсегда пропала.)

Но когда-то страшный взглядъ Бомбля теперь не смутилъ уже дражайшей его половины; напротивъ, она встрѣтила его съ презрѣніемъ, и даже громко захохотала.

Услышавъ этотъ неожиданный смѣхъ, мистеръ Бомбль сначала не вѣрилъ ушамъ своимъ, но потомъ пришелъ въ неописанный ужасъ. Уныніе овладѣло имъ, когда снова раздался голосъ его супруги.

— Что? ты вѣрно хочешь цѣлый день сидѣть здѣсь, выпучивъ глаза? спросила мистриссъ Бомбль.

— Я буду сидѣть здѣсь сколько мнѣ вздумается, замѣтилъ мистеръ Бомбль:—и дѣлать, что̀ мнѣ угодно; таково мое предназначеніе.

—Твое предназначеніе! со смѣхомъ вскричала мистриссъ Бомбль.

— Да, замѣтилъ мистеръ Бомбль.—Предназначеніе мужчины—повелѣвать.

—А скажите, пожалуйста, какое предназначеніе женщины?

— Повиноваться, сударыня! закричалъ мистеръ Бомбль громовымъ голосомъ.—Если бъ покойный супругъ вашъ научилъ васъ этому, то вѣроятно былъ бы теперь живъ. Я желалъ бы, чтобъ онъ былъ живъ, бѣдняжка!

Мистриссъ Бомбль, видя, что наступала рѣшительная минута, и что одинъ окончательный ударъ долженъ рѣшить первенство въ чью-нибудь пользу, едва услышала о покойномъ мужѣ, какъ упала на стулъ и съ громкимъ воплемъ залилась слезами.

Но мистеръ Бомбль былъ не такого свойства, чтобъ могъ растрогаться слезами: сердце его было изъ непромокаемой матеріи. Его чувства, подобно шляпамъ, небоящимся дождя, питались слезами; эти слезы, какъ свидѣтели его власти и могущества, даже нравились ему. Онъ взглянулъ на свою супругу съ самодовольствіемъ и просилъ ее кричать громче, говоря, что это полезно для здоровья.

— Слезы моютъ лицо, очищаютъ глаза и утишаютъ злость, сказалъ мистеръ Бомбль:—кричи громче.

Послѣ этой шутки, мистеръ Бомбль снялъ съ гвоздя свою шляпу и надѣлъ ее на бокъ, какъ человѣкъ, доказывающій свое превосходство, положилъ руки въ карманы и въ веселомъ расположеніи духа пошелъ къ дверямъ.

Но мистриссъ Корней заливалась слезами, потому-что не хотѣла начать прямой атаки; теперь она нашла себя принужденною прибѣгнуть къ этому средству, и недолго заставила ждать мистера Бомбля.

Прежде всего онъ почувствовалъ глухой звукъ, послѣ котораго шляпа его вдругъ отлетѣла въ противоположный уголъ комнаты. Такимъ образомъ голова его осталась обнаженною, и опытная дама, схвативъ его за галстухъ одною рукою, другою начала пускать въ него градъ ударовъ. Послѣ этого, она стала царапать ему лицо и рвать волосы; окончивъ же наказаніе, толкнула его на стулъ и велѣла молчать.

—Встань, сказала мистриссъ Бомбль повелительно:—и убирайся прочь съ глазъ моихъ, если не хочешь довести меня до отчаянія.

Мистеръ Бомбль всталъ съ испуганнымъ видомъ, удивляясь, можетъ ли быть что-нибудь еще отчаяннѣе, и теребя свою шляпу смотрѣлъ на дверь.

— Уйдешь ли ты? спросила мистриссъ Бомбль.

— Сейчасъ, мой другъ, сейчасъ... сказалъ мистеръ Бомбль, дѣлая

быстрое движеніе къ двери. — Я не имѣлъ намѣренія... я иду, мой другъ... Вы такъ жестоки, что я, право...

Въ эту минуту мистриссъ Бомбль сдѣлала нѣсколько шаговъ впередъ, чтобъ поправить коверъ, который сдвинулся съ мѣста во время битвы, и мистеръ Бомбль тотчасъ бросился изъ комнаты, оставивъ за супругою поле сраженія.

Мистеръ Бомбль былъ крѣпко удивленъ и крѣпко побитъ. Но онъ испилъ еще не всю чашу. Обошедъ вокругъ дома и разсудивъ въ первый разъ, что супружескіе законы слишкомъ-строги, онъ вошелъ въ комнату, гдѣ нѣсколько женщинъ мыли приходское бѣлье и откуда слышался громкій говоръ многихъ голосовъ.

— Гм! сказалъ мистеръ Бомбль, принимая все прежнее свое достоинство:—пусть по-крайней-мѣрѣ эти женщины будутъ уважать наше предназначеніе. Эй, вы! сороки! что̀ вы тутъ раскричались?

Съ этими словами мистеръ Бомбль отперъ дверь и вошелъ съ грознымъ и сердитымъ видомъ, который вдругъ измѣнился въ кроткій и смиренный, когда онъ увидѣлъ тутъ свою супругу.

—Другъ мой, сказалъ мистеръ Бомбль:—я не зналъ, что вы здѣсь.

—Не зналъ, что я здѣсь? повторила мистриссъ Бомбль.—А что *ты* здѣсь дѣлаешь?

— Я думалъ, что онѣ слишкомъ-много говорятъ вмѣсто того, чтобъ работать, мой другъ, отвѣчалъ мистеръ Бомбль, разсѣянно смотря на пару старухъ, удивлявшихся смиренію начальника Рабочаго Дома.

— Ты думалъ, что онѣ говорятъ слишкомъ много? сказала мистриссъ Бомбль.—А тебѣ какое до этого дѣло?

— Но... мой другъ... шепталъ Бомбль съ покорностью.

— Я тебя спрашиваю, какое тебѣ до этого дѣло? снова спросила мистриссъ Бомбль.

—Правда, вы здѣсь смотрительница, мой другъ, сказалъ Бомбль:—но я думалъ, что васъ нѣтъ здѣсь.

—Прошу васъ, мистеръ Бомбль, отвѣчала его супруга:—не вмѣшиваться не въ свое дѣло, и не соваться туда, куда не надо, на посмѣшище цѣлому дому. Вы дуракъ, мистеръ Бомбль! Подите вонъ отсюда!

Мистеръ Бомбль съ стѣсненнымъ сердцемъ, видя восхищеніе двухъ старухъ, медлилъ съ минуту. Мистриссъ Бомбль, теряя терпѣніе, схватила тазъ съ мыломъ и, показывая на дверь, приказывала ему тотчасъ удалиться, грозя, въ случаѣ неповиновенія, вылить все ему на голову.

Что́ могъ тутъ предпринять мистеръ Бомбль? Онъ печально осмотрѣлся кругомъ и ушелъ; но когда онъ подходилъ къ двери, смѣхъ женщинъ отозвался въ ушахъ его. Этого только не доставало. Онъ

былъ униженъ даже въ глазахъ этихъ женщинъ; онъ потерялъ вѣсъ и силу даже передъ воспитанницами; онъ упалъ съ высоты величія смотрителя богоугодныхъ заведеній въ самую глубь несчастнаго положенія человѣка, которымъ управляетъ жена.

— И все это въ два мѣсяца! сказалъ мистеръ Бомбль, терзаемый горестными мыслями.—Два мѣсяца назадъ, не болѣе какъ два мѣсяца, я былъ не только самъ себѣ господинъ, но начальствовалъ надъ цѣлымъ приходомъ; а теперь?

Это ужь было слишкомъ. Мистеръ Бомбль далъ пощечину мальчику, который отворялъ ему дверь, и разсѣянно вышелъ на улицу.

Онъ ходилъ изъ одной улицы въ другую, пока усталость не заставила его забыть тоску; онъ почувствовалъ жажду. Переходя мимо нѣсколькихъ трактировъ, онъ наконецъ остановился передъ однимъ изъ нихъ. Тамъ ему показалась въ окно, былъ только одинъ посѣтитель. Въ это время пошелъ сильный дождь и побѣдилъ его нерѣшительность; мистеръ Бомбль вошелъ и, приказавъ подать себѣ пить, вступилъ въ комнату, въ которую заглядывалъ съ улицы.

Человѣкъ, сидѣвшій тамъ, высокій и смуглый, былъ завернутъ въ длинный плащъ. Онъ казался иностранцемъ; по блуждающему его взгляду и запыленной одеждѣ можно было заключить, что онъ человѣкъ дорожный. Незнакомецъ осмотрѣлъ Бомбля съ ногъ до головы, но едва кивнулъ головою на его привѣтствіе.

У мистера Бомбля чувства собственнаго достоинства было достаточно для двоихъ; онъ молча выпилъ свой джинъ и началъ читать газету съ важнымъ видомъ.

Случилось однако, какъ случается очень-часто съ людьми въ подобныхъ обстоятельствахъ, что мистеръ Бомбль почувствовалъ неодолимое желаніе бросить взглядъ на незнакомца, и смутился, встрѣтившись съ его взглядомъ. Въ этомъ взглядѣ, яркомъ и пронзительномъ, была какая-то отвратительная смѣсь подозрѣнія и недовѣрчивости.

Когда такимъ образомъ глаза ихъ нѣсколько разъ встрѣтились, незнакомецъ глухимъ голосомъ прервалъ молчаніе.

— Вы меня искали, когда смотрѣли въ окно? спросилъ онъ.

— Я имѣю честь говорить съ мистеромъ... Здѣсь Бомбль остановился, любопытствуя узнать имя незнакомца.

—Вижу, что не меня, сказалъ послѣдній насмѣшливо:—иначе вы знали бы мое имя. Вамъ оно неизвѣстно, и я совѣтую не спрашивать о немъ.

— Я не имѣлъ намѣренія оскорбить васъ, молодой человѣкъ, величественно замѣтилъ Бомбль.

—И не могли бы, отвѣчалъ незнакомецъ.

Наступило новое молчаніе, которое опять прервано было незнакомцемъ.

— Мнѣ кажется, я видалъ васъ прежде, сказалъ онъ.—Тогда вы были иначе одѣты; вы кажется были смотрителемъ?

— Былъ, сказалъ мистеръ Бомбль съ нѣкоторымъ удивленіемъ.— Смотрителемъ богоугодныхъ заведеній.

— Именно, продолжалъ другой, кивнувъ головою: — я видѣлъ васъ въ этомъ званіи. Что же вы теперь?

— Начальникъ Рабочаго Дома, сказалъ мистеръ Бомбль тихо и выразительно, желая заставить незнакомца перемѣнить фамильярный тонъ.—Начальникъ Рабочаго Дома, молодой человѣкъ.

— Вы безъ сомнѣнія такъ же заботитесь о своихъ выгодахъ, какъ и прежде? спросилъ незнакомецъ, смотря въ глаза удивленному Бомблю.—Говорите правду. Вы видите, я хорошо васъ знаю.

— Мнѣ кажется, сказалъ мистеръ Бомбль, осматривая незнакомца съ ногъ до головы съ видимымъ смущеніемъ: — что женатый человѣкъ не долженъ отказываться отъ лишняго пенса, который иногда падаетъ къ нему въ карманъ. Приходъ не такъ хорошо платитъ, чтобъ служащіе ему не имѣли ни въ чемъ недостатка.

Незнакомецъ улыбнулся и снова кивнулъ головою, какъ-бы довольный тѣмъ, что не ошибся въ Бомблѣ; потомъ позвонилъ въ колокольчикъ.

— Налей опять этотъ стаканъ, сказалъ онъ, показывая трактирщику на пустой стаканъ Бомбля.—Сдѣлай покрѣпче и горячѣе. Вы такъ любите?

— Не очень крѣпко... отвѣчалъ мистеръ Бомбль, закашливаясь.

— Понимаешь, что̀ это значитъ? сказалъ незнакомецъ.

Трактирщикъ усмѣхнулся, исчезъ, и скоро возвратился съ пуншомъ, котораго первый глотокъ отуманилъ глаза мистеру Бомблю.

— Теперь выслушайте меня, сказалъ незнакомецъ, запирая дверь и окно.—Я шелъ сюда съ тѣмъ, чтобъ видѣть васъ, и по одному изъ тѣхъ случаевъ, которые чортъ доставляетъ друзьямъ своимъ, вы вошли въ комнату именно тогда, какъ я объ васъ думалъ. Я хотѣлъ бы отобрать отъ васъ нѣкоторыя свѣдѣнія; но не думайте, что вы останетесь за то безъ награды. Вотъ на первый случай.

Говоря это, онъ покатилъ по столу пару червонцевъ, и когда Бомбль, удостовѣрясь, что это червонцы не обрѣзанные, положилъ ихъ въ карманъ,—тотъ продолжалъ:

— Вспомните, что̀ было двѣнадцать лѣтъ назадъ, зимою.

— Это что-то давно, сказалъ Бомбль.—Да, помню.

— Сцена въ Домѣ Призрѣнія.

— Хорошо!

— Время—ночь.

— Хорошо!

— А место—грязная канура, где несчастныя дают жизнь несчастным детям и скрывают свой стыд в могиле.

— Я думаю, это комната пріюта, заметил Бомбль.

— Да, сказал незнакомец.—Там родился мальчик...

— Много мальчиков, заметил Бомбль, качая головою.

— Я говорю об одном! с нетерпеніем вскричал незнакомец: — о бледнолицой собаке, которую отдали к гробовщику (я бы желал, чтоб он сделал там себе гроб и схоронил себя) и которая после убежала в Лондон.

— Вы говорите об Оливере Твисте? сказал Бомбль.—Я помню его; он был страшный негодяй...

— Я не об нем хочу слышать: об нем я уже довольно слышал, сказал незнакомец, прерывая Бомбля, готовившагося начать длинную речь о преступленіях беднаго Оливера:—а о женщине, о ведьме, которая ходила за его матерью. Где она?

— Где она? сказал мистер Бомбль, развеселившійся от джину. — Это трудно сказать; ея теперь не найдти ужь вам.

— Что это значит?

— То, что она умерла прошедшею зимою, отвечал мистер Бомбль.

Незнакомец пристально посмотрел на него и потом погрузился в размышленія. Несколько времени он не знал радоваться или печалиться такому известію, наконец вздохнул свободно и хотел идти.

Мистер Бомбль был довольно-хитер и догадался, что в руках его дражайшей половины должна быть какая-нибудь тайна. Он хорошо помнил ночь смерти старой Селли, о которой ничего не хотела ему разсказывать мистрисс Корней; однакожь, из некоторых слов ея, он тогда же заметил, что дело шло о приключеніи, случившемся в то время, когда Селли была сиделкою при матери Оливера. Быстро сообразив эти обстоятельства, он с таинственным видом уведомил незнакомца, что одна женщина была наедине с старухой перед самой ея смертью, и потому, по мненію его, может дать подробнейшія сведенія о предмете его вопроса.

— Каким образом я могу найдти ее? спросил незнакомец, котораго опасенія снова возбудились.

— Не иначе, как чрез меня, отвечал Бомбль.

— Когда же? поспешно вскричал незнакомец.

— Завтра.

— В девять часов вечера, сказал незнакомец, написав на клочке бумаги свой адрес: — в девять часов вечера приведите ее ко мне. Я не считаю нужным просить вас хранить все это в тайне, потому-что в этом ваша собственная выгода.

Съ этими словами онъ вышелъ за дверь, заплатилъ трактирщику и, коротко замѣтивъ, что имъ надо идти въ разныя стороны, напомнилъ еще разъ объ условленномъ часѣ.

Взглянувъ на адресъ, Бомбль замѣтилъ, что на немъ не было никакого имени. Незнакомецъ ушелъ недалеко; мистеръ Бомбль догналъ его.

— Кто это? вскричалъ незнакомецъ, вдругъ оборачиваясь, когда Бомбль коснулся его руки. — Вы меня преслѣдуете?

— Одно слово, сказалъ Бомбль, показывая на клочекъ бумаги. — Какое имя я долженъ спросить?

— Монксъ, сказалъ незнакомецъ, и поспѣшно скрылся.

ГЛАВА XXXVII

О томъ, что происходило между Бомблемъ, его супругою и Монксомъ, при ихъ ночномъ свиданіи.

Былъ мрачный лѣтній вечеръ, и легкія облака, скопившись въ черныя тучи, готовились разразиться дождемъ и громомъ, когда мистеръ Бомбль съ супругою, вышедъ изъ большой городской улицы, направили путь свой къ маленькой колоніи изъ нѣсколькихъ разбросанныхъ домиковъ, въ одной милѣ отъ города, на болотистой почвѣ по берегу рѣчки.

Оба они покрыты были старыми, темными плащами, которые, защищая ихъ отъ дождя, въ то же время скрывали отъ глазъ любопытныхъ; мужъ несъ фонарь, въ которомъ не видно было огня, и шелъ впереди по грязи, показывая путь женѣ. Они шли въ глубокомъ молчаніи; изрѣдка мистеръ Бомбль уменьшалъ шаги и оборачивалъ голову, чтобъ удостовѣриться, слѣдуетъ ли за нимъ его спутница, и потомъ снова шелъ скорѣе къ назначенному мѣсту.

Это мѣсто было давно извѣстно, какъ пристанище людей, которые, подъ предлогомъ работы, жили тамъ, занимаясь грабежомъ и разбоями. То было собраніе низменныхъ лачужекъ, на-скоро построенныхъ большею частью изъ стараго корабельнаго лѣса и разбросанныхъ въ безпорядкѣ вдоль берега рѣки. Нѣсколько лодокъ, вытащенныхъ на берегъ, могло бы обнаруживать промыселъ жителей; но одинъ взглядъ на принадлежности рыбаковъ показывалъ, что это ремесло было только благовиднымъ предлогомъ.

Въ срединѣ группы хижинъ, недалеко отъ рѣки, стояло большое строеніе, прежде служившее фабрикою, и вѣроятно доставлявшее работу жителямъ. Но оно давно превратилось въ развалины. Мыши, черви, сырость ослабили и погноили столбы, его поддерживавшіе, и большая часть строенія погрузилась въ окружавшее ее болото, ме-

жду-тѣмъ, какъ другая, нависши надъ рѣкою, казалось, ждала случая обвалиться въ нее.

Передъ этимъ строеніемъ остановилась достойная чета, междутѣмъ, какъ дождь началъ идти сильнѣе и вдали слышались глухіе перекаты грома.

— Это должно быть здѣсь гдѣ-нибудь, сказалъ Бомбль, смотря на клочокъ бумаги.

— Здѣсь! закричалъ голосъ сверху.

Бомбль поднялъ голову и увидѣлъ незнакомца, смотрѣвшаго изъ втораго этажа.

— Постойте немного, говорилъ онъ: — я тотчасъ сойду къ вамъ. Съ этимъ словомъ голова исчезла.

— Это тотъ самый человѣкъ? спросила мистера Бомбля его супруга.

Бомбль отвѣчалъ утвердительно.

— Такъ помни, чему я учила тебя, сказала она. — Говори какъ-можно-меньше, или ты измѣнишь намъ...

Мистеръ Бомбль, боязливо осматривавшій строеніе, готовъ былъ уже воротиться назадъ, когда Монксъ отворилъ небольшую дверь, возлѣ которой они стояли, и просилъ ихъ войдти.

— Входите! вскричалъ онъ съ нетерпѣніемъ, топая ногою о полъ. — Не держите меня здѣсь!

Женщина, сначала медлившая, смѣло вошла безъ дальнѣйшаго приглашенія, и мистеръ Бомбль противъ воли послѣдовалъ за нею, потерявъ уже свой гордый видъ.

— Какой чортъ держалъ васъ тамъ въ грязи? сказалъ Монксъ, оборачиваясь и запирая дверь.

— Мы хотѣли прохладиться... шепталъ Бомбль, недовѣрчиво осматриваясь.

— Прохладиться! повторилъ Монксъ. — Весь дождь, который когда-нибудь падалъ, не зальетъ адскаго огня въ человѣкѣ. Вы не такъ скоро прохладитесь, увѣряю васъ.

Послѣ такой пріятной рѣчи, Монксъ быстро оборотился къ женщинѣ и остановилъ на ней свой звѣрскій взглядъ — такъ, что она, боявшаяся немногаго въ семъ свѣтѣ, потупила глаза въ землю.

— Это та женщина? спросилъ Монксъ.

— Гм! Это женщина... отвѣчалъ Бомбль, помня приказаніе жены.

— Вы думаете, что женщины не умѣютъ хранить тайны? прервала мистриссъ Бомбль.

— Я знаю, что онѣ всегда хранятъ *одну* тайну, пока ея не откроютъ, сказалъ Монксъ насмѣшливо.

— Какую? спросила тѣмъ же тономъ мистриссъ Бомбль.

— Потерю ихъ добраго имени, отвѣчалъ Монксъ. — Такимъ обра-

домъ, если женщина участвуетъ въ тайнѣ, за которую можетъ быть повѣшена, то я не боюсь ея болтовни. Понимаете?

— Нѣтъ, отвѣчала она краснѣя.

— Не понимаете? спросилъ Монксъ насмѣшливо. — Впрочемъ, кàкъ вамъ и понять!..

Грозя и насмѣхаясь надъ своими гостями и снова прося ихъ войдти, онъ прошелъ черезъ большую, низкую комнату, и готовился взойдти на извилистую лѣстницу, которая вела въ самый верхній этажъ, какъ вдругъ ослѣпительный блескъ молніи сверкнулъ сквозь отверстіе, и ударъ грома потрясъ все зданіе.

— Слышите? вскричалъ онъ, отступая назадъ. — Я терпѣть не могу этого звука.

Нѣсколько минутъ онъ молчалъ; потомъ вдругъ отнялъ руки отъ лица, которое, къ ужасу Бомбля, было совсѣмъ обезображено и почти черно.

— Эти припадки часто случаются со мною, сказалъ Монксъ, замѣтивъ его отчаяніе: — особенно во время грòзы. Теперь все прошло.

Говоря это, онъ взошелъ по лѣстницѣ и, быстро затворивъ ставень у окна комнаты, въ которую вела она, повѣсилъ къ потолку фонарь, который бросилъ слабый свѣтъ на старый столъ и три стула, стоявшіе возлѣ него.

— Ну, сказалъ Монксъ, когда всѣ трое сѣли: — чѣмъ скорѣе мы приступимъ къ дѣлу, тѣмъ лучше. Женщина вѣдь знаетъ въ чемъ дѣло?

Этотъ вопросъ относился къ Бомблю, но жена его поспѣшила сама отвѣчать.

— Онъ говорилъ, что вы были при старухѣ въ ту ночь, какъ она умерла, и что она сказала вамъ кое-что...

— О матери и мальчикѣ, о которыхъ вы спрашивали? прервала мистриссъ Бомбль. — Да.

— Первый вопросъ: какого рода было это извѣстіе? спросилъ Монксъ.

— Это второй, замѣтила женщина. — Первый долженъ быть: чтò вы дадите за извѣстіе?

— Кàкъ же я могу сказать, не зная, какого рода оно? сказалъ Монксъ.

— Вы должны знать это лучше другихъ, отвѣчала мистриссъ Бомбль, не имѣя недостатка въ смѣлости.

— Гм! сказалъ Монксъ. — Будетъ ли это стòять денегъ?

— Можетъ-быть.

— Это что-нибудь изъ ея одежды, сказалъ настойчиво Монксъ. — Что-нибудь изъ...

— Лучше соглашайтесь, прервала мистриссъ Бомбль. — Я вижу

теперь, что вы именно тотъ человѣкъ, съ которымъ мнѣ надо говорить.

Мистеръ Бомбль, непосвященный еще въ тайну своей супруги, прислушивался къ этому разговору, протянувъ шею и выпучивъ глаза на жену и Монкса. Удивленіе его еще болѣе усилилось, когда послѣдній спросилъ, какая сумма нужна за открытіе тайны.

— Сколько она стòитъ для васъ? спросила женщина такъ же спокойно, какъ прежде.

— Можетъ-быть и ничего, — можетъ-быть и двадцать червонцевъ, отвѣчалъ Монксъ. — Говорите, я узнàю, чтò изъ двухъ.

— Прибавьте еще пять; дайте мнѣ двадцать-пять золотыхъ, сказала женщина: — и я вамъ открою все, чтò знаю; но не прежде.

— Двадцать-пять золотыхъ! вскричалъ Монксъ, отступая назадъ.

— Я, кажется, говорю понятно, отвѣчала мистриссъ Бомбль. — Эта сумма, кажется, не очень велика.

— Не велика за пустую тайну, которая, можетъ-быть, ни къ чему мнѣ не послужитъ! вскричалъ съ нетерпѣніемъ Монксъ: — и которая хранилась двѣнадцать лѣтъ, или больше.

— Такія тайны, подобно хорошему вину, часто дѣлаются цѣннѣе отъ времени, отвѣчала женщина, сохраняя прежнее хладнокровіе.

— Но если я заплачу понапрасну? спросилъ Монксъ въ нерѣшимости.

— Вы можете легко взять назадъ свои деньги: я женщина, одна здѣсь, безъ защиты.

— Не одна, мой другъ, и не безъ защиты, сказалъ мистеръ Бомбль голосомъ, дрожавшимъ отъ страха: — я здѣсь! И къ-тому же, мистеръ Монксъ не захочетъ насъ обидѣть; онъ знаетъ, что я не мальчишка какой-нибудь, не безсильный; мнѣ нуженъ только случай, мой другъ...

— Ты дуракъ, сказала мистриссъ Бомбль: — и потому молчи, сдѣлай милость.

— Ему бы лучше было совсѣмъ отрѣзать языкъ, идучи сюда, если онъ не умѣетъ говорить тише, сказалъ Монксъ. — Такъ онъ вашъ мужъ?

— Да, мужъ! со смѣхомъ повторила женщина, избѣгая отвѣта.

— Я такъ и думалъ; тѣмъ лучше. Вотъ вамъ.

Говоря это, Монксъ вынулъ изъ кармана кошелекъ и, отсчитавъ двадцать-пять червонныхъ, придвинулъ ихъ къ мистриссъ Бомбль.

— Ну, сказалъ онъ: — спрячьте ихъ; а когда стихнетъ этотъ проклятый громъ, разскажите, чтò знаете.

Когда раскаты грома стихли, Монксъ, поднявъ голову, наклонился, чтобъ слушать, чтò скажетъ его гостья. Лица всѣхъ троихъ собесѣдниковъ почти касались другъ друга, когда всѣ трое склонились

для бесѣды. Слабый свѣтъ фонаря, падавшій на нихъ, увеличивалъ ихъ блѣдность и придавалъ имъ что-то страшное.

— Когда эта женщина, которую мы звали старою Селли, умирала, начала мистриссъ Бомбль: — я была съ нею одна.

— Никого больше не было? спросилъ Монксъ шопотомъ. — Ни одной больной на другихъ постеляхъ? никого, кто могъ бы слышать, понимать?

— Ни души, отвѣчала женщина. — Мы были однѣ; я одна стояла возлѣ умирающей, когда настигла ее смерть.

— Хорошо, сказалъ Монксъ, внимательно смотря на нее. — Далѣе.

— Она говорила о молодой женщинѣ, которая, нѣсколько лѣтъ назадъ, произвела на свѣтъ дитя не только въ той самой комнатѣ, но и на той самой постели, гдѣ лежала умирающая.

— Какъ? сказалъ Монксъ, блѣднѣя.

— Дитя было то самое, о которомъ вы говорили прошлый вечеръ, сказала мистриссъ Бомбль, обращаясь къ мужу. — Кормилица обокрала его мать.

— При жизни? спросилъ Монксъ.

— По смерти, отвѣчала женщина съ невольнымъ трепетомъ. — Она украла у тѣла, когда оно было уже холодно, то, что умирающая мать просила беречь для ребенка.

— И продала? вскричалъ Монксъ: — продала? гдѣ? когда? кому? давно ли?

— Когда она сказала мнѣ съ большимъ усиліемъ, что она сдѣлала это, то упала навзничь — и умерла.

— Не сказавъ болѣе ни слова? вскричалъ Монксъ ужаснымъ голосомъ. — Это ложь! Я не позволю себя обманывать... Она сказала больше... Я вырву изъ васъ жизнь, но узнаю истину.

— Она не произнесла болѣе ни одного слова, сказала мистриссъ Бомбль, ни мало не смутясь (однакожь Бомбль смутился), но судорожно схватила мое платье одною рукою, которая была полусжата, —и когда я увидѣла, что она умерла, то разжала руку, и нашла въ ней клочокъ грязной бумаги.

— Которая заключала въ себѣ... прервалъ Монксъ, выставляясь впередъ.

— Ничего, отвѣчала женщина: — то было свидѣтельсто отъ ломбарда.

— О чемъ? спросилъ Монксъ.

— Когда-нибудь я разскажу вамъ, сказала мистриссъ Бомбль. — Она умерла съ клочкомъ бумаги въ рукѣ; я взяла эту бумагу и выкупила вещь, заложенную въ ломбардѣ.

— Гдѣ же теперь эта вещь? быстро спросилъ Монксъ.

— Здѣсь, отвѣчала женщина. И, какъ-бы довольная тѣмъ, что мо-

жетъ избавиться отъ тягости, она поспѣшно бросила на столъ кошелекъ, который Монксъ отперъ дрожащими руками. Въ немъ лежалъ маленькій золотой браслетъ, въ которомъ были два локона волосъ и обручальное кольцо чистаго золота.

— На немъ вырѣзано имя *Агнесы,* сказала женщина.—Тутъ оставлено мѣсто для фамиліи, а потомъ слѣдуетъ число и годъ; ребенокъ родился послѣ этого числа. Я разъискала это.

— И тутъ все? сказалъ Монксъ, разсмотрѣвъ вещи внимательно.

— Все, отвѣчала мистриссъ Бомбль.

Мистеръ Бомбль вздохнулъ свободнѣе, обрадованный тѣмъ, что все кончено, и что деньги останутся у нихъ.

— Я ничего болѣе не знаю и не хочу знать, сказала его супруга, обращаясь къ Монксу послѣ краткаго молчанія.—Но могу ли сдѣлать вамъ два вопроса?

— Можете, сказалъ Монксъ съ нѣкоторымъ удивленіемъ:—но буду ли я отвѣчать на нихъ—это другой вопросъ.

— И того три, замѣтилъ мистеръ Бомбль, стараясь усмѣхнуться.

— Это ли вы ожидали узнать отъ меня? спросила его супруга.

— Это, отвѣчалъ Монксъ.—Другой вопросъ?

— Что̀ вы хотите дѣлать? Не можетъ ли это повредить мнѣ?

— Никогда, никому, сказалъ Монксъ. — Смотрите; но не двигайтесь съ мѣста, если вамъ дорога̀ жизнь.

Съ этими словами онъ вдругъ отодвинулъ столъ въ сторону и, подавивъ на полу желѣзную пружину, отбросилъ огромную опускную дверь, которая открылась у самыхъ ногъ Бомбля и заставила его отскочить на нѣсколько шаговъ.

— Смотрите внизъ, сказалъ Монксъ, опуская фонарь въ углубленіе.—Не бойтесь. Я могъ бы опустить васъ туда въ то время, какъ вы сидѣли, еслибъ захотѣлъ.

Ободренная этимъ, мистриссъ Бомбль подошла къ отверстію; мужъ послѣдовалъ ея примѣру. Мутная вода, усиленная дождемъ, быстро текла внизу, разбиваясь о каменья. То были остатки водяной мельницы.

— Если сюда бросить тѣло человѣка, гдѣ оно будетъ завтра утромъ? спросилъ Монксъ, оборачивая фонарь въ разныя стороны.

— Въ двѣнадцати миляхъ по теченію рѣки, разбитое въ дребезги, отвѣчалъ Бомбль отступая.

Монксъ вынулъ изъ-за пазухи свертокъ, который онъ получилъ отъ мистриссъ Бомбль и, привязавъ къ нему тяжесть, бросилъ въ глубину. Что-то стукнуло внизу. Вода крутилась по-прежнему...

Всѣ трое посмотрѣли другъ на друга и вздохнули свободнѣе.

— Кончено! сказалъ Монксъ, опуская дверь. — Если море иногда выдаетъ мертвыхъ, то не выдаетъ серебра и золота. Теперь намъ

больше нечего говорить; мы можемъ кончить свою пріятную бесѣду.

— Во всякомъ случаѣ... съ важностью замѣтилъ мистеръ Бомбль.

— Покрѣпче держите свой язычокъ, сказалъ Монксъ съ угрожающимъ видомъ.—За жену вашу я не боюсь.

— Можете положиться на меня, молодой человѣкъ, отвѣчалъ мистеръ Бомбль, кланяясь чуть не до земли.

— Радуюсь за васъ, замѣтилъ Монксъ. — Зажгите фонарь и убирайтесь отсюда какъ-можно-скорѣе.

Къ-счастію Бомбля, разговоръ кончился; иначе онъ, продолжая кланяться, непремѣнно слетѣлъ бы съ лѣстницы. Онъ зажегъ фонарь и, держа его въ рукѣ, молча сошелъ внизъ съ женою. Монксъ шелъ сзади, прислушиваясь къ шуму дождя и журчанію воды.

Они тихонько прошли нижнюю комнату; Монксъ вздрагивалъ при каждой тѣни, а мистеръ Бомбль все осматривался, нѣтъ ли гдѣ опускныхъ дверей. Дверь, къ которой они подошли, была тихо отперта для нихъ Монксомъ, и супруги, простившись съ своимъ таинственнымъ знакомцемъ, пошли домой.

По уходѣ ихъ, Монксъ, боявшійся оставаться одинъ, позвалъ мальчика, который былъ спрятанъ гдѣ-то внизу и, велѣвъ ему идти впередъ съ фонаремъ, возвратился въ прежнюю комнату.

ГЛАВА XXXVIII

О ТОМЪ, ЧТО ПРОИСХОДИЛО МЕЖДУ ЖИДОМЪ И МОНКСОМЪ.

Былъ вечеръ, когда Уилльямъ Сайксъ, пробудясь отъ сна, громко спросилъ который часъ.

Комната, гдѣ онъ сдѣлалъ этотъ вопросъ, была не изъ тѣхъ, въ которыхъ мы видѣли его до нападенія на Чертзей, хотя находилась въ той же части города и недалеко отъ прежней его квартиры. Она освѣщалась однимъ окномъ, выходившимъ на кровлю; недостатокъ одежды, мёбели и блѣдное, изнуренное лицо Сайкса показывали, что онъ терпѣлъ нужду.

Разбойникъ лежалъ на кровати, завернувшись въ свой бѣлый сюртукъ, служившій ему вмѣсто одѣяла. На лицо его, покрытое смертною блѣдностію, надвинутъ былъ колпакъ, и черная, небритая борода висѣла клочьями. Собака сидѣла у постели, не сводя глазъ съ своего хозяина; — повременамъ, слыша шумъ на улицѣ, она поднимала уши и ворчала. У окна, занятая починкою стараго жилета разбойника, сидѣла женщина, столь блѣдная и истомленная продолжительнымъ бдѣніемъ и нуждою, что въ ней едва было можно узнать Нанси; она отвѣчала на вопросъ Сайкса:

— Недавно било семь. Какъ ты чувствуешь себя, Билль?

— Слабъ какъ вода, отвѣчалъ Сайксъ съ звѣрскимъ взглядомъ. —Подай мнѣ руку; помоги какъ-нибудь встать съ этой проклятой постели.

Болѣзнь не уменьшила злости Сайкса; въ то время, какъ дѣвушка поднимала его и вела къ стулу, онъ проклиналъ ея неловкость и даже ударилъ ее.

— Ты все ревешь? спросилъ Сайксъ.—Перестань выть. Слышишь?

— Слышу, отвѣчала дѣвушка, отворачивая лицо и усиливаясь смѣяться.—Съ чего ты взялъ это?.. Ты не будешь жестокъ со мной, Сайксъ?

— Не буду? вскричалъ Сайксъ.—А отъ-чего?

— Столько ночей, сказала дѣвушка дрожащимъ голосомъ:—я ходила за тобою, берегла тебя, какъ-будто ты былъ дитя мое. Ты вѣрно не поступилъ бы со мною какъ теперь, еслибъ вспомнилъ объ этомъ? не правда ли?

— Конечно, конечно, сказалъ Сайксъ. — Чортъ возьми, ты опять плачешь!

— Это ничего, сказала дѣвушка, падая на стулъ.—Не обращай на это вниманія; все пройдетъ.

— Что̀ пройдетъ? спросилъ Сайксъ дикимъ голосомъ.— Ты опять сходишь съ ума. Встань, не смѣй являться ко мнѣ съ бабьими причудами.

Во всякое другое время эти слова произвели бы свое дѣйствіе; но дѣвушка, будучи слишкомъ слаба и истощена, опустила голову на спинку стула и лишилась чувствъ прежде, нежели Сайксъ успѣлъ произнести свои угрозы. Не зная, что̀ дѣлать, Сайксъ началъ звать на помощь.

— Что тамъ? что случилось? спросилъ Жидъ, выглядывая.

— Помоги ей, сказалъ Сайксъ съ нетерпѣніемъ:—да не стой здѣсь, выпучивъ глаза.

Съ крикомъ удивленія Феджинъ поспѣшилъ на помощь къ дѣвушкѣ, между-тѣмъ, какъ Докинсъ, или «хитрецъ», вошедшій въ комнату вслѣдъ за своимъ почтеннымъ другомъ, поспѣшно положилъ на полъ узелъ, выхватилъ бутылку у Чарльса Бэтса, откупорилъ ее зубами, и лилъ изъ нея на лицо больной.

— Возьми мѣхи, Чарльсъ, и дай ей чистаго воздуха, сказалъ Докинсъ.—Три ей руки, Феджинъ, а Биль пусть распуститъ шнуровку.

Все это производилось съ большою поспѣшностію; Бэтса особенно занимало его дѣло. Дѣвушка понемногу начала приходить въ чувство, и, подвинувъ стулъ къ постели, спрятала лицо въ подушки, между-тѣмъ, какъ Сайксъ съ удивленіемъ смотрѣлъ на гостей своихъ.

— Какой злой вѣтеръ занесъ васъ сюда? спросилъ онъ у Феджина.

— Не злой вѣтеръ, другъ, отвѣчалъ Жидъ:—злой вѣтеръ никому

не приноситъ добра, а я принесъ тебѣ кое-что, чему ты порадуешься. Ну, «хитрецъ», развяжи узелъ; дай Билю все, что̀ мы сегодня купили.

Повинуясь Феджину, Докинсъ развязалъ свой огромный узелъ и поочереди началъ передавать все, что̀ тамъ было, Бэтсу, который размѣщалъ все на столѣ.

— Вотъ паштетъ изъ кроликовъ, Биль! вскричалъ онъ:—приготовленный на славу. Вотъ чудесное мясо, сахаръ и отличнѣйшее вино.

— А! сказалъ Жидъ, съ самодовольствіемъ потирая руки:—теперь ты здоровъ?

— Здоровъ! вскричалъ Сайксъ:—я успѣлъ бы двадцать разъ умереть и никто изъ васъ не зашелъ бы ко мнѣ, побродяги!

— Слышите? сказалъ Жидъ, пожимая плечами.—Не мы ли принесли ему эти чудесныя вещи?

— Онѣ точно не дурны, замѣтилъ Сайксъ, смягченный при взглядѣ на столъ:—но для чего же вы бросили меня больнаго, какъ-будто бы я былъ этой собакой? Прогони ее, Чарльсъ!

— Я никогда не видывалъ такой чудесной собаки, вскричалъ Бэтсъ, прогоняя ее.—Чуетъ дичину, какъ старуха на рынкѣ!

— Молчать! сказалъ Сайксъ, и собака, ворча, спряталась подъ кровать.—Ну, что̀ ты скажешь о себѣ, старый пень?

— Я на недѣлю отлучался изъ Лондона, отвѣчалъ Жидъ.

— А что̀ случилось послѣ той ночи, когда ты оставилъ меня здѣсь, какъ мышь въ западнѣ? спросилъ Сайксъ.

— Я не могъ помочь тебѣ, Биль, отвѣчалъ Жидъ.—Не могу объяснить этого при всѣхъ; но клянусь честью, не могъ ничего сдѣлать.

— Чѣмъ клянешься? спросилъ съ отвращеніемъ Сайксъ.

— Не сердись же... съ покорностью сказалъ Жидъ.

— Ты долженъ оставить мнѣ денегъ, какъ будешь уходить, сказалъ Сайксъ.

— У меня нѣтъ съ собой ничего.

— Такъ дома есть. Откуда хочешь достань.

— Хорошо, хорошо, сказалъ Жидъ со вздохомъ:—я пришлю «хитреца».

— Не смѣй этого дѣлать! возразилъ Сайксъ. — «Хитрецъ» слишкомъ хитеръ, и пожалуй забудетъ прійдти, или собьется съ дороги, если ты пошлешь его. Нанси пойдетъ за тобою.

Скоро Жидъ разстался съ своимъ достойнымъ другомъ и возвратился домой въ сопровожденіи мальчиковъ и Нанси, между-тѣмъ, какъ Сайксъ заснулъ, ожидая ея возвращенія.

Пришедъ въ жилище Жида, они нашли тамъ Тоби Кракита и Читлинга, оканчивавшихъ пятнадцатую партію въ пикетъ. Читлингъ проигрывалъ уже пятнадцатый разъ. Кракитъ казался смущеннымъ,

что его застали за игрой съ человѣкомъ, котораго онъ превосходилъ званіемъ и умственными способностями; онъ взялъ шляпу и ушелъ.

Мальчики, кивнувъ головою Нанси, послѣдовали его примѣру. Жидъ остался съ нею наединѣ.

— Ну, сказалъ онъ: — я достану, что̀ просилъ Сайксъ. Вотъ ключъ отъ маленькаго ящика, въ которомъ держу вещи, приносимыя мальчиками. Я никогда не запираю своихъ денегъ, потому что — нѣчего запирать, — ха! ха! ха! — нѣчего запирать! Это плохая торговля, Нанси; но я люблю видѣть около себя молодежь, и все сношу. Тс! сказалъ онъ, вдругъ пряча ключъ: — кто это? Послушай-ка.

Дѣвушка, сидѣвшая у стола съ сложенными на груди руками, не обращала никакого вниманія на слова Жида, пока не услышала голоса вновь-прибывшаго человѣка. Въ-минуту она сорвала съ себя шляпу и платокъ и бросила ихъ подъ столъ. Когда Жидъ возвратился, она стала жаловаться на нестерпимый жаръ съ такимъ утомленнымъ видомъ, что его никакъ нельзя было согласить съ ея прежнею безпокойною дѣятельностію,

— Ба! шепталъ Жидъ: — это человѣкъ, котораго я ожидалъ. Не говори ни слова объ деньгахъ, Нанси, пока онъ здѣсь. Онъ не останется долго.

Положивъ свой изсохшій палецъ на губы, Жидъ пошелъ на встрѣчу гостю и столкнулся съ нимъ въ дверяхъ.

То былъ Монксъ.

— Она изъ моихъ, сказалъ Жидъ, замѣчая, что Монксъ остановился въ нерѣшимости, замѣтивъ незнакомое лицо. — Сиди, Нанси.

Дѣвушка подвинулась ближе къ столу и, бросивъ бѣглый взглядъ на Монкса, закрыла глаза; но когда Монксъ обратился къ Жиду, она взглянула на него еще разъ быстро, но проницательно.

— Есть новости? спросилъ Жидъ.

— Большія.

— И... и... хорошія? спросилъ заикаясь Жидъ.

— Не совсѣмъ дурныя, отвѣчалъ Монксъ съ усмѣшкою. — Слушай.

Дѣвушка крѣпче прижалась къ столу и не шевелилась, хотя видѣла, что Монксъ показывалъ на нее. Жидъ, опасаясь, можетъ-быть, чтобъ она не спросила денегъ, показалъ на верхъ, и вывелъ Монкса изъ комнаты.

— Однакожь не въ ту проклятую яму, гдѣ мы были прежде? говорилъ Монксъ. Жидъ захохоталъ, и отвѣтъ его не достигъ до ушей дѣвушки.

Прежде, нежели затихъ звукъ ихъ шаговъ, дѣвушка сбросила съ себя башмаки и, едва переводя дыханіе, стала прислушиваться у двери. Когда же все смолкло, она ускользнула изъ комнаты, быстро взбѣжала по лѣстницѣ и исчезла въ темнотѣ.

Съ четверть часа комната оставалась пустою; дѣвушка возвратилась такъ же незамѣтно, какъ исчезла, и вслѣдъ за нею послышались шаги двухъ человѣкъ. Монксъ вышелъ на улицу, а Жидъ вошелъ въ комнату за деньгами; въ это время дѣвушка надѣвала шляпу и платокъ, какъ-бы сбираясь идти.

— Нанси! вскричалъ Жидъ, ставя свѣчу на столъ и отступая назадъ: — какъ ты блѣдна!

— Блѣдна? повторила дѣвушка, заслоняя глаза рукою.

— Ужасно! сказалъ Жидъ. — Чтò съ тобою сдѣлалось?

— Ничего; я сидѣла здѣсь Богъ-знаетъ сколько времени, отвѣчала дѣвушка. — Мнѣ пора идти.

Сопровождая тяжелымъ вздохомъ каждую монету, Жидъ отсчиталъ ихъ нѣсколько ей въ руку, и они разстались, не говоря ни слова.

Вышедъ на улицу, дѣвушка сѣла у порога и нѣсколько минутъ, казалось, не могла опомниться, не могла идти далѣе. Вдругъ она встала, бросилась въ сторону, противоположную той, гдѣ ожидалъ ее Сайксъ, ускорила шаги, и наконецъ побѣжала. Утомившись совершенно, она остановилась, чтобъ перевести дыханіе, и приходя въ отчаяніе отъ невозможности исполнить какое-то намѣреніе, залилась слезами.

Слезы ли подкрѣпили ее, или она почувствовала всю безнадежность своего состоянія, только она повернулась назадъ и, бросившись бѣжать почти съ такою же быстротою, какъ бѣжала прежде, скоро достигла до мѣста, гдѣ оставила разбойника.

Если какое-нибудь волненіе и измѣнило ей, когда она вошла къ Сайксу, то онъ ничего не замѣтилъ; спросивъ, принесла ли она деньги и получивъ утвердительный отвѣтъ, онъ опустилъ голову на подушку и погрузился въ прежній сонъ.

ГЛАВА XXXIX.

Странное свиданіе.

Къ счастію *для* дѣвушки, деньги, полученныя отъ Жида, заставили Сайкса на нѣсколько времени вовсе забыть о ея существованіи. Волненіе ея, и мука, предшественники смѣлаго, отчаяннаго намѣренія, измѣнили бы ей въ глазахъ человѣка болѣе осторожнаго и проницательнаго. Но къ концу дня, безпокойство ея усилилось, и когда наступила ночь, щеки ея были такъ блѣдны, а глаза блестѣли такимъ огнемъ, что даже Сайксъ изумился.

Будучи еще слабъ отъ горячки, онъ лежалъ на постели, прихлебывая воду съ ромомъ, и въ четвертый разъ толкнулъ стаканъ къ Нанси, чтобъ она снова налила его,—когда замѣтилъ ея блѣдность.

— Что съ тобой? сказалъ онъ поднимаясь и устремивъ на нее глаза. — Ты похожа на трупъ.

— Что со мною? повторила дѣвушка. — Ничего; что ты такъ на меня смотришь?

— О чемъ ты думаешь? спросилъ Сайксъ, схватывая ея руку.

— О многомъ, Биль, отвѣчала дѣвушка, вздрагивая и закрывая глаза руками.—Но, Боже мой! что тебѣ до этого?

Притворная веселость, съ которою произнесены были послѣднія слова, сдѣлали на Сайкса сильнѣйшее впечатлѣніе, нежели ея дикій, безсмысленный взглядъ.

— Знаешь, что я скажу тебѣ? началъ Сайксъ. — Если у тебя начинаются припадки горячки, то берегись. Ты не заставишь меня... Нѣтъ, чортъ возьми! ты этого не сдѣлаешь!

— Чего? спросила дѣвушка.

— Три мѣсяца назадъ я отправилъ одну на тотъ свѣтъ отъ-того, что у нея начиналась такая же горячка.

Послѣ этихъ словъ, Сайксъ осушилъ стаканъ до капли и спросилъ себѣ лекарства. Дѣвушка съ легкостію вскочила съ своего мѣста, налила ложку и дала ему выпить.

— Теперь, сказалъ разбойникъ:—сядь возлѣ меня и положи сюда голову, а не то, я такъ измѣню тебѣ лицо, что ты и сама не узнаешь его.

Дѣвушка повиновалась, и Сайксъ, схвативъ ея руку, упалъ на подушку, оборотясь къ ней лицомъ. Глаза его закрылись, рука опустилась; онъ уже спалъ какъ убитый.

— Наконецъ опіумъ возъимѣлъ свое дѣйствіе! шептала дѣвушка, вставая. — Но, можетъ-быть, ужь поздно...

Она проворно накинула шляпку и платокъ, боязливо осмотрѣлась кругомъ, поцаловала разбойника, и, тихо отворивъ дверь, вышла изъ дому.

Ночной сторожъ кричалъ половину десятаго въ темномъ переулкѣ, чрезъ который шла она. Многія лавки были уже затворены; нетерпѣніе ея усиливалось. Она бросилась бѣгомъ по узкимъ улицамъ, сбивая всѣхъ съ дороги и не обращая вниманія на экипажи.

— Сумасшедшая! говорили прохожіе, смотря ей вслѣдъ.

Когда она достигла богатѣйшей части города, улицы были почти пусты, и появленіе ея возбудило какое-то общее любопытство. Нѣкоторые ускорили шаги, чтобъ видѣть куда идетъ она; другіе опережали ее и оборачивались, удивленные ея поспѣшностію; но всѣ отставали мало-по-малу, и когда она достигла до мѣста своего назначенія, то была уже совершенно одна.

Она остановилась передъ красивымъ домомъ, недалеко отъ Гайд-Парка. Когда блескъ фонаря у подъѣзда освѣтилъ лицо ея, часы

пробилиодиннадцать. Нѣсколько минутъ она стояла въ нерѣшимости; но эти звуки рѣшили ее сомнѣніе и она вошла въ прихожую. Швейцара не было. Съ недовѣрчивостію осмотрѣлась она кругомъ, и хотѣла уже взойдти на лѣстницу.

— Кого тебѣ здѣсь нужно? спросила наскоро-одѣтая служанка, выглянувъ въ дверь.

— Даму, которая здѣсь остановилась, отвѣчала дѣвушка.

— Даму? былъ отвѣтъ, сопровождавшійся презрительнымъ взглядомъ. — Какую даму?

— Миссъ Мели, сказала Нанси.

Женщина, вышедшая въ это время изъ своей комнаты, отвѣчала однимъ недовѣрчивымъ взглядомъ и позвала человѣка, чтобъ отвѣчать ей. Нанси повторила ему свою просьбу.

— Какъ же о тебѣ доложить? твое имя? спросилъ онъ.

— Не нужно знать его, отвѣчала Нанси.

— Что тебѣ до нея за надобность?

— Мнѣ надо только видѣть миссъ Мели, отвѣчала дѣвушка.

— Вздоръ! сказалъ слуга, толкая ее къ двери:— пошла вонъ!

— Я не выйду отсюда, сказала дѣвушка.—Не-уже-ли между вами не найдется человѣка, который исполнилъ бы просьбу такого несчастнаго существа, какъ я?

Эти слова произвели свое дѣйствіе на повара, который стоялъ тутъ вмѣстѣ съ другими слугами.

— Сдѣлай чего она проситъ, Джозефъ, сказалъ онъ.

— Зачѣмъ? Не-ужь-ли ты думаешь, что барышня пріиметъ такую женщину?

Этотъ намекъ на сомнительное состояніе Нанси возбудилъ благородное негодованіе въ четырехъ служанкахъ, которыя съ жаромъ замѣтили, что она стыдъ для ихъ пола, и сильно настаивали на томъ, чтобъ ее бросить въ каналъ.

— Дѣлайте со мною, что хочите, сказала дѣвушка, снова обращаясь къ слугамъ:—но прежде исполните мою просьбу, прошу васъ ради самого Бога...

Добрый поваръ вступился за нее и убѣдилъ другихъ доложить о ней.

— Что же сказать? спросилъ человѣкъ, входя на лѣстницу.

— Что молодая женщина непремѣнно хочетъ говорить наединѣ съ миссъ Мели, сказала Нанси:—она съ первыхъ словъ узнаетъ, что ея не обманываютъ.

Человѣкъ побѣжалъ наверхъ, а Нанси, блѣдная, едва переводя дыханіе, прислушивалась къ оскорбительнымъ насмѣшкамъ цѣломудренныхъ служанокъ; эти насмѣшки еще болѣе увеличились, когда человѣкъ возвратился и просилъ ее идти на верхъ.

Не обращая на нихъ вниманія, Нанси, дрожащая, послѣдовала за слугою въ небольшую пріемную, освѣщенную одной лампой; слуга, оставивъ ее здѣсь одну, удалился.

Вся жизнь дѣвушки протекла на улицахъ и въ самыхъ отвратительныхъ пристанищахъ Лондона; но въ ней еще оставалось чувство, свойственное женщинамъ; услышавъ легкую походку у двери, и подумавъ о той разительной противоположности, которая должна ей теперь представиться, она почти пала подъ чувствомъ своего стыда и не смѣла поднять глазъ.

Но врагомъ этихъ благородныхъ чувствъ была гордость,—порокъ, столь же свойственный самымъ низкимъ существамъ, какъ и самымъ добродѣтельнымъ. Даже презрѣнная спутница воровъ и грабителей, позоръ своего пола, отвергнутая обществомъ и свѣтомъ, она была такъ горда, что не могла чѣмъ-нибудь измѣнить чувству, которое мирило ее съ прошедшимъ.

Она подняла голову и, увидѣвъ предъ собой молодую, прекрасную дѣвушку, снова опустила глаза и съ притворнымъ равнодушіемъ сказала:

— Къ вамъ доступъ очень труденъ, сударыня. Другая вѣрно ушла бы на моемъ мѣстѣ; вы пожалѣли бы объ этомъ послѣ.

— Я очень жалѣю, если кто-нибудь обидѣлъ тебя, отвѣчала Роза. — Но полно объ этомъ; говори, зачѣмъ ты хотѣла меня видѣть?

Этотъ кроткій отвѣтъ, пріятный голосъ и ласковое обхожденіе удивили дѣвушку; она залилась слезами.

— О, еслибъ было больше людей, похожихъ на васъ, сударыня, было бы меньше подобныхъ мнѣ! сказала она, закрывая лицо руками.

— Сядь, сказала тронутая Роза. — Если ты бѣдна, или несчастлива, я постараюсь помочь тебѣ. Садись.

— Позвольте мнѣ стоять, сказала дѣвушка, все еще плача. — Не говорите со мною такъ кротко и ласково, пока не узнаете меня... Но становится поздно... Эта дверь заперта?

— Да, сказала Роза съ недовѣрчивостію. — Но зачѣмъ...

— Затѣмъ, что я хочу предать свою жизнь и жизнь другихъ въ ваши руки. Я та самая дѣвушка, которая отвела маленькаго Оливера назадъ къ старому Жиду, въ тотъ вечеръ, какъ этотъ мальчикъ вышелъ изъ дома въ Пентонвиллѣ.

— Ты?.. сказала Роза.

— Я, отвѣчала дѣвушка. — Вы видите передъ собою самое презрѣнное созданіе, которое живетъ съ разбойниками и которое никогда не знало лучшей жизни, никогда не слыхало ласковыхъ словъ. Я моложе, нежели вы думаете, но я изнурена страданіями; бѣднѣйшая женщина отступаетъ назадъ, встрѣчаясь со мною на улицѣ.

— Ужасно! вскрикнула Роза, невольно вздрагивая.

— Со слезами благодарите Бога, сударыня, продолжала дѣвушка: —что вы имѣли друзей, которые берегли и лелѣяли васъ съ дѣтства; что вы никогда не были среди нищеты и разврата, никогда не знали голода и холода, какъ знала я все это отъ самой колыбели...

— Бѣдная! сказала растроганная Роза. — Мнѣ жаль тебя.

— Да благословитъ васъ Богъ за вашу доброту! продолжала дѣвушка. — Еслибъ вы знали, чѣмъ я бываю иногда, вы пожалѣли бы обо мнѣ. Но я тихонько ушла отъ тѣхъ, которые убили бы меня, еслибъ провѣдали, что я здѣсь. Вы знаете человѣка, котораго зовутъ Монксомъ?

— Нѣтъ.

— Онъ знаетъ васъ и знаетъ, что вы здѣсь; я подслушала его слова, и потому нашла васъ.

— Я никогда не слышала такого имени, сказала Роза.

— Я думаю, что между вами онъ называется другимъ именемъ, продолжала дѣвушка. — Нѣсколько времени назадъ, скоро послѣ того, какъ вы взяли къ себѣ Оливера, я, подозрѣвая этого человѣка, подслушала въ темнотѣ его разговоръ съ Жидомъ. Изъ словъ ихъ я узнала, что Монксъ нечаянно увидѣлъ Оливера съ двумя изъ нашихъ мальчиковъ въ тотъ день, какъ мы въ первый разъ потеряли его, и нашелъ, что онъ тотъ самый мальчикъ, котораго онъ давно искалъ, не знаю, для чего. Монксъ обѣщалъ, если онъ возвратится, заплатить Жиду извѣстную сумму, и дать еще болѣе, если онъ успѣетъ сдѣлать изъ Оливера мошенника.

— Зачѣмъ же это? спросила Роза.

— Онъ увидѣлъ мою тѣнь на стѣнѣ, когда я подслушивала ихъ, отвѣчала дѣвушка: — и немногіе могли бы скрыться на моемъ мѣстѣ. Но я скрылась, и не видѣла его до вчерашней ночи.

— Что же случилось вчера?

— Вчера ночью онъ пришелъ опять. Опять они пошли наверхъ, и я, сдѣлавъ такъ, чтобъ тѣнь мнѣ не измѣнила, опять стала прислушивать у двери. Первыя слова Монкса, которыя я разслушала, были: «и такъ, единственныя свидѣтельства мальчика лежатъ на днѣ рѣки, а старая колдунья, которая взяла ихъ отъ его матери, гніетъ въ гробу». Потомъ они смѣялись и толковали о томъ, какъ все успѣшно кончилось. Монксъ, говоря о мальчикѣ, сказалъ, что хотя теперь у него въ безопасности деньги молодаго чертёнка, но онъ лучше хотѣлъ бы получить ихъ иначе; что какъ хорошо было бы исполнить волю отца, влача мальчика изъ одной тюрьмы въ другую, и потомъ сбыть его съ рукъ; что это могъ легко сдѣлать Жидъ, съ большою для себя выгодою...

— Боже мой! сказала Роза.

— Правда, отвѣчала дѣвушка. — Онъ говорилъ съ клятвами, къ которымъ я привыкла, но которыя для васъ незнакомы; онъ говорилъ, что если бъ могъ отнять жизнь у мальчика, не подвергая себя опасности, то отнялъ бы; но какъ онъ не можетъ этого сдѣлать, то будетъ встрѣчать его на каждомъ шагу въ жизни и вредить ему, если онъ воспользуется правами своего рожденія. «Однимъ словомъ, Феджинъ» сказалъ онъ: «хоть ты и Жидъ, но вѣрно никогда не разставлялъ никому такихъ сѣтей, какія разставилъ я своему младшему братцу, Оливеру».

— Его брату! вскричала Роза, всплеснувъ руками.

— Это были его собственныя слова, сказала Нанси, оглядываясь съ безпокойствомъ. — Когда онъ говорилъ объ васъ и о другой дамѣ, то сказалъ, что самъ чортъ на зло ему бросилъ мальчика въ ваши руки, и вы дорого бы дали, чтобъ узнать, кто таковъ вашъ найденышъ.

— Онъ сказалъ это? повторила Роза, блѣднѣя.

— Онъ говорилъ твердо и рѣшительно, отвѣчала дѣвушка, качая головою. — Онъ бываетъ ужасенъ, когда приходитъ въ ярость!.. Я знаю многихъ, которые поступаютъ хуже, но согласилась бы сто разъ слушать ихъ, нежели одинъ разъ слушать Монкса... Становится поздно, и я должна возвратиться домой скорѣе, чтобъ не подать подозрѣнія.

— Что жь я могу сдѣлать? сказала Роза. — Какъ мнѣ воспользоваться твоимъ извѣстіемъ? Зачѣмъ ты хочешь возвратиться къ людямъ, которыхъ описывала такими ужасными красками? Я могу доставить тебѣ безопасное, спокойное мѣсто...

— Я пойду назадъ, сказала дѣвушка. — Я должна идти, потому-что... Но какъ скажу вамъ это?.. Потому-что между людьми, о которыхъ я вамъ говорила, есть одинъ, самый отчаянный, котораго я не могу оставить, — нѣтъ... даже еслибъ меня и могли избавить отъ жизни, которую веду теперь...

— Ты прежде принимала участіе въ судьбѣ этого мальчика, сказала Роза: — ты теперь подвергаешься столькимъ опасностямъ для того, чтобъ прійдти и сказать мнѣ, что слышала о немъ; лицо твое, убѣждающее меня въ истинѣ твоихъ словъ, твое раскаяніе и чувство стыда, — все говоритъ, что ты еще можешь перемѣнить образъ жизни. О, не отвергай моихъ совѣтовъ! можетъ-быть, ты въ первый разъ слышишь голосъ состраданія и участія. Ввѣрься мнѣ; я спасу тебя для лучшей участи...

— Ангелъ! вскричала дѣвушка, падая на колѣни. — Вы первыя обратились ко мнѣ съ такими кроткими словами, и еслибъ я услышала ихъ нѣсколько лѣтъ назадъ, они, можетъ-быть, избавили бы

меня отъ печальной и преступной жизни; но теперь слишкомъ-поздно... слишкомъ-поздно!

— Раскаяніе никогда не поздно, сказала Роза.

— Поздно! съ отчаяніемъ повторила дѣвушка. — Теперь я не могу оставить его, не могу быть причиною его смерти.

— Но зачѣмъ же онъ долженъ умереть? спросила Роза.

— Ничто не спасетъ его, вскричала дѣвушка. — Если бъ я разсказала другимъ то, чтò разсказала вамъ и продала бы злодѣевъ, онъ долженъ былъ бы умереть. Онъ самый жестокій, самый отчаянный изъ нихъ.

— Возможно ли? сказала Роза: — и для такого человѣка ты отказываешься отъ всякой надежды? Это безуміе!

— Я не знаю, чтò это, отвѣчала дѣвушка:—однакожь, это бываетъ не только со мною, но и съ сотнями такихъ же несчастныхъ, какъ я... Я должна возвратиться. Можетъ-быть, это наказаніе Божіе за мои проступки; но неодолимая сила влечетъ меня къ нему, не смотря на всѣ страданія, и можетъ-быть на смерть отъ руки его...

— Чтò же мнѣ дѣлать? сказала Роза. — Я такъ не отпущу тебя отсюда.

— Вы не захотите удерживать меня, отвѣчала дѣвушка: — я ввѣрилась вашей добротѣ, не требуя отъ васъ никакого обѣщанія.

— Такъ къ чему же можетъ быть полезно твое извѣстіе? сказала Роза. — Къ чему оно послужитъ для Оливера?

— Вы можете сообщить эту тайну человѣку, на котораго надѣетесь, и спросить у него совѣтовъ, отвѣчала дѣвушка.

— Гдѣ я могу опять найдти тебя, когда мнѣ будетъ нужно? спросила Роза. — Я не хочу знать, гдѣ живутъ эти ужасные люди, но ты можешь назначить мнѣ мѣсто, гдѣ ты будешь въ извѣстное время.

— Обѣщаете ли вы мнѣ свято хранить тайну и приходить однѣ, или съ тѣмъ, кому вы можете открыть ее? Обѣщаете ли, что за мной не будутъ присматривать?

— Обѣщаю, сказала Роза.

— Каждое воскресенье, съ одиннадцати до двѣнадцати часовъ вечера, я буду ходить по Лондонскому-Мосту, пока жива! отвѣчала дѣвушка, послѣ минутной нерѣшимости.

— Постой, сказала Роза, въ то время, какъ дѣвушка быстро подошла къ двери. — Подумай еще о твоемъ положеніи; я готова всѣмъ помогать тебѣ. Не-уже-ли ты возвратишься въ эту шайку злодѣевъ, когда одно слово можетъ спасти тебя? Не-уже-ли сердце твое не отзовется на мольбу той, которая все готова для тебя сдѣлать?..

— Когда дѣвушка молода, добра и прекрасна, какъ вы; когда она окружена родными и друзьями,—чего желать ей еще? Но подобныя мнѣ, неимѣющія инаго вѣрнаго пристанища, кромѣ гробовой

доски, инаго друга при болѣзни или смерти, кромѣ наемницы, отдаютъ безъ разбора свое сердце одному человѣку, и этотъ человѣкъ заступаетъ имъ мѣсто родныхъ, друзей, всего на свѣтѣ. Жалѣйте объ насъ, — жалѣйте, что намъ остается еще женское чувство, которое гибнетъ только вмѣстѣ съ нами...

— Я дамъ тебѣ денегъ, сказала Роза: — чтобъ ты могла жить безъ нужды, до новой встрѣчи.

— Я не возьму ничего, отвѣчала дѣвушка.

— Не отказывайся отъ моего старанія помочь тебѣ, сказала кротко Роза. — Я хочу быть тебѣ полезною.

— Вы принесли бы мнѣ самую большую пользу, отвѣчала дѣвушка, ломая руки: — еслибъ могли отнять у меня жизнь, потому-что я чувствую, какъ ужасно умереть въ томъ аду, гдѣ жила я. Да благословитъ васъ Богъ, и да пошлетъ вамъ столько счастія, сколько я навлекла на себя стыда въ жизни!

Громко зарыдавъ, несчастная вышла изъ комнаты. Роза, разстроенная этимъ свиданіемъ, казавшимся ей болѣе сномъ, чѣмъ дѣйствительностію, упала на стулъ и погрузилась въ грустную думу.

ГЛАВА XL,

О ТОМЪ, КАКЪ ОЛИВЕРЪ НАШЕЛЪ СВОИХЪ ПРЕЖНИХЪ ДРУЗЕЙ, И ЧТО МЕЖДУ ИМИ ПРОИСХОДИЛО.

Положеніе ея было въ-самомъ-дѣлѣ довольно-затруднительно, потому-что чѣмъ болѣе увеличивалось желаніе ея проникнуть тайну происхожденія Оливера, тѣмъ болѣе она опасалась нарушить клятву, данную несчастной дѣвушкѣ, не сохранивъ въ секретѣ ея разсказа. Слова и обхожденіе дѣвушки тронули сердце Розы и поселили въ немъ желаніе возвратить отверженную къ раскаянію и надеждѣ.

Они должны были остаться въ Лондонѣ не болѣе трехъ дней и потомъ ѣхать на нѣсколько недѣль въ дальнюю деревню. Что могла предпринять она въ такое короткое время, и какъ могла она замедлить отъѣздъ, не возбудивъ подозрѣній?

Мистеръ Лосбернъ былъ съ ними и оставался еще на два дня; но Роза слишкомъ-хорошо знала его вспыльчивость и боялась, чтобъ онъ не сдѣлалъ чего-нибудь непріятнаго для Нанси. Она опасалась также сообщить все мистриссъ Мели, которая не могла ничего скрыть отъ доктора. Ей оставалось одно — открыться Генриху; но она вспомнила ихъ послѣднее свиданіе, и боялась напоминать ему о себѣ, надѣясь, что онъ совсѣмъ позабудетъ ее.

Волнуемая этими мыслями, и не зная, что предпринять, Роза провела безпокойную ночь, и на другой день рѣшилась писать къ Генриху.

— Если для него тягостно будетъ возвращаться сюда, думала она: — то какъ же мучительно это будетъ для меня? Но, можетъ-быть, онъ не пріѣдетъ: онъ можетъ написать ко мнѣ, и даже здѣсь избѣгать меня... Я въ немъ увѣрена...

Но напрасно нѣсколько разъ принималась она за одно и то же письмо: перо невольно выпадало изъ рукъ ея. Вдругъ Оливеръ, гулявшій по улицамъ подъ присмотромъ Джильса, вбѣжалъ въ комнату въ сильномъ волненіи, какъ-будто съ нимъ случилось новое несчастіе.

— Что съ тобою, Оливеръ? съ безпокойствомъ спросила Роза.

— О, я видѣлъ его! я нашелъ его! отвѣчалъ мальчикъ.—Теперь вы узнаете, что я говорилъ правду.

— Я никогда въ этомъ не сомнѣвалась, мой другъ, сказала Роза. —Но о комъ ты говоришь?

— Я видѣлъ джентльмена, отвѣчалъ Оливеръ, едва переводя дыханіе: —джентльмена, который былъ такъ добръ ко мнѣ — мистера Броунло, о которомъ мы такъ часто говорили.

— Гдѣ жъ ты его видѣлъ? спросила Роза.

— Я видѣлъ, какъ онъ выходилъ изъ кареты и шелъ къ дому. Я не говорилъ съ нимъ,—я не могъ говорить съ нимъ, потому-что онъ меня не видѣлъ, и я такъ дрожалъ, что не могъ идти вслѣдъ за нимъ. Но Джильсъ спросилъ, тамъ ли онъ живетъ, и ему отвѣчали, что тамъ. Посмотрите, продолжалъ Оливеръ, развертывая листокъ бумаги: — вотъ, вотъ его адресъ, я тотчасъ пойду къ нему. О, что со мною будетъ, когда я опять его увижу!

Роза прочитала адресъ и тотчасъ послала за каретой. Скоро она была уже у квартиры стараго джентльмена, который тотчасъ ее принялъ. Онъ былъ въ длинномъ зеленомъ сюртукѣ, и возлѣ него сидѣлъ другой старый джентльменъ въ нанковыхъ брюкахъ, упершись на трость и положа на нее голову.

— Извините, сударыня, сказалъ джентльменъ въ зеленомъ сюртукѣ, поспѣшно вставая: — я не ожидалъ, я не зналъ . . . Прошу садиться.

— Я имѣю удовольствіе говорить съ мистеромъ Броунло? спросила Роза.

— Точно такъ, сказалъ старый джентльменъ.—А это мой другъ, мистеръ Гримвигъ. Гримвигъ, оставь насъ на нѣсколько минутъ.

— Мнѣ кажется, прервала Роза:—что не нужно будетъ тревожить вашего друга. Онъ вѣрно также принимаетъ участіе въ дѣлѣ, о которомъ я хочу поговорить съ вами.

Мистеръ Броунло наклонилъ голову въ знакъ согласія, а мистеръ Гримвигъ, отвѣсивъ уже одинъ низкій поклонъ, поклонился еще разъ и опять сѣлъ на свой стулъ.

— Вы, конечно, будете очень удивлены, сказала Роза, нѣсколько

смущенная: — но вы когда-то сдѣлали много добра одному изъ моихъ молодыхъ друзей, и потому вѣрно опять выслушаете извѣстіе о немъ съ участіемъ.

— Въ-самомъ-дѣлѣ? сказалъ мистеръ Броунло.—Могу ли я узнать его имя?

— Оливеръ Твистъ, отвѣчала Роза.

Едва успѣла она произнести эти слова, какъ мистеръ Гримвигъ, перелистывавшій въ это время какую-то толстую книгу, съ громомъ уронилъ ее на полъ и, упавъ на стулъ, въ изумленіи выпучилъ глаза. Мистеръ Броунло казался не менѣе-удивленнымъ; онъ подвинулъ стулъ свой къ миссъ Мели и сказалъ:

— Сдѣлайте милость, сударыня, заставьте меня перемѣнить невыгодное мнѣніе, которое я имѣлъ объ этомъ бѣдномъ ребенкѣ...

— О негодномъ... или я готовъ съѣсть мою голову, если онъ не негодный! ворчалъ сквозь зубы мистеръ Гримвигъ.

— Онъ доброе и благородное дитя, сказала Роза, краснѣя:—чувства, которыми онъ надѣленъ отъ природы, могли бы принести честь людямъ въ шесть разъ его старшимъ.

— Мнѣ только шестьдесятъ-одинъ годъ, сказалъ мистеръ Гримвигъ, также краснѣя:—а Оливеру по-крайней-мѣрѣ двѣнадцать, и потому я не принимаю этого намека на свой счетъ.

— Не слушайте его, миссъ Мели, сказалъ мистеръ Броунло:—онъ самъ не знаетъ, что̀ говорить.

— Нѣтъ, знаетъ! ворчалъ мистеръ Гримвигъ.

— Нѣтъ, не знаетъ! сказалъ мистеръ Броунло, вставая съ досадою.

— Онъ готовъ съѣсть свою голову, если не знаетъ! ворчалъ мистеръ Гримвигъ.

— Онъ сто̀итъ, чтобъ ему сломали ее, если онъ знаетъ, сказалъ мистеръ Броунло.

— А онъ очень хотѣлъ бы посмотрѣть человѣка, который на это рѣшится! отвѣчалъ мистеръ Гримвигъ, стуча палкою о полъ.

Зайдя такъ далеко, два старые джентльмена понюхали табаку, и потомъ, по обыкновенію, пожали другъ другу руки.

— Теперь, миссъ Мели, сказалъ мистеръ Броунло:—возвратимся къ предмету, который столько занимаетъ насъ. Скажите, что̀ вы знаете объ этомъ бѣдномъ ребенкѣ; я употреблялъ всѣ усилія, чтобъ отъискать его, и увѣренъ, что онъ невольный соучастникъ въ дѣлахъ этихъ злодѣевъ.

Роза разсказала въ короткихъ словахъ все, что̀ случилось съ Оливеромъ съ-тѣхъ-поръ, какъ онъ оставилъ домъ мистера Броунло, прибавивъ, сколько онъ плакалъ о томъ, что не могъ нигдѣ встрѣтить своего прежняго благодѣтеля и друга.

— Слава Богу! сказалъ старый джентльменъ: — я очень радъ это-

му. Но вы не сказали мнѣ, миссъ Мели, гдѣ онъ теперь находится. Извините мой вопросъ... Зачѣмъ вы не привезли его съ собою?

— Онъ ожидаетъ въ каретѣ, у воротъ, отвѣчала Роза.

— Онъ здѣсь! вскричалъ старый джентльменъ. Съ этими словами онъ бросился изъ комнаты, внизъ по лѣстницѣ, къ каретѣ—и въ карету.

Когда дверь комнаты затворилась, мистеръ Гримвигъ поднялъ голову и, схвативъ стулъ, началъ его вертѣть на одной ножкѣ. Потомъ сталъ бѣгать по комнатѣ, и вдругъ, остановясь передъ Розою, безъ дальнихъ разсужденій поцаловалъ ее.

— Тс! сказалъ онъ, когда она въ негодованіи встала съ своего мѣста:—не бойтесь; я такъ старъ, что могу быть вашимъ дѣдушкой. Вы добрая дѣвушка, я люблю васъ! Вотъ они.

Въ-самомъ-дѣлѣ, едва онъ успѣлъ сѣсть на прежнее мѣсто, мистеръ Броунло возвратился, ведя за собою Оливера, котораго мистеръ Гримвигъ принялъ ласково. Роза была въ восхищеніи.

— Мы еще кого-то забыли, сказалъ мистеръ Броунло, звоня въ колокольчикъ.—Пошлите сюда мистриссъ Бедвинъ.

Старая домоправительница поспѣшно явилась и стала у дверей, ожидая приказаній.

— Ужь не ослѣпла ли ты, Бедвинъ? сказалъ мистеръ Броунло.

— Въ мои лѣта рѣдко хорошо видятъ, отвѣчала старушка.

— Я могъ бы сказать тебѣ, но лучше сама надѣнь очки, и поищи, чего ты давно искала.

Старушка полѣзла въ карманъ за очками, но Оливеръ не могъ болѣе удерживать себя и бросился къ ней на шею.

— Боже милосердый! вскричала она, обнимая его:—это милое дитя мое!

— Нянюшка! кричалъ Оливеръ.

— Я знала, что онъ воротится, сказала старушка, обнимая его. — Какъ онъ хорошо одѣтъ! Гдѣ же ты былъ такъ долго?.. И старушка не знала отъ радости что дѣлать.

Оставя ее съ Оливеромъ, мистеръ Броунло вышелъ съ Розою въ другую комнату, и когда она разсказала ему о своемъ свиданіи съ Нанси, мистеръ Броунло чрезвычайно изумился. Роза объяснила также причины, по которымъ она не хотѣла ничего открыть мистеру Лосберну, и старый джентльменъ обѣщалъ самъ объясниться съ докторомъ. Чтобъ привести это въ исполненіе, Роза просила мистера Броунло пріѣхать къ нимъ въ восемь часовъ вечера, чтобъ до того времени разсказать все мистриссъ Мели. Условившись такимъ образомъ, Роза и Оливеръ возвратились домой.

Роза не напрасно боялась сообщить доктору разсказъ Нанси: лишь-только онъ выслушалъ его, какъ пришелъ въ такое бѣшенство, что

мистеръ Броунлю едва могъ удержать его, чтобъ онъ обо всемъ не донесъ полиціи.

— Такъ что же дѣлать? спросилъ докторъ, когда они возвратились къ дамамъ. Не идти ли намъ благодарить этихъ бродягъ и просить ихъ принять по сту фунтовъ въ знакъ нашей признательности за ихъ доброту къ Оливеру?

— Не совсѣмъ такъ, сказалъ смѣясь мистеръ Броунло: — но мы должны дѣйствовать медленно и осторожно.

— Медленность и осторожность! вскричалъ докторъ. — Я готовъ послать ихъ къ...

— Куда вамъ угодно, прервалъ мистеръ Броунло.—Но этимъ вы никогда не достигнете цѣли.

— Какой цѣли? спросилъ докторъ.

— Открыть родственниковъ Оливера и возвратить ему наслѣдство, котораго его лишаютъ.

— А! сказалъ мистеръ Лосбернъ, обмахиваясь платкомъ: — я совсѣмъ забылъ объ этомъ.

— Что же намъ дѣлать съ этими мошенниками? спросилъ мистеръ Броунло.

— Однихъ повѣсить, другихъ связать! сказалъ докторъ.

— Но мы должны дѣйствовать хитростью и схватить Монкса, когда онъ будетъ съ ними; иначе у насъ не будетъ противъ него никакихъ доказательствъ. Надо разспросить Нанси: пусть она укажетъ намъ его. Нынѣче вторникъ; ее нельзя увидѣть прежде воскресенья. До того времени мы должны оставаться спокойными и не говорить ничего даже Оливеру.

Докторъ неохотно согласился на эту отсрочку, но Роза и мистриссъ Мели наконецъ вполнѣ убѣдили его.

— Я хотѣлъ бы, сказалъ мистеръ Броунло: — прибѣгнуть къ помощи моего друга, Гримвига. Правда, онъ большой чудакъ, но во многомъ можетъ быть намъ полезенъ.

— Не худо бы и мнѣ позвать моего пріятеля, сказалъ докторъ.

— Какого пріятеля? спросилъ мистеръ Броунло.

— Сына этой дамы и друга этой молодой дѣвушки, сказалъ докторъ, показывая на мистриссъ Мели и ея племянницу.

Роза вспыхнула, но не сказала ни слова, — и Генрихъ, вмѣстѣ съ мистеромъ Гримвигомъ, принятъ былъ въ домашній комитетъ.

— Мы останемся въ городѣ, сказала мистриссъ Мели: — пока еще будетъ какое-нибудь сомнѣніе въ успѣхѣ. Я не пощажу никакихъ издержекъ.

— Хорошо! сказалъ мистеръ Броунло. — Но теперь насъ ожидаетъ Оливеръ и подумаетъ, что мы объ немъ забыли.

Съ этими словами, старый джентльменъ подалъ руку мистриссъ Мели, а докторъ послѣдовалъ за нимъ съ Розою въ столовую.

ГЛАВА XLI.

Старые знакомцы Оливера.

Въ ту самую ночь, какъ Нанси, усыпивъ Сайкса, явилась къ Розѣ, по большой дорогѣ къ Лондону шли два человѣка, которые заслуживаютъ нѣкоторое вниманіе.

То были — мужчина и женщина; первый принадлежалъ къ тѣмъ длиннымъ, исхудавшимъ фигурамъ, которымъ нельзя назначить настоящихъ лѣтъ, — къ фигурамъ, которыя, будучи мальчиками, кажутся недозрѣвшими стариками, а будучи взрослыми людьми, кажутся перезрѣлыми мальчиками. Женщина была молода, но сильна и смѣла, что доказывалъ тяжелый мѣшокъ, который она несла на плечахъ. Спутникъ ея не былъ обремененъ никакою ношею, кромѣ палки и небольшаго пакета, завернутаго въ носовой платокъ. Это обстоятельство, вмѣстѣ съ необыкновенною длиною его ногъ, давало ему тѣ преимущества, что онъ безпрестанно опережалъ свою спутницу и, безпрестанно оборачиваясь къ ней, понуждалъ ее идти скорѣе.

Такимъ образомъ они шли по пыльной дорогѣ, не обращая вниманія на встрѣчающіеся предметы, и были уже недалеко отъ города, когда мужчина, шедшій впереди, обратился къ своей спутницѣ:

— Иди же скорѣе, Шарлотта. Ка̀къ ты лѣнива!

— Дорога тяжка, сказала женщина, почти задыхаясь отъ усталости.

— Что ты тутъ разсказываешь? Тяжка! На что же ты годна? Ты хочешь вывести меня изъ терпѣнія...

— Далеко еще идти? спросила женщина, останавливаясь, между-тѣмъ, какъ потъ градомъ струился по лицу ея.

— Далеко ли? Не все ли тебѣ равно, сказалъ длинноногій дѣтина. — Видишь, вонъ огни Лондона.

— До нихъ остается по-крайней-мѣрѣ двѣ добрыя мили, грустно сказала женщина.

— Двѣ, или двадцать-двѣ, все равно! сказалъ Ноа Клейполь (это былъ онъ). — Ну, ступай же; а то я буду подгонять тебя.

Между-тѣмъ, какъ Ноа переходилъ черезъ дорогу, чтобъ привести въ исполненіе свою угрозу и носъ его побагровѣлъ отъ злости, женщина встала и подошла къ нему.

— Гдѣ ты думаешь остановиться на ночь, Ноа? спросила она, когда они сдѣлали еще нѣсколько шаговъ.

— А почему я знаю? отвѣчалъ Ноа, разсерженный долгою ходьбою.

— Надѣюсь, гдѣ-нибудь близко, сказала Шарлотта.

— Нѣтъ, не близко, отвѣчалъ Ноа: — не думай, что близко.

— Почему же?

— Когда я говорю тебѣ, что сдѣлаю что-нибудь, такъ нечего спрашивать, зачѣмъ такъ, а не иначе, отвѣчалъ Ноа съ достоинствомъ.

— Зачѣмъ же ты сердишься? спросила Шарлотта.

— Хорошо было бы остановиться въ первомъ трактирѣ, чтобъ Соверберри погнался за нами и поймалъ насъ, сказалъ насмѣшливо Ноа. — Нѣтъ, я пойду, скроюсь въ самыхъ темныхъ улицахъ и не остановлюсь, пока не найду какого-нибудь заброшеннаго дома. Скажи спасибо, что у меня есть умъ, а то еще недѣлю назадъ ты была бы заперта въ добромъ мѣстѣ.

— Знаю, что я не такъ умна, какъ ты, отвѣчала Шарлотта: — но не сваливай всей вины на меня, и не говори, чтобъ я была заперта одна: со мною вмѣстѣ взяли бы и тебя.

— Ты вѣдь взяла деньги изъ лавки? Ты сама знаешь, что ты взяла, а не я? сказалъ Ноа.

— Я взяла ихъ для тебя, другъ мой, Ноа, замѣтила Шарлотта.

— Держалъ ли я ихъ у себя? спросилъ Ноа.

— Нѣтъ; ты отдалъ ихъ мнѣ и просилъ беречь, какъ я берегу тебя-самого, сказала она, ласково взявъ его за руку.

Это въ-самомъ-дѣлѣ было справедливо; но какъ у мистера Клейполя никогда не было привычки имѣть слѣпое довѣріе къ кому бы то ни было, то должно замѣтить къ чести почтеннаго джентльмена,—онъ такъ много ввѣрилъ Шарлоттѣ съ тѣмъ намѣреніемъ, чтобъ въ случаѣ, если ихъ поймаютъ, деньги нашлись у нея, а онъ могъ бы легко оправдаться. Но мистеръ Клейполь не объяснилъ ей этихъ причинъ, и они мирно пошли далѣе.

Приводя въ исполненіе планъ свой, Ноа дошелъ до Лондона, таща за собою Шарлотту. Наконецъ онъ остановился передъ однимъ грязнымъ трактиромъ и объявилъ свое намѣреніе остановиться тамъ на ночь.

— Дай же мнѣ узелъ, сказалъ Ноа, снимая его съ плечъ своей спутницы: — и не говори ни слова, если тебя не будутъ спрашивать. Какъ называется трактиръ? Трехъ... трехъ... чего бишь?

— Калѣкъ, сказала Шарлотта.

— Трехъ-Калѣкъ, повторилъ Ноа: — добрый знакъ. Ступай за мною. Съ этими словами онъ вошелъ въ дверь; за нимъ вошла и его спутница.

Въ комнатѣ никого не было, кромѣ молодато Жида, который облокотясь на конторкѣ, читалъ газету. Жидъ пристально посмотрѣлъ на Ноа, и Ноа пристально посмотрѣлъ на него.

Если Ноа прежде былъ замѣчателенъ по своей наружности, то теперь, въ одеждѣ, украденной имъ у хозяина, онъ еще болѣе обращалъ на себя вниманіе.

— Здѣсь трактиръ Трехъ-Калѣкъ? спросилъ Ноа.

— Здѣсь, отвѣчалъ Жидъ.

— Джентльменъ, котораго мы встрѣтили на дорогѣ, рекомендовалъ намъ этотъ домъ, сказалъ Ноа, толкая Шарлотту. — Мы хотимъ здѣсь переночевать.

— Я не знаю, можно ли... сказалъ Берни. — Я спрошу.

— Отведи намъ комнату и дай чего-нибудь поѣсть, сказалъ Ноа.

Берни проводилъ ихъ въ маленькую комнату и подалъ чего спрашивалъ Ноа; послѣ того онъ увѣдомилъ ихъ, что они могутъ здѣсь переночевать, и вышелъ.

Должно замѣтить, что эта маленькая комната была возлѣ самаго буфета, такъ-что всякій, отдернувъ занавѣску у стекла, вставленнаго въ стѣну, могъ не только видѣть всѣхъ, находящихся въ комнатѣ, не будучи самъ видѣннымъ, но еще, приложивъ ухо, слышать весь разговоръ. Трактирщикъ не успѣлъ еще отнять глазъ отъ стекла и Берни только-что возвратился, какъ вдругъ пришелъ Феджинъ, чтобъ по обыкновенію узнать о своихъ воспитанникахъ.

— Тс! сказалъ Берни: — въ этой комнатѣ есть чужіе.

— Чужіе? повторилъ шопотомъ старикъ.

— Не здѣшніе, изъ-за города, и кажется вашего поля ягода, прибавилъ Берни.

Казалось, это извѣстіе очень занимало Феджина; вставъ на стулъ, онъ осторожно приложилъ глазъ къ стеклу, сквозь которое могъ видѣть, какъ Ноа ѣлъ за четверыхъ и давалъ гомеопатическую порцію Шарлоттѣ.

— Ага! сказалъ Жидъ, оборачиваясь къ Берни. — Этотъ молодецъ мнѣ нравится. Онъ можетъ быть намъ полезенъ; онъ знаетъ, какъ обходиться съ дѣвушкой. Не шуми, — дай мнѣ послушать.

Жидъ опять приложилъ глазъ къ стеклу, и снова началъ прислушиваться.

— Да, я надѣюсь сдѣлаться джентльменомъ, сказалъ Ноа, продолжая разговоръ, котораго начало не слышалъ Феджинъ. — Теперь не до гробовъ, Шарлотта; я буду жить какъ джентльменъ; а ты, если хочешь, будешь госпожею.

— Конечно, я бы хотѣла, мой другъ, отвѣчала Шарлотта: — но не нужно всего тратить вдругъ.

— Пустое! сказалъ Ноа. — Намъ будетъ что опоражнивать.

— Какъ это?

— Карманы, дамскіе ридикюли, дома, кареты, сказалъ Ноа, вставая.

— Но ты не можешь всего этого дѣлать, другъ мой, сказала Шарлотта.

— Я постараюсь сойдтись съ такими людьми, которые могутъ это дѣлать, отвѣчалъ Ноа. — Они могутъ употребить насъ въ пользу. Да одна ты стоишь пятидесяти женщинъ; я ничего не видывалъ лучше и хитрѣе тебя.

— О, какъ мнѣ весело, когда ты такъ говоришь со мною! вскричала Шарлотта, цалуя его безобразное лицо.

— Полно, — довольно! Избавь отъ нѣжностей, сказалъ Ноа, освобождаясь отъ нея. — Я бы хотѣлъ быть предводителемъ какой-нибудь шайки; мы надѣлали бы чудесъ съ двѣнадцати-фунтовою ассигнаціею, которая теперь у тебя.

Съ этими словами, Ноа выпилъ еще стаканъ портеру и погрузился въ размышленія. Вдругъ отворилась дверь, и передъ нимъ явилось незнакомое лицо.

Этотъ незнакомецъ былъ Феджинъ. Онъ сдѣлалъ низкій поклонъ и велѣлъ Берни подать себѣ ѣсть.

— Чудесная ночь, — только холодна, сказалъ Феджинъ, потирая руки. — Вы, какъ я вижу, изъ деревни, сударь?

— Какимъ образомъ вы это видите? спросилъ Ноа.

— У насъ, въ Лондонѣ, нѣтъ столько пыли, сказалъ Жидъ, показывая на ноги Ноа и его спутницы.

— О, да вы угадчикъ! сказалъ Ноа. — Каковъ, Шарлотта?

— Здѣсь, въ городѣ, поневолѣ будешь хитеръ, пріятель, сказалъ Жидъ, понижая голосъ.

Ноа не отвѣчалъ ни слова; но, опоражнивая стаканъ, примолвилъ:

— Славное питье.

— Хорошо, отвѣчалъ Феджинъ. — Человѣкъ всегда долженъ опоражнивать стаканы, или карманы, или дамскіе ридикюли, или дома, или кареты, если онъ любитъ постоянно пить, хорошо пить...

Едва Ноа услышалъ свои собственныя слова, какъ упалъ, блѣднѣя, на стулъ, и смотрѣлъ то на Жида, то на Шарлотту, въ неизъяснимомъ ужасѣ.

— Не пугайся, пріятель, сказалъ Жидъ, придвигаясь ближе. — Ха! ха! ха! Хорошо, что я одинъ тебя подслушалъ. Счастье твое...

— Я ничего не бралъ, шепталъ Ноа, дрожа какъ листъ. — Это все ея дѣло. Вѣдь и теперь все у тебя, Шарлотта, все у тебя?

— Мнѣ нѣтъ надобности, кто изъ васъ виноватъ, пріятель! отвѣчалъ Феджинъ, смотря между-тѣмъ жадными глазами на два узелка. — Я самъ иду по той же дорогѣ и люблю тебя за это.

— По какой дорогѣ? спросилъ Ноа, приходя въ себя.

— По дорогѣ необходимости, прибавилъ Феджинъ: — такъ же какъ и всѣ въ здѣшнемъ домѣ. Вы счастливы, что попали сюда. Во всемъ

городѣ нѣтъ мѣста безопаснѣе этого трактира; скажу вамъ больше: у меня есть другъ, который научитъ васъ, какъ онъ училъ многихъ другихъ.

— Ты говоришь, какъ-будто ты точно увѣренъ... сказалъ Ноа.

— Какая же мнѣ выгода лгать? спросилъ Жидъ, пожимая плечами. — Переговоримъ наединѣ.

— Намъ незачѣмъ безпокоить себя, сказалъ Ноа, снова вытягивая ноги. — Пусть она снесетъ всѣ наши вещи наверхъ. Шарлотта, возьми узелки.

Этотъ приказъ, отданный повелительнымъ голосомъ, былъ исполненъ безъ малѣйшаго прекословія. Шарлотта унесла узлы, междутѣмъ, какъ Ноа стоялъ въ дверяхъ и смотрѣлъ вслѣдъ за нею.

— Я держу ее въ субординаціи, сказалъ онъ, садясь на мѣсто, какъ-будто усмиривъ какое-нибудь дикое животное.

— Прекрасно! замѣтилъ Феджинъ, трепля его по плечу.—Да ты просто геній!

— Если бъ я не былъ геніемъ, ты не увидѣлъ бы меня здѣсь, отвѣчалъ Ноа. — Но не теряй напрасно времени; она скоро воротится.

— Какъ же ты думаешь? спросилъ Жидъ.—Если вы сойдетесь съ моимъ другомъ, вамъ всего лучше дѣйствовать заодно.

— А у него хорошо дѣла идутъ? спросилъ Ноа.

— У него въ дѣйствіи руки; это самый выгодный инструментъ.

— И съ нимъ все городскіе плуты? спросилъ Ноа.

— Ни одного деревенскаго. Быть можетъ, и тебя онъ согласится принять не иначе, какъ по моей рекомендаціи, отвѣчалъ Жидъ.

— Когда жь я увижу его?

— Завтра утромъ.

— Гдѣ?

— Здѣсь.

— Ладно! сказалъ Ноа. — А условія?

— Ты будешь жить какъ джентльменъ — столъ и квартира, трубокъ и вина сколько хочешь; — половину всего, что выработаешь, и половину всего, что выработаетъ молодая женщина, отвѣчалъ Феджинъ.

Хоть Ноа и не совсѣмъ довѣрялъ такимъ блестящимъ предложеніямъ Жида, но, вспомнивъ, что въ случаѣ отказа, новый знакомецъ можетъ выдать его, подумалъ нѣсколько времени, и сказалъ, что онъ согласенъ.

—Такъ-какъ она можетъ много работать, замѣтилъ Ноа:—то я хотѣлъ бы на свою долю что-нибудь не слишкомъ изнурительное для моихъ силъ, не слишкомъ-опасное...

— Не будешь ли ты искуснымъ шпіономъ, дружокъ? спросилъ Жидъ. — Мой пріятель нуждается въ такомъ человѣкѣ.

— Да; но это не будетъ приносить мнѣ никакихъ выгодъ.

— Правда! сказалъ Жидъ.

— Ка́къ же ты думаешь? спросилъ Ноа, смотря на него съ безпокойствомъ. — Дай мнѣ какую-нибудь вѣрную работу, гдѣ нѣчего было бы бояться.

— Что ты скажешь о старухахъ? спросилъ Жидъ. Можно набрать много денегъ, обирая у нихъ ридикюли и узлы...

— А развѣ онѣ иногда не дерутся? сказалъ Ноа, качая головою. — Нѣтъ, это не по мнѣ. Нѣтъ ли чего другаго?

— Постой, сказалъ Жидъ. — Купать дѣтей?

— Это что такое? спросилъ Ноа.

— Иногда маменьки посылаютъ куда-нибудь своихъ дѣтокъ съ шиллингами и пенсами, и все дѣло состоитъ въ томъ, чтобъ отнять у нихъ деньги. Они всегда держатъ ихъ въ рукахъ...

— Ха! ха! повторилъ Ноа Клейполь: — это именно мнѣ и нужно. Два достойные товарища засмѣялись адскимъ хохотомъ.

— И такъ кончено! сказалъ Ноа, когда Шарлотта возвратилась. — Въ которомъ часу мы завтра увидимся?

— Въ десять, отвѣчалъ Жидъ. — Ка́къ же зовутъ моего добраго пріятеля?

— Меня зовутъ мистеръ Больтеръ, отвѣчалъ Ноа, уже заранѣе придумавшій себѣ фамилію.—Мистеръ Морицъ Больтеръ. А это моя жена.

— Мое глубочайшее почтеніе мистриссъ Больтеръ, сказалъ Жидъ, кланяясь съ притворною учтивостью.—Надѣюсь, что мы скоро познакомимся покороче.

— Слышишь, Шарлотта, что̀ говоритъ джентльменъ? вскричалъ Ноа.

— Слышу, Ноа, отвѣчала мистриссъ Больтеръ, протягивая руку.

— Она зоветъ меня Ноа по привычкѣ, сказалъ мистеръ Морицъ Больтеръ, обращаясь къ Жиду. — Понимаешь?

— Ѳ, понимаю, совершенно понимаю! отвѣчалъ Феджинъ, въ первый разъ говоря правду. — Доброй ночи! Доброй ночи!

Послѣ многихъ поклоновъ, Феджинъ вышелъ, а Ноа началъ разсказывать свои планы Шарлоттѣ съ гордостію и достоинствомъ.

ГЛАВА XLII.

Бѣдствія Докинса.

— И такъ, твой искренный другъ не кто другой, какъ ты самъ? спросилъ мистеръ Клейполь или Больтеръ, перебравшись въ домъ Жида. — Я думалъ объ этомъ цѣлую ночь.

— Каждый человѣкъ другъ самъ себѣ, отвѣчалъ Феджинъ съ усмѣшкою. Такого друга лучше нигдѣ не найдти.

— Однакожь есть исключенія, отвѣчалъ Морицъ Больтеръ, принимая видъ свѣтскаго человѣка. — Есть люди, у которыхъ нѣтъ другихъ непріятелей, кромѣ ихъ самихъ.

— Не вѣрь этому, сказалъ Жидъ. Если человѣкъ бываетъ иногда себѣ непріятелемъ, это потому-что онъ ужь слишкомъ-близкій другъ самому-себѣ. Такія вещи не существуютъ на свѣтѣ.

— И не должны существовать, отвѣчалъ мистеръ Больтеръ.

—Они ни съ чѣмъ не сообразны, сказалъ Жидъ.—Иные говорятъ, что число *три* магическое число; а иные, что магическое число *семь*. Ничего не бывало! лучшая цифра единица.

—Ха! ха! вскричалъ мистеръ Больтеръ.—Да здравствуетъ единица!

Феджинъ хитро умѣлъ овладѣть довѣріемъ своего новаго товарища и сдѣлалъ его своимъ орудіемъ. Ноа смотрѣлъ уже на него съ какимъ-то уваженіемъ.

— Мы должны искать утѣшенія одинъ въ другомъ, сказалъ Жидъ. — Вчера потерялъ я моего лучшаго помощника.

— Не умеръ ли онъ? спросилъ мистеръ Больтеръ.

— О, нѣтъ, отвѣчалъ Феджинъ: — бѣда еще не такъ велика...

— Что̀ жь съ нимъ случилось?

— Вообразили, будто онъ хотѣлъ опустошать чужой карманъ, и отняли у него серебряную табакерку, его собственную, дружокъ, собственную табакерку. Онъ очень любилъ... нюхать табакъ. Его задержали, а онъ сто̀ялъ пятидесяти табакерокъ, и я охотно отдалъ бы и болѣе, чтобъ освободить его. Ты не зналъ его, ты не зналъ «хитреца»?

— Да, но надѣюсь еще узнать его, сказалъ Больтеръ.

— Сомнѣваюсь, сказалъ Жидъ со вздохомъ. — Если не найдется никакой улики, то его все-таки продержатъ недѣль шесть, а если найдутъ — плохо...

Въ это время вошелъ мистеръ Бэтсъ, опустя руки въ карманы. Лицо его выражало комическую горесть.

— Все пропало, Феджинъ! сказалъ онъ, когда Жидъ познакомилъ его съ новымъ товарищемъ.

— Ка̀къ? спросилъ дрожащимъ голосомъ Жидъ.

— Нашли джентльмена, которому принадлежала табакерка; явились свидѣтели, и Докинса вѣрно осудятъ, отвѣчалъ Бэтсъ.—Мнѣ нужна полная пара траурнаго платья, чтобъ посѣтить его, прежде, нежели его отправятъ. Какъ подумаешь, что Докинсъ—«хитрецъ» попался изъ-за какой-нибудь табакерки!... Я никогда бы не повѣрилъ, чтобъ это могло съ нимъ случиться и при золотыхъ часахъ или перстняхъ. О, зачѣмъ онъ не обобралъ какого-нибудь стараго джентль-

мена, и попался не какъ джентльменъ, а какъ какой-нибудь обыкновенный плутъ, безъ чести и славы!

Произнося эти жалобы на судьбу своего несчастнаго друга, Бэтсъ сѣлъ на стулъ съ грустнымъ и задумчивымъ видомъ.

— Зачѣмъ ты говоришь, что онъ попался безъ славы и чести? спросилъ Феджинъ, бросая гнѣвный взглядъ на своего воспитанника. Развѣ онъ не былъ во всемъ первымъ изъ васъ? — есть ли изъ васъ хоть одинъ, кто бы могъ въ чемъ-нибудь съ нимъ равняться?

— Ни одного, отвѣчалъ Бэтсъ плачевнымъ голосомъ:—ни одного.

— Такъ что̀ жь ты толкуешь? гнѣвно спросилъ Жидъ:— о чемъ горевать?

—О томъ, что никто не узнаетъ, каковъ былъ онъ, сказалъ Бетсъ. — Что̀ скажутъ о немъ въ ньюгэтскомъ календарѣ? Быть-можетъ, и совсѣмъ забудутъ упомянуть его имя. О горе, горе!

— Ха! ха! вскричалъ Жидъ, обращаясь къ мистеру Больтеру: — смотри, ка̀къ они гордятся своимъ ремесломъ.

Мистеръ Больтеръ кивнулъ головою въ знакъ согласія, а Жидъ, смотря на печаль Бэтса съ какимъ-то самодовольствіемъ, подошелъ и потрепалъ его по плечу.

— Не тужи, Чарльсъ. Всѣ узнаютъ, каковъ онъ былъ. Онъ покажетъ себя и не осрамитъ друзей своихъ. Подумай, ка̀къ онъ еще молодъ! Какая честь быть извѣстнымъ въ эти лѣта!

— Точно, честь! сказалъ Бэтсъ, немного успокоенный.

— Мы будемъ исполнять всѣ его прихоти, продолжалъ Жидъ. —Его станутъ содержать въ тюрьмѣ какъ джентльмена.—Всякій день ему будетъ пиво и денегъ въ-волю. Мы сочинимъ за него рѣчь, которую онъ скажетъ своимъ судьямъ, и вѣрно растрогаетъ ихъ.

— Прекрасно! вскричалъ Бэтсъ.—Я увѣренъ, что онъ ихъ растрогаетъ.

— Непремѣнно! вскричалъ Жидъ. — Мнѣ кажется, я какъ теперь его вижу передъ судомъ.

—И я тоже, сказалъ Бэтсъ.—Ха! ха! и я тоже какъ-будто смотрю на него. Всѣ эти огромные парики стараются глядѣть серьёзнѣе, а Докинсъ начинаетъ читать имъ рѣчь съ такимъ же хладнокровіемъ, какъ разсказывалъ намъ сказки послѣ обѣда. Ха! ха! ха!

Въ-самомъ-дѣлѣ, Жидъ умѣлъ такъ настроить своего пріятеля, что мистеръ Бэтсъ , сначала считавшій Докинса жертвою , теперь смотрѣлъ на него, какъ на дѣйствующее лицо въ необыкновенно-забавной сценѣ, и съ нетерпѣніемъ ожидалъ дня, въ который старому товарищу представится случай показать свои способности.

— Намъ надобно узнать, ка́къ онъ вывернется, сказалъ Феджинъ.

— Не идти ли мнѣ? спросилъ Бэтсъ.

— Ни за что въ свѣтѣ! отвѣчалъ Жидъ.—Ты съ ума сошелъ! Хо-

чешь идти въ такое мѣсто, гдѣ... Нѣтъ, Чарльсъ, нѣтъ, — мы ужь и такъ одного потеряли.

— Не хочешь ли ты самъ идти? спросилъ Бэтсъ съ неудовольствіемъ.

— Не совсѣмъ... отвѣчалъ Феджинъ, качая головою.

— Зачѣмъ же ты не пошлешь этого молодца? спросилъ мистеръ Бэтсъ, взявъ за руку Ноа: — его никто не знаетъ.

— Чтò жь дѣлать, если онъ меня не понимаетъ, замѣтилъ Жидъ.

— Не понимаетъ! вскричалъ Бэтсъ. — Чтò жь тутъ непонятнаго?

— О, я ни за что въ свѣтѣ... сказалъ Ноа, пятясь къ дверямъ: — это не по моей части.

— Какая же у него часть? спросилъ Бэтсъ, съ отвращеніемъ осматривая Ноа.

— Какая бы то ни было, возразилъ мистеръ Больтеръ: — ты, мальчикъ, не будь дерзокъ со старшими, а не то я проучу тебя.

Мистера Бэтса такъ разсмѣшили эти угрозы, что прошло довольно времени прежде, нежели Феджинъ могъ убѣдить Ноа, что нѣтъ никакой опасности идти въ полицію. Наконецъ онъ согласился. Его тотчасъ одѣли въ суконный сюртукъ и бархатные брюки, которые были у Жида подъ рукою; на голову напялили крестьянскую шляпу, и въ руку дали палку. Въ такомъ нарядѣ его могли принять въ полиціи за какого-нибудь провинціала съ ковентгарденскаго рынка, пришедшаго поглазѣть изъ любопытства.

Окончивъ костюмированье, они научили его кàкъ узнать Докинса. Чарльсъ Бэтсъ, показавъ ему издалека мѣсто, гдѣ была полиція, замѣтилъ, что надо снять шляпу при входѣ въ залу, и самъ ушолъ домой.

Ноа безъ всякаго препятствія достигъ желаннаго мѣста. Онъ вдругъ очутился въ толпѣ, состоявшей по-большей-части изъ женщинъ, стѣснившихся въ грязной, холодной комнатѣ, на одномъ концѣ которой возвышалась платформа съ разгородкою для преступниковъ на лѣвой сторонѣ, съ скамейкою для свидѣтелей по срединѣ и со столомъ для судей на правой сторонѣ.

За разгородкою были двѣ женщины, кивавшія головою своимъ знакомымъ, между-тѣмъ, какъ писарь читалъ что-то двумъ полицейскимъ и плохо-одѣтому человѣку, перегнувшемуся черезъ столъ. Тюремщикъ, съ ключами въ рукахъ, стоялъ у разгородки, возстановляя иногда молчаніе въ толпѣ зѣвакъ, или грознымъ взглядомъ заставляя какую-нибудь женщину унести своего ребенка, котораго крикъ мѣшалъ отправленію правосудія. Комната была низкая и сырая, стѣны грязныя и потолокъ почернѣвшій. Съ одной стороны стоялъ старый закоптѣлый бюстъ, съ другой висѣли часы — единственная вещь, которая была вѣрна самой-себѣ; потому-что развратъ

или бѣдность оставили глубокіе слѣды на людяхъ, здѣсь собравшихся, и эти слѣды заставляли забывать все остальное.

Ноа началъ искать глазами Докинса; но труды его были напрасны. Скоро надъ женщинами произнесенъ былъ приговоръ, и онѣ исчезли. Вслѣдъ за тѣмъ на сцену явилось новое лицо, въ которомъ Ноа легко узналъ предметъ своихъ поисковъ.

Въ-самомъ-дѣлѣ, то былъ мистеръ Докинсъ, который, шмыгнувъ въ залу съ отвернутыми рукавами у сюртука, положа лѣвую руку въ карманъ, а въ правой держа шляпу, занялъ свое мѣсто, и голосомъ обиженнаго спросилъ, за что̀ онъ поставленъ въ такое непріятное положеніе.

— Молчать! сказалъ тюремщикъ.

— Развѣ я не Англичанинъ? спросилъ мистеръ Докинсъ.—Гдѣ же права мои?

— Тебѣ скоро покажутъ твои права, сказалъ тюремщикъ: — зададутъ перцу!

— Не знаю, что̀ подумаетъ объ этомъ статс-секретарь, мой пріятель, отвѣчалъ мистеръ Докинсъ.—Въ чемъ дѣло? Я хочу просить судей скорѣе кончить всѣ эти пустяки, и не держать меня въ то время, какъ сами они читаютъ газету, потому-что мнѣ надо еще видѣться въ городѣ съ однимъ джентльменомъ. Я аккуратный человѣкъ и всегда держу свое слово; онъ уйдетъ, если не застанетъ меня въ назначенное время, и тогда могутъ выйдти непріятности для тѣхъ, которые задержали меня здѣсь. Конечно, они не захотятъ довести себя до этого!

Въ эту минуту Докинсъ, наклонясь къ тюремщику, пожелалъ узнать имя двухъ старыхъ филиновъ, сидѣвшихъ у стола. Это до крайности разсмѣшило зрителей.

— Молчать! закричалъ тюремщикъ.

— Это что? спросилъ одинъ изъ судей.

— Карманная кража, ваша милость.

— Былъ ли здѣсь когда-нибудь прежде этотъ мальчикъ?

— Кажется, былъ нѣсколько разъ, отвѣчалъ тюремщикъ.— Я хорошо его знаю, ваша милость.

— О, ты знаешь меня? спросилъ Докинсъ съ важнымъ видомъ.— Очень-хорошо! Это вполнѣ показываетъ испорченность твоего характера.

Снова всѣ захохотали, и снова приказано было молчать.

— Гдѣ же свидѣтели? спросилъ писарь.

—Ахъ, въ-самомъ-дѣлѣ, замѣтилъ Докинсъ.—Гдѣ они? я бы очень желалъ ихъ видѣть.

Это желаніе было тотчасъ исполнено, потому-что выступилъ впередъ полицейскій, который видѣлъ, какъ Докинсъ залѣзъ въ кар-

манъ къ какому-то джентльмену и вытащилъ оттуда платокъ; но замѣтивъ, что платокъ очень старъ, спокойно положилъ его назадъ. По этой причинѣ полицейскій взялъ «хитреца» подъ стражу, и обънскавъ, нашелъ при немъ серебряную табакерку, на которой вырѣзано было имя ея владѣльца. Этого джентльмена отъискали, и онъ божился, что табакерка принадлежала ему, что ее вытащили у него въ толпѣ.

— Не имѣешь ли ты чего-нибудь сказать противъ свидѣтеля, мальчикъ? спросилъ судья.

— Я не хочу унижать себя до того, чтобъ разговаривать съ нимъ, отвѣчалъ Докинсъ.

— Не-уже-ли ты совсѣмъ не хочешь оправдываться?

— Развѣ ты не слышишь, что его милость тебя спрашиваетъ? сказалъ тюремщикъ, толкая его локтемъ.

Докинсъ какъ-будто вышелъ изъ задумчивости. — И ты можешь *мнѣ* говорить это, негодяй? спросилъ онъ.

—Я никогда еще не видывалъ такого дерзкаго мошенника, ваша милость, замѣтилъ съ усмѣшкою полицейскій.—Говори, плутъ.

— Нѣтъ, отвѣчалъ Докинсъ:—я буду говорить не здѣсь, гдѣ нѣтъ правосудія; теперь мой адвокатъ завтракаетъ еще съ вице-президентомъ Нижняго Парламента; но я буду имѣть голосъ гдѣ-нибудь въ другомъ мѣстѣ, и онъ также, и всѣ наши многочисленные и почтенные друзья... Я заставлю...

— Въ тюрьму! прервалъ писарь.—Бери его.

— Пошолъ! сказалъ тюремщикъ.

—Я пойду, отвѣчалъ Докинсъ, разглаживая шляпу.—Ваше сожалѣніе обо мнѣ напрасно, продолжалъ онъ, обращаясь къ судьямъ:—я самъ буду неумолимъ; вы заплатите за это, друзья мои; я не игрушка досталася вамъ. Я не хочу теперь свободы, еслибъ вы даже упали къ ногамъ моимъ, и какъ милости просили принять ее. Ведите меня въ тюрьму, я не противлюсь.

Послѣ такой высокопарной рѣчи, Докинсъ принужденъ былъ позволить взять себя за воротъ и вести по назначенію, продолжая во всю дорогу стращать судей угрозами.

Увидя какъ его заперли, Ноа почелъ за лучшее возвратиться къ мѣсту, гдѣ оставилъ Бэтса. Черезъ нѣсколько минутъ къ нему подошелъ этотъ джентльменъ, осторожно осматриваясь, не йдетъ ли какой-нибудь полицейскій за его новымъ другомъ.

Оба поспѣшили къ Феджину съ извѣстіемъ, что Докинсъ вполнѣ поддержалъ свою славу и готовилъ себѣ блистательную репутацію.

—

ГЛАВА XLIII.

Нанси исполняетъ свое обѣщаніе. Шпіонъ.

Опытная въ притворствѣ, Нанси не могла однакожь совершенно утаить того чувства, которое раждалось въ ней при мысли о данномъ ею обѣщаніи. Она вспомнила, что и осторожный Жидъ и грубый Сайксъ часто ввѣряли ей планы, которые скрывали отъ всѣхъ другихъ, не имѣя на ея счетъ ни малѣйшаго подозрѣнія, и ка̀къ ни низки были эти планы, ка̀къ ни отвратительны ихъ исполнители, ка̀къ ни ужасны были ея чувства къ Жиду, который велъ ее шагъ-за-шагомъ глубже и глубже въ бездну преступленій и нищеты, откуда нельзя уже было вырваться, — все еще бывали минуты, что она хотѣла замедлить и отсрочить часъ, когда онъ долженъ будетъ пасть отъ руки ея.

Она еще боялась за Сайкса; впрочемъ, она сдѣлала все, что̂ могла: взяла слово держать въ тайнѣ ея открытіе, не сказала ни слова въ его обвиненіе, отказалась даже отъ убѣжища, куда не проникли бы преступленія и несчастія; что̀ жь еще было въ ея власти? Она рѣшилась...

Но эта внутренняя борьба оставила на ней глубокіе слѣды. Нанси начала худѣть и становилась все блѣднѣе и блѣднѣе. По-временамъ она не старалась скрывать того, что̀ происходило въ душѣ ея, и не принимала никакого участія въ разговорахъ, которые любила прежде. Иногда она смѣялась безъ всякой причины; иногда сидѣла молчаливая и грустная, опустя голову на руки, какъ-будто ее терзала тяжелая, мучительная дума.

Была ночь воскресенья; колоколъ ближайшей церкви началъ бить часы. Сайксъ и Жидъ, разговаривавшіе между собою, стали прислушиваться къ бою часовъ, дѣвушка тоже.—Одиннадцать...

—Еще часъ до полуночи, сказалъ Сайксъ, поднимая штору и выглядывая за окно.—Темно и сыро. Славная ночь для работы.

—Да, отвѣчалъ Жидъ.—Какъ жаль, что ничего нѣтъ готоваго!

— Ты въ первый разъ говоришь правду, замѣтилъ Сайксъ.—Жаль; я въ хорошемъ расположеніи духа.

Жидъ вздохнулъ и покачалъ головою.

— Мы постараемся послѣ вознаградить потерянное время, сказалъ Сайксъ.

Феджинъ не отвѣчалъ ни слова, но, дернувъ Сайкса за рукавъ, показалъ на Нанси, которая во время ихъ разговора надѣла шляпку и уже выходила изъ комнаты.

— Нанси! вскричалъ Сайксъ. — Куда ты идешь такъ поздно?

— Недалеко.

— Что это за отвѣтъ? сказалъ Сайксъ.—Куда ты идешь?

— Говорю тебѣ, недалеко.

— А я спрашиваю, куда? Слышишь?

— Сама не знаю, отвѣчала дѣвушка.

— Такъ я же знаю, сказалъ Сайксъ.—Никуда. Останься.

— Я больна, я давно говорила тебѣ это, отвѣчала дѣвушка. — Я хочу подышать свѣжимъ воздухомъ.

— Высунь голову въ окно и дыши, отвѣчалъ Сайксъ.

— Этого мало, сказала дѣвушка. Я хочу выйдти на улицу.

— Такъ не будетъ же по-твоему, отвѣчалъ Сайксъ. И, вставъ съ своего мѣста, онъ заперъ дверь на ключъ, спряталъ его въ карманъ и, сорвавъ съ головы ея шляпку, бросилъ подъ столъ. Теперь сиди! сказалъ разбойникъ.

— Шляпка не помѣшаетъ мнѣ идти, сказала дѣвушка, вдругъ поблѣднѣвъ. — Ты самъ не знаешь, Биль, что дѣлаешь.

— Не знаю? вскричалъ Сайксъ, обращаясь къ Феджину. — Она сошла съ ума; иначе не смѣла бы такъ говорить со мною.

— Ты принудишь меня къ чему-нибудь отчаянному, шептала дѣвушка, положа обѣ руки на грудь, какъ-будто для того, чтобъ заглушить порывъ скорби. Пусти меня! сію же минуту пусти!

— Нѣтъ! сказалъ Сайксъ.

— Скажи, чтобъ онъ пустилъ меня, Феджинъ. Ему же будетъ лучше. Слышишь? вскричала Нанси, топая ногою о полъ.

— Если ты скажешь еще слово, собака задушитъ тебя, сказалъ Сайксъ. — Да что это съ тобою?

— Пусти, повторяла дѣвушка умоляющимъ голосомъ. — Биль, пусти меня; ты самъ не знаешь, что дѣлаешь. На одинъ только часъ, пусти, — пусти!.. И она упала къ ногамъ его.

— Она съ ума сошла, сказалъ Сайксъ, схватывая ее за руку. — Вставай!

— Не встану, пока ты не пустишь меня! вопила дѣвушка. Сайксъ схватилъ ее и, не смотря на сопротивленіе, отнесъ въ другую комнату; тамъ посадивъ на стулъ, держалъ ее силою. Она боролась и умоляла до-тѣхъ-поръ, пока не пробило двѣнадцать, и тогда, усталая и изнеможенная, кончила борьбу. Сайксъ оставилъ ее и возвратился къ Жиду.

— Странная дѣвушка! сказалъ разбойникъ.

— Точно странная, Биль, отвѣчалъ Жидъ задумчиво.

— Какъ ты думаешь, зачѣмъ она хотѣла идти ночью? спросилъ Сайксъ.—Ты долженъ знать ее лучше, нежели я. А?

— Женское упрямство, больше ничего! отвѣчалъ Жидъ, пожимая плечами.

—И я тоже думаю, ворчалъ Сайксъ.—Мнѣ казалось, что я исправилъ ее, а между-тѣмъ она все такая же какъ и была.

— Хуже, замѣтилъ Жидъ.—Я никогда не видалъ ея такою, какъ теперь.

— Да, сказалъ Сайксъ. Мнѣ кажется, у нея горячка; ей надо пустить кровь. Я сдѣлаю это безъ доктора...

Жидъ показалъ ему выразительно рукою.

— Она ходила за мною день и ночь, когда я былъ боленъ; а ты, черный волкъ, чай, давно ужь отпѣвалъ меня, сказалъ Сайксъ. Мы были очень бѣдны во все это время, и, я думаю, она утомилась, ослабѣла. Сидя здѣсь въ заперти, она еще болѣе захвораетъ.

— Можетъ-быть, сказалъ Жидъ шопотомъ. — Тс!

Въ это время вошла Нанси и сѣла на прежнее мѣсто. Глаза ея были красны и опухлы; она едва держалась на ногахъ, качала головою и хохотала.

— Смотри, теперь она совсѣмъ не та! вскричалъ Сайксъ, выразительно взглянувъ на своего товарища.

Жидъ совѣтовалъ ему не обращать на нее вниманія, и дѣвушка впала въ прежнюю безчувственность, шепнувъ Сайксу, что ея нѐчего бояться. Феджинъ взялъ шляпу и пожелалъ ему покойной ночи. Однако онъ остановился, подошелъ къ двери и оглянувшись, попросилъ, чтобъ ему посвѣтили сойдти съ лѣстницы.

— Посвѣти ему, сказалъ Сайксъ, набивая трубку. — Жаль будетъ, если онъ самъ себѣ сломитъ шею, а не палачъ надѣнетъ ему пеньковый ошейникъ. Возьми свѣчу!

Нанси проводила старика по лѣстницѣ со свѣчою въ рукѣ. Когда они сошли внизъ, Жидъ положилъ палецъ на губы и, подошедъ къ дѣвушкѣ, сказалъ шопотомъ:

— Чтȏ съ тобою, Нанси?

— Чтȏ? спросила дѣвушка.

— Какая причина твоего безпокойства? продолжалъ Феджинъ. — Если онъ (Жидъ показалъ на верхъ) жестоко обходится съ тобою, такъ зачѣмъ ты... тово...

— Ну? сказала дѣвушка, когда Феджинъ остановился, устремивъ на нее глаза.

— Мы еще поговоримъ объ этомъ, сказазъ Жидъ. — Ты видишь во мнѣ друга, Нанси, искренняго друга. Я могу быть тебѣ полезенъ. Если ты хочешь отмстить тому, кто обходится съ тобою хуже, нежели съ собакою, такъ приходи ко мнѣ. — Прошу тебя, приходи ко мнѣ. Такихъ, какъ онъ, много на свѣтѣ; а меня ты сколько лѣтъ знаешь, Нанси... сколько лѣтъ!

—Да, я хорошо тебя знаю, отвѣчала дѣвушка, не показавъ ни малѣйшаго смущенія. — Прощай!

— Она бросилась назадъ, когда Феджинъ хотѣлъ взять ея руку, твердымъ голосомъ пожелала ему доброй ночи и заперла дверь.

Феджинъ пошелъ домой, занятый своими планами. Онъ думалъ, что въ Нанси, утомленной жестокимъ обхожденіемъ разбойника, родилась привязанность къ какому-нибудь новому другу. Ея перемѣна, частыя отлучки изъ дому, равнодушіе къ ихъ жизни, и наконецъ отчаянное нетерпѣніе выйдти изъ дому въ поздній, какъ-бы опредѣленный часъ этой ночи,—все подтверждало его догадки. Предметъ этой новой привязанности не могъ быть между его мирмидонами, и Феджинъ не зналъ, гдѣ искать его.

Онъ хотѣлъ достигнуть еще и другой цѣли. Сайксъ зналъ слишкомъ-много; шутки его и выходки раздражали Жида, умѣвшаго однако скрывать свои раны. Дѣвушка чувствовала, что Сайксъ не знаетъ ни благодарности, ни пощады. Небольшаго труда будетъ стôять, думалъ Феджинъ, убѣдить ее справиться съ Сайксомъ. Тогда вліяніе мое на дѣвушку будетъ безпредѣльно.

Эти мысли занимали Феджина въ то время, какъ онъ сидѣлъ одинъ въ комнатѣ разбойника, и послѣ, уходя отъ него, искалъ случая высказать ихъ дѣвушкѣ. Она не показала ни удивленія, ни испуга; однако поняла его. Это видно было по ея взгляду.

Жидъ бросилъ мрачный взоръ на домъ, изъ котораго вышелъ, и, крѣпче завернувшись въ плащъ, поползъ къ своей берлогѣ.

На другое утро онъ всталъ рано и съ нетерпѣніемъ ожидалъ своего новаго товарища, который наконецъ явился и съ жадностью бросился на завтракъ.

— Больтеръ! сказалъ Жидъ, подвигая къ нему сулъ.

— Ну, что? отвѣчалъ Ноа:—въ чемъ дѣло? Не заставляй меня ничего дѣлать, пока я не поѣмъ.

— Ты можешь ѣсть и говорить, сказалъ Феджинъ, внутренно проклиная своего новаго друга.

— О, конечно могу! сказалъ Ноа. – Гдѣ Шарлотта?

— Я послалъ ее съ другою женщиною, потому-что хотѣлъ остаться съ тобой наединѣ.

— А! сказалъ Ноа.—Ты лучше заставилъ бы ее приготовить еще завтракъ. Ну, говори; ты мнѣ не помѣшаешь.

— Ты вчера славно работалъ, сказалъ Жидъ:—шесть шиллинговъ въ первый день! Ты составишь себѣ состояніе черезъ ребятишекъ...

— Не забудь еще прибавить бутылку портеру и горшокъ молока.

— Нѣтъ, нѣтъ, отвѣчалъ Жидъ.—Ты вчера отличился...

—Хорошо для начала, замѣтилъ Ноа.—Портеръ я отнялъ у какого-то пьяницы, а молоко стояло у дверей трактира: такъ я боялся, чтобъ въ него не попало дождя, или чтобъ оно не замерзло, — понимаешь? Ха! ха! ха!

Жидъ показалъ видъ, что также смѣется, а Ноа продолжалъ завтракъ съ прежнимъ аппетитомъ.

— Больтеръ, сказалъ Феджинъ: — я хочу поручить тебѣ дѣло, для котораго необходимы умѣнье и осторожность.

— Не хочешь ли ты опять послать меня въ полицію? сказалъ Ноа. — Ни за что не пойду.

— О, нѣтъ! отвѣчалъ Жидъ. — Тутъ нѣтъ ни малѣйшей опасности; нужно только подстерегать женщину.

— Старуху? спросилъ Ноа.

— Молодую.

— Исполню чудесно! сказалъ Ноа. — Какъ же я буду подстерегать ее?

— Ты долженъ мнѣ сказать, куда она ходитъ, съ кѣмъ видится и что говоритъ; въ какую именно улицу ходитъ, въ какой домъ.

— Что же ты дашь мнѣ за это? спросилъ Ноа.

— Если хорошо исполнишь — фунтъ стерлинговъ, сказалъ Жидъ. — Такой суммы я никому еще не давалъ.

— Кто же она? спросилъ Ноа.

— Изъ нашихъ.

— Ты сомнѣваешься въ ней?

— Она нашла себѣ новыхъ друзей, и я хочу знать, кто они, отвѣчалъ Жидъ.

— Понимаю, сказалъ Ноа. — Только, чтобъ имѣть удовольствіе узнать порядочные ли они люди? Ха! ха! ха! Готовъ.

— Я зналъ, что ты согласишься, сказалъ Феджинъ, довольный своимъ успѣхомъ.

— Гдѣ жь она? спросилъ Ноа. — Гдѣ мнѣ ждать ее? куда идти?

— Объ этомъ ты узнаешь отъ меня послѣ. Будь только готовъ.

Въ эту ночь, и въ слѣдующую, и въ третью, шпіонъ сидѣлъ совсѣмъ одѣтый, готовый идти по первому слову Феджина. Прошло шесть ночей — шесть долгихъ, утомительныхъ ночей — и въ каждую изъ нихъ Феджинъ приходилъ домой съ недовольнымъ лицомъ, и коротко отвѣчалъ, что еще не время. Въ седьмую онъ возвратился ранѣе, съ радостію, которой не могъ скрыть. Это было въ воскресенье.

— Она идетъ на ночь, сказалъ Феджинъ: — цѣлый день она была одна, и человѣка, котораго она боится, нѣтъ дома. Ступай за мною скорѣе.

Ноа вскочилъ, не говоря ни слова. Они поспѣшно вышли изъ дому и, прошедъ лабиринтъ улицъ, пришли наконецъ къ тому самому трактиру, гдѣ Ноа спалъ въ первую ночь своего прибытія въ Лондонъ.

Былъ двѣнадцатый часъ; двери трактира заперты; но онъ тихо

отворилась, когда Жидъ свиснулъ. Жидъ и Ноа вошли безъ шуму и дверь заперлась.

Едва удерживая дыханіе, Феджинъ и молодой Жидъ, впустившій ихъ, показалъ Ноа стекло, вставленное въ стѣну, сдѣлавъ знакъ наклониться къ нему и замѣтить женщину, сидѣвшую въ сосѣдней комнатѣ.

— Это она? шепнулъ Ноа.

Жидъ кивнулъ головою.

— Мнѣ не хорошо видно лицо ея, шепталъ Ноа. — Она смотритъ внизъ, а свѣча стоитъ сзади ея.

— Постой, шепнулъ Феджинъ. — Онъ сдѣлалъ знакъ Берни, и тотъ исчезъ. Черезъ минуту мальчикъ вошелъ въ сосѣднюю комнату и, какъ-бы снимая со свѣчки, поставилъ ее на видное мѣсто; потомъ началъ говорить съ дѣвушкою и заставилъ ее поднять голову.

— Теперь я вижу ее, вскричалъ шпіонъ.

— Хорошо видишь?

— Я узнàю ее изъ тысячи.

Онъ поспѣшно отскочилъ, когда дверь изъ комнаты отворилась и дѣвушка вышла. Феджинъ увлекъ его въ углубленіе, скрытое занавѣскою, и здѣсь они стояли, притая дыханіе въ то время, какъ она прошла мимо ихъ и вышла въ дверь, въ которую они вошли недавно.

Ноа перемигнулся съ Феджиномъ и бросился за нею.

—На лѣво! кричалъ молодой Жидъ:—перейди на другую сторону.

Ноа сдѣлалъ это, и при свѣтѣ фонарей увидѣлъ дѣвушку въ нѣсколькихъ шагахъ передъ собою. Онъ приблизился къ ней сколько ему было нужно, и шелъ по другой сторонѣ улицы, чтобъ лучше замѣчать ея движенія. Она судорожно обернулась два или три раза, и одинъ разъ остановилась, чтобъ пропустить впередъ двухъ человѣкъ, шедшихъ за нею. Казалось, идя далѣе, она ободрилась и шла болѣе-твердымъ, ровнымъ шагомъ. Шпіонъ шелъ все въ одномъ разстояніи за нею, и не сводилъ съ нея глазъ.

ГЛАВА XLIV.

Сдержанное слово.

Церковные часы пробили три четверти двѣнадцатаго, когда двѣ фигуры мелькнули на Лондонскомъ-Мосту. Одна, шедшая легкимъ и поспѣшнымъ шагомъ, была женщина, кого-то искавшая; другая — мужчина, который крался въ тѣни, въ небольшомъ отъ нея разстояніи, останавливаясь, когда она останавливалась, и слѣдя за всѣми ея движеніями. Такимъ образомъ они подошли уже къ концу моста,

когда женщина, видя безуспѣшность своихъ поисковъ, вдругъ поворнула назадъ. Движеніе это было мгновенно: но тотъ, кто сторожилъ за нею, вдругъ скрылся за фонарный столбъ и, давъ ей пройдти впередъ, тихо послѣдовалъ за нею. Около середины моста она остановилась. Онъ также остановился.

Ночь была темна. Днемъ шелъ дождь, и въ такое позднее время, въ такомъ мѣстѣ мало было народу. Проходившіе по мосту очень могли не видѣть ни женщины, ни ея шпіона. И она и онъ еще менѣе могли привлечь на себя безпокойные взгляды бродягъ, которые сами не знали, куда приклонить голову и гдѣ найдти себѣ пріютъ.

Туманъ висѣлъ надъ рѣкою, заслоняя красноватый свѣтъ фонарей, мелькавшихъ въ разныхъ мѣстахъ, и дѣлая еще мрачнѣе, еще неявственнѣе строенія, стоявшія по набережной. Старые, дымящіеся заводы и магазины, возвышаясь надъ другими домами, нависли надъ рѣкою, которая была такъ черна, что не могла отражать на поверхности своей исполинскія ихъ формы. Башня церкви Христа Спасителя и шпицъ святаго Магнуса виднѣлись во мракѣ; но лѣсъ корабельныхъ мачтъ за мостомъ и куполы другихъ церквей скрыты были туманомъ.

Дѣвушка сдѣлала нѣсколько шаговъ взадъ и впередъ по мосту, все преслѣдуемая тѣмъ же человѣкомъ, какъ вдругъ тяжелый колоколъ церкви святаго Павла возвѣстилъ смерть дня. Полночь налегла на многолюдный городъ. Въ великолѣпныхъ палатахъ, въ темницѣ, въ домѣ сумасшедшихъ, въ пріютахъ рожденія и смерти, здоровья и болѣзни, надъ обезображеннымъ лицомъ трупа и тихимъ сномъ младенца, — повсюду водворилась полночь.

Не прошло двухъ минутъ, какъ молодая дама, въ сопровожденіи сѣдаго джентльмена, вышла изъ кареты и, отославъ экипажъ, пошла прямо къ мосту. Дѣвушка вздрогнула и тотчасъ бросилась къ ней.

Дама и сѣдой джентльменъ шли впередъ, осматриваясь кругомъ съ такимъ видомъ, какъ-будто не ожидая найдти кого имъ было нужно. Къ нимъ подошла дѣвушка. Они остановились, вскрикнувъ отъ удивленія, но тотчасъ оправились, увидѣвъ человѣка въ одеждѣ крестьянина, который прошелъ между ими.

— Не здѣсь, сказала Нанси отрывисто. — Здѣсь я боюсь говорить съ вами. Пойдемте отсюда, — надобно свернуть съ дороги.

Когда она произнесла эти слова и показала рукою мѣсто, куда хотѣла ихъ вести, крестьянинъ оборотился и прошолъ, грубо замѣтивъ имъ, что они заняли всю дорогу.

На мѣстѣ, куда показывала дѣвушка, оканчивался мостъ и была лѣстница къ рѣкѣ. Къ этому мѣсту поспѣшилъ человѣкъ въ платьѣ крестьянина, и началъ спускаться.

Эта лѣстница составляетъ часть моста и состоитъ изъ трехъ колѣнъ. Внизу, при концѣ втораго колѣна, прекращается каменная стѣна четвероугольнымъ столбомъ, обращеннымъ къ Темзѣ. Тутъ нижнія ступени расширяются, такъ-что человѣкъ, спрятавшись за уголъ стѣны, не можетъ быть видимъ стоящими на лѣстницѣ. Крестьянинъ быстро осмотрѣлся кругомъ, и какъ нельзя было найдти лучшаго мѣста, чтобъ спрятаться, а вода уже сбыла, оставивъ просторъ около столба, — онъ бросился туда и прислонился спиною къ столбу, увѣренный, что разговаривающіе не спустятся ниже.

Медленно казалось ему время; онъ съ такимъ нетерпѣніемъ хотѣлъ узнать цѣль свиданія, столь различнаго отъ того, какого ожидалъ онъ, что даже готовъ былъ выйдти изъ засады. Вдругъ послышались шаги и голоса приближавшихся людей.

Онъ прижался плотнѣе къ стѣнѣ, и едва дыша началъ вслушиваться.

— Это довольно неблизко, говорилъ джентльменъ. — Мы не пойдемъ дальше. Не всякій на нашемъ мѣстѣ ввѣрился бы тебѣ до того, чтобъ зайдти такъ далеко. И зачѣмъ привела ты насъ сюда? Не лучше ли было бы говорить тамъ наверху, гдѣ свѣтло и ходятъ люди, чѣмъ вести насъ въ эту темную трущобу?

— Я сказала вамъ прежде, отвѣчала Нанси: — что тамъ я боюсь говорить съ вами. Я сама не знаю отъ-чего, сказала дѣвушка, вздрагивая:—но въ эту ночь на меня находитъ такой страхъ, такой ужасъ, что я едва могу стоять на ногахъ...

— Чего же ты боишься? спросилъ джентльменъ съ состраданіемъ.

— Сама не знаю чего, отвѣчала дѣвушка. — Ужасныя мысли о смерти, какіе-то кровавые призраки, какой-то страхъ, отъ котораго я и теперь горю какъ отъ огня, терзали меня цѣлый день. Вечеромъ я взяла книгу, чтобъ какъ-нибудь убить время, и тѣ же призраки представлялись мнѣ въ книгѣ.

— Мечты! сказалъ джентльменъ, утѣшая ее.

— О, нѣтъ, отвѣчала дѣвушка глухимъ голосомъ. — Я готова божиться, что видѣла слово «гробъ», написанное на каждой страницѣ книги огромными черными буквами;—гробъ пронесли мимо меня по улицѣ...

— Въ этомъ нѣтъ ничего необыкновеннаго, сказалъ джентльменъ. — Мимо меня также часто носятъ гробы.

— *Настоящіе,* замѣтила дѣвушка. — Со мною было не то!..

Въ словахъ ея было столько отчаянія, что отъ нихъ невольно сжималось сердце. Но нѣжный голосъ молодой дамы просилъ ее успокоиться и удалить отъ себя мрачныя мысли.

— Говорите съ нею кротче, сказала дама своему спутнику. — Бѣдняжка! Она нуждается въ состраданіи.

— О, зачѣмъ люди не такъ добры и милостивы къ несчастымъ, какъ вы!

Дѣвушка зарыдала. Нѣсколько минутъ продолжалось молчаніе. Наконецъ джентльменъ спросилъ:

— Ты не была здѣсь ночью въ прошлое воскресенье?

— Я не могла прійдти, отвѣчала Нанси:—меня задержали силою.

— Кто?

— Биль,—тотъ, о комъ я прежде говорила вамъ.

— Надѣюсь, что тебя не подозрѣваютъ въ сношеніяхъ съ нами о томъ дѣлѣ, для котораго мы сюда пришли? съ безпокойствомъ спросилъ джентльменъ.

— Нѣтъ, отвѣчала дѣвушка, качая головою. — Мнѣ трудно уйдти изъ дому, чтобъ онъ не спросилъ, куда я иду. Я и тогда не могла бы съ вами увидѣться, еслибъ прежде не дала ему соннаго порошка.

— Онъ проснулся прежде, чѣмъ ты возвратилась? спросилъ джентльменъ.

— Нѣтъ; ни онъ, ни кто другой не подозрѣваютъ меня.

— Хорошо, сказалъ джентльменъ. — Теперь выслушай.

— Готова, отвѣчала дѣвушка.

— Эта дама, началъ джентльменъ: — сообщила мнѣ и еще нѣкоторымъ друзьямъ, которымъ можно было ввѣриться, то, что ты разсказывала ей. Признаюсь, сначала я нѣсколько сомнѣвался, но теперь совершенно вѣрю тебѣ. Мы должны узнать теперь все, чтобъ можно было явно обвинять Монкса. Ты должна выдать намъ Жида.

— Феджина! вскричала дѣвушка, отступая.

— Ты должна выдать его, сказалъ джентльменъ.

— Никогда, никогда! отвѣчала дѣвушка. — Сколько зла онъ ни сдѣлалъ мнѣ, я не рѣшусь на это!

— Ты не хочешь? спросилъ джентльменъ, повидимому ожидавшій такого отвѣта.

— Нѣтъ! отвѣчала дѣвушка.

— Почему же?

— По причинѣ, которая извѣстна этой дамѣ, и она возьметъ мою сторону. Другая причина та, что я веду такую же дурную жизнь, какъ и онъ; многіе жили подобно мнѣ и могли выдать меня, но не выдали, не смотря на всю низость своихъ поступковъ.

— И такъ, быстро сказалъ джентльменъ:—выдай Монкса мнѣ въ руки, чтобъ я могъ съ нимъ раздѣлаться.

— А если онъ выдастъ другихъ?

— Обѣщаю тебѣ, что отъ него только захотятъ узнать истину; въ исторіи Оливера есть обстоятельства, которыя должны остаться тайною для многихъ; вывѣдавъ всю истину, ему возвратятъ свободу.

— А если нѣтъ? спросила дѣвушка.

— Тогда, отвѣчалъ джентльменъ: — Жидъ не будетъ преданъ суду безъ твоего согласія.

— Дастъ ли мнѣ это обѣщаніе и эта дама? поспѣшно спросила дѣвушка.

— Да, отвѣчала Роза. — Даю тебѣ честное слово.

— Монксъ никогда не узнаетъ, откуда вы получили о немъ всѣ эти свѣдѣнія? сказала дѣвушка, послѣ минутнаго молчанія.

— Никогда, отвѣчалъ джентльменъ.

— Я съ малолѣтства жила между лжецами, и сама лгала, сказала дѣвушка: — но вамъ вѣрю.

Получивъ отъ обоихъ увѣренія, что она безопасно можетъ говорить, она начала описывать имъ трактиръ, изъ котораго вышла въ эту ночь, но говорила такъ тихо, что шпіону почти ничего нельзя было разслушать. Иногда она останавливалась, и, казалось, въ это время джентльменъ записывалъ, что̀ она говорила прежде. Описавъ имъ мѣсто и назначивъ часъ, когда удобнѣе всего схватить Монкса, она начала изображать его самого.

— Онъ высокъ ростомъ, сказала дѣвушка: — крѣпкаго сложенія, но худощавъ; у него быстрая походка, и онъ всегда глядитъ съ одного плеча на другое. Лицо его смугло, волосы и глаза темные, но блуждающіе и впалые, хоть ему и не должно быть болѣе двадцатипяти лѣтъ. Губы его часто носятъ на себѣ слѣды его зубовъ, — онъ даже иногда кусаетъ себѣ руки... Отъ-чего вы вздрогнули? спросила дѣвушка, вдругъ останавливаясь.

Джентльменъ отрывисто отвѣчалъ, что онъ не вздрагивалъ, что ей показалось это, и просилъ продолжать.

— Большую часть того, что̀ я сказала вамъ, слышала я отъ другихъ, продолжала дѣвушка: — потому-что сама видѣла его только два раза, и онъ всегда былъ завернутъ въ широкій плащъ. Кажется, это все, что̀ я могу вамъ сказать объ немъ... Постойте, прибавила она: — у него на шеѣ, такъ высоко, что можно нѣсколько видѣть сверхъ галстуха, когда онъ поворачиваетъ голову, есть...

— Широкая красная черта, какъ-будто отъ обжоги! вскричалъ джентльменъ.

— Почему вы это знаете?

Дама вскрикнула отъ удивленія. Наступило мертвое, долгое молчаніе, такъ-что шпіонъ могъ слышать дыханіе разговаривавшихъ.

— Сколько могу судить по этому описанію, мнѣ кажется, я знаю его, сказалъ наконецъ джентльменъ. — Но посмотримъ... Во многихъ есть странныя сходства...

Съ этими словами онъ подошелъ ближе къ скрытому шпіону, и

Ноа ясно услышалъ, какъ джентльменъ прошепталъ:—это долженъ быть онъ!

— Ну, сказалъ джентльменъ, возвращаясь на прежнее мѣсто:—ты много помогла нашимъ розъискамъ, и я хочу также быть тебѣ полезнымъ. Чтò я могу для тебя сдѣлать?

— Ничего, отвѣчала Нанси.

— Не упрямься, сказалъ джентльменъ съ кротостію. — Подумай хорошенько.

— Ничего, отвѣчала дѣвушка, плача.—Вы ничѣмъ не можете помочь мнѣ. У меня нѣтъ болѣе никакой надежды, никакого желанія.

— Ты напрасно обманываешь себя, сказалъ джентльменъ.—Прошедшее было ужасно; но въ будущемъ ты еще можешь надѣяться. Я не говорю, что въ нашей власти возвратить тебѣ спокойствіе души,— потому-что ты сама найдешь его; но безопасное убѣжище въ Англіи, или, если ты боишься остаться здѣсь—за границею, мы предлагаемъ тебѣ съ искреннимъ желаніемъ быть тебѣ полезными. Прежде утренней зари, прежде, нежели рѣка проснется при первомъ блескѣ дня, ты будешь внѣ власти своихъ прежнихъ товарищей, не оставя послѣ себя никакихъ слѣдовъ, какъ-будто совсѣмъ исчезнешь съ земли. Я не хотѣлъ бы даже, чтобъ ты возвратилась домой, сказала хоть одно слово своимъ старымъ товарищамъ, или взглянула на свой домъ, дохнула воздухомъ, который для тебя заразителенъ и смертоносенъ. Брось все, пока еще есть время!

— Она согласится, вскричала дама.—Она въ нерѣшимости...

— Нѣтъ! отвѣчала дѣвушка послѣ минутной борьбы.—Я прикована къ своей прежней жизни, проклинаю и ненавижу ее, но не могу оставить. Я зашла слишкомъ-далеко, и еслибъ вы говорили мнѣ это нѣсколько лѣтъ назадъ, я смѣялась бы надъ вами. Но,—сказала она, поспѣшно оборачиваясь:—на меня снова находитъ какой-то страхъ... Пора идти домой.

— Домой! съ ужасомъ повторила дама.

— Домой, сказала дѣвушка. — Въ тотъ домъ, который я создала себѣ трудами цѣлой жизни... Прощайте! За мной станутъ присматривать... Идите, идите. Если я оказала вамъ услугу, то отъ васъ требую тоже услуги: оставьте меня одну идти домой.

— Все напрасно! сказалъ джентльменъ со вздохомъ. — Можетъ-быть, мы подвергаемъ ее опасности, оставаясь здѣсь. Не будемъ задерживать ее долѣе.

— Какой же можетъ быть конецъ этого несчастнаго созданія? спросила дама.

— Какой конецъ? повторила дѣвушка.—Взгляните передъ собою, —взгляните на эту тѐмную воду. Кàкъ часто случается вамъ читать о несчастныхъ, которыя, бросаясь туда, не оставляютъ послѣ себя

никакого слѣда. Можетъ-быть, черезъ нѣсколько лѣтъ, можетъ-быть, черезъ нѣсколько мѣсяцевъ... я дойду до этого.

— О, замолчи, ради Бога! сказала дама рыдая.

— До васъ никогда не достигнетъ слухъ о моей смерти, и да избавитъ васъ Богъ отъ подобныхъ слуховъ! отвѣчала дѣвушка.—Покойной ночи.

Джентльменъ отвернулся.

— Вотъ кошелекъ, сказала дама.— Возьми его для меня; можетъ-быть, ты нуждаешься.

— Нѣтъ, нѣтъ, отвѣчала дѣвушка.— Я служила вамъ не за деньги; оставьте мнѣ эту мысль. Дайте мнѣ что-нибудь изъ того, что̀ вы носите... Нѣтъ, нѣтъ, не кольцо... хоть перчатки ваши, или носовой платокъ; пусть хоть что-нибудь останется мнѣ на память отъ васъ, добрая барышня. Да благословитъ васъ Богъ! Прощайте...

Волненіе дѣвушки и какое-то предчувствіе новаго несчастія принудили джентльмена оставить ее. Стукъ шаговъ затихъ, и голоса смолкли.

— Постойте! вскричала Роза прислушиваясь.— Не зоветъ ли она? Мнѣ кажется, я слышу ея голосъ.

— Нѣтъ, она стоитъ неподвижно и не уйдетъ прежде насъ, отвѣчалъ мистеръ Броунло, печально оглядываясь.

Роза медлила; но старый джентльменъ взялъ ее за руку и почти насильно увлекъ впередъ. Когда они скрылись, дѣвушка упала на каменныя ступени и зарыдала горькими слезами.

Скоро она встала и дрожа вошла въ улицу. Изумленный шпіонъ нѣсколько минутъ оставался неподвижнымъ; потомъ, удостовѣрясь, что онъ одинъ, выползъ изъ своей засады и бѣгомъ бросился къ дому Жида.

ГЛАВА XLV.

Послѣдствія.

Оставалось два часа до разсвѣта; это время, осенью, можно назвать смертью ночи; улицы пусты и безлюдны, повсюду царствуетъ безмолвіе и только развратъ блуждаетъ безъ пристанища. Въ этотъ часъ, Жидъ сидѣлъ въ своей комнатѣ съ столь блѣднымъ и встревоженнымъ лицомъ, что казался какимъ-то ужаснымъ призракомъ, вставшимъ изъ могилы.

Онъ сидѣлъ наклонясь къ потухшему камину, завернувшись въ старый изорванный плащъ и обратясь лицомъ къ свѣчѣ, стоявшей возлѣ него на столѣ. Правая рука его сжимала губы; погрузясь въ задумчивость, онъ кусалъ свои длинные ногти.

На полу, на тюфякѣ, Ноа спалъ крѣпкимъ сномъ. Изрѣдка взглядывалъ старикъ на него, и потомъ на свѣчу, которая давно догорѣла, хоть онъ и не замѣчалъ этого.

Мысли его были далеко. Разрушенные планы, измѣна Нанси, невозможность отмстить Сайксу, страхъ разоренія и смерти, наконецъ слѣдствіе всего — ярость, терзали Феджина и тяжелымъ камнемъ лежали на его сердцѣ.

Онъ сидѣлъ, не измѣняя своего положенія, какъ вдругъ услышалъ стукъ шаговъ на улицѣ.

— Наконецъ! шепталъ Жидъ, кусая свои сухія, помертвѣлыя губы.—Наконецъ-то!

Тихо зазвонилъ колокольчикъ. Жидъ поползъ къ двери и возвратился въ сопровожденіи человѣка, плотно закутаннаго, который несъ подъ полою узелъ. Это былъ Сайксъ.

— Вотъ! сказалъ онъ, кладя узелъ на столъ.—Береги это; мнѣ много стоило трудовъ. Я думалъ быть здѣсь тремя часами ранѣе.

Феджинъ взялъ узелъ и, заперевъ его въ шкафъ, сѣлъ на прежнее мѣсто не говоря ни слова. Но во все это время онъ не сводилъ глазъ съ разбойника, и теперь, когда они сидѣли лицомъ къ лицу, Жидъ пристально взглянулъ на него. Губы его такъ дрожали, лицо такъ измѣнялось отъ внутренняго волненія, что Сайксъ невольно отодвинулъ стулъ и осмотрѣлъ его.

— Что ты на меня такъ поглядываешь? вскричалъ Сайксъ.

Жидъ не отвѣчалъ ни слова.

— Онъ сошелъ съ ума! сказалъ Сайксъ.—Мнѣ должно беречься.

— Нѣтъ, нѣтъ, отвѣчалъ Феджинъ.—Не тебѣ, не тебѣ, Биль. Ты ни въ чемъ невиноватъ.

— О комъ же ты говоришь?

— Я все скажу тебѣ, сказалъ Жидъ, подвигая стулъ:—и съ тобою будетъ хуже, чѣмъ со мною.

— Говори скорѣе! отвѣчалъ Сайксъ съ недовѣрчивостью.—Пожалуй, Нанси подумаетъ, что я ужь погибъ.

— Погибъ! вскричалъ Феджинъ. — Я думаю, что теперь она въ этомъ увѣрена.

Сайксъ съ изумленіемъ взглянулъ на Жида и, не получая никакого объясненія, сильною рукою схватилъ его за воротъ.

— Говори же сію минуту! сказалъ онъ: — или замолчишь поневолѣ. Разсказывай все, что знаешь, старая собака!

— Предположи, что мальчишка, который здѣсь лежитъ... началъ Феджинъ.

Сайксъ оборотился къ тому мѣсту, гдѣ спалъ Ноа, какъ-будто прежде не замѣтивъ его.—Ну, далѣе? сказалъ онъ.

— Предположи, что онъ, продолжалъ Жидъ: — вздумалъ выдать

насъ полиціи, сначала описавъ всѣ наши примѣты, а потомъ назначивъ мѣсто, гдѣ насъ можно схватить. Предположи, что каждую ночь онъ уходитъ и разсказываетъ другимъ о томъ, что̀ мы дѣлаемъ. Слышишь? вскричалъ Жидъ въ ярости. — Предположи, что онъ дѣлалъ все это, — что̀ тогда?

— Что̀? отвѣчалъ Сайксъ съ ужаснымъ проклятіемъ. — Если онъ еще живъ — я растопчу его.

— А что, если это не онъ, а *я?* вскричалъ Жидъ. — Я знаю многое, и, кромѣ себя, могу проложить дорогу къ висѣлицѣ и другимъ.

— Не знаю, отвѣчалъ Сайксъ блѣднѣя и скрежеща зубами. — Я при всѣхъ разорвалъ бы тебя на части, — у меня достало бы силы уничтожить тебя однимъ ударомъ...

— Право?

— Попробуй! сказалъ разбойникъ.

— А если бъ это былъ Чарльсъ, или Докинсъ, или Бэтси, или...

— Все равно, кто бы ни былъ! съ нетерпѣніемъ отвѣчалъ Сайксъ. — Кто бы ни былъ, — я со всѣми раздѣлаюсь одинаково.

Феджинъ опять пристально взглянулъ на разбойника и, сдѣлавъ ему знакъ молчать, началъ будить совнаго. Сайксъ спокойно усѣлся на стулъ, ожидая, чѣмъ все это кончится.

— Больтеръ, Больтеръ! Бѣдняжка! сказалъ Феджинъ съ адскою радостію. — Онъ усталъ — усталъ, присматривая за *нею*, — за *нею*, Биль!

— Что такое? спросилъ Сайксъ отодвигаясь.

Жидъ не отвѣчалъ ни слова, но, наклонясь къ Ноа, заставилъ его сѣсть. Ноа протеръ глаза и осмотрѣлся кругомъ.

— Скажи мнѣ еще... еще разъ, чтобъ онъ слышалъ, сказалъ Жидъ, показывая на Сайкса.

— Что̀ сказать? спросилъ Ноа.

— Что̀ ты знаешь о... Нанси, сказалъ Жидъ, дергая Сайкса за рукавъ. — Ты вѣдь шелъ за нею?

— Да.

— Къ Лондонскому Мосту?

— Да.

— Тамъ она встрѣтила двухъ незнакомыхъ тебѣ людей?

— Да.

— Джентльмена и даму, съ которыми она прежде условилась о встрѣчѣ, и которые просили ее выдать всѣхъ ея сообщниковъ, сначала Монкса, что̀ она и обѣщала, — описать его, что̀ она и сдѣлала, и сказать, въ какомъ домѣ мы собираемся, что̀ также исполнила, — откуда лучше смотрѣть за нами, что̀ она и объяснила, — и въ какое время мы туда ходимъ. Она вѣдь сказала это? Она разсказала все безъ

сопротивленія, безъ угрозы... вѣдь она говорила это? вскричалъ Жидъ, внѣ себя отъ ярости.

— Да, отвѣчалъ Ноа.

— Что она говорила о прошедшемъ воскресеньи? спросилъ Жидъ.

— Я ужь вѣдь сказалъ, отвѣчалъ Ноа.

— Повтори еще разъ! кричалъ Феджинъ.

— Они спрашивали ее, почему она не пришла въ прошедшее воскресенье, продолжалъ Ноа:—и она отвѣчала, что не могла.

— Почему? почему? радостно спросилъ Жидъ.—Скажи ему почему!

— Потому-что ее силою удержалъ дома Биль, о которомъ она говорила имъ прежде, отвѣчалъ Ноа.

— Что она еще объ немъ говорила? вскричалъ Жидъ. — Говори ему, говори все!

— Что ей не легко выйдти изъ дому безъ того, чтобъ онъ не узналъ, куда она идетъ, сказалъ Ноа: — и что когда въ первый разъ она ходила для свиданія съ дамою, она—ха! ха! ха! я хохоталъ безъ памяти—она дала ему соннаго порошка.

—Пусти меня! вскричалъ Сайксъ, вырываясь отъ Жида:—пусти! Оттолкнувъ старика, онъ выбѣжалъ изъ комнаты и въ бѣшенствѣ бросился по лѣстницѣ.

— Биль, Биль! кричалъ Жидъ, слѣдуя за нимъ. — Одно слово... только одно слово.

Онъ никогда не дождался бы отвѣта; но запертая дверь удержала Сайкса.

— Пусти меня! кричалъ онъ. — Не говори ни одного слова,—все напрасно. Пусти!

— Выслушай меня, сказалъ Жидъ, кладя руку на замокъ. — Ты не будешь...

— Ну!

— Ты не будешь слишкомъ... жестокъ, Биль?

День начинался, и для нихъ было довольно-свѣтло, чтобъ видѣть лица другъ друга. Они помѣнялись взглядами: въ глазахъ обоихъ былъ огонь, въ которомъ пылалъ смертный приговоръ дѣвушки.

—Мнѣ кажется, сказалъ Феджинъ, видя, что притворство уже напрасно: — мы не совсѣмъ въ безопасности. Берегись, Биль!

Сайксъ не отвѣчалъ ни слова, но, толкнувъ дверь, бросился по пустымъ улицамъ.

Онъ не останавливался ни минуты, не произнесъ ни одного слова, но бѣжалъ безъ мысли, безъ чувства, прямо къ своему дому. Тихо отворивъ дверь и вбѣжавъ въ комнату, онъ загородилъ ее тяжелымъ столомъ и отдернулъ занавѣски кровати.

Дѣвушка лежала на ней полураздѣтая. Онъ разбудилъ ее; она вскочила, испуганная, встревоженная.

— Вставай! сказалъ разбойникъ.

— Это ты, Биль? весело сказала дѣвушка, обрадовавшаяся его возвращенію.

— Я! отвѣчалъ онъ. — Вставай!

Возлѣ горѣла свѣча; но разбойникъ бросилъ ее подъ столъ. Видя, что уже разсвѣтало, дѣвушка встала, чтобъ поднять штору.

— Оставь! сказалъ Сайксъ. — Для того, что̀ я хочу дѣлать, довольно-свѣтло.

— Биль, тихо сказала дѣвушка:—что̀ ты такъ на меня смотришь?

Разбойникъ глядѣлъ на нее нѣсколько минутъ не говоря ни слова; потомъ схватилъ ее, притащилъ на средину комнаты и, еще разъ взглянувъ на дверь, тяжелою рукою зажалъ ей ротъ.

— Биль, Биль! стонала дѣвушка въ смертельномъ страхѣ:—я... я не буду кричать... но... выслушай меня... скажи... что̀ я сдѣлала?

— Ты сама знаешь! отвѣчалъ разбойникъ, удерживая дыханіе.— За тобою слѣдили ночью; каждое твое слово было услышано.

— Такъ пощади же мою жизнь, ради Бога, какъ я пощадила твою, сказала дѣвушка, прижимаясь къ нему.—О, подумай обо всемъ, что̀ я прежде для тебя дѣлала, въ замѣнъ этой ночи. Ты *подумаешь* еще, и избавишь себя отъ злодѣйства... Биль, Биль, ради Бога, ради самого тебя, — подумай прежде, нежели прольешь мою кровь. Клянусь, я всегда была вѣрна тебѣ...

Сайксъ сдѣлалъ усиліе, чтобъ освободить свои руки, но напрасно. Дѣвушка обвила ихъ своими руками.

— Биль! вскричала она, стараясь положить голову на его грудь: — джентльменъ и добрая дама говорили мнѣ, что я могу кончить дни свои спокойно въ какой-нибудь далекой сторонѣ. Дай мнѣ еще разъ съ ними увидѣться; на колѣняхъ выпрошу у нихъ и тебѣ такую же милость. Мы оставимъ это ужасное мѣсто, и далеко другъ отъ друга забудемъ прежнюю жизнь, будемъ молиться... Раскаяніе никогда не поздно. Они мнѣ такъ сказали... Теперь я чувствую это... но намъ нужно время... немного, немного времени!

Разбойникъ высвободилъ одну руку и схватилъ пистолетъ. Мысль, что выстрѣлъ можетъ привлечь постороннихъ, мелькнула въ умѣ его и онъ со всею силою дважды ударилъ имъ въ лицо, которое прикасалось къ груди его.

Она зашаталась и упала, почти ослѣпленная кровью, которая лилась изъ глубокой раны на лбу; но съ трудомъ ставъ на колѣни, вынула бѣлый платокъ Розы, и, держа его такъ высоко къ небу, какъ позволяли ея послѣднія силы, шептала молитву милосердому Богу...

Страшно было смотрѣть на нихъ. Убійца отошелъ къ стѣнѣ, закрылъ глаза рукою и схватилъ тяжелую дубину......

—

ГЛАВА XLVI.

Бѣгство Сайкса.

Изъ всѣхъ преступныхъ дѣлъ, которыя во мракѣ той ночи совершены были въ обширныхъ предѣлахъ Лондона, это было самое преступное. Изъ всѣхъ злодѣяній, которыя, возставая удушливыми парами, смѣшивались съ утреннимъ туманомъ,—это было самое жестокое и безчеловѣчное.

Солнце,—свѣтлое солнце, приносящее не одинъ свѣтъ, но и новую жизнь, и надежду, и свѣжесть человѣку, — взошло надъ шумнымъ городомъ. Сквозь закрашеныя стекла, сквозь окна, заклеенныя бумагою, сквозь купола собора и щели хижины оно равно разсѣвало благотворные лучи свои; оно же освѣтило и комнату, гдѣ лежала убитая дѣвушка. Если это зрѣлище было ужасно при туманномъ утрѣ, то какимъ оно должно было казаться при полномъ блескѣ дня!

Убійца не двигался; онъ боялся пошевельнуться. Ужасъ оковалъ всѣ члены его. Онъ набросилъ покрывало на трупъ; но недвижные, помертвѣлые глаза проницали сквозь ткань и, казалось, были устремлены на потоки крови, освѣщенные солнцемъ. Онъ опять сорвалъ покрывало — передъ нимъ лежало тѣло, облитое кровью, — и какою кровью!

Онъ взялъ свѣчу, развелъ огонь и бросилъ въ него дубину. На концѣ ея были остатки волосъ, которые, превратясь въ пепелъ, вились въ каминѣ. Даже это навело на него ужасъ; онъ смылъ съ себя кровь, но на платьѣ оставались еще пятна:—онъ разорвалъ его и сжегъ. Однакожь сколько слѣдовъ осталось на полу! Даже лапы собаки были окровавлены.

Во все это время онъ не могъ взглянуть на трупъ; кончивъ все, подошелъ къ двери, таща за собою собаку; тихо заперъ дверь, вынулъ ключъ и оставилъ свое жилище.

Онъ прошелъ мимо и взглянулъ въ окно, чтобъ удостовѣриться, не видно ли чего-нибудь снаружи. Штора по-прежнему оставалась спущенною; она хотѣла поднять ее, чтобъ взглянуть на свѣтъ, котораго уже не видѣла. Она лежала близко оттуда. Онъ зналъ это...

Взглядъ его былъ мгновенный. Онъ дышалъ свободнѣе, вышелъ изъ комнаты. Свиснувъ собакѣ, онъ быстро отошелъ прочь.

Убійца бродилъ, какъ осужденный, изъ одного конца города въ другой; за заставою онъ упалъ въ изнеможеніи и заснулъ крѣпкимъ сномъ.

Скоро всталъ онъ и пошелъ назадъ къ Лондону по большой дорогѣ; потомъ опять повернулъ назадъ, шелъ по полямъ, отдыхая во рвахъ и снова пускаясь въ путь.

Куда бы пойдти ему, чтобъ утолить свой голодъ, гдѣ было бы мало народу? Въ ближайшую деревушку. Туда онъ направилъ свои шаги — то бѣгомъ, то медленнымъ шагомъ, то вдругъ останавливаясь. Но когда онъ достигъ деревни, всѣ, кого ни встрѣчалъ онъ, даже дѣти, казалось, смотрѣли на него съ недовѣрчивостію. Онъ снова пошелъ назадъ, не смѣя спросить куска хлѣба или воды, хоть онъ и не ѣлъ нѣсколько часовъ.

Цѣлыя мили исходилъ онъ и опять воротился къ тому же мѣсту, откуда вышелъ. Миновало утро и полдень; уже смеркалось, а онъ все-еще блуждалъ взадъ и впередъ около одного мѣста.

Было девять часовъ, когда убійца, совершенно утомленный, и собака, хромавшая отъ усталости, повернули къ деревенской церкви; прокравшись вдоль улицы деревушки, они вошли въ маленькій трактиръ, гдѣ свѣтился огонекъ. Въ комнатѣ разведенъ былъ огонь; нѣсколько крестьянъ пили вино, грѣясь передъ огнемъ. Крестьяне очистили мѣсто для незнакомца, но онъ сѣлъ въ дальній уголъ, ѣлъ и пилъ одинъ, дѣлясь съ своею собакою.

Люди, собравшіеся около огня, говорили о сосѣднихъ помѣстьяхъ и фермёрахъ, потомъ о лѣтахъ старика, котораго похоронили въ последнее воскресенье; молодые люди говорили, что онъ былъ очень старъ; а старики утверждали, напротивъ, что онъ былъ очень молодъ, даже не старѣе самаго стараго изъ нихъ.

Казалось, тутъ нечего было опасаться. Разбойникъ, расплатясь, молчаливо сидѣлъ въ углу и уже началъ засыпать, какъ былъ разбуженъ шумомъ шаговъ вновь-пришедшаго человѣка.

То былъ веселый малой, полу-торгашъ, полу-шарлатанъ, который ходилъ по деревнѣ, продавая ножницы, щетки, мыло, лекарства для собакъ и лошадей и другія вещи, лежавшія у него въ ящикѣ за спиною. Приходъ его былъ сигналомъ къ общимъ остротамъ, которыя прекратились только тогда, когда онъ кончилъ свой ужинъ и отперъ ящикъ.

— А это что́ такое? спросилъ усмѣхаясь крестьянинъ, показывая на одну изъ вещицъ.

— Это, сказалъ шарлатанъ: — лучшій и вѣрнѣйшій составъ для вывода всякихъ пятенъ, ржавчины, грязи, сырости, пыли изъ шелка, атласа, полотна, кембрика, сукна, кисеи, ковровъ, мериноса и всякихъ матерій. Винныя пятна, водяныя пятна, смоляныя пятна, всякія пятна, — все исчезаетъ отъ одного прикосновенія этого вѣрнѣйшаго и полезнѣйшаго состава. Если женщина запятнала свою честь, ей стоитъ только проглотить одинъ кусокъ этого состава, и она вылечится, — потому-что это ядъ. Если джентльменъ хочетъ доказать свою честь, этотъ составъ можетъ послужить ему вмѣсто пистолетной пули. Одинъ пенсъ за кусокъ, только одинъ пенсъ!

Тотчасъ явились двое покупателей; другіе стояли въ нерѣшимости. Шарлатанъ, замѣтя это, усилилъ свое красноречіе.

— Все это у меня раскупаютъ въ нѣсколько часовъ, сказалъ онъ. —Этотъ составъ выдѣлываютъ на четырнадцати водяныхъ мельницахъ, шести паровыхъ машинахъ и посредствомъ гальванической баттареи, которая дѣйствуетъ безпрерывно, и при всемъ томъ не могутъ приготовить его въ достаточномъ количествѣ, хоть люди до того работаютъ, что умираютъ, и вдовамъ ихъ тотчасъ дается пенсіонъ по двадцати фунтовъ въ годъ на каждаго ребенка. Одинъ пенсъ за кусокъ! Винныя пятна, водяныя пятна, красильныя пятна, смоляныя пятна, кровавыя пятна... Вотъ пятно на шляпѣ джентльмена, которое я выведу въ одну минуту.

— Подай сюда шляпу! вскричалъ Сайксъ, вскакивая.

— Я вычищу ее, отвѣчалъ шарлатанъ, подмигивая однимъ глазомъ:—прежде, нежели вы успѣете пройдтись по комнатѣ. Вотъ, господа, замѣтьте это темное пятно на шляпѣ джентльмена, — оно не болѣе шиллинга. Будь это винное пятно, водяное пятно, или кровавое пятно...

Онъ не успѣлъ договорить, потому-что Сайксъ оттолкнулъ столъ и, вырвавъ свою шляпу, выбѣжалъ изъ комнаты.

Съ тѣмъ же страхомъ, съ тою же нерѣшимостью, которые терзали его цѣлый день, убійца, видя, что его не преслѣдуютъ, пошелъ назадъ къ городу и, при свѣтѣ фонарей, увидѣлъ почтальйона, отдававшаго письма на городскую почту. Онъ подошелъ ближе и сталъ прислушиваться.

Сторожъ стоялъ у дверей, принимая письма. Почтальйонъ отдавалъ ихъ.

— Что̀ новаго, Бэнъ? спросилъ онъ.

— Ничего, отвѣчалъ сторожъ. — Говорятъ о какомъ-то убійствѣ, да я не совсѣмъ вѣрю.

— О, это точно правда, сказалъ джентльменъ, выглядывая изъ окна.—Ужасное убійство!

— Кто же убитъ? спросилъ сторожъ, приподнимая фуражку. — Мужчина, или женщина?

— Женщина, отвѣчалъ джентльменъ.—Думаютъ...

Раздался звукъ рога и почтальйонъ ускакалъ.

Сайксъ оставался на улицѣ, какъ-будто потерявъ силы послѣ того, что̀ онъ слышалъ, тревожимый неизвѣстностью куда идти; наконецъ опять поворотилъ назадъ.

Онъ шелъ бодро; но когда, оставя за собою городъ, проходилъ по пустымъ и мрачнымъ мѣстамъ, ужасъ овладѣлъ имъ. Каждый предметъ, каждая тѣнь, двигавшаяся или неподвижная, принимали въ глазахъ его страшные образы; но этотъ страхъ былъ ничто въ срав-

ненія съ чувствомъ, которое вселялъ въ него блѣдный призракъ, шедшій по слѣдамъ его. Онъ могъ начертить его тѣнь во мракѣ, не измѣнивъ ни одной черты лица, и означить его мѣрную, медленную походку. Онъ слышалъ его жалобы въ шелестѣ листьевъ, когда дыханіе вѣтерка сливалось съ послѣднимъ, тихимъ воплемъ. Когда убійца останавливался, призракъ дѣлалъ то же; когда онъ бѣжалъ, призракъ летѣлъ вслѣдъ за нимъ.

Иногда разбойникъ оборачивался съ отчаянною рѣшимостію — убить призракъ, хоть онъ и казался ему мертвымъ; но волосы вставали дыбомъ на головѣ его и кровь застывала въ жилахъ: призракъ оборачивался вмѣстѣ съ нимъ и являлся позади. Онъ прислонился къ стѣнѣ, но сквозь ночныя облака видѣлъ, что призракъ стоялъ надъ его головою. Онъ упалъ навзничь: призракъ стоялъ въ головахъ его, недвижный, безмолвный, какъ гробовой камень съ эпитафіею, написанною кровавыми буквами.

Не вѣрьте тѣмъ, которые говорятъ, что убійцы иногда избѣгаютъ правосудія, и что Провидѣніе оставляетъ ихъ ненаказанными; минута такого ужаса хуже двадцати смертей.

Въ полѣ, по которому проходилъ Сайксъ, былъ навѣсъ, представлявшій убѣжище во время ночи. Передъ входомъ въ него стояли три тополя, которые усиливали темноту его внутри; вѣтеръ шумѣлъ, играя ихъ листьями. Сайксъ не могъ войдти туда, пока снова не разсвѣтетъ, и прижался плотнѣе къ стѣнѣ.

Призракъ всталъ передъ нимъ ужаснѣе прежняго. Эти большіе, блестящіе, неподвижные глаза сіяли въ темнотѣ, ничего не освѣщая. Только два глаза, но они были вездѣ... Когда убійца закрывалъ себѣ лицо, ему представлялась комната съ знакомымъ существомъ, которое онъ хотѣлъ бы позабыть, если бъ только могъ исторгнуть его изъ своей памяти. Все стояло на своемъ мѣстѣ. Тѣло также было на своемъ мѣстѣ, глаза все тѣ же—большіе, блестящіе, неподвижные. Онъ вышелъ и бросился въ поле. Призракъ шелъ за нимъ. Онъ снова вошелъ подъ навѣсъ и опять упалъ на землю: глаза мертвеца блестѣли по-прежнему....

Здѣсь онъ оставался въ такомъ ужасѣ, который никто не могъ испытать, кромѣ его: все тѣло его задрожало, когда невдалекѣ вдругъ раздались вопли и шумъ смѣшанныхъ голосовъ. Каждый звукъ людскаго голоса въ этомъ пустынномъ мѣстѣ пугалъ его. Онъ получилъ новую силу и бодрость при видѣ собственной опасности, и вскочивъ на ноги, бросился въ поле.

Небо казалось въ огнѣ. Вставая въ воздухѣ съ мильйонами искръ, потоки пламени смѣшивались одинъ съ другимъ, освѣщая кругомъ пространство на нѣсколько миль; вѣтеръ несъ къ нему клубы дыма. Крики становились громче и громче, смѣшиваясь съ набатомъ; слы-

шно было, какъ обрушались тяжелыя кровли. Шумъ увеличивался болѣе-и-болѣе. Народъ—мужчины, женщины и дѣти, бѣгали въ отчаяніи. Для убійцы это было какъ-будто новою жизнію. Онъ бросился впередъ, не смотря ни на какія преграды; собака бѣжала передъ нимъ съ громкимъ лаемъ.

Онъ пришелъ на мѣсто пожара. Полуодѣтые люди бѣгали взадъ и впередъ, иные стараясь выводить изъ конюшень испуганныхъ лошадей, другіе—спасая, что можно было спасти. Мѣста, гдѣ были прежде двери и окна, представляли массу огня; желѣзо, раскаленное до-бѣла, падало на землю. Стукъ пожарныхъ трубъ и шумъ воды, падавшей на обгорѣлыя бревна, еще болѣе увеличивали тревогу. Женщины и дѣти кричали, между-тѣмъ, какъ мужчины ободряли другъ друга. Сайксъ позабылъ все и бросился въ самую густую толпу.

Во всю эту ночь, онъ кидался изъ одного мѣста въ другое, то работая у помпъ, то бросаясь сквозь дымъ и пламя туда, гдѣ шумъ становился сильнѣе. Вверхъ и внизъ по лѣстницамъ, на кровляхъ строеній, на полуразвалившихся перекладинахъ, подъ падающими бревнами и камнями, вездѣ былъ онъ; но, будто одаренный волшебною жизнью, не получилъ ни раны, ни ушиба, и безъ мысли, безъ усталости, встрѣтилъ утро надъ дымящимися развалинами.

Едва прошло это самозабвеніе, ужасное сознаніе злодѣйства возвратилось опять съ новою силою. Боязливо осмотрѣвшись кругомъ, увидя людей, раздѣлившихся на толпы и разговаривавшихъ между собою, онъ боялся быть предметомъ ихъ разговора. Собака повиновалась движенію руки его, и они тихо удалились. Невдалекѣ сидѣло нѣсколько человѣкъ, которые просили его раздѣлить съ ними пищу. Онъ съѣлъ кусокъ хлѣба, и взявшись за кружку съ пивомъ, услышалъ, какъ пожарные изъ Лондона разсказывали объ убійствѣ. «Онъ убѣжалъ въ Бирмингэмъ» говорилъ одинъ изъ нихъ: «но его поймаютъ; вездѣ разосланы повелѣнія схватить его».

Онъ бросился прочь и шелъ до-тѣхъ-поръ, пока въ изнеможеніи не упалъ на землю. На минуту, безпокойный, тревожный сонъ овладѣлъ имъ.

Вдругъ онъ рѣшился идти назадъ въ Лондонъ.

— Тамъ, по-крайней-мѣрѣ, есть мѣсто, гдѣ можно спрятаться, думалъ онъ. — Меня никто не ожидаетъ тамъ встрѣтить, и съ помощію Феджина мнѣ удастся можетъ-быть перебраться во Францію.

Не медля ни минуты, поспѣшилъ онъ исполнить свое намѣреніе и пошелъ назадъ по дорогамъ, менѣе-люднымъ, рѣшась скрываться невдалекѣ отъ столицы.

Но мысль, что его легко могутъ узнать по собакѣ, поразила его. Онъ рѣшился утопить собаку, и пошелъ далѣе, ища гдѣ-нибудь пру-

да; дорогою онъ схватилъ тяжелый камень и привязалъ къ нему платокъ.

Во время этихъ приготовленій, собака смотрѣла въ лицо своему хозяину, и по инстинкту ли узнала о его намѣреніи, или взглядъ его былъ строже обыкновеннаго, но она бѣжала отъ него далѣе, не позволяя къ себѣ приблизиться. Когда Сайксъ остановился у берега пруда и началъ звать ее, она стала на одномъ мѣстѣ, какъ-будто въ нерѣшимости.

— Слышишь ты? сюда! кричалъ Сайксъ.

Собака приблизилась-было по привычкѣ: но когда Сайксъ хотѣлъ обвязать платокъ около ея шеи, она тихо заворчала и отскочила назадъ.

— Сюда! сказалъ разбойникъ, топая ногою. Собака махала хвостомъ, но не трогалась съ мѣста. Сайксъ сдѣлалъ петлю и снова началъ звать ее.

Собака сдѣлала нѣсколько шаговъ впередъ, потомъ воротилась назадъ, остановилась на минуту, обернулась и какъ стрѣла скрылась изъ виду.

Разбойникъ продолжалъ свистать, и сѣлъ, ожидая, что собака воротится. Но ожиданія его были напрасны, и онъ снова пустился въ путь.

ГЛАВА XLVII.

Монксъ и мистеръ Броунло наконецъ встрѣчаются другъ съ другомъ. Разговоръ ихъ прерванъ.

Начинало смеркаться, когда мистеръ Броунло вышелъ изъ кареты у воротъ своего дома, и тихо постучалъ въ дверь. Дверь отворили; сильный, высокій человѣкъ вышелъ изъ кареты и сталъ по одну сторону дверецъ, между-тѣмъ, какъ другой, соскочивъ съ запятокъ, сталъ по другую. По знаку мистера Броунло, они вытащили изъ кареты третьяго и, подхвативъ его подъ руки, втолкнули въ домъ. Этотъ третій былъ Монксъ.

Такимъ образомъ они шли по лѣстницѣ, не говоря ни слова, и мистеръ Броунло, шедшій впереди, довелъ ихъ до передней. У дверей, Монксъ, шедшій съ видимой неохотою, остановился. Два человѣка въ молчаніи взглянули на стараго джентльмена.

— Онъ знаетъ послѣдствія, сказалъ мистеръ Броунло. — Если онъ будетъ медлить или противиться, вытащите его на улицу, зовите полицію и выдайте отъ моего имени, какъ преступника.

— Какъ вы смѣете говорить это обо мнѣ? спросилъ Монксъ.

— Какъ ты смѣешь принуждать меня къ этому, молодой чело-

вѣкъ? отвѣчалъ мистеръ Броунло, сурово смотря на него.—Не-ужели ты съ ума сошелъ? Не держите его. Ты можешь идти, а мы за тобою будемъ слѣдовать. Но предупреждаю тебя, что послѣ не жди ужь отъ меня пощады. Пусть кровь твоя падетъ на твою собственную голову!

— По какому праву эти собаки схватили меня на улицѣ и привезли сюда? спросилъ Монксъ, смотря на людей, стоявшихъ возлѣ него.

—Я это приказалъ имъ, отвѣчалъ мистеръ Броунло.—Если вы жалуетесь, что васъ лишили свободы, то прежде могли открыто на это жаловаться; но вы во всю дорогу не сказали ни слова. Опять повторяю вамъ: прибѣгните къ покровительству законовъ; я также обращусь къ нимъ, и послѣ не говорите, что я погубилъ васъ.

Монксъ не зналъ, что̀ отвѣчать. Онъ медлилъ.

— Вы тотчасъ можете рѣшиться, сказалъ мистеръ Броунло съ прежнимъ хладнокровіемъ. — Если хотите, чтобъ я обвинялъ васъ публично и довелъ до наказанія, котораго вы заслуживаете, то дѣлайте, что̀ вамъ угодно. Если жь нѣтъ, сядьте на этотъ стулъ не говоря ни слова. Онъ ожидалъ васъ цѣлые два дня.

Монксъ что-то прошепталъ, но все еще не рѣшался. Безпокойнымъ взглядомъ слѣдилъ онъ за движеніями стараго джентльмена, но, не видя никакой надежды, вошелъ въ комнату и сѣлъ, пожимая плечами.

— Заприте дверь, сказалъ мистеръ Броунло слугамъ:—и войдите, когда я позову васъ.

— Вы поступили прекрасно, сказалъ Монксъ, бросая плащъ и шляпу:—прекрасно, какъ слѣдуетъ старому другу моего отца.

— Именно потому-что я былъ другомъ твоего отца, молодой человѣкъ: — именно потому-что надежды и желанія юныхъ и счастливыхъ дней моихъ были связаны съ нимъ, — что онъ вмѣстѣ со мною преклонялъ колѣни передъ смертнымъ одромъ своей единственной сестры, которая должна была назваться моею женою, хоть небо судило иначе;—что и до-сихъ-поръ я не могу забыть его, — по всему этому я рѣшился кротко поступать съ тобою даже теперь — да, Эдуардъ Лифордъ, даже теперь, — и краснѣть за тебя, какъ за человѣка, недостойнаго носить имя Лифордовъ.

— Что̀ за дѣло до имени? сказалъ Монксъ, видя волненіе стараго джентльмена. — Что̀ значитъ для меня имя?

— Для тебя — ничего. Но *она* носила это имя, и воспоминаніе о ней и теперь возбуждаетъ во мнѣ прежнее, незабвенное чувство. Я очень радъ, что ты перемѣнилъ имя, очень радъ.

— Что̀ же вамъ отъ меня угодно? спросилъ Монксъ.

— У тебя есть братъ, сказалъ мистеръ Броунло, вставая:—братъ,

котораго имя заставило тебя слѣдовать за мною сюда въ изумленіи и страхѣ.

— У меня нѣтъ брата, отвѣчалъ Монксъ.—Вы знаете, что я былъ единственнымъ сыномъ у моего отца. Зачѣмъ же вы говорите мнѣ о братьяхъ? Вамъ все извѣстно такъ же хорошо, какъ и мнѣ.

—Выслушай, что̀ я знаю, и чего ты не хочешь знать, сказалъ мистеръ Броунло.—Мнѣ извѣстно, что отъ несчастнаго брака, къ которому принудили твоего отца чужая гордость и честолюбіе, ты былъ единственнымъ и самымъ негоднымъ сыномъ.

— Эти названія не могутъ разсердить меня, сказалъ Монксъ, усиливаясь усмѣхнуться.—Главное вамъ извѣстно, и я доволенъ.

— Но мнѣ извѣстны также страданія, медленныя муки и позднее раскаяніе, бывшія слѣдствіемъ этого брака, продолжалъ старый джентльменъ.—Я знаю, ка̀къ ужасно, ка̀къ томительно было для этой несчастной четы влачить въ свѣтѣ тяжелую цѣпь, которая была отравлена для нихъ обоихъ; знаю, ка̀къ холодная учтивость смѣнилась открытыми насмѣшками; ка̀къ послѣ равнодушія явилась ненависть, послѣ ненависти презрѣніе, и потомъ отвращеніе, которое кончилось тѣмъ, что они разстались и жили далеко другъ-отъ-друга, стараясь подъ веселою маскою скрыть настоящія свои чувства. Мать твоя скоро все забыла, но грусть цѣлые годы терзала сердце несчастнаго отца твоего.

— Что̀ же слѣдуетъ изъ того, что они разстались? спросилъ Монксъ.

— Твоя мать, совершенно предавшись удовольствіямъ свѣта, забыла мужа, который былъ десятью годами моложе ея,—и онъ нашелъ себѣ новыхъ друзей. Надѣюсь, что наконецъ *это* обстоятельство тебѣ извѣстно?

— Нисколько! сказалъ Монксъ съ видомъ человѣка, который рѣшился ни въ чемъ не сознаваться.

— Но твои поступки доказываютъ, что ты никогда не забывалъ этого, отвѣчалъ мистеръ Броунло.—Я говорю о томъ, что̀ случилось пятнадцать лѣтъ назадъ, когда тебѣ было не болѣе одиннадцати лѣтъ, а отцу твоему тридцать одинъ годъ,—потому-что, повторяю тебѣ,—онъ былъ мальчикомъ, когда отецъ приказалъ ему жениться. Продолжать ли мнѣ разсказъ, который можетъ набросить тѣнь на память твоего отца, или ты пощадишь ее и откроешь мнѣ всю истину?

— Мнѣ нѣчего открывать, замѣтилъ Монксъ съ видимымъ смущеніемъ.—Вы можете продолжать, если вамъ это нравится.

— И такъ, въ числѣ этихъ новыхъ друзей, сказалъ мистеръ Броунло:—былъ отставной офицеръ, котораго жена умерла за полгода предъ тѣмъ, оставя ему двухъ дочерей. Одна изъ дочерей была прекрасное созданіе девятнадцати лѣтъ; другая—двухлѣтнее дитя.

— Ну-съ, какое же мнѣ до этого дѣло? спросилъ Монксъ.

— Они жили, продолжалъ мистеръ Броунло, необращая никакого вниманія на вопросъ Монкса:—жили въ томъ мѣстѣ, гдѣ остановился отецъ твой во время своего путешествія, и гдѣ онъ поселился. Знакомство, короткость, дружба,— слѣдовали другъ за другомъ. Отецъ твой обладалъ рѣдкими качествами; онъ во всемъ похожъ былъ на сестру свою. И старый офицеръ, короче узнавая его, любилъ его более-и-болѣе. Хорошо, еслибъ тѣмъ все и кончилось! Но дочь его чувствовала къ отцу твоему то же самое.

Старый джентльменъ замолчалъ; Монксъ кусалъ себѣ губы, устремивъ глаза на полъ. Видя это, мистеръ Броунло продолжалъ:

—Къ концу года онъ уже былъ связанъ съ этою дѣвушкою неразрывными узами; онъ былъ предметомъ первой, истинной, пламенной, единственной страсти невинной, неопытной дѣвушки.

— Вашъ разсказъ слишкомъ-длиненъ, съ нетерпѣніемъ замѣтилъ Монксъ.

— Это печальный, грустный разсказъ, замѣтилъ мистеръ Броунло: — и такіе разсказы рѣдко бываютъ коротки; не то, что веселые. Наконецъ, одинъ изъ тѣхъ богатыхъ родственниковъ, для выгодъ котораго отецъ твой пожертвовалъ своимъ счастіемъ,—умеръ, и чтобъ вознаградить за бѣдствія, которыхъ онъ былъ причиною, оставилъ ему лекарство отъ всѣхъ печалей, деньги. Отцу твоему было необходимо ѣхать въ Римъ, гдѣ умеръ этотъ человѣкъ, не приведя въ порядокъ своихъ дѣлъ. Но тамъ онъ опасно захворалъ, и это извѣстіе достигло до твоей матери, жившей въ Парижѣ; она тотчасъ поѣхала къ нему съ тобою. Онъ умеръ на другой день вашего пріѣзда, не оставя никакого завѣщанія — *никакого*, такъ-что все имѣніе осталось въ вашихъ рукахъ.

При этихъ словахъ, Монксъ удвоилъ вниманіе, не поднимая глазъ съ полу.

— Прежде, нежели онъ уѣхалъ, тихо сказалъ мистеръ Броунло, устремивъ глаза на Монкса:—онъ зашелъ ко мнѣ.

—Я никогда объ этомъ не слыхивалъ, прервалъ Монксъ недовѣрчиво, скрывая свое удивленіе.

— Зашелъ ко мнѣ, и оставилъ у меня, съ другими вещами—портретъ, писанный имъ-самимъ,—портретъ этой несчастной дѣвушки, которую онъ не хотѣлъ оставить и не могъ взять съ собою. Онъ терзался безпокойствомъ и угрызеніями совѣсти; говорилъ, что былъ причиною гибели и безчестія достойнаго существа; ввѣрилъ мнѣ свое намѣреніе продать все имѣніе, и, оставя вамъ часть, бѣжать съ тою, которую любилъ онъ. Но даже отъ меня, своего стараго, преданнаго ему друга, онъ скрылъ многое, обѣщаясь все разсказать въ письмахъ, и потомъ увидѣться со мною въ послѣдній разъ. Увы! Это было по-

слѣднее наше свиданіе. Я не получалъ писемъ и никогда не видалъ его болѣе! Я хотѣлъ отъискать ту, которую любилъ онъ, чтобъ предложить помощь ей и ея ребенку. Но семейство ея за недѣлю передъ тѣмъ выѣхало куда-то; они впали въ огромные долги, и выплативъ ихъ, скрылись ночью—куда, никто не могъ мнѣ сказать!

Монксъ сталъ дышать свободно и осмотрѣлся кругомъ съ торжествующимъ видомъ.

— Когда твой братъ, продолжалъ мистеръ Броунло, подвигая свой стулъ:—слабое, беззащитное существо, игрою случая брошенъ былъ въ мои руки и избавленъ мною отъ порочной, презрѣнной жизни...

— Что? вскричалъ Монксъ, вздрагивая.

—Да, спасенъ мною, сказалъ мистеръ Броунло.—Я вижу, что твоя жертва скрыла мое имя. Когда, больной, онъ лежалъ у меня въ домѣ, сходство его съ портретомъ поразило меня. Даже когда я увидѣлъ его въ первый разъ, то, не смотря на рубище, его покрывавшее, лицо его напомнило мнѣ многое. Не буду говорить тебѣ, что его украли у меня, прежде, нежели я узналъ его исторію...

— Почему же? быстро спросилъ Монксъ.

— Потому-что ты очень хорошо это знаешь.

— Я?

— Передо мною, любезный, нечего скрываться, отвѣчалъ мистеръ Броунло: — я покажу тебѣ, что знаю больше этого.

— Вы... вы... можете сказать что-нибудь противъ меня? шепталъ Монксъ.

— Увидимъ, отвѣчалъ старый джентльменъ:—я потерялъ мальчика и, не смотря на всѣ усилія, не могъ найдти его. Мать твоя умерла; я зналъ, что ты одинъ могъ открыть тайну и какъ мнѣ сказали, что ты уѣхалъ въ Вестиндію, чтобъ скрыться отъ преслѣдованій, — я поѣхалъ за тобою. Ты оставилъ Вестиндію за нѣсколько мѣсяцевъ передъ моимъ туда пріѣздомъ, и пріѣхалъ въ Лондонъ, но никто не зналъ, гдѣ именно ты остановился. Я возвратился. Повѣренные твои ничего не могли сказать о тебѣ: ты скрывался по цѣлымъ мѣсяцамъ съ людьми, которые вмѣстѣ съ тобою хотѣли погубить беззащитнаго ребенка. Дни и ночи блуждалъ я по улицамъ; но до-сихъ-поръ поиски мои были напрасны, и я не могъ увидѣть тебя ни на минуту.

— А теперь вы видите меня, сказалъ Монксъ, смѣло вставая: — что жь изъ этого? Злодѣйства и преступленія—громкія слова, которыя, по вашему мнѣнію, оправдываются сходствомъ какого-то чертёнка съ какимъ-то портретомъ. Вы даже не знаете, родилось ли дитя отъ этого преступнаго союза.

— Я *не зналъ*, отвѣчалъ мистеръ Броунло:—но прошедшею ночью узналъ все. У тебя есть братъ: ты это знаешь, — ты и его знаешь..

Было завѣщаніе, которое уничтожила твоя мать, сдѣлавъ его тайною, которую открыла только тебѣ. Завѣщаніе относилось къ ребенку, котораго ты встрѣтилъ случайно, и котораго сходство съ отцомъ возбудило твои подозрѣнія. Ты отъискалъ мѣсто, гдѣ онъ родился. Тамъ существовало свидѣтельство о его рожденіи и о родныхъ его. Это свидѣтельство было уничтожено тобою; и теперь, какъ говорилъ ты своему сообщнику Жиду, *единственныя свидѣтельства мальчика лежатъ на днѣ рѣки, а старая колдунья, которая получила ихъ отъ матери, тлѣетъ въ могилѣ.* Недостойный сынъ, трусъ, лжецъ! ты, пользовавшійся совѣтами разбойниковъ и убійцъ въ темнотѣ ночи, призывавшій смерть на голову брата,—ты, съ колыбели бывшій врагомъ своего отца, — не-ужь-ли еще хочешь запираться передо мною?

— Нѣтъ, нѣтъ, нѣтъ! шепталъ Монксъ, внѣ себя отъ ужаса.

— Каждое слово твое было мнѣ извѣстно, вскричалъ старый джентльменъ.—Тѣни на стѣнѣ подслушивали твой шопотъ, и доносили мнѣ; видъ гонимаго ребенка обратилъ даже самый порокъ къ раскаянію, внушивъ ему благородныя чувства. Совершено убійство, въ которомъ виновенъ и ты, хотя, быть можетъ, сдѣлано оно не по твоей волѣ.

— Нѣтъ! нѣтъ! прервалъ Монксъ: — я... я ничего не знаю объ этомъ; я хотѣлъ спросить васъ. Я не зналъ причины... я думалъ, что это была простая ссора...

— Причиною было — открытіе нѣкоторыхъ тайнъ твоихъ, отвѣчалъ мистеръ Броунло. — Откроешь ли ты всё?

— Да, открою.

— Подпишешь свое имя на бумагѣ, гдѣ будетъ изложена вся истина, и повторишь ее при свидѣтеляхъ?

— Это я... также обѣщаюсь сдѣлать.

— Ты долженъ сдѣлать болѣе, сказалъ мистеръ Броунло.—Заставь этого несчастнаго мальчика позабыть твои преступленія. Приведи въ исполненіе ту часть завѣщанія, которая касается до него и которую ты вѣрно не забылъ; а потомъ ступай куда хочешь! На этомъ свѣтѣ вы не должны болѣе встрѣчаться другъ съ другомъ.

Между-тѣмъ, какъ Монксъ ходилъ взадъ и впередъ, бросая мрачные взгляды и думая о средствахъ избѣгнуть этихъ условій,—дверь отворилась, и докторъ Лосбернъ, сильно встревоженный, вбѣжалъ въ комнату.

— Его поймаютъ! вскричалъ онъ.—Его поймаютъ сегодня вечеромъ!

— Убійцу? спросилъ мистеръ Броунло.

—Да, да, отвѣчалъ докторъ.—Собаку его видѣли недалеко отсюда.

Шпіоны разосланы по всѣмъ направленіямъ. За него обѣщано сто фунтовъ стерлинговъ.

— Я даю еще пятьдесятъ, сказалъ мистеръ Броунло.—Гдѣ Генрихъ Мели?

— Онъ также отъискиваетъ злодѣя.

— Что̀ сдѣлалось съ Жидомъ? спросилъ мистеръ Броунло.

— Его еще не взяли, но теперь онъ вѣрно ужь попался.

— Рѣшился ли ты? тихо спросилъ мистеръ Броунло у Монкса.

— Да, отвѣчалъ онъ.—Вы... вы... не выдадите меня?

— Хорошо, останься здѣсь до моего возвращенія. Это одно средство...

— Чѣмъ вы кончили? спросилъ докторъ шопотомъ.

—Я сдѣлалъ все, что̀ нужно, отвѣчалъ мистеръ Броунло.—Но хочу отмстить за несчастную... Куда идти?

— Ступайте въ полицію; теперь вѣрно его поймали, отвѣчалъ мистеръ Лосбернъ. — Я останусь здѣсь.

И два джентльмена разстались.

ГЛАВА XLVIII.

БѢГСТВО И ПРЕСЛѢДОВАНІЕ.

Около той части Темзы, гдѣ видны самыя неопрятныя строенія и гдѣ корабли въ рѣкѣ чернѣютъ отъ дыма низкихъ, тѣсныхъ домовъ, — существуетъ и теперь грязнѣйшій участокъ земли, совершенно неизвѣстный, даже по названію, большей части жителей Лондона.

Чтобъ достигнуть до этого мѣста, надо пройдти сквозь лабиринтъ узкихъ, извилистыхъ и грязныхъ улицъ, обитаемыхъ беднѣйшимъ классомъ народа. Полуразвалившіеся домы, выбитыя окна, поддерживаемыя желѣзными засовами, полусгнившія двери встрѣчаются почти на каждомъ шагу. Этотъ участокъ окруженъ грязнымъ рвомъ, глубиною въ шесть или восемь футовъ, а шириною около двадцати во время прилива. Ровъ этотъ составляетъ рукавъ Темзы и посредствомъ шлюзовъ можетъ быть наполненъ водою. Тридцать или сорокъ лѣтъ назадъ, здѣсь процвѣтала торговля, но въ настоящее время не осталось никакихъ слѣдовъ ея. Домы безъ владѣльцевъ; двери отворены настежь, и только какія-нибудь особенныя причины могутъ заставить человѣка искать здѣсь убѣжища.

Въ верхнемъ этажѣ одного изъ такихъ домовъ, ветхаго и разрушеннаго по наружности, но имѣвшаго крѣпко-защищенное окно и дверь, которыя сзади прилегали ко рву,—въ маленькой комнатѣ сидѣли два человѣка, смотря другъ на друга со страхомъ и ожиданіем-

емъ въ глубокомъ молчаніи. Одинъ изъ нихъ былъ Тоби Кракитъ, другой — мистеръ Читлингъ.

— Когда взяли Феджина? спросилъ наконецъ Тоби.

— Сегодня въ два часа, отвѣчалъ Читлингъ.—Мы съ Чарльсомъ спрятались за печку, а Больтеръ влѣзъ въ пустую бочку внизъ головою, но его вытащили за ноги и тоже взяли.

— А Бэтси?

— Бѣдная Бэтси! Она пришла взглянуть на мертвое тѣло, и сошла съ ума! отвѣчалъ печально Читлингъ.

— Что сдѣлалось съ Чарльсомъ Бэтсомъ?

—Онъ хотѣлъ прійдти сюда въ сумерки; больше нѣкуда идти. Въ трактирѣ Трехъ-Калѣкъ всѣ люди взяты въ тюрьму, и къ дому приставлена полиція.

— Плохо! замѣтилъ Тоби, кусая губы.

— Надо было видѣть, какъ волновался народъ, сказалъ Читлингъ. —Полицейскіе дрались какъ черти, а то Жида разорвали бы на части. Надо было видѣть, какъ онъ осматривался кругомъ, весь избитый, окровавленный, и жался къ нимъ, какъ-будто они были его первыми друзьями. Полицейскіе едва могли устоять противъ толпы, влача его за собою. Я будто и теперь еще вижу, какъ народъ гнался за нимъ, въ дикой ярости; и теперь вижу кровь на его бородѣ и волосахъ, слышу ужасные крики и вопли женщинъ, проклинавшихъ его!

Пораженный ужасомъ, свидѣтель этой сцены зажалъ руками уши и закрывъ глаза, ходилъ взадъ и впередъ какъ помѣшанный.

Между-тѣмъ, какъ Тоби сидѣлъ, опустя глаза и не говоря ни слова, на лѣстницѣ послышался шумъ. Собака Сайкса вбѣжала въ комнату. Они подбѣжали къ окну, вышли на улицу, но хозяина ея не было видно.

— Что это значитъ? сказалъ Тоби, когда они возвратились. — Не можетъ быть, чтобъ онъ пришелъ сюда. Я...я надѣюсь, что этого не будетъ.

— Если бы онъ шелъ сюда, то вѣрно взошелъ бы вмѣстѣ съ собакою, замѣтилъ Читлингъ.—Дай ей воды, она вся въ грязи: вѣрно шла издалека.

— Откуда ей идти? вскричалъ Тоби.—Вѣрно вездѣ слишкомъ много народу, такъ и прибѣжала сюда. Но почему она одна?

— *Онъ* (ни одинъ изъ нихъ не называлъ убійцу по имени) вѣрно скрывается гдѣ-нибудь недалеко. Какъ ты думаешь?

Тоби покачалъ головою.

Становилось темно; они заперли ставни, зажгли свѣчу и поставили ее на столъ. Ужасныя приключенія двухъ послѣднихъ дней сдѣлали сильное впечатлѣніе на обоихъ; неизвѣстность и опасность ихъ положенія еще болѣе увеличивала страхъ. Они придвинулись бли-

же другъ къ другу, дрожа при каждомъ звукѣ; говорили мало, и то шопотомъ, и были въ такомъ ужасѣ, какъ-будто тѣло убитой женщины лежало возлѣ нихъ.

Вдругъ внизу послышались сильные удары въ дверь.

— Это вѣрно Чарльсъ Бэтсъ, сказалъ Читлингъ.

Стукъ повторился.—Нѣтъ, это не онъ. Онъ никогда такъ не стучитъ.

Кракитъ подошелъ къ окну — и отскочилъ назадъ. Не нужно было говорить, кто былъ пришедшій; это блѣдное лицо сказало все. Собака также вскочила и съ воемъ побѣжала къ двери.

— Мы должны впустить его, сказалъ Тоби, взявъ свѣчу.

— Не-ужь-ли больше нечего дѣлать? спросилъ другой.

— Нѣтъ. Онъ *долженъ* войдти.

— Не оставляй меня въ темнотѣ, сказалъ Читлингъ, взявъ свѣчу съ печки и зажигая ее дрожащею рукою, между-тѣмъ, какъ удары въ дверь дѣлались сильнѣе и сильнѣе.

Кракитъ пошелъ отперёть дверь и возвратился, ведя за собою человѣка, у котораго нижняя часть лица была обвязана платкомъ, а верхняя скрыта подъ шляпою. Онъ тихо снялъ съ себя то и другое. Въ этомъ человѣкѣ, съ блѣднымъ, исхудавшимъ лицомъ, впалыми глазами и прерывистымъ дыханіемъ,—едва можно было узнать тѣнь Сайкса.

Онъ положилъ руку на стулъ, который стоялъ посрединѣ комнаты, но вдругъ задрожавъ, обернулся; потомъ придвинулъ его ближе къ стѣнѣ — какъ-можно-ближе, — и сѣлъ.

Никто не произнесъ ни слова. Онъ въ молчаніи глядѣлъ то на того, то на другаго изъ собесѣдниковъ. Когда послышался его глухой голосъ, всѣ вздрогнули,

— Какъ пришла сюда собака? спросилъ онъ.

— Одна.

— Въ вечернихъ газетахъ пишутъ, что Феджина взяли. Правда это, или нѣтъ?

— Правда.

Всѣ опять замолчали.

— Чортъ васъ возьми! сказалъ Сайксъ. Развѣ вамъ нечего сказать мнѣ?

Никто не отвѣчалъ.

— Ты живешь здѣсь? сказалъ Сайксъ, обращаясь къ Кракиту: — выдашь меня, или нѣтъ?

— Ты можешь остаться здѣсь, если считаешь себя въ безопасности.

Сайксъ медленно поднялъ глаза на стѣну, обернувъ голову назадъ, и спросилъ: — Тѣло... похоронили?

Они покачали головами.

— Зачѣмъ же нѣтъ? спросилъ онъ, по-прежнему осматриваясь. Зачѣмъ держать на землѣ *такія* ужасныя вещи? — Кто тамъ стучитъ?

Кракитъ, выходя изъ комнаты, сдѣлалъ знакъ рукою, что нѣчего бояться, и тотчасъ возвратился назадъ съ Чарльсомъ Бэтсомъ. Сайксъ сидѣлъ прямо противъ двери, такъ-что, войдя въ комнату, прежде всѣхъ увидѣлъ его.

— Тоби, сказалъ мальчикъ, отступая назадъ при взглядѣ на Сайкса. — Зачѣмъ ты не сказалъ мнѣ объ этомъ внизу?

Въ этихъ простыхъ словахъ было столько ужаснаго, что несчастный готовъ былъ убить его. Но онъ кивнулъ головою и протянулъ руку.

— Уведи меня въ другую комнату, сказалъ мальчикъ, отступая.

— Какъ, Чарльсъ? сказалъ Сайксъ, вставая.—Развѣ... развѣ ты не знаешь меня?

— Не подходи ко мнѣ! сказалъ мальчикъ, съ ужасомъ смотря въ лицо убійцѣ. — Ты чудовище!

Сайскъ остановился; они взглянули другъ на друга, — но глаза убійцы опустились.

— Будьте свидѣтелями вы всѣ, кричалъ мальчикъ, одушевляясь болѣе и болѣе: — я не боюсь его: если прійдутъ за нимъ, я его выдамъ; онъ можетъ убить и меня, если смѣетъ,— но я выдамъ его. Я выдалъ бы его, еслибъ зналъ даже, что его сожгутъ живаго. Помогите! Если вы люди, помогите мнѣ. Берите его!

Съ этимъ крикомъ мальчикъ бросился без оружія на сильнаго убійцу и ударилъ его о полъ.

Оба зрителя не вѣрили глазамъ своимъ. Они не трогались съ мѣста, и мальчикъ, катаясь по полу съ убійцею, казалось, не чувствовалъ его ударовъ, крѣпче и крѣпче сжималъ его грудь и не переставалъ звать на помощь.

Борьба была слишкомъ-неравна и не могла долго продолжаться. Сайксъ уже сжалъ колѣномъ грудь Чарльса, когда Кракитъ оттолкнулъ его назадъ, и съ отчаяніемъ показалъ на окно. Внизу проходили съ огнемъ, и слышны были громкіе крики людей, шедшихъ черезъ деревянный мостъ. Въ толпѣ, казалось, былъ кто-то верхомъ, потому-что стукъ копытъ не трудно было отличить отъ топота людей, подходившихъ все ближе и ближе. Раздался громкій стукъ въ дверь, и сердитый ропотъ толпы, который отнялъ бы бодрость у всякаго.

— Помогите! кричалъ мальчикъ пронзительнымъ голосомъ.—Онъ здѣсь; онъ здѣсь! Ломайте дверь!

— Именемъ короля, отворите! кричали голоса за дверью.

— Ломайте дверь! вопилъ мальчикъ.—Я говорю вамъ, что они ни-

когда не отопрутъ ее. Бѣгите къ комнатѣ, гдѣ видѣнъ огонь. Ломайте дверь!

Тяжелые удары посыпались на дверь и въ ставни нижнихъ оконъ, когда онъ пересталъ говорить, и крики толпы заглушали стукъ ударовъ.

— Отворите какую-нибудь дверь, куда бы я могъ спрятать этого чертёнка, кричалъ Сайксъ, бѣгая взадъ и впередъ, и влача за собою мальчика.—Вотъ дверь! Скорѣе... Онъ толкнулъ его и заперъ дверь на ключъ. Крѣпка ли дверь внизу?

— Она двойная и заперта на задвижки, отвѣчалъ Кракитъ.

— Крѣпки ли задвижки?

— Крѣпки.

— И окна также?

— И окна.

— Чортъ васъ возьми! кричалъ отчаянный разбойникъ, угрожая толпѣ. — Дѣлайте, что̀ хотите; я не выдамъ себя.

Никакое ужасное проклятіе не могло сравниться съ криками ожесточенной толпы. Нѣкоторые хотѣли зажечь домъ; другіе кричали, чтобъ застрѣлить разбойника. Но никто не показывалъ столько ярости, какъ человѣкъ на лошади, который, соскочивъ на землю, кричалъ, что онъ дастъ двадцать гиней тому, кто схватитъ разбойника.

Нѣсколько голосовъ повторили этотъ крикъ; иные бѣгали взадъ и впередъ съ факелами, другіе кричали и бранились; нѣкоторые бросались впередъ, какъ сумасшедшіе; храбрѣйшіе цѣплялись, стараясь влѣзть на стѣну, и всѣ бѣгали въ темнотѣ, съ криками и воплями.

— Вода прибываетъ! кричалъ убійца.—Дайте мнѣ веревку,— длинную веревку! Я могу спуститься и переплыть черезъ ровъ. Дайте мнѣ веревку, или я сдѣлаю еще три убійства и наконецъ убью самого себя!

Товарищи его, объятые страхомъ, показали мѣсто, гдѣ лежали эти припасы; убійца, выбравъ длиннѣйшую веревку, бросился на крышу.

Всѣ окна въ этомъ домѣ были заколочены, исключая одного маленькаго отверстія въ комнатѣ, гдѣ былъ запертъ мальчикъ. Отсюда онъ не переставалъ звать на помощь, и когда наконецъ убійца вышелъ на крышу, громкіе крики возвѣстили появленіе его тѣмъ, которые были по другую сторону дома, и всѣ бросились сюда.

Онъ взглянулъ внизъ.

Вода сбыла, и ровъ представлялъ уже изъ себя грязную яму.

Толпа нѣсколько минутъ слѣдила за его движеніями; но видя, что ему невозможно исполнить принятаго намѣренія, подняла новые, веселые крики. Они повторялись громче и громче. Казалось цѣлый народъ проклиналъ убійцу.

Всѣ тѣснились впередъ; лица, освѣщенныя факелами, выражали

только ненависть и злобу. Домы на противоположной сторонѣ рва были заняты народомъ; въ каждомъ окнѣ виднѣлись лица, даже всѣ крыши усѣяны были любопытными. Каждый маленькій мостъ, (ихъ было три) гнулся подъ тяжестію зрителей, и все еще толпа стремилась впередъ, чтобъ хоть однимъ глазомъ взглянуть на злодѣя.

— Теперь ему не уйдти! кричалъ человѣкъ на блажайшемъ мосту. — Ура!

— Я обѣщаю пятьдесятъ фунтовъ, кричалъ оттуда же старый джентльменъ: — тому, кто возьметъ его живаго. Я буду здѣсь, пока не возьмутъ его.

Раздался новый крикъ. Въ эту минуту разнесся слухъ, что дверь наконецъ выломали и вошли въ комнату. Это извѣстіе передавалось отъ однихъ другимъ, и всѣ бросились смотрѣть, кàкъ возьмутъ преступника.

Онъ видѣлъ ярость толпы и невозможность спасенія, но рѣшился на послѣднее средство: онъ хотѣлъ, воспользовавшись смятеніемъ и темнотою, спуститься въ ровъ и убѣжать.

Страхъ придалъ ему новыя силы. Обвязавъ одинъ конецъ веревки крѣпко около трубы, онъ при помощи зубовъ и рукъ сдѣлалъ на другомъ концѣ петлю. Преступникъ могъ спуститься по веревкѣ до дна рва, и потомъ, обрѣзавъ ее ножомъ, убѣжать.

Въ ту самую минуту, какъ онъ взялъ петлю, чтобъ укрѣпиться за нее, и когда старый джентльменъ началъ кричать, чтобъ не давали ему спуститься,—въ ту самую минуту убійца, обернувшись, вдругъ всплеснулъ руками и испустилъ крикъ ужаса.

—Опять... глаза! вскричалъ онъ дикимъ голосомъ. Какъ-будто пораженный молніею, онъ зашатался, и, потерявъ равновѣсіе, покатился внизъ. Петля была на его шеѣ; веревка натянулась какъ тетива, увлеченная тяжестью его тѣла. Онъ упалъ съ высоты тридцати-пяти футовъ. Раздался послѣдній вопль, ужасными конвульсіями исказились его члены, и онъ повисъ, сжимая ножъ окостенѣлою рукою.

Труба дрогнула, но не упала. Убійца безжизненный ударился объ стѣну, и мальчикъ умолялъ скорѣе взять съ его глазъ этотъ безобразный трупъ.

Собака, прятавшаяся до-сихъ-поръ, начала бѣгать взадъ и впередъ съ жалобнымъ воемъ и, собравъ послѣднія силы, хотѣла броситься на плечи къ мертвому разбойнику. Но, пролетѣвъ мимо, упала въ ровъ, и ударившись головою о камень, издохла на мѣстѣ.

—

ГЛАВА XLIX.

Объясняются многія тайны, устроивается свадьба, при которой, однакожь, ни слова не говорится о приданомъ.

Черезъ три дня послѣ происшествій, описанныхъ въ предъидущей главѣ, Оливеръ катился уже въ дорожной каретѣ къ своему родному городу. Мистриссъ Мели, Роза, мистриссъ Бедвинъ и добрый докторъ ѣхали съ нимъ; а мистеръ Броунло ѣхалъ сзади съ другою особою, объ имени которой мы еще не упомянемъ.

Путники немного говорили во время дороги, потому-что мистеръ Броунло увѣдомилъ ихъ о признаніи, которое онъ вынудилъ у Монкса и обѣщалъ принудить его высказать все; но они не совсѣмъ довѣряли этимъ обѣщаніямъ и находились въ какомъ-то сомнѣніи, въ нерѣшимости.

Добрый мистеръ Броунло, при помощи мистера Лосберна, старался, чтобъ они ничего не узнали о послѣднихъ ужасныхъ происшествіяхъ. Такимъ образомъ они ѣхали въ молчаніи, размышляя о причинахъ, которыя собрали ихъ вмѣстѣ, и никто не былъ расположенъ начинать разговора.

Но если Оливеръ молчалъ въ то время, какъ карета подъѣзжала къ мѣсту, гдѣ онъ родился, по дорогѣ, которой онъ никогда не видалъ, —то сколько новыхъ чувствъ и воспоминаній пробудилось въ груди его, когда они выѣхали на дорогу, по которой онъ шелъ пѣшкомъ, бѣдный, безпріютный мальчикъ, безъ друга, безъ крова!..

— Смотрите, смотрите, кричалъ Оливеръ, сжимая руку Розы и показывая въ окно кареты: — вотъ рѣшетка, черезъ которую я перелѣзъ; вотъ кусты, въ которыхъ я прятался, боясь, чтобъ меня насильно не увели назадъ; вотъ дорожка черезъ поле къ тому дому, гдѣ я былъ ребенкомъ. О, Дикъ, Дикъ! мой добрый, милый другъ! еслибъ мнѣ только взглянуть теперь на тебя!

— Ты скоро увидишь его, отвѣчала Роза.—Ты скажешь ему, кàкъ ты сталъ теперь счастливъ, богатъ и кàкъ при всемъ этомъ тебѣ не достаетъ одного только, чтобъ и его сдѣлать счастливымъ.

— Да, да! сказалъ Оливеръ: — мы увеземъ его отсюда, одѣнемъ его, будемъ учить и пошлемъ въ какую-нибудь деревню, гдѣ бы онъ выросъ и поздоровѣлъ.. Не правда ли?

Роза кивнула головою, и мальчикъ, не въ силахъ будучи говорить, улыбнулся сквозь слезы.

— Вы будете добры и ласковы къ нему, какъ и ко всѣмъ? сказалъ Оливеръ.—Вы вѣрно заплачете, когда онъ начнетъ вамъ все разсказывать, — такъ же заплачете, какъ плакали при моемъ разсказѣ. Я думаю, кàкъ онъ перемѣнился! Онъ сказалъ мнѣ «Богъ съ тобою»,

когда я бѣжалъ отсюда, а теперь я скажу ему: «Богъ благословилъ тебя!»

Когда они приближались къ городу и наконецъ въѣхали въ его узкія улицы, трудно было удержать Оливера. Тамъ была лавка гробовщика Соверберри, такая же, какъ и прежде, только гораздо проще; все знакомые лавки и домы; тележка трубочиста Гемфильда стояла у дверей стараго трактира;—Домъ Призрѣнія,—ужасная темница его дѣтскихъ лѣтъ, съ почернѣлыми окнами, выдавался въ улицу; тотъ же привратникъ стоялъ у воротъ, и при видѣ его Оливеръ невольно спрятался назадъ, хоть потомъ смѣялся самъ надъ собою. Все прежнее казалось ему тяжкимъ сномъ, о которомъ вспоминалъ онъ теперь въ своей новой, счастливой жизни.

Карета подъѣхала прямо къ воротамъ дома, на который Оливеръ привыкъ смотрѣть со страхомъ, считая его за дворецъ; здѣсь встрѣтилъ ихъ мистеръ Гримвигъ, цалуя молодую даму и старую, когда онѣ выходили изъ кареты, какъ-будто онъ былъ общимъ дѣдушкой, и ни разу не обѣщаясь съѣсть свою голову. Потомъ всѣ разошлись по своимъ комнатамъ.

Когда первая суматоха прошла, прежнее молчаніе водворилось въ домѣ. Мистеръ Броунло не вышелъ къ обѣду; два другіе джентльмена бѣгали взадъ и впередъ съ безпокойными лицами, и разговаривали между собою потихоньку. Одинъ разъ вызвали мистриссъ Мели, и она возвратилась съ заплаканными глазами. Все это очень безпокоило Розу и Оливера; они сидѣли, удивляясь всему происходившему, и говоря шопотомъ, какъ-будто боясь звуковъ собственнаго голоса.

Наконецъ, когда пробило девять часовъ, и они отчаялись уже услышать что-нибудь въ этотъ вечеръ, мистеръ Лосбернъ и мистеръ Гримвигъ вошли въ комнату въ сопровожденіи мистера Броунло и человѣка, при видѣ котораго Оливеръ не могъ удержать невольнаго крика: ему сказали, что это его братъ, между-тѣмъ, какъ онъ видѣлъ его вмѣстѣ съ Феджиномъ у окна своей маленькой комнаты. Монксъ бросилъ злобный взглядъ на мальчика и сѣлъ возлѣ двери. Мистеръ Броунло, съ бумагами въ рукѣ, подошелъ къ столу, возлѣ котораго сидѣли Роза и Оливеръ.

— Это тягостная обязанность, сказалъ онъ:— но я долженъ снова прочесть здѣсь эти объявленія, которыя были подписаны въ Лондонѣ при многихъ свидѣтеляхъ. Я избавилъ бы васъ отъ униженія; но передъ отъѣздомъ мы должны выслушать ихъ отъ васъ самихъ, и вы знаете для чего.

— Продолжайте! сказалъ человѣкъ, къ которому относились эти слова.—Скорѣе... Я довольно ужь сдѣлалъ. Не держите меня.

— Этотъ мальчикъ, сказалъ мистеръ Броунло, приближая къ себѣ

Оливера:—братъ вашъ; онъ незаконный сынъ вашего отца Эдвина Лифорда и бѣдной Агнесы Флемингъ, которая умерла, произведя его на свѣтъ.

— Да, сказалъ Монксъ.

— Онъ родился въ этомъ городѣ?

— Да, въ Домѣ-Призрѣнія. Остальное вамъ извѣстно. Онъ показалъ на бумаги.

— Оно должно быть извѣстно и имъ, сказалъ мистеръ Броунло, смотря на Оливера и Розу.

— Ну, такъ слушайте жь, продолжалъ Монксъ.—Когда отецъ его сдѣлался боленъ въ Римѣ, мать моя пріѣхала къ своему мужу изъ Парижа, чтобъ смотрѣть за его имѣніемъ, потому-что ни онъ, ни она не имѣли другъ къ другу большой привязанности. Онъ ничего не зналъ о насъ, потому-что былъ уже безъ чувствъ, когда мы пріѣхали, и на другой день умеръ. Изъ бумагъ, оставшихся послѣ его смерти, къ вамъ адресованы были двѣ; одна изъ нихъ было письмо къ Агнесѣ, другая—его завѣщаніе.

— Что́ было въ письмѣ? спросилъ мистеръ Броунло.

— Клочокъ бумаги, весь исписанный словами раскаянія и молитвами къ Богу. Онъ увѣрялъ дѣвушку, что какая-то тайна,—которая когда-нибудь откроется,—не позволяла ему на ней жениться до извѣстнаго времени; она вѣрила ему до-тѣхъ-поръ, пока повѣрила уже слишкомъ-много, и потеряла то, чего никто не могъ ей возвратить. Въ это время она уже нѣсколько мѣсяцевъ была беременна. Онъ совѣтовалъ ей все, что́ могъ придумать, чтобъ скрыть ея стыдъ, если онъ будетъ живъ, и просилъ не проклинать его памяти, если онъ умретъ; напоминалъ ей день, когда онъ подарилъ ей маленькій браслетъ, и кольцо, на которомъ было вырѣзано ея имя и оставлено мѣсто для его имени. Потомъ слѣдовали несвязныя слова, изъ которыхъ ничего нельзя было понять.

— А завѣщаніе? спросилъ мистеръ Броунло, между-тѣмъ, какъ слезы падали изъ глазъ Оливера.

— Я все разскажу послѣ...

— Завѣщаніе было написано въ томъ же духѣ, какъ и письмо. Онъ вспоминалъ о несчастіяхъ, которыя принесла ему жена его, о коварствѣ, порокахъ и низкихъ страстяхъ вашихъ,—его единственнаго сына, который его ненавидѣлъ. Все свое имѣніе онъ раздѣлилъ на двѣ равныя части: одну назначилъ Агнесѣ Флемингъ; другую— ея ребенку. Если то будетъ дѣвочка, то ей должно отдать всѣ деньги безусловно; если же мальчикъ, то въ такомъ только случаѣ, когда до совершеннолѣтія онъ не запятнаетъ своего имени никакимъ безчестнымъ поступкомъ. Умирающій сдѣлалъ это съ тѣмъ, чтобъ показать свою довѣренность къ матери, которой дитя, по его убѣ-

жденію, должно было имѣть ея кроткія, благородныя чувства. Еслибъ онъ былъ обманутъ въ своемъ ожиданіи, деньги должны бъ были перейдти къ вамъ; потому-что когда нравственность обоихъ дѣтей его будетъ одинакова, — онъ признаётъ ваши права на свой кошелекъ, но не на свое сердце.

— Мать моя, громко сказалъ Монксъ: — сдѣлала то, что могла сдѣлать женщина, — она сожгла завѣщаніе. Письмо никогда не было доставлено по назначенію. Она открыла отцу обольщенной дѣвушки позоръ его съ тѣмъ преувеличеніемъ, которое могла внушить ей ненависть. Терзаемый стыдомъ и безчестіемъ, онъ скрылся съ дѣтьми въ отдаленный уголъ Валлиса, перемѣнивъ имя, чтобъ даже друзья не знали, гдѣ онъ находится, — и тамъ вскорѣ онъ найденъ былъ мертвымъ въ постели. За нѣсколько недѣль до его смерти, дочь его скрылась изъ дому; онъ самъ искалъ ее во всѣхъ ближайшихъ городахъ и деревняхъ, и думая, что она погубила себя, чтобъ скрыть свой стыдъ, — не могъ перенести ея потери.

Наступило молчаніе. Мистеръ Броунло прервалъ его:

— Нѣсколько лѣтъ спустя, мать этого человѣка — Эдуарда Лифорда — пришла ко мнѣ. Онъ, бывъ восьмнадцати лѣтъ, отнялъ у нея всѣ деньги и брильянты и, проигравъ ихъ, убѣжалъ въ Лондонъ, гдѣ жилъ два года съ самыми презрѣнными людьми. Она страдала отъ мучительной и неизлечимой болѣзни и хотѣла увидѣть его передъ смертію. Послѣ многихъ поисковъ, наконецъ нашли его, и онъ уѣхалъ съ нею во Францію.

— Тамъ она умерла, сказалъ Монксъ: — послѣ медленной болѣзни, и передъ смертью передала мнѣ эти тайны вмѣстѣ съ вѣчною ненавистью къ тѣмъ, къ кому онѣ относятся. Она не хотѣла вѣрить, чтобъ дѣвушка умертвила себя и своего ребенка; она предчувствовала, что дитя было живо. Я поклялся ей гнать его, никогда не давая покоя, и увлечь на самую низкую ступень порока... Она была права: наконецъ я встрѣтилъ его: начало было хорошо, — и безъ чужой болтовни я кончилъ бы какъ началъ, — непремѣнно кончилъ бы!

Между-тѣмъ, какъ злодѣй сложилъ руки и въ безсильной ярости шепталъ проклятія и угрозы, мистеръ Броунло обратился къ нему съ новымъ вопросомъ:

— Гдѣ же браслетъ и кольцо?

— Я купилъ ихъ у женщины, о которой уже говорилъ вамъ; она украла ихъ у кормилицы, а та у умиравшей, отвѣчалъ Монксъ, не поднимая глазъ. — Вы знаете остальное.

Мистеръ Броунло кивнулъ головою мистеру Гримвигу, и тотъ, поспѣшно вышедъ изъ комнаты, скоро возвратился, вталкивая въ комнату мистриссъ Бомбль и таща за собою ея супруга.

— Не-уже-ли глаза не обманываютъ меня? вскричалъ мистеръ

Бомбль съ притворною радостію:—не-уже-ли это маленькій Оливеръ? О!.. О-ли-веръ!.. еслибъ ты зналъ, сколько я грустилъ о тебѣ ..

— Молчи, дуракъ! сказала мистриссъ Бомбль.

— Природа, — природа беретъ права̀ свои, мистриссъ Бомбль! замѣтилъ обиженный супругъ. — Могу ли я, воспитатель его, не чувствовать восхищенія, видя его между такими прекрасными дамами и джентльменами? Я всегда такъ любилъ этого мальчика, какъ-будто онъ былъ моимъ... моимъ... моимъ собственнымъ дѣдушкой. Другъ мой, Оливеръ, ты вѣрно помнишь почтеннаго джентльмена въ бѣломъ жилетѣ? Ахъ, на прошедшей недѣлѣ онъ навсегда разстался съ нами, и теперь лежитъ въ прекрасномъ дубовомъ гробѣ...

— Удержите свои чувствованія, замѣтилъ мистеръ Гримвигъ.

— Постараюсь, отвѣчалъ мистеръ Бомбль. — Ка̀къ вы поживаете, сударь? Надѣюсь, что вы находитесь въ добромъ здоровьѣ?

Это привѣтствіе относилось къ мистеру Броунло, который, не отвѣчая, спросилъ, показывая на Монкса:

— Вы знаете этого человѣка?

— Нѣтъ, поспѣшно отвѣчала мистриссъ Бомбль.

— Быть-можетъ, *вы* знаете? спросилъ мистеръ Броунло, обращаясь къ ея супругу.

— Во всю жизнь я никогда его не видывалъ, сказалъ мистеръ Бомбль.

— И ничего не продавали ему?

— Ничего, отвѣчала мистриссъ Бомбль.

— Не было ли у васъ когда-нибудь извѣстнаго золотаго браслета и кольца? спросилъ мистеръ Броунло.

— Нѣтъ. Не-уже-ли насъ призвали сюда, чтобъ отвѣчать на такіе пустяки? сказала мистриссъ Бомбль.

Мистеръ Броунло опять кивнулъ мистеру Гримвигу, и опять этотъ джентльменъ исчезъ. На сей разъ онъ ввелъ двухъ старухъ, которыя тряслись и дрожали, входя въ комнату.

—Вы заперли дверь въ ту ночь, какъ умерла старая Селли, сказала одна изъ нихъ, поднимая свою изсохшую руку:—но вы не могли запретить намъ подслушивать.

— Нѣтъ, нѣтъ, сказала другая, показывая свои беззубыя челюсти:—нѣтъ, нѣтъ, нѣтъ!

— Мы слышали, ка̀къ она старалась объяснить вамъ, что̀ она сдѣлала, и видѣли, ка̀къ вы взяли изъ ея рукъ бумагу; мы слѣдили за вами на другой день до дома ростовщика, сказала первая...

— Да, прибавила вторая:—мы видѣли, ка̀къ вы взяли браслетъ и золотое кольцо. Мы были близко. О, мы были близко!...

— Мы знаемъ и еще кое-что, замѣтила первая: — потому-что она часто намъ разказывала, ка̀къ молодая женщина, чувствуя, что ей

уже недолго жить, говорила ей, какъ ей хочется умереть возлѣ могилы отца ея ребенка.

— Не хотите ли вы еще видѣть самаго ростовщика? спросилъ мистеръ Гримвигъ, показывая на дверь.

— Нѣтъ, отвѣчала мистриссъ Бомбль:—если онъ (она показала на Монкса) былъ такъ труслив, что сознался, и вы отъискали этихъ вѣдьмъ, — то мнѣ не остается ничего болѣе говорить. Да, *я продала* эти вещи, и теперь онѣ тамъ, откуда вы ихъ никогда не достанете. Чтò жь далѣе?

—Ничего, отвѣчалъ мистеръ Броунло:—намъ остается только принять мѣры, чтобъ васъ впередъ остерегались другіе. Вы можете выйдти.

— Надѣюсь, сказалъ мистеръ Бомбль, печально осматриваясь, между-тѣмъ, какъ мистеръ Гримвигъ вышелъ съ двумя старухами: — что этотъ непріятный случай не лишитъ меня моего мѣста?

— Непремѣнно лишитъ, отвѣчалъ мистеръ Броунло.—Вы должны были прежде объ этомъ подумать.

—Всему виною мистриссъ Бомбль: она такъ *хотѣла,* шепталъ мистеръ Бомбль, удостовѣрясь сначала, что его дражайшая половина вышла изъ комнаты.

— Это не извиненіе, замѣтилъ мистеръ Броунло. — Вещи уничтожены при васъ, и, по закону, вы еще виновнѣе ихъ обоихъ, потому-что законъ предполагаетъ, что ваша жена дѣйствуетъ по вашимъ наставленіямъ.

— Если законъ предполагаетъ это, сказалъ мистеръ Бомбль, схвативъ обѣими руками свою шляпу: — то законъ оселъ. Я желалъ бы, чтобъ законъ узналъ на опытѣ, каковò быть на моемъ мѣстѣ.

Съ этими словами мистеръ Бомбль надвинулъ шляпу на уши и, положивъ руки въ карманы, вышелъ изъ комнаты.

— Дайте мнѣ вашу руку, сказалъ мистеръ Броунло, обращаясь къ Розѣ.—Не дрожите; вамъ нѣчего бояться того, чтó мнѣ остается еще сказать вамъ.

— Если то, чтò вы хотите сказать, касается меня, сказала Роза: — позвольте мнѣ выслушать это въ другое время. Теперь у меня не достанетъ силъ...

— Ничего, сказалъ старый джентльменъ:—я увѣренъ, что у васъ еще довольно твердости. Вы знаете эту даму, сударь?

— Да, отвѣчалъ Монксъ.

— Я никогда не видала васъ прежде, замѣтила Роза.

— А я очень-часто видалъ васъ, сказалъ Монксъ.

— У отца несчастной Агнесы было *двѣ* дочери, сказалъ мистеръ Броунло.—Чтò сталось съ другою,—съ ребенкомъ?

— Этотъ ребенокъ, отвѣчалъ Монксъ: — послѣ смерти отца былъ

взятъ бѣдными крестьянами, которые воспитывали его, какъ своего собственнаго.

—Продолжайте, сказалъ мистеръ Броунло, дѣлая знакъ мистриссъ Мели, чтобъ она подошла.

— Вы не могли отъискать, гдѣ жили эти люди, сказалъ Монксъ: — но мать моя отъискала ихъ и нашла дитя.

— И она взяла его?

— Нѣтъ. Эти люди были бѣдны и больны, и она только оставила имъ немного денегъ, обѣщаясь прислать еще, — но не прислала. Она сказала имъ, что бѣдность ихъ навлечена на нихъ бѣдствіями ребенка, и увѣряла, что за него они могутъ подвергнуться отвѣтственности. Обстоятельства подтверждали слова ея; они повѣрили ей, и ребенокъ велъ самую несчастную жизнь до-тѣхъ-поръ, пока одна дама, жившая въ Чертзеѣ, сжалясь надъ нимъ, взяла его къ себѣ. Дѣвочка была тогда совершенно счастлива; два или три года назадъ я совсѣмъ потерялъ ее изъ виду и увидѣлъ ее опять не болѣе, какъ два мѣсяца.

— Вы видите ее теперь?

— Да. Она опирается на вашу руку.

— Но все-таки она моя племянница! вскричала мистриссъ Мели, принимая падающую дѣвушку въ свои объятія:—мое милое, безцѣнное дитя... Я не отдамъ ее за всѣ сокровища въ мірѣ!

— Мой лучшій, мой единственный другъ! вскричала Роза, обнимая ее.—Я не въ силахъ перенести этого.

— Ты перенесла болѣе, и всегда доставляла счастіе всѣмъ, кто зналъ тебя, сказала мистриссъ Мели.—Полно, полно, дитя мое; вспомни, что еще кто-то дожидается обнять тебя.

—Я не буду звать васъ тетушкой, сказалъ Оливеръ, обвиваясь ручонками около ея шеи: — вы будете всегда моею милою, доброю сестрицей, моей безцѣнной Розой.

Пусть слезы, которыя падали изъ глазъ ихъ, и слова сиротъ останутся священною тайною... Въ одну минуту они нашли и потеряли отца, сестру и мать! Радость и печаль смѣшивались въ сердцахъ ихъ; но уже не было ни горькихъ слезъ, ни тягостныхъ воспоминаній.

Долго, долго пробыли они одни. Легкій ударъ въ дверь наконецъ показалъ имъ, что кто-то хочетъ войдти. Оливеръ отперъ дверь — передъ нимъ былъ Генрихъ Мели.

— Я знаю все, сказалъ онъ, садясь возлѣ дѣвушки.—Милая Роза, я все знаю!..

— Я не случайно пришелъ сюда, прибавилъ онъ послѣ минутнаго молчанія: — я вчера еще узналъ обо всемъ, и пришелъ напомнить вамъ о вашемъ обѣщаніи.

— Постойте, сказала Роза:—вы все знаете?

— Все. Вы когда-то позволили мнѣ возобновить нашъ послѣдній разговоръ...

— Да.

— Я не стану принуждать васъ перемѣнять свои намѣренія, продолжалъ молодой человѣкъ:—вы можете повторить ихъ, если хотите. Но я пришелъ предложить вамъ все, что̀ имѣю теперь, и если вы все-еще думаете по-прежнему, я не буду болѣе упорствовать.

— Причины, по которымъ я не могла согласиться прежде на ваше предложеніе, существуютъ и теперь, сказала съ твердостію Роза. — Теперь я еще болѣе чувствую свои обязанности въ-отношеніи къ той, которая избавила меня отъ нищеты и горя. Это борьба, — но я горжусь ею; это мука, — но сердце мое перенесетъ ее.

— Вы жестоки, Роза, сказалъ молодой человѣкъ.

— О, Генрихъ, Генрихъ! отвѣчала дѣвушка, заливаясь слезами: — это долгъ мой, — я должна исполнить его. Довольно, довольно!..

— Нѣтъ! сказалъ молодой человѣкъ, удерживая ее за руку.—Мои надежды, желанія, будущность,—все измѣнилось, кромѣ моей любви къ вамъ. Я предлагаю вамъ теперь не высокое мѣсто въ шумной толпѣ, не блестящее званіе въ свѣтѣ, но домъ мой и мое сердце — болѣе мнѣ нѣчего предложить вамъ.

— Что̀ это значитъ? спросила Роза.

—Разставшись съ вами, я рѣшился уничтожить всѣ преграды, которыя существовали между вами и мною. Я успѣлъ въ этомъ. Тѣ, которые теперь чуждаются меня, чуждаются и васъ. Власть и покровительство, прежде льстившія мнѣ, теперь смотрятъ холодно; и возлѣ одной деревенской церкви,—моей, Роза, моей собственной—стоитъ скромный домикъ, которымъ я горжусь теперь болѣе всѣхъ прежнихъ надеждъ моихъ. Вотъ *мое* званіе,—я вамъ предлагаю его.

. . . .

— Тяжело ждать любовниковъ къ ужину, сказалъ мистеръ Гримвигъ, ходя взадъ и впередъ и снимая съ головы носовой платокъ.

Въ-самомъ-дѣлѣ, слишкомъ-долго никто не приходилъ ужинать. Ни мистриссъ Мели, ни Генрихъ, ни Роза (которые пришли всѣ вмѣстѣ) ничего не могли сказать въ свое оправданіе.

—Я серьёзно думалъ сегодня съѣсть мою голову, сказалъ мистеръ Гримвигъ: — мнѣ казалось, что больше ужь и ѣсть нѣчего будетъ. Позвольте поцаловать невѣсту.

Мистеръ Гримвигъ, не теряя времени, поцаловалъ краснѣющую дѣвушку; такому заразительному примѣру послѣдовали мистеръ Броунло и докторъ. Нѣкоторые утверждаютъ, что видѣли, какъ Генрихъ Мели дѣлалъ то же въ другой темной комнатѣ; но мы не вѣримъ злымъ языкамъ, потому-что онъ былъ слишкомъ-молодъ и притомъ готовилъ себя къ духовному званію.

— Гдѣ ты былъ, Оливеръ? спросила мистриссъ Мели. — Что ты такъ грустенъ? Ты весь въ слезахъ; что съ тобою?

— Бѣдный Дикъ умеръ!..

ГЛАВА L.

Послѣдняя ночь Жида.

Зала суда усѣяна была съ полу до потолка лицами любопытныхъ. Безпокойные, внимательные глаза блестѣли со всѣхъ сторонъ; взгляды всѣхъ обращены были на одного человѣка — Жида. Спереди и сзади, сверху и снизу, справа и слѣва онъ, казалось, окруженъ былъ будто твердью блистающихъ глазъ.

При этомъ живомъ блескѣ, преступникъ стоялъ, упершись одною рукою на скамью, а другую положивъ къ уху и выставя голову впередъ, чтобъ не пропустить ни одного слова главнаго судьи, который передавалъ его обвиненіе присяжнымъ. Иногда онъ быстро поднималъ глаза, думая встрѣтить хоть одинъ ободрительный взглядъ; онъ не двигался съ той минуты, какъ начался судъ, и теперь, когда судья пересталъ говорить, Жидъ все-еще оставался въ прежнемъ положеніи, неподвижно устремивъ на него глаза.

Легкій шумъ заставилъ его прійдти въ себя; осмотрѣвшись кругомъ, онъ увидѣлъ, что присяжные собрались вмѣстѣ, чтобъ разсуждать о его дѣлѣ. Между-тѣмъ, какъ глаза его блуждали по галлереѣ, онъ могъ видѣть, какъ зрители старались взглянуть на его лицо: иные поспѣшно приставляли къ глазамъ лорнеты, другіе шептались съ сосѣдями, смотря на него съ отвращеніемъ. Нѣкоторые совсѣмъ не обращали на него вниманія и только удивлялись, отъ-чего медлятъ присяжные; но ни на одномъ лицѣ — даже у женщинъ, которыхъ также было много, — онъ не могъ прочесть ни малѣйшаго признака участія, ни искры состраданія.

Мертвое молчаніе водворилось снова; присяжные обратились къ судьѣ. Тс!

Они просили только позволенія удалиться.

Жидъ внимательно смотрѣлъ на ихъ лица, когда одинъ за однимъ они проходили мимо: онъ старался угадать свой приговоръ; но напрасно. Тюремщикъ ударилъ его по плечу. Онъ машинально послѣдовалъ за нимъ и сѣлъ на стулъ; ему указали на стулъ: самъ онъ ничего не видѣлъ.

Потомъ онъ опять взглянулъ на галлерею. Нѣкоторые изъ зрителей ѣли, другіе утирались платками, потому-что въ тѣснотѣ было очень-жарко. Какой-то молодой человѣкъ срисовывалъ его лицо въ свою записную книжку. Онъ удивлялся, будто посторонній зритель, когда художникъ сломалъ карандашъ и началъ чинить его снова.

Точно также, когда глаза его остановились на судьѣ, онъ занялся разсматриваніемъ его платья и сталъ думать, сколько оно стоило и какъ его надѣвать. Недалеко стоялъ толстый старый джентльменъ, который за полчаса предъ тѣмъ вышелъ и теперь опять возвратился. Жидъ удивлялся, думая, не-уже-ли этотъ человѣкъ ходилъ обѣдать (что дѣйствительно было такъ) и гдѣ онъ обѣдалъ, — и беззаботно переходилъ отъ одного предмета къ другому.

Нельзя сказать, что во все это время хоть на минуту покидала его мысль о могилѣ, которая разверзалась передъ его ногами; могила всегда была передъ нимъ, но въ неясномъ образѣ, и онъ не могъ остановить на ней своихъ мыслей. Даже въ то время, когда онъ трепеталъ при мысли о скорой смерти, ему вздумалось считать желѣзные прутья у рѣшетки: онъ думалъ, почему у одного изъ нихъ сломана головка, и скоро ли поправятъ ее. Потомъ онъ началъ представлять себѣ всѣ ужасы висѣлицы — и остановился смотрѣть на человѣка, который мелъ полъ; потомъ опять сталъ думать о висѣлицѣ...

Наконецъ раздался приказъ молчать, и всѣ глаза устремились на дверь. Присяжные возвратились и прошли возлѣ Жида. Онъ ничего не могъ узнать по ихъ лицамъ: эти лица были будто изъ камня. Наступило мертвое молчаніе... ни шопоту... ни движенія... *Виновенъ!*

Зданіе огласилось радостными криками, которые громче и громче повторялись извнѣ. Жидъ долженъ былъ умереть въ понедѣльникъ.

Шумъ затихъ, и Жида спросили, не скажетъ ли онъ чего-нибудь передъ смертію. Онъ оставался въ прежнемъ положеніи и внимательно смотрѣлъ на дѣлавшихъ ему этотъ вопросъ. Дважды повторялся этотъ вопросъ прежде, чѣмъ онъ услышалъ его, и тогда только онъ прошепталъ, что онъ старикъ... старикъ... старикъ, — и снова затихъ.

Судья взялъ черный колпакъ, а преступникъ все еще стоялъ въ одномъ положеніи. Женщина громко вскрикнула на галлереѣ: онъ быстро взглянулъ туда и внимательнѣе наклонился впередъ. Приговоръ былъ ужасенъ; но Жидъ стоялъ, какъ мраморная статуя, не двигаясь ни однимъ членомъ. Его отвратительное лицо все еще выражало вниманіе; нижняя челюсть отвисла и глаза смотрѣли прямо впередъ, когда тюремщикъ положилъ руку на плечо его и хотѣлъ вести вонъ. Онъ бросилъ безсмысленный взглядъ вокругъ себя и повиновался.

Его повели черезъ комнату, гдѣ другіе преступники ожидали своей очереди, разговаривая черезъ рѣшетку съ знакомыми. Никто не говорилъ съ нимъ; но когда онъ проходилъ, всѣ невольно отступали

назадъ, осыпая его ругательствами. Онъ сжалъ кулакъ и хотѣлъ броситься на нихъ, но проводникъ втолкнулъ его въ темный корридоръ, освѣщенный тусклыми фонарями, во внутренность темницы.

Здѣсь его обыскали, чтобъ онъ не предупредилъ закона; потомъ заперли въ темницу и оставили тамъ—одного.

Онъ сѣлъ на каменную скамью противъ двери и, устремивъ на полъ глаза, налитые кровью, старался собрать свои мысли. Отрывками началъ припоминать онъ, чтò говорилъ судья, хоть ему казалось, что въ то время онъ не могъ разслушать ни слова. Постепенно онъ вспомнилъ все:—его приговорили къ висѣлицѣ!

Когда стало смеркаться, онъ началъ думать о знакомыхъ ему людяхъ, которые умерли на эшафотѣ,—нѣкоторые по его проискамъ. Ихъ явилось столько, что онъ едва могъ счесть ихъ. Онъ видѣлъ, какъ потъ катился съ чела ихъ, и кàкъ мгновенно они превратились изъ бодрыхъ, сильныхъ людей въ висячіе клочки платья.

Нѣкоторые изъ нихъ были заключены, можетъ-быть, въ этой самой темницѣ, сидѣли на этомъ самомъ мѣстѣ... Было очень темно; зачѣмъ не принесли огня? Темница была построена на нѣсколько лѣтъ —многіе проводили здѣсь свои послѣдніе часы; она казалась пещерою, усѣянною мертвыми тѣлами;—колпакъ, петля, связанныя руки...лица, которыя онъ узнавалъ даже подъ этимъ ужаснымъ покрываломъ... Огня! огня!

Наконецъ, когда руки его были избиты объ тяжелыя двери и стѣны, явились два человѣка, одинъ со свѣчою, которую онъ воткнулъ въ желѣзный подсвѣчникъ, вдѣланный въ стѣну, а другой съ тюфякомъ, на которомъ располагался спать, потому-что преступника теперь ужь не оставятъ одного.

Потомъ наступила ночь,—темная, ужасная, безмолвная ночь. Другіе рады были слышать звонъ церковныхъ часовъ, потому-что онъ говорилъ имъ о жизни наступающаго дня. Жиду принесъ онъ отчаяніе. Удары тяжелаго колокола сливались въ одинъ глухой звукъ—смерть! Чтò ему въ прекрасномъ утрѣ, которое проникало даже въ тюрьму? Оно только приближало часъ его казни.

Прошелъ день—нѣтъ, дня не было; онъ прошелъ такъ же скоро, какъ и наступилъ, и опять настала ночь, такая долгая и вмѣстѣ такая короткая ночь,—долгая по ея ужасающему молчанію, короткая по ея быстролетящимъ часамъ. Иногда онъ выходилъ изъ себя, проклиная все на свѣтѣ; иногда плакалъ и рвалъ на себѣ волосы. Достойные люди его религіи приходили молиться возлѣ него, но онъ прогонялъ ихъ съ проклятіями.

Наступила ночь субботы; ему оставалось жить еще только одну ночь. И когда онъ думалъ объ этомъ, наступилъ день—воскресенье.

Только къ ночи этого послѣдняго, ужаснаго дня настоящее положеніе представилось ему во всей безнадежности; онъ никогда не могъ надѣяться на прощеніе, но и никогда не былъ въ состояніи вообразить, что долженъ такъ скоро умереть. Онъ мало говорилъ съ своими сторожами; они, съ своей стороны, не старались развлекать его. Онъ сидѣлъ будто сонный, вздрагивая каждую минуту, и вдругъ, бросаясь изъ стороны въ сторону, въ такомъ припадкѣ страха, что даже люди, привыкшіе къ подобнымъ зрѣлищамъ, отступали отъ него съ ужасомъ. Наконецъ, всѣ мученія совѣсти сдѣлали его столь ужаснымъ, что никто не могъ остаться съ нимъ наединѣ, и два сторожа стояли на часахъ вмѣстѣ.

Преступникъ упалъ на свою каменную постель и сталъ думать о прошедшемъ. Онъ былъ раненъ въ тотъ день, какъ его взяли, и голова его была перевязана полотномъ. Рыжіе волосы повисли на безжизненное лицо; борода висѣла клочками; глаза сіяли ужаснымъ блескомъ; тѣло дрожало и горѣло огнемъ горячки. Восемь... девять... десять. Его страшила мысль, что̀ будетъ съ нимъ, когда эти часы станутъ бить завтра снова! Одиннадцать...

Ужасныя стѣны Ньюгета, скрывавшія столько мученій не только отъ глазъ, но часто даже и отъ мысли человѣческой, никогда не представляли такого ужаснаго зрѣлища, какъ теперь. Прохожіе, любопытствовавшіе знать, что̀ дѣлаетъ человѣкъ, который завтра будетъ повѣшенъ, вѣрно худо провели бы ночь, если бъ могли его увидѣть.

Съ ранняго вечера до глубокой полуночи, небольшія толпы съ безпокойными лицами приходили узнавать, не отсрочена ли казнь, и получивъ отвѣтъ, что нѣтъ, показывали другъ другу на дверь, изъ которой долженъ выходить преступникъ, и мѣсто, гдѣ будетъ построенъ эшафотъ. Они расходились постепенно, и въ часъ мертвой ночи улица стала темна и безлюдна.

Мѣсто передъ тюрьмою было уже очищено, и нѣсколько рогатокъ, выкрашенныхъ черною краскою, было перекинуто поперегъ дороги, чтобъ удержать стремленіе толпы,—когда мистеръ Броунло и Оливеръ явились у воротъ Ньюгета и представили позволеніе отъ шерифа видѣть преступника. Ихъ тотчасъ впустили.

— Не-уже-ли и маленькій джентльменъ также войдетъ туда? спросилъ человѣкъ, который долженъ былъ проводить ихъ. — Это совсѣмъ не для дѣтей, сударь.

— Правда твоя, мой другъ, отвѣчалъ мистеръ Броунло:—но какъ этотъ мальчикъ видѣлъ преступника прежде, я хочу, чтобъ онъ взглянулъ на него и теперь.

Эти слова сказаны были такъ, что Оливеръ не могъ ихъ слышать. Проводникъ приподнялъ шляпу и, взглянувъ на него съ любопытствомъ, повелъ ихъ темными корридорами къ темницѣ Жида.

— Вотъ, сказалъ проводникъ, остановясь въ темномъ проходѣ, гдѣ два работника дѣлали приготовленія въ глубокомъ молчаніи:— здѣсь онъ долженъ пройдти.

Онъ ввелъ ихъ въ кухню, гдѣ готовилась пища для заключенныхъ, и показалъ на дверь. Надъ нею была открытая рѣшетка, сквозь которую слышался шумъ голосовъ, смѣшанный съ стукомъ топора о доски. Тамъ готовился эшафотъ.

Отсюда они прошли сквозь множество крѣпкихъ дверей, которыя имъ отпирали изнутри, и наконецъ подошли къ темницѣ Жида. Проводникъ постучалъ связкою ключей; два сторожа, пошептавшись съ нимъ, вышли, какъ-будто облегченные отъ тяжкаго бремени, и сдѣлали знакъ посѣтителямъ слѣдовать за тюремщикомъ въ темницу. Они вошли...

Преступникъ сидѣлъ на своей постели, качаясь со стороны на сторону, съ лицомъ болѣе похожимъ на образъ пойманнаго звѣря, чѣмъ на образъ человѣка. Видно было, что онъ думалъ о своей прежней жизни, потому-что продолжалъ шептать, не обращая никакого вниманія на пришедшихъ.

— Добрый мальчикъ, Чарльсъ! хорошо! бормоталъ онъ.—Оливеръ тоже! ха! ха! ха! Оливеръ тоже теперь настоящій джентльменъ, настоящій... Возьмите его прочь!

Тюремщикъ взялъ за руку Оливера и, уговаривая его не бояться, продолжалъ слушать.

— Возьмите его прочь! кричалъ Жидъ. — Слышите вы? Онъ... онъ всему причиной! Не слушайте дѣвушку...

— Феджинъ, сказалъ тюремщикъ.

— Это я! кричалъ Жидъ, прислушиваясь съ такимъ же вниманіемъ, какое обнаруживалъ во время суда. — Я старый человѣкъ, сударь... очень, очень старый человѣкъ.

— Тебя хотятъ видѣть, сказалъ тюремщикъ, удерживая его.— Феджинъ, Феджинъ! Человѣкъ ли ты?

— Я скоро не буду имъ, отвѣчалъ Жидъ, осматриваясь съ ужасомъ и яростію. — Убейте ихъ всѣхъ! Какое они имѣютъ право казнить меня?

Говоря это, онъ увидѣлъ Оливера и мистера Броунло и, отскочивъ въ уголъ, спросилъ, что̀ имъ здѣсь нужно.

— Сиди, сказалъ тюремщикъ, удерживая его. — Ну, сударь, говорите, что̀ вамъ нужно... скорѣе, а то онъ дѣлается все хуже и хуже.

— У тебя есть нѣкоторыя бумаги, сказалъ мистеръ Броунло:—которыя были отданы тебѣ на сохраненіе Монксомъ.

— Ложь! отвѣчалъ Жидъ.—У меня нѣтъ ни одной—ни одной...

— Ради Бога, не говори этого, стоя на порогѣ смерти, замѣтилъ мистеръ Броунло:—скажи мнѣ, гдѣ онѣ. Ты знаешь, что Сайксъ умеръ, что Монксъ во всемъ сознался, что тебѣ нѣтъ болѣе надежды... Гдѣ же эти бумаги?

— Оливеръ! сказалъ Жидъ, дѣлая ему знакъ подойдти.—Ближе, ближе... Дай мнѣ шепнуть тебѣ...

— Я не боюсь, сказалъ Оливеръ тихимъ голосомъ, сжимая руку мистера Броунло.

— Эти бумаги, шепталъ Жидъ:—лежатъ въ мѣшкѣ, спрятанномъ за печью въ верхней комнатѣ. Я хочу поговорить съ тобою, мой другъ... я хочу поговорить съ тобою...

— Хорошо, хорошо, отвѣчалъ Оливеръ.—Дай мнѣ прочитать молитву. Помолись хоть одну минуту, ставъ со мною на колѣни, а послѣ мы будемъ говорить до утра.

— Прочь, прочь отсюда! вскричалъ Жидъ, толкая Оливера.—Скажи, что я ушелъ спать, они *тебѣ* повѣрятъ. Ты можешь вывести меня отсюда, если захочешь. Ну, скорѣе, скорѣе...

— О, да проститъ Богъ этого несчастнаго? вскричалъ мальчикъ, заливаясь слезами.

— Сюда, сюда! сказалъ Жидъ.—Сначала въ эту дверь; если я буду дрожать, когда мы пройдемъ мимо висѣлицы, не бойся, иди далѣе. Скорѣе, скорѣе...

— Вамъ неугодно ни о чемъ болѣе его спрашивать? сказалъ тюремщикъ.

— Нѣтъ, отвѣчалъ мистеръ Броунло.—Если бъ я могъ надѣяться, что мы въ силахъ будемъ дать ему почувствовать его настоящее положеніе...

— Никто не въ состояніи этого сдѣлать, сказалъ тюремщикъ, качая головою.—Лучше оставьте его.

Дверь отворилась; вошли два сторожа.

— Скорѣе, скорѣе!.. кричалъ Жидъ.—Тише, тише, чтобъ насъ не увидѣли...

Его схватили за руки и освободили Оливера. Преступникъ рвался и боролся съ отчаяніемъ. Дикіе крики его глухо отдавались въ тяжелыхъ стѣнахъ темницы...

Оливеръ едва не упалъ въ обморокъ при этой ужасной сценѣ и былъ такъ слабъ, что почти не могъ идти.

Разсвѣтало, когда они вышли изъ тюрьмы. Толпа уже собралась; окна наполнялись людьми, курившими и игравшими въ карты, чтобъ скорѣе убить время; въ толпѣ кричали, ссорились и смѣялись. Все го-

ворило о жизни, все было одушевлено... Только въ самой серединѣ сцены стояли черные подмостки, перекладина, веревка, и всѣ ужасныя принадлежности смерти...

ГЛАВА LI-Я

И ПОСЛѢДНЯЯ.

Не прошло и трехъ мѣсяцевъ, какъ уже Роза Флемингъ и Генрихъ Мели были обвѣнчаны въ деревенской церкви, которая съ этой минуты сдѣлалась принадлежностію молодаго пастора — Генриха. Въ тотъ же самый день они поселились въ своемъ новомъ домикѣ.

Мистриссъ Мели хотѣла провести вмѣстѣ съ сыномъ и невѣсткою остатокъ дней своихъ, чтобъ наслаждаться наилучшимъ счастіемъ, которое можно знать въ эти лѣта — счастіемъ дѣтей своихъ.

При раздѣлѣ имѣнія Монкса между имъ и Оливеромъ, каждому изъ нихъ досталось болѣе трехъ тысячь фунтовъ стерлинговъ. По завѣщанію, Оливеръ долженъ былъ наслѣдовать все; но мистеръ Броунло, не желая лишить старшаго сына своего друга случая исправиться, предложилъ имъ этотъ раздѣлъ, на который Оливеръ съ радостію согласился.

Монксъ, все еще не перемѣняя своего имени, скрылся въ отдаленнѣйшей части Новаго Свѣта, гдѣ, промотавъ наслѣдство, обратился къ прежней жизни, и наконецъ умеръ въ тюрьмѣ.

Мистеръ Броунло усыновилъ Оливера и, поселясь вмѣстѣ съ нимъ и старою ключницею недалеко отъ того мѣста, гдѣ жили маленькіе, прежніе товарищи несчастій Оливера, такимъ образомъ составилъ небольшое общество, въ которомъ всѣ были такъ счастливы, какъ только можно быть счастливымъ человѣку въ этомъ мірѣ.

Вскорѣ послѣ свадьбы молодыхъ людей, достойный докторъ возвратился въ Чертзей, и, не нашедъ тамъ своихъ старыхъ друзей, хотѣлъ сердиться; но потомъ, купивъ себѣ маленькій домикъ въ той деревнѣ, гдѣ молодой другъ его былъ пасторомъ, сталъ разводить садъ, ловить рыбу, по-прежнему сохраняя свой вспыльчивый характеръ.

Передъ отъѣздомъ, онъ почувствовалъ сильную дружбу къ мистеру Гримвигу, на которую вполнѣ отвѣчалъ этотъ странный джентльменъ. Докторъ часто ѣздитъ къ нему въ гости, и во всѣхъ этихъ случаяхъ мистеръ Гримвигъ занимается хозяйствомъ, ловитъ рыбу и дѣлаетъ все съ большимъ стараніемъ, не оставляя своихъ странностей и своей любимой привычки,—утверждать, что онъ всегда правъ. По воскресеньямъ, онъ никогда не пропускаетъ случая критиковать проповѣди молодаго пастора, всегда говоря мистеру Лосберну, что онъ находитъ ихъ превосходными, но не хочетъ въ этомъ признаться.

Мистеръ Броунло очень любитъ дразнить его предсказаніемъ его объ Оливерѣ и напоминаетъ о томъ вечерѣ, когда они сидѣли, положивъ передъ собою часы, въ ожиданіи его возвращенія. Но мистеръ Гримвигъ утверждаетъ, что онъ былъ правъ, и въ доказательство говоритъ, что Оливеръ *не воротился*.

Ноа Клейполь, получивъ прощеніе за обвиненіе Жида, съ помощію Шарлотты сталъ пользоваться простотою добрыхъ прихожанъ, заставляя ее падать передъ ними въ обморокъ, а иногда падая и самъ вмѣсто ея.

Мистеръ и мистриссъ Бомбль, лишенные своихъ мѣстъ, постепенно дошли до нищеты, и наконецъ поступили въ тотъ же самый Домъ-Призрѣнія, гдѣ прежде господствовали. Говорятъ, мистеръ Бомбль утверждаетъ, что, въ такомъ несчастіи и униженіи, онъ не имѣетъ даже силы благодарить за то, что его разлучили съ женою.

Что касается до Джильса и Бритльза, то они остаются на своихъ прежнихъ мѣстахъ, раздѣляя свои попеченія между своими господами, Оливеромъ, мистеромъ Броунло и докторомъ, такъ-что крестьяне до-сихъ-поръ не знаютъ, кому собственно принадлежатъ эти люди.

Чарльсъ Бэтсъ, устрашенный преступленіемъ Сайкса, разсудилъ, что лучше всего вести честную жизнь. Онъ долго боролся, но наконецъ успѣлъ въ своемъ намѣреніи; теперь онъ живетъ у богатаго фермёра и считается самымъ веселымъ молодцомъ въ околодкѣ.

Мнѣ хотѣлось бы пробыть долѣе съ тѣми, съ которыми такъ долго не разставался я, и раздѣлить ихъ счастіе, усиливаясь описать его. Я хотѣлъ бы представить Розу Мели во всемъ цвѣтѣ женской красоты, всѣми обожаемою, составляющею жизнь и радость своего семейства; хотѣлъ бы слѣдовать въ полдень по полямъ и слышать тихіе напѣвы ея голоса при свѣтѣ луны, во время вечерней прогулки; хотѣлъ бы видѣть ея любезность и доброту ко всѣмъ; ея домашніе, веселые хлопоты; хотѣлъ бы описать ее и сына ея сестры, счастливыхъ взаимною любовью, проводящихъ цѣлые часы въ воспоминаніи о друзьяхъ, которыхъ они потеряли; я опять собралъ бы вокругъ себя этихъ малютокъ съ веселыми лицами, которыя рѣзвились вокругъ нея, и сталъ бы слушать ихъ шумный лепетъ; мнѣ хотѣлось бы еще разъ услышать этотъ смѣхъ, и взглянуть на свѣтлую слезу, катившуюся изъ прекрасныхъ голубыхъ глазъ...

Не стану разсказывать, какъ мистеръ Броунло постепенно образовалъ Оливера, привязываясь къ нему болѣе-и-болѣе, — какъ въ немъ рождались воспоминанія о его прежнемъ другѣ, — какъ сироты возсылали пламенныя молитвы къ Тому, Кто хранитъ ихъ... Не стану говорить ни о чемъ этомъ: я сказалъ уже, что сироты были истинно счастливы, а безъ привязанности и благодарности къ Существу, Котораго законъ — милосердіе, невозможно на землѣ истинное счастіе.

У алтаря старой деревенской церкви стоитъ бѣлый мраморный памятникъ, на которомъ вырѣзано одно только слово: «*Агнеса*». Въ этой могилѣ нѣтъ гроба, и да пройдетъ много, много лѣтъ прежде, нежели внизу явится другое имя. Но если когда-нибудь духъ усопшихъ слетаетъ на землю, въ мѣста, освящаемыя любовью тѣхъ, кого они знали при жизни,— то вѣрю, тѣнь несчастной дѣвушки витаетъ надъ этимъ священнымъ пристанищемъ,—потому-что это успокоительное пристанище—церковь, а она была страдалица...

КОРОЛЬ.

Изъ Гёте.

—

Король былъ на островѣ Ѳулѣ;
По гробъ онъ былъ вѣренъ душой.
Ему, умирая — подруга
Вручила бокалъ золотой.

Всей жизни бокалъ сталъ дороже!
Его, что̀ ни разъ, осушалъ;
Онъ жадно вонзалъ въ него очи
И жадно до дна выпивалъ.

Когда же почуялъ кончину,
Король города̀ сосчиталъ, —
Все отдалъ наслѣднику царство,
Не отдалъ дареный бокалъ.

И сѣлъ онъ за пиръ, какъ бывало,
Съ нимъ рыцари сѣли кругомъ —
Въ высокомъ, наслѣдственномъ залѣ,
Тамъ — въ за̀мкѣ, на брегѣ морскомъ.

Вставалъ онъ тутъ, бражникъ старинный,
Послѣдній бокалъ осушалъ, —
И разомъ онъ въ волны бросаетъ
Святой, заповѣдный бокалъ!

И видѣлъ, какъ несся, сверкая,
Какъ въ бездну пошелъ онъ ключомъ.
Закрылись тогда его очи,
Ни капли ужь не пилъ потомъ.

В. КРАСОВЪ.

СТАНСЫ.

(Изъ Байрона.)

—

Ни одна не станетъ въ спорѣ
    Красота съ тобой,
И какъ музыка на морѣ
    Сладокъ голосъ твой.
Море бурное смирилось,
Будто звукамъ покорилось,
Тихо лоно водъ блеститъ,
Убаюканъ вѣтеръ спитъ.

На морскомъ дрожитъ просторѣ
    Лучъ луны блестя,
Тихо грудь вздымаетъ море,
    Какъ во снѣ дитя.
Такъ душа, полна вниманья,
Предъ тобой въ очарованьи:
Тихо все, но полно въ ней,
Будто лѣтомъ, зыбь морей.

Н. ОГАРЕВЪ.

СТАРИННАЯ ПѢСНЯ.

Со кручинушки шатаясь,
Выйду въ сѣни постоять;
На перильца опираясь,
На крылечкѣ подышать.
Съ милымъ другомъ я разсталась, —
Какъ же мнѣ не горевать?

У меня ль у черноокой
Зеленъ садикъ расцвѣталъ,
Вдоль по заводи широкой
Бѣлый лебедь мой гулялъ, —
Въ свѣтлый теремъ — издалека,
Въ гости сокомъ прилеталъ...

Теремъ тучка обложила,
Зеленъ садъ ужъ не цвѣтетъ,
Пышно лебедь бѣлокрылый
Черезъ заводь не плыветъ, —
Для чего жъ ко мнѣ мой милой —
Свѣтъ не жалуетъ, не йдетъ?

В. КРАСОВЪ.

Село Прыски.
1814.

ПОХИЩЕНІЕ ДРАУПАДІИ.

(Изъ Махабараты).

—

(Эта повѣсть составляетъ одинъ изъ эпизодовъ «Махабараты». Она относится къ тѣмъ временамъ, когда Индія была раздѣлена на многія независимыя другъ отъ друга владѣнія, находившіяся подъ управленіемъ двухъ племенъ, Куравасовъ и Пандавовъ, прославившихся своею непримирамою враждою. Родоначальниковъ послѣдняго племени считается не болѣе пяти, и они играютъ важную роль въ нашей поэмѣ. По слогу, она напоминаетъ «Слово о Пълку Игоревѣ» и «Niebelungen-Lied». Невозможно предположить, чтобъ всѣ мелкія поэмы, входящія въ составъ «Махабараты», писаны были однимъ и тѣмъ же лицомъ. Даже имя ея автора — *Вьаса* означаетъ *собирателя* и есть вѣроятно его прозваніе. Къ-тому же, самый слогъ эпизодовъ, нами переведенныхъ, доказываетъ, что они принадлежатъ не одному и тому же поэту. Что же касается до *Похищенія Драупадіи*, то оно въ подлинникѣ писано двумя размѣрами, а именно шлоками, составляющими обыкновенный эпическій метръ, и другимъ размѣромъ, подходящимъ къ гекзаметру и употребляемымъ въ лирическихъ пассажахъ).

Вайшампаяна (1) сказалъ:

По лѣсу камьякскому, обильному добычею, скитались обладатели великихъ колесницъ, могучіе Баратиды, и гуляли подобно безсмертнымъ. Со всѣхъ сторонъ видѣли они разнообразныя чащи лѣсовъ и расцвѣтающія семьи деревьевъ, въ прелести сообразной съ временемъ года. Въ пылу охоты сыны Панду, подобные Индрѣ (2), бродили нѣсколько времени по великому лѣсу, о смиритель враговъ! Потомъ вдругъ всѣ они, могучіе тигры между людьми, разошлись на четыре стороны за добычею для брахмановъ: Драупадію же (3) оставили въ обители съ согласія Тринавинду и великаго Ришія, жреца Даумьи, благочестіемъ блистающаго. Въ это время, царь Синдовъ (4), престарѣлый воинъ, великій славою, ѣхалъ въ Шальвы (5), желая найдти се-

---

(1) Имя разскащика.
(2) Индусскій Юпитеръ.
(3) Драупадія или Кришна была супругою пятерыхъ Пандавовъ.
(4) Владѣнія его лежали вдоль рѣки Синду — нынѣшняго Инда.
(5) Городъ, бывшій въ центральной Индіи.

бѣ супругу. Въ великолѣпной одеждѣ, приличной государю, онъ пріѣхалъ въ Камьяку вмѣстѣ со многими царями. Здѣсь увидѣлъ онъ милую подругу прославленныхъ Пандавовъ, Драупадію, стоящую въ пустынномъ лѣсу у дверей обители—тѣло пламенное, облеченное въ очаровательную форму, озаряющее чащи лѣсовъ подобно молніи среди черныхъ тучь. Кто она—апсара (6), или дочь боговъ, или сама Маіа (7), богами созданная? такъ думали они и, благоговѣйно преклоняясь, смотрѣли на благословенную. И, взглянувъ на прекрасную, царь Синдовъ, престарѣлый воинъ Джаядрата, изумился, низкій душою. Упоенный страстію, сказалъ царю корикасскому: «Чья эта прелестная? если только она смертная—мнѣ нѣтъ никакой нужды жениться, если я получу эту красавицу. Взявъ ее съ собою, я отправлюсь въ свое жилище. Ступай же, сынъ Сомы, узнай чья и откуда она и зачѣмъ пришла, черноброван, въ этотъ тернистый лѣсъ. Можетъ-быть, она, стройная, съ перваго взгляда полюбитъ меня, прекрасная; тогда, получивъ ее, длинноокую, съ прекрасными зубками, съ роскошнымъ станомъ, я вполнѣ буду счастливъ съ этою чудесною женщиною. Ступай же, о Корикасецъ! узнай, кто ея мужъ.» И серьгоносный царь корикасскій, услышавъ это, спрыгнулъ съ колесницы и подошелъ къ ней съ вопросомъ подобно шакалу (8), подходящему къ тигрицѣ.

—Кто ты, прекрасная, сказалъ корикасецъ:—опершися на вѣтвь кадамбы (9), ты одна стоишь у этой обители, озаряя ночь подобно пламеннику, вѣтромъ колеблемому, о черноброван! Съ такою чудесною формою ты не боишься ничего въ этихъ лѣсахъ. Кто ты: богиня, или якшія (10), или данавія (11), или прекрасная апсара, или супруга демона, или, можетъ-быть, воплощенная дочь царя змѣевъ (12), или жена ракшасы (13), скитающаяся по лѣсу? Или, можетъ-быть, ты супруга самаго царя Варуны (14), Іамы (15), Сомы (16) или Куверы (17), или, можетъ-быть, ты спустилась сюда изъ обители Вседержителя, или солнца, или всемогущаго Индры? Ты не спрашиваешь насъ, кто мы, и мы также не знаемъ твоего мужа, и, прославляя тебя,

(6) Водяная нимфа, русалка.

(7) Жена Брахмы, олицетворенное обольщеніе.

(8) Шакалъ — животное величиною съ лисицу; онъ сопровождаетъ тигровъ и наводитъ ихъ на добычу.

(9) Родъ дерева.

(10) Якша—родъ второстепеннаго божества.

(11) Данавы—то же, что демоны.

(12) По-санскритски *урагараджа*—онъ царствуетъ въ преисподней.

(13) Родъ демоновъ, скитающихся большею частію по ночамъ.

(14) Богъ океана—Нептунъ.

(15) Богъ преисподнихъ.

(16) Олицетвореніе луны.

(17) Богъ богатства—индуескій Плутусъ.

желаемъ провѣдать, о блаженная, о происхожденіи и о супругѣ твоемъ. Разскажи намъ по правдѣ про твоихъ родныхъ, про мужа и семейство, и про то, что ты дѣлаешь здѣсь. Я же сынъ царя Сураты; между людьми я извѣстенъ подъ именемъ Корикасца; этотъ же, съ глазами, формою подобными лиліямъ, стоящій у колесницы подобно жертвенному огню подлѣ костра, есть царь Тригарты, о златоликая, герой по имени Кшэманкара. Другой же, съ огромнымъ лукомъ, есть могучій сынъ правителя калингійскаго, вѣчный обитатель горъ; онъ съ изумленіемъ смотритъ на тебя, длиннокій. Этотъ же юноша смуглый и миловидный, стоящій недалеко отъ озера, есть сынъ сильнаго царя Икшваку, стройный формою смиритель враговъ. Вотъ тотъ, за колесницею котораго слѣдуютъ знаменоносцы сувирскіе — двѣнадцать царевичей, всѣ на колесницахъ, запряженныхъ гнѣдыми конями, съ лицами, блистающими подобно пламени. Тотъ, за которымъ ѣдутъ шесть тысячъ колесницъ, кромѣ слоновъ, коней и пѣхотныхъ, это царь сувирскій Джаядрата, если ты слыхала объ немъ, о, блаженная! Другіе же братья его, сильные и крѣпкіе Балаха, Канина, Видарана и прочіе — герои сувирскіе, дивные, могучіе юноши, всегда сопровождающіе государя. Окруженный ими, выѣзжаетъ царь подобно Индрѣ, охраняемому сонмами марутовъ (18). Разскажи же намъ, о прелестно-кудрявая, чтобъ мы знали чья ты супруга и кто отецъ твой.

И отвѣчала Драупадія, царская дочь, на вопросъ героя шивинскаго, скромно взглянувъ и отцѣпивъ вѣтвь, задерживающую ея шелковое платье: «Я очень хорошо знаю, о царевичъ, что подобная мнѣ недостойна говорить съ тобою, и что на это тебѣ здѣсь никто не отвѣтитъ ни изъ мужчинъ, ни изъ женщинъ. Мнѣ извѣстно, что ты сынъ Сураты, котораго люди зовутъ Корикасцемъ, и я разскажу тебѣ, о Шайвья, о родныхъ и о славномъ семействѣ своемъ. Я дочь царя Друпады, и люди знаютъ меня, о Шайвья, подъ именемъ Кришны. Я выбрала себѣ въ супруги пятерыхъ мужей, которые, какъ тебѣ извѣстно, отправились въ Кандапрасту (19): Юдиштиру, Бимасэну, Арджуну и двоихъ сыновъ Мадры, героевъ доблестныхъ. Мои обожаемые Парты, покинувъ меня здѣсь, поѣхали на четыре стороны за добычею: царь Юдиштира на востокъ, Бимасэна на югъ, побѣдитель Арджуна на западъ, близнецы же на сѣверъ. Я думаю, что уже почти настало время, въ которое обладатели дивныхъ колесницъ должны возвратиться сюда. Согласившись между собою, вы пойдете съ ними куда пожелаете; разнуздайте же коней и идите къ намъ. Гостепріимный и благородный сынъ Дармы (20) радъ будетъ видѣть васъ.»

(18) Маруты — то же что вѣтры.
(19) Имя города.
(20) Царь Юдиштира.

Сказавъ это сыну Шайвы, луноликая и прославленная дочь Друпады вошла въ лиственную беседку для того, чтобъ отдать героямъ долгъ гостепріимства. Когда же усѣлись всѣ правители, о Барата ([21]), то царь корикасскій объявилъ о своемъ разговорѣ съ Кришною. Услышавъ слова Корикасца, владѣтель Сувиры сказалъ Шайвьѣ: «Духъ мой наслаждался между-тѣмъ, какъ она говорила; не-уже-ли ты не очарованъ этою чудною женщиною? Скажу тебѣ правду, что при видѣ ея всѣ прочія женщины кажутся мнѣ обезьянами, о великорукій! Видъ ея глубоко восхищаетъ сердце мое; скажи же, кто она, счастливая, если только она смертная, о Шайвья!»—Это дочь Друпады, отвѣчалъ Корикасецъ: — прославленная Кришна царевна, обожаемая супруга пятерыхъ сыновъ Панду, добродѣтельная, любимая и уважаемая всѣми Партами. ([22]) Согласившись съ нею, поѣзжай въ свои владѣнія, о сынъ Сувиры. Услышавъ это, Джаядрата, владѣтель Сувиры и Синдовъ, низкій душою, сказалъ: «Посмотримъ на Драупадію». Вошедши самъ-седьмой въ чистую обитель, подобно волку, входящему въ львиное логовище, онъ сказалъ Кришнѣ: «Будь счастлива, о стройная! Супруги же твои здравствуютъ; они здравствуютъ — тѣ, которые признаютъ тебя блаженною подругою своею.»

—Будь счастливъ и ты, государь! отвѣчала Драупадія:—и въ управленіи, и въ казнѣ, и въ могуществѣ своемъ. Своею властію ты царствуешь надъ всѣми Шивинцами, Синдусцами, Сувирцами и другими извѣстными тебѣ. Вотъ вода для омовенія, вотъ и сѣдалище, о царевичъ! На завтракъ же я дамъ тебѣ дичи столько, сколько тебѣ будетъ угодно. Антелопъ же, газелей, козъ, оленей, молодыхъ слоновъ, зайцевъ, медвѣдей, дикихъ быковъ и множество иной дичи — кабановъ, буйволовъ и другихъ лѣсныхъ животныхъ принесетъ тебѣ самъ сынъ Кунтіи, Юдиштира. —«Хорошо для завтрака все то, что̀ ты предлагаешь мнѣ» сказалъ Джаядрата: «ступай и взойди на мою колесницу и насладись со мною благами великими. Эти несчастные Парты, жалкіе, лишенные престола, живутъ какъ безумные въ лѣсу; перестань же любить ихъ. Покинутые счастіемъ, лишенные царства, они всегда остаются въ одномъ положеніи. Полно тебѣ сносить нищету изъ любви къ сынамъ пандовымъ; будь моею супругою, о стройная красавица! Оставь ихъ, насладись счастьемъ и царствуй со мною вмѣстѣ надъ всѣми Синдами и Сувирами.»

Услыхавъ эту рѣчь царя Синдовъ, Кришна съ трепещущимъ сердцемъ тотчасъ отошла отъ него, нахмуривъ брови. Съ презрѣніемъ отвергнувъ эти слова, она, стройная, сказала ему:—Этому не бывать. Стыдись, о владѣтель Синдовъ!—И, ожидая возвращенія супруговъ своихъ, прекрасная сильно разгнѣвалась, говоря съ нимъ. Ея живые и

([21]) Имя царя, которому Вайшампаяна разсказываетъ эту повѣсть.

([22]) Т. е. сынами Приты.

прелестные глаза вспыхнули страстію и гнѣвомъ и, выражая презрѣніе къ царю сувирскому, царевна Драупадія сказала ему:—И ты не красивѣешь, безумецъ, произнося ругательства на прославленныхъ, губительныхъ обладателей великихъ колесницъ? Они подобны Махэндрѣ [23]; они веселятся въ дѣлахъ своихъ и стоятъ въ бояхъ противъ Якшовъ и демоновъ. Я думаю, что еслибъ ты упалъ въ бездну ада, то ни одинъ изъ этого сонма воиновъ не подалъ бы тебѣ руки для того, чтобъ удержать тебя... Слона, упоеннаго гнѣвомъ, горѣ подобнаго, бродящаго при подошвѣ Химавана [24], ты палкою отгонишь отъ стада, если побѣдишь царя правосудія [25]. Можетъ-быть, ты однимъ прикосновеніемъ руки вырвешь рѣсницы у мощнаго льва, заснувшаго отъ бѣшенства; но убѣжишь, если увидишь въ гнѣвѣ Бимасэну. Сильнаго, страшнаго, взрослаго дикаго коня, въ ущеліяхъ горныхъ уснувшаго, ты убьешь ногою прежде, нежели сразишься съ бѣшенымъ, побѣдоноснымъ Арджуною. Чернымъ змѣямъ остроустымъ, двуязычнымъ, ты въ ярости наступишь на хвостъ прежде, нежели побѣдишь великихъ мужей, младшихъ двухъ Пандавовъ. Камышъ или тростникъ ломается по несчастному случаю, а не по собственнымъ свойствамъ своимъ:—такъ и ты похитишь меня, хранимую ими подобно змѣю, уносящему дитя.

—Знаю, Кришна, сказалъ Джаядрата:—мнѣ извѣстно, каковы царевичи; но мы теперь не испугаемся угрозъ твоихъ. И мы также, о Кришна, насчитываемъ въ семьѣ своей семнадцать благородныхъ поколѣній; мы велики шестью добродѣтелями и почитаемъ низкими сыновъ пандовыхъ, о Драупадія! Взойди же скорѣе на слона или на колесницу; мы сильны не на однихъ словахъ, и, умоляя о состраданіи, надѣйся на милость царя сувирскаго.

— О, могучіе! сказала Драупадія: — и царь сувирскій почитаетъ меня слабою; но я, прославленная, вѣрно не буду, въ своемъ бѣдствіи, умолять его о состраданіи. Еслибъ, стоя вмѣстѣ на одной колесницѣ, за мною слѣдовали Кришна [26] и Арджуна, то и самъ Индра не похитилъ бы меня, не только другой какой-нибудь жалкій смертный. Пусть вѣнценосецъ, губитель богатырей, съ колесницы смиряющій сердца враговъ, ворвется за мною въ ряды твои, подобно огню, въ знойное время пожирающему травы. Пусть Джанарданна [27], герой андакасскій, изъ рода Вришнидовъ, съ великимъ лукомъ и съ сынами Кайкэіи, — пусть всѣ эти царевичи, съ веселіемъ

---

[23] Т. е. великому Индрѣ.
[24] То же что Хамалая или Гималай.
[25] Прозваніе Юдиштиры, старшаго изъ Пандавовъ.
[26] Собств. черный — прозваніе бога Вишну.
[27] Собств. тотъ, которому покланяются люди — прозваніе Арджуны, одного изъ Пандавовъ.

на лицахъ, устремятся за мною тѣмъ же путемъ! Спущенныя съ тетивы, громозвучныя страшно засвищутъ, сорвавшись съ гандивы ([28]), ужасныя и быстролетныя стрѣлы, разметанныя рукою Арджуны. И когда ты увидишь великія тучи стрѣлъ, спущенныхъ имъ съ гандивы, подобно стаямъ птицъ быстролетныхъ, тогда ты презришь собственную душу свою! Увидѣвъ на бѣгу булавоноснаго Биму и двоихъ сыновъ Мадры ([29]), при нападеніи отъ нетерпѣнія дышащихъ ядомъ бѣшенства, ты скоро раскаешься, о, презрѣнный! Такъ, какъ я ни въ чемъ даже мыслію не отступлю отъ моихъ обожаемыхъ супруговъ, такъ справедливо и то, что я увижу, какъ Парты увлекутъ тебя въ плѣнъ за собою. Не спѣши; я въ твоей власти, убійца, и пойду за тобою; но я опять возвращусь въ лѣсъ камьякскій, въ сопровожденіи витязей пандавасскихъ. — И, устремивъ на нихъ свои большіе глаза, между-тѣмъ, какъ они хотѣли схватить ее, она, въ испугѣ, кричала: «Не троньте, не троньте меня!» и призывала на помощь жреца Даумью. И схватилъ ее Джаядрата за конецъ платья; но она оттолкнула его, и онъ, низкій, покачнувшись всѣмъ тѣломъ, упалъ, подобно дереву, подрѣзанному въ корнѣ. Они же тотчасъ схватили ее, и увлеченная ими царевна Кришна, со стономъ преклонившись къ ногамъ Даумьи, взошла на колесницу.

— Ты не уведешь ее, не побѣдивъ богатырей, сказалъ Даумья.— Ожидай того, что́ слѣдуетъ тебѣ отъ защитника городовъ. Ты поступилъ низко, и плодъ твой, безъ сомнѣнія, будетъ горекъ, когда встрѣтишься съ героями пандавасскими, предводительствуемыми царемъ правосудія. — Такъ говоря, Даумья послѣдовалъ за прославленною, краснѣющею царевною, посреди толпы пѣшихъ воиновъ.

Обошедъ окрестности и убивъ множество газелей, кабановъ и буйволовъ, великіе луконосцы, нагулявшись по дебрямъ, собрались вмѣстѣ. Тогда, среди великаго лѣса, наполненнаго стадами газелей и змѣевъ, посреди щебетанія птицъ, Юдиштира сказалъ братьямъ своимъ, вслушиваясь въ голоса разговаривающихъ звѣрей: — Недоброе говорятъ эти звѣри и птицы, собравшись на эту площадку, освѣщенную солнцемъ. Они возвѣщаютъ страшную невзгоду: вѣрно враги завладѣли великимъ лѣсомъ. Возвратимся скорѣе; полно охотиться; сердце мое горитъ и трепещетъ, и духъ мой, затмѣвая разсудокъ, печально волнуется въ тѣлѣ. Вся Камьяка кажется мнѣ озеромъ, котораго царственный змѣй убитъ Гарурою ([30]), или бѣдственною страною, лишенною государя, или чашею, осушенною пьяницами. — И герои понеслись на коняхъ синдусскихъ быстролетныхъ, бѣгомъ по-

([28]) Такъ называется лукъ Арджуны.

([29]) Т. е. младшихъ двухъ Пандавовъ.

([30]) Родъ грифа, на которомъ ѣздитъ Индра. Онъ почитается истребителемъ змѣй.

добныхъ сильному вѣтру, на великихъ, прекрасныхъ колесницахъ, и направили путь свой къ обители. Но вдругъ звонкоголосый шакалъ, зашедши съ лѣваго бока, сказалъ имъ: «воротитесь». Тогда царь, задумавшись, сказалъ Бимѣ и Арджунѣ: — Слышите, что говоритъ этотъ осиротѣлый шакалъ, зашедши къ намъ съ лѣвой стороны? Ясно, что низкіе Куравасы, презрѣвъ насъ, насильственно произвели какое-нибудь опустошеніе.—И вдругъ увидѣли они плачущую дѣвушку, Датреінку, служившую ихъ подругѣ. Подошедъ ближе, Индрасэна соскочилъ съ колесницы и подбѣжалъ къ ней. И запыхавшись отъ усталости, сказалъ онъ Датреінкѣ: — Что ты плачешь, лежа на землѣ? Отъ-чего такое томленіе на блѣдномъ лицѣ твоемъ? Не похищена ли низкими бездѣльниками царевна Драупадія? Чудная формою, съ большими глазами, станомъ равная сильнѣйшимъ изъ Куравасовъ, въ землю или въ небо сокрылась богиня, или, можетъ-быть, не исчезла ли она въ океанѣ? За нею слѣдомъ торопятся Парты, о ней горюетъ царевичъ. Какой безумецъ вздумалъ похитить ее у этихъ смирителей враговъ, терпѣливыхъ въ усталости, непобѣдимыхъ, — ее, любимую подобно собственной душѣ ихъ, подобно жемчужинѣ неоцѣненной? Сердца Пандавовъ разрываются, чувствуя, что съ ними нѣтъ подруги; чье-то тѣло, вонзаясь въ землю, пробьютъ теперь страшныя, острыя стрѣлы? Ты же, о робкая, не печалься объ этомъ: знай, что Кришна снова возвратится къ намъ и Парты, убивъ всѣхъ враговъ нашихъ, опять соединятся съ Драупадіею.—И отерши прекрасное лицо свое, отвѣчала Датреінка возничему Индрасэнѣ:—Кришну похитилъ Джаядрата, презрѣвъ могущество пятерыхъ Махэндровъ. Вотъ новые пути, лежащіе среди изогнутыхъ и изломанныхъ деревьевъ; воротитесь, ступайте скорѣе: еще недалеко уѣхала царевна. Надѣньте вы всѣ, Индрѣ подобные, свои большіе, прекрасные латы, возьмите богатые луки и стрѣлы свои, и тотчасъ отправляйтесь въ путь, пока она, смущенная угрозами и наказаніями, лишенная памяти и истомленная, не предала своего тѣла какому-нибудь бездѣльнику, подобно жертвенному сосуду, наполненному чистымъ масломъ и оскверненному золою,—пока огонь горитъ на жертвенномъ алтарѣ; пока она, какъ гирлянда, не завяла на кладбищѣ; пока жертвенную сому ([31]) не выпила собака, по нерадѣнію брахмановъ; пока шакалъ, скитаясь за добычею по великому лѣсу, не истопталъ расцвѣтающихъ лилій. О, не дайте дотронуться до прекрасныхъ глазъ, до луноподобнаго и благосклоннаго лица подруги какой-нибудь презрѣнной собакѣ, готовой осквернить жертвенную пуродасу ([32])! Ступайте скорѣе по этой дорогѣ, пока не прошло еще время.

([31]) Сокъ растенія Asclepias acida; его пьютъ жрецы во время жертвоприношенія.

([32]) Родъ булокъ, употребляемыхъ при жертвоприношеніяхъ.

— Ступай, милая, сказалъ Юдиштира: — полно говорить; не призывай никого на помощь въ нашемъ присутствіи. Цари и царевичи, въ упоеніи могущества, всегда достигаютъ желаемаго. — Сказавъ это, они тотчасъ отправились, слѣдуя по описаннымъ имъ путямъ. Подобно змѣямъ вздыхали они, натягивая тетивы на великихъ лукахъ своихъ. Вскорѣ увидѣли они пыль, поднимающуюся отъ войска и возбуждаемую копытами лошадей, и Даумью, идущаго посреди пѣхотныхъ и призывающаго на помощь Биму. Успокоивъ жреца, царевичи сказали ему: «Ступай-себѣ домой» и, подобно соколамъ, почуявшимъ мясо, быстро помчались за войскомъ. И богатыри, Махэндрѣ подобные, разъяренные похищеніемъ Драупадіи, воспламенились еще бо́льшимъ гнѣвомъ, увидѣвъ Джаядрату, стоящаго на одной колесницѣ съ ихъ подругой. И воззвалъ къ царю синдусскому волкообразный Бима вмѣстѣ съ великимъ луконосцемъ Арджуною, близнецами, и царемъ,—и смятеніе простерлось повсюду. Тогда, при видѣ Бимасэны и Арджуны, по лѣсу раздались страшныя восклицанія нетерпѣливыхъ воиновъ. Увидѣвъ вершины знаменъ, низкій предводитель витязей куравасскихъ, Джаядрата, упалъ духомъ и сказалъ свѣтлой дочери Яйнасэны: — Вотъ ѣдутъ пять колесницъ; я полагаю, Кришна, что это великіе супруги твои; ты, вѣрно, узнаешь ихъ. Разскажи же намъ, о прелестно-кудрявая, про каждаго изъ Пандавовъ, стоящихъ на колесницахъ.

— Что́ пользы тебѣ знать, безумный, великихъ луконосцевъ, совершивъ низкое и ужасное дѣло? отвѣчала Драупадія.—Эти герои— мои супруги; они сошлись вмѣстѣ, и вамъ нѣтъ никакого спасенія въ битвѣ. И мнѣ ли, желающей смерти, отвѣчать тебѣ на вопросы твои про ихъ добродѣтели? Я не чувствую передъ тобою ни смятенія, ни страха, когда вижу царя правосудія и младшаго брата его. Этотъ, взывающій передъ знаменемъ, подлѣ котораго стоятъ два барабана, Нанда и Упананда, звучные и прекрасные формою, — онъ вполнѣ знаетъ истину своихъ обязанностей, и люди всегда съ покорностію слѣдуютъ за нимъ. Цвѣтомъ подобный чистому золоту, съ гнѣвнымъ лицомъ, стройный и длинноокій, это лучшій изъ Пандавовъ — супругъ мой, сынъ Дармы; зовутъ его Юдиштирою: герой добродѣтельный, онъ даже и врагу, просящему о пощадѣ, даруетъ жизнь. Сложивъ руки и бросивъ оружіе, моли его скорѣе о душѣ своей, безумецъ! Другой же, какъ ты видишь, стоитъ на колесницѣ, съ огромными руками, шалѣ ([35]) подобный станомъ; онъ прикусилъ себѣ губы и нахмурилъ нависшія брови, — это мужъ мой, волкообразный Бима. Благородные кони, съ прекрасными зубами, сильные и великомощные, влекутъ героя; по дѣламъ его, превосходящимъ человѣ-

([35]) Родъ дерева.

ческія, дано ему на землѣ имя Бимы. Для враговъ его нѣтъ спасенія, и онъ никогда не забываетъ вражды. Положивъ конецъ ненависти, онъ удаляется, но никогда не успокоивается вполнѣ. Вотъ Арджуна, первый изъ луконосцевъ, твердый и прославленный побѣдитель страстей своихъ, герой, уважающій старцевъ, братъ и ученикъ Юдиштиры. Ни любовь, ни страхъ, ни корысть не заставятъ его отступить отъ добродѣтели или сдѣлать что-нибудь низкое. Это сынъ Кунтіи, блескомъ подобный пламени, потрясающій смиритель враговъ. Вотъ другой, чудною формою прославившійся по всей землѣ. Его, преданнаго, любятъ всѣ Пандавы болѣе души своей,—это мужъ мой, богатырь Накула. Великій и мудрый, онъ держитъ въ рукѣ мечъ и легкій щитъ ([34]), и стоитъ вмѣстѣ съ Сахадэвою. Ты сегодня же увидишь, глупецъ, дѣла его, подобныя дѣламъ стожертвеннаго ([35]) въ сраженіи съ сонмами демоновъ. Онъ въ полномъ вооруженіи, витязь разумный и твердый, угождающій царю, сыну Дармы. Послѣдній же есть младшій братъ его, блескомъ подобный солнцу и лунѣ, любимый всѣми Пандавами; нѣтъ человѣка, равнаго ему по уму, и къ этому еще онъ краснорѣчивъ и знаетъ истину всего сущаго. Это Сахадэва, супругъ мой,—герой всегда бодрый, разумный и мудрый; онъ покинетъ жизнь, бросится въ пламя, но не скажетъ ничего противнаго добродѣтели. Ты увидишь, какъ войско твое будетъ разсѣяно и всѣ воины убиты сынами Панду, подобно кораблю, нагруженному драгоцѣнностями и разбитому въ океанѣ на хребтѣ Макары ([36]). Вотъ каковы тѣ Пандавы, съ которыми ты сошелся и которыхъ ты, въ безуміи своемъ, презираешь. Если ты освободишься отъ нихъ съ тѣломъ невредимымъ, то ты переродишься еще при жизни своей.

Тутъ Парты, всѣ пятеро, могуществомъ равные пятерымъ Махэндрамъ, оставивъ здѣсь съ сложенными руками стоящихъ пѣхотинцевъ, въ бѣшенствѣ пустили дождевую тучу стрѣлъ въ войско, ѣхавшее на колесницахъ, и окружили его со всѣхъ сторонъ. «Стойте, сражайтесь, скорѣе оцѣпляйте ихъ!» такъ побуждалъ царь синдусскій своихъ военачальниковъ.

Тогда по полю сраженія раздались страшныя восклицанія воиновъ, и пришли они въ смятеніе, увидѣвъ этихъ сильныхъ людей, подобныхъ тиграмъ, упоенныхъ могуществомъ. Схвативъ свою булаву изъ цѣльнаго желѣза съ прекраснымъ золотымъ наконечникомъ, Би-

---

([34]) Здѣсь, въ подлинникѣ берлинскаго изданія, вмѣсто *читра*, картина, должно читать *чарма*, щитъ.

([35]) Т. е. Индры.

([36]) Родъ баснословнаго морскаго чудовища, на которомъ ѣздитъ Кама, богъ любви.

ма ринулся на Синдусца, судьбою ему предназначеннаго. Въ это время подоспѣлъ Корикасецъ и напалъ на него, оцѣпивъ волкообразнаго огромнымъ рядомъ колесницъ. Но не смотря на топоры, дротики и стрѣлы, сверкающіе въ рукахъ героевъ, не смотря на нападающее множество, Бима остался безтрепетнымъ. Своею булавою убилъ онъ въ войскѣ синдусскомъ слона, съ тѣмъ, который сидѣлъ на немъ, и кромѣ того, еще четырнадцать человѣкъ пѣхотныхъ. Тутъ правитель Тригарты, съ лукомъ въ рукѣ, сошедши съ великой колесницы, булавою убилъ у царя четырехъ коней его; но когда онъ подошелъ ближе, то царь правосудія, сынъ Кунтіи, поразилъ его пѣшаго въ грудь серпообразною стрѣлою, и витязь, пробитый въ самое сердце, изрыгая изо рта кровь, палъ передъ Партою подобно дереву, подрѣзанному въ корнѣ. Тогда царь правосудія, лишенный коней, вмѣстѣ съ Индрасэною пересѣлъ на великую колесницу Сахадэвы. Приблизившись къ Накулѣ Кшэманкàра и Махáмука, оба съ двухъ сторонъ пустили въ него дождь пронзительныхъ стрѣлъ; но сынъ Мадры, не смотря на то, что они осыпали его дротиками подобно двумъ дожденоснымъ тучамъ, поразилъ ихъ поодиначкѣ стрѣлами. Тутъ царь Тригарты, Сурата, подошедши спереди къ его колесницѣ и искусно управляя бѣгомъ слона своего, опрокинулъ ее; но безтрепетный Накула, съ мечомъ и щитомъ въ рукѣ, соскочивъ внизъ, сталъ на одномъ мѣстѣ, подобно горѣ неподвижной. Тогда Сурата въ бѣшенствѣ устремилъ благороднаго слона съ поднятымъ хоботомъ на гибель Накулы; но, видя его приближающагося, витязь мечомъ отрубилъ ему хоботъ по самый корень, вмѣстѣ съ клыками. И слонъ, украшенный золотомъ, испустивъ пронзительный крикъ, упалъ навзничь на землю и придавилъ сидѣвшихъ на немъ. Въ сраженіи съ нападающимъ на него царемъ корикасскимъ, Бима отрубилъ голову возницѣ, понуждавшему коней его. Царь же не замѣтилъ, что возница его убитъ великорукимъ и кони его безъ предводителя помчались въ безпорядкѣ по полю сраженія. Тогда великій воинъ Бима, сынъ Панду, подошедъ ближе, убилъ его, лишеннаго возницы, ручнымъ дротикомъ, между-тѣмъ, какъ онъ смотрѣлъ въ другую сторону. Много также оказалось убитыхъ Арджуною слоновъ и воиновъ, несущихъ знамена. Покрывая землю, лежали по всему полю битвы тѣла безъ головъ и головы безъ туловищъ. Собаки, коршуны, цапли, змѣи, соколы, шакалы и вòроны пировали надъ кровавымъ мясомъ убитыхъ витязей. Когда же пали герои, царь Синдовъ, Джаядрата, отпустилъ Кришну и, испугавшись, задумалъ о побѣгѣ. Спустивши Драупадію съ колесницы среди толпящихся воиновъ, правитель людей, желая сохранить жизнь свою, убѣжалъ въ лѣсъ, гдѣ находился царь. Между-тѣмъ, какъ Даумья чествовалъ Драупадію, царь правосудія, вмѣстѣ съ воинственнымъ сыномъ Мадры,

увидѣлъ и посадилъ ее на колесницу. Послѣ бѣгства Джаядраты, волкообразный, угрожая бѣгущимъ воинамъ, перебилъ многихъ стрѣлами. Арджуна же, увидѣвъ бѣгущаго Джаядрату, остановилъ Биму, поражающаго воиновъ синдусскихъ. «Я не вижу на полѣ сраженія Джаядраты, котораго обида надѣлала намъ столько безпокойства, о непобѣдимый!» сказалъ онъ. — Ступай себѣ по здорову и сънищи его; что тебѣ до падшихъ воиновъ? Въ этомъ плохое удовольствіе, — какъ ты полагаешь? — Услышавъ эти слова дивнокудряваго мудреца, Бимасэна, обратившись къ Юдиштирѣ, краснорѣчивый сказалъ ему такъ: — Враги, потерявъ лучшихъ вождей своихъ, разбѣжались въ разныя стороны; возьми же съ собою Драупадію, о государь, и возвратись домой. Вмѣстѣ съ близнецами, о, царь, и съ благороднымъ Даумьею, доѣхавъ до обители, успокой нашу подругу. Безумный раджа синдусскій не уйдетъ отъ меня живой, хотя бы онъ былъ на днѣ ада, хотя бы самъ Индра былъ его возницею.» — Не убивай Синдусца, о великорукій, отвѣчалъ Юдиштира: — хотя онъ и низокъ душою. Вспомни Душалу и прославленную Гандарію ([37]). Услышавъ это, разумная Драупадія, омраченная страстію, гнѣвомъ и стыдомъ, сказала супругамъ своимъ Бимѣ и Арджунѣ: «Если вы хотите угодить мнѣ, то убейте этого подлаго человѣка; онъ поношеніе Синдуспамъ, онъ позоръ своему семейству, онъ низокъ и золъ. Врагъ, похищающій жену или царство, никогда не долженъ быть освобождаемъ, хоть бы онъ въ сраженіи и умолялъ о жизни. Услышавъ это, тигры людей пошли вслѣдъ за Синдусцемъ. Царь же, взявъ съ собою Кришну, воротился вмѣстѣ съ жрецомъ. Вошедши въ обитель, онъ увидѣлъ разбросанныя кучи травы, служащей для сѣдалищъ, и Маркандэію съ другими брахманами. Когда же вошелъ великій мудрецъ вмѣстѣ съ братьями и брахманами, утѣшавшими Драупадію, то всѣ, увидѣвъ его, обрадовались приходу государя-побѣдителя Синдусцевъ и Сувирцевъ, равно какъ и возвращенной имъ Кришнѣ. Бимасэна же и Арджуна, услышавъ, что врагъ отъ нихъ не далѣе одной кроши ([38]), быстро поспѣшили за нимъ, понуждая коней своихъ. Здѣсь герой Арджуна совершилъ великое дѣло: онъ убилъ коней Синдусца, едва пробѣжавшихъ одну крошу. Обладая небеснымъ оружіемъ, хладнокровный въ рѣшительную минуту, онъ произвелъ это дѣло своими очарованными стрѣлами. Тогда богатыри Бима и Арджуна оба подоспѣли къ оробѣвшему Синдусцу, лишенному коней и разсудка. Увидѣвъ Арджуну, совершившаго дивный подвигъ, онъ глубоко опечалился и, стара-

---

([37]) Мать Куравасовъ.

([38]) Родъ мили.

ясь спастись бѣгствомъ, поспѣшилъ въ лѣсъ. Замѣтивъ бѣгство побѣжденнаго раджи, великорукій Арджуна, догнавъ его, сказалъ: — Съ такимъ могуществомъ какъ ты могъ похитить силою женщину, о царь? Воротись, тебѣ неприлично бѣжать, оставивъ своихъ послѣдователей посреди враговъ.—Но, услышавъ эти слова Парты, Синдусецъ не возвратился. — Стой! стой! закричалъ ему вслѣдъ могучій Бима. — Не убивай его! прервалъ милосердый Парта. Но Джаядрата, увидѣвъ братьевъ съ поднятымъ оружіемъ, устрашенный и опечаленный, помчался быстро, желая сохранить жизнь свою. Тутъ могучій Бимасэна, видя его бѣгущаго, соскочилъ съ колесницы и подбѣжавъ къ нему, въ ярости схватилъ его за волосы. Приподнявъ, Бима ударилъ его объ землю и, схвативъ за голову, жестоко билъ Синдусца. Когда же онъ, оживая, опять хотѣлъ встать, то великорукій поразилъ его, стенающаго, ногою въ голову и прижалъ колѣномъ и локтемъ. Измученный сильнымъ бойцемъ, раджа обезпамятѣлъ. Тогда Арджуна остановилъ раздраженнаго Бимасэну. — Ради Душалы, сказалъ онъ: — вспомни, что̀ говорилъ намъ царь, о сынъ Панду! — Недостоинъ жизни этотъ безумный бездѣльникъ, сказалъ Бима: — этотъ низкій мучитель нашей благородной Кришны. Что̀ могу я сдѣлать, когда царь съ своимъ милосердіемъ, а ты съ своимъ ребяческимъ умомъ вѣчно удерживаете меня? Такъ говоря, Бима серповидною стрѣлою отрѣзалъ у него, стенающаго, связанные на головѣ волосы. Опозоривъ его такимъ образомъ, волкообразный сказалъ раджѣ: — Если ты хочешь жить, безумецъ, то слушай, что̀ я скажу тебѣ. Ты долженъ предъ всѣмъ народомъ признать себя рабомъ; съ такимъ условіемъ я даю тебѣ жизнь; таковъ законъ побѣжденныхъ въ бою. — Пусть будетъ такъ! отвѣчалъ царь Джаядрата, между-тѣмъ, какъ влекъ его тигръ людей, Бима, украшеніе боевъ. Потомъ, связавъ врага неподвижнаго, волкообразный Парта посадилъ его на колесницу, обезпамятѣвшаго и покрытаго пылью. Сѣвъ самъ вмѣстѣ съ Арджуною, Бима поѣхалъ къ Юдиштирѣ, находящемуся въ обители и, приблизившись, показалъ ему лежащаго Джаядрату. Увидѣвъ это, царь засмѣялся и велѣлъ развязать его. Бима же сказалъ государю:—Разскажи Драупадіи, что этотъ безумный сдѣлался рабомъ Пандавовъ. Тогда старшій братъ, движимый состраданіемъ, сказалъ: — Если ты уважаешь насъ, то освободи этого бездѣльника; и Кришна, взглянувъ на Юдиштиру, примолвила: — Освободи этого раба царскаго, которому ты обрѣзалъ волосы. Освобожденный, онъ подошелъ къ царю Юдиштирѣ, и преклонившись предъ нимъ, въ смущеніи привѣтствовалъ всѣхъ царей и отшельниковъ. И сказалъ ему милосердый сынъ Дармы: — Ты не рабъ! Ступай, ты свободенъ, и впередъ не поступай такъ низко, и не привязывайся къ женщинамъ, низкій товарищъ бездѣльниковъ. Кто

можетъ сдѣлать такую подлость, кромѣ тебя?—И, увидѣвъ его совершенно уничтоженнымъ послѣ гнуснаго дѣла, царь, лучшій изъ Баратидовъ, помиловалъ его и примолвилъ:—Ступай съ конемъ, съ колесницею и съ пѣхотой своей; будь здоровъ, Джаядрата. Услышавъ это, пристыженный раджа, въ молчаніи отвратилъ лицо и вышелъ глубоко опечаленный въ Ворота Гангесскія ([30]).

Съ санскритскаго. **П. ПЕТРОВЪ.**

([30]) По-санскр. Гангадуара, названіе того мѣста, гдѣ Ганга изъ горъ выходитъ на равнину.

НОВЫЙ АМУРЪ.

(Изъ Гёте.)

Съ гордой улыбкой Амуръ, не малютка, но юноша бодрый,
Плѣномъ Психеи хвалясь, въ свѣтломъ Олимпѣ сидѣлъ.
Вдругъ межь богинями онъ Венеру-Уранію видитъ:
Блескъ неземной красоты пылкое сердце зажегъ.
Хитросплетенныхъ сѣтей не умѣла избѣгнуть богиня:
Крѣпко въ объятіяхъ онъ ее, упоенную, сжалъ.
Новый Амуръ былъ плодомъ сего поцалуя безсмертныхъ,
Прелестью, нравами — мать; разумомъ свѣтлымъ — отецъ;
Вѣчно его ты найдешь у ногъ девяти пѣснопѣвицъ:
Пуститъ ли, меткій, стрѣлу, — плѣнишься одною изъ музъ.

КОЛАЧЕВСКІЙ.

ПОЛНОЧНАЯ ГРОЗА.

Ночь темна. По небу бродятъ
Тучи черныя толпой,
Грозной стражей міръ обходятъ,
И мятежно рѣчь заводятъ
Съ полуночной тишиной.

Ни клочка лазури чистой:
Всюду мрака пелена,
Лишь порой во мглѣ волнистой,
Полосою вдругъ огнистой,
Ночь на мигъ озарена.

Страшно виснетъ тучь громада;
Вотъ и вѣтеръ вдругъ подулъ,
И съ востока до заката
Громоваго переката
Раздался протяжный гулъ.

Мигъ, — и вспыхнули пожаромъ,
И зардѣлись небеса,
За рушительнымъ ударомъ
Шлетъ ударъ, полна разгаромъ,
Полуночная гроза.

Буря стонетъ, молнья вьется
Какъ алмазная змѣя,
То стрѣлою пронесется,
То какъ пламя разольется,
То освѣтитъ блескомъ дня.

Ночь темна. По небу бродятъ
Тучи черныя толпой,
Грозной стражей міръ обходятъ
И мятежно рѣчь заводятъ
Съ пробудившейся землей.

Но слабѣютъ ихъ порывы.
Вотъ, вдали уже яснѣй —
И заря на ихъ разливы,
На лѣса, на долъ и нивы
Море льетъ своихъ лучей.

Стихла буря. Тучь громада
Разбрелась по небесамъ,
И съ востока до заката,
Въ блескѣ утренняго злата
Улеглась по ихъ краямъ.

Н. ГРЕКОВЪ.

ИНСТИТУТКА.

Романъ въ письмахъ. (*)

O heureuse saison! printems de la vie, lorsque l'âme ose tout, excepté le mensonge, et que la pensée, libre avant d'être exprimée, se déclare elle-même, sans hésiter, dans un regard serein.

LORD BYRON.

ПИСЬМО I.

ГЛАФИРА ОЛИМПІАДѢ И МАРЬѢ.

17 сентября 18.. года.
Санктпетербургъ.

«Не-уже-ли я въ-самомъ-дѣлѣ вышла изъ института?..» Это была сегодня первая мысль при моемъ пробужденіи. Нѣсколько разъ я открывала и опять закрывала глаза, чтобъ увѣриться, точно ли я не грежу?.. Мнѣ чудился привычный звонъ утренняго колокольчика, и шумъ разговоровъ, въ которыхъ соединяется столько милыхъ для меня голосовъ. Mesdames, mesdames! закричала я... Но происшествія вчерашняго дня вдругъ ожили у меня въ памяти, и мнѣ стало грустно, какъ въ минуту разлуки нашей, друзья мои. Печальное *прощайте*, вчера мильйонъ разъ раздававшееся по институтскому коридору, опять зазвучало у меня въ ушахъ. Я вздрогнула такъ тяжело!

—Что съ тобой, Глафира? сказала маменька, отдергивая занавѣсъ у кровати. — Пора вставать; ты еще не видѣла, что я для тебя приготовила.

Я мигомъ встала съ постели. Изъ другой комнаты раздавались восклицанія Лизы: «Ахъ, какъ мило! какъ мило!..» Но я вамъ обѣщала, mesdames, вѣрный разсказъ всего, что̀ будетъ съ нами, и потому начну съ самаго начала.

Изъ института маменька привезла насъ прямо въ этотъ домъ, который не знаю кому принадлежитъ; только въ немъ все очень мило. Маменька такая добрая, снисходительная, ласковая... Ахъ, mes-

---

(*) Начало этого романа напечатано было въ «Современникѣ» 1837 года; здѣсь онъ помѣщается вполнѣ.

dames! какой у насъ съ Лизой прелестный дортуаръ! Мы почти цѣлую ночь не спали. Намъ было такъ хорошо; мы все разговаривали, и наконецъ поспорили. Лиза вздумала утверждать, что послѣ обѣда кофе пьютъ только старухи. И знаете, съ чего она это взяла? Вчера, когда мы прiѣхали изъ института, маменька велѣла подать намъ кофе, очень вкусный, съ густыми сливками и съ бисквитами. Лиза выпила двѣ чашки и попросила еще. Маменька смѣясь сказала: «Это слишкомъ много, Лиза. Со временемъ, когда тебѣ исполнится шестьдесятъ лѣтъ, тогда, пожалуй, пей-себѣ кофе когда хочешь. И Лиза, поднявъ глаза кверху, вскричала: «Дай Богъ, чтобъ мнѣ скорѣе было шестьдесятъ лѣтъ!» Маменька расхохоталась. Она только пошутила, а Лиза вывела изъ того глупѣйшее заключенiе. Сегодня, послѣ-обѣда, я нарочно попрошу кофе; посмотримъ, что̀ маменька скажетъ?

Еслибъ вы видѣли, mesdames, прекрасную комнату, въ которой я къ вамъ пишу. Я расположилась у открытаго окна; шумъ съ улицы нимало меня не развлекаетъ: всѣ чувства мои, всѣ мысли мои принадлежатъ вамъ. Ахъ! я очень... Мимо окна прошла премиленькая дама, совершенно мамзель Г.; а этотъ, какой гадкiй! остановился и лорнируетъ сюда. Еслибъ у меня достало духу сдѣлать ему гримасу! Вотъ и еще что-то такое смѣшное, похожее не знаю на что... Никакъ не могу больше писать. До свиданiя, mesdames; маменька обѣщала скоро отпустить насъ въ институтъ. Кланяйтесь отъ меня и отъ сестры всѣмъ дѣвицамъ. Посылаю вамъ большой фунтъ конфектъ. Не правда ли, какъ смѣшно, что Лиза и я теперь не институтки? Adieu, mesdames!

ПИСЬМО II.

Олимпiада Глафирѣ.

22 сентября 18.. года.
Институтъ.

Пять дней прошло, какъ ты оставила институтъ, и съ-тѣхъ-поръ не была у насъ, милая Глафира! Это значитъ... не-уже-ли ты забыла насъ? Нѣтъ, это невозможно; мы институтскiе друзья: слѣдовательно, друзья на цѣлую жизнь.

Трудно выразить всю силу тоски моей при разлукѣ съ тобою; долго я не могла отойдти отъ двери, за которою исчезъ послѣднiй звукъ твоего голоса. Мнѣ казалось, я нахожусь одна, среди дикой пустыни, оставленная цѣлымъ свѣтомъ. Съ какою грустiю смотрю я на опустѣвшее мѣсто твое на лавкѣ нашей! Я боюсь, чтобъ класеныя дамы не велѣли кому занять его: пусть лучше будетъ пусто; кто можетъ замѣнить тебя?

Вчера, прогуливаясь въ саду, я подошла къ стѣнѣ, отдѣляющей

садъ нашъ отъ города, и, прислушиваясь къ стуку экипажей, гремѣвшихъ по улицѣ, сравнивала тишину нашего сада съ городскимъ шумомъ. Гдѣ лучше? Тамъ, или здѣсь?.. подумала я. Кто знаетъ, что̀ ожидаетъ насъ за высокими стѣнами нашего института?

Звонятъ къ обѣду. До свиданія, Глафира! Пріѣзжай къ намъ скорѣе; всѣ съ нетерпѣніемъ тебя ожидаютъ. Я не думаю, чтобъ городскія удовольствія могли такъ скоро заставить тебя забыть институтъ и твою Олимпіаду.

ПИСЬМО III.

Марія Глафирѣ.

22 сентября 18.. года.
Институтъ.

Ахъ, ma chère, какъ скучно безъ тебя! Съ самаго дня разлуки нашей, мы не перестаемъ говорить о тебѣ и о сестрѣ твоей. Вамъ очень идетъ городской костюмъ; въ вашихъ розовыхъ шляпкахъ, mesdames, вы обѣ были прекрасны, хотя совсѣмъ на себя непохожи, особливо ты, ma chère: только прошу не гордиться.

Когда вы уѣхали, я еще долго плакала. Боже мой! кто бы могъ предвидѣть, что ты, первая изъ первыхъ нашего класса, уѣдешь прежде публичнаго экзамена!.. Всѣ объ этомъ жалѣютъ. Я не понимаю, что̀ заставило маменьку твою взять васъ изъ института, когда остается до выпуска только пять мѣсяцевъ? Ты говоришь, семейныя обстоятельства; но какія же именно?.. Не скрывай отъ меня, ma chère; если это секретъ, я никому не скажу.

Въ институтѣ у насъ все по-старому; вчера ввечеру моя очередь была раздавать бѣлье; когда мы пришли послѣ ужина въ дортуаръ, я сказала: mesdames! кому жаль, что обѣ С. уѣхали, тотъ раздастъ за меня бѣлье. — Я, я!.. закричали всѣ. П. первая ко мнѣ подбѣжала и перенесла все бѣлье на свою кровать. А вы, Глафира съ сестрицей, не нашли часочка въ цѣлые пять дней побывать тамъ, гдѣ васъ такъ любятъ!

Знаешь ли, ma chère, съ-тѣхъ-поръ, какъ ты уѣхала, характеръ мой совершенно перемѣнился: всѣ дѣвицы говорятъ, что я очень печальна стала. Сегодня поутру я надѣла твою мантилью, которую промѣняла на свою, и долго ходила по корридору въ ожиданіи тебя, за что̀ получила отъ мадамъ И. выговоръ, который отъ всей души передала тебѣ. Не-уже-ли ты никогда не пріѣдешь въ институтъ? Ты причиной, что я нисколько не приготовилась къ сегодняшнему классу, и когда наступило критическое время, въ которое всякую минуту ожидали г. С., я, сама не зная, что̀ дѣлать, схватила свою тетрадь и начала твердить урокъ такъ громко, что моя сердитая со-

сѣдка К. заткнула себѣ уши, и не шутя стала ссориться со мною. — Г. С. не будетъ; боленъ! закричалъ швейцаръ у дверей. — Слава Богу! сказала я, закрывая свою тетрадь.—Фи, ma chère, какая злая, радуется болѣзни г. С.! сказала К., придираясь ко мнѣ за все.

— Что это за шумъ вы подняли, дѣвицы? вскричала мадамъ И.— Я хочу каждую изъ васъ видѣть на своемъ мѣстѣ. Займитесь нѣмецкимъ переводомъ. Въ отсутствіе мое никто не долженъ оставлять лавки своей! прикрикнула она, выходя изъ класса.

Такая строгость на всѣхъ навела тоску, особливо на меня. Ты не выходила у меня изъ головы, Глафира; я ожидала тебя каждую минуту, и когда слышала стукъ экипажа, зеленая краска на окнахъ нашего класса приводила меня въ отчаяніе. Въ мечтахъ моихъ рисовалось твое милое личико, выглядывающее изъ свѣтлаго, незакрашеннаго окна — и въ ту самую минуту, какъ я сказала: mesdames, счастливая Глафира!.. у подъѣзда пресильно застучало. Тогда, забывая все, я вспрыгнула на окно, позади лавокъ, и, увидѣвъ желтую карету, закричала на весь классъ: Глафира и Лиза!.. Слова мои произвели большую суматоху; порядокъ и тишина исчезли; нѣмецкій переводъ былъ оставленъ; дѣвицы тѣснились къ окну.—Обманъ, обманъ! сказала Г. — Въ наказаніе за то, А....ская, не сходи съ окна, представь Л...го!—Извольте слушать, дѣвицы, сказала я, принимая видъ и голосъ Л...го: — Сегодняшнимъ нашимъ предметомъ будетъ...

— Фи, ma chère, какъ скучно! перебила П. — Смотрите лучше на меня, mesdames; я буду мадамъ Ш! И начала прыгать уморительно. Всѣ хохотали... Вдругъ двери съ шумомъ отворились...

— Прекрасно, дѣвицы! Такъ-то вы послушны дамамъ вашимъ? вскричала мадамъ И...— Но вотъ еще новость: кто тамъ скрывается за занавѣской?.. Это вы, А...ская! Развѣ не знаете, что къ окну не должно смѣть и приближаться? etc., etc. Все это за тебя, Глафира. Мадамъ И. даже грозила мнѣ *чернымъ столомъ:* это мило! за пять мѣсяцевъ до выпуску! Вообрази радость *кофейныхъ*, еслибъ увидѣли M-lle А...скую, дѣвицу зеленаго класса, за чернымъ столомъ. Негодныя кофейныя! Вспомни, ma chère, какъ я, спустивъ съ плечь мою мантилью, передъ ними расхаживаю и важничаю, когда онѣ мнѣ пищатъ: ange, adorable!

Всѣ дѣвицы кланяются тебѣ и Лизѣ.

Знаешь ли, мнѣ пришло на мысль: что, если Глафира перемѣнилась! если, прочитавъ мое письмо, скажетъ: это все институтскія глупости!.. Сердце такъ и замираетъ. Не-уже-ли ты въ-самомъ-дѣлѣ намъ измѣнила? Не-уже-ли ты забыла всѣхъ — и меня, и Липиньку, и П., и Г? Отвѣчай скорѣе! скажи прямо: другъ ли ты намъ? скажи по-институтски: да, или нѣтъ?

ПИСЬМО IV.

Глафира Олимпіадѣ и Марьѣ.

Санктпетербургъ. 25 сентября.

Не стыдно ли вамъ думать, mesdames, что новость настоящаго положенія моего можетъ заставить меня забыть васъ, друзей моихъ! Разставаясь съ вами, я будто жить перестала; въ глазахъ темнѣло, дыханіе прерывалось... ничего не помню, какъ перешла корридоръ, швейцарскую: но, сошедъ съ крыльца, еще разъ оглянулась на институтъ. Колоссальное зданіе гордо и мрачно стояло передо мною, какъ могущественный покровитель, котораго я навсегда теряла. Мнѣ живо вообразились наши веселыя игры и наши уроки; мнѣ всего стало жаль. На сердцѣ у меня лежала гора грусти и печали—я плакала. Между-тѣмъ, карета понеслась съ быстротою, которой я въ первыя минуты не замѣчала; потомъ мнѣ стало страшно, потомъ все запрыгало у меня въ глазахъ, все вокругъ меня приняло видъ фантастическій. Встрѣчаемые экипажи, казалось мнѣ, неслись прямо на насъ; казалось, мы летимъ, падаемъ между длинными рядами странныхъ, почти не-человѣческихъ лицъ, мелькавшихъ мимо оконъ кареты нашей. Ахъ!.. закричала я, и голова моя упала на плечо къ maman.

Когда я опомнилась, мы ѣхали очень-тихо. Маменька шутила надо мной — мнѣ было очень стыдно. Страхъ мой прошелъ, и скоро новыя впечатлѣнія, сильнѣйшія первыхъ, овладѣли мною совершенно. Я перестала плакать, перестала думать о васъ, mesdames. Не упрекайте меня легкомысліемъ; скоро вы сами испытаете, что переходъ изъ института въ свѣтъ сопровождается чувствованіями, которыхъ описаніе составило бы цѣлую поэму. Вообразите, что васъ съ завязанными глазами привели къ мѣсту, открывающему удивительный ландшафтъ, и вдругъ завязка спала... Но нѣтъ! никакое сравненіе не можетъ дать вамъ понятія о восторгѣ моемъ, когда, пріѣхавъ домой, я сѣла у открытаго окна. Шумная улица представляла живую, вѣчно движущуюся картину, на которой предметы самые противоположные встрѣчались и смѣшивались въ какомъ-то волшебномъ отраженіи. Великолѣпные и простые экипажи, нарядныя дамы и бѣдняжки въ старыхъ манто, и военные въ блестящихъ мундирахъ, и франты, и... не знаю какъ назвать,—есть люди, которые ни на кого не похожи — божусь, mesdames: еслибъ вы видѣли всѣ смѣшныя, всѣ живописныя сцены, которыя выскакивали изъ этого хаоса и быстро смѣнялись другими, вы бы въ полной мѣрѣ раздѣлили со мною восторгъ мой. Теперь эти первыя впечатлѣнія нѣсколько ослабѣли: я могу сидѣть съ работою у открытаго окна—представьте себѣ, mesdames, *открытое окно!*—и неслишкомъ заглядываюсь на безпрерывную драму, разъигрываемую на шумной улицѣ.

Все это прекрасно; но я бы желала, mesdames, чтобъ вы были здѣсь со мною: безъ васъ такое множество новыхъ предметовъ... Признаться ли вамъ въ моей глупости? Когда взглядываю на себя, и, вмѣсто вѣчнаго камлотоваго зеленаго платья, вижу шелковое, и кружева, и ленты... ступить не умѣю. Въ городѣ всѣ очень любопытны, больше, нежели у насъ, mesdames. Я смертельно боюсь, чтобъ неловкостію своею не прибавить новаго анекдота на счетъ институтокъ. Агаша Н., которую мы встрѣтили вчера въ Англійскомъ Магазинѣ, разсказывала намъ, что когда ее взяли изъ института, тетушка ея въ тотъ же день сдѣлала для нея праздникъ. Къ обѣду приглашены были всѣ родственники и знакомые. Весело было Агашѣ—первый обѣдъ въ пребольшомъ обществѣ! Въ добавокъ ко всему, тетушка усадила Агашу на первое мѣсто. Агашѣ было очень-стыдно. Многія кушанья имѣли для нея видъ совершенной новости; она не рѣшалась за нихъ приняться, отказывалась, краснѣла, увѣряла, что удовольствіе видѣть себя въ кругу родныхъ отнимаетъ у нея аппетитъ и пр. Но когда подали огромную жареную птицу, Агаша не утерпѣла, чтобъ не закричать: ахъ, какая большая курица! Всѣ захохотали. Какъ-будто Агаша могла знать, что тетушкѣ изъ ея степныхъ деревень привезли дичины, и что огромная птица была не знаю какая-то дичина. Это еще не все. По окончаніи обѣда, нашей совоспитанницѣ готовилось новое затрудненіе: лакей, принявшій отъ нея стулъ, сунулъ ей въ руки блюдечко съ стаканомъ теплой воды, съ которымъ она не знала что дѣлать. Не смѣя ни на кого взглянуть, Агаша вертѣла въ рукахъ стаканъ и наконецъ... выпила всю воду! Представьте себѣ—теплую воду, поданную ей для полосканья рта!.. Къ-счастію, этого никто не замѣтилъ, кромѣ тетушки, которая обнимала, цаловала Агашу, а между-тѣмъ до слезъ смѣялась.

При свиданьѣ, mesdames, будетъ о чемъ поговорить; теперь же, исполняя мое обѣщаніе, опишу вамъ первый нашъ выѣздъ съ отчетливостію, которой вы въ правѣ отъ меня требовать.

— Сегодня ввечеру я повезу васъ къ бабушкѣ вашей, графинѣ Р., сказала намъ въ воскресенье маменька. Мы одѣлись въ парадныя платья и съ нетерпѣніемъ ждали вечера, хотя было немного и страшно.

— Въ классѣ, когда знаешь свой урокъ, сидишь спокойно, сказала мнѣ Лиза: — а здѣсь такая неизвѣстность! Отгадай, что̀ будемъ дѣлать у бабушки? Мнѣ кажется, она похожа на мадамъ Б., и если вздумаетъ меня экзаменовать, мнѣ не худо бы повторить исторію среднихъ вѣковъ; древнюю и новую я хорошо знаю.

— Что̀ за мысль, Лиза! впрочемъ, я и сама не могу быть спокойна; я чувствую, что въ обществѣ мы то же, что̀ въ институтѣ но-

венькія. Помнишь, какъ онѣ смѣшны: ничего не знаютъ, всего боятся.

— О чемъ вы хлопочете, дѣти? сказала маменька, вмѣшиваясь въ нашъ разговоръ. — Если вы, при первомъ вступленіи вашемъ въ свѣтъ, застѣнчивы и неловки, никто васъ за это не осудитъ. Я не люблю излишней развязности въ ваши лѣта, и въ этомъ отношеніи мнѣ особенно нравится институтское воспитаніе. Не забудьте привѣтствія, которое вы должны сказать бабушкѣ.

— Не безпокойтесь, маменька; для перваго вступленія имѣть готовую фразу очень недурно, отвѣчала смѣясь Лиза.

Мы поѣхали. Карета наша остановилась у подъѣзда ярко-освѣщеннаго дома; мнѣ мечталось нѣчто въ родѣ волшебной сказки. Великолѣпіе комнатъ, исполненныхъ свѣта и благоуханія, сдѣлало на меня пріятное впечатлѣніе; я забыла всѣ мои опасенія, и весело скользила по гладкому, какъ зеркало, паркету, въ ожиданіи необыкновенныхъ удовольствій. Но, увы... подвигаясь впередъ, мы услышали хриплые голоса, крикъ, споръ, и — какъ бы вы думали, mesdames? весь этотъ шумъ происходилъ отъ бабушки и трехъ стариковъ, игравшихъ въ карты. Маленькіе шалуны!

При входѣ нашемъ, бабушка привстала съ своего большаго кресла, и, не выпуская изъ рукъ картъ, говорила, обращаясь попеременно то къ маменькѣ, то къ своимъ игрокамъ: — Здравствуй, племянница! — Стыдитесь, кто такъ играетъ! — Это твои дочери? — Король самъ-другъ. — Какъ милы!

Не понимая ничего изъ словъ бабушки, мы съ Лизой сказали ей свое привѣтствіе, на которое получили столь нѣжный отвѣтъ, что, желая поддержать хорошее о себѣ мнѣніе, чуть-чуть не повторили раскланявшимся намъ старикамъ и другимъ молодымъ людямъ слово-въ-слово комплимента, сказаннаго бабушкѣ. Лиза отворила уже ротъ, чтобъ вторично испытать магическое дѣйствіе словъ, которыми бабушка была такъ довольна; я поспѣшила ее остановить, и сама не меньше напроказничала. Вмѣсто того, чтобъ по-институтски ловко поклониться à la Д., мнѣ захотѣлось предъ тѣми господами поважничать, представить городскую даму, и я имъ отпустила: «честь имѣю рекомендоваться!» Лиза, боясь отъ меня отстать, повторила то же самое. Ахъ, mesdames! еслибъ вы видѣли, какъ молодые люди коверкали лицо, стараясь удержаться отъ смѣха—стыдно вспомнить! Впрочемъ, они подали намъ кресла такъ услужливо, какъ-будто мы не сдѣлали никакой глупости. Это меня нѣсколько ободрило, и я рѣшилась не упускать случая загладить первую мою ошибку. Судите, успѣла ли въ томъ.

— Дѣти мои сегодня въ театрѣ, сказала бабушка, смотря прямо на меня: — новая пьеса — грандъ мизеръ!

— Grande misère? повторила я: — это должна быть трагедія, судя по заглавію.

Бабушка обратилась ко мнѣ съ насмѣшливою улыбкою: — Ты, милая моя, видно понятія не имѣешь о бостонѣ?

—Извините, бабушка: Бостонъ главный городъ провинціи Массачусетсъ, въ Соединенныхъ-Штатахъ...

— Имѣетъ гавань, корабельныя верфи, подхватила скороговоркой Лиза: — разныя учебныя и благотворительныя заведенія, и сорокъ пять тысячь жителей.

Бабушка расхохоталась.

—Ахъ, Боже мой! вскричала она:—не-уже-ли у васъ въ институтѣ никто не играетъ въ карты?.. Я бы умерла тамъ со скуки. Чтò же дѣлаютъ ваши классныя дамы?

— О, имъ столько занятій!

— Вотъ не могу понять, продолжала бабушка, отворачиваясь отъ меня:— толкуютъ бѣднымъ дѣтямъ о Римлянахъ, Грекахъ, набиваютъ голову давно-прошедшимъ, а упускаютъ изъ виду житейское. Вникните хорошенько въ эту игру, замѣтьте всѣ ея тонкости, и вы увидите, можетъ ли что лучше развернуть понятія, пріучить къ здравому сужденію, порядку и точности въ дѣлахъ. За карточнымъ столомъ получаешь уроки, которые могутъ быть полезны во всѣхъ обстоятельствахъ жизни.

— Истинно такъ, ваше сіятельство! сказалъ старикъ въ очкахъ, нетерпѣливо стучавшій по столу картами.

Игра возобновилась съ какимъ-то ожесточеніемъ. Можно было подумать, что судьба игравшихъ рѣшалась съ каждою картою. За малѣйшую ошибку или разсѣянность они ссорились между собою какъ *кофейныя*. Иногда сидѣли такъ тихо, что едва переводили дыханіе, иногда всѣ вмѣстѣ кричали: двойка, дама, десятка! и страшно смотрѣть, какъ сердились.

Слушайте, mesdames! Бабушка сказала: grande ouverte! и, раскидывая по столу свои карты, съ торжественною улыбкою повторила: это не ловится! Противники ея сначала призадумались, но потомъ толстыми голосами протрубили: поймали, поймали!.... Бабушка поблѣднѣла какъ смерть; я за нее испугалась, не зная, чтò изъ того выйдетъ. Между-тѣмъ, Лиза толкала меня локтемъ, съ нетерпѣніемъ спрашивая: кого же поймали?

— Бабушку! отвѣчала я, и тутъ уже, взглянувъ одна на другую, мы не могли болѣе терпѣть — расхохотались.

Къ счастію нашему, бабушкины глаза и мысли были далеко отъ насъ; въ жару декламаціи, она размахивала руками и столкнула со стола свѣчу на полъ — всѣ кинулись поднимать, и въ одно мгновеніе столъ былъ опрокинутъ. Карты, щетки и прекрасныя коробочки,

все полетѣло на полъ, а изъ бабушкина кресла выскочила презлая моська, которой неожиданное появленіе насъ очень испугало. Лиза, будто въ институтѣ, начала кричать: ахъ, mesdames, mesdames!... Молодые люди смѣялись, отгоняя отъ насъ моську — всѣ шумѣли, суетились. Одна только бабушка, устремивъ глаза въ потолокъ, сидѣла неподвижно, и дрожащимъ голосомъ повторяла: тройка бубёнъ, валетъ самъ-пятъ...

Наконецъ все пришло въ прежній порядокъ; карты опять зашумѣли на столѣ; игроки опять ссорились, и зрители молчали; было скучно, чинно, монотонно.

—Въ институтѣ ложится уже спать, шепнула мнѣ зѣвая Лиза, и я не шутя боялась, чтобъ она не уснула, тѣмъ болѣе, что и мои глаза начинали смыкаться: кресла, на которыхъ мы сидѣли, были покойны какъ постель... Но не пугайтесь, mesdames; появленіе новыхъ лицъ оживило сцену дремоты.

— Bon soir, ma grand'mére! сказалъ высокій офицеръ, который, стуча саблею, вбѣжалъ въ комнату. Это былъ молодой графъ Р.; вслѣдъ за нимъ вошла мать его, а потомъ комната вдругъ наполнилась посѣтителями. Бабушка встрѣчала всѣхъ и каждаго одною фразою: «вообразите, какое несчастіе! грандъувертъ! валетъ самъ-пятъ!» —Это вѣрно мои кузины? сказалъ графъ, подходя къ намъ. Мы скоро съ нимъ познакомились; онъ такой добрый и милый.

Остальное время вечера прошло пріятно. Графъ пригласилъ всѣхъ въ большую залу; одинъ почтенный старичокъ игралъ на фортепьяно, а мы танцовали. Я познакомилась со многими дамами и подружилась съ одною очень милою дѣвицею, Катериной Андреевной. Кавалеровъ было шесть; одинъ изъ нихъ Mr. Крепакъ, пресмѣшной! Еслибъ вы видѣли, mesdames, какъ онъ танцуетъ — хуже Г., когда она была *новенькая*. Сначала я думала, что онъ притворяется, особливо, когда, послѣ своего *соло*, онъ подбѣжалъ ко мнѣ и съ улыбкой сказалъ: радуюсь, сударыня, что доставилъ вамъ случай посмѣяться.

—Благодарю васъ, отвѣчала я.—Это было очень мило! нельзя безъ смѣха вспомнить ваше соло.... Однакожь тотчасъ замѣтно, что вы нарочно такъ танцуете — прибавила я, испугавшись сердитой мины Крепака. Хохотъ графа увеличилъ еще мое смущеніе. — Извините, я думала... я васъ не поняла... говорила я; но Mr. Крепакъ былъ уже далеко отъ меня. Я затвержу этотъ урокъ на будущее время.

Но пора кончить длинное мое къ вамъ посланіе, друзья мои. Скоро будемъ видѣться; въ воскресенье, въ десять часовъ утра, желтая карета остановится у институтскаго подъѣзда, и двѣ *городскія дамы* явятся къ вамъ на цѣлый день. Одна изъ нихъ немного похожа на вашу ГЛАФИРУ С.

ПИСЬМО V.

Глафира Олимпіадѣ и Марьѣ.

26 сентября 18.. г.
Санктпетербургъ.

Несчастье, mesdames! Вмѣсто того, чтобъ ѣхать въ институтъ, мы должны утромъ сдѣлать нѣсколько визитовъ и обѣдать у тетушки Марьи Андреевны. Въ институтъ никто къ намъ не пріѣзжалъ; я думала, у насъ нѣтъ родныхъ, а теперь выходитъ, куда ни посмотришь, все тетушки да кузины.

Боже мой! сколько было хлопотъ, когда мы съ Лизой одѣвались на балъ къ князю К. Одна тетушка приказывала мнѣ надѣть цвѣты, другая ленты, третья кричала: à la chinoise!... Споръ доходилъ до слезъ; кузины перессорились. Наконецъ самая старшая кузина, вооружась гребнемъ и шпильками, завладѣла мною, и, помучивъ хорошенько, наколола мнѣ на голову бѣлыя перья.—Прелесть, прелесть! раздалось со всѣхъ сторонъ; только Лиза, смотря на меня, до слезъ смѣялась, и увѣряла, что я похожа на рыцаря въ шлемѣ съ перьями, котораго ты, Маша, рисовала. Взглянувъ на себя въ зеркало, я испугалась огромной своей головы, и умоляла безжалостную кузину снять съ меня перья. Тогда меня назвали капризной; но маменька, для прекращенія споровъ, послала за парикмахеромъ, который въ полчаса причесалъ мнѣ волосы и просто и мило.

За все это мученіе я была вполнѣ награждена на балѣ. Чудесный балъ! Я еще ничего подобнаго и во снѣ не видала. Ослѣпительное великолѣпіе комнатъ, богатство и изящный вкусъ дамскихъ нарядовъ, блескъ брильянтовъ, запахъ цвѣтовъ, разговоры, танцы, все было очаровательно — и къ тому еще, mesdames, огромные подносы съ конфектами и мороженымъ. Я никогда не забуду этого бала; при первыхъ звукахъ оркестра сердце мое забилось отъ восторга: ахъ, какая музыка!... танцовать было такъ весело, легко, свѣтло. Дамы и кавалеры казались мнѣ блестящими мотыльками, которые кружатся въ лучахъ солнца. Мнѣ бы очень хотѣлось, mesdames, разсказать вамъ скорѣе обо всемъ этомъ, но раньше пяти часовъ вечера невозможно быть въ институтѣ. Тетушкино приглашеніе на обѣдъ все испортило.

Вы спрашиваете, отъ-чего родственники наши не посѣщали насъ никогда въ институтѣ?... Это большая исторія, которую вопросы наши вынудили у маменьки. Всѣ эти родственники, теперь такіе добрые, оставляли нѣкогда маменьку безъ малѣйшаго со стороны ихъ участія, въ самомъ критическомъ положеніи. Надобно знать: отецъ нашъ женился безъ согласія своихъ родителей, и когда онъ умеръ, маменька осталась съ нами въ совершенной крайности. Напрасно

писала она къ дѣдушкѣ: онъ отвергалъ и ее и насъ. Въ этомъ ужасномъ положеніи маменька отнеслась къ графинѣ Р., родной теткѣ нашего отца. Но графиня обошлась съ маменькой такъ, что привела ее въ совершенное отчаяніе. Всѣ родственники послѣдовали ея примѣру, и только небольшое наслѣдство отъ одной доброй старушки спасло маменьку.

Помните, mesdames, я вамъ всегда говорила, что мы очень бѣдны — теперь выходитъ напротивъ: маменька получила отъ дѣдушки письмо, въ которомъ онъ изъявляетъ раскаяніе въ своей противъ нея несправедливости, проситъ забыть прошедшее и немедленно пріѣхать къ нему съ нами. По этой причинѣ, маменька и поспѣшила взять насъ изъ института. Черезъ недѣлю мы отправимся въ Малороссію. Признаюсь, мысль о дѣдушкѣ меня пугаетъ; я бы хотѣла знать, какъ мы ему покажемся? будетъ ли онъ насъ любить? Маменька съ нимъ тоже незнакома.

Эта неожиданная перемѣна маменькиныхъ обстоятельствъ перемѣнила къ ней отношенія всѣхъ нашихъ родственниковъ. Теперь всѣ готовы ей служить, когда ни чьи услуги ей не нужны; а когда умоляющимъ голосомъ говорила: «помогите!» никто не хотѣлъ слушать. Это выходитъ совсѣмъ наоборотъ. Странно въ свѣтѣ!

Лиза зоветъ одѣваться; я не опомнилась, какъ исписала весь листочекъ. Это похоже на болтливость; хотѣла только въ двухъ словахъ сказать, чтобъ поутру насъ не ждали, а вечеромъ... Сколько объятій и восклицаній будетъ при свиданіи нашемъ!

ПИСЬМО VI.

Олимпіада Глафирѣ.

12 января 18 . . года.
Институтъ.

Что же ты дѣлаешь, милая Глафира? Скоро будетъ три мѣсяца, какъ получили отъ тебя письмо, и то самое коротенькое, изъ котораго узнали только о благополучномъ прибытіи твоемъ къ дѣдушкѣ. Зачѣмъ ты къ намъ не пишешь? У тебя много свободнаго времени, а у насъ... о, еслибъ ты могла хоть на минуту заглянуть къ намъ! ты бы не узнала института нашего, классическаго, степеннаго института. Теперь все вверхъ дномъ; обыкновенный порядокъ и тишина исчезли. Всѣ бѣгаютъ, хлопочутъ, суетятся. Дни, часы, минуты сочтены до экзамена—всего остается такъ мало! Мы дорожимъ каждымъ мгновеньемъ. Повтореніе уроковъ, музыка, пѣніе, возня съ рисунками и работами съ утра до вечера наполняютъ весь домъ чудеснымъ отголоскомъ. Стукъ молотка соединяется съ звуками фортепьяно; итальянскія аріи перебиваются рѣзкими возгласами: Влади-

міръ-Мономахъ!... древній Римъ! Средиземное-Море!... Все это вмѣстѣ производитъ впечатлѣніе, котораго тебѣ передать не умѣю. Это голосъ судьбы, невнятно, сбивчиво предсказывающій будущее.

Мнѣ очень жаль разстаться съ институтомъ послѣ девятилѣтняго въ немъ пребыванія. Ты знаешь, ma chére: за три года передъ симъ мнѣ слѣдовало выйдти; тогда мнѣ было пятнадцать лѣтъ, и страхъ хотѣлось скорѣе изъ института. Я была такая смѣшная, совсѣмъ непохожа на *зеленую*: когда папенька объявилъ, что оставляетъ меня еще на три года въ институтѣ, я плакала, рыдала... Теперь же, напротивъ, мысль о скоромъ вступленіи въ свѣтъ поселяетъ во мнѣ грустное чувство, сама не знаю отъ-чего. Маша смѣется надо мной, когда мы о томъ разсуждаемъ. Бѣдная Машенька! она и не думаетъ о будущемъ, а меня участь ея сильно безпокоитъ. По всему видно, что опекунъ ея, не смотря на то, что родной ей *дядя*, мало о ней заботится. Помнишь, *новенькой* она была такая крошечная и худая; всѣ дѣвицы, смотря на нее, говорили: mesdames, это бѣдная сиротка!—Въ институтъ *дядя* писалъ къ ней только два раза во всѣ шесть лѣтъ; и то послѣднее письмо, въ которомъ отказалъ въ просьбѣ ея брать уроки на арфѣ, было исполнено упрековъ. Онъ называлъ это безразсуднымъ требованіемъ, совѣтовалъ больше заниматься рукодѣльемъ, нежели музыкою, и впредь не безпокоить его подобными просьбами. Послѣ того Машенька никогда къ нему не писала; но теперь, получивъ отъ него извѣстіе, что, не имѣя возможности взять ее тотчасъ послѣ выпуску домой, оставляетъ еще на годъ въ институтѣ, Машенька отважилась просить позволенія жить въ домѣ моего отца, пока любезному дядюшкѣ можно будетъ за ней пріѣхать. Письма наши — я тоже къ нему писала — очень убѣдительны; но машенькинъ *дядюшка* не-слишкомъ сговорчивъ, и мы со страхомъ и трепетомъ ждемъ отъ него отвѣта.

Прощай, милый другъ Глафира! Marie будетъ писать къ тебѣ завтра; сегодня она дежурная.

ПИСЬМО VII.

Марья Глафирѣ.

Институтъ.
13 января 18 . . года.

Какое смѣшное время — такъ и бѣжитъ! Давно ли мы говорили: ахъ, mesdames! скоро ли будетъ экзаменъ! — и вотъ, экзаменъ передъ нами. Экзаменъ! это волшебное слово приводитъ все въ движеніе. Никогда не было намъ столько дѣла и никогда всѣ занятія наши не исполнялись такъ успѣшно и съ такимъ единодушнымъ соревнованіемъ! Съ самаго ранняго утра мы, съ тетрадками въ ру-

кахъ, громкимъ хоромъ перекликаемъ героевъ древней и новой исторіи, и мильйонъ разъ твердимъ названія рѣкъ, городовъ и городковъ цѣлаго свѣта. Жаль, ma chère, что тебя нѣтъ съ нами.

Я думала, не прійдется больше быть дежурною, какъ вдругъ принесли мнѣ красную кокарду, и я запрыгала отъ радости. Быть дежурной всегда весело; но въ это послѣднее время нашей институтской жизни провести цѣлый день съ maman Б.—согласись, это необыкновенное счастіе. Вчерашній день будетъ для меня всегда памятенъ. Навязавъ на руку красную кокарду, я отправилась къ maman съ грустными мыслями о предстоящей намъ разлукѣ съ нею. День прошелъ очень-скоро. Поутру maman занималась обыкновенною своею работою, а меня посылала съ разными приказаніями во всѣ отдѣленія нашего класса, и одинъ разъ во второе отдѣленіе маленькихъ. Можешь представить себѣ, какъ mademoiselle de service, de la classe verte, важничала передъ кофейными! — Послѣ обѣда я осталась одна съ maman; въ комнатахъ было очень тихо, и я среди безмолвія такъ замечталась о скоромъ нашемъ выпускѣ, что, играя кончиками своей кокарды, и не опомнилась, какъ сказала: «никогда больше я дежурною не буду!..» Maman услышала мое восклицаніе; мнѣ было очень стыдно, но она отвѣчала на него съ обыкновеннымъ своимъ снисхожденіемъ. Ange maman! какая она добрая! Еслибъ ты слышала прекрасныя ея мнѣ наставленія о томъ, какъ должно вести себя въ свѣтѣ, и съ какимъ участіемъ разспрашивала о моихъ родственникахъ. Но что я могла сказать о нихъ? Никого не знаю, кромѣ дядюшки, и то только по двумъ письмамъ, непредвѣщающимъ ничего хорошаго.

Я записала въ моемъ журналѣ вчерашній день, и спрятала красную ленту въ память послѣдняго моего дежурства.

Знаешь ли, Глафира, меня ожидаетъ благополучіе жить вмѣстѣ съ Олимпіадой, если дядюшка на то согласится. Цѣлый мѣсяцъ я томлюсь въ ожиданіи отъ него отвѣта. Смертельно боюсь, чтобъ онъ не вздумалъ оставить меня въ институтѣ еще на три года. Что̀ дѣлать, ma chère, я не такая bon-enfant; наскучило учиться. Прекрасный городъ, котораго уголокъ заглядываетъ въ окна нашего класса, давно меня прельщаетъ. — Ахъ, какое будетъ блаженство, когда отворятся для насъ двери нашего института!.. Adieu, nos maitres! adieu, nos dames de classes! довольно вы насъ мучили. — За эту прощальную фразу, я знаю, ты упрекнешь меня неблагодарностію, и совершенно даромъ. Будто я такая нечувствительная! Мнѣ такъ же, какъ и всякой другой, тяжело будетъ разставатьс съ maman Б. и даже съ классными дамами, не говорю уже о милыхъ дѣвицахъ нашихъ. Я буду очень плакать. Сцена разлуки представляется мнѣ со всѣми трогательными своими подробностями; я живо постигаю всю горечь

ея — и при всемъ томъ жду съ нетерпѣніемъ печальныхъ минутъ прощанія съ институтомъ.

Хочешь ли знать, что̀ дѣлала я сегодня послѣ обѣда? Мнѣ велѣли повторять урокъ на фортепьяно, которое стоитъ у мадамъ Н. Къ счастію, комната ея была заперта, и я вмѣсто того, чтобъ возвратиться въ классъ, отправилась на верхъ, въ дортуаръ. Тамъ, какъ всегда въ воскресенье, было нѣсколько дѣвицъ больныхъ слегка. Всѣ мнѣ очень обрадовались и уговорили, правду сказать, безъ большаго труда, остаться съ ними до пяти часовъ. Сначала мы вздумали *представлять экзаменъ:* усѣлись на табуретахъ посреди дортуара, читали стихи, экзаменовали другъ друга, и смѣялись съ К., которая не умѣла отвѣчать ни на одинъ вопросъ. Потомъ мы повторяли всѣ танцы до усталости, и наконецъ — удивляйся нашей смѣлости! мы тѣснились на окнѣ и поочереди выглядывали изъ отворенной форточки. Ахъ, ma chère, ка̀къ шумятъ эти городскіе! Желала бы я знать, зачѣмъ они такъ суетятся?..Особливо тѣ, что скачутъ въ экипажахъ: земля дрожитъ подъ ними, а они такъ и летятъ — счастливые!... Изъ всѣхъ предметовъ, мелькнувшихъ по улицѣ, больше всего намъ понравилось общество прогуливавшихся дамъ и кавалеровъ, которые, смотря на институтъ, разговаривали съ большою живостію, вѣрно о будущемъ экзаменѣ нашемъ, который теперь сильно всѣхъ занимаетъ.

Прощай, моя безцѣнная Глафира! Пожелай блестящаго экзамена твоимъ институтскимъ друзьямъ; всѣ тебѣ кланяются.

ПИСЬМО VIII.

Марья Глафирѣ.

Институтъ.

Счастье, большое счастье!..О Глафира, ангелъ мой, Глафира! вообрази мою радость: дядюшка позволилъ мнѣ жить въ домѣ отца Олимпіады, пока ему можно будетъ за мной пріѣхать. Теперь же, по обстоятельствамъ своимъ, онъ не можетъ выполнить этой обязанности (какъ видно не слишкомъ для него сладкой!).

Для полнаго понятія о моемъ восторгѣ, Глафира, вспомни, ради Бога, что дядюшка показалъ свое родственное ко мнѣ участіе только двумя письмами, которыми навсегда отбилъ у меня охоту къ нему писать. О, я сто разъ благословляю препятствія, его остановившія, и въ будущемъ, если только вздумаетъ за мной ѣхать, желаю ему встрѣчать ихъ мильйонъ на каждомъ шагу.

Хотѣлось бы показать тебѣ это послѣднее дядюшкино письмо; ты бы удивилась, ка̀къ мило написано. Этотъ разъ онъ даже упомина-

етъ мнѣ о тетушкѣ и о кузинахъ: Аннѣ, Мимичкѣ и Улинькѣ, которыя, будто, страхъ желаютъ со мною познакомиться. Mercі очень!.. Въ-заключеніе, дядюшка съ великимъ краснорѣчіемъ разсуждаетъ о счастіи имѣть истиннаго друга, подобнаго Олимпіадѣ, съ чѣмъ меня и поздравляетъ. Смѣшно вспомнить, сколько я мучилась въ ожиданіи отъ дядюшки отвѣта; не умѣла разсчитать, что для него гораздо спокойнѣе поручить меня попеченію другихъ, нежели самому обо мнѣ заботиться. И такъ, ma chère, Богъ-знаетъ, что̀ будетъ впередъ, а теперь дядюшка, Олимпіада и я, всѣ мы довольны, всѣ счастливы.

Знаешь ли, К. была со мною въ ссорѣ цѣлые два дня. Это, ma chère, смѣшная исторія, которую мнѣ хочется тебѣ разсказать. Начну тѣмъ, что во все это время, столь близкое къ экзамену, всѣ мы были сильно заняты: одна только, mauvais sujet, К., зѣвая смотрѣла на общія суеты, и вмѣсто уроковъ твердила о томъ, ка̀къ будетъ одѣта въ день выпуска. Никто не зналъ, что она уже получила отъ своей маменьки вовсе ненужныя въ институтѣ вещи, и между прочимъ пренарядную шляпку— но ты можешь себѣ представить, ка̀къ старалась она скрыть эту контрбанду. Когда мы всѣ были въ классѣ, она украдкою прибѣгала въ дортуаръ, и тамъ, одна съ своимъ будущимъ нарядомъ, любовалась имъ на досугѣ. Случай открылъ мнѣ ея тайну. Въ одно утро, я воротилась изъ класса въ дортуаръ за книгою, и застала К. надъ раскрытой коробкой.

— Машенька А...ская, зачѣмъ вы сюда смотрите? закричала она мнѣ, покраснѣвъ по уши. — Вы такъ любопытны!...

— Только не для вашихъ глупостей, отвѣчала я, заглядывая въ коробку.

— Моихъ глупостей!... повторила она, поспѣшно затаскивая коробку подъ кровать.—Не слишкомъ важничайте, Машенька А..ская; скоро будетъ выпускъ, и тогда.. посмотримъ! тогда тѣ, которыя считались здѣсь послѣдними, явятся первыми, и на оборотъ...

— О, никогда!... вы, ma chère, самая лѣнивая и тупая изъ всего нашего класса, вездѣ будете та же самая К., что̀ и здѣсь. Богатство не дастъ вамъ ни ума, ни познаній. Правду сказать, вы не большую сдѣлаете честь нашему институту.

—Да я о томъ и не забочусь. Я знаю, кто лучше всѣхъ танцуетъ...

— Ахъ, умора! кто жь это? не вы ли?

— Можетъ-быть.

Не смѣшите, ma chère. Вы такъ мило танцуете, что всѣ дѣвицы прозвали васъ стрекозою.

— Большая важность *всѣ дѣвицы!* У насъ въ институтѣ ни о чемъ не имѣютъ понятія. Маменька и тетушка находятъ, что я танцую лучше княжны Г.; кажется, этого довольно. Что̀ же касается до дру-

гихъ наукъ, то я нисколько не завидую вашимъ въ нихъ успѣхамъ; маменька моя не совѣтовала мнѣ мучиться за книгами попустому.

— И вы прекрасно выполнили ея совѣтъ, матушка-сударыня, деревенская барыня.

— Это что значитъ?

— Не притворяйтесь, ma chère; еще никто не забылъ, когда вы, будучи *новенькой*, въ красномъ бархатномъ платьѣ, которое такъ смѣшно было сшито, каждой изъ дѣвицъ говорили: у меня, матушка-сударыня, есть домъ! ну, сударыня моя, у меня есть деревня!

— Перестаньте, А...ская! или я сейчасъ пойду жаловаться на васъ мадамъ И.! вскричала К., топнувъ ногой.

— О чемъ вы тутъ спорите, mesdames? спросили дѣвицы, вошедшія въ дортуаръ.

— К. напала на меня за коробку, которая у нея подъ кроватью, отвѣчала я.

— Ахъ, К.! покажите, что̀ у васъ тамъ? закричали ей всѣ.

— Ничего, mesdames, право ничего.

— Въ-самомъ-дѣлѣ? . . . сказала П. со смѣхомъ, вытаскивая коробку.

— Хорошо, mesdames, я покажу вамъ что-то прелестное! сказала К., поднимая глаза къ верху. — Пусть только выйдетъ отсюда Машенька А...ская; при ней — ни за что!

— Вы бы напрасно просили меня остаться, *сударыня моя!* отвѣчала я, выходя изъ дортуара. Однакожь не успѣла я сойдти съ лѣстницы, какъ громкій смѣхъ въ дортуарѣ заставилъ меня воротиться. И что̀ же я увидѣла! К. стояла посреди всѣхъ въ шляпкѣ, на которой перья и банты торчали со всѣхъ сторонъ, и будто нарочно, были разложены такъ, чтобъ сдѣлать К. настоящей обезьяной. Вспомни ея смѣшное лицо!... Всѣ хохотали, смотря на нее.

— Какъ вы глупы, mesdames! говорила она, гримасничая на всѣ стороны.—Вы не знаете, что это шляпка à la chaumière. Смотрите, какъ банты сдѣланы: это называется la flamme de Vésuve. Нѣтъ, ошиблась... банты — мельничныя крылья, а цвѣтъ на лентахъ пламя Везувія.

— Какъ это мило выдумано! сказала смѣясь П.— Смотрите, mesdames, у К. на головѣ хижина съ мельницами.

— И пламя Везувія!... повторили всѣ съ хохотомъ.

— Что̀ вы это напали на меня, mesdames? развѣ это я выдумала?

— Кому же прійдутъ въ голову такія глупости!

— А модные магазины? отвѣчала К., снимая съ себя шляпку. — Маменька долго не могла рѣшиться, что̀ для меня выбрать: эту ли á la chaumiére, или à la folle.

— Послѣдняя была бы вамъ больше къ лицу.

— Постойте, mesdames, вы напрасно напали на К., сказала Б., помирая со смѣху.—Я теперь вспомнила. Прошедшій годъ моя кузина вздумала пріѣхать ко мнѣ въ институтъ. Я ей не очень была рада: она слишкомъ важничала и обходилась со мною какъ съ *кофейною*. Да еще, въ дабавокъ ко всему, ничего не привезла—забыла послать въ кандитерскую... прекрасное извиненіе! — Я помню, какъ скучно мнѣ было въ то воскресенье; многочисленное собраніе наполняло всю залу; родственники тѣснились вокругъ перилъ, изъ-за которыхъ дѣвицы протягивали руки, кидаясь на шею маменькамъ и папенькамъ. Я едва удерживала свои слезы, смотря на эти радостныя свиданія— маменька моя, въ то время, была отъ меня такъ далеко!.. Кузина не замѣчала моей грусти: впрочемъ, ей было не до меня; поворачивая свой лорнетъ во всѣ стороны, она хотѣла всѣхъ знать и говорила со мною только вопросами: кто это такая?.. а эта?.. а эта?.. Мнѣ страхъ наскучило называть всѣхъ по именамъ; я вздумала наконецъ мистифировать свою любопытную кузину, и на одно изъ ея безконечныхъ: «кто это такая?» отвѣчала: «это № 47.» — Я спрашиваю о высокой блондинкѣ.—Блондинка № 60.—Какъ фамилія?..—Я вамъ говорю № 60.—Ахъ, Боже мой! да развѣ вы не понимаете? вскричала съ сердцемъ кузина.— У насъ все по нумерамъ; вотъ, смотрите! отвѣчала я, указывая на перила, гдѣ было нацарапано: друзья № 89 и № 12! и adorable № 7! — Кузина пожала плечами и надулась; я уже искала предлога ее оставить, какъ вдругъ одна добренькая дама подлетѣла къ намъ ангеломъ-утѣшителемъ, предложила мнѣ конфектъ, а кузинѣ пропищала: «прелесть вашъ чепчикъ!»— Это à la folle! отвѣчала кузина. Божусь, mesdames!

— Ну, кто теперь правъ? сказала съ торжествомъ К., надѣвая опять свою шляпку. Но общій хохотъ снова ее привѣтствовалъ, и она съ досады напала на меня съ упреками.

— Что вы это, К.!.. сказала П.— Развѣ А....ская виновата, что у васъ шляпка, въ которой вы похожи на обезьяну. Спросите всѣхъ дѣвицъ.

—Знать я не хочу *всѣхъ дѣвицъ!* увидимъ, что будетъ послѣ выпуска—тогда вы всѣ мнѣ запоете одну пѣсню: charmante К.

За эту сцену К. дулась на меня цѣлые два дня; вчера только я успѣла ее разсмѣшить, и миръ у насъ заключенъ,—не знаю на долго ли... У меня съ нею вѣчно исторіи! то перо мое подмѣнитъ, то закапаетъ чернилами мнѣ тетрадь—хорошо еще, что моя сосѣдка съ другой стороны на К. непохожа. Съ Настенькой З. мы никогда не ссоримся; послѣ Олимпіады и тебя, я люблю ее больше всего нашего класса.

Прощай, мой милый другъ, Глафира! молись Богу о экзаменѣ нашемъ.—Это уже послѣднее письмо мое изъ института — послѣ этого первое, которое отъ меня получишь, будетъ начинаться словами: «все

кончилось!..» Далѣе не знаю, а хотѣлось бы очень знать, что̀ буду тогда писать къ тебѣ...

ПИСЬМО IX.

Олимпіада Глафирѣ.

Санктпетербургъ, 24 февраля.

Я дома!.. Представь себѣ мое положеніе, дорогая сердцу моему Глафира! Какая чудесная перемѣна! и ка̀къ быстро прошло все то, чего еще недавно мы ждали-ждали.

Экзаменъ, день выпуска, эти важныя эпохи жизни институтской, совершились съ такою скоростію и такъ просто, какъ что-нибудь самое обыкновенное. Не-уже-ли все на свѣтѣ пройдетъ такимъ же образомъ? не-уже-ли... Ахъ, ma chère! вспомни, сколько было трудовъ, лѣни, скуки, удовольствій—все кончилось. Завѣса поднята, свѣтъ открывается намъ шумнымъ и блестящимъ.... Прощай, институтъ! тебѣ благодарность, тебѣ воспоминаніе!

Экзаменъ нашъ былъ самый блестящій изъ всѣхъ, какіе только когда бывали въ институтѣ. Старшая Ж. получила первый шифръ; я второй. Эта лестная награда превзошла мое ожиданіе; я всегда думала, что Г. дадутъ второй шифръ, а мнѣ третій. Изъ прилагаемаго листа ты увидишь, какія кто получилъ награды. Машенькѣ дали золотую медаль.

Ахъ, Глафира! если я проживу сто лѣтъ, и тогда не забуду послѣднихъ дней нашихъ въ институтѣ. Всѣ сцены этого незабвеннаго времени такъ свѣжи у меня въ памяти, какъ-будто за минуту передъ симъ происходили. Какъ теперь вижу прощанье Императрицы съ нами. Блѣдны и неподвижны стояли мы передъ нею и глотали свои слезы, опасаясь потерять малѣйшій звукъ священнаго для насъ голоса. Каждое улетающее мгновеніе было дорого. Но когда Императрица, съ особеннымъ выраженіемъ, ей одной свойственнымъ, сказала свое послѣднее: adieu, mes enfants! всѣ зарыдали... Я и теперь плачу, Глафира. Самый холодный посторонній зритель не могъ бы равнодушно видѣть великую Государыню, которая прощалась съ нами какъ мать съ дѣтьми. Каковы же были наши чувства... Все кончилось для насъ; осталось одно воспоминаніе: выходя изъ института, мы уносимъ въ сердцахъ нашихъ ангельскій образъ Императрицы, горячею любовію и признательностію глубоко напечатлѣнный.

Въ день выпуска мы слушали, въ послѣдній разъ, обѣдню въ церкви институтской. На порогѣ неизвѣстной будущности, голоса̀ дѣвицъ, готовыхъ навсегда разлучиться, соединились въ меланхолическомъ, торжественномъ хорѣ молитвы, поручая судьбу нашу всемогу-

щему Богу. Я пламенно молилась о счастьѣ всѣхъ, и съ грустнымъ чувствомъ смотрѣла на милыхъ дѣвицъ нашихъ, почти не узнавая ихъ. Въ-самомъ-дѣлѣ, какая вдругъ перемѣна!.. Институтское равенство исчезло. Вмѣсто форменнаго камлотнаго платья пестрѣли костюмы всѣхъ цвѣтовъ; оттѣнки вкуса и средствъ рѣзко означали болѣе или менѣе счастливое положеніе въ свѣтѣ; но мечты о новой, неизвѣстной жизни равно оживляли всѣ физіономіи. Увы, кто знаетъ, что̀ готовитъ намъ будущее подъ темной завѣсой своей! кого весело, кого мрачно встрѣтитъ оно на новомъ поприщѣ!.. Въ институтѣ, куда не достигали до насъ никакія заботы свѣтской жизни, всѣ имѣли равную участь, всѣ шли однимъ путемъ, — а теперь каждая пойдетъ своею дорогою, и кто знаетъ, кому ка̀къ идти прійдется!

Не стану описывать тебѣ послѣдняго прощанія нашего. Сцена разлуки вспыхнула со всѣми печальными своими подробностями. Какъ буря зашумѣли клятвы вѣчной дружбы, вѣчнаго воспоминанія, слезы, объятія, безконечные: adieu! ne m'oubliez pas! etc...

О, институтъ! драгоцѣнный институтъ! процвѣтай вѣчно подъ покровомъ ангела-Императрицы!.. Дѣти, взлелѣянныя тобою, никогда не забудутъ мирныхъ стѣнъ твоихъ, гдѣ протекло для нихъ столько счастливыхъ лѣтъ, ознаменованныхъ милостями обожаемой Государыни, которой августѣйшее имя есть синонимъ всѣхъ добродѣтелей.

Ка̀къ странно выйдти изъ института! Я все еще не могу привыкнуть къ новому моему положенію. Послѣ девятилѣтняго моего отсутствія, домъ нашъ показался мнѣ незнакомымъ. Я совсѣмъ не узнала комнатъ, назначенныхъ для меня и для Марьи; папенька отдѣлалъ ихъ съ большимъ вкусомъ. Безцѣнный папа̀! самъ обо всемъ заботился. Особенное удовольствіе ожидало насъ въ увруарѣ: тамъ радостными восклицаніями привѣтствовали мы портретъ Императрицы, чудесно схожій.—Я бы хотѣла, Глафира, показать тебѣ увруаръ нашъ, который такъ мило убранъ и наполненъ всѣми многосложными принадлежностями для разныхъ рукодѣлій. Это большая, свѣтлая комната, въ которой вмѣщаются и шкафики съ книгами, и фортепьяно, и арфа—ничего не забыто! И къ тому еще множество блестящихъ бездѣлокъ. Видно папенька очень богатъ: тѣмъ лучше — онъ такой добрый!

Увлекаясь какимъ-то темнымъ воспоминаніемъ, похожимъ на давно-видѣнный сонъ, я хотѣла осмотрѣть весь домъ нашъ. Все привлекало мое вниманіе; я искала слѣдовъ первыхъ лѣтъ жизни моей. Мнѣ подали ключъ отъ пустыхъ, давно запертыхъ комнатъ, и сердце сильно у меня сжалось, когда въ одной изъ нихъ я увидѣла дѣтскую кровать съ полинялой зеленой занавѣсью. Я люблю эту комнату, Глафира; въ ней таится одно драгоцѣнное для меня воспоминаніе. Этому такъ давно!.. Я спала тамъ и вдругъ пробудилась...Блѣд-

ный свѣтъ лампады падалъ на стоявшую надо мной маменьку, которая прижимала лицо свое къ моему; на щекахъ моихъ горѣли ея слезы, она плакала. Былъ ли то порывъ грусти, или мрачное предчувствіе — не знаю. Но скажи, Глафира, отъ-чего это одно, одно только это мгновеніе, такъ ярко отдѣлилось отъ непроницаемаго мрака, въ которомъ исчезли дни дѣтства моего?..

Прощай, мой милый другъ, Глафира! Мысли мои летятъ за тобой въ далекую Украйну. Машенька тебя цалуетъ, но писать къ тебѣ не хочетъ въ наказаніе за твою лѣность. И въ-самомъ-дѣлѣ, не стыдно ли тебѣ? Ты уже давно у дѣдушки, а мы до-сихъ-поръ не знаемъ людей, съ которыми живетъ наша Глафира. Скорѣе увѣдомь обо всемъ; малѣйшее обстоятельство, до тебя касающееся, должно быть извѣстно твоему вѣрному другу

Олимпіадѣ З.

P. S. *Отъ Марьи.* Олимпіада выдумала, будто я тебя цалую; я и не думаю! Ты слишкомъ загордилась. Возможно ли такъ долго не писать къ намъ ни слова! Видно ты... Но полно, не хочу браниться за глаза, это ужасно скучно. Притомъ же мнѣ трудно утерпѣть, чтобъ не поболтать съ тобою, хоть немного, о экзаменѣ, о выпускѣ нашемъ.—Ахъ, ma chère, все это было чудесно!.. Счастливая Олимпіада получила второй шифръ, а мнѣ дали золотую медаль *послѣднюю*... Скажи, можно ли было этого ожидать! Всѣ дѣвицы знаютъ, что по наукамъ мнѣ слѣдовало получить *первую* золотую медаль; но классныя дамы (что̀ я имъ сдѣлала?) отмѣтили меня большой шалуньей.—Не скрою отъ тебя еще одного несчастія—въ день выпуска я никакъ не могла плакать! Всѣ дѣвицы, не выключая и К., рыдали, обливались слезами; одна я будто каменная, — между-тѣмъ, какъ въ душѣ своей я была огорчена не меньше другихъ; сама не знаю, что̀ сдѣлалось со мной: какая-то веселая нотка меня томила и сбивала мысли мои съ минорнаго тону. Ахъ, Боже мой! не могу равнодушно о томъ вспомнить. Кто бы могъ думать, что въ день выпуска я не буду плакать? Что̀ скажутъ обо мнѣ всѣ дѣвицы!

Прощай, Глафира, моя милая! Первое письмо мое къ тебѣ будетъ очень длинно. Много есть о чемъ писать; голова кружится отъ всѣхъ новостей. Хотѣлось бы обо всемъ съ тобою поговорить. Отвѣчай намъ скорѣе на это письмо, и не забудь увѣдомить подробно обо всемъ. Мнѣ очень нужно знать, что̀ дѣлается въ Малороссіи; тамъ живетъ мой дядюшка, съ которымъ прошу тебя познакомиться, ради меня, ради института! — Ахъ, еще, знаешь ли что?.. Нѣтъ, нѣтъ! ничего больше не скажу; я на тебя сердита, и только тогда буду любить попрежнему, когда получу отъ тебя письмо.

Марья А...ская.

ПИСЬМО X.

Глафира Олимпіадѣ и Марьѣ.

9 марта 18.. года.
Село Моторна.

Наконецъ, mesdames, вы вышли изъ института,—будьте счастливы! сто разъ повторяю: будьте счастливы!

Хотѣлось бы мнѣ увидѣть васъ въ новомъ костюмѣ вашемъ, а то вы все еще мечтаетесь мнѣ въ зеленомъ камлотномъ платьѣ съ бѣлымъ фартукомъ; иначе я васъ себѣ представить не умѣю. Какое несчастье быть такъ далеко отъ васъ, друзья мои! Надобно же этой капризной судьбѣ разлучать тѣхъ, кому бы слѣдовало всегда быть вмѣстѣ. Я ненавижу разлуку. Легко ли это переносить? Нѣмая переписка вмѣсто свиданья и разговоровъ, чернильныя каракульки вмѣсто живыхъ словъ! плакать хочется... И въ-самомъ-дѣлѣ, это ужасно: письма, одни письма, ничего болѣе!.. Со вздохомъ принимаюсь за перо.

Я много виновата передъ вами за долгое мое молчаніе; прошу васъ, друзья, не сердитесь на меня, — даю вамъ слово исправиться. Вы увидите, mesdames, въ этомъ письмѣ я постараюсь помѣстить описаніе людей и мѣстъ, собраніе портретовъ и ландшафтовъ, посреди которыхъ находится ваша *честь имѣю рекомендоваться* Глафира.

Прежде всего я назову вамъ особъ, составляющихъ семейство наше. Во-первыхъ, дѣдушка, потомъ дядюшка Иванъ Петровичъ, старшій братъ моего отца, съ женою Катериной Марковной и дочерью Юліей. Въ прошедшемъ году, Иванъ Петровичъ имѣлъ несчастье потерять сына, къ которому дѣдушка былъ сильно привязанъ. Смерть этого молодаго человѣка нанесла глубокій ударъ сердцу дѣдушки; онъ сдѣлался мраченъ, недоволенъ всѣмъ и всѣми. Говорятъ, въ припадкахъ грусти своей, онъ часто вспоминалъ о насъ, и наконецъ написалъ къ маменькѣ письмо, приглашая ее пріѣхать къ нему какъ-можно-скорѣе.

Я никогда не забуду дня нашего сюда пріѣзда. Дорогою маменька была очень печальна; я видѣла, она нѣсколько разъ украдкою плакала. Село Моторна было уже въ виду; мы ѣхали по дорогѣ, которая вилась внизу крутой горы надъ рѣкою. Огромныя колеса мельницъ съ шумомъ разсѣкали воду; въ однозвучномъ грохотѣ ихъ было что-то дикое, унылое. Мы вышли изъ кареты и начали взбираться по узкой дорожкѣ на гору. Вечеръ былъ холодноватый; заходящее солнце сіяло изъ-за багровыхъ тучъ. Съ горы открылся чудесный видъ, но больше всего привлекла наше вниманіе блестѣвшая вдали, сквозь рѣдѣющій лѣсъ, крыша дѣдушкина дома. Серд-

це сильно у меня забилось; глаза мои попеременно обращались то на блѣдное лицо маменьки, то на зеленую крышу, цѣль нашего путешествія.—Что-то насъ тамъ ожидаетъ?.. подумала я, и въ ту же минуту, будто въ отвѣтъ на мою мысль, раздался за рѣкой звонъ колокола. Маменька набожно прижала руки къ груди: «Дѣти, молитесь за отца вашего!» сказала она намъ. Мы стали на колѣни... Мнѣ казалось, между фантастическими формами облаковъ, перебѣгавшихъ по небу, мелькала тѣнь отца моего.

— Подите сюда, дѣти, сказала маменька, подводя насъ къ деревьямъ, которыхъ сухіе листья покрывали небольшое полуразвалившееся зданіе,—видъ печальный! Крапива пробивалась между распавшихся камней, покрытыхъ гнилью и паутиной; колонны, обросшія мохомъ, валялись по землѣ.

—Это была бесѣдка, построенная когда-то отцомъ вашимъ. Здѣсь провелъ онъ много счастливыхъ дней. Бѣдный! его убила тоска по этимъ прекраснымъ мѣстамъ. . . Друзья мои! обѣщайте мнѣ, здѣсь, на груди моей, клянитесь не вступать въ семейство, въ которое бы не всѣ согласны были принять васъ. Не вѣрьте клятвамъ, что союзъ съ вами можетъ замѣнить все, не вѣрьте (и она обнимала насъ заливаясь слезами)... Отецъ вашъ женился на мнѣ противъ воли родителей своихъ, и не смотря на нашу взаимную любовь, у него не достало силъ видѣть себя отчужденнымъ отъ тѣхъ, чьи нѣжныя попеченія привыкъ принимать съ дѣтства. Не я ли была причиною горестной разлуки матери съ сыномъ?.. Маменька закрыла глаза рукою; въ памяти ея ожили минувшія бѣдствія.

Начинало смеркаться, когда мы пріѣхали въ Моторну. Вечернія тѣни ложились на домъ,—большое, длинное строеніе, и придавали ему мрачную наружность. На крыльцѣ встрѣтилъ насъ какой-то старикъ съ радостными восклицаніями. Я тотчасъ подумала, что это дѣдушка, и уже готова была кинуться къ нему на шею, но изъ словъ маменьки узнала, что это Лаврентій, старый слуга нашъ. Мы прошли нѣсколько комнатъ, — вездѣ было тихо и пусто.

— Не угодно ли подождать здѣсь? докторъ запретилъ будить барина,—только-что уснуть изволили, сказалъ Лаврентій. Добрый старикъ, смотря на насъ, плакалъ и смѣялся отъ радости; а между-тѣмъ, не теряя времени, пустился въ разсказы, быстро перебѣгая отъ одного предмета къ другому.

— Часто стали хворать нашъ старый баринъ: смерть Егора Ивановича подкосила имъ здоровье. Правда, былъ молодецъ,—царство ему небесное! непохожъ на отца, весь въ дѣдушку... Господи, Боже мой, какъ выросли наши барышни! и не узнаешь которая изъ нихъ Глафира Александровна, которая Елизавета Александровна?.. Вы изволите помнить, сударыня, послѣ смерти моего милостиваго

барина, Александра Петровича, меня потребовали въ Моторну, и приняли тутъ очень-строго. Пять лѣтъ считался послѣднимъ изъ служителей; вдругъ, неожиданно, старый баринъ взяли меня къ себѣ, и, нѐчего сказать, шесть лѣтъ служу при нихъ, и всегда съ честью. Теперь всѣ знаютъ Лаврентія Кузмича. Недавно Иванъ Петровичъ предлагали барину, на мое мѣсто, плута Семена,—онъ-де и проворнѣе и умнѣе стараго Лаврентія...

— Дома ли Иванъ Петровичъ и семейство его? спросила маменька.

— Никого изъ нихъ нѣтъ дома. Иванъ Петровичъ поѣхалъ осматривать имѣніе въ Черн.... губерніи, а Катерина Марковна съ Юльей Ивановной изволили уѣхать на богомолье въ Л... Монастырь. При нихъ у насъ не такъ тихо: домъ большой, а повернуться нѐгдѣ; особливо чучелъ-то въ ливреяхъ—избави Богъ! Стукъ да шумъ, никому покоя нѣтъ. Знаете, Катерина Марковна урожденная княжна N., что̀ имъ старику угождать! хоть деревеньки-то ужь, говорятъ, всѣ промотаны...

— Ты вздоръ говоришь, Лаврентій, прервала маменька.—Бѣдная Катерина Марковна! Я воображаю себѣ, ка̀къ она убита потерею сына!

— Богъ ихъ знаетъ!.. подхватилъ Лаврентій, пожимая плечами. —Извѣстно, онѣ жалѣютъ, что смерть Егора Ивановича заставила отложить свадьбу Юліи Ивановны. Женихъ опять уѣхалъ въ полкъ. Ну, этотъ человѣкъ—чудо! хорошъ, богатъ и не гордъ. Всякое утро чуть завидитъ меня: здравствуй, Лаврентій Кузмичъ!

Лаврентій лепеталъ безъ умолку, какъ вдругъ въ сосѣднихъ комнатахъ зазвенѣлъ колокольчикъ... всѣ мы вздрогнули. Съ разинутымъ ртомъ кинулся Лаврентій къ дверямъ, и черезъ нѣсколько минутъ явился проводить насъ къ дѣдушкѣ.

При входѣ нашемъ, дѣдушка хотѣлъ встать, но отъ слабости опустился опять въ свои большія кресла. Мы обняли его колѣни; онъ не могъ выговорить ни слова... Смертельная блѣдность покрыла лицо его; онъ бы упалъ, еслибъ маменька его не поддержала. Потомъ... потомъ, трудно разсказать. Всѣ мы вмѣстѣ говорили, плакали.—Дѣти моего Александра! повторялъ дѣдушка, обнимая насъ. Съ большою чувствительностію объяснялся онъ съ маменькою о прошедшемъ.

Черезъ полчаса мы сидѣли вокругъ дѣдушки и разговаривали съ нимъ какъ старые друзья. Дѣдушка премилый старичокъ! черты лица его правильны и пріятны, взглядъ исполненъ добродушія. Мы скоро съ нимъ познакомились. Лиза тотъ же вечеръ выкинула штуку: вздумала разсказать дѣдушкѣ институтскій анекдотъ *Пе-пе-Перетъ*. При первыхъ ея словахъ, я испугалась и наступила ей на ногу, но Лиза ѣхала на почтовыхъ, остановить было невозможно. Пред-

ставьте же себѣ, mesdames, снисходительность дѣдушки: онъ смѣялся отъ всего сердца и поцаловалъ Лизу въ лобъ.

Теперь скоро будетъ полгода, какъ я дома. Эти два слова: «я дома» должны сказать вамъ все. Я расположилась здѣсь, какъ въ институтѣ на своей лавкѣ: мнѣ кажется, я всегда здѣсь жила, всегда была знакома со всѣми въ Моторнѣ.

Дѣдушку люблю больше всѣхъ. Намъ говорили о его характерѣ совершенно-несправедливо. Подумайте, mesdames: если никто не хотѣлъ о немъ заботиться, если оставляли бѣднаго старика одного по цѣлымъ днямъ и потомъ говорили: «дуется, капризничаетъ!», кто же тутъ виноватъ?—конечно не дѣдушка. Ему не хотѣлось говорить: «останьтесь со мною; мнѣ скучно одному!» Онъ желалъ, чтобъ тѣ, на любовь и вниманіе которыхъ онъ имѣлъ полное право, старались угождать ему по чувству своей привязанности, а не изъ принужденія. Мнѣ жаль, mesdames, что вы незнакомы съ дѣдушкой: вы увидѣли бы какой онъ добрый! Онъ очень любитъ разсказы наши про институтъ и никогда не сердится, если мы съ Лизой при немъ поспоримъ. Мы учредили у него дежурство, въ которомъ и кузина наша Юлія участвуетъ, хоть сначала ей это смѣшно казалось. И вотъ у насъ въ Моторнѣ, какъ въ институтѣ, дежурная навязываетъ на руку красную кокарду и отправляется на цѣлый день въ дѣдушкины комнаты, съ пяльцами или съ книгой, все равно; въ вечеру она должна разливать чай и читать вслухъ газеты. Дѣдушка очень доволенъ такимъ распоряженіемъ, тѣмъ болѣе, что онъ почти не выходитъ изъ своихъ комнатъ; у него болятъ ноги, онъ носитъ бархатные сапоги и, по совѣту докторовъ, ведетъ самую регулярную жизнь; для него особо готовятъ кушанье, онъ ложится спать раньше всѣхъ въ домѣ.

Дядюшка Иванъ Петровичъ имѣетъ видъ строгій и задумчивый. Онъ напоминаетъ мнѣ учителя N; помните, mesdames, этотъ взглядъ, приводившій въ трепетъ лѣнивыхъ! Я бы очень любила дядюшку, но онъ такъ холодно-учтивъ, такъ неласковъ,—я почти боюсь его, и потому перехожу скорѣе къ огромной моей тетушкѣ, Катеринѣ Марковнѣ, страшной только ростомъ своимъ. Изъ всѣхъ знакомыхъ намъ мужчинъ нѣтъ никого выше ея, и притомъ толстота соотвѣтствуетъ росту. Я бы назвала мою тетушку гордой, но ея пронзительный, громкій хохотъ придаетъ ей видъ добродушія и смягчаетъ надменную наружность, которую ей имѣть хочется. Съ маменькой Катерина Марковна сухо обходится, Лизу почти не замѣчаетъ, меня одну осыпаетъ ласками—и знаете ли за что?.. носъ мой ей нравится! Я говорю не шутя. По мнѣнію Катерины Марковны, маленькій, правильный носъ — первое достоинство въ человѣкѣ. Если она о комъ скажетъ: «у нея прекрасный носъ!» это самая высокая похвала, и гово-

рится такимъ тономъ, какъ у насъ въ институтѣ: *счастливая!* Вообще, Катерина Марковна считаетъ красоту первымъ благомъ въ мірѣ, и тѣмъ сильнѣе придерживается этого правила, что Юлія ея совершенная красавица—высокая, стройная, лицо прелестное! Одного жаль: каждое движеніе прекрасной Юліи обнаруживаетъ желаніе быть еще прекраснѣе. Жеманство у нея всегда на караулѣ. Если на нее смотришь, или разговариваешь съ нею, то не знаешь, чему больше удивляться, красотѣ ли ея, или гримасамъ. Попадись она къ намъ въ институтъ, изъ нея бы сдѣлали чудо; а здѣсь вѣчные отъ нея восторги матери ея и мадамъ-Периль все испортили.

Юлію воспитывала Француженка, Шарлотта Францовна Периль, которая одна учила ее всему, даже и по-русски. Но, къ-сожалѣнію, нашъ варварскій языкъ не дался мадамъ-Периль, не смотря на то, что она уже около двадцати лѣтъ въ Россіи, и что, по словамъ ея, скоро отдастъ въ печать русскую грамматику, своего сочиненія, по правиламъ которой она учила Юлію. Периль увѣрена, что ея русское произношеніе очень мило и правильно. Послушайте, mesdames, какъ она говоритъ. Вчера я крѣпко спорила съ Юліей, что Петербургъ лучше Парижа; вдругъ изъ-за дверей со смѣхомъ показалась Периль.

— Браво, браво! M-lle Клафиръ маленьки Спартански! вскричала она.—Я думалъ только прости народъ кри (crie) о великолѣпной Рюсси!.. Ну, это будетъ стоитъ для моихъ мемуаръ!

Хорошо вамъ, mesdames, что для вас не страшны мемуары Шарлотты Францовны; разсердясь, она грозитъ ими, какъ несчастьемъ.

— О, я большой ироникъ! Мои мемуаръ очень любопытны, говоритъ она, насмѣшливо посматривая на тѣхъ, кого не любитъ.—Тамъ есть карошеньки вечи (вещи).

Впрочемъ, эти мемуары—тайна: никто еще ихъ не видѣлъ, хоть всѣ уже о нихъ слышали. Юлія будетъ переводить ихъ по-русски; у нея давно лежитъ толстая тетрадь съ бѣлыми листами; на первой страницѣ крупными буквами написано: *Мемуары о Рюсси, сочиненіе Шарлотъ Периль. Переводъ съ франсе Юліи С.* — Шарлотта Францовна любитъ еще разсказывать о прекрасныхъ замкахъ и помѣстьяхъ, отнятыхъ у нея Наполеономъ, котораго она никогда не признавала императоромъ, и даже теперь, въ извѣстныя эпохи политическихъ переворотовъ во Франціи, Шарлотта Францовна надѣваетъ бѣлую кокарду. Страхъ какъ важничаетъ! Въ Россіи все ей не нравится, и если она до-сихъ-поръ не уѣхала во Францію, то это только по дружбѣ своей къ Катеринѣ Марковнѣ. Юлія давно перестала учиться; дѣдушка говоритъ, что уже шесть лѣтъ прошло, какъ Периль торжественно объявила, что воспитаніе Юліи кончено, и что блестящіе ея успѣхи въ наукахъ превзошли всякое ожиданіе.

Довольны ли вы мною, mesdames? Я вамъ обрисовала главныя ли-

па нашего моторнинскаго общества. Напрасно бы кто вздумалъ отказаться отъ своего портрета, — сходство удивительное! Теперь вы не можете сказать, что не знаете людей, съ которыми я живу. Урокъ, заданный мнѣ вами, конченъ; остается написать внизу мелкимъ почеркомъ: *извините за ошибки*, и положить перо. Но мнѣ такъ весело къ вамъ писать! А вчера еще, начиная это письмо, я жаловалась на сухость переписки,—простите же меня, прекрасныя чернильныя каракульки! Что̀ бы мы дѣлали безъ васъ?...

Здѣсь, mesdames, я въ полной мѣрѣ наслаждаюсь тѣмъ, о чемъ мечтала въ институтѣ: деревня, уединеніе, свобода,—чего же больше? Я очень счастлива, всѣ меня любятъ; скуки я вовсе не знаю. Весна въ Малороссіи должна быть очаровательна; недѣли черезъ двѣ, когда вы еще будете кататься въ саняхъ, въ холодномъ Петербургѣ,—мы съ Лизой надѣемся гулять па свѣжей, зеленой травѣ. Я съ восторгомъ мечтаю о прогулкахъ въ саду, въ полѣ, — ка̀къ будетъ весело! Лиза мнѣ вѣрная спутница; жаль, что Юлія ходить не любитъ.—«Въ городѣ другое дѣло», говоритъ она:—«а несносная Моторна!.. Что̀ тутъ за прогулки?»

Не думайте, однакоже, mesdames, что Моторна и въ-самомъ-дѣлѣ какая пустыня; Юлія сама сознается, что есть эпохи, когда бываетъ очень весело. Сосѣдство здѣсь большое и прекрасное. Балы происшествіе рѣдкое; за то, по деревенскому обычаю, продолжаются дня три и болѣе. Что̀ вы на это скажете? Три дня сряду танцовать,—это чудесно! Домъ въ Моторнѣ великъ и очень удобно расположенъ. Катерина Марковна занимаетъ весь верхній этажъ; внизу, посерединѣ, пріемныя комнаты и зала, гдѣ, не тѣснясь, можно танцовать въ два кадриля. Дѣдушкины комнаты тоже внизу, но отдѣлены отъ гостиныхъ корридоромъ; съ другой стороны, такое же отдѣленіе комнатъ занимаетъ маменька съ нами. У насъ очень мило.

Въ маѣ назначена свадьба Юліи; тогда-то мы повеселимся. Она сговорена за Валентина Михайловича Г., который служитъ... забыла въ какомъ полку. У насъ часто бываетъ дядя его, Наумъ Корнѣевичъ Дужебрехенко, живущій въ пяти верстахъ отъ насъ. Вотъ чудо, mesdames, этотъ Наумъ Корнѣевичъ! Увидѣвъ въ первый разъ его патріархальную наружность и эти бѣлые, какъ серебро волосы, кто бы осмѣлился подумать, что такой почтенный старикъ ужасный лгунъ: *первый въ классѣ по этому предмету!..* Я всегда удивляюсь, ка̀къ можно такъ хорошо лгать! Наумъ Корнѣевичъ говоритъ обо всемъ не заикаясь: онъ знаетъ все, много читалъ, много видѣлъ; въ молодости своей онъ объѣхалъ всю Европу, и что̀ онъ только разсказываетъ о своихъ путешествіяхъ! Никто никогда не испытывалъ подобныхъ приключеній.

Теперь я знаю, что̀ значитъ страсть много говорить,—эта ужасная

страсть чисто-эгоистическая! Наумъ Корнѣевичъ живой тому примѣръ: разговаривая съ вами, онъ меньше всего о васъ думаетъ; дѣлайте, что̀ хотите, зѣвайте, скучайте, ему все равно. Онъ-себѣ летитъ на своемъ крылатомъ конькѣ изъ границъ правды, онъ ослѣпленъ яркими красками лжи своей: пожиманіе плечъ, улыбки, взгляды, насмѣшливыя восклицанія, — все это идетъ мимо его; онъ счастливъ. Подъ вліяніемъ какого-то очарованія, языкъ у него быстро движется, ничто въ свѣтѣ остановить его не можетъ. Что̀ ему за дѣло! Еслибъ слушатель его умеръ, онъ все-таки досказалъ бы ему свою исторію.

Вчера послѣ обѣда онъ пришелъ къ дѣдушкѣ. Я вышивала въ гостиной. Голосъ Наума Корнѣевича доходилъ до меня, но слова летѣли мимо ушей; наконецъ громкій, продолжительный его смѣхъ и всегда *соло*, обратилъ мое вниманіе и вызвалъ меня изъ-за пялецъ. На цыпочкахъ подошла я къ дверямъ, и представьте себѣ, mesdames, картину: Наумъ Корнѣевичъ, какъ магнетизёръ, размахивалъ руками, сидя противъ дѣдушки, который въ своемъ большомъ креслѣ преспокойно спалъ, и на восклицанія и хохотъ Наума Корнѣевича отвѣчалъ всегда ровнымъ храпѣніемъ. Я скорѣе побѣжала за Лизой. Но вмѣстѣ съ нею смотрѣть тихонько на эту сцену было невозможно,—мы расхохотались ту же минуту и попались Науму Корнѣевичу какъ рыбки на удочку. Обрадовавшись новымъ слушателямъ, онъ возвысилъ голосъ и разбудилъ дѣдушку. Зѣвая и протирая себѣ глаза, дѣдушка спросилъ, чему мы смѣялись?

— Что̀ это, почтенный другъ? вы, вѣрно, не поняли, или не дослышали моего анекдота? Это очень забавно; я готовъ повторить. Помните ли, въ 1815 году...

— Знаю, знаю, перебилъ поспѣшно дѣдушка, видя, что ему опять угрожаетъ разсказъ длинной исторіи, при началѣ которой онъ такъ сладко уснулъ.—Я все слышалъ; это смѣшное съ вами приключеніе...

— Со мною?.. Помилуйте! Мы ѣхали вмѣстѣ съ Андреемъ Ивановичемъ и остановились.

— На почтовомъ дворѣ...

— Извините, перебилъ смѣясь Дужебрехенко:—мы остановились въ полѣ, и...

Дѣдушка былъ пойманъ какъ ученикъ, незнающій урока. Къ-счастію, Катерина Марковна прислала напомнить Науму Корнѣевичу, что вистъ давно его ожидаетъ...

— Тотчасъ иду, сказалъ онъ, поспѣшно вставая.— Я совсѣмъ забылъ о моихъ любезныхъ дамахъ, а все вы виноваты, Петръ Петровичъ, вы заговорили меня. Признаюсь, ваша умная бесѣда для меня пріятнѣе виста; но что̀ дѣлать? изъ угожденія къ дамамъ го-

товъ все переносить. До свиданья. Я не забуду разсказать вамъ моего анекдота.

Дужебрехенко родной дядя и опекунъ жениха Юліи, единственнаго своего наслѣдника. Онъ чрезвычайно богатъ; Юлія мнѣ говорила, что ея maman часто занимаетъ у него деньги. Вѣроятно, это заставляетъ Катерину Марковну слушать, съ неподражаемою любезностію, самые длинные разсказы Наума Корнѣевича.

Прощайте, друзья мои! Желаю вамъ всего хорошаго. Веселитесь въ прекрасномъ Петербургѣ и хоть изрѣдка вспоминайте о вашей

Глафирѣ С.

ПИСЬМО XI.

Марья Глафирѣ.

25 марта 18 . . года.
Санктпетербургъ.

Чѣмъ начать письмо мое?... Я бы желала вдругъ разсказать тебѣ все, моя безцѣнная Глафира. Ахъ, какъ весело выйдти изъ института! какъ мило въ свѣтѣ, ma chère!... Я люблю быть въ театрѣ, и на балѣ, и дома, и въ каретѣ—у насъ чудесная карета! Когда мы несемся въ ней изъ одной улицы въ другую, сердце у меня такъ и замираетъ. Пусть говорятъ, что это дѣтство, мнѣ что за дѣло? Я наслаждаюсь въ вихрѣ новой, прекрасной жизни.

Вспомни, Глафира, когда мы выглядывали изъ оконъ, покрытыхъ зеленою краскою, и завистливымъ взоромъ провожая всѣхъ, кого видѣли за стѣнами нашего института, говорили: «Счастливые! какъ имъ весело! а у насъ вѣчно одно и то же: классы, столовая, дортуаръ.» Мы не знали, какое вознагражденіе приготовляетъ намъ въ будущемъ это никогда ничѣмъ-непрерываемое однообразіе нашего затворническаго воспитанія. Выходя изъ института, мы переселяемся въ новый міръ. Боже! какъ мы счастливы!.. Мнѣ, ma chère, сначала казалось, что я нахожусь подъ вліяніемъ добраго генія, окружающаго меня чудесами. Первый разъ, когда я осталась одна *въ моей* комнатѣ, я почти не вѣрила, что я одна и могу дѣлать, что хочу. Испытывая свое могущество, я подошла къ окну и открыла форточку... Прекрасная свобода! подумала я, и съ важностію дѣвицы совершенныхъ лѣтъ улеглась на диванѣ съ книгою; тогда мнѣ хотѣлось, чтобъ весь институтъ, всѣ зеленыя и кофейныя увидѣли меня въ такомъ блаженномъ положеніи. Но царица-привычка! двери стукнули, я мигомъ вскочила съ дивана и выпрямилась передъ Олимпіадой, какъ передъ классной дамой. Мы обѣ расхохотались.

Я очень счастлива, милая Глафира; никто не подумаетъ, что я здѣсь чужая. Иванъ Ѳедоровичъ, отецъ Олимпіады, любитъ меня

какъ родную дочь. Я вполнѣ чувствую его отеческое обо мнѣ попеченіе. Съ нами живутъ еще двѣ дамы, прежняя липинькина гувернанта, Каролина Семеновна П., и Агафья Гавриловна, двоюродная сестра Олимпіады. *Изъ нашихъ* чаще всѣхъ бываютъ у насъ Вѣрочка, Sophie, двѣ Ф., Дуничка Z., *Гераклида*, Лиза Л. и старшая Г.; меньшая вышла замужъ, и уѣхала въ деревню. Бѣдненькая! не могу вспомнить какъ она плакала, когда ее вѣнчали. Она была чудесно-хороша, всѣ любовались ею; одна Агафья Гавриловна охуждала въ ней все, начиная съ прически волосъ, вуаля, и даже до ея слезъ, казавшихся ей притворствомъ. Ахъ, ma chère, какая несносная Агафья Гавриловна! иногда я ее терпѣть не могу. Ей очень не йдетъ, когда она беретъ со мною тонъ классной дамы, потому-что она такая же шалунья, какъ и я, не смотря на то, что ей уже тридцатый годъ. Я, право, удивляюсь: шутка ли это, тридцатый годъ! надобно много жить, чтобъ насчитать себѣ столько лѣтъ. Счастливая Агафья Гавриловна! я ей завидую всякій разъ, когда вспомню о послѣднемъ дядюшкиномъ письмѣ. Не понимаю, отъ кого бы ему знать, что я считаю себѣ семьнадцать лѣтъ? Письмо отъ 20-го февраля; дядюшка поздравляетъ меня со днемъ моего рожденія, въ который мнѣ исполнилось, по его счету, пятнадцать лѣтъ, и называетъ меня *малолѣтной!!!* Послѣ такого прекраснаго комплимента, невидимый дядюшка принимаетъ грозную физіономію; напоминаетъ мнѣ о совершенной отъ него зависимости и о правѣ лишить меня наслѣдства, еслибъ я вышла замужъ безъ его воли. Можно ли такія глупости!... Я отвѣчала *дядюшкѣ* на его *милое письмо*, что для меня всегда священна будетъ власть, данная ему моими родителями, и что ни въ какомъ случаѣ я не забуду своихъ къ нему обязанностей. О замужствѣ нѣчего и говорить, я ненавижу идти замужъ. Притомъ прошу любезнаго *дядюшку* не считать меня малолѣтной, потому-что я вышла изъ института изъ старшаго зеленаго класса. Не знаю, хорошо ли я написала? Это меня безпокоитъ. Признаюсь, *дядюшка-невидимка* меня пугаетъ. Къ письму приложены были деньги — тысяча рублей; дядюшка совѣтуетъ мнѣ быть бережливой; по нынѣшнимъ доходамъ, болѣе тысячи рублей въ годъ онъ мнѣ давать не можетъ. Я больше и не желаю: такой кучи денегъ у меня еще никогда не было. Агафья Гавриловна заняла у меня сто рублей; видишь, ma chère, какъ я важничаю!

Бѣдная Агафья Гавриловна! она была очень богата, но состояніе ея *разстроилось*. Не знаю, бываетъ ли это у васъ въ деревняхъ, а здѣсь очень часто; и когда скажутъ: «состояніе разстроилось»—adieu bonheur, adieu plaisir! все исчезаетъ: карета, домъ, имѣніе, все переходитъ въ руки тѣхъ,—какъ ихъ зовутъ?... они сначала притворяются добрыми, даютъ денегъ сколько нужно, а послѣ требуютъ

вдвое, и за долгъ берутъ все, что могутъ взять. Такъ случилось съ Агафьей Гавриловной, и теперь, когда мы проѣзжаемъ мимо одного прекраснаго дома, еще недавно ей принадлежавшаго, она проклинаетъ негодяя съ длиннымъ носомъ, который, какъ на зло, всегда съ трубкою въ зубахъ выглядываетъ изъ ея прежняго будуара. Не понимаю, какъ ему не совѣстно!

Еслибъ Олимпіада не вышла этотъ годъ изъ института, Агафьѣ Гавриловнѣ пришлось бы ѣхать въ деревню, которая далеко отъ столицы, и тѣмъ печальнѣе для Агафьи Гавриловны, что мужъ ея тамъ скончался. Можешь судить, съ какою радостію приняла она предложеніе Ивана Өедоровича жить у него въ домѣ и руководствовать нами при вступленіи нашемъ въ свѣтъ! Теперь мы подъ ея начальствомъ, и, правду сказать, она премилая классная дама; ловкость ея и живость неподражаемы. Она всегда умѣетъ найдти случай повеселиться, хотя, по словамъ ея, это только для нашего удовольствія, однакожь она, бѣдненькая, жертвуя собою для своей прекрасной кузины Олимпіи, не пропускаетъ на балѣ ни одного танца. Съ Каролиной Семеновной намъ было бы не такъ весело; за то, мнѣ кажется, Агафья Гавриловна, въ-отношеніи своихъ къ намъ обязанностей, часто бываетъ слишкомъ вѣтрена и невнимательна. Въ одномъ только взъискательность ея чрезмѣрна: мода для нея то же, что для твоей тетушки хорошенькій носикъ; Агафья Гавриловна считаетъ погибшими людей, неслѣдующихъ модѣ. Еслибъ дѣло шло о нарядахъ, это бы еще не бѣда; но она требуетъ, чтобъ мы ходили, смотрѣли, кашляли по модѣ. Липинька переноситъ капризы Агафьи Гавриловны съ свойственною ей кротостію,—не даромъ же ей дали второй шифръ,—а для меня это нестерпимо! Ты меня знаешь, ma chère, я не очень bon-enfant. И въ-самомъ-дѣлѣ, суди сама, весело ли это: въ театрѣ мы никогда не видимъ начала и конца пьесы; на балъ пріѣзжаемъ послѣ всѣхъ; на гуляньѣ должны бѣгомъ идти, и ни на что не засматриваться. Однимъ словомъ, мода—это цѣпь, которою Агафья Гавриловна путаетъ насъ по рукамъ и по ногамъ. Да еще, въ добавокъ ко всему, она любитъ и на институтъ нападать. Я разскажу тебѣ вчерашній нашъ разговоръ, во время прогулки по Невскому-Проспекту.

— Несносныя институтки! опять остановились!... ворчала Агафья Гавриловна, заставляя насъ идти скорѣе.—Мнѣ, право, стыдно показываться съ вами въ публику. Вы похожи на зѣвакъ, только-что пріѣхавшихъ изъ самой отдаленной губерніи. Смотрите на этихъ дамъ: тотчасъ видно хорошій тонъ; скорая походка теперь въ модѣ.

— Мода приказываетъ скоро ходить! подхватила я смѣясь.—Ваша мода настоящая классная дама, да еще престрогая! я всегда удивляюсь...

— Чему же вы не удивляетесь? Смотря на ваши институтскія странности, я часто думаю, не изъ луны ли вы къ намъ пожаловали...

— Какія институтскія странности?!!

— Еще и спрашиваетъ... да мильйонъ странностей! одни ужь эти «ахъ, ахъ!» какъ-будто ничего въ жизни не видѣли, Богъ-знаетъ, на что похожи! А это дѣтское простосердечіе, которое такъ рѣзко высказывается при совершенномъ незнаніи свѣтскихъ приличій... Увѣряю васъ, въ обществѣ сейчасъ можно узнать институтку.

— Очень рада, тѣмъ болѣе, что всѣ ваши приличія одно притворство, лесть, неправда.

— Вотъ прекрасно! гдѣ же вы это видѣли?

— Вездѣ. Помните, вчера Василій Андреевичъ смѣшилъ насъ, представляя намъ Незабудкину,—и въ самое то время, когда вы утверждали, что не знаете никого несноснѣе и скучнѣе ея, она вдругъ откуда ни взялась. Тогда надобно было видѣть, какъ вы хорошо умѣете притворяться. Смотря на привѣтливую улыбку, съ которою вы ей сказали: «Chère amie! только-что о васъ говорили!» нельзя было и подумать того, что̀ за минуту передъ тѣмъ происходило. А сегодня утромъ, какъ безсовѣстно вы увѣряли стараго франта Д., что онъ и молодъ и хорошъ, между-тѣмъ, какъ стоявшее прямо противъ него зеркало представляло ему безъ всякаго украшенія его *милое* лицо, которое, будто вопреки вашимъ словамъ, дразнило его обезьянскими улыбками.

—Ну, хорошо, хорошо! А прошу сказать, что̀ бы вы, на моемъ мѣстѣ, отвѣчали графу, когда онъ назвалъ себя старикомъ?

— Я бы сказала... нѣтъ, я бы прежде спросила: а вамъ, графъ, сколько лѣтъ?

— Ахъ, Боже мой! вскричала Агафья Гавриловна, топнувъ ногой: —вы еще и въ-самомъ-дѣлѣ штукъ натворите. Послушайте, одинъ разъ навсегда затвердите этотъ урокъ: о лѣтахъ не спрашивать никого, никогда и ни въ какомъ случаѣ. Это очень неделикатно.

— Отъ-чего же? свои лѣта всякій знаетъ.

— Вамъ говорятъ, это нейдетъ, не велятъ законы приличій. Что за донкихотство такое? это хорошо въ институтѣ, между дѣтьми, а въ свѣтѣ ни къ чему не ведетъ. Незабудкина разсказала мнѣ вчера о вашей Наташѣ Р. анекдотъ, который можно примѣнить къ каждой изъ васъ. Она своею институтскою правдою поссорила мать свою съ генеральшей Г. На балу у Ботова, дочери генеральши,—между нами сказать, превѣтреныя дѣвицы, хоть обѣ ужь гораздо за двадцать лѣтъ,—обворожили совершенно Наташу. Рука-въ-руку онѣ таскали ее по заламъ, кокетничали, хохотали; Наташа одна не смоглабъ и пикнуть, но съ новыми своими друзьями расходилась хоть куда. По воз-

вращеніи съ бала, мать объявила Наташѣ свое неудовольствіе за ея внезапную дружбу съ дѣвицами Г.—Къ чему это? онѣ тебѣ не по лѣтамъ, говорила она Наташѣ:—я не хочу, я запрещаю тебѣ короткое знакомство съ ними. Спустя недѣлю, Наташа встрѣтилась съ дѣвицами Г. на вечерѣ у Незабудкиной, и тутъ-то вышла комическая сцена! Дѣвицы Г. побѣжали къ Наташѣ съ распростертыми объятіями; Наташа отступила отъ нихъ съ холоднымъ поклономъ, и на всѣ ихъ дружескія восклицанія—поклонъ, пренизкій поклонъ, и то съ потупленными глазами. Дѣвицы Г., воображая, что это институтская застѣнчивость, схватили ее подъ руки; тогда Наташа, вырываясь отъ нихъ, вскричала: «Ради Бога, mesdames, отстаньте отъ меня! маменька не велѣла мнѣ дружиться съ вами.» Легко представить себѣ положеніе матери. Послѣ, когда она бранила Наташу за ея глупую откровенность, Наташа отвѣчала: ахъ, маменька! да развѣ можно лгать?...

— Прелестно! я обожаю институтъ! отозвался кто-то за нами толстымъ голосомъ.

— Вы всегда подслушиваете, mon cousin, сказала смѣясь Агафья Гавриловна молодому своему родственнику Дандину.

— Я нарочно шелъ тихонько за вами, чтобъ не прервать вашего интереснаго разговора; теперь же, я готовъ спорить съ вами, ma cousine, и повторяю вопросъ Марьи Ѳедоровны: какія институтскія странности?...

— Полно, полно! перебила Агафья Гавриловна:—я не хочу съ вами спорить, вы всегда на ихъ сторонѣ.

Кто же этотъ добрый Дандинъ? спросишь ты, Глафира, съ провинціальнымъ любопытствомъ. Здѣсь, ma chère, всѣ молодые люди похожи на Дандина; у всѣхъ одна манера. Всѣ они очень добры, услужливы, любезны, любезны такъ, что никогда не услышишь отъ нихъ правды; можно подумать, что они условились между собою, говоря съ дамами, ужасно лгать. Они незадумываясь отпускаютъ всѣмъ и каждой одни и тѣ же комплименты; я сама слышала, какъ одну горбатую увѣряли, что у нея прекрасная талія,—такъ и хотѣлось сказать: «Не вѣрьте, ma chère!» Право, смѣшное обыкновеніе! Впрочемъ, я рада, что я женщина; лесть пріятна: знаешь, что обманъ, но важничаешь, какъ принцесса. Иногда, я нарочно роняю платокъ, перчатки, и когда всѣ засуетятся мнѣ прислуживать: «Merci, merci bien M-r!..» Не правда-ли, уморительно! Это я пишу тебѣ, милый другъ, Глафира, по секрету.

Прощай, мой ангелъ! Обнимаетъ тебя отъ всего сердца.

М. Ан.....ская.

P. S. Ахъ, какъ я вѣтрена! хорошо еще, что не успѣли отнести письмо на почту. Совсѣмъ ужь запечатала и отправила, а забыла на-

писать о главномъ. Ради Бога, милая Глафира, узнай о моемъ дядюшкѣ, кто онъ, и что онъ? Иванъ Ивановичъ Ан.....скій. Тебѣ это такъ легко: онъ живетъ въ Малороссіи, тамъ же, гдѣ и ты. Постарайся, душенька, развѣдать, что онъ обо мнѣ думаетъ? Кстати, давно хотѣла просить, увѣдомь, какъ въ Малороссіи? Я не имѣю никакого понятія о моей родинѣ. Что тамъ дѣлаютъ? мнѣ кажется, тамъ очень смѣшно. Прощай, до письменнаго свиданія!

ПИСЬМО XII.

Глафира Олимпіадѣ и Марьѣ.

20-го апрѣля 18.. года.
Село Моторна.

Какъ хороша весна въ Малороссіи!.. У васъ, въ Петербургѣ, друзья мои, еще холодно и сыро, а здѣсь уже цвѣтутъ сады. Я не чувствую подъ собою земли, когда прогуливаюсь между деревьями, обвитыми бѣлыми и розовыми гирляндами, которыхъ благоуханіе такъ упоительно. Здѣсь, подъ этимъ свѣтлымъ, поэтическимъ небомъ, весна—прелесть, очарованіе!.. Еслибъ можно было, mesdames, перенести васъ сюда, хоть на минуту, Машенька бы увидѣла: *смѣшно ли у насъ въ Малороссіи!*

Съ чего ты это взяла, ma chère?.. Вы, тамъ-себѣ въ Петербургѣ, воображаете, что Малороссія населена чудаками. Я и сама такъ думала, но божусь вамъ, mesdames, это неправда. Здѣсь очень мило; земля прекрасная, а люди—какъ обыкновенно люди на бѣломъ свѣтѣ: много есть добрыхъ и хорошихъ, а для контраста съ ними злыхъ и смѣшныхъ, столько же, какъ и вездѣ. Только, сначала, поразилъ меня здѣшній выговоръ, нѣсколько жесткій для ушей, привыкшихъ къ правильному петербургскому произношенію. Коренной малороссійскій языкъ, употребляемый одними простолюдинами, изгнанъ изъ хорошихъ обществъ; только изрѣдка можно услышать какого-нибудь почтеннаго старика, или старуху, которые, наперекоръ всѣмъ, дерутъ-себѣ на своемъ природномъ языкѣ очень мило и оригинально. Для меня же, малороссійскій языкъ—прелесть: въ немъ есть какая-то особенная живость, наивность, и притомъ лаконизмъ въ высшей степени. Когда дѣдушка приправляетъ свои разсказы малороссійскими фразами, я едва перевожу духъ, чтобъ не проронить ни одного слова. Вы бы разсмѣялись, mesdames, еслибъ увидѣли мою горничную, впрочемъ, премиленькую дѣвчонку,—имя ея Горпина!.. Когда она входитъ ко мнѣ, я нарочно спрашиваю,—кто тамъ?—и всегдашній ея отвѣтъ: *се я!*, а вмѣсто *да* говоритъ: *эге!* Когда поживу здѣсь дольше, буду учить васъ по-малороссійски, теперь же—*не здывуйте, панночки!*

Вотъ странно: какъ бы я ни была печальна,—съ вами, mesdames, всегда готова смѣяться; даже и теперь, хотя мнѣ очень, очень грустно. Со мною случилось необыкновенное происшествіе. Прежде всего должно вамъ сказать, дѣдушка чрезвычайно меня балуетъ; онъ любитъ меня больше, нежели Лизу и Юлію. Я сама знаю, что я ничѣмъ не лучше ихъ, но дѣдушка о томъ и думать не хочетъ. Пристрастіе его ко мнѣ доказываетъ, что есть симпатіи, въ которыхъ нельзя дать себѣ отчета.

Я уже описывала вамъ развалины бесѣдки на горѣ, въ дубовой рощѣ, примыкающей къ нашему саду; тамъ моя любимая прогулка. Однъ разъ, когда все наше моторнинское общество собралось у дѣдушки, я, говоря съ Юліей о своихъ прогулкахъ, слегка упомянула о мрачномъ впечатлѣніи, производимомъ на меня развалинами бесѣдки. Дѣдушка, который, казалось, вовсе меня не слушалъ, вдругъ прервалъ разговоръ свой съ Катериной Марковной, и, обращаясь ко мнѣ, сказалъ: «Что жь, Глафирушка, если хочешь, мы возстановимъ старую бесѣдку».—Это было бы прекрасно! отвѣчала я съ восторгомъ.

— Да, да, продолжалъ дѣдушка: я отдаю это въ полное твое распоряженіе. Завтра же пошлю за архитекторомъ; пусть сдѣлаетъ планъ по твоему желанію. Дѣлай, душенька, что хочешь,—все здѣсь твое. Я объявляю вамъ, что Моторну отдаю Глафирѣ. Лиза и Юлія получатъ Деревни въ Ч... Губерніи... дѣдушка закашлялся и остановился.

Послѣднія слова его произвели на всѣхъ какое-то странное впечатлѣніе. Дядюшка Иванъ Петровичъ перемѣнился въ лицѣ, и, взглянувъ на меня, хотѣлъ улыбнуться, но вмѣсто улыбки вышла довольно странная гримасса. Признаюсь, mesdames, я испугалась, сама не зная чего; всѣ на меня смотрѣли,—мнѣ было неловко, душно на сценѣ, на которую вывелъ меня дѣдушка. Молчаніе продолжалось нѣсколько минутъ; наконецъ Катерина Марковна встала и съ негодованіемъ сказала дѣдушкѣ:—Это будетъ обидно для Юліи!

— Она и Лиза будутъ имѣть равныя части, отвѣчалъ хладнокровно дѣдушка.—Что же касается до Глафиры, на это есть непремѣнная моя воля, и пр.

На другой день, Иванъ Петровичъ уѣхалъ не простясь съ дѣдушкой. Во время его отсутствія, продолжавшагося около двухъ недѣль, Катерина Марковна не выходила изъ своихъ комнатъ. Напрасно я упрашивала дѣдушку не дѣлать ничего противъ желанія родителей Юліи; на всѣ мои убѣжденія онъ только махнулъ рукою и сказалъ: —*Не хай же!*.. Такой ужь у него характеръ: какъ сказалъ такъ и будетъ. Теперь, слава Богу, никто больше о томъ не вспоминаетъ; дядюшка и тетушка обходятся со мною ласковѣе прежняго,—и въ-самомъ-дѣлѣ, развѣ я виновата?

Между-тѣмъ пріѣхалъ архитекторъ, явились работники, и постройка моей бесѣдки началась съ большою дѣятельностію. Я вамъ пришлю планъ, — увидите, mesdames, какъ мило. На мѣстѣ развалинъ поставится красивый памятникъ моему отцу, а въ нѣсколькихъ шагахъ оттуда чудесная новая бесѣдка. Мы съ Лизой всякій день ходимъ смотрѣть на постройку, занимающую меня столько, что представить себѣ не можете. Теперь, вотъ въ чемъ исторія: на прошедшей недѣлѣ два дня сряду шолъ дождь; на третій день пасмурно и сыро. Лиза рѣшительно отказалась отъ прогулки; меня также хотѣли удержать, но я обѣщала маменькѣ и дѣдушкѣ не ходить далѣе липовой аллеи въ саду. «Вѣтеръ меня не унесетъ!» сказала я закутываясь въ свое манто, и страхъ рада была увернуться отъ всѣхъ на свободу.

Любите ли вы, mesdames, смотрѣть на небо, покрытое тучами? Для меня это наслажденіе. Прогулка моя тѣмъ больше меня прельщала, что небо было пасмурно; облака, то свѣтлыя и прозрачныя, то густыя и темныя, быстро мчались, уносимыя вѣтромъ. Я любовалась ихъ фантастическими формами: надъ мной летали чудовища, великаны, башни, колесницы,—все это являлось и исчезало, картинно рисуясь на сине-багровомъ небѣ. Я думала... сама не знаю о чемъ. Мнѣ было и грустно и весело; я находила удовольствіе быть одной, смотрѣть на тучи, прислушиваться къ шуму деревьевъ,—въ воздухѣ было что-то свѣжее, очаровательное... Я прошла нѣсколько разъ по большой липовой аллеѣ, но меня мучило желаніе полюбоваться прекраснымъ видомъ съ горы, и я, не долго думая, выбралась изъ сада въ лѣсъ, а тамъ,—далѣе и далѣе по знакомой дорожкѣ, и наконецъ, задыхаясь отъ усталости, остановилась отдохнуть подъ горою. Но тамъ я была выведена изъ мечтательнаго міра въ настоящій самою прозаическою сценою. Навстрѣчу мнѣ, громко бранясь между собою, бѣжали съ горы два мальчика; одинъ изъ нихъ, указывая другому на большую черную тучу, звонкимъ голосомъ прокричалъ: «шчобъ тебе Дмитрусю, побило тее, шчо въ хмарѝ гудѐ!»

Въ другое время это бъ меня разсмѣшило, но тогда — я невольно вздрогнула, и глаза мои со страхомъ остановились на страшной тучѣ, которая съ гуломъ неслась у меня надъ головою. Вся прелесть быть одной исчезла. Жалѣя, что зашла такъ далеко, я хотѣла воротиться домой, какъ вдругъ сверкнула молнія, ударилъ громъ, и— Боже мой, какая поднялась буря!.. Одна надежда мнѣ осталась укрыться въ начатомъ на горѣ строеніи, и я пустилась бѣжать на гору. Это было не легко; ужасный вихорь оспоривалъ у меня каждый шагъ, и безжалостно толкалъ меня назадъ. Съ большимъ трудомъ взошла я на гору, но—увы! буря свирѣпствовала тамъ еще сильнѣе. Вѣтеръ съ воемъ охватилъ меня со всѣхъ сторонъ; неви-

димыя руки срывали съ меня манто и шляпку... и между-тѣмъ, какъ я старалась удержать манто, моя соломенная шляпка полетѣла на воздухъ какъ птица. Въ то же мгновеніе раздался звонъ колокольчиковъ; внизу, на большой дорогѣ, показалась коляска въ шесть лошадей, и моя шляпа, которой длинный, бѣлый вуаль придавалъ какую-то неопредѣленную форму, понеслась прямо на ветрѣчу коляскѣ... Ужасъ, ужасъ! Я помню, я вскрикнула и закрыла глаза. Стоны, ропотъ, проклятія людей, ѣхавшихъ въ колякѣ,—ржаніе и топотъ лошадей, все это доходило ко мнѣ, какъ въ тяжкомъ снѣ. Наконецъ, собравшись съ силами, я побѣжала къ коляскѣ, опрокинутой близь самаго провалья. Высокій лакей суетился около молодаго человѣка, безъ чувствъ лежавшаго подлѣ камня, обрызганнаго кровью.

— Боже мой! кровь изъ головы... онъ вѣрно ударился головою объ камень! вскричала я, ломая себѣ руки.

—Да, спасибо вамъ! проворчалъ лакей, поглядывая на меня искоса.—Лучше бы вамъ, сударыня, въ такую погоду сидѣть дома, продолжалъ онъ съ негодованіемъ:—нежели этими *чортовыми* шляпками пугать лошадей.

— Онъ умеръ! умеръ! повторяла я, съ отчаяніемъ смотря на окровавленную голову и на лицо, непоказывавшее ни малѣйшаго знака жизни.

— Вставай, да бѣги скорѣе за водой! закричалъ злой лакей, кидая серебряную кружку мальчику, который, валяясь подлѣ коляски, съ плачемъ жаловался на боль въ ногѣ. Ну, полно жь хныкать, пошелъ!

Мнѣ жаль стало бѣднаго мальчика; я побѣжала съ кружкою къ рѣкѣ, и въ одну минуту воротясь, брызгала водою смертельно-блѣдное лицо незнакомца. Онъ живъ! онъ дышетъ! закричала я съ восторгомъ... Молодой человѣкъ судорожно вздохнулъ и открылъ глаза. Поставьте себя на мое мѣсто, mesdames: быть причиною такого ужаснаго случая!

Незнакомца усадили на камнѣ; онъ посмотрѣлъ на меня и приложилъ руку ко лбу, будто стараясь что-то вспомнить. О, тогда я желала быть отъ него за тридевять земель! Зачѣмъ было не уйдти прежде, думала я, ожидая заслуженныхъ упрековъ. Судите же о моемъ удивленіи, когда онъ, въ самыхъ милыхъ выраженіяхъ, началъ благодарить меня за мое участіе, за мое состраданіе, за—Богъ знаетъ, за что!.. Напрасно высокій лакей, съ злымъ тріумфомъ, вытащилъ мою шляпку изъ-подъ колесъ,—онъ только съ улыбкою сказалъ: «совершенно испорчена!» Самъ ангелъ доброты не можетъ быть добрѣе. Съ какимъ великодушіемъ усиливался онъ скрыть свое стра-

даніе! Но развѣ я не видѣла раны на головѣ его?.. При одной мысли о томъ кровь у меня леденѣетъ.

Я предлагала ему нашего доктора, приглашала къ намъ... Странно! при имени дѣдушки легкая краска, ту же минуту, покрыла блѣдныя щеки его, и онъ съ видимымъ смущеніемъ отвѣчалъ: «благодарю васъ! мнѣ недалеко домой.» Слѣдовательно, онъ живетъ у насъ въ сосѣдствѣ; жалѣю, что не узнала, кто онъ такой. Но тогда я была такъ разстроена, что не могла думать ни о чемъ; всѣ предметы вокругъ меня терялись въ какомъ-то хаосѣ... Я видѣла только его блѣдное, страждущее лицо, а спросить о имени его и на мысль мнѣ не приходило. О, mesdames! еслибъ вы знали, какъ совѣстно мнѣ было оставлять его слабымъ, почти умирающимъ, среди большой дороги, безъ всякой помощи. Когда я уходила, онъ смотрѣлъ мнѣ вслѣдъ съ такимъ печальнымъ и задумчивымъ видомъ!

Погода прояснилась, но мнѣ уже не хотѣлось продолжать мою прогулку. Я спѣшила домой разсказать маменькѣ и дѣдушкѣ свое приключеніе. Меня ужасала мысль, что моя шляпка, эта ничтожная вещь, чуть не была причиною смерти прекраснаго молодаго человѣка. Онъ ѣхалъ такъ хорошо, спокойно; можетъ-быть, въ веселыхъ мечтахъ являлась ему долгая, счастливая будущность, и вдругъ— жизнь на волоскѣ!.. Ахъ, какъ мало значитъ жизнь наша въ этомъ мірѣ!

— Охота же гулять въ такую погоду! вскричала встрѣтившая меня Лиза, и, не давъ мнѣ оправиться, потащила въ дѣдушкины комнаты. Дѣдушка былъ въ сильномъ обо мнѣ безпокойствѣ, и только-что хотѣлъ-было погонять меня за мою прогулку, какъ общія восклицанія остановили его при первыхъ словахъ, и онъ, взглянувъ на меня, вмѣстѣ съ другими вскричалъ:

—Боже мой! что̀ съ тобою, Глафира?

Тогда только увидѣла я, въ какомъ была парадѣ! Манто мое и платье были забрызганы и кровью и грязью, а волосы падали на лицо совсѣмъ-развившимися локонами. Лиза жала мнѣ руки; маменька заботливо спрашивала: не ушиблась ли ты, не больна ли?

Наконецъ, дѣдушка, видя, что я цѣла и невредима, расхохотался и сказалъ:—Перестаньте мучить ее! ей, право, это къ-лицу. Смотрите, не похожа ли она теперь на трагическую актриссу, только-что совершившую на сценѣ ужасное злодѣяніе!.. Ну, Глафира, начинай свой монологъ, мы слушаемъ.

—Вы шутите, дѣдушка, а между-тѣмъ, вы точно угадали, отвѣчала я.

Тутъ посыпались вопросы со всѣхъ сторонъ; но разсказъ мой произвелъ дѣйствіе совершенно противное тому, что̀ я ожидала: о молодомъ человѣкѣ, такъ сильно пострадавшемъ, пожалѣли слегка; все

вниманіе, всѣ заботы обращены были на одну меня. Маменька терла мнѣ виски одеколонью, докторъ заставилъ принять капель, дѣдушка совѣтовалъ лечь въ постель; всѣ хлопотали обо мнѣ; о бѣдномъ же незнакомцѣ никто и не думалъ! и даже, на мои опасенія о жизни его, мнѣ почти съ досадою отвѣчали: «пустое! выздоровѣетъ.» Это навело на меня тоску; я ушла въ свою комнату, и тамъ на свободѣ плакала, плакала... Не предчувствіе ли это какое?.. Я очень боюсь. Самъ докторъ говоритъ, что раны на головѣ всегда опасны и часто влекутъ за собою смерть, или сумасшествіе. Боже мой! быть причиною такого несчастія... Я въ отчаяніи...

Знаете ли, mesdames, еще какая странность! Съ перваго взгляда черты лица этого человѣка показались мнѣ знакомы. Эту пріятную физіономію видѣла я и прежде, но гдѣ и когда — никакъ не могла вспомнить. Только вчера, вдругъ пришло на мысль, и я схватилась за ящикъ съ рисунками, между которыми тотчасъ отъискала портретъ моего незнакомца. Вспомните, mesdames, бюстъ Алкивіада, въ 1-мъ отдѣленіи старшаго класса—сходство разительное!

Прощайте, мои друзья, Липинька и Маша! вы, вѣчно милыя сердцу вашей

Глафиры С.

Нѣсколько словъ Машѣ.—Смѣшная ты, Маша! если у тебя спросить, ты разскажешь всѣ города и мѣстечки въ Малороссіи, а между-тѣмъ пишешь, что развѣдать о дядѣ твоемъ для меня легко, потому-что «и онъ живетъ въ Малороссіи.» Да развѣ мы здѣсь всѣ вмѣстѣ? Ты уже слишкомъ въ миньятюрномъ видѣ представляешь себѣ твою родину. — Къ-сожалѣнію моему, дядюшки твоего никто не знаетъ. Видно онъ живетъ далеко отъ насъ; однакожь я не теряю надежды исполнить твое порученіе. Я даю тебѣ слово: никого изъ нашихъ знакомыхъ, и даже, при удобномъ случаѣ, и незнакомыхъ, не оставлять безъ вопроса: «Не знаете ли вы Ивана Ивановича Ан...скаго?»—Будь увѣрена, ma chère, что для меня было бы очень пріятно извѣстить тебя о немъ.

ПИСЬМО XIII.

Глафира Олимпіадѣ и Марьѣ.

15 мая 18.. года.
Село Моторна.

Сегодня ровно двѣ недѣли послѣ приключенія съ опрокинутой коляской. Вы не можете себѣ представить, друзья мои, какъ мучительна для меня неизвѣстность о человѣкѣ, заплатившемъ, можетъ-быть, жизнію за мою глупую неосторожность! Дома у насъ смѣют-

ся надъ моими опасеніями, и находятъ меня несносно-скучною. Что жь дѣлать? у меня всегда передъ глазами окровавленная голова и блѣдное лицо Алкивіада... пусть будетъ онъ Алкивіадомъ, пока не узнаю имени его. Но это по секрету, mesdames; я никому кромѣ Лизы и васъ не говорила о сходствѣ незнакомца съ бюстомъ Алкивіада. Ахъ, еслибъ я знала, что приключеніе отъ моей шляпки не имѣло для него худыхъ послѣдствій! Но кто мнѣ о томъ скажетъ?... Mesdames, у кого есть терпѣніе,—дайте мнѣ!... Однако, мои печальныя восклицанія и вздохи могутъ навести на васъ тоску,—буду говорить лучше о чемъ-нибудь другомъ. Еслибъ не это со мною приключеніе, я бы теперь, въ полной мѣрѣ, наслаждалась прекрасною весною. Май въ деревнѣ чистая поэзія. Для меня понятны іереміяды Юліи на скуку деревенской жизни: у нея только и помышленія, что о Москвѣ, гдѣ она проводила прежде каждую зиму. Моторну она ненавидитъ, даже и теперь, съ ея зеленью и цвѣтами!

— Молчите ужь вы, ma cousine, съ вашими деревенскими удовольствіями, говоритъ она мнѣ съ насмѣшкою:—нечего сказать, хороши удовольствія! Конечно, для того, кто не видалъ ничего лучшаго, и проч.

Такъ бы и хотѣлось выбранить Юлію хорошенько, по-институтски, чтобъ не слишкомъ важничала. Я не спорю, деревенская жизнь очень монотонна; самый незначущій случай, нарушающій ея вѣчное *одно и то же,* кажется важнымъ происшествіемъ, но по-моему, это именно и придаетъ ей особенную прелесть. На-примѣръ, со вчерашняго дня насъ чрезвычайно занимаетъ, какъ бы вы думали, что такое? у васъ бы на то и вниманія не обратили, а у насъ... хотите ли знать, чтò значитъ пріѣздъ сосѣдей изъ столицы?

Вчера я, одна въ залѣ, играла на фортепьяно; вдругъ, двери съ шумомъ растворились, — вбѣжала Юлія съ сіяющимъ отъ радости лицомъ, и показала мнѣ надписанное по-французски и раздушенное письмецо.

— Отъ Валентина Михайловича? спросила я, отводя нехотя глаза отъ своихъ нотъ.

— Боже мой! похоже ли хоть мало это аристократическое письмецо на его письма? отвѣчала съ досадою Юлія.—Скажу вамъ по секрету, ma cousine: похвалы о моемъ женихѣ слишкомъ увеличены. Онъ хорошъ и уменъ, это правда; но я не знаю, разсѣянъ ли онъ, или гордъ,—а такого неуслужливаго и нелюбезнаго молодаго человѣка трудно встрѣтить. У меня часто съ нимъ бывали сцены: разъ, идучи въ садъ, я нарочно забыла мои перчатки; кавалеры, бывшіе тогда съ нами, тотчасъ это замѣтили,—насказали мнѣ тысячу милыхъ глупостей о красотѣ моихъ рукъ, и пустились бѣжать за перчатками, стараясь опередить другъ друга. Валентинъ, съ обык-

вовсяною своею любезностію, не трогался съ мѣста, и еще смотрѣлъ на меня съ такимъ лукавымъ и насмѣшливымъ видомъ, что я вышла изъ терпѣнія, надулась, не хотѣла говорить. Другой пришелъ бы въ отчаяніе, а ему и нужды нѣтъ! Онъ остановился передъ кустомъ розъ, и вмѣсто того, чтобъ, хоть изъ приличія, сдѣлать сравненіе между розами и мною...

— Да отъ кого же это письмо? перебила я Юлію, лепетавшую въ какомъ-то блаженномъ упоеніи.

— Отъ несравненной княгини Натальи Павловны. Вообразите мою радость, она пріѣхала сюда на цѣлое лѣто. Помните, я вамъ разсказывала о ея великолѣпныхъ балахъ въ Москвѣ, — Dieu! какъ у нея всегда было весело! Желала бы я знать, съ нею ли Бенеровъ? Вотъ былъ въ меня влюбленъ!..

— Не этой ли княгинѣ принадлежитъ прекрасное, большое село, въ шести верстахъ отъ насъ... забыла какъ зовутъ?

— Червоны-Шапки. Такое сосѣдство большое счастье. Вы увидите, Глафира, княгиня затѣетъ здѣсь разныя веселости; у нея прекрасная музыка въ Червоно-Шапкахъ. Княгиня ожидаетъ къ себѣ гостей изъ Москвы, въ числѣ которыхъ вѣрно и Бенеровъ. Я воображаю, ка́къ онъ удивится, когда узнаетъ, что я сговорена,—бѣдняжка!

— Ты здѣсь, Жюли? а мы послали за тобой въ твою комнату, сказала тетушка, входя въ залу съ Периль.—Шарлотта Францовна совѣтуетъ тебѣ, для визита княгини, надѣть завтра голубое платье.

— Какой доброй princesse, и какой *постояльной* въ чувствахъ! всегда помнитъ M-lle Julie, сказала Периль.

— А это къ кому относится? подхватила смѣючись Юлія, указывая строку въ письмѣ: *Bien de choses de ma part à l'aimable Mme Perile*. Знаете ли, maman, мнѣ кажется, княгиня сдѣлаетъ намъ визитъ сегодня. Въ запискѣ ея послѣднее слово: au revoir!

— Она сегодня будетъ непремѣнно, сказала Периль.

— Ну, я бы не желала, сказала тетушка, съ безпокойствомъ посматривая на стѣны и мёбель комнаты. Прежде надобно привести все въ порядокъ...

— Maman, maman! смотрите, тамъ, на горѣ...

Всѣ кинулись къ окнамъ. Сквозь поднявшуюся пыль, версты за двѣ отъ Моторны, быстро катилъ экипажъ, блестѣвшій отъ солнца.

— Ѣдетъ, ѣдетъ! вскричала испуганнымъ голосомъ Юлія, выбѣгая изъ комнаты.

— Это онъ самъ, княгинь—la princesse! повторяла Периль.

Тетушка схватила колокольчикъ и начала звонить какъ на пожаръ. Поднялась бѣготня, стукъ и хлопанье дверей. «Княгиня, княгиня!» раздавалось по всѣмъ угламъ дома. Въ залу набѣжали люди

съ щётками, съ метелками, съ курильницами, — ужасъ написанъ былъ на всѣхъ лицахъ. Периль командовала съ необыкновенною живостію, и не смотря на то, что была очень встревожена, языкъ ея сохранилъ всю силу и проворство трещётки,—приказанія такъ и сыпались. Стукъ кареты на дворѣ прервалъ суматоху. Тетушка топнула ногой,—герои съ мётлами и щётками исчезли въ одну минуту. Парадъ былъ сдѣланъ,—чахлы съ мёбели сняты, все прибрано.

— Наумъ Корнѣевичъ Дужебрехенко! сказала я.

— Быть не можетъ! возразила Юлія, которая успѣла уже переодѣться, и задыхаясь прибѣжала встрѣчать княгиню.—Да не оптическій ли это обманъ?.. вскричала она, выглядывая изъ окна: и въ-самомъ-дѣлѣ Наумъ Корнѣевичъ!

— Какая досада! повторили всѣ въ одинъ голосъ, разумѣется исключая меня.

Наумъ Корнѣевичъ явился съ веселымъ видомъ, и еще на порогѣ кричалъ:—Новость, большая новость!

—Знаемъ, знаемъ, княгиня Н. въ нашихъ мѣстахъ.

— Я даже получила отъ нея прелестную записочку, сказала съ торжествующимъ видомъ Юлія.

— Что̀ мнѣ за дѣло до княгини и ея записокъ!.. Моя новость мильйонъ разъ лучше: племянникъ мой пріѣхалъ.

— Гдѣ онъ? зачѣмъ не здѣсь? посыпались вопросы.

— Тотчасъ все узнаете, отвѣчалъ Наумъ Корнѣевичъ, и, церемонно обращаясь ко мнѣ: — Маменька и сестрица здоровы ли, Глафира Александровна?

— Ахъ, оставьте комплименты ваши! перебила тетушка. — Говорите скорѣе, гдѣ нашъ любезный Валентинъ Михайловичъ?

— Сидитъ дома съ перевязанной рукой, и это еще, слава Богу! Онъ былъ смертельно раненъ.

— Вы меня въ ужасъ приводите! — Ахъ! что̀ съ нимъ случилось? скажите, Наумъ Корнѣевичъ, говорила жеманясь Юлія.

— Благодарю васъ за участіе въ моемъ героѣ. Будьте спокойны, Юлія Ивановна; искусство доктора спасло его; а ужь напугалъ было меня, голубчикъ, до смерти. Представьте себѣ, у воротъ показалась давно-ожидаемая коляска; спѣшу на встрѣчу милому гостю, и что же? Валентина моего выносятъ безчувственнаго; я вижу раны, кровь!.. Въ отчаяніи разспрашиваю и узнаю—ка̀къ бы вы думали? на него напали разбойники... Чудеса въ нашей сторонѣ!

Общія восклицанія прервали Наума Корнѣевича, который, насладившись нашимъ удивленіемъ, продолжалъ:

— Да, да, разбойники! я вамъ это говорю. Мой Валентинъ показалъ чудесную храбрость: одинъ отбился отъ шести человѣкъ. Прав-

да, и его ранили опасно, но все бы еще ничего, еслибъ къ ранамъ не присоединилась проклятая горячка.

— Боже мой, какое несчастіе! вскричала тетушка.

— Бѣдный Валентинъ Михайловичъ! сказала Юлія, закрывая глаза платкомъ.

— О, еслибъ видѣлъ Валентинъ эти драгоцѣнныя слезы! сказалъ Наумъ Корнѣевичъ, цалуя у Юліи руку. — Знаете ли что, Катерина Марковна? участіе въ слезахъ хорошо, на дѣлѣ лучше:—прошу васъ сдѣлать честь посѣтить моего больнаго завтра. Счастіе видѣть прекрасную невѣсту ускоритъ его выздоровленіе; не такъ ли, Юлія Ивановна?

— Если маменькѣ угодно будетъ, отвѣчала запинаясь Юлія.

— Вы знаете, почтеннѣйшій Наумъ Корнѣевичъ, что я всегда бываю у васъ съ большимъ удовольствіемъ; только теперь я, право, не знаю... отвѣчала тетушка, съ замѣшательствомъ посматривая на Периль, которая съ досады стучала въ полъ ногою.

Наумъ Корнѣевичъ съ явнымъ неудовольствіемъ посмотрѣлъ на Юлію и на тетушку, и послѣ минутнаго молчанія, тягостнаго для всѣхъ, вышелъ изъ комнаты.

— Я, право, боюсь, онъ разсердился не на шутку! сказала тетушка.—Надобно отложить визитъ нашъ княгинѣ и поѣхать завтра къ нему.

— Ахъ, maman! да мнѣ это вовсе неприлично...

— Браво, M-lle Julie! вотъ что значитъ *лючить* прекрасной эдукаціи! вскричала Периль.

— Какой вздоръ, Жюли! Валентинъ Михайловичъ твой женихъ.

— Однако, я не поѣду къ нему ни за что въ свѣтѣ. Онъ мой женихъ, это правда, — да развѣ невѣсты дѣлаютъ визиты женихамъ? Подумайте только, maman!

—Ну, пожалуй, оставайся-себѣ дома, mon ange; я поѣду съ Шарлоттой Францовной.

— Избави Богъ! возразила съ жаромъ Периль.—Еслибъ я носила рясу сестеръ милосердія, я бы охотно посѣщала больныхъ; но въ моемъ положеніи и въ мои лѣта ѣхать къ молодому мужчинѣ...

— Къ-чему такое жеманство, Charlotte? Вы, кажется, одних ъ со мною лѣтъ.

— Я однихъ лѣтъ съ вами!.. вы это говорите нешутя? Развѣ сорокъ два года и пятьдесятъ лѣтъ одно и то же?

— А вамъ и до-сихъ-поръ сорокъ два года?—Это мило! За десять лѣтъ вы столько же себѣ считали.

— Пойдемъ ко мнѣ въ комнату, ma cousine, шепнула мнѣ улыбаясь Юлія; и между-тѣмъ, какъ мы бѣжали вверхъ по лѣстницѣ, голоса тетушки и Периль цѣлыми октавами возвышались.

— Maman напрасно споритъ: Шарлотта Францовна всегда поставитъ на своемъ, сказала Юлія, открывая шкапъ съ платьями.

— Посовѣтуйте мнѣ, ma cousine, что̀ надѣть завтра.

— Куда же вы?

— Что̀ за вопросъ? Конечно, къ княгинѣ.

— Я вамъ удивляюсь, Юлія. Женихъ вашъ возвратился послѣ долгаго отсутствія, съ нимъ былъ случай...

— Исторія о разбойникахъ очень занимательна, прервала смѣясь Юлія.—Но вы забыли, что Наумъ Корнѣвичъ не можетъ быть счастливъ, не солгавъ. Изъ его разсказа, я только вѣрю тому, что Валентинъ боленъ.

— И вы спокойно оставляете его выздоравливать?

— Что же мнѣ дѣлать? не-уже-ли для него откладывать визитъ къ княгинѣ?

— Не-уже-ли для визита къ княгинѣ откладывать свиданіе съ тѣмъ, кого любишь?

— Ахъ! это продолженіе нашего вчерашняго разговора. По-вашему, мнѣ бы должно было грустить и плакать цѣлые семь мѣсяцевъ разлуки моей съ Валентиномъ. Избави Богъ отъ такой чувствительности!

— Еслибъ вы испытали тоску разлуки, для васъ живѣе была бы радость свиданія. Мнѣ кажется, есть наслажденіе въ этой вѣчно-грустной мысли, съ которою душа слѣдитъ...

— Я заранѣе поздравляю счастливца, котораго душа ваша будетъ преслѣдовать, прервала съ насмѣшкою Юлія. — У васъ еще дѣтскій образъ мыслей. Любопытно будетъ видѣть васъ влюбленной!

— Этого никогда не будетъ.

— Зачѣмъ же вы покраснѣли?

Глупѣйшая привычка краснѣть! отъ нея мнѣ, mesdames, нѣтъ спасенія.

Изъ всѣхъ этихъ споровъ и разговоровъ вышло рѣшительное опредѣленіе: ѣхать завтра къ княгинѣ. Наума Корнѣевича аттаковали съ слабой стороны: слушали и восхищались его разсказами такъ мило, что онъ перестапъ сердиться.

До свиданья, mesdames! Я кончу мое письмо послѣ визита нашего къ княгинѣ. Катерина Марковна просила маменьку отпустить и меня съ ними. Признаюсь, я съ радостію приняла это предложеніе, въ надеждѣ, не встрѣчу ли у княгини Алькивіада. Въ сосѣдствѣ нашемъ есть одинъ молодой человѣкъ, родственникъ княгини, который, по словамъ Юліи, очень похожъ на моего незнакомца.

17-го мая.—Вчера, по назначенію тетушки, должно было въ одиннадцать часовъ выѣхать въ Червоны-Шапки. Въ десять часовъ я была готова. Дѣдушкѣ очень понравилось мое бѣлое платье съ коралло-

вымъ приборомъ, и онъ, спросивъ у меня, одѣта ли Юлія, велѣлъ позвать ее къ себѣ. Я застала Юлію еще въ полномъ неглиже; она не могла сладить съ своею прическою, и, увидѣвъ меня, вскричала:

— Ахъ, ка̀къ вы счастливы, Глафира! вы одѣты, и очень мило,— а я, посмотрите! съ этими ужасными пуклями не похожа ли я на безобразный старинный портретъ, висящій въ дѣдушкиной спальнѣ? Вотъ ужь *рококо!*—Юлія сдѣлала чудесную гримасу въ зеркало, потомъ растрепала свои волосы и опрокинула на полъ банку помады.

Сцена была патетическая для тетушки и Периль; онѣ тяжело вздыхали, смотря на неудачную прическу волосъ. Подражая имъ, Аннушка, горничная Юліи, старалась корчить самую печальную мину. Тогда во всемъ блескѣ явилось давно-извѣстное вамъ, mesdames, мое искусство убирать волосы. Съ увѣренностію знаменитаго Геліо замахнулась я гребнемъ надъ хорошенькою головкою моей кузины и въ нѣсколько минутъ вывела ее изъ отчаяннаго положенія, въ которомъ была она

Какъ-скоро Юлія была готова, мы поспѣшили уѣхать больше для того, чтобъ Наумъ Корнѣевичъ, обѣщавшій у дѣдушки обѣдать, не засталъ насъ дома и не задержалъ своими разсказами.

Въ каретѣ мнѣ предстояло выдержать порядочный карантинъ. Всѣ стекла были подняты отъ пыли;—жаръ нестерпимый! и къ-тому еще Периль, напротивъ меня сидѣвшая, безпрестанно напоминала, чтобъ я не помяла обборки на ея платьѣ. У меня закружилась голова; я хотѣла-было открыть окно, но три руки тотчасъ арестовали мою протянутую къ окну руку. Оставалось страдать и терпѣть. Вдругъ — радость! кучеръ остановилъ лошадей.

— Что̀ тамъ такое? спросила тетушка, опуская стекло.

— Наумъ Корнійевичъ... Люди махаютъ шапка̀ми, чтобъ тее! отвѣчалъ нашъ кучеръ Павло, спокойно указывая на мчавшуюся вдали коляску.

— Ахъ, ты болванъ! закричала тетушка.—Ступай скорѣе! Плетей тебѣ, если не уйдешь отъ коляски.

Мы вихремъ полетѣли. Кучеръ не жалѣя отпускалъ лошадямъ то, чѣмъ ему угрожали: вдругъ хлопъ! одна лошадь упала.

— А что̀, Пабло, колясъ не видать? спросила Периль, выглядывая изъ кареты.

— О то жь вона,—летыть якъ птыця!

Поздно было уходить. Въ одну минуту коляска поравнялась съ нашею каретою, и когда облака пыли разсѣялись, Наумъ Корнѣевичъ, во всей своей красотѣ, стоялъ передъ нами.

— Господи! какой у него страшный носъ! проворчала тетушка, задыхаясь отъ гнѣва.

— Ну, какъ же вы бѣжите, — насилу васъ догналъ! сказалъ съ

громкимъ смѣхомъ Наумъ Корнѣевичъ, незамѣчавшій, сквозь призму радости своей, нашего негодованія.

— Скажите, почтеннѣйшій Наумъ Корнѣевичъ, что за причина?... отозвалась тетушка, стараясь смягчить свой голосъ, прерывавшійся отъ досады.

—Просто желаніе васъ видѣть, отвѣчалъ съ улыбкою Наумъ Корнѣевичъ, и, поднимаясь на цыпочки, подарилъ всѣхъ насъ самымъ привѣтливымъ взоромъ. — Вы знаете, почтенный другъ мой Петръ Петровичъ пригласилъ меня сегодня обѣдать. Я поспѣшилъ пораньше, чтобъ застать васъ дома. Пріѣзжаю, — вы только-что уѣхали; тутъ мнѣ пришла счастливая мысль: преслѣдовать васъ, въ видѣ странствующаго рыцаря. Я обѣщалъ Петру Петровичу воротиться къ обѣду, и...

— Дѣдушка, я думаю, очень жалѣетъ, что вы уѣхали, прервала Юлія съ гримасою, вовсе непохожею на улыбку.

— Мы съ нимъ безъ церемоній. Онъ пригласилъ меня слушать газеты, которыя читаетъ ему Лизавета Александровна; но для меня чтеніе вслухъ — мученье! Впрочемъ, сестрица ваша читаетъ превосходно, сказалъ онъ, обращаясь ко мнѣ съ легкимъ поклономъ.—Ну, какъ же я радъ, что васъ догналъ! А скоро изволите ѣздить, Катерина Марковна, ха, ха, ха!.. Со мною ужь былъ разъ подобный случай,—я вамъ разскажу. Времени у насъ довольно: на моихъ часахъ половина двѣнадцатаго.

Такое вступленіе привело всѣхъ въ отчаяніе. Перль съ досады начала рвать свой батистовый платокъ, съ котораго одинъ раздушеный кончикъ полетѣлъ прямо въ носъ Науму Корнѣевичу, и Шарлотта Францовна получила за то нѣсколько забавныхъ комплиментовъ. Между-тѣмъ, время уходило, а съ нимъ и наше терпѣніе. Мы употребляли всѣ средства къ своему освобожденію: гримасничали, кашляли, отворачивались въ другую сторону, — ничто не помогало! Не замѣчая нашихъ маневровъ, мучитель нашъ, съ разинутымъ ртомъ, стоялъ непоколебимо.

—Кто это намъ навстрѣчу? ужь не княгиня ли? вскричала тетушка и съ такимъ жаромъ сунула въ окно голову, что испуганный Наумъ Корнѣевичъ, съ недоконченною фразою, отскочилъ назадъ и какъ со сна протиралъ себѣ глаза, оглядываясь во всѣ стороны.

— Ба! карета З.... Варвара Ивановна! Татьяна Густавовна! мое почтеніе! Остановитесь, ради Бога, остановитесь! Катерина Марковна желаетъ съ вами видѣться.

— Проклятый болтунъ! настоящій попугай съ своимъ огромнымъ носомъ, ворчала тетушка, косо поглядывая на Наума Корнѣевича, который, какъ въ минуэтѣ, то присѣдалъ, то поднимался на цыпочки передъ каретою З...скихъ.

Встрѣча съ этими дамами вышла, однако, очень-кстати. Онѣ возвращались изъ Червоно-Шапокъ, и объявили намъ, что княгиня уѣхала куда-то дня на два. При этомъ извѣстіи, Юлія чуть не заплакала, да и всѣмъ нам̀ъ было очень досадно. Одинъ Наумъ Корнѣевичъ подшучивалъ и смѣялся; онъ былъ въ восторгѣ отъ своей прогулки и съ торжествомъ отправился впередъ извѣстить дѣдушку о неудачѣ нашей.

Визитъ нашъ отложенъ до воскресенья, — вы получите отъ меня, mesdames, полное о немъ донесеніе. Увидимъ, что̀ тамъ за княгиня, появленіе которой надѣлало столько шуму. Тетушка не можетъ утѣшиться, что З...скіе успѣли прежде ея побывать у княгини.

Лиза вамъ кланяется, mesdames, и проситъ пожалѣть о ней, что и дома попала *въ лазаретъ,* къ доктору и лекарствамъ. У нея былъ сильный кашель.

Прощайте, мои друзья! Хотѣлось бы обнять васъ и прижать къ своему сердцу вашей

Глафиръ С.

ПИСЬМО XIV.

Княгиня Н. Еленѣ Д.

6 мая 18 . . года.
Село Червоны-Шапки.

Елена, милая Елена, еслибъ ты видѣла въ какую глушь я заѣхала!... Здѣсь совершенная Лапландія, не достаетъ только ледяныхъ горъ и снѣгу. Поэты, прославляющіе удовольствія сельской жизни, ужасно лгутъ; воспѣваемыя ими рощи, поля и хижины скучны какъ кладбище. Деревня, избранная мною для моей резиденціи, называется *Червоны-Шапки*. Мужъ мой жилъ здѣсь до своей женитьбы (ровно полстолѣтіе!), и много кинулъ денегъ на садъ и на постройки. Червоны-Шапки были у насъ вѣчнымъ предметомъ споровъ и ссоръ. Ты знаешь, мужу моему часто приходила фантазія увезти меня въ деревню, на что я рѣшительно не соглашалась; и когда всѣ его разсказы о домѣ и красотѣ сада Червоно-Шапокъ были напрасны, онъ приходилъ въ такое... Но къ чему это вспоминать? Оставимъ мертвыхъ въ покоѣ.

Я пріѣхала сюда 1-го мая, и хотя мнѣ было вовсе не до того, чтобъ любоваться прекрасною природою, однакожь, при первомъ взглядѣ на Червоно-Шапки, меня поразила красота мѣстоположенія: ландшафтъ оживлялся сельскимъ праздникомъ, устроеннымъ въ честь моего пріѣзда. На обширномъ лугу, окаймленномъ кустарникомъ и цвѣтущими деревьями, рисовались танцующіе отдѣльными группами, изъ которыхъ каждая имѣла своихъ музыкантовъ и своихъ зрите-

лей; выходившее изъ того разногласіе придавало празднику какую-то бѣшеную веселость. Я вышла изъ кареты; мнѣ хотѣлось поближе взглянуть на Малороссіянъ, которые показались мнѣ лучше, нежели я ожидала. Здѣшніе мужики, съ подбритыми бородами, въ бѣлыхъ суконныхъ кафтанахъ, имѣютъ очень опрятный видъ. Но меня прельстилъ,—говорю не шутя,—фантастическій вкусъ женскаго головнаго наряда: поверхъ маленькой, цвѣтной шапочки, повязывается большой кусокъ бѣлой прозрачной ткани, въ родѣ кисеи, и длинными концами падаетъ назадъ. Этотъ поэтическій нарядъ называется *намика*. За то, хороша остальная часть костюма! Вообрази, юпокъ совсѣмъ нѣтъ, а вмѣсто ихъ *плахты* и *запаски*. Плахта, просто, кусокъ клѣтчатой шерстяной матеріи, которымъ обвертываются гладко кругомъ, и привязываютъ у таліи поясомъ: спереди надѣваютъ запаску, шерстяной передникъ, по-большой-части краснаго цвѣта. Дѣвушки кладутъ косы вѣнкомъ на головѣ и затыкаютъ за нихъ цвѣты; сзади развѣвается большой пучокъ разноцвѣтныхъ лентъ. Эта причёска очень мила. Мнѣ очень нравится здѣсь обыкновеніе сельскихъ дѣвушекъ убирать голову цвѣтами; это придаетъ имъ видъ идиллическаго счастія. Я пришлю тебѣ, Hélène, полный малороссійскій костюмъ для маскараду; *намитка* будетъ тебѣ очень къ-лицу, но *плахту* и *запаску* я не беру на свою отвѣтственность.

Между-тѣмъ, какъ я разспрашивала молодыхъ женщинъ и дѣвушекъ о ихъ нарядахъ, Путомову съ громкими восклицаніями обступили со всѣхъ сторонъ, не смотря на то, что она, указывая на меня, кричала: «вотъ ваша госпожа! ваша пани!»

— *Вашее* сіятельство! кричали ей хоромъ Украинцы: — вы наша пани-княгиня! мы зàразъ познали... вы, ей-же Богу, вы!

— Ошибаетесь, люди добрые, ошибаетесь! твердила Путомова, внѣ себя отъ досады.

Никто ей не вѣрилъ. Толстая и высокая, она ближе подходила къ идеалу, созданному ими о княгинѣ, нежели я съ моимъ маленькимъ ростомъ. Одинъ пьяный старикъ, съ критическою улыбкою смотря на меня, качалъ головою и съ разстановкою говорилъ:

— Ни, ни, не припадà! воно соби и тее... Гарненьке, такъ дуже малèньке. И шчо воно таке?... повторялъ онъ, обходя кругомъ меня и пожимая плечами. — Шчо воно таке?... Богъ святый знае! Боже воно *грапиня?*

— Эге, дйду! отозвалась одна женщина:—*грапини* усе таки,—малèцьки да моторны. Я бачила одну...

Мы хохотали. Эмилія тутъ же карандашомъ записала слово-въ-слово эти фразы. Ты, вѣрно, Hélène, ничего не поймешь,— спроси у Хмаренка, онъ тебѣ переведетъ. Только замѣть: *гарненькая* значитъ

хорошенькая. Признаюсь, эта наивная мнѣ похвала отъ дикарей, неумѣющихъ льстить, была для меня очень пріятна. Малороссіяне не такъ глупы, какъ я себѣ воображала.

Появленіе пана Звѣрковскаго, управителя Червоно-Шапокъ, къ сожалѣнію моему, прервало эту сцену. Панъ Звѣрковскій прибѣжалъ запыхавшись; онъ былъ въ отчаяніи, что я вышла на лугу изъ кареты, и тѣмъ разстроила парадную встрѣчу, приготовленную мнѣ на крыльцѣ дома.

Домъ въ Червоно-Шапкахъ—«преданье старины глубокой!» Мужъ мой налѣпилъ къ нему пристроекъ въ новомъ вкусѣ, стараясь притомъ удержать старый домъ въ прежнемъ видѣ. Изъ этого боренія двухъ вѣковъ вышло что-то уродливо-готическое, въ родѣ зàмковъ, описываемыхъ въ романахъ. Нѣсколько комнатъ убрано великолѣпно, въ самомъ старинномъ вкусѣ, — мужъ мой былъ антикварій. Сначала я было-подумала тутъ о разныхъ перемѣнахъ, но чтó можно сдѣлать безъ денегъ? Впрочемъ, и труда не стоитъ: я плѣнница. При первой возможности улечу отсюда не оглядываясь.

Деревня—это цѣлое несчастіе!... Кàкъ живутъ здѣсь порядочные люди, чѣмъ убиваютъ время? — не понимаю. Вчера намъ пришло самое невинное, самое деревенское желаніе: *гулять по рощамъ и полямъ*. Я надѣла бастовую шляпку, chef-d'oeuvre мадамъ Сихлеръ, и мою новую мантилью, и глубоко вздохнула при мысли о московскихъ нашихъ гуляньяхъ, гдѣ такъ пріятно пощеголять нарядомъ, а здѣсь... ты бы смѣялась, Hélène, еслибъ видѣла, какимъ парадомъ проѣхали мы черезъ село! Собаки съ лаемъ преслѣдовали карету, вмѣстѣ съ толпою замаранныхъ мальчишекъ, бѣжавшихъ съ разинутыми ртами. Со всѣхъ сторонъ раздавалось мычанье скота, и цѣлый хоръ пѣтуховъ, гусей, индѣекъ; со всѣхъ сторонъ несло навозомъ и дымомъ соломы. Не успѣли мы выбратся изъ этого хаоса въ поле, какъ впереди насъ поднялась ужасная туча пыли, изъ-за которой блѣяли овцы, — очень занимательная встрѣча!... Я велѣла кучеру скорѣе повернуть домой; мнѣ не хотѣлось, чтобъ глупѣйшія изъ животныхъ покрыли насъ пылью. Боже мой! чтó я тутъ буду дѣлать? Боюсь умереть со скуки. Можетъ-быть, Hélène, когда нибудь, въ часы грусти, ты мечтала о невинныхъ сельскихъ удовольствіяхъ, о природѣ и пр... да сохранитъ тебя Аллахъ отъ всего этого! Знаешь ли, чтò значитъ поэтизированное спокойствіе деревни? Это усыпленіе чувствъ, жизнь улитки въ раковинѣ.

Я говорю тебѣ объ этомъ на ушко, милая Елена, а ты разсказывай всѣмъ нашимъ знакомымъ, что я въ восторгѣ отъ деревни, и что, судя по письмамъ моимъ, ты боишься, чтобъ я навсегда не осталась въ моихъ Червоно-Шапкахъ.

Обстоятельства мои, Hélène, очень плохи. Непостижимо для меня,

какимъ образомъ могла я такъ сильно разстроить свое состоянiе. Ты знаешь, я не кидала денегъ по пустому, однакожь разорена совершенно. При всей безпечности, я не могу быть спокойна: будущее меня пугаетъ, прошедшее кажется прекраснымъ сномъ. Давно ли это было?..: Боже мой! сегодня ровно девять лѣтъ, какъ трауръ мой по мужѣ кончился. Помнишь, появленiе мое въ большомъ свѣтѣ надѣлало столько шуму, что привело въ отчаянiе всѣхъ женщинъ. Счастливое было время! Послѣ затворнической жизни съ больнымъ и старымъ мужемъ, — свобода, и съ нею все, что̀ только Фортуна даетъ своимъ любимцамъ. Жизнь моя была волшебная сказка: все исполнялось, сто̀яло пожелать. Въ мой очарованный мiръ не достигало никакое горе. Нуждалась ли я въ деньгахъ,—самые скаредные скупцы несли мнѣ свое золото; конечно, они знали, что мѣшки ихъ у меня выростутъ, но я о томъ не заботилась, и деньги ихъ прекрасно мнѣ служили. Теперь же, еслибъ ты знала, чего сто̀яло мнѣ прошедшую зиму поддержать домъ мой въ прежнемъ видѣ! Я платила ужасные проценты, и никто не хотѣлъ давать въ долгъ: — удивительное чутье у ростовщиковъ! Больше всего сердита я на негодяя Когтина, которому, почти даромъ, досталась моя подмосковная. За то возьму всѣ мѣры, чтобъ никогда не заплатить ему остальнаго долга.

Не знаю, на какихъ-то условiяхъ возьмется Иванъ Саввичъ устроить дѣла мои? Онъ, по своей обыкновенной актуратности, отправился прежде по деревнямъ, чтобъ самому все увидѣть и осмотрѣть. Съ нетерпѣнiемъ жду его рѣшенiя. Что-то услышу отъ него? Можетъ-быть, я еще и не въ такомъ худомъ положенiи, какъ себѣ воображаю. Adieu, ma belle Hélène! благодари судьбу, что она не дала тебѣ *вкусить* сельской жизни.

Всегда твоя к. N. Н.

P. S. Бенорова еще нѣтъ; видно тетушка приняла за дорогаго гостя. Это давно ожидаемое наслѣдство отъ тетки, рѣшившейся жить не меньше самаго долговѣчнаго патрiарха, остается единственною надеждою Бенорова. Удивляюсь, ка̀къ онъ могъ такъ промотаться! Хорошо еще, что я во̀-время о томъ узнала, а то бы не блестящую партiю составили мы другъ для друга.

Беноровъ и князь Ѳедоръ обѣщали прожить у меня въ деревнѣ цѣлое лѣто; впрочемъ, на слова этихъ господъ нельзя полагаться. Князя вѣрно не пустятъ ко мнѣ М...скiе, его и мои родственники, которые такъ долго считали имѣнiе моего мужа своимъ собственнымъ, что до-сихъ-поръ не могутъ простить мнѣ своей ошибки.

—

ПИСЬМО XV.

Княгиня Н. Еленѣ Д.

10 мая 18 . . года.
С. Червоно-Шапки.

Никакой надежды мнѣ не осталось, душа моя, Елена!.. Иванъ Саввичъ поднесъ мнѣ полную чашу горькихъ извѣстій. Вчера, съ отчаянія, я цѣлый день пролежала въ постели. Ночь была для меня длинна какъ вѣчность. Я думала, думала... и встрѣтила день съ открытыми глазами. Солнце наполнило свѣтомъ мою комнату, соловей пѣлъ подъ окномъ... Боже мой, какъ это все несносно! Мнѣ бы хотѣлось бури, землетрясенія,—мнѣ бы хотѣлось, чтобъ магазинъ Сихлеръ сгорѣлъ до основанія, — чтобъ Когтинъ и всѣ мои заимодавцы умерли съ голоду и съ холоду.

Наконецъ благоразуміе взяло верхъ надъ отчаяніемъ. Что̂ дѣлать, Hélène! несчастье, какъ болѣзнь, должно встрѣчать лекарствомъ! Пріемы горьки, но пособляютъ. Первое мое лекарство было зеркало; и въ—самомъ—дѣлѣ, Елена, съ моею наружностію и въ мои лѣта не-ужь-ли для меня кончилось все на свѣтѣ? Потомъ я начала считать тѣхъ, которые находятся, или находились, въ подобномъ моему положеніи, и *имѣла удовольствіе* насчитать много прекрасныхъ дамъ и кавалеровъ, согнанныхъ Когтиными со сцены большаго свѣта. Мнѣ стало легче, и я послала за Иваномъ Саввичемъ, съ которымъ вчера почти поссорилась. Послѣ долгихъ преній, я принуждена была согласиться на всѣ его условія. Этотъ упрямый человѣкъ берется, въ десять лѣтъ, выплатить мои долги и устроить такъ, что доходы увеличатся, хотя для удовлетворенія самыхъ настойчивыхъ кредиторовъ должно немедленно продать тысячу душъ въ К—ой Губерніи. Въ первые пять лѣтъ, Иванъ Саввичъ даетъ мнѣ только по двѣнадцати тысячь въ годъ; разумѣется, на это время я должна погребсти себя заживо въ Червоно-Шапкахъ:—жестокая шутка!... Но что будешь дѣлать противъ судьбы, въ видѣ которой Иванъ Саввичъ дѣйствуетъ неумолимо? Послѣдній у насъ споръ былъ за музыку, но тутъ ужь я поставила на своемъ.

Не заглядывая никогда въ экономическіе отчеты, я и не подозрѣвала, что у меня въ Червоно-Шапкахъ есть музыка. Представь же мое удивленіе, когда, при входѣ въ залу, которой позолоченные карнизы и огромныя хрустальныя люстры показались бы находкою любителямъ рококо, я была встрѣчена оркестромъ, загремѣвшимъ музыкальное поздравленіе, — charivari, сочиненное для моего пріѣзда капельмейстеромъ. Этотъ оригиналъ, изъ крѣпостныхъ людей, отпущенъ на волю мужемъ моимъ, лѣтъ за двадцать предъ симъ, и съ-тѣхъ-поръ неутомимо занимается обученіемъ музыкантовъ, заста-

вляя ихъ, по-большой-части, разъигрывать пьесы своего сочиненія. Все это показалось мнѣ ново и забавно. Я съ важностію похвалила необыкновенное дарованіе моего капельмейстера, и только-что успѣла обѣщать ему свое высокое покровительство, — Иванъ Саввичъ вышелъ съ предложеніемъ уничтожить музыку.

— Это лишній и самый безполезный расходъ, говорилъ онъ надувшись.

—Мнѣ что за дѣло? отвѣчала я.

— Не говорите такъ, княгиня! возразилъ онъ голосомъ филина, предсказывающаго несчастье.

Однако я въ этомъ его не послушала, будто изъ уваженія къ памяти мужа моего, заводившаго эту музыку. Я велѣла капельмейстеру выписать отъ Ленгольда новыхъ бальныхъ пьесъ, буду давать деревенскіе праздники: надобно же какъ-нибудь пособлять своему горю! Къ-счастью, я успѣла, до пріѣзда Ивана Саввича, захватить у пана Звѣрковскаго десять тысячь рублей, приготовленныхъ для уплаты процентовъ въ банкъ. На его возраженія я грозно сказала: — Сроку остается еще три мѣсяца; какой же вы управитель, если въ это время не успѣете собрать такой маловажной суммы!

Панъ Звѣрковскій струсилъ; онъ увидѣлъ, что я не шутя принялась за хозяйство.

Бенорова и князя Ѳедора еще нѣтъ; впрочемъ, я и рада, что безъ нихъ кончила дѣла свои съ Иваномъ Саввичемъ. Съ появленіемъ этихъ господъ, я надѣюсь, у насъ будетъ веселѣе. Мы познакомимся съ нашими сосѣдями и полюбуемся провинціальными львами и львицами.

Въ Червоно-Шапкахъ нашелся кладъ: полный погребъ прекрасныхъ винъ, которымъ Деланè, какъ докторъ, отдаетъ преимущество предъ всѣми минеральными водами. Этотъ сюрпризъ очень кстати въ такое время, когда я осуждена на самую строгую экономію.

Прощай, Hélène, пожалѣй обо мнѣ, другъ мой! я очень несчастна. Оживляй мое уединеніе твоими милыми письмами. Я хочу знать, что̀ дѣлается со всѣми нашими знакомыми; разсказывай имъ побольше о новой моей страсти... къ сельской жизни. Adieu, chèr ange.

Всегда твоя к. N. H.

ПИСЬМО XVI.

Глафира Олимпіадѣ и Марьѣ.

22 мая 18.. года.
Село Моторка.

Какое счастіе, mesdames, быть дома! Я это живо чувствую послѣ вчерашняго нашего визита княгинѣ, которымъ я очень недовольна. Во-первыхъ, обманулась въ надеждѣ найдти тамъ Алькивіада, во-

вторыхъ... но это *во-вторыхъ* слишкомъ длинно. Сперва поболтаю съ моими милыми Липинкой и Машей о чемъ-нибудь другомъ.

Бываетъ ли это съ вами, mesdames: иногда скучно, иногда весело, безъ всякой на то особенной причины? Въ эту минуту мнѣ весело. Сквозь малиновые занавѣсы лучи солнца пурпуровымъ свѣтомъ озаряютъ мою комнату и фантастическими тѣнями скользятъ по зеленымъ стѣнамъ. Портретъ Лизы лукаво улыбается. На окнѣ резеда, за окномъ крикъ перепела... все вокругъ меня дышетъ какою-то чудесною жизнію. Я одна,—какъ весело быть одной!

Послѣ нашего неудачнаго визита княгинѣ, тетушка получила отъ нея приглашеніе на 21 число, день именинъ одной ея кузины, живущей въ Москвѣ. Надобно было видѣть восторгъ тетушки и Юліи!.. Начались хлопоты, приготовленія, и наконецъ,—это было вчера,—въ полномъ парадѣ отправились мы къ княгинѣ.

Прекрасная деревня Червоны-Шапки! Мѣстоположеніе восхитительное: гора, лѣсъ, рѣка,—все тамъ есть. Улицы чисты, хаты выбѣлены и окружены садиками. Посреди села, на горѣ, церковь готической архитектуры; на высокой колокольнѣ золотой крестъ теряется въ облакахъ. Отъ церкви широкая липовая аллея ведетъ до самыхъ воротъ дома, картинно-стоящаго между садомъ и рѣкою, надъ которою протягивается длинный мостъ съ раскрашенными перилами. Все это прекрасно! но вы хотите скорѣе видѣть Калипсу Червоно-Шапокъ?.. Тотчасъ, mesdames; мы уже пріѣхали въ ея волшебный замокъ.

Насъ встрѣтила хорошенькая маленькая особа, которая съ перваго взгляда показалась мнѣ дѣвочкой, неуспѣвшей еще вырости: это была княгиня. Она кинулась обнимать тетушку, Юлію и Периль, ловко и мило наговорила имъ комплиментовъ и протянула мнѣ руку съ такимъ добродушіемъ, что я сначала полюбила ее отъ всего сердца.

—Вы найдете у меня старыхъ знакомыхъ, сказала она улыбаясь, и двое молодыхъ людей съ радостными восклицаніями подбѣжали къ тетушкѣ и Юліи. Одинъ изъ нихъ былъ Беноровъ, о которомъ Юлія такъ часто вопоминала, а другой родственникъ княгини, князь Ѳедоръ.

Я тотчасъ увидѣла, что Алькивіада тамъ не было, и общество, въ которое попала, стало для меня вовсе незанимательно. Изъ нашихъ сосѣдей была только старушка Лепетаенкова съ племянницею своею Дасею, а то все незнакомые: докторъ княгини, Деланѐ, съ ужасно скрипучими сапогами; еще кто-то очень тонкій, жеманный, и другой на него похожій. Больше, кажется, никого не было... Да! у княгини живетъ еще одна Путомова съ двумя дочерьми. Эти дѣвицы большія

насмѣшницы; онѣ воображаютъ, что заѣхали Богъ-знаетъ куда, и что Малороссія населена дикими.

— Сегодня именины Елены Андреевны. Мнѣ хотѣлось провести этотъ день съ лучшими ея и моими друзьями, сказала княгиня.— Я надѣюсь, Катерина Марковна, вы не забыли Елены Андреевны?

— Ахъ, Боже мой! да возможно ли это? Я такъ предана, такъ... такъ... тетушка закашляла.

— Hélène безъ памяти васъ любитъ. Скажите, зачѣмъ вы не были эту зиму въ Москвѣ? Мы васъ ожидали. Князь Θедоръ, я раздѣляю ваше восхищеніе, продолжала она, и понизивъ голосъ прибавила:—прекрасная Юлія Ивановна стала еще прекраснѣе.

Князь Θедоръ, съ нѣмымъ восторгомъ, подпустилъ глаза подъ лобъ, а Беноровъ, смотря на Юлію, безъ церемоніи кричалъ:—Charmante! adorable!.. Юлія жеманно улыбалась... На ея мѣстѣ я бы разсердилась.

За обѣдомъ, мнѣ пришлось сидѣть между дѣвицами Путомовыми, которыя перекликались разными глупостями:—Эмили, посмотри на М-г Деланѐ!»—«Клодинъ, ха, ха, ха!» и тому подобное. Послѣ обѣда княгиня увела тетушку и Периль въ свои комнаты; Юлія секретничала съ Путомовыми, а я напрасно старалась завести разговоръ съ Дасею: *да* и *нѣтъ*, *очень миленько!* больше ничего не могла отъ нея добиться. Мнѣ стало очень скучно. Я подошла къ открытому фортепьяну и сначала робко дотронулась до клавишъ; потомъ музыкальное обаяніе увлекло меня и я играла съ неизъяснимымъ наслажденіемъ, пока не увидѣла, что за стуломъ у меня стояли Беноровъ и князь Θедоръ.

— Что же, ma cousine, продолжайте! отозвалась Юлія.

— Эти господа оставили для васъ свои сигары, сказала насмѣшливо Эмилія Путомова.—Они тотчасъ явились на вашъ музыкальный призывъ.

— Я никого звать не думала, отвѣчала я сухо, и, взявъ за руку Дасю Лепетаенкову, подошла съ нею къ столу, на которомъ раскиданы были журналы и картинки модъ. Несносный своею услужливостію Беноровъ тотчасъ пододвинулъ намъ стулья. Поневолѣ должно было сѣсть, разсматривать вмѣстѣ съ нимъ гравюры и, что всего хуже, говорить о модахъ. Дася и я скоро оказались *послѣднія въ классѣ по этому предмету,* и отъ модъ перешло къ литературѣ. Тогда разговоръ оживился. Нельзя было равнодушно слушать, съ какимъ пренебреженіемъ Беноровъ отзывался о нашихъ любимыхъ писателяхъ. Особливо, когда онъ сказалъ, что въ русской литературѣ читать нечего, я возстала противъ такой клеветы съ жаромъ, выдвинувшимъ и Дасю изъ ея обыкновенной сферы—молчанія.

— Читать нечего! возразила она съ живостію, которой я въ ней

никакъ не предполагала.—Да я недавно читала преинтересную книгу: «Исторія о славномъ рыцарѣ Полиціонѣ». Этотъ рыцарь былъ такой добрый, такой умный, такой храбрый! а сынъ его... еще умнѣе, еще храбрѣе!.. Онъ и съ разбойниками сражался, онъ и...

Дася остановилась не кончивъ своего панегирика рыцарю. Дурной примѣръ Бенорова, хохотавшаго безъ церемоніи, увлекъ и меня.

— Уморительный костюмъ! говорилъ онъ, вертя въ рукахъ гравюрку модъ.

— Полно, ужь не надо мной ли вы это смѣетесь? спросила у меня покраснѣвшая Дася.

— Помилуйте, Дарья Львовна! подхватилъ Беноровъ.—Смотрите сами, можно ли безъ смѣху видѣть эту гравюрку? Въ-самомъ-дѣлѣ... каррикатура! прибавилъ онъ, мигая мнѣ на Дасю.

Онъ думалъ, mesdames, что я буду вмѣстѣ съ нимъ дурачить бѣдную Дасю! Но я, оставляя безъ вниманія его улыбки и миганья, сказала:

— Нѣтъ, я не хочу лгать. Я смѣялась . . . Этотъ рыцарь такой смѣшной.

— А вы его знаете? спросила простодушно Дася.

Беноровъ опять расхохотался.

— Я не читала этой книги; только вы такъ смѣшно расхвалили рыцаря...

— Ахъ, какія же вы насмѣшницы! прервала надувшись Дася.

— Любите ли вы читать романы? спросилъ у меня Беноровъ, нетерпѣливо перебивая извиненія мои передъ Дасею.

Этотъ вопросъ меня озадачилъ. Я отвернулась и съ притворною разсѣянностію смотрѣла въ окно.

— Васъ напугали романами въ институтѣ, продолжалъ онъ смѣясь:—это безподобно!

— Только несправедливо.

— Извините, я знаю, что романы запрещены въ институтѣ, и что, не смотря на то, въ этотъ земной рай прокрадываются иногда грѣшные томики...

— Никогда!

— Не смѣю спорить, но по-моему,—прибавилъ онъ съ какимъ-то лукавымъ видомъ: чтеніе романовъ очень полезно для дѣвицъ. Скажите откровенно, какую книгу читали вы тихонько отъ классныхъ дамъ?

— Одну очень скучную, подъ заглавіемъ: *Любопытный.*

— Очень вамъ благодаренъ! подхватилъ смѣясь Беноровъ.

Этотъ разговоръ напомнилъ мнѣ Waverley Вальтера Скотта. Помнишь, Липинька, сколько было страху, когда Marie взялась утащить для насъ эту книгу у мадамъ Ив., и какими смѣшными подробно-

стями сопровождалось это похищеніе?.. Грустно, mesdames, когда подумаю, какъ далеко мы съ Лизой отъ института и отъ всѣхъ васъ!

Садъ въ Червоно-Шапкахъ заслуживаетъ въ полной мѣрѣ славу свою въ здѣшнихъ мѣстахъ. Сколько тамъ бесѣдокъ, и какъ милы мостики черезъ быстрый ручей, выбѣгающій изъ рѣки, посреди которой островокъ съ прекрасными цвѣтниками и китайскою бесѣдкою.

— C'est un vrai éden! говорила княгиня, прогуливаясь съ нами по саду и, заставляя любоваться цвѣтами и деревьями, безпрестанно повторяла: Oh, que j'aime la belle nature! .. За эту идиллическую фразу, я уже начинала смотрѣть на княгиню съ особеннымъ пристрастіемъ, какъ вдругъ была совершенно разочарована.

Никогда не забуду этой глупой прогулки въ саду княгини. Безъ маменьки и Лизы, какъ *новенькая* въ институтѣ, я была одна между чужими. Юлія обходилась со мною совсѣмъ не такъ, какъ дома, а тетушка—нечего и говорить! колоссальная ея фигура, казалось, еще выросла; княгиня висѣла у нея на рукѣ, какъ ридикюльчикъ. Я шла съ Дасей Лепетаенковой позади всѣхъ. Беноровъ не отставалъ отъ меня ни на шагъ.

— Слава Богу, наконецъ ушелъ! сказала я Дасѣ.

— Напрасно притворяетесь, ma cousine, отозвалась Юлія.—Будто не видно, что вы въ восторгѣ отъ Бенорова.

— Отъ него въ восторгѣ?.. Фи!

— *Фи* здѣсь не у мѣста. Беноровъ прекрасный молодой человѣкъ. Что вы за принцесса такая? Въ Москвѣ, одна дѣвица впала въ чахотку отъ любви къ нему. Мы говоримъ о васъ... сказала Юлія съ умильною улыбкою Бенорову, подошедшему къ намъ съ двумя букетами цвѣтовъ, изъ которыхъ лучшій былъ предложенъ мнѣ, а другой Юліи. Смѣшно было видѣть, какъ Юлія за то разсердилась. Она отвернулась отъ Бенорова, надулась и, пройдя нѣсколько шаговъ, кинула букетъ свой въ кусты. Добрая Дася, думая прислужиться, тотчасъ подняла букетъ и подала опять Юліи, которая сухо ей сказала:

— Напрасно безпокоились! возьмите себѣ, когда вамъ нравится.

— Какъ миленько пахнетъ! сказала Дася, запуская длинный носъ свой въ цвѣты.

— Юлія Ивановна! за что такая немилость? вскричалъ коми-трагическимъ тономъ Беноровъ. — Что сдѣлали вамъ мои цвѣты?

—Что тамъ у васъ такое?.. отозвалась со смѣхомъ княгиня.—Вы никогда не умѣете угодить, сказала она Бенорову:—да будетъ вамъ стыдно! .. Князь Өедоръ, букетъ цвѣтовъ для Юліи Ивановны. Скажите, Катерина Марковна, хорошъ ли садъ у васъ въ деревнѣ?

— Садъ нашъ замѣчателенъ обширностью и прекраснымъ мѣстоположеніемъ, отвѣчала тетушка, закидая назадъ голову, что означало полное удовольствіе. — Изъ него можно бы сдѣлать что-нибудь очень хорошее, но я не умѣю заниматься садомъ, да и времени не станетъ. А вотъ любительница садоводста, ma nièce; у нея только-и-дѣла, что садъ да садъ! И le grand-père такъ·ее балуетъ, что, не смотря на свою скупость, не жалѣетъ денегъ на ея тамъ затѣи. Впрочемъ, можно сказать, эти деньги кинуты въ воду.

Княгиня улыбнулась отъ послѣднихъ словъ тетушки и, обращаясь ко мнѣ, сказала: — Мы одного съ вами вкуса. Ка̀къ вы думаете, что̀ больше всего украшаетъ садъ?

— Присутствіе Глафиры Александровны, подхватилъ Беноровъ, и эта его выходка привела меня въ замѣшательство, тѣмъ болѣе, что тетушка, перемигнувшись съ княгинею, пожала плечами.

— По-крайней-мѣрѣ, скажите, продолжала княгиня, напрасно прождавъ нѣсколько минутъ отъ меня отвѣта:—что̀ новенькаго затѣяли вы въ вашемъ саду?

—Ничего, совершенно ничего, отвѣчала я, думая тѣмъ отдѣлаться.

— Вотъ прекрасно! вскричала тетушка:—а бесѣдка?

— Это не въ саду.

—Ахъ, да! Вообразите, шалунья вздумала строить бесѣдку за паркомъ, на большой дорогѣ; комедія да и только!

Тетушкѣ хотѣлось выставить меня съ смѣшной стороны, я это видѣла; но я рѣшилась молчать. Мнѣ казалось, что я нарушила бы уваженіе къ памяти отца моего, еслибъ объявила княгинѣ и ея обществу о причинѣ возстановленія старой бесѣдки.

— Это, вѣрно, храмикъ любви и дружбы? спросилъ Беноровъ съ смѣшною гримасою.

— Просто бесѣдка, отвѣчала я.

— Просто бесѣдка, это слишкомъ-прозаически! Я вамъ совѣтую дать ей какое-нибудь романтико-фантастическое названіе, сказала княгиня, лукаво прищуривая глазки.—Смотрите, у меня голубая бесѣдка посвящена воспоминанію, китайская на островку — разлукѣ; этотъ мостикъ, который, кажется, готовъ развалиться, называется Pont des Soupirs...

— Ка̀къ это мило, супиръ! сказала тетушка, прихлопнувъ у себя на лбу муху.

Вы знаете, mesdames, трудно ли меня разсмѣшить?.. Тетушка пожала плечами, видя, что я засмѣялась; а княгиня, шепнувъ ей что-то, пристала ко мнѣ, чтобъ я тотчасъ дала названіе моей бесѣдкѣ. Это сильно меня озадачило. Всѣ остановились, всѣ на меня смотрѣли. Я стала цѣлью, въ которую началась стрѣльба взглядовъ и улыбокъ. У меня голова закружилась; мнѣ казалось, всѣ эти дамы и ка-

валеры составлены изъ однихъ глазъ. Вокругъ меня сверкали глаза всѣхъ цвѣтовъ и отливовъ; я видѣла глаза на кустахъ и на деревьяхъ. Къ довершенію всего, какъ-будто изъ-подъ земли выходилъ глухой, задушаемый хохотъ Юліи и Путомовыхъ. Это было нестерпимо! Послѣдняя искра моего ума погасла. Наклонивъ голову, я глупо водила зонтикомъ по песку.

— Пусть это будетъ храмикъ любви и дружбы, сказалъ Бенеровъ.

— Молчаніе означаетъ согласіе, вскричала толстуха Путомова.

Всѣ засмѣялись. Негодованіе мое возрасло до такой степени, что взяло верхъ надъ всѣми другими чувствами. — Если кому должно краснѣть въ этой глупѣйшей сценѣ, то конечно не мнѣ, подумала я, поднимая голову, и взглядъ мой заставилъ княгиню опустить глаза.

— Благодарю васъ; совѣты ваши мнѣ ненужны, сказала я Бенорову.—Бесѣдка моя останется просто бесѣдкою и никакого романтико-фантастическаго названія не получитъ.

— Не хорошо упряниться, ма піесе, сказала мнѣ тетушка.

— Малорюсси карактèръ! отозвалась Периль, качая головою.

—Что жь дѣлать! отвѣчала я смѣясь:—малороссійское упрямство, *нехай буде гречка!*

Я вамъ пришлю, mesdames, эту хорошенькую малороссійскую пѣсню; дѣдушка часто заставляетъ меня ее пѣть.

— Вы большой патріотъ! сказала мнѣ насмѣшливо Периль; — это давно записано въ моихъ мемуаръ.

Между-тѣмъ, княгиня ласково мнѣ улыбалась. Она перемѣнила со мною тонъ и, пожимая мнѣ руку, сказала:

— Мы васъ замучили, Глафира Александровна; но я, право, не думала, чтобъ такая бездѣлица привела васъ въ затрудненіе.

Слова княгини подстрекнули мое самолюбіе и я, безъ всякаго размышленія вскричала:—Вы шутите, княгиня! это меня нимало не затруднило, и если вамъ угодно, я посвящаю, на эту минуту, мою бесѣдку памяти Алькивіада.

Имя Алькивіада невольно сорвалось у меня съ языка. Я сама испугалась своего экспромта. Хорошо еще, что не разболтала Юліи о сходствѣ незнакомца съ бюстомъ Алькивіада, а то бы насмѣшкамъ конца не было.

— Вотъ видите ли, Алькивіадъ одинъ изъ древнихъ принцевъ Рюсси! вскричала Периль, поспѣшивъ выказать свою ученость.

Княгиня утвердительно кивнула головою.

—Видно, мадамъ Периль очень давно читала россійскую исторію, сказала я.

—А вы очень недавно и рано оставили вашъ институтъ, отвѣчала съ злостью Периль.

— Алькивіадъ заглавіе романа? спросилъ у меня Беноровъ.

— Экзаменъ кончился, и я ужь не обязана отвѣчать на вопросы, отвѣчала я, уходя отъ него поскорѣе.

Чай пили въ бесѣдкѣ, открытой со всѣхъ сторонъ; я любовалась прекрасными видами. Непріятное со мною приключеніе скоро вышло у меня изъ головы; на лужку играла музыка, и ноги мои зашевелились,—такъ давно я не танцовала!

У княгини будетъ балъ 8 іюня. Она хочетъ пригласить всѣхъ сосѣдей; но я еще не знаю, прійдется ли быть на этомъ балѣ. Лиза послѣ кашлю своего еще не выѣзжаетъ, а маменька не захочетъ оставить ее одну дома. Прощаясь со мною, княгиня была чрезвычайно ласкова, обнимала меня, цаловала, говорила, что пріѣдетъ въ Моторну познакомиться съ маменькой и Лизой, надѣется, что мы будемъ у нея часто, и проч. Посмотримъ, ваше сіятельство; правду сказать, вы очень милы, но... Богъ съ вами!

Смѣшное обыкновеніе провожать дамъ къ каретѣ! Князь Өедоръ поддерживалъ подъ руку тетушку и тоненькимъ голоскомъ просилъ осторожнѣе сходить съ высокаго крыльца,—въ самомъ дѣлѣ, жизнь князя висѣла на волоскѣ, еслибъ огромная тетушка моя вздумала оступиться. Юлію тащили подъ руки съ обѣихъ сторонъ; Периль жеманно опиралась на толстаго Деланé, а я, притворясь, будто не вижу протянутой ко мнѣ руки Бенорова, проворно сбѣжала съ крыльца и прыгнула въ карету. Тетушка и Периль напали на меня за это, но я не могла поступить иначе: Беноровъ... не могу вамъ объяснить, mesdames, чувства, которое онъ во мнѣ поселяетъ! Еслибъ можно было, я бы запретила ему подходить ко мнѣ близко и даже смотрѣть на меня. Не понимаю, чтó Юлія находитъ въ немъ хорошаго? Она не могла скрыть своей досады за невниманіе его къ ней, и дуется на меня еще и сегодня,—право смѣшно! Впередъ даю себѣ слово съ тетушкой и кузиной никогда не выѣзжать. Мнѣ очень хочется быть на балѣ у княгини, но не иначе, какъ съ маменькой и Лизой.

Прощайте, мои милые, мои ангельскіе друзья, Липинька и Маша! Никто въ свѣтѣ васъ для меня замѣнить не можетъ.

Глафира С.

ПИСЬМО XVII.

Княгиня Н. Еленѣ Д.

22 мая 18.. года.
С. Червоны-Шанки.

Вчера я праздновала день твоего ангела, душа моя, Елена. Тысячи желаній о твоемъ счастіи летѣли къ тебѣ изъ дальней Украйны. Я никогда не забуду, кáкъ весело провели мы этотъ день въ прошломъ году; тогда были вмѣстѣ, а теперь далеко одна отъ другой! Напиши

мнѣ о балѣ твоемъ; безъ меня графинѣ Лоло открытое поле кокетничать,—увѣдомь о ея побѣдахъ.

О себѣ скажу, Hélène, большую новость: интересъ жизни снова завязывается для меня самымъ неожиданнымъ образомъ.

Помнишь ли Валентина Г., котораго романическая ко мнѣ страсть такъ тебя забавляла, назадъ тому семь или восемь лѣтъ? Онъ служилъ тогда юнкеромъ въ к... полку. Я притворялась, будто смотрю на его любовь, какъ на дѣтскую шалость, — говорю: *притворялась,* потому-что въ чувствахъ Валентина было столько истины, въ мечтахъ его столько поэзіи!.. Я никого не знаю, кто былъ бы такъ увлекателенъ, какъ онъ. Не помню, что вызвало его изъ Москвы, только я сильно огорчилась его отъѣздомъ. Это было въ самую блестящую эпоху моей жизни; но и въ упоительной атмосферѣ окружавшихъ меня удовольствій, не скоро исчезло воспоминаніе о Валентинѣ.

Судьба чудесными путями соединяетъ тѣхъ, которые предназначены другъ для друга. Я начинаю думать, что обстоятельства нарочно загнали меня сюда, чтобъ въ этой пустынѣ я встрѣтилась съ Валентиномъ. Онъ живетъ у дяди своего въ деревнѣ, смежной съ моею. Эта новость, случайно мнѣ открывшаяся, перемѣнила въ розовый цвѣтъ все меня окружающее. Я ожила, какъ цвѣтокъ весною на дикой почвѣ поля. Валентинъ единственный наслѣдникъ дяди своего Дужебрехенка, извѣстнаго здѣсь богача, получающаго до полутораста тысячь рублей годоваго дохода, *прекрасно имъ сберегаемаго.* Такіе дяди живой кладъ; у меня къ нимъ большая симпатія. Валентинъ пріѣхалъ въ отпускъ на цѣлый годъ, и долженъ скоро жениться. Невѣста его,—ты ее знаешь, Юлія Ивановна С., дочь этой глупой великанши Катерины Марковны. Такая соперница для меня не страшна; первое свиданіе мое съ Валентиномъ опрокинетъ все вверхъ дномъ. У меня уже составленъ планъ романа; я сдѣлаю исторію, которая произведетъ шуму въ цѣлой Малороссіи и кончится моимъ замужствомъ. Тогда опять явлюсь къ тебѣ, и Наталія Г. будетъ блестѣть въ столицѣ не меньше княгини Н.:. Согласись, *ваше сіятельство*—самый пустой звукъ, когда сіятельство не звенитъ золотомъ.

Не думай, Hélène, чтобъ предпріятіе мое было безъ всякаго основанія. Путомова ручается за успѣхъ, а ты знаешь удивительную ея способность въ такихъ дѣлахъ. Безъ нея я бы и не подумала искать знакомства съ Лепетаенковой; только геній мой оцѣнилъ достоинства этой женщины, которая для того живетъ и трудится, чтобъ знать всѣ дѣла и помышленія своихъ сосѣдей. Путомова называетъ обсерваторіей ея домикъ, который стоитъ на высокой горѣ и видѣнъ изъ моего сада. Клеопатра Петровна Лепетаенкова взяла на себя

хлопотливую должность: развозить новости, мирить, ссорить, составлять или разстроивать партіи по цѣлому уѣзду. Этого мало: на ней лежитъ еще обязанность забавлять и тѣшить общество. Она очень мила, эта Клеопатра Петровна. Представь себѣ высокую, съ огромной головой женщину, которая и пяти минутъ не посидитъ на мѣстѣ. Она вездѣ какъ дома: бѣгаетъ по комнатамъ, суетится, секретничаетъ. Обхожденіе ея съ мужчинами,—умора! Молодые люди подшучиваютъ надъ нею, а между-тѣмъ повѣряютъ ей свои сердечныя тайны. Надобно слышать, какъ говоритъ она своимъ особеннымъ нарѣчіемъ — все, что прійдетъ на мысль, съ самой забавной оригинальностью. Вчера Беноровъ, съ ловкостью столичнаго франта, вертѣлся передъ нею, прося найдти ему богатую невѣсту.

— Годи, годи вже вамъ! перебила она. — Вы прекрасны, да не *манїртесь* такъ, Бога ради!

Ты бы смѣялась, Hélène, еслибъ видѣла старанія мои сблизиться съ Лепетаенковой. Я не жалѣла ничего; она вообразила, что въ моемъ имѣніи есть лоскутокъ земли, несправедливо у нея отнятый,—и я ей его подарила. За то, сколько интересныхъ подробностей сообщила она мнѣ о Валентинѣ и о дядѣ его, Наумѣ Корнѣевичѣ! Она имъ родственница и часто у нихъ бываетъ. Валентинъ пріѣхалъ сюда изъ полка больной, и до-сихъ-поръ не видѣлся съ невѣстою своею, которая изъ провинціальнаго жеманства отказалась посѣтить его въ болѣзни. Лепетаенкова утверждаетъ, что онъ женится не по своему выбору; дядя его и дѣдушка Юліи, давнишніе друзья и современники, затѣяли эту свадьбу. Еще одно важное извѣстіе: въ обстоятельствахъ Юліи произошла большая перемѣна: недавно она считалась единственною наслѣдницею своего дѣдушки, не хотѣвшаго знать дѣтей меньшаго сына, женившагося противъ его воли; но теперь, вдругъ старику вздумалось вызвать къ себѣ изъ Петербурга невѣстку съ двумя взрослыми дочерьми, которыя стали любимыми его внучками; Юлія много черезъ то потеряла, однакожь, все-таки, она и ея кузина считаются здѣсь богатыми невѣстами. Я совѣтую Бенорову жениться на Юліи: за нею пятьсотъ душъ приданаго; въ настоящемъ положеніи дѣлъ, это было бъ прекрасно для него, для меня и для Валентина. Юлія давно неравнодушна къ Бенорову; помнишь, какъ она кокетничала съ нимъ въ Москвѣ,— глупенькая, хотѣла отбить его у меня!

День твоихъ именинъ, Елена, назначенъ былъ мною для свиданія съ Юліей и ея колоссальной maman. Съ перваго взгляда, красота Юліи меня поразила, можно сказать, уничтожила. Но первое впечатлѣніе скоро замѣнилось другимъ. Голубые глаза ея похожи на стеклянные: такъ мало въ нихъ чувства, а неизмѣнная улыбка придаетъ какое-то глупое выраженіе ея лицу. Замѣтно, что красавица въ

восторгѣ сама отъ себя; она смѣется за каждымъ своимъ словомъ и жеманится такъ, что нельзя смотрѣть равнодушно. Углубившись въ аналитическій разборъ прелестей моей соперницы, я не обратила сначала никакого вниманія на ея кузину, Глафиру, и только восторгъ, съ какимъ Беноровъ шепнулъ о ней князю Ѳедору, заставилъ меня разсмотрѣть ее получше. Это одна изъ тѣхъ счастливыхъ физіономій, которыя нравятся, не имѣя ничего особеннаго. Да и что въ ней хорошаго, въ этой Глафирѣ?.. Институтскіе пріемы, стройная талія, и только. Не понимаю, отъ-чего у меня противъ нея залегло что-то на сердце! Правда, она нѣсколько разстроила планы мои на Бенорова и Юлію. Въ-послѣдствіи я все улажу по-моему, а вчера досадно и смѣшно было смотрѣть на Юлію, изъ себя выходившую отъ ревности къ Глафирѣ. Я постаралась пособить ей сколько можно.

— Не правда ли, Вольдемаръ, Юлія чудесно похорошѣла? сказала я съ притворнымъ восторгомъ Бенорову.

— Напротивъ, она подурнѣла. Мнѣ болѣе нравится ея кузина, эта очаровательная Психея!

— Психея... Ахъ, вы насмѣшникъ!

— Я говорю серьёзно. Посмотрите, сколько души въ тонкихъ и нѣжныхъ чертахъ лица Глафиры... Я въ жизнь мою не видѣлъ привлекательнѣе физіономіи!

Слышишь ли, Hélène, *онъ въ жизнь свою не видѣлъ привлекательнѣе физіономіи!*.. Это вывело меня изъ терпѣнія. Я съ нимъ поссорилась; тогда, на зло мнѣ, онъ еще больше сталъ ухаживать за Глафирою. Раздѣляя досаду Юліи, я вздумала наказать Глафиру за ея минутное торжество, и будто шутя приступила къ ней съ вопросомъ, сильно ее затруднившимъ. Все наше общество было на моей сторонѣ. Мы требовали ея мнѣнія о садѣ, о бесѣдкѣ... Дѣло шло о пустякахъ,—мнѣ только хотѣлось ее сконфузить. Но, къ удивленію моему, она прекрасно насъ отдѣлала, и въ замѣшательствѣ своемъ была такъ мила,—негодная дѣвчонка! Я ей припомню это. Катерина Марковна очень на нее жалуется; Глафира, подъ личиною дѣтской невинности, хитра и коварна. Въ самое короткое время она успѣла поселить въ дѣдушкѣ своемъ большую холодность къ Юліи. Мать ея, по словамъ Катерины Марковны, скучная педантка.

Я ломаю голову, какимъ бы образомъ увидѣться скорѣе съ Валентиномъ. Онъ съ большимъ участіемъ разспрашивалъ обо мнѣ Лепетаенкову; ему хотѣлось знать, все ли я также хороша, весела ли, и зачѣмъ пріѣхала въ деревню? Первая любовь не легко изгоняется изъ сердца; это увядшій цвѣтокъ, который, грустно разсматривая, всегда жалѣемъ о его минувшей свѣжести и красотѣ.

Лепетаенкова утверждаетъ, что Валентинъ уже совершенно здо-

ровъ, но продолжаетъ свое затворничество изъ какого-то неудовольствія противъ Юліи. Между-тѣмъ, дядя его почти каждый день бываетъ у С...ныхъ, и заранѣе тѣшится, называя Юлію своею прелестною племянницею. Не спѣшите такъ, Mr. Дужебрехенко! Я бьюсь съ вами объ закладъ, что этого не будетъ. Большое для меня счастіе, милая Елена, что Валентинъ не носитъ фамиліи своего дяди; madame Doujebrechenko было бы нестерпимо! — Adieu, ma toute chèrie!

Всегда твоя к. N. Н.

ПИСЬМО XVIII.

Княгиня Н. Еленѣ Д.

7 іюня 18.. года.
Червоны-Шапки.

Ты бы не узнала Валентина, милая моя Елена! Высокій, стройный красавецъ не похожъ на прежняго нашего знакомца юнкера. Я нашла въ немъ большую перемѣну: черты лица стали не такъ нѣжны, мѣсто улыбки заступило какое-то задумчивое выраженіе; которое очень идетъ его мужественной и благородной физіономіи. Онъ очень хорошъ собой; глаза у него — Боже! сколько въ нихъ блеску, чувства, ума... Hélène, Hélène! я не шутя боюсь влюбиться,—страхъ было бы глупо!

Я видѣлась съ нимъ сегодня поутру. Свиданіе наше было dans le genre pastoral, подъ открытымъ небомъ, въ прекрасной рощѣ. Все это я хитро устроила, наскучивъ ожидать Валентина въ моей гостиной. Здѣсь, Hélène, можно потерять всякое терпѣніе; каждый ведетъ лѣнивую, сидячую жизнь въ своемъ уголку; нѣтъ ни баловъ, ни прогулокъ, гдѣ бы можно было встрѣтиться; деревня—это круглое несчастье!

Вчера посѣщеніе нѣкоторыхъ дамъ, пріѣхавшихъ ко мнѣ, по деревенскому обычаю, на цѣлый день, навело на меня смертельную скуку. Замѣтя мое страданіе, Лепетаенкова предложила прогулку въ *Чортывъ Яръ,* и я, не спрашивая куда и гдѣ, велѣла скорѣе закладывать экипажи и сѣдлать лошадей. Я готова была хоть въ адъ, лишь бы избавиться отъ моихъ утомительныхъ посѣтительницъ.

— Чортовъ-Яръ! это что значитъ? Ужь не за грѣхи ли наши придумали вы намъ какое наказаніе? говорилъ смѣючись Бенуровъ Лепетаенковой, галопируя у рыдвана, въ которомъ она ѣхала.

— Яръ, въ уменьшительномъ ярокъ, по-малороссійски значитъ долина, подхватилъ педантскимъ голосомъ ученика молодой человѣкъ, пріѣхавшій съ тѣми дамами.—Если угодно, я объясню вамъ, почему называется Чортовымъ-Яромъ долина, находящаяся верстахъ въ трехъ

отсюда. Въ нашихъ степяхъ трудно найдти мѣсто живописнѣе этой долины. Съ одной стороны у нея столѣтніе дубы, съ другой гора, внизу которой быстрый ручей пробѣгаетъ черезъ долину и прячется въ синѣющей вдали рѣкѣ. Это картинное мѣстоположеніе оживляется еще чудною игрою природы: надъ ручьемъ, противъ старой, оставленной мельницы, отдается эхо. Слова, сказанныя тамъ чуть-мало громкимъ голосомъ, повторяются два раза — сперва сильно и ясно, потомъ слабѣе и невнятно, какъ-будто какое невидимое существо, насмѣхаясь надъ вами, сначала передразниваетъ, а послѣ путаетъ смыслъ рѣчей вашихъ. Можно навѣрное сказать, что названіе *Чортовъ-Яръ* произошло отъ эха, вселяющаго паническій страхъ въ робкихъ поселянъ. Самые смѣлые изъ нихъ не пойдутъ въ долину по захожденіи солнца. Только молодые люди клянутся тамъ въ вѣчной любви, продолжалъ онъ, съ улыбкою посматривая на Эмилію:— и преданіе говоритъ, что нарушеніе клятвы, повторенной эхомъ, никогда не остается безъ наказанія.

—А я и не подозрѣвала, что имѣю во владѣніи своемъ такую рѣдкость! сказала я смѣясь.

— Извините, ваше сіятельство, не могу утвердительно сказать... навѣрное не знаю, вамъ ли... отвѣчалъ запинаясь молодой человѣкъ.

— Шчо се, якъ бы то вы не знали! отозвалась Лепетаенкова: — Чортовъ-Яръ принадлежитъ брату Науму Корнѣевичу.

Лепетаенкова очень тщеславится родствомъ своимъ съ Дужебреенкомъ, и никогда не забудетъ къ имени Наума Корнѣевича приклѣить слово: «братъ».

Разговоръ нашъ продолжался въ самомъ веселомъ тонѣ. Я и Эмилія ѣхали верхомъ, а для другихъ дамъ нашлись у меня двѣ допотопныя рѣдкости: линейка и рыдванъ, вѣроятно, служившія еще предкамъ моего мужа. Лепетаенкова всѣхъ забавляла своими шутками. Кавалеры наши окружали рыдванъ, изъ котораго она выглядывала, какъ попугай изъ клѣтки.

— Прекрасный, очаровательный Чортовъ-Яръ! кричали всѣ, когда мы въѣхали въ дубовую рощу и спустились въ долину, гдѣ привѣтствовалъ насъ цѣлый хоръ соловьевъ, перекликавшихся между собою со всѣхъ сторонъ. Общество наше раздѣлилось: одни ушли дальше, другіе, прогуливаясь по долинѣ, любовались бѣлыми аистами, красиво рисовавшимися въ своихъ большихъ гнѣздахъ, на темной зелени дубовъ, или заставляли эхо болтать всевозможныя глупости. Я отдѣлилась отъ толпы и сѣла съ Лепетаенковой на дерновомъ канапе.

— Вотъ настоящій дубъ-патріархъ! сказала я, удивляясь необыкновенной толщинѣ и величинѣ дуба, подъ которымъ мы усѣлись.—

Канапе здѣсь очень кстати; — видно, Наумъ Корнѣевичъ любитель хорошихъ видовъ?

— Помилуйте, княгиня! братъ Наумъ Корнѣевичъ человѣкъ умный; для него косари да жнецы занимательнѣе самыхъ прекрасныхъ видовъ. Да, и правду сказать, что въ нихъ, въ этихъ видахъ! Вотъ, напримѣръ, и здѣсь, хоть бы орѣхи росли, а то все дубы, да дубы!

— Кто же устроилъ здѣсь канапе?

— Валентинъ Михайловичъ; это его любимое мѣсто. И теперь, говорятъ, боленъ, никуда не выѣзжаетъ, а я знаю, что онъ изволитъ всякое утро прогуливаться. Лучше бъ поѣхалъ до С...ныхъ! прибавила она, лукаво улыбаясь.

—Однакожъ, согласитесь, большая разница визиты, или прогулки на свободѣ, сказала я, желая что-нибудь отъ нея вывѣдать.

— Говорите, что хотите, а тутъ есть что-то непонятное: Валентинъ пріѣхалъ домой раненный,—слава Богу, время у насъ не военное; братъ Наумъ Корнѣевичъ напрасно думаетъ засыпать всѣмъ глаза разбойниками,—гдѣ бы тутъ взялись разбойники! Другая сказка о лошадяхъ, будто-бы втащившихъ коляску въ провалье; но коляска цѣлёхонька, а Валентинъ раненъ, такъ-что и теперь еще рукой владѣть не можетъ. Меня трудно обмануть... Постойте, голубчики! Богъ дастъ, все узнаю... Вѣрно, *панычикъ* имѣлъ дуэль въ полку. Надобно развѣдать, за что и съ кѣмъ.

— Удивляюсь, какъ вы до-сихъ-поръ не разрѣшили этой задачи!

— Когда же мнѣ было? все сижу у васъ, княгиня. На-дняхъ, Катерина Марковна два раза за мною присылала, да Богъ съ нею! она во всемъ слушаетъ свою *Шарлоттину Пранцузну,* а я-себѣ человѣкъ простой, не умѣю по-французски.

— Такъ вы давно были у С...ныхъ, и ничего о нихъ не знаете?

— Какъ же! я и забыла вамъ сказать большую новость: Катерина Марковна съ Юліей Ивановной надумались навѣстить Валентина. Это было въ пятницу. Увидѣвъ экипажъ Катерины Марковны,—дорога мимо моего двора,—я тотчасъ отгадала куда *біжить моя пани,* и велѣла скорѣе закладывать лошадей. Но пока собралась, пока сё да то, да еще, какъ на-зло, пріѣхалъ *мерзеный* женихъ до Даси, — пока выпроводили его съ *гарбузомъ,*—время ушло, и я уже никого не застала у брата Наума Корнѣевича. Только онъ встрѣтилъ меня словами: «Ну, сестра, какіе у меня были гости!» и замололъ какъ мельница. Имена: Катерина Марковна, Юлія Ивановна такъ и вертѣлись у него на языкѣ. Я оставила его болтать на свободѣ, а сама подошла къ Валентину, который молча сидѣлъ, облокотившись на столъ и положивъ голову на руки.—Наконецъ, вы увидѣлись съ невѣстой вашей, сказала я ему: — вотъ, думаю, обрадовались!... А знаете ли что? пора бы ужь вамъ быть здоровымъ, продолжала я, будто шутя.

— Теперь въ Червоны-Шапки бѣгутъ всѣ, какъ на ярмарку; тамъ очень весело. Недавно была у княгини и Катерина Марковна; берегитесь, Валентинъ Михайловичъ, у княгини гоститъ родственникъ ей, князь Н., и еще другой прекрасный молодой человѣкъ, — какъ-разъ отобьютъ у васъ невѣсту!—Валентинъ на это только усмѣхнулся, но усмѣхнулся такъ, какъ-будто бы сказалъ: «чортъ съ нею!»

Лепетаенкова продолжала болтать, не замѣчая, что я давно перестала слушать. Меня занимало извѣстіе о утреннихъ прогулкахъ Валентина. «Завтра, на этомъ канапе, я буду сидѣть съ нимъ!» думала я, и въ этой мысли заключалась для меня цѣлая фантасмагорія плѣнительныхъ мечтаній. Я не знаю, до-какихъ-поръ я бы тамъ просидѣла, еслибъ Лепетаенкова не вывела меня изъ моего поэтическаго усыпленія скучной прозой самаго несноснаго изъ вопросовъ: — О чемъ вы такъ задумались, княгиня? Пора домой! солнце заходитъ,— добрые люди ужь чай пьютъ.

Сегодня, Hélène, я встала, можетъ-быть, въ то самое время, когда ты ложилась спать. Въ восемь часовъ утра, моя верховая лошадь была готова, и я отправилась прогуляться въ поле, жалуясь на головную боль. Я взяла съ собою одну Клодинъ, страстную охотницу до верховой ѣзды. Мы называемъ ее *прекрасной амазонкой;* длинная и худая, она, какъ вампиръ, впивается въ лошадь и безумно скачетъ черезъ рвы и пни. Нельзя выдумать каррикатурнѣе фигуры! Впрочемъ, правду сказать, это именно и рѣшило выборъ мой для сегодняшней прогулки между ею и Эмиліею.

— Куда же мы? спросила у меня Клодинъ, перелетѣвъ по-донкихотски черезъ плетень, отдѣлявшій отъ поля избы деревни.

— Я и сама не знаю; не поѣхать ли намъ въ Чортовъ-Яръ?

— Чудесно вздумали. Какія тамъ растутъ фіялки! Я поставила вчерашній мой букетъ въ воду, и запахъ отъ него на всю комнату.

— Такъ поѣдемъ же за фіялками.

Мы быстро поскакали. Утро было прекрасное; чуть-ли не первый разъ въ жизни я встала такъ рано. Роса блестѣла еще на травѣ и на деревьяхъ; пѣніе птицъ, ароматъ полевыхъ цвѣтовъ, упоительная свѣжесть воздуха,—все это дышало какой-то неотразимой прелестью, подъ вліяніемъ которой я находилась не меньше всякой героини романа, ищущей приключеній.

— Ахъ! откуда взялась такая прекрасная собака? вскричала Клодинъ, указывая на бѣлаго съ коричневыми ушами пуделя.

О, Елена! еслибъ ты знала, какъ сердце у меня забилось при этомъ вѣрномъ знакѣ присутствія Валентина въ долинѣ. Я погнала лошадь; Клодинъ не отставала отъ меня ни на шагъ, и скоро топотъ нашихъ пегасовъ раздался по долинѣ. Поровнявшись съ мельницею, мы сошли съ лошадей; я кинула бѣглый взглядъ въ ту сторону, гдѣ стоя-

ло канапе,—тамъ лежалъ кто-то съ книгою въ рукахъ. Притворясь, что никого не вижу, я сдѣлала руладу à la Catalani, которую эхо повторило съ дивною отчетливостію.

— Княгиня, здѣсь кто-то есть, сказала Клодинъ. — Посмотрите, какой-то молодой человѣкъ. Бѣдненькій! съ подвязанной рукой; онъ вѣрно раненъ. Хотѣла бы я знать, въ какомъ полку онъ служитъ?.. Ай, ай! ка̀къ онъ на насъ смотритъ,—это очень интересно!

Между-тѣмъ, Валентинъ, увидя насъ, проворно всталъ и, свернувъ свою книгу, сталъ медленно всходить на гору, оглядываясь безпрестанно.

— Господи, какіе въ Украйнѣ дикари! говорила Клодинъ, жеманно срывая фіялки.—Развѣ бъ не могъ онъ остаться здѣсь?

— Послушай, душенька Клодинъ, сказала я, съ отчаяніемъ смотря на уходившаго Валентина: — ка̀къ бы заставить его воротиться?

—А вотъ какъ! отвѣчала со смѣхомъ Клодинъ, ударивъ хлыстомъ пуделя, мимо насъ бѣжавшаго.—Не-уже-ли онъ допуститъ свою собаку меня съѣсть?

Собака съ яростью кинулась на Клодинъ, которая громко кричала, защищаясь отъ нея хлыстомъ. Валентинъ въ минуту очутился подлѣ насъ и, усмиривъ своего пуделя, обратился ко мнѣ съ милою улыбкою. Глаза его спрашивали, узнаю ли я его.

— Боже! ко̀го я вижу! вы ли это? вскричала я, протягивая ему руку.

— Княгиня Наталья Павловна... Какое неожиданное счастье!

— Я ужъ здѣсь больше мѣсяца.

— Я слышалъ о вашемъ пріѣздѣ...

— Безъ того вы вѣрно бы меня не узнали?

— Васъ не узнать! возможно ли? вскричалъ онъ, положивъ руку на сердце и смотря на меня съ восторгомъ. — Я хотѣлъ сказать, что болѣзнь моя мѣшала мнѣ имѣть честь...

— Оставимъ комплименты. Мы давнишніе друзья. Сядемъ-те здѣсь. Благодарю случай, доставившій мнѣ удовольствіе возобновить никогда незабытое мною... знакомство.

Мы сѣли на канапе. Клодинъ, отъ нѐчего-дѣлать, отправилась за фіялками.

—Долго ли будемъ имѣть счастіе видѣть васъ, княгиня, въ здѣшнихъ мѣстахъ?

— Я думаю остаться здѣсь навсегда.

— Вы шутите. Можетъ ли это быть, чтобъ вы промѣняли блестящую жизнь столицы на деревенское уединеніе?.. Я помню...

— Вы можете помнить все, что̀ хотите, прервала я, съ самою очаровательною изъ моихъ улыбокъ: — но я въ восторгѣ отъ деревни. Ка̀къ хороша здѣсь природа! какое разнообразіе, какое великолѣпіе

въ ея величественной простотѣ!.. Я восхищаюсь моими деревенскими прогулками, и ни мало не жалѣю объ искусственныхъ садахъ и душныхъ залахъ столицы.

— Еслибъ только наши рощи и поля скоро вамъ не надоѣли!

— О, никогда! Здѣсь я дышу свободнѣе. Я испытала пустоту и суетность шумныхъ удовольствій,—душа моя утомлена...

Мы продолжали разсуждать о уединеніи, о красотѣ природы,—это было очень невинно, но становилось скучно, и я неожиданно кончила одну изъ сантиментальныхъ фразъ вопросомъ:

— Васъ можно поздравить,—вы женитесь?

— Да, отвѣчалъ онъ сухо.

— Невѣста ваша красавица и премилая! Я давно съ нею знакома.

Валентинъ поклонился молча. Онъ былъ въ видимомъ замѣшательствѣ.

— Когда же свадьба ваша? продолжала я, наслаждаясь его смущеніемъ.

— Не знаю еще.

— А! вы секретничаете со мной. Это нехорошо; когда-то вы были откровеннѣе.

— Увѣряю васъ, княгиня: это еще не рѣшено. Притомъ же, я въ это не мѣшаюсь,—это не мое дѣло.

— Не ваше дѣло, когда идетъ о счастіи цѣлой жизни вашей!... Признаюсь, я не ожидала отъ васъ такого легкомыслія.

Валентинъ печально улыбнулся и, наклонивъ голову, въ задумчивости водилъ тросточкой по травѣ. Замѣтно было, что онъ боролся съ желаніемъ говорить откровенно. Минута сердечной довѣренности была недалека... Вдругъ, — представь себѣ, Hélène, мою досаду: въ лѣсу раздался пронзительный женскій крикъ и сильный лай собаки.

— Опять мой жоли! вскричалъ Валентинъ, поспѣшно убѣгая.

Я проклинала Клодинъ. Это была ея штука; ей оставалось одно средство кокетничать съ Валентиномъ: дразнить его собаку, и она этого не пропустила. Надобно было видѣть, съ какимъ жеманствомъ возвращалась она ко мнѣ съ букетами фіялокъ въ рукахъ!

Ты догадаешься, что я продлила прогулку до нельзя. Прощаясь со мною, Валентинъ обѣщалъ бывать у меня часто; голосъ его и выраженіе глазъ подтвердили это обѣщаніе. Я вижу, Лепетаенковой нельзя во всемъ вѣрить. Сомнѣніе ея о болѣзни Валентина совершенно ложно. При первомъ взглядѣ видно, что онъ перенесъ сильную болѣзнь, послѣ которой еще не совсѣмъ оправился. Онъ разсказывалъ ужасный случай, бывшій причиною его болѣзни: вся бѣда произошла отъ бѣшеныхъ лошадей, опрокинувшихъ коляску, въ которой онъ ѣхалъ.

— А знаете ли, здѣсь говорятъ, что на васъ напали разбойники, сказала я шутя.

— Можетъ-быть и въ-самомъ-дѣлѣ, отвѣчалъ онъ смѣясь. — Я такъ крѣпко ударился головою о камень, такъ долго лежалъ безъ чувствъ, что не могу навѣрное сказать, что вокругъ меня происходило.

Валентинъ очень любезенъ. Вспоминая всѣ подробности моего съ нимъ свиданія, которыхъ передать тебѣ, милая Елена, вполнѣ невозможно, я не сомнѣваюсь въ успѣхѣ моего предпріятія. Поздравь меня, душа моя, и шепни о томъ графинѣ Лоло и другимъ: — пусть не считаютъ меня погибшей въ деревнѣ.

Завтра именины князя Ѳедора и первый мой деревенскій балъ. Жаль, что Валентинъ у меня не будетъ; но пусть только скорѣе выздоравливаетъ, я буду для него импровизировать праздники.—Adieu, Hélène!

Всегда твоя к. N. Н.

ПИСЬМО XIX.

Глафира Олимпіадѣ и Марьѣ.

11 іюня 18 . . года.
С. Моторна.

Вчера въ вечеру, друзья мои, мы возвратились изъ Червоно-Шапокъ, гдѣ провели цѣлые два дня. У меня и теперь еще отъ танцевъ ноги болятъ, а въ ушахъ звучитъ бальная музыка. Балъ въ деревнѣ — прелесть! это не то, что въ городѣ: вамъ принесли платье изъ магазина, вы его надѣли, повертѣлись нѣсколько часовъ на балѣ и конецъ. У насъ же это длинная исторія: наши праздники считаются не часами, а днями. Намъ нужны и хорошенькіе неглиже къ завтраку, и нарядныя шелковыя платья къ обѣду, и бальныя на вечеръ. Между дамами только и слышны распросы о платьяхъ, какое у кого приготовлено къ обѣду, на вечеръ, на сегодня, на завтра? и такъ далѣе. Посмотрѣли бы вы, mesdames, сборы наши на балъ: особливо, когда дойдетъ до укладки, — Боже сохрани что-нибудь забыть! надобно помнить о всѣхъ мелочахъ. Но еслибъ вы знали, какъ весело обо всемъ этомъ хлопотать и суетиться! Буфы, оборки, банты въ сундукахъ такъ жмутся, — думаешь, какъ бы лучше уложить? а между-тѣмъ, нехотя любуешься своими нарядами, и сладко мечтаешь о удовольствіяхъ бала, посреди хаоса платьевъ, лентъ, цвѣтовъ и другихъ вещей, въ картинномъ безпорядкѣ раскиданныхъ по стульямъ и столамъ.

Балъ у княгини былъ по случаю именинъ князя Ѳедора. Катерина Марковна съ Юліей и Периль отправились туда еще наканунѣ

Юлія очень дружна съ княгинею; у нихъ безпрестанныя свиданія и секреты. Посѣщенія ея сіятельства не дѣлаютъ уже въ Моторнѣ никакой суматохи; княгиня такъ часто у насъ бываетъ, что никто не церемонится съ нею; эта маленькая фея всѣхъ здѣсь обворожила; дѣдушка хотя и называетъ ее *швыдка пани*, однакожь она такъ умѣетъ съ нимъ любезничать!... Всѣ наши сосѣди отъ нея въ восторгѣ и завистливыми глазами смотрятъ на дружбу ея съ Юліей.

Маменька рѣже всѣхъ бываетъ у княгини, — здоровье Лизы не позволяетъ выѣзжать часто. И теперь, княгиня просила насъ пріѣхать наканунѣ на вечеръ, а мы явились только въ день именинъ къ обѣду. Неправда ли, mesdames, какъ весело, въ нарядномъ платьѣ, входить въ гостиную? Это такъ мило, когда всѣ обступятъ съ поклонами и привѣтствіями!... Я такъ люблю, иногда, поважничать.

Мы нашли у княгини большое общество, но еще и послѣ насъ безпрестанно стучали у подъѣзда экипажи и появлялись новыя лица. У всѣхъ былъ одинъ маневръ: дамы остались въ гостиной, мужчины ретировались въ залу. До обѣда въ гостиной было очень скучно; старухи усѣлись за вистъ, молодыя дамы и дѣвицы, какъ-будто пришитыя къ кресламъ, чинно сидѣли, разсматривая другъ друга. Нѣкоторые франты, съ распущеннымъ платкомъ въ рукѣ, прокрадывались въ гостиную, и на цыпочкахъ подходили къ дамамъ. Все это было несносно. Я съ большимъ любопытствомъ заглядывала въ залу; меня смущалъ раздававшійся тамъ стукъ сабли. —Что̀, если это Алькивіадъ! думала я, — но увы, послѣ узнала, что всю эту тревогу подымалъ одинъ толстый ремонтёръ. Нужно же было ему нацѣплять саблю и стучать ею на весь домъ!

Наконецъ, къ общему удовольствію, парадная принужденность, томившая всѣхъ цѣлое утро, исчезла послѣ обѣда. Тогда можно было ходить по залѣ, или идти въ садъ, или въ свою комнату, — свобода была полная. Общество раздѣлилось группами. Я стояла на балконѣ съ дѣвицами Г.; вдругъ кто-то поцаловалъ меня въ плечо. Я обернулась,—это была Дася Лепетаенкова,—помните, mesdames, рыцаря Поліціона!... Съ-тѣхъ-поръ, стараясь загладить мою противъ Даси вину, я взяла ее подъ особенное свое покровительство. Теперь мы съ нею друзья. И вотъ, какъ не должно судить о людяхъ по первому знакомству. Дася не только не глупа, но имѣетъ много природнаго ума, а сердце у нея предоброе. Нельзя не жалѣть, что она выросла на хуторѣ и воспитывалась подъ руководствомъ тетки своей, которая. . . но, Богъ съ нею! скучно говорить про эту тетушку... Я начала-было о чемъ-то, очень для меня интересномъ... да! Дася пришла ко мнѣ на балконъ.

— Вечеръ прекрасный, — не хотите ли погулять въ саду? сказала она мнѣ.

— А вамъ не угодно съ нами? спросила я дѣвицъ Г.

— О, нѣтъ! отвѣчала старшая.—Мнѣ жаль волочить по землѣ мое розовое платье. Чудесная матерія! и притомъ дорогая, — по десяти рублей аршинъ.

— Какъ я счастлива, что одна съ вами! сказала мнѣ Дася, когда мы сошли съ балкона.

— Развѣ дѣвицы Г. вамъ не нравятся?

— Я не говорю ничего про нихъ; но знаете, эти воспитанныя дѣвицы такія гордыя! все говорятъ по-французски, — скучно не понимать.

— Хотите, я буду учить васъ по-французски?

— Нѣтъ; я знаю, что не пойму. Я и такъ много благодарна вамъ и сестрицѣ вашей за французскій кадриль. Вчера тетушка удивилась. Кто жь это тебя научилъ танцовать? спросила она у меня. — Вѣрно Путомовы; я имъ поручила вашу племянницу, сказала княгиня, — а мнѣ такъ весело было отвѣчать: нѣтъ, это С...скіе. — Еслибъ вы знали, Глафира Александровна, какъ я васъ люблю! печаль ли, радость ли какая у меня на сердцѣ, такъ и хочется вамъ разсказать. Сядемъ подъ этимъ деревомъ.

Мы сѣли на лавочку, обвивавшуюся вокругъ огромнаго клена, котораго густыя вѣтви, съ своими широкими листьями, были прекрасны днемъ, и въ вечеру окружали дерево мрачными тѣнями.

— Не слишкомъ ли далеко зашли мы отъ дому? сказала я, со страхомъ замѣчая глубокое уединеніе того мѣста.

— Будьте спокойны; я знаю здѣсь всѣ дорожки, да и садъ теперь наполненъ людьми. Со всѣхъ сторонъ слышны голоса. Тамъ, противъ лужка, приготовляютъ фейерверкъ; всѣ аллеи передъ домомъ будутъ иллюминованы... слушайте, слушайте! вотъ тоненькій хохотъ Юліи Ивановны, и толстый голосъ Бенорова, а Эмилія какъ сокочетъ... Господи! чего вы боитесь? въ этомъ саду никто еще не пропадалъ безъ вѣсти, какъ въ одномъ страшномъ романѣ, который я недавно читала, говорила съ улыбкою Дася, стараясь меня ободрить.

— Ну, что вы хотѣли мнѣ сказать?

— Это большой секретъ... Я надѣюсь...

— Будьте увѣрены, никому не скажу.

— Даже и Лизаветѣ Александровнѣ?

— Даже и Лизѣ.

— Ну, хорошо. Видите ли, я... я... влюблена.

— Ахъ, Боже мой! не-уже-ли и въ-самомъ-дѣлѣ?

— О, конечно! отвѣчала со вздохомъ Дася.

— Я думаю, вамъ очень странно?

— Нимало. Вы испытаете сами...

— Я?! никогда!

— Непремѣнно!... вскричала Дася. — Я вамъ предсказываю,.. вы будете скоро влюблены.

— Это смѣшно. Почему жь вы такъ думаете?

— Потому-что нельзя быть всегда равнодушной. Повѣрьте мнѣ, найдется человѣкъ, котораго любовь будетъ для васъ драгоцѣннѣе всего на свѣтѣ.

— Перестаньте; мнѣ, право, стыдно, перебила я. Но признаюсь, mesdames, пока она говорила, въ воображеніи моемъ рисовался образъ Алькивіада. Скажите, Дасинька, какъ это бываетъ?... На-примѣръ... какъ вы влюблены?

— Это чувствуешь здѣсь, отвѣчала Дася, положа руку на сердце. —Мысль о немъ не оставляетъ меня никогда; что бы я ни дѣлала, о чемъ бы ни говорила, гдѣ бы ни была, онъ какъ тѣнь всегда со мною. Какой-то невидимый голосъ нашептываетъ мнѣ имя его и повторяетъ все, что я отъ него слышала. Онъ является мнѣ какъ привидѣніе, недоступное равнодушнымъ взорамъ другихъ. Я вижу его вездѣ; иногда перелетныя облака принимаютъ видъ его... Любить, это такое блаженство! Представьте же себѣ мое положеніе, — теперь, когда мечты превратились въ существенность, когда наступила счастливая минута свиданія, мнѣ говорятъ: не смѣй на него смотрѣть, не смѣй съ нимъ танцовать;—это ужасно!... Дася съ рыданіемъ закрыла глаза платкомъ.

— Скажите же мнѣ, кто онъ такой?

— Вы его знаете: Эрастъ Кассьяновичъ, исправникъ нашего уѣзда. Не правда ли, какой онъ миленькій?

— Ахъ, Боже мой!... закричала я почти съ испугомъ, и чуть-было не расхохоталась. Мнѣ такъ и представилась маленькая фигурка исправника, съ большимъ лунообразнымъ лицомъ, которое съ улыбкою выглядываетъ изъ-за кустовъ огромныхъ бакенбардъ.

— Прежде тетушка сама желала, чтобъ Эрастъ Кассьяновичъ на мнѣ женился, продолжала Дася:—а послѣ отказала ему, когда онъ за меня сватался. Ей хочется выдать меня за судью, этого стараго медвѣдя; но я лучше хочу умереть, чѣмъ за него выйдти. Надобно же было Кобеняку завести съ тетушкой тяжбу,—вотъ, она и говоритъ: «Ну, Дася, еслибъ судья на тебѣ женился, я бы всѣмъ святымъ свѣчи поставила. Тарасъ Гавриловичъ съ ума бы сошелъ отъ злости; да правду сказать, ужъ я бъ его тогда!» — Ахъ, тетушка! да вѣдь вы знаете, что я люблю Эраста Кассьяновича.—«Пустое! я и сама любила одного, а вышла замужъ за другаго.»

— Тише, тише!... перебила я, прижимаясь къ Дасѣ.—За деревомъ кто-то есть; я слышала шелестъ листьевъ,—скамейка сейчасъ покачнулась.

По ту сторону дерева, на скамейкѣ, сидѣлъ кто-то спиною къ намъ, въ шинели, съ надвинутой фуражкой на глаза.

— Кто бы это такой?... шепнула мнѣ Дася.

— Кажется, онъ спитъ.

— Притворяется!.. онъ слышалъ весь нашъ разговоръ. Знаете ли что? Вѣрно судья подослалъ подслушивать меня. Пусть же знаетъ, что я его терпѣть не могу и никогда за него не выйду... никогда, никогда! повторяла расхрабрившись Дася такъ громко, что я пустилась бѣжать безъ оглядки.

— Глафира Александровна! Глафира Александровна! да подождите, ради Бога! кричала Дася, догоняя меня; но я остановилась только добѣжавъ до конца аллеи.

— Кто бы это такой былъ? говорила задыхаясь Дася.—Не удивительно ли это? когда мы побѣжали, я оглянулась, — вдругъ изъ-за дерева вышелъ высокій мужчина, и отпустилъ мнѣ вслѣдъ: «Бѣдная судья!» Вотъ приключеніе съ нами.

— Особливо со мною, — я потеряла мой вѣеръ. Чуть ли не забыла его у скамейки.

— Воротимся.

— Ни за что въ свѣтѣ! Смотрите, какъ тамъ темно!

И въ-самомъ-дѣлѣ, темнота въ той части сада была тѣмъ разительнѣе, что въ смежныхъ аллеяхъ зажигали уже плошки и разноцвѣтные фонарики, развѣшенные по деревьямъ.

— Такъ я пойду одна. Подождите меня здѣсь,—я мигомъ сбѣгаю.

— Ахъ, какія вы добрыя! мнѣ право совѣстно.

— Не уходите же безъ меня! закричала еще разъ Дася, отважно пускаясь въ темную аллею.

Оставшись одна, я стояла чуть дыша. Вдали слышны были голоса прогуливающихся, но это меня не ободряло. Вокругъ меня раздавалось кваканье лягушекъ и крикъ птицъ, встревоженныхъ огнями. И тутъ же, прямо передо мной, вставала тѣнь большаго дерева, шевелившаго своими вѣтвями, какъ руками. Сердце у меня такъ и билось; мнѣ казалось, со мной должно случаться что-нибудь необыкновенное. Наконецъ въ аллеѣ послышался шумъ шаговъ... Скорѣе, скорѣе, Дасинька! закричала я; — но вообразите мой ужасъ: вмѣсто Даси, представилось глазамъ моимъ что-то огромное и высокое. Въ одну секунду повернула я назадъ, и въ нѣсколько прыжковъ очутилась у дерева, увѣшаннаго зажженными фонарями.

— Вашъ вѣеръ, Глафира Александровна, сказалъ, подходя ко мнѣ незнакомецъ, закутанный въ шинель, и я увидѣла; — удивляйтесь, mesdames!... Я увидѣла Алькивіада. Онъ подалъ мнѣ вѣеръ мой, и въ молчаніи стоялъ передо мною.

— Ахъ, это вы!... сказала я, насилу приходя въ себя отъ изумленія.

— Вы меня узнали?

— Я такъ часто о васъ думала... Я не могла простить себѣ ужаснаго случая съ вами...

— Помилуйте, стóитъ ли это того?

— Ваша опрокинутая коляска мучила меня какъ привидѣніе... Вы вѣрно были послѣ того больны?

— Благодарю васъ за участіе. Теперь я совершенно здоровъ, и особенно счастливъ, встрѣтивъ васъ здѣсь такъ неожиданно.

Мнѣ стало очень-стыдно. Съ минуту продолжалось молчаніе, потомъ я рѣшилась у него спросить, будетъ ли онъ на балѣ?

— Къ-сожалѣнію, я долженъ былъ отказаться отъ приглашенія княгини.

— Вы отказались?

Изъ темной аллеи раздался голосъ Даси; незнакомецъ быстро оглянулся.—Скоро я буду имѣть честь... въ Моторнѣ... сказалъ онъ; но, избѣгая встрѣчи съ Дасею, не кончивъ фразы, исчезъ между деревьями.

Это непостижимое явленіе казалось мнѣ чѣмъ-то сверхестественнымъ. Я не могла прійдти въ себя отъ радости. Онъ не умеръ! приключеніе отъ моей шляпки кончилось благополучно... Но откуда онъ взялся? чтò онъ тутъ дѣлаетъ? зачѣмъ не будетъ на балѣ?.. Это были для меня нерѣзрѣшимыя задачи.

— Что съ вами, Глафира Александровна? вы будто меня не видите. Вашего вѣера нигдѣ нѣтъ. Слышите ли, я не нашла? закричала Дася, стараясь вывести меня изъ моей задумчивости.—Да онъ у васъ въ рукахъ... Прекрасно! а я искала, искала...

— Благодарю васъ. Мнѣ принесъ мой вѣеръ, — знаете ли кто?

— Не-уже-ли шпіонъ, сидѣвшій за деревомъ!... Жаль, что меня тутъ не было: я бы пристыдила его. Можно ли подслушивать?

— Вы на него выдумываете, ma chère. Онъ показался мнѣ такимъ добрымъ...

— Вѣрьте вы этимъ добрымъ, — я знаю, что судья прехитрая мужчина.

— Кто же такъ говоритъ? сказала я смѣясь.

— Все ошибаюсь! отвѣчала со смѣхомъ Дася.—Вы знаете, тетушка сама меня учила, а по ея правиламъ: судья и мужчина...

— Суть женскаго рода! перебилъ толстый голосъ.

— Слышите ли, опять здѣсь. . . вотъ какой противный! шепнула Дася, наставляя ухо въ ту сторону, откуда раздался голосъ.

— Уйдемъ отсюда, сказала я.

— Подождите минуточку. Это просто несносно,—говорила Дася,

и, поворотивъ къ темной аллеѣ, закричала:—Я не боюсь шпіоновъ!... А-га! стыдно стало, — замолчалъ. Теперь, пойдемъ скорѣе на лужокъ. Тамъ ужъ, думаю, собрались всѣ въ ожиданіи фейерверка.

Мы пришли въ самую пору. Увидѣвъ меня съ Дасею, Юлія пожала плечами и сказала Эмиліи: «Вотъ дружба-то!» И что́ ей за дѣло? Правда, всѣ дѣвицы подсмѣиваются надъ Дасей; онѣ воображаютъ, что быть съ нею mauvais ton. Но, душечки мои, хотѣла бы я имъ сказать: чѣмъ же Дася хуже васъ? знаніе французскаго языка не доказываетъ еще хорошаго воспитанія, и попугаи кричатъ bonjour! а глупости одинаково плетутся на всѣхъ языкахъ; примѣръ тому Путомовы. Терпѣть не могу, mesdames, если на кого даромъ всѣ нападаютъ. Это привязываетъ меня къ Дасѣ еще болѣе. Жаль, что тетушка ея такая чудачка; бѣдная Дася очень сконфузилась, когда она при всѣхъ встрѣтила ее словами:

— Де се ты ходишь, Дасю? на тоби сенсентюревое (сатентюрковое) платье, а ты такъ по росй и волочишь.

— Я была съ Глафирой Александровной, отвѣчала поспѣшно Дася:—которой имя мое служитъ талисманомъ, спасающимъ ее отъ упрековъ тетушки.

Фейерверкъ устроенъ былъ по ту сторону рѣки, обтекавшей полукругомъ лужокъ, по которому прогуливалось все общество въ нетерпѣливомъ ожиданіи. Между смѣхомъ и шумными разговорами, часто слышно было: «Скоро ли начнется?.. пора бы одѣваться къ балу!» Вдругъ, съ оглушающимъ трескомъ, взлетѣли на воздухъ ракеты и разсыпались по небу ослѣпительными звѣздами. Минутный день блеснулъ яркимъ свѣтомъ, и ночь съ своими тѣнями исчезла. Въ то же самое мгновеніе отразилось въ водѣ,—мы стояли надъ рѣкою,—очаровательное зрѣлище: иллюминованный садъ съ живописными группами дамъ и кавалеровъ, и... посреди всей этой фантасмагоріи,—незнакомецъ въ фуражкѣ и шинели. Я видѣла его, mesdames!.. сцена была на одинъ мигъ, но всѣ подробности ея обрисовались съ дивною отчетливостію. Онъ стоялъ вдали отъ другихъ; спущенная съ одного плеча шинель открывала перевязь, поддерживавшую руку его; — я невольно вскрикнула.

— Вы испугались? спросилъ подбѣгая ко мнѣ Беноровъ.

Новый взрывъ ракетъ избавилъ меня отъ отвѣта. Опять тотъ же миражъ повторился въ водѣ; только самаго интереснаго лица не стало, и я уже готова была спорить съ своими глазами, точно ли его видѣла; но Лепетаенкова, будто отвѣчая мнѣ на мою мысль, шепнула княгинѣ:

— Я вамъ говорю, онъ здѣсь.

— Это не можетъ быть! возразила княгиня.

— Я сама видѣла. Когда огни вспыхнули, лицо его отразилось въ водѣ, какъ въ зеркалѣ.

— Ахъ, душа моя! если такъ, пойдите скорѣе... я васъ буду благодарить... шептала княгиня, и Лепетаенкова, отдѣлясь отъ толпы, ушла въ темную аллею.

Я не могла разслушать всего, чтò говорили, но подозрѣвая, что дѣлò шло о незнакомцѣ, рѣшилась не отступать отъ княгини ни на шагъ, до возвращенія Лепетаенковой.

Между-тѣмъ, фейрверкъ продолжалъ горѣть; при каждомъ взрывѣ его, общее удовольствіе выражалось шумными восклицаніями. Не знаю, отъ-чего мнѣ было грустно посреди этой суматохи? Смѣшно сказать: мнѣ казалось, что я нахожусь при какой-то печальной церемоніи. Фантастическій свѣтъ огней, летавшихъ по воздуху, придавалъ всему какую-то странную физіономію и наводилъ безжизненную блѣдность на лица.

— Не грѣхъ ли вамъ такъ бояться? сказалъ, подходя ко мнѣ, Беноровъ.—Я замѣчалъ за вами: фейерверкъ приноситъ вамъ больше страху, чѣмъ удовольствія.

— Напротивъ, мнѣ очень нравится.

— Да, да, нравится! а между-тѣмъ, вы не туда и смотрите.

И въ-самомъ-дѣлѣ, я безпрестанно оглядывалась, не идетъ ли Лепетаенкова. Къ-несчастью, Беноровъ продолжалъ любезничать, и сколько я ни старалась отъ него отдѣлаться, онъ не отходилъ отъ меня. Очень было досадно, особливо, когда пришла Лепетаенкова! Я видѣла, съ какимъ жаромъ княгиня взяла ее за руку; обѣ онѣ смѣялись. «Нельзя... ему только хотѣлось... здѣсь, украдкою...» говорила Лепетаенкова. Больше я ничего не могла слышать; толстый голосъ Бенорова покрывалъ ихъ шопотъ. Этотъ человѣкъ созданъ на то, чтобъ мучить меня!

Послѣ фейерверка дамы пошли одѣваться къ балу. Танцы начались поздно, зато кончились на разсвѣтѣ. Удовольствіе быть нарядно одѣтой и танцовать такъ рѣдко въ деревнѣ, что при первыхъ звукахъ оркестра, я пришла въ совершенный восторгъ. Одно мѣшало мнѣ вполнѣ веселиться: меня мучило любопытство, отъ-чего появленіе въ саду незнакомца обрадовало до такой степени княгиню? Чтò ей до него за дѣло?.. Это очень странно!

Описаніе моихъ бальныхъ приключеній, — было нѣсколько смѣшныхъ сценъ,—оставляю до слѣдующей почты. Сейчасъ мы ѣдемъ съ маменькой кататься, и знаете ли куда?.. въ *Чортовъ-Яръ*. Не пугайтесь, mesdames; это гадкое названіе принадлежитъ одному изъ самыхъ очаровательныхъ мѣстъ. Вообразите чудесную, зеленую... ну, послѣ опишу. Карета подана,—зовутъ. Въ институтѣ бъ сказали: -

«счастливая Глафира!» Милый институтъ, тамъ легко тамъ быть счастливою!

Прощайте, мои безцѣнные друзья!

Гл. С.

ПИСЬМО XX.

Глафира Олимпіадѣ и Марьѣ.

15 іюня, 18.. года.
С. Моторна.

Знаете ли, mesdames, кто такой женихъ Юліи?.. Прощай, Алькивіадъ! Это прекрасное историческое имя такъ хорошо шло моему незнакомцу, пока онъ не выходилъ изъ міра фантазіи въ тѣсный кругъ обыкновенной жизни. Сначала это сильно меня поразило; мнѣ жаль было Алькивіада, моей мечты. Я чуть не плакала,—да что ужь передъ вами лгать! я плакала какъ дитя... Стыдно было самой-себя. И теперь, какъ вспомню!.. Вообразите, mesdames, превращеніе Алькивіада въ Валентина Михайловича застало меня на сценѣ моихъ комическихъ представленій.

Вчера Лиза и я гуляли по саду; но услышавъ о пріѣздѣ жениха Юліи, мы побѣжали скорѣе въ дѣдушкины комнаты. Въ гостиной на стулѣ лежали фуражка и сабля.

— Гдѣ же гость? спросила я, видя, что дѣдушка сидѣлъ одинъ у себя въ кабинетѣ, задумчиво облокотясь на ручку креселъ.

— А ты ужь знаешь о его пріѣздѣ?

— Какъ же! намъ тотчасъ сказали. Что это, дѣдушка, вы такъ скучны?

— Меня разсердила глупая Периль. Когда пріѣхалъ Валентинъ Михайловичъ, я послалъ за Юліей; мнѣ хотѣлось, чтобъ свиданіе ихъ было у меня. Къ удивленію моему, невѣста наша не являлась очень-долго. Я послалъ за нею въ другой разъ; тогда, надувшись пришла Периль, и начала нашептывать мнѣ, что Юлія неприлично бѣжать на встрѣчу жениху, что она дама, что Валентинъ могъ бы потрудиться пройдти нѣсколько комнатъ для свиданія съ нею, — и тому подобный вздоръ. Это меня взбѣсило: «Убирайтесь вы себѣ, мадамъ, къ чорту, съ вашими глупыми приличіями!» сказалъ я.—Не забывайте, мусье С., что я дама!... закричала она, и выркнула на меня такъ, что я перекрестился, и плюнувъ, отъ нея отвернулся. Отъ-роду не видалъ я такого взгляда! самъ чортъ сидитъ у нея въ глазахъ. Между-тѣмъ, Валентинъ, догадываясь въ чемъ дѣло, просилъ меня позволить ему идти къ Катеринѣ Марковнѣ,—на лицѣ его видно было неудовольствіе. Эта Периль такая дрянь, и такъ разобралась, что я бы ни часа не держалъ ее у себя въ домѣ!

—Не сердитесь, дѣдушка; вамъ это вредно, сказала я.—Хотите ли, я васъ тотчасъ разсмѣшу: протанцую вамъ соло Крепака, да еще новое па, подмѣченное мною на балѣ у княгини. Тамъ былъ другой Крепакъ смѣшнѣе петербургскаго,—посмотрите!

— Постой, сказала Лиза, и вынесла изъ гостиной фуражку и саблю.—Надѣнь; это будетъ уморительно; а послѣ представишь ремонтера Д.,—знаешь: *Я видѣлъ-съ кучу шпаковъ-съ!*

Вотъ я и пошла отплясывать *соло Крепака*. Дѣдушка, забывая свою досаду, смѣялся отъ всего сердца. Намъ было очень-весело. Лиза пѣла и била тактъ; сабля моя съ стукомъ волочилась по полу, и по временамъ всѣ трое мы такъ хохотали... Вдругъ пѣніе Лизы остановилось на самомъ crescendo, а дѣдушка мигая дѣлалъ кому-то знаки,—я оглянулась... ужасъ! Алькивіадъ выглядывалъ изъ гостиной. Фуражка тотчасъ слетѣла у меня съ головы, но сабля никакъ не снималась; руки у меня дрожали, и наконецъ я рѣшилась бѣжать въ карикатурномъ видѣ, съ саблею на боку, которая стучала одна какъ десять вмѣстѣ. — Куда ты, Глафира? не уходи! это Валентинъ Михайловичъ.,—слышишь ли?

Я очень хорошо слышала, и тѣмъ скорѣе бѣжала. Нужно же мнѣ было буфонить именно въ ту минуту... И теперь не могу равнодушно вспомнить, а тогда!... Еслибъ можно было умереть, когда захочешь, я бы умерла, mesdames, вчера непремѣнно.

— Дѣдушка тебя зоветъ! вскричала Лиза, вбѣгая ко мнѣ въ комнату.—Что это? я глазамъ не вѣрю... ты плачешь, точно *кофейная*. Бѣдненькая! ужь не погрозила ли тебѣ классная дама *чернымъ столомъ?*

— Оставь меня; ты ничего не знаешь.

— Я знаю, что лучше смѣяться, нежели плакать.

— Еслибъ, по-крайней-мѣрѣ, не нацѣпляла ты на меня сабли да фуражки, а то вѣдь странно, Лиза, съ этимъ человѣкомъ у меня всегда преглупыя встрѣчи!

— Я тебя не понимаю.

— Первый разъ, когда лошади его испугались моей шляпки и опрокинули коляску...

— Поздравляю! это совсѣмъ не онъ!

— Кому же лучше о томъ знать, тебѣ или мнѣ?

— Конечно мнѣ. Я только-что слышала разсказъ Валентина Михайловича дѣдушкѣ о причинѣ его долгой болѣзни. Правда, съ нимъ было что-то подобное, только совсѣмъ другое: его опрокинули гдѣ-то на мосту; онъ крѣпко ушибся, чуть не утонулъ,—все это нимало не похоже на твое приключеніе. Пойдемъ же; дѣдушка хочетъ скорѣе тебя познакомить съ нашимъ будущимъ родственникомъ, ко-

торому, видно, ужъ суждено было увидѣть *соло Крепака* во всемъ блескѣ; ты, этотъ разъ, какъ нарочно чудесно танцовала.

— Ты меня утѣшила, душенька Лиза! Слова твои сняли большую тягость съ моего сердца. Какъ мило онъ выдумалъ!... Это избавляетъ меня отъ многихъ непріятностей. Особливо я боялась Юліи; у меня ужь отзывались въ ушахъ ея насмѣшки, еслибъ она узнала, что незнакомецъ, котораго я такъ расхваливала, — женихъ ея.

Въ восторгѣ своемъ я продолжала болтать, а Лиза, слушая меня, не могла прійдти въ себя отъ удивленія. Наконецъ, увѣрившись, что Алкивіадъ мой былъ Валентинъ Михайловичъ, она, къ огорченію моему, вовсе не одобрила его выдумки.

— Зачѣмъ это скрывать? говорила она. — Не думаетъ ли онъ, что тебя за него въ уголъ поставятъ?

— Какія глупости, Лиза!

Тутъ зашелъ у насъ пресильный споръ; чтобъ прекратить его, я сказала:

— Мнѣ кажется, Лиза, лучше всего вотъ что сдѣлать: я обойдусь съ Валентиномъ Михайловичемъ какъ-будто я его не узнала, — тѣмъ и кончится.

— Да развѣ не ты разговаривала съ нимъ въ саду княгини? Видя твое притворство, онъ подумаетъ, что ты, вмѣстѣ съ нимъ, хочешь всѣхъ обманывать. Дѣдушка часто подшучиваетъ надъ шляпкой, опрокинувшей коляску, и тогда ты должна будешь краснѣя смотрѣть на Валентина Михайловича. Между имъ и тобою будетъ тайна, какъ между друзьями; и если онъ, когда-нибудь, разскажетъ Юліи...

Я не допустила Лизу договорить и крѣпко обняла ее. Лиза всегда разсудительнѣе меня.

Мы нашли у дѣдушки собраніе всего семейства въ какомъ-то угрюмомъ молчаніи: всѣ сидѣли съ надутыми лицами. Увидѣвъ меня, дѣдушка разсмѣялся, и тотчасъ подозвалъ ко мнѣ Валентина Михайловича. Тетушка и Периль перешепнулись между собою, услышавъ о *соло Крепака*, а дядюшка Иванъ Петровичъ смотрѣлъ на меня съ улыбкою, навѣвавшею холодъ на сердце. Все это привело меня въ большое замѣшательство. Я была неловка до крайности, дурно поклонилась, и глупо молчала, не имѣя духу сказать, что уже не въ первый разъ вижу Валентина Михайловича. Минуту спустя, пріѣхала княгиня со всѣми своими. Она была чрезвычайно весела, обнимала, поздравляла Юлію, и съ необыкновенною любезностію обошлась съ Валентиномъ Михайловичемъ. Счастливая! никогда не краснѣетъ. Съ пріѣздомъ ея все оживилось, и дѣдушкины комнаты наполнились шумными разговорами. Княгиня поспѣвала вездѣ: она, казалось, съ большимъ вниманіемъ слушала дѣдушку, и въ то же время улыбалась Катеринѣ Марковнѣ и перемигивалась съ Юліей,

указывая на Бозорова, который былъ замѣтно скученъ и молчаливъ. Послѣ чаю, княгиня предложила идти въ садъ. Время было чудесное. Томительный дневный жаръ замѣнился вечернею прохладою; бѣлыя тучки носились по голубому небу. Иволги перекликались съ соловьями, цвѣты роскошно качались на своихъ стебелькахъ, наполняя воздухъ благоуханіемъ. Мнѣ было грустно, но въ грусти моей таилось для меня какое-то неизъяснимое очарованіе, и я задумчиво шла между Путомовыми, предоставляя имъ свободу болтать безъ умолку. Между-тѣмъ вечерѣло, становилось сыро, — маменька присылала за Лизой, и я обрадовалась предлогу уйдти отъ Путомовыхъ. Проходя мимо цвѣтниковъ, мы остановились нарвать резеды. Вдругъ Лиза меня толкнула, говоря:—Посмотри, сюда идетъ Валентинъ Михайловичъ.

— Я въ-слѣдъ за вами, сказалъ онъ, подходя къ намъ.—Мнѣ пора домой... Какъ хороши цвѣтники ваши!

— Это букетъ для дѣдушки, отвѣчала я.—Онъ очень любитъ резеду.

— И я также, сказалъ онъ, срывая нѣсколько цвѣтовъ.

— Скажи ему теперь, шептала мнѣ Лиза, и смотрѣла на меня такъ, что я по неволѣ къ нему оборотилась.

— Мнѣ очень совѣстно передъ вами, сказала я: — когда вспомню о томъ несчастномъ случаѣ...

— Не вспоминайте, ради Бога! Это давно прошло.

— Однакожъ... Лиза мнѣ говорила, вы разсказывали дѣдушкѣ... ему извѣстно какъ это случилось,—и мнѣ кажется...

— Вы меня извините, прервалъ онъ, покраснѣвъ въ свою очередь. —Я повторилъ слышанное мною отъ дядюшки моего, Наума Корнѣевича. По его словамъ, я опрокинулся на мосту и чуть не утонулъ.

— Да вѣдь всѣ знаютъ, что Наумъ Корнѣевичъ большой лгунъ!.. болтнула Лиза и покраснѣла по уши.

— Я не знаю, что думаютъ о немъ другіе, подхватилъ онъ смѣючись: — но не смѣю ему противорѣчить.

— Лиза, Лиза! пора въ комнаты, закричала маменька, появляясь на балконѣ, и разговоръ нашъ, къ удовольствію моему, тѣмъ и кончился.

Простившись съ дѣдушкой, Валентинъ Михайловичъ уѣхалъ, не дождавшись Юліи изъ саду.

Послѣ завтра онъ будетъ у насъ обѣдать съ Наумомъ Корнѣевичемъ.

Маменька дала слово княгинѣ быть у нея въ воскресенье. Княгиня затѣваетъ праздникъ для Юліи и Валентина. Будетъ опять фейерверкъ, катанье по водѣ, танцы. Желала бы я знать... впрочемъ, это все равно; Валентинъ вѣрно будетъ танцовать только съ своею

невѣстою. Я бы не хотѣла быть ихъ vis-à-vis: Юлія такая насмѣшница!

Прощайте, mesdames. Отъ всего сердца обнимаетъ васъ, милыхъ друзей своихъ,

Глафира С.

ПИСЬМО XXI.

Княгиня Н. Еленѣ Д.

10 Іюля 18.. года.
Село Червоны-Шапки.

Есть предчувствія, Hélène, есть предчувствія! . . Напрасно ты со мною споришь о томъ, чтò столько разъ въ жизни я испытала. Грозитъ ли мнѣ какое бѣдствіе—внутреннее чувство мое всегда его предвидитъ. Иногда, въ самомъ счастливомъ и спокойномъ расположеніи духа, вдругъ находитъ на меня неизъяснимая тоска; сердце сжимается въ какомъ-то тревожномъ ожиданіи, и я со страхомъ говорю: со мной должно случиться что-нибудь непріятное!.. Такъ и въ знакомствахъ моихъ: люди, для меня вредные, возбуждаютъ во мнѣ инстинктивное отвращеніе.

Вспомни, чтò я писала тебѣ о Графирѣ С. Съ самаго начала, я почувствовала къ ней антипатію, тогда-какъ всякая другая съ ея наружностію,—ты знаешь, я люблю хорошенькихъ,—обворожила бы меня этимъ милымъ, можно сказать дѣтскимъ простодушіемъ, котораго личину она носить умѣетъ. Мнѣ самой было странно; но при первомъ взглядѣ на Глафиру, чувство расположенія у меня сжалось и сердце наполнилось негодованіемъ, какъ-будто я уже испытала отъ нея тысячу непріятностей. Кто знаетъ, Hélène: можетъ-быть, мы не одинъ разъ проходимъ наше земное поприще? возвращаясь къ жизни, мы встрѣчаемся съ людьми, съ которыми жили прежде, и въ душѣ нашей пробуждается неясное, какъ сбивчивый сонъ, воспоминаніе зла, которое въ минувшей жизни отъ нихъ претерпѣли, и предчувствіе новыхъ огорченій. Такъ, по-крайней-мѣрѣ, толкую я свои антипатіи.

Все это время, душа моя Елена, я провела очень грустно. Внезапная страсть Валентина къ Глафирѣ не давала мнѣ покоя. Не могу выразить, кàкъ мучительны были для меня ихъ взоры, улыбки, разговоры; самолюбіе мое страдало,—но я отмщу за себя. Мнѣ стòитъ сказать слово, и слово мое, какъ судьба, разлучитъ ихъ на вѣки. Ты видишь, предчувствіе не обмануло меня; Глафира разстроила всѣ мои планы. Негодная дѣвчонка! Нельзя равнодушно видѣть, кàкъ она перемѣнилась; изъ робкой и застѣнчивой, она стала дерзка и развязна; институтская ея неловкость превратилась въ ужасное кокет-

ство. Ничего бъ въ свѣтѣ не пожалѣла я, чтобъ только удалось проучить ее хорошенько. Я вижу изъ глазъ Валентина, что онъ помнитъ о прошедшемъ; иногда онъ посматриваетъ на меня съ большою нѣжностію. Убійственное время! давно ли я была царицей души его?.. Прошло нѣсколько лѣтъ, и все забыто: и я уже развѣнчанный идолъ, и прежній мой поклонникъ не стыдится, въ присутствіи моемъ, обожать молоденькую дуру... Мужчины отвратительны!

Теперь не знаю, что дѣлать. Глафира порвала и перепутала всѣ нити моей интриги. Сначала все шло прекрасно. Первое свиданіе Юліи съ Валентиномъ было какъ-нельзя-лучше. Юлія капризничала, долго не показывалась, и наконецъ явилась съ заплаканными глазами. Катерина Марковна и Периль, сильно поставленныя мною противъ Валентина, изъ себя выходили, сами не зная отъ-чего. Беноровъ былъ смѣшно-печаленъ, и на нѣжные взгляды Юліи отвѣчалъ сантиментальными вздохами. Но лучше всего, въ этой сценѣ, было холодное равнодушіе Валентина къ Юліи: все его вниманіе и любезность обращены были ко мнѣ.

Черезъ нѣсколько дней, я сдѣлала для жениха и невѣсты праздникъ, на которомъ поразило меня торжество Глафиры. Валентинъ былъ ея неотступнымъ кавалеромъ. Всѣ мои старанія отвлечь его были напрасны. Скучно, Hélène, описывать тебѣ подробно мои неудачи. Я затѣвала катанья, прогулки пѣшкомъ, танцы, и все это только послужило къ развитію страсти Валентина. Откуда у него взялось столько любви къ ней — не понимаю. Еще вчера вечеромъ, я прогуливалась верхомъ по полю съ Клодиною; было уже поздно, и мы, опустивъ поводья, скакали крупнымъ галопомъ.

— Вотъ и Чортовъ-Яръ! спустимся въ долину, сказала Клодинъ, и вдругъ сдержала свою лошадь.—Подождите, ради Бога, княгиня! Слышите ли, какъ расходилось эхо?.. Это очень любопытно.

Мы притаили дыханіе. Эхо по-кошечьи мяукало ненавистное для меня имя.

— Валентинъ Михайловичъ рѣшительно съ ума сошелъ; онъ бредитъ Глафирою, сказала Клодинъ. — Надобно его пристыдить.

И мы furioso влетѣли въ долину. Валентинъ очень сконфузился, увидя насъ. — Bon soir, madame la princesse! закричалъ онъ такъ громко, какъ-будто я была отъ него за версту. Ему хотѣлось голосомъ своимъ прикрыть эхо.

— Заставьте еще болтать эхо, сказала Клодинъ.—Мы слышали какъ нѣжно вздыхало оно имя...

— Глафиры, перебилъ онъ смѣясь.—Я только-что перебралъ цѣлый календарь именъ, но ни одно не отдается вполнѣ съ такою ясностію.

— Ваше имя тоже очень звучно, сказала Клодинъ.—Попробуйте закричать: «Валентинъ и Глафира» вмѣстѣ; это выйдетъ чудесно.

— Вы дѣлаете много чести моему имени, соединяя его съ прекраснымъ именемъ Глафиры, отвѣчалъ онъ съ холодною важностію, будто не видя нашихъ улыбокъ.

— Скоро ли будетъ свадьба ваша? спросила я, стараясь ему досадить. — Я ужь пеняла за васъ Катеринѣ Марковнѣ и Юліи: зачѣмъ откладывать?

— Я не въ претензіи за это, отвѣчалъ онъ краснѣя.

— Однако, все-таки досадно. Надобно пособить вамъ въ этомъ горѣ; я берусь быть вашимъ адвокатомъ у Юліи. Благодарите же меня, сказала я, протягивая ему руку.

— Адвокаты хлопочутъ тамъ, гдѣ ихъ о томъ просятъ, отвѣчалъ онъ, оставляя руку мою безъ пожатія.

Послѣ такой грубости, Hélène, чего еще ожидать мнѣ отъ Валентина? Нѣтъ, пора съ нимъ кончить. Я передамъ его опять Юліи: Наумъ Корнѣевичъ шутить не любитъ, и, волею или неволею, заставитъ его на ней жениться. Да мнѣ бъ и совѣстно было лишить Юлію такой выгодной партіи. Надобно растолковать этой глупой великаншѣ, Катеринѣ Марковнѣ, что̀ значитъ женихъ, подобный Валентину. Отецъ Юліи хорошо это знаетъ: онъ долго не соглашался на отсрочку свадьбы до сентября, но я хлопотала о томъ неутомимо; теперь надобно поправить ошибку. Валентинъ напрасно надѣется на любовь Юліи къ Бенорову: это ему нисколько не поможетъ. Юлія ожидала отъ него, за свою измѣну, упрековъ, слезъ, — она приготовлялась носить трауръ, когда онъ застрѣлится, а онъ не только осмѣливается жить, но еще любезничаетъ съ другою. Такая прозаическая развязка сильно оскорбляетъ самолюбіе Юліи, и она на зло Глафирѣ, готова пожертвовать любовію своею къ Бенорову. Я успѣла уже обратить общее вниманіе на кокетство Глафиры, съ которымъ она старается завлечь въ свои сѣти богатаго жениха Юліи. Всѣ осуждаютъ ее за такой поступокъ; даже и церемонный Наумъ Корнѣевичъ значительно качаетъ головою при имени Глафиры. Этотъ оригиналъ имѣетъ ко мнѣ полную довѣренность; мы съ нимъ большіе друзья. Онъ и слушать не хочетъ жалобъ Валентина на Юлію, и обвиняетъ его во всемъ.

Ты видишь, Hélène, мщеніе въ моихъ рукахъ; но я такъ добра, что все еще медлю. Валентинъ и я созданы другъ-для-друга; неуже-ли онъ, наконецъ, этого не замѣтитъ? У меня на вѣсахъ, съ одной стороны: досада, мщеніе и другія тяжелыя, мучительныя чувства, для которыхъ даже нѣтъ названія; съ другой: одна надежда, и, къ стыду моему, эта сторона перетягиваетъ.

Черезъ два дня будетъ въ Моторнѣ балъ; это мой послѣдній

срокъ. Валентинъ самъ рѣшитъ судьбу свою. Къ этому балу костюмъ у меня очаровательный; платье couleur cerise сидитъ на мнѣ чудесно. Я хочу испытать еще одно средство; но если ничто не образумитъ Валентина, тогда—кончено! онъ женится на Юліи. Эта красавица, съ пустою головою и холоднымъ сердцемъ, отмститъ за меня. Ты не...

Но что это? ко мнѣ ворвалась Лепетаенкова . . . Прощай, Hélène! она не дастъ мнѣ кончить письмо. Достанется же отъ меня Эмиліи и Клодинъ за то, что не умѣли удержать ее въ залѣ. Правда, съ нею трудно сладить, — это ужасная женщина: если отъ нее запереть дверь, она полѣзетъ въ щёлочку.

— Я вамъ не помѣшаю, княгиня! кричала она еще изъ другой комнаты.—Продолжайте писать; я буду тихонько сидѣть, да разсказывать. Я только-что изъ Моторны. И она съ стукомъ придвинула себѣ кресло къ моему письменному столу, и усѣлась тутъ, какъ муха на носу.

— Ну, что̀ же въ Моторнѣ? спросила я, не оставляя моего пера.

— Ужасъ, что дѣлается! . . Я нарочно, прежде всего, завернула въ залу, хотя и знала, что тамъ нѣтъ Катерины Марковны. Смотрю: Глафира за фортепьяномъ; Валентинъ, какъ тѣнь ея, подлѣ нея. Она стучала что-то такое дикое, а онъ расхваливалъ. Вѣрно что-нибудь новенькое? спросила я.—Да, изъ оперы въ *Ломбертѣ Чортъ*, отвѣчала Глафира. Ка̀къ же вамъ не грѣшно играть такое *неподобное!* вѣдь это сказать страшно: въ Ломбертѣ Чортъ!.. Тутъ они принялись хохотать такъ, что у меня въ глазахъ свѣтъ *перекрутился*. Я, видно, не такъ сказала. Можетъ-быть, вы знаете, княгиня, ка̀къ называется эта опера?

— Робертъ-Дьяволъ.

— *Въ Ломбертѣ Дьяволъ*, а я сказала въ Ломбертѣ Чортъ; ошибка небольшая, но Глафира Александровна извѣстная насмѣшница! Я скоро не стану отпускать къ ней Дасю.

Нѣтъ возможности, Hélène, поспѣть за такой скорой диктовкой. Ты не можешь вообразить, что такое языкъ Лепетаенковой! это маленькое чудовище, котораго кончикъ всегда танцуетъ у нея на губахъ, не уступитъ въ быстротѣ пароходу по желѣзной дорогѣ. Adieu, ma chère chèrie!

Всегда твоя к. N. H.

ПИСЬМО XXII.

Глафира Олимпіадѣ и Марьѣ.

20 іюля 18..... года.
С. Моторна.

Что̀ я имъ сдѣлала, mesdames? всѣ на меня напали. Это была ужасная исторія!... я очень плакала. Боже мой, что̀ за выдумщицы

Периль да Юлія! На тетушку я меньше сердита; она какъ эхо повторяетъ, что́ ей передаютъ. Я увѣрена, что это Периль заставила ее жаловаться на меня дѣдушкѣ, будто я отбила жениха отъ Юліи. — Возможно ли, такія глупости!.. Мнѣ и на мысль не приходило. Юлія сама виновата: зачѣмъ было такъ важничать! Она на Валентина и смотрѣть не хотѣла. Сколько разъ я спорила съ нею, когда она называла его скучнымъ, глупымъ, противнымъ, и пр. Еще недавно, послѣ такого спора, она мнѣ сказала: «Хотите ли, кузина, я вамъ уступлю моего жениха? выходите замужъ за него, а я выйду за Бенорова; это будетъ прекрасно». И послѣ всего этого, она не стыдится говорить мнѣ въ глаза совсѣмъ другое!

Все это вышло послѣ нашего моторнинскаго бала, на которомъ я, точно кофейная, находилась подъ вліяніемъ какой-то дѣтской, безумной радости. Все меня восхищало, и я весело носилась въ танцахъ, не подозрѣвая того, что надъ головой моей «сбираются тучи!»

Надо отдать справедливость Катеринѣ Марковнѣ: счастливая мысль сдѣлать въ Моторнѣ балъ — принадлежитъ ей, и она выполнила ее чудесно. Дѣдушка, избѣгающій всего, что́ нарушаетъ принятый имъ порядокъ жизни, сильно было-возсталъ противъ этой, какъ говорилъ онъ, пустой затѣи; но Катерина Марковна поставила на своемъ. Послѣ и дѣдушка былъ доволенъ. Мы удивились, когда онъ, вопреки обыкновенію рано ложиться спать, прикатилъ въ своихъ большихъ креслахъ въ залу, которая была прекрасно освѣщена и убрана цвѣтами, и просидѣлъ цѣлую ночь, смотря на наши танцы. Бѣдный дѣдушка, такъ давно не былъ на балѣ!... Лицо его сіяло удовольствіемъ. Онъ былъ очень веселъ, подшучивалъ съ молодыми людьми и любезничалъ съ дамами; дѣдушку всѣ очень любятъ.

Наше деревенское общество, mesdames, хоть куда! Дамы здѣсь одѣваются прекрасно, и притомъ никто не имѣетъ претензій на большіе наряды. Вотъ ужь о княгинѣ нельзя этого сказать: она отняла у насъ цѣлый часъ балу долгимъ своимъ одѣваньемъ. Катерина Марковна не позволяла начинать безъ нея танцы, и всѣ должны были ожидать ея сіятельство. Это было несносно. Отъ нѐчего дѣлать, мы расхаживали по залѣ; музыканты пиликали увертюры, а драгоцѣнное время уходило. Наконецъ двери настежъ растворились, и княгиня торжественно вступила въ залу, съ бѣлыми на головѣ перьями. Платье ея, вишневаго цвѣта, было ей очень къ-лицу. Она прямо подошла къ дѣдушкѣ и привлекла къ его креслу цѣлую толпу кавалеровъ, всегда ее окружающихъ. Дамы съ любопытствомъ разсматривали ея костюмъ, а сами старались быть отъ нея подальше, — она такая насмѣшница: ко всему умѣетъ придраться. Кто-то вздумалъ ее назвать царицею бала, и она обрадовалась случаю разъиграть по-своему пьеску.

—Прекрасно! вскричала она съ живостію:—я безъ отговорокъ принимаю этотъ лестный титулъ: — царствовать и на часъ пріятно. Но предупреждаю васъ, господа, правленіе мое будетъ самое деспотическое. Во-первыхъ, я лишаю васъ права ангажировать дамъ на мазурку. Каждая изъ насъ сама назначитъ кавалера, съ которымъ ей танцовать вздумается.

— Charmantissimo! вскричали въ одинъ голосъ Периль и Деланè, церемонно раскланиваясь между собою.

— Это мило! отозвались дамы.

— Ужасный деспотизмъ! говорили смѣясь мужчины.

Надобно же, mesdames, чтобъ такъ случилось! За минуту передъ тѣмъ, я обѣщала Валентину Михайловичу танцовать съ нимъ мазурку, и съ обыкновенною своею опрометчивостію выскочила съ вопросомъ:

— А если кто ангажированъ прежде?

— А!!! вскричала княгиня, вперивъ въ меня глаза съ насмѣшливою улыбкою.—Танцы еще не начались, а вы ужь ангажированы на мазурку. Это нестерпимо, господá!... Я разрѣшаю васъ, Глафира Александровна, отъ вашего обѣщанія; однакожь, вы должны намъ объявить, кто этотъ докучливый.

— Не говорите, шепнула мнѣ съ испуганнымъ видомъ Дася.

— Не забывайте, княгиня, что это было еще до изданія вашего закона, сказалъ Валентинъ Михайловичъ.

— Все равно, въ царствованіе мое не должно быть такихъ злоупотребленій, отвѣчала княгиня, грозя ему своимъ вѣеромъ.

Между-тѣмъ, я скорѣе ушла въ гостиную. Мнѣ было и стыдно и досадно.

—Знаетѐ ли, чѣмъ кончилось? сказала мнѣ Дася.—Княгиня будетъ танцовать съ Валентиномъ Михайловичемъ: она только того и добивалась.

— Оставьте меня, Дасинька, я сердита на васъ. Зачѣмъ вы мнѣ шепнули ваше несносное: «не говорите!» Вы этимъ только больше сконфузили меня.

— Я это сказала такъ, отвѣчала съ замѣшательствомъ Дася.

— Неправда, ma chère.

— Если вы обѣщаете мнѣ не выводить исторіи...

— Безъ прелюдій! прошу васъ.

— Видите ли, я уже не разъ слышала, что княгиня съ Юліей и Путомовыми смѣялась надъ вами и Валентиномъ Михайловичемъ.

— Въ-самомъ-дѣлѣ?

— Какъ же! всѣ онѣ ужасъ-чтò про васъ говорили. Я даже и повторить не смѣю такого гадкаго слова.

— Ну-те; онѣ говорили?...

— Что вы *ка*кетка!

— То-есть *ко*кетка, сказала я смѣясь.—И вы не знаете, за что̀ меня такъ величали?

— Княгиня влюблена въ Валентина Михайловича; это мнѣ тетушка сказала по секрету.

— Тетушка ваша всегда выдумываетъ.

— Вы не вѣрите? я вамъ послѣ разскажу. Смотрите: онъ ужь и тутъ. Какъ же не сердиться на васъ княгинѣ?

— Скажите, за что меня лишили счастья танцовать съ вами мазурку? говорилъ, подходя ко мнѣ, Валентинъ Михайловичъ.—Я въ отчаяніи, а вы, можетъ-быть, и рады, что отъ меня избавились.

— Мнѣ очень жаль...

— Въ такомъ случаѣ, прошу васъ изъ жалости прибавить мнѣ еще два кадриля.

Можетъ ли что̀, mesdames, сравниться съ милой болтовней подъ звуки веселаго оркестра?.. Всѣ эти бальныя глупости чудесно выдуманы. Княгиня напрасно ухватилась такъ за титулъ царицы: всѣ мы, въ нашихъ цвѣточныхъ коронахъ, царицы на балѣ. Мужчины кланяются намъ такъ низко и окружаютъ насъ какимъ-то смѣшнымъ этикетомъ. На языкѣ у нихъ и лесть и ложь, да намъ что̀ за дѣло? Мы важничаемъ и веселимся, а они пусть-себѣ лгутъ сколько хотятъ. Балъ—поэтическая мечта.

Выдумка княгини ангажировать кавалеровъ на мазурку — привела меня въ большое затрудненіе. Я было-думала обратиться къ князю Өедору, но онъ сдѣлалъ глупость, выскочилъ изъ толпы, и закричалъ на всю залу: меня, меня!... Въ наказаніе за то, я прошла мимо его къ одному, почти незнакомому мнѣ кавалеру.

— Предупреждаю васъ, я танцую очень дурно, сказалъ онъ мнѣ жеманясь.

— Я увѣрена въ противномъ, отвѣчала я.

Скоро, однако, открылось, что онъ говорилъ правду, хотя думалъ совсѣмъ другое, что̀ доказывали его улыбки, которыми онъ дарилъ себя, безпрестанно оглядываясь въ зеркало, за нами стоявшее. Усиливаясь любезничать, онъ теръ себѣ лобъ, но искры ума не сыпались, и разговоръ у насъ не клеился.

Валентинъ Михайловичъ, танцовавшій въ первой парѣ съ княгинею, подбѣжалъ ко мнѣ съ вопросомъ: какую дѣлать фигуру?

— Выбирать качества, отвѣчала я.

— Это моя любимая фигура, отозвался мой кавалеръ.—Кого-то ея сіятельство удостоитъ избрать? говорилъ онъ, наводя лорнетъ на княгиню, которая, съ улыбкою прищуривая глаза, поворачивалась во всѣ стороны, посреди мазурочнаго круга.

— Если жребій падетъ на васъ, какое вы будете качество?

— Много есть прекрасныхъ качествъ.

— Но выбираютъ одно.

— Знаю-съ, отвѣчалъ онъ, и сильно началъ тереть себѣ лобъ, стараясь выдумать что-нибудь необыкновенное.—Я буду качество среднее, сказалъ онъ наконецъ, съ довольною улыбкою.—Нельзя ли узнать причину вашего смѣха, Глафира Александровна?

— Это такъ, безъ причины.

— Сдѣлайте одолженіе, позвольте-съ; дѣйствіе безъ причины не бываетъ... А! понимаю-съ!

Въ это время на сценѣ была Дася съ Эрастомъ Кассьяновичемъ. Они кружили какъ испуганныя птицы, гоняясь за тактомъ, отъ нихъ уходившимъ. Смотря на нихъ, кавалеръ мой расхохотался.

— Причина вашего смѣха открыта, сказалъ онъ мнѣ: —въ-самомъ-дѣлѣ, уморительно! Эта пара, словно заколдованная, не можетъ остановиться. Они уже сдѣлали три тура вмѣсто одного. Смотрите, опять начинаютъ!

— Каково же, еще и насмѣхается, подумала я, и, желая сконфузить *среднее качество*, очень серьёзно сказала:—Я нахожу, что Дарья Львовна мило танцуетъ; немного не въ тактъ...

— Дарья Львовна ничего-съ, еслибъ у нихъ былъ другой кавалеръ, подхватило *среднее качество*, поправляя свою прическу съ какимъ-то развязнымъ видомъ.

— Сомнѣніе или надежда? спросила Дася, подводя ко мнѣ Валентина Михайловича и Бенорова.

— Сомнѣніе, сказала я, и Валентинъ Михайловичъ подалъ мнѣ руку.

— Сколько еще прикажете сдѣлать фигуръ? спросилъ онъ у меня.

— Это зависитъ отъ вашей дамы, а не отъ васъ.

— Моя дама поступила безбожно, лишивъ меня счастья танцоватъ съ вами. Конечно, для васъ это все равно. Довольны ли вы вашимъ кавалеромъ?

— Онъ доволенъ самъ собою; это для него лучше.

— Не думаю. Смотрите, какъ, въ ожиданіи васъ, онъ охорашивается передъ зеркаломъ. Это очень невинно, и гораздо лучше сантиментальныхъ фразъ, которыми моя дама приводитъ меня въ отчаяніе. Мнѣ ужь не разъ приходило на мысль спросить у нея: здоровы ли вы, княгиня?

Безконечная мазурка наша всѣмъ надоѣла. Усталые музыканты растягивали ноты и теряли тактъ. Нетанцующіе зѣвали и дремали; танцующіе только-что волочили ноги, съ нетерпѣніемъ посматривая на первую пару. Княгиня ничего этого не замѣчала; она была неутомима, и мазурка продолжалась, къ удовольствію немногихъ. Изъ числа самыхъ блаженныхъ № 1-й были Периль и Деланè. Каждая

новая фигура ихъ восхищала; они наслаждались въ полной мѣрѣ: танцовали, кушали и любезничали,—все вмѣстѣ. У Периль въ ридикюлѣ была цѣлая кандитерская; она безпрестанно ѣла и подчивала конфектами своего кавалера, который нѣсколько разъ ходилъ въ буфетъ за мороженымъ и лимонадомъ для своей милой дамы. Эта парочка очень меня забавляла.

На другой день, княгиня первая взбунтовалась ѣхать. Всѣ послѣдовали ея примѣру, и праздникъ нашъ кончился скорѣе, нежели я ожидала.

— Я знаю, что̀ это значитъ, шепнула мнѣ съ таинственнымъ видомъ Дася.—Тетушка запретила мнѣ говорить...

— А вамъ страхъ хочется разсказать.

— Хотѣлось бы, да нѐкогда. Мы тотчасъ уѣзжаемъ.

Что̀ бы стоѝло тогда разспросить Дасю!.. Можетъ-быть она бы приготовила меня къ сценѣ, которую я вчера выдержала; а то на меня напали врасплохъ!

— Вотъ какъ это было: послѣ чудесной утренней прогулки, напѣвая вальсъ Лабицкаго, я спѣшила съ букетомъ цвѣтовъ къ дѣдушкѣ, и удивилась, услыша у него громкіе голоса Катерины Марковны и Периль, въ это время никогда къ нему неприходившихъ. Что̀ бы это значило? подумала я, и только-что успѣла растворить дверь, всѣ тамъ хоромъ закричали: «Вотъ и она!!!»—Кстати пожаловали, насмѣшливо сказала мнѣ тетушка.—Нельзя ли, ma nièce, объяснить намъ причину вашего кокетства съ Валентиномъ Михайловичемъ?

Можете судить, mesdames, какъ озадачила меня такая встрѣча! Я хотѣла подойдти къ дѣдушкѣ, и не могла ступить ни шагу; на ногахъ у меня какъ-будто лежала стопудовая тяжесть. Между-тѣмъ, тетушка и Периль ораторствовали, стоя передъ дѣдушкой; Юлія сидѣла у окна и плакала, а дядюшка, Иванъ Петровичъ, былъ блѣднѣе обыкновеннаго; взоры его метали въ меня громъ и молнію.

— Что̀ же вы молчите, М-lle Глафиръ! сказала Периль:—съ кавальерами вы говорить умѣете.

— Не ваше дѣло, мадамъ! отозвался дѣдушка, повелительно махнувъ рукою, и, обратясь ко мнѣ, сурово сказалъ:

— Ты слышишь, Глафира, что̀ про тебя говорятъ?

— Я не понимаю, дѣдушка...

— Не понимаете?.. перебила Катерина Марковна. — Кто же проводитъ съ Валентиномъ Михайловичемъ цѣлые дни? кто съ нимъ кокетничаетъ? кто, на балѣ, только съ нимъ и танцуетъ?

— Да развѣ я виновата, если Валентинъ Михайловичъ танцуетъ со мною чаще чѣмъ съ другими?

— Чаще чѣмъ съ другими!... передразнила меня Катерина Мар-

ковна.—Вы забываете, что у него есть невѣста, которой оскорбительно такое странное предпочтеніе.

— Спросите у Юліи, досадно ли ей это.

— Конечно досадно, отозвалась Юлія, закрывая глаза платкомъ. —Ваше кокетство съ Валентиномъ Михайловичемъ несносно.

Юлія поразила меня такимъ неожиданнымъ отвѣтомъ, и я съ досадою вскричала: — Что вы это говорите, Юлія?.. сколько разъ я отъ васъ слышала... помните?

— Ничего не помню; оставьте меня.

— Такъ я вамъ напомню. Вы говорили, что терпѣть не можете Валентина Михайловича, и еще, за день до нашего бала, признавались мнѣ въ любви къ Бенорову.

— Никогда этого не было,—никогда! повторяла Юлія, топая отъ злости ногами.

— Послѣ этого, Юлія, я не хочу съ вами говорить; вы—Богъ знаетъ какія!

Тутъ всѣ напали на меня въ одинъ голосъ. Юлія громко рыдала, а Катерина Марковна, смотря на нее, говорила: — плачь, плачь, ma fille, тебѣ легче будетъ!

— Знаете ли, дѣдушка, сказала я, невольно улыбаясь: — мнѣ кажется, я нахожусь между людьми, говорящими на неизвѣстномъ мнѣ языкѣ: такъ все, что здѣсь слышу, для меня странно и непонятно.

— Боже мой, какая невинность! гримасничая сказала мнѣ тетушка. — Увѣрьте же насъ и въ томъ, что этотъ интересный inconnu, съ которымъ вы познакомились на большой дорогѣ, пустивъ вашу шляпку въ его лошадей, былъ не Валентинъ Михайловичъ... Стыдитесь, сударыня!

Признаюсь, mesdames: эта стрѣла метко въ меня попала; я опустила голову и сильно покраснѣла. Катерина Марковна съ торжествомъ вытащила изъ своего ридикюля смятое письмо, и, разорвавъ его пополамъ, сунула мнѣ въ руки одинъ листочекъ, говоря:

— Извольте-ка, ma nièce, прочитать дѣдушкѣ отрывочекъ изъ вашихъ приключеній. Я почти увѣрена, что этотъ почеркъ для васъ не новость.

Боже мой, какая она злая! Это было письмо отъ Валентина Михайловича, которое онъ писалъ не знаю кому, только вѣрно не Катеринѣ Марковнѣ. Какимъ же образомъ попалось оно къ ней въ ридикюль!.. Въ сильномъ смятеніи вертѣла я и перевертывала листочекъ, пока Иванъ Петровичъ съ досадою не выхватилъ его у меня изъ рукъ, и, прочитавъ голосомъ, отъ котораго стѣны дрожали, изорвалъ на мелкіе куски и кинулъ мнѣ подъ ноги.

— Я вижу, должно поспѣшить свадьбою Юліи, сказалъ дѣдушка

съ неудовольствіемъ качая головою. — Завтра будетъ у меня Наумъ Корнѣевичъ, мы съ нимъ о томъ потолкуемъ. Теперь оставьте меня одного съ Глафирою,—я ее хорошенько погоняю.

Со страхомъ стояла я передъ дѣдушкой и боялась на него смотрѣть. Никогда еще не видала я его такимъ сердитымъ. Но, къ удивленію моему, когда шумъ шаговъ и хлопанье дверей затихли, лицо дѣдушки приняло обыкновенное свое выраженіе. Онъ съ улыбкою протянулъ мнѣ руку, и, цалуя меня въ лобъ, сказалъ:

— Что̀, Глафирушка? напроказничали мы съ тобой!

Эти слова, сказанныя съ очаровательнымъ добродушіемъ, сильно меня тронули. Съ нѣжностію обняла я милаго дѣдушку и, усѣвшись на скамейкѣ у ногъ его, положила къ нему на колѣни голову, обливаясь слезами. Я рыдала съ какимъ-то грустнымъ наслажденіемъ. Мнѣ нужно было выплакать слезы, которыя такъ долго давили мое сердце.

— Перестань же, дурочка, говорилъ мнѣ дѣдушка, какъ избалованному дитяти, поглаживая меня по головѣ.—Слышишь ли, кто-то сюда идетъ.

Подъ дверьми раздался хриплый кашель.

— Что̀ тамъ такое? спросилъ дѣдушка, увидя изъ-за дверей сѣдую голову Лаврентія.

— Се я! отвѣчалъ Лаврентій, выпрямляясь передъ дѣдушкой. —Смѣю доложить вашему высокородію, Перильша на Глафиру Александровну понапрасну брехать изволили.

Дѣдушка разсмѣялся. Лаврентій у него въ большой милости, и часто беретъ смѣлость мѣшаться въ разговоры, за что Иванъ Петровичъ и Катерина Марковна стараго слугу терпѣть не могутъ.

Знаете ли, mesdames, ка́кую я выкинула штуку? попросила Лаврентья собрать и принести мнѣ всѣ кусочки изорваннаго письма, которымъ меня такъ сконфузили. Съ большимъ искусствомъ привела я ихъ опять въ прежній порядокъ; сшила тоненькими нитками, — и вотъ листочекъ цѣленькій лежитъ передо мною. Къ кому-то это писалъ Валентинъ Михайловичъ?.. Начинается такъ:

. . . крутой горы. Еще издали замѣтилъ я женщину въ шляпкѣ съ бѣлымъ вуалемъ. Она легко и скоро всходила на гору, хотя вѣтеръ сильно упирался противъ нея и склонялъ ее то въ ту, то въ другую сторону. Легкая какъ серна, она едва касалась земли, и какъ-будто плавала по воздуху. Длинный ея вуаль прозрачнымъ облакомъ носился вокругъ нея. Любуясь ею, я не спускалъ съ нея глазъ; — вдругъ, вѣтеръ сорвалъ шляпку съ головы ея. Съ поднятыми вверхъ руками, побѣжала она за своей шляпкой, — и мнѣ казалось, я видѣлъ пэри, летящую на небо. Между-тѣмъ, шляпка съ вуалемъ быстро неслась ко мнѣ на встрѣчу; но, не смотря на грозившую опасность, я не терялъ изъ виду моей воздушной пэри, и ясно слышалъ крикъ ея, когда испуганныя лошади кинулись въ сторону и опрокинули коляску. Я сильно ударился головою объ камень, лежавшій близь дороги, и лишился памяти. Не знаю, долго

ли я былъ безъ чувствъ. Слова: «онъ живъ, онъ дышетъ!», сказанныя надо мною звонкимъ, пріятнымъ голосомъ, воззвали меня къ жизни. Открывъ глаза, я встрѣтилъ взоры незнакомки, стоявшей подлѣ меня на колѣнахъ. Прекрасное лицо ея наклонилось къ моему, и длинные ея локоны на щекахъ моихъ ..»

Продолженіе осталось въ огромномъ тетушкиномъ ридикюлѣ, — досадно! теперь бы я съ удовольствіемъ прочитала цѣлое письмо; а тогда, каждое изъ него слово, сопровождаемое насмѣшливыми восклицаніями тетушки и Periль, меня терзало, и я готова была благодарить дядюшку, когда онъ изорвалъ этотъ бѣдный листочекъ.

Понять не могу, что̀ сдѣлалось съ Юліей. Я навѣрное знаю, что она не любитъ Валентина Михайловича; она была въ восторгѣ, когда отложили свадьбу ея до сентября. Что̀ же значитъ эта перемѣна?.. Правда, у нея странный характеръ; можетъ-быть, завтра она заговоритъ опять другое, но я не хочу имѣть съ нею никакого дѣла. Я бы желала не быть и на свадьбѣ ея; да ужь отъ этого избавиться невозможно.

Прощайте, мои дорогія Липинька и Маша! Грустно быть въ разлукѣ съ вами вашей

Глафирѣ С.

ПИСЬМО XXIII.

Княгиня Н. Еленѣ Д.

2 августа 18.. года.
С Червоны-Шапки.

Душа моя, Елена! письмо твое, въ которомъ печальныя утѣшенія такъ забавно перепутаны съ самыми скучными наставленіями, пришло именно въ ту пору, когда ни то, ни другое для меня не было нужно. Удивляюсь только, ка̀къ могла ты думать, что мои провинціальныя соперницы восторжествуютъ надо мною. Въ наказаніе за то, я начну длинный разсказъ — ты увидишь о чемъ, и растяну его такъ, что у тебя не станетъ терпѣнія, которымъ природа тебя, мой другъ, скупенько надѣлила.

Ты называешь суевѣріемъ страсть мою къ чудесному, — но для меня мистическія идеи имѣютъ неотразимую прелесть; я бы пришла въ отчаяніе, еслибъ вліяніе ихъ надо мной уменьшилось. Въ жизни моей было нѣсколько случаевъ, укоренившихъ во мнѣ вѣру въ сны и предчувствія. На-примѣръ, сонъ мой о Ипполитѣ М., — этому ужь прошло десять лѣтъ, но я какъ теперь помню. Я любила Ипполита со всею пылкостію юности; это была моя первая страсть. Онъ уѣхалъ въ К.; я мучилась, страдала, — и вотъ, въ одну томительную ночь, вижу сонъ: по рѣкѣ движется нагруженный паро̀мъ; на самомъ краю его стоитъ Ипполитъ и указываетъ мнѣ на длинную, фантастическую тѣнь, скользившую вслѣдъ за паро̀момъ. Буря. Страшная су-

матоха и крикъ людей. Паромъ опрокидывается, — Ипполитъ протягиваетъ ко мнѣ руки и исчезаетъ въ волнахъ. Черезъ мѣсяцъ получено было извѣстіе, что онъ утонулъ при переправѣ черезъ Д., въ ту самую ночь, когда мнѣ снился. Растолкуй же, Hélène, что значитъ мой сонъ, и какимъ образомъ могла я видѣть происходившее за тысячу отъ меня верстъ... Въ ту роковую минуту, когда человѣкъ драгоцѣннѣшій для меня въ мірѣ погибалъ, — мое духовное существо одержало верхъ надъ матеріальнымъ, и пространство, отдѣлявшее меня отъ Ипполита, исчезло... Но я не берусь объяснить необъяснимое. Мы окружены чудесами; отвергать все непостижимое для насъ гораздо-безразсуднѣе, нежели вѣрить инстинктивнымъ предчувствіямъ сердца. Такъ, по-крайней-мѣрѣ, я думаю.

Теперь буду продолжать свою повѣсть. На балѣ въ Моторнѣ я была выведена изъ терпѣнія волокитствомъ Валентина за Глафирою; письмо его къ одному Б., перехваченное Лепетаенковой, еще больше меня разсердило. Я начала сильно противъ него работать, и скоро послѣ того, свадьба его съ Юліей назначена была 28 августа. Тогда Юлія, съ обыкновеннымъ своимъ жеманствомъ, приняла видъ несчастной жертвы: она вздыхала и поднимала глаза кверху, такъ, что смотрѣть было тошно. Глафира, напротивъ того, усиливалась казаться веселой, но она съ-тѣхъ-поръ похудѣла и поблѣднѣла; а Валентинъ, будто на зло мнѣ, принялъ какой-то дерзкій видъ, который удивительно былъ ему къ-лицу. Признаюсь, Hélène, никогда еще не казался онъ мнѣ такъ милъ и дорогъ. Я ненавидѣла Юлію при мысли, что она скоро будетъ женою Валентина; вмѣстѣ съ нею ея глупая maman и Периль стали для меня несносны. Желая хоть на время отъ нихъ избавиться, я вздумала поѣхать на богомолье въ Л. Монастырь, и пригласила съ собой Лепетаенкову, которая не меньше меня была огорчена развязкою моего идеальнаго романа.

На другой день нашего путешествія, мы проѣзжали черезъ одну большую деревню.

—Здѣсь бы хорошо ночевать, сказала Лепетаенкова.—Въ этомъ богатомъ казачьемъ селѣ мы нашли бы себѣ хорошенькую квартиру.

Мы остановились. Вечеръ былъ прекрасный; я предложила прогулку.

— Здорова ли Настя Зозулиха? спросила Лепетаенкова у хозяйки квартиры.

— Наша знахорка? ще слава Богу. А вы, чи не до еи оце пріихали?—И болтунья пустилась въ разсказы о чудесахъ, творимыхъ Зозулихой. Она травами излечиваетъ всѣ болѣзни. Къ ней привозятъ сумасшедшихъ, которыхъ бѣшенство утихаетъ отъ одного прикосновенія рукъ ея, и тому подобное.

— Все это правда, княгиня, отозвалась Лепетаенкова. — Зозулиха

и не то еще дѣлаетъ. Она предсказываетъ будущее, она... Лепетаенкова значительно мнѣ мигнула.—Хотите ли ее видѣть?

— Кто же насъ къ ней проведетъ?

— Я къ вашимъ услугамъ. Прошедшій годъ я была у нея съ Дасей. Пойдемъ-те скорѣе!

— Богъ съ нею, съ вашей колдуньей! сказала лѣниво потягиваясь Путомова. — Мнѣ нужно приготовлять чай; Эмилія и Клодинъ *должны* также остаться.

— Нѣтъ, maman; мы хотимъ видѣть, что̀ за звѣрь малороссійская колдунья? отвѣчали Эмилія и Клодинъ, надѣвая свои шляпки.

Мы отправились. На самомъ краю села бѣлѣлась хата, примыкавшая къ лѣсу. Мы вошли въ дворикъ, обнесенный низкимъ плетнемъ; никто насъ не встрѣтилъ; вошли въ избу — и тамъ никого не было. Внутренность хатъ малороссійскихъ мужиковъ вообще очень опрятна; васильки, мята и другія душистыя травы пучками развѣшаны у нихъ по чисто-выбѣленнымъ стѣнамъ, а вокругъ длиннаго ряда иконъ обвивается всегда гирлянда изъ желтой гвоздики. Въ хатѣ нашей сивиллы патріархальная простота доведена была до изящества. Осмотрѣвъ всѣ углы и не найдя никого, мы вышли изъ хаты и, въ ожиданіи хозяйки, усѣлись на лавочкѣ подъ яблонею.

Я нахожу, Hélène, что общее желаніе знать будущее, проникнуть неизвѣстное, поэтизируетъ нашу бѣдную жизнь въ этомъ мірѣ. Боже мой! чѣмъ бы мы укрощали мучительную тоску сомнѣнія, любви, разлуки, еслибъ не было гаданій и предсказаній?.. Да, Hélène, я суевѣрна, и хочу быть суевѣрной.

— Идетъ! идетъ!.. Перестаньте же, барышни, смѣяться, кричала Лепетаенкова Эмиліи и Клодинъ, указывая на высокаго роста женщину, вышедшую изъ лѣса съ большою связкою травъ и цвѣтовъ. Она медленно къ намъ приближалась, разговаривая съ своею собакою, бѣжавшею за нею съ узломъ въ зубахъ.

— Смотрите, можно ли повѣрить, что ей уже за семьдесятъ? сказала мнѣ Лепетаенкова.

Въ царствѣ растеній есть удивительныя тайны, — счастливъ кто ихъ постигнулъ!

Зозулиха остановилась посреди своего дворика и, не обращая на насъ никакого вниманія, закричала: «Ганно! Ганнусенько!» Хорошенькая дѣвочка, которая до того не показывалась, тотчасъ къ ней подбѣжала и, принявъ отъ нея связку съ травами и узелъ отъ собаки, проворно отнесла все въ кладовеньку.

Между-тѣмъ, собака, освободясь отъ своей ноши, съ ворчаніемъ обходила каждую изъ насъ. Но когда дошла очередь до Эмиліи, она съ яростію на нее кинулась и въ куски изорвала на ней платье.

— Цыть, сиркò! годи вже, годи! закричала съ полуусмѣшкою Зозулиха, и сиркò, опуствъ голову, смирно улегся подъ лавкою.

— Ужасъ, какая гадкая собака! сказала съ досадою Эмилія.

— Э-ге, панночко, було бъ тоби съ знахорки не смияться! отвѣчала Зозулиха.

Мы остолбенѣли отъ удивленія. Эмиліи досталось по-дѣлòмъ. Она все время не переставала шутить надъ визитомъ нашимъ колдуньѣ и выкидывала фарсы, называя себя знахаркою.

Поблѣднѣвъ отъ страха, Эмилія умоляла Клодинъ воротиться съ нею на квартиру.

— Проводите же вашу сестру; ей нужно перемѣнить платье, сказала я Клодинъ, желая сбыть ее съ рукъ.

— Помогай Бигъ, панночки,—не здывуйте! насмѣшливо кричала имъ вслѣдъ Зозулиха.

По уходѣ ихъ, она нѣсколько минутъ съ особеннымъ вниманіемъ на меня смотрѣла и потомъ, указывая на Лепетаенкову, сказала:

— Оце у мене пани Цыга! усе бигае да цыгае...

— Охъ, худо мнѣ, паниматочко! прервала Лепетаенкова, низко кланяясь.—Проклятый Кобенякъ *позываетъ*, — пришлось таскаться по судамъ. Только и надежды на тебя, паниматочко: нельзя ли прикрутить Кобеняка, чтобъ таки было по-мòему?

— Не журись; воно можно, отвѣчала съ важностію Зозулиха. — Дѣ жь твоя Дася?

— Дома покинула. Вотъ моя другая племянница,—полюби ее.

Зозулиха съ живостію ко мнѣ обратилась. Сѣрые глаза ея засверкали и приняли такую чудную выразительность, что я не могла долго сносить ея инквизиціоннаго взора и, какъ отъ солнца, закрыла глаза рукою.

—Ни, пани Цыго, не твоего вона роду! сказала она и, отойдя отъ насъ, сѣла на порогѣ своей хаты. Склонивъ на руки голову, она оставалась нѣсколько минутъ въ глубокомъ раздумьѣ; наконецъ, смотря на меня, уныло запѣла:

Котилися возы съ горы, на долинѣ стали:
Любилися, кохалися, да вже й перестали.

— Такъ усе на симъ свити! примолвила она, качая головою. — А ты, моя квиточко, дуже зажурилась?

Странно, Hélène: слова и поступки этой женщины имѣли на меня магнетическое вліяніе. Я не могла отвести отъ нея глазъ; я чувствовала въ себѣ какое-то нервическое разстройство. Однакожь, простодушная ея откровенность была такъ привлекательна и такъ оригинальна.

— Отгадай же, матушка, причину моей печали, сказала я, испытывая ее.

— Лишенько мое тяжкое!... отвѣчала она со вздохомъ:—шчо минуло не вернется, пани моя люба! ты сама знаешь: *давно тее дiялось!*

— Такъ давно, что *онъ* забылъ о томъ и думать, сказала я.

— Да ты и сама, мое серденько, сколькихъ уже любила, пока не встрiтилась съ прежнимъ милымъ. Я скажу тебѣ всю правду; по мiсяцу да зiрочкамъ погадаю... Въ ту субботу будетъ полнолунiе, продолжала она, подумавъ немного:—приходи ко мнѣ, да не бери съ собою панночекъ, цуръ имъ! Я буду ждать тебя въ полночь. Ни прежде, ни послѣ ничего не скажу.

Я подала ей двѣ золотыя монеты.

— Спасибо, сказала она. — А вже багато перешло такихъ грошей черезъ твои руки, пани... Гляньте, шчо се за птыця спива?

—Je suis accouru tout armé, madame la princesse, pour avoir l'honneur de vous reconduire, etc... кричалъ Деланè, перескакивая черезъ плетень съ огромною палкою въ рукахъ.

— Кто васъ просилъ сюда идти? отозвалась съ неудовольствiемъ Лепетаенкова.

—Mais, мадамъ Лепетай, мнѣ сказалъ мамзель Путомъ, здѣсь есть злой собакъ, отвѣчалъ онъ, съ живостiю поднимая свою палку.

— Э, якiй прыткiй! вскричала смѣясь Зозулиха, и, поглаживая своего сирка, весело запѣла:

Ой, на дворi метелиця!
Чому старый не жениться!

Повторяя все одно и то же, она гримасничала доктору, давая знать, что послѣднiй стихъ къ нему относится.

— Ну, а будетъ ли я женить? закричалъ онъ, стараясь перебить несносное для него пѣнiе.

— Да вже жь не якъ? женишься! отвѣчала съ лукавою улыбкою Зозулиха.

— И карошеньки певѣстъ?

— Гарненька! вытре съ тебе ворсу.

— Charmantissimo! Когда женюсь, подарю тебѣ червонецъ.

—А я подарю тоби два на весилья, сказала со смѣхомъ Зозулиха, и, подразнивъ его полученными отъ меня монетами, затворила за собой дверь своей хаты.

Я распорядилась такъ, что на обратномъ пути изъ Л. какъ-разъ поспѣла въ субботу на ночлегъ въ казачье село, и въ полночь отправилась съ Лепетаенковой на свиданье съ Зозулихой. У воротъ ея встрѣтила насъ собака и лаемъ своимъ разбудила дѣвочку, спавшую подъ хатой; лѣниво потягиваясь, она объявила намъ *прiятное извѣстiе,* что мать ея ожидаетъ насъ въ лѣсу.

— Сирко проведе васъ до матуси, сказала она, объясняя собакѣ жестами и словами чего отъ нея требуютъ.

— Еслибъ ты, милая, потрудилася сама насъ проводить...

— Да тутъ близёнько, прервала она, отталкивая отъ себя монету, которую я ей давала.

На угрозы Лепетаенковой дѣвочка отвѣчала громкимъ зѣваньемъ, и ушла въ хату, оставляя насъ на жертву сирку, который, выбѣжавъ за ворота, тихонько лаялъ, призывая насъ.

Досадно было, да дѣлать нéчего. Странный нашъ путеводитель весело прыгалъ впереди насъ, оглядываясь безпрестанно. Мы шли, не говоря ни слова. Было что-то страшное въ темнотѣ и безмолвіи лѣса. Среди глубокой тишины слышенъ былъ шорохъ падающихъ листьевъ и трепéтный шелестъ осины. Дико, протяжно раздавался крикъ птицъ, всполошенныхъ нами. Иногда, луна, пробиваясь сквозь густые своды деревьевъ, наводила яркій свѣтъ на мѣста, тонувшія въ мракѣ, и гигантскія тѣни, толпою возникавшія со всѣхъ сторонъ, какъ-будто гнались за нами. Я начинала приходить въ отчаяніе;—но четвероногій вожатый скоро вывелъ насъ изъ лѣса на обширную поляну, покрытую холмами. На одномъ изъ нихъ стояла Зозулиха; высокій ростъ ея казался еще выше. Лучи мѣсяца ударяли прямо на нее; длинная ея *намитка,* падавшая на одну сторону съ головы до ногъ, волновалась вѣтромъ и придавала фантастическій видъ ея фигурѣ.

— Тутъ нихто насъ не побаче и не почуе, говорила она, усаживая насъ подлѣ себя на пригоркѣ:—хоть багато людей пидъ нами.

— Какъ! эти холмы...

— Усе могилы. Колись тутъ бились козаченьки съ ворогами. Въ кажный могили костей не пересчитать!.. Чего жь ты злякалась, пани Цыго? мертвецы пидъ землею; воны до насъ не прійдутъ, а мы до ихъ будемъ.

— Богъ съ ними, покой имъ вѣчный! сказала перекрестясь Лепетаенкова и стучала зубами, какъ въ лихорадкѣ.

Къ бóльшему еще ея горю, Зозулиха, приступая къ гаданью, увела меня подальше, и Лепетаенкова осталась одна, какъ памятникъ на могилѣ.

Вообрази, Hélène, сцену: ночь, правда, очень свѣтлая, но вокругъ глубокое уединеніе и тишина. Я въ лѣсу, среди могилъ, съ женщиной, которой слова бросали меня то въ жаръ, то въ холодъ.

Описывать все было бы слишкомъ-длинно; притомъ же, Hélène, я не хочу посвящать тебя во всѣ таинства. Скажу только, что это было непостижимо; особливо, когда предсказательница, одушевляясь чуднымъ вдохновеніемъ, касаясь прошедшаго, я была поражена страхомъ, который наводятъ на насъ сверхъестественныя явленія.

Мы разстались съ нею большими пріятельницами. Она увѣряла меня, что Валентинъ никогда еще не былъ такъ сильно занятъ мною;

что желаніе его видѣть меня такъ велико, что еслибъ у него были крыльи, онъ бы ужь прилетѣлъ ко мнѣ. Это послѣднее предсказаніе было для меня всего пріятнѣе. Но по мѣрѣ приближенія моего къ дому, сомнѣніе закрадывалось въ мое сердце, и еще первый разъ въ жизни предчувствіе мое обмануло меня: я возвратилась домой въ томъ грустномъ расположеніи духа, которое всегда бываетъ у меня передъ какой-нибудь бѣдою.

На другой день пріѣхала ко мнѣ Юлія съ Перидъ.

— Ну, что женихъ вашъ? спросила я у Юліи.

— Несносенъ по-прежнему. Теперь еще рѣже у насъ бываетъ. Можетъ-быть, съ досады на Глафиру, которую мы отучили съ нимъ любезничать. Досталось ей за то отъ насъ и отъ дѣдушки! Впрочемъ, Валентинъ и самъ къ ней очень охладѣлъ; да она и никогда ему серьёзно не нравилась. Я ужь думаю, не влюбленъ ли онъ въ васъ, княгиня?

— Ахъ, Боже мой! съ чего вы взяли?

— Вчера онъ ужасъ васъ расхваливалъ! Вы для него самая привлекательная женщина въ мірѣ по вашей красотѣ, уму, любезности и... мало ли что онъ говорилъ! При всей дружбѣ моей къ вамъ, мнѣ надоѣло одно и то же безпрестанно слушать.

— Поздравляю васъ, Юлія, сказала я смѣясь: — вы стали ревнивы; значитъ, вы влюблены.

— Ни мало, божусь вамъ! Я выхожу замужъ по приказанію. Вы знаете: выборъ моего сердца палъ не на Валентина Михайловича...

— Бѣдный Бенировъ!

— Ахъ! не говорите. Я не могу думать равнодушно... Кто это къ вамъ ѣдетъ, княгиня?.. Валентинъ,—какая досада! присутствіе его всегда меня связываетъ.

При первомъ взглядѣ на Валентина, я замѣтила въ немъ перемѣну. Физіономія его носила отпечатокъ чувствъ, волновавшихъ душу. Валентинъ напрасно старался казаться равнодушнымъ: все въ немъ измѣняло ему; страсть его ко мнѣ выражалась во взорахъ, въ звукѣ голоса и въ самомъ молчаніи.

Очаровательны были первыя слова его о любви!.. Семь лѣтъ, отдѣлявшія насъ отъ милаго прошедшаго, какъ-будто не бывали. Мы перенеслись опять въ первую эпоху любви нашей, воспоминаніе которой свято хранилось въ сердцѣ Валентина.

Теперь все открыто: ревнуя меня къ князю Өедору, Валентинъ вздумалъ волочиться за Глафирою, для того только, чтобы лучше скрыть свои чувства. Онъ слышалъ объ исторіи моей съ Д—молва, прилѣтая клевету на клевету, разнесла вездѣ злую на меня выдумку Л...скаго. Валентинъ былъ въ отчаяніи; онъ хотѣлъ меня забыть,

незавидны, но неодолимая страсть влекла его ко мнѣ. Повторяю тебѣ, Hélène, Валентинъ и я созданы другъ для друга.

Предубѣжденіе мое противъ Червоно-Шапокъ исчезло. Я не удивляюсь болѣе пристрастію моего мужа къ этой деревнѣ, такъ щедро украшенной природой и искусствомъ. Валентинъ въ восторгѣ отъ здѣшняго сада. Мы въ полной мѣрѣ наслаждаемся сельскою жизнію; прогулки наши очень разнообразны; катанье по водѣ сопровождается всегда музыкою или хоромъ пѣвчихъ. Украинскія пѣсни дышутъ меланхоліей; въ самыхъ веселыхъ отзывается что-то унылое, располагающее къ задумчивости... такъ, по-крайней-мѣрѣ, говоритъ Валентинъ, и я ему во всемъ вѣрю. Еслибъ ты знала, Hélène, какъ онъ меня любитъ! это просто обожаніе. Слухи о томъ дошли уже до Глафиры, и мнѣ страхъ хочется полюбоваться ея досадой и отчаяніемъ. Терзать, мучить своихъ соперницъ, — съ чѣмъ сравнить это удовольствіе? Я назначила казнь Глафиры въ будущее воскресенье и пригласила къ этому празднику всѣхъ своихъ сосѣдей.

Прошу тебя, Hélène, пусти въ ходъ исторію моего романа. Это интересно: страсть, которую не охладили семь лѣтъ разлуки! Графиня Лоло покраснѣетъ отъ зависти при этомъ извѣстіи. Не забудь упомянуть о несмѣтномъ богатствѣ дяди, котораго Валентинъ единственный наслѣдникъ. Свадьба моя, думаю, будетъ не прежде сентября. Сперва надобно выдать замужъ Юлію за Бенорова. Старикъ-дядя ни за что въ свѣтѣ не допуститъ Валентина измѣнить своему слову; препятствіе должно быть со стороны Юліи, — такъ мы и устроимъ. Тутъ немного мѣшаетъ отецъ Юліи: Валентинъ слишкомъ интересный женихъ для его дочери! Да ужь когда пошло на то, мы обойдемся и безъ его согласія. Къ-счастью, Периль влюблена въ Делане и покровительствуетъ Бенорову. Adieu, mon ange!

Всегда твоя к. N. H.

P. S. Мнѣ совѣстно передъ тобой за мое письмо: Лепетаевкова отдѣлала его своими поправками малороссійскихъ фразъ! цѣлыя строки погибли отъ руки ея; о вычеркнутыхъ словахъ и говорить нечего. И все это только для того, чтобъ открыть тебѣ ошибки, которыхъ бы ты и не подозрѣвала.

ПИСЬМО XXIV.

ГЛАФИРА ОЛИМПІАДѢ И МАРЬѢ.

10 августа 18.. года.
С. Моторва.

Скажите мнѣ, mesdames,
То время памятно ли вамъ,
Когда мы неразлучны были?
Учились, бѣгали, шалили...

Милое, прекрасное прошедшее! милый, прекрасный институтъ! Зачѣмъ нѣтъ васъ со мною, други мои? Здѣсь какъ-будто сговори-

лись все меня мучить. Мнѣ смертельно грустно. Впрочемъ, я не имѣю причины ни на кого жаловаться; маменька и дѣдушка ангельски ко мнѣ добры и снисходительны, — я была бы совершенно счастлива, еслибъ... надобно ужъ вамъ признаться, — еслибъ первая встрѣча моя съ Валентиномъ Михайловичемъ не сдѣлала на меня такого глубокаго впечатлѣнія. Тутъ видимо вліяніе злой судьбы. Въ порядкѣ ли это обыкновенныхъ вещей, чтобъ моей легкой, воздушной шляпкѣ опрокинуть тяжелую коляску?.. Потомъ, сколько безпокойства и слезъ за жизнь этого человѣка! Потомъ, — Боже! сколько непріятностей!.. Открытіе въ немъ жениха Юліи, и наконецъ сцена, описанная мною въ послѣднемъ моемъ письмѣ, послѣ которой свадьба его съ Юліей назначена была 28 августа. Съ-тѣхъ-поръ, я почти съ нимъ не говорила, но онъ всегда находилъ случай декламировать мнѣ отчаянныя тирады, которыя вѣрно заучилъ изъ какой-нибудь трагедіи. О, mesdames! еслибъ вы знали, какая бездна притворства и злости въ этомъ человѣкѣ! Это недавно мнѣ открылось.

— Знаете ли новость? Валентинъ Михайловичъ влюбленъ въ княгиню Наталью Павловну, сказала Юлія, входя ко мнѣ въ комнату. — Какъ вы покраснѣли, Глафира! вамъ это очень-досадно.

— Скорѣе вамъ, нежели мнѣ.

— А мнѣ что̀ за дѣло? Я очень рада отъ него избавиться. Пусть-себѣ влюбляется въ кого хочетъ, — мнѣ все равно. Онъ чудесный притворщикъ! Можно ли было думать, что онъ *съ васъ* только смѣялся?.. И Юлія, захохотавъ, убѣжала.

Трудно описать вамъ, mesdames, тогдашнее мое положеніе. Мнѣ хотѣлось плакать, но я была въ какомъ-то страшномъ оцѣпенѣніи, — и теперь холодъ на сердцѣ, когда вспомню о тѣхъ горькихъ минутахъ.

Черезъ нѣсколько дней пріѣхала Дася и подтвердила слова Юліи. Она провела цѣлую недѣлю въ Червоно-Шапкахъ. Валентинъ Михайловичъ почти не выѣзжаетъ оттуда. Дася не вѣрила глазамъ своимъ, видя его обожателемъ княгини, надъ которою онъ прежде всегда насмѣхался. Тетушка дасинькина проболталась, что княгиня писала уже въ Москву о высылкѣ для нея подвѣнечнаго платья. Зачѣмъ же у насъ эти приготовленія къ свадьбѣ Юліи?!.. Я сдѣлала большую глупость, что поѣхала на балъ къ княгинѣ. Это было въ прошлое воскресенье. Маменька отказалась отъ приглашенія на этотъ праздникъ; Лиза послѣ болѣзни своей не совсѣмъ еще оправилась, и я уже думала навѣрное сидѣть дома; но княгиня пріѣхала къ намъ нарочно для того, чтобъ упросить маменьку отпустить меня къ ней съ тетушкой и Юліей. Не было возможности отъ нея отговориться. Да правду сказать, мнѣ и самой хотѣлось быть на этомъ балѣ, — не

глупо ли? хотѣлось увидѣть, какъ Валентинъ Михайловичъ ухаживаетъ за княгинею...

Мы пріѣхали въ Червонны-Шапки въ субботу къ вечеру. Время было чудесное. Все общество находилось въ саду; музыка раздавалась по аллеямъ; мы вошли въ бесѣдку, гдѣ пили чай. Валентинъ Михайловичъ стоялъ за стуломъ княгини и шепталъ ей на ухо. Увидѣвъ меня, онъ замѣтно сконфузился; но въ ту же минуту принялъ какой-то несвойственный ему развязный видъ. Я замѣтила что-то недоброе въ общемъ ко мнѣ вниманіи; особливо составлявшіе обыкновенное общество княгини встрѣтили меня съ такими улыбками!.. Пустомелы будто условились не говорить ни о чемъ другомъ, какъ о Валентинѣ Михайловичѣ и княгинѣ. Всѣ ихъ разговоры начинались и оканчивались однимъ и тѣмъ же. Я было-хотѣла уйдти съ Дасей отъ нихъ подальше, но Эмилія завладѣла моею рукою, какъ своею собственностію, и во все время длинной прогулки не переставала разсказывать о сюрпризахъ, катаньяхъ, танцахъ, и все на одну тэму: «Валентинъ Михайловичъ и княгиня»,—«княгиня и Валентинъ Михайловичъ». Дася съ отчаяніемъ пожимала мнѣ руку. Ей казалось, что это говорили съ намѣреніемъ досадить мнѣ. Не думаю.

Въ воскресенье мы были у обѣдни. Мнѣ нравится церковь въ Червоно-Шапкахъ; все располагаетъ въ ней къ благоговѣйной задумчивости. Она очень древняя; рѣзьба на великолѣпномъ иконостасѣ потемнѣла отъ времени, но живопись сохранила первоначальную свою свѣжесть, и ликъ святыхъ отдѣляется отъ почернѣвшей позолоты, какъ свѣтлая мысль о небѣ отъ горестей земныхъ. Въ меланхолическомъ упоеніи слушала я церковное пѣніе; сердце, исполненное скорби, искало утѣшенія въ молитвѣ... но увы! грѣшныя мысли толпою налетѣли, и глаза мои прикованы стали къ группѣ, посреди которой стояла княгиня съ Валентиномъ Михайловичемъ; они перешептывались и смѣялись. Еслибъ это было въ институтѣ, ихъ бы вывели изъ церкви.

За обѣдомъ, мнѣ пришлось сидѣть подлѣ Р...вой, съ которой я до-сихъ-поръ мало была знакома. Александра Петровна премилая женщина; воспоминаніе о ней миритъ меня съ гадкимъ баломъ княгини.

Долго я не забуду этого бала!.. Предчувствуя скуку, я не спѣшила одѣваться, и послѣдняя вошла въ танцовальную залу. Тамъ было весело, свѣтло; нарядныя дамы улыбались, мужчины любезничали, —все дышало удовольствіемъ.

— Какъ вы блѣдны! сказала мнѣ Дася, и я испугалась, посмотрѣвъ въ зеркало. Лицо у меня было такое не бальное: оно печально пряталось за голубые цвѣты, пучками лежавшіе на блѣдныхъ щекахъ.

Музыка заиграла любимый мой вальсъ; Валентинъ Михайловичъ,

такъ часто вальсировавшій со мною на прежнихъ балахъ, теперь на меня и не смотрѣлъ. Онъ леталъ по залѣ съ княгинею, которая тотъ вечеръ была очаровательна. Бѣлое ея платье отличалось вкусомъ и изящною простотою; на черныхъ ея волосахъ, гладко зачесанныхъ, небрежно накинута была одна только натуральная пунсовая роза. Когда я сравнила костюмъ княгини съ моимъ, мнѣ стало душно за огромными кустами моихъ несчастныхъ незабудокъ, за которыми я сидѣла невидимкою. Такъ, по-крайней-мѣрѣ, можно было думать по общему обо мнѣ забвенію. Первый кадриль я просидѣла, чего еще не было со мною ни на одномъ балѣ! Второй танцовала съ княземъ Ѳедоромъ, да еще два съ Эрастомъ Кассьяновичемъ,—тѣмъ и кончилось.. Я была въ отчаяніи; взгляды, улыбки, слова,—всѣ эти алыя, черныя мелочи меня терзали. На-примѣръ, это, mesdames: княгиня, задыхаясь отъ усталости, бросилась на стоявшій подлѣ меня стулъ, и, посмотрѣвъ мнѣ пристально въ глаза, сказала:

— Что это вы такъ мало сегодня танцуете?.. вотъ опять собираются на кадриль,—есть у васъ кавалеръ?

— Нѣтъ, отвѣчала я краснѣя.

— Послушайте, Валентинъ Михайловичъ! закричала она: — танцуйте слѣдующій съ Глафирой Александровной.

— У меня ужь есть дама, отвѣчалъ онъ, уходя поскорѣе.

Начались сборы къ мазуркѣ. Всѣ суетились; кавалеры ставили въ кружокъ стулья, дамы весело шли къ своимъ мѣстамъ; одна я сидѣла: никто меня не аганжировалъ. Заиграла музыка,—все запрыгало, заплясало, — и вотъ, огромный кругъ разорвался; на сцену вышла первая пара: княгиня съ Валентиномъ Михайловичемъ, — счастливые!.. Поравнявшись со мною, княгиня съ улыбкою отпустила убійственное: «Вы не танцуете?» и полетѣла метеоромъ. Вдругъ съ головы ея упала роза,—это произвело большую суматоху. Мужчины толкались, стараясь завладѣть цвѣткомъ; но княгиня, взявъ его изъ рукъ толстаго ремонтера, отдала Валентину Михайловичу, который, сантиментально гримасничая, помѣстилъ розу ея у себя на груди. Глупая сцена!

— Не хотите ли на балконъ? здѣсь такъ душно! сказала мнѣ Александра Петровна Р., и я съ радостью подала ей руку. Я сидѣла настоящей мученицей,—никогда еще не танцовали мазурки такъ долго.

Мы вышли на балконъ. Въ свѣжемъ, ароматическомъ воздухѣ есть какое-то очарованіе, успокоивающее душу. Ночь была темная; всѣ предметы слились въ одну огромную массу, въ которой исчезалъ садъ съ своими деревьями, кустами и цвѣтами. Сквозь окна ярко освѣщенной залы, толпа мазуристовъ, неистово скачущихъ, представляла рѣзкую противоположность съ торжественнымъ спокойствіемъ природы.

— Вамъ не весело на этомъ балѣ? сказала мнѣ Александра Петровна, обнимая меня.—Знаете ли, почему вы такъ мало танцуете?.. Это заговоръ, составленный противъ васъ ремонтеромъ N.

— Чтò жь это значитъ? спросила я съ удивленіемъ.

— Вы надъ нимъ смѣялись?

— Онъ такой смѣшной! Но кто ему о томъ сказалъ? не-уже-ли Юлія?

— Я обвиняю тутъ одну княгиню. Ей бы слѣдовало это какъ-нибудь уладить, а она еще больше подстрекнула,—я сама слышала.

— Благодарю васъ за извѣстіе. Мнѣ легче переносить мое бальное несчастіе, когда знаю, что оно происходитъ отъ добраго толстяка N. Только не понимаю, кàкъ онъ могъ рѣшиться на такой злой противъ меня поступокъ.

— Онъ самъ не радъ своей затѣѣ, и готовъ просить у васъ прощенія. Все это штуки княгини. Я давно знаю о ея къ вамъ нерасположеніи. Сколько разъ она осуждала васъ, обвиняя въ кокетствѣ съ женихомъ Юліи Ивановны; а теперь, сама, — смотрите, чтò дѣлаетъ!

Я взглянула на окна залы, представлявшія намъ живую картину: княгиня стала посреди круга съ Валентиномъ Михайловичемъ, и жеманясь завязывала ему глаза.

— До-сихъ-поръ я имѣла лучшее мнѣніе о Валентинѣ Михайловичѣ, продолжала Александра Петровна:—но волокитство его за этой кокеткой показываетъ большую вѣтреность. Я ни мало не обвиняла его, когда думала...

— Чтò такое вы думали? спросила я, видя, что она вдругъ замолчала.

— Что онъ влюбленъ въ васъ, моя милая.

— Да развѣ это было?

— Такъ всѣ думали.

— Стыдъ какой! можетъ-быть, и обо мнѣ... Милая, ангельская Александра Петровна, скажите, чтò говорили обо мнѣ?

— Ma pauvre enfant! отвѣчала она, цалуя меня въ лобъ:—да развѣ вы умѣете хитрить? сердце ваше открытая книга; вы любите его!.. Она указала на Валентина Михайловича, который, какъ тѣнь, промелькнулъ мимо окна съ своею неразлучною дамою.

Я положила голову на плечо Александрѣ Петровнѣ, желая скрыть свои слезы.

— Милая моя, не сѣтуйте на случай, открывающій вамъ характеръ этого человѣка.

— О, я очень рада!.. Только, согласитесь, это странно.

— Напротивъ, очень обыкновенно. Со мною было то же самое.

— Съ вами?.. Я думаю, вы были въ отчаяніи.

Александра Петровна разсмѣялась.

— Дайте порыться въ архивѣ памяти объ этомъ давно-забытомъ горѣ, сказала она.

— Такъ вы вѣрно не любили, если не помните.

— Любила страстно. Измѣна сразила меня. Я умирала съ тоски и отчаянія, въ полной увѣренности, что для меня кончились всѣ радости въ жизни. Но время махнуло своими крыльями, и —вы видите, я спокойна и счастлива.

— Не-уже-ли вы вовсе забыли о вашей прежней любви?

— Я вспоминаю о ней, какъ о привидѣніи, которое мучило меня во снѣ.

— Я вамъ завидую.

— Все на свѣтѣ забывается, моя милая. Настоящее, что̀ такъ сильно васъ огорчаетъ, еще слишкомъ близко отъ васъ; оно стоитъ передъ вами великаномъ, передъ которымъ все—ничто! но вы уйдете дальше, — гигантъ покажется вамъ куклою, и наконецъ будетъ едва-замѣтною точкою.

Разговоръ съ Александрой Петровной былъ для меня такъ занимателенъ, что я перестала смотрѣть на окна залы, и невольно вздрогнула отъ словъ ея: «мазурка кончена».

— Такъ скоро! сказала я.

— Скоро?.. сказала она смѣясь.—А кто сравнивалъ эту мазурку съ декабрьской ночью?

— Сидѣть тамъ было для меня мученье; но съ вами, здѣсь, я совершенно забылась.

— Знаете ли, что̀ я хочу вамъ предложить? Тетушка ваша пробудетъ здѣсь еще дня два, а я уѣзжаю завтра по утру, и если вамъ угодно, завезу васъ въ Моторну.

— Боже! какъ я вамъ благодарна! вскричала я съ радостію.—Мнѣ такъ надоѣло... Я замолчала, и прижалась къ Александрѣ Петровнѣ, увидѣвъ Валентина Михайловича, вышедшаго на балконъ.

— Какъ здѣсь хорошо! сказалъ онъ, подходя къ намъ.

— Чудесно! отвѣчала Александра Петровна.—Мы тутъ очень пріятно провели время съ Глафирой Александровной.

— И вѣрно говорили про институтъ?... Ange adorable № 12! сказалъ онъ, положивъ руку на сердце.

— Оставьтѣ въ покоѣ № 12, — отозвалась я съ досадою.

— Ахъ! это вашъ нумеръ, Глафира Александровна? Простите великодушно; я, право, не зналъ... Говоря это, онъ поклонился мнѣ почти до земли.

— Вы уронили вашу прекрасную розу, сказала ему Александра Петровна.

— Она хорошо упала, — прямо къ ногамъ Глафиры Александровны.

— Мнѣ не нужно ее, сказала я, отталкивая розу ногою.

— Вы правы: она недостойна лежать у ногъ вашихъ! вскричалъ онъ и, поднявъ розу, кинулъ ее за балконъ.

— Безподобно! сказала смѣясь Александра Петровна.—Такъ-то вы дорожите подаркомъ милой дамы?

— Эта милая дама заслуживала бы участь своего цвѣтка, произнесъ онъ съ жаромъ.

— Нѣтъ ничего въ свѣтѣ хуже притворства! сказала я.

— А если отъ него зависитъ жизнь? шепнулъ онъ мнѣ.

— Глупости!... отвѣчала я, уходя скорѣе съ балкона.

Скажите, mesdames: можно ли было думать, что онъ такой mauvais sujet!

На другой день, княгиня, тетушка и Юлія сильно ко мнѣ приставали, стараясь меня удержать; но я никого не послушала и воротилась домой съ Александрой Петровной.

Маменька и дѣдушка посмѣялись надъ мной, услышавъ о моемъ приключеніи на балѣ. Однакожь они очень недовольны за то на княгиню.

Прощайте, друзья мои! Послѣднія ваши извѣстія много обрадовали меня. Я всегда думала, что дядюшка машинькинъ добрѣе своихъ писемъ. Не забывайте меня, mesdames; ваша дружба только и утѣшаетъ бѣдную

Глафиру С.

ПИСЬМО XXV.

Глафира Олимпіадѣ и Марьѣ.

24 августа 18 . . года.
С. Моторна.

Послушайте, друзья мои, Липинька и Маша, какое чудо! я протираю глаза: не во снѣ ли это?... Еслибъ луна упала на землю, еслибъ деревья и кусты заговорили и пошли плясать, я бъ меньше удивилась. Голова кружится, когда подумаю... Вы хотите знать въ чемъ дѣло? Дайте, mesdames, собраться съ мыслями. Я люблю во всемъ порядокъ, и вы узнаете мою новость тамъ, гдѣ о ней сказать прійдется.

Въ послѣднемъ письмѣ моемъ, за своимъ горемъ, я забыла васъ извѣстить, что, кромѣ Юліи, у насъ была еще и другая невѣста: Шарлотта Францовна Периль, теперь счастливая супруга Феликса Карловича Деланè. Вѣнчанье ихъ совершилось вчера въ католи-

ческой церкви городка П., которое высокая колокольня видна изъ моей бесѣдки на горѣ.

Вчерашній день былъ исполненъ приключеній. Еще съ утра поднялась у насъ въ домѣ страшная возня. Горничныя шумѣли, бѣгая по лѣстницамъ съ утюгами и коробками,—лакея суетились. Тетушка, приготовляясь къ парадному обѣду, сильно хлопотала. Наконецъ, Юлія и Периль, обѣ одѣтыя какъ невѣсты, съ блестящими отъ удовольствія лицами, сѣли въ карету. Деланѐ долженъ былъ изъ Червоно-Шапокъ отправиться прямо въ П. и ожидать свою невѣсту въ церкви, гдѣ обѣщали находиться всѣ приглашенные на эту свадьбу.

Прошло болѣе двухъ часовъ послѣ отъѣзда Юліи и Периль. Въ залѣ, на длинномъ столѣ, украшенномъ цвѣтами, приготовленъ былъ завтракъ. Тетушка теряла терпѣніе.

Но вотъ, за воротами показался длинный рядъ каретъ и колясокъ. Карета молодыхъ ѣхала впереди всѣхъ; упряжь блестѣла разными украшеніями,—на шляпахъ у людей развѣвались кокарды изъ лентъ.

Тетушка замѣтно встревожилась, и съ образомъ въ рукахъ стала у дверей, для встрѣчи молодыхъ. Лиза и я побѣжали къ открытому окну. Прежде всѣхъ выскочилъ изъ кареты Беноровъ, за нимъ Деланѐ, а тамъ Юлія и Периль. Обѣ пары, рука въ руку, вошли въ залу, и... я обмерла отъ страху и удивленія, когда увидѣла Юлію и Бенорова у тетушкиныхъ ногъ. Юлія громко рыдала. Тетушкѣ сдѣлалось дурно; она бъ упала, еслибъ Деланѐ не поддержалъ ея. Периль суетилась около нея съ флакончикомъ спирта. Въ толпѣ, окружавшей эту группу, слова: «Простите имъ! благословите ихъ!» хоромъ повторялись. И вдругъ все умолкло при появленіи Ивана Петровича, который, ничего неподозрѣвая, съ веселымъ видомъ кричалъ:

— Шарлотта Францовна и Феликсъ Карловичъ, поздрав... Онъ не докончилъ,—толпа, скрывавшая Юлію и Бенорова, раздвинулась, и они кинулись къ ногамъ его.

— Это что значитъ?.. вскричалъ онъ, съ отчаяніемъ всплеснувъ руками.

— Простите насъ, папà! мы обвѣнчаны, говорила всхлипывая Юлія.

— Прочь отъ меня!.. вскричалъ онъ страшнымъ голосомъ, и блѣдный, трепещущій отъ гнѣва, обратился къ княгинѣ:

— Поздравляю васъ! сказалъ онъ ей насмѣшливо:—вы славно обработали свои дѣла. Когда же свадьба ваша? Валентинъ Михайловичъ прекрасный женихъ, только слишкомъ молодъ для вашего сіятельства...

— Иванъ, побойся, перестань, ради Бога... Жанинька! кричала тетушка, и, кинувшись къ нему на шею, закрыла ему ротъ рукою, подъ которой спряталось все лицо его.

Оттолкнувъ ее отъ себя, Иванъ Петровичъ вышелъ изъ залы, хлопнувъ дверьми на весь домъ.

—Не сердитесь на него, умоляю васъ! онъ самъ не знаетъ, что говоритъ, вскричала тетушка, обнимая княгиню.—Я надѣюсь, вы не уѣдете,—вы будете у насъ обѣдать?

— Съ однимъ условіемъ, отвѣчала княгиня: — простите милыхъ преступниковъ вашихъ!

— Юлія, Владиміръ, дѣти мои!.. вскричала тетушка, заключая ихъ въ свои объятія. — Благословляю васъ; будьте счастливы!

Всѣ дамы прослезились при этой сценѣ, а Лиза меня разсмѣшила, говоря:

—Ахъ, Боже мой! вѣдь они должны подходить ко всѣмъ. Что мнѣ имъ сказать, когда будутъ просить у меня прощенія?

— Теперь къ дѣдушкѣ!... Милая кузина, сказала мнѣ Юлія:—еслибъ вы пошли впередъ и приготовили его...

— Ось я! пустите мене! кричала Лепетаенкова, продираясь сквозь толпу.—Я пойду къ Петру Петровичу.

— Ради Бога, не мѣшайтесь не въ свое дѣло, Клеопатра Петровна! отвѣчала съ досадою Юлія. — Пусть идетъ одна Глафира.

— Все общество остановилось въ дѣдушкиной гостиной, а я пошла къ нему въ кабинетъ. Дѣдушка, давно уже пообѣдавшій, дремалъ въ своихъ большихъ креслахъ.

— Гдѣ же молодые? спросилъ онъ, увидя меня.

— Они котчасъ къ вамъ явятся. Но... милый дѣдушка, приготовтесь къ большой новости... сказала я запинаясь.

— Что тамъ еще такое? спросилъ дѣдушка, перемѣняясь въ лицѣ.

— Ничего такого;—однакожь...

— Ты мучишь меня! Говори скорѣе.

— Юлія и Беноровъ вышли замужъ.

— Обвѣнчались?!

— Простите ихъ, дѣдушка!

— Ну, Богъ съ ними, отвѣчалъ поблѣднѣвъ дѣдушка.—Юлія сдѣлала большую глупость, да она ужь въ такихъ лѣтахъ, что сама можетъ располагать собою.

Юлія и Беноровъ, стоявшіе за дверьми, вдругъ очутились у дѣдушкиныхъ ногъ.

— Дѣло сдѣлано, сказалъ онъ имъ съ кроткимъ огорченіемъ. —Встаньте, дѣти. Молю Бога, чтобъ союзъ вашъ, заключенный безъ согласія родителей вашихъ, былъ счастливъ. Но что скажемъ мы Валентину Михайловичу?

— Объ этомъ не безпокойтесь, дѣдушка, отвѣчала Юлія.—Онъ не будетъ сердиться. Любовь его къ одной особѣ всѣмъ извѣстна.

— Какъ вы нескромны, Юлія! прервала княгиня, схвативъ ее за руку.

— Наумъ Корнѣевичъ ѣдетъ! сказалъ кто-то, и глаза всѣхъ обратились къ окну.

Наумъ Корнѣевичъ вошелъ, потирая себѣ руки, — неизмѣнный у него знакъ удовольствія. Валентинъ же былъ въ полномъ восторгѣ; лицо его сіяло радостію.

— Теперь ужь ничто не помѣшаетъ ему жениться на княгинѣ, — подумала я, смотря на него. При этой мысли въ глазахъ у меня потемнѣло. Боясь упасть, я схватилась за дѣдушкино кресло и стала позади его.

Съ минуту продолжалось какое-то торжественное молчаніе; наконецъ, дѣдушка, обращаясь къ Валентину, началъ-было патетическимъ тономъ:

— Съ прискорбіемъ долженъ я васъ извѣстить...

— Прежде всего, позвольте мнѣ, Петръ Петровичъ, поздравить Юлію Ивановну и Владиміра Эмельяновича, прервалъ съ лукавою улыбкою Валентинъ. — Я знаю о моемъ несчастіи.

— Несчастье на нашей сторонѣ. Я люблю васъ какъ сына. Самая пріятная надежда моя на родство съ вами уничтожена, и...

— Счастье мое всегда отъ васъ зависитъ, сказалъ съ жаромъ Валентинъ: — я прошу у васъ руки Глафиры Александровны!

— Если только она согласится, отвѣчалъ дѣдушка.—Съ моей стороны полное благословеніе.

— Судьба моя въ вашихъ рукахъ! сказалъ, подходя ко мнѣ, Валентинъ.

— Нѣтъ, нѣтъ!.. отвѣчала я.

О, mesdames! какъ описать вамъ тогдашнее мое положеніе!..

— Прошу любезныхъ гостей завтракать! кричала тетушка, желая удалить отъ этой сцены чужихъ людей.

— Катерина Марковна проситъ завтракать! повторяла Лепетаевкова, и почти вытолкала всѣхъ изъ комнаты.

— Попроси сюда твою маменьку, сказалъ дѣдушка Лизѣ, и смѣясь прибавилъ:—я увѣренъ, Глафира перемѣнитъ свое *нѣтъ* на *да!*

Все это я видѣла и слышала, но силы мои такъ ослабѣли, что мнѣ казалось, я спала на яву. Подлѣ меня, на маленькомъ диванѣ, сидѣла тетушка, а за нею княгиня.

Валентинъ опять подошелъ ко мнѣ и смотрѣлъ на меня съ какимъ-то умоляющимъ видомъ. Желая удалить его отъ себя, я взглядомъ указала ему на княгиню, и онъ съ живостію къ ней обратился.

— Княгиня, Наталья Павловна, сказалъ онъ, кланяясь ей:—я мно-

го благодаренъ вамъ за участіе, которое вы приняли въ любви моей къ Глафирѣ Александровнѣ. Мнѣ извѣстно было все, и я, съ отчаянія, рѣшился сражаться съ вами вашимъ же оружіемъ: на хитрость хитрость!.. Но, еслибъ знали вы, какъ мучительны были для меня дни моего притворства!

— Вы ужасный человѣкъ! Я презираю васъ! я отмщу за себя! вскричала княгиня и, кинувъ на меня яростный взглядъ, вышла изъ комнаты, опираясь на Катерину Марковну.

Черезъ нѣсколько минутъ экипажъ ея былъ уже за воротами. Лошади быстро мчали карету, которая сквозь призму солнечныхъ лучей казалась чѣмъ-то блестящимъ; — но каково было видѣть тамъ княгинѣ?

— Не жалѣйте о ней, сказалъ мнѣ Валентинъ. — Она въ полной мѣрѣ заслужила урокъ, мною ей данный. Эта женщина отвратительная эгоистка! Я ее хорошо знаю.

Валентинъ разсказалъ намъ о княгинѣ цѣлую повѣсть, которую передамъ вамъ когда-нибудь на досугѣ.

Не правда ли, mesdames, какъ все это странно случилось?.. Теперь участь моя рѣшена. Въ сентябрѣ, въ день маменькиныхъ именинъ, назначена свадьба моя. Маменька, дѣдушка и Наумъ Корнѣевичъ въ восторгѣ. Вчера дѣдушка такъ развеселился, что послалъ за музыкой, и мы танцовали до самаго свѣта. Я очень устала; легла-было спать, да не могла уснуть, и сѣла къ вамъ писать.

Боже! какъ я счастлива!.. Въ сердцѣ моемъ едва осталась тѣнь минувшей печали. Любовь Валентина перенесла меня въ свѣтлый, волшебный міръ, гдѣ все радость и счастіе.

Прощайте, мои безцѣнные, мои дорогіе друзья, Лапинька и Маша! Къ полному моему благополучію не достаетъ только васъ. Но мы скоро увидимся; зимой *мы* будемъ въ Петербургѣ... Mesdames, mesdames! съ какимъ блаженствомъ прижметъ васъ къ своему сердцу ваша — Глафира С.

С. ЗАКРЕВСКАЯ.

ИЗЪ ГЕЙНЕ.

—

Жизнь — ненастный, мучительный день;
Смерть — ночная, прохладная тѣнь.
Уже смерклось. Сонъ вѣжды смежилъ;
Я усталъ: длинный день исходилъ.

Вотъ ужь ива стоитъ надо мной...
Тамъ запѣлъ соловей молодой, —
Звонко пѣлъ про любовь свою онъ:
Его пѣснямъ я внемлю сквозь сонъ.

В. КРАСОВЪ.

БАЛЛАДА.

—

Передъ воеводой, молча, онъ стоитъ;
Голову потупилъ — сумрачно глядитъ.

Съ плечъ могучихъ сняли бархатный кафтанъ;
Кровь струится тихо изъ широкихъ ранъ.

Скованъ по ногамъ онъ, скованъ по рукамъ:
Знать ему не рыскать ночью по лѣсамъ!

Думаетъ онъ думу — дышетъ тяжело:
Плохо!.. видно, время доброе прошло.

«Что́, попался, парень? Долго жъ ты гулялъ!
Долго мнѣ въ тенёта волкъ не забѣгалъ!

«Что́ же пріумолкъ ты? Слышалъ я не разъ —
Пѣсенки ты мастеръ пѣть въ веселый часъ;

«Ты на ладъ сегодня врядъ ли попадешь...
Завтра мы услышимъ, какъ ты запоешь.»

Взговорилъ онъ мрачно: «Не услышишь, нѣтъ!
Завтра пѣть не буду — завтра мнѣ не слѣдъ;

«Завтра умирать мнѣ смертію лихой;
Самъ ты запоешь, чай, съ радости такой!..

«Мы пѣвали пѣсни, какъ изъ лѣса шли —
Какъ купцовъ съ товаромъ мы въ овраги вели...

«Ты бъ насъ тутъ послушалъ — ладно пѣли мы;
Да не долго пѣсней тѣшились купцы..

«Да еще пѣвалъ я — въ домикѣ твоемъ;
Запивалъ я пѣсни — все твоимъ виномъ;

«Заѣдалъ я чарку — хозяйской ѣдой;
Цаловался сладко — да съ твоей женой.»

Т. Л.

КЪ ПЛАЧУЩЕЙ ЮЛІИ.

(Изъ Мура.)

—

Когда ты плачешь не шутя,
Коль въ самомъ дѣлѣ знаешь горе,
Прижмись къ груди моей, дитя,
И отдохни здѣсь на просторѣ.

Но если горе все въ мечтахъ? —
Но если скорбь — пустыя грёзы?..
Ты такъ мила въ твоихъ слезахъ,
Что чаще лей такія слёзы!

КОЛАЧЕВСКІЙ.

ДЯДЮШКА И ЕГО ДУХОВНАЯ.

Статья г. Джона Пуля.

—

О, любезный дядюшка! лучшій и добрѣйшій изъ всѣхъ дядей въ мірѣ! зачѣмъ скончался ты? зачѣмъ я, почтительный племянникъ твой и единственный законный наслѣдникъ, принужденъ роптать на твой необдуманный, несправедливый и жестокій поступокъ со мною? Чѣмъ я не угодилъ тебѣ? какъ могъ прогнѣвить тебя до того, что, покидая здѣшній міръ, ты завѣщалъ вѣрной, испытанной и заслуженной домоправительницѣ твоей, мистриссъ Снетшитъ, только столовый сервизъ, мебель, бѣлье и очки съ золотою оправою; между-тѣмъ, какъ мнѣ оставилъ все свое имѣніе, банковые билеты, векселя, крѣпостные акты, наличныя деньги и капиталы, отданные въ руки разнымъ банкирамъ, съ платежомъ процентовъ по три на сто, по пяти, по десяти, и Богъ-знаетъ еще по скольку на сто! Конечно, на мою часть пришлось и довольно долговъ твоихъ, мой добрый дядюшка; но все-таки я благодаренъ тебѣ за наслѣдство, потому-что никогда не былъ корыстолюбивъ. Притомъ же, получивъ суммы, должныя тебѣ по векселямъ, мнѣ не трудно было бы расквитаться съ кредиторами, и я, расплатясь съ ними, остался бы еще очень богатъ; но, увы!...

Чтобъ объяснить жестокость благодѣянія моего дядюшки, надобно начать съ начала.

Не пугайтесь, однакожь, любезный читатель; начать какую-нибудь исторію съ самаго начала не значитъ еще вести ее отъ потопа, или ближайшихъ къ нему вѣковъ; но какъ почти въ каждомъ повѣствованіи (ссылаюсь на многихъ писателей) повѣствователь есть самъ, если не главное, по-крайней-мѣрѣ одно изъ дѣйствующихъ лицъ, то мнѣ кажется не лишнимъ изложить здѣсь предварительно краткую родословную моей фамиліи; однакожь и тутъ, не смотря на примѣръ многихъ знаменитыхъ историковъ, біографовъ и автобіографовъ, присвоившихъ себѣ право рыться до дна въ глубинахъ древности, я перескочу однимъ прыжкомъ черезъ всѣ тѣ туманные вѣка, гдѣ исторія теряется во мракѣ баснословія, и скромно поведу рядъ предковъ своихъ отъ того извѣстнаго и необходимаго исходнаго пункта, ниже котораго, конечно, ни одинъ англійскій лѣтописецъ, имѣющій

нѣкоторое уваженіе къ самому-себѣ или къ событію, имъ описываемому, сойдти не захочетъ. Я разумѣю 1066 годъ, то-есть эпоху покоренія Англіи Вильгельмомъ, герцогомъ норманскимъ.

Въ эту славную и блистательную эпоху, жилъ нѣкто Гвалтіеръ, графъ гигскій, одинъ изъ самыхъ храбрыхъ и вѣрныхъ спутниковъ Вильгельма-Завоевателя. Девять разъ сряду во время гестингской битвы, мужественный Вильгельмъ видѣлъ себя въ необходимости уступить многочисленнымъ непріятелямъ, и девять разъ сряду неустрашимый Гвалтіеръ, разсѣявая вокругъ себя смерть и опустошеніе, выручалъ его изъ бѣды здрава и невредима, между-тѣмъ, какъ самъ носилъ въ твердой груди своей двадцать двѣ стрѣлы и одиннадцать глубокихъ ранъ, нанесенныхъ ему мечомъ варваровъ; и объ этомъ ни одинъ англійскій историкъ не говоритъ ни слова! не обидно ли?.. Но Вильгельмъ, помня услугу Гвалтіера, пожаловалъ ему въ знакъ признательности нѣсколько земель въ Суссекскомъ Графствѣ, гдѣ и понынѣ еще одна часть ихъ слыветъ подъ именемъ гигскаго помѣстья, или, лучше, гигской фермы. Вскорѣ послѣ завоеванія Англіи, благородный графъ женился на знаменитой принцессѣ, Іоаннѣ-Урсулинѣ-Эсмеральдѣ, пра-пра-пра-правнукѣ Филиберта II-го, короля французскаго; отъ блистательнаго брака ихъ произошли: . . . .
. . . .
. . . . . . дѣдъ мой, *Ефраимъ Гигсъ,* родившійся въ Графствѣ Суссекскомъ въ приходѣ Сквешери, 22-го ноября 1742 года.

Слѣдовательно, мы перескочили почти черезъ семь столѣтій! Признайтесь, такая умѣренность не слишкомъ обыкновенна въ историческихъ запискахъ, печатаемыхъ и продаваемыхъ въ книжныхъ лавкахъ. Считаю, однакожь, нужнымъ предупредить моихъ подражателей, что этому примѣру должно слѣдовать съ большою осторожностію, потому-что отъ такого сокращенія претолстая книга можетъ вдругъ превратиться въ тоненькую.

Дѣдъ мой... Правду сказать, я могъ бы, продолжая прыжки свои, оставить и дѣдушку въ покоѣ: разсказъ мой ничего не потерялъ бы отъ этого; но такъ-какъ надобно же съ чего-нибудь начать, то я начинаю съ дѣдушки.

Дѣдъ мой, Ефраимъ Гигсъ, былъ содержателемъ очень посредственной мызы въ Суссекскомъ Графствѣ. Въ молодости женился онъ на дочери священника Сквешерискаго Прихода, которая въ-послѣдствіи времени принесла ему двадцать-два дѣтища обоего пола. Это происходило задолго еще до той великой эпохи, когда безсмертный другъ человѣчества, Дженнеръ, возъимѣлъ мысль населить землю антиподовъ преступниками и добровольными выходцами. Впрочемъ, и при существовавшемъ тогда порядкѣ вещей, еслибъ всѣ дѣти дѣда

моего остались въ живыхъ, переженились и вышли замужъ, то сомнительно, чтобъ община Сквешери могла вмѣстить въ себѣ все многочисленное поколѣніе Гигсовъ. Къ-счастію, осна и другія повальныя дѣтскія болѣзни устроили заранѣе судьбу семнадцатерыхъ изъ нихъ, избавивъ отъ этого труда дѣда моего, и оставя на его попеченіи только пятерыхъ дѣтей, двухъ мальчиковъ и трехъ дѣвочекъ. Достигнувъ законныхъ лѣтъ, дѣвушки выданы были съ небольшимъ приданымъ замужъ, одна за тамошняго аптекаря, вторая за торговца льномъ, а третья за довольно-зажиточнаго купца въ Горшемѣ. Изъ двухъ сыновей, старшій, называвшійся Іонатаномъ, былъ мой отецъ, а меньшой, по имени Тобіасъ, жестокосердый мой дядюшка. Когда Тобіасъ достигъ восьмнадцати лѣтъ, старикъ Ефраимъ Гигсъ далъ ему двѣсти фунтовъ стерлинговъ, съ тѣмъ, чтобъ онъ болѣе ничего не ожидалъ отъ него, и отправилъ его въ Лондонъ къ одному богатому торговцу рожью, подъ надзоромъ котораго Тобіасъ долженъ былъ сдѣлать себѣ состояніе. Что жь касается до Іонатана, то онъ, какъ старшій сынъ и наслѣдникъ, остался на мызѣ помогать отцу своему. Наконецъ, дѣдушка, совершивъ на землѣ скромный кругъ дѣятельности, назначенный ему Провидѣніемъ, возвратился на семьдесятъ-второмъ году отъ рожденія въ другой міръ, къ давно-оплакиваемой имъ супругѣ.

И такъ, вотъ «Жизнь и Похожденія дѣда моего!» Біографія эта такъ коротка, что безъ-сомнѣнія удивитъ всѣхъ біографовъ нашего времени. Да какъ и не удивить? говоря объ этомъ бѣдномъ суссекскомъ мызникѣ, другой, на моемъ мѣстѣ, написалъ бы два, три и даже четыре толстые тома; а для этого потребовалось бы только нѣсколько *изобрѣтательности*, то-есть нѣсколько занимательныхъ происшествій, и собранія, или лучше сказать *составленія* какихъ-нибудь незанимательныхъ писемъ. Но я ограничился только тѣмъ, что, по моему мнѣнію, нужно знать міру о моемъ дѣдушкѣ, и потому надѣюсь, что міръ съ своей стороны будетъ мнѣ благодаренъ за такую скромность.

Нѣсколько времени спустя по смерти отца, Іонатанъ Гигсъ женился на дѣвицѣ Авреліи Фѐрретъ, старшей дочери стряпчаго изъ городка Сквешери, которая воспитана была въ *порядочномъ* пансіонѣ, говорила по-французски такимъ чуднымъ нарѣчіемъ, что удивляла самихъ Французовъ и играла на фортепьяно такъ хорошо, что развѣ совершенный невѣжда въ музыкѣ могъ усомниться, точно ли играла она «God save the King» или «College Hornpipe». Мудрено ли, что, обладая такими рѣдкими талантами, дѣвица Аврелія Фѐрретъ слыла первою невѣстою въ городѣ, хоть впрочемъ никто не посовѣтовалъ бы ни бѣдному мызнику, ни деревенскому пастору, имѣющему не болѣе семьнадцати фунтовъ стерлинговъ годоваго дохода, ни

сельскому аптекарю, ни какому-нибудь другому человѣку изъ простаго и небогатаго класса, жениться на полу-свѣтской и полу-образованной молодой дѣвушкѣ. Слѣдовательно, отецъ мой не обнаружилъ саломоновой мудрости, избравъ дѣвицу Фёрретъ подругою своей жизни.

Вообще, говорятъ, судьба, посылая намъ дѣтей, посылаетъ и хлѣбъ на долю каждаго. Хоть это и справедливо, однакожь, по моему мнѣнію, молодые любовники, полагающіеся слишкомъ на эту истину, не должны вступать въ супружество, если въ настоящемъ нѣтъ у нихъ никакихъ средствъ къ пропитанію себя и будущаго своего семейства; такъ было и съ бѣднымъ отцомъ моимъ: въ двѣнадцать лѣтъ онъ прижилъ съ моею матерью четырнадцать человѣкъ дѣтей, то-есть четырнадцать ртовъ и желудковъ, которые требовали хлѣба; и потребляли его съ неутомимою дѣятельностію. Семейство дѣда значительно убавилось отъ оспы; но дѣти отца моего были здоровы, крѣпки, сильны; они росли, мужали, и съ лѣтами возрастали нужды ихъ. Притомъ же, бабушка моя была, какъ я слыхалъ, женщина степенная, домовитая; она занималась хозяйствомъ, воспитывала дѣтей по своему состоянію и пристроила ихъ порядочно; матушка же, напротивъ, считала всѣ эти пошлыя занятія слишкомъ низкими для своего ума и утонченной образованности, и потому дѣти ея бѣгали по волѣ какъ дикіе жеребята; хозяйство шло какъ попало; небольшое имущество отца моего ежедневно истощалось, и въ скоромъ времени мы, владѣльцы гигскаго помѣстья и потомки знаменитаго графа Гвалтіера, остались въ такой нищетѣ, какъ-будто великій завоеватель Англіи никогда и не награждалъ заслугъ нашего предка.

Описавъ вкратцѣ жизнь дѣда, я былъ бы непочтительный внукъ, еслибъ вошелъ въ дальнѣйшія подробности на счетъ отца моего, и потому скажу только, что батюшка и матушка умерли вскорѣ одинъ послѣ другаго, а братья мои и сестры были всѣ кое-какъ пристроены. Это, впрочемъ, не касается собственно до моей исторіи, и я обращаюсь теперь къ самому-себѣ; но какъ я—герой этой повѣсти, то почитаю неприличнымъ явиться передъ читателемъ въ концѣ параграфа, и потому представлюсь ему въ новомъ.

Изъ четырнадцати человѣкъ дѣтей, я былъ самый младшій, и на одиннадцатомъ году остался круглымъ сиротою. О меньшихъ братьяхъ, хотябъ они были и семьнадцати лѣтъ, обыкновенно никто не заботится; поэтому я могу почитать себя очень счастливымъ, что въ свѣтѣ существовалъ одинъ человѣкъ, который вспомнилъ обо мнѣ, бѣдномъ ребенкѣ, и взялъ меня на свое попеченіе. Этотъ человѣкъ былъ дядя мой, Тобіасъ.

Въ то время, какъ я родился, дядя Тобіасъ посѣтилъ нашу мызу; онъ намѣревался тогда перестать торговать, потому-что нажилъ довольно-значительный капиталъ отъ торговли рожью и разныхъ дру-

тихъ спекуляцій. Извѣстно, что въ природѣ низкія и слабыя животныя служатъ обыкновенно пробою для нѣкоторыхъ сомнительныхъ опытовъ, дѣлаемыхъ на пользу человѣка; большею частію эти опыты клонятся къ тому, чтобъ узнать, сколько времени могутъ несчастныя твари прожить, питаясь скудною и нездоровою пищею. Сверхъ того, дядя мой былъ старый холостякъ, и никогда не хотѣлъ жениться, «рѣшась жить только для себя одного, ни отъ кого не зависѣть», и (слова безцѣнныя для наслѣдниковъ!) «не имѣть въ домѣ своемъ ни цыплятъ, ни ребятишекъ». Однакожь онъ пожелалъ быть моимъ крестнымъ отцомъ; батюшка и матушка приняли предложеніе его съ радостію. Но матушкѣ не нравилось имя Тобіаса, которое хотѣли дать мнѣ; она находила его слишкомъ простонароднымъ, и просила назвать меня по имени знаменитаго и нѣсколько сомнительнато родоначальника нашего Гвалтіера, или Вальтера, Гигса; но дядюшка спорилъ противъ нея горячо, не находя имени своего ни дурнымъ, ни простонароднымъ, и говоря между-прочимъ, что «крошка, завернутый въ пеленку» (т. е.—я), долженъ носить имя Тобіаса, или искать себѣ другаго крестнаго отца. Дѣлать было нечего: меня назвали Тобіасомъ, и съ этой минуты считали судьбу мою обезпеченною; но дядя Тобіасъ никогда уже болѣе не пріѣзжалъ къ намъ; онъ не любилъ батюшки, а мать мою ненавидѣлъ; принявъ же меня нѣкоторымъ образомъ на свою отвѣтственность, ни мало не заботился о тринадцати братьяхъ и сестрахъ моихъ.

По смерти отца, котораго, какъ ужь сказано, лишился я на одиннадцатомъ году своей жизни, послали меня въ Лондонъ къ дядѣ Тобіасу. Онъ тогда уже совсѣмъ оставилъ торговлю и жилъ въ красивомъ, уютномъ домикѣ, въ Малой Ормондской Улицѣ. Когда я вошелъ въ комнату, дядя сидѣлъ у камина въ большихъ, покойныхъ креслахъ, а противъ него, на другихъ такихъ же креслахъ, сидѣла какая-то чванная женщина. Неопытному, ребяческому воображенію моему она показалась важною и знатною дамою, потому-что щеки ея покрыты были точно такимъ же румянцемъ, какой, бывало, игралъ на щекахъ покойной матушки, когда она собиралась въ гости. Притомъ, на этой же женщинѣ было пышное, шолковое платье, не смотря на то, что тогда была пятница; а я рѣдко видывалъ такія богатыя платья, даже по воскресеньямъ, на самыхъ знатныхъ обитательницахъ городка Сквешери. Дама показалась мнѣ гораздо моложе дядюшки, и еслибъ я имѣлъ время удивляться и размышлять, то подивился бы на нее, стараясь угадать, кто бы такая была она; но лишь только служанка, посланная за мною на почтовый дворъ, ввела меня въ гостиную, какъ вдругъ дядя, запрокинувъ голову на спинку кресел и смотря на меня пристально, вскричалъ:

— Господи Боже мой! Не-ужь-ли это онъ? Тутъ должна быть какая-нибудь ошибка... Говори! ты ли Тобіасъ Гигсъ изъ Сквешери?

Я увѣрялъ его, что я—былъ точно я.

— Подумайте, мистриссъ Снетчитъ, — этотъ ребенокъ выросъ такъ-что его узнать нельзя.

Не знаю, почему это удивляло такъ добраго дядюшку, который не видалъ меня ни разу съ-тѣхъ-поръ, какъ назвалъ: «крошкой, завернутой въ пеленку».

— Ну, подойди же ко мнѣ, миленькій, дай руку. О! я вижу, ты добрый мальчикъ! Ну, теперь, подойди вотъ къ этой госпожѣ и поцалуй ее, а она за то поведетъ тебя въ буфетъ и дастъ тебѣ чего-нибудь хорошенькаго поѣсть.

— Ахъ, нѣтъ! нѣтъ! не надо! закричала она.—Я терпѣть не могу цаловаться съ слюнявыми ребятишками. Если онъ голоденъ, пошлите его на кухню; тамъ ему дадутъ чего-нибудь. Вотъ, продолжала она:—надобно было навязать на меня еще этого ребенка, какъ-будто здѣсь мало дѣла и безъ него! Не-ужь-ли еще мнѣ за нимъ смотрѣть, да няньчить его? Зачѣмъ было привозить его сюда? Лучше бы вы велѣли проводить прямо въ школу, куда вѣдь все-таки отдадите же его. Отдавайте! отдавайте! Мало еще вамъ расходовъ-то! Очень-нужно платить деньги за чужихъ дѣтей! По-моему, лучше бы вамъ жениться, тогда по-крайней-мѣрѣ вы тратились бы за свою кровь, а то...

— Что́ жь дѣлать?.. такъ и быть! проговорилъ дядюшка съ глубокимъ взлохомъ.

— Такъ и быть?.. что это значитъ? прервала съ крикомъ г-жа Снетчитъ.—А! понимаю! Если я вамъ въ тягость, кто вамъ мѣшаетъ сказать мнѣ это прямо? Но я не потерплю вашихъ обидныхъ намековъ; не потерплю, чтобъ мнѣ противорѣчили и дѣлали на зло то, что́ мнѣ не нравится... Вы хотите поступать по-своему, потому-что считаете меня вамъ обязанною, но я вамъ докажу, что мною повелѣвать нельзя, и что я отъ васъ не завишу. Я могу умереть съ голоду среди улицы — или вотъ Темза: пойду и брошусь въ нее... такъ глубоко брошусь, такъ глубоко, что... Вы меня понимаете?.. смотрите же, не доводите до крайности!

Угроза эта, какъ я послѣ узналъ, имѣла всегда сильное дѣйствіе на дядюшку.

— Успокойся, мой ангелъ! прошу тебя, успокойся, моя милая... сказалъ онъ кротко.

— *Моя милая!* право?.. возразила съ сердцемъ г-жа Снетчитъ. — Молчи, дуракъ! Ну, что подумаетъ этотъ мальчишка? Онъ ужь такъ великъ, что знаетъ дважды-два—четыре. Послушай, мальчикъ, продолжала она, обратясь ко мнѣ:—я домоправительница у твоего дядюшки, и онъ долженъ благодарить Бога, что я живу у него, потому-

что безъ меня чужіе люди объѣли и обобрали бы его до послѣдней рубашки. Смотри жь, въ эти три дня, которые ты проведешь здѣсь, веди себя какъ слѣдуетъ; не то, клянусь, никогда нога твоя не будетъ здѣсь.

Пока она говорила, я горько плакалъ, и дядюшка, подозвавъ меня, ласково потрепалъ по щекѣ, тихонько опустилъ въ карманъ пол-кроны и проворно зажалъ мнѣ рукою ротъ, который я было-отворилъ, чтобъ поблагодарить его. Вѣроятно, онъ боялся гнѣва г-жи Снетчитъ.

Испуганный дѣтскою слабостію дядюшки, я бросился ему на шею, положилъ голову на грудь его и залился слезами. Дядюшка также заплакалъ, и мнѣ показалось странно, что такой старый человѣкъ, какъ дядюшка, плакалъ еще какъ ребенокъ. Разумѣется, я никакъ не понималъ тогда причины слезъ его, думая, что однѣ женщины и дѣти могли плакать. Но увы! въ послѣдствіи времени странность эта для меня объяснилась: бѣдный дядюшка былъ растроганъ изъявленіемъ моего участія и любви, которыхъ онъ не привыкъ встрѣчать ни въ комъ, и вотъ отъ-чего г-жа Снетчитъ называла его старымъ, безмозглымъ дуракомъ.

— Ты напоминаешь мнѣ свою бѣдную мать, Тобіасъ, говорилъ онъ.—Ты удивительно похожъ на нее. Будь добрымъ мальчикомъ, и я со-временемъ сдѣлаю тебя человѣкомъ.

— Ну, ну! пошелъ же! сказала мистриссъ Снетчитъ, отведя или, лучше сказать, отдернувъ меня отъ дядюшки.—Довольно этихъ глупостей! продолжала она:—если ты голоденъ, ступай за мною, я дамъ тебѣ чего-нибудь поѣсть... Боюсь послать его къ кухаркѣ: она, пожалуй, обкормитъ его, и послѣ надо будетъ тратить деньги еще на лекарства!—Это послѣднее замѣчаніе сдѣлано было дядюшкѣ почти сквозь зубы.

— Добрая женщина! она бережетъ мои деньги! пробормоталъ про себя дядюшка.

До самого этого дня, я никогда не видалъ къ себѣ ни отъ кого не только недоброжелательства или злобы, но даже и косаго взгляда. Отецъ, любя насъ нѣжно, баловалъ до чрезмѣрности; матушка слишкомъ берегла здоровье свое, и потому не сердилась и не бранила насъ; удивительно ли же, что съ первой минуты почувствовалъ я къ *доброй* мистриссъ Снетчитъ непреодолимую ненависть? Грубые поступки ея со мною въ-послѣдствіи ни мало не уменьшили моего къ ней отвращенія, но и не увеличили его, потому, я думаю, что съ самаго начала оно достигло уже до высочайшей степени.

Какъ ребенокъ, я, разумѣется, не могъ отгадать тогда, какого рода отношенія существовали между ею и дядюшкою, и понималъ только, что она была у него домоправительницею; зная, однакожь, что домоправительница была не что иное, какъ главная служанка, имѣв-

шая надзоръ за хозяйствомъ, я находилъ, что мистриссъ Снетчитъ чрезвычайно дерзская служанка, и удивлялся, отъ-чего дядюшка сносилъ съ такою боязливою покорностію всѣ ея грубости.

Слѣдующій разговоръ, услышанный мною нечаянно, хотя и не объяснилъ мнѣ почти ничего, однакожъ сдѣлалъ на меня такое сильное впечатлѣніе, что я никогда не могъ забыть его. Скажу больше: воспоминаніе о немъ, когда достигъ я совершенныхъ лѣтъ, послужило мнѣ ключомъ къ открытію тайны, столь долго бывшей для меня непостижимою.

У дядюшки, кромѣ мистриссъ Снетчитъ, которая не дѣлала рѣшительно ничего, жили еще двѣ служанки, отправлявшія всю домашнюю работу: одна была кухаркой, другая работницей. Въ домѣ не было для меня особой комнаты, и потому мнѣ поставили кровать въ людской. Уставъ отъ дороги и напуганный злостью мистриссъ Снетчитъ, я чрезвычайно обрадовался, когда послали меня спать, давъ поужинать оставшагося отъ обѣда пудинга, что̀ отнюдь не примирило меня съ домоправительницею; хотя было еще рано, однакожъ я тотчасъ заснулъ крѣпкимъ сномъ и чрезъ нѣсколько времени разбуженъ былъ стукомъ въ комнатѣ. Его производили Бэтси и Долли, пришедшія стлать себѣ постели и раздѣваться. Не желая, чтобъ онѣ со мною говорили, я закрылъ глаза и притворился спящимъ.

— Экій старый дуракъ! сказала вдругъ Долли: — да онъ съ каждымъ днемъ становится глупѣе. Ну, какой это баринъ! Кто станетъ уважать его?

— Что̀ ты это говоришь, Долли! какъ не уважать хозяина?.. Мнѣ такъ его жаль, бѣдняжку: онъ предобрый человѣкъ.

— Да! Конечно, онъ былъ бы добръ, еслибъ смѣлъ дѣлать все, что̀ хочетъ; да вотъ то-то и бѣда, что ему ни въ чемъ воли нѣтъ. Онъ и душу-то свою, кажется, не считаетъ своей; ужь такъ, видно, ему на роду написано; вѣдь давно привыкъ онъ смотрѣть чужими глазами; что̀ далѣе, то хуже будетъ. О, еслибъ я была мужчина и мной овладѣла бы какая-нибудь негодная женщина, какъ, на-примѣръ, *эта*, то, право, совѣстно было бы глаза показать добрымъ людямъ. Какъ не смѣяться надъ дуракомъ, котораго баба водитъ за носъ? Вотъ, хоть бы Джерри Сникъ могъ бы очень, по моему мнѣнію, согнать съ двора жену свою, хоть она ему законная жена, потому-что мужъ не долженъ терпѣть злой жены. Мнѣ кажется, еслибъ у меня былъ мужъ, я бы тѣмъ больше любила и почитала его, чѣмъ меньше онъ старался бы угождать мнѣ. Какой стыдъ и срамъ для женщины, когда мужъ не смѣетъ разинуть предъ нею рта, или безпрестанно ласкаетъ ее! Почему не поласкать изрѣдка, но безпрестанно лизать... Фи! гадость!

— Конечно, гадко, однако я ужь къ этому привыкла, отвѣчала Бэт-

си.—Да, еслибъ мужчины знали, какъ женщины презираютъ ихъ за ихъ покорность, то скоро взялись бы за умъ. Попробуй хоть одна осмѣять такого дурака передъ бѣлымъ свѣтомъ, ему тотчасъ станетъ стыдно самого-себя и другихъ.

— Конечно! отвѣчала Долли.

— А отъ-чего ты называла *эту* женщину негодною, Долли? Вѣдь она родилась отъ честныхъ родителей; она, говорятъ, пасторская дочь, только убѣжала отъ отца съ какимъ-то мальчикомъ изъ школы.

— *И*, что всего хуже, убѣжала прежде, нежели выучилась читать и писать.

— Именно! я знаю всю исторію. Вотъ видишь: разъ, ночью, она бѣжала какъ полоумная по Парламентской-Улицѣ, гдѣ господинъ нашъ повстрѣчался съ нею. Ему стало жалко; онъ ее остановилъ, сталъ спрашивать. Она сказала ему, что она пасторская дочь, что съ ней случилось большое несчастіе, и просила его не удерживать ее, потому-что она шла на Вестминстерскій Мостъ *топиться*. Вотъ, нашъ хозяинъ и сталъ ее уговаривать, умаливать — не тутъ-то было: она все твердила свое: «хочу утопиться» да и только. Наконецъ, хозяинъ догадался дать ей два шиллинга, да обѣщалъ взять къ себѣ въ домоправительницы; этимъ только и привелъ ее въ разсудокъ.

— Да, да, Бэтси. Я сама слышала, какъ хозяинъ разсказывалъ про это одному изъ своихъ пріятелей, возразила кухарка Долли. — Вотъ господинъ-то нашъ и осѣлъ, какъ переспѣлая яичница. Ты говоришь, что *она* честнаго происхожденія... не знаю. Только молочница наша помнитъ, что она давнымъ-давно слыла племянницею сержанта Дриваля, *пречестнаго* человѣка, нѣчего сказать! А прежде того называлась двоюродною сестрою Драйва, фигляра при линкольнскомъ трактирѣ, *человѣка также очень честнаго;* потомъ была невѣсткою или сестрою стараго и *честнаго* доктора Северэма, президента въ медицинскомъ комитетѣ; потомъ... ну, да если перебирать всѣхъ ея родственниковъ, то и до завтра не кончишь... Теперь, вѣрно, будетъ она тетушкою этого мальчика, котораго давича привезли сюда.

— Ужъ конечно; вѣдь хозяинъ скоро на ней женится; иначе, худо ему будетъ!

— И я нисколько этому не удивляюсь, сказала Долли:—ей стоитъ только постращать, что она утопится, такъ онъ все сдѣлаетъ, что ей угодно.

— Да она разъ чуть и въ самомъ дѣлѣ не утопилась, возразила Бэтси,—помнишь, какъ прошлымъ лѣтомъ въ жаркій день она опрометью бросилась къ рѣкѣ за то, что хозяинъ поспорилъ съ ней о какой-то бездѣлицѣ? Вѣдь еслибъ онъ не побѣжалъ за ней, да не догналъ ее, она бы...

— Дура ты, дура! и ты вѣришь этому? Да не-ужс-ли жь ты забы-

ла, что когда онъ прибѣжалъ къ рѣкѣ, она тихохонько прохаживалась по набережной взадъ-и-впередъ безъ платка, безъ шляпы, ломая себѣ руки, какъ актриссы на театрѣ?

— Ну, такъ что жь?

— Какъ что? А помнишь ли, какъ хохотали, глядя на нее, люди, стоявшіе у дверей Дома Человѣколюбиваго Общества? Нѣтъ, кто хочетъ вправду утопиться, тотъ не станетъ объ этомъ разсказывать никому, или разгуливать по набережной. Вотъ, еслибъ хозяинъ-то былъ не такой простакъ, пошелъ бы за ней да пихнулъ бы ее въ рѣку, такъ, чтобъ она тамъ хорошенько выкупалась,—не бойсь пропала бы охота топиться. Да что и говорить! Иногда она вдругъ вбѣжитъ, какъ бѣшеная, въ кухню и спроситъ кухонный ножъ, а я знаю ея затѣи и тотчасъ же тихонько перепробую всѣ ножи, да и подамъ ей самый вострый... Ха! ха! ха! Въ другой разъ она хочетъ выпить яду, какъ-будто можно отравить себя сиропомъ, смѣшаннымъ съ водою!...

— Ужь будто она грозилась и отравить себя? спросила Бэтси.

— О! это одна изъ новыхъ ея штукъ, отвѣчала кухарка.—Разъ поутру, на прошлой недѣлѣ, когда я ждала въ горницѣ приказа о кушаньѣ, хозяинъ что-то ходя ворчалъ про себя, потомъ кашлялъ, потомъ запинался и черезъ часъ времени вдругъ ободрился и сказалъ довольно громко, что не будетъ обѣдать дома, потому-что ужь за недѣлю обѣщалъ г. Уэслею обѣдать у него съ пріятелями.—Вы не пойдете! закричала она: — вы не можете идти, потому-что должны играть со мною вечеромъ въ крибеджъ.—Мнѣ непремѣнно надобно идти, душенька, отвѣчалъ онъ:—это званый обѣдъ, на который всѣ пріятели наши сберутся нарочно для меня; а въ крибеджъ мы можемъ играть съ тобой и завтра, и послѣ завтра, и каждый день; притомъ же, въ угодность тебѣ, я ужь столько разъ отказывалъ Уэстлею и всѣмъ моимъ знакомымъ, что они наконецъ осердятся на меня, особенно Уэстлей, который сказалъ, что если я сегодня не буду у него, то онъ не станетъ никогда больше звать меня, а ты знаешь, душенька, что мнѣ бы очень прискорбно было огорчить тридцатилѣтняго моего друга изъ такой бездѣлицы; словомъ... Тутъ онъ опять запнулся, забормоталъ; а она вдругъ начала кричать, плакать, рвать на себѣ волосы, говоря:—Если ты оставишь меня одну, то, возвратясь домой, найдешь трупъ мой... Вотъ смотри! ядъ готовъ!... и она вынула изъ кармана маленькую сткляночку, въ которой было налито что-то похожее на опіумъ. Хозяинъ поблѣднѣлъ, задрожалъ, выхватилъ изъ рукъ ея стклянку, бросилъ за окошко, и обѣщалъ остаться дома, если она обѣщаетъ ему не отравлять себя. Что жь, ты думаешь, было въ этой стклянoчкѣ? сиропъ съ водою. Я сама видѣла, какъ она за часъ передъ тѣмъ смѣшала его въ кухнѣ.

— Славно!... Да это непремѣнно кончится тѣмъ, что онъ на ней женится и она будетъ госпожею Гигсъ.

— Вчера г. Уэстлей, уходя отъ него, пророчилъ ему это:—Послушай, Гигсъ, сказалъ онъ:—я не буду говорить тебѣ ничего, потому-что въ твои лѣта совѣты ненужны; ты сáмъ такъ уже старъ, что знаешь, чтò хорошо и чтò дурно. Но будь увѣренъ, всѣ мы видимъ ясно, кàкъ эта женщина ежедневно болѣе и болѣе запутываетъ тебя въ свои сѣти; какъ она совершенно овладѣла тобою, отвлекла тебя отъ всѣхъ старыхъ друзей и не позволяетъ тебѣ провести съ нами ни одного часа. Но помни слова мои, Гигсъ! продолжалъ онъ со слезами на глазахъ и взявъ его за руку: — помни: она поставитъ на своемъ, она женитъ тебя на себѣ волею или неволею, и ты будешь самый несчастный человѣкъ въ мірѣ. Сказавъ это, г. Уэстлей простился и вышелъ.

— Жалко, жалко!... Однако, пора спать. Добрая ночь, Бэтси.

— Добрая ночь, Долли.

Человѣкъ, пока еще не развернулась въ немъ способность разсуждать, имѣетъ ту же удивительную сметливость, которою одарены почти всѣ животныя, угадывающія, кто любитъ ихъ и кто не любитъ. Такъ было и со мною. На другой день поутру, вошедъ въ столовую, гдѣ ужь накрытъ былъ завтракъ, я увидѣлъ дядюшку и мистриссъ Снетчитъ, сидѣвшихъ по обоимъ концамъ стола. Подбѣжавъ къ первому, я поцаловалъ его нѣжно и сталъ между колѣнъ его, но отъ г-жи Снетчитъ тотчасъ отворотился.

—Какъ это учтиво! вскричала она.—Развѣ ты не видишь, грубый мальчишка, что твой дядюшка не одинъ здѣсь? кажется, могъ бы ты, войдя въ комнату, сказать мнѣ «здравствуйте».

— Поди, дружокъ, поцалуй эту даму, сказалъ мнѣ дядюшка ласково. Я повиновался, хоть признаться, очень неохотно; но мистриссъ Снетчитъ не допустила меня до себя, протянувъ руку впередъ и проговоривъ грубымъ голосомъ:—Нѣтъ, нѣтъ! я ужь сказала, что не терплю лизанья ребятишекъ; садись лучше, да ѣшь. Вотъ, прибавила она сквозь зубы и обратясь къ дядюшкѣ:—чемоданъ его давно уложенъ для школы, и кажется, у него всего достаточно, а вы вѣрно скажете, что ему надобно дать денегъ еще на что-нибудь?

— Нѣтъ, нѣтъ, ему ничего не нужно, отвѣчалъ дядюшка съ робостію.—Но пусть бѣдный мальчикъ повеселится пока онъ у насъ, потому-что чрезъ нѣсколько дней я отошлю его въ школу, и тогда...

— Черезъ нѣсколько дней!... закричала вдругъ мистриссъ Снетчитъ.—Кàкъ? вы назначили отправить его въ понедѣльникъ, то-есть послѣ-завтра, а теперь ужь выходитъ «черезъ нѣсколько дней»?...О! я понимаю, чтò это значитъ, продолжала она рыдая:—вы хотите довести меня до отчаянія, до крайности своимъ дьявольскимъ упор-

...вомъ. Но слушайте: или вы отправите его въ понедѣльникъ, то-есть ...слѣ-завтра, или въ понедѣльникъ увидите меня въ послѣдній разъ.

— Успокойся, мой ангелъ! ради Бога, успокойся! ты не поняла ...еня; говоря, что отвезу его черезъ нѣсколько дней, я именно разу...ѣлъ понедѣльникъ.

Хоть дядюшка, по лѣтамъ своимъ, могъ бы даже быть мнѣ дѣдуш...ой, но въ эту минуту на лицѣ его изобразилась такая унизительная, ...абская покорность, такое отверженіе собственнаго достоинства, что ..., сожалѣя о немъ, не могъ не чувствовать въ душѣ своей чего-то ...охожаго на презрѣніе.

На другой день дядюшка просилъ у домоправительницы своей позволенія... именно *позволенія*, иначе какъ объяснить тотъ робкій, прерывавшійся голосъ, тѣ униженныя выраженія, въ которыхъ объявилъ онъ ей о желаніи своемъ пройдтись со мной по городу, чтобъ показать мнѣ нѣкоторыя достопримѣчательности Лондона? Мистриссъ Снетчитъ благоволила согласиться на просьбу его, но съ строгимъ наказомъ, однакожь, быть дома ровно въ 5 часовъ изъ минуты въ минуту, потому-что она ждала къ обѣду двоюроднаго братца своего, капитана изъ какого-то полку. Бѣдный старикъ вздохнулъ и кивнулъ головою въ знакъ повиновенія.

Осмотрѣвъ восковой кабинетъ г-жи Сальмонъ, мы прошли оттуда въ звѣринецъ, гдѣ показывались дикіе звѣри, и возвращались уже домой, какъ вдругъ на городской башнѣ ударило пять часовъ. Несчастный дядюшка остолбенѣлъ отъ ужаса и простоялъ нѣсколько секундъ какъ-будто пораженный громомъ. Наконецъ, пришедъ мало-по-малу въ себя, онъ сказалъ едва внятнымъ голосомъ: — Пять часовъ!... О! Боже мой! пойдемъ скорѣе, мой другъ, мы опоздали; мистриссъ Снетчитъ осердится!

И, схвативъ меня за руку, онъ побѣжалъ такъ скоро, что я едва могъ за нимъ слѣдовать. Чтобъ сократить дорогу, мы шли или, лучше сказать, бѣжали черезъ узкіе и нечистые переулки, грязныя площади, и наконецъ, минутъ черезъ десять пришли домой, задыхаясь и въ совершенномъ изнеможеніи. Дядюшка приложилъ-было руку къ молотку двери, чтобъ постучаться, но, вѣроятно, перемѣнилъ намѣреніе свое, потому-что прошелъ въ кухню, позвонивъ тамъ въ колокольчикъ. Бэтси вышла къ намъ на встрѣчу.

— Ахъ, Господи Боже мой! что̀ это съ вами, сударь! вскричала служанка: — вы всѣ въ поту; съ васъ такъ и льетъ!

— Что̀, кушанье ужь поставлено? спросилъ онъ съ безпокойствомъ.

— Поставлено, сударь... минутъ съ десять будетъ, какъ поставлено...

Дядюшка поблѣднѣлъ и велѣлъ мнѣ идти въ столовую, для того,

вѣроятно, чтобъ на меня перваго разразилась туча, висѣвшая над его головою, а.самъ, оставшись въ передней, вытиралъ ноги, поправлялъ на себѣ галстухъ и робко покашливалъ.

Мистриссъ Снетчитъ сидѣла за столомъ на первомъ мѣстѣ, а возлѣ нея, по правую руку, былъ капитанъ. Увидѣвъ меня, она съ сердцемъ бросила ножикъ и вилку на полъ.

— Гдѣ твой дядя? закричала она.

— Въ передней, сударыня, отвѣчалъ я.

— Я здѣсь, душечка, сказалъ онъ, входя и стараясь улыбнуться — я забылъ завести часы и отъ-того немного опоздалъ; но... но... я очень радъ, что вы насъ не дождались.

— Не дождались? И вы смѣете это говорить, тогда-какъ я ждала васъ до того, что мнѣ чуть дурнота не сдѣлалась отъ голоду? Взгляните на часы: теперь одиннадцать минутъ шестаго, а вы обѣщали мнѣ быть дома ровно въ пять часовъ. За то не будетъ вамъ рыбы, потому-что мы съ капитаномъ съѣли ее, и вы можете довольствоваться холодною бараниною.

—Поди сюда, старый ребенокъ, и садись возлѣ меня, сказалъ капитанъ съ грубою и простонародною фамильярностію.—Загулялся, пришелъ поздненько; но лучше поздно, нежели никогда! Не правда ли? продолжалъ онъ, смѣясь во все горло остротѣ своей.

— Я бы хотѣла знать, гдѣ вы были, чтó вы дѣлали, такъ-что и время позабыли. Я, кажется, говорила вамъ прійдти домой въ пять часовъ, сказала задыхаясь отъ ярости мистриссъ Снетчитъ.

О Боже! до какой жалкой крайности можетъ дойдти человѣкъ, чтобъ оправдать себя въ глазахъ глупой и злой женщины, имъ овладѣвшей!

— Въ этомъ, правду сказать, виноватъ немного мой племянникъ, сказалъ запинаясь дядюшка.—Ему хотѣлось посмотрѣть подолѣе на восковыя куклы... Не правда ли, Тоби?

Говоря это, онъ закраснѣлся, между-тѣмъ, какъ я, вспыхнувъ отъ стыда еще болѣе, опустилъ голову и не отвѣчалъ ни слова.

Капитанъ былъ высокаго роста, имѣлъ подлую, но довольно-красивую наружность и хоть носилъ фракъ, но отличался такою капральской поступью, такими истинно-солдатскими ухватками, что, конечно, никто, смотря на него, не усомнился бы въ его воинственномъ званіи. Разумѣется, въ то время, всѣ эти замѣчанія мнѣ и въ голову не приходили; но теперь, представляя его себѣ, я сужу о немъ по воспоминанію и притомъ со всею опытностію лѣтъ моихъ. До того времени я не видывалъ капитановъ, о которыхъ, однакожь, часто слыхалъ,—и очень естественно, что капитанъ, сидѣвшій со мною за столомъ, сдѣлался для меня предметомъ живѣйшаго любопытства: я наблюдалъ за всѣми его движеніями, ловилъ каждое слово

но и такъ-сказать пожиралъ его глазами. Капитанъ въ-продолженіи обѣда выпилъ почти цѣлый анкаръ пива; послѣ обѣда цѣлую бутылку портеру, потомъ сѣлъ у камина въ дядюшкины кресла, закурилъ сигару и вскорѣ захрапѣлъ такъ громко, какъ-будто десятка два свиней очутились вдругъ въ комнатѣ. Проснувшись въ семь часовъ, передъ самымъ чаемъ, капитанъ съѣлъ дюжину кренделей и сладкихъ пирожковъ, спросилъ водки, рому и джину, и продолжалъ пить по рюмочкѣ каждые двадцать минутъ, ровно до девяти часовъ вечера. Въ это время, милая мистриссъ Снетчитъ значительно взглянула на часы, потомъ на двоюроднаго брата своего, и капитанъ наконецъ всталъ и взялъ шляпу.

— Прощай, сестрица, сказалъ онъ:—прощай, мальчишка. Прощай, старичокъ; ты чай вспрыгнешь съ радости до потолка, когда отрапортую тебѣ, что завтра, то-есть въ воскресенье, я скомандую на право кругомъ и пріиду въ пять часовъ маневрировать около твоего пуддинга. Ха! ха! ха!

Это пріятное извѣстіе, сообщенное дядюшкѣ, сопровождено было ударомъ въ спину, отъ котораго бѣдный старикъ насилу могъ оправиться.

— Я радъ видѣть всегда васъ, капитанъ, проговорилъ онъ съ полувздохомъ и почти охая.

— Мы будемъ ожидать васъ, милый Дикъ, сказала граціозно мистриссъ Снетчитъ.

Слѣдующій день (воскресенье) былъ, какъ я думалъ, одинъ изъ тѣхъ дней, которые небо посылаетъ Лондону нарочно для обогащенія рынковъ его и свѣчныхъ лавокъ. Въ десять часовъ утра мы завтракали при свѣчахъ, отъ-того, что дневной свѣтъ скрывался отъ насъ за какою-то непроницаемою и нечистою воздушною завѣсою, которую сначала принялъ-было я за грязную штору, повѣшенную снаружи передъ нашими окошками, но узналъ послѣ, что это было не что иное, какъ туманъ. Теперь посудите же о моемъ удивленіи, когда сказали мнѣ, что этотъ ужасный туманъ былъ еще очень легкій; я долго не хотѣлъ этому вѣрить, потому-что самый густой туманъ, видѣнный мною иногда въ деревнѣ, могъ бы въ сравненіи съ этою грубою пеленою назваться бѣлымъ и тонкимъ батистовымъ платкомъ. Черезъ нѣсколько минутъ, мракъ немного разсѣялся, и тогда мы могли разсмотрѣть кое-какъ огонь, мерцавшій въ домахъ, которые стояли на противоположной сторонѣ улицы; но скоро мгла окружила насъ опять, и до двѣнадцати часовъ безпрестанно то находила, то смѣнялась чѣмъ-то, непохожимъ ни на свѣтъ, ни на потемки, но занимавшимъ средину между ночью и днемъ. Наконецъ, ровно въ полдень, хлынулъ дождь и лилъ безпрерывно до самаго вечера. О, какой дождь! Много сильныхъ дождей видалъ я и въ ребячествѣ,

когда жилъ на мызѣ, и потомъ въ разныхъ европейскихъ городах
и даже въ Англіи; видалъ, какъ, вырываясь изъ густыхъ, черны
облаковъ, упадали они на землю быстрыми потоками; но вода и
была всегда свѣтла, прозрачна: отъ-чего жь въ одномъ только Ло
донѣ обдаютъ васъ ливни какой-то мутной, мерзкой, зеленоватой
вонючей жидкости, которая скопляется на мостовой грязными л
жами и въ которую уличный чистильщикъ неохотно опуститъ ру
свои въ субботу подъ вечеръ, окончивъ недѣльную работу, но
воскресенье, если желаетъ казаться умытымъ, то, конечно, не о
макнетъ даже мизинца?

Туманное и дождливое воскресенье даже и въ самыхъ многолю
ныхъ лондонскихъ улицахъ скучно; но въ маленькой Ормондской
Улицѣ оно производитъ сплинъ и можетъ инаго ипохондрика дов
сти просто до самоубійства.

Лишась всякой надежды прогуливаться въ паркѣ, я провелъ ц
лый день съ дядюшкою, сидя возлѣ него на маленькой скамейк
или стоя между колѣнъ его. Мистриссъ Снетчитъ, къ немалому уд
вольствію моему, ушла тотчасъ послѣ завтрака въ свою комнату,
только входила изрѣдка за какими-нибудь бездѣлками. Въ одно и
этихъ минутныхъ явленій, замѣтивъ, что дядюшка ласкалъ мен
она съ сердцемъ бросилась вонъ и, захлопнувъ изо всей силы двер
проворчала про себя: — Надобно поскорѣе уложить чемоданъ его,
то отъ него вѣкъ не избавишься.

Пріобрѣсти дружбу ребенка немудрено: стоитъ только обх
диться съ нимъ ласково, да не кричать на него понапрасну. Бы
увѣренъ, что дядюшка любилъ меня, я привязался къ нему всею д
шою. Съ другой стороны, бѣдному старику несказанно-отрадны б
ли простыя, нелицемѣрныя доказательства любви моей. Они бы
для него новы, потому-что мистриссъ Снетчитъ не избаловала е
нѣжностью; притомъ же, она не только удалила всѣхъ знакомыхъ
пріятелей его, но даже велѣла выбросить со двора старую собаку е
и сѣраго котенка, которые къ нему ласкались и которымъ онъ пл
тилъ взаимностью. Удивительно ли, что, видя во мнѣ единственн
живое существо, принимавшее въ немъ участіе, онъ спѣшилъ изли
на меня всѣ чувства своего добраго, кроткаго и любящаго сердца?

Ровно въ пять часовъ, въ самую ту минуту, какъ кухарка долож
ла объ обѣдѣ, послышался громкій стукъ у дверей, и вслѣдъ за ты
капитанъ вошелъ въ комнату. Онъ ѣлъ, пилъ, спалъ, курилъ сига
ку, смѣялся съ мистриссъ Снетчитъ, и просидѣлъ до 9 часовъ — с
вершенно по-вчерашнему, точно какъ-будто бѣднаго дядюшки мое
не было въ домѣ.

На другой день, дядюшка приготовился вести меня въ школу,
мистриссъ Снетчитъ не могла скрыть удовольствія, доставляемаго

моимъ отъѣздомъ. Что жь до меня, хоть мнѣ и очень грустно было разстаться съ дядюшкой, однакожь мысль, что я не буду болѣе видѣть злую домоправительницу, нѣкоторымъ образомъ облегчила мое горе. Когда мы распрощались, она вышла за нами на лѣстницу и, свѣсивъ голову за перила, кричала дядюшкѣ вслѣдъ: «Смотрите же, не забудьте, что въ пять часовъ безъ пяти минутъ вы должны быть дома! Слышите ли? Смотрите же, не опоздайте, какъ намедни цѣлыми десятью минутами; слышите? Да поставьте часы свои по стѣннымъ, чтобъ вамъ нечѣмъ было отговориться, если опять опоздаете, слышите ли?» Бѣдный невольникъ, не говоря ни слова, повѣрилъ часы свои, и послѣ еще нѣсколькихъ «слышите ли?» мы сѣли наконецъ въ наемную карету и отправились въ Клефемъ.

Школа, въ которую везли меня, состояла подъ главнымъ надзоромъ знаменитаго доктора Уобса, и въ ней воспитывалось до ста человѣкъ дѣтей негоціантовъ и другихъ богатыхъ людей.

—Послушай, дружокъ, сказалъ мнѣ дядюшка, когда карета остановилась въ Гольбурнѣ, у магазина портнаго:—платье твое очень поистерлось и испачкано. Это немудрено—оно у тебя одно.

Дядюшка былъ совершенно правъ, потому-что я носилъ платье почти два года, и оно, кромѣ пятенъ и дыръ, сдѣлалось мнѣ и коротко и узко.

— Тебѣ неприлично показаться такъ въ школу, продолжалъ онъ: —потому-что воспитанники г. Уобса всѣ дѣти извѣстныхъ родителей и одѣты хорошо; мнѣ хочется, чтобъ ты былъ во всемъ наравнѣ съ ними. Ты будешь воспитываться какъ молодой человѣкъ порядочной фамиліи и единственный мой наслѣдникъ. Пойдемъ же къ портному, я куплю тебѣ пару готоваго платья.

Мы вошли и на меня тотчасъ надѣли обнову.

Черезъ часъ времени пріѣхали мы въ классическую и коммерческую академію г. Уобса; но какъ докторъ Уобсъ принадлежитъ къ исторіи моей менѣе даже, чѣмъ дѣдъ и отецъ мой, то я и не намѣренъ описывать почтенную особу его. Еще новое доказательство моей скромности, любезный читатель, потому-что, не смотря на совершенно-постороннее лицо доктора, я могъ бы воспользоваться имъ, чтобъ написать десять или двадцать страницъ чрезвычайно-занимательныхъ.

Добрый дядюшка представлялъ меня доктору, какъ племянника и единственнаго наслѣдника своего, и потому просилъ его дать мнѣ самое лучшее образованіе.

— Позвольте спросить, къ какому званію назначаете вы своего племянника? сказалъ докторъ.

И дядюшка, принявъ на себя важный видъ, достойный потомка

знаменитаго графа Гвалтіера, отвѣчалъ съ гордостію: — Къ званію богатаго джентльмена.

— Понимаю! возразилъ докторъ.

— Когда же онъ кончитъ у васъ курсъ, продолжалъ дядюшка: — тогда я отправлю его въ Итонъ, а оттуда въ Оксфордскій-Университетъ.

Прошелъ цѣлый часъ, и дядюшка, прохаживаясь со мною по лугу на дворѣ училища, медлилъ отъѣздомъ своимъ сколько могъ; видно было, что ему тяжело было разставаться со мною; но срочные пять часовъ безпрестанно звенѣли въ ушахъ его, и онъ поминутно смотрѣлъ на часовую стрѣлку. Наконецъ, мы разстались съ равномѣрнымъ сожалѣніемъ и нѣжностію.

На другой день поутру, я началъ ученье свое въ классѣ джентльменовъ и продолжалъ его съ неутомимымъ прилежаніемъ. Насъ учили разнымъ языкамъ, исторіи, географіи, музыкѣ, фехтованію, танцамъ,—словомъ, всему, чему учатся обыкновенно молодые богатые люди; но такъ-какъ никто изъ насъ не готовился къ купеческому званію, то насъ и не занимали ничѣмъ, что̀ относится до коммерческаго дѣла. Въ этой школѣ пробылъ я пять лѣтъ, проводя всѣ праздники и воскресенья у дядюшки.

Въ-продолженіи этой эпохи жизни моей, замѣтилъ я, что дядюшка съ часу-на-часъ становился грустнѣе, молчаливѣе, слабѣе, а обхожденіе съ нимъ мистриссъ Снетчитъ — грубѣе и самовластнѣе; самымъ частымъ и единственнымъ гостемъ ихъ былъ капитанъ, приходившій всегда къ обѣду и уходившій послѣ ужина. Дядя внутренно очень не любилъ его и даже почти не скрывалъ, что посѣщенія его были *для* него тягостны; но такъ-какъ домоправительница объявила, что капитанъ, будучи ей двоюроднымъ братомъ, имѣлъ право ходить къ ней всякій день, и что, въ противномъ случаѣ, она не останется ни минуты въ домѣ его, то бѣдный старикъ, какъ ни вздыхалъ, какъ *ни морщился*, но былъ принужденъ принимать его. Одно обстоятельство, однакожь, касавшееся до этого капитана, казалось мнѣ непонятнымъ, именно: года черезъ два началъ ходить онъ чаще прежняго, оставался уже долѣе 9 часовъ безъ четверти, и наконецъ мистриссъ Снетчитъ перестала напоминать ему о времени, когда онъ засиживался.

Всѣ знакомые господина Тобіаса Гигса увѣряли, что онъ былъ человѣкъ богатый, и по-крайней-мѣрѣ имѣлъ 40,000 фунтовъ стерлинговъ. Притомъ, за день до отъѣзда моего въ Итонъ, когда мнѣ исполнилось пятнадцать лѣтъ, повѣренный дядй моего объявилъ за секретъ, что дядюшка давно уже написалъ духовную, по которой дѣлалъ меня единственнымъ наслѣдникомъ, за исключеніемъ нѣсколькихъ брильянтовыхъ перстней и серебрянаго сервиза, кото-

рые назначалъ мистриссъ Снетчитъ, и кое-какихъ бездѣлокъ, оставляемыхъ имъ на память друзьямъ своимъ. Повѣренный прибавилъ еще, что духовная написана была въ тотъ самый день, когда я отвезенъ былъ въ школу; что она хранилась у него, и что дядюшка не сдѣлалъ въ ней никакихъ измѣненій.

Дядюшка часто ѣзжалъ ко мнѣ въ Итонъ, но всегда съ мистриссъ Снетчитъ, которая неусыпно наблюдала, чтобъ онъ не сказалъ мнѣ чего-нибудь по секрету, потому-что онъ дѣйствительно искалъ, казалось, къ тому случая. Съ каждымъ посѣщеніемъ его замѣчалъ я въ немъ необходимыя слѣдствія его несчастной слабости, и онъ видимо изнемогалъ подъ ярмомъ, котораго тяжесть ежедневно болѣе и болѣе его удручала. Домоправительница, не соблюдая никакой благопристойности, явно обходилась съ нимъ какъ злая мачиха съ ненавистнымъ, слабымъ и беззащитнымъ пасынкомъ. Предметомъ разговоровъ нашихъ при свиданіи бывали обыкновенно ученье и забавы мои въ коллегіи; но никогда не смѣлъ онъ говорить о самомъ-себѣ, или о домашнихъ своихъ занятіяхъ; мистриссъ Снетчитъ была тутъ и не пропускала не только ни одного слова, но и ни одного взгляда его. Увидя меня, онъ радостно бросался ко мнѣ на шею, ласкалъ, дѣлался веселъ и говорливъ; но когда приближался часъ разлуки, становился вдругъ грустнымъ, задумчивымъ, и наконецъ прощался со мною молча, всегда со слезами на глазахъ.

— Нѣтъ никакого сомнѣнія, думалъ я (мнѣ было тогда восьмнадцать лѣтъ, слѣдовательно я уже размышлялъ): — нѣтъ никакого сомнѣнія, что добрый и простодушный дядюшка женился, что эта фурія сдѣлалась мнѣ тетушкою. При этой мысли, сердце мое обливалось кровью.

Но по вѣтрености восьмнадцати-лѣтняго юноши, мнѣ и въ голову не приходило, чтобъ съ женитьбою дядюшки могла произойдти какая-нибудь перемѣна въ моемъ положеніи, или чтобъ самъ онъ довершилъ ею погибель свою. Увы, въ обоихъ случаяхъ я жестоко обманулся!

Вышедъ изъ Итонской Коллегіи, я, по желанію дядюшки, отправился въ Оксфордскій-Университетъ, и получая приличное содержаніе, жилъ какъ всѣ молодые студенты богатыхъ и знатныхъ фамилій. Я учился прилежно, оказалъ блестящіе успѣхи на экзаменахъ, и на первое вакантное время поѣхалъ къ дядѣ. Я нашелъ, что капитанъ обѣдалъ у него каждый день, и даже приходилъ иногда завтракать; что власть мистриссъ Снетчитъ достигла высочайшей степени, между-тѣмъ, какъ бѣдный старикъ все болѣе-и-болѣе склонялъ сѣдую и беззащитную голову свою подъ ея тяжкое владычество. Въ другую вакацію увидѣлъ я, что капитанъ уже совершенно поселился у насъ и занялъ мою комнату; но мистриссъ Снетчитъ,

по милостивому снисхожденію своему, наняла для меня тѣсный уголокъ въ мезонинѣ сосѣдняго дома. Выведенный изъ терпѣнія такою неслыханною наглостію, я объяснился наединѣ съ дядею, сказавъ ему откровенно, что слабость его постыдна и унизительна. Бѣдный старикъ покачалъ головою, залился слезами и отвѣчалъ прерывающимся голосомъ: — Оставь это, дружокъ; ради Бога, не противорѣчь ей ни въ чемъ, а то будетъ еще хуже! — Что̀ послѣ этого было мнѣ дѣлать? Я просилъ дядю позволить мнѣ провести послѣднюю вакансію въ Оксфордѣ и живя тамъ, навѣщалъ его изрѣдка; но никогда не оставался у него ночевать. Присутствіе ненавистной мистриссъ Снетчитъ и капитана было для меня такъ несносно, что когда и обѣдалъ съ ними, то лишь по усиленной просьбѣ дяди.

Въ это время я познакомился съ молодымъ лордомъ Б***; отецъ его имѣлъ прекрасный за̀мокъ, отстоявшій на нѣсколько миль отъ Лондона и славившійся прекрасными садами, дорогими картинами и другими рѣдкостями. Зная, что дядя до всего этого охотникъ, я позвалъ его однажды посмотрѣть со мной за̀мокъ лорда Б***, и онъ принялъ предложеніе мое съ удовольствіемъ.

— Спасибо, мой другъ, спасибо! сказалъ онъ. — Надобно будетъ велѣть нанять завтра карету, потому-что мистриссъ Снетчитъ поѣдетъ съ нами.

— Дядюшка, я долженъ сказать вамъ, отвѣчалъ я: — что все семейство лорда Б*** проводитъ лѣто въ за̀мкѣ; сынъ лорда мой пріятель и товарищъ по университету; онъ выпросилъ для меня у отца своего только два билета.

— Хорошо!.. Но вѣдь ты знаешь... что... она... что... однимъ словомъ, куда бы я ни ѣхалъ, я обяза̀нъ брать ее съ собою.

Замѣшательство, съ которымъ проговорилъ онъ эти послѣднія слова, ясно доказывало, что онъ стыдился самого-себя, и что они вырвались у него почти невольно. Но эти слова подали мнѣ случай разрѣшить сомнѣніе свое на счетъ очень важнаго предмета, и я рѣшился этимъ воспользоваться.

— Послушайте, дядюшка, сказалъ я:—еслибъ я осмѣлился представить лорду Б*** и семейству его женщину, которая вамъ не жена, то они имѣли бы полное право велѣть людямъ своимъ бросить меня въ ближайшій прудъ. Поклянитесь мнѣ честью своею, что вы женаты на мистриссъ Снетчитъ, и тогда я съ удовольствіемъ исполню волю вашу.

Помолчавъ нѣсколько минутъ, онъ вдругъ положилъ руку на сердце и отвѣчалъ мнѣ съ необыкновеннымъ жаромъ:

— Клянусь тебѣ всѣмъ священнымъ — я не женатъ на ней. Потомъ, помолчавъ еще нѣсколько минутъ, продолжалъ: — Не скрою отъ тебя, мой другъ, я не разъ предлагалъ ей мою руку, но добрая,

безкорыстная женщина всякій разъ отвергала ее, грозя мнѣ, что... что... что она оставитъ меня навсегда, если я буду упорствовать въ моемъ предложеніи.

— И, не смотря на это, сказалъ я съ насмѣшливымъ упрекомъ: —вы хотѣли, чтобъ я ввелъ въ домъ лорда Б*** эту...

— Тоби! сынъ мой! вскричалъ онъ: — прошу тебя... не сердись на... Ты самъ знаешь, что я не властенъ ни въ чемъ, что я скованный невольникъ, несчастный, погибшій человѣкъ! Давно Уэстлей и другіе предсказали, что *мнѣ дойдти до этого*,— и пророчество ихъ сбылось. О! пожалѣй о бѣдномъ старикѣ, и да будетъ несчастіе мое для тебя урокомъ. Пусть пасторскія дочери топятся: не заботься о нихъ; но если ты благоразуменъ, если хочешь жить счастливо, хочешь, чтобъ подъ старость тебя уважали, то, пока еще молодъ, женись, ради Бога!

И, закрывъ лицо обѣими руками, онъ зарыдалъ какъ ребенокъ; потомъ, бросившись въ кресла, устремилъ на меня тусклый, разсѣянный, почти безумный взоръ, который съ нѣкотораго времени сдѣлался въ немъ обыкновеннымъ, и наконецъ, минутъ черезъ пять, заснулъ.

Встревоженный, растроганный до глубины души этою сценою, я, однакожь, насилу могъ удержаться отъ улыбки, когда вспомнилъ совѣтъ добраго дяди на счетъ пасторскихъ дочерей, совѣтъ,—такъ странно пришедшій кстати, и потому такъ неизъяснимо смѣшной.

Мистриссъ Снетчитъ, приложа ухо къ замочной скважинѣ, подслушала весь разговоръ нашъ; я тогда же узналъ объ этомъ отъ служанки. Замѣтьте, что все это происходило *шестнадцатаго* іюля.

Я возвратился въ Оксфордъ, чтобъ окончить послѣдній курсъ; но не успѣлъ прожить тамъ и мѣсяца, какъ вдругъ, къ неизъяснимому удивленію, получилъ 12-го августа письмо отъ дядюшки, писанное изъ Сен-Жермена. Вотъ оно:

Сен-Жерменъ, 8 августа. 18...

«Любезный племянникъ!

«Я былъ не очень здоровъ, доктора совѣтовали мнѣ перемѣнить воздухъ, и *добрая* мистриссъ Снетчитъ согласилась ѣхать со мною сюда; добрый капитанъ также съ нами. Не трудись писать ко мнѣ; еще *болѣе не трудись пріѣзжать сюда*, потому-что я не одинъ, и обо мнѣ пекутся какъ-нельзя-лучше. По возвращеніи въ Лондонъ, я непремѣнно отпишу къ тебѣ. Любящій тебя дядя —

Товіасъ Гигсъ.

Я немедленно поскакалъ въ городъ и пріѣхалъ прямо въ Малую-Ормондскую-Улицу; домъ дяди былъ кругомъ запертъ и билетъ, приклеенный къ стеклу одного изъ оконъ, увѣдомилъ меня, что комна-

ты со всѣми принадлежностями отдавались въ наймы; тутъ же прилѣплена была записка, въ которой прочелъ я, что для дальнѣйшихъ справокъ я могъ, если угодно, обратиться къ какому-то г. Клатерботому, жившему въ Лембской-Улицѣ. Это показалось мнѣ очень-смѣшно и дерзко, и потому, вмѣсто г. Клатерботома, я пошелъ къ повѣренному дяди моего, отъ котораго узналъ, что *семнадцатаго* іюля онъ продалъ все свое имѣніе, состоявшее въ домѣ, мызахъ, векселяхъ и пр. и пр., съ тѣмъ, чтобъ полученныя за то наличныя суммы отдать въ руки одного французскаго банкира; но что, не смотря на это, онъ до-сихъ-поръ не сдѣлалъ въ духовной своей никакой перемѣны. Другой повѣренный его, г. Чослей, подтвердилъ мнѣ то же самое и сверхъ того совѣтовалъ-какъ-можно-скорѣе ѣхать въ Парижъ. Я хотѣлъ отправиться на другой же день, какъ вдругъ г. Чослей получилъ отъ дяди письмо изъ Дувра. Старикъ увѣдомлялъ его, что не чувствуя никакого облегченія, онъ рѣшился возвратиться въ Англію (вѣроятно день или два спустя послѣ письма своего ко мнѣ), но по прибытіи въ Дувръ занемогъ такъ сильно, что не въ силахъ ѣхать. Далѣе, онъ просилъ г. Чослея пріѣхать къ нему вмѣстѣ со мною по полученіи письма, потому-что онъ имѣлъ сообщить ему нѣчто особенно-важное.—На другой день мы были въ Дуврѣ, но бѣдный дядя мой лежалъ уже безъ языка; на третьи сутки онъ скончался.

Гдѣ жь были мистриссъ Снетчитъ и двоюродный братецъ ея? Объ этомъ намъ никто не могъ сказать, потому-что дядюшка пріѣхалъ въ Дувръ одинъ и до нашего пріѣзда лежалъ въ трактирѣ безъ всякой помощи.

Отдавъ послѣдній долгъ усопшему, мы возвратились въ Лондонъ и распечатали духовную. Въ ней ничего не измѣнилось. Я былъ по прежнему единственнымъ наслѣдникомъ.

По справкамъ оказалось, что дядя былъ совсѣмъ не такъ богатъ, какъ полагали друзья его. Сверхъ того, онъ въ разныя времена передавалъ мистриссъ Снетчитъ большія суммы денегъ, которыя всего-на-все составляли до семи тысячь фунтовъ стерлинговъ. Наконецъ послѣдній капиталъ, переведенный имъ въ Парижъ, переданъ законною бумагою ей же.

И такъ,—что̀ жь осталось мнѣ? Около 60 фунтовъ стерлинговъ, находившихся въ рукахъ одного лондонскаго банкира,—да небольшой доходъ съ дома, отданнаго на три года въ наемъ. Вотъ и все!—Что̀ жь касается до серебрянаго сервиза—всякой столовой и кухонной посуды, бѣлья, мёбели, галантерейныхъ вещей, и пр.—все это было еще прежде взято *доброю, безкорыстною* мистриссъ Снетчитъ, которая отказывалась отъ руки дяди потому только, что давнымъ-давно была замужемъ: я узналъ, что въ то время, когда дядюшка избавилъ ее отъ водяной могилы, эта отчаянная пасторская *дочь была*

женою капитана Ричарда Снетчита, который за слишкомъ дружеское обхожденіе ея съ нѣкоторыми изъ его товарищей согналъ ее со двора; но въ послѣдствіи времени, примирясь съ нею, жилъ дядюшкиными деньгами, ходилъ къ нему навѣщать ее и наконецъ совершенно поселился у насъ въ домѣ. Въ послѣднюю болѣзнь старика, она принудила его отдать ей сумму, находившуюся у парижскаго банкира, и, бросивъ его тамъ, немедленно отправилась съ достойнымъ супругомъ своимъ въ Италію.

Итакъ, вотъ я, блестящимъ образомъ воспитанный джентльменъ, выросшій въ довольствѣ, привыкшій считать себя богатымъ, слѣдовательно неготовившійся ни къ какому дѣльному занятію, остался не только съ самымъ ограниченнымъ достаткомъ, но почти въ совершенной бѣдности, потому-что не учился никакому промыслу, которымъ могъ бы современемъ поправить свое состояніе! — Скажите жь теперь по совѣсти, не извинительны ли всѣ горькія жалобы, которыми началъ я печальную исторію моей жизни?

ЗИМНЯЯ ПОѢЗДКА НА ГАРЦЪ.

(Ода Гёте.)

—

Утро. Подъ черною тучей
Высматривая жертву,
Въ сумракѣ тумана
Крылья расправляетъ
Коршунъ молодой.

Создатель каждому
Свою дорогу указалъ.
Счастливцу любо!
Онъ быстро движется
Къ желанной цѣли.

Но кому злополучіе
Желѣзными перстами
Сдавило сердце:
Тотъ бы хотѣлъ напрасно
Не въ очередь
Переступить предѣлъ.

Звѣри любятъ темный лѣсъ,
Воробей лощину,
На скалѣ живетъ орелъ —
Человѣкъ въ болотѣ.

За колесницей,
Фортуною руководимой,
Слѣдить легко!
Удобно по широкой
Дорогѣ столбовой,
Красуяся на статномъ
Объѣзженомъ конѣ,
Сопровождать веселый
Поѣздъ государя.

Но это кто, заблудшій
Въ кустахъ, въ сторонѣ?

Прокладывая путь себѣ,
Онъ раздвигаетъ сучья; —
Упругіе, упрямые,
Бьютъ его въ тылъ,
Бьютъ по лицу;
Степь, глушь

Его поглотила —
Онъ ниже травы.

Но чѣмъ исцѣлишь,
Чѣмъ язвы уврачуешь
Того, кто въ ядъ себѣ
Бальзамъ цѣлебный обратилъ?

Того, кто въ жизни искусился
И сокровищницу любви испилъ до дна,
Но изъ нея лишь ненависть
И горькое презрѣнье къ людямъ вынесъ, —
Кто исцѣлитъ?

Мучитель самъ себѣ,
И въ очередь отверженный людьми,
Изнемогаетъ онъ въ томленьяхъ
Неутомимой жажды,
Неутомимаго самопознанья.

Отецъ любви,
Отецъ вселенной!
Когда на псалтирѣ твоей
Есть звукъ, его сердцу доступный,
Подкрѣпи его —
Ублажи.

Сними съ его очей завѣсу:
Да видитъ свѣтъ —
И одинокому, въ пустынѣ,
Живой источникъ укажи.

Ты всѣмъ и каждому на долю
Крупицу радости послалъ.

Благослови друзей отваги,
Друзей охоты и вина!
Пошли неистовыя рѣчи
Ихъ необузданнымъ умамъ,
И, распаливъ могучей влагой
Избытокъ юныхъ, буйныхъ силъ,
Лѣснаго звѣря кровью алой
Ихъ жадны взоры услади, —

Но одинокаго
Пріими въ свои объятья!
И до весны,
До первой майской розы,
Зимы печальною отрадой,
Зеленой вѣтвью, — о любовь!
Ты осѣни,
Укрой отъ бури влажны кудри
Поэта твоего!

Въ житейскихъ тревогахъ,
Въ часы испытаній,
Звѣздою ему путеводною будь!

И если гонимъ онъ
Враждебною силой,
И черная бездна лежитъ передъ нимъ, —
Ты радужнымъ блескомъ
Весенняго утра
Въ печальную душу его загляни.

Когда же любимца
Грозой-непогодой умчишь въ высоту, —
Ты горнымъ потокомъ
Ударь на его вдохновенный псаломъ.

И снѣжнаго Гарца вершина
Да будетъ
Ему заповѣдный алтарь!

Тамъ — въ вѣщемъ народѣ
Осталось преданье —
Тамъ тѣни минувшихъ,
Подъ ризою ночи,
Вѣнчаютъ, о Броккенъ!
Твою отъ созданья сѣдую главу.

Сокровенно-открытый!
Въ лонѣ скрывая чудесную тайну,
Ты смотришь изъ тучи
На прекрасное Божье творенье,
И, гордый сознаньемъ своей благодати,
Изъ нѣдръ подобныхъ себѣ,
Намъ щедрой рукой посылаешь
Богатства и силы обильный потокъ!

А. СТРУГОВЩИКОВЪ.

IV.

ДОМОВОДСТВО, СЕЛЬСКОЕ ХОЗЯЙСТВО И ПРОМЫШЛЕНОСТЬ ВООБЩЕ.

О КАРТОФЕЛЬНОМЪ КРАХМАЛѢ.

Въ прошедшемъ году гг. Шатиловы рѣшились увеличить въ имѣніи своемъ посѣвъ картофеля до такой мѣры, чтобъ всегда на случай голоднаго года быть обезпеченными. Очень естественно, что надо было подумать о способахъ употребить такое большое количество картофеля съ нѣкоторою пользою и въ обыкновенные благополучные годы. Имѣя значительный винокуренный заводъ, и слѣдственно не нуждаясь въ зимнемъ кормѣ для скота, они обратили вниманіе на крахмальное производство, полагая, что вещество, содержащее въ себѣ питательность въ такомъ концентрированномъ видѣ, не можетъ никогда быть въ слишкомъ-низкой цѣнѣ. А во избѣжаніе всегда затруднительнаго сбереженія картофеля отъ стужи, они пожелали имѣть крахмальный заводъ, который переработывалъ бы по 200 четв. картофеля ежесуточно, такъ-чтобъ это производство кончилось до сильныхъ морозовъ. Мнѣ поручено было дѣлать опыты при помощи различныхъ снарядовъ, и по убѣжденіи въ годности ихъ на большомъ размѣрѣ, приготовить въ-теченіи зимы всѣ движущія части заведенія, а съ весны нынѣшняго года приступить къ постройкѣ.

Это порученіе старался я исполнить по возможности; многое, кажется, удалось мнѣ, кромѣ постройки корпуса, къ которому, за совершеннымъ недостаткомъ въ послѣднюю весну рабочихъ рукъ въ здѣшнемъ краю, нельзя было приступить.

И такъ, всѣ почти движущіяся части заведенія лежатъ готовыя; даже главный и единственный движитель ихъ — вода, проведена

100-саженнымъ каналомъ къ мѣсту, назначенному для постройки на берегу рѣки.

Можетъ-быть, иные не одобрятъ, что я, не пустивъ въ ходъ этого заведенія, рѣшаюсь довести устройство его до свѣдѣнія гг. хозяевъ посредствомъ журнала; но я желалъ подать случай другимъ заводчикамъ повторить мои опыты въ-теченіи предстоящаго производства.

Объ общемъ расположеніи скажу только, что на самомъ берегу рѣки построится корпусъ для крупарушки, и нѣкоторыхъ другихъ хозяйственныхъ машинъ, подъ которыми помѣщается водяное наливное колесо, приводящее въ движеніе, кромѣ этихъ машинъ, еще желѣзный валъ (неправильно такъ называемый цилиндръ), протянутый во всю длину другаго смежнаго съ нимъ корпуса, назначеннаго для крахмальнаго производства.

Этотъ валъ приводитъ въ движеніе всѣ машины, назначенныя для крахмальнаго производства.

1-е, *Мойка.* Я устроилъ-было обыкновенную мойку, которая могла простымъ механизмомъ подняться, вывалить мытый картофель на досчатый полъ, и нагрузиться опять немытымъ, посредствомъ устроеннаго баскюлемъ ящика; но это устройство не соотвѣтствовало цѣли: очень большой цилиндръ оказался неудобнымъ по тяжести, а опытъ надъ малымъ не удался.

Въ то самое время, когда я былъ занятъ этими опытами (въ позднюю осень), оказалась въ одной ямѣ, наполненной картофелемъ, большая сырость, такъ-что вся земля, прилипшая къ картофелю, растворилась жидкою грязью:—картофель неминуемо долженъ былъ сгнить, еслибъ не принять рѣшительныхъ мѣръ. Когда мнѣ сообщили объ этомъ, я подумалъ, что нужно этотъ картофель сполоснуть какъ-можно-скорѣе водою, а потомъ развалить по сараю, гдѣ въ случаѣ нужды накрыть отъ мороза соломою.

Для этого приказалъ я тотчасъ же сбить ящикъ или корыто, изъ 3-хъ 8-ми-аршинныхъ досокъ, шириною и глубиною въ свѣту по 9 вершковъ. Въ одномъ концѣ ящика прибилъ тесовыя планки въ 2 ар. длины, однимъ концомъ ко дну ящика, а срединою на доску, ограждающую конецъ ящика. Такъ составилась рѣшетка, образуемая этими планками на аршинъ за конецъ ящика и косвенно кверху на столько, что можно было пододвинуть подъ нее сани (*). У этой рѣшетки навелъ я жолобомъ изъ заводской машины воду порядочнымъ потокомъ (около 15 ведръ въ минуту); вода вытекала въ нѣсколько дыръ, сдѣланныхъ въ другой оконечной доскѣ; въ этотъ конецъ валили картофель, и приставленные съ обѣихъ сторонъ рабочіе гнали

(*) Которыя, по необыкновенной грязи, могли быть употреблены почти такъ же удобно, какъ телега.

картофель веслами на встрѣчу воды вдоль корыта. У рѣшетки поставлены были два человѣка съ лопатами, которые очень удобно двигали картофель вверхъ по рѣшеткѣ въ подставленныя съ веретьями сани. Такимъ образомъ перемыли въ одинъ осенній день болѣе 300 ч. картофеля почти совершенно чисто; перемыли бы несравненно болѣе, еслибъ необыкновенная грязь не затрудняла подвоза. Этотъ сверхъ чаянія удачный опытъ разрѣшилъ задачу, и я устроилъ мойку слѣдующимъ образомъ: ящикъ 8-ми или 10 ар. длиною, прямой, или, по мѣстному требованію, глаголемъ, или даже покоемъ, шириною въ свѣту 18, а глубиною 12 вершковъ, имѣетъ въ одномъ концѣ рѣшетчатое изъ тесовыхъ планокъ второе дно, простирающееся отъ конца на 1 аршинъ; это дно не плоское, но составляетъ половину цилиндра, имѣющаго ось свою надъ поверхностію вдоль ящика. Радіусъ этого полуцилиндра въ 8 вершковъ; цилиндръ самой мойки, который равнаго съ предъидущимъ полуцилиндромъ поперечника, находится своей осью въ продолженной оси сего послѣдняго. Рѣшетчатая обшивка цилиндрической мойки выходитъ какъ-бы продолженіемъ обшивки рѣшетчатаго полуцилиндра. Этотъ полуцилиндръ, подобно самой мойкѣ, оставляетъ между собою и дномъ ящика около 4-хъ вершковъ простору. Концы полуцилиндра къ мойкѣ, какъ и рѣшетчатая обшивка самой мойки, обрѣзаны такъ вѣрно, что мойка можетъ вертѣться вокругъ своей оси, не цѣпляя за неподвижный полуцилиндръ, хотя оба (чтобъ картофель не могъ между ими провалиться) не имѣютъ между собою болѣе $^1/_8$ вершка простора. Ящикъ при дѣйствіи полонъ водою; слѣдственно, мойка и полуцилиндръ находятся почти по самую ось въ водѣ. Въ концевой доскѣ ящика нѣсколько отверстій для стока черной воды; большее или меньшее число этихъ отверстій открывается, смотря по потребности; иногда же открываются всѣ отверстія вдругъ для увлеченія накопившейся подъ мойкою и полуцилиндромъ грязи.

Мойка винтовая (архимедовъ винтъ) въ одинъ винтъ. Она въ длину (3 аршина) 8-мь оборотовъ. Самые обороты эти или винты не рѣшетчатые, но глухіе, для того, чтобъ картофель не могъ зацѣпиться, но выкатился бы весь. Очевидно, что картофель, который валится прямо съ улицы чрезъ окно въ полуцилиндръ, наполненный водою, легко можетъ быть поднятъ весломъ и постепенно подвигается къ движущейся мойкѣ, которая, принимая его по рѣшетчатой обшивкѣ своей, винтообразно водѣ, прокатитъ въ водѣ путемъ около 8-ми саженъ. Разумѣется, пространство между выходнымъ концомъ мойки и дномъ ящика загорожено, чтобъ картофель не могъ катиться назадъ подъ мойку. Мойка съ полуцилиндромъ занимаетъ $4^1/_2$ аршина въ длину ящика; слѣдовательно, до другаго конца ящика остается 4—5 аршинъ; я рѣшился на первый случай проводить картофель ве-

слами, а поднимать его лопатами по наклоненной рѣшеткѣ, какъ выше сказано. Но тутъ уже не были подставляемы саня, а для поднятія мытаго картофеля на верхній полъ (имѣющій наклонность къ теркѣ) устроенъ слѣдующій снарядъ. Сдѣлалъ я колесо, совершенно подобное мельничному водяному наливному, съ такими же почти перьями, но съ тою только разницею, что у моего колеса палуба нашита не у внутренней, но на наружной окружности. Колесо вѣшается на своемъ валу однимъ только хомутомъ или однѣми ручками за одинъ кругъ (*). Оно навѣшено такъ, что свободный отъ ручекъ кругъ подходитъ подъ наклоненную рѣшетку и, слѣдовательно, выгребаемый по ней картофель упадаетъ въ кошели колеса и, по кругообращеніи его, поднимается вверхъ. Огораживаніе верхняго пола, чтобъ картофель не падалъ мимо, разумѣется само собою.

Опыты, которые я могъ дѣлать, убѣдили меня совершенно въ годности этого способа, и, кажется, онъ одинъ можетъ обезпечить совершенную чистоту мытаго картофеля, ибо если около картофеля будутъ хлопотать многіе рабочіе, у которыхъ въ осеннее время руки и ноги въ грязи, то врядъ-ли удастся имъ сберечь картофель въ чистотѣ.

Еслибъ случилась порода картофеля, имѣющаго необыкновенно-глубокіе ростки, то я вооружилъ бы каждую изъ планокъ, составляющихъ обшивку мойки, рядомъ твердой щетины, равно какъ и весла, которыми подгоняютъ картофель навстрѣчу воды.

Если увижу, что подгонка картофеля хоть немного будетъ затруднительна, то положу другую винтовую мойку наклоненную, которая безъ помощи рукъ сама выкатила бы картофель въ колесо.

Вода для мойки поднимается небольшимъ насосомъ около $1^{1}/_{2}$ ар. вышиною, который получитъ свое движеніе отъ общаго движителя.

Убѣдившись, какъ выше сказано, въ удобствѣ изобрѣтенія, я для облегченія при постройкѣ устроилъ въ естественной величинѣ не только модель, но и всѣ части машины.

2-е, *Терка.* Для опытовъ надъ теркой, снялъ я на мукомольной мельницѣ одинъ жерновъ, и какъ эта мельница съ рисаками (mit Vorgelege), то мнѣ было легко придѣлать къ кулачному колесу борты и пустить по немъ шнуръ для приведенія въ движеніе терки.

Если такъ мягко тереть, чтобъ выдѣлился безъ дальнѣйшаго усилія крахмалъ изъ мякоти, то треніе должно производиться медленно, и, надѣясь на другой способъ для достиженія возможной мягкости,

---

(*) Это устройство можетъ быть очень прочно и отнюдь немудрено. Тягость въ работѣ невелика. Я устроилъ такъ, чтобъ колесо обращалось въ 18 секундъ одинъ разъ. Если поднять въ часъ 20 четвертей или 200 пудъ, то въ колесѣ будетъ въ одно время не болѣе какъ съ небольшимъ пудъ.

я устроилъ терку, какъ обыкновенно устроивается она въ свеклосахарныхъ заводахъ, нарѣзывая пилы по 10-ти, по 11-ти зубцовъ на вершкѣ.

Такимъ образомъ терка пригодилась; но какъ этотъ снарядъ довольно извѣстенъ, то оставляю его и обращаюсь къ мутовкѣ.

3-е, *Мутовкою* называю я сосудъ цилиндрическій (кадку) изъ $1^1/_2$ вершковыхъ сосновыхъ досокъ, бондаремъ сбитыхъ желѣзными обручами. Она имѣетъ 12 вершковъ въ ширину и столько же въ вышину; на центрѣ дна поставлено отвѣсное вертено, желѣзное, съ двумя крестами, желѣзными же; одинъ крестъ укрѣпленъ на вертенѣ въ $1^1/_2$, другой въ 4-хъ вершкахъ отъ дна кадки. Внутри кадки неподвижно прикрѣплено къ стѣнамъ, въ ровномъ между собою разстояніи, по три пары шинъ для каждаго креста, одна отвѣсно надъ другой въ такомъ между ими разстояніи, чтобъ рога крестовъ (которые толщиною $^1/_4$ вершка) могли не только пройдти между ими, но и оставляли нѣкоторый просторъ и не могли цѣпляться. Для укрѣпленія этихъ шинъ (которыя, чтобъ не мѣшали кругообращенію вертена, не могутъ внутрь кадки простираться болѣе 5-ти вершковъ), я продолбилъ стѣны кадки по ширинѣ и толщинѣ шины, загнулъ остающійся снаружи конецъ (2 вершка) шины подъ прямымъ угломъ и привинтилъ этотъ загибъ шрупами къ стѣнамъ кадки снаружи, для совершеннаго ихъ укрѣпленія, и для предупрежденія течи заклинилъ ихъ сухими клиньями. Дно кадки той же толщины, какъ стѣны; оно имѣетъ въ центрѣ своемъ пирамидальное сквозное отверстіе, въ которое сверху вкладывается кусокъ крѣпкаго дерева, совершенно ее наполняющій и имѣющій въ срединѣ углубленіе для принятія пяты вертена. Я считалъ неудобнымъ поставить вертено на металлъ, чтобъ не подцвѣтить крахмала.

Очевидно, что при каждомъ кругообращеніи вертена, каждый рогъ крестовъ долженъ какъ-бы протѣсниться между двухъ неподвижныхъ шинъ три раза; а какъ этихъ роговъ 8-мь, то такихъ стѣсненій случится при каждомъ оборотѣ вертена 24; изъ этого одного можно уже убѣдиться въ успѣшномъ дѣйствіи снаряда.

Безъ неподвижныхъ шинъ, мякоть кружилась бы въ кадкѣ почти съ быстротою самыхъ веселъ или роговъ безъ пользы; но чтобъ этого не случалось и на поверхности, то вкладывается сверху, въ выбранные въ стѣнахъ кадки небольшіе пазы, дощечка, которая входитъ до верхняго ряда шинъ. (Разумѣется, что пазы не діаметрально одинъ противъ другаго: дощечка мѣшала бы вертену).

Я пустилъ эту мутовку дѣлать 5 оборотовъ въ секунду, и дѣй-

ствіе было превосходное, хотя я не догадался нарубить или назубрить (наершить) углы веселъ или роговъ(*).

Кадка эта, или мутовка, поставлена такъ, что мякоть течетъ въ нее непосредственно изъ-подъ терки. На терку и въ самую мутовку пускается посредствомъ крана столько воды, чтобъ разжидить мякоть, сколько для перваго процѣживанія окажется потребно.

Чтобъ получить ясное понятіе о выходѣ изъ мутовки разжиженной разбитой мякоти, можно представить себѣ садовую лейку, поставленную прямо. Если наливать въ нее съ извѣстною скоростью изъ другаго сосуда воду, то вода изъ лейки пойдетъ черезъ край, потому-что конецъ трубки или носка въ одномъ съ нею уровнѣ. Легко понять, что можно, отрѣзая постепенно носокъ болѣе и болѣе, дойдти до того, что жидкость, вливаемая съ одинаковою скоростью, не превзойдетъ назначенной въ лейкѣ вышины.

Мутовочная кадка имѣетъ въ боку на самомъ днѣ отверстіе въ 2 вершка въ квадратѣ. Это отверстіе ограждено съ боковъ двумя дощечками въ 2 вершка ширины, отвѣсно ребромъ прибитыхъ къ кадкѣ; третья дощечка заслоняетъ ихъ спереди такъ высоко, какъ состояніе мякоти въ кадкѣ того потребуетъ; само собою разумѣется, что происшедшій отъ того отвѣсный каналъ задѣлается снизу, а сверху прибьется къ нему жестяной насосъ, по которому мякоть стекаетъ въ сито. Разумѣется также, что кадка должна имѣть внизу отверстіе простое, заткнутое во время производства, и открываемое по прекращеніи его, для выпуска послѣдней мякоти.

Выше говорилъ я о стокѣ воды изъ ящика мойки, и, во избѣжаніе повтореній, умолчалъ о томъ, что и тамъ нуженъ такой же выходъ, чтобъ вода въ ящикѣ стояла въ одинаковой вышинѣ. Большое отверстіе въ мойкѣ, для смывки по-временамъ грязи, также нужно.

Насчетъ приведенія въ движеніе мутовки скажу только, что на общемъ горизонтальномъ валу укрѣплено лобовое колесо (Stirnrad) для тёрки, а боковое (Kammrad) для мутовки.

4-е, *Ситы.* Прежде всего, я долженъ сказать, что всѣ дошедшіе до моего свѣдѣнія способы протиранія мякоти щетками сквозь проволочныя ситы и т. п., показались мнѣ неудобными для большаго производства.

При опытахъ надъ процѣживаніемъ, меня затрудняла цѣпкость мякоти, или, что̀ все равно, масса, ею составляемая, трудно отрывалась.

При послѣднемъ мною испытанномъ способѣ самая эта цѣпкость послужила въ пользу.

(*) При настоящемъ устройствѣ, я буду ихъ ершить и калить въ ящикѣ, какъ тёрочныя пилы или подпилки.

После многихъ удачныхъ опытовъ, я остановился на слѣдующемъ устройствѣ.

Въ дубовомъ валикѣ, длиною въ 1 ар. 6 вер., а толщиною въ 4 вер., должно укрѣпить по обоимъ концамъ обыкновенные желѣзные шипы, и съ ними посадить валикъ на обыкновенный станокъ, на которомъ колесникъ точитъ ступицы, обтачивать валикъ до-тѣхъ-поръ, пока онъ въ окружности не получитъ ровно 12-ть вершковъ, и шипы тутъ же обточить, оставя ихъ въ палецъ толщиною.

Отступя отъ одного конца валика $3^1/_2$ вершка(*), должно дѣлать замѣтку и продолжать далѣе отъ нея замѣчать каждые $^3/_4$ вер. какъ можно-вѣрнѣе, такъ-чтобъ всѣхъ отдѣленій мѣры вышло 18, что и составитъ 12 вершковъ.

Потомъ разбить окружность валика на 12 частей, которыя будутъ на ней въ вершокъ разстояніемъ, и пробить эти 12 дѣленій мѣловой ниткой вдоль валика. Если нумерить долевыя и поперечныя дѣленія, 1, 2, 3, 4 и т. д., то дѣлать явственный знакъ въ пересѣченіи первой долевой съ первой поперечной, второй со второй, и т. д.; провернуть въ этихъ знакахъ валикъ насквозь буравомъ въ $^3/_4$ вершка толщиною (для предосторожности, чтобъ провернуть прямо, надобно напередъ провернуть малымъ буравомъ съ обоихъ боковъ, наставляя его въ соотвѣтственные знаки), а въ эти диры всадить спицы — т. е. сухія прямо-выстроганныя дубовыя палки потребной толщины, а длины такой, чтобъ оба конца ихъ были наружи около 6 вер. Спицы эти должны быть крѣпко вколочены, и еслибъ которая-нибудь изъ нихъ могла тронуться или передвинуться, то нужно ее укрѣпить небольшимъ штифтомъ хоть изъ проволоки.

Укрѣпивъ всѣ спицы, надо отрѣзать концы, оставляя за валомъ наружи по $4^3/_4$ вершка; послѣдней спицы оба конца оставить подлиннѣе на вершокъ.

Очевидно, что такимъ образомъ эти спицы образуютъ около валика двойной винтъ въ $1^1/_2$ оборота. Концы спицъ теперь зарѣжутся лапою на $^3/_4$ вершка отъ конца. Зарѣзать пилою не болѣе, даже менѣе половины, а самый кончикъ лапы оставить въ $^1/_8$ вершка толщины. Къ этимъ лапамъ приложить тщательно обработанные не толще $^3/_4$ вер. въ квадратѣ свѣжіе ободья, врѣзать въ нихъ лапы спицъ и къ нимъ прибить тонкими, но насквозь выходящими гвоздями.

Если ободья коротки, то они могутъ стыкаться.

По укрѣпленіи этихъ ободей прибить къ спицамъ и вплотную къ ободьямъ полоски, въ $1^1/_2$ вершка ширины, изъ самой тонкой ла-

---

(*) Далѣе этого и шипъ не долженъ простираться въ валъ, иначе онъ помѣшалъ бы провертыванію.

тупи, которыя будутъ въ-послѣдствіи препятствовать мякоти переваливаться изъ винта въ другой.

По окончаніи этого, укрѣпить къ крайнимъ двумъ спицамъ по кругу изъ тѣхъ же ободьевъ, уже не винтовыхъ, но совершенно-плоскихъ, какъ ободъ колеса. У перваго конца, гдѣ входитъ мякоть, поперечникъ этого круга долженъ быть равенъ поперечнику винтовыхъ ободьевъ (иначе вытекла бы мякоть назадъ), а у другаго конца, гдѣ отекшая мякоть выходитъ или выкатывается, этотъ кругъ болѣе, т. е. его внутренній поперечникъ равенъ наружному поперечнику винтовыхъ ободьевъ, безъ чего мякоть не могла бы свободно выкатываться изъ винтовъ.

Вотъ скелетъ сита, которое я обтянулъ шерстяною матеріею въ родѣ частой серпянки. Разумѣется, что къ винтовымъ ободьямъ и кругу, гдѣ входитъ въ сито мякоть, матерія прибивается снаружи; къ другому же кругу, гдѣ мякоть должна выкатиться, прибивается внутри (*), для чего, какъ выше сказано, концевой ободъ или кругъ внутреннимъ поперечникомъ равняется наружнымъ поперечникамъ винтовыхъ ободьевъ.

Къ кругу, гдѣ входитъ мякоть, прибита еще снаружи опушка въ $1^1/_2$ вершка ширины изъ жести, которая еще болѣе съуживаетъ входъ для удобнѣйшаго и безтратнаго принятія мякоти изъ-подъ носка мутовки.

Выше сказалъ я, что одинъ конецъ валика отставляется отъ первой спицы всего на $3^1/_2$ вершка; онъ сдѣланъ такимъ короткимъ для удобнѣйшаго его помѣщенія, и надобно стараться, чтобъ шипъ былъ надежно укрѣпленъ.

Другой, дальній конецъ валика остается за ситомъ на $6^1/_2$ вер.; на самомъ концѣ его укрѣпляется малый желѣзный шкафъ, около котораго обложена легкая цѣпочка (деревянный шкафъ и шнуръ или ремень показались мнѣ неудобными по могущей случиться сырости).

При опытахъ, мнѣ казалось, что выгоднѣйшая для такихъ ситъ скорость та, когда они обращаются въ 3—4 секунды одинъ разъ, и потому они никакъ не могутъ быть чувствительны для движущей силы. Ненужно упоминать, что эти ситы кладутся совершенно горизонтально, вовсе не требуя пюноса.

Чтобъ работа шла благонадежно, нужно имѣть три сита. Изъ перваго катится мякоть въ мутовку, подобно вышеозначенной, съ тою только разницею, что въ ней нѣтъ неподвижныхъ шипъ, и вертел ея оборачивается не чаще, какъ въ 1 или $1^1/_2$ секунды, и служитъ лишь для того, чтобъ принятую въ него отекшую мякоть смѣшать

(*) Матерію можно прибить такими малыми гвоздями, что нѣчего опасаться испортить ободья повтореніемъ прибивки при возобновленіи тканія.

снова съ подпускаемою въ нее чрезъ кранъ водою. Эта вторая мутовка выпускаетъ разжиженную мякоть во второе сито.

Второе сито выкатитъ мякоть въ такую же, опять тихо-вертящуюся мутовку, гдѣ она опять разжижается и, проходя также третье сито, выкатится на столъ, окруженный бортами.

На этомъ столѣ кладутъ мякоть въ обыкновенные мѣшки, въ которыхъ она пропускается между двухъ тяжелыхъ дубовыхъ цилиндровъ, самой машиною тихо обращаемыхъ. Въ выдавливаемой тутъ водѣ, находится еще незначительная часть крахмала, почему она принимается въ подставленный сосудъ, изъ котораго насосомъ поднимается для стока въ отстойную посуду. Само-собою разумѣется, что каждое сито имѣетъ подъ собою корыто, въ которое течетъ распущенный въ водѣ крахмалъ. Въ этихъ ситахъ большая часть крахмальной воды протекаетъ уже на первомъ полуоборотѣ, а отекшая мякоть катится по немъ комами разной величины. У меня отсѣдалъ крахмалъ изъ свѣжаго кортофеля въ $2^1/_2$ часа совершенно. Поэтому, величина отстойной посуды меня не страшитъ. Если полагать, что, для разжиженія четверти картофеля, въ каждую мутовку подпустится даже по 33 ведра воды, что̀ составитъ 100 ведръ на четверть, то нужно посуды на 3,500 ведръ, или 120 куб. ар. И такъ, можно сдѣлать 3 четвероугольные чана, подобные квасильнымъ чанамъ или ларямъ въ 8 ар. длины, 4 ширины и $1^1/_4$ ар. въ наливъ глубины. Рѣжу такихъ ларей можно устроить такъ, чтобъ для спуска послѣдней воды ихъ можно было нѣсколько нагибать: это облегчило бы смывку грязи, осѣвшейся по верху крахмала. Такое устройство довольно-легко сдѣлать, утверждая рѣжу на свободно-вертящемся продольномъ деревѣ не самою срединою, но отступая отъ средины нѣсколько вершковъ.

Чтобъ не быть вынуждену, для полученія изъ посуды въ другую нужнаго поносу, поднять терку очень высоко или опустить отстойную посуду въ землю, я рѣшился пустить всю крахмальную воду изъ-подъ сита въ одинъ потребной формы сосудъ, откуда поднялъ ее небольшимъ архимедовымъ винтомъ въ отстойныя посуды. Этотъ винтъ во время производства будетъ въ безпрерывномъ движеніи, которое ему сообщится чрезъ шкивъ отъ общаго движителя.

Такой винтъ уже сдѣланъ; опъ одинокій, 3 ар. длины, 7 вер. въ діаметрѣ, имѣетъ 16 оборотовъ.

На счетъ вторичной перемывки на-бѣло̀ крахмала, я не успѣлъ дѣ[лать] опытовъ, но думаю, что тутъ нужно будетъ употребить еще та[кі]е же сито, обтянутое матеріею почаще выше-описанной. Впро[чем]ъ, и подъ такими ситами волоконъ не было видно.

[С]ушить полагаю я въ двухъ сушильняхъ, построенныхъ по герар[довому] способу, подъ одною кровлею, съ общею среднею стѣною, ка-

ждая въ 8 саженъ длины и въ 2 ширины. Въ каждой сушильнѣ, полагаю я вдоль обѣихъ стѣнъ и посрединѣ поставить рядъ полокъ отъ пола до потолка. Эти полки будутъ состоять изъ листовъ, сдѣланныхъ изъ часто-плетеныхъ прутьевъ, каждый въ квадратный аршинъ, положенныхъ на протянутыхъ подъ ними прямыхъ слегахъ.

Если положить отъ полу до потолка 12 полокъ, то въ три ряда лягутъ 36, а на 8 саженяхъ или 24 аршинахъ уложится въ каждой сушильнѣ 864 квадратныхъ аршинъ.

Если посредствомъ огромныхъ мѣховъ я получу съ дальняго конца сушильни чрезъ калориферъ огромное количество воздуха, согрѣтаго столько, какъ только крахмалъ безъ порчи вытерпѣть можетъ, и выпущу его внизу противолежащаго конца въ большой рабочій корпусъ (для согрѣванія его), не-уже-ли воздухъ вылетитъ сухой?

Можетъ-быть, для инаго описаніе ситъ не совершенно удовлетворительно; въ такомъ случаѣ и чертежъ былъ бы неудовлетворителенъ. Но если кому покажется нужнымъ модель сита въ $^1/_4$ настоящей величины, тотъ можетъ съ своимъ требованіемъ адресоваться ко мнѣ(*), прилагая за модель 25 руб. ассиг. Модель и въ настоящей величинѣ, можетъ-быть, не дороже стòитъ; но такъ-какъ у меня нѣтъ собственной мастерской и ничего подготовленнаго, то она съ пересылкою по почтѣ едва-ли обойдется мнѣ дешевле.

Ф. МАЙЕРЪ.

1841 года
іюля 30.

(*) Францу Христіановичу Майеру, въ Новосилѣ (Тульской Губерніи).

ИЗВЛЕЧЕНІЕ ИЗЪ «ОПЫТА ТЕРМИНОЛОГИЧЕСКАГО СЛОВАРЯ ЭНЦИКЛОПЕДІИ СЕЛЬСКАГО ХОЗЯЙСТВА, ДОМОВОДСТВА, РЕМЕСЛЪ И СЕЛЬСКОЙ ФАБРИЧНОСТИ» (*).

—

1) Чашки. Это тѣ углубленія, которыя бываютъ на верхней части нѣкоторыхъ изъ лошадиныхъ зубовъ, называемыхъ *зацѣпами*, или *рѣзцами*. Чашки эти, окруженныя твердымъ, бѣлымъ краемъ, отъ тренія мало-по-малу уменьшаются и в конецъ совсѣмъ исчезаютъ. Уменьшеніе это совершается въ извѣстномъ порядкѣ, который и можетъ служить для опредѣленія возраста лошадей. Порядокъ

(*) Эти извлеченія сдѣланы изъ весьма замѣчательной книги, составляемой В. П. Бурнашевымъ, о которой подробно было извѣщено въ VII-й книжкѣ «Отечественныхъ Записокъ» нынѣшняго года. Предлагаемыя 43 слова, составляющія почти сотую долю всего числа словъ доселѣ собранныхъ составителемъ, могутъ дать понятіе о всемъ трудѣ. Нельзя не замѣтить, что ни въ одномъ изъ нашихъ словарей мы не могли найдти большей части изъ этихъ 43 словъ, потому-что спеціальныхъ словарей у насъ почти нѣтъ, другія же слова, собственно областныя, не нашли еще себѣ мѣста даже въ словарѣ Соколова, который считается едва ли не лучшимъ и единственнымъ послѣ академическаго. Нельзя не отдать справедливости тому терпѣнію и той старательности, съ которыми г. Бурнашевъ продолжаетъ свой трудъ, долженствующій принести несомнѣнную пользу всѣмъ занимающимся сельскимъ хозяйствомъ. Бесѣды съ крестьянами, купцами, промышлениками, фабрикантами разныхъ полосъ Россіи, письменныя сношенія съ многими изъ лучшихъ сельскихъ хозяевъ, чтеніе *всѣхъ* спеціальныхъ русскихъ періодическихъ и другихъ изданій, вниманіе къ каждому новому слову, къ каждому новому выраженію, обороту рѣчи, — все это необходимо для подобной книги. Впрочемъ, служа помощникомъ директора Удѣльнаго Земледѣльческаго Училища, г. Бурнашевъ въ отправленіи самой службы своей, и особливо въ сношеніяхъ съ директоромъ училища, находитъ много предметовъ для этого кропотливаго труда, невидимаго, неблагодарнаго, но большаго, но полезнаго. Онъ сказывалъ намъ, что, сверхъ этого, исподоволь заготовляетъ матеріалы для труда не менѣе важнаго, какъ и этотъ словарь, а именно, онъ составляетъ «урочныя положенія и всевозможныя расчисленія по сельскому хозяйству всѣхъ полосъ Россіи».

Ред.

этотъ изложенъ подробно въ книгахъ: «Сельскій Хозяинъ XIX вѣка» Вилькинса, Т. 2; «Лексиконъ Городскаго и Сельскаго Хозяйства» Двигубскаго; «Курсъ Скотоводства» Всеволодова, и наконецъ «Бесѣды Петербургскаго Жителя въ Удѣльномъ Земледѣльческомъ Училищѣ о Сельскомъ Хозяйствѣ» Бориса Волжина, т. 2-й, Скотоводство.

2) Лаба, или сырная закваска. Для этого надобно взять *четвертый желудокъ* молочнаго теленка, обрѣзать тщательно всѣ жирныя части, завязать съ одного конца ниткою, а съ другаго надуть, завязать отверстіе, въ которое надували, и повѣсить въ такомъ мѣстѣ, куда проходитъ свѣжій воздухъ, на-пр., на чердакѣ. Какъ-скоро желудокъ просохнетъ, то можно будетъ изъ него выпустить воздухъ; потомъ надобно закваску эту хранить въ сухомъ мѣстѣ. При употребленіи отрѣзывается кусокъ закваски, кладется въ стаканъ и наливается водою, въ которой распущено немного соли. По прошествіи 10-ти часовъ, жидкость сливается и употребляется для створоженія молока. На 10 кружекъ молока надобно брать $^1/_2$ золотника сухой закваски.

3) Спорышъ. Яйцо въ тонкой, мягкой перепонкѣ, содержащее въ себѣ, большею частію, одинъ только желтокъ, а бѣлка весьма мало. Такія яйца кладутся обыкновенно слишкомъ-жирными курами и, будучи мягки, не годятся подъ насѣдку, а годны только для употребленія въ пищу. Эти яйца также называются *жировыми* и *вѣтреными*. Для убавки излишняго жира у куръ, многіе совѣтуютъ въ кормъ имъ прибавлять толченый мокрый кирпичъ, а въ воду мѣлъ.

4) Перга, или *хлѣбина*, есть кормъ, собираемый пчелами изъ цвѣточной пыли для заводящихся пчелиныхъ дѣтокъ или молодой *дѣтвы*.

5) Шерхебель. Столярный инструментъ, употребляемый послѣ топора для первой стружки или распиловки лѣса и для уравниванія поверхности доски, если она не совершенно горизонтальна и на ней есть бугорки. Шерхебель состоитъ изъ деревянной *колодки* длиною отъ $4^1/_2$ до 5-ти вершковъ, шириною въ 1 вершокъ и вышиною въ $1^1/_4$ вершокъ; изъ клина также деревяннаго, для укрѣпленія шерхебельной желѣзки, ширина которой около $1^1/_4$ дюйма съ овальнымъ острымъ концомъ, который вкладывается въ дыру, продолбленную въ колодкѣ и имѣющую уголъ въ 45°. (Въ «Словарѣ» будетъ изображеніе).

6) Сидка смолы есть извлеченіе смолы изъ разныхъ смолистыхъ деревьевъ и производится слѣдующимъ образомъ: по изготовленіи самыхъ смолистыхъ сосновыхъ корней и пней, кладутъ ихъ въ кучу,

и оставляютъ въ этомъ видѣ до совершенной просушки. По просушкѣ рубятъ на части, колятъ мелко и ставятъ стоймя въ яму, нарочно для этого устроенную. Яма для сидки смолы копается на косогорахъ, чтобъ удобнѣе было подъ нею сдѣлать ходъ. Бока ямы устилаются лубьями, чтобъ безпрепятственно стекала по нимъ смола въ бочку, поставленную внизу ямы. При установкѣ дровъ должно наблюдать, чтобъ они стояли ровно во всѣхъ мѣстахъ, т. е. не были бы очень сжаты и не имѣли бы пустыхъ мѣстъ. Уставивъ такимъ образомъ одинъ рядъ, продолжать другой, наконецъ вывершить подобно стогу сѣна, завалить щепами толщиною вершковъ въ 7 и зажечь. Когда загорится щепа, но огонь еще не пройдетъ до сосновыхъ дровъ, закрыть всю кучу землею и дерномъ или навозомъ, такъ чтобъ огонь не показывался на верхъ. Тогда смола отъ жара будетъ выходить изъ дровъ и по лубьямъ стекать въ бочку, гдѣ она охлаждается, и потомъ охлажденная употребляется.

7) Полиспастъ скородильный состоитъ изъ пяти обыкновенныхъ боронъ, привязанныхъ къ сухому деревянному бруску, къ которому припрягаются лошади. Употребляется въ Бѣлоруссіи.

8) Обдирная рожь. Обдирка дѣлается на мукомольныхъ мельницахъ или особою постановкою *жернова*: камень устанавливается такъ, чтобъ только немного прикасался къ зерну. Иногда также жерновый камень дѣлается для обдиранія не каменный, а деревянный съ жестяною *обечкою,* которая вся исколота дырочками, подобно теркѣ для хрѣна. Этотъ способъ предпочтительнѣе перваго. За обдирку съ каждой четверти въ дешевое время въ Рыбинскѣ платится по 30 к. асс., а за размолъ отъ 50 до 60 к. асс.; но когда хлѣбъ бываетъ въ цѣнѣ, то за ту и за другую обдѣлку платится болѣе 1 р. 50 к. асс. съ четверти.

9) Межеумолокъ. Это тотъ промежутокъ времени, который бываетъ между *запускомъ*, т. е. когда корова перестаетъ доить и *новотеломъ*, когда она снова начинаетъ доить послѣ благополучнаго отеленія. Чѣмъ межеумолокъ менѣе продолжителенъ, тѣмъ лучше, и такимъ образомъ для опредѣленія выгодныхъ свойствъ коровы говорятъ: «у нея небольшой межеумолокъ», что значитъ, что корова эта доитъ долго и перестаетъ доить за нѣсколько лишь дней до теленія.

10) Обжи, или держальни. Рукоятки или ручки для управленія плугомъ или сохою. Онѣ дѣлаются нѣсколько выгнутыми, въ-особенности правая. Длиною бываютъ отъ $2^1/_4$ до $2^1/_2$ арш., смотря по орудію; такъ, на-примѣръ, для бороздильника нужны обжи меньше, а для большаго плуга больше. Рукоятки эти прикрѣпляются въ плу-

гѣ къ *градилю*, а въ сохѣ къ *разсоху*. Лѣвая обжа въ плугѣ потом прямѣе лѣвой или почти пряма, что тогда легче отваливается пласт при паханіи.

11) Регель употребляется при деревянныхъ постройкахъ для вос препятствованія *стропиламъ* перегибаться отъ тяжести крыши и для связи одной *стропильной ноги* съ другою. Регеля дѣлаются со образно толщинѣ стропилъ и величинѣ строенія изъ бревенъ или толстыхъ досокъ, и врубаются въ *стропила сковородникомъ*, т. е. зарубъ имѣетъ почти фигуру трапеціи, дабы отъ осадки стропилъ регель не выскочилъ. (Въ «Словарѣ» будетъ изображеніе).

12) Знобить зябь, значитъ пахать поле съ осени, какъ подъ яровой хлѣбъ на весну, такъ и подъ овощъ.

13) Висячая бабка употребляется при постройкахъ строеній для поддержанія длинныхъ *балокъ* или *связей*, которыя безъ нея могутъ перегнуться и даже лопнуть. Сверхъ-сего, висячая бабка служитъ связью для *стропилъ* въ *конькъ*. Висячія бабки дѣлаются большею частію изъ бревенъ, и въ строеніяхъ небольшихъ, при легкомъ грузѣ укрѣпляются въ стропилахъ въ *сковородку;* въ балку или связь впускаются висячія бабки *сквознымъ шипомъ* и подъ ними прибивается *деревянный гвоздь*. Въ большихъ строеніяхъ, гдѣ бабка должна поддерживать значительную тяжесть, въ стропила врубается она также въ сковородку, но еще прикрѣпляется желѣзными *скобами* отъ обѣихъ *стропильныхъ ногъ*, вколоченныхъ въ бабку; отъ нижняго же конца бабки, который не допускается до балки, проходитъ *желѣзный хомутъ*, который, обогнувъ балки, опять пригибается къ бабкѣ съ другой стороны, и оба конца скрѣпляются желѣзнымъ *болтомъ* съ шляпкою съ одной и съ *гайкою* съ другой стороны. (Въ «Словарѣ» будетъ изображеніе).

14) Чело, или челышко. Такъ называется самая лучшая часть зеренъ, которая въ иныхъ мѣстахъ называется и *головкою*. Чело обыкновенно назначается на посѣвъ.

15) Заносъ пчелиный, или *уза*, или *потяжъ*, или *провогъ*—есть ячейки сотовъ, въ кои наливаютъ пчелы медъ, какъ-бы большой кусокъ издырявленнаго воска.

16) Круговая бороньба есть то же, что и обыкновенная бороньба, но отличается отъ простой тѣмъ, что лошади ходятъ не по всей полосѣ вдругъ, а нѣсколько разъ поворачиваютъ на одномъ мѣстѣ, потомъ переходятъ на другое и т. д., пока взборонуютъ всю полосу. Бороньба эта употребительна и весьма полезна для приведе-

нія въ мелкое состояніе комьевъ крѣпкой глинистой почвы и остающихся кочекъ при обработкѣ торфяно-болотной нови.

17) Омшанникъ, *или зимовникъ, или стебникъ.* Это особеннаго устройства подвальное строеніе, въ которомъ на зимнее время помѣщаются пчелы. (Подробности очень полезныя объ устройствѣ омшанника находятся въ книгахъ гг. Витвицкаго и Сухомлинова о пчеловодствѣ.)

18) Земляной буръ. Это одно изъ земледѣльческихъ орудій, посредствомъ котораго достаютъ *нижній слой* земли для узнаванія свойствъ ея. Орудіе это дѣлается изъ желѣза. Устройство его такое: самый конецъ бура, называемый *жаломъ*, дѣлается длиною вершка въ два; къ нему придѣлывается трубка, которая набираетъ въ себя землю, и бываетъ въ діаметрѣ шириною въ $1^1/_2$ вершка. Эта трубка привариваетcя къ желѣзному бруску, длиною въ 1 арш., толщиною дюйма въ $1^1/_2$. На одномъ концѣ трубки дѣлаются ушки, въ которыя вкладывается *шипъ* другаго бруска и закрѣпляется *отъемнымъ винтомъ*. Такихъ брусковъ дѣлается нѣсколько, смотря по надобности, и всѣ они соединяются между собою такимъ же образомъ. На концѣ послѣдняго бруска придѣлывается желѣзное кольцо для закладки рычага, которымъ ворочаютъ буръ. Земляной буръ можетъ проникать весьма глубоко въ землю. (Въ «Словарѣ» будетъ изображеніе).

19) Метелица. Такъ называется то, когда въ пчелиномъ ульѣ заводится паутина и червячки, превращающіеся въ мотыльковъ. Червячки заводятъ въ ульѣ паутину, протачиваютъ соты и повреждаютъ *ячейки* съ *дѣтвою*, отъ чего зародыши умираютъ. Если паутины много, то въ ней запутываются и умираютъ даже и старыя пчелы. (Въ сочиненіяхъ Витвицкаго, Прокоповича (см. «Журналъ Московскаго Общества Сельскаго Хозяйства») и Сухомлинова можно найдти весьма подробныя описанія, признаки, виды метелицы, равно какъ средства для избавленія *пасѣки* отъ этого зла и возможность предотвращать его появленіе).

20) Подпалина. Такъ называется то, когда у иныхъ лошадей отъ заднихъ ногъ по брюху шерсть растетъ другаго цвѣта, преимущественно желтаго или бѣлесоватаго. Подпалины бываютъ при *караковой* и *игреной масти;* очень рѣдко при другихъ. У такихъ лошадей и на мордѣ шерсть обыкновенно бываетъ свѣтлѣе, нежели на другихъ частяхъ тѣла.

21) Пуховый хлѣбъ. Мѣстное выраженіе, въ Калужской-Губерніи употребляемое и означающее такой хлѣбъ, который приготовляет-

ся изъ муки, смолотой въ зернѣ вмѣстѣ съ мякиною, и потомъ отсѣянной на самое чистое, нерѣдко шелковое, сито.

22) Островина. Шестъ, или длинный колъ. Рядъ такихъ островинъ на равномъ разстояніи одна отъ другой становится въ основаніе сѣннаго *зарода*; по числу островинъ въ зародѣ опредѣляется и число *промежковъ* сѣна. Промежокъ сѣна хорошей *мётки*, называемой *подъ-стоёкъ* или *подъ-ногу* (что̀ дѣлается, когда сѣно совершенно сухо) составляетъ возъ отъ 12-ти до 20-ти пудовъ. Островины ставятся и около хлѣбной кучи или *скирды*.

23) Окатка. Такъ называется самый высокій сортъ щетины, состоящій единственно изъ выдергиваемой съ хребта свиней съ кореньями твердой щетины, а не изъ состригаемой. (Подробности въ «Библіотекѣ Коммерческихъ Знаній» издаваемой гг. Небольсиными и Фишеромъ).

24) Атосы. Такъ въ Орловской, Смоленской, Калужской Губерніяхъ и въ нѣкоторыхъ другихъ мѣстахъ называютъ *тяжи*.

25) Товарищъ. Въ кучерской и шорничной терминологіи этимъ словомъ означаютъ тесмяную часть возжей для отличія отъ кожаной, которая носитъ названіе *возжи*.

26) Завалить. Въ терминологіи мясниковъ значитъ сильно ударить молотомъ въ лобъ быка, предназначеннаго на убой.

27) Искошеніе. Это недостатокъ въ сукнѣ, происходящій отъ того если *распорка* неравномѣрно подвигается въ станѣ, чрезъ что *утокъ* ложится косо, происходитъ искошеніе и плотность сукна бываетъ не вездѣ одинакова.

28) Лутошко. Молодое деревцо, съ котораго вся кора содрана на лапти. Иногда оно бываетъ употребляемо на *тычины* въ огородѣ, а большею частію оставляется безъ употребленія и гніетъ.

29) Маника. Въ шерстестригальныхъ ножницахъ деревянная *планка*, прикрѣпленная крючьями и винтами къ спинкѣ *лежня*, который составляетъ нижнюю часть этихъ ножницъ.

30) Улукъ. Такъ въ Саратовской-Губерніи и отчасти въ нѣкоторыхъ другихъ называютъ длинную тонкую жердь, перегнутую пополамъ и служащую вмѣсто оглобель для сохи. (Въ «Словарѣ» будетъ изображеніе).

31) Цапильня. Такъ въ губерніяхъ смежныхъ съ Украйною называется та часть *цѣпа*, которая въ великороссійскихъ губерніяхъ именуется *молотиломъ*.

32) Пырокъ. Гладкая деревянная палочка въ поларшина, употребляемая крестьянами, промышляющими *лаптями* и *мочалами*, для сдиранія коры древесной.

33) **Старикъ.** Такъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Южной-Россіи называютъ грубое крестьянское сукно.

34) **Переѣздъ**, или *гонъ*. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ у насъ въ Россіи пахотная земля измѣряется переѣздами или гонами, имѣющими въ длину и ширину по 40 саженъ, т. е. 1600 кв. саженъ. *Косякъ* состоитъ изъ двухъ переѣздовъ или гоновъ. *Полоса* изъ четырехъ и болѣе.

35) **Шелевка** есть тонкая доска сосноваго или еловаго лѣса, такъ-называемая въ днѣпровской лѣсной торговлѣ. Обыкновенная ея мѣра въ длину 8 арш., въ ширину отъ 4 до 5 вершковъ, толщина $^1/_4$ вершка. Шелевка употребляется для покрышки кровель строенія и *для подшивки* нижней части кровли снаружи вокругъ стѣнъ строенія.

36) **Съ-топора.** Терминъ, порожденный варварствомъ нѣкоторыхъ лѣсохозяевъ, которые, будучи увлекаемы корыстью и временными выгодами, продаютъ на срубъ цѣлыя рощи, пускаютъ лѣсопромышлениковъ въ дачи свои «съ-топора», т. е. съ платою за каждаго рабочаго условленной, по извѣстному сроку, цѣны, предоставляя имъ изводить вѣковыя рощи строеваго и мачтоваго лѣса, какъ угодно, на выборъ, сколько могутъ срубить и свести до исхода срочнаго времени. Страшно подумать, какую порчу при этомъ производятъ работники лѣсопромышленика въ лѣсу, ломая и рубя подростки, обдирая кору, выпуская сокъ, часто для забавы, оставляя недорубленными слишкомъ-упорныя деревья, и проч. и проч. Годъ спустя послѣ рубки съ топора, лучшая лѣсная дача представляется опустошенною, наполненною *гнильцомъ* и *валежникомъ*.

37) **Постать.** Такъ называется мѣсто, назначенное каждой жницѣ при *жнитвѣ*.

38) **Віельгорка.** Такъ на Моршанской Пристани называется превосходная гречневая крупа, доставляемая на эту пристань изъ имѣнія графовъ Віельгорскихъ.

39) **Лядо,**—поле на выжженномъ нарочно мѣстѣ.

40) **Понитокъ.** Крестьянская льношерстяная матерія, употребляемая болѣе на лѣтнюю одежду. Понитки бываютъ или съ *основою* изъ овечьей шерсти, а *levкомъ посконнымъ*, или имѣютъ основу посконной пряжи, а утокъ шерстяной. На первые идетъ шерсти больше, но за то они теплѣе и носятся слишкомъ 3 года, а въ послѣднихъ шерсти меньше и они могутъ прослужить не болѣе двухъ лѣтъ,—разумѣется при ежедневномъ употребленіи. Сукно же носится отъ 5 до 6 лѣтъ.

41) Заказной лугъ есть такой лугъ, на который запрещено или «заказано» пускать скотину.

42) Дать стрѣлы значитъ то же, что провести малыя канавки при осушкѣ болота.

43) Творило,—родъ ямы, которой бока обиваются досками. Употребляется для растворенія глины во время построекъ. (*)

(*) Всѣ слова, напечатанныя здѣсь *курсивомъ*, войдутъ въ составъ «Словаря», хотя бы и были повторены въ статьяхъ о другихъ предметахъ.

О КОНСКИХЪ СКАЧКАХЪ И МѢРАХЪ ИСПЫТАНІЯ СКАКОВЫХЪ ЛОШАДЕЙ ВЪ-ОТНОШЕНІИ КЪ УЛУЧШЕНІЮ КОННОЗАВОДСТВА.

—

Англія достигла такой высокой степени относительно коннозаводства во всѣхъ его видахъ и подраздѣленіяхъ, что можно сказать утвердительно, еслибъ выдумано было какое-нибудь совершенно новое употребленіе для лошади — вѣрно для лучшаго исполненія этой службы нигдѣ нельзя будетъ найдти такой способной лошади, какъ въ Англіи. Такимъ превосходствомъ Англія обязана — скачкамъ. Вся Европа наконецъ согласилась, что только скачками можно споспѣшествовать усовершенствованію коннозаводства вообще, и потому за учрежденіе скачекъ усердно принялись во всѣхъ государствахъ.

Гдѣ идетъ дѣло объ улучшеніи, тамъ, конечно, необходимо безпрестанное сравнительное испытаніе для надлежащаго выбора и сортировки; но испытаніе *должно быть вѣрно соображено съ свойствами испытываемыхъ качествъ;* иначе цѣль не будетъ достигнута.

По исторіи коннозаводства въ Англіи, мы знаемъ, что со времени водворенія тамъ породы восточныхъ лошадей при Карлѣ II-мъ, впослѣдствіи королевскіе призы для скачекъ были учреждаемы на дистанціяхъ 4-хъ миль съ *перескачками*, при вѣсѣ въ 12 стонъ (4 пуда 26 фунт.). Мало-по-малу дистанціи и вѣсъ уменьшились; нынѣ самые интересные и главные призы: St. Leger, Darby, Oak, ньюмеркетскія подписки и пр. и пр., всѣ менѣе двухъ миль, и вѣсъ вообще сдѣлался несравненно легче. Явились люди въ самой Англіи, которые даже печатно вооружились, съ недавняго времени, противъ такихъ измѣненій, и стараются доказывать всѣми мѣрами, что нынѣшнія скаковыя лошади не могутъ носить большаго вѣса, ни служить на большихъ дистанціяхъ, слѣдовательно, дѣлаются лошадьми безполезными, ни къ чему болѣе неспособными, какъ только удовлетворять корыстолюбіе выигрывающихъ призы на дистанціяхъ одной мили, или съ половиною.

Конечно, Англичанамъ никакихъ мнѣній, ни словесныхъ, ни письменныхъ бояться не слѣдуетъ, потому-что всякія по этому предмету разсужденія ихъ однеземцевъ, — кто бы они ни были, — никакой перемѣны въ скачкахъ сдѣлать не могутъ; дѣло будетъ идти своимъ путемъ; ибо интересы, сопряженные въ Англіи со скачками, будутъ содержать ихъ всегда въ направленіи къ одной цѣли — къ произведенію быстроты, какая только возможна въ природѣ и которой границы еще неизвѣстны. Почему и конноводство англійское всегда останется на той степени превосходства, на которой стоитъ теперь; всѣ же выходки писателей, наводняющихъ нынѣ своими статьями періодическія изданія, со стороны знающихъ охотниковъ остаются и останутся безъ всякихъ отвѣтовъ.

Но что касается до насъ, Русскихъ, и другихъ Европейцевъ, то событія нынѣшняго года на нашихъ скачкахъ столь важны, что молчаніе со стороны того, кто имѣетъ по этой части нѣкоторыя свѣдѣнія и опытность, будетъ дѣломъ совершенно противъ *долга*, ибо можетъ повести къ заключеніямъ ошибочнымъ, и благое учрежденіе скачекъ не принесетъ той пользы, для которой назначено.

Къ намъ приведены были для скачекъ въ прошломъ году изъ Англіи лошади, конечно не первоклассныя, — такихъ и тамъ весьма немного, — но все же лошади прекрасныя, скакавшія въ Англіи хорошо. Можно утвердительно сказать, что весьма немногіе заводили у насъ въ Россіи и очень небольшое число получили изъ Англіи въ свои заводы (если получили?) такихъ кобылъ, какъ Лала-Рукъ, Ремеди, Маргонесъ, Жювеналь, Тиве и пр. Эти-то кобылы всѣ проиграли лошадямъ, у насъ рожденнымъ — да еще и изъ нашихъ далеко не первоклассныхъ (*), — проиграли рѣшительно на всѣхъ скачкахъ, даже оставались за флагомъ!.. Еслибъ наши лошади, такимъ образомъ ихъ оскакавшія, происходили изъ Англіи или Африки, можно бъ было еще думать, что онѣ выше ихъ въ достоинствахъ; но онѣ тоже англійскія и рождены отъ лошадей гораздо ниже тѣхъ, отъ которыхъ родились приведенныя: что жь должно думать о такомъ нашемъ превосходствѣ и чему слѣдуетъ приписать его?

Принимаясь объяснить это, я твердо увѣренъ и знаю, вмѣстѣ съ цѣлымъ свѣтомъ, что доказательства и писанія никогда и никого *своевременно* не убѣждали и не убѣдятъ; знаю, что убѣжденіе есть чадо горькаго опыта и родится въ одинъ день съ раскаяніемъ; но буду говорить по *долгу*, сколько на основаніи теоріи (которая, будучи порожденіемъ опытовъ вѣковыхъ, гораздо вѣрнѣе опыта одного,

---

(*) *Леда*, скакавъ много разъ, почти всегда была обскакана; *Вѣсточка* во всѣхъ своихъ скачкахъ не приходила ближе третьяго нумера. *Авторъ*.

двухъ и нѣсколькихъ), и вмѣстѣ съ тѣмъ укажу на факты, которые или укрываются отъ наблюденій, или видятся съ другой стороны.

Природа и содѣйствіе людей, чрезъ упражненіе и кормленіе, образовали въ-теченіе вѣковъ изъ лошадей дикихъ породы всѣхъ лошадей для служенія человѣку и помощи въ различныхъ трудахъ его (*); всякая лошадь можетъ возить на себѣ всадника и совершать съ нимъ значительныя дистанціи съ большею или меньшею скоростію. Но движеніе быстрое, выходящее изъ круга общей возможности, не иначе могло быть усвоено животному, какъ при особенномъ со стороны человѣка содѣйствіи натурѣ,—образованіемъ особенной конструкціи въ членахъ и во всемъ организмѣ. Такое перерожденіе, при содѣйствіи правильномъ и постоянномъ, могло произойдти только въ значительномъ періодѣ времени, ибо въ природѣ нѣтъ прыжковъ и быть не можетъ. Такъ порода борзыхъ собакъ получила *видимую* форму наружную для движеній быстрыхъ; но чѣмъ быстрота собаки сильнѣе, тѣмъ меньшую дистанцію совершить она можетъ: это извѣстно по весьма-уважаемымъ охотниками собакамъ русскимъ — *псовымъ*: онѣ гоняются за звѣремъ на весьма короткой дистанціи, но за то съ быстротою удивительною. Не должно думать, что у нихъ мало силы; напротивъ очень много; но эта сила тратится скоро, по скорости движенія, и мускулы ослабѣваютъ скоро отъ сильнаго напряженія, при совершеніи обширныхъ и часто повторяемыхъ маховъ,— ихъ скачки. Это непроложный законъ механики, подобно тому, какъ бочка, наполненная водою, въ провернутую скважину вытекаетъ долго; но вышибите изъ нея дно — вода выльется въ мгновеніе; а между-тѣмъ сумма воды, какъ сумма силы—все та же.

Англійскія скаковыя лошади нынѣшняго времени (говорю о лошадяхъ первоклассныхъ) тоже приняли форму особенную и весьма близкую «относительно» къ формамъ борзыхъ собакъ и другихъ быстроногихъ животныхъ: оленей, зайцевъ и проч. Достигали этого — вѣками.

Какъ же согласиться, послѣ этого, съ жалобами тѣхъ людей, которые горюютъ, говоря, что лучшіе скакуны ни къ чему нынѣ неспособны, кромѣ короткихъ, быстрыхъ скачекъ? Это все равно, что жаловаться на негодность бритвы, потому-что ею нельзя отрѣзать куска даже мягкаго хлѣба, не испортивъ ея совершенно; и слѣдуетъ ли по этому заключать, что сталь, изъ которой дѣлаются бритвы, хуже желѣза, изъ котораго куются плохіе ножи?

(*) См. книгу мою *О конныхъ ристаніяхъ и скаковыхъ лошадяхъ*. Москва. Въ типографіи А. Семена. 1824 года. *Авторъ*.

Лошадь высокой быстроты, скакунъ первоклассный, очень легко и почти непремѣнно должна проиграть скакуну гораздо-тупѣйшему, если дистанція будетъ *несообразна* съ средстами перваго. Причина очень ясна: скакунъ быстрый непремѣнно горячъ и неукротимъ. Если вы дадите ему въ скачкѣ свободу, онъ далеко уйдетъ отъ своего противника; но мѣра силъ его истощится на извѣстномъ пространствѣ, и тогда противникъ обойдетъ его; если же вы будете его удерживать, идучи вмѣстѣ съ противникомъ, чтобъ сберечь силу къ концу дистанціи, то онъ отъ пылкости измучится еще болѣе и даже скорѣе: сильно-удерживаемый въ поводьяхъ ѣздока, онъ, отъ нетерпѣливости, бьется въ нихъ точно звѣрь въ тенетахъ; и мнѣ случалось видѣть неоднократно, что удерживаемый такимъ образомъ скакунъ даже на короткой дистанціи до того приходилъ въ ярость, что, не сдѣлавъ ни одного порядочнаго маха, останавливался изнуренный, съ почернѣвшимъ языкомъ, и ему тотчасъ же должно было выпустить большое количество крови, чтобъ спасти жизнь.

Вотъ почему можно заключить, и, кажется, не безъ основанія, что превосходство нашихъ лошадей на скачкахъ есть превосходство такъ сказать—отрицательное.

Можетъ-быть, скажутъ, что *хоть быстрота и составляетъ качество рѣдкое и въ исполненіи трудное; но что такія лошади не могутъ имѣть полезнаго примѣненія.*

Послѣ рѣшенія вопроса о необходимости скачекъ для улучшенія коннозаводства, конечно, важнѣйшее дѣло состоитъ въ томъ, чтобъ опредѣлить, какихъ свойствъ должны быть скакуны для достиженія той цѣли? И это именно существенный вопросъ настоящаго времени. Я буду отвѣчать на него сколько возможно удовлетворительнѣе.

Всякое качество, составляя исключительную способность какого бы то ни было существа, самою ли натурою произведенное, или содѣйствіемъ человѣка возвышенное, должно быть поддерживаемо неукоснительно. Въ природѣ все если не возвышается, падаетъ: ничего нѣтъ въ состояніи пребывающемъ. Совершенствуя быстроту лошади, развивая ея органы въ удобнѣйшія для того формы и очертанія, вы въ то же время непремѣнно совершенствуете ея силу самымъ дѣятельнымъ образомъ, потому-что быстрое движеніе безъ огромныхъ силъ — невозможно ни въ какомъ механизмѣ. Въ Англіи убѣдились опытомъ, что, дѣйствуя на одну быстроту, которой проявленіе можетъ оказываться только при условіяхъ крѣпости и правильности всего организма, не нужно уже обращать вниманія ни на какую частность, потому-что природа лучше человѣка распредѣлитъ надлежащее равновѣсіе. Въ-самомъ-дѣлѣ, въ Англіи все остальное происходитъ въ избыткѣ само собою, безъ всякихъ попеченій. Тамъ мо-

жно найдти множество лошадей, которыя будутъ въ состояніи выиграть призъ на всякихъ дистанціяхъ и перескачкахъ, со всякимъ вѣсомъ(*). Можно найдти скакуновъ даже первостепенной рѣзвости, которые случайно родились съ нравомъ не пылкимъ, даже лѣнивымъ, и которые могутъ выиграть на всякихъ дистанціяхъ у лошадей отличныхъ; но соединеніе быстроты съ лѣностію хотя и рѣдкость, однакожь *противно* свойствамъ высокой породы, слѣдовательно *неуважительно*.

Превосходство англійскаго конnозаводства во всѣхъ сортахъ лошадей, столь много различествующихъ между собою, какъ въ формахъ, такъ и въ способностяхъ для разныхъ употребленій, передъ породами, находящимися въ остальной Европѣ, столь извѣстно, что не требуетъ удостовѣренія, — оно всѣми признано; между-тѣмъ, до учрежденія скачекъ, Англія для собственнаго употребленія покупала лошадей съ материка Европы. Этотъ переворотъ произошелъ вслѣдствіе той истины, что гдѣ стремятся достигнуть до *отличнаго*, тамъ хорошее и посредственное являются въ большомъ количествѣ сами-собою; гдѣ же, напротивъ, цѣлію достиженія будетъ *посредственное*, тамъ общность произведеній будетъ ниже посредственности.

Возьмемъ въ примѣръ овцеводство въ Саксоніи; тамъ все стараніе устремлено на произведеніе *тонкости руна;* собственно на этомъ качествѣ основано избраніе племенныхъ; ни на что прочее не обращается вниманія. Достоинство саксонской шерсти столько уважается, что она безпрестанно дорожаетъ на всѣхъ европейскихъ рынкахъ, и, не смотря на дороговизну тамошняго содержанія, даетъ хозяевамъ постоянный и значительный доходъ. Лучшая же овца супер-электа даетъ шерсти не болѣе *двухъ* фунтовъ съ половиною. Въ Россіи завели тонкорунныхъ овецъ изъ Саксоніи съ первыхъ овчарень; шерсти даютъ онѣ у насъ болѣе *четырехъ* фунтовъ; но овцеводы наши пришли къ тому, что, не смотря на извѣстную дешевизну нашего содержанія, всѣ терпятъ большіе убытки, ибо достоинство руна унизилось и шерсть не имѣетъ покупателей.

(*) Надобно вспомнить скачку Шарпера и Майны въ 1825 году изъ Петербурга въ Гатчину и обратно; надобно вспомнить всѣ случаи этой скачки и болѣе пуда лишняго вѣса, который несъ Шарперъ, — чтобъ согласиться въ необыкновенныхъ «по-видимому» достоинствахъ его; а потомъ справиться, какую степень уваженія имѣли Шарперъ и Майна въ Англіи? почитались ли они даже скакунами? Наконецъ, справиться у насъ: какого достоинства произвели они лошадей въ тѣхъ заводахъ, въ которые такъ давно поступили? Справедливые отвѣты по тѣмъ выправкамъ будутъ новымъ, опытнымъ доказательствомъ къ утвержденію мнѣній, которыя здѣсь излагаются. *Авторъ.*

Дистанціи скачекъ должны быть непремѣнно таковы, чтобъ могли служить испытаніемъ тѣхъ качествъ скакуновъ, которыя недоступны лошадямъ породъ низшихъ. Можно сказать смѣло, что даже и при надлежащемъ испытаніи много останется причинъ, на одну догадку и соображеніе охотниковъ, для заключенія о достоинствахъ лошади: различіе грунта скаковыхъ круговъ, атмосферическія перемѣны при разныхъ временахъ года, минутное расположеніе лошади отъ причинъ для насъ сокрытыхъ, неуловимыхъ, и тому подобное.

При теперешнихъ же нашихъ скачкахъ, мы безпрестанно слышимъ заключенія охотниковъ и весьма справедливыя; говорятъ: «такая-то лошадь должна была выиграть, но проиграла отъ неразсчета ѣздока, который или пошелъ очень-шибко сначала и изнурилъ лошадь, или долго удерживалъ и не успѣлъ, и проч.» Будучи очевидцемъ скачки, *знатокъ* можетъ еще нѣкоторымъ образомъ отличить лошадь лучшую, хотя и проигравшую (что́, однакоже, сбивчиво); но кто читаетъ только календари, тотъ видитъ и знаетъ одно: лошади *a, b, c* были обскаканы лошадью *d*; слѣдовательно, лошадь *d* лучшая. Справедливость такихъ случаевъ, весьма часто у насъ на скачкахъ повторяющихся, ясно показываетъ, что цѣль испытанія недостигнута, что на нашихъ скачкахъ скорѣе узнается мастерство и соображеніе ѣздока, нежели достоинство лошади. Потому-то слѣдуетъ положительно знать, какая должна быть мѣра скачки, чтобъ испытывать скакуновъ въ настоящихъ качествахъ, такимъ образомъ, чтобъ съ наименьшею ошибочностію видѣть достоинства, составляющія сущность для избранія племенныхъ.

Для этого должно опредѣлить, какія необходимыя условія въ строеніи лучшаго скакуна. Первое его отличіе есть особенное устроеніе легкихъ, и возможность переводить дыханіе, при удушающемъ вращеніи крови во время *конечной* быстроты движенія (*). Очевидно, примѣтить такое строеніе легкихъ можно только при движеніи *послѣдней* возможности, производящемъ вращеніе крови удушающее. Лошадь, организованная въ этомъ отношеніи лучше другой, будетъ первенствовать; но если онѣ обѣ поскачутъ 10 или 20 верстъ галопомъ, никакой разницы въ устроеніи ихъ замѣчено не будетъ. — Второе качество скакуна состоитъ въ правильномъ механизмѣ и равновѣсіи частей, для того, чтобъ онъ дѣлалъ во время скачки сколь-возможно обширнѣйшіе махи. Опять видно, что о до-

---

(*) См. «Отечественныя Записки» 1840 года, книжка 2-я *О Конюзаводствѣ и Скачкахъ, статья 1-я. — Авторъ.*

стоинствѣ маха можно судить тогда только, когда онъ вытянутъ весь. Лошадь, которую удерживаютъ хоть сколько-нибудь, не можетъ показать настоящаго своего маха. — Третье качество есть упругость и растяжимость мускуловъ, отъ которыхъ зависитъ *одинаковость* продолженія маховъ во времени, слѣдовательно, и въ дистанціи скачки.

Нѣтъ сомнѣнія, что сила мускуловъ можетъ оказать свою *мѣру* только въ состояніи *конечнаго* напряженія; движеніе же, въ которомъ та сила будетъ напрягаема не до послѣдней возможности, показать намъ ничего не можетъ. Но какъ механизмъ маха скакуна, такъ и упругость его мускуловъ не могутъ быть даже проявлены иначе, какъ *пропорціонально* устроенію дыханія, то главный предметъ испытанія есть — дыханіе. Только при его совершенствѣ могутъ быть обсуживаемы достоинства маха и силы мускуловъ. Для опредѣленія времени къ испытанію дыханія мы не можемъ принять никакой теоріи; слѣдовательно, оно должно быть опредѣлено эмпирически.

Лучшіе доселѣ извѣстные скакуны въ Англіи, будучи пущены во весь возможный махъ, не могли продолжать его болѣе *двухъ минутъ*. Махъ измѣнялся, дыханіе затруднялось, лошади нужно было вздохнуть свободно.

Махъ скакуна (какъ извѣстно донынѣ) имѣетъ мѣрою отъ 9 до 10 аршинъ и повторяется въ секунду отъ двухъ разъ съ четвертью до двухъ съ половиною; разумѣется, обширнѣйшій махъ повторяется рѣже меньшаго; но какъ въ томъ, такъ и въ другомъ случаѣ оказывается, что лошадь въ двѣ минуты можетъ пройдти до 900 саженъ. Такая быстрота по опытамъ — настоящая мѣра хорошаго скакуна, слѣдовательно и настоящая дистанція для испытательныхъ скачекъ. А какъ лошади никогда не могутъ быть пущены въ скачку съ мѣста, при понужденіи бича или шпоръ, то слѣдуетъ на начальный махъ прибавить къ дистанціи отъ 100 до 200 саженей.

Назначивъ настоящую дистанцію для испытанія скакуновъ, необходимо должно опредѣлить тотъ возрастъ, въ которомъ лошадь должна находиться въ лучшемъ и способнѣйшемъ положеніи для безошибочнаго испытанія (сколько то возможно). Для сего возьмемъ за основаніе возрастъ человѣка, котораго физическія градаціи для насъ понятнѣе и виднѣе. Отъ 18 до 20 лѣтъ юноша, конечно, находится въ самой счастливой порѣ для упражненій гимнастическихъ и для наилучшаго проявленія въ нихъ своихъ способностей: совершившееся развитіе всѣхъ членовъ, лучшій составъ крови и, главное — юношеская живость и веселость, побуждающая, какъ извѣст-

но, молодаго человѣка къ безпрестанному, «неугомонному» движенію и всякимъ гимнастическимъ шалостямъ, кажется, не допустятъ противъ этого никакихъ возраженій. Однако полное развитіе физическаго человѣка совершается въ *двадцать-восемь* лѣтъ: тогда вырастаютъ послѣдніе зубы. Этому возрасту человѣка соотвѣтственный возрастъ лошади — *пять* лѣтъ: тогда тоже всѣ зубы выростаютъ у лошади. Пропорція покажетъ, что двадцать-восемь къ пяти содержатся какъ восьмнадцать или двадцать къ тремъ, или къ тремъ съ половиною; слѣдовательно, настоящая пора лошади, самая способная для испытанія, наступаетъ по минованіи ей трехъ лѣтъ. А какъ скачка есть только *испытаніе* лошади, но совсѣмъ не *назначеніе* ея, то трехлѣтній возрастъ является для того опять удобнѣйшимъ, потому-что для настоящаго своего назначенія (службы или приплода) лошадь еще недовольно созрѣла.

Что же касается до занятій выдержкою и скачками лошадей старѣе трехъ лѣтъ, то и я скажу, что «это дѣло, кромѣ удовлетворенія корысти выигрывающихъ призы, не служитъ совершенно ни къ чему; вредно же во многихъ отношеніяхъ»:

Первое. Оно становится великимъ препятствіемъ для охотниковъ въ занятіи выдержкою *всѣхъ* своихъ трехлѣтковъ; ибо, занимаясь преимущественно лошадьми старшими (по интересности для нихъ призовъ), онъ не можетъ заниматься первыми: всякому извѣстно, что экипировка скакуновъ есть вещь не бездѣльная; а количество ѣздовыхъ мальчиковъ еще затруднительнѣе; почему большая часть трехлѣтнихъ лошадей и остается безъ испытанія, ко вреду самихъ заводчиковъ и коннозаводства вообще.

Второе. Лошади не могутъ отправлять ту службу, которую могли бы отправлять съ четырехлѣтняго возраста, *по истинному ея назначенію.*

Третье. Лошадь, находящаяся въ выдержкѣ и скачкѣ нѣсколько лѣтъ, непремѣнно будетъ разбита, или чѣмъ-нибудь повреждена, слѣдовательно, не только для службы, но и для завода погибла, особенно если это кобыла.

Четвертое. Кончивъ скачку въ три года, лошади отличныя обоихъ половъ поступаютъ съ пользою въ заводы; ибо, будучи не изнурены и неиспорчены, принесутъ несомнѣнную пользу коннозаводству, а прочія поступятъ на службу и сдѣлаются лошадьми отличными, потому-что въ четыре года могутъ съ вѣрными надеждами идти и въ манежную ѣзду, и во всякое употребленіе. Если жь лошадь въ четыре года (чѣмъ далѣе, тѣмъ хуже) находилась въ выдержкѣ и скачкахъ, то хотя бы и совершенно ничѣмъ не повредилась, одна-

кожъ *для ѣзды манежной погибла, ибо заматерѣла* въ упражненіи противномъ и на новое дѣло приспособить ее, безъ значительнаго поврежденія и ослабленія ея силъ—трудно, если не совсѣмъ невозможно.

Англійскіе охотники пришли къ тому почти двух-вѣковою опытностію:—главнѣйшія скачки, по которымъ цѣнятся и уважаются скакуны первоклассные, совершаются, какъ извѣстно, въ возрастѣ трехлѣтнемъ, на дистанціяхъ отъ одной до полуторы мили; перескачекъ и другихъ напрасныхъ изнуреній—никакихъ нѣтъ.

Такое испытаніе весьма рѣдко подвергаетъ англійскихъ заводчиковъ ошибкамъ при выборѣ. Лошади выигравшія: Darby, St. Leger, Oak, подписки ньюмеркетскія — всѣ въ трехлѣтнемъ возрастѣ, цѣнятся высоко; и не смотря на то, что въ четыре года и пять лѣтъ онѣ бываютъ обскаканы другими лошадьми, которыя трехлѣтними не были вовсе извѣстны, но поступаютъ въ заводы много предпочтительнѣе предъ послѣдними—своими побѣдителями, и такое предпочтеніе, можно сказать, всегда было оправдано на опытѣ достоинствомъ потомства.

Скачка въ возрастѣ трехлѣтнемъ имѣетъ еще одно важное преимущество — *безошибочность* испытанія противъ лошадей старшихъ: это развитіе способности *репродуктивной.* У трехлѣтнихъ она еще такъ слаба, что не можетъ служить препятствіемъ ни въ приготовительныхъ трудахъ, ни въ самой скачкѣ. Въ четыре же и пять лѣтъ, при сильныхъ упражненіяхъ, потнѣніяхъ и разгоряченіи крови, она не только можетъ быть весьма-часто причиною того, что отличная лошадь будетъ легко обскакана плохими, но даже дѣйствовать пагубно на ея здоровье во всю жизнь ея.

Въ Англіи, съ нѣкотораго времени, начали умножаться скачки на лошадяхъ двухлѣтнихъ. Такія скачки подвергаются особенному порицанію и почитаются вредными для коннозаводства отъ тѣхъ непризванныхъ судей, которые вооружаются противъ короткихъ дистанцій. Я опять повторяю, что скачка есть *испытаніе*, а не служба, которая должна быть *назначеніемъ* лошади; слѣдовательно, скачки въ двухлѣтнемъ возрастѣ (соразмѣренныя во всѣхъ отношеніяхъ съ ихъ силами) точно такъ же вредны, какъ гимнастическіе классы въ воспитательныхъ заведеніяхъ.

Относительно *вѣса*, тѣ же самые Англичане, которые охуждаютъ свое коннозаводство, говорятъ очень-много противъ легкаго вѣса; нѣкоторые сказали, что скаковыя лошади скоро дойдутъ до того, что на нихъ ѣздить можно будетъ только — дѣтямъ!.. Это мнѣніе, кажется, такъ же нелѣпо, какъ утверждать, что если на колокольнѣ не будутъ вѣшать *большихъ* колоколовъ, то она чрезъ нѣ-

коруннывхъ, мы поравняемся въ конноэаводствѣ съ Англіею, а можетъ-быть и превзойдемъ, если почва и климатъ помогутъ намъ, при нашемъ правильномъ содѣйствіи дѣлу. Тогда обнаружится вообще та польза, которой ожидаютъ отъ нашихъ усилій.

П. МЯСНОВЪ.

Село Лобынское.

V.

КРИТИКА.

ДРЕВНІЯ РОССІЙСКІЯ СТИХОТВОРЕНІЯ, *собранныя* Киршею Даниловымъ, *и вторично изданныя. Москва. 1818.*

ДРЕВНІЯ РУССКІЯ СТИХОТВОРЕНІЯ (,) *служащія въ дополненіе (дополненіемъ?) къ* Киршѣ Данилова *(у?). Собранныя* М. Сухановымъ. *Санктпетербургъ. 1840.*

СКАЗАНІЯ РУССКАГО НАРОДА, *собранныя* И. Сахаровымъ. *Т. I. Кн. 1. 2. 3. 4. Изданіе третіе. Санктпетербургъ. 1841.*

РУССКІЯ НАРОДНЫЯ СКАЗКИ. *Часть I. Санктпетербургъ. 1841.*

Статья III.

—

Поэзія всякаго народа находится въ тѣсномъ соотношеніи съ его исторіею: въ поэзіи и въ исторіи равнымъ образомъ заключается таинственная психея народа, и потому его исторія можетъ объясняться поэзіею, а поэзія исторіею. Мы разумѣемъ здѣсь внутреннюю исторію народа, которою объясняются внѣшнія и случайныя событія въ его жизни. Но какъ есть народы, существовавшіе только внѣшнимъ образомъ, то ихъ поэзія можетъ служить не объясненіемъ ихъ исторіи, а только объясненіемъ ничтожества ихъ исторіи. Источникъ внутренней исторіи народа заключается въ его «міросозерцаніи», или его непосредственномъ взглядѣ на міръ и тайну бытія. Міросозерцаніе народа высказывается прежде всего въ его религіозныхъ миѳахъ. На этой точкѣ, обыкновенно, поэзія слита съ религіею, и жрецъ есть или поэтъ, или истолкователь миѳическихъ поэмъ. Естественно, эти поэмы самыя древнѣйшія. Въ вѣкъ героизма, поэзія начинаетъ отдѣляться отъ религіи и составляетъ особую, болѣе независимую область народнаго сознанія. За героическимъ періодомъ жизни народа слѣдуетъ періодъ гражданской и семейной жизни. На этой точкѣ поэзія дѣлается вполнѣ самостоятельною областію народнаго сознанія, переходитъ въ дѣйствительную жизнь, начинаетъ совпадать съ прозою жизни, изъ поэмы становится романомъ, изъ гимна пѣснію; тогда же возникаетъ и драма, какъ трагедія и комедія. Въ послѣднемъ періодѣ, поэзія изъ естественной или народной дѣлается художественною. Если же народъ, переживъ миѳическій и героическій періодъ своей жизни, не пробуждается

къ сознанію и переходитъ не въ гражданственность, основанную на разумномъ развитіи, а въ общественность, основанную на преданіи, и остается въ естественной безсознательности семейнаго быта и патріархальныхъ отношеній,—тогда у него не можетъ быть художественной поэзіи, не можетъ быть ни романа, ни драмы. Эпопею его составляютъ сказка и историческая пѣсня, которой характеръ, по-большой-части, опять-таки сказочный. Сравненіе казацкихъ-малороссійскихъ пѣсень съ русскими историческими пѣснями лучше всего подтверждаетъ нашу мысль: характеръ первыхъ — поэтически-историческій; характеръ вторыхъ, какъ мы увидимъ далѣе, чисто-сказочный, и притомъ больше прозаическій, чѣмъ поэтическій. Лирическая поэзія всякаго, хоть бы и гражданскаго, но еще несознавшаго себя общества, состоитъ только въ пѣсни—простодушномъ изліяніи горя или радости сердца, въ тѣсномъ и ограниченномъ кругу общественныхъ и семейныхъ отношеній. Это или жалоба женщины, разлученной съ милымъ сердца и насильно выданной за немилаго и постылаго, тоска по родинѣ, заключающейся въ родномъ домѣ и родномъ селѣ, ропоть на чужбину, на варварское обращеніе мужа и свекрови. Если герой пѣсни мужчина, тогда—воспоминаніе о милой, ненависть къ женѣ, или ропотъ на горькую долю молодецкую, или звуки дикаго, отчаяннаго веселія — насильственный мгновенный выходъ изъ рвущей душу тяжелой тоски. Таково, по-большей-части, содержаніе всѣхъ русскихъ народныхъ пѣсень. Это содержаніе почти-всегда одно и то же; разнообразія и оттѣнковъ чувства нѣтъ, а мысль вся заключается въ монотонномъ и простодушномъ чувствѣ. Такая поэзія лучше самой исторіи свидѣтельствуетъ о внутреннемъ бытѣ народа, можетъ служить мѣркою его гражданственности, повѣркою его человѣчности, зеркаломъ его духа. Такая поэзія нѣма и безполезна для людей чуждой націи, и понятна только для того народа, въ которомъ родилась она, — подобно безсвязному лепету младенца, понятному и разумному только для любящей его матери.

Въ миѳической и героической поэзіи народа заключается субстанція его духа, по которой, какъ по данному факту, можно судить о томъ, чѣмъ будетъ народъ, *что* и *какъ* можетъ изъ него развиться въ-послѣдствіи. Здѣсь слова «что́ и «ка́къ» показываютъ историческую судьбу народа: такъ, напримѣръ, мы увидимъ ниже, что изъ памятниковъ русской народной поэзіи можно доказать великій и могучій духъ народа... Вся наша народная поэзія есть живое свидѣтельство безконечной силы духа, которому надлежало однакожь быть возбужденну извнѣ. Отсюда понятно, почему величайшій представитель русскаго духа—Петръ-Великій, совершенно отрывая свой народъ отъ его прошедшаго, стремясь сдѣлать изъ него совсѣмъ другой народъ, все-таки провидѣлъ въ немъ великую націю и не вотще пророчествовалъ о ея великомъ назначеніи въ будущемъ. Отсюда же понятно, почему величайшій и по-преимуществу національный русскій поэтъ —Пушкинъ, воспиталъ свою музу не на материнскомъ лонѣ народной поэзіи, а на европейской почвѣ, былъ приготовленъ не «Словомъ о Пълку Игоревомъ», не сказочными поэмами Кирши Данилова, не простонародными пѣснями, а Ломоносовымъ, Державинымъ, Фонвизинымъ, Богдановичемъ, Крыловымъ, Озеровымъ, Карамзинымъ, Дмитріевымъ, Жуковскимъ и Батюшковымъ—писателями и

поэтами подражательными и нисколько не національными, за исключеніемъ одного Крылова, котораго басни, будучи національными, все-таки не суть вполнѣ самобытное явленіе, ибо ихъ образцы найдены Крыловымъ не въ народной поэзіи, а у Француза Лафонтена. Такова естественная поэзія всѣхъ славянскихъ племенъ: богатая чувствомъ и выраженіемъ, она бѣдна содержаніемъ, чужда элементовъ *общаго*, и потому не могла сама собою развиться въ художественную поэзію. Если Русскіе, и, можетъ-быть, еще Чехи, могутъ гордиться нѣсколькими великими или примѣчательными поэтическими именами, — они первоначально обязаны этимъ соприкосновенности своей исторіи къ исторіи Европы и усвоеннымъ у Европы элементамъ жизни. Прочія славянскія племена — Болгары, Сербы, Далматы, Иллирійцы и другія, остались при одной народной поэзіи, которая безсильна возвыситься на степень художественной. Что же касается до Малороссіянъ, то смѣшно и думать, чтобъ изъ ихъ, впрочемъ прекрасной, народной поэзіи могло теперь что-нибудь развиться: изъ нея не только ничего не можетъ развиться, но и сама она остановилась еще со временъ Петра-Великаго; двинуть ее возможно тогда только, когда лучшая, благороднѣйшая часть малороссійскаго населенія оставитъ французскую кадриль и снова прійметася плясать тропака и гопака, фракъ и сюртукъ перемѣнитъ на жупанъ и свитку, выбрѣетъ голову, отпустивъ оселедецъ, — словомъ, изъ состоянія цивилизаціи, образованности и человѣчности (пріобрѣтеніемъ которыхъ Малороссія обязана соединенію съ Россіею) снова обратится къ прежнему варварству и невѣжеству. Литературнымъ языкомъ Малороссіянъ долженъ быть языкъ ихъ образованнаго общества — языкъ русскій. Если въ Малороссіи и можетъ явиться великій поэтъ, то не иначе, какъ подъ условіемъ, чтобъ онъ былъ русскимъ поэтомъ, сыномъ Россіи, горячо принимающимъ къ сердцу ея интересы, страдающимъ ея страданіемъ, радующимся ея радостію. Племя можетъ имѣть только народныя пѣсни, но не можетъ имѣть поэтовъ, а тѣмъ менѣе великихъ поэтовъ: великіе поэты являются только у великихъ націй, а что за нація безъ великаго и самобытнаго политическаго значенія? Живое доказательство этой истины въ Гоголѣ: въ его поэзіи много чисто-малороссійскихъ элементовъ, какихъ нѣтъ и быть не можетъ въ русской; но кто же назоветъ его малороссійскимъ поэтомъ? Равнымъ образомъ, не прихоть и не случайность заставили его писать по-русски, не по-малороссійски, но глубоко-разумная внутренняя причина, — чему лучшимъ доказательствомъ можетъ служить то, что на малороссійскій языкъ нельзя перевести даже «Тараса Бульбу», не только «Невскаго Проспекта». Правда, содержаніе «Тараса Бульбы» взято изъ сферы народной жизни, но въ немъ авторъ не былъ поглощенъ своимъ предметомъ: онъ былъ выше его, владычествовалъ надъ нимъ, видѣлъ его не въ себѣ, а передъ собою, и потому во многихъ мѣстахъ его разсказа замѣтенъ его личный взглядъ, его субъективное воззрѣніе; — эти-то мѣста и нельзя передать на малороссійское нарѣчіе, не опростонародивъ, такъ-сказать, не омужичивъ ихъ, — не говоримъ уже о томъ, что вся повѣсть, исключая разговоровъ дѣйствующихъ лицъ, написана литературнымъ языкомъ, какимъ никогда не можетъ быть языкъ малороссійскій, сдѣлавшійся теперь провинціальнымъ и простонароднымъ нарѣчіемъ.

Мы сказали, что племя, *или даже* народъ, еще не пробудившійся изъ естественнаго состоянія къ самосознанію, можетъ имѣть только народныя поэмы и пѣсни, но не можетъ имѣть поэтовъ, а тѣмъ болѣе—великихъ поэтовъ. Истина этого положенія доказывается самыми фактами. Кромѣ Грековъ, которые, по причинамъ, изложеннымъ нами во второй статьѣ, не могутъ служить примѣромъ, когда дѣло идетъ о чисто-народной (въ смыслѣ естественной, непосредственной) поэзіи,—кромѣ Грековъ, у всѣхъ народовъ или мало извѣстны, или и совсѣмъ неизвѣстны творцы народныхъ произведеній; но вездѣ самъ народъ является ихъ творцомъ. Разумѣется, всякое отдѣльное народное произведеніе было обязано своимъ началомъ одному лицу, которое, съ горя или съ радости, вдругъ запѣло его; но, во-первыхъ, это лицо, сочинивъ, или, говоря его собственнымъ языкомъ, *сложивъ* пѣсню, само не знало, что оно—поэтъ, и смотрѣло на свое дѣло не какъ на дѣло, а скорѣе какъ на бездѣлье отъ нѣчего-дѣлать; во-вторыхъ, пѣсня, переходя изъ устъ въ уста, претерпѣвала много измѣненій, то увеличиваясь, то убавляясь, то улучшаясь, то искажаясь, смотря по степени присутствія или отсутствія поэтическаго чувства въ пѣвшихъ ее. Если у народа нѣтъ письменъ,—его поэтическія произведенія по-необходимости хранятся въ народной памяти и изустно передаются отъ поколѣнія къ поколѣнію; если у народа есть письмена,—его поэтическія произведенія опять-таки хранятся въ памяти и живутъ въ устахъ его потому-что народъ, невозросшій до самопознанія, почитаетъ униженіемъ для высокаго искусства писанія заниматься «пересыпаньемъ изъ пустаго въ порожнее», т. е. поэзіею. Такъ, по-крайней-мѣрѣ, было на Руси, хотя и не такъ было даже у восточныхъ народовъ—Гиндусовъ, Арабовъ, Персовъ, Китайцевъ и другихъ. Какія бы ни были причины этого явленія, но авторомъ русской народной поэзіи является самъ русскій народъ, а не отдѣльныя его лица,—и скудная сокровищница его произведеній состоитъ большею частію изъ безчисленныхъ варіантовъ слишкомъ-немногихъ текстовъ. Обратимся къ нимъ и начнемъ съ эпическихъ произведеній.

Эпическія поэмы бываютъ трехъ родовъ: *космогоническія* и *миѳическія*, въ которыхъ выражается непосредственное воззрѣніе народа на происхожденіе міра, религіозныя и философическія созерцанія; *сказочныя*, въ которыхъ видна особенность народной фантазіи, и которыя составляютъ эхо баснословно - героическаго быта младенчествующаго народа, и *историческія*, въ которыхъ хранятся поэтическія преданія объ исторической жизни народа, уже ставшаго государствомъ. Первыхъ, т. е. *космогоническихъ* и *миѳическихъ*, у насъ нѣтъ почти совсѣмъ, а если бъ что̀ въ этомъ родѣ и нашлось со-временемъ, такъ едва ли сто̀итъ вниманія. Причина очевидна: миѳологія всѣхъ Славянъ вообще, особенно сѣверо-восточныхъ, играла въ ихъ жизни слишкомъ-незначительную роль. Одно слово великаго князя кіевскаго могло въ одинъ день и навсегда уничтожить наше язычество. Его подданные какъ-будто чувствовали, что не̂ изъ чего хлопотать и не̂ за что стоять,—а всѣ люди ужь такъ созданы, что изъ ничего и не бьются. Хотя г. Сахаровъ въ своей книгѣ «Сказанія Русскаго Народа» и сильно возстаетъ противъ *Гизеля*, *Попова*, *Чулкова*, *Глинки* и *Кайсарова* за искаженіе славяно-русской миѳологіи; но его, впрочемъ энергическое, возстаніе

доказываетъ только, что совершенно нé изъ чего и нé за что было возставать. Г. Сахаровъ признаетъ истинными славянскими богами только тѣхъ, о которыхъ упоминается въ хроникѣ Нестора, а въ ней упоминается, и то вскользь, мимоходомъ, только о семи богахъ (*Перунѣ, Волосѣ, Даждьбогѣ, Стрибогѣ, Семерглѣ, Хресѣ* и *Мокошѣ*), почти безъ всякаго объясненія ихъ значенія, аттрибутовъ, обрядовъ богослуженія, и пр. Г. Сахаровъ ожидаетъ отъ будущихъ трудовъ нашихъ археологовъ великихъ открытій и поясненій касательно славянской миѳологіи: чтó касается до насъ, мы ровно ничего не ожидаемъ, по самой простой причинѣ: археологія прекрасная наука, но безъ данныхъ, безъ фактовъ, она рѣшительно ни къ чему не служитъ, потому-что какъ ни мудрите, а изъ ничего не добьетесь ничего... Итакъ, этотъ предметъ въ сторону:— на нѣтъ и суда нѣтъ; а если когда чтó найдется, такъ мы тогда и поговоримъ.

Древнѣйшій памятникъ русской народной поэзіи въ эпическомъ родѣ есть, безъ сомнѣнія, «Слово о Пълку Игоревѣ». Хоть извѣстно нѣсколько сказокъ, въ которыхъ упоминается о великомъ князѣ Владимірѣ-*красномъ солнышкѣ*, о его знаменитыхъ богатыряхъ — *Добрынѣ, Ильѣ Муромцѣ, Алешѣ Поповичѣ* и пр., но эти сказки явно сложены въ гораздо-позднѣйшее время, послѣ татарскаго владычества: въ нихъ нѣтъ ни малѣйшаго признака язычества, которое, каково бы оно ни было, не могло же не отразиться хоть внѣшнимъ образомъ въ современной ему эпохѣ, когда христіанство еще не успѣло утвердиться въ народѣ. Въ этихъ же сказкахъ незамѣтно ни малѣйшей смѣси языческихъ понятій съ христіанскими. Мало этого: духъ и тонъ этихъ сказокъ явно отзываются новѣйшимъ временемъ, когда Русь была уже переплавлена горниломъ татарскаго ига въ единое государство. Какая-то *провинціальность* въ выраженіи, простонародность въ чувствахъ и поговоркахъ царствуетъ въ этихъ сказкахъ. Ничего этого нѣтъ и тѣни въ «Словѣ о Пълку Игоревѣ»: это произведеніе явно современное воспѣтому въ немъ событію, и носитъ на себѣ отпечатокъ поэтическаго и человѣчнаго духа Южной Руси, еще незнавшей варварскаго ярма татарщины, чуждой грубости и дикости Сѣверной Руси. Въ «Словѣ» еще замѣтно вліяніе поэзіи языческаго быта; изложеніе его болѣе историческо-поэтическое, чѣмъ сказочное, не отличаясь особенною стройностію въ повѣствованіи, оно отличается благородствомъ тона и языка. Понятно, кáкъ нѣкоторымъ могла прійдти въ голову мысль, что это произведеніе есть поддѣлка въ родѣ оссіановыхъ поэмъ: въ немъ боярыни не пьютъ зелена вина, не бьютъ другъ друга; нѣтъ площадныхъ выраженій, нѣтъ чудовищныхъ óбразовъ, нѣтъ признаковъ тѣхъ грубо-мѣщанскихъ обычаевъ, которыми преисполненъ сборникъ Кирши Данилова.

«Слово о Пълку Игоревѣ» подало поводъ къ жестокой войнѣ между нашими археологами и любителями древности: одни видятъ въ немъ дивное произведеніе поэзіи, великую поэму, благодаря которой намъ нéчего завидовать «Иліадѣ» Грековъ; другіе отвергаютъ древность его происхожденія, видятъ въ немъ позднѣйшее и притомъ поддѣльное произведеніе; третьи не видятъ въ «Словѣ» никакого поэтическаго достоинства. Чтò касается до насъ, мы рѣшительно несогласны ни съ тѣми, ни съ другими. «Слово о Пълку Игоревѣ» такъ же похоже на «Иліаду», какъ Славяне его времени

на Грековъ, а Игорь и Всеволодъ на Ахилла и Патрокла. Пѣвца «Слова» такъ же нельзя равнять съ Гомеромъ, какъ пастуха, прекрасно играющаго на рожкѣ, нельзя равнять съ Моцартомъ и Бетховеномъ. Но тѣмъ не менѣе это —прекрасный, благоухающій цвѣтокъ славянской народной поэзіи, достойный вниманія, памяти и уваженія. Что же касается до того, точно ли «Слово» принадлежитъ XII или XIII вѣку, и не поддѣльно ли оно — объ этомъ странно и спрашивать: на подобные вопросы сама поэма лучше всего отвѣчаетъ, и вольно же скептикамъ судить о ней по разнымъ внѣшнимъ соображеніямъ, а не на основаніи самой поэмы!

Очень жаль, что, имѣя «Слово о Пълку Игоревѣ» вполнѣ, мы должны читать его отрывками, потому-что многія мѣста его искажены писцомъ до безсмыслицы, а нѣкоторыя темны потому, что относятся къ такимъ современнымъ обстоятельствамъ, которыя вовсе непонятны для Русскихъ XIX вѣка. Да и притомъ, кто поручится, что въ единственной найденной рукописи «Слова» не пропущены цѣлыя мѣста? Кому случалось читать въ рукописяхъ ходячія по рукамъ поэмы Пушкина, тотъ не будетъ удивляться искаженію «Слова» какимъ-нибудь безграмотнымъ и невѣжественнымъ писцомъ XIV-го или XV-го вѣка. Если по одному изъ подобныхъ списковъ надо было возстановить черезъ два столѣтія текстъ, на-пр., хоть «Кавказскаго Плѣнника», то возстановитель принужденъ былъ бъ отказаться отъ такого несовершимаго подвига. А что безсмыслицы и темноты «Слова о Пълку Игоревѣ» принадлежатъ не его автору, а писцу—неопровержимымъ доказательствомъ этому служатъ поэтическія красоты въ подробностяхъ и интересъ цѣлаго повѣствованія поэмы. Но возстановить текста нѣтъ никакой возможности: для этого необходимо имѣть нѣсколько рукописей, которыя можно было бы сличить. Хоть наши любители русской старины не только пытались объяснить и переводить сомнительныя мѣста въ поэмѣ, но и остались въ увѣренности, что успѣли въ этомъ, однакожь, мы тѣмъ не менѣе должны отказаться отъ мысли видѣть въ «Словѣ» полное и цѣлое сочиненіе. Для доказательства справедливости нашей мысли, приводимъ здѣсь значительную часть безсмыслицъ и темнотъ.

Помняшеть бо нрвыхъ временъ усобицѣ; тогда пущашеть 10 соколовъ на стадо лебедей который дотечаше, то преди пѣснь пояше, старому Ярославу, храброму Мстиславу, иже зарѣза Редедю предъ пълки касожьскыми, красному Романови Святъсловличю.

Въ первомъ изданіи 1800 года «Слова о Пълку Игоревѣ» это мѣсто переведено такъ: «Памятно намъ по древнимъ преданіямъ, что повѣдая о какомъ-либо сраженіи, примѣняли оное къ десяти соколамъ, на стадо лебедей пущеннымъ: чей соколъ скорѣе долеталъ, тому прежде и рѣчь начиналася, либо старому Ярославу, либо храброму Мстиславу, поразившему Редедю передъ полками косожскими, или красному Роману Святославличу». Очевидно, что это переводъ произвольный, основанный на неудачной догадкѣ,—переводъ мысли, которой нѣтъ въ текстѣ; къ-тому же, въ этомъ переводѣ нѣтъ логическаго смысла, хотя и есть смыслъ грамматическій. Другой толкователь, передѣлавшій «Слово» въ реторическую поэму, наподобіе «Гонзальва Кордуанскаго» или «Кадма и Гармоніи», объясняетъ это мѣсто съ большею основательностію, но все-таки произвольно,—и если въ его переводѣ есть смыслъ, за то текстъ все-таки остается безъ смыслу. Вотъ

его переводъ: «Изъ древнихъ преданій извѣстно намъ, какимъ образомъ *славные во браняхъ князья и полководцы* рѣшали состязаніе свое о преимуществѣ. Десять мужей выѣзжали на чистое поле, каждый съ соколомъ въ рукѣ; они пускали ихъ на стадо лебединое: чей соколъ скорѣе долеталъ, тотъ и первенство одерживалъ, тому и пѣснь воспѣвалася, либо старому Ярославу, либо храброму Мстиславу, поразившему Реледю предъ полками косожскими, либо благозрачному Роману Святославичу».

Тогда Игорь възрѣ на свѣтлое солнце и видѣ отъ него тьмою вся своя вои прикрыты...

Переводъ: «Тогда взглянулъ онъ на солнце свѣтлое, и увидѣвъ мракомъ покрытое все войско свое, произнесъ...» Толкователь: «Но Игорь пребываетъ непоколебимъ въ намѣреніи своемъ; не устрашаетъ его *грозное чело нахмуренной природы*...» Текстъ стоитъ перевода, и переводы стòятъ текста!..

Спала князю умь похоти, и жалость ему знаменіе заступи, искусити Дону великаго.

Переводъ: «Пришло князю на мысль пренебречь худое предвѣщаніе и извѣдать счастья на Дону Великомъ». Толкователь совершенно измѣнилъ это мѣсто, передѣлавъ его въ высокопарную шумиху словъ и фразъ.

Солнце ему тъмою путь заступаше.

Переводъ: «Солнце своимъ затмѣніемъ преграждаетъ путь ему». Толкователь: «помрачась, мѣшало ему идти». Если такъ переводить, то конечно нѣтъ на свѣтѣ безсмыслицы, которой бы нельзя было перевести и ясно и краснорѣчиво...

О Русская земле! уже *не* Шеломянемъ еси.

Переводъ: «О русскіе люди! уже вы *за* Шеломенемъ». Толкователь переводитъ также.

Дѣти бѣсови *кликомъ поля прегородиша*, а храбрые Русицы прегородиша чрвленными щиты.

Переводъ: «Бѣсовы дѣти *оградили станъ свой крикомъ*, а храбрые *Россіяне* багряными щитами». Толкователь: «Нечестивыя чада устремляются на нихъ съ воплемъ: храбрые Россы противоноставляютъ имъ щиты свои». Въ послѣднемъ переводѣ есть смыслъ; но гдѣ жь онъ въ подлинникѣ?

Бориса же Вячеславлича слава на судъ приведе; и на канину зелену паполому постла, за обиду Олгову храбра и млада князя.

Переводъ: «Бориса же Вячеславича слава на судъ привела; онъ положенъ (?) на конскую попону зеленую за обиду молодаго храбраго князя Олега». Толкователь совсѣмъ выпустилъ это мѣсто, вѣроятно по невозможности объяснить, зачѣмъ именно клали князя на конскую попону...

Съ тоя же Каялы Святоплъкъ *повелѣя* отца своего междю Угорьскими вноходцы къ святѣй Софіи къ Кіеву.

Въ книгѣ г. Сахарова въ этомъ мѣстѣ слово «повелѣя» замѣнено словами «повезѣ я».

Переводъ: «Съ той же Каялы велъ Святополкъ войска отца своего сквозь венгерскую конницу въ Кіевъ ко святой Софіи». Толкователь совсѣмъ выпустилъ это мѣсто, и не мудрено: въ немъ нѣтъ и тѣни даже грамматическаго смысла: что такое «повелѣя»? — тутъ нѣтъ смыслу. Что такое «повезѣ я»? — То же самое — безсмыслица. О *войскѣ* и помину нѣтъ въ текстѣ. Притомъ, не-уже-ли «угорьскіи вноходци»—точно венгерская конница, кавалерія?

Тогда по русской земли рѣтко ратаевѣ *кикахуть*.

Переводъ: «И въ русской землѣ рѣдко веселіе земледѣльцевъ раздавалось», —это переводъ наудачу: что значитъ слово «кикахуть» и было ли такое слово?

Убуди *жирня* времена.

Переводъ: «Разбудила времёна *тяжкія*». Почему же здѣсь слово «жирня» переведено словомъ «тяжкія»?

За нимъ кликну Карна и Жля, поскочи по русской земли, смагу мычючи въ пламянѣ розѣ.

Переводъ: «Воскликнули тогда Карна и Жла, и прискакавъ въ землю русскую, стали томить и огнемъ и мечемъ». Опять не переводъ, а произвольное толкованіе!

Чръпахуть ми синее вино съ *трудомь* смѣшено.

Въ переводѣ сказано «съ ядомъ смѣшанное»: а гдѣ же доказательства, что здѣсь *трудъ* значитъ *ядъ?*

Всю нощь съ вечера *босуви* врани взграяху.

Чтò такое «босуви»?

Уже тресну нужда на волю.

Переводъ: «Уже насиліе возстало на вольность».

А уже не вижду власти сильнаго, и богатаго и многовои брата моего Ярослава съ Черниговскими *былями* (?), съ Могуты (?), и съ Татраны (?), и съ Шельбиры (?) и съ Топчакы (?), и съ Ревугы (?), и съ Ольберы (?). Тіи бо бесь щитовь съ засапожникы кликомъ плъкы побѣждаютъ, звонячи въ прадѣднюю славу.

Не приводимъ перевода: онъ такъ же ясенъ, какъ и текстъ.

Великому хръсови влъкомъ путь прерыскаше.

Объ этой фразѣ самъ толкователь сказалъ: «Невразумительно!»

Игорь спитъ, Игорь бдитъ.

Переводъ: «Игорь лежитъ, Игорь *не* спитъ»...

Можно бъ было и еще столько же привести необъяснимыхъ темнотъ и безсмыслицъ; но довольно и этихъ, чтобъ читатели могли судить, до какой степени можно наслаждаться въ цѣломъ «Словомъ о Пълку Игоревѣ». Тѣмъ не менѣе, всѣ темноты и безсмыслицы мы приписываемъ не «Слову», а рукописи и ея писцу, ибо неестественно допустить безсмыслицы въ пьесѣ, отличающейся смысломъ въ цѣломъ и поэтическими красотами въ частностяхъ. Чтобъ произнести судъ надъ поэтическимъ достоинствомъ этой поэмы, намъ должно изложить ея содержаніе.

Авторъ «Слова» начинаетъ обращеніемъ къ слушателямъ, обѣщая имъ пѣсню по «былинамъ своего времени, а не по замышленію Бояню: Боянъ бо вѣщій, аще кому хотяше пѣснь творити, то растекашется мыслію по древу, сѣрымъ вълкомъ по земли, шизымъ орломъ подъ облакы». Это указаніе на Бояна очень любопытно: значитъ, былъ человѣкъ, прославившійся пѣснями. Наши литераторы и піиты добраго стараго времени (которое, впрочемъ, очень-недавно было еще новымъ) сдѣлали изъ Бояна нарицательное имя въ родѣ *минстреля*, *трувера, трубадура*, *барда*, и обрадовавшись этому, начали прославлять процвѣтаніе богатой русской литературы до XII вѣка. Но изъ «Слова» ясно видно, что Боянъ имя собственное, принадлежавшее одному лицу, вѣроятно жившему во времена язычества, или вскорѣ по его паденіи, которое было вмѣстѣ и паденіемъ поэзіи, съ-тѣхъ-поръ ставшей на Руси бѣсовскою потѣхою, «пересыпаньемъ изъ пустаго въ порожнее». Частыя обращенія пѣвца игорева къ Бояну,—обращенія, исполненныя энтузіазма и благородныхъ поэтическихъ òбразовъ, не допускаютъ никакого сомнѣнія въ существованіи этого Бояна, «соловья стараго времени». Конечно, это не былъ Гомеръ своего рода, какъ думалъ Шишковъ, ни даже что-нибудь похожее на творца «Иліады»; но послѣ похвалъ даровитаго автора «Слова», нельзя не сожалѣть искренно о томъ, что время и невѣжество истребили пѣсни Бояна, который «своя вѣща

прѣсты на живая струны вскладаше— они же сами княземъ славу рокотаху».

«Почнемъ же, братіе, повѣсть сію отъ стараго Владимера до нынѣшняго Игоря» говоритъ пѣвецъ, и начинаетъ совсѣмъ не съ стараго Владимера, а прямо съ Игоря, «иже истягну умь крѣпостію своею и поостри сердца своего мужествомъ, наплънився ратнаго духа, наведе своя храбрые плъкы на землю половѣцьскую за землю русскую». Хочу, сказалъ онъ своей дружинѣ, переломить съ вами, *Русици*, копье на землѣ половецкой, хочу либо положить свою голову, либо *испить шеломомъ Дону*. Не буря занесла соколовъ чрезъ поля широкія—то летятъ стадами галици (*) къ Дону великому: тебѣ бы воспѣть это, внукъ велесовъ, Боянъ вѣщій! Кони ржутъ за Сулою, гремитъ слава въ Кіевѣ; трубы трубятъ въ Новѣградѣ, вѣютъ знамена (**) въ Путивлѣ; Игорь ждетъ милаго брата Всеволода. И молвилъ ему буйтуръ (***) Всеволодъ: единъ ты братъ у меня, единъ *свѣтъ свѣтлый*, о Игорь! оба мы Святославичи! Сѣдлай ты, брате, своихъ борзыхъ коней, а мои давно готовы для тебя и стоятъ осѣдланы у Курска. А Куряне мои въ метаніи стрѣлъ искусны, подъ звукомъ трубъ они повиты, концемъ копья вскормлены, пути имъ вѣдомы, овраги знаемы, луки у нихъ натянуты, колчаны отворены, сабли изострены; сами скачутъ какъ сѣрые волки въ полѣ, ища себѣ чести, а князю славы». Тогда Игорь князь вступилъ въ златое стремя и поѣхалъ по чистому полю.

(*) Галки.

(**) Въ подлинникѣ: «Стоять стязи въ Путивлѣ».

(***) *Буйтуръ* составлено изъ словъ *дикій* (буй) и *волъ* (туръ); по основательному замѣчанію Шишкова, вѣроятно, изъ «буйтура» впослѣдствіи произошло слово «богатырь».

За симъ слѣдуетъ темное и нескладное (въ-слѣдствіе искаженія текста писцомъ) описаніе грозныхъ предвѣщаній природы. «Орлы клектомъ сзываютъ звѣрей на трупы, лисицы лаютъ на багряные щиты воиновъ. Дружина игорева уже за Шеломенемъ. День меркнетъ, свѣтъ зари потухаетъ, мгла покрываетъ поля, засыпаетъ *щекотъ славій*, умолкаетъ говоръ галичій». Очевидно, что весь этотъ отрывокъ, по *неволѣ* сокращенный нами, по причинѣ искаженія текста, въ первобытномъ подлинникѣ полонѣ высокихъ красотъ поэзіи. Сколько можно чувствовать, не смотря на искаженіе, есть что-то зловѣщее, фантастическое въ изображеніи грозно-настроившейся природы, особенно въ этомъ клёктѣ орловъ, сзывающемъ звѣрей на кровавый пиръ, и въ лаѣ лисицъ на багряные щиты воиновъ.

Поутру *Русичи* потоптали поганые полки половецкіе, и разсыпавшись словно стрѣлы по полю, помчали красныхъ дѣвицъ половецкихъ, а съ ними злато, и паволоки, и драгіе оксамиты; япончицами и кожухами начали мосты мостить по болотамъ и *грязовымъ мѣстамъ*, и всякими узорочьями половецкими. Червленный стягъ, бѣлая хоругвь, багряная чолка, серебряное древко храброму Святославичу. Дремлетъ въ полѣ храброе гнѣздо Олегово—далеко залетѣло оно; не родилось оно на обиду ни соколу, ни кречету, ни тебѣ, чорный воронъ, поганый Половчанинъ!

На другой день, вельми рано, появляется свѣтъ кровавой зари, идутъ съ моря черныя тучи, хотятъ закрыть четыре солнца, блещутъ синими молніями; быть грому великому, литься дождю стрѣлами съ Дону великаго; поломаться тутъ копьямъ, притупиться тутъ саблямъ о шеломы половецкіе, на рѣкѣ Каялѣ, у Дону великаго. Се

вѣтры, внуки Стрибожія, вѣютъ съ моря стрѣлами на храбрые полки игоревы; земля звучитъ, рѣки мутно текутъ; мглою поля покрываются; знамена голосъ даютъ, Половцы идутъ отъ Дона, и отъ моря, и ото всѣхъ сторонъ. Русскіе полки отступили. Яръ туре Всеволодъ! стоишь ты на боро́нѣ, прыщешь на враговъ стрѣлами, булатными мечами гремишь о шеломы ихъ. Куда ни бросишься ты, туре, золотымъ шеломомъ своимъ посвѣчивая, тамъ лежатъ поганыя головы половецкія; и *поскепаны* калеными саблями оварскіе шеломы, отъ тебя, яръ туръ Всеволодъ! Что̀ ему раны, когда забылъ онъ и почести, и жизнь, и городъ Черниговъ, и золотой престолъ отеческій, и свычаи и обычаи своей милой *хо̀ти*, прекрасной Глѣбовны!

(Здѣсь пѣвецъ дѣлаетъ отступленіе, обращаясь къ смутамъ и междоусобіямъ прежнихъ временъ, и не находя въ нихъ ни одной битвы, которая могла бы сравниться съ битвою Игоря и Всеволода съ Половцами).

Съ утра до вечера, съ вечера до свѣта летятъ стрѣлы каленыя, звучатъ сабли о шеломы, трещатъ копья булатныя, въ полѣ незнаемомъ, среди земли половецкой. Черная земля подъ копытами костьми была посѣяна, а кровію полита; возрасла на ней бѣда для земли русской. Что мнѣ звѣнитъ раво передъ зарею? Игорь полки поворачиваетъ: жаль бо ему милаго брата Всеволода. Билися день, билися другой: на третій день къ полудню пали знамена игоревы. Тутъ разлучилися братья на берегѣ быстрой Каялы. Не достало тутъ вина кроваваго; тутъ и кончили пиръ храбрые Русичи: сватовъ попоили, да и сами легли за землю русскую. Поникла трава отъ жалости, и дерево къ землѣ преклонилось отъ печали.

(Здѣсь опять слѣдуетъ небольшое отступленіе, состоящее въ жалобахъ на междоусобія. Всѣ эти отступленія особенно интересны, какъ свидѣтельство, что поэма современна воспѣтому въ ней событію).

О, далеко залетѣлъ ты, соколъ, губя птицъ къ морю: а игорева храбраго полку уже не воскресити! Тогда взревѣли Карна и Жля и ринулись въ русскую землю съ огнемъ и мечемъ. Всплакались жены русскія, приговаривая: уже намъ своихъ милыхъ ладъ ни мыслію взмыслити, ни думою вздумати, ни очами узрѣти; а золота и сребра не возвратити! Встоналъ тогда, братіе, Кіевъ тугою, а Черниговъ напастьми; тоска разлилася и *печаль жирна* потекла по землѣ русской; а князи сами на себя крамолу ковали...

(Здѣсь снова жалобы на междоусобія; воспоминаніе, какъ сильны были прежде князья русскіе, какъ громили они землю половецкую; какъ страшенъ былъ имъ великій князь кіевскій, Святославъ Грозный, отецъ Игоря и Всеволода).

Нѣмци и Венедици, Греци и Морава поютъ славу Святославлю, *каютъ* (*) князя Игоря, «иже погрузи жиръ во днѣ Каялы, рѣки половецкія, русскаго злата насыпаша». Святославу-родителю приснился дурной сонъ. «Въ Кіевѣ, на горахъ, въ сію ночь одѣвали меня (говоритъ онъ боярамъ) чернымъ покровомъ, на тесовой кровати. Наливали мнѣ синяго вина *съ трудомъ смѣшаннаго*; высыпали мнѣ на лоно изъ пустыхъ колчановъ нечистыя раковины съ крупнымъ жемчугомъ, и нѣговали меня; а въ моемъ златоверхомъ теремѣ всѣ доски безъ перекладины (**). Всю ночь съ вечера каркали враны». И отвѣчали бояре князю: «Печаль одолѣла умъ нашъ, княже; слетѣли бо два сокола съ золотаго престола отеческаго поискати гра-

(*) *Хаютъ*, порицаютъ.

(**) Въ текстѣ: «Уже дьскы безъ *кнѣса* въ моемъ теремѣ злотоврьсѣмъ».

да тьмутороканскаго, либо испити шеломомъ Дону, и тѣмъ соколамъ обрублены крылья саблями нечестивыхъ, и сами они попались въ путы желѣзныя. Темно стало на третій день: два солнца померкли, оба багряные столбы погасли, а съ ними и молодые мѣсяцы—Олегъ и Святославъ—тьмою заволоклися. На рѣкѣ на Каялѣ тьма свѣтъ покрыла: по русской землѣ разсыпались Половцы, какъ изъ леопардова логовища. Раздаются пѣсни красныхъ дѣвицъ *готскихъ* на берегу синяго моря; звеня русскимъ золотомъ, воспѣваютъ онѣ время Бусово, лелѣютъ пѣснь Шароканову» (*). Тогда великій Святославъ изронилъ слово злато, съ слезами смѣшано, и молвилъ: «О, сыны мои, Игорь и Всеволодъ! не во-время вы начали добывать мечами землю половецкую, а себѣ славы искать. Нечестно ваше одолѣніе, неправедно пролита вами кровь вражеская. Сердца ваши изъ крѣпкаго булата скованы, а въ *буести* закалены. Того ли ожидалъ я отъ васъ серебряной сѣдинѣ моей? Уже не вижу я власти сильнаго и богатаго брата моего, Ярослава, и его дружины великой! Они и безъ щитовъ, кликомъ однимъ враговъ побѣждали, гремя славою предковъ. Не говорили они: предстоящую славу сами похитимъ, а прошедшею съ другими подѣлимся. А диво ли, братіе, старому помолодѣти? Когда соколъ въ мытѣхъ бываетъ, то высоко гонитъ птицъ, и не дастъ гнѣзда своего въ обиду. Но то горе, что мнѣ князья не въ пособіе; время все перепначило.

(Непонятно то, что тотчасъ же слѣдуетъ за симъ мѣстомъ; есть ли это продолженіе рѣчи князя Святослава, или тутъ поэтъ начинаетъ говорить отъ себя? Все это мѣсто состоитъ въ жалобахъ на «усобицу», какъ причину настоящихъ бѣдствій, и въ воззваніи къ современнымъ князьямъ, которые, по своему разъединенію, уже не въ силахъ подать помощь плѣненному Игорю. Воззваніе начинается съ князя Всеволода:)

Великій княже Всеволоде! не помыслишь ли ты прилетѣти издалеча постоять за златой престолъ отеческій? Ты можешь Волгу разкропить веслами, а Донъ шеломами вычерпать. Когда ты былъ здѣсь, *чага* (?) ходила бы по ногатѣ, а *кощей* по резани (*). Ты можешь по суху стрѣляти живыми шеширами (**)—удалыми сыновьями глѣбовыми. И ты, буй Рюрикъ и Давыдъ, не вы ли плавали въ крови по шеломы золоченые? Не ваша ли храбрая дружина рыкаетъ подобно воламъ, израненнымъ саблями калеными въ полѣ незнаемомъ? Вступите, государи, въ стремена златыя, за обиду нашего времени, за землю русскую, за раны Игоря, *буего* Святославича! А ты, Ярославъ, осмосмыслъ галицкій! высоко сидишь ты на своемъ златокованномъ престолѣ, подперъ ты горы угорскія своими полками желѣзными, заградилъ ты путь королю, заперъ ворота къ Дунаю, меча *бремена* (?) за облаки, творя судъ до Дуная! Гроза твоя по землямъ течетъ, отворяешь ты врата кіевскія, съ отчаго престола стрѣляешь въ салтановъ далекихъ! Стрѣляй, господине, въ Кончака, кощея поганаго, за землю русскую, за раны Игоря, *буего* Святославича! А ты, буй Романъ и Мстиславъ, храбрая мысль носитъ вашъ умъ на дѣло. Высоко плаваете на дѣло въ буести, словно соколы ширяся на вѣтрахъ, стремяся и птицу одолѣть въ буести! У васъ латы (***) желѣзныя подъ

(*) Намекъ на какой-нибудь удачный набѣгъ на землю русскую.

(*) Ногата и резань—самыя мелкія монеты того времени.

(**) *Шеширы*: вѣроятно названіе какого-нибудь военнаго орудія.

(***) Въ текстѣ: *папорзи*.

шлемами латинскими; отъ нихъ потрясласе земля и многія страны ханскія. Литва, Ятваги, Деремела и Половцы повергли передъ вами свои копья (*), и главы свои преклонили подъ ваши мечи булатные!.... (**) Заградите въ полѣ путь своими острыми стрѣлами, за землю русскую, за раны Игоря, буего Святославича! Уже Сула не течетъ струями серебряными ко граду Переяславлю, и Двина болотомъ идетъ къ грознымъ Половчанамъ, подъ кликами поганыхъ. Единъ лишь Изяславъ, сынъ Васильковъ, позвенѣлъ своими острыми мечами о шеломы литовскіе; помрачилъ славу дѣда своего, да и самъ поблекъ подъ червлеными щитами, на кровавой травѣ, отъ литовскихъ мечей. Не захотѣлъ скончаться на одрѣ, и рекъ самому-себѣ: «дружину твою, княже, крылья птицъ пріодѣли, а звѣри кровь полизали!» Не было тутъ съ нимъ брата Брячислава, ни брата Всеволода: одинъ онъ изронилъ жемчужную душу изъ храбраго тѣла, чрезъ златое ожерелье. Уныли голоса, поникло веселіе. О, Ярославъ и всѣ внуки Всеслава! поникнуть знаменамъ вашимъ, вложить вамъ въ ножны свои мечи поврежденные; отстали вы отъ славы дѣдовской! Вы, своими крамолами, начали наводить нечестивыхъ на землю русскую, на жизнь Всеславову. Когда прежде бывало насиліе отъ земли половецкой?

(Здѣсь слѣдуетъ опять совершенно-непонятное мѣсто, которое выписываемъ въ подлинникѣ: «На седьмомъ вѣцѣ трояни върже Всеславъ жребій о дѣвицю себѣ любу. Тъй *клюками* подпрѣся о кони, и скочи къ граду Кыеву, и дотчеся стружіемъ злата стола кіевскаго. Скочи отъ нихъ (*отъ кого?*) лютымъ звѣремъ въ плъночи, изъ Бѣла града, обѣсися сине мглѣ, утръ же вознзи стрикусы (?) отвори врата новуграду, расшибе славу Ярославу, скочи влъкомъ до Немиги съ Дудутокъ». По всѣмъ вѣроятіямъ, темнота этого мѣста происходитъ сколько отъ описокъ въ рукописи, столько и отъ-того, что тутъ не описывается, а только намекается на обстоятельство слишкомъ-современное, а потому всѣмъ извѣстное въ эпоху пѣвца «Слова». Всеславъ, о которомъ идетъ рѣчь, вѣроятно былъ удалецъ изъ удальцовъ, и все это мѣсто есть поэтическая апоѳеоза, въ духѣ того времени, его подвиговъ, отличавшихся удальствомъ и быстротою. *Клюки*, которыми онъ *подперся о кони*, могутъ означать не костыли, необходимые для хромаго, а названіе какого-нибудь прибора для верховой ѣзды. Что же касается до «седьмаго вѣку трояни», — *трояновъ* вѣкъ и *троянова* земля очень часто упоминаются въ «Словѣ», и еще никто не объяснилъ ихъ значенія. Хотя все послѣдующее за выписаннымъ нами въ текстѣ мѣстомъ также непонятно въ историческомъ значеніи, однако понятно, за исключеніемъ одной фразы, по смыслу и полно необыкновенной поэзіи:)

На Немигѣ снопы стелютъ головами, молотятъ цѣпами булатными, на току жизнь кладутъ, вѣютъ душу отъ тѣла. Кровавые берега Немиги не травою засѣяны: засѣяны они костьми русскихъ сыновъ. Всеславъ князь людей судилъ, князьямъ города раздавалъ, а самъ по ночамъ волкомъ рыскалъ отъ Кіева до Курска и Тьмутаракани. Ему въ Полоцкѣ рано зазвонили заутреню у святой Софіи; а онъ въ Кіевѣ звонъ слышалъ. Хотя и вѣщая душа была въ его *друзѣ* (?) тѣлѣ, но и онъ часто отъ бѣдъ страдалъ. Про него-то вѣщій Боянъ сложилъ сей разумный припѣвъ: *ни хитру, ни юразду, ни птицю горазду, суда Божіа не минути!* О, стонать тебѣ, земля русская, вспоминая прежнія времена и прежнихъ князей! Того стараго Владиміра нельзя было пригвоздить къ горамъ кіевскимъ...

Ярославнинъ голосъ раздается рано поутру:

(*) Въ текстѣ: *сулици*.

(**) Пропущено цѣлое мѣсто, котораго никакъ нельзя понять, а слѣдовательно, и перевести.

Полечу я по Дунаю зегзицею, омочу бобровый рукавъ въ Каялѣ рѣкѣ, отру князю кровавыя раны на *жестоцемъ* тѣлѣ его!

Ярославна рано плачетъ въ Путивлѣ на городской стѣнѣ, *аркучи*:

О вѣтеръ, о вѣтеръ! зачѣмъ, *господине*, такъ сильно вѣешь? Зачѣмъ на своихъ легкихъ крыльяхъ мчишь ханскія стрѣлы на воиновъ моей *лады?* Или мало для тебя горъ, чтобы вѣять подъ облаками, лелѣючи корабли на синемъ морѣ? Зачѣмъ, *господине*, развѣялъ ты мое веселіе по ковыль-травѣ?

Ярославна рано плачетъ въ Путивлѣ на городской стѣнѣ, *аркучи:*

О Днѣпръ пресловутый! ты пробилъ каменныя горы сквозь землю половецкую, ты лелѣялъ на себѣ ладьи святославовы до ставу кобякова: взлелѣй же, *господине* мою *ладу* ко мнѣ, чтобы не слала я къ нему поутрамъ слезъ моихъ на море.

Ярославна рано плачетъ въ Путивлѣ на городской стѣнѣ, *аркучи:*

Свѣтлое и пресвѣтлое солнце! всѣмъ и красно и тепло ты: зачѣмъ, *господине*, простеръ горячій лучъ свой на воиновъ моей лады, въ безводномъ полѣ жаждою луки имъ сопрягъ, печалію имъ колчаны затянулъ?

Прыснуло море въ полуночи: идутъ смерчи мглами: князю Игорю Богъ путь кажетъ изъ земли половецкой на землю русскую, къ златому престолу отчему. Погасла заря вечерняя: Игорь и спитъ и не спитъ, Игорь мыслію поля мѣритъ отъ великаго Дону до малаго Донца. Конь готовъ съ полуночи; Овлуръ свистнулъ за рѣкою, чтобъ князь догадался. Уже нѣтъ тамъ князя Игоря. Застонала земля, зашумѣла трава, всколебалися вежи половецкія; а Игорь князь горностаемъ бросился къ тростнику и гоголемъ на воду; вскочилъ на борзаго коня, и соскочилъ съ него *босымъ* (?) волкомъ и побѣжалъ къ лугу Донца, и полетѣлъ соколомъ подъ облаками, избивая гусей и лебедей на завтракъ, обѣдъ и ужинъ. Когда Игорь соколомъ летитъ, тогда Влуръ волкомъ бѣжитъ, отрясая съ себя росу холодную; ибо истомили они своихъ борзыхъ коней. И молвилъ Донецъ: «Княже Игорю, не мало для тебя величія, а Кончаку нелюбія, а русской землѣ веселія!» И молвилъ Игорь: «О Донче! не мало тебѣ величія, что ты лелѣялъ князя на волнахъ, постилалъ ему зелену-траву на своихъ *серебряныхъ* берегахъ, одѣвалъ его теплыми мглами подъ сѣнію зеленаго дерева, стерегъ меня и гоголемъ на водѣ, и чайками на струяхъ, и чернядями на вѣтрахъ. Не такова, примолвилъ онъ, рѣка Стугна: лурна струя ея, пожираетъ чужіе ручьи и разбиваетъ струги о берегъ. Юношѣ князю Ростиславу затворилъ Днѣпръ берега темные. Плачется мати Ростислава по юношѣ князѣ Ростиславѣ. Уныли цвѣты отъ жалости, и древо стугою къ землѣ преклонило».

По слѣду игореву ѣздитъ Гзакъ съ Кончакомъ. Тогда враны не каркали, галицы помолкли, сороки не стрекотали; ползая по сучьямъ, только дятлы тектомъ путь къ рѣкѣ кажутъ, соловьи веселыми пѣснями свѣтъ повѣдаютъ. Молвитъ Гзакъ Кончаку: «Когда соколъ къ гнѣзду летитъ, то соколенка (*) разстрѣляемъ своими стрѣлами золочеными». Молвитъ Кончакъ къ Гзаку: «Когда соколъ къ гнѣзду летитъ, то опутаемъ соколенка красною дѣвицею». И сказалъ Гзакъ Кончаку: «Если опутаемъ его красною дѣвицею, то не будетъ у насъ ни соколенка, ни красной дѣвицы, и почнутъ насъ птицы бить въ полѣ половецкомъ».

Сказалъ Боянъ: тяжко головѣ безъ плечь, худо тѣлу безъ головы, а рус-

(*) Относится къ сыну Игоря, оставшемуся въ плѣну.

ской землѣ безъ Игоря. Солнце свѣтится на небеси, а Игорь князь въ русской землѣ. Дѣвицы поютъ на Дунаѣ. Вьются голоса черезъ море до Кіева. Игорь ѣдетъ по Боричеву ко святой Богородицѣ Пирогощей. Страны рады, грады веселы, поютъ пѣснь старымъ князьямъ, а потомъ молодымъ. Пѣта слава Игорю Святославичу, буйтуру Всеволоду, Владиміру Игоревичу. Да здравствуютъ князи и дружина, поборающіе за христіанъ на невѣрныя полчища! Князьямъ слава, дружинѣ аминь!

—

Мы хотѣли-было ограничиться только изложеніемъ содержанія «Слова о Пълку Игоревѣ», и, чтобъ нѣкоторымъ образомъ заставить его говорить за себя, хотѣли только мѣстами выписывать самыя характеристическія выраженія и самые оригинальные образы; но противъ нашей воли до того увлеклись его красотами, что, вмѣсто голаго содержанія, представили читателямъ полный по возможности переводъ. Думаемъ, что читатели не посѣтуютъ на насъ за это: «Слово о Пълку Игоревѣ» играетъ въ нашей литературѣ роль какого-то невидимки; публика слышитъ о немъ самыя противорѣчащія мнѣнія, которыхъ повѣрить ей нѣтъ возможности. Причина очевидна: не у всякаго станетъ терпѣнія и охоты прочесть искаженный подлинникъ, писанный языкомъ столь устарѣвшимъ, что онъ по своей устарѣлости требуетъ гораздо-больше труда, нежели сколько въ состояніи доставить наслажденія, исполненный непонятныхъ словъ и оборотовъ, сомнительныхъ, темныхъ, а часто и безсмысленныхъ мѣстъ. Переводы же не даютъ о немъ вѣрнаго понятія, потому-что переводчики хотѣли переводить его все—отъ слова до слова, не признавая въ немъ непереводимыхъ мѣстъ. Нѣкоторые изъ нихъ просто пересочиняли его, и свои собственныя, весьма неинтересныя издѣлія выдавали за простодушную и поэтическую повѣсть старыхъ временъ. Мы же, во-первыхъ, исключили изъ нашего перевода все сомнительное и темное въ текстѣ, замѣнивъ такія мѣста собственными замѣчаніями, необходимыми для связи разорванныхъ частей поэмы; а въ переводѣ старались удержать колоритъ и тонъ подлинника, а для этого или просто выписывали текстъ, подновляя только грамматическія формы, или между новыми словами и оборотами удерживали самые характеристическіе слова и обороты подлинника. И потому нашъ переводъ можетъ дать довольно-близкое понятіе о «Словѣ», и, вмѣстѣ съ тѣмъ, дастъ читателю возможность повѣрить наше мнѣніе объ этомъ примѣчательномъ произведеніи народной поэзіи древней Руси.

Мы не считаемъ за нужное доказывать, что «Слово о Пълку Игоревѣ» отличается неподдѣльными поэтическими красотами, что оно исполнено наивныхъ и благородныхъ образовъ: мы для того и включили его въ нашу статью, чтобъ не толковать о томъ, что дважды-два—четыре. Читайте и судите сами; если не понравится, намъ нечего дѣлать съ этимъ: кому само дѣло не говоритъ за себя, тѣмъ ужь не помогутъ толкованія. Между читателемъ и критикомъ необходимо должно существовать нѣчто въ родѣ симпатіи, нѣчто въ родѣ заранѣе заключеннаго условія о томъ, что̀ хорошо и что̀ худо; иначе они не будутъ понимать другъ друга. Дѣло критика не доказывать, поэтическое, или непоэтическое такое-то произведеніе: подобный вопросъ рѣшается непосредственнымъ чувствомъ читателя, а не доказательствами критики; дѣло критика—показать не поэтическое досто-

ство, а степень поэтическаго достоинства въ данномъ произведеніи, его идею, полноту, оконченность. На этотъ счетъ, мы не обинуясь скажемъ, что «Слово о Пълку Игоревѣ» отличается неподдѣльными красотами выраженія; что, со стороны выраженія, это — дикій полевой цвѣтокъ, благоухающій, свѣжій и яркій. Но въ поэтическихъ произведеніяхъ выраженіе еще не составляетъ всего: все заключается въ идеѣ, и выраженіе по той мѣрѣ возвышаетъ достоинство произведенія, по какой въ немъ высказывается идея. Въ «Словѣ о Пълку Игоревѣ» нѣтъ никакой глубокой идеи. Это больше ничего, какъ простое и наивное повѣствованіе о томъ, какъ князь Игорь, съ удалымъ братомъ Всеволодомъ и съ своей дружиною пошелъ на Половцевъ, сперва разбилъ ихъ, а потомъ самъ былъ разбитъ на-голову, попался въ плѣнъ, изъ котораго, наконецъ, удалось ему ускользнуть. Безпрестанныя обращенія къ междоусобіямъ князей, или намеки на нихъ, также составляютъ содержаніе и, сверхъ того, историческій фонъ поэмы. Источникомъ историческаго произведенія поэзіи можетъ быть только исторія народа, и произведеніе въ той только степени можетъ отличаться глубокою идеею, въ какой полна «общимъ содержаніемъ» жизнь народа. Времена междоусобій съ перваго взгляда могутъ показаться самымъ поэтическимъ періодомъ въ русской исторіи; но если глубже и пристальнѣе заглянете въ сущность и значеніе этого времени, то увидите, что въ немъ не было никакихъ элементовъ, которые могли бы дать поэзіи содержаніе; тамъ были только элементы для поэзіи чувства и выраженія, по общему закону — гдѣ жизнь, тамъ и поэзія. Есть рѣзкое различіе между поэзіею души человѣческой и поэзіею общества человѣческаго, поэзіею историческою: первая существуетъ и у дикихъ племенъ; вторая только у народовъ, играющихъ великую роль на аренѣ всемірно-историческаго развитія человѣчества. И потому, «Слово о Пълку Игоревѣ» не только не йдетъ ни въ какое сравненіе съ «Иліадою», но даже и съ поэмами среднихъ вѣковъ въ родѣ «Артура и рыцарей круглаго стола». Для поясненія этой мысли сравните жизнь Западной Европы среднихъ временъ съ жизнію Руси въ XII вѣкѣ: какая разница! Въ феодализмѣ заключалась идея; удѣльная система повидимому была случайностію, порожденіемъ естественныхъ, патріархальныхъ понятій о правѣ наслѣдства. Феодализмъ вышелъ изъ системы завоеванія: цѣлый народъ двигался на завоеваніе другаго народа; покоривъ его, основывался, дѣлался осѣдлымъ на завоеванной землѣ. Такъ-какъ у завоевателя личную силу давало не рожденіе, а храбрость и заслуга, то избранный главою войска бралъ себѣ часть завоеванной земли, а все остальное дѣлилъ на участки между своими сподвижниками. Отсюда произошли безчисленныя слѣдствія, безъ сознанія которыхъ не можетъ быть объяснена даже современная намъ исторія Европы. Сподвижники главнаго вождя, получивъ свои участки, естественно, смотрѣли на него не какъ на своего властелина, а какъ на старшаго товарища по оружію, во всемъ прочемъ равнаго имъ, и почитали себя въ правѣ по собственному произволу смотрѣть на него какъ на друга или какъ на врага, и, сообразуясь съ этимъ, становиться къ нему въ пріязненное или непріязненное отношеніе. Простые воины, неполучившіе участковъ, поступали на жалованье къ своимъ патронамъ, а не властелинамъ, —селились на ихъ землѣ и платили имъ за то военною службою: образовался

классъ вассаловъ — свободныхъ воиновъ, не рабовъ. Завоеванный же народъ, по праву завоеванія, дѣлался собственностію, рабомъ завоевателя, кромѣ, разумѣется, людей высшаго сословія, которымъ политика завоевателей предоставляла равныя права, на условіи покорности. Изъ этого положенія возникала борьба, результатомъ которой было разумное развитіе. Завоеванный народъ питая ненависть къ завоевателю, образовывалъ собою самостоятельный элементъ государственной жизни,—и борьба не переставала ни на минуту. Когда же языки обоихъ народовъ, сливались въ одинъ языкъ, а оба народа въ одинъ народъ, тогда элементъ завоевателя образовался въ аристократію, элементъ завоеваннаго —въ нисшій классъ общества, и изъ борьбы возникали, съ одной стороны— натискъ утвержденныхъ временемъ исключительныхъ правъ, съ другой— упругій отпоръ, или оппозиція. Отличительное свойство идеи таково, что она не стоитъ на одномъ мѣстѣ, не является ни на минуту чѣмъ-то особеннымъ, опредѣлившимся, оторваннымъ отъ прошедшаго и будущаго, но безпрестанно движется, изъ стараго рождая новое. Право аристократіи сперва было ничѣмъ инымъ, какъ правомъ сословія, справедливо гордившимся высокостію своихъ чувствъ, благороднымъ образомъ мыслей, и не безъ основанія почитавшимъ себя въ правѣ съ презрѣніемъ смотрѣть на низкую чернь, какъ на предназначенную отъ природы для низкихъ нуждъ жизни. Возникновеніе городовъ и средняго сословія было первымъ шагомъ къ измѣненію этихъ отношеній. Еще прежде завязалась борьба между государями и феодалами, борьба, бывшая не случайностію, а естественнымъ результатомъ положенія дѣлъ, и необходимая для сформированія государства въ единое политическое тѣло. Монархизмъ нашелъ себѣ естественнаго союзника въ городахъ, города—въ монархизмѣ, и оба они стали грудью противъ рыцарства, до-тѣхъ-поръ, пока рыцарство, переродившееся въ аристократію, или вельможество, снова не явилось естественнымъ союзникомъ монархизма, и только въ другомъ видѣ, но все прежнимъ врагомъ и средняго сословія и народа.

Мы потерялись бы во множествѣ элементовъ, изъ которыхъ слагается европейская жизнь, которые всѣ вышли изъ одного источника и суть не что иное, какъ единая, безконечно-развивающаяся, вѣчно-движущаяся изъ самой-себя идея. Нѣтъ ни тѣни этого въ древней русской жизни. Удѣльная система была точь-въ-точь то же самое, что помѣщичья система; отецъ-помѣщикъ, умирая, раздѣляетъ поравну своихъ крестьянъ между своими сыновьями. Въ Россіи не было завоеванія, и потому одинокій элементъ народной жизни, не сшибаясь въ борьбѣ съ другимъ элементомъ, лишенъ былъ возможности развитія. Что ни говорятъ господа *скандинавоманы* и сколько трактатовъ ни пишутъ они, но, вопреки всѣмъ ихъ обветшалымъ доказательствамъ, если Русь и призвала иноземныхъ властителей княжити и володѣти,—кто бы ни были эти властители—Турки или поморскіе Славяне (Померанцы), только не Скандинавы. Норманы, хоть бы и были сами призваны мирно и честно, не пришли бы съ малою дружиною, не потеряли бы въ управляемомъ ими племени своей народности, но внесли бы въ его жизнь свою народность, внесли бы феодализмъ, военное право, рыцарскія понятія, и самый русскій языкъ не оставили бы въ его первобытной чистотѣ, но вмѣстѣ съ новыми поня-

тіями ввели бы и множество новыхъ словъ и оборотовъ. Этого не было, даже и слѣдовъ этого не видно, и потому варяжскіе или, пожалуй, русскіе князья были просто-на-просто или припонтійскіе Татары (Козары), или прибалтійскіе Славяне. И потому, изъ немудреной причины и произошли немудреныя слѣдствія. Удѣльная система—самая естественная и простодушная изъ всѣхъ системъ въ мірѣ—привела только внѣшнюю пользу Россіи, сдѣлавшись причиною ея внѣшняго расширенія и потомъ—сплоченія. Въ междоусобіяхъ князей нѣтъ никакой идеи, потому-что ихъ причина—не племенныя различія, не борьба разнородныхъ элементовъ, а просто личныя несогласія. Народъ тутъ не игралъ никакой роли, не принималъ никакого участія.

«Слово о Пълку Игоревѣ» принадлежитъ къ героическому періоду жизни Руси; но какъ героизмъ Руси состоялъ въ удальствѣ и охотѣ подраться, безъ всякихъ другихъ претензій, то «Слово» и не можетъ назваться героическою поэмою. Дѣйствіе героической поэмы должно быть сосредоточено на одномъ лицѣ, которое должно осуществлять собою все, или по-крайней-мѣрѣ, хоть одну изъ субстанціальныхъ сторонъ духа народа. Игорь же только внѣшнимъ - образомъ является героемъ «Слова»: это какой-то образъ безъ лица; въ немъ нѣтъ ничего индивидуальнаго; онъ лишенъ всякаго характера; личности его нисколько не видно; нѣтъ никакихъ данныхъ считать его представителемъ народа. Сверхъ-того, онъ заслоняется то удалымъ братомъ своимъ, *буйтуромъ* Всеволодомъ, то отцомъ своимъ, Святославомъ, то, наконецъ, своею храброю дружиною. Участіе его въ поэмѣ больше страдательное, чѣмъ дѣятельное. Онъ объявляетъ дружинѣ, что хочетъ или сложить голову въ землѣ половецкой, или испить шеломомъ Дону великаго; приглашаетъ храбраго брата своего Всеволода, ведетъ свою дружину въ половецкую землю, выигрываетъ битву, потомъ проигрываетъ другую и, попавшись въ плѣнъ, исчезаетъ изъ поэмы: большая часть ея состоитъ изъ рѣчи Святослава и плача Ярославны. Потомъ уже, въ концѣ поэмы, Игорь снова является на минуту, убѣгая изъ плѣну. Вообще, онъ ничѣмъ не возбуждаетъ къ себѣ нашего участія. Хотя Всеволодъ тоже обрисованъ очень-слабо и какъ-бы вскользь, однако онъ больше является героемъ въ духѣ своего времени. Его рѣчь къ Игорю дышетъ страстью и вдохновеніемъ боя. Въ битвѣ онъ рисуется на первомъ планѣ и заслоняетъ собою безцвѣтное лицо Игоря. Святославъ является не какъ дѣйствующее лицо, но голосомъ исторіи, выразителемъ политическаго состоянія Руси: за нимъ явно скрывается самъ поэтъ. Вообще, въ поэмѣ нѣтъ никакого драматизма, никакого движенія; лица поглощены событіемъ, а событіе совершенно ничтожно само-по-себѣ. Это не борьба двухъ народовъ, но набѣгъ племени на сосѣднее племя. Очевидно, всѣ эти недостатки поэмы заключаются не въ слабости таланта пѣвца, но въ скудости матеріаловъ, какіе могла доставить ему народная жизнь. Здѣсь причина и того, что самъ народъ является въ поэмѣ совершенно безцвѣтнымъ: безъ вѣрованій, безъ образа мыслей, безъ житейской мудрости, съ однимъ богатствомъ живаго и теплаго чувства. И потому вся поэма—дѣтскій лепетъ, полный поэзіи, но скудный значеніемъ, лепетъ, котораго вся прелесть въ неопредѣленныхъ, мелодическихъ звукахъ, а не въ смыслѣ этихъ звуковъ...

Мы выше сказали, что «Слово о

Пълку Игоревѣ» рѣзко отзывается южно-русскимъ происхожденіемъ. Есть въ языкѣ его что-то мягкое, напоминающее нынѣшнее малороссійское нарѣчіе, особенно изобиліе гортанныхъ звуковъ и окончанія на букву *ь* въ глаголахъ настоящаго времени третьяго лица множественнаго числа. Но болѣе всего говоритъ за русско-южное происхожденіе «Слова» выражающійся въ немъ бытъ народа. Есть что-то теплое, благородное и человѣчное во взаимныхъ отношеніяхъ дѣйствующихъ лицъ этой поэмы: Игорь ждетъ *милаго* брата Всеволода, и рѣчь Всеволода къ Игорю дышетъ кроткою и нѣжною родственною любовію безъ изъисканности и приторности: «Одинъ братъ ты у меня, одинъ свѣтъ свѣтлый, о Игорь, и оба мы Святославичи!» Игорь отступаетъ съ полками не по боязни сложить свою голову; ему стало жаль своего *милаго* брата Всеволода. Въ укорахъ престарѣлаго Святослава сыновьямъ слышится не гнѣвъ оскорбленной власти, а ропотъ оскорб. енной любви родительской, — и укоръ его кротокъ и нѣженъ; обвиняя дѣтей въ удальствѣ, бывшемъ причиною игорева плѣна, онъ въ то же время какъ-бы и гордится ихъ удальствомъ: «О сыны мои, Игорь и Всеволодъ! рано вы начали добывать мечами землю половецкую, а себѣ славы искать. Не честно ваше одолѣніе, неправедно пролита вами кровь вражеская. Сердца ваши изъ крѣпкаго булата скованы, а въ *буести* закалены! Сего ли ожидалъ я отъ васъ серебряной сѣдинѣ своей!» Но особенно поразительны въ поэмѣ благородныя отношенія половъ. Женщина является тутъ не женою и не хозяйкою только, но и любовницею вмѣстѣ. Плачъ Ярославны дышетъ глубокимъ чувствомъ, высказывается въ образахъ сколько простодушныхъ, столько и граціозныхъ, благородныхъ и поэтическихъ. Это не жена, которая, послѣ погибели мужа, осталась горькою сиротою, безъ угла и безъ куска, и которая сокрушается, что ея некому больше кормить: нѣтъ, это нѣжная любовница, которой любящая душа тоскливо порывается къ своему милому, къ своей *ладѣ*, чтобъ омочить вь Каялѣ-рѣкѣ бобровый рукавъ и отереть имъ кровавыя раны на тѣлѣ возлюбленнаго; которая обращается ко всей природѣ о своемъ миломъ: укоряетъ вѣтеръ, несущій ханскія стрѣлы на дружину милаго, и развѣявшій по ковыль-травѣ ея веселіе; умоляетъ Днѣпръ — взлелѣять до нея ладьи ея милаго, чтобъ она не слала къ нему слезъ на море рано; взываетъ къ солнцу, которое «всѣмъ и тепло и красно»—лишь томитъ зноемъ лучей своихъ воиновъ ея лады... И зато, мужчина умѣетъ цѣнить такую женщину: только жажда битвы и славы заставила буйтура Всеволода забыть на время «своея *милыя хоти*, красныя Глѣбовны, свычаи и обычаи»... Все это, повторяемъ, отзывается Южною Русью, гдѣ и теперь еще такъ много человѣчнаго и благороднаго въ семейномъ быту низшихъ классовъ народа, гдѣ отношенія половъ основаны на любви, и женщина пользуется правами своего пола.

Теперь намъ слѣдовало бы говорить о «Сказаніи о Нашествіи Батыя на Русскую Землю» и о «Сказаніи о Мамаевомъ Побоищѣ»; но мы скажемъ о нихъ очень-немного. Оба эти памятника нисколько не относятся къ поэзіи, потому-что въ нихъ нѣтъ ни тѣни, ни призрака поэзіи: это скорѣе памятники даже не краснорѣчія, а простодушной реторики того времени, которой вся хитрость состояла въ безпрестанныхъ примѣненіяхъ къ Библіи и выпискѣ изъ нея текстовъ. Гораздо любопытнѣе «Слово Даніила-Заточни-

кі». Оно также не относится къ поэзіи, но можетъ служить образцомъ практической философіи и ученаго красноречія XIV вѣка. Даніилъ-Заточникъ былъ человѣкъ глубокой учености въ духѣ своего времени; «Слово» его отличается умомъ, ловкостію, а мѣстами и чѣмъ-то похожимъ на красноречіе. Главнѣйшее его достоинство состоитъ въ томъ, что оно такъ и дышетъ духомъ своего времени. Писано оно въ заточеніи, къ князю, у котораго нашъ заточникъ надѣялся вымолить себѣ прощеніе и свободу. Не теряя изъ виду главнаго предмета своего посланія, заточникъ безпрестанно пускается въ разныя сужденія. Между прочимъ, распространяясь о своей нищетѣ, говоритъ:

«Богатъ мужъ вездѣ знаемъ есть; и въ чюжой землѣ друзи имѣетъ, а убогъ и во своихъ невидимо ходитъ. Богатъ возглаголетъ, вси возмолчатъ и слово его вознесутъ до облакъ; а убогъ возглаголетъ, вси на нь кликнутъ и уста ему заградятъ: *ихъ же ризы свѣтлы, тѣхъ и рѣчь честна*».

Подлещаясь къ князю, онъ такъ восхваляетъ его:

«Птица бо радуется веснѣ, а младенецъ матери, такъ и азъ, княже господине, радуюся твоей милости; весна убо украшаетъ цвѣты землю, а ты, княже господине, оживляеши вся человѣки своею милостью, сироты и вдовицы, *отъ вельможъ погружаемы*. Княже господине! яви мнѣ зракъ лица твоего, яко гласъ твой сладокъ, и образъ твой государевъ красенъ, и лицо твое свѣтло и благолѣпно, и разумъ твой государевъ якоже прекрасный рай многоплодовитъ».

Мольбы заточника къ князю возвышаются иногда до истиннаго краснорѣчія:

«Но егда веселишися многими брашны, а меня помяни сухъ хлѣбъ ядуща; или піеши сладкое питіе, а меня помяни теплу воду пьюща, и праха, попадша отъ мѣста вѣтреня; егда ляжеши на мягкихъ постеляхъ подъ собольими одѣялы, а меня помяни подъ единымъ платомъ лежаща, и зимою умирающа, и каплями дождевыми яко стрѣлами сердце пронизающе».

Особенно замѣчательно слѣдующее мѣсто въ «Словѣ» заточника, гдѣ онъ даетъ князю совѣтъ уважать умъ больше богатства и говоритъ о самомъ-себѣ съ какимъ-то наивнымъ возвышеннымъ сознаніемъ собственнаго достоинства.

«Княже, господине мой! не лиши хлѣба нища мудра, ни вознеси до облакъ богатаго безумна, несмысленна: нищъ бо мудръ, яко злато въ калнѣ сосудѣ, а богатъ красенъ несмысленъ, то аки паволочитое зголовье, соломы наткано. Господине мой! не зри внѣшняя моя, но зри внутреняя: азъ бо одѣваніемъ есть скуденъ, но разумомъ обиленъ; юнъ возрастъ имѣю, а старъ смысломъ, быхъ мыслію яко орелъ паряй по воздуху. Но постави сосуды скудельничьи подъ потокъ капля языка моего, да накаплютъ ти сладчайши меду словеси устъ моихъ».

Описывая, далѣе, глупцовъ, заточникъ впадаетъ въ истинный сарказмъ:

«Не сѣй бо на браздахъ жита, ни мудрости на сердце безумныхъ: безумныхъ бо ни орютъ ни сѣютъ, ни въ житницы собираютъ, но сами ся рождаютъ. Какъ во утелъ мѣхъ воду лити, такъ безумнаго учити; псомъ и свиніямъ не надобно злато и сребро, ни безумному мудрая словеса. Коли пожретъ синица орла, коли каменіе восплыветъ на водѣ, коли свинія почнетъ на бѣлку лаяти, тогда безумный уму научится».

Замѣтно, что Даніилъ-Заточникъ пострадалъ отъ злыхъ навѣтовъ со стороны бояръ и жены князя; по-крайней-мѣрѣ, ничѣмъ инымъ нельзя объяснить слѣдующей грозной филиппики противъ дурныхъ совѣтниковъ и дурныхъ женъ:

«Княже, мой господине! не море топитъ корабли, но вѣтри; а не огонь творитъ разжженіе желѣзу, но надыманіе мѣшное: тако же и князь не самъ впадаетъ во многія въ вещи худыя, по думцы вводятъ. Съ добрымъ бо думцею князь высока стола додумается, а съ лихимъ думцею думаетъ, и малаго стола лишенъ будетъ. Глаголетъ бо въ мірскихъ притчахъ: не скотъ въ скотѣхъ коза, и не звѣрь во звѣрѣхъ ежъ, не рыба въ рыбахъ ракъ, не птица во птицахъ нетопырь, а не мужъ въ мужѣхъ, кѣмъ своя жена владѣетъ; не жена въ женахъ, иже отъ своего мужа . . .; не работа въ работахъ подъ жонками возъ возити. Ди-

нѣе дива, кто поимаетъ жену злообразну, прибытка ради — — — — лѣпѣе волъ ввести въ домъ свой, нежели злая жена поняти: волъ бо не молвитъ, ни зла мыслитъ, а злая жена *біема* бѣсится, а кротима высится, въ богачествѣ гордится, а въ убожествѣ иныхъ осуждаетъ. Что есть жена зла? гостница неусыпаемая, купница бѣсовская. Что есть жена зла? мірскы мяжежь, ослѣпленіе уму, началница всякой злобѣ, во церкви бѣсовская мытница, поборница грѣху, засада спасенію».

Не выписываемъ до конца этой энергической выходки: это только начало, слабѣйшая часть ея. Вмѣсто ея, выпишемъ окончаніе заточникова посланія: оно до такой степени въ духѣ того времени, что изъ краснорѣчиваго становится поэтическимъ, и потому особенно интересно.

«Сіи словеса азъ Даніилъ писахъ въ заточеніе на Бѣлѣозерѣ, и запечатавъ въ воску, и пустихъ во озеро, и вземъ рыба пожре, и яша бысть рыба рыбаремъ, и принесена бысть ко князю, и нача ея пороти, и узрѣ князь сіе написаніе, и повелѣ Данила свободити отъ горькаго заточенія. —Не отметай безумному прямо безумія его, да не подобенъ ему будеши. Уже бо престану глаголати, да не буду яко мѣхъ утелъ, роняя богатство убогимъ; да не уподоблюся жерновамъ, яко тѣ многія люди насыщаютъ, а сами себѣ не могутъ насытися, да не возненавидѣнъ буду міру со многою бесѣдою. Якоже бо птица учащаетъ пѣсни своя, скоро возненавидѣма бываетъ. Глаголетъ бо въ мірскихъ притчахъ: рѣчь продолжна недобро, продолжена поволока. Господи! дай же князю нашему силу Самсонову, храбрость Александрову, Іосифовъ разумъ, мудрость Соломоню, кротость Давидову, и умножи, Господи, вся человѣки подъ руку его. Лютѣ бѣснующемуся дати ножь, а лукавому власть(?). Паче всего неповижь сторовника нетерпѣлива. Аминь.

Кто этотъ Даніилъ-Заточникъ, и когда онъ жилъ — неизвѣстно. Извѣстія о его заточеніи находятся въ нашихъ лѣтописяхъ подъ годомъ 1378. Какъ бы то ни было, г. Сахаровъ заслуживаетъ особенную благодарность за перепечатаніе въ своей книгѣ рукописи Даніила-Заточника, столь интересной во многихъ отношеніяхъ. Кто бы ни былъ Даніилъ-Заточникъ,—можно заключить не безъ основанія, что это была одна изъ тѣхъ личностей, которыя, на бѣду себѣ, слишкомъ-умны, слишкомъ-даровиты, слишкомъ-много знаютъ, и не умѣя прятать отъ людей своего превосходства, оскорбляютъ самолюбивую посредственность; которыхъ сердце болитъ и снѣдается ревностію по дѣламъ, чуждымъ имъ, которыя говорятъ тамъ, гдѣ лучше было бы молчать, и молчатъ тамъ, гдѣ выгодно говорить; словомъ, одна изъ тѣхъ личностей, которыя люди сперва хвалятъ и холятъ, потомъ сживаютъ со свѣту, и, наконецъ, уморивши, снова начинаютъ хвалить...

Теперь намъ слѣдуетъ приступить къ сказочнымъ поэмамъ, заключающимся въ сборникѣ казака Кирши Данилова. Тамъ ихъ числомъ больше тридцати, кромѣ казачьихъ, а г. Сахаровъ помѣстилъ изъ нихъ въ своей книгѣ, въ отдѣлѣ «Былины русскихъ людей» только *одиннадцать*. Вообще, г. Сахаровъ обнаруживаетъ къ сборнику Кирши Данилова большую недовѣрчивость и даже что-то въ родѣ непріязни. Это дѣло требуетъ нѣкотораго поясненія. Рукопись сборника Кирши Данилова была найдена г. Демидовымъ, и издана (не вполнѣ) г. Якубовичемъ, въ 1804 году, подъ титуломъ «Древнія Русскія Стихотворенія». Потомъ рукопись перешла во владѣніе графа Н. П. Румянцева, по порученію котораго и издана была г. Калайдовичемъ въ 1816 году, подъ титуломъ: «Древнія *Россійскія* Стихотворенія, собранныя Киршею Даниловымъ, и вторично изданныя, съ присовокупленіемъ 35 пѣсенъ и сказокъ доселѣ неизвѣстныхъ, и нотъ для напѣва». Въ предисловіи своемъ, г. Калайдовичъ говоритъ:

«Сочинитель, или вѣрнѣе, собиратель древнихъ стихотвореній, ибо многія принадлежатъ временамъ отдаленнымъ, *былъ* нѣкто *Кирша*, безсомнѣнія, по малоросійскому выговору Кириллъ, такъ-какъ *Паша* — Павелъ, Даниловъ, вѣроятно, козакъ, ибо онъ изрѣдка воспѣваетъ подвиги храбраго сего войска съ особеннымъ восторгомъ. Имя его было поставлено на первомъ, теперь уже потерянномъ листѣ древнихъ стихотвореній. За справедливость сего ручается г. Якубовичъ. Въ 36 піесѣ «Да не жаль добра молодца битаго, жаль похмѣльнаго», гдѣ онъ самъ себя именуетъ «Кирилломъ Даниловичемъ», посвящая сіе произведеніе вину и дружбѣ. Мѣсто его рожденія или пребыванія означить трудно; ибо въ піесѣ «Три года Добрынюшка стольничалъ», на стр. 37 говоритъ сочинитель:

А не было Добрынѣ шесть мѣсяцовъ.
По *нашему по-сибирскому* словетъ полгода.

«По сему не безъ вѣроятія заключить можемъ, что нѣкоторыя изъ стихотвореній сочинены въ Сибири. Въ статьѣ «Василій Буслаевъ», на стр. 73.

А и нѣтъ *у насъ* такого пѣвца
Во славномъ Новѣгородѣ,
Супротивъ Василья Буслаева.

«И наконецъ въ «Чурильѣ игуменьѣ», на стр. 383, представляетъ себя жителемъ кіевскимъ:

Да много было въ Кіевѣ божьихъ церквей,
А больше того почестныхъ монастырей;
А не было чуднѣе Благовѣщенія Христова.
А *у нашего* Христова Благовѣщенья честнова
А былъ де *у насъ* Иванъ пономарь.

«Собиратель древнихъ стихотвореній долженъ принадлежать къ первымъ десятилѣтіямъ XVIII вѣка.»

Г. Сахаровъ спрашиваетъ: «на чемъ основано, что собирателемъ древнихъ стихотвореній былъ Кирша Даниловъ? На томъ, что имя его поставлено на первомъ листѣ рукописи. Гдѣ этотъ листъ? Калайдовичъ говоритъ, что онъ потерялся. Кто видѣлъ листъ съ подписью? Одинъ только издатель Якубовичъ, который, по словамъ Калайдовича, ручается за справедливость этого извѣстія?»

Коротко и ясно: изъ всего этого г. Сахаровъ хочетъ вывести слѣдствіе, что Кирша Даниловъ отнюдь не былъ собирателемъ древнихъ стихотвореній. Прекрасно; но въ чемъ споръ и есть ли о чемъ тутъ спорить? Кирша Даниловъ—хорошо; не онъ, а другой, г. А. г. Б. г. В—также хорошо: по-крайней-мѣрѣ въ обоихъ случаяхъ стихотворенія не дѣлаются ни лучше, ни хуже. Впрочемъ, всѣ причины стоятъ за Киршу Данилова, и ни одной противъ него; это ясно какъ день. Во-первыхъ, нужно же какое-нибудь общее имя для означенія сборника древнихъ стихотвореній: зачѣмъ же выдумывать новое, когда уже глаза всей читающей публики пригляделись въ печати къ имени Кирши Данилова? Во-вторыхъ, что имя его могло стоять на заглавномъ листкѣ — это вѣрнѣе, чѣмъ то, что его не было на немъ, ибо это имя упоминается въ текстѣ цѣлой пѣсни, сочиненной самимъ собирателемъ. Вотъ она:

А и не жаль мнѣ-ко битаго, грабленаго,
А и того ли Ивана Сутырина,
Только жаль добраго молодца похмѣльнаго,
А того ли Кирилу Даниловича.
У похмѣльнаго добраго молодца буйна голова болитъ:
А вы, милы мои братцы, товарищи, друзья!
Вы купите винца, опохмѣльте молодца.
Хоть горько да жидко—давай еще;
Замѣните мою смерть животомъ своимъ:
Еще нѣ въ кое время пригожусь я вамъ.

Разумѣется, смѣшно было-бы почитать Киршу Данилова сочинителемъ древнихъ стихотвореній; но кто же говорилъ, или утверждалъ это? Всѣ эти стихотворенія неоспоримо древнія. Начались они, вѣроятно, во вре-

мена татарщины, если не раньше: по-крайней-мѣрѣ, всѣ богатыри Владиміра красна-солнышка безпрестанно сражаются въ нихъ съ Татарами. Потомъ, каждый вѣкъ и каждый пѣвунъ или сказочникъ измѣнялъ ихъ по-своему, то убавляя, то прибавляя стихи, то перенначивая старые. Но сильнѣйшему измѣненію они подверглись, вѣроятно, во времена единодержавія въ Россіи. И потому отнюдь не удивительно, что удалой казакъ Кирша Даниловъ, *гуляка праздный*, не оставилъ ихъ совершенно въ томъ видѣ, какъ услышалъ отъ другихъ. И онъ имѣлъ на это полное право: онъ былъ поэтъ въ душѣ, что́ достаточно доказывается его страстію къ поэзіи и терпѣніемъ положить на бумагу 60 большихъ стихотвореній. Нѣкоторые изъ нихъ могутъ принадлежать и самому-ему, какъ выше-выписанная нами пѣсня: «А и не жаль мнѣ-ко битаго, грабленаго». На Руси изстари заведено, что умный человѣкъ непремѣнно горькій пьяница: такъ, или почти такъ справедливо замѣтилъ гдѣ-то Гоголь. Въ слѣдующей пѣснѣ, отличающейся глубокимъ и размашистымъ чувствомъ тоски и грустной ироніею, Кирша Даниловъ является истиннымъ поэтомъ русскимъ, какой только возможенъ былъ на Русси до вѣка Екатерины-Великой:

А и горе, горе, гореваньице!
А и въ горѣ жить—не кручинну быть,
Нагому ходить—не стыдитися,
А и денегъ нѣту—передъ деньгами,
Появилась гривна—передъ злыми дни.
Не бывать плѣшатому кудрявому,
Не бывать гулящему богатому,
Не отростить дерева суховерхаго,
Не откормить коня сухопараго,
Не утѣшити дитя безъ матери,
Не скроить атласу безъ мастера.
А горе, горе, гореваньице!
А и лыкомъ горе подпоясалось,
Мочалами ноги изопутаны!
А я отъ горя въ темны лѣса —
А горе прежде вѣкъ зашелъ;
А я отъ горя въ почестный пиръ —
А горе зашелъ, впереди сидитъ;
А я отъ горя на царевъ кабакъ —
А горе встрѣчаетъ, ужь пиво тащитъ.
Какъ я нагъ-то сталъ, насмѣялся онъ.

Кирша Даниловъ жилъ въ Сибири, какъ это видно изъ частыхъ выраженій: «*а понашему по-сибирскому*», и изъ нѣкоторыхъ поэмъ, посвященныхъ памяти подвиговъ завоевателя Сибири, Ермака. Очень вѣроятно, что въ Сибири Кирша имѣлъ больше, чѣмъ гдѣ-нибудь, возможности собрать древнія стихотворенія: обыкновенно колонисты съ особенною любовію и особеннымъ стараніемъ хранятъ памятники своей первобытной родины. Вообще, въ Сибири и теперь еще сохранился во всей чистотѣ первобытный духовный типъ старой Руси.

«Древнія Стихотворенія», заключающіяся въ сборникѣ Кирши Данилова, большею частію эпическаго содержанія въ сказочномъ родѣ. Есть большая разница между поэмою, или рапсодомъ и между сказкою. Въ поэмѣ, поэтъ какъ-бы уважаетъ свой предметъ, ставитъ его выше себя и хочетъ въ другихъ возбудить къ нему благоговѣніе; сказочникъ — себѣ на умѣ: цѣль его занять праздное вниманіе, разсѣять скуку, позабавить другихъ. Отсюда происходитъ большая разница въ тонѣ того и другаго рода произведеній: въ первомъ, важность, увлеченіе, иногда возвышающееся до паѳоса, отсутствіе ироніи, а тѣмъ болѣе—пошлыхъ шутокъ; въ основаніи втораго всегда замѣтна задняя мысль, замѣтно, что разскащикъ самъ не вѣритъ тому, что́ разсказываетъ, и внутренно смѣется надъ собственнымъ разсказомъ. Это особенно относится къ русскимъ сказкамъ. Кромѣ «Слова о Пълку Игоревѣ», изъ народныхъ произведеній у насъ нѣтъ ни одной поэмы, которая не носила бы на себѣ сказочнаго

характера. Русскій человѣкъ любитъ небылицы какъ забаву въ праздныя минуты долгихъ зимнихъ вечеровъ, но не подозрѣваетъ въ нихъ поэзіи. Ему странно и дико было бы узнать, что *ученые бары* списываютъ и печатаютъ его росказни и побасенки не *для* шутки и смѣха, а какъ что-то важное. Онъ отдаетъ преимущество пѣснѣ передъ сказкою, говоря, что «пѣсня — быль, а сказка—*ложь*». У него нѣтъ никакого предчувствія о близкомъ сродствѣ *вымысла* съ *творчествомъ*: вымыслъ *для* него все равно, что ложь, что вздоръ, что чепуха. А между-тѣмъ, «Древнія Стихотворенія» не сказки собственно, но, какъ мы сказали, *поэмы въ сказочномъ родѣ*. Можетъ-быть, первоначально они явились чисто-эпическими отрывками, а потомъ уже, измѣняясь со временемъ, получили свой сказочный характеръ; может-быть также, что въ-слѣдствіе варварскаго понятія о вымыслѣ, и съ самаго начала явились они поэмами-сказками, въ которыхъ поэтическій элементъ былъ осиленъ прозою народнаго взгляда на поэзію. Въ книжкѣ г. Сахарова «Русскія Народныя Сказки» есть нѣсколько сказокъ почти одинаковаго содержанія и почти такъ же изложенныхъ, какъ нѣкоторыя «Былины Русскихъ Людей», помѣщенныя имъ въ «Сказаніяхъ Русскаго Народа». Разница въ томъ, что въ *сказкахъ* есть нѣкоторыя лишнія противъ *былинъ* подробности, и въ томъ, что первыя напечатаны прозою, а вторыя стихами. И мы думаемъ, что г. Сахаровъ сдѣлалъ это не безъ основанія: хотя и всѣ наши сказки сложены какою-то мѣрною прозою, но этотъ метризмъ, если можно такъ выразиться, составляетъ въ нихъ побочное достоинство и часто нарушается мѣстами, тогда какъ въ поэмахъ, метръ, хотя и силлабическій, и притомъ не всегда правильный, составляетъ ихъ необходимую принадлежность. Сверхъ-того, есть нѣкоторая разница въ манерѣ, въ замашкѣ разсказа между сказкою и поэмою: первая объемлетъ собою всю жизнь богатыря, начинается его рожденіемъ, а оканчивается смертію; поэма, напротивъ, схватываетъ одинъ какой-нибудь моментъ изъ жизни богатыря, и силится создать изъ него нѣчто отдѣльное и цѣльное. И потому, одна сказка заключаетъ въ себѣ два, три и болѣе эпическіе рапсода, какъ, напр., о Добрынѣ и объ Ильѣ-Муромцѣ. Въ тонѣ сказокъ больше простонароднаго, житейскаго, прозаическаго; въ тонѣ поэмъ больше поэзіи, полету, одушевленія, хотя тѣ и другія разсказываютъ часто объ одномъ и томъ же предметѣ и очень сходно, нерѣдко одними и тѣми же выраженіями. Такъ-какъ русскій человѣкъ почиталъ сказку «пересыпаньемъ изъ пустаго въ порожнее», то онъ не только не гонялся за правдоподобіемъ и естественностію, а еще какъ-будто поставлялъ себѣ за непремѣнную обязанность умышленно нарушать и искажать ихъ до безсмыслицы. По его понятію, чѣмъ сказка неправдоподобнѣе и нелѣпѣе, тѣмъ лучше и занимательнѣе. Это перешло и въ поэмы, которыя преисполнены самыми рѣзкими несообразностями. Мы сейчасъ дадимъ это увидѣть самимъ читателямъ нашимъ, — для чего и перескажемъ имъ вкратцѣ содержаніе всѣхъ поэмъ, находящихся въ сборникѣ Кирши Данилова.

Намъ удавалось слышать до крайности странное мнѣніе, будто изъ нашихъ сказочныхъ поэмъ можно составить одну большую цѣлую поэму, подобно тому, какъ, будто-бы, изъ рапсодовъ была составлена «Иліада». Теперь уже и о происхожденіи «Иліады» многими оставлено такое мнѣніе, какъ неосновательное; что̀ же до на-

шихъ рапсодовъ, то мысль склеить ихъ въ одну поэму, есть злая насмѣшка надъ ними. Поэма требуетъ единства мысли, а въ-слѣдствіе ея—гармоніи въ частяхъ и цѣлости въ общемъ. Изъ содержанія нашихъ рапсодовъ, мы увидимъ, что искать въ нихъ общей мысли—все равно, что ловить жемчужныя раковины въ Фонтанкѣ. Онѣ ничѣмъ не связаны между собою; содержаніе всѣхъ ихъ одинаково, обильно словами, скудно дѣломъ, чуждо мысли. Поэзія къ прозѣ содержится въ нихъ какъ ложка меду къ бочкѣ дегтю. Въ нихъ нѣтъ никакой послѣдовательности, даже внѣшней; каждая изъ нихъ сама-по-себѣ, не вытекаетъ изъ предъидущей, ни заключаетъ въ себѣ начала послѣдующей. Внѣшнее единство «Иліады» основано на гнѣвѣ Ахиллеса противъ Агамемнона за плѣнницу Бризеиду; Ахиллесъ отказывается отъ боя, и, въ-слѣдствіе этого, Эллины претерпѣваютъ страшныя пораженія отъ Троянъ и погибаетъ Патроклъ; тогда Ахиллъ мирится съ Агамемнономъ, поражаетъ торжествовавшихъ Троянъ, и убійствомъ Гектора выполняетъ свою клятву мщенія за смерть Патрокла. Потому-то въ «Иліадѣ» вторая пѣсня слѣдуетъ за первою, а третья за второю, и такъ далѣе, отъ первой до 24-й включительно, не по цифрамъ, въ началѣ ихъ произвольно-поставленнымъ собирателемъ, а по внутреннему развитію хода событій. Въ нашихъ же рапсодахъ нѣтъ общаго событія, нѣтъ одного героя. Хоть и наберется поэмъ двадцать, въ которыхъ упоминается имя великаго князя Владиміра красна-солнышка, но онъ является въ нихъ внѣшнимъ только героемъ: самъ не дѣйствуетъ ни въ одной, и вездѣ только пируетъ, да похаживаетъ по гриднице свѣтлой, расчесывая кудри черныя. Что же касается до связи этихъ поэмъ, то нѣкоторыя изъ нихъ точно должны бы слѣдовать въ книгѣ одна за другою, чего, къ-сожалѣнію, не сдѣлалъ Калайдовичъ, напечатавшій ихъ, вѣроятно, въ такомъ порядкѣ, въ какомъ онѣ находились въ сборникѣ Кирши Данилова. Но это относится къ очень-немногимъ, такъ-что не болѣе трехъ могутъ составить одно, и это одно всегда имѣетъ своего героя, помимо Владиміра, о которомъ во всѣхъ равно упоминается. Герои эти—богатыри, составлявшіе дворъ Владиміра. Они со всѣхъ сторонъ стекаются къ нему на службу. Это очевидно отголосокъ старины, отраженіе давней были, въ которой есть своя доля истины. Владиміръ не является въ этихъ поэмахъ ни лицомъ дѣйствительнымъ, ни характеромъ опредѣленнымъ, а напротивъ какою-то миѳическою полутѣнью, какимъ-то сказочнымъ полуобразомъ, болѣе именемъ, нежели человѣкомъ. Такъ-то поэзія всегда вѣрна исторіи: чего не сохранила исторія, того не передастъ и поэзія; а исторія не сохранила намъ образа Владиміра-язычника, поэзія же не дерзнула коснуться Владиміра-христіанина. Нѣкоторые изъ богатырей Владиміра переданы намъ этою сказочною поэзіею, какъ-то: *Алеша Поповичъ* съ другомъ своимъ *Екимомъ Ивановичемъ*, *Дунай сынъ Ивановичъ*, *Чурило Пленковичъ*, *Иванъ Гостиный сынъ*, *Добрыня Никитичъ*, *Потокъ Михайло Ивановичъ*, *Илья Муромецъ*, *Михайло Казариновъ*, *Дюкъ Степановичъ*, *Иванъ Годиновичъ*, *Гордей Блудовичъ*, *жена Ставра Боярина*, *Касьянъ Михайловичъ*; нѣкоторые только упоминаются по имени, какъ-то: *Самсонъ Колывановичъ*, *Суханъ Домантьевичъ*, «*Святогоръ* богатырь и *Полканъ* другой», *Семь братовъ Збродовичей* и два брата *Хапиловы*... Но пусть само дѣло гово-

ритъ за себя. Начнемъ съ *Алеши Поповича*.

—

Изъ славнаго Ростова, красна города, вылетывали два ясные сокола, выѣзжали два могучіе богатыря,

Что по имени Алёшинька Поповичъ младъ
А со молодомъ Екимомъ Ивановичемъ.

Наѣхали они въ чистомъ полѣ на три дороги широкія, а при тѣхъ дорогахъ лежитъ горючь камень съ надписями; Алёша Поповичъ проситъ Екима Ивановича, «какъ въ грамотѣ поученаго человѣка» прочесть тѣ надписи. Одна изъ нихъ означала путь въ Муромъ, другая въ Черниговъ, третья —«ко городу Кіеву, ко *ласкову* князю Владиміру». Екимъ Ивановичъ спрашиваетъ, куда ѣхать; Алеша Поповичъ рѣшаетъ—къ Кіеву. Не доѣхавши до *Сафатъ* рѣки (?), остановились на зеленыхъ лугахъ покормить добрыхъ коней. Здѣсь мы остановимся съ ними, чтобъ спросить, что это была за рѣка *Сафатъ*, протекавшая между Ростовымъ и Кіевомъ? Вѣроятно, она зашла туда изъ Палестины... Разбивъ шатры, стреноживъ коней, добры молодцы стали «опочивъ держать».

Прошла та ночь осенняя,
Ото сна пробуждается,
Встаетъ рано ранешенько,
Утреннею зарею умывается,
Бѣлою ширинкою утирается,
На востокъ онъ Алеша Богу молится.

Екимъ Ивановичъ поймалъ коней, напоилъ ихъ въ Сафатъ-рѣкѣ и, *по приказанію Алеши*, осѣдлалъ ихъ. Лишь только хотѣли они ѣхать «ко городу Кіеву», какъ попадается имъ *калика перехожій*.

Лапотки на немъ семи шелковъ,
Подковырены чистымъ серебромъ,
Личико унизано красныимъ золотомъ,
Шуба соболиная, долгополая,
Шляпа сорочинская, земли греческой,
Въ тридцать пудъ шеленуга подорожная,
Въ пятьдесятъ пудъ палица свинцу чебурацкаго.

Вопросъ: какъ же шелепуга могла быть въ *тридцать пудъ*, если одного свинцу въ ней было *пятьдесятъ* пудъ?.. Калика говорилъ имъ таково слово:

«Гой вы еси, удалы добры молодцы!
«Видѣлъ я Тугарина Змѣевича:
«Въ вышину ли онъ, Тугаринъ, трехъ сажень,
«Промежъ плечей косая сажень,
«Промежду глазъ калена стрѣла;
«Конь подъ нимъ какъ лютый звѣрь,
«Изъ хайлища пламень пышетъ,
«Изъ ушей дымъ столбомъ стоитъ».

Алеша Поповичъ *привязался* къ каликѣ, отдаетъ ему свое платье богатырское, а у него проситъ себѣ каличьяго,—и его просьба состоитъ въ повтореніи слово-въ-слово выписанныхъ нами стиховъ, изображающихъ одѣяніе и оружіе калики. Калика соглашается, и Алеша Поповичъ, кромѣ шелепуги, беретъ еще про запасъ чинжалище булатное и идетъ за Сафатъ-рѣку:

Завидѣлъ тутъ Тугаринъ Змѣевичъ младъ,
Заревѣлъ зычнымъ голосомъ,
Продрогнула дубровушка зеленая,
Алеша Поповичъ едва живъ идетъ.
Говорилъ тутъ Тугаринъ Змѣевичъ младъ:
«Гой еси, калика перехожая!
«А гдѣ ты слыхалъ, и гдѣ видалъ
«Про млада Алешу Поповича:
«А и я бы Алешу копьемъ закололъ,
«Копьемъ закололь и огнемъ спалилъ».
Говорилъ тутъ Алеша каликою:
«А и ты ой еси, Тугаринъ Змѣевичъ младъ!
«Поѣзжай поближе ко мнѣ,
«Не слышу я, что ты говоришь».
Подъѣзжалъ къ нему Тугаринъ Змѣевичъ младъ,
Сверстался Алеша Поповичъ младъ
Противъ Тугарина Змѣевича,
Хлопнулъ его шелепугою по буйной головѣ,
Расшибъ ему буйну голову—
И упалъ Тугаринъ на сыру землю;
Вскочилъ ему Алеша на черну грудь.

Втапоры взмолится Тугаринъ Змѣевичъ младъ:
«Гой еси ты, калика перехожая!
«Не ты ли Алеша Поповичъ младъ?
«Только ты Алеша Поповичъ младъ,
«Семъ побратуемся съ тобою».
Втапоры Алеша врагу не вѣровалъ,
Отрѣзалъ ему голову прочь,
Платье съ него снималъ цвѣтное
На сто тысячей—и все платье на себя надѣвалъ.

Увидѣвъ Алешу Поповича въ платьѣ Тугарина Змѣевича, Екимъ Ивановичъ и калика перехожій пустились отъ него бѣжать; когда жь онъ ихъ нагналъ, Екимъ Ивановичъ бросилъ себѣ назадъ палицу въ тридцать пудъ, попалъ Алешѣ въ грудь—и тотъ повалился съ коня замертво.

Втапоры Екимъ Ивановичъ
Скочилъ со добра коня, сѣлъ на груди ему:
Хочетъ пороть груди бѣлыя—
И увидѣлъ на немъ золотъ чуденъ крестъ,
Самъ заплакалъ, говорилъ каликѣ перехожему:
«По грѣхамъ надо мною Екимомъ учинилося,
«Что убилъ своего братца роднмаго».
И стали его оба трясти и качать,
И потомъ подали ему вина заморскаго;
Отъ того онъ здравъ сталъ.

Алеша Поповичъ обмѣнился съ каликою платьемъ, а тугариново положилъ себѣ въ *чемоданъ*. Пріѣхали въ Кіевъ,

Скочили съ добрыхъ коней,
Привязали къ дубовымъ столбамъ,
Пошли во свѣтлы гридни;
Молятся Спасову образу,
И бьютъ челомъ покланяются
Князю Владиміру и княгинѣ *Апраксьевнѣ*,
И на всѣ четыре стороны;
Говорилъ имъ ласковый Владиміръ князь:
«Гой вы еси, добры молодцы!
«Скажитеся, какъ васъ по имени зовутъ:
«А по имени вамъ мочно мѣсто дать,
«По изотчеству можно пожаловати».
Говорилъ тутъ Алеша Поповичъ младъ:
«Меня, осударь, зовутъ Алешею Поповичемъ,
«Изъ города Ростова, стараго попа соборнаго».

Втапоры Владиміръ князь обрадовался,
Говорилъ таковы слова:
«Гой еси, Алеша Поповичъ младъ!
«По отечеству садися въ большое мѣсто, въ передній уголокъ,
«Въ другое мѣсто богатырское,
«Въ дубову скамью противъ меня,
«Въ третье мѣсто куда самъ захочешь».
Не садился Алеша въ мѣсто большое,
И не садился въ дубову скамью,
Сѣлъ онъ со своими товарищи на полатный брусъ (!!?!).

Вдругъ — о чудо! — на золотой доскѣ двѣнадцать богатырей несутъ Тугарина Змѣевича—того самаго, которому такъ недавно Алеша отрубилъ голову,—несутъ живаго и сажаютъ на *большое мѣсто*.

Тутъ повары были догадливы:
Понесли яства сахарныя и питья медвяныя,
А питья все заморскія,
Стали тутъ пить, ѣсть, прохлаждатися;
А Тугаринъ Змѣевичъ нечестно хлѣба ѣстъ:
По цѣлой ковригѣ за щеку мечетъ.
Тѣ ковриги монастырскія;
И нечестно Тугаринъ питья пьетъ:
По цѣлой чашѣ охлестываетъ,
Котора чаша въ полтретья ведра.
И говорилъ втапоры Алеша Поповичъ младъ:
«Гой еси ты, ласковый сударь, Владиміръ князь!
«Что у тебя за болванъ пришелъ,
«Что за дуракъ неотесаной!
«Нечестно у князя за столомъ сидитъ,
«Ко княгинѣ онъ, собака, руки въ пазуху кладетъ,
«Цалуетъ во уста сахарныя,
«Тебѣ князю насмѣхается».

Далѣе, Алеша говоритъ, что у его отца была скверная собака, которая подавилась костью, и которую онъ, взявши за хвостъ, подъ гору махнулъ: «отъ меня Тугарину то же будетъ».

Тугаринъ почернѣлъ какъ осення ночь,
Алеша Поповичъ сталъ какъ свѣтелъ мѣсяцъ.

Начавши рушить лебедь бѣлую, княгиня обрѣзала себѣ рученку лѣвую,

Завернула рукавцомъ; подъ столъ опустила,
Говорила таково слово:

«Гой вы есп, княгини, боярыни!
«Либо мнѣ рѣзать лебедь бѣлую,
«Либо смотрѣть на милъ животъ,
«На молода Тугарина Змѣевича».

Тугаринъ схватилъ лебедь бѣлую, да разомъ ее за щеку, да еще ковригу монастырскую. Алеша опять повторяетъ свое воззваніе къ Владиміру тѣми же словами; только, вмѣсто собаки, говоритъ о коровищѣ старой, которая, забившись въ поварню, выпила чанъ *браги прѣсныя* и отъ-того лопнула, и которую онъ, Алеша, за хвостъ да подъ-гору: «Отъ меня Тугарину то же будетъ». Потемнѣвъ, какъ осенняя ночь, Тугаринъ бросилъ въ Алешу чингалищемъ булатнымъ, но Поповичъ «на то-то вертокъ былъ», и Тугаринъ не попалъ въ него. Екимъ спрашиваетъ Алешу: самъ ли онъ броситъ въ Тугарина, али ему велитъ? Алеша сказалъ, что онъ завтра самъ съ нимъ перевѣдается, подъ великій закладъ—не о стѣ рубляхъ, не о тысячѣ, а о своей буйной головѣ. Князья и бояре скочили на рѣзвы ноги, и всѣ за Тугарина поруки держатъ: князья кладутъ по сту рублевъ, бояре по пятидесяти, *крестьяне* (?) по пяти рублевъ, а случившіеся тутъ гости купеческіе подписываютъ подъ Тугарина три корабля свои съ товарами заморскими, которы стоятъ на быстромъ Днѣпрѣ; а за Алешу подписывалъ владыка черниговскій.

Втапоры Тугаринъ и вонъ ушелъ,
Садился на своего добра коня,
Поднялся на бумажныхъ крыльяхъ подъ небесью летать.
Скочила княгиня Апраксѣевна на рѣзвы ноги,
Стала пѣнять Алешѣ Поповичу:
«Деревенщина ты, засельщина!
«Не *далъ* посидѣть другу милому».
Втапоры Алеша того не слушался,
Звился съ товарищи и вонъ пошелъ.

На берегу Сафатъ-рѣки пустили они коней въ зеленые луга, разбили шатры и стали «опочивъ держать». Алеша всю ночь не спитъ, со слезами Богу молится, чтобъ послалъ тучу грозную; молитва алешина дошла до Христа, послалъ онъ «тучу съ градомъ дождя», подмочилъ Тугарину крылья бумажныя, и лежитъ онъ, какъ собака, на сырой землѣ. Екимъ извѣщаетъ Алешу, что видѣлъ Тугарина на сырой землѣ, — Алеша снаряжается, садится на добра коня, беретъ сабельку острую.

И увидѣлъ Тугаринъ Змѣевичъ Алешу Поповича,
Заревѣлъ зычнымъ голосомъ:
«Гой еси, Алеша Поповичъ младъ!
«Хошъ ли я тебя огнемъ спалю,
«Хошъ ли, Алеша, конемъ стопчу,
«Али тебя, Алешу, копьемъ заколю?»
Говорилъ ему Алеша Поповичъ младъ:
«Гой ты еси, Тугаринъ Змѣевичъ младъ!
«Бился ты со мной о великъ закладъ,
«Биться, драться одинъ-на-одинъ:
«А за тобою нонѣ силы смѣты нѣтъ
«На меня Алешу Поповича».
Оглянется Тугаринъ назадъ себя,
Втапоры Алеша подскочилъ, ему голову срубилъ —
И пала глава на сыру землю, какъ пивной котелъ.

Проколовъ уши головѣ Тугарина, Алеша привязалъ ее къ сѣдлу, привезъ въ Кіевъ въ княженецкій дворъ и бросилъ середи двора. А Владиміръ князь повелъ его во свѣтлы гридни, сажалъ за убраны столы — тутъ *для* Алеши и столъ пошелъ. За столомъ говоритъ ему Владиміръ князь:

«Гой еси, Алеша Поповичъ младъ!
«*Часъ ты мнѣ свѣтъ далъ*;
«Пожалуй ты живи въ Кіевѣ,
«Служи мнѣ, князю Владиміру —
«До люби тебя пожалую».
Втапоры Алеша Поповичъ младъ князя не ослушался,
Сталъ служить вѣрою и правдою;
А княгиня говорила Алешѣ Поповичу:
«Деревенщина ты, засельщина!
«Разлучилъ меня съ другомъ милымъ,
«Съ молодымъ Змѣемъ Тугаретинымъ».
Отвѣчаетъ Алеша Поповичъ младъ:
«А ты гой еси, матушка княгиня Апраксѣевна!
«Чуть не назвалъ я тебя сукою,
«Сукою-то, волочайкою».
То старина, то и дѣянье.

—

И вотъ, читатели, вы уже знакомы съ однимъ изъ богатырей *ласкова князя Владиміра красна-солнышка;* вы уже знаете, за какую службу и съ какими обрядами Алеша былъ принятъ ко двору его. Тутъ не было рыцарскаго посвященія; не ударяли по плечу шпагою, не надѣвали серебряныхъ шпоръ; битва была не за красоту, а противъ красоты, красоты весьма-неграціозной и въ словахъ, и въ манерахъ, и въ характерѣ. Не ищите тутъ миѳовъ съ обще-человѣческимъ содержаніемъ; не ищите художественныхъ красотъ поэзіи; но въ этихъ странныхъ и оригинальныхъ оборотахъ все-таки есть поэтическіе элементы, если не поэзія; въ этихъ дикихъ и неопредѣленныхъ образахъ народной фантазіи все-таки есть смыслъ и значеніе, если нѣтъ мысли, — даже, если хотите, есть мысль, только частная, а не общая, народу, а не человѣчеству принадлежащая; и — повторяемъ — не смотря на дубоватую неграціозность образовъ, выраженіе, чуждое мысли, очень и очень нечуждо поэзіи. Чтó же касается до героя, онъ является съ характеромъ. Поповичъ — это богатырь больше хитрый, чѣмъ храбрый, больше находчивый, чѣмъ сильный. Онъ идетъ на битву съ Тугаринымъ переодѣвшись, подъ чужимъ видомъ; завидя врага, онъ *едва живъ идетъ* (разумѣется, отъ трусости); на возгласъ Тугарина, прикидывается глухимъ, — и когда тотъ подходитъ къ нему ближе, чтобъ говорить съ нимъ, а не сражаться, — онъ вдругъ хватаетъ его по головѣ шелепугою въ триста пудъ; Тугаринъ предлагаетъ ему побрататься, но не на таковскаго напалъ: Алеша не дастся въ обманъ по великодушію рыцарскому — «втапоры Алеша врагу не вѣровалъ». Готовясь ко второй битвѣ, онъ, въ смиренномъ сознаніи своихъ богатырскихъ силъ, молится о дождѣ, чтобъ подмочило у Змѣя бумажныя крылья, — и когда тотъ полетѣлъ на него, онъ опять прибѣгаетъ къ обману: «ты — говоритъ онъ ему — держалъ закладъ биться со мною единъ-на-единъ, а за тобою сила несмѣтная противъ меня»; Змѣй оглядывается назадъ, и Алеша въ эту минуту рубитъ ему голову. Екимъ Ивановичъ — добрый и честный богатырь; но онъ служитъ Алешѣ и безъ его спросу ничего не дѣлаетъ. Это — меньшой названый братъ его; это добродушная, честная сила, добровольно покорившаяся хитрому уму. Тугаринъ — хвастунъ, нахалъ, невѣжа; онъ при всѣхъ, весьма не по-рыцарски, весьма-неграціозно любезничаетъ съ Апраксѣевною; онъ у князя какъ у себя дома: ковригами глотаетъ, ушатами запиваетъ, какъ-бы для показанія полнаго своего презрѣнія къ обиженному супругу, какъ бы для того, чтобъ при всѣхъ наругаться надъ нимъ. Не-уже-ли это идеалъ стариннаго русскаго любовника чужой жены, которому мало наслажденія — нужно еще и ругаться и ломаться надъ несчастнымъ мужемъ?.. Мы еще не разъ встрѣтимся съ этимъ лицомъ, состоящимъ, какъ видно, на роляхъ *любовниковъ* въ репертуарѣ народнаго театра жизни; онъ еще явится намъ и подъ другимъ именемъ, но всегда змѣемъ. Въ его безобрáзномъ и без-óбразномъ лицѣ осуществилось сознаніе о *любви*, — и если этотъ русскій Донъ-Хуанъ, этотъ Ромео не совсѣмъ благообразенъ, — причина тому — особое созерцаніе чувства любви. Любовь до того была изгнана у этихъ людей изъ тѣснаго круга народнаго созерцанія жизни, что въ самомъ бракѣ являлась какимъ-то чуждымъ элементомъ; внѣ же брака, она — бѣсовская прелесть, дьявольское навожденіе, нечистое вожделѣніе Змѣя Горыныщата, преступная контрабанда жизни. Удивительно ли

послѣ этого, что эта любовь является въ подобныхъ поэмахъ такъ простонародно-неэстетическою, такъ цинически-чувственною, такъ оскорбительною и возмутительною для чувства, въ такихъ грубыхъ формахъ? Удивительно ли послѣ того, что любовникъ въ этихъ поэмахъ является въ видѣ змѣя, съ характеромъ хвастуна, наглеца и труса, а любовница представляется въ видѣ грубой, наглой и безстыдной бабы, съ манерами площадной торговки, и даже, — какъ увидимъ это ниже,—въ видѣ колдуньи, злой еретички?.. Въ княгинѣ Апраксѣевнѣ олицетворенъ идеалъ любовницы,—идеалъ, котораго полное осуществленіе мы увидимъ въ Маринѣ, непріятельницѣ Добрыни Никитича и любовницѣ Змѣя Горынщата. Странно только, какимъ-образомъ фантазія черни, выразившая въ Апраксѣевнѣ идеалъ эманципированной женщины (femme émancipée), навязала ее въ жены любимцу преданія, солнцу своей древней жизни и поэзіи—князю Владиміру. Нѣтъ сомнѣнія, что Владиміръ *миѳическій*, Владиміръ, окруженный богатырями, женящійся отъ живой жены, есть Владиміръ-язычникъ: народная поэзія, какъ мы сказали, не смѣла коснуться Владиміра *историческаго*, и потому не передала намъ ни его похода въ Корсунь, ни отношеній къ Византіи, ни послѣдовавшаго за тѣмъ времени его царствованія, передаваго исторіею и церковью. Это служитъ новымъ доказательствомъ нашей мысли, что эти поэмы или сложены были во время татарщины, если не послѣ ея (а отъ старины воспользовались только миѳическими, смутными преданіями и именами), или что онѣ были переиначены и передѣланы во время или послѣ татарщины.

Мы еще два раза встрѣтимся съ Алешею Поповичемъ, и увидимъ, что, даже являясь вскользь, онъ не измѣняетъ своего характера—Поповича; теперь же перейдемъ къ другому богатырю, женившему князя Владиміра.

—

Въ стольномъ городѣ во Кіевѣ,
Что у ласкова, сударь, князя Владиміра,
А и было пированье, почестный пиръ,
Было столованье, почестный столъ,
Много на пиру было князей и бояръ,
И русскихъ могучихъ богатырей;
А и будетъ день въ половину дня,
Княженецкій столъ во полу столѣ;
Владиміръ князь распотѣшился,
По свѣтлой гриднѣ похаживаетъ,
Черныя кудри расчесываетъ;
Говоритъ онъ, сударь, ласковой
Владиміръ князь таково слово:
«Гой еси вы, князи и бояра и могучіе богатыри!
Всѣ вы въ Кіевѣ пережепены,
Только я, Владиміръ князь, холостъ хожу,
А и холостъ я хожу, не женатъ гуляю;
А кто мнѣ-ка знаетъ супротивницу,
Супротивницу знаетъ красну дѣвицу:
Какъ бы та дѣвица станомъ статна,
Станомъ бы статна и умомъ сверстна,
Ея бѣлое лицо какъ-бы бѣлый снѣгъ,
И ягодицы какъ-бы маковъ цвѣтъ,
А и чорныя бровя какъ-бы соболи,
А и ясныя очи какъ-бы у сокола».

Тутъ большой за меньшаго хоронится, а отъ меньшаго отвѣта князю нѣтъ; тогда выступаетъ изъ стола *Иванъ Гостиный Сынъ*, и кричитъ зычнымъ голосомъ, прося слово молвити, слово единое, *безопальное*: «Я ли де Иванъ въ Золотой Ордѣ бывалъ у грознаго короля Етмануйла Етмануйловича, и видѣлъ его двухъ дочерей: первая дочь Настасья Королевишна, а другая Афросинья Королевишна; сидитъ Афросинья въ высокомъ терему, за тридесять замками булатными; а и буйные вѣтры не вихнутъ на ее, а красное солнце не печетъ лицо: а то-то, сударь, дѣвушка станомъ статна, станомъ статна и умомъ сверстна (слѣдуетъ повтореніе четырехъ послѣднихъ

стиховъ изъ рѣчи князя Владиміра); посылай ты, сударь, Дуная свататься». Князь приказалъ налить чашу зелена́ вина въ полтора ведра, и подносить ее Ивану Гостиному за тѣ слова его хорошія. Призвалъ онъ князь Дуная Ивановича въ спальню къ себѣ и посылалъ его на доброе дѣло, на сватанье, и давалъ ему золотой казны, триста жеребцовъ и могучихъ богатырей; подносилъ онъ ему, Дунаю, чару зелена́ вина въ полтора ведра; разгорѣлася утроба богатырская, и могучія плечи расходилися, какъ у молода Дуная Ивановича; не беретъ онъ золотой казны, не надо ему триста жеребцовъ и могучихъ богатырей, а проситъ онъ себѣ одного молодца, какъ бы молода Екима Ивановича, который служитъ Алешѣ Поповичу. А и князь тотчасъ самъ Екима руками привелъ: «Вотъ де те, Дунаю, будетъ паробочекъ». И пріѣхали добры молодцы, Дунай да Екимъ, въ Золоту Орду, къ тому ли грозному королю Етмануйлу Етмануйловичу. Говоритъ тутъ Дунай таково слово:

«Гой еси, король въ Золотой Ордѣ!
У тебя ли во палатахъ бѣлокаменныхъ
Нѣту Спасова образа,
Нѣкому у тебя помолитися,
А и не̂ за что тебѣ поклонитися».
Говоритъ тутъ король Золотой Орды,
А и самъ онъ король усмѣхается:
«Гой еси, Дунай, сынъ Ивановичъ!
Али ты ко мнѣ пріѣхалъ по старому
служить и по прежнему?»

Дунай объявляетъ королю о цѣли своего пріѣзда. А и тутъ королю за бѣду стало, а рветъ на главѣ кудри черныя и бросаетъ о *кирпищетъ* полъ и говоритъ, какъ бы не его, Дуная, прежняя служба, велѣлъ бы посадить его въ погреба глубокіе и уморилъ бы смертью голодною за тѣ его слова за бездѣльныя. Тутъ Дунаю за бѣду стало, разгорѣлось его сердце богатырское, вынималъ онъ сабельку острую, и говорилъ таковы слова: «какъ-бы де у тебя во дому не бывалъ, хлѣба соли не ѣдалъ, ссѣкъ бы по плечи буйную голову». Тутъ король *неладомъ* заревѣлъ зычнымъ голосомъ, псы борзы заходили на цѣпяхъ, а и хочетъ Дуная живьемъ стравить тѣми кобелями *меделянскими*. Дунай закричалъ къ Екиму, а тѣ мурзы, улановья не допустятъ Екима до добра коня, до его палицы тяжкія, *мѣдныя*, въ три тысячи пудъ; не попала ему палица *желѣзная*, что попала ему ось-то тележная, а и зачалъ Екимъ помахивати, и побилъ онъ силы семь тысячей, да пятьсотъ кобелей меделянскихъ. Король на все соглашался, и Дунай унималъ своего слугу вѣрнаго, и пошелъ къ высокому терему, гдѣ сидитъ Афросинья—двери у палатъ были железныя, а крюки, пробои по булату злачены. «Хоть ноги изломить, а двери выставить». Всѣ тутъ палаты зашаталися, бросится дѣвица, испужалася, хочетъ Дуная въ уста цаловать. Проговорилъ Дунай сынъ Ивановичъ: «А и ряженый кусъ, да не суженому ѣсть! Достанешься ты князю Владиміру». И хотятъ они ѣхать; спохватился тутъ король Золотой Орды, отрядилъ триста свои мурзы и улановья на тридцати телегахъ везти за Дунаемъ золото, серебро, жемчугъ скатный и каменья самоцвѣтные. Не доѣхавъ до Кіева за сто верстъ, наѣхалъ Дунай на бродучій слѣдъ, велѣлъ Екиму везти невѣсту ко Владиміру «честно, хвально и радостно», а самъ поѣхалъ по тому слѣду свѣжему, бродучему. Въ четвертые сутки наѣхалъ онъ на тѣхъ на лугахъ на потѣшныихъ,—куда ѣздилъ ласковый Владиміръ князь всегда за охотою, —на бѣлъ шатеръ, а во томъ шатрѣ опочивъ держитъ красна дѣвица, а и та ли Настасья Королевишна (*). Мо-

(*) Сестра Афросиньи, невѣсты Владиміра. Ка̂къ она туда зашла — не спрашивайте: вѣдь пѣсня—быль, а сказка—ложь...

лодой Дунай онъ догадливъ былъ: пустилъ онъ изъ лука калену стрѣлу семи четвертей—

Хлеснетъ онъ Дунай по сыру дубу,
А спѣла вѣдь тетивка у туга лука,
А дрогнетъ матушка сыра земля.
Отъ того удару богатырскаго,—
Угодила стрѣла въ сыръ кряковистый дубъ,
Изломала его въ черенья ножовые.
Бросилася дѣвица изъ бѣла шатра будто угорѣлая,
А и молодой Дунай онъ догадливъ былъ,
Скочилъ онъ, Дунай, съ добра коня,
И горездъ онъ съ дѣвицею дратися,
Ударилъ онъ дѣвицу по щекѣ,
А пнулъ онъ дѣвицу подъ....—
Женской полъ отъ того пухолъ живетъ,
Сшибъ онъ дѣвицу съ рѣзвыхъ ногъ,
Онъ выдернулъ чингалище булатное,
А и хочетъ взрѣзать груди бѣлыя;—
Втапоры дѣвица взмолилася:
«Гой еси ты, удалой добрый молодецъ!
Не коли ты меня дѣвицу до смерти,
Я у батюшки, сударя, отпрошалася,
Кто меня побьетъ во чистомъ полѣ
За того мнѣ дѣвицѣ замужъ идти».

А и туто Дунай тому ея слову обрадовался, думаетъ онъ разумомъ своимъ: «Во семи ордахъ я служилъ семи королямъ, а не могъ себѣ выжить красныя дѣвицы; нонѣ я нашелъ во чистомъ полѣ обрушницу, сопротивницу». Тутъ они обручилися, *вокругъ ракитова куста вѣнчалися*. Пріѣхали они во градъ Кіевъ, а Владиміръ-князь отъ злата вѣнца шелъ на свой княженецкій дворъ, и во свѣтлы гридни убиралися, за убраные столы сажалися. А и Дунай приходилъ во церковь соборную, просить честныя милости у того архіерея соборнаго, обвѣнчать на той красной дѣвицѣ. Рады были тому попы соборные—*въ тѣ годы присяги не вѣдали*—обвѣнчали Дуная Ивановича; вѣнчальнаго далъ Дунай пятьсотъ рублей. Пріѣхавъ ко двору князя Владиміра, Дунай велѣлъ доложить ему, что не въ чемъ идти княгинѣ молодой—платья женскаго только одна и есть епанечка бѣлая. А втапоры Владиміръ-князь онъ догадливъ былъ, *знаетъ онъ кого послать:* послалъ онъ Чурила Пленковича выдавать платьеце женское цвѣтное. (Послѣ этого пошло столованье). А жили они время не малое. На пиру у князя Владиміра, пьяный Дунай расхвастался, что нѣтъ въ Кіевѣ стрѣльца супротивъ его. Тутъ взговоритъ молода княгини *Апраксьевна*(?), что нѣту-де въ Кіевѣ такого стрѣльца, какъ любезной сестрицы ея Настасьи Королевишны. Тутъ Дунаю за бѣду стало, бросилъ съ женою жеребій, кому прежде стрѣлять. Досталось Дунаю на головѣ кольцо держать, отмѣрили версту тысячну, Настасья каленой стрѣлой сшибла съ головы золото кольцо. Втапоры Дунай становилъ на примѣту свою молоду жену, и стала княгиня Апраксѣевна его упрашивати: «то вѣдь шуточка пошучена».

Да говорила же и его молода жена:
«Оставимъ-де стрѣлять до другаго дня,
«Есть-де въ утробѣ у меня могучъ богатырь;
«Первой-де стрѣлкой не дострѣлишь,
«А другой-де перестрѣлишь,
«А третьею-де стрѣлкой въ меня угодишь».

Князья и бояре и всѣ сильны могучи богатыри стали Дуная уговаривати, а онъ Дунай *озадорился*, и стрѣлялъ перву стрѣлу.

И втапоры его молодая жена
Стала ему кланятся и передъ нимъ убиватся:
«Гой еси ты, мой любезный ладушка,
«Молодой Дунай сынъ Ивановичъ!
«Оставь шутку па три дни,
«Хоть не для меня, но для своего сына нерожденнаго.
«Завтра рожу тебѣ богатыря,
«Что не будетъ ему сопротивника».

Тому Дунай не повѣровалъ, и третьей стрѣлой въ жену угодилъ; прибѣжавши Дунай къ молодой женѣ, выдергивалъ чингалище булатное, скоро поролъ ей груди бѣлыя: — выскочилъ

изъ утробы удалъ молодецъ, онъ самъ говоритъ таково слово:

«Гой еси, сударь, мой батюшка!
«Какъ-бы далъ мнѣ сроку на три часа,
«А и я бы на свѣтѣ былъ попрыжѣе
«И получше въ семь семерицъ тебя».
А и тутъ молодой Дунай, сынъ Ивановичъ, запечалился,
Ткнулъ себя чингалищемъ въ бѣлы груди,
Сгоряча онъ бросился во быстру рѣку.
Потому быстра рѣка Дунай словетъ —
Своимъ устьемъ впала въ сине море.

—

Теперь мы знакомы съ тремя богатырями Владиміра. Послѣдвій выше первыхъ двухъ—не правда ли? Въ немъ и умъ, и сметливость, и богатырская рьяность, и прямота силы и храбрости, на себя опирающейся. Если Дунай не совсѣмъ вѣжливо и далеко не по-рыцарски обошелся съ Настасьей Королевишной — это не его вина: тутъ выразилось понятіе о любви и объ отношеніяхъ половъ. Сама Настасья не видитъ ничего страннаго, или обиднаго для нея, ни въ томъ, что Дунай билъ ее по щекамъ и подчивалъ пинькамн, ни въ томъ, что онъ чингалищемъ булатнымъ хотѣлъ вспороть ей груди бѣлыя: она съ тѣмъ и отпросилась у батюшки, что кто ее въ полѣ побьетъ, тотъ и за себя за мужъ возьметъ. *Колоченая посуда два вѣка живетъ*. — Притомъ же, если бъ Настасья одолѣла Дуная,—она не задумалась бы вспороть ему груди бѣлыя чингалищемъ булатнымъ. Въ Настасьѣ Королевишнѣ осуществленъ идеалъ амазонки по понятію черни. Жена богатыря должна рождать богатырей, а для этого сама должна быть богатыремъ своего пола. Поэтому, Настасья и мастерица такая изъ лука стрѣлять, что за версту сшибла кольцо съ головы мужа. Отношенія половъ, всего лучше выражаются въ смерти Настасьи. Всѣ богатыри хвастливы, особенно въ русскихъ сказкахъ; всѣ богатыри любятъ подпить, особенно русскіе: потому не удивителенъ вызовъ Дуная состязаться съ женою въ стрѣльбѣ. Просьбы другихъ, слезы жены только болѣе подстрекаютъ его богатырскую рьяность и раздражаютъ упорный характеръ. Убивъ жену, онъ спѣшитъ вспороть ей бѣлыя груди: ни слезы, ни вздоха *для* нея; но при видѣ сына, которому онъ не далъ своею опромтечивостію созрѣть настоящимъ образомъ, въ немъ пробуждается отеческое, а слѣдовательно, и человѣческое чувство. Печаль его переходитъ въ отчаяніе, разрѣшающееся самоубійствомъ. Обстоятельство, по которому приписывается быстрому Дунаю его имя, заключаетъ въ себѣ много поэзіи, и простые, безъискусственные стихи:

Потому быстра рѣка Дунай словетъ—
Своимъ устьемъ впала въ сине море—

дышутъ какимъ-то успокоительнымъ и примирительнымъ чувствомъ; въ нихъ высказывается широкое, хотя и совершенно-неопредѣленное созерцаніе.

Какимъ образомъ Настасья Королевишна могла разъѣзжать по полямъ, ища кто бы побилъ ее и женился на ней, въ то время, какъ сестра ея Афросинья сидѣла взаперти, за двѣнадцатью булатными замками; какимъ образомъ Афросинья Королевишна превращается, ни съ того ни съ сего, въ княгиню Апраксѣевну, которая Дуная называетъ зятемъ, а Настасью — сестрою—объ этомъ нечего и спрашивать у *сказки*. И не-уже-ли всѣ жены Владиміра превращались въ Апраксѣевну?.. Не забудьте притомъ, что въ предшествовавшей поэмѣ, Апраксѣевна уже отличалась съ Тугариномъ Змѣевичемъ; она не могла видѣть Екима прежде замужства Афросиньи, а между-тѣмъ, Екимъ видѣлъ ее прежде, чѣмъ увидѣлъ Афросинью: стало-быть, Владиміръ называлъ себя холостымъ

и хотѣлъ жениться отъ живой жены, а Афросинья превратилась въ Апраксѣевну для того, чтобъ избавить Владиміра отъ грѣха двоеженства?.. Вотъ тутъ и извольте составлять одну цѣлую поэму изъ народныхъ рапсодовъ!..

Читатели, конечно, замѣтили въ предшествовавшей поэмѣ, когда Дунай проситъ платья для своей жены, слѣдующіе стихи:

А втапоры Владиміръ князь онъ догадливъ былъ,
Знаетъ онъ кого послать:
Послалъ онъ Чурила Пленковича
Выдавать платьеце женское цвѣтное.

Стало-быть, гдѣ касалось дѣло до чего-нибудь женскаго, Чурила Пленковичъ былъ на своемъ мѣстѣ? Оно такъ и есть, какъ мы сейчасъ увидимъ. Въ лицѣ Чурилы народное сознаніе о любви какъ-бы попротиворѣчило себѣ, какъ-бы невольно сдалось на обаяніе соблазнительнѣйшаго изъ грѣховъ. Чурила—волокита, но не въ *змѣиномъ* родѣ. Это молодецъ хоть-куда, и лихой богатырь. Но онъ нисколько не противорѣчитъ нашему взгляду на сознаніе народное о любви. Крайности сходятся; въ фанатической Испаніи бывали примѣры вольнодумства, а въ Римѣ іерархія встрѣтила себѣ оппозицію прежде, чѣмъ въ самой Германіи. Въ этихъ случаяхъ должно брать въ соображеніе перевѣшивающій элементъ, а въ исключительныхъ явленіяхъ видѣть или случайности, или возможность въ будущемъ вступленія въ свои права и даже перевѣса противоположнаго элемента. И потому, мы смотримъ на Тугариныхъ какъ на нѣчто положительное, дѣйствительное и настоящее въ жизни древней Руси; а на Чурилу—какъ на фактъ, свидѣтельствовавшій о возможности въ будущемъ другаго рода любовниковъ, какъ на новый элементъ жизни, только подавленный, но не несуществующій.

Думая, что мы уже довольно познакомили читателей съ манерою и слогомъ поэмъ, разскажемъ о Чурилѣ своими словами и короче.

—

Во время столованія Владиміра, къ нему являются незнаемые люди, человѣкъ за триста избитыхъ, израненныхъ молодцовъ:

Булавами буйныя головы пробиваны,
Кушаками головы завязаны,
Бьютъ челомъ жалобу творятъ.

Это стрѣльцы княжіе; цѣлый день они рыскали по займищамъ и не встрѣтили ни одного звѣря, а встрѣтили триста молодцовъ, которые звѣрей всѣхъ повыгнали и повыловили, а ихъ перебили и переранили, и отъ-того «князю добычи нѣтъ», а имъ жалованья нѣтъ, «дѣти, жены осиротѣли, пошли по міру скитаться».

А Владиміръ князь стольный, кіевскій,
Пьетъ онъ, ѣстъ, прохлаждается,
Ихъ челобитья не слушаетъ.

Не успѣла эта толпа сойдти со двора—валитъ другая. Это рыболовы: съ ними та же исторія.

А Владиміръ князь стольный, кіевскій,
Пьетъ онъ, ѣстъ, прохлаждается,
Ихъ челобитья не слушаетъ.

Не успѣла и эта толпа свалить со двора—валятъ вдругъ двѣ новыя: то сокольники и кречетники. И съ ними то же. Противъ другихъ, они прибавили въ своемъ челобитьѣ, что ограбившая и прибившая ихъ ватага называется дружиною Чуриловою. Тутъ Владиміръ князь за то слово спохватится: «кто это Чурила есть таковъ?» Выступался тутъ старый бояринъ Бермята Васильевичъ:

«Я-де, осударь, про Чурилу давно вѣдаю,
«Чурила живетъ не въ Кіевѣ,
«А живетъ онъ пониже малаго Кіевца.
«Дворъ у него на семи верстахъ,
«Около двора желѣзный тынъ,
«На всякой тычинкѣ по маковкѣ,
«А и есть по жемчужинкѣ,—
«Середи двора свѣтлицы стоятъ,
«Гридни бѣлодубовыя,

«Покрыты сѣдымъ бобромъ.
«Потолокъ чёрныхъ соболей,
«Матица-то валженая,
«Полъ середа одного серебра,
«Крюки да пробои по булату злачены.
«Первые у него ворота вальящетыя,
«Другіе ворота хрустальныя,
«Третьи ворота оловянныя».

Итакъ, Чурила Пленковичъ — щеголь, франтъ, живетъ какъ сатрапъ восточный. Владиміръ князь ѣдетъ къ нему со дворомъ своимъ, въ числѣ пятисотъ человѣкъ. Встрѣчаетъ ихъ старый *Пленъ*; для князя и княгини отворяетъ ворота вальящетыя, а князямъ и боярамъ—хрустальныя, а простымъ людямъ—ворота оловянныя. Пошло столованье великое — *веселая бесѣда, на радости день*. Увидѣвъ въ окно толпу людей, князь говорилъ таково слово:

«По грѣхамъ надо мною княземъ учинилося,
«Князя меня въ домѣ не случилося,
«Ѣдетъ ко мнѣ король изъ орды,
«Или какой грозенъ посолъ».

Старый *Пленка Сароженинъ* только усмѣхается, самъ подчиваетъ, и говоритъ, что то не король и не посолъ ѣдетъ, а ѣдетъ-де дружина хорабрая сына его, молода Чурилы Пленковича. Къ вечеру, когда пиръ былъ во полу-пиръ, а и столъ былъ во полу-столъ (*), ѣдетъ самъ Чурила Пленковичъ, *а передъ нимъ несутъ подсолнечникъ, чтобъ не запекло солнце бѣла его лица*. Бралъ онъ Чурила ключи золотые, ходилъ въ подвалы глубокіе, вынималъ золоту казну: сорокъ сороковъ черныхъ соболей, другую сорокъ печерскихъ лисицъ, и камку бѣлохрущату, а цѣна камкѣ сто тысячей; приносилъ онъ ко князю Владиміру, клалъ передъ нимъ на дубовый столъ.

Втапоры Владиміръ князь стольный кіевскій
Больно со княгинею возрадовался,
Говорилъ ему таково слово:
«Гой еси ты, Чурила Пленковичъ!
«Не подобаетъ тебѣ въ деревнѣ жить
«Подобаетъ тебѣ, Чурилѣ, въ Кіевѣ жить, князю служить!...

Втапоры Чурила князя Владиміра не ослушался. И вотъ они въ Кіевѣ; посылаетъ князь Чурилу князей и бояръ въ гости звать къ себѣ, *а зватаю приказалъ брать со всякаго по десяти рублевъ*». Обходя гостей звать, Чурила зашелъ ко старому бояриму Бермятѣ Васильевичу, ко его молодой женѣ, къ той Катеринѣ прекрасныя, — *и тутъ онъ позамѣшкался*. Князь Владиміръ то замѣшканье ему ни во что положилъ. Пошло столованье и пированье. Тогда на другой день рано поутру князи и бояре въ заутрени пошли — въ тотъ день выпадала пороха снѣгу бѣлаго — и нашли они свѣжій слѣдъ, — сами они дивуются: *либо зайка скакалъ, либо бѣлъ горностай.*

А иные тутъ усмѣхаются «сами говорятъ:
«Знать это не зайка скакалъ, не бѣлъ горностай,
«Это шелъ Чурила Пленковичъ
«Къ старому Бермятѣ Васильевичу,
«Къ его молодой женѣ Катеринѣ прекрасныя».

Чурила Пленковичъ выдается изъ всего круга владиміровыхъ богатырей: это такъ-сказать самая гуманная личность между ими, по-крайней-мѣрѣ въ-отношеніи къ женщинамъ, которымъ онъ, кажется, посвятилъ всю жизнь свою. И потому въ поэмѣ о немъ нѣтъ ни одного грубаго или сальнаго выраженія; напротивъ, его отношенія къ Катеринѣ-прекрасной отличаются какою-то рыцарскою граціозностію и означаются болѣе намеками, нежели прямыми словами. Въ первый разъ онъ *позамѣшкался* у молодой жены стараго Бермяты; во

(*) Не скоро ѣли предки наши,
Не скоро двигались кругомъ
Ковши, серебряныя чаши
Съ кипящимъ пивомъ и виномъ.
Русланъ и Людмила.

второй разъ тайна его посвященія выдается предательскою порошею, и оглашается не его хвастовствомъ, а рѣчами другихъ, и рѣчами, противъ обыкновенія, умѣренными, даже поэтическими. За Чурилу можно поручиться, что онъ не сталъ бы ломаться надъ жертвою своего соблазна, не сталъ бы хвастаться побѣдою во честномъ пиру; тѣмъ болѣе можно поручиться, что онъ не сталъ бы бить женщину по щекамъ, или толкать ее пинками—«женскій-де полъ отъ того пухолъ бываетъ». А между-тѣмъ, онъ не нѣженка, не сантиментальный воздыхатель, а сильный могучій богатырь, удалой предводитель дружины храброй. Конечно, онъ смѣшонъ, когда передъ нимъ, вмѣсто китайскаго зонтика, несутъ подсолнечникъ, чтобъ не загорѣлось отъ солнца его лицо бѣлое; но онъ смѣшонъ граціозно: онъ женскій угодникъ, который дорожитъ своею наружностію, а не нѣженка запечный, не беззубый и безкогтый левъ нашего времени.

—

Просимъ читателей вспомнить, что въ поэмѣ о женитьбѣ князя Владиміра вскользь является лицо *Ивана Гостинаго Сына*: теперь мы познакомимся съ нимъ, какъ съ героемъ особенной поэмы. Это представитель другаго сословія, всегда столь важнаго въ началѣ гражданскихъ обществъ: хоть онъ не торговецъ, а богатырь, однако онъ явно сынъ купца, силою и храбростію сѣвшій при дворѣ князя Владиміра на богатырское мѣсто.

У князя Владиміра было пированіе—почестный пиръ, а и было столованіе — почестный столъ на многи князи, бояра и на русскіе могучіе богатыри и гости богатые. Будетъ день въ половину дня, будетъ пиръ во полу-пирѣ: Владимiръ князь распотѣшился, по свѣтлой гридни похаживаетъ, таковыя слова поговариваетъ: «Есть ли-де кто въ Кіевѣ таковъ молодецъ, что похвалился бы на триста жеребцовъ—изъ Кіева бѣжать до Чернигова два девяносто-та мѣрныхъ верстъ, промежь обѣдней и заутреней?»

Вызвался Иванъ Гостиный Сынъ, и побился о великъ заклалъ—не о стѣ рубляхъ, не о тысячѣ, о своей буйной головушкѣ. Князья, бояре и гости-корабельщики держутъ заклалъ за Владиміра на сто тысячъ; а за Ивана никто поруки не держитъ; пригодился тутъ владыка черниговскій, и держитъ за него поруки крѣпкія на сто тысячей. Выпилъ Иванъ чару зелена вина въ полтора ведра, походилъ онъ на конюшню бѣлодубову, ко своему къ доброму коню бурочкѣ, косматочкѣ, троелеточкѣ, падалъ ему во правое копытечко, самъ плачетъ, что рѣка льется. Выслушалъ добрый конь про кручину Ивана, и сказалъ ему не печалиться:

«Сива жеребца того не боюсь,
«Колотрива жеребца того не блюдусь,
«Въ задоръ войду—у Воронка́ уйду».

Только велѣлъ онъ своему ласковому хозяину водить себя по три зари, поить сытою медвяною и кормить сорочинскимъ пшеномъ. «А какъ, говоритъ, прійдетъ тотъ часъ урочный, ты не сѣдлай, Иванъ, меня добра коня, только берись за шелковъ поводокъ; вздѣнь на себя шубу соболиную, котора шуба въ три тысячи, пуговки въ пять тысячей; я стану бурка передомъ ходить, копытами за шубу посапывати, и по черному соболю выхватывати, на всѣ стороны побрасывати, — князи, бояры подивуются, и ты будешь живъ—шубу наживешь, а не будешь живъ—будто нашивалъ». И все было по сказанному, какъ по писанному. Зрявкаетъ бурко по-туриному, онъ шипъ пустилъ позмѣиному; триста жеребцовъ испужа-

лися, съ княжевецкаго двора разбѣжалися; сивъ жеребецъ двѣ ноги изломилъ, бологривъ жеребецъ тотъ и голову сломилъ, полоненъ Воронко въ Золоту Орду бѣжитъ, онъ хвостъ поднявъ, самъ всхрапываетъ, а князи, бояры и всѣ люди купецкіе испужалися, окорачь они по двору наползалися; а Владиміръ князь со княгинею печаленъ сталъ; кричитъ въ окошко косящатое, чтобъ Иванъ уродье увелъ со двора, «за просты поруки крѣпкія, записи всѣ изодраны». Втапоры владыко черниговскій на почестномъ пиру у великаго князя велѣлъ захватить три корабля на быстромъ Днѣпрѣ съ товарами заморскими, — «А князи-де и бояри никуда отъ насъ не уйдутъ».

—

Трудно объяснить значеніе этой поэмы иначе, какъ народнымъ апоѳеозомъ коня — животнаго высоко-уважаемаго въ ратномъ дѣлѣ, товарища, сподвижника и друга ратнику. Странна неустойка князя, отказавшагося платить проигранный закладъ; еще страннѣе нецеремонная раздѣлка съ нимъ со стороны черниговскаго владыки. Не менѣе удивительно и то, что этотъ черниговскій владыко всегда держитъ заклады противъ князя и всѣхъ, за того, за кого никто не хочетъ поручиться. Все это должно быть или совсѣмъ безъ значенія, просто сказочная болтовня, или отъ времени потерянъ ключъ къ разрѣшенію этихъ вопросовъ.

—

Теперь пора намъ познакомиться съ знаменитымъ Добрынею Никитичемъ, воспѣтымъ въ трехъ поэмахъ, и упоминаемомъ вскользь и прямо еще въ нѣсколькихъ. Онъ и Илья Муромецъ — знаменитѣйшіе богатыри двора Владиміра.

Жилъ въ Рязани богатый гость Никита, живучи-то Никита состарѣлся, — состарѣлся; послѣ, переставился; его вѣку долгаго осталось житье-бытье, богатество: *матера* вдова Амелѳа Тимоѳеевна, да чадо милое Добрынюшка Никитичъ младъ. Присадила его матушка грамотѣ учиться, а грамота Никитѣ *въ науку пошла*. А будетъ ему двѣнадцать лѣтъ, попросился онъ у матушки купаться на *Сафатъ-рѣку*; она вдова многоразумная его Добрыню отпускала, а сама наказывала: «Израй-де рѣка быстрая, а быстрая она, сердитая; не плавай, Добрыня, за перву струю, не плавай ты, Никитичъ, за другу струю». Добрыня не послушался: двѣ-то струи самъ переплылъ, а третья струя подхватила молодца, унесла во пещеры бѣлокаменны. Тутъ откуда ни возьмись лютый звѣрь — Змѣй Горынчище, самъ приговариваетъ:

«А стары люди пророчили,
«Что быть змѣю убитому
«Отъ молода Добрынюшки Никитича,
«А нынѣ Добрыня у меня самъ въ рукахъ.

Говоритъ Добрыня: «не честь, хвала молодецкая, на нагое тѣло напущаешься». Хочетъ змѣй Добрыню огнемъ спалить, *хоботомъ* ушибить; Добрыня нагребъ въ шапку песку желтаго и тѣмъ пескомъ змѣю глаза запорошилъ, *два* хобота ушибъ. Попалася тутъ ему дубина, и онъ Добрыня той дубиной змѣя до смерти убилъ. Поплылъ онъ по рѣкѣ и заплылъ въ пещеры бѣлокаменны, въ гнѣздо змѣя и его малыхъ дѣтушекъ всѣхъ перебилъ, пополамъ перервалъ; нашелъ онъ въ палатахъ у змѣя много злата, серебра, и свою любимую тетушку *Марью Дивовну*. Владиміръ князь Добрынѣ больно запечалился — *сидитъ онъ, ничего свѣту не видитъ*, а увидѣлъ Добрыню, скочилъ на ноги рѣзвыя, цаловалъ его въ уста сахарныя. Бросилася его матушка родимая, хватала за бѣлы руки, цаловала его въ уста сахарныя; стали его выспраши

вати, а гдѣ былъ, гдѣ ночевалъ? Послали за тетушкою, привели ее къ князю во свѣтлу гридню.

Владиміръ князь свѣтелъ, радошенъ,
Пошла-то у нихъ пиръ, радость великая,
А *для* ради Добрынюшки Никитича,
Для другой сестрицы родимыя—Марьи Дивовны.

—

Что сказать объ этой поэмѣ? Это какая-то безсвязная болтовня больнаго похмѣльемъ воображенія... Тутъ нѣтъ не только мысли — даже смысла. У Добрыни нѣтъ ни лица, ни характера; это просто—призракъ. Подобная нелѣпица могла бы имѣть значеніе миѳа, если бъ отъ ея чудовищныхъ образовъ вѣяло фантастическимъ ужасомъ; но въ русскихъ сказкахъ, какъ и во всей народной русской поэзіи, фантастическаго элемента почти вовсе нѣтъ. И потому, странно слышать, когда человѣкъ, который на міръ смотритъ простыми глазами, не видя въ немъ ничего таинственнаго и необъяснимаго, — странно слышать, когда такой человѣкъ спокойно, безъ увлеченія, безъ экстаза, разсказываетъ несбыточныя вещи. Что за тетушка Марья Дивовна была у Добрыни? какъ попала она къ змѣю Горынчату; что за рѣка *Сафатъ*, которая черезъ пять строкъ превращается въ *Израй*-рѣку? какъ Владиміръ, живя въ Кіевѣ, могъ знать двѣнадцатилѣтняго Добрыню, жившаго въ небывалой тогда Рязани, и печалиться, что тотъ ушелъ купаться на Сафатъ-рѣку?...

Но вторая поэма о Добрынѣ—одна изъ интереснѣйшихъ поэмъ. Въ ея дикихъ, неопредѣленныхъ образахъ есть смыслъ и значеніе, если нѣтъ мысли.

Въ стольномъ въ городѣ во Кіевѣ, у славнаго, сударь, у князя у Владиміра, *три* года Добрынюшка стольничалъ, *три* года Никитичъ приворотничалъ; онъ стольничалъ, чашничалъ *девять лѣтъ*, на *десятый* годъ погулять захотѣлъ по стольному городу по Кіеву. Взявши онъ колчанъ съ калеными стрѣлами, идетъ онъ по широкимъ по улицамъ, по частымъ мелкимъ переулочкамъ; по горницамъ стрѣляетъ воробушковъ, по повалушкамъ стрѣляетъ онъ сизыхъ голубей. Зашелъ въ улицу Игнатьевскую, въ Маринииъ переулокъ, видитъ онъ у Марины у Игнатьевны, на ея высокомъ хорошемъ терему, сидятъ тутъ два сизые голубчика, они цалуются, милуются, желты носами обнимаются. Тутъ Добрынѣ за бѣду стало, будто надъ нимъ насмѣхаются: а спѣла вѣдь тетива у туга лука, взвыла да пошла калена стрѣла. Тутъ надъ Добрынею по грѣхамъ учинилося, нога его поскользнулася, рука удрогнула, не попалъ онъ въ сизыхъ голубей, попалъ въ окошечко косящето, проломилъ онъ оконницу стекольчатую, отшибъ всѣ причалины серебряныя, расшибъ онъ зеркальцо стекольчатое; бѣлодубовы столы пошаталися, что питья медвяныя, восплеснулися. А втапоры Маринѣ безвременье было—она умывалася снаряжалася; и бросилася она на свой на широкій дворъ: «А кто это *невѣжа* на дворъ заходилъ? а кто это невѣжа въ окошко стрѣляетъ?» Брала она Марина слѣды горячіе молодецкіе, клала беремя дровъ бѣлодубовыхъ въ печку муравленную, разжигала ихъ огнемъ палящатымъ, и сама дровамъ приговариваетъ: «Сколь жарко дрова разгораются а тѣми слѣды молодецкими, разгоралось бы сердце молодецкое, какъ у молода Добрынюшки Никитьевича». *А и Божье крѣпко, вражье-то лѣпко!* Взяло Добрыню пуще остраго ножа, по его сердцу богатырскому, со полуночи Добрынюшкѣ не уснется. По его-то щастьи великія рано зазвонили ко за-

утренямъ; пошелъ Добрыня ко заутрени, прошелъ онъ церкву соборную, зайдетъ ко Маринѣ на широкій дворъ, у высокаго терема подслушаетъ; у молодой Марины вечеринка была; сидѣли тутъ душечки красны дѣвицы и молоденьки молодушки, все тутъ жены молодецкія. Къ нимъ бы Добрыня въ теремъ не пошелъ, а стала его Марина въ окошко бранить, ему больно пѣнять, да завидѣлъ онъ Добрыня змѣя Горынчата—тутъ ему за бѣду стало, за великую досаду показалося. Ухватилъ онъ бревно въ обхватъ толщины и вышибъ имъ двери желѣзныя. Учала Марина Добрыню бранить, а змѣища Горынчища чуть его огнемъ не спалилъ, а и чуть молодца хоботомъ не убилъ, а и самъ тутъ змѣй почалъ бранити его, больно пѣняти: «Не хочу я звати Добрынею, не хощу величать Никитичемъ, называю те дѣтиною деревенщиною и засельщиною; почто ты, Добрыня, въ окошко стрѣлялъ?» Вынималъ Добрыня сабельку острую, воздымалъ выше буйной головы своей, грозится змѣя изрубить на мелкія части, туловище разбросать по чистому полю. А и тутъ змѣй Горыничъ хвостъ поджавъ, да и вонъ побѣжалъ; взяла страсть, такъ зачалъ....., окольни металъ по три пуда.....; бѣгучи онъ змѣй у Марины бывать заклинается: «Есть-де у ней не одинъ другъ, есть лучше меня и *повѣжливѣе*». А Марина высунулась по-поясъ въ окно въ одной рубашкѣ *безъ пояса*, змѣя уговариваетъ: «Воротись, милъ надежа; воротись, другъ!» Обѣщаетъ оборотить Добрыню во что онъ змѣй похочетъ—клячею водовозною, или гнѣдымъ туромъ. И оборотила она Добрыню гнѣдымъ туромъ, пустила далече во чисто поле, а гдѣ-то ходятъ девять туровъ, девять братаниковъ, что Добрыня имъ будетъ десятый туръ, всѣмъ атаманъ — золотые рога. И нѣту о Добрынѣ слуху шесть мѣсяцевъ, *а по-нашему, по-сибирскому, слыветъ полгода.*

У великаго князя вечеринка была, а на пиру были вдовы честныя, и мать Добрыни, честна вдова *Афимья Александровна* (Амелѳа Тимоѳеевна?!...), а друга честна вдова, молода Анна Ивановна, крестная матушка Добрынина. Промежду *собою разговоры говорятъ* — все были рѣчи прохладныя. Не отколь взялась тутъ Марина Игнатьевна, водилася съ дитятами княженецкими, она больно Марина упивалася, голова на плечахъ не держится. Она больно Марина похваляется: нѣть-де въ Кіевѣ и хитрѣе и умнѣе ея, обернула-де она гнѣдыми турами девять богатырей, десятаго Добрыню Никитича. Втапоры за то слово изъимется честна вдова Аѳимья Александровна, наливала она чару зелена вина, подносила любимой своей кумушкѣ, а сама она за чарою заплакала: «Гой еси ты, любимая кумушка, молода Анна Ивановна! А и выпей чару зелена вина, поминай ты любимаго крестника, а и молода Добрыню Никитича: извела его Марина Игнатьевна, а нынѣ на пиру похваляется». Проговоритъ Анна Ивановна: «я-де сама эти рѣчи слышала, а рѣчи ея похваленыя». А и молода Анна Ивановна выпила чару зелена вина, а Марину она по щекѣ ударила, сшибла съ рѣзвыхъ ногъ и топчетъ ее по бѣлымъ грудямъ, сама она Марину больно бранитъ: «А и сука ты,....., еретница....! Я де тебя хитрѣя и мудренѣя, сижу я на пиру не хвастаю; а я хошь ли я тебя сукой оберну? А станешь ты, сука, по городу ходить, много за собой псовъ водить: а и женское дѣло прелестивое, переходчивое».

Марина обернулася касаткою, полетѣла въ чисто поле, сѣла Добрынѣ на правый рогъ, сама она До-

брыню уговариваетъ: «Нагулялся ты, Добрыня, во чистомъ полѣ, тебѣ чистое поле наскучило и зыбучія болота *напрокучили*: а и хошь ли, Добрыня, женитися, возьмешь ли, Никитичъ, меня за себя?»—А право возьму, ей богу возьму, а и дамъ-те, Марина, поученьице, какъ мужья женъ своихъ учатъ.

Обернувшись дѣвицею, Марина обернула Добрыню добрымъ молодцомъ; они въ чистомъ полѣ женилися, кругъ ракитова куста вѣнчалися. Пришедши въ маринииъ теремъ, Добрыня говоритъ: «А и гой еси ты, моя молодая жена, Марина Игнатьевна! У тебя въ высокихъ хоромахъ теремахъ нѣту Спасова образа: нѐкому у тебя помолитися, нѐ за что стѣнамъ поклонитися; а и чай моя острая сабля заржавѣла. А и сталъ Добрыня свою жену учить, молоду Марину Игнатьевну, еретницу,....., безбожницу; онъ первое ученье ей руку отсѣкъ; самъ приговариваетъ: «эта мнѣ рука не надобна: трепала она рука змѣя Горынчища!» А второе ученье—ноги ей отсѣкъ: «А и эта-де нога мнѣ ненадобна: оплеталася со змѣемъ Горынчищемъ». А третье ученье—губы ей обрѣзалъ и съ носомъ прочь: «А эти-де губы не надобны мнѣ: цаловали онѣ змѣя Горынчища!» Четвертое ученье—голову ей отсѣкъ и съ языкомъ прочь: «А и эта голова не надобна мнѣ, и этотъ языкъ не надобенъ; зналъ онъ дѣла еретичныя!»

—

Какая холодная и ужасная иронія! Сколько въ ней грубаго и нечеловѣческаго! Это не казнь, а постепенное, продолжительное мученіе. Здѣсь нѣтъ мгновеннаго порыва страсти, которая разитъ вдругъ, какъ молнія: здѣсь долго-скрываемое, медленно-разгарающееся чувство мести, вырывается сосредоточенно, холодно и медленно Вдругъ сверкающая и мгновенно-убивающая страсть не въ русской натурѣ: много нужно, чтобъ возбудить въ русскомъ человѣкѣ страсть, и глухо, медленно разгарается она въ неприступныхъ и сокровенныхъ глубинахъ сердца; за то и нескоро остываетъ, а выказывается съ какою-то ужасающею ледяностію тяжело и неповоротливо. Отъ нея нѣтъ спасенія — отъ нея нѣтъ пощады. И потому, русскій богатырь не торопливъ на мщеніе: его мщеніе не остынетъ отъ сладкаго обѣда, не заснетъ отъ зелена́ вина; онъ можетъ и покушать и выспаться, безъ всякаго вліянія на владѣющее имъ чувство. Это чувство проявляется у него грубо и жестоко, какъ у Добрыни Никитича, который казнитъ злую еретницу Марину. Что̀ такое эта Марина — не мудрено понять: это родная сестра княгини Апраксѣевны, и притомъ старшая сестра, далеко превосходящая ее въ полнотѣ выражаемой ею идеи. Это типъ женщины, живущей внѣ общественныхъ условій, свободно предающейся своимъ страстямъ и склонностямъ. Она въ связи со змѣемъ Горынчатымъ — типомъ русскаго любовника, какъ мы замѣтили выше; но она не должна отличаться излишнею вѣрностію своему любовнику: она только больше другихъ любитъ его. Она умѣетъ и приворожить и отлучить, и оборотить оборотнемъ. Она предается сама всѣмъ неистовствамъ и помогаетъ другимъ: ея теремъ — пріютъ для всѣхъ веселыхъ людей обоего пола. Она горькая пьяница; она еретница и безбожница. О граціозности ея нѐчего и говорить. Но вотъ о чемъ слѣдуетъ замѣтить: Анна Ивановна, крестная мать Добрыни, еще *мудреннѣя* и *хитрѣя* самой Марины: она и саму Марину можетъ обратить во что захочетъ. Она другъ *честной вдовы* — матери

Добрыни; она принимаетъ горячее участіе въ правомъ дѣлѣ; она сидитъ на пиру не хвастается: по всему этому, она — представительница добраго начала, какъ Марина злаго; она добрая, благодѣтельная волшебница, какъ Марина злая и вредная. Но она пьетъ зелено вино; ея слова къ Маринѣ дышатъ площаднымъ цинизмомъ; она бьетъ Марину по щекамъ, валяетъ ее на полъ, топчетъ ногами ея груди бѣлыя, словомъ: она въ граціи ни на волосъ не уступаетъ Маринѣ... Далѣе, изъ другихъ сказокъ, мы увидимъ, что идеалъ женщины по русской фантазіи всегда одинъ и тотъ же: это все та же Марина, только въ разныхъ видахъ...

—

Великій князь на пиру вызываетъ охотника очистить «дороги прямоѣзжія» до его зятя любимаго, до грозна короля Етмануйла Етмануйловича, вырубить Чудь бѣлоглазую, перекропить Сорочину долгополую, а и тѣхъ Черкесъ пятигорскіихъ, и тѣхъ Колмыковъ съ Татарами, Чукчи всѣ бы и Алюторы (лютеране?). Вызвался только одинъ Добрыня Никитичъ. Просилъ онъ у своей матушки благословенья на шесть лѣтъ, да еще *въ запасъ* на двѣнадцать. Мать спрашиваетъ его, на кого онъ покидаетъ свою молоду жену, когда еще не прошли и свадебные дни. «Что же мнѣ дѣлать и какъ же быть? *изъ чего же насъ богатырей князю и жаловати?*» — отвѣчаетъ Добрыня, и наказываетъ своей молодой женѣ, душѣ Настасьѣ Никулишнѣ ждать его двѣнадцать лѣтъ, а тамъ пожалуй хоть и идти замужъ за кого похочетъ, а только бы не ходить за его брата названаго — Алешу Поповича. Добрыня удачно совершилъ свой подвигъ, а между тѣмъ проходитъ шесть лѣтъ, проходитъ и двѣнадцать, — и никто на Настасьѣ не сватается; а посваталъ ее великій князь за Алешу Поповича. Когда ту свадьбу ко вѣнцу повезли, ѣдетъ Добрыня въ Кіевъ; старые люди переговариваютъ: «Знать-де полетка соколиная, видать и поѣздка молодецкая — что быть Добрынѣ Никитичу». Входитъ онъ въ опустѣлый теремъ, нѣкому его встрѣтить — матушка его старёхонька. Поздоровавшись съ нею, онъ спѣшитъ къ великому князю Владиміру отдать отчетъ въ своемъ порученіи. Втапоры за то князь похвалилъ: «Исполать тебѣ, добрый молодецъ, что служишь правдою и вѣрою». Говоритъ тутъ Добрыня Никитичъ младъ: «Гой еси, сударь, *мой дядюшка*, ласково солнце, Владиміръ князь! *Не диво Алешѣ Поповичу* - диво князю Владиміру: хочетъ у жива мужа жену отнять». Втапоры Настасья засовалася, *хочетъ прямо скочить, обезчестить столы*; говорилъ Добрыня Никитичъ младъ: «А и ты *душка* Настасья Никулишна! прямо не скочи, не безчести столы: будетъ пора, кругомъ обойдешь». Взялъ за руку ее и вышелъ изъ-за убраныхъ столовъ, извинялся князю Владиміру, да и молодому Алешѣ Поповичу: «Гой еси, мой названный братъ, Алеша Поповичъ младъ! Здравствуй женившись — да не съ кѣмъ спать!»

—

Мы еще встрѣтимся съ Добрынею Никитичемъ; но и теперь уже видно, что онъ такое. Это честный и добрый богатырь, ненавистникъ лжи, притворства и хитростей, заклятый врагъ змѣю Горынчату, которому стары люди напророчили погибнуть отъ него отъ Добрыни. Хотя Алеша и названый братъ Добрынѣ, но Добрыня всегда держитъ камень за пазухою противъ Алеши и не кладетъ ему пальца въ ротъ: такъ противоположенъ его прямой и честный характеръ лука-

вому и на всякія пакости способному характеру Поповича. Добрыня, по прошествіи двѣнадцати лѣтъ, позволяетъ женѣ своей идти за кого ей угодно, кромѣ одного Алеши. Упрекая князя за жену свою, онъ говоритъ: «*Не диво Алешѣ Поповичу* — диво князю Владиміру: хочетъ у жива мужа жену отнять». А впрочемъ они — братья названые, и взаимно уважаютъ другъ друга въ качествѣ сильныхъ могучихъ богатырей. Оба эти характера — два разные типа народной фантазіи, представители разныхъ сторонъ народнаго сознанія. Къ дополненію характера Добрыни, мы должны прибавить, что въ немъ есть какая-то простоватость, и хотя въ одной поэмѣ и говорится, что «у Алеши вѣжество нерожденное» а «у Добрыни вѣжество рожденное и ученое», — однако это должно отнести больше къ честности и добротѣ, чѣмъ къ рыцарской ловкости Добрыни. Никитичъ — вѣчего грѣха таить — простоватъ и мѣшковатъ — гнетъ дугу не паритъ, переломитъ не тужитъ. Цалуются голуби — ему за бѣду становится и за великую досаду учиняется. Хочетъ онъ застрѣлить голубей — и попадаетъ въ окно къ Маринѣ. Не для чего-нибудь, а для шутки, его можно назвать русскимъ Аяксомъ Теламонидомъ.

Илья Муромецъ отличается отъ всѣхъ другихъ богатырей. Онъ — старъ человѣкъ, на пирахъ не похваляется, онъ тридцать лѣтъ сидѣлъ сиднемъ, и вся остальная часть жизни его посвящена была на очищеніе проѣзжихъ дорогъ отъ разбойниковъ и разныхъ чудищъ. Это русскій Геркулесъ. Въ первый разъ онъ является ко Владиміру во время пира. Поднесли ему Ильѣ чару зелена вина *въ полтора ведра*, онъ принялъ ее одной рукой и выпилъ единымъ духомъ. Говорилъ ему ласковый Владиміръ князь: «Ты скажись, молодецъ, какъ именемъ зовутъ, а по имени тебѣ можно мѣсто дать, по изотчеству пожаловати». — А ты, ласковый стольный Владиміръ князь! а меня зовутъ Илья Муромецъ, сынъ Ивановичъ; и проѣхалъ я дорогу прямоѣзжую изъ стольнаго города изъ Мурома, изъ того села Корочаева. — Говорятъ тутъ могучіе богатыри: «А ласково солнце, Владиміръ князь! Въ очахъ дѣтина завирается, а и гдѣ ему проѣхать дорогою прямоѣзжею, залегла та дорога тридцать лѣтъ отъ того Соловья-разбойника». Илья говоритъ, что онъ привезъ съ собою Соловья-разбойника и проситъ князя выйдти на дворъ — посмотрѣть его «удачи *богатырскія*». Когда всѣ вышли, Илья сталъ Соловья уговаривать: «Ты послушай меня, Соловей разбойникъ младъ! посвисти, Соловей, по-соловьиному; пошипи, змѣй, по-змѣиному; зарявкай, звѣрь, по-туриному — и потѣшь князя Владиміра». Послушался Соловей разбойникъ — накурилъ онъ бѣды несносныя: князи и бояра и всѣ богатыри могучіе на корачкахъ по двору наползалися, гостинны кони со двора разбѣжалися, а Владиміръ князь едва живъ стоитъ со душой княжной Апраксѣевной: «А и ты гой еси, Илья Муромецъ, сынъ Ивановичъ! Уйми ты Соловья разбойника, а и эта шутка намъ не надобна».

Калинъ, царь Золотой-Орды, осадилъ Кіевъ; а войска съ нимъ было на сто верстъ. Зачѣмъ мать сыра земля не погнется, зачѣмъ не разступится? Отъ пару коннаго мѣсяцъ и солнце померкнуло. Садился Калинъ на *ременчатъ* стулъ, писалъ ярлыки скорописчаты — отъ мудрости слово поставлено; посылалъ ко князю Владиміру Татарина мѣрою трехъ саженъ, голова съ пивной котелъ въ сорокъ ведеръ, промежь плечами косая сажень; посылалъ его сказать князю, что возь-

метъ его князя въ полонъ, Божьи церкви на дымъ пустить. Татаринъ спасову образу не молится, Владиміру князю не кланяется, и въ Кіевѣ людей ничѣмъ не зоветъ; бросилъ ярлыки на круглый столъ передъ князя Владиміра, а князь запечалился, глядючи въ ярлыки—заплакалъ свѣтъ: по грѣхамъ надъ княземъ учинилося, богатырей въ Кіевѣ не случилося. Втапоры *Василій-пьяница* взбѣжалъ на башню на стрѣльную, беретъ онъ свой тугой лукъ разрывчатый, калену стрѣлу переную, *наводилъ онъ трубками нѣмецкими*, стрѣлялъ онъ въ Калина царя, не попалъ во собаку Калина царя, а попалъ въ зятя его Сартака: угодила стрѣла ему въ правый глазъ и ушибла его до смерти. И тутъ Калину за бѣду стало; послалъ онъ другаго Татарина къ князю Владиміру, чтобъ выдалъ того виноватаго. Втапоры, съ тоя стороны полуденныя, что ясный соколъ въ перелетъ летитъ, какъ бѣлый кречетъ перепархиваетъ, бѣжитъ *паленица удалая, старый казакъ* Илья Муромецъ. Входитъ онъ во гридню свѣтлую, Спасу со Пречистою молится, бьетъ челомъ князю со княгинею и на всѣ четыре стороны, а самъ Илья усмѣхается: «Гой еси, сударь Владиміръ князь! Что у тебя за болванъ пришелъ, что за дуракъ неотесанный?» Князь проситъ Илью пособить ему думушку подумати: сдать ли, не сдать ли Кіевъ градъ, безъ бою, безъ драки великія, безъ того кровопролитія напраснаго. Илья не совѣтуетъ ему печаловаться, а велитъ на Спаса надѣяться, да велитъ ему насыпать мису чиста серебра, другую красна золота, а третью скатнаго жемчуга. Взявъ дары, Муромецъ пошелъ съ Татариномъ въ станъ къ царю Калину. А не честно у него Калинъ принялъ золоту казну, самъ прибраниваетъ. И тутъ Ильѣ за бѣду стало: «собака проклятый ты Калинъ царь! отойди съ Татарами отъ Кіева; охота ли вамъ, собаки, живымъ быть». И тутъ Калину за бѣду стало — велѣлъ связать Ильѣ руки бѣлыя чембурами шелковыми; а втапоры Ильѣ за бѣду стало: «Собака проклятый ты Калинъ царь!» *и проч.* И тутъ Калину за бѣду стало, и плюетъ Ильѣ во ясны очи: «А русскій людъ всегды хвастливъ, опутанъ весь—будто лысой бѣсъ, еще ли стоитъ передо мною, самъ хвастаетъ». Илья пожалъ плечами—чембуры лопнули, схватилъ Илья Татарина за ноги, который ѣздилъ въ Кіевъ градъ, и началъ Татариномъ помахивати: куда ли махнетъ—тутъ и улицы лежатъ, куды отвернетъ—съ переулками, а самъ Татарину приговариваетъ: «А и крѣпокъ Татаринъ, не ломится, а и жиловатъ, собака, не изорвется (*)!» Разбѣжались татарскія полчища, воротился Илья ко Калину царю, схватилъ онъ Калина во бѣлыя руки, самъ онъ Калину приговариваетъ: «Васъ-то царей не бьютъ, не казнятъ, не бьютъ не казнятъ и не вѣшаютъ». Согнетъ его корчагою, воздымалъ выше буйныя головы своей, ударялъ его о горючь камень, расшибъ его въ крохи.........Достальные Татары на побѣгъ бѣгутъ, сами они заклинаются: «Не дай-Богъ намъ бывать ко Кіеву! Не дай-Богъ намъ видать русскихъ людей! Не-ужь-то въ Кіевѣ всѣ таковы, одинъ человѣкъ всѣхъ Татаръ прибилъ?» Илья Муромецъ пошелъ искать своего товарища, того ли Ваську пьяницу, и скоро нашелъ его на кружалѣ Петровскіимъ, привелъ ко князю Владиміру. А пьетъ Илья довольно зелена вина съ тѣмъ Васильемъ со пьяницей, и называетъ Илья того пьяницу Василья братомъ названымъ.

—

(*) Новый примѣръ саркастической ироніи русской.

Хотя лицо Васьки-пьяницы является какъ-бы вскользь, мимоходомъ, однако оно столь же, если еще не болѣе, важно, какъ и лица всѣхъ другихъ героевъ народной фантазіи. Знаете ли вы, читатели, что такое Васька-пьяница? Если вы засмѣетесь надъ этимъ приложеніемъ къ собственному имени, надъ этимъ тривіальнымъ и *безнравственнымъ* прозвищемъ *пьяницы*, если оно покажется вамъ смѣшнымъ, или пошлымъ,—вы не понимаете глубоко-миѳическаго значенія Васьки... Этотъ Васька—любимое дитя народнаго сознанія, народной фантазіи; это не олицетвореніе слабости или порока, въ поученіе и назиданіе другихъ; это, напротивъ, похвальба подразумѣваемою слабостію. Мы не споримъ, что пьянство порокъ; но если тотъ или другой порокъ есть порокъ націи, —на него должно уже смотрѣть съ философской точки зрѣнія, должно обращать вниманіе, во-первыхъ, на историческія причины, въ-слѣдствіе которыхъ тотъ или другой порокъ сдѣлался общимъ для цѣлой націи, а во-вторыхъ, на то, какъ являетъ себя народъ въ этомъ порокѣ. Общественная нравственность древней Руси исключила пьянство изъ числа пороковъ: оно было улегитимировано общественнымъ сознаніемъ. Русскій человѣкъ пьетъ и съ горя и съ радости: и передъ дѣломъ, чтобъ дѣло живѣе кипѣло, и послѣ дѣла, чтобъ отдыхъ былъ пріятнѣе; и передъ опасностью, чтобъ море было по колѣно, и по избѣжаніи опасности, чтобъ веселѣе было похвастаться ею. У русскаго человѣка много пословицъ въ пользу пьянства: «пьяный проспится, дуракъ никогда»; «пьяному море по колѣно»; «пьянъ да уменъ—два угодья въ немъ», и т. п. Кружало—турниръ, балъ русскаго человѣка. Въ нашемъ простонародьѣ и теперь всѣ пьютъ—и старики, и молодые, и женщины, и дѣти. У насъ пьянаго па улицѣ не оберутъ, не прибьютъ, но бережно обойдутъ. Просвѣщеніе уже уничтожаетъ и уничтожитъ этотъ порокъ, и дай-Богъ, чтобъ это скорѣе сдѣлалось; но въ этомъ порокѣ русскій человѣкъ является не съ одной дурной стороны своей. Виноватъ ли русскій мужичекъ въ томъ, что для него не существуетъ ни театра, ни книги, ни вечеринки (ибо вечеринка только тамъ, гдѣ женщина играетъ первую роль и гдѣ все для нея)? Я очень уважаю трезвость, но мнѣ случалось встрѣчать такихъ пьяницъ, которые лучше многихъ трезвыхъ, и едва ли только не на одной святой Руси можно встрѣтить такихъ. Человѣкъ съ слабой натурой гнется отъ несчастія, какъ тростинка отъ вѣтру; человѣкъ съ сильной натурой, если не устоитъ противъ несчастія, то сокрушается отъ него, какъ дубъ отъ напора грозы. Русскій человѣкъ, женившись не по любви, получалъ отвращеніе отъ жены, которую долженъ кормить трудами своими. Нѣмецъ и тутъ не потерялся бы —онъ сдѣлался бы примѣрнымъ супругомъ, аккуратнымъ хозяиномъ и вообще «нравственнымъ» человѣкомъ (т. е. человѣкомъ, которому можно обходиться въ жизни и безъ любви, съ однимъ картофелемъ, пивомъ и кнастеромъ). Попавши въ состояніе противорѣчія, русскій человѣкъ дѣлался суровымъ, билъ жену, колотилъ дѣтей, не жилъ дома, трудовую копейку несъ на кружало, отдавалъ ее за зелено вино, которое, въ дикомъ, животномъ, но широкомъ и могучемъ размётѣ, души заставляетъ его забывать тяжкое горе зло-насмѣявшейся надъ нимъ жизни. Въ-старину, на Руси, отъявленными пьяницами были богатыри, грамотники, умники, искусники, художники. Если теперь слова «художникъ» и «ученый» не имѣютъ ничего

общаго съ словомъ «пьянство», такъ это потому - что общественное мнѣніе нашего времени улегитимировало наконецъ званіе художника и ученаго, общество приняло ихъ въ среду свою и дало имъ почетное мѣсто; а то, вѣдь тяжело жить умному среди глупыхъ, быть игрушкою и предметомъ презрѣнія ихъ глупости—по неволѣ пойдетъ онъ на кружало, да приложивъ руку къ уху, затянетъ:

А и горе, горе, гореваньице,
А въ горѣ жить—не кручинну быть!

Неопредѣленность общественныхъ отношеній, сжатая извнѣ внутренняя сила, всегда становятъ народъ и человѣка въ трагическое положеніе. Пьянство русскаго человѣка есть не слабость,—какъ слабость, пьянство особенно гнусно:—пьянство русскаго человѣка есть порокъ, и порокъ не комическій, а трагическій... Удивительно ли послѣ этого, что русскіе богатыри единымъ духомъ выпиваютъ чару зеленâ вина въ полтора ведра, турій рогъ меду сладкаго въ полтретья ведра?.. Удивительно ли, что на Руси пьяницы спасали отечество отъ бѣды и допускались къ столу Владиміра красна-солнышка?.. Васька-пьяница—это человѣкъ, который знаетъ правило: *пей, да дѣло разумѣй*, человѣкъ, который съ вечера повалится на полъ зâ-мертво, а встанетъ раньше всѣхъ, и службу сослу жить лучше трезваго. Это—повторяемъ—одинъ изъ главнѣйшихъ героевъ народной фантазіи: отъ-того-то и Илья Муромецъ съ нимъ выпилъ довольно зеленá вина и назвалъ того пьяницу Василья братомъ названымъ.

—

Разъ поѣхалъ Илья Муромецъ съ своимъ братомъ названымъ, Добрынею Никитичемъ, и будутъ они у рѣки Череги, у матушки у Сафатъ-рѣки, и сказалъ Илья Добрынѣ, чтобъ онъ ѣхалъ за горы высокія, а самъ-де я останусь у Сафатъ рѣки. И наѣхалъ Добрыня на бѣлъ шатеръ; изъ того шатра выходила баба Горынинка, и у нихъ съ Добрынею учинился бой, драка великая, бросали они палицы тяжкія, стали драться рукопашнымъ боемъ. А Илья наѣхалъ по слѣду бродучему на богатыря Збута Бориса королевича, который въ то время со руки спускалъ ясна сокола-выжлоку, а увидѣвъ Илью, сказалъ выжлоку, чтобъ летѣлъ куда хочетъ: теперь-де мнѣ не до тебя. Збутъ королевичъ угодилъ стрѣлою въ грудь стара казака Ильи Муромца, а Илья не бьетъ его палицею тяжкою, не вымаетъ изъ налужка тугой лукъ, изъ колчана калену стрѣлу, не стрѣляетъ онъ Збута Бориса королевича — его только схватилъ въ бѣлы руки и бросаетъ выше дерева стоячаго. Подхвативъ его на лету, положилъ на сыру землю и сталъ спрашивать о динѣ, отчинѣ. «Кабы у тебя на грудяхъ сидѣлъ, я споролъ бы тебѣ старому груди бѣлыя» сказалъ Збутъ. И до того его Илья билъ, пока всю правду сказалъ: «Я того короля задонскаго». А втапоры заплакалъ Илья Муромецъ, глядючи на свое дитя милое. Пріѣхавъ домой, Збутъ Борисъ королевичъ разсказалъ свою удачу матушкѣ. А втапоры его матушка разилася о сыру землю, и не можетъ во слезахъ слова молвити: «Зачѣмъ ты на Илью напущался, а надо бы тебѣ ему поклонитися о праву руку до сырой земли: онъ по роду тебѣ батюшка, старый казакъ Илья Муромецъ, сынъ Ивановичъ.» Поѣхалъ Илья искать своего брата названаго, Добрыню Никитича: и дерется онъ съ бабой Горынинкой —едва душа его въ тѣлѣ *полуднуетъ*. Говоритъ ему Илья Муромецъ: «Не умѣешь ты, Добрыня, съ бабой дратися: а бей ты бабу....... по щекѣ .... а женской полъ отъ-

того пухолъ». А и втапоры она баба покорилася, говоритъ она баба таковы слова: «Не ты меня побилъ, Добрыня Никитичъ младъ: побилъ меня старый казакъ Илья Муромецъ, единымъ словомъ». Добрыня скочилъ ей бѣлы груди пороть чингалищемъ булатнымъ; взмолилася баба Ильѣ Муромицу, обѣщаетъ много злата, серебра, и повела ихъ въ погреба глубокіе, они сами богатыри дивуются; оглянулся Илья Муромецъ во тѣ во раздолья широкія — молодой Добрыня Никитичъ младъ втапоры бабѣ голову срубилъ.

—

Изъ этой сказки видно, что Илья Муромецъ былъ сильнѣе всѣхъ богатырей, и самого Добрыни, и что хотя онъ съ дамами обращался въ духѣ русскаго рыцарства, однако не чуждъ былъ и любовныхъ похожденій. Добрыня тутъ является въ неизмѣнномъ своемъ характерѣ—заклятаго врага всѣхъ Горынчатовъ и Горынинковъ, мужеска и женска пола; но что за баба Горынинка— Богъ вѣсть! Вообще, это одна изъ самыхъ нескладныхъ и дикихъ сказокъ.

Послѣдняя сказка объ Ильѣ Муромцѣ «Станишники» сбивается своимъ содержаніемъ на его приключеніе съ Соловьемъ-разбойникомъ. На него напали разбойники, а онъ вмѣсто ихъ, выстрѣлилъ въ краковястый дубъ и разбилъ его въ щепы; разбойники со страху попадали, пять часовъ безъ ума лежали, а тамъ будто отъ сна пробуждалися: а Сема встаетъ пересемываетъ, а Спиря встаетъ, то постыриваетъ,—и всѣ они просятъ его взять ихъ въ свое холопство вѣковѣчное. А Илья говоритъ имъ: «А и гой еси вы, братцы, станишники! поѣзжайте отъ меня во чисто поле, скажите вы Чурилѣ, сыну Пленковичу, про стараго казака Илью Муромца».

—

На пиру у себя Владиміръ князь сказалъ Потоку Михайлу Ивановичу—сослужить службу заочную, съѣздить къ морю синему, на теплыя, тихи заводи, настрѣлять гусей, бѣлыхъ лебедей, перелетныхъ малыхъ уточекъ къ его столу княженецкому, «до люби-де тебя молодца пожалую». Настрѣлявъ птицъ вдоволь, Потокъ хотѣлъ воротиться въ Кіевъ, какъ вдругъ увидѣлъ бѣлую лебедушку, она черезъ перо была вся золота, а головушка у ней увивана краснымъ золотомъ, и скатнымъ жемчугомъ усажена. Натянулъ онъ свой тугой лукъ—заскрипѣли полосы булатныя и завыли рога у туга лука, а и чуть было спустить калену стрѣлу—провѣщается ему лебедь бѣлая, Авдотьюшка Лиховидьевна: «А ты, Потокъ Михайло Ивановичъ! не стрѣляй ты меня лебедь бѣлую, нъ въ кое время пригожуся тебѣ!» Обернулась она красной дѣвицей, воткнулъ Потокъ копье въ землю, привязалъ къ нему коня, схватилъ дѣвицу за бѣлы руки и цалуетъ ее въ уста сахарныя. Авдотьюшка Лиховидьевна втапоры больно его уговаривала: «А ты, Потокъ Михайло Ивановичъ! хотя ты на мнѣ и женишься, и кто изъ насъ прежде умретъ, второму за нимъ живому во гробъ идти». Согласившись, онъ поѣхалъ къ Кіеву, а она полетѣла, обернувшись лебедушкой. И дивуется Потокъ, что онъ нигдѣ не мѣшкалъ, ни стоялъ, а она опередила его, и подъ окошечкомъ косящатымъ сидитъ. Пріѣхавъ къ князю, Потокъ разсказалъ свое похожденіе, и просилъ его сдѣлать для него пиръ свадебный, веселый. Обвѣнчавши Потока съ Авдотьей, попы взяли съ нихъ присягу, кто прежде кого умретъ, второму живому въ гробъ идти. Черезъ полтора года, Авдотья Лиховидьевна съ вечера она расхворалася, ко полуночи разболѣлася, поутру и преставилася. Вырыли мо-

гилу глубиною, шириною по двадцати сажень, погребали тѣло авдотьино, и тутъ Потокъ Михайло Ивановичъ съ конемъ и со сбруею ратною опустилися въ тое жъ могилу глубокую, и заворочали потолкомъ дубовымъ, и засыпали песками желтыми, а надъ могилою поставили деревянный крестъ;— только мѣсто оставили веревкѣ одной, котора была привязана къ колоколу соборному. Въ могилѣ *для* страху Потокъ зажигалъ свѣчи воску яраго, и въ полночь собиралися къ нему всѣ гады змѣиные, а потомъ пришелъ большой змѣй—онъ жжетъ и пышетъ пламенемъ огненнымъ. А Потокъ не робокъ былъ, саблю схватилъ да змѣю голову отрубилъ, и тою головою змѣиною учалъ тѣло авдотьино мазати. Втапоры она еретница изъ мертвыхъ пробуждается, Потокъ за веревку схватилъ; услышавъ звонъ, пришли и разрыли ихъ, объявили князю Владиміру и тѣмъ попамъ соборнымъ, поливали ихъ святой водой, приказали имъ жить по старому. Когда Потокъ умеръ, его молоду жену съ нимъ вмѣстѣ зарыли живую, и тутъ имъ стала быть память вѣчная.

—

Трудно сказать что-нибудь объ этой сказкѣ—такъ чужда она всякой опредѣленности. Всѣ лица и событія ея—миражи: какъ-будто что-то видишь, а между-тѣмъ ничего не видишь. Почему Авдотья Лиховидьевна — колдунья, не знаемъ, потому-что она ни образъ, ни характеръ. Или всѣ женщины, по понятію нашихъ добрыхъ дѣдовъ, были колдуньи? Потокъ —тоже что-то въ родѣ ничего, и вообще вся эта сказка — ничего, изъкотораго ничего и не выжмешь.

—

Какъ издалеча было изъ Галичья, изъ Волынца города изъ Галичія, выѣзжалъ удача добрый молодецъ, молодой Михайло Казарянинъ, ѣхалъ онъ ко князю Владиміру; спрашивалъ его Владиміръ князь, отколь пріѣхалъ и какъ зовутъ, чтобъ по имени ему мѣсто дать, по изотчеству пожаловати; наливалъ онъ ему чару зелена вина—не велика мѣра въ полтора ведра, и провѣдываетъ могучаго богатыря, чтобъ выпилъ чару зелена вина и турій рогъ меду сладкаго въ полтора третья. Затѣмъ онъ сдѣлалъ ему такое же порученье, какъ и Потоку Михайлу Ивановичу. Когда онъ возвращался съ настрѣленною дичью ко Владиміру, наѣхалъ въ полѣ сыръ кряковистый дубъ, на дубу сидитъ тутъ черный воронъ, съ ноги на ногу переступываетъ, онъ правильно перушко поправливаетъ, а и ноги, носъ—что огонь горятъ. За бѣду Казарину показалося, и хочетъ онъ застрѣлить чернаго ворона, а черный воронъ ему провѣщится — проситъ его не трогати, а велитъ ему ѣхати дальше, а тамъ-де ему богатырю добыча есть. И увидѣлъ Казарянинъ въ полѣ три шатра, стоитъ бесѣда—дорогъ рыбій зубъ, на бесѣдѣ сидятъ три Татарина, три собаки наѣздники, передъ ними ходитъ красна дѣвица, русская дѣвица полоняночка, Марѳа Петровична, въ слезахъ не можетъ слово молвити, добрѣ-жалобно причитаютъ: «О злосчастная моя буйна голова! Горе-горькое, моя руса коса! а вечоръ тебя матушка расчесывала, расчесала матушка, заплетала; я сама, дѣвица, знаю, вѣдаю— расплетать будетъ мою русу косу тремъ Татаринамъ наѣздникамъ». Нашъ рыцарь перебилъ Татаръ, но съ дѣвицею-полоняночкою поступилъ совсѣмъ не по-рыцарски: «Повелъ дѣвицу во бѣлъ шатеръ»;— какъ дѣвица расплачется и скажетъ ему свое имя, что она-де изъ Волынца города, изъ Галичья, гостиная дочь. Казарянинъ узнаетъ въ ней родную сестру свою. Взявъ ее съ со-

бою, коней, оружіе и бесѣду Татаръ, пріѣхалъ ко князю Владиміру, который и беретъ себѣ всю его добычу, а ему говоритъ: «Исполать тебѣ добру молодцу, что служишь князю вѣрою и правдою».

—

Изъ-за моря, моря синяго, изъ славна Волынца, красна Галичья, изъ тоя Карелы богатыя, какъ ясный соколъ вонъ вылетывалъ, какъ-бы бѣлый кречетъ вонъ выпархивалъ, — выѣзжалъ удача добрый молодецъ, молодой *Дюкъ*, сынъ Степановичъ, а и конь подъ нимъ какъ-бы лютый звѣрь, лютый звѣрь конь — и буръ, косматъ, у коня грива на лѣву сторону, до сырой земли; онъ самъ на конѣ какъ ясенъ соколъ, крѣпки доспѣхи на могучихъ плечахъ; немного съ Дюкомъ живота пошло, что куякъ и панцырь чиста серебра — въ три тысячи, а кольчуга на немъ красна золота—цѣна сорокъ тысячей, а и конь подъ нимъ въ пять тысячей. Почему коню цѣна пять тысячей? —За рѣку онъ броду не спрашиваетъ, котора рѣка цѣла верста пятисотная, онъ скачетъ съ берегу на берегъ: потому цѣна коню пять тысячей. Еще съ Дюкомъ живота немного пошло: пошелъ тугой лукъ разрывчатой, а цѣна тому луку три тысячи; потому луку цѣна три тысячи: полосы были серебряны, а рога красна золота, а и тетивочка была шелковая, а бѣлаго шелку шимаханскаго; и колчанъ пошелъ съ нимъ каленыхъ стрѣлъ, а въ колчанѣ было за триста стрѣлъ, всякая стрѣла по десяти рублевъ, а еще есть въ колчанѣ три стрѣлы, а и тѣмъ стрѣламъ цѣны не было: колоты онѣ были изъ трость древа, строганы въ Новѣгородѣ, клеены онѣ клеемъ осетра рыбы, перены онѣ перьицемъ сиза орла, а сиза орла, орла орловича, а того орла, птицы камскія,—не тоя-то Камы, коя въ Волгу пала, а тоя-то Камы за синимъ моремъ, — своимъ устьемъ впала въ сине море (т. е. не той Камы, которая есть на землѣ, а той, которой не бывало; а леталъ орелъ надъ синимъ моремъ, а ронялъ онъ перьица во сине море, а бѣжали гости корабельщики, собирали перья на синемъ морѣ, вывозили перья на святую Русь, продавали душамъ красньмъ дѣвицамъ: покупала дюкова матушка перо во сто рублей, во тысячу. Почему тѣ стрѣлки дороги?—потому онѣ дороги, что въ ушахъ поставлено по тирову, по камешю, по дорогу самоцвѣтному, а и еще у тѣхъ стрѣлокъ подлѣ ушей перевивано аравитскимъ золотомъ. Ѣздитъ Дюкъ подлѣ синя моря, и стрѣляетъ гусей, бѣлыхъ лебедей, перелетныхъ сѣрыхъ малыхъ уточекъ; онъ днемъ стрѣляетъ, въ ночи тѣ стрѣлки собираетъ: какъ днемъ-то тѣхъ стрѣлочекъ не видѣти, а въ ночи тѣ стрѣлки что свѣчи горятъ—свѣчи теплются воска яраго: потому онѣ, стрѣлки, дороги. Когда Дюкъ пошелъ во гридню владимірову, всѣ гости скочили съ мѣстъ на рѣзвы ноги: смотрятъ на Дюка — сами дивуются. Пошло пированье и столованье. Дюкъ съ тѣми князи и боярами откушалъ калачики крупичаты—онъ верхню корочку отламываетъ. а нижню корочку прочь откидываетъ. А во Кіевѣ былъ шастливъ добрѣ какъ-бы молодой Чурила, сынъ Пленковичъ — *оговорилъ* онъ Дюка Степановича: «Что ты, Дюкъ, чѣмъ чванишься?—верхню корочку отламываешь, а нижнюю прочь откладываешь». Говорилъ Дюкъ Степановичъ: «Ой ты, ой еси, Владиміръ князь! въ томъ ты у меня не прогнѣвайся — печки у тебя биты глиняны, а подики кирпичные, а помелечко мочальное въ лохань обмакиваютъ; а у меня Дюка Степановича, у моей сударыни матушки, печки были мураблены, а подики мѣдные, помелечко шелковое въ сы-

ту медвяную обмакиваютъ; калачикъ съѣшь—больше хочется».

Эта неслыханная роскошь возбудила въ князѣ желаніе быть въ домѣ у Дюка, и, взявъ съ собою Чурилу и дворъ, онъ поѣхалъ. На крестьянскихъ дворахъ, Дюкъ такъ угостилъ Владиміра, что онъ сказалъ ему: «Каково про тебя сказывали, таковъ ты и есть». Переписывалъ Владиміръ князь дюковъ домъ, переписывали его четверо сутокъ, а и бумаги не стало. Втапоры Дюкъ повелъ гостей къ своей сударынѣ матушкѣ—и ужасается Владиміръ князь, что въ теремахъ хорошо изукрашено. Угостила матушка дюкова дорогихъ гостей, говорилъ ей ласковый Владиміръ князь: «Исполать тебѣ, честна вдова многоразумная со своимъ сыномъ Дюкомъ Степановымъ! Употчивала меня со всѣми гостьми, со всѣми людьми; хотѣлъ-было вашъ и этотъ домъ описывати, да отложилъ всѣ печали на радости». Втапоры честна вдова многоразумная дарила князя своими честными подарками: сорокъ сороковъ черныхъ соболей, вторые сорокъ бурнастыхъ лисицъ, еще сверхъ того каменьи самоцвѣтными.

То старина, то и дѣянье:
Синему морю на утѣшенье,
Быстрымъ рѣкамъ слава до моря;
А добрымъ людямъ на послушанье,
Веселымъ молодцамъ на потѣшенье!

—

Эта сказка одна изъ примѣчательнѣйшихъ, особенно по этому тону простодушной ироніи, съ какою описывается *бѣдность* вооруженія и вообще *живота*, бывшаго съ Дюкомъ,—по этой лукавой скромности, съ какою Дюкъ объясняетъ князю причину, почему онъ ѣстъ у калачиковъ только верхнюю корочку. Эта простодушная иронія есть одинъ изъ основныхъ элементовъ русскаго духа: русскій человѣкъ любитъ похвастаться, но никогда не хвастаетъ прямо, а всегда обинякомъ, болѣе же всего съ скромнымъ самоуниженіемъ, въ родѣ слѣдующаго: «гдѣ-ста намъ дуракамъ чай пить!», «что наше за богатство—всего тысячь сто въ мѣсяцъ получаемъ, да и тѣ съ горемъ пополамъ: не знаемъ-де, куда класть и прятать».—Дюкъ богаче князя Владиміра, за то Владиміръ велитъ описывать его имѣніе, и только будучи ужь слишкомъ употчиванъ, «отлагаетъ всѣ печали на радости», а матушка Дюка даритъ князю трое сороковъ мѣховъ и каменьевъ самоцвѣтныхъ:—черта чисто восточная!..

—

Высота ли, высота подвебесная,
Глубота, глубота океанъ-море;
Широко раздолье по всей землѣ,
Глубоки омуты днѣпровскіе!

Изъ-за моря, моря синяго, изъ глухоморья зеленаго, отъ славнаго города Леденца, отъ того-де царя вѣдь заморскаго, выбѣгали, выгребали тридцать кораблей, тридцать кораблей—единъ корабль славнаго гостя богатаго, молода Соловья, сына Будиміровича. Хорошо корабли изукрашены—одинъ корабль получше всѣхъ: у того было сокола у корабля вмѣсто очей было вставлено по дорогому каменю, по яхонту, вмѣсто бровей было прибивано по черному соболю *якутскому*, и *якутскому* вѣдь *сибирскому*; вмѣсто уса было воткнуто два остра копья мурзамецкія, и два горностая повѣшены, два горностая, два зимніе; у того было сокола у корабля вмѣсто гривы прибивано двѣ лисицы бурнастыя; вмѣсто хвоста повѣшено на томъ было соколѣ кораблѣ два медвѣдя бѣлые заморскіе; носъ, корма по-туриному, бока взведены по-звѣриному. На томъ кораблѣ былъ сдѣланъ *муравленъ чердакъ*, въ чердакѣ была бесѣда—дорогъ рыбій зубъ, подернута бесѣда рытымъ бархатомъ; на бесѣдѣ-то сидѣлъ *Купавъ* молодецъ, молодой Соловей, сынъ Будиміровичъ; спрашивалъ онъ гостей корабельщиковъ и цаловальщиковъ любимыхъ, чѣмъ ему князя Владиміра будетъ дарить. (Послѣ мы увидимъ, что они ему присовѣтовали). Прибѣжали корабли подъ славной Кіевъ-градъ, якори метали въ Днѣпръ-рѣку, сходни бросали на крутъ бережокъ, товар-

ную пошлину платили. Соловей у князя въ гридиѣ и подноситъ ему свои дороги подарочки: сорокъ сороковъ черныхъ соболей, вторые сорокъ бурнастыхъ лисицъ; княгинѣ поднесъ камку бѣло-хрущатую, недорога камочка — узоръ хитеръ: хитрости Царяграда, мудрости Іерусалима, замыслы Соловья, сына Будиміровича; на златѣ и серебрѣ—не погнѣваться. Князю дары полюбилися, а княгинѣ наипаче того. Говорилъ ласковой Владиміръ князь: «Гой еси ты богатый гость, Соловей, сынъ Будиміровичъ! займуй дворы княженецкіе, займуй ты боярскіе, займуй ты дворы и дворянскіе». Соловей ото всего отказывается, а проситъ только загонъ земли, непаханыя и неораныя, у княженецкой племянницы, у молодой *Запавы Путятишной*, въ ея зеленомъ саду, въ вишеньѣ, въ орѣшеньѣ, построить ему, Соловью, нарядeнъ дворъ. Походилъ Соловей на свой червленъ корабль: «Гой еси вы, мои люди работные! берите вы топорики булатные, подите къ Запавѣ во зеленый садъ, постройте мнѣ снарядeнъ дворъ, въ вишеньѣ, въ орѣшеньѣ». Съ вечера, позднимъ-поздно, *будто дятлы въ дерево пощолкивали*, работала его дружина хорабрая, ко полуночи и дворъ поспѣлъ: три терема златоверховаты, да трои сѣни косящатыя, да трои сѣни рѣшетчатыя. Хорошо въ теремахъ изукрашено: на небѣ солнце—въ теремѣ солнце; на небѣ мѣсяцъ—въ теремѣ мѣсяцъ; на небѣ звѣзды—въ теремѣ звѣзды; на небѣ заря—въ теремѣ заря, и вся красота поднебесная. Рано просыпалася Запава, посмотрѣла Запава въ окошечко косящатое, въ вишенье, въ орѣшенье,—чудо Запавѣ показалося: «Гой еси, нянюшки и мамушки, красныя сѣнныя дѣвушки! подите-тко посмотрите-тко, что мнѣ за чудо показалося въ вишеньѣ, въ орѣшеньѣ!» Тѣ отвѣчаютъ ей: «Счастье твое на дворъ къ тебѣ пришло». Бросилася Запава въ терема; у перваго терема послушала: тутъ въ теремѣ щелчитъ, молчитъ—лежитъ соловьева золота казна. Во второмъ теремѣ послушала: по-маленьку говорятъ, все молитвы творятъ—молится соловьева матушка со вдовы честны, многоразумными. У третьяго терема послушала: тутъ въ теремѣ музыка гремитъ. Входила Запава въ сѣни косящатыя, отворяла двери на пяту,—больно Запава испугалася, рѣзвы ноги подломилися, чудо въ теремѣ показалося: на небѣ солнце—въ теремѣ солнце, и проч. Подломились ея ноженьки рѣзвыя; втапоры Соловей онъ догадливъ былъ, бросалъ свои звончаты гусли, подхватывалъ дѣвицу за бѣлы руки, клалъ на кровать слоновыхъ костей, да на тѣ ли перины пуховыя. «Чего-де ты, Запава, испужалася? мы-де оба на возрастѣ».—«А и я-де дѣвица на выданьѣ, пришла-де сама за тебя свататься». Тутъ они и помолвили, целовалися, миловалися, золотыми перстнями обмѣнялися. Провѣдавь про то соловьева матушка, свадьбу посрочила: «Съѣзди-де за моря синія, и когда-де тамъ расторгуешься, тогда-де и на Запавѣ женишься». Втапоры же поѣхалъ и Голый Шапъ Давидъ Поповъ, скоро онъ за морями исторгуется, а скорѣй того назадъ въ Кіевъ прибѣжалъ, приходитъ ко князю съ подарками—привесъ сукно смурое, да крашанину печатную. Втапоры его князь о Соловьѣ спрашивалъ; отвѣчалъ ему Голый Шапъ, что видѣлъ Соловья въ Леденцѣ городѣ, у того царя заморскаго; Соловей-де въ протоможье попалъ, и за то посаженъ въ тюрьму, а корабли его отобраны на его жь царское величество. Больно Владиміръ закручинился, скоро вздумалъ о свадьбѣ — что отдать Запаву за Голаго Шапа Давида Попова. Тысяцкій — ласковый Владиміръ князь, свашела — княгиня Апраксѣевна, въ поѣзду — князи и бояре, поѣзжали ко церкви Божіей. Втапоры на девяноста корабляхъ прибылъ Соловей во Кіевъ-градъ. Тотчасъ по поступкамъ Соловья опознывали, приводили его ко княженецкому столу. Сперва говорила Запава Путятишна: «Гой еси, мой сударь, дядюшка, ласковый, сударь, Владиміръ

князь! Тотъ-то мой прежній обрученный женихъ, прямо, сударь, скачу—обезчещу столы». Говорилъ ей ласковый Владиміръ князь: «Гой еси, ты Запава Путятишна! а ты прямо не скачи—не безчести столы». Выпускали ее изъ-за дубовыхъ столовъ, пришла она къ Соловью, поздоровалась, взяла его за рученьку бѣлую и сѣла съ нимъ на большо мѣсто, а сама она Запава говорила Голому Шапу таково слово: «Здравствуй, женимши, да не съ кѣмъ спать?» Втапоры Владиміръ князь веселъ былъ, а княгиня пaипаче того; поднимали пирушку великую.

—

Разъ на пиру, Владиміръ князь сказалъ Ивану Годиновичу: «Гой еси, Иванъ ты Годиновичъ! а зачѣмъ ты, Иванушка, не женишься?»—Радъ бы, осударь, женился, да негдѣ взять: гдѣ охота брать, за меня не даютъ; а гдѣ то подаютъ, ту я самъ не беру. Князь велѣлъ ему садиться на *ременчатъ* стулъ, писать ярлыки *скорописчаты* о добромъ дѣлѣ, о сватаньѣ, къ Дмитрію, черниговскому гостю богатому. А Владиміръ князь ему руку приложилъ: «А не ты, Иванъ, поѣдешь свататься, сватаюсь я-де Владиміръ князь». А скоро Иванъ поѣздку чинитъ по городу Чернигову: *два девяносто* верстъ переѣхалъ въ два часа. Прочитавъ ярлыкъ Дмитрій гость: «Глупый Иванъ, неразумный Иванъ! гдѣ ты, Иванъ, перво былъ? нынѣ Настасья просватана, душа Дмитревна запоручена въ дальню землю загорскую, за царя Афромея Афромеевича; за царя отдать—ей царицею слыть,—панова и улановья всѣ поклонятся, а нѣмецкихъ языковъ счету нѣтъ; за тебя, Иванъ, отдать—холопкой слыть, избы мести, заходы скрести». Тутъ Иванушкѣ за бѣду было — схватилъ ярлыкъ, да и прямо въ Кіевъ ко Владиміру князю. Тутъ ему князю за бѣду стало, рветъ на главѣ черны кудри свои, бросаетъ о кирпищетъ полъ: «Гой еси, Иванъ Годиновичъ! возьми ты у меня, князя, сто человѣкъ русскихъ могучихъ богатырей, у княгини ты бери другое сто, у себя, Иванъ, третье сто; поѣзжай ты о добромъ дѣлѣ—о сватаньѣ: честью не дастъ, ты и силой бери». Выпала пороша—поѣхалъ Иванъ съ дружиною на три звѣриные слѣда: сто человѣкъ посылалъ за гнѣдымъ туромъ; другое сто—за лютымъ звѣремъ, а третье сто—за дикимъ вепремъ; велѣлъ изъимать ихъ бережно—безъ тоя раны кровавыя, и привесть ихъ въ Кіевъ градъ; а самъ онъ, Иванъ, поѣхалъ одинъ въ Черниговъ градъ. У Дмитрія гостя богатаго сидятъ мурзы, улановья, *по-нашему сибирскому дружки словутъ*, привезли они отъ царя платье цвѣтное на душку Настасью Дмитревну; а самъ онъ царь Афромей отъ Чернигова въ трехъ верстахъ стоитъ, и съ нимъ силы три тысячи. Взялъ Иванушка Годиновичъ душку Настасью изъ-за занавѣсу *бѣлаго* за руку *бѣлую*, потащилъ онъ Настасью—*лишь туфли звенятъ*. Взговоритъ ему Дмитрій гость: гой еси ты, Иванушка Годиновичъ! суженое пересуживаетъ, ряженое переряживаетъ; можно тебѣ взять не гордостью — веселымъ пиркомъ, свадебкою».—Не могъ ты честью мнѣ отдать—нонѣ беру и не кланяюсь.—Посадилъ Настасью съ собой на добра коня, переѣхалъ онъ девяносто верстъ, и поставилъ тутъ свой бѣлъ шатеръ, изволилъ онъ, Иванъ, съ Настасьей опочивъ держать. Пересказали царю мурзы и улановья телячьимъ языкомъ вѣсточку нерадостную, а и тутъ царь закричалъ, заревѣлъ зычнымъ голосомъ; Иванъ предложилъ царю боротися — кому Настасья достанется. Согнетъ онъ царя корчагою, опустилъ на сыру землю — царь ле-

житъ, свѣту не видитъ. Отошелъ Иванъ за кустикъ..........; а царь пропищалъ: «Думай, Настасья, не продумайся; за царемъ за мною быть—царицею слыть; за Иваномъ быть — холопкой слыть, избы мести, заходы скрести». А и снова борьба начинается — втапоры Настасья Ивана за ноги изловила—тутъ его двое и осилили. Привязалъ его царь за руки бѣлыя ко сыру дубу, сталъ съ Настасьей поигрывати, а назолу даетъ ему молодому Ивану Годиновичу. По его было талану добра молодца, прибѣжала перва высылка изъ Кіева, они срѣзали чембуры шелковые, его Ивана опрастывали. Говорилъ тутъ Иванушка Годиновичъ: «А и гой еси, дружина храбрая! Ихъ-то царей не бьютъ, не казнятъ, не бьютъ, не казнятъ, не бьютъ и не вѣшаютъ: поведите его ко городу Кіеву, ко великому князю Владиміру». А самъ онъ Иванъ остался во бѣломъ шатрѣ, сталъ жену учить. (*Поученье Ивана есть повтореніе того, которое Добрыня дѣлалъ Маринѣ, съ слѣдующею разницею въ концѣ:* «и этотъ языкъ мнѣ не надобенъ—говорилъ онъ съ царемъ невѣрнымъ и сдавался на его слова прелестныя»). Пріѣхавъ къ князю, Иванъ благодаритъ его за милость великую, что женилъ его на душкѣ Настасьѣ Дмитревнѣ. Услышавъ отъ Ивана о *поученіи*, втапоры князь веселъ сталъ, отпускалъ Вахромея царя, своего подданника, въ его землю загорскую: только его увидѣли, что обернется гнѣдымъ туромъ, поскакалъ далече въ чисто поле къ силѣ своей.

—

На пиру у князя Владиміра пригодилась тутъ двѣ честныя вдовы — Чесовая жена и Блудова жена — обѣ жены богатыя, богатыя жены дворянскія. Промежду собой сидятъ, *за прохладъ говорятъ.* Сватала Блудова жена сына своего Гордена за дочь Чесовой жены, Авдотью Чесовичну. Втапоры Авдотья Чесовична (мать) осердилася, била ее по щекѣ, таскала по полу кирпищету, и при всемъ народѣ, при бесѣдѣ, вдову опозорила, и весь народъ тому смѣялися. Скоро пошла вдова Блудова ко своему двору, а идетъ она шатается; выбѣжалъ къ ней за ворота широкія Горденъ сынъ Блудовичъ; поклонился матушкѣ въ праву ногу: «Гой еси, матушка! что ты, сударыня, идешь закручинилася? Али мѣсто тебѣ было не отчинѣ? али чарой зеленымъ виномъ обносили тебя?» Авдотья Блудовна жалобу приноситъ сыну своему Гордену Блудовичу; молодой Горденъ уклалъ спать свою родимую матушку—*втапоры она была пьяна.* И пошелъ Горденъ на дворъ къ Чесовой женѣ, сжималъ песку горсть цѣлую, бросилъ онъ по высокомъ терему, гдѣ сидитъ молода Авдотья Чесовична — полтерема сшибъ, виноградъ подавилъ. Втапоры Авдотья Чесовична бросилась будто бѣшенная изъ высокаго терема, пробѣжала мимо Гордена, ничего не говоря, на княженецкій дворъ своей родимой матушкѣ жаловатися. Втапоры пошелъ туда же и Горденъ — разсматривать вдову Чесову жену. Вдовины ребята съ нимъ заздорили, взяли Гордена пощипывати, надѣючись на свою родимую матушку. Горденъ имъ взмолится: «Не троните меня, молодцы! а меня вамъ убить, не корысть получить!» Они не послушались, онъ ихъ всѣхъ перебилъ, а было ихъ пять человѣкъ. Вдова Чесова посылала еще своихъ четырехъ сыновей — убить Гордена, и только одинъ хотѣлъ было ударить его по уху—Горденъ вертокъ былъ: того онъ ударилъ о землю и до смерти ушибъ, а также и остальныхъ троихъ. Взялъ онъ Гордена Авдотью Чесовичну за руки бѣлыя, да и повелъ ко Божьей церкви вѣнчатися; а поутру столъ собралъ,

позвалъ князя со княжной и молоду свою тещу, Авдотью Чесову жену. Втапоры было Чесова жена *загординилася*, не хотя идти къ своему зятю: тутъ Владиміръ князь стольный кіевскій и со княгинею стали ее уговаривати, чтобъ она то больше не кручинилася, не кручинилася и не гнѣвалася, —и она тутъ ихъ послушалася, пришла къ зятю на веселый пиръ, стала пити, ясти, прохлаждатися.

—

Былъ пиръ у князя Владиміра. Князи и бояра пьютъ, ѣдятъ, потѣшаются, *и великимъ княземъ похваляются*; и только изъ нихъ одинъ бояринъ Ставръ Годиновичъ не пьетъ, не ѣстъ *и при всей братьи не хвастаетъ*, только наединѣ съ товарищемъ *таковы рѣчи сказываетъ*: «Что это за крѣпость въ Кіевѣ, у великаго князя Владиміра? У меня-де, Ставра боярина, широкій дворъ не хуже города Кіева, а дворъ у меня на семи верстахъ, а гридни, свѣтлицы бѣлодубовы, покрыты гридни сѣдымъ бобромъ, потолокъ во гридняхъ черныхъ соболей, полъ, середа одного серебра, крюки да пробоя по булату злачоны». *Слуги вѣрные* донесли о томъ князю Владиміру: приказалъ князь сковать Ставра боярина, посадить въ погреба глубокіе, дворъ его запечатати и молоду жену его взять ко двору. Перепала вѣсть нерадошна молодой женѣ ставровой; скоро она наряжается, и скоро убирается: скидывала съ себя волосы женскіе, надѣвала кудри черные, а на ноги сапоги зеленъ сафьянъ, и надѣвала платье богатое, богатое платье посольское, и называлась грознымъ посломъ, Василіемъ Ивановичемъ, а и будто изъ дальней орды, золотой земли, отъ грозна короля Етмануйла Етмануйловича — брать съ князя Владиміра дани невыплаты, не много не мало за двѣнадцать лѣтъ, за всякій годъ по три тысячи. А и тутъ больно князь запечалился: кидался, метался, то улицы метутъ, ельникъ ставили, передъ воротами ждутъ посла. Вывела княгиня князя за собой и во тѣ во подвалы, погреба, молвила словечко тихонько: «ни о чемъ ты, осударь, не печалуйся: а не быть тому грозному послу Василью Ивановичу — быть ставровой молодой женѣ Василисѣ Микулишнѣ; знаю я примѣты по женскому: *она по двору идетъ, будто уточка плыветъ, а по горенкѣ идетъ—частенько ступаетъ, а на лавку садится—колѣнки сжиметъ; а и ручки бѣленьки, пальчики тоненьки*, дюжины изъ перстовъ не вышли всѣ (??)». Втапоры князь употчивалъ посла до-пьяна, хочетъ его провѣдати, вызываетъ его боротися съ семью богатырями, и того посолъ Василій не пятится, вышелъ онъ на дворъ боротися: первому борцу изъ плеча руку выдернетъ, а другому борцу ногу выломитъ, она третьяго хватила поперегъ хребта, ушибла его середи двора. *А плюнулъ князь да и прочь пошелъ*: «Глупая княгиня, неразумная! у тя волосы долги, умъ коротокъ: называешь ты богатыря женщиною.— такого посла у насъ не было еще и видано». А княгиня стоитъ на своемъ; втапоры князь опять посла провѣдаетъ, вызываетъ его изъ туга лука стрѣлять со своими могучими богатырями. Отъ тѣхъ стрѣлочекъ каленыхъ, и отъ той стрѣльбы богатырскія, только сырой дубъ шатается, будто отъ погоды сильныя. Посолъ отъ лука отказывался, есть-де у меня лучонко волокитный, съ которымъ я ѣзжу по чисту полю. Кинулися ея добры молодцы, подъ первый рогъ несутъ пять человѣкъ, подъ другой— столько же, а колчанъ каленыхъ стрѣлъ тащитъ тридцать человѣкъ. Вытагивала она лукъ за ухо, хлеснетъ по сыру дубу, изломила его въ черенья ножо-

вые, и Владиміръ князь окорачь наползался, и всѣ тутъ могучіе богатыри встаютъ какъ угорѣлые. Плюнулъ Владиміръ князь, самъ прочь пошелъ, говорилъ себѣ таково слово: «Развѣ самъ Василья посла провѣдаю». Сталъ съ нимъ въ шахматы играть, три заступи заступовали и три заступи посолъ поигралъ, и сталъ требовать дани, выходы, невыплаты. Говоритъ Владиміръ князь: «Изволь меня, посолъ, взять головой съ женой». Посолъ спросилъ князя: «Нѣтъ ли у тебя кому въ гусли поиграть»? Втапоры Владиміръ спохватился, велѣлъ расковать и привести Ставра боярина; втапоры посолъ скочилъ на рѣзвы ноги, посадилъ Ставра противъ себя въ дубову скамью. И зачалъ тутъ Ставръ поигрывати: *свирищъ свиралъ Царяграда, танцы навелъ Іерусалима, величалъ князя со княгинею, сверхъ тою игралъ еврейскій стихъ.* Посолъ задремалъ и спать захотѣлъ, отказывался отъ даней, выходовъ и просилъ себѣ только *весела молодца*, Ставра боярина Годиновича; и поѣхалъ съ нимъ ко Днѣпръ-рѣкѣ, во свой бѣлъ шатеръ, а князь провожалъ его со княгинею. Говорилъ посолъ таково слово: «пожалуй-де, осударь, Владиміръ князь, посиди до того часу, какъ я высплюся». Раздѣвался посолъ изъ своего платья посольскаго, и убирался въ платье женское, притомъ говорилъ таково слово: «Гой еси, Ставръ, веселъ молодецъ! какъ ты меня не опознываешь? а доселева мы съ тобою въ свайкў игрывали, у тебя ли была свайка серебряная, а у меня кольцо позолоченное, и ты меня поигрывалъ, — и я тебѣ толды, вселды». И втапоры Ставръ бояринъ догадается, скидавалъ платье черное, и надѣвалъ на себя посольское; и съ великимъ княземъ и со княгинею прощалися, отъѣзжали въ свою землю дальнюю.

—

Теперь намъ остается проститься съ ласковымъ Владиміромъ краснымъ-солнышкомъ и со княгинею Апраксѣевною: въ поэмѣ, которой содержаніе мы готовимся изложить, они являются въ послѣдній разъ, — Владиміръ мѣлькомъ, Апраксѣевна—героинею, во всемъ апоѳеозѣ своей женственности, граціозности и нравственности.

Сорокъ каликъ съ каликою шли на поклоненіе въ Іерусалимъ изъ пустыни Ефимьевы, изъ монастыря Боголюбова, выбрали они себѣ большаго атамана молода *Касьяна*, сына *Михайловича*, и положили они заповѣдь великую: кто что украдетъ, или пустится на женскій соблазнъ, да не скажетъ атаману, того закопать по плеча въ сыру землю и во чистомъ полѣ одного оставить. Подъ Кіевомъ они встрѣтились съ Владиміромъ княземъ, а онъ, князь, охотился; завидѣли его калики перехожіе, становилися во единъ кругъ, клюки, посохи въ землю потыкали, а и сумочки исповѣсили, кричатъ калики зычнымъ голосомъ, дрогнетъ матушка сыра земля, съ деревъ вершины попадали, подъ княземъ конь окорачился, а богатыри съ коней попадали, а Спиря сталъ поспиривати, а Сема сталъ посемывати, они-то ему князю Владиміру поклонилися, прошаютъ у него милостыню великую, а и чѣмъ бы молодцамъ душа спасти. Князь отговариваетъ, что съ нимъ на охотѣ ничего нѣту и посылаетъ ихъ въ Кіевъградъ, ко душѣ княгинѣ Апраксѣевнѣ; *честна роду дочь королевична*, напоитъ, накормитъ она молодцовъ, надѣлитъ всѣмъ въ дорогу злата, серебра. Пришли калики, рявкнули, съ теремовъ верхи попадали, а съ горницъ охлопья попадали, въ погребахъ питья всколебалися; становилися во единъ кругъ, прошаютъ милостыню великую у молоды княгини Апраксѣевны. Молода княгиня испужалася, а и больно

она передрогнула, звала каликъ во гридни свѣтлыя: молода княгиня Апраксѣевна поджавъ ручки будто Турчаночки, со своими нянюшки и матушки, со красными сѣнными дѣвушки; молодой Касьянъ сынъ Михайловичъ садился на мѣсто большаго; отъ лица его молодецкаго, какъ-бы отъ солнышка отъ краснаго, лучи стоятъ великіе. Послѣ пиру хотятъ они калики во путь идти, а у молодой княгини Апраксѣевны не то на умѣ, не то въ разумѣ: шлетъ она Алешу Поповича атамана ихъ уговаривати, чтобъ не идти имъ сего дня и сего числа; зоветъ онъ Алеша Касьяна Михайловича ко княгинѣ Апраксѣевнѣ на долгіе вечеры посидѣти, забавны рѣчи побаити, а сидѣть бы наединѣ въ спальнѣ съ ней. Замутилось его сердце молодецкое—отказалъ онъ Алешѣ Поповичу. На то княгиня осердится, велѣла Алешѣ прорѣзать у Касьяна суму рыта бархата, запихать бы чарочку серебряну. Когда калики ушли, княгиня посылаетъ Алешу въ погонь за ними; у Алеши вѣжество нерожденное, онъ сталъ съ каликами задорити, обличаетъ ворами, разбойниками; не давалися калики въ объискъ ему, поворчалъ Алеша и назадъ поѣхалъ. Втапоры Владиміръ князь пріѣхалъ въ Кіевъ градъ, со Добрынею Никитичемъ. Молода княгиня Апраксѣевна посылала Добрыню Никитича въ погонь за Касьяномъ Михайловичемъ; у Добрыни вѣжество рожденное и ученое—настигъ онъ каликъ во чистомъ полѣ, вскочилъ съ коня, самъ челомъ бьетъ: «Гой еси, Касьянъ Михайловичъ! не наведи гнѣва на князя Владиміра, прикажи объискать калики перехожіе, *нѣтъ ли промежу васъ глупаго*». Нигдѣ-то чарочка не явилася, у молода Касьяна пригодилася. Закопали атамана по плеча во сыру землю, едина оставили во чистомъ полѣ. Калики въ путь пошли, а Добрыня въ Кіевъ съ тою чарочкой серебряною. А съ того время часу захворала скорбью недоброю, слегла княгиня въ великое во гноище. Сходили калики въ Іерусалимъ градъ, святой святынѣ помолилися, Господню гробу приложилися, во Ерданѣ-рѣкѣ искупалися, нетлѣнною ризою утиралися. На дорогѣ назадъ увидѣли молода Касьяна: онъ ручкой машетъ, голосомъ крычитъ, подаетъ онъ Касьянъ ручку праву, а они-то къ ручкѣ приложилися, съ нимъ поцаловалися. Молодой Касьянъ выскакивалъ изъ сырой земли, какъ ясенъ соколъ изъ тепла гнѣзда, а всѣ они молодцы дивуются на его лицо молодецкое, а и кудри на немъ молодецкія до самаго пояса: стоялъ Касьянъ въ землѣ шесть мѣсяцевъ. Пришедши въ Кіевъ, ко дворцу, стоятъ они калики по-тихохоньку. Касьянъ посылаетъ *легкаго молодчика* доложиться князю Владиміру; прикажетъ ли идти намъ пообѣдати; князь послалъ имъ поклонитися и звать ихъ. Касьянъ спрашиваетъ князя о княгинѣ; князь едва рѣчи выговорилъ: «мы-де уже недѣлю другу не ходимъ къ ней». Молодой Касьянъ тому не брезгуетъ, пошелъ со княземъ во спальню къ ней, а и князь идетъ, свой носъ зажалъ, молоду Касьяну то ничто ему, никакого духу онъ не вѣруетъ. Втапоры княгиня прощалася, что нанесла рѣчь напрасную. Молодой Касьянъ, сынъ Михайловичъ, а и дунулъ духомъ святымъ своимъ на младу княгиню Апраксѣевну—не стало у ней того духу-пропасти, оградилъ ее святой рукой, прощаетъ ея плоть женскую, захотѣлось ей—пострадала она, лежала въ сраму полгода. Затѣмъ пошелъ пиръ горой, калики въ путь наряжаются, а Владиміръ князь убивается. Молода княгиня Апраксѣевна вышла изъ кожуха какъ изъ пропасти; тутъ же къ нимъ ко столу пришла, молоду Кась-

ву воклоняется безъ стыда, безъ сорому, а грѣхъ свой на умѣ держитъ. Калики съ Касьяномъ собрались и въ путь пошли до своего монастыря Боголюбова и до пустыни Ефимьевы.

—

Эта поэма носитъ на себѣ характеръ легенды, и замѣчательна по противорѣчію тона первой ея половины съ тономъ послѣдней: тамъ калики — сущіе сорванцы «орутъ, рявкаютъ, прошаютъ милостыню»; тутъ они — если не граціозны, мужиковаты, зато кротки и очестливы. Въ Касьянѣ выражена идея человѣка, освятившагося страданіемъ отъ неправаго наказанія; въ его великодушномъ поступкѣ съ Апраксѣевною есть что-то умиряющее душу. Только одна Апраксѣевна осталась въ своемъ прежнемъ характерѣ: молоду Касьяну поклоняется безъ стыда, безъ сорому, а грѣхъ свой на умѣ держитъ...

—

По саду. саду, по зеленому, ходила, гуляла молода *княжна* Марѳа Всеславьевна; она съ камени скочила на лютаго на змѣя; обвивается лютый змѣй около чебота зеленъ-сафьянъ, около чулочика шелкова, *хоботомъ* бьетъ по бѣлу стегну. А втапоры *княгиня* поносъ понесла, а понось понесла и дитя родила; и на небѣ просвѣтя свѣтелъ мѣсяцъ, а въ Кіевѣ родился могучъ богатырь, какъ-бы молодой Волхъ Всеславьевичъ: подрожала сыра земля, сотряслося славно царство индійское, а и сине море сколебалося для ради рожденья богатырскаго, молода Волха Всеславьевича; рыба пошла въ морскую глубину, птица полетѣла высоко въ небеса, туры да олени за горы пошли, зайцы, лисицы по чащицамъ, а волки, медвѣди по ельникамъ, соболи и куницы по островамъ...

Это начало поэмы есть высочайшій зенитъ, крайняя апогея, до какой только достигаетъ наша народная поэзія; это апоѳеоза богатырскаго рожденія, полная величія, силы и этого размашистаго чувства, которому море по колѣно, и которое есть исключительное достояніе русскаго народа. Мы не будемъ пересказывать всей этой поэмы, потому-что не найдемъ въ ней, какъ и въ прежнихъ, никакого опредѣленнаго идеала народной фантазіи. По-прежнему, это—*что-то*, силящееся стать образомъ, и все остающееся символомъ; сквозь произвольную и узорочную ткань этого «что-то» брезжится, какъ искра во тьмѣ, призракъ мысли, но никакъ не можетъ разгорѣться въ свѣтлое пламя. Волхъ — и богатырь и колдунъ; оборотившись горностаемъ, онъ сбѣгалъ въ царство индійское, «у тугихъ луковъ тетивки накусывалъ, у каленыхъ стрѣлъ желѣзцы повынималъ, у того ружья, вѣдь у огненнаго кременья и шомполы повыдергалъ, и все онъ въ землю закопывалъ» (*). Обернувшись ясныъ соколомъ, полетѣлъ къ своей дружинѣ хорабрыя, повелъ ее въ царство индійское—стѣна стоитъ; Волхъ оборотилъ своихъ молодцовъ мурашинами, велѣлъ имъ всѣхъ поголовно бить въ царствѣ индійскомъ, и только на *сѣмя* оставить по выбору семь тысячей душечки красны дѣвицы. Пришедши къ царю индійскому, *Салтыку* Ставрульевичу, говорилъ ему таково слово: «А и васъто царей не бьютъ, не казнятъ»; ухватя его ударилъ о кирпищатъ полъ, расшибъ его въ крохи......... И тутъ Волхъ самъ царемъ насѣлъ, взявши царицу Азвяковну, молоду Елену Александровну, а и то его дружина хорабрая на тѣхъ дѣвицахъ переженилися.

Вообще, идеалъ русскаго богатыря — физическая сила, торжествующая

(*) Позднѣйшая прибавка и, вѣроятно, самаго собирателя, т. е. Кирши Данилова.

надъ всѣми препятствіями—даже надъ здравымъ смысломъ. Коли ужь богатырь—ему все возможно, и противъ него ничто не устоитъ; объ стѣну лбомъ ударится—стѣна валится, а на лбу и шишки нѣтъ. Героизмъ есть первый моментъ пробуждающагося народнаго сознанія жизни; а дикая животная сила, сила желѣзнаго кулака и чугуннаго черепа — первый моментъ народнаго сознанія героизма. Отъ-того у всѣхъ народовъ богатыри цѣлыхъ быковъ съѣдаютъ, баранами закусываютъ, а бочками сороковыми запиваютъ. Но народъ, въ жизни котораго развивается *общее*, идетъ далѣе, — и просвѣтлѣніе животной силы чувствомъ долга, правды и доблести бываетъ вторымъ моментомъ его сознанія героизма. Наши народныя пѣснопѣнія остановились пока на первомъ моментѣ и дальше не пошли. И потому наши богатыри—тѣни, призраки, миражи, а не образы, не характеры, не идеалы опредѣленные. У нихъ нѣтъ никакихъ понятій о доблести и долгѣ, имъ всякая служба хороша, для нихъ всякая удаль—подвигъ: и цѣлое войско побить, конемъ потоптать, и единымъ духомъ выпить полтора ведра зелена вина и турій рогъ меду сладкаго въ полтретья ведра, и настрѣлять къ княженецкому столу гусей, бѣлыхъ лебедей, перелетныхъ малыхъ сѣрыхъ уточекъ, и стольничать и приворотничать... А между-тѣмъ, въ этихъ неопредѣленныхъ, дикихъ и безобразныхъ образахъ есть уже начало духовности, которой не доставало только исторической жизни, идеальнаго развитія, чтобъ возвыситься до мысли и возрасти до опредѣленныхъ образовъ, до полныхъ и прозрачныхъ идеаловъ: мы разумѣемъ эту отвагу, эту удаль, этотъ широкій разметъ души, которому море по колѣно, для котораго и радость и горе — равно торжество, которое на огнѣ не горитъ, въ водѣ не тонетъ,— этотъ убійственный сарказмъ, эту простодушно-язвительную иронію надъ жизнію, надъ собственною и чужою удалью, надъ собственною и чужою бѣдою, эту способность не торопясь, не задыхаясь, воспользоваться удачею и также точно поплатиться счастіемъ и жизнію, эту несокрушимую мощь и крѣпость духа, которыя—повторяемъ—есть какъ-бы исключительное достоинство русской натуры... Русская поэзія, какъ и русская жизнь (ибо въ народѣ жизнь и поэзія—одно), до Петра-Великаго есть тѣло, полное избыткомъ органической жизни, крѣпкое, здоровое, могучее, великое, вполнѣ способное, вполнѣ достойное быть сосудомъ необъятно-великой души, но —тѣло, лишенное этой души, и только ожидающее, ищущее ея... Петръ вдунулъ въ него душу живу—и замираетъ духъ при мысли о необъятно-великой судьбѣ, ожидающей народъ Петра...

—

Собирался царь Саулъ Леонидовичъ за сине море, въ дальню орду, въ половецку землю—брать дани и невыплаты; прощался онъ съ царицей на двѣнадцать лѣтъ, оставлялъ ее чеpевасту и наказывалъ: буде дочь родится—воспоить, воскормить, замужъ отдать, а любимаго зятя за нимъ послать; а буде сынъ родится—воспоить, воскормить и за нимъ послать. Родился у царицы сынъ Константинушко, ростетъ не по днямъ, по часамъ, а который *ребенокъ двадцати годовъ*, онъ Константинушко семи годовъ. Присадила его матушка учиться: скоро ему грамата далася и писать научился. Сталъ онъ, Константинушко, по улицамъ похаживати, сталъ съ ребятами шутку шутить не по-ребячью, а *творки творилъ не по-маленькимъ*: котораго возьметъ за руку, изъ плеча

тому руку выломитъ; и котораго задѣетъ за ногу, по..... ногу оторветъ прочь; и котораго хватитъ поперегъ хребта, тотъ кричитъ, реветъ, окорачъ ползетъ, безъ головы домой прійдетъ. Князи, бояра дивуются, и всѣ купцы богатые: а чтó это у насъ за уродъ ростетъ?.. Стали на негоцарицѣ жалобу творить, а царица стала его журить, бранить, а журить бранить, на умъ учить, смиренно жить.

(Онъ спрашиваетъ у матери, есть ли у него батюшка: мать разсказываетъ ему все дѣло; много царевичъ не спрашиваетъ: вышелъ на крылечко, закричалъ коня осѣдлать—да и былъ таковъ. На пути онъ перебилъ войско татарское—царя *Кунгура Самородовича)*.

И поѣхалъ Константинушко ко городу Угличу; онъ бѣгаетъ, скачетъ по чисту полю, *хоботы* метаетъ по темнымъ лѣсамъ, спрашиваетъ себѣ сопротивника, сильна могуча богатыря, съ кѣмъ побиться, подраться и поратиться. А углицки мужики были лукавые: городъ Угличъ крѣпко заперли, а сами со стѣны Константинушку обманываютъ: «Гой еси, удалой молодецъ! поѣзжай ты подъ стѣну бѣлокаменну, а и нѣту у насъ царя въ Ордѣ, короля въ Литвѣ, мы тебя поставимъ царемъ въ Орду, королемъ въ Литву». У Константинушки умокъ молодёшенекъ, зеленёшенекъ—сдавался на ихъ слова перелестныя: подъѣзжалъ онъ подъ стѣну, а мужики углицки крюки да багры закинули, и его молодца и съ конемъ подымали на стѣну высокую; связали да и засадили въ погреба глубокіе, запирали дверями желѣзными, засыпали хрящомъ, пески мелкими. Царь Саулъ воротился въ свое царство Алыберское, узналъ въ чемъ дѣло, поскакалъ въ Угличъ, а тѣ же мужики Угличи *извощики*, съ нимъ ѣхавши разсказываютъ, какого молодца засадили, и примѣтки его повѣдаютъ. Царь упрекаетъ ихъ, что не спросили ни дядины, ни отчины, и посадили въ подвалы глубокіе—а онъ-де у Кунгура не мало силы перебилъ—можно за то вамъ его благодарити и пожаловати. Когда *Саулу* выдали его сына, онъ спросилъ заплечнаго мастера и приказалъ главныхъ мужиковъ въ Угличѣ казнити и вѣшати. Пріѣхалъ Саулъ съ сыномъ домой—не пива у царя варить, не вина курить, пиръ пошелъ на радостяхъ.

—

Слѣдующая пѣсня отличается какимъ-то поэтически-унылымъ тономъ. Содержаніе ея состоитъ въ томъ, что добрый молодецъ, переѣхавъ черезъ рѣку *Сомородину*, похаялъ ее; рѣка провѣщала ему человѣческимъ голосомъ, какъ-бы душою красной дѣвицей, что онъ забылъ на томъ берегу два ножа булатные; когда онъ вновь переправлялся, рѣка Сомородина потопила его, отвѣчая на его мольбы, что не она топитъ его, *молодца безвременнаго*, а топитъ-де тебя похвальба твоя, пагуба. Вотъ начало этой наивной и грустной пѣсни:

«*Когда было молодцу пора, время великое, честь-хвала молодецкая: Господь-Богъ миловалъ, государь-царь жаловалъ, отецъ-мать молодца у себя во любви держатъ, а и родъ, племя на молодца не могутъ насмотрѣтися; сосѣди, ближніе почитаютъ и жалуютъ; друзья и товарищи на совѣтъ съѣзжаются, совѣту совѣтывать, крѣпку думушку думати они про службу царскую и службу воинскую. Скатилась ягодка съ сахарнаго деревца, отломилась вѣточка отъ кудрявыя отъ яблони; отстаетъ добрый молодецъ отъ отца, сынъ отъ матери; а нынѣ ужь молодцу безвременье великое: Господь-Богъ прогнѣвался, государь-царь гнѣвъ возложилъ, отецъ и мать молодца у себя не въ любви держатъ, а и родъ, племя молодца не могутъ и видѣти; сосѣди ближніе не чтутъ, не жалуютъ, а друзья и товарищи на совѣтъ не съѣзжаются. А нынѣ ужь молодцу кручина великая и печаль не малая. Со кручины-де молодецъ*,

со печали великія, пошелъ онъ на свой на конюшенный дворъ, бралъ добрый молодецъ онъ добра коня стоялаго, поѣхалъ добрый молодецъ на чужу, дальню сторону».

Какъ гармонируетъ грустное окончаніе этой поэмы съ ея грустнымъ началомъ!...

И вотъ мы кончили *весь* циклъ собственно-богатырскихъ сказокъ, чуждыхъ всякаго историческаго значенія. Теперь намъ слѣдуетъ приступить къ лучшему, благоуханнѣйшему цвѣту народныхъ поэмъ—поэмъ Великаго Новагорода, этого источника русской народности, откуда вышелъ весь бытъ русской жизни. Новогородскихъ поэмъ немного—всего четыре; но эти четыре стóятъ всѣхъ, какъ по преимущественно-поэтическому достоинству, такъ и по субстанціальности своего содержанія. Онѣ—ключъ къ объясненію всей народной русской поэзіи, равно какъ и къ объясненію характера быта русскаго. Послѣ нихъ, мы приступимъ къ обозрѣнію сказокъ собственно такъ-называемыхъ, потомъ къ пѣснямъ историческимъ, казацкимъ, разбойничьимъ, а наконецъ уже къ семейнымъ и обряднымъ; все это сдѣлаемъ мы въ четвертой и послѣдней нашей статьѣ, которую, по недостатку мѣста и значительной величинѣ настоящей статьи, отлагаемъ до слѣдующей книжки «Отеч. Записокъ». Мы увѣрены, что высокій интересъ предмета нашей статьи—русская народная поэзія, на которую доселѣ еще не обращалось должнаго вниманія,—извинитъ въ глазахъ читателей нашу невольную отсрочку окончанія статьи.

ДРЕВНІЯ РОССІЙСКІЯ СТИХОТВОРЕНІЯ, *собранныя* Киршею Даниловымъ, *и вторично изданныя. Москва. 1818.*

ДРЕВНІЯ РУССКІЯ СТИХОТВОРЕНІЯ (,) *служащія въ дополненіе (дополненіемъ?)* къ Киршѣ Данилова *(у?). Собранныя* М. Сухановымъ. *Санктпетербургъ. 1840.*

СКАЗАНІЯ РУССКАГО НАРОДА, *собранныя* И. Сахаровымъ. *Т. I. Кн. 1. 2. 3. 4. Изданіе третіе. Санктпетербургъ. 1841.*

РУССКІЯ НАРОДНЫЯ СКАЗКИ. *Часть I. Санктпетербургъ. 1841.*

Статья IV-я и послѣдняя.

—

Циклъ новогородскихъ поэмъ очень не обширенъ: ихъ всего четыре. Двѣ изъ нихъ посвящены одному герою, другія двѣ—другому герою; слѣдовательно, четыре поэмы воспѣваютъ только двухъ героевъ. Бѣдность поразительная! Но, вникнувъ въ ихъ духъ и содержаніе, мы увидимъ, что передъ ними бѣдна вся остальная сказочная поэзія русская; увидимъ міръ новый и особый, служившій источникомъ формъ и самого духа русской жизни, а слѣдовательно, и русской поэзіи. Новгородъ былъ прототипомъ русской цивилизаціи и вообще формъ общественной и семейной жизни древней Руси. Все это яснѣе можно видѣть изъ новогородскихъ поэмъ; почему я приступаемъ немедленно къ изложенію ихъ содержанія, которое должно снабдить васъ данными для сужденій и выводовъ.

—

Во славномъ великомъ Новѣградѣ, а и жилъ Буслай до девяноста лѣтъ; *съ Новымъ городомъ жилъ, не перечился, со мужики новогородскими поперекъ словечка не говаривалъ.* Живучи Буслай состарѣлся, состарѣлся и переставился; послѣ его вѣку долгаго оставалося его житьё-бытьё и все имѣніе дворянское; оставалося чадо милое—молодой сынъ *Василій Буслаевичъ.* Будетъ Василька семи годовъ, отдавала матушка родимая учить его во грамотѣ, а грамота ему въ наукъ пошла; присадила перомъ его писать, письмо Василью въ наукъ пошло; отдавала пѣтью учить церковному,—пѣтье Василью въ наукъ пошло. А и нѣтъ у насъ такого пѣвца во славномъ Новѣгородѣ, супротивъ Василья Буслаева. Повадился вѣдь *Васька* Буслаевичъ со пьяницы, со безумницы, съ веселыми удалыми добры молодцы, до пьяна ужь сталъ напиватися, а и ходя въ городѣ уродуетъ: котораго возьметъ онъ за руку, изъ плеча тому руку выдернетъ; котораго задѣнетъ за ногу, то изъ ..... ногу выломитъ; котораго хватитъ поперекъ хребта, тотъ кричитъ, реветъ, окарачъ ползетъ. Пошла-то жалоба великая: а и мужики новогородскіе, *посадскіе*, *богатые*,

приносили жалобу великую матерой вдовѣ Амелѳѣ Тимоѳѣевнѣ на того на Василья Буслаева. А и мать-то стала его журить, бранить, журить, бранить, его на умъ учить,—журьба Васькѣ не взлюбилася; пошелъ онъ Васька во высокъ теремъ, садился на ременчатъ стулъ, писалъ ярлыки скорописчаты— отъ мудрости слово поставлено: «кто хощетъ пить и ѣсть изъ готоваго, валися къ Васькѣ на широкій дворъ — пей и ѣшь готовое и носи платье разноцвѣтное». А втапоры поставилъ Васька чанъ середи двора, наливалъ чанъ полонъ зелена вина, опущалъ онъ чару въ полтора ведра. Во славномъ было во Новѣградѣ, грамотны люди шли, прочитали тѣ ярлыки скорописчаты, пошли къ Васькѣ на широкій дворъ, къ тому чану, зелену вину. Въ началѣ былъ Костя Новоторженинъ: Василій тутъ его опробовалъ—сталъ его бити по буйной головѣ червленнымъ вязомъ во двѣнадцать пудъ: *стоитъ тутъ Костя не шевельнется, и на буйной головѣ кудри не тряхнутся.* И назвалъ Васька его Костю своимъ братомъ названымъ — паче брата родимаго. А и мало время позамѣшкавши, пришли Лука и Моисей—дѣти боярскіе, а Василій молодой сынъ Буслаевичъ тѣмъ молодцамъ сталъ радошенъ и веселешенекъ. Пришли тутъ мужики *Залѣшана* (?) — *и не смѣлъ Васька показатися къ нимъ.* Еще тутъ пришло *семь братовъ Сбродовичи* — собиралися, сходилися тридцать молодцовъ безъ единаго, — онъ самъ Василій тридцатый сталъ. Какой зайдетъ—убьютъ его, убьютъ его, за ворота бросятъ. Послышалъ Васинька: у мужиковъ новогородскіихъ *канунъ варенъ, пива ячныя;* пошелъ Василій съ дружиною, пришелъ во *братчину въ Никольщину*. «Не малу мы тебѣ *сыпь* (?) платимъ: за всякаго брата по пяти рублевъ». А и тотъ-то *староста церковный* принимаетъ ихъ во братчину въ Никольщину; а и зачали они тутъ канунъ варенъ пить, а и тѣ-то пива ячныя.

(Васька и его молодцы бросаются на *царёвъ кабакъ,* — и всѣ они возвращаются въ Никольщину *добрѣ пьяны*).

А и будетъ день къ вечеру; отъ малаго до стараго, начали ужь ребята боротися, а въ иномъ кругу въ кулаки бьются; отъ тое борьбы отъ ребячія, отъ того бою отъ кулачнаго, началася драка великая; молодой Василій сталъ драку разнимать, а иной дуракъ зашелъ съ носка, его по уху оплёлъ; а и тутъ Василій закричалъ громкимъ голосомъ: «Гой еси ты, Костя Новоторженинъ, и Лука, Моисей, дѣти боярскіе! уже Ваську меня бьютъ».

Васькины молодцы пошли на выручку: много народу перебили до смерти, больше того переуродовали. Тогда Васька вызываетъ новогородскихъ мужиковъ на великій закладъ: «напущаюсь-де я на весь Новгородъ битися, дратися, со всею дружиною хороброю»; если возьметъ сторона мужицкая,— Васька платитъ мужикамъ дани, выходы по смерть свою, на всякій годъ по три тысячи; буде же его сторона одолѣетъ,—мужики платятъ ему такую же дань. И въ томъ договорѣ руки они подписали. Василій Буслаевъ началъ съ своими молодцами одолѣвать противниковъ; тогда мужики новогородскіе бросились съ дорогими подарками къ васькиной матушкѣ: «Уйми-де свое чадо милое, Василья Буслаевича». Тутъ является на сцену совершенно-новое и до крайности странное лицо — *дѣвушка чернавушка;* по приказанію Амелѳы Тимоѳѣевны, прибѣжала *дѣвушка чернавушка*, схватала Ваську за бѣлы руки, *притащила* его къ матушкѣ на широкій дворъ; а и та старуха неразмышлена, посадила его въ погреба глубокіе, затворя-

ла дверьми желѣзными, запирали замки булатными. Между-тѣмъ, дружина васькина бьется съ утра до вечера — и ей становится ужь не въ мочь; увидѣвъ *дѣвушку чернавушку*, пошедшую на Волховъ за водою, молодцы взмолились ей: «Не водай насъ у дѣла ратнаго, у того часу смертнаго». И тутъ *дѣвушка чернавушка* бросала она ведро *кленовое*, брала коромысло *кипарисово*, коромысломъ тѣмъ стала она помахивати по тѣмъ мужикамъ новогородскіимъ; перебила ужь много до смерти; и тутъ дѣвка запыхалася, побѣжала къ Василью Буслаеву, срывала замки булатные, отворила двери желѣзныя: «А и спишь ли, Василій, или такъ лежишь? твою дружину хорабрую мужики новогородскіе всѣхъ перебили, переранили, булавами буйны головы пробиваны». Ото сна Василій пробуждается, онъ выскочилъ на широкій дворъ, — не попала палица желѣзная, что попала ось тележная, — побѣжалъ Василій по Новугороду, по тѣмъ по широкимъ улицамъ; стоитъ тутъ *старецъ пилигримища*, на могучихъ плечахъ держитъ колоколъ, а вѣсомъ тотъ колоколъ во триста пудъ; кричитъ тотъ старецъ пилигримища: «*А стой ты, Васька, не попархивай, молодой глуздырь, не полетывай*: *изъ Волхова воды не выпити, въ Новѣградѣ людей не выбити*; *есть молодцовъ супротивъ тебя, стоимъ мы, молодцы, не хвастаемъ*». Говорилъ Василій таково слово: «А и гой еси, старецъ пилигримища! а и бился я о великъ закладъ со мужики новогородскими, *опричь почестнаго монастыря*, *опричь тебя, старца пилигримища*; *во задоръ войду — тебя убью*»! Ударилъ онъ старца въ колоколъ а и той-то осью тележною, — качается старецъ, не шевельнется; заглянулъ онъ, Василій, старца подъ колоколъ, *а и во лбѣ глазъ, ужъ вѣку нѣту!* Пошелъ по Волхъ-рѣкѣ, завидѣли добрые молодцы молода Василья Буслаева, — у ясныхъ соколовъ крылья отросли, у нихъ-то молодцовъ думушки прибыло.

Мужики новогородскіе побиты — они покорилися и помирилися; насыпали чашу чистаго серебра, а другую чистаго золота; пошли ко двору дворянскому, къ матерой вдовѣ Амелеѳ Тимоѳеевнѣ, бьютъ челомъ, покланяются: «Осударыня матушка, принимай ты дороги подарочки, а уйми свое чадо милое, молода Василья со дружиною; а и рады мы платить на всякій годъ по три тысячи, на всякой годъ будемъ носить: съ хлѣбниковъ по хлѣбику, съ калачниковъ — по калачику, съ молодицъ — повѣнечное, съ дѣвицъ повалешное, со всѣхъ людей со ремесленныхъ, *опричь поповъ и дьяконовъ...*»

Амелеѳа Тимоѳеевна посылаетъ дѣвушку чернавушку привести Василья съ дружиною; бѣжавши та дѣвка запыхалася, нельзя пройдти дѣвкѣ по улицѣ, что *полтеи* (?) по улицѣ валяются тѣхъ мужиковъ новогородскіихъ. Прибѣжала дѣвушка чернавушка, сохватала Василья за бѣлы руки, а стала ему разсказывати, что-де мужики новогородскіе принесли къ его матушкѣ дороги подарочки и записи крѣпкія. Повела дѣвка Василья со дружиною на тотъ на широкій дворъ, привела-то ихъ къ зелену вину, а сѣли они молодцы во единъ кругъ, выпили вѣдь по чарочкѣ зелена вина, со того уразу молодецкаго отъ мужиковъ новогородскіихъ. Вскричатъ тутъ ребята зычнымъ голосомъ: «У *мота* и у *пьяницы*, у молода Василья Буслаевича, не упито, не уѣдено, вкраснѣ хорошо не ухожено, а цвѣтнаго платья не уношено, а увѣчье на вѣкъ залечено». И повелъ ихъ Василій обѣдати къ матерой вдовѣ Амелеѳ Тимоѳеевнѣ; втапоры мужики новогородскіе приносили Василью

подарочки, вдругъ *сто тысячей*,—и за тѣмъ у нихъ мирова пошла; а и мужики новогородскіе покорилися и сами поклонилися.

—

Не говоря уже о томъ, что въ этой поэмѣ очень много—по-крайней-мѣрѣ, сравнительно съ прежними—поэзіи и силы въ выраженіи,—въ ней есть еще не только мысль, но и что-то похожее на идею. Эту поэму *должно* понимать. какъ миѳическое выраженіе историческаго значенія и гражданственности Новагорода. Исторія Новагорода не могла дать содержанія для чисто-исторической поэмы; или, лучше сказать, государственная идея Новагорода не могла выразиться въ историческо-поэтической формѣ, и по необходимости должна была ограничиться смутными, неопредѣленными и дикими миѳическими полуобразами, очерками и намеками. Точность и опредѣленность — одни изъ главнѣйшихъ и необходимѣйшихъ качествъ и условій истинной поэзіи; но эти качества зависятъ отъ одного содержанія: чѣмъ содержаніе существеннѣе, дѣйствительнѣе, субстанціальнѣе, тѣмъ и форма точнѣе и опредѣленнѣе, образы яснѣе, живѣе и полнѣе. Всякая народная поэзія начинается миѳами; но и миѳы могутъ имѣть свою ясность, опредѣленность и, такъ-сказать, прозрачность: только для этого необходимо, чтобъ выражаемое ими содержаніе было *обще-человѣческое* и заключало въ себѣ возможность дальнѣйшаго діалектическаго развитія, а слѣдовательно и возможность служить содержаніемъ для поэзіи, развившейся и возросшей до своей апоѳеи—до художественности. Новогородская жизнь была *какимъ-то* зародышемъ *чего-то*, по-видимому, важнаго; но она и осталась зародышемъ *чего-то*: чуждая движенія и развитія, она кончилась тѣмъ же, чѣмъ и началась—*чѣмъ-то*; а *что то* никогда не можетъ дать опредѣленнаго содержанія для поэзіи и по-необходимости должно ограничиться миѳическими и аллегорическими полуобразами и намеками. Новгородъ, вѣроятно, былъ колоніею Южной Руси, которая была первоначальною и коренною Русью. Колоніи народовъ, находящихся на низкой степени гражданственности, всегда бываютъ цивилизованнѣе своихъ метрополій: онѣ составляются изъ самой предпріимчивой части народа, которая, переселившись на новую почву и подъ новое небо, по неволѣ отрѣшается отъ ограниченности прежняго быта, открываетъ новые источники жизни, указываемые новою страною, и, удерживая много отъ духа прежней родины, много и измѣняетъ въ своемъ характерѣ. Почва Новагорода, бѣдная, болотистая, климатъ холодный; это обстоятельство, въ соединеніи съ сосѣдствомъ Нѣмцевъ, и направило по-неволѣ дѣятельность Новогородцевъ на торговлю: по невозможности быть земледѣльцами, они оторвались отъ общаго славянскаго быта и сдѣлались купцами; сосѣдство же съ Нѣмцами еще болѣе способствовало развитію ихъ предпріимчивости. Но, сдѣлавшись купеческимъ городомъ, Новгородъ отнюдь не сдѣлался муниципальнымъ городомъ,—и Новогородцы, сдѣлавшись купцами, отнюдь не сдѣлались гражданами торговой республики: у нихъ не было цѣховъ, не было опредѣленнаго раздѣленія классовъ, которые составляютъ основаніе торговыхъ государствъ, не было ни малѣйшаго понятія о правѣ личномъ, общественномъ, торговомъ. Тамъ всѣ были купцами случайно, и торговали на авось да на удачу, по-азіатски. Духъ европеизма всему опредѣлялъ значеніе, всему указывалъ мѣсто, все силился освободить отъ случайности и подве-

сти подъ общія, неизмѣнныя и опредѣленныя условія необходимости, все подчинялъ системѣ, ремесло возвышалъ до искусства, изъ искусства дѣлалъ науку. Ничего этого не было и тѣни въ основахъ новогородской гражданственности. Внѣшнія обстоятельства были причиною ея возникновенія: внѣшнія обстоятельства и докончили ее. Безсиліе разъединенной Руси дало Новугороду укрѣпиться; а соединеніе Руси въ одну державу, безъ борьбы и особенныхъ усилій, низпровергло его. И еслибъ Москва допустила существованіе Новагорода, — онъ палъ бы самъ собою и сталъ бы легкою добычею Польши, или Швеціи. Что́ не развивается, то не живетъ, а что́ не продолжаетъ жить, то умираетъ: таковъ міровой законъ всѣхъ гражданскихъ обществъ. Въ Новѣгородѣ не было зерна жизни, не было развитія, а потому, повторяемъ, изъ него ничего не могло выйдти, и онъ никогда не былъ органически - историческимъ обществомъ, у котораго бы могла быть исторія, а слѣдовательно, и поэзія.

Но, съ другой стороны, нельзя не признать Новагорода весьма примѣчательнымъ явленіемъ, имѣвшимъ важное вліяніе даже на Московское Царство. Торговля родила въ Новѣгородѣ богатство, а богатство породило духъ какого-то самодовольствія, приволья, удальства, отваги, молодечества. Въ-слѣдствіе этого, въ Новѣгородѣ образовался родъ какой-то странной и оригинальной гражданственности; явилась аристократія богатства, съ особенными формами жизни, своимъ церемоніаломъ, своими общественными нравами и обычаями, своею общественною и семейною нравственностію. Все это, вмѣстѣ взятое, сдѣлалось типомъ русскаго быта. Новгородъ былъ богатъ, силенъ и славенъ на Руси въ то время, когда Русь была бѣдна и безсильна, когда въ ней не было никакой общественности, никакой гражданственности, когда въ ней было не до прохлады, не до роскоши, не до удальства и разгула: ее терзали сперва междоусобія, потомъ Татары. Теперь очень понятно, что Новгородъ для тогдашней Руси былъ тѣмъ же, чѣмъ теперь Парижъ для Европы. Новгородъ былъ городомъ аристократіи, въ смыслѣ сословія, которое, много имѣя денегъ, много и тратило ихъ на свои прихоти: аристократія безъ денегъ нигдѣ и никогда не бывала, и если выскочекъ называютъ мѣщанами въ дворянствѣ, то бѣдныхъ аристократовъ должно называть дворянами въ мѣщанствѣ. Богатство родитъ множество нуждъ и прихотей, страсть къ удобству и уваженіе къ приличію, и, если оно не въ состояніи возвысить душу, отъ природы низкую, то всегда можетъ смягчить внѣшнюю грубость, дать душѣ большій просторъ и полетъ въ сферѣ житейскаго и общественнаго образованія, потому-что богатство освобождаетъ человѣка отъ низкихъ нуждъ, заботъ и работъ жизни. И потому, мы думаемъ, что русскій этикетъ, свадебные и другіе обряды, образовались первоначально въ Новѣгородѣ, и оттуда, вмѣстѣ съ венеціанскими и нѣмецкими товарами, разлились и распространились по всей Руси. Мы здѣсь разумѣемъ собственно Сѣверную Русь, бѣдную и грубую, центромъ которой былъ сперва Владиміръ - на - Клязьмѣ, а послѣ Москва. Сѣверная Русь рѣзко отдѣлилась отъ Южной, превратившейся въ-послѣдствіи въ Малороссію; Червонная Русь, болѣе близкая къ Кіевско-Черниговской, также не имѣла ничего общаго съ Сѣверною. Явно, что типъ общественнаго быта Сѣверной Руси образовался и развился въ Новѣгородѣ. Лучшимъ доказательствомъ этому могутъ слу-

жить всѣ поэмы, въ которыхъ упоминается о великомъ князѣ Владимірѣ и которыя мы разбирали въ предъидущей статьѣ: въ нихъ нѣтъ ничего, принадлежащаго и свойственнаго южно-русской поэзіи, въ нихъ нѣтъ ничего общаго ни въ изобрѣтеніи, ни въ колоритѣ съ «Словомъ о Пълку Игоревѣ». Напротивъ, въ нихъ все новогородское: и изобрѣтеніе, и выраженіе, и тонъ, и колоритъ, и замашка, и, наконецъ, эти герои - богатыри изъ *купцовъ*, какъ *Иванъ гостиный сынъ* и другіе. «Василій Буслаевъ» явно новогородская поэма—въ этомъ не можетъ быть ни малѣйшаго сомнѣнія; но сличите эту поэму со всѣмъ цикломъ богатырскихъ сказокъ временъ Владиміра,—и увидите, что какъ та, такъ и другія какъ-будто бы сочинены однимъ и тѣмъ же лицомъ. Это показываетъ, что онѣ всѣ дѣйствительно сложены въ Новѣгородѣ,—и богатырскія сказки о *Владимірѣ - красномъ-солнышкѣ* были ничѣмъ инымъ, какъ воспоминаніемъ Новогородца о своей прежней родинѣ. Измѣнившись и выродившись, изъ земледѣльца или ратника Южной Руси ставъ новогородскимъ купчиною, Новогородецъ воскресилъ смутныя преданія о первобытной родинѣ по идеалу современнаго ему быта своей новой и настоящей отчизны. И потому, изъ преданія онъ взялъ одни имена и нѣкоторые смутные образы, — и *Владиміръ - красно - солнышко* является у него такимъ же смутнымъ воспоминаніемъ, какъ и *Дунай-сынъ-Ивановичъ*, берега котораго тоже были нѣкогда его отчизною. Но Дунай и остался въ его пѣсняхъ миѳическимъ воспоминаніемъ; а *Владиміръ великій князь кіевскій стольный* превратился, въ поэмахъ Новогородца, въ какого-то купчину, гостя богатаго, и по рѣчамъ. и по манерамъ, и по складу ума. Отъ-того же и княгиня Апраксѣевна, равно какъ и всѣ героини киршевыхъ поэмъ, такъ похожи на купчихъ: ихъ иначе и нельзя представить, какъ въ жемчугахъ, съ повязанными головами, разбѣленныхъ, нарумяненныхъ, съ черными зубами и съ чарами зелена вина въ рукахъ; *онѣ по двору идутъ —будто уточки плывутъ, а по горенкѣ идутъ — частенько ступаютъ, а на лавицу садятся — колѣнцо жмутъ,— а и ручки бѣленьки, пальчики тоненьки, дюжина изъ перстовъ не вышли всѣ*...

Но не по одному этому вліянію на Русь замѣчателенъ Новгородъ: онъ и самъ-по себѣ есть интересное явленіе съ своимъ меньшимъ братомъ, Псковомъ. Это какой-то неразвившійся, но большой зародышъ чего-то, какая-то неудавшаяся, но размашистая попытка на что-то. По преобладанію восточнаго элемента, всѣ славянскіе народы являли собою одни зачатки жизни, которымъ не суждено было развиться во что-нибудь дѣйствительное и опредѣленное изъ самихъ-себя, собственною самодѣятельностію, не принявъ въ себя обще-человѣческихъ элементовъ европейскаго духа. Повторяемъ: Новгородъ былъ не республикою, какъ думаютъ нѣкоторые изъ нашихъ такъ-называемыхъ историковъ, а скорѣе карикатурою на республику. Ничѣмъ нельзя такъ хорошо охарактеризовать Новагорода, какъ его же собственнымъ прозваніемъ, простодушнымъ и безсознательнымъ, но меткимъ и вѣрнымъ: *новогородская вольница*. Но Новгородъ былъ богатъ и зналъ это; Новогородцы были полны отваги и удали, и говорили: «Кто противъ Бога и великаго Новагорода!» Святая Софія была его покровительницею, и въ ея храмѣ хранилась граммата Ярослава. Новогородцы по-своему любили Новгородъ и гордились имъ. Вѣчевой колоколъ—символъ ихъ политическаго зна-

ченія, былъ для нихъ дорогъ, и рыдая провожали они его въ Москву... Новгородъ не былъ государствомъ, но въ немъ были зачатки государственной жизни, — и потому онъ былъ явленіемъ неопредѣленнымъ, страннымъ *чѣмъ-то* и въ то же время *ничѣмъ*; это былъ инфузорій государственной жизни, но не государство. Проблескивало въ его жизни что-то и размашистое и грандіозное, но только проблескивало и, мгновенно поразивъ зрѣніе, тотчасъ же исчезало, подобно миражамъ и блуждающимъ огнямъ...

Такова была историческая дѣйствительность Новагорода; такова и его поэзія: никакія лѣтописи, никакія историческія изъисканія не могутъ такъ вѣрно выразить смутнаго его существованія, какъ его поэзія. Начнемъ съ «Василья Буслаева»: это—апоѳеоза Новагорода, столь же поэтическая, удалая, размашистая, сильная, могучая и столь же неопредѣленная, дикая, безобразная, какъ и онъ-самъ. Съ самаго начала поэмы, вы видите существованіе въ Новѣгородѣ двухъ сословій — аристократіи и черни, которыя не совсѣмъ въ ладу между собою. Какъ-бы въ похвалу Буслаю, отцу Василья, говорится, что онъ «съ Новымъ-городомъ жилъ, не перечился, со мужики новогородскими поперекъ словечка не говаривалъ». Да и ка́къ не хвалить за это: изъ чего же и ссориться было сему благородному дворянину со мужики новогородскими? Въ Римѣ, вражда между патриціями и плебеями имѣла свои важныя причины: первые возникли и образовались изъ племени завоевателей, вторые — изъ племени побѣжденнаго и завоеваннаго: патриціи образовывали собою правительственную корпорацію; въ ихъ рукахъ была высшая государственная власть; они были полководцами и сенаторами, изъ нихъ преимущественно выбирались консулы и диктаторы; вообще, сословіе патриціевъ пользовалось большими правами, которыя составляли часть коренныхъ государственныхъ законовъ, владѣли большими имѣніями, а народъ былъ бѣденъ и правами и полями. Наконецъ, патрицій считалъ себя существомъ высшимъ плебея и гнушался вступить съ нимъ въ родство, или допустить его въ свое общество. Патрицій оскорблялъ плебея и самымъ превосходствомъ своимъ въ образованіи. Все это поддерживало борьбу, бывшую источникомъ римской исторіи и причиною ея колоссальнаго развитія. Но въ Новѣгородѣ дворянамъ и боярамъ не́ изъ чего было перечиться съ мужиками, а мужикамъ не́ изъ чего было враждовать противъ дворянъ и бояръ: при равенствѣ правъ, съ той и другой стороны, и при равенствѣ образованія, или при совершенномъ отсутствіи всякаго образованія съ той и другой стороны, тамъ только бѣдный могъ завидовать богатому, а не мужикъ дворянину, ибо тамъ и мужикъ могъ быть богаче боярина, и потому больше его имѣть вѣсу на вольномъ вѣчѣ. Но тутъ была безсмысленная спѣсь, которая основывалась не на превосходствѣ образованія, общественнаго или умственнаго, не на правѣ заслуги; спѣсь съ одной стороны вызывала вражду съ другой; а какъ неважныя причины родятъ неважныя слѣдствія, то вражда и разрѣшалась кулачными боями и тѣлеснымъ увѣчьемъ. Василій Буслаевъ есть представитель аристократической партіи въ Новѣгородѣ: онъ человѣкъ превосходно образованный — умѣетъ читать, писать и пѣть: чего же больше?.. Повадился онъ со пьяницы, со безумницы; но былъ молодцу не укора, тѣмъ болѣе, что общественная нравственность Новагорода отнюдь не презирала этихъ го-

сподъ, потому-что они были не только пьяницы, безумницы, но и «веселые, удалые *добры молодцы*». Костя Новоторженинъ долженъ быть не изъ дворянъ, а изъ купчинъ; выдержавъ экзаменъ Васьки, т. е. ударъ по головѣ червленнымъ вязомъ во двѣнадцать пудъ, онъ дѣлается его братомъ названымъ: вотъ вамъ и символъ единства и родства высшаго и низшаго сословій въ политической организаціи Новагорода! Лука и Моисей—два боярченка; Василій особенно «сталъ радошенъ и веселешенекъ» ихъ приходу: это своя братія — аристократы... Но что̀ за мужики Залѣшана, не разъ упоминаемые въ киршевыхъ поэмахъ — неизвѣстно; и почему Васька, никого нетрусившій, не посмѣлъ имъ показаться, хоть они и пришли къ нему на дворъ, гдѣ онъ бесѣдовалъ за чашомъ зелена̀ вина съ своею ватагою—тоже темно и неопредѣленно. Не менѣе загадочны и братья Сбродовичи, не разъ упоминавшіеся и въ прежнихъ поэмахъ: о нихъ, какъ и о мужикахъ Залѣшанахъ, можно сказать съ достовѣрностію только, что они—Новогородцы. Что̀ за братчина, Никольщина, гдѣ на складчину пьютъ канунъ варенъ и пива ячныя—тоже загадка. Драка началась не изъ ссоры: побывавъ въ кабакѣ, молодцы Василья начали «боротися, а въ иномъ кругу въ кулаки битися»; начали за здравіе, а свели за упокой, по русской пословицѣ; слѣдовательно, не вражда между сословіями, а то, что руки расчесались и плечи расходились — произвело нецивилизванную драку. Вызовъ Васьки мужиковъ новогородскихъ на бой съ его дружиною о великъ закладъ, прекрасно характеризуетъ новогородскую удаль и молодечество; въ его условіи съ ними, къ которому были «подписаны руки» съ обѣихъ сторонъ, промелькиваетъ коммерческая цивилизація Новагорода. Въ жалобѣ мужиковъ, приносимой къ матери Васьки, и скорой расправѣ матери съ сыномъ, вполнѣ выражается патріархально-семейное основаніе гражданскаго быта того времени; а «дороги подарочки», представленные матерой вдовѣ Амелѳѣ Тимоѳеевнѣ при жалобѣ на сына, показываютъ ясно, что и въ новогородской республикѣ безъ «подарочковъ» никакая просьба не обходилась. *Дѣвушка чернавушка* упоминается и въ нѣкоторыхъ другихъ русскихъ сказкахъ; слѣдовательно, она должна имѣть какое-нибудь значеніе, но какое именно — нельзя понять. Для насъ эта *дѣвушка чернавушка*, которая хватаетъ Ваську за бѣлы руки и, какъ ребенка, тащитъ въ погреба глубокіе, а потомъ кипарисовымъ коромысломъ побиваетъ мужиковъ новогородскихъ, сшибаетъ замкѝ булатные, ломаетъ двери желѣзныя и освобождаетъ Василья,—для насъ она не имѣетъ никакого смысла. Замѣчательно, что эта *дѣвушка чернавушка* явно держитъ сторону Василья и его молодцовъ, и, только въ качествѣ служанки его матери, обязанной повиноваться своей госпожѣ, дѣйствуетъ она противъ Василья. Встрѣча освобожденнаго изъ подвала Василья съ старцемъ-пилигримищемъ есть лучшее мѣсто въ поэмѣ. Этотъ старецъ-пилигримище есть поэтическая апоѳеоза Новагорода, политическій символъ его государственности. Старецъ держитъ на могучихъ плечахъ колоколъ въ триста пудъ; онъ холодно и спокойно, какъ голосъ увѣреннаго въ себѣ государственнаго достоинства, останавливаетъ рьяность Буслаева: «Изъ Волхова воды не выпити, въ Новѣгородѣ людей не выбити: есть молодцовъ супротивъ тебя, стоимъ мы молодцы, не хвастаемъ». Въ отвѣтѣ Василья видны привилегіи духовнаго сословія и уваженіе Буслаева къ идеѣ Новагорода, однакоже по-

бидаемое неукротимостію его молодечества: «Бился я о великъ закладъ со мужики новогородскими, *опричь почестнаго монастыря, опричь тебя старца-пилигримища; во задоръ войду—и тебя убью!*» Васька ударяетъ тележною осью по головѣ старца: *качается старецъ, не шевельнется; заглянулъ онъ, Василій, старца подъ колоколъ: а и во лбѣ глазъ — ужъ вѣку нѣту*....... Хоть слова *качается* и *не шевельнется* и кажутся противорѣчіемъ другъ-другу, однако въ нихъ нѣтъ противорѣчія, а только неточность выраженія: слово *качается* должно относить къ колоколу, а *не шевельнется*—къ старцу, образу Новагорода. *А и во лбѣ глазъ—ужъ вѣку нѣту* — указываетъ на мистическую древность историческаго существованія Новагорода. Вообще, этотъ образъ Новагорода дышетъ какою-то граніозностію, силою и поэзіею; но въ то же время онъ страненъ, дикъ, неопредѣленъ,—словомъ: самый вѣрный портретъ историческаго Новагорода, поэтическій инфузорій, огромный взмахъ безъ удара...

Теперь мы докончимъ исторію *мота и пьяницы*, молода Василья Буслаевича, пересказавъ содержаніе другой новогородской поэмы, представляющей Буслаева въ новомъ положеніи.

—

Подъ *славнымъ, великимъ* Новымъ-городомъ, по славному озеру по Ильменю, плаваетъ, поплаваетъ сѣръ селезень, какъ-бы ярый гоголь поныриваетъ: а плаваетъ, поплаваетъ червленъ корабль какъ бы молода Василья Буслаевича со его дружиною хороброю: Костя Никитинъ корму держитъ, маленькій Потаня на носу стоитъ, а Василій-то по кораблю похаживаетъ, таковы слова поговариваетъ: «Свѣтъ, моя дружина хоробрая, тридцать удалыхъ, добрыхъ молодцовъ! ставьте корабль поперекъ Ильменя, приставайте, молодцы, ко Новугороду!»

Вышедъ изъ корабля, Василій идетъ къ своей матушкѣ, матерой вдовѣ Амелѳѣ Тимоѳеевнѣ, проситъ у нея благословенія великаго «идти въ Еруса-лимъ градъ, Господу помолитися, святой святынѣ приложитися, во Ерданъ-рѣкѣ искупатися» Мать отвѣчаетъ: «Коли ты пойдешь на добрыя дѣла, тебѣ дамъ благословеніе великое; коли ты, дитя, на разбой пойдешь, я не дамъ благословенія великаго, а и не носи Василья сыра земля». Камень отъ огня разгарается, а булатъ отъ жару растопляется, материно сердце распущается; и даетъ она много свинцу, пороху, и даетъ Василью запасы хлѣбные, и даетъ оружье долгомѣрное. «Побереги ты, Василій, буйну голову свою.»

Поѣхалъ Буслай со дружиною по Ильменю озеру во Ерусалимъ-градъ; плывутъ они уже другую недѣлю (*какое огромное озеро!*), встрѣчу имъ гости корабельщики: «Здравствуй, Василій Буслаевичъ! куда, молодецъ, позволилъ погулять?» Отвѣчаетъ Василій Буслаевичъ: «Гой еси вы, гости корабельщики! А мнѣ то вѣдь гулянье неохотное: *съ молоду бито много, граблено, подъ старость надо душа спасти*; а скажите вы, молодцы, мнѣ прямаго пути ко святому граду Іерусалиму». Корабельщики отвѣчаютъ, что если ѣхать прямымъ путемъ — то семь недѣль, а если окольною дорогою — полтора года; и что на славномъ Каспійскомъ Морѣ, на Куминскомъ Острову стоитъ застава крѣпкая—атаманы казачіе, не много; не мало ихъ—три тысячи, грабятъ бусы, *галеры* (?), разбиваютъ червлены корабли.» —«А не вѣрую я, Васинька, ни въ сонъ, ни въ чохъ, а и вѣрую въ свой червленый вязъ; а бѣгите вы, ребята, прямымъ путемъ». И завидя Буслай гору

высокую, скоро приставалъ ко круту бережку и походилъ на ту гору Сорочинскую, а за нимъ летитъ дружина хорабрая. Будетъ Василій въ полугорѣ, попадается ему пуста голова, человѣческая кость; пнулъ Василій тоё голову съ дороги прочь; провѣщится пуста голова человѣческая: «Гой еси, Василій Буслаевичъ! ты къ чему меня, голову, побрасываешь? Я молодецъ не хуже тебя былъ; умѣю я, молодецъ, валятися,—и гдѣ лежитъ пуста голова молодецкая, и будетъ лежать головѣ васильевой». Плюнулъ Василій, прочь пошелъ: «Али, голова, въ тебѣ врагъ говоритъ, али нечистый духъ?»

На вершинѣ горы, *на самой сопкѣ*, стоитъ камень, а на немъ написано, что-де кто у камени станетъ тѣшиться, забавлятися, вдоль скакать по камени—сломить буйну голову. Василій тому не вѣруетъ, и сталъ съ молодцами тѣшиться, забавлятися, поперекъ того камени поскакивати, *а вдоль-то его не смѣетъ скакать.*

Наскакавшись вдоволь, молодцы ѣдутъ далѣе и достигаютъ заставы казачей; и скочилъ-то Буслай на крутъ бережокъ, червленымъ вязомъ подпирается. Атаманы сидятъ, не дивуются, сами говорятъ таково слово: «Стоимъ мы на острову тридцать лѣтъ, не видали страху великаго: это-де идетъ Василій Буслаевичъ; знать-де полетка соколиная, видѣть-де поступка молодецкая». Василій спрашиваетъ ихъ о пути въ Іерусалимъ, а они просятъ его «за единый столъ хлѣба кушати». Втапоры Василій не ослушался, садился съ ними за единый столъ. наливали ему чару зелена вина въ полтора ведра, принимаетъ Василій единой рукой и выпилъ чару единымъ духомъ, и только атаманы тому дивуются: а сами не могутъ и по полу-ведру пить. Когда Василій собрался въ путь, атаманы казачіе дали подарки свои: перву мису чиста серебра и другу краснá золота, третью скатнаго жемчуга. Проситъ онъ у нихъ до Іерусалима провожатаго; тутъ атаманы Василью не отказали, дали ему молодца провожатаго. По Каспійскому Морю молодцы прибѣжали прямо во Ердань-рѣку и пошли въ Ерусалимъ-городъ. Пришелъ Василій во церкву соборную, служилъ обѣдню за здравіе матушки и за себя, Василья Буслаевича; и обѣдню съ панихидою служилъ по родимомъ своемъ батюшкѣ и по всему роду своему; на другой день служилъ обѣдни съ молебнами про удалыхъ добрыхъ молодцовъ, *что съ молоду бито много, граблено.* И ко святой святынѣ приложился онъ, и во Ерданъ-рѣкѣ искупался. И расплатился Василій съ попами, съ дьяконами, и которые старцы при церкви живутъ, даетъ золотой казны несчитаючи. Пошолъ онъ на червленъ корабль, а дружина его хорабрая купалася во Ерданъ-рѣкѣ; приходила къ нимъ *баба залѣсная* (?!), говорила таково слово: «Почто вы купаетесь во Ерданъ-рѣкѣ? А не кому купатися, опричь Василья Буслаевича, — во Ерданѣ крестился самъ Господь Іисусъ Христосъ; потерять его вамъ будетъ большаго атамана, Василья Буслаевича». И они говорятъ таково слово: «Нашъ Василій тому не вѣруетъ ни въ сонъ, ни въ чохъ». И мало времени поизойдучи, пришелъ Василій ко дружинѣ своей; выводили корабли изъ Ерданъ-рѣки, подняли тонки парусы полотняны, побѣжали по Морю Каспійскому. У острова Куминскаго, атаманы казачіе Василью кланялись и «здорово ли съѣздилъ во Ерусалимъ-градъ?» его спрашивали. Много Василій не баитъ съ ними, подалъ Василій письмо въ руку имъ, что много трудовъ за нихъ положилъ, служилъ обѣдни съ молебнами за нихъ молодцовъ. Ѣдутъ молодцы недѣлю другую, доѣхали до горы Сорочинской, и

Василью вздумалось опять потѣшиться, позабавиться, не смотря на вторичное зловѣщее предсказаніе головы. Только на этотъ разъ ему вздумалось поскакать *вдоль камени*; разбѣжался, скочилъ вдоль по каменю, и не доскочилъ только четверти, и тутъ убился подъ каменемъ. Гдѣ лежитъ пуста голова, тамъ Василья схоронили. Пріѣхавъ въ Новгородъ, молодцы пошли къ матерой вдовѣ, Амелѳѣ Тимоѳѣевнѣ, пришли и поклонилися, всѣ письмо въ руки подали; прочитала письмо матерá вдова, сама заплакала, говорила таковы слова: «Гой вы еси, удалы добры молодцы! у меня нынѣ вамъ дѣлать нечего; подите въ подвалы глубокіе, берите золотой казны несчитаючи». Дѣвушка чернавушка сводила ихъ въ подвалы глубокіе, брали они казны *по малу числу*, кланялись матерой вдовѣ, что «поила, кормила, обувала и одѣвала добрыхъ молодцовъ». Затѣмъ, матерá вдова велѣла дѣвушкѣ чернавушкѣ наливать по чаркѣ зеленá вина, подносить удалымъ добрымъ молодцамъ: они выпили, сами поклонилися и *пошли кому куда захотѣлося*.

—

Отпуская Буслаева, мать даетъ ему благословеніе только на добрыя дѣла, а за разбой заклинаетъ землю не носить его. Когда Василья корабельщики спрашиваютъ о цѣли поѣздки, онъ отвѣчаетъ: «А мнѣ-то вѣдь гулянье неохотное: *съ молоду бито много, граблено, подъ старость надо душа спасти*». Оставляя въ сторонѣ странное понятіе о возможности такъ легко сложить съ себя кровавыя преступленія, обратимъ вниманіе на самыя преступленія. Это не былъ разбой въ прямомъ смыслѣ: разбойникъ тотъ, кого отвергло общество, или кто самъ отвергся общества и принялся за ножъ, какъ за средство къ существованію, кто рѣжетъ и грабитъ съ полнымъ сознаніемъ преступности подобнаго промысла. Не таковъ нашъ Василій Буслаевичъ: какъ ни важны его преступленія, но они только шалости, плодъ невѣжественнаго понятія о молодецкой удали и широкомъ размѣтѣ души. Такое дурное проявленіе бурнаго бушеванія крови и неукротимой рьяности души есть порожденіе полудикой гражданственности, лишенной всякаго духовнаго движенія и развитія. Сильная натура непремѣнно требуетъ для себя широкаго, размашистаго круга дѣятельности. И потому, лишенная нравственной сферы, она бѣшено и дико бросается въ безумное упоеніе удалой жизни, разрываетъ, подобно паутинѣ, слабую ткань общественной морали. Въ Римѣ, сильная натура являлась въ колоссальныхъ образахъ Коклесовъ, Сцеволъ, Коріолановъ, Гракховъ; въ Новѣгородѣ она могла являться только въ образѣ буйныхъ и дикихъ Буслаевичей и Костей Никитичей. Сама общественная нравственность того времени видѣла только молодечество и удальство въ томъ, чтò въ другихъ странахъ было буйствомъ и разбойничествомъ. Новогородцы цѣлыми шайками отправлялись въ Пермь и Вятку, рѣзали, жгли и грабили по Камѣ. На нихъ жаловались московскимъ царямъ, —и они иногда являлись съ повинною головой, какъ черезчуръ-задурившіеся удальцы, а не какъ воры и разбойники. Ихъ вызывали на подобные подвиги не бѣдность, не нищета, не развратъ и кровожадность, а жажда какой бы то ни было дѣятельности, лишь бы сопряженной съ опасностями, отвагою и удалью. Новгородъ можно смѣло назвать гнѣздомъ русской удали, и теперь составляющей отличительную черту характера русскаго народа, но уже такую черту, которая, благодаря успѣхамъ цивилизаціи, дѣ-

лаетъ ему честь, а не безчестье. Дурно-направленная сила души дурно и дѣйствуетъ, а хорошо-направленная и дѣйствуетъ хорошо; но срамъ и горе народу, у котораго нѣтъ того, что̀ бы могло дурно, или хорошо быть направляемо! Замѣтьте, что нашъ Буслаевичъ говоритъ слова: *съ молоду бито много, граблено*, какъ будто мимоходомъ, безъ поясненій, безъ сентенцій, безъ самообвиненія, и какъ-будто съ какимъ-то хвастовствомъ; можно поручиться, что гости-корабельщики выслушали его безъ удивленія, безъ ужаса, но съ тою улыбкою, съ какою пожилой человѣкъ выслушиваетъ любовныя похожденія юноши, воспоминая о своихъ собственныхъ во время оно.

И Буслаевичъ поѣхалъ совсѣмъ не смиреннымъ пилигримомъ: удальство и молодечество заглушаютъ въ немъ всякое другое чувство, если только было что̀ заглушить въ немъ... Узнавъ, что прямая дорога сопряжена съ опасностію, онъ выбираетъ ее, говоря, что «не вѣруетъ онъ, Васинька, ни въ сонъ, ни въ чохъ, а вѣруетъ въ свой червленый вязъ». Не доѣзжая до казачей заставы, онъ видитъ гору: ему надо побывать на ней — а зачѣмъ? — да такъ, изъ удали. Роковое предвѣщаніе мертвой головы и надпись на камнѣ не только не отвращаютъ его отъ безумнаго желанія «тѣшиться, забавлятися, поперекъ того каменю поскакивати», но вызываютъ на эту потѣху. Что̀ такое эта Сорочинская гора, мертвая голова и камень съ надписью, и почему можно было скакать только поперекъ его, а не вдоль, — все это имѣетъ смыслъ развѣ того пошлаго мистицизма, который видитъ таинственное и глубокое во всемъ, что̀, за отсутствіемъ здраваго смысла, непонятно разсудку. Скачи поперекъ, а вдоль не скачи: это такъ нелѣпо, что простому, неразвитому размышленіемъ и наукою уму непремѣнно должно было показаться необыкновенно-таинственнымъ и глубоко-знаменательнымъ, подобно мистическимъ числамъ *семь*, *девять*, *двѣнадцать*, подобно молодому мѣсяцу съ лѣвой стороны, зайцу, перебѣжавшему дорогу, и другимъ предразсудкамъ. Замѣчательно, впрочемъ, что, не смотря на прямой путь изъ Ильменя въ Каспійское Море, а изъ него прямо въ рѣку Іорданъ, есть въ поэмѣ и признаки географической достовѣрности: на вершинѣ Сорочинской горы находится сопка — явленіе, возможное на юго-западномъ берегу Каспійскаго Моря.

Страхъ, а въ-слѣдствіе его и уваженіе, обнаруженные казаками къ герою поэмы, указываютъ на славу Василья Буслаева, какъ удальца изъ удальцовъ, какъ человѣка, съ которымъ плохи шутки. *Баба залѣсная*, которая предсказываетъ купающейся въ Ерданѣ дружинѣ Василья о гибели его, одно изъ тѣхъ чудовищныхъ порожденій лишенной всякаго содержанія фантазіи, которыми особенно любитъ щеголять русская народная поэзія. Смерть Василья выходитъ прямо изъ его характера, удалаго и буйнаго, который какъ-бы напрашивается на бѣду и гибель. Слова матери Василья къ его осиротѣлой дружинѣ не отличаются особенною материнскою нѣжностію; однако видна истинная грусть по безвременно-погибшемъ сынѣ, въ выраженіяхъ: *у меня нынѣ вамъ дѣлать нечего*. Есть также что-то глубоко-грустное въ умѣренности молодцовъ Василья, которые «брали казны по малу числу»; они были и сильны, и могучи, и удалы, и веселы только съ своимъ лихимъ предводителемъ, а безъ него на что̀ имъ и золота казна! При немъ, они составляли дружину и

братчину, а безъ него—«пошли добры молодцы, кому куда захотѣлося»... Такъ бываетъ не въ одвѣхъ сказкахъ, такъ бываетъ и въ дѣйствительности: сильный и богатый дарами природы духъ собираетъ вокругъ себя кружокъ людей, способныхъ понимать его, и соединяетъ ихъ между собою союзомъ братства; но нѣтъ его—и осиротѣлый кругъ, лишенный своего центра, распадается самъ собою...

—

Теперь мы должны перейдти къ другому герою, по-преимуществу новогородскому. Это уже не богатырь, даже не силачъ и не удалецъ въ смыслѣ забіяки и человѣка, который никому и ничему не даетъ спуску, который, подобно Васинькѣ Буслаевичу, не вѣруетъ ни въ сонъ, ни въ чохъ, а вѣруетъ въ свой червленый вязъ; это и не бояринъ, не дворянинъ: нѣтъ, это сила, удаль и богатырство денежное, это аристократія богатства, пріобрѣтеннаго торговлею,—это купецъ, это апоѳеоза купеческаго сословія.

—

По славной матушкѣ Волгѣ-рѣкѣ а гулялъ *Садко* молодецъ тутъ двѣнадцать лѣтъ; никакой надъ собою притки и скорби Садко не вѣдывалъ, а все молодецъ во здоровьи пребывалъ. Захотѣлось молодцу побывать въ Новѣгородѣ, отрѣзалъ хлѣба великій сукрой, а и солью насолилъ, его въ Волгу опустилъ: «А спасибо тебѣ, матушка Волга-рѣка! А гулялъ я по тебѣ двѣнадцать лѣтъ, никакой я притки, скорби не видывалъ надъ собой, и въ добромъ здоровьи отъ тебя отошелъ; а иду я, молодецъ, въ Новгородъ побывать». Проговоритъ ему матка Волга-рѣка: «Гой еси, удалой добрый молодецъ! Когда прійдешь ты во Новгородъ, а стань ты подъ башню проѣзжую, поклонися отъ меня брату моему а славному озеру Ильменю». Правилъ Садко Ильменю-озеру челобитье великое: «А и гой еси, славный Ильмень-озеро! Сестра тебѣ Волга челобитье посылаетъ двою» (?). Приходилъ тутъ отъ Ильмень-озера удалой добрый молодецъ и спрашивалъ Садку: «Гой еси, съ Волги удалъ молодецъ! какъ-де ты Волгу сестру знаешь мою?» А и тотъ молодецъ Садко отвѣтъ держитъ: «Что-де я гулялъ по Волгѣ двѣнадцать лѣтъ, съ вершины знаю и до устья ее, а и нижняго Царства Астраханскаго». А и сталъ тотъ молодецъ наказывати, который посланъ отъ Ильмень-озера, чтобъ Садко просилъ *бошлыковъ* закинуть въ Ильмень три невода: будетъ-де ему Садкѣ Божья милость». Первый неводъ къ берегу пришолъ: и тутъ въ немъ рыба бѣлая, бѣлая вѣдь рыба мелкая: и другой-то вѣдь неводъ къ берегу пришелъ: въ томъ-то рыба красная; а и третій неводъ къ берегу пришолъ: въ томъ-то вѣдь рыба бѣлая, бѣлая рыба въ три четверти. Перевозился Садко молодецъ на гостиный дворъ съ тою рыбою ловленою, навалилъ ею три погреба глубокіе, запиралъ тѣ погребы накрѣпко, ставилъ караулъ на гостиномъ на дворѣ, и давалъ тѣмъ бошлыкамъ за труды ихъ сто рублевъ. А не ходитъ Садко на тотъ на гостиный дворъ по три дни, на четвертый день погулять захотѣлъ; загляветъ онъ въ первый погребъ — котора была рыба мелкая, что то вѣдь стали деньги дробныя; заглянулъ онъ въ другой погребъ: гдѣ была рыба красная—очутилисъ у Садки червонцы лежатъ; въ третьемъ погребу, гдѣ была рыба бѣлая—а и тутъ у Садки все монеты лежатъ. Втапоры Садко купецъ богатый гость, сходилъ онъ на Ильмень-озеро, а бьетъ челомъ покланяется: «Батюшко мой, Ильмень-озеро! поучи меня жить въ Новѣгородѣ». Ильмень даетъ ему совѣтъ поводиться со людьми со

таможенными, да позвать молодцовъ посадскихъ людей, а станутъ-де тя знать и вѣдати. Позвалъ къ себѣ Садко людей таможенныхъ и сталъ водиться съ людьми посадскими. Сходилися мужики новогородскіе, у того ли Николы Можайскаго, во братчину Никольщину, пить канунъ, пива ячныя; Садко билъ челомъ, покланяется принять его во братчину Никольщину, сулитъ имъ заплатить *сыпь* немалую, и даетъ имъ пятьдесятъ рублевъ. Когда молодцы напивались до пьяна, а и съ хмѣлю тутъ Садко захвастался: велитъ припасать товаровъ въ Новѣгородѣ, онъ-де тѣ товары всѣ выкупитъ, не оставитъ ни на денежку, ни на малу разну полушечку: а не то—заплатитъ казны имъ сто тысячей. И ходитъ Садко по Новугороду, выкупаетъ всѣ товары повольной цѣной, не оставилъ ни на денежку, ни на малу разну полушечку. Вложилъ Богъ желанье въ ретиво сердце: а и шедъ Садко Божій храмъ сорудилъ, а и во имя Стефана архидьякона: кресты, маковицы золотомъ золотилъ, онъ мѣстны иконы изукрашивалъ, изукрашивалъ иконы, чистымъ жемчугомъ усадилъ, царскія двери вызолачивалъ. На второй день онъ опять выкупилъ всѣ товары въ Новѣгородѣ и сорудилъ церковь во имя Софіи премудрыя. По третій день по Новугороду товару больше стараго, всякіихъ товаровъ заморскіихъ: онъ выкупилъ товары въ половину дня, и сорудилъ Божій храмъ во имя Николы Можайскаго. А и ходитъ Садко по четвертый день, ходилъ Садко по Новугороду, а и цѣлой день онъ до вечера, не нашелъ онъ товаровъ въ Новѣгородѣ ни на денежку, ни на малу разну полушечку. Зайдетъ Садко онъ во темный въ рядъ, и стоятъ тутъ черепаны, гнилые горшки, а всѣ горшки уже битые; *онъ самъ Садко усмѣхается*, даетъ деньги за тѣ горшки, самъ говоритъ таково слово: «Пригодятся ребятамъ черепками играть, поминать Садку гостя богатаго, *что не я Садко богатъ—богатъ Новгородъ всякими товарами заморскими, и тѣми черепанами, гнилыми горшки!*»

—

Въ этой поэмѣ ощутительно присутствіе *идеи:* она есть поэтическая апоѳеоза Новагорода, какъ торговой общины! Садко выражаетъ собою безконечную силу, безконечную удаль; но эта сила и удаль основаны на безконечныхъ денежныхъ средствахъ, пріобрѣтеніе которыхъ возможно только въ торговой общинѣ. Русскій человѣкъ во всемъ удалъ и во всемъ любитъ хвастнуть своею удалью. У насъ и теперь всякій проживаетъ вдвое больше того, что получаетъ: исключенія рѣдки. Въ этомъ отношеніи, Русскіе—совершенный контрастъ съ Нѣмцами. Садко выкупаетъ товары въ Новѣгородѣ не по разсчету, не по нуждѣ, а потому-что онъ расходился, и ему море по колѣно. Онъ хочетъ насладиться чувствомъ своего *золотаго* могущества: черта чисто-русская! Русскій человѣкъ любитъ похвастаться чѣмъ Богъ послалъ: и кулакомъ, и плечами, и рѣчами, и безразсудною удалью, которая можетъ стоять ему жизни. Что же до денегъ, — извѣстное дѣло, что у него послѣдняя копейка ребромъ. Копитъ онъ иногда деньгу цѣлый годъ, живетъ скрягой, во всемъ себѣ отказываетъ—и для чего все это? — чтобъ подъ веселый часъ все разомъ спустить. Когда расходится,—онъ добръ и тороватъ: вали къ нему на дворъ званый и незваный, пей и ѣшь сколько душѣ угодно; не йдетъ въ душу,—лей и бросай на полъ. Тутъ онъ уже и не торгуется, — даетъ безъ счету, сколько руки захватили; а завтра—хорошо, если осталось, чѣмъ опохмѣ-

литься, и голодаетъ, не раскаяваясь, безъ вздоховъ и оховъ — до новаго праздника... Конечно, въ этомъ есть нѣчто дикое, если хотите, но въ формѣ, а не въ сущности: въ сущности, это—черта благородная, признакъ души сильной, широко размётывающейся.

Но Садко обязанъ своимъ богатствомъ не себѣ, а Волгѣ да Ильменю, да Новугороду Великому. Волга прислала съ нимъ поклонъ брату своему Ильменю; Ильмень разговариваетъ съ Садкою въ видѣ удалаго добраго молодца: это олицетвореніе имѣетъ великій смыслъ: рѣки и озера судоходныя — божества торговыхъ народовъ. Превращеніе рыбы въ деньги — тоже не безъ смысла: это языкъ поэзіи, выразившій собою прозаическое понятіе о выгодномъ торговомъ оборотѣ. Садко выкупилъ всѣ товары въ Новѣгородѣ; остались только битые горшки — и тѣ надо скупить; пусть играютъ ребятишки, да поминаютъ Садку гостя богатаго. Новгородъ униженъ, оскорбленъ, опозоренъ въ своемъ торговомъ могуществѣ и величіи: частный человѣкъ скупилъ всѣ его товары, и все остался богатъ, а товаровъ больше нѣтъ... Но этотъ Садко сталъ такъ богатъ, благодаря Новугороду же,—и потому, пусть ребятишки играютъ битыми черепками, да поминаютъ Садку гостя богатаго, что *не Садко богатъ —богатъ Новгородъ всякими товарами заморскими, и тьми черепанами, гнилыми горшки*...

И такъ, Садко великъ и полонъ поэзіи не самъ-по-себѣ, но какъ одинъ изъ представителей Великаго-Новагорода, въ которомъ всего много, все есть — отъ драгоцѣннѣйшихъ заморскихъ товаровъ до битыхъ черепковъ. Послѣднія слова, выставленныя нами курсивомъ, удивительно замыкаютъ собою поэму, даютъ ей какое-то художественное единство и полноту, дѣлаютъ осязательно-ясною скрытую въ ней идею. Вся поэма проникнута необыкновеннымъ одушевленіемъ и полна поэзіи. Это одинъ изъ перловъ русской народной поэзіи.

Послѣдняя новогородская поэма едва-ли уступаетъ въ поэтическомъ достоинствѣ этой. Можно сказать утвердительно, что, уступая ей съ одной стороны, она превосходитъ ее съ другой. Въ ней опять два героя: одинъ видимый—Садко, другой невидимый—Новгородъ, но уже не самъ-собою, а своими божествами-покровителями—морями, озерами и рѣками, особенно тою, которая поила его изъ своихъ береговъ. Всѣ эти моря, озера и рѣки олицетворены въ поэмѣ, и являются поэтическими личностями, что̀ придаетъ поэмѣ какой-то фантастическій характеръ, столь вообще чуждый русской поэзіи, и тѣмъ болѣе поразительный въ этой поэмѣ.

—

Плывутъ по синему морю тридцать кораблей, единъ соколъ корабль самого Садки гостя богатаго. Всѣ корабли что соколы летятъ, а соколъ садкинъ корабль на морѣ стоитъ. Садко велитъ своимъ *ярыжкамъ, людямъ наемнымъ, подначальнымъ*, рѣзать жеребья вальжены и бросить ихъ па сине море, которы-де по верху плывутъ, а и тѣ бы душеньки правыя, и которы въ морѣ тонутъ, тѣхъ-то спихвемъ-де мы во сине море. Садко кинулъ хмѣлево перо съ своею подписью: а всѣ жеребья по морю плывутъ, кабы яры гоголи по заводямъ; единъ жеребій во морѣ тонетъ— въ морѣ тонетъ хмѣлево перо самого Садки гостя богатаго. Садко велитъ рѣзать жеребьи вѣтляныя: которы-де жеребьи потонутъ, а и то-бы душеньки правыя. Самъ онъ бросаетъ жеребій булатный въ десять пудъ. И всѣ жеребьи во морѣ тонутъ, единъ

жеребій по верху плыветъ — самого Садки гостя богатаго. Говоритъ тутъ Садко купецъ богатый гость: «Вы ярыжки. люди наемные, а наемны люди, подначальные! Я Садъ-Садко знаю, вѣдаю: бѣгаю по морю двѣнадцать лѣтъ, тому царю заморскому не платилъ я дани, пошлины, и во то сине море Хвалынское хлѣба съ солью не опускивалъ, — по меня Садку смерть пришла. И вы, купцы, гости богатые, а вы цаловальники любимые, а и всѣ прикащики хорошіе, принесите шубу соболиную». И скоро Садко наряжается, беретъ онъ гусли звончаты со хороши струны золоты, и беретъ онъ шахматницу золоту со золоты тавлеями. На золотой шахматницѣ поплылъ Садко по синю морю. Всѣ корабли по морю пошли, и садкинъ корабль что кречетъ бѣлъ летитъ. Отца, матери молитвы великія, самого Садки гостя богатаго: подымалася погода тихая, прибила Садку къ крутому берегу. Пошелъ Садко подлѣ синя моря, нашелъ онъ избу великую, а избу великую—во все дерево, нашелъ онъ двери — и въ избу вошелъ. И лежитъ на лавкѣ царь морской: «А и гой еси ты, купецъ, богатый гость! А что душа радѣла, того Богъ мнѣ далъ, и ждалъ Садку двѣнадцать лѣтъ, а нынѣ Садко головой пришелъ; поиграй Садко въ гусли ты звончаты». Сталъ Садко царя тѣшити, а царь морской зачалъ скакать, плясать; и того Садку напоилъ питьями разными — развалялся Садко, и пьянъ онъ сталъ, и уснулъ Садко купецъ богатый гость. А во снѣ пришелъ святитель Николай къ нему, говоритъ ему таковы слова: «Гой еси ты, Садко купецъ, богатый гость! А рви ты свои струны золоты, и бросай ты гусли звончаты: расплясался у тебя царь морской, а сине море всколебалося, а и быстры рѣки разливалися, топятъ много бусы, корабли, топятъ души православныя того народу православнаго». Бросилъ Садко гусли звончаты, изорвалъ струны золоты; пересталъ царь морской скакать и плясать: утихло море синее, утихли рѣки быстрыя. Поутру царь морской сталъ уговаривать Садку женитися и привелъ ему тридцать дѣвицъ; а Никола ему во снѣ наказывалъ, чтобъ не выбиралъ онъ хорошей, *бѣлыя, румяныя,* а взялъ бы дѣвушку поваренную, котора хуже всѣхъ. Садко думался, не продумался, и взялъ дѣвушку поваренную; царь морской положилъ Садку съ новобрачною въ подклетѣ спать, а Никола святой во снѣ Садкѣ наказывалъ не обнимать и не цаловать жены. Съ молодой женой Садко на подклетѣ спитъ, свои рученьки ко сердцу прижалъ; со полуночи ногу лѣву накинулъ онъ въ просоньи на молоду жену: ото сна Садко пробуждался: онъ очутился надъ Новымъ-городомъ, *а лѣвая нога на Волхѣ рѣкѣ...*

Взглянулъ Садко на Новгородъ, узналъ онъ церкву, приходъ свой, того Николу Можайскаго, перекрестился онъ крестомъ своимъ. И глядитъ Садко на Волхъ-рѣкѣ: отъ того синя моря Хвалынскаго, по славной матушкѣ Волхъ-рѣкѣ, бѣгутъ, побѣгутъ тридцать кораблей, единъ корабль самого Садки гостя богатаго. И встрѣчаетъ Садко купецъ богатый гость цаловальниковъ любимыихъ, и со всѣхъ кораблей въ таможню положилъ казны своей сорокъ тысячей — по три дни не осматривали.

—

Кто бы ожидалъ такой развязки отъ лѣвой ноги?.. Какая широкая, размашистая фантазія! А пляска морскаго царя, отъ которой само море всколебалося, а и быстры рѣки разливалися!.. Да, это не сухія, аллегорическія и реторическія олицетворенія: это живые образы идей, это поэтическое о-

лицетвореніе покровительныхъ для торговой общины водяныхъ божествъ, это поэтическая миѳологія Новагорода, которая въ тысячу разъ лучше славянской миѳологіи, съ ея семью дрянными богами!.. Замѣчательная черта характера русскаго человѣка видна въ хитростяхъ Садки, чтобъ отдѣлаться отъ наказанія: видя, что его хмѣльное перо потонуло, онъ предлагаетъ новую пробу, наоборотъ; но когда онъ видитъ, что его булатный жеребій въ десять пудъ поплылъ поверхъ воды, а вѣтреные жеребья товарищей потонули,—то уже болѣе не отвертывается, но, по-русски, бросается прямо въ глаза, со всею рѣшимостію, отвагою и удалью...

—

Есть еще новогородское сказаніе, но то уже не поэма, а сказка, въ которой новогородскаго—только герой. Мы говоримъ объ «Акундинѣ», помѣщенномъ въ первой части «Русскихъ Народныхъ Сказокъ», изданныхъ г. Сахаровымъ. Такъ-какъ мы теперь, кончивъ весь циклъ богатырскихъ поэмъ, должны сказать что-нибудь и о сказкахъ,—то кстати перейдти прямо къ «Акундину». На этотъ разъ, мы ограничимся только общею характеристикою, не пускаясь въ подробности. Акундинъ — богатырь въ сказочномъ родѣ. Жилъ онъ въ старомъ Новѣгородѣ, а былъ со посадской стороны, со торговой, ни пива не варилъ, ни вина не курилъ, ни въ торгу торговалъ; а ходилъ онъ, Акундинъ, со повольницей и гулялъ по Волгѣ по рѣкѣ на суденышкахъ. Понаскучило ему, Акундину, повольницу водить; вотъ и думаетъ Акундинъ: кабы ему до Кіева дойдти, въ Москвѣ побывать. Сѣлъ онъ на суденышко и поплылъ по Волгѣ-рѣкѣ; черезъ тридцать-три дня увидѣлъ себя у крута бережка. На встрѣчу ему попался калечище перехожій, онъ спрашиваетъ у него: что то за сторона, что за городъ? И узнаетъ Акундинъ отъ калечища, что «сторона то широкая, что отъ Оки-рѣки потягла до Дону глубокаго, зовутъ Рязанью, а правитъ тою стороной стольный князь Олегъ; и что городъ-то поселенъ по Окѣ-рѣкѣ, то зовутъ Ростиславль, а на столѣ княжитъ рязанскаго роду князь, молодой Глѣбъ Олеговичъ». Акундинъ призадумался, да и сказалъ себѣ невзначай: «А кабы ту широкую сторону Рязань и съ молодымъ княземъ Глѣбомъ Олеговичемъ и со всѣми его исконными слугами покорить Новугороду». Здѣсь видѣнъ Новгородецъ, членъ вольной и торговой общины, который все относитъ къ своей родинѣ и о ея выгодахъ заботится, какъ о своихъ собственныхъ. Слушая Акундина, калечище думаетъ: «не корыстна сторона для Новагорода! кабы Рязань не полонили злые Татарове, да не обложили данью великою, постояла бъ Рязань за себя. Да и Рязань не та чета Новугороду».

Калечище показываетъ Акундину, что на Окѣ плыветъ чудовище невиданное—змѣй Тугаринъ. Длиною-то былъ тотъ змѣй Тугаринъ въ триста сажень, хвостомъ бьетъ рать рязанскую, спиною валитъ круты берега, а самъ все проситъ стару дань. Разгорѣлось богатырское сердце у Акундина: хочетъ онъ сражаться съ змѣемъ за Рязань. Калечище, узнавъ о родѣ-племени Акундина, снималъ съ себя платье перехожее, надѣвалъ платье посадничье, и называется Замятнею Путятичемъ, дядею Акундина: братъ его, отецъ Акундина, былъ посадскимъ въ Новѣгородѣ, и не взлюбили его люди новогородскіе — вишь правилъ ими не такъ, и порѣшили сгубить съ родомъ, съ племенемъ, и сокрушали его со всѣмъ домомъ; а Замятня Путятичъ пошелъ въ Кіевъ, и съ той-де поры во

тоскѣ, во кручинѣ, горе-гореваньицемъ качу, свое милое дѣтище (Акундина) дожидаючи. Но какимъ образомъ, дожидаясь въ Кіевѣ, увидѣлся онъ съ племянникомъ на Окѣ—Богъ-вѣсть... Не домолвивши рѣчи вѣстныя, сталъ Заматня Путятичъ кончатися, со бѣлымъ свѣтомъ разставатися: *видно на роду ему, братцы, такъ написано, что довелось посередь поля переставиться!..* Какъ сталъ Заматня Путятичъ со бѣлымъ свѣтомъ разставатися и учалъ отповѣдь чинить: «А и гой еси ты, мое милое дѣтище, Акундинъ Акундиновичъ! какъ и будешь ты во славномъ во Новѣгородѣ, и ты ударь челомъ ему, Новугороду, и ты скажи, скажи ему, Новугороду: и дай же то ты Боже! тебѣ ли, Новугороду, вѣкъ вѣковать, твоимъ ли дѣтушкамъ славы добывать! Какъ и быть ли тебѣ, Новугороду, во могучествѣ, а твоимъ ли дѣтушкамъ во богачествѣ!..»

Какая поэтическая и умилительная картина любви къ родинѣ со стороны оскорбленнаго ею сына!.. Сколько простодушія, чувства, любви, безконечнаго стремленія и порыванія выражаются въ простыхъ, но глубоко-поэтическихъ словахъ умирающаго гражданина Великаго-Новагорода! Послѣдняя мысль, послѣднее слово изгнанника — благословеніе неправой, но все милой родинѣ!.. Да, это поэзія! Тутъ есть мысль—и мысль глубокая!..

Глѣбъ Олеговичъ женится, а змѣй Тугаринъ грозитъ потопить Ростиславъ. Старый посадникъ Юрья Никитичъ даетъ совѣтъ князю — послать пословъ къ Тугарину. Змѣю понравилось смиреніе князя; онъ вступилъ въ переговоры, принималъ отъ пословъ хлѣбъ-соль и съѣдалъ за единый разъ. Послы говорили, что миръ готовы урядить, а дани не вѣдаютъ за собою никакой. Змѣй называетъ ихъ смердами Ростиславичами и ссылается на записи. Хитрый старый дьякъ Чеботокъ развернулъ записи поручныя и свелъ по нимъ, что долгу нѣтъ. Змѣй требуетъ мѣшка золота за Ростиславичей, мѣшка серебра за отцовъ ихъ, и мѣшка каменьевъ самоцвѣтныхъ за дѣдовъ; иначе, грозитъ затопить городъ, а женъ въ Орду продать. Здѣсь Змѣй Тугаринъ — ясно апоѳеоза Татаръ, обыкновенно дѣлавшихъ набѣги свои изъ-за Оки, и прежде всего опустошившихъ Рязанское Княжество. Хитрый дьякъ Чеботокъ проситъ у Тугарина мѣшковъ, и, получивъ, думаетъ ихъ сжечь: безъ мѣшковъ-де нѣ во что будетъ и дани собирать. Но посадскій Юрья Никитичъ думаетъ иначе: ему жаль золотой казны княжеской, и онъ напустилъ на дьяка Чеботка: «А постой ты, дьякъ! А и погоди ты, дьякъ! А ты-то, дьякъ, злой еретикъ, за одно съ Тугаринымъ держишься еретичества. А и знаю я, какъ тебя изнять, а и знаю я, какъ тебя со бѣла свѣта согнать!» Взялъ да и посадилъ дьяка въ мѣшки, да и послалъ къ змѣю. И онъ дьякъ Чеботокъ на ту пору догадливъ былъ: давай мѣшки глодать, свѣту Божьяго искать; какъ проѣдалъ онъ единъ мѣшокъ, два зуба сломалъ; какъ проѣдалъ онъ второй мѣшокъ, три зуба сломалъ; какъ проѣдалъ онъ третій мѣшокъ, всѣ пять сломалъ. И началъ дьякъ Тугарину всю вину на посадника слагать, что жаль ему золотой казны княжеской. И сталъ Тугаринъ пытать дьяка, сколько-де у князя золотой казны, каменьевъ самоцвѣтныхъ и силы ратной. «А и право скажу, ничего не утаю: лишь, дядюшка, окунись въ Оку, да достань бѣлосыпучаго песку». Змѣй досталъ и подалъ дьяку, а дьякъ учалъ бѣгать по полю, утекаючи къ городу, крича: «А и вотъ какова сила ратная у молода князя Глѣба Олеговича!» И тутъ Тугаринъ догадался, что дьяку въ обманъ

дали, а догадливые, давай Огу-рьеву гонять, городъ Ростиславль истоплять. А дьякъ, пришедши въ городъ, объявилъ князю, что Змій готовъ на миръ, да только хочетъ переговоры вести съ однимъ посадникомъ Юрьемъ Микитичемъ. И тому-то старый посадникъ вѣру имѣлъ. А и не зналъ онъ, старый посадникъ, что дьякъ-то его избывалъ. *Да и дьяку ли вѣру имать? И волчья снасть у дьяка на зубахъ; нули беретъ, на суды* сыды (?) *ведетъ.* Змѣй почелъ посадника за дьяка, въ другорядь въ обманѣ не хотѣлъ даться, и туто его, стараго посадника, съѣлъ за единъ разъ. И дьякъ Чеботокъ на ту пору догадливъ былъ; онъ, злодѣй, въ воротахъ за старичища стоялъ, да на старя посадника смотрѣлъ. Какъ-де завидѣлъ онъ дьякъ, что Змѣй Тугаринъ стара посадника съѣлъ, то и давай кричать: «Ай, батюшки, бѣда! ай, родимые, бѣда! Не стало нашего посадника. Юрья Микитича, на бѣломъ свѣтѣ Ужъ его ли, родимаго, Змѣй Тугаринъ съѣлъ. А что мы, сироты, будемъ безъ него!» И его дьячьи слова скоро до князя дошли; а никто про то во городѣ не вѣдаетъ, а никто про то не узнаетъ, *что то дьячья стряпня, стара дьяка Чобота.*

Этотъ интересный эпизодъ о хитрыхъ продѣлкахъ дьяка Чобота показываетъ, что поэзія иногда лучше всѣхъ лѣтописей можетъ быть историческимъ фактомъ. Дьяки Чоботы мало измѣнились съ тѣхъ поръ......

Князь Глѣбъ собираетъ войско, идетъ на Тугарина, попадаетъ ему стрѣлою въ правый глазъ; но Рязанцамъ скоро стало не въ мочь. Тогда Акундинъ напустился на Змѣя Тугарина и убилъ его: Князь Глѣбъ одарилъ его шубою соболиною, гривною золотою, а князья и бояре повели его, Акундина, подъ бѣлыя руки во гридницы княженецкія, сажали за столы дубовые, за скатерти браныя, за яства сахарныя, просили хлѣба-соли покушать, бѣлыхъ лебедей рушить. Князь оставлялъ его у себя, жаловалъ боярствомъ, давалъ усадбище немалое, палаты посадничьи. Но Акундинъ ото всего отказывался и поѣхалъ на своемъ суденышкѣ оснащенномъ въ Кіевъ-градъ. Доѣхавъ до Мурома, онъ узналъ, что Татары полонили много народу изъ Мурома, и дочь воеводы муромскаго, Настасью Ивановну. Акундину стало жаль добрыхъ Муромцовъ, а жальчѣй того воеводы муромскаго. Онъ отправился на своемъ суденышкѣ въ Орду немирную, перебилъ ее всю до одного человѣка, и выручилъ изъ полону Настасью Ивановну, и отправилъ ее впередъ въ Муромъ съ молодымъ бояриномъ Замятнею Микитичемъ, который ходилъ съ нимъ въ Орду изъ Мурома. На дорогѣ ему попалась другая орда — онъ и ту изрубилъ. Пріѣхалъ въ Муромъ, а тамъ свадьба: Настасья Ивановна выходитъ за Замятню Микитича. Воевода говоритъ Акундину: «А и думали мы, что тебя въ живыхъ не стало; за твои услуги великія награжу я тебя золотой казной, а на нашей лебедушкѣ не погнѣвайся». Уѣзжая, Акундинъ слово молвилъ: «Не дай же то Боже во вѣкъ въ Муромѣ бывать, того воеводу муромскаго видать; а и его-то воеводины слова перелетныя — *на посулахъ висятъ*». Нежданъ Ивановичъ за то слово велитъ слугамъ гнать его вонъ со двора: «а и онъ ли, невѣжа, деревенскій мужикъ, смѣлъ свататься за боярску дочь». Но Акундинъ ужъ былъ далеко. Въ Кіевѣ онъ угостилъ и одѣлилъ золотой казной сорокъ каликъ съ каликою, и одинъ изъ нихъ сказалъ ему таково слово: «За твою хлѣбъ-соль великую, за твой капуть варенъ, повѣдаю твою судьбинушку: тебѣ ли, доброму молодцу, на роду счастье написано—жениться

на молодой вдовѣ во чужомъ городу. Не умѣлъ ты, добрый молодецъ, изловить бѣлую лебедушку, такъ съумѣй же ты, добрый молодецъ, достать сѣру утицу». Акундинъ идетъ въ Муромъ, застаетъ тамъ Настасью Ивановну вдовою, и женится на ней.

Эта сказка—цѣлый романъ; мы выжали изъ нея, такъ-сказать, одинъ сокъ, и опустили множество подробностей, превосходно характеризующихъ общественный и семейный бытъ древней Руси. Въ этомъ отношеніи, сказка «Акундинъ» имѣетъ даже историческій интересъ—и г. Сахаровъ заслуживаетъ особенную благодарность за спасеніе отъ забвенія этого во всѣхъ отношеніяхъ любопытнѣйшаго факта русской народной поэзіи, русскаго духа и русскаго быта.

Мы не будемъ пересказывать содержанія другихъ сказокъ въ сборникѣ г. Сахарова: всѣ онѣ, исключая «Акундина» и «Семи Семіоновъ»—тѣ же самыя поэмы, которыя уже разсказаны и разобраны нами въ предъидущей статьѣ: разница, какъ мы замѣтили тамъ же, состоитъ только въ нѣкоторыхъ подробностяхъ, въ нѣсколько-особенной (сказочной) манерѣ, а главное —въ томъ, что сказка объемлетъ собою всю жизнь героя, отъ рожденія до смерти, и слѣдовательно заключаетъ въ себѣ содержаніе иногда нѣсколькихъ поэмъ; ибо поэма схватываетъ только одинъ, отдѣльный моментъ изъ жизни героя, и представляетъ его какъ-бы чѣмъ-то цѣльнымъ и оконченнымъ. Такъ, сказка о *Добрынѣ* начинается кручиною и печалью князя Владиміра, испуганнаго какимъ-то неизвѣстнымъ богатыремъ, разбившимъ свой шатеръ передъ Кіевомъ. Этотъ богатырь былъ уже знакомый намъ Тугаринъ Змѣевичъ. «Чохнулъ онъ чохъ по полю заповѣданному; — дрогнула сыра земля; попадали ничь могучіе княжіе богатыри. А и былъ же Тугаринъ Змѣевичъ не въ уростъ человѣчь: голова-то съ пивной котелъ, глаза-то со дивные ковши, туловище-то со круту гору, ноги-то со дубовы колоды, руки-то со шесты вязовы. А и самъ-то Тугаринъ Змѣевичъ ѣдетъ по лѣсу — ровенъ съ лѣсомъ; ѣдетъ по полю — ровенъ со поднебосью. А и держится Тугаринъ Змѣевичъ еретичествомъ, да и хвастаетъ, собака, онъ молодечествомъ». Когда отъ Тугарина пришлось плохо, вдругъ откуда ни возмись сильный могучій богатырь: это нашъ давнишній знакомецъ, Добрыня Никитичъ. Онъ родомъ изъ Новагорода, и пріѣхалъ служить князю Владиміру вѣрою и правдою. И вышелъ онъ, съ своимъ *Торопомъ* слугою, на Тугарина Змѣевича, и, какъ у богатырей ужъ изстари заведено, далъ ему карачунъ. «И со той-то поры Добрынюшка Никитичъ жилъ во славномъ городѣ во Кіевѣ, у ласкова осударя Владиміра князя, свѣтъ Святославьевича. Три года Добрынюшка стольничалъ, три года Добрынюшка приворотничалъ, три года Добрынюшка чашничалъ. Стало девять лѣтъ; на десятомъ году онъ погулять захотѣлъ». Дальнѣйшія похожденія Добрынюшки уже извѣстны нашимъ читателямъ.

Сказка о Василіѣ Буслаевѣ отличается отъ поэмы многими подробностями: въ ней мужики новогородскіе, провидя въ Буслаевѣ опаснаго для свободы общины человѣка, сами задираютъ его, чтобъ заранѣе отдѣлаться отъ него. Они приглашаютъ его къ себѣ на пиръ, сажаютъ его на первое мѣсто, но Буслаевъ *скромно* (изъ политики) отговаривается: «Вы, гой еси, люди степенные, честны мужики посадскіе! *велика честь моей молодости; есть постарше меня.*»

«Застучали столы съ зелеными винами, понеслись яства сахарныя. Пьютъ, ѣдятъ,

прохлаждается, въ полпьяна напиваются, рѣчи держать крупныя. Одинъ Васька сидитъ не пьянъ, сидитъ не молвитъ ни словечушка. Стали мужики посадскіе похвальбу держать. *Садко* молвитъ: «А и нѣтъ нигдѣ такого ворона коня супротивъ моего сокола: онъ броду не спрашиваетъ, рѣки проскакиваетъ, дороги промахиваетъ, горы перелетываетъ». *Чурило* молвитъ: «А и нѣтъ нигдѣ такой молодой жены, супротивъ моей Настасьи Апраксѣевны! Ужь она ли ступитъ, не ступитъ по алу бархату; ѣстъ яства сахарныя, запиваетъ сытой медовой; ужь у моей ли молодой жены очи сокольи, брови собольи, походка павлиная, грудь лебединая, а и краше ея нѣтъ нигдѣ во всей околицѣ поднебесной». *Костя Новоторженинъ* молвитъ: «А и нѣтъ нигдѣ такого богачества супротивъ моего: три корабля плывутъ за синими морями съ крупнымъ жемчугомъ, три корабля плывутъ по лукоморью съ соболями; три корабля плывутъ по морю хвалынскому со каменьями самоцвѣтными; а золотомъ, серебромъ потягаюсь со всѣмъ Новымгородомъ». *Ставръ* молвитъ: «А и нѣтъ нигдѣ такого удалаго молодца, супротивъ Ставра: ѣдетъ ли онъ во поѣздѣ богатырскомъ, не вѣтры въ поляхъ подымаются, не вихри бурные крутятъ пыль черную — выѣзжаетъ сильный могучъ богатырь Ставръ Путятичъ, на своемъ конѣ богатырскомъ, съ своимъ слугой Акудиномъ. На Ставрѣ доспѣхи ратные словно жаръ горятъ; на бедрѣ виситъ мечъ-кладенецъ, во правой рукѣ копье булатное, во лѣвой шелковая плеть, того ли шелку шемаханскаго, на конѣ збруя красна золота. Наѣзжаетъ Ставръ на Чудь поганую, вскрикиваетъ богатырскимъ голосомъ, засвистываетъ молодецкимъ посвистомъ: сыры боры приклоняются, зелены листы опускаются; онъ бьетъ коня по крутымъ бедрамъ: богатырскій конь осержается, мечетъ изъ-подъ копытъ по сѣнной копнѣ; бѣжитъ въ полѣ — земля дрожитъ, изо рта пламя валитъ, изъ ноздрей пыль столбомъ. Ставръ гонитъ силу поганую: конемъ вернетъ — улица, копьемъ махнетъ — пять тысячи, мечемъ хватитъ — лежитъ тьма людей».

Мужики спрашиваютъ Буслаева, отъ чего сидитъ онъ задумался, самъ ничѣмъ не похваляется. «На что мнѣ, молодцу, радоватися, чѣмъ передъ вами похвалятися? Оставилъ меня осударь батюшка во сиротствѣ, а сударыня матушка живетъ во вдовствѣ. Есть у меня золота казна, богатства несчетныя: *и то я не самъ добылъ*».

«Отъ слова умнаго Васьки Буслаева мужики посадскіе дивовалися, стали его промежь себя перешептывать: «Зло держитъ Васька на сердцѣ». Наливаютъ братину зелена вина, ставятъ на столы дубовые, отошедъ кланяются и всѣ едину рѣчь говорятъ: «Кто хочетъ дружить Новугороду, тотъ пей зелено вино до суха!» Садятся мужики посадскіе за дубовы столы, усмѣхаючись, и ждутъ отповѣди отъ Васьки. Встаетъ Васька покланяется, принимаетъ братину во бѣлы руки, выпиваетъ зелено вино единымъ духомъ. И стала братина пуста до-суха, а Васька сидитъ въ полпьяна. Заиграла хмѣлинушка, закипѣла кровь молодецкая, и сталъ Васька похвалятися: «Глупые вы, неразумные, мужики посадскіе! Взять будетъ Василію Буслаевичу Новгородъ за себя; править будетъ мужиками посадскими на своей волѣ: брать будетъ пошлины датошныя со всей земли; съ лову заячьяго и гоголинаго, съ заѣзжихъ гостей пошлины мытныя, а мужикамъ посадскіимъ будетъ лежать у ногъ моихъ».

«Не любы стали мужикамъ посадскіимъ рѣчи спорныя; закричали всѣ во едино слово: «Младъ еще ты, дѣтище неудалое; не зрѣлъ твой умъ, не бывать за тобой Новугороду; потерять тебѣ буйну голову; не честь тебѣ съ нами жить; нѣтъ про тебя съ нами земли».

«Разгорается сердце молодецкое пуще прежняго; распаляется голова буйная. «Не честь мнѣ съ вами жить (отповѣдь держитъ Васька) — иду съ вами перевѣдаться». Встаетъ Васька изъ-за стола дубоваго, встаетъ, идетъ, не кланяется; и только его видѣли!»

И вотъ мы прошли весь циклъ богатырскихъ поэмъ. Что до сказокъ — ихъ въ сборникѣ г. Сахарова такъ мало, что мы обо всѣхъ по-крайней-мѣрѣ упомянули, а въ хранилищѣ народной памяти такъ много, что обо всѣхъ не переговоришь. Скажемъ коротко объ общемъ характерѣ этихъ поэмъ и сказокъ. Содержаніе ихъ бѣдно до пустоты, а потому и однообразно до утоми-

тельности. Отсутствіе миеическихъ созерцаній, какъ зерна развитія внутренняго и гражданственнаго, ограниченная сфера народнаго быта, такъсказать стоячесть жизни, вращавшейся вокругъ себя безъ движенія впередъ, —вотъ причина скудости и однообразія въ содержаніи этихъ поэмъ. Только въ Новѣгородѣ, гдѣ, въ-слѣдствіе торговли и плода ея—всеобщаго богатства и довольства—жизнь раскинулась пошире, поразмашистѣе, а духъ предпріимчивости, удальства и отваги, свойственныхъ русскому племени, нашелъ себѣ болѣе свободную сферу,—только въ Новѣгородѣ народная поэзія могла явиться болѣе яркими проблесками. Мы уже говорили выше, что новогородскій штемпель лежитъ на всемъ русскомъ бытѣ, а слѣдовательно, и на всей русской народной поэзіи; что даже самъ Владиміръ, великій князь кіевскій стольный, и всѣ богатыри его говорятъ, дѣйствуютъ и пируютъ какъ-то по-новогородски, какъ-будто по-купечески.

Но, не смотря на всю скудость и однообразіе содержанія нашихъ народныхъ поэмъ, нельзя не признать необыкновенной, исполинской силы, заключающейся въ нихъ жизни, хотя эта жизнь и выражается по-видимому только въ матеріальной силѣ, для которой все равно—побить ли цѣлую рать ордынскую, или единымъ духомъ выпить чару зелена вина въ полтора ведра, турій рогъ меду сладкаго въ полтретья ведра. Богатырь всегда—богатырь, и сила, въ чемъ бы ни выражалась она—всегда сила: сильный плѣняется только силою, и богатырь богатырствомъ. Въ грезахъ народной фантазіи оказываются идеалы народа, которые могутъ служить мѣрою его духа и достоинства. Русская народная поэзія кипитъ богатырями, и если въ этихъ богатыряхъ незамѣтно особеннаго избытка какихъ-либо нравственныхъ началъ, — ихъ сила все-таки не можетъ назваться лишь матеріальною: она соединялась съ отвагою, удальствомъ и молодечествомъ, которымъ—море по колѣно, а это уже начало духовности, ибо принадлежитъ не къ комплексіи, не къ мышцамъ и тѣлу, а къ характеру и вообще нравственной сторонѣ человѣка. И эта отвага, это удальство и молодечество, особливо въ новогородскихъ поэмахъ, являются въ такихъ широкихъ размѣрахъ, въ такой несокрушимой, исполинской силѣ, что передъ ними невольно преклоняешься. Одни эти качества — отвага, удаль и молодечество, еще далеко не составляютъ человѣка; но они—великое поручительство въ томъ, что одаренная ими личность можетъ быть по-преимуществу человѣкомъ, если усвоитъ себѣ и разовьетъ въ себѣ духовное содержаніе. Мы уже сказали и снова повторяемъ: Русь, въ своихъ народныхъ поэмахъ, является только тѣломъ, но тѣломъ огромнымъ, великимъ, кипящимъ избыткомъ исполинскихъ физическихъ силъ, жаждущимъ пріять въ себя великій духъ, и вполнѣ способнымъ и достойнымъ заключить его въ себѣ... Долго ждала она своего духовнаго возрожденія, приготовлялась къ нему тяжелымъ и кровавымъ испытаніемъ, долгою годиною ужасныхъ бѣдствій и страданій—и дождалась: нестройный хаосъ ея существованія огласился творческимъ глаголомъ «да будетъ!»—и бысть....

Форма народныхъ поэмъ совершенно соотвѣтствуетъ ихъ содержанію: та же исполинская мощь—и та же скудость, та же неопредѣленность, то же однообразіе въ выраженіи и образахъ. Если у князя, или гостя богатаго, пиръ,—то во всѣхъ поэмахъ описаніе его совершенно одинаково: «А и было пированье-почестный пиръ», а и бы-

ло столованье-почестный столъ; а и будетъ день во полуднѣ, а и будетъ пиръ во полупиръ, а и будетъ столъ во полустолъ». Если богатырь стрѣляетъ изъ лука, то непремѣнно: «а и спѣла вѣдь тетивка у лука — взвыла да пошла калена стрѣла». Обезоруженный ли богатырь ищетъ своего оружія, то уже всегда: «не попала ему его палица желѣзная, что попала-то ему ось тележная». Если дѣло идетъ объ удивительномъ убранствѣ палатъ, то: «на небѣ солнце—въ теремѣ солнце» и проч. Однимъ словомъ, всѣ источники нашей народной поэзіи такъ немногочисленны, что какъ-будто перечтены и отмѣчены общими выраженіями, которыя и употребляются по надобности.

Форма русской народной поэзіи вообще оригинальна въ высшей степени. Къ главнымъ ея особенностямъ принадлежитъ музыкальность, пѣвучесть какая-то. Между русскими пѣснями есть такія, въ которыхъ слова какъ-будто набраны не для составленія какого-нибудь опредѣленнаго смысла, а *для* послѣдовательнаго ряда звуковъ, нужныхъ *для* «голоса». Уху русскій человѣкъ жертвовалъ всѣмъ— даже смысломъ. Художникъ легко примиритъ оба требованія; но народный пѣвецъ по-необходимости долженъ прибѣгать къ повтореніямъ словъ и даже цѣлыхъ стиховъ, чтобъ не нарушить требованій ритма. Сверхъ того, въ русской народной поэзіи большую роль играетъ рифма не словъ, а смысла: русскій человѣкъ не гоняется за рифмою —онъ полагаетъ ее не въ созвучіи, а въ каденсѣ, и полубогатыя рифмы какъ-бы предпочитаетъ богатымъ; но настоящая его рифма есть — рифма смысла: мы разумѣемъ подъ этимъ словомъ двойственность стиховъ, изъ которыхъ второй рифмуетъ съ первымъ по смыслу. Отсюда эти частыя и, по-видимому, ненужныя повторенія словъ, выраженій и цѣлыхъ стиховъ; отсюда же и эти отрицательныя подобія, которыми, такъ-сказать, оттѣняется настоящій предметъ рѣчи: «Не грозна туча во широкомъ полѣ подымалася, не полая вода на круты берега разливалася: а выводилъ то молодой князь Глѣбъ Олеговичъ рать на войну»; или: «Не высоко солнце по поднебесью восходило, не румяная заря на широкомъ полѣ разстилалася: а выходилъ то молодой Акундинъ».

Не допустятъ Екима до добра коня,
До *своей его* палицы *тяжкія*,
А *и тяжкія* палицы *мѣдныя*,
Лита она была въ три тысячи пудъ;
Не *попала* ему палица *желѣзная*,
Что *попала* ему ось-то тележная.

Всѣ эти повторенія и ненужныя слова: *своей* и *его*, *тяжкія* и *тяжкія*, *попала* и *попала*, сдѣланы явно для пѣвучей гармоніи размѣра и для рифмы смысла; для того же сдѣлана и безсмыслица, т. е. въ третьемъ стихѣ палица названа *мѣдною*, а въ пятомъ *желѣзною*: желѣзная была необходима, сверхъ того, и для кадансовой, просодической (а не для созвучной) рифмы: *желѣзная—тележная:* ◡ — ◡ ◡ и ◡ — ◡ ◡.

Такихъ примѣровъ можно найдти бездну; но для поясненія нашей мысли довольно и этихъ. Теперь, сообразно плану нашей статьи, мы должны перейдти къ пѣснямъ историческимъ: этотъ отдѣлъ русской народной поэзіи бѣденъ во всѣхъ отношеніяхъ: и числомъ, и содержаніемъ, и поэзіею. Трудное и тяжкое историческое развитіе Руси до Петра-Великаго было слишкомъ сухою и безплодною почвою для поэзіи.

Древнѣйшая историческая пѣсня въ разсматриваемыхъ нами сборникахъ находится въ книгѣ Кирши Данилова и называется «Щелканъ Дудентье-

вичъ». Она носитъ на себѣ характеръ сказочный; но явно, что историческое событіе дало для нея содержаніе. Героемъ ея, *Щелканъ Дудентьевичъ*, не получилъ себѣ отъ своего шурина, царя Азвяка Ставруловича, удѣла, потому-что былъ во время раздачи удѣловъ въ Литвѣ: «Бралъ онъ, младъ Щелканъ, дани, выходы, царски невыплаты; съ князей бралъ по сту рублевъ, со бояръ по пятидесяти, съ крестьянъ по пяти рублевъ; — у котораго денегъ нѣтъ, у того дитя возьметъ, у котораго дитя нѣтъ, у того жену возьметъ; у котораго жены-то нѣтъ, того самого головой возьметъ». Возвратившись къ царю Азвяку съ данями, невыплатами, онъ проситъ у него себѣ въ удѣлъ старую Тверь. Азвякъ отвѣчаетъ ему: «Гой еси, шуринъ мой, Щелканъ Дудентьевичъ! заколи-тко ты сына своего любимаго, крови ты чашу нацѣди, выпей ты крови тоя, крови горячія, и тогда я тебя пожалую Тверью богатою, двумя братцами родимыми, двумя удалыми Борисовичами». Выполнивъ это *гуманное* требованіе, Щелканъ «судьею насѣлъ въ Тверь ту старую, въ Тверь ту богатую; а немного онъ судьею сидѣлъ: и вдовы-то безчестити, красны дѣвицы позорити, надо всѣми наругатися, надъ домами насмѣхатися. Мужики-то старые, мужики-то богатые, мужики-то посадскіе, они жалобу приносили двумъ братьямъ родимымъ, двумъ удалымъ Борисовичамъ; отъ народа они съ поклономъ пошли, *съ честными подарками*. Изошли его въ домъ у себя Щелкана Дудентьевича; подарки принялъ отъ нихъ, чести не воздалъ имъ. Втапоры младъ Щелканъ зачванился, онъ загордился, и они съ нимъ раздорили—одинъ ухватилъ за волосы, а другой за ноги, и тутъ его разорвали. Тутъ смерть ему случилася, ни на комъ не сыскалося».—Эта пѣсня есть искаженная быль XIV столѣтія: Щелканъ Дудентьевичъ есть не кто иной, какъ Шевкалъ, сынъ Дюденевъ, двоюродный братъ хана Узбека (переименованнаго сказкою въ *Азвяка*, да еще и *Ставруловича*), который, прибывъ посломъ въ Тверь въ 1327 году, за свою жестокость и наглость былъ сожженъ гражданами со всею свитою.

Кромѣ этой пѣсни, нѣтъ ни одной, которая бы относилась къ эпохѣ татарщины; равнымъ образомъ, нѣтъ ни одной исторической пѣсни, которая бы относилась къ Донскому, къ Іоанну III; есть нѣсколько пѣсень объ Иванѣ-Грозномъ, да нѣсколько пѣсень, относящихся къ эпохѣ самозванцевъ и борьбы Россіи съ Польшею за независимость; также изъ эпохи царя Алексія Михайловича и Петра-Великаго. Всѣхъ этихъ пѣсень числомъ не болѣе десяти, да и тѣ совершенно ничтожны и по содержанію, и по формѣ, и по историческому значенію. Русская народность еще сознавала себя въ сказкахъ: въ исторіи она потерялась. Въ одной пѣсни, «кругомъ сильна Царства Московскаго, *Литва* облегла со всѣ четыре стороны, а и съ нею сила, *Сорочина долгополая*, и тѣ *Черкесы пятигорскіе*, еще ли *Калмыки* съ *Татарами*, со *Татарами*, со *Башкирцами*, еще *Чукши* со *Лютарами* (съ Лютеранами, изъ которыхъ политическій тактъ древней Руси сдѣлалъ особый народъ)»; тогда Михайло Скопинъ «правитель Царству Московскому, оберегатель міру крещеному, и всей нашей земли свѣто-русскія» пріѣзжалъ въ Новгородъ, «садился на ременчатъ стулъ, а и беретъ чернилицу золотую, какъ-бы въ ней перо лебединое, и беретъ онъ бумагу бѣлую, писалъ ярлыки скорописчаты во свицкую (шведскую) землю, *Сасонскую*, ко любимому брату названому, ко свицкому королю Карлосу, а отъ мудрости слово поставлено: «А и гой еси,

названый братъ, а ты свицкій король Карлусъ! а и смилуйся, смилосердуйся, смилосердуйся, покажи милость, а и дай мнѣ силы на подмочь». Это посланіе—образецъ дипломатическаго красноречія, отослано къ шведскому королю, который и присылалъ къ Скопину на помощь сорокъ тысячь войска. Соединившись съ Шведами, наши войска пошли въ восточную сторону и вырубили Чудь бѣлоглазую и Сорочину долгополую; въ полуденную сторону —перекрошили Черкесъ пятигорскихъ «еще нонѣ тутъ Малороссія», и такимъ же образомъ уничтожили Литву, Чукчей, Башкирцевъ, Калмыковъ и «Алюторовъ». Въ остальной половинѣ пьесы перевирается по-сказочному отравленіе Скопина, котораго причина—самая народная: Скопинъ на пиру у Воротынскаго больно началъ похваляться: «Я, Скопинъ, очистилъ Царство Московское и велико Государство Россійское, еще ли мнѣ славу поютъ до вѣку, отъ стараго до малаго, отъ малаго до вѣку моего». И тутъ боярамъ за бѣду стало: они подсыпали въ чашу зелья лютаго, а кума Скопина крестовая, дочь Малюты Скурлатова, поднесла ему отравленную чашу. Окончаніе пьесы отличается всею наивною и удалою прелестью русской народной поэзіи:

То старина, то и дѣянье,
Какъ-бы синему морю на утишенье,
А быстрымъ рѣкамъ слава до моря,
Какъ-бы добрымъ людямъ на послушанье,
Молодымъ молодцамъ на перениманье,
Еще намъ, веселымъ молодцамъ, на потѣшенье,
Сидючи въ бесѣдѣ смиренныя,
Испиваючи медъ, зелено вино;
Гдѣ-ко пиво пьемъ, тутъ и честь воздаемъ
Тому боярину великому
И хозяину своему ласковому.

Въ другой пѣснѣ, царь Алексій Михайловичъ три года стоитъ подъ Ригою, потомъ ѣдетъ въ Москву; войско проситъ царя не оставлять его подъ Ригою: «она скучила намъ Рига, напрокучила: много голоду, холоду приняли, наготы, босоты вдвое того». Царь отвѣчаетъ: «когда прибудемъ въ каменну Москву, забудемъ бѣдность, нужу великую, а и выставлю вамъ погреба царскіе, что съ пивомъ, съ виномъ, меды сладкіе».

Лучшія историческія пѣсни — объ Иванѣ-Грозномъ. Тонъ ихъ чисто-сказочный, но образъ Грознаго просвѣчиваетъ сквозь сказочную неопредѣленность со всею яркостію громовой молніи. Въ драгоцѣнномъ сборникѣ Кирши Данилова, къ-сожалѣнію, далеко не вполнѣ перепечатанномъ г. Сахаровымъ, есть пѣсня подъ названіемъ «Мастрюкъ Темрюковичъ», въ которой описывается кулачный бой царскаго шурина, Мастрюка, съ двумя московскими удальцами. Грозный пировалъ по случаю женитьбы своей на *Марьѣ Темрюковнѣ*, сестрѣ *Мастрюковнѣ*, *Купавѣ Крымской*, царевнѣ благовѣрной, дочери *Темрюка Степановича*, царя *Золотой Орды* (о исторія!..). На пиру всѣ были веселы; не веселъ одинъ Мастрюкъ Темрюковичъ, шуринъ царскій: онъ еще нигдѣ не нашелъ борца по себѣ и думаетъ Москву загонять, сильно Царство Московское. Узнавъ о причинѣ его кручины-раздумья, царь велѣлъ боярину Никитѣ Романовичу искать бойцовъ по Москвѣ. Два братца родимые по базару похаживаютъ, а и бороды бритыя, усы торженые, а платье саксонское, сапоги съ раструбами. Они спрашиваютъ боярина: «смѣть ли нога ступить съ царскимъ шуриномъ и смѣть ли его побороть?» Царь велѣлъ боярину сказать имъ: «кто бы Мастрюка поборолъ, царскаго шурина, платья бы съ плечь снялъ, да нагаго съ круга спустилъ, а нагаго какъ мать родила,

а и мать на свѣтъ пустила». Прослышавъ борцовъ, «скачетъ прямо Мастрюкъ изъ мѣста большаго, угла передняго, черезъ столы бѣлодубовы, поваляль онъ тридцать столовъ, да прибилъ триста гостей: живы—да неголны, на корачкахъ ползаютъ по палатѣ бѣлокаменной: *то похвальба Мастрюку, Мастрюку Темрюковичу*». Но эта похвала худо кончилась для Мастрюка: Мишка Борисовичъ его съ носка бросилъ о землю; похвалилъ его царь государь: «*Исполать тебѣ молодцу, что чисто борешься*». А и Мишка къ сторонѣ пошелъ, ему полно боротися. А Потанька бороться пошелъ, костылемъ подпирается, самъ впередъ подвигается, къ Мастрюку приближается; смотритъ царь-государь, что кому будетъ Божья помочь; Потанька справился, за плеча сграбился, согнетъ корчагою, воздымалъ выше головы своей, опустилъ о сыру землю—Мастрюкъ безъ памяти лежитъ, не слыхалъ какъ платье сняли. Былъ Мастрюкъ во всемъ, сталъ Мастрюкъ ни въ чемъ, со стыда и сорома окарачкахъ подъ крылецъ ползетъ. Какъ бы бѣла лебедушка по зарѣ она прокликала, говорила царица царю, Марья Темрюковна: «Свѣтъ ты, вольный царь Иванъ Васильевичъ! такова у тебя честь добра до любимаго шурина, а дѣтина наругается, что дѣтина деревенской; а почто онъ платье снимаетъ?» Говорилъ тутъ царь-государь: «Гой еси ты, царица во Москвѣ, да ты Марья Темрюковна! *а не то у меня честь во Москвѣ, что Татары-те борются; то-то честь въ Москвѣ, что Русакъ тѣшится;* хотя бы ему голову сломилъ, до люби бы я пожаловалъ двухъ братцовъ родимыхъ, двухъ удалыхъ Борисовичевъ».

Другая пѣсня содержитъ въ себѣ сказочное описаніе историческаго происшествія, касающагося до ужасной личности грознаго царя—гнѣва его на сына. У Грознаго пиръ во дворцѣ, «а всѣ тутъ князья и бояра на пиру напивалися, промежъ собой расхвасталися: а сильный хвастаетъ силою, богатой-отъ хвастаетъ богатствомъ. Златá труба въ царствѣ протрубила, прогласилъ царь-государь, слово выговорилъ: «А глупы бояра, вы неразумные! и всѣ вы бездѣлицей хвастаетесь; а смѣю я царь похвалитися, похвалитися и похвастати: что вывелъ измѣну я изъ Кіева, да вывелъ измѣну изъ Новагорода, а взялъ я Казань, взялъ и Астрахань». Царевичъ Ѳедоръ говоритъ отцу, что не вывелъ онъ измѣны въ Москвѣ, что три большіе боярина, а три Годуновы измѣнники. Царь велитъ сыну назвать трехъ измѣнниковъ, говоря, что одного велитъ въ котлѣ сварить, другаго—на колъ посадить, а третьяго—скоро казнить. «Ты пьешь съ ними, ѣшь съ единаго блюда, единую чару съ ними требуешь» отвѣчалъ царевичъ; но царю то слово за бѣду стало, за великую досаду показалося, скричалъ онъ царь зычнымъ голосомъ: «А есть ли въ Москвѣ немилостивы палачи? возьмите царевича за бѣлы ручки, ведите царевича со царскаго стола, за тѣ за вороты москворѣцкія, за славную матушку Москву-рѣку, за тѣ живы мосты калиновы, къ тому болоту поганому, ко той ко лужѣ кровавыя, ко той ко плахѣ бѣлодубовой». Всѣ палачи испужалися, по Москвѣ разбѣжалися: единъ палачъ не пужается, единъ злодѣй выступается—Малюта палачъ, сынъ Скурлатовичъ. До стараго боярина Никиты Романовича дошла вѣсть нерадошна, кручинная, что-де «упала звѣздочка поднебесная, потухла во соборѣ свѣча мѣстная, не стало царевича у васъ въ Москвѣ, а меньшато Ѳедора Ивановича». Бояринъ скачетъ къ болоту поганому, настигъ палача на

полу-пути, кричитъ ему зычнымъ голосомъ: «Малюта палачъ, сынъ Скурлатовичъ! не за свойскій кусъ ты хватаешься, а этимъ кускомъ ты подавишься; не переводи ты роды царскіе». Малюта отвѣчаетъ, что дѣло невольное, что не самому же ему быть сказнену; чѣмъ окровенить саблю острую, руки бѣлыя, и съ чѣмъ прійдти къ царю предъ очи . предъ его очи царскія? Никита Романовичъ совѣтуетъ ему сказнить его конюха любимаго и въ его крови предстать предъ очи царскія. Какъ завидѣлъ царь Малюту въ крови, «а гдѣ-ко стоялъ, онъ и туто упалъ, что рѣзвы ноги подломилися , царски очи помутилися , что по три дня не пьетъ, не ѣстъ». А Никита Романовичъ увезъ царевича въ село Романовское. Царю докладываютъ: у тебя-де кручина великая, а у стараго Никиты Романовича пиръ идетъ на веселѣ. «*А грозный царь, онъ и крутъ добръ*, велитъ схватить боярина нечестно; когда привели его къ нему, онъ пригвоздилъ ему къ полу ногу жезломъ своимъ , грозитъ его въ котлѣ сварить, либо на колъ посадить.» Когда дѣло объяснилось, царь даётъ боярину село Романовское, съ такою привилегіею : «Кто церкву покрадетъ, мужика ли убьетъ, али у жива мужа жену уведетъ и уйдетъ во село боярское, ко старому Никитѣ Романовичу, и тамъ быть имъ не на выдачѣ».

Покореніе Казанскаго Царства воспѣто въ цѣлыхъ двухъ пѣсняхъ, на основаніи которыхъ однакожь нельзя сдѣлать и одной поэмы. Одна изъ этихъ пѣсень разсказываетъ , кáкъ Иванъ Васильевичъ подъ Казанью съ войскомъ стоялъ, за Сулай-рѣку бочки съ порохомъ каталъ, а пушки и снаряды въ чистомъ полѣ разставлялъ; кáкъ Татары по городу похаживали, и всяко грубіянство оказывали, и грозному царю насмѣхалися, что не быть-де нашей Казани за бѣлымъ царемъ ; кáкъ царь на пушкарей осерчался, приказалъ пушкарей казнить , что подрывъ такъ долго медлился; и какъ—лишь пушкари слово молвить пооставилися, — взрывъ воспослѣдовалъ, а «всѣ Татары тутъ, братцы, устрашилися , они бѣлому царю покорилися».

Другая пѣсня почти вся состоитъ изъ сна казанской царицы *Елены*, который она разсказываетъ своему мужу, *Симеону*, что ей привидѣлось «какъ отъ сильнаго Царства Московскаго кабы сизый орлище встрепенулся, кабы грозная туча подымалась, что на наше вѣдь царство наплывала; а изъ сильнаго Царства Московскаго подымался военній князь московскій, а Иванъ, сударь, Васильевичъ, *прозритель*». Далѣе слѣдуетъ содержаніе первой пѣсни. Когда подрывъ грянулъ, Иванъ Васильевичъ побѣжалъ въ палаты царскія, а Елена догадалася: посыпала соли на ковригу и съ радостью встрѣчала московскаго князя,— за чтó онъ ее пожаловалъ: привелъ въ крещеную вѣру и постригъ въ монастырь; а царю Симеону за гордость, что не встрѣтилъ онъ великаго князя, «вынялъ ясны очи косицами», взялъ съ него царскую корону, порфиру и царскій костыль изъ рукъ принялъ. *И въ то время князь воцарился и насѣлъ на Московское Царство*, *что тогда-де Москва основалася*; *и съ тѣхъ-поръ великая слава*.

И вся-то пѣсня — сказка, поводомъ къ которой было, впрочемъ, историческое событіе; но чтó такое конецъ ея?.. Когда царь Иванъ Васильевичъ Казань взялъ, тогда только и на Московское Царство насѣлъ, а до-тѣхъ-поръ словно былъ безъ царства... И вотъ кáкъ отразился въ народной по-

эзія колоссальный образъ и отозвалась страшная память Грознаго—этого исполина тѣломъ и духомъ, который такъ ужасно рвался изъ тѣсныхъ оковъ ограниченной народности, и явившись не во-время, безсильный съ самого-себя свергнуть и разбить ихъ, нашелъ въ себѣ силу страшно выместить на своемъ народѣ враждебную себѣ народность!..

Изъ пѣсни о Гришкѣ Разстригѣ ясно видно, что этотъ даровитый и пылкій, но неблагоразумный и неразсчетливый удалецъ палъ въ глазахъ народа не за самозванство, а за то, что втупору, какъ «князи и бояра пошли къ заутрени, а Гришка Разстрига онъ въ баню съ женой; уже князи и бояра отъ заутрени, а Гришка Разстрига изъ бани съ женой; выходитъ Разстрига на Красный Крылецъ, кричитъ, реветъ зычнымъ голосомъ: «Гой еси, ключники мои, приспѣшники, приспѣвайте кушанье разное, а и поспѣшное и скоромное: заутра будетъ ко мнѣ гость дорогой, Юрья панъ съ паньею». Тогда, вишь, стрѣльцы догадалися, въ Боголюбовъ Монастырь бросалися, къ царицѣ Марѳѣ Матвѣевнѣ; а узнавъ отъ нея всю правду, ко красному царскому крылечику металися и тутъ въ Москвѣ взбунтовалися; злая жена Разстриги, Маринка безбожница сорокою обернулась и изъ палатъ вонъ вылетѣла; а Разстрига догадается, на копья стрѣлецкія съ крыльца бросается — и тутъ ему такова смерть случилась.»

Но слѣдующая пѣсня о «Борисѣ Шереметевѣ», достойномъ сподвижникѣ Петра-Великаго, лицѣ нисколько не миѳическомъ, вполнѣ историческомъ и современномъ пѣснѣ,—лучше всего обнаруживаетъ историческую субстанціальность нашихъ историческихъ пѣсень. Шереметевъ, подходя съ войсками къ сильнему городу Орѣшку, послалъ въ объѣздъ донскихъ и яицкихъ казаковъ—снять шведскіе караулы. Они полонили майора и привели его къ самому государю; златá труба въ полѣ протрубила, прогласилъ государь, слово молвилъ, государь московскій — первый императоръ: «А и гой еси, Борисъ, сынъ Петровичъ! изволь ты майора допросити тихонько, по-малешеньку а сколько-де силы въ Орѣшкѣ у вашего короля шведскаго?» Майоръ наговорилъ силы несмѣтное множество; тогда императоръ велѣлъ Шереметеву морить его голодомъ. А втапоры Борисъ Петровичъ Шереметевъ *на то-то больно догадливъ*: и двое-де сутки майора не кормили, въ третьи винца ему подносили; втапоры майоръ правду сказалъ: «всѣхъ съ королемъ нашимъ и генераломъ силы семь тысячей, а болѣ того нѣту». И тутъ государь взвеселился — велѣлъ ему майору голову отляпать.»

И вотъ кáкъ народная фантазія поняла великаго преобразователя Руси!.. Какого же историческаго содержанія, какой исторической жизни можно требовать отъ русскихъ народныхъ пѣсень, относящихся къ эпохѣ Петра-Великаго!.. Не такова историческая поэзія Малороссіи. Исторія ея не принадлежитъ къ исторіи всеміpно-человѣческой; кругъ ея тѣсенъ, политическое и государственное значеніе ея—то же, чтó въ искусствѣ гротескъ; но не смотря на все это, Малороссія была органически-политическимъ тѣломъ, гдѣ всякая отдѣльная личность сознавала себя, жила и дышала въ стихіи своего общественнаго существованія, и потому знала хорошо дѣла своей родины, столь близкія къ ея сердцу и душѣ. Народная поэзія Малороссіи была вѣрнымъ зеркаломъ ея исторической

жизни. И какъ много поэзіи въ этой поэзіи! Вотъ на выдержку одна пѣсня, которую выписываемъ изъ сборника г. Максимовича, для лучшаго уразумѣнія, въ русскомъ прозаическомъ переводѣ, сдѣланномъ самимъ собирателемъ:

«Вотъ пошли козаки на четыре поля — что на четыре поля, а на пятое па подолье. Что однимъ полемъ, то пошелъ *Самко Мушкетъ;* а за паномъ хорунжимъ мало-мало не три тысячи, все храбрые товарищи Запорожцы—на коняхъ гарцуютъ, саблями поблескиваютъ, бьютъ въ бубны, Богу молитвы возсылаютъ, кресты полагаютъ.

«А Самко Мушкетъ—онъ на конѣ не гарцуетъ, коня сдерживаетъ, къ себѣ притягиваетъ,—думаетъ, гадаетъ .. Да чтобъ сто чертей бѣдою пришибли его думу, гаданье! Самко Мушкетъ думаетъ, гадаетъ, говоритъ словами:

«А что, какъ наше козачество, словно въ аду, Ляхи спалятъ? да изъ нашихъ козацкихъ костей пиръ себѣ на похмѣлье сварятъ?..

«А что, какъ наши головы козацкія молодецкія по степи полю полягутъ, да еще в родною кровью омоются, пощепанными саблями покроются?., *Пропадетъ, какъ порохъ изъ дула, та казацкая слава, что по всему свѣту дыбомъ стала,— что по всему свѣту степью разлеглась, протянулась, — да по всему свѣту шумомъ лѣсовъ раздалась, — Туреччинѣ да Татарщинѣ добрымъ лихомъ знать далась, — да и Ляхамъ ворогамъ на копье отдалась?..*

«Закрячетъ воронъ степью летучи,
Заплачетъ кукушка лѣсомъ скачучи,
Закуркуютъ сизые кречеты,
Задумаются сизые орлы —
И все, все по своихъ братьяхъ,
По буйныхъ товарищахъ козакахъ!»

«Или ихъ сугрубомъ занесло, или въ аду потопило: что не видно чубатыхъ—ни по степямъ, ни по лугамъ, ни по татарскимъ землямъ, ни по чернымъ морямъ, ни по ляшскимъ полямъ?..

«Закрячетъ воронъ, загруетъ, зашумитъ, да ,и полетитъ въ чужую землю... Анъ нѣтъ! кости лежатъ, сабли торчатъ, кости хрустятъ, пощепанныя сабли бренчатъ...

«А черная, сивая сорока осталалась и скачетъ... А головы козацкія — словно Швецъ-Семелъ шкуру потерялъ! А чубы— словно чортъ жгуты повилъ; въ крови всѣ посохли: то-то и славы набрались!»

Это диѳирамбъ исторической поэзіи, это паѳосъ патріотическаго сознанія! Что передъ однимъ этимъ отрывкомъ скудный сборникъ всѣхъ русскихъ историческихъ пѣсень!..

Донскія казачьи пѣсни можно причислить къ циклу историческихъ, — и онѣ въ-самомъ-дѣлѣ болѣе заслуживаютъ названіе историческихъ, чѣмъ собственно такъ-называемыя историческія русскія народныя пѣсни. Въ нихъ весь бытъ и вся исторія этой военной общины, гдѣ русская удаль, отвага, молодечество и разгулье нашли себѣ гнѣздо широкое и привольное. Онѣ и числомъ несравненно больше историческихъ пѣсень; въ нихъ и исторической дѣйствительности больше, въ нихъ и поэзія размашистѣе и удалѣе. Взглянемъ бѣгло на тѣ только, героемъ которыхъ является Ермакъ.

На Бузанѣ-островѣ сидѣли атаманы и есаулы—Ермакъ Тимоѳеевичъ, Самбуръ Андреевичъ, Аноѳрій Степановичъ; они думушку думали крѣпкую про дѣло ратное, про добычу казацкую. Есаулъ кричитъ голосомъ во всю буйну голову: «А и вы, гой еси, братцы, атаманы казачіе! *У насъ кто на морѣ не бывалъ, морской волны не видалъ,—не видалъ дѣла ратнаго, человѣка кроваваго, отъ желанья тѣ Богу не маливалесь;* оставьтесь таковы молодцы на Бузанѣ-островѣ». И садилися молодцы во свои струги легкіе, они грянули молодцы внизъ по матушкѣ Волгѣ-рѣкѣ, по протокѣ по Ахтубѣ.

Какая широкая и размашистая поэзія, сколько въ ней силы и простору

душевнаго! Но дальнѣйшее содержаніе этой пѣсни мы разскажемъ своею прозою... Молодцамъ нашимъ повстрѣчались двѣнадцать турецкихъ кораблей — они взяли ихъ въ плѣнъ, а съ ними и душу красну-дѣвицу, молоду Урзамовну, дочь мурзы турецкаго. Потомъ они повстрѣчались съ посломъ царскимъ, Семеномъ Константиновичемъ, возвращавшимся изъ Персіи съ своими солдатами и матросами. *Казаки были пьяные, а солдаты не со всѣмъ умомъ*, попущалися на нихъ дратися ради корысти своея. Не разобравъ дѣла, посолъ выслалъ на казаковъ сто человѣкъ изъ своей свиты: Ермакъ велѣлъ своимъ бить ихъ и бросать въ Волгу. Казаки перебили всю посольскую свиту и самого посла, а всѣ животы пограбили; пріѣхали въ Астрахань, назвались купцами, заплатили пошлины и пошли торговать безъ запрещенія. Тѣмъ старина и кончилась — въ первой пѣснѣ.

Но во второй мы видимъ результаты этой старины: во славномъ понизовомъ городѣ Астрахани, противъ пристани матки-Волги-рѣки, наши молодцы снова сходилися думать думушку крѣпкую. Ермакъ Тимоѳеевичъ говорилъ: «А и вы гой еси, братцы, атаманы молодцы! не корыстна у насъ шутка зашучена; убили мы посла персидскаго и всѣмъ животомъ его покорыстовалися: и какъ намъ на то будетъ отвѣтствовать? Въ Астрахани жить нельзя; на Волгѣ жить — ворами слыть; на Якъ идти — переходъ великъ; въ Казань идти — грозенъ царь стоитъ, грозенъ царь осударь Иванъ Васильевичъ; въ Москву идти — перехваченнымъ быть, по разнымъ городамъ разосланнымъ и по темнымъ тюрьмамъ разсаженнымъ; пойдемте мы въ усолья во Строгоновыя, ко тому Григорью Григорьевичу, ко тѣмъ господамъ ко Вороновымъ — возьмемъ мы много свинцу, пороху и запасу хлѣбнаго». Дальнѣйшее содержаніе пѣсни состоитъ въ разсказѣ, какъ молодцы пошли въ Сибирь, добрались до Тагиль-рѣки, до горы Магницкой, зимовали, настроили коломенокъ, надѣлали соломенныхъ людей и, добравшись до Тоболя, обманули ими Татаръ и выиграли великую битву; какъ Ермакъ Тимоѳеевичъ взялъ въ полонъ Кучума царя татарскаго; какъ Ермакъ, пошивши казакамъ шубы и шапки соболиныя, пріѣхалъ въ Москву съ повинной головою къ грозному царю Ивану Васильевичу; какъ государь прощалъ Ермаку всѣ вины его, и снова посылалъ его въ Сибирь — брать съ Татаръ дани, выходы въ казну государеву; какъ Татары взбунтовались противъ Ермака и напали на него на Енисеѣ, когда у него было казаковъ только на двухъ коломенкахъ; и какъ въ битвѣ погибъ храбрый и удалый завоеватель Сибири. «Онъ хотѣлъ перескочити на другую свою коломенку — и ступилъ на переходню обманчивую, правою ногою поскользнулся онъ — и та переходня съ конца верхняго подымалася и на него опущалася, расшибла ему буйну голову и бросила его въ тое Енисей быстру рѣку: *тутъ Ермаку таковa смерть случилась*.

Исключая поѣздки Ермака въ Москву, на мѣсто есаула его Кольца, все остальное довольно правдоподобно для русской народной исторической пѣсни. Впрочемъ, историческая вѣрность — качество почти чуждое историческимъ русскимъ пѣснямъ. Причина очевидна: такъ-какъ всѣ явленія исторической жизни старой Руси возникали какъ-бы случайно, всякое само-по-себѣ, и не имѣли корня въ политическомъ устройствѣ государства, — то и казались народу сказочными явленіями.

Отъ-того всякое историческое лицо для народа казалось миѳомъ, и онъ дѣлалъ изъ его жизни сказку. Такъ, въ одной казацкой пѣснѣ, Ермакъ сидитъ въ Азовѣ въ тюрьмѣ, мимо которой случилось пройдти турецкому царю Солтану Солтановичу (Ермакъ, видите, былъ посланъ къ султану изъ Москвы съ подарками, а мурзы, улановья ограбили его, да и посадили въ темницу). Султанъ, одаривъ его златомъ, серебромъ, съ честью отпускаетъ въ Москву; но донской казакъ «загулялся по матушкѣ-Волгѣ-рѣкѣ, не явился въ каменну Москву».

Солдатскія пѣсни образуютъ собою особый циклъ народной поэзіи. По формѣ своей, онѣ ничѣмъ не отличаются отъ другихъ русскихъ пѣсень; но содержаніе ихъ оригинально по русско-простонародному разумѣнію европейскихъ вещей, и по смѣси чисто-русскихъ выраженій съ терминами и словами изъ сферы регулярно-военнаго быта. Недостатокъ мѣста не позволяетъ намъ распространиться о солдатскихъ пѣсняхъ, а потому ограничимся только выпискою одной изъ нихъ, которая показываетъ, что великій преобразователь Россіи прежде всѣхъ другихъ своихъ подданныхъ встрѣтилъ къ себѣ сочувствіе въ храбрыхъ солдатахъ созданнаго имъ войска:

Ахъ, ты батюшка свѣтелъ мѣсяцъ!
Что ты свѣтишь не по-старому,
Не по-старому и не по-прежнему?
Что со вечера не до полуночи,
Со полуночи не до бѣла свѣта;
Все ты прячешься за облака,
Укрываешься тучей темною.
Что у насъ было, на святой Руси,
Въ Петербургѣ, въ славномъ городѣ,
Во соборѣ Петропавловскомъ,
Что у праваго у клироса,
У гробницы государевой,
У гробницы Петра-Перваго,
Петра-Перваго, Великаго,
Молодой сержантъ Богу молится,
Сама она плачетъ, какъ рѣка льется,
По кончинѣ вскорѣ государевой,
Государя Петра-Перваго;
Въ возрыданьи слово вымолвилъ:
«Разступись ты, мать сыра земля,
«Что на всѣ ли на четыре стороны!
«Ты раскройся, гробова доска,
«Развернися, золота парча!
«И ты встань, пробудись, Государь,
«Пробудись, батюшка, православный царь!
«Погляди ты на свое войско милое,
«Что на милое и на храброе:
«Безъ тебя мы осиротѣли,
«Осиротѣвъ, обезсилѣли!»

Такъ-называемыя «удалыя» пѣсни должны слѣдовать непосредственно за казацкими: что́ такое были казаки, какъ не удальцы, промышлявшіе на Волгѣ чѣмъ Богъ послалъ; и что́ такое были удальцы, какъ не казаки, только неимѣвшіе опредѣленнаго мѣста для жительства? Существованіе «удальцовъ» не было улегитимировано правительственною властью, но было улегитимировано общественнымъ мнѣніемъ, — и потому въ одной пѣснѣ они сами про себя говорятъ:

Мы не воры, — мы разбойнички:
Атамановы мы работнички.

Въ подобныхъ явленіяхъ нѣтъ ничего унизительнаго для національной чести, ибо въ нихъ виновато было неустройство и шаткость общественнаго зданія, а совсѣмъ не національный духъ. Италія и Испанія — классическія страны разбойниковъ: тамъ эти господа еще недавно разгуливали на улицахъ столичныхъ городовъ, середи бѣла дня, и ихъ боялись многіе, но никто не презиралъ; съ массою народа они всегда были даже въ большихъ ладахъ. Теперь этого уже нѣтъ: нація все та же, да порядокъ въ обществѣ другой — вотъ и все. Теперь можно изъѣздить и исходить святую Русь вдоль и поперекъ съ туго-набитымъ бумажникомъ: мо-

жетъ-быть, васъ обокрадутъ, но уже не ограбятъ и не зарѣжутъ. А прежде было не такъ, особенно до эпохи Петра-Великаго. Стѣсненность и ограниченность условій общественной жизни, заставляла людей, преимущественно съ сильными натурами, искать какого бы то ни было выхода изъ тѣсноты и духоты на просторъ и приволье души. Низовыя страны особенно степи, прилегающія къ Волгѣ и Дону, давали полную возможность для подвиговъ удальства и молодечества. И наши удальцы того времени никогда не были ни казаками, ни разбойниками, а всегда тѣмъ и другимъ вмѣстѣ: они били басурмановъ, оберегали границы, и иногда, при стѣсненныхъ обстоятельствахъ, грабили кого ни попало. Подвиги этихъ витязей такого рода никогда не были запечатлѣны ни звѣрствомъ, ни жестокостію: они были удальцы и молодцы, а не злодѣи. Конечно, они не отличались и идеальнымъ рыцарствомъ; но можно ли было требовать рыцарства въ тѣ варварскія времена, когда и войны походили на разбой, когда само правосудіе было свирѣпо и кровожадно? Повторяемъ: наши удальцы не были покрайней-мѣрѣ хуже всѣхъ другихъ этого рода людей, если не были лучше ихъ.

Въ поэмахъ о Ермакѣ, читатели могутъ сами видѣть справедливость всего сказаннаго нами объ удалыхъ казакахъ. Теперь взглянемъ на удальцовъ-собственно, въ глазахъ которыхъ удаль и успѣхъ извиняли всякое дѣло. Здѣсь опять господствующій элементъ — удальство и молодечество, а сверхъ того и ироническая веселость, какъ одна изъ характеристическихъ чертъ народа русскаго. Слѣдующій отрывокъ изъ большой пѣсни можетъ служить лучшимъ примѣромъ такого рода сочиненій:

«Ахъ, доселева Усовъ и слыхомъ не слыхать, а слыхомъ ихъ не слыхать, видомъ не видать; а нонѣче Усы проявились на Руси. Собиралися Усы на царевъ на кабакъ, а садилися молодцы во единый кругъ: Большой Усище имъ всѣмъ атаманъ, а Гришка Мурышка, дворянскій сынъ, самъ говоритъ, самъ усомъ шевелитъ: «А братцы Усы, удалы молодцы! А и лѣто проходитъ, зима настаетъ, а и надо чѣмъ Усамъ голова кормить, на полатяхъ спать и намъ сытымъ быть. Ахъ, пойдете-ко, Усы, за свои промыслы! А мечитеся по кузницамъ, накуйте топоры со подбородышами, а накуйте ножей по три четверти, а и сдѣлайте бердыши и рогатины и готовьтесь всѣ; ахъ, знаю я крестьянина — богатъ добрѣ, живетъ на высокой на горѣ, далеко въ сторонѣ, *хлѣба онъ не пашетъ, да рожь продаетъ, онъ деньги беретъ да въ кубышку кладетъ, онъ пива не варитъ и сосѣдей не поитъ, а прохожихъ-то людей ночевать не пущаетъ, а прямыя дороги не сказываетъ.* Ахъ, надо-де къ крестьянину умѣючи идти: а и по полю идти — не посвистывати, а и по бору идти — не покашливати, ко двору его идти — не пошаркивати. Ахъ, у крестьянина-то въ домѣ борзые кобели, и ограда крѣпка, избушка заперта, у крестьянина ворота крѣпко заперты.»

Теперь намъ слѣдовало бы перейдти къ собственно-лирической поэзіи; но это потребовало бы особой статьи, и мы ограничимся только тѣми пѣснями, которыя особенно характеризуютъ духъ народный; а для этого мы должны говорить и о пѣсняхъ эпическаго содержанія, въ которыхъ преобладающій элементъ — лирическій, и которыя могутъ служить зеркаломъ семейнаго быта древней Руси. Какъ отличительный характеръ эпической поэзіи—духъ удальства, отваги, молодечества, такъ отличительный характеръ лирической поэзіи — заунывность, тоска и грусть души сильной и мощной. Климатъ и географическое положеніе страны имѣютъ сильное вліяніе на образованіе характера націи. Ровное, степное положеніе Россіи, этотъ климатъ средниный, ни южный, ни сѣверный, ни жар-

кій, ни холодный; этотъ годъ, состоящій изъ краткаго лѣта, длинной осени и длинной зимы,—все это не могло не способствовать развитію въ русскомъ народѣ чувства безконечной и глубокой грусти, какъ основнаго мотива его поэзіи и музыки. Не забудьте, что колыбелью настоящей, коренной Руси были Новгородъ, Владиміръ, Рязань, Москва и Тверь, гдѣ небо такъ часто бываетъ свинцово и мелкій дождь однообразно падаетъ на скользкую траву и уличную слякоть... А продолжительная русская зима, съ ея трескучими морозами и усѣяннымъ звѣздами небомъ, съ пушистыми мятелями, залепляющими очи путника, и ея заунывнымъ вѣтромъ, свободно гуляющимъ по необозримой снѣжной равнинѣ, которой унылое однообразіе изрѣдка нарушается то печально-зеленѣющеюся ёлкою, то нагимъ лѣсомъ съ бѣловатыми отъ инея сучьями!.. Вотъ скачетъ удалая тройка; борода лихаго возничаго покрыта пушистымъ инеемъ; путникъ глубоко забился въ кибитку въ своей тяжелой шубѣ; колокольчикъ нарываетъ ему сердце своимъ утомительнымъ звономъ; ямщикъ даетъ вздохнуть *родимымъ*—медленно идутъ онѣ; онъ затягиваетъ заунывную пѣсню; впереди ничего — только безконечная снѣжная скатерть сливается вдали съ свинцовымъ небомъ... Да, тутъ необходима заунывая, протяжная пѣсня ямщика—душа упивается полнотою собственной грусти, ей такъ привольно въ однообразной мелодіи этихъ задушевныхъ звуковъ:

Что-то слышится родное
Въ долгихъ пѣсняхъ ямщика:
То разгулье удалое,
То сердечная тоска...

Но географія (положеніе и климатъ) и исторія страны еще ничто въ - сравненіи съ семейнымъ бытомъ древней Руси, о которомъ мы теперь, сравнивая его съ нашимъ, современнымъ, поневолѣ говоримъ, какъ о чемъ-то такомъ, что трудно понять, чему трудно повѣрить. Семейный бытъ—первый и непосредственный источникъ народной поэзіи. Русская народная эпическая поэзія какъ-будто совсѣмъ не приняла въ себя элемента сердечной тоски и душевный грусти, составляющей основной элементъ лирической поэзіи. И это понятно: русская эпическая поэзія какъ-будто совсѣмъ обошла и миновала семейный бытъ, посвятивъ себя преимущественно идеѣ своей народности въ общественномъ значеніи. И потому въ эпической поэзіи чувство отваги, удальства и молодечества составляетъ главный преобладающій мотивъ. Лирическая поэзія, напротивъ, вся посвящена семейному быту, вся выходитъ изъ него, — и потому она такъ грустна, такъ заунывна, нерѣдко дышетъ такимъ сокрушительнымъ чувствомъ отчаянія и ожесточенія... Здѣсь кстати мы должны замѣтить, что грусть русской души имѣетъ особенный характеръ: русскій человѣкъ не расплывается въ грусти, не падаетъ подъ ея томительнымъ бременемъ, но упивается ея муками съ полнымъ сосредоточеніемъ всѣхъ духовныхъ силъ своихъ. Грусть у него не мѣшаетъ ни ироніи, ни сарказму, ни буйному веселію, ни разгулу молодечества: это грусть души крѣпкой, мощной, несокрушимой. Все что могло бы обезсилить и уничтожить всякій другой народъ, все это только закалило русскій народъ,—и то, что сказалъ Пушкинъ о Россіи въ-отношеніи къ ея борьбѣ съ Карломъ XII, можно примѣнить къ Руси въ-отношеніи ко всей ея исторіи:

Но въ искушеньяхъ долгой кары
Перетерпѣвъ судебъ удары,
Окрѣпла Русь. Такъ тяжкій млатъ,
Дробя стекло, куетъ булатъ.

Значительную часть семейныхъ пѣсенъ составляютъ такъ-называемыя «свадебныя» пѣсни. Ихъ можно раздѣлить на два рода — на веселыя и печальныя. Въ первыхъ воспѣвается счастіе обрученныхъ и особенно обрученной. Слѣдующая пѣсня можетъ служить образцомъ веселыхъ свадебныхъ пѣсенъ:

Съ ранней, утренней зари
Стояли кони на дворѣ.
Никто про тѣхъ коней не знаетъ,
Никто про тѣхъ коней не вѣдаетъ;
Одна знала, спознала Машенька,
Машенька свѣтъ Ефимовна.
Брала коней за поводы,
Ставила коней во стойла,
Сыпала сахаръ вмѣсто овса,
Лила сыту вмѣсто воды,
Отошедши, конямъ кланялась:
Ужь вы кушайте, пейте, кони мои!
Завтра поутру свезите меня
Далѣ, подалѣ отъ батюшки,
Ближе, поближе къ свекру въ домъ:
Далѣ, подалѣ отъ матушки,
Ближе, поближе къ свекрови въ домъ.

Но въ пѣсняхъ такого рода личное чувство невѣстъ не принимало никакого участія: онѣ слагались явно безъ ихъ согласія, да и число ихъ слишкомъ невелико. Свадебныя печальныя пѣсни гораздо многочисленнѣе и болѣе исполнены поэзіи. Всѣ онѣ выражаютъ одно чувство—страхъ невѣсты къ будущему, безусловному властителю ея участи, ужасъ при мысли о свекрѣ и свекрови, горесть отъ разлуки съ домомъ отца и матери.

Свѣтелъ мѣсяцъ, родимый батюшка!
Красно солнышко, родима матушка!
Не бейте вы полу о полу,
Не хлопайте вы пирогъ о пирогъ,
Не пробивайте вы меня бѣдную,
Не давайте вы меня горькую,
На чужду дальню сторонушку,
Ко чужому отцу, ко чужой матери.
Какъ чужіе-то отецъ съ матерью
Безжалостливы уродилися:
Безъ огня у нихъ сердце разгорается,
Безъ соломы у нихъ гнѣвъ раскипается;
Наемжусь-то я, у нихъ, бѣдная,
На концѣ стола дубоваго,
Нагляжусь-то я, наплачуся.

И все пѣсни, въ которыхъ изображается картина зловѣщихъ предчувствій... И ни единой, ни единой, гдѣ бы жена не была жертвою насильственнаго брака, жестокости мужа и родни его...

Калинушку съ малинушкой вода понила:
На ту пору матушка меня родила;
Не собравшись съ разумомъ, замужъ отдала,
На чужедальнюю сторонушку.
Чужая сторонушка безъ вѣтру сушитъ;
Чужой отецъ съ матерью безвинно крушитъ:
Не буду я къ матушкѣ ровно три годка,
На четвертый къ матушкѣ пташкой полечу,
Горемышной пташечкою, кукушечкой.
Сяду я у матушки въ зеленомъ саду,
Своимъ кукованьемъ весь садъ изсушу,
Слезами горючими весь садъ потоплю,
Родимую матушку сердцемъ надорву.
Матушка по сѣничкамъ похаживаетъ,
Невѣстушекъ-ластушекъ побуживаетъ:
Вы встаньте, невѣстушки, голубки мои!
Что у насъ за пташка въ зеленомъ саду?
Большая невѣстушка велитъ застрѣлить,
Меньшая невѣстушка проситъ погодить;
Родная сестрица, заливишись слезами,
Молвила: не наша ль горюша сюда
Прилетѣла пташкой съ чужой стороны?

—

Ни въ умѣ было, ни въ разумѣ,
Въ помышленьѣ того не было,
Чтобъ красной дѣвицѣ замужъ идти.
Соизволилъ такъ сударь батюшка,

Похотѣла такъ моя матушка
Ради ближнева перепутьица:
И я въ торгъ пойду, побывать зайду,
Изъ торгу пойду, ночевать зайду.
Я спрошу у своей дитятки:
Каково жить въ чужихъ людяхъ? —
Государыня моя матушка!
Отдавши въ люди, стала спрашивать:
Во чужихъ людяхъ жить умѣючи,
Держать голову поклонную,
Ретиво сердце покорное.
Ахъ, вечоръ меня больно свекоръ билъ,
А свекровь ходя похваляется:
Хорошо учить чужихъ дѣтей,
Нерожденныхъ, нехоженыхъ,
Невспоеныхъ и невскормленыхъ.

—

Выдала меня матушка далече замужъ,
Хотѣла матушка часто ѣзжати,
Часто ѣзжати, подолгу гостити.
Лѣто проходитъ, матушки нѣту;
Другое проходитъ, сударыни нѣту;
Третье въ доходѣ, матушка ѣдетъ.
Ужь меня матушка не узнаваетъ:
Что это за баба? что за старуха?
Я вить не баба, я не старуха,
Я твое, матушка, милое чадо.
Гдѣ твое дѣвалося бѣлое тѣло?
Гдѣ твой дѣвался алый румянецъ?
Бѣлое тѣло на шелковой плеткѣ,
Алый румянецъ на правой на ручкѣ:
Плеткой ударитъ—тѣла убавитъ,
Въ щеку ударитъ—румянцу не станетъ.

Смѣшно было бы доказывать, что и въ старину у русскихъ людей любовь составляла одинъ изъ элементовъ жизни: любовь достояніе общечеловѣческое, и сердце дикаря сибирскаго такъ же бьется отъ нея, какъ и сердце образованнаго Европейца. Разница въ проявленіи и развитіи чувства, а не въ самомъ чувствѣ. Въ отношеніи же къ обществамъ, важно то, какъ смотритъ на чувство общество. Съ этой стороны, древняя Русь представляетъ зрѣлище не совсѣмъ отрадное: чѣмъ богаче народъ чувствомъ, тѣмъ ужаснѣе видѣть это чувство сдавленнымъ неправильно-развившеюся общественностію. А что любовь на Руси могла быть не только поэтическою, но даже и граціозно-поэтическою, тому доказательствомъ можетъ служить слѣдующая прелестная пѣсня:

На горѣ стоитъ ёлочка,
Подъ горою свѣтёлочка,
Во свѣтёлочкѣ Машенька.
Приходилъ къ ней батюшка,
Будилъ ее, побуживалъ:
Ты, Машенька, пойдемъ домой!
Ты, Ефимовна, пойдемъ домой!
Я не йду и не слушаю:
Ночь темна и немѣсячна,
Рѣки быстры, перевозовъ нѣтъ,
Лѣса темны, карауловъ нѣтъ.
На горѣ стоитъ ёлочка,
Подъ горою свѣтёлочка,
Во свѣтёлочкѣ Машенька.
Приходила къ ней матушка,
Будила, побуживала:
Машенька, пойдемъ домой!
Ефимовна, пойдемъ домой!
Я не йду и не слушаю:
Ночь темна и немѣсячна,
Рѣки быстры, перевозовъ нѣтъ,
Лѣса темны, карауловъ нѣтъ.
На горѣ стоитъ ёлочка,
Подъ горою свѣтёлочка,
Во свѣтёлочкѣ Машенька.
Приходитъ къ ней Петръ,
Петръ, сударь Петровичъ,
Будилъ ее, побуживалъ:
Машенька, пойдемъ домой!
Душа Ефимовна, пойдемъ домой!
Я иду, сударь, и слушаю:
Ночь свѣтла и мѣсячна,
Рѣки тихи, перевозы есть,
Лѣса темны, караулы есть.

Но это, къ-сожалѣнію, чуть-ли не единственная пѣсня во всемъ сборникѣ г. Сахарова. Если и еще найдутся подобныя, то число ихъ слишкомъ незначительно въ-сравненіи съ числомъ пѣсень, подобныхъ слѣдующимъ: Молодецъ —

. . . . . держалъ красну дѣвицу за бѣлы ручки
И за хороши за перстни злаченные,
Целовалъ, миловалъ, ко сердцу прижималъ,
Называлъ красну дѣвицу животомъ своимъ.
И проговоритъ дѣвица душа красная:
«Ты надежда мой, надежда сердечный другъ!
А не честь твоя, хвала молодецкая,
Безъ числа больно надежда упиваешься,
А и ты мной красной дѣвицей похваляешься.
А и ты будто надо мной все насмѣхаешься.»
Ему туто молодцу за бѣду стало,
Какъ онъ бьетъ красну дѣвицу по бѣлу ея лицу:
Онъ расшибъ у дѣвицы лицо бѣлое,
Проливалъ у дѣвицы кровь горючую,
Замаралъ на дѣвицѣ платье цвѣтное.

Противорѣчіе общественности съ разумными потребностями и стремленіями человѣческой натуры становитъ общество въ трагическое положеніе. Въ нашей народной поэзіи бездна трагическихъ элементовъ, свидѣтельствующихъ о глубинѣ и страшной силѣ русскаго духа, который, попавшись въ противорѣчіе, мстилъ и себѣ самому и всему окружающему. Вотъ нѣсколько примѣровъ для подтвержденія этой мысли:

Хорошо тому на свѣтѣ жить,
У кого нѣтъ стыда въ глазахъ,
Нѣтъ стыда въ глазахъ, ни совѣсти!
Нѣтъ у молодца заботушки,
Въ ретивомъ сердцѣ зазнобушки!
Зазнобилъ меня любезный другъ,
Зазнобилъ, сердце повысушилъ;
Безъ краснова солнца высушилъ,
Безъ морозу сердце вызнобилъ.
Я сама дружка повысушу,
Не зельями, не кореньями,
Безъ морозу сердце вызноблю,
Безъ краснова солнца высушу!
Схороню тебя, мой миленькій,
Въ зеленомъ саду подъ грушею:
Я сама сяду, послушаю:
Не стонетъ ли мать сыра земля,
Не вскрывается ль гробова доска,
Не встаетъ ли мой сердечный другъ?
Зарости, моя могилушка,
Ты травушкой, муравушкой!
Не достанься, мой любезный другъ,
Ни дѣвушкамъ, ни молодушкамъ,
Ни своей змѣѣ-полюбовницѣ!
Ты достанься, мой любезный другъ,
Сырой землѣ, гробовой доскѣ.

—

Во сыромъ-то бору брала Маша ягодки:
Она, бравши ягодки, заблудилася.
Заблудившись, пріаукнулась:
«Ты, ау, ау! милъ сердечный другъ!»
— Не аукайся, моя Машенька:
За мной ходятъ здѣсь три сторожа —
Первый сторожъ, тесть мой батюшка;
Другой сторожъ—теща матушка;
Третій сторожъ—молода жена.
Ты взойди-ка, взойди, туча грозная!
Ты убей-ко громомъ тестя-батюшку,
Молоньей ты сожги тещу-матушку;
Лишь не бей ты, не жги молодой жены:
Съ молодой женой самъ я справлюся:
Я слезьми ее, слезьми вымочу,
Я кручинушкой жену высушу,
Во сыру землю положу ее;
А тебя, Машенька, за себя возьму.

—

Какъ сватался Димитрій князь.
Какъ сватался сынъ Васильевичъ,
Что на Домнѣ на Домнушкѣ,
На Домнѣ Фалелѣевнѣ.
По три года, по три мѣсяца,
По три утра, по три вечера
Отъ воротъ не отъѣзжаючи;
Зазвонили къ заутрени,
Что къ честной воскресенскія;
Тутъ поѣхалъ Димитрій князь,
Поѣхалъ сынъ Васильевичъ,
Что къ той ко заутрени,
Ко честной воскресенскія.
Кидалася Домнушка,
Домна Фалелѣевна,
Въ косящето окошечко,
Что по плечъ буйну голову.
«Ужь вы нянюшки, мамушки.

«Вы идите скоро ко мнѣ,
«Посмотрите на улицу:
«Еще этотъ ли Димитрій князь?
«Еще этотъ ли сынъ Васильевичъ?
«Ахъ, ножища-то, что вилища!
«Ручища-то, что граблища!
«Головище, что пивной котелъ!
«Глазища-то, что ямища!
«Губища-то, что палчища!»

Какъ приходитъ Димитрій князь,
Какъ приходитъ сынъ Васильевичъ,
Отъ Божьей отъ заутрени,
Отъ честной воскресенскія,
Говоритъ сестрицѣ родимыя,
Настасьѣ Васильевнѣ:
«Ты, сестрица родимая,
«Настасья Васильевна!
«Собери ты честной пиръ, —
«Не князьямъ, не боярамъ,
«Не княгинямъ, не боярынямъ:
«А для Домны, для Домнушки,
«Для Домны Фалелѣевны!
«Скажи, что Димитрій князь
«Со князьями, со боярами
«Забавляется охотою».

(Мать уговорила Домну не ходить къ Настасьѣ: она видѣла дурной сонъ; Домна не послушалась; на дорогѣ отговаривали ее двое калеки перехожіе — Домна опять не послушалась).

Приходила Домнушка,
Свѣтъ Домна Фалелѣевна,
Къ широку двору Настасьину:
Встрѣчали тутъ Домнушку,
Домну Фалелѣевну
Все князи и бояра,
Княгини и боярыни.
Приходила Домнушка,
Домна Фалелѣевна,
Приходила къ новымъ сѣнямъ:
Ее на сѣничкахъ встрѣтила
Ея вѣрная подруженька,
Настасья Васильевна.
Говоритъ ей таковы рѣчи:
«Приходи ты, горделивая!
Приходи-ка, ломливая!
Приходи, высокородная!..»
И ввела ее въ нову горницу.
Тамъ изъ занавѣски узорчатой
Встрѣчалъ ее самъ Димитрій князь.

Въ то время у Домнушки,
У Домны Фалелѣевны
Ноги рѣзвы подломилися,
Изъ глазъ слезы покатилися.
Что кладетъ она честный крестъ
На свои-то на бѣлы плечи,
И молилась Божьей Матери.
А потомъ въ четыре стороны
Всѣмъ князьямъ и боярамъ
Въ шелковъ поясъ поклонилася.
Тутъ Настасья Васильевна,
Ея вѣрная подруженька,
Ее посадила за дубовый столъ;
Ея братецъ Димитрій князь,
Родимый сынъ Васильевичъ,
Налилъ чару зелена вина,
Подносилъ чару къ Домнушкѣ,
Къ Домнѣ Фалелѣевнѣ.
«Ты пріими-ка, горделивая,
Ты пріими-ка, ломливая,
Эту чару зелена вина, —
Отъ ручищей, что отъ граблищей;
Отъ глазищей, что отъ ямищей,
Отъ главищи, что пивной котелъ.»
Что возговоритъ Домнушка,
Домна Фалелѣевна:
«Ты позволь мнѣ, Димитрій князь,
Ты позволь, сынъ Васильевичъ,
Мнѣ съѣздить во чисто поле,
На могилу къ родну батюшкѣ
Попросить позволенія.
А чтобы я не ушла отъ васъ,
Пошли спереди вожатаго,
А позади провожатаго.»
Пріѣхала-то Домнушка,
Домна Фалелѣевна,
На могилу родна батюшки;
Сходила со добра коня,
Становилась на сыру землю,
И втыкала во могилушку
Что два ножичка булатные;
И сказала таковы слова:
«Не достанься ты, тѣло бѣлое,
«Что не суки-то борзыя!
«Не змѣи заозерскія!
«Что не кобелю борзому».

—

Много бы можно было сказать о лирической поэзіи, много бы можно было привести примѣровъ; но для основательнаго и сосредоточеннаго обсуживанія такого обширнаго предмета нуж-

на не журнальная статья, а отдѣльный трактатъ — плодъ изученія и обдуманнаго труда. Мы и такъ уже вышли изъ предѣловъ журнальной статьи, увлекшись занимательностію, важностію и обширностію предмета, доселѣ нетронутаго критикою и неизвѣстнаго публикѣ, и принуждены были обо многомъ сказать на-скоро и слегка, а многое и совсѣмъ пропустить: пѣсни хороводныя, святочныя, шуточныя или юмористическія, разгульныя, требовали бы особой статьи. По крайней-мѣрѣ, мы утѣшаемъ себя мыслію, что первые заговорили о предметѣ, о которомъ другіе только восклицали. Въ другое время поговоримъ, можетъ-быть, и объ остальномъ.

VI.

БИБЛІОГРАФИЧЕСКАЯ ХРОНИКА.

I. РУССКАЯ ЛИТЕРАТУРА.

—

Октябрь.

337) **Русская Беседа**, *собраніе сочиненій русскихъ литераторовъ, издаваемое въ пользу* А. Ф. Смирдина. *Томъ I. Санктпетербургъ. 1841. Въ 8-ю д. л. 658 стр.*

Имя Смирдина неразрывно связано съ исторіею русской литературы. Будь у насъ не одинъ, а нѣсколько такихъ книгопродавцевъ, какъ Смирдинъ, современная русская литература не являлась бы въ такомъ жалкомъ состояніи: не было бы этой агоніи, скудости въ хорошихъ книгахъ, не было бы исключительнаго торжества одной посредственности и книжной промышлености, которая только прикрывается громкими фразами безпристрастія и любви къ литературѣ. Въ наше время, деньги — душа всего; безъ нихъ нѣтъ ни поэзіи, ни литературы, ни науки. Это особенно относится къ Россіи, гдѣ охота къ чтенію еще только-что распространяется, вкусъ публики и общественное мнѣніе не установились, и потому хорошія сочиненія не могутъ пріобрѣтать себѣ хода, опираясь лишь на свое собственное достоинство. При такомъ положеніи вещей, понятно, какое огромное вліяніе можетъ имѣть на литературу книгопродавецъ съ средствами, съ усердіемъ къ своему дѣлу, не къ однимъ своимъ барышамъ. Онъ обезпечиваетъ трудъ писателя, издаетъ его книгу и даетъ ей ходъ, тогда-какъ безъ него эта книга, можетъ-быть, никогда не была бы напечатана; а еслибъ автору и удалось какъ-нибудь издать ее, то онъ непремѣнно издалъ бы ее въ убытокъ себѣ, не говоря уже о невознагражденномъ трудѣ и потерянномъ времени, оторванномъ отъ другихъ, болѣе *хлѣбныхъ* занятій. Смирдинъ дѣйствовалъ на поприщѣ книгопродавческомъ рѣшительно «не въ примѣръ» другимъ русскимъ книгопродавцамъ: дѣйствовалъ усердно, безкорыстно и благородно. Ему обязана русская публика изданіемъ нашихъ классическихъ писателей—Карамзина, Державина, Батюшкова, Крылова, Жуковскаго, и многихъ другихъ. Онъ произвелъ рѣшительный переломъ въ цѣнности книжнаго товара: до него книги на Руси были дороже серебра и золота. Благородная страсть къ книгопродавческой дѣятельности, въ европейскомъ значеніи этого слова, послужила во вредъ его личнымъ выгодамъ и поколебала его коммерческое положеніе, обогативъ нѣкоторыхъ литераторовъ или «сочинителей». Онъ пришелъ въ необходимость обратиться съ прось-

бою о поддержкѣ къ той публикѣ, которой онъ служилъ съ такимъ безпримѣрнымъ безкорыстіемъ, съ такою пользою для нея, съ такимъ забвеніемъ собственныхъ личныхъ выгодъ. Впрочемъ, причиною теперешняго стѣсненнаго положенія Смирдина былъ общій кризисъ въ книжной торговлѣ, вдругъ происшедшій въ 1839-мъ году; не менѣе повредила ему, излишняя съ его стороны, исключительная довѣренность къ нѣкоторымъ литературнымъ авторитетамъ, которые не остались въ накладѣ отъ этой довѣренности, но умѣли, какъ слѣдуетъ, воспользоваться ею...

Самый способъ обратиться къ вспомоществованію одолженной имъ публики — дѣлаетъ большую честь Смирдину. Онъ проситъ у публики не пособія, но вниманія къ изданію, которое должно доставить ему выгоды, если разойдется все. Русскіе литераторы сдѣлали свое дѣло: забывъ о всякой парціальности они спѣшатъ соединить въ одной книгѣ свои посильные труды. Теперь публикѣ остается заплатить свой долгъ Смирдину и поддержать славу русскаго общества. И публика вдвойнѣ не останется безъ вознагражденія: съ одной стороны, она поможетъ Смирдину, съ другой — пріобрѣтетъ себѣ четыре тома интересныхъ разсказовъ, статей для пріятнаго чтенія.

Первый томъ «Русской Бесѣды» разнообразенъ и занимателенъ; слѣдующіе будутъ еще интереснѣе. Въ первомъ томѣ помѣщены статьи Державина, Батюшкова, Фан-Дима, И. И. Панаева, Бенедиктова, Жуковой, Кукольника, князя Кропоткина, Бернета, Кульжинскаго, князя Шаховскаго, Каменскаго, Б. М. Ѳедорова, Губера, князя Кугушева, А. Н. Муравьева и Бороздны. Мы не войдемъ здѣсь въ разсмотрѣніе каждой изъ этихъ статей: подобное изданіе не требуетъ критики, хотя и можетъ не бояться неблагосклоннаго отзыва съ ея стороны. Притомъ же, въ глазахъ критики, уважающей приличіе и доброе намѣреніе, всѣ статьи живыхъ литераторовъ должны быть здѣсь равно хороши. И потому, мы замѣтимъ только о двухъ произведеніяхъ писателей уже несуществующихъ лично для современниковъ: объ одѣ Державина «Слѣпой Случай» и «Видѣніи на берегахъ Леты» Батюшкова. Оба они принадлежатъ къ самымъ посредственнымъ произведеніямъ этихъ писателей, и оба гораздо ниже ихъ славныхъ именъ; но Смирдинъ тѣмъ не менѣе заслуживаетъ признательность за сохраненіе этихъ пьесъ для потомства: все, относящееся къ знаменитымъ талантамъ, интересно, — и поэтическая ода «На смерть Мещерскаго», и реторически-прозаическое разсужденіе о «Слѣпомъ Случаѣ», и роскошно-поэтическая «Элегія на развалинахъ замка въ Швеціи», и неудачная попытка въ юмористическомъ родѣ «Видѣніе на берегахъ Леты»: то и другое — равно факты для исторіи русской литературы, хотя и не одинаковаго значенія. Не для похвалы «Русской Бесѣды», а для украшенія нашей рецензіи чѣмъ-нибудь остроумнымъ и забавнымъ выписываемъ здѣсь миленькую и замысловатую басенку почтеннаго ветерана нашей поэзіи и литературы, талантливаго Б. М. Ф(Ѳ)едорова:

КОМАРЪ.

Лошадка возъ везла куда-то на базаръ,
Съ тяжелой кладью возъ: лошадка пріустала,
А на возу сидѣлъ комаръ;
Въ немъ жалость къ лошади припала.
Быть такъ, сказалъ комаръ, тебя я облегчу:
Чтобъ ты подъ бременемъ тяжелымъ не упала,
И съ воза я слечу.
Слетѣлъ комаръ, жужжитъ, летаетъ,
Свою умѣренность и жалость прославляетъ,
И то, какъ былъ тяжелъ,
И то, какъ онъ слетѣлъ.
Пигмейкинъ, — критикъ, тожъ мечтаетъ,
Что тяготя однихъ, другихъ онъ облегчаетъ....
Заносчивъ и хвастливъ!... Комаръ всегда таковъ.

Хоть былъ бы изъ числа — журнальныхъ комаровъ.

Впрочемъ, какъ ни прекрасна эта остроумная басня, но она такъ мала и въ огромной книгѣ «Русской Бесѣды» занимаетъ такой ничтожный клочекъ бумаги, что совсѣмъ не по ней должно судить о достоинствѣ или недостаткахъ перваго тома изданія, предпринятаго съ благородною цѣлію — помочь почтенному Смирдину.

Наружность «Русской Бесѣды» отличается общими достоинствами всѣхъ изданій Смирдина: она не только опрятна и красива, но изящна (*).

338) Шекспиръ. *Съ англійскаго.* Н. Кетчера. *Выпускъ четвертый.* Генрихъ IV *(часть 2-я). Москва. 1841. 363-506 стр.*

Въ предъидущей книжкѣ «Отеч. Записокъ», по поводу третьяго выпуска перевода «Шекспира», г. Кетчера, мы сказали нѣсколько словъ о характерѣ принца Генриха, съ такимъ глубокимъ значеніемъ являющагося въ трехъ пьесахъ Шекспира; теперь мы считаемъ нелишнимъ, для общаго изъясненія всѣхъ историческихъ пьесъ Шекспира, представить читателямъ сужденіе одного русскаго критика, глубоко проникавшаго въ сущность искусства, глубоко изучившаго Шекспира и сказавшаго о немъ много такого, что̀ и въ самой Германіи сдѣлало бы ему громкое имя. Мы говоримъ о покойномъ профессорѣ Харьковскаго Университета, И. Я. Кронебергѣ, который цѣлую жизнь свою изучалъ Шекспира, и оставилъ нѣсколько такихъ характеристикъ драмъ великаго драматурга, которыя, въ свою очередь, заслуживаютъ глубокаго изученія. Вотъ его сужденіе о восьми историческихъ трагедіяхъ Шекспира:

«*Изъ* твореній шекспировыхъ, восемь (Ричардъ II, Генрихъ IV (2 части) Генрихъ V, Генрихъ VI (3 части) и Ричардъ III) исполинскихъ представленій изъ исторіи Англіи составляютъ *одну* величественную трагедію, объемлющую войны алой и бѣлой розы, или борьбу двухъ линій королевскаго дома за корону. Король Эдуардъ III, общій родоначальникъ всего поколѣнія, свирѣпствующаго противъ самого себя, и старшій сынъ его, цвѣтъ британскаго рыцарства, герой всѣхъ героевъ, прославившихся въ англійской исторіи,— такъ называемый Черный-Принцъ, незабвенный подвигами при Пуатье и Кресси, оба уже въ гробѣ, когда драма начинается. Они и ихъ вѣкъ проницаютъ всю трагедію: чѣмъ болѣе несчастные потомки, предоставленные поэтомъ самимъ себѣ, погибаютъ, тѣмъ яснѣе выступаютъ изъ своихъ гробовъ родоначальникъ ихъ и несравненный принцъ, не описываемый Шекспиромъ, но озаряемый воспоминаніемъ цѣлаго королевскаго поколѣнія. До Эдуарда III наслѣдственное право королей англійскихъ сохранялось почти неприкосновеннымъ: Черный-Принцъ палъ въ цвѣтѣ лѣтъ своихъ; поэтому наслѣдовалъ Эдуарду III его внукъ, слабый и недостойный сынъ Чернаго-Принца — король Ричардъ II. Англія привыкла видѣть на престолѣ своемъ королей характера сильнаго; личное достоинство и корона долгое время были неразлучны. Ричардовъ характеръ мало соотвѣтствовалъ престолу и не равнялся съ достоинствомъ предковъ. Эдуардъ III имѣлъ другихъ, лучшихъ внуковъ отъ прочихъ своихъ сыновей; они, чувствуя свои силы, низвергли съ престола слабаго Ричарда, и сіе судьбою допущенное преступленіе влечетъ за собою множество злодѣяній и мерзостей. Англія обагряется королевскою кровію; право короля подвержено сомнѣнію, и каждый членъ знаменитой фамиліи стремится присвоить его себѣ; преступленія умножаются и возрастаютъ, пока изъ этой крови порождается наконецъ чудовище, хромое, безобразное, гнусное, опередившее всѣхъ прочихъ, собирающее на главу свою всѣ проклятія и убійства, — чудовище, паденіемъ котораго судьба опять примиряется съ Англіею: — это король Ричардъ III. Въ очищенномъ блескѣ, подобно юному солнцу, является корона на челѣ Генриха VII, дѣда Елизаветы.

Слабый король Ричардъ II, въ первыхъ

(*) Цѣна за три тома «Русской Бесѣды» 10 рублей серебромъ. Подписка принимается *для петербургскихъ* читателей — въ Конторахъ журналовъ: «Отечественныя Записки», «Библіотека для Чтенія» и «Сѣверная Пчела»; *для иногородныхъ* — въ Газетной Экспедиціи Санктпетербургскаго Почтамта.

двухъ дѣйствіяхъ возбуждаетъ наше негодованіе недостойнымъ своимъ обращеніемъ съ родственниками. Онъ, который не долженъ бы отдѣляться отъ сердца и собственности своего народа, онъ за деньги отдаетъ въ залогъ и народъ и землю, отдаетъ Англію на аренду. Недостойный наказуется: родственникъ его, Боллинброкъ, низвергаетъ его съ престола и занимаетъ оный подъ именемъ Генриха IV.

Съ вырученными за Англію деньгами Ричардъ отправляется въ Ирландію для прекращенія возникшихъ тамъ безпокойствъ: между-тѣмъ вступаетъ въ Англію Боллинброкъ, какъ возмутитель, и общій бунтъ его подкрѣпляетъ. Извѣстіе о семъ пробуждаетъ въ Ричардѣ все чувство его королевскаго права; онъ проникнутъ сознаніемъ, что онъ помазанникъ; каждая капля крови въ немъ взываетъ къ нему: «ты король!» Онъ летитъ въ Англію, цалуетъ, при вступленіи въ нее, землю. «Когда солнце медлило у антиподовъ» говоритъ онъ, «тогда только мятежники и бунтовщики могли дерзать, подъ защитою ночи, нарушить покой Англіи; при восхожденіи онаго на востокѣ, сыны ночи сокроются опять въ свои ущелія». Ричардъ опирается на священное свое право, тѣмъ болѣе одушевляясь невидимою святостію своего назначенія, чѣмъ болѣе его вѣрные отъ него отпадаютъ. Онъ не пользуется земными средствами для защищенія себя; онъ еще ожидаетъ помощи отъ ангеловъ Божіихъ, когда тронъ его уже опрокинутъ, и когда Генрихъ IV (Боллинброкъ) надъ нимъ возвысился.

Когда Генрихъ IV (Боллинброкъ) низвергнулъ короля Ричарда II съ престола въ безумие и могилу, тогда Англія потеряла и невинность рыцарскую. Англія теперь совсѣмъ-другая, совсѣмъ не та, какою была въ то время, когда во всей чистотѣ и непорочности являлась въ священныхъ войнахъ и подъ предводительствомъ Чернаго-Принца на поляхъ Франціи. Недовѣрчивый и молчаливый похититель престола, приближаясь къ старости, скрывается во внутренности своего дворца. Эдуардъ III и Черный-Принцъ, въ дѣяніяхъ своихъ и явленіяхъ истинные цари, могли ежедневно показываться народу во всякомъ видѣ: никто, не могъ забыть священнаго права царской крови и подвиговъ, подкрѣпляющихъ оное. Напротивъ того, похититель престола, Генрихъ IV, разсуждая о разгульной жизни сына своего, наслѣднаго принца (Генриха V), говоритъ, что должно рѣдко показываться, и притомъ съ важностію и торжественностію, должно кокетствовать любовью народною. Это ясно доказываетъ, что невинность короны утрачена, что наружность и виды должны замѣнить дѣянія правосудія. Даже и принцъ валлійскій (Генрихъ V) не совсѣмъ свободенъ отъ сего кокетства. Онъ намѣренъ, говоритъ онъ самъ, обращеніемъ съ развратными людьми и необузданною жизнію возбудить въ народѣ дурное о себѣ мнѣніе и невыгодныя ожиданія, дабы въ-послѣдствіи, при восшествіи на престолъ, всѣхъ изумить и превзойдти всякое ожиданіе. Міръ дѣйствительно въ распаденіи: раскаяніе возсѣло на престолъ въ трагическомъ видѣ, размышляя о путяхъ судьбы, порождая въ себѣ унылыя мысли о недостаточности силъ человѣческихъ, жалуясь на бремя короны, завидуя кратковременному сну матроса въ мачтовой плетушкѣ. Бѣдность, малодушіе и послѣдствія развратной жизни поселились, напротивъ того, въ трактирѣ, въ комическомъ видѣ: своеволіе, беззаконіе, обманъ безпрестанно смѣняются, объемлемы будучи однимъ и тѣмъ же элементомъ неисчерпаемой остроты. Наслѣдный принцъ то тутъ, то тамъ; изъ трактира переходитъ во дворецъ, отъ сухощаваго короля къ толстобрюхому Фальстафу, отъ важности къ шуткамъ, какъ и самъ поэтъ отъ комической музы къ трагической. Въ первой части это колебаніе прерывается на мгновеніе ревностію наслѣднаго принца къ молодому, рыцарскаго духа преисполненному храброму Перси: тутъ поэтъ становится невыносимо-великъ. На полѣ брани, гдѣ оба соперника сражаются и Перси погибаетъ, комическое въ Фальстафѣ достигаетъ высочайшей точки. Чрезмѣрный смѣхъ, глубокія, трагическія чувствованія и слезы, быстро смѣняясь, болѣе и болѣе взаимно умѣряются, такъ, что остается одно спокойное чувство. Безпрестанная молнія и сильные дожди могутъ лишь очистить воздухъ и возстановить въ атмосферѣ равновѣсіе.

Воздухъ очищенъ, но только на короткое время, ибо готовятся еще большія тревоги. Во второй части дѣлается новый заговоръ противъ несчастнаго похитителя престола: проложившіе ему преступническій путь не хотятъ, чтобъ онъ ими повелѣвалъ, находя благовидный предлогъ въ томъ, что онъ никогда не перестанетъ

ненавидѣтъ помощниковъ своего преступленія. Сыновья королевскіе побѣждаютъ мятежниковъ; но скорбь уже истощила его жизнь, и самое извѣстіе о пораженіи враговъ убиваетъ его. Принцъ валлійскій уже болѣе на королевской сторонѣ; только одинъ разъ, и то на короткое время, показывается онъ въ сферѣ Фальстафа. Въ сей второй части неблагородный свѣтъ отдѣлился отъ благороднаго, и принцъ, служившій прежде посредникомъ между обоими, болѣе приближается къ престолу, и переходитъ, у изголовья умирающаго отца, вовсе на трагическую сторону. Такъ являются въ сей драмѣ комедія и трагедія въ соединеніи, какъ части высшей трагедіи.

Черезъ поле брани подъ Азенкуромъ, поэтъ препровождаетъ любимца своего, Генриха V, до бракосочетанія его съ Екатериною, принцессою французскою. Судьба, кажется, примирилась; спокойное наслѣдіе королей возстановлено; прекрасные дни храбраго рыцарства возвратились. Но внезапная, преждевременная смерть истребляетъ все. Генрихъ умираетъ и оставляетъ королевство малолѣтному Генриху VI. Внуки и правнуки Эдуарда возобновляютъ свои требованія; Франція обнажаетъ мечъ мщенія; внутреннія и внѣшнія войны свирѣпствуютъ; настали ужаснѣйшіе для Англіи дни; преступленія, измѣны, убійства опустошаютъ ее. Таково содержаніе трехъ частей Генриха VI. Наконецъ всѣ претенденты престола мужеской линіи судьбой истреблены и изгнаны; является послѣдній, ужасающій—Ричардъ Йоркскій! Вдовы и сироты королевскія около него безъ защиты. Съ паденіемъ сего тирана судьба примирится; — но рыцарскій вѣкъ Англіи дѣйствительно миновался. Съ королемъ Генрихомъ VII, преемникомъ Ричарда III, наступаетъ новый вѣкъ для Англіи,—эпоха коммерческаго ея величія, которой поэтическое, всемірное значеніе для Шекспира было еще сокрыто».

Мы считаемъ излишнимъ говорить о томъ, какую важность имѣетъ новый переводъ Шекспира для русской литературы: — всякій, сколько-нибудь чувствующій Шекспира, пойметъ насъ. Нѣмцы и теперь еще, при всякомъ случаѣ, не наговорятся о томъ огромномъ вліяніи, какое имѣлъ переводъ Шекспира на нѣмецкую литературу и на эстетическій смыслъ націи. Энтузіазмъ, съ какимъ былъ принятъ «Гамлетъ» не только въ Петербургѣ и Москвѣ, но и въ отдаленныхъ провинціяхъ, достаточно свидѣтельствуетъ о томъ, что въ духѣ русскаго общества лежитъ глубокая симпатія къ генію міроваго поэта. И это тѣмъ болѣе разительно, что большинство нашей публики едва-ли понимало сущность этой драмы, истинный характеръ Гамлета, и то глубочайшее міросозерцаніе, которымъ поэтъ облекъ свое любимое созданіе. Мы не думаемъ противорѣчить себѣ, говоря, что въ этомъ непониманіи и, энтузіазмѣ видимъ доказательства симпатіи русской души съ поэзіею великаго художника. Духъ человѣческій можетъ принимать въ себя какое-либо содержаніе и не подвергая его изслѣдованію ума. Часто общество не въ состояніи дать себѣ отчета въ томъ, что его тревожитъ, но тѣмъ не менѣе оно можетъ глубоко и сильно чувствовать. Гамлетъ трогалъ нашу публику своими созерцаніями жизни человѣческой, своимъ меланхолическимъ духомъ и грустною ироніею надъ глупостію и бездушностію, своею теплою, на все отзывающеюся человѣчностію. Публика не понимала отношенія безумія Офеліи къ Гамлету, забывала понимать его, и плакала, видя этотъ трогательный образъ душевной простоты и невинности, слушая ея заунывныя пѣсни.

Конечно, съ одной стороны, этотъ повсемѣстный успѣхъ «Гамлета» нельзя не приписать передѣлкѣ г. Полеваго: онъ сдѣлалъ ее языкомъ легкимъ и разговорнымъ. Правда, онъ свелъ «Гамлета» съ его шекспировскаго пьедестала, но этимъ самымъ приблизилъ его къ смыслу большинства нашей публики, на которую «Гамлетъ» во всей шекспировской полнотѣ не могъ бы произвести впечатлѣнія столь сильнаго. Она потерялась бы въ поэтической метафоричности языка его, въ быстротѣ и молніеносности шекспировской мысли, въ сжатости и необыкновенности выраженія, въ этомъ, всегда неожиданномъ, оборотѣ языка,

въ его міровомъ юморѣ. Въ «Гамлетѣ» г. Полеваго ничего этого нѣтъ, — такъ что почти можно сказать: въ недостаткахъ «Гамлета» г. Полеваго заключалась и причина его успѣха. Въ развитіи художественнаго вкуса общества надобно, какъ и во всемъ, начинать съ низшихъ ступеней; надобно передавать ему міровыя созданія въ формѣ доступной ему: общество лишь постепенно доходитъ до высшаго и идеальнаго разумѣнія ихъ. Но съ другой стороны, Шекспиръ есть единственный въ мірѣ поэтъ, котораго никакой переводъ не въ силахъ лишить его величія; и потому всегда, не смотря ни на бездарность переводчика, ни на отсутствіе художественнаго такта въ передѣлывателѣ, всякую сколько-нибудь чувствующую душу Шекспиръ непремѣнно исполнитъ чувствомъ величія и возвышенности, въ которыхъ такъ всегда бываетъ отрадно человѣческой природѣ... У насъ былъ, до передѣлки г. Полеваго, переводъ «Гамлета» г. Вронченки, переводъ, сдѣланный тяжеловатымъ языкомъ, но отчетливый, вѣрный, поэтическій. Многіе ли читали его? И одинъ ли языкъ мѣшалъ успѣху «Гамлета» г. Вронченки? — Столь отчетливый, вѣрный переводъ требовалъ отъ читателя въ извѣстной степени литературной образованности, а главное — сосредоточеннаго вниманія и размышленія — двухъ качествъ, недостатокъ которыхъ особенно ощутителенъ въ нашей публикѣ. Лишь передѣлка г. Полеваго заставила обратить вниманіе на переводъ г. Вронченки, и теперь въ книжныхъ лавкахъ невозможно отъискать ни одного экземпляра этого перевода.

Надобно сказать вообще, что переводы Шекспира въ стихахъ — пока еще роскошь для нашей публики; и переводчики глубокомысленные, какъ гг. Вронченко и А. И. Кронебергъ (*), не должны оскорбляться холоднымъ пріемомъ благородныхъ трудовъ ихъ, достойныхъ живѣйшей благодарности и полнаго вниманія (*). Наша публика вообще еще чужда той идеальной сферы, въ какой движутся многія драмы Шекспира и почти всѣ его комедіи. Для многихъ его пьесъ надобно имѣть значительное идеальное развитіе, не затрудняться оборотами языка, сжатостію и неожиданностію метафоръ, надобно имѣть очень развитую воспріимчивость размышленія, чтобъ схватывать молніеносность мысли его, облеченную въ роскошь сравненій и поэтическихъ образовъ. Естественно, что всѣ эти характеристическія свойства Шекспира съ стихахъ становятся труднѣе для разумѣнія нашей публики, нелюбящей читать въ размышленіемъ. Въ-слѣдствіе этого, у насъ явилось требованіе легкихъ и общедоступныхъ переводовъ — и дошло до смѣшнаго. Отсутствіе всякаго эстетическаго образованія довело до того, что требуютъ, чтобъ и самъ Гомеръ былъ переведенъ языкомъ разговорнымъ, обыкновеннымъ, общедоступнымъ. Истинно-наивное требованіе! Эти добрые люди забыли, что мы отдалены отъ гомерическаго міросозерцанія почти на 3000 лѣтъ, отдалены величайшею эпохою, которую когда-либо переживало человѣчество, и что только одною наукою можемъ приблизиться къ нему. Впрочемъ, не стóитъ терять времени на доказательство нелѣпости подобныхъ требованій...

Если переводъ Шекспира можетъ теперь имѣть вліяніе на русскую литературу, то, конечно, переводъ въ прозѣ. Русской публикѣ надобно сначала освоиться съ *манерою* Шекспира, съ его кистью, сблизиться съ нимъ, почувствовать его міросозерцаніе, его духъ. Тогда только публика будетъ въ состояніи оцѣнивать переводы Шекспира въ стихахъ; — теперь же въ ней

(*) Сынъ покойнаго профессора И. Я. Кронеберга. Прекрасный переводъ его драмы Шекспира «Двѣнадцатая Ночь, или Что Угодно» былъ помѣщенъ въ «Отеч. Запискахъ» нынѣшняго года (т. XVII, кн. 7).

(*) Извѣстно, что «Макбета», перевода г. Вронченко, разошлось весьма небольшое количество экземпляровъ.

мало того идеальнаго созерцанія и гибкости фантазіи, того нравственнаго и эстетическаго развитія, какія необходимы для полнаго разумѣнія Шекспира. Мы пока еще любимъ, чтобъ въ чтеніи нашемъ участвовали только зрѣніе и воображеніе, и бросаемъ книгу, которая не можетъ быть понята безъ размышленія. Многіе привыкли указывать нашимъ переводчикамъ Шекспира на переводъ Шлегеля. По-большой-части, такія указанія дѣлаются или по наслышкѣ, или для обнаруженія вящшей «учености». Но, кромѣ родственности англійскаго и нѣмецкаго языковъ, простирающейся до такой степени, что иногда стихъ англійскій не нужно переводить, а только написать почти тѣ же слова нѣмецкими буквами, — развѣ переводъ Шлегеля сдѣланъ разговорнымъ, общедоступнымъ языкомъ? И кто не почувствуетъ тяжеловатости его, сравнивъ стихи Шлегеля съ стихами не только Шиллера и Гёте, но даже съ стихами другихъ, второстепенныхъ поэтовъ германскихъ? Сжатость и упругость языка шлегелева зависѣла отъ сжатости и энергической упругости англійскаго языка, разительности и молніеносности шекспировскихъ образовъ. Но Нѣмцы, любящіе читать съ размышленіемъ и читать не для одного провожденія времени, не жалуются на упругость и тяжеловатую сжатость перевода Шлегеля, имѣя въ виду лишь духовно-буквальную точность, съ какою онъ передаетъ Шекспира.

Не смотря на вѣрность, чистый, правильный, энергическій языкъ перевода г-на Кетчера, мы предупреждаемъ «любителей чтенія», что Шекспира и въ прозѣ нельзя читать, какъ читаются иные французскіе романы и повѣсти, для которыхъ нужно только зрѣніе и воображеніе. Шекспиръ, переданный и въ прозѣ, требуетъ сосредоточеннаго вниманія, дѣятельности мысли, размышленія. Нѣтъ такого истинно-духовнаго наслажденія, котораго бы не предшествовали трудъ и изученіе.

339) Сочиненія Акима Нахимова, *въ стихахъ и прозѣ, напечатанныя по смерти его. Изданіе* Андрея Глазунова съ братьями. Изданіе четвертое *съ напечатаннаго въ 1822 году. Москва. Въ тип. А. Семена. 1841. Въ 12-ю д. л. 225 стр.*

«Сочиненія Нахимова» — такъ говоритъ выписка изъ «Украинскаго Вѣстника» о сочиненіяхъ Нахимова — «ни мало не похожи на такія, которыя до тѣхъ только поръ и живутъ, пока они на языкѣ у самого автора. Въ нихъ видна равная степень изобрѣтательности и отдѣлки. Правда, пороки, которые онъ разилъ, по гнусности своей, разнообразны до безконечности. Но признаться надобно: чѣмъ труднѣе брать ихъ истинно-сатирическія стороны, тѣмъ болѣе потребно искусства и остроумія для того, чтобъ сдѣлать ихъ пріятными...» и проч.

Сейчасъ уже видишь, что имѣешь дѣло съ «сатирическимъ писателемъ»!.. Какъ-то жалко, впрочемъ, и — что́ грѣха таить! — смѣшно встрѣтить въ наше время, въ лѣто отъ Рождества Христова 1841-е, въ нашемъ современномъ костюмѣ, довольно-изящномъ и красивомъ, какой только можетъ быть изготовленъ въ типографіи Семена, — хоть одного изъ этихъ господъ, слывущихъ, или слывшихъ подъ именемъ «сатирическихъ» писателей! Было когда-то время, и они, эти «сатирическіе» писатели, были у насъ въ ходу, въ чести великой, какъ парики и жабо, и имъ кадили ѳиміамомъ, и каждую улыбку ихъ «сатирическихъ» устъ принимали съ рукоплесканіями. O, le bon vieux temps! И было это время — дай Богъ память — не такъ, чтобъ очень далеко отъ насъ: нѣтъ, оно еще не совсѣмъ скрылось изъ нашихъ глазъ, и если присмотрѣться да приглядѣться, то не долго напасть на слѣды его. Видите ли вы, на-примѣръ, этихъ «сатирическихъ» писателей, этихъ знаменитыхъ сочинителей «нравственно-сатирическихъ» ро-

мановъ?.. Это все его остатки, его воспитанники. Не правду ли мы сказали, что это время недалеко отъ насъ? И точно: это было гораздо спустя послѣ того, какъ мы отказались отъ сего возвышеннаго до послѣдней ноты лада, на который была настроена, еще со временъ Ломоносова, наша лира, а съ нею — и вся поэзія; много спустя послѣ того торжественно-звонкаго періода въ нашей литературѣ, когда у насъ только и слышно было рокотаніе одъ, громъ диѳирамбовъ и трескъ разныхъ иныхъ стихотворныхъ шумихъ. Вся эта грозная буря давно уже миновалась; миновались даже и эти мелкія, радужныя, воздушныя облачка, которыя занесла къ намъ изъ чужихъ-дальнихъ краевъ приторная сантиментальность первыхъ такъ-называемыхъ романтиковъ, и которыми во время оно усыпанъ былъ весь горизонтъ нашей литературы. Мы почти уже распростились и съ пастушками и съ пастушками, и съ ихъ томными свирѣлями, и съ ихъ нѣжными овечками. Кое-гдѣ только бродили отсталые Миловиды, Вѣтраны, Невзоры, и прочая убогая братія; но и тѣ уже скитались какъ тѣни, не зная гдѣ бы пріютиться и предчувствуя свой близкій и неизбѣжный конецъ. Была какая-то нерѣшительная минута, минута перехода отъ юности къ возмужалости, отъ шалостей дѣтства къ основательнымъ трудамъ зрѣлаго возраста. Всѣмъ прискучили прежнія неестественныя гримасы, прежнее нѣжничанье, прежнія ребяческія воздыханія на всякій несчастный случай, хотя бы то на смерть комнатной мухи; но еще никто не зналъ, гдѣ лежитъ твердая земля, на которой бы вѣрнѣе и безопаснѣе можно было утвердить ногу, или, говоря языкомъ того времени, колеблющіяся стопы. Чтобъ отмстить себѣ за прежнее, рѣшились по-крайней-мѣрѣ смѣяться, смѣяться хоть надъ самими-собою, надъ своими пріемами, движеніями, образомъ мыслей, или,—потому-что и это было еще не совсѣмъ по лѣтамъ юношѣ — пересмѣивать походку и покрой платья другаго и передразнивать всякое его слово. Все хоть маленькая отрада, маленькое движеніе для лица, которое такъ долго все плакало, морщилось и сжималось отъ хорошей и дурной погоды, отъ радости и печали... И вотъ начали смѣяться, какъ умѣли, надъ чѣмъ умѣли. Явились особенные, записные насмѣшники, которые вездѣ видѣли Дамоновъ да Глуповъ, и тотчасъ разили ихъ своими смертоносными двустишіями, или, если дѣло было на досугахъ, то и двухстраничными статейками въ прозѣ. Все обратилось въ сатирку, въ эпиграмку. Даже эпитафія только и знала, что смѣяться. Удивительное время! Нѣкоторые истощали все остроуміе, иждивали всѣ способности — и на что же? на однѣ эпиграммы, которыхъ изготовлялось по нѣскольку десятковъ въ недѣлю. Они, эти записные эпиграмматисты, ходили всюду, гдѣ только можно было пройдти, выдумывали сами новыя мѣста и лица, лгали безъ милосердія, — и все это для остроты въ двухъ стихахъ, для эпиграммы! Какъ злыя осеннія мухи, они садились на всякое открытое мѣсто и жалили все, что ни попадалось. Журналы, если какіе были, не могли жить безъ эпиграмнъ: не зная ихъ на-изустъ, порядочный человѣкъ не могъ безъ страха существовать на свѣтѣ: его тотчасъ поразили бы эпиграммою! Мы не исчисляемъ по именамъ всѣхъ рядовыхъ этой сатирической фаланги. Нашъ Акимъ Нахимовъ принадлежитъ къ тому же приходу. Онъ также съ высоты своего «кандидатскаго достоинства» (на которое и стихи имѣются) любилъ отъискивать между людьми гнѣзда пороковъ и потомъ «разилъ» ихъ своими эпиграммами. Очень рано, по замѣчанію его біографа, открылась въ немъ такая способность и закрылась только съ смертію. На все, на все смотрѣлъ онъ сатирическимъ окомъ и все преслѣдовалъ своею насмѣшкою. Видѣлъ ли онъ одѣтую по модѣ женщину, онъ тот-

часъ говорилъ:

Умомъ Французъ, красой Вѣтранъ снабжаетъ мода.
Ужели ничего имъ не даетъ природа?

Встрѣчалъ ли своего соотечественника, пріѣхавшаго изъ-за границы,—у него опять готова была эпиграмма:

Въ Парижъ поѣхалъ Силъ; но съ чѣмъ пріѣдетъ къ намъ?
Ума не вывезетъ; кису оставитъ тамъ.

Приходилъ ли онъ на могилу къ ученому,—злая эпиграмма-эпитафія опять слетала съ языка:

Гніетъ здѣсь гордая латынь,
Аминь.

Наконецъ, самые эпиграмматисты не избѣгали жала его эпиграммы:

Вотъ чудо, да оно не снилось и Адаму:
Пѣтухъ индѣйскій снесъ—яйцо? —нѣтъ, эпиграмму.

Этого мало: въ его сатирическихъ рукахъ все превращалось въ эпиграмму, или, лучше сказать, эпиграмма претворялась иногда то элегіею, то маленькою поэмою и проч. Случалось также, что, находя для себя тѣсною рамку стиха, она ударялась въ прозу, и тогда производила «Сказаніе о Ѳемидѣ и объ иноплеменныхъ приказныхъ» (что должно вести родъ своей еще отъ А. П. Сумарокова), или «Историческія и философическія разсужденія о блохѣ» и т. п. Друзья поэта находили все это очень-забавнымъ и отъ души смѣялись всѣмъ этимъ стихотворнымъ и прозаическимъ эпиграммамъ. Публика также находила ихъ очень-забавными и читала ихъ съ удовольствіемъ, что доказывается *тремя* изданіями до 1822. Все это было очень-кстати и потому очень-хорошо, тѣмъ болѣе, что нашему поэту иногда и въ-самомъ-дѣлѣ случалось обмолвиться порядочною остротою. Но вотъ наступилъ 1841 годъ; всѣ давно забыли о г. Акимѣ Нахимовѣ; а онъ... является лицомъ-къ-лицу передъ нами! Вотъ ужь по истинѣ «не мало не остроумно и нисколько неправдоподобно!» По всему видите, что книгопродавческая спекулативная промышленость воспользовалась безмолвнымъ покойнымъ авторомъ, чтобъ понагрѣть около него руки. Въ столицахъ г-на Нахимова читать ужь болѣе не будутъ, такъ его пустятъ по провинціямъ,—и будетъ ходить бѣдный странникъ, не зная ни дня, ни ночи, изъ одного края въ другой, изъ однихъ грязныхъ рукъ въ другія . . . конца не будетъ такому странствію! И за что—скажите на милость? Не-уже-ли за то, что покойникъ любилъ посмѣяться надъ слабостями своихъ современниковъ? Нѣтъ, право—

«И скучно, и грустно!»

340) Стихотворенія И. Бочарова. *Санктпетербургъ. Въ тип. И. Глазунова и К°. 1842. Въ 8-ю д. л. 51 стр.*

Вотъ одна изъ тѣхъ книжекъ, которыя истинное наказаніе для рецензента! Публика всегда требуетъ, чтобъ рецензіи или были поучительны для нея, или забавляли и смѣшили ее; но перваго рода рецензіи можно писать только о дѣльныхъ сочиненіяхъ, а послѣднія — на книги особенно глупыя. Слѣдовательно, книга, которая ни хороша, ни худа, но принадлежитъ къ золотой серединѣ, плохая пожива для библіографіи: о ней нельзя сказать ни чего-нибудь дѣльнаго, ни чего-нибудь забавнаго. Таково свойство посредственности: она хуже всего худаго! Въ стихотвореніяхъ г-на Бочарова есть смыслъ, грамматика; версификація вездѣ правильна; нѣтъ ничего пошлаго, грубаго, нелѣпаго; мѣстами даже и стихъ гладокъ, мелькаетъ даже что-то похожее на чувство, словомъ «все обстоитъ благополучно»; незамѣтно только таланта.

341) Сказка за Сказкой. Шахъ и Матъ. *Историческая повѣсть XIV столѣтія.* Александра Грамотова. *Санктпетербургъ. Въ тип. Карла Крайя. 1841. Въ 12-ю д. л. 59—98 стр.*

Не смотря на нѣсколько изъисканный и натянутый разсказъ повѣсти «Шахъ и Матъ», она читается не безъ удовольствія, тѣмъ болѣе, что въ ней изображаются нравы одного изъ интереснѣйшихъ народовъ міра — испанскихъ Мавровъ.

342) Человѣкъ, Женщина и Демонъ. *Романъ, взятый изъ древняго сказанія о Панѣ Твардовскомъ. Двѣ части. Москва. Въ тип. Степанова. 1841. Въ I-й части—183, во II-й—141 стр.*

Человѣкъ, Женщина и Демонъ?.. Романъ, взятый изъ польскихъ преданій?.. О, я подозрѣваю, что здѣсь кроется что-нибудь особенное: не даромъ этотъ «демонъ», т. е. чортъ, и не даромъ эти «преданія»! Провинція — я увѣренъ въ этомъ — тотчасъ отмѣтитъ карандашомъ «демона» и пошлетъ за нимъ въ Москву, на-примѣръ, къ «умному и знающему коммерцію книгопродавцу Воронину», а усердный книгопродавецъ вышлетъ ей и другое, тоже занимательное сочиненіе — «Ночныя Шалости» (зри: Отеч. Записки 1841, кн. 10 въ Биб. Хрон. стр. 61). Вообще, говорятъ, провинція любитъ «заманчивыя» заглавія Но, позвольте, кто же этотъ ловкій авторъ остроумнаго заглавія? Ужь не г. Кузмичевъ ли?.. О, нѣтъ, онъ навѣрное назвалъ бы свое сочиненіе — «гласъ», «пѣснь», или что-нибудь въ этомъ родѣ; а это, конечно, смастерилъ кто-нибудь изъ его друзей. Вы, впрочемъ, можете думать совершенно иначе, а я бьюсь объ закладъ, что мы имѣемъ дѣло опять — съ г-мъ Славинымъ. Вотъ тонкій писатель! Ничего-то не скажетъ спроста! Все-то у него имѣетъ свой вѣсъ, все подаетъ поводъ къ соображеніямъ, мыслямъ. Надобно ли заглавіе?—онъ вамъ напишетъ такое, что только прочитавъ его, поневолѣ скажете съ Гоголемъ: «вотъ что заманчиво!» Нуженъ ли эпиграфъ? —онъ вамъ и изъ Шекспира, и изъ Байрона, и изъ Данте, а если этакъ расходится перо, то и изъ своихъ собственныхъ сочиненій! Нужно ли посвященіе?—у него и за этимъ дѣло не станетъ: и здѣсь, даже въ самомъ однообразіи, онъ съумѣетъ найдти разнообразіе, такъ-что если, на-прим., одно сочиненіе, хоть бы «Ночныя Шалости» посвящено одному московскому полиціймейстеру (Л. Н. Верещагину), то другое, т. е. «Человѣкъ, Женщина и Демонъ», посвящено уже другому московскому полиціймейстеру (Ѳ. Ив. Миллеру). Не правда ли, что все это подаетъ поводъ къ соображеніямъ, къ выводамъ? Не правда ли, что другъ г. Кузмичева (мы разумѣемъ — въ литературномъ отношеніи) писатель очень тонкій и стоящій изученія?..

Впрочемъ, не припишите нашихъ похвалъ только какимъ-нибудь личнымъ отношеніямъ къ г. Славину: совсѣмъ нѣтъ, мы столько же любимъ его «сочиненія», какъ и самого автора. Не хотите ли, на-прим., прочесть образцовое описаніе чорта:

«Что увидѣлъ тогда Твардовскій? Ужасное *черное ничто* во всей гнусности, которая по низверженіи *его* (т. е. онаго «ничто»?) съ неба, была удѣломъ *его:* обожженные члены *его* носили отпечатокъ грома Всевышняго, *тѣлесная смуглость отклеймена была на всѣхъ чертахъ его*; длинные когти тихо шевелились на рукахъ и ногахъ *его;* глаза сверкали какимъ-то *мрачнымъ огнемъ*, который наполнилъ бы ужасомъ сердце самое твердое; у могучихъ широкихъ плечь *его* прикованы были два черныхъ крыла, которыми изрѣдка махая, сатана производилъ сильный вѣтеръ; на головѣ *его*, вмѣсто волосъ, торчали змѣи и, извиваясь вокругъ шеи» наполняли воздухъ пронзительнымъ свистомъ, и проч. (*стр.* 99).

Не правда ли, это очень достолюбезно? Какъ-будто сейчасъ списано съ тѣхъ лубочныхъ изображеній, въ которыхъ дьяволъ играетъ такую важную роль. Не правда ли, что ощущеніе, которое вы испытываете, читая этотъ отрывокъ, совершенно подобно тому, какое бываетъ при переходѣ инаго топкаго болота, заваленнаго сверху суковатыми кореньями и разнымъ хворостомъ?.. Говорите же послѣ этого, что г. Славинъ не «сочинитель», что сочиненія его не могутъ производить сильныхъ ощущеній, и что слогъ его не можетъ служить въ примѣръ какофоніи!

Нѣтъ, право, въ романахъ и вообще всѣхъ произведеніяхъ г. Славина много, очень много соли, хотя и нѣтъ рѣшительно никакого вкуса; а кисть его, которою онъ живописуетъ свои оригипа-

нальныя картины, — вы это уже знали и прежде, — шире кисти всякаго маляра, расписывающаго въ лѣтнее время стѣны и заборы разными масляными и клеевыми красками... Очень, очень хорошая кисть!

343) Карлъ Броски. *Сочиненіе* Е. Скриба. *Москва. Въ тип. Селивановскаго. 1841. Въ 12-ю д. л. 262 стр.*

Очень чувствительная повѣсть, которой мы не рѣшились даже дочитать, опасаясь, къ концу сочиненія, гдѣ вѣроятно собраны всѣ элементы трогательнаго, вовсе залиться слезами... Г. Скрибъ, въ другихъ случаяхъ обыкновенно столько остроумный, не хотѣлъ, кажется, удѣлить въ своего «Броски» ни единой искры своего обычнаго остроумія и остался при одной сантиментальности, которая, говоря вообще, такъ не пристала ни къ физіономіи, ни къ разсказамъ знаменитаго французскаго водевилиста. Содержаніе «Карла Броски» не безъ приличныхъ запутанностей; нѣжности на каждомъ шагу; но все это такъ вяло и безжизненно, такъ приторно-сладко, что вы, не добравшись еще и до половины книги, ясно замѣчаете отсутствіе всякаго интереса въ сочиненіи. Это тѣмъ досаднѣе, что Скрибу, сколько намъ извѣстно изъ другихъ его опытовъ, нельзя отказать въ искусствѣ разсказывать умно и занимательно. Припомните его «Незнакомку», помѣщенную въ «Отеч. Запискахъ» прошлаго года.

344) Три повѣсти г-жи Рево. *Переводъ съ французскаго* Александры Зражевской. *Санктпетербургъ. Въ тип. Импер. Академіи Наукъ. 1841. Въ 12-ю д. л. 207 стр.*

Первая изъ этихъ повѣстей, «Амелія», очень-плоха; послѣдняя, «Мщеніе», довольно-недурна; а третья «Сальвадоръ» очень замѣчательна по содержанію, и не дурно разсказана. Переводъ изряденъ; жаль только, что ороографія вездѣ страждетъ до того, что иностранное слово Вера-Крузъ, вездѣ писано Вѣра-Круса.

345) Правда Вселенской Церкви *о римской и прочихъ патріаршихъ каѳедрахъ. Санктпетербургъ. Въ Сунодальной тип. 1841. Въ 8-ю д. л. III и 426 стр.*

Авторъ этой книги имѣлъ весьма благочестивую мысль доказать чистоту нашей православной вѣры и ложное направленіе церкви римской. Въ доказательство ложности этого направленія, онъ разсматриваетъ сначала слова божественнаго Евангелія, потомъ дѣяній и посланій апостольскихъ, каноны апостоловъ, соборовъ вселенскихъ и святыхъ отцовъ, и наконецъ событія, предшествовавшія раздѣленію церкви на восточную и западную. Все это въ высшей степени назидательно и важно. Конечно, факты историческіе, наполняющіе собою самую большую часть книги, давно извѣстны, но сближеніе ихъ и выводы принадлежатъ самому автору.

346) Двадцатипятилѣтіе Европы *въ царствованіе Александра I.* Второе изданіе, *исправленное. Санктпетербургъ. 1841. Въ тип. А. Сычева. Въ 8-ю д. л. Двѣ части. Въ 1-й — III, IV и 246, во II-й — III и 311 стр.*

Двадцатипятилѣтіе Европы въ царствованіе Александра I-го! Изображеніе первой четверти XIX вѣка, порожденнаго великимъ всемірнымъ переворотомъ и измѣнившаго все лицо земли, — этой четверти вѣка, въ которой событія толпятся массами, обгоняя другъ друга, — въ которой возникаютъ тысячи новыхъ именъ, лицъ и характеровъ, рушатся царства и создаются новыя, падая мгновенно въ свою очередь, — смѣняются цѣлыя династіи на престолахъ, народы сшибаются между собою въ страшной схваткѣ, о какой не мечталось и Гомерамъ, пятисоттысячныя арміи переходятъ съ одного конца Европы до другаго оставляя за собою моря крови и обновляя землю, — общества человѣческія перестроиваются въ своихъ основаніяхъ, возникаютъ новыя, неслыханныя созданія ума человѣческаго, являются силы дотолѣ

невѣдомыя, и все кипитъ, все волнуется, не зная ни отдыха, ни усталости — океанъ бездонный и безграничный... Боже мой! да у кого поднимется рука написать картину первыхъ двадцати-пяти лѣтъ этого страшнаго, этого необъятнаго, великаго XIX вѣка?... Однакожь, поднялась рука, какъ вы видите, и вотъ вамъ на русскомъ языкѣ цѣлая книга... Но, по-крайней-мѣрѣ, въ нѣсколькихъ стахъ томахъ? — Нѣтъ, всего-на-все въ двухъ. — Но эти томы фоліанты огромные, толстые, тяжелые, равные нѣсколькимъ стамъ томамъ? — Нѣтъ, томики въ 8-ю долю: въ обоихъ только 35 листовъ. — Но, по-крайней-мѣрѣ, эти листы напечатаны стереотипно въ нѣсколько столбцовъ, такъ-что нельзя читать ихъ безъ помощи увеличительнаго стекла?— Нѣтъ, напечатаны они съ большими полями, очень-разгонисто, такъ-что всѣ эти 35 листовъ не равняются и одной книжкѣ «Отечественныхъ Записокъ». — Да что жь это такое? — Это... какъ бы сказать? компиляція, наборъ оттуда-отсюда, наборъ, не могущій идти въ сравненіе даже съ изображеніемъ первой четверти XIX вѣка, сдѣланнымъ въ послѣднемъ изданіи «Исторіи» г. Кайданова. — Однакожь... такое громкое, всеобъемлющее имя для такой ничтожной книжки... Кто же составилъ ее? — Господинъ Р. М. Зотовъ. — А! понимаемъ...

347) Описаніе Старопечатныхъ Книгъ Славянскихъ, *служащее дополненіемъ къ описаніямъ библіотекъ графа Ѳ. А. Толстаго и купца Царскаго. Изд.* Павелъ Строевъ. *Москва. Въ тип. Селивановскаго. 1841. Въ 8-ю д. л. 253 стр.*

Безкорыстно трудясь на пользу славянской библіографіи, г. Строевъ успѣлъ въ послѣднее время осмотрѣть до 160 новыхъ книгъ, которыя не показаны въ прежнихъ его библіографическихъ описаніяхъ. Эти книги почти всѣ содержанія церковнаго или нравоучительнаго, и находятся въ библіотекѣ Вологодской Семинаріи и у нѣкоторыхъ частныхъ лицъ, любителей славянскихъ древностей: гг. Погодина, Царскаго, Большакова. Желая сдѣлать эти книги извѣстными публикѣ, и въ то же время заботясь о полнотѣ своего труда — славянской библіографіи, начатой имъ съ описанія библіотеки Царскаго, г. Строевъ, съ свойственнымъ ему ученымъ безкорыстіемъ, рѣшился составить этимъ книгамъ полное описаніе, подобное прежнимъ, и издать его въ видѣ особаго дополненія, что и выполнено имъ съ тѣмъ умѣньемъ и знаніемъ дѣла, которое всегда отличало библіографическіе труды его.

348) Юридическая Библіотека. *Изданіе* Ѳ. Наливкина. *Тетр. третья. Москва. 1841. Въ Унив. тип. Въ 8-ю д. л. 88 стр.*

Наконецъ, если мы не ошибаемся, и «Юридическая Библіотека» хочетъ взяться за дѣло: по-крайней-мѣрѣ въ ней нѣтъ уже прежнихъ многорѣчивыхъ разглагольствій и маленькихъ фанфаронадъ, которыя находили читатели ея въ первыхъ тетрадяхъ. Сколько мы догадываемся, издатель хочетъ воспользоваться своимъ небольшимъ изданіемъ для изложенія въ немъ главныхъ основаній русскаго права. Доброе дѣло, противъ котораго мы и спорить не станемъ! Вновь-вышедшая тетрадь содержитъ въ себѣ, сверхъ краткаго историческаго обозрѣнія русскаго законодательства, главныя положенія о производствѣ въ чины и о пожалованіи знаками отличія. Изложеніе сдѣлано довольно-полно, ясно и отчетливо. Надѣемся, что издатель не оставитъ и впредь этой прямой дороги къ избранной имъ цѣли.

349) О Распознаваніи и Леченіи Геморроидальной Болѣзни. *Сочиненіе доктора* Готлиба Лудвига Рау. *Переведенное съ нѣмецкаго докторомъ медицины* Александромъ Никитинымъ. *Санктпетербургъ. Въ тип. А. Бородина и К°. 1841. Въ 8-ю д. л. 285 стр.*

Октябрь и ноябрь — истинное царство геморроя въ Петербургѣ: холодно, сыро, тяжело! Нельзя показаться на

улицу безъ теплаго пальто и калошъ; съ каждымъ дыханіемъ, вы глотаете въ себя цѣлое облако болотной сырости; мелкій дождь обсыпаетъ васъ сверху до низу; подъ ногами скользкая грязь, надъ головою — сѣрое, грустное, туманное небо... по неволѣ останешься дома. А дома другая невзгода: тотчасъ насидишь боль въ головѣ, потерю аппетита, тяжесть и разслабленіе во всемъ тѣлѣ. Ужь такова видно натура Петербурга: осенью въ немъ рѣшительно приходится плохо безъ медика, и особенно безъ такого медика, который умѣлъ бы справляться съ геморроидальными болѣзнями. Докторъ медицины, Александръ Никитичъ Никитинъ — врачъ, извѣстный въ столицѣ своимъ знаніемъ, искусствомъ и опытностію, какъ-нельзя-болѣе кстати теперь перевелъ сочиненіе Рау «О распознаваніи и леченіи геморроидальной болѣзни». Книга эта весьма-интересна и толкова для каждаго образованнаго читателя. Совѣтуемъ всѣмъ труженикамъ, заслуженнымъ жертвамъ геморроя, и тѣмъ, которые пріобрѣли его отъ другихъ причинъ, прочесть сочиненіе Рау, и прочесть все — начиная отъ опредѣленія понятія о геморроѣ до — симпатическихъ лекарствъ противъ него. Чтеніе этой книги, кромѣ того, что займетъ васъ, доставитъ вамъ и минуты утѣшительныя. Прочитавъ, на-примѣръ, главы о предрасполагающихъ или случайныхъ причинахъ, или о ближайшей причинѣ геморроя, узнавъ описаніе геморроидальныхъ припадковъ и научившись распознавать геморроидальную болѣзнь, вы тотчасъ догадаетесь, въ какой степени вы сами больны геморроемъ, — а что вы больны имъ, это для меня неподвержено никакому сомнѣнію: всѣ мы, больше или меньше, платимъ дань ему; — даже можете почерпнуть утѣшительную мысль, что осталось еще много степеней геморроя, до которыхъ вамъ далеко тянуться; а это чрезвычайно-важное утѣшеніе за неимѣніемъ лучшаго... Когда же вы перейдете ко второму отдѣленію книги, гдѣ показаны разные способы леченія геморроя, — утѣшительное чувство, внушенное вамъ предъидущими главами, возрастетъ гораздо выше; вы геройски отдернете занавѣску своего окна, и ужь не отчаяннымъ взоромъ будете смотрѣть на міръ — на эту слякоть, которая разстилается передъ вами по мостовой, на эту влажную пыль, которая густою массою стоитъ въ воздухѣ, на это небо, задернутое толстымъ, сѣрымъ покровомъ: въ васъ мелькнетъ чувство самодовольствія; вы увѣритесь въ возможности избавиться отъ геморроя...

Это все для насъ, профановъ, обязанныхъ иногда сидѣть за письменнымъ столомъ часовъ по четырнадцати въ сутки. Но книга А. Н. Никитина вѣрно найдетъ себѣ хорошій пріемъ и у врачей, особенно же у врачей начинающихъ: въ ней дѣльнымъ, основательнымъ образомъ объяснены свойства болѣзни, предложены всѣ многочисленные опыты и наблюденія ученыхъ по этой части, и, слѣдовательно, она представляетъ собою сводъ весьма-важныхъ фактовъ, которые знать врачу необходимо. а образованному читателю интересно и полезно. Просвѣщенный врачъ не побоится того, что паціентъ его можетъ самъ судить о своей болѣзни по свѣдѣніямъ, почерпнутымъ хоть изъ книгъ: боится этого только одно шарлатанство, которое очень любитъ тьму, ибо въ темнотѣ лучше удаются всѣ фокус-покусы. Медицина въ наше время становится наукою популярною, и слава Богу! Дѣло истинно-просвѣщенныхъ медиковъ помогать этому движенію изданіемъ врачебныхъ книгъ общедоступныхъ. Вотъ почему мы всегда съ удовольствіемъ встрѣчаемъ медицинскую книгу понятную и неврачу; вотъ почему и благодаримъ А. Н. Никитина за переводъ сочиненія Рау.

350) Практическая Морская Артиллерія. *Сочиненіе Корпуса Морской Артиллеріи капитана* Ильина. *Санктпетербургъ. Въ тип. Штаба Военно-*

Учебныхъ Заведеній. 1841. Въ 8-ю д. л. XXX и 377 стр.

По увѣренію знатоковъ дѣла, это весьма хорошее руководство къ практической морской артиллеріи. Радуемся за учащихся, которые до-сихъ-поръ нуждались въ подобномъ изданіи. Книга раздѣлена на три части. Въ первой находятся статьи подъ слѣдующими названіями: Порохъ, Оружіе, Снаряды, Станки, Артиллерійская Принадлежность, Лабораторныя и такелажныя издѣлія, Лабораторные и арсенальные вещи и матеріалы; — во второй части: Отработка лабораторныхъ издѣлій, Отработка такелажныхъ издѣлій, Браковка пороха, орудій и другихъ вещей, Храненіе пороха и другихъ вещей; — въ третьей части: О выстрѣлахъ, О стрѣльбѣ изъ орудій, О дѣйствіи снарядовъ, Исправленіе станковъ, Крѣпленіе орудій, Сигналы, Употребленіе брандеровъ, Абордажъ, О десантѣ. — Вообще книга г-на Ильина обнаруживаетъ трудъ долговременный и добросовѣстный.

351) Курсъ Чистой Математики. *Часть III.* Начальная и Начертательная Геометрія, *составленныя* А. Кушакевичемъ. (Учебныя Руководства для Военно-Учебныхъ Заведеній). *Санктпетербургъ. Въ тип. Академіи Наукъ. 1841. Въ 8-ю д. л. 219 стр., съ 8 таблицами.*

Это руководство является теперь *вторымъ* изданіемъ, хотя этого и невыставлено на заглавномъ листѣ. Первое вышло въ свѣтъ въ 1838 году, какъ 3-я часть «Курса Чистой Математики», составленнаго А. Кушакевичемъ и А. Киндеревымъ. Въ новомъ изданіи никакихъ перемѣнъ не сдѣлано. Достоинства этого руководства достойно оцѣнены и опытными преподавателями математики и начальствомъ военно-учебныхъ заведеній.

352) О Домашней Посудѣ *въ отношеніи къ здоровью. Соч. доктора* М. Я. Магазинера. *Санктпетербургъ. Въ типографіи Эдуарда Праца. 1841. Въ 12-ю д. л. VII и 117 стр.*

Извѣстно, кáкъ часто случается, что призываютъ врача для подавія помощи людямъ, пострадавшимъ отъ пищи. Но доселѣ, къ-сожалѣнію, никто еще не постарался указать, чѣмъ предотвращать вредъ, происходящій отъ небрежности въ обхожденіи людей съ домашнею (кухонною и столовою) посудою. Это, вообще, почитается бездѣлицею, но весьма нерѣдко отъ худой полуды вымираетъ цѣлое семейство, особенно, когда нѣтъ возможности подать тотчасъ нужную помощь. У насъ есть смертельные охотники писать лечебники людскіе и скотскіе, но никто еще не написалъ популярнаго наставленія, кáкъ должно беречься самыхъ, по-видимому, простыхъ вещей. Если бъ кто посвятилъ себя труду представить толково и ясно, кáкъ должно обходиться съ посудою и кáкъ содержать вещи, столь близкія къ нашему здоровью, тому мы были бы гораздо-больше благодарны, чѣмъ издателямъ поваренныхъ книгъ и разныхъ «хозяйственныхъ» книжонокъ. Не-уже-ли и для этого еще не настало время? Не-уже-ли иному кажется *не по чину* заниматься предметами, относящимися къ домашнему обиходу? Чего добраго! У насъ иной пускается писать системы врачебной науки, а не хочетъ знать, въ чемъ варится обѣдъ его... За то книга, которой названіе выписано выше, заслуживаетъ большую похвалу и одобреніе. Авторъ ея, почтенный ветеранъ въ медицинѣ, писавшій о многихъ врачебныхъ предметахъ, обратилъ полное вниманіе на вещь, почти забытую всѣми. Извѣстно, какой вредъ можетъ принесть домашняя посуда (кухонная, столовая), если не обращается вниманіе на составъ, изъ котораго она дѣлается, и если сама она не содержится въ надлежащей чистотѣ. Небольшое сочиненіе г. Магазинера заслуживаетъ, чтобъ каждый заботливый хозяинъ, или заботливая хозяйка, имѣли его у себя настольною книгою; въ этомъ сочиненіи они могутъ справляться, чтó дѣлать въ слу-

чаѣ несчастія, послѣдовавшаго отъ принятія пищи, сваренной въ посудѣ, которая или худо вылужена, или сдѣлана изъ вреднаго состава. Указаніе на средства, чѣмъ помогать заболѣвшимъ отъ дурной полуды, очень удовлетворительно, и самыя средства удобоисполнимы, по-крайней-мѣрѣ на *первыхъ порахъ* по появленіи припадковъ отравленія. Г. Магазинеръ расположилъ сочиненіе свое такъ, что въ началѣ излагается наставленіе о *металлической посудѣ*, куда относятся: 1) мѣдная; 2) свинцовая; 3) оловянная; 4) желѣзная: а) чугунная, б) желѣзная — жестяная; 5) золотая; 6) серебряная, и 7) посуда изъ металлическихъ составовъ (композиціонная, а) изъ новаго серебра, б) изъ калдеровой руды, с) изъ томпака. Потомъ описывается *стеклянная посуда*. Замѣтимъ, что при этомъ кстати порицаетъ авторъ чищеніе бутылокъ свинцовою дробью. *Глиняная посуда*, куда принадлежитъ фарфоровая, фаянсовая, каменная и обыкновенная гончарная. Сколько есть людей, которые не могутъ пользоваться иною посудою, кромѣ гончарной? — *Деревянная посуда* можетъ быть вредна, если она окрашена внутри металлическою краской, если отъ небреженія покрывается плесенью или гнилью. — Вполнѣ свидѣтельствуя признательность автору этой небольшой, но весьма-полезной книги, мы желали бы имѣть еще наставленіе, *хоть для нянюшекъ*, касательно свойства деревянныхъ дѣтскихъ игрушекъ, изготовляемыхъ и продаваемыхъ во множествѣ на святой Руси; это былъ бы трудъ, имѣющій право на немеьшую благодарность.

353) Наставленіе *скоро и съ большею выгодою откармливать всѣхъ родовъ домашни(и)хъ животныхъ, полезныхъ для человѣка*(?). *Составленное* Ф. Кирхгофомъ, *экономіи коммисаромъ*(?). *Переводъ съ нѣмецкаго. Москва. Въ унив. тип. 1841. Въ 8-ю д. л. 16 стр.*

Способъ г. экономіи коммисара разсуждать о предметахъ — надобно сознаться — немного мудренъ; основное же его положеніе о выгодномъ откармливаніи есть слѣдующее: «Чѣмъ питательнѣе кормъ и чѣмъ больше животное ѣстъ его и переваривает въ данный періодъ времени, тѣмъ скорѣе совершается откармливаніе и тѣмъ болѣе мы получаемъ выгодъ». Видите, какое мудрое правило! Стало-быть, по системѣ г. Кирхгофа, вообще чѣмъ больше ѣстъ скотина, тѣмъ бываетъ сытѣе, и чѣмъ болѣе человѣкъ тратитъ на откармливаніе ея, тѣмъ болѣе пріобрѣтаетъ?.. И видно, что сочинитель наукамъ учился!

354) Атласъ Музеума Императорскаго Вольнаго Экономическаго Общества. *Томъ I, тетрадь IV. Санктпетербургъ. Въ тип. Третьяго Департ. Госуд. Имуществъ. 1841. Въ 8-ю д. л. 12 стр., Съ рисунками.*

Четвертая тетрадь «Атласа» содержитъ въ себѣ слѣдующія статьи: а) хозяйственные простѣйшіе вѣсы: б) рыхлитель графа Н. С. Мордвинова; в) особаго устройства роспуски для возки бревенъ; г) сѣялка-тачка Тэра и литовская.

Рисунки весьма хорошо выгравированы, текстъ ясенъ и довольно подробенъ.

О пользѣ «Атласа» мы говорили уже при отчетѣ о первыхъ его тетрадяхъ. Весьма желательно, чтобъ публика поддержала это изданіе, полезное и чрезвычайно-дешевое.

355) Отчетъ о Состояніи 1-й Московской Губернской Гимназіи за 1841 годъ. *1841. Въ 4-ю д. л. 40 стр.*

«Отеч. Запискамъ» не разъ уже приходилось говорить объ отчетахъ, которые ежегодно издаются Первою Московскою Гимназіею. Эта гимназія, какъ извѣстно, считается образцовою, и благосостояніе ея возрастаетъ съ года на годъ. Цифры и подробное изложеніе занятій воспитанниковъ въ минувшемъ учебномъ году также показываютъ новые успѣхи, новое движеніе впередъ. Къ отчету приложена рѣчь «объ участіи языка отечественнаго въ

умственномъ развитія учащихся», произнесенная въ торжественномъ собраніи гимназіи старшимъ учителемъ С. Н. Долгъ справедливости требуетъ замѣтить, что мы прочли рѣчь довольно умную, хоть можетъ-быть и не совсѣмъ ораторскую и неисчерпывающую предмета въ надлежащей степени. Послѣднее произошло, кажется, отъ-того, что ораторъ предпочиталъ больше отдѣлываться общими мѣстами, нежели пускаться въ подробное и обстоятельное изслѣдованіе своего предмета. Впрочемъ, ему, конечно, извѣстно лучше, нежели намъ, отъ-чего онъ поступилъ такимъ образомъ.

356) **Исторія Россіи въ Разсказахъ для Дѣтей.** *Сочиненіе* Александры Ишимовой. *Санктпетербургъ. 1841. Въ тип. Е. Фишера. Въ 8-ю д. л. Въ трехъ частяхъ. Въ I—377, во II—366, въ III—426 стр.*

Едва успѣла выйдти въ свѣтъ послѣдняя (шестая) часть «Исторіи Россіи» г-жи Ишимовой,—какъ уже является второе изданіе всего сочиненія. Причина такого успѣха двоякая: у насъ мало даже какихъ-нибудь, не только удовлетворительныхъ исторій Россіи, доведенныхъ до конца, а «Исторія» г-жи Ишимовой доведена до смерти Александра-Благословеннаго; потомъ, разсказъ г-жи Ишимовой до того картиненъ, живъ, увлекателенъ, языкъ такъ прекрасенъ, что чтеніе ея исторіи есть истинное наслажденіе — не для дѣтей, которымъ чтеніе исторіи, какой бы то ни было, совершенно-безполезно, потому-что для нихъ въ ней нѣтъ ничего интереснаго и доступнаго, — а для молодыхъ, взрослыхъ и даже старыхъ людей. Говоря о «Русской Исторіи для Первоначальнаго Чтенія» г. Полеваго, мы уже замѣчали, что обращенія автора къ «милымъ маленькимъ читателямъ» только портятъ сочиненіе, которое хорошо само-по-себѣ. Исторія не существуетъ для «дѣтей»: она возможна только для возникающаго сознанія, которому становится возможнымъ отвлеченное представленіе о народѣ, государствѣ и человѣчествѣ, какъ идеальныхъ личностяхъ. Тѣмъ менѣе можетъ быть интересна и понятна для дѣтей частная исторія, чуждая общихъ элементовъ, съ странными именами и дѣйствительностію нисколько не похожею на современную. И не у дитяти закружится голова отъ непроходимой чащи Ростиславовъ и Мстиславовъ, отъ междоусобныхъ браней, чуждыхъ общаго значенія...

Что касается до недостатковъ въ «Исторіи» г-жи Ишимовой, ихъ не можетъ не быть довольно уже потому, что русская исторія совершенно не обработана фактически и не озарена свѣтомъ истиннаго уразумѣнія въ своемъ значеніи и характерѣ. Доселѣ, у насъ мѣряютъ ее не русскимъ аршиномъ, а европейскимъ футомъ: отъ-того она остается для насъ болѣе загадкою, чѣмъ для иностранцевъ. Такъ, на-прим., наши историки и знать не хотятъ объ *исторической перспективѣ*, о которой первый заговорилъ на Руси г. Каченовскій. Для нихъ первый періодъ русской исторіи отъ предполагаемаго Рюрика до Ярослава такъ же ясенъ, какъ періодъ отъ Екатерины-Великой до нашихъ дней, — и они излагаютъ его съ такою же подробностію, какъ-будто-бы дѣло шло, на-прим., о царствованіи Александра-Благословеннаго, какъ-будто-бы они сами жили во времена Рюриковъ, Олеговъ, Игорей и Святославовъ, и все бывшее въ ту эпоху видѣли собственными глазами. Отъ-того, у нихъ эти полу-миѳическія тѣни, эти полу-историческіе призраки говорятъ, чувствуютъ и дѣйствуютъ то какъ Карлъ-Великій, то какъ наши современники, а общественныя отношенія (въ то время, когда едва былъ зародышъ общества и совсѣмъ не было общества) представляются имъ столько же опредѣленными и ясными, какъ послѣднія извѣстія въ «Journal des Débats». Удѣльную систему наши историки смѣшиваютъ съ феодальною, тогда какъ между первою и послѣднею гораздо-меньше сходства, чѣмъ между

готическою и китайскою архитектурою.

Вслѣдствіе всего этого, у нашихъ историковъ нѣтъ гармоніи и соотвѣтственности между частями повѣствованія. Исторія Россіи до Петра-Великаго у нихъ всегда обширнѣе послѣдующей исторіи до нашихъ дней, тогда-какъ исторія до Петра-Великаго должна относиться къ исторіи этого величайшаго монарха, какъ предисловіе или введеніе въ сочиненіе относится къ самому сочиненію. Первый періодъ, до Ярослава, долженъ состоять въ отрывочныхъ, безсвязныхъ извѣстіяхъ византійскихъ историковъ и вообще въ указаніяхъ изъ чуждыхъ источниковъ: изъ туземныхъ же свидѣтельствъ должны упоминаться только тѣ, которыя не противорѣчатъ иностраннымъ и подтверждаются ими. Идея удѣльнаго періода русской исторіи должна быть ни чѣмъ инымъ, какъ идеею расширенія Россіи во-внѣ, — и только тѣ факты должны быть изложены (да и то какъ-можно-короче), которые могутъ служить къ уясненію этой идеи. Идея татарскаго періода Россіи есть идея начала централизаціи Россіи около Москвы, возникновеніе *московскаго государства*, сплоченіе Россіи черезъ чувство общаго бѣдствія, измѣненіе народнаго характера въ пользу азіатскаго элемента жизни. Четвертый періодъ выражаетъ собою усиліе русскаго племени стать государствомъ, укрѣпиться въ опредѣленныхъ гражданскихъ формахъ, мимо всякаго движенія идеи и органическаго развитія. Царствованіе Петра есть начало русской исторіи, какъ государства, начало зиждительное, органическое, изъ котораго должны произойдти событія вѣковъ, а можетъ-быть и тысячелѣтій...

Теперь мы должны сдѣлать замѣчаніе о недостаткѣ собственномъ «Исторіи» г-жи Ишимовой: это отсутствіе колорита, которымъ бы отличалось одно царствованіе отъ другаго. По «Исторіи» г-жи Ишимовой, царствованіе Анны Іоанновны ничѣмъ не ниже царствованія Петра-Великаго, и характеры этихъ вѣнценосцевъ равно велики; а царствованіе Елизаветы Петровны ничѣмъ не ниже царствованія Екатерины-Великой. Правда, г-жа Ишимова не только не говоритъ этого, но напротивъ осыпаетъ особенными похвалами Петра и Екатерину; но непосредственное впечатлѣніе ея разсказа не даетъ чувствовать никакой разницы между упомянутыми монархами и монархинями.

Впрочемъ, не смотря на это, «Исторія» г-жи Ишимовой — важное пріобрѣтеніе для русской литературы: такъ богато сочиненіе ея другими достоинствами, между которыми первое мѣсто занимаетъ превосходный разсказъ и прекрасный языкъ, обличающіе руку твердую, опытность литературную, основательное изученіе предмета, неутомимое трудолюбіе. Разсказъ есть одно изъ главнѣйшихъ достоинствъ историка: мало того, чтобъ вѣрно излагать факты и событія, — надо, чтобъ эти факты и событія непосредственно запечатлѣвались въ умѣ и воображеніи читателя, а глаза его видѣли не однѣ буквы, но и картины. Въ этомъ отношеніи, г-жа Ишимова обладаетъ необыкновеннымъ талантомъ.

Второе изданіе книги г-жи Ишимовой вмѣсто прежнихъ шести частей, вышло въ трехъ, четко, опрятно и красиво отпечатанныхъ компактно (сжато): это большая выгода и для покупателей.

357) Руководство къ Познанію Средней Исторіи *для среднихъ учебныхъ заведеній, сочиненное* С. Смарагдовымъ, *учителемъ исторіи и географіи при Сиротскомъ Институтѣ Императорскаго Гатчинскаго Воспитательнаго Дома. Напечатано иждивеніемъ Санктпетербургскаго Воспитательнаго Дома. Санктпетербургъ. Въ типографіи Штаба Военно-Учебныхъ Заведеній.* 1841. *Въ 8-ю д. л. 408 и XI стр.*

Русская литература, какъ извѣстно всякому, очень бѣдна даже переводными историческими сочиненіями, не только оригинальными. У насъ пере-

веденъ только Ролленъ и Милотъ, первый — Тредьяковскимъ, слѣдовательно, хуже, чѣмъ совсѣмъ не переведенъ, не говоря уже о томъ, что и хорошій переводъ такой книги не былъ бы дорогимъ подаркомъ. Потомъ, у насъ очень дурно переведенъ Тацитъ, и довольно-сносно Плутархъ; а изъ новыхъ историковъ — одна часть Гиббона. Въ прошломъ году вышелъ переводъ исторіи «Карла V» Робертсова, но гдѣ онъ продается и гдѣ существуетъ — Богъ вѣсть. Еще переведена «Исторія Тридцатилѣтней Войны» Шиллера. Кажется, и все тутъ... Изъ оригинальныхъ ныхъ опытовъ, можно упомянуть только объ опытахъ г. *Ертова*: «Всеобщая Исторія Древнихъ Просвѣщенныхъ Народовъ, отъ основанія царствъ до лѣтосчисленія христіанскаго» (Спб. 1825) и «Всеобщая Исторія о Разрушеніи Западной и Ослабленіи Восточной Римской Имперіи, о переселеніи народовъ и образованіи новыхъ государствъ въ Европѣ, Азіи и Африкѣ, до основанія Государства Россійскаго» (Спб. 1830). По самому заглавію этихъ книгъ можно судить, что онѣ писаны человѣкомъ неученымъ, чуждымъ даже литературнаго образованія. Ихъ языкъ неправиленъ, воззрѣнія довольно-ограничены. Но если возьмемъ въ соображеніе, что онѣ написаны человѣкомъ простымъ, не знающимъ, какъ видно, ни одного иностраннаго языка, по русскимъ источникамъ, и что, при всемъ этомъ, онѣ изложены толковито, не безъ смысла, богаты фактами, помѣщенными не безъ разбора и соображенія, и что притомъ онѣ — единственный опытъ въ этомъ родѣ на русскомъ языкѣ, — то и согласимся признать ихъ очень примѣчательнымъ явленіемъ. Чтеніе ихъ весьма-полезно для людей, незнающихъ иностранныхъ языковъ.

Болѣе богата русская литература учебными руководствами къ исторіи, но и это относительное богатство состоитъ въ количествѣ, а не въ качествѣ. Что бы ни говорили объ исторіи г. Кайданова, но — не въ похвальбу русской литературѣ — должно сознаться, что не только передѣлка древней и новой исторіи Геерена, но и собственное издѣліе г. Кайданова — средняя исторія, были несравненно лучше всѣхъ историческихъ учебниковъ на русскомъ языкѣ.

Но наша литература во всѣхъ отношеніяхъ и всегда останется вѣрна своему характеру — противорѣчію и случайности: ей какъ-будто на роду написано удивлять законы возможности и внезапно разрождаться явленіями, неимѣющими ничего общаго съ ея же собственнымъ ходомъ, развитіемъ и состояніемъ. Мы уже не разъ замѣчали, что въ русской литературѣ нѣтъ исторической послѣдовательности и соотвѣтственности въ явленіяхъ. Въ ней есть горы, которыхъ вершины теряются въ облакахъ, но эти горы одинок остоятъ на плоской поверхности, не окруженныя множествомъ горъ низшей высоты, и даже лишенныя сосѣдства холмовъ и холмиковъ. Гора и плоскость — характеръ нашей литературы. Это явленіе недавно повторилось и въ учебной русской литературѣ. Въ 1840 году вышло учебное руководство къ древней исторіи, для среднихъ училищъ, сочиненіе г-на Смарагдова. Мы принялись за эту книгу съ явнымъ предубѣжденіемъ не въ ея пользу; но съ первыхъ же страницъ были изумлены строгою отчетливостію въ системѣ, наукообразнымъ изложеніемъ, богатствомъ истинно-историческаго содержанія, и наконецъ духомъ новой жизни, вѣющимъ въ этомъ учебномъ очеркѣ исторіи древняго міра. Теперь вышла «Средняя Исторія» г-на Смарагдова, — мы принялись за нее уже съ ожиданіемъ чего-то хорошаго, но нашли въ ней еще больше, нежели сколько надѣялись. Надо замѣтить, что для древней и новой исторіи, наша учебная литература имѣла по-крайней-мѣрѣ передѣлку, хотя и довольно-жалкую, гееревовой исторіи г-мъ Кайдановымъ; для средней же исторіи на русскомъ языкѣ почти ничего не

быю. И потому заслуга г-на Смарагдова была бы велика даже и тогда, еслибъ его «Средняя Исторія» была относительно хороша; но это такое учебное руководство, какихъ немного и на нѣмецкомъ языкѣ, и какихъ едва ли можно найдти на французскомъ. Ясность, простота изложенія, запечатлѣвающаяся въ памяти искусная группировка и расположеніе событій, умѣніе всему дать свое мѣсто, указать на существенное, остановиться на важнѣйшемъ и вскользь замѣтить о менѣе-важномъ; современный взглядъ на исторію; духъ жизни, которымъ оживляется сжатый разсказъ, — вотъ достоинства исторіи г-на Смарагдова. Нельзя удовлетворительнѣе и яснѣе расчистить дикую чащу средней исторіи, загроможденную такимъ множествомъ безпрестанно-являющихся и исчезающихъ народовъ, такимъ множествомъ именъ и лицъ. Изъ исторіи г-на Смарагдова ученикъ не только легко запомнитъ факты и событія въ частностяхъ и подробностяхъ, но и будетъ владѣть стройною картиною полнаго и цѣлаго зданія исторіи среднихъ вѣковъ, будетъ знать причины, источники и послѣдствія всѣхъ важнѣйшихъ явленій—происхожденіе римской іерархіи, Западной (Римско-Нѣмецкой) Имперіи, рыцарства, крестовыхъ походовъ, тайныхъ судилищъ, аристократіи, средняго сословія или городовъ, всего величественнаго зданія феодальныхъ монархій. Въ учебной книгѣ, систематически-написанной, оглавленіе содержанія имѣетъ важное значеніе: оно есть конспектъ цѣлаго сочиненія; по немъ, какъ по конспекту, можно судить о самомъ сочиненіи, — и потому мы почитаемъ нужнымъ выписать здѣсь оглавленіе книги г-на Смарагдова, какъ фактъ, по которому читатели могутъ судить о справедливости нашего сужденія:

«Періодъ первый. *Отдѣленіе первое.* Исторія германскаго быта и образованія германскихъ государствъ. Устройство Римской Имперіи. Германцы. Первыя движенія Германцевъ и измѣненіе вида самой Германіи. Великое переселеніе народовъ. Аттила. Паденіе Западной Римской Имперіи. Устройство новыхъ германскихъ государствъ. Христіанство. Исторія Ост-Готскаго Государства. Исторія Лонгобардскаго Государства. Исторія Франкскаго Государства. Карлъ Великій. — *Отдѣленіе второе.* Исторія Восточной Римской Имперіи. — *Отдѣленіе третье.* Исторія Аравитянъ. — Періодъ второй. *Отдѣленіе первое.* Исторія государствъ, составлявшихъ Западную Римскую Имперію. Исторія Франкскаго Государства. Ленная система. Исторія Франціи. Исторія Германіи и проч. — *Отдѣленіе второе.* Государства, невходившія въ составъ карловой монархіи. Исторія Англіи. Исторія Скандинавіи. Исторія Венгріи. — *Отдѣленіе третье.* Исторія Восточной Римской Имперіи. — *Отдѣленіе четвертое.* Исторія Пиренейскаго Полуострова. — *Отдѣленіе пятое.* Исторія мухаммеданскихъ царствъ въ Азіи и Африкѣ. — Періодъ третій. *Отдѣленіе первое.* Крестовые походы. Причины крестовыхъ походовъ. Первый крестовый походъ. Рыцарство. Монашество. Духовные рыцарскіе ордена. Второй крестовый походъ. Третій крестовый походъ. Четвердый крестовый походъ. Пятый крестовый походъ. Крестовые походы Лудовика Святаго. Слѣдствія крестовыхъ походовъ. — *Отдѣленіе второе.* Частная исторія государствъ въ III періодѣ. Западныя государства. Франція. Англія. Пиренейскій Полуостровъ, Германія, и проч. Италія. Венгрія. Польша. — *Отдѣленіе третье.* Скандинавія. — *Отдѣленіе четвертое.* Византійская Имперія и Азія. Общее заключеніе о судьбѣ и развитіи человѣчества въ средніе вѣки. Состояніе наукъ и искусствъ въ средніе вѣки. Изобрѣтенія и открытія среднихъ вѣковъ. Хронологическая таблица».

Учебная книга имѣетъ свои особенности, отличающія ее отъ ученой книги: первая есть какъ-бы конспектъ въ-отношеніи къ послѣдней. И потому, безъ основательнаго изученія во-время первой, безполезно чтеніе ученыхъ сочиненій историческихъ, равно какъ и художественныхъ исторій, частныхъ или всеобщихъ. Можно знать много фактовъ и не знать, къ чему ихъ отвести, и въ какой связи они съ прочими; а это почти то же, что ничего не знать. И по-

тому, одно изъ главнѣйшихъ достоинствъ учебника — краткость при полнотѣ. Вотъ почему г. Смарагдовъ многіе факты совсѣмъ пропускаетъ, только упоминая о нихъ, какъ уже объ извѣстныхъ. Такъ, напр., у него часто встрѣчаются отрывистыя фразы, въ родѣ слѣдующихъ: «Гробъ Атиллы». — «Разсказъ о желѣзной коронѣ лонгобардскихъ королей.» — «Разсказъ объ убіеніи Гуссейна, втораго сына Аліева». — «Его (*Гаруна - аль - Рашида*) сношенія съ Карломъ Великимъ.» — «Ученый Scotous Erigena, другъ Альфреда.» — «Истребленіе волковъ въ Англіи въ царствованіе Альфреда», и т. п.

Касательно недостатковъ, мы укажемъ только на неполноту очерка характера Германцевъ. А здѣсь автору могъ бы дать богатые матеріалы Тацитъ. Характеристика Галловъ, сдѣланная Юліемъ-Цезаремъ, и приведенная авторомъ кстати, могла бы служить превосходнымъ объясненіемъ тайны духа нынѣшняго французскаго народа. Мы здѣсь требуемъ отъ автора нелишняго, но того, что онъ самъ превосходно сдѣлалъ въ отношеніи къ Норманамъ. Вотъ его краткій, но схватывающій сущность дѣла очеркъ характера Норманов:

«Какъ въ пустынѣ Аравіи, такъ въ глубокомъ скандинавскомъ сѣверѣ образъ жизни и мыслей народовъ совершенно зависитъ отъ природы. Борьба съ хладною природою, скудные дары которой пріобрѣтаются только съ величайшимъ трудомъ, даетъ въ Скандинавіи человѣку характеръ настойчивый и своенравный: суровый, какъ ледяныя горы и дремучіе лѣса, мрачный, какъ темныя пропасти, его окружающія, неукротимый, какъ бушующее море, дробящееся о берега его родины, онъ не знаетъ препонъ, которыя бы могли остановить волю его, презираетъ опасностями и гордится именемъ берзеркера, т. е. одержимаго бѣшенствомъ храбрости. Вотъ сынъ скандинавскій съ одной стороны! Съ другой стороны, принужденный въ зиму и непогоду проводитъ жизнь въ бездѣйствіи среди семейства, Скандинавъ сокращалъ длинные досуги любовію и разсказомъ: посему любовь и поэзія, конечно дикая и изступленная, суть также неотъемлемыя стихіи его характера».

После такого очерка характера Норманов, ученику памятна будетъ роль, которую играло это племя въ европейской исторіи среднихъ вѣковъ и потомъ въ позднѣйшее время, явившись въ Германіи съ своимъ рыцарственнымъ королемъ, благороднымъ Густавомъ-Адольфомъ, защитою и оплотомъ протестантизма противъ іезуитскаго католицизма..

Еще одно замѣчаніе: въ предисловіи къ своей средней исторіи, г. Смарагдовъ между прочимъ говоритъ: «Въ одномъ журналѣ (*) меня упрекали за то, что я совершенно выпустилъ изъ виду исторію Китая и Индіи. Признаю справедливость этого упрека: дѣйствительно, можно бъ было наговорить многое какъ о Китаѣ, такъ и объ Индіи. Но *спрашивается*: какое вліяніе исторія Китая обнаружила на историческое человѣчество: рѣшено ли то, что Китайцы древнѣйшій народъ въ мірѣ, что государство ихъ представляетъ собою первообразъ гражданскаго общества?» — *Отвѣчается*: рѣшено, что Китайцы осуществили не *первообразъ* государства, а моментъ государственной жизни прежде другихъ народовъ. Какой народъ древнѣйшій въ мірѣ — это вопросъ пустой и неразрѣшимый; но что Китайцы первое (по времени) государство въ мірѣ, — это ясно изъ ихъ государственнаго устройства, возникшаго и оцѣпенѣвшаго въ состояніи оцѣпенѣлости. Въ сравненіи съ государственнымъ и общественнымъ устройствомъ Китайцевъ, всѣ другіе азіатскіе народы — дикія и нестройныя орды, разумѣется исключая Японію, которая не безъ основанія почитается выродившеюся китайскою колоніею. Китайская *государственность*, если можно такъ выразиться, явно есть первый моментъ государства, и въ этомъ отношеніи самый церемоніалъ и церемонность тамошняя имѣетъ глубокое

(*) Т. е. въ «Отечественныхъ Запискахъ» 1840 года.

значеніе. Азія есть страна *начинанія*, такъ же какъ Европа — страна развитія и повершенія. На азіатской почвѣ возникли всѣ начатки всемірной исторіи, но съ тѣмъ, чтобъ и остаться начатками, оцѣпенѣть. О китайской исторіи многаго сказать нельзя; но дѣло совсѣмъ не въ исторіи, а въ гражданскомъ и общественномъ устройствѣ этой дивной страны. Китай требуетъ себѣ мѣста въ исторіи не по войнамъ и династіямъ, а по своей идеѣ перваго государства въ мірѣ. Касательно этого, г. Смарагдову ничего не нужно было бы наговаривать, а стоило бы только заглянуть въ «Философію Исторіи» Гегеля: тогда бы онъ зналъ что сказать о Китаѣ и объ Индіи, да и обо многомъ другомъ, о чемъ онъ не сказалъ въ своей «Древней Исторіи».

Радуемся за русскія среднія учебныя заведенія: у нихъ теперь есть руководство къ исторіи, лучше какого пока и требовать нельзя. Желательно, чтобы г. Смарагдовъ скорѣе издалъ новую исторію, и тѣмъ навсегда освободилъ наше несчастное юношество отъ безобразныхъ и безсмысленныхъ компиляцій, представивъ имъ руководство, отличающееся европейскими достоинствами.

358) Русско-Нѣмецкій и Нѣмецко-Русскій Карманный Словарь. Н. Ульянова. *Часть первая.* Словарь Русско-Нѣмецкій. *Санктпетербургъ. У издателя, книгопродавца Ю. А. Юнгмейстера. 1841. Въ тип. Экспедиціи Заот. Госуд. Бумагъ. Въ 64-ю д. л. 338 стр.*

Не смотря на то, что у насъ есть коекакіе русско-нѣмецкіе и нѣмецко-русскіе словари, у насъ не было еще досихъ-поръ *карманнаго* словаря въ собственномъ смыслѣ слова; существующіе теперь нѣмецко-русскіе лексиконы въ четырехъ, трехъ, или двухъ томахъ, на-пр., лексиконы Гейма, Месса, Ольдекопа, Шмидта и др., никакъ не могутъ назваться карманными — по-крайней-мѣрѣ до-тѣхъ-поръ, пока мы не обратимся опять къ длиннополому одѣянію нашихъ предковъ съ его безконечными карманами. Но кромѣ формата, «Словарь», изданный г-мъ Юнгмейстеромъ, отличается изящною наружностью, исправностью корректуры и дешевизною. Главное же — этотъ «Словарь» составленъ тщательно; въ небольшомъ объемѣ онъ соединяетъ множество дѣйствительныхъ достоинствъ, между которыми не послѣднее мѣсто занимаютъ объясненія неправильныхъ сравнительныхъ и превосходныхъ степеней и разныхъ формъ глагола. Жаль только, что альфавитный списокъ географическихъ названій и собственныхъ именъ—сбивчивъ: въ немъ, противъ обыкновенія, не отдѣлены собственныя имена лицъ отъ именъ географическихъ. Вообще эта часть «Словаря» составлена весьма-необдуманно. Такъ мы не можемъ понять, зачѣмъ попали въ «Русско-Нѣмецкій Словарь» фамиліи, которыя никогда и ни на какой языкъ не переводятся; на-пр., Жуковскій, Пушкинъ, Гёте, Шиллеръ, Шекспиръ, Гегель и др.; ихъ никто не пойдетъ искать въ словарѣ *русско*-нѣмецкомъ, между-тѣмъ, какъ географическая часть словаря есть, такъ-сказать, оракулъ, съ которымъ совѣщаются даже не одни учащіеся. Не смотря на этотъ небольшой недостатокъ, происходящій впрочемъ отъ изобилія, мы рекомендуемъ «Словарь» г-на Ульянова, какъ книгу, вполнѣ соотвѣтствующую своему назначенію. Не думаемъ, чтобъ «Словарь» его былъ сколько-нибудь достаточенъ для чтенія классическихъ нѣмецкихъ писателей, — это невозможно даже по самому объему книги; но для начинающихъ учиться нѣмецкому языку трудно найдти пособіе въ этомъ родѣ болѣе удобное и полное.

359) Дѣтскій Другъ. (,) *или собесѣдникъ разумныхъ дѣтей, состоящій изъ 123 раскрашенныхъ фигуръ, изображающихъ разные предметы, кои дѣтямъ необходимо знать нужно; съ начальнымъ ученіемъ россійскаго* (русскаго), *французскаго и нѣмецкаго языковъ,*

(съ) *избранными баснями и сказочками, для образованія сердца и разума,* и (съ) *изъясненіемъ фигуръ на трехъ языкахъ.* Третье изданіе. *У книгопродавца Матвѣя Заикина. Санктпетербургъ. Въ тип. Конрада Вингебера и сына. 1841 Въ 16-ю д. л. 130 стр.*

Заглавіе этой книжонки писано явно на халдейскомъ языкѣ, почему выходитъ безсмысленно на русскомъ. Прилагаемъ самый вѣрный переводъ. «Дѣтскій Врагъ, или собесѣдникъ глупыхъ дѣтей, состоящій изъ двадцати семи лубочныхъ литографій, изображающихъ предметы, которые дѣтямъ лучше совсѣмъ не знать, чѣмъ узнать изъ этой дрянной книжки, съ французскими и нѣмецкими буквами, складами и фразами, безъ объясненій, безъ толку, безъ смыслу, съ искаженіемъ русскаго (а не россійскаго — небывалаго) языка, съ плохими баснями и сказочками для искаженія сердца и притупленія ума, не съ изъясненіями фигуръ, а съ названіями ихъ на трехъ языкахъ. Первое изданіе, для пуфа и ловли безграмотныхъ покупателей книгъ названное третьимъ. У книгопродавца Матвѣя Заикина. Санктпетербургъ. Въ суздальской типографіи Вингебера.»

360) Полная Французская Азбука, *расположенная по руководству грамматики(?)* Г. Летелье, *заключающая въ себѣ: примѣры для чтенія изъ натуральной исторіи; анекдоты изъ исторіи россійской; басни лучшихъ французскихъ авторовъ; правила произношенія буквъ изъ грамматики* г. Аллара *и собраніе употребительнѣйшихъ словъ и рѣченій.* Изданіе второе, *дополненное. Въ трехъ отдѣленіяхъ. Москва. Въ тип. Лазаревыхъ Инстит. Восточ. Языковъ. 1841. 122 стр.*

Азбука, составленная и расположенная не безъ толку. По-крайней-мѣрѣ, въ этой книжкѣ есть столько ума, сколько это возможно для порядочной азбуки.

361) Спутникъ *отъ Санктпетербурга до Москвы. Москва. Въ тип. Степанова. 1841. Въ 16-ю д. л. 96 и 96 стр.*

Книга, которая «аттестуетъ себя чрезвычайно какъ странно!» Вообразите себѣ маленькую книжку, которую вы едва только доведете до конца (разумѣется, если у васъ станетъ на это терпѣнія), какъ можете опять начинать съ этого конца и довести чтеніе опять до того же начала, только оборотивъ книгу, вверхъ ногами! Книга, которую можно читать вверхъ ногами — это по-крайней-мѣрѣ рѣдкость. Такое странное расположеніе придумано — говоритъ авторъ — для вящшаго удобства благородныхъ путешественниковъ; т. е., чтобъ въ одной и той же книжкѣ путешественникъ могъ найдти путеводителя и по дорогѣ отъ Москвы до Петербурга, и по дорогѣ отъ Петербурга до Москвы. Ѣдете вы, напримѣръ, изъ Петербурга въ Москву — возьмите въ руки книжку такъ, чтобъ передъ вами на оберткѣ было напечатано: «Спутникъ отъ Петербурга до Москвы». и читайте только тѣ страницы, которыя передъ вашими глазами лежатъ на правой сторонѣ; на лѣвую не заглядывайте: тамъ всѣ строки къ верху ногами. Когда же вы возвращаетесь изъ Москвы въ Петербургъ, переверните книгу — и на обертке, которая во время вашего путешествія въ Москву была заднею, а теперь должна быть переднею, увидите: «Спутникъ отъ Москвы до Петербурга». Тутъ опять начинайте читать страницы на правой сторонѣ; на лѣвую же опять не заглядывайте, потому-что тамъ ужь лежатъ вверхъ ногами тѣ самыя строки, которыя были въ другомъ положеніи, когда вы ѣхали изъ Петербурга въ Москву... Удивительная книга! По всему видно, авторъ хорошо понимаетъ, что́ такое смотрѣть на вещь съ *разныхъ точекъ* зрѣнія! Какъ бы то ни было, впрочемъ, въ новомъ путеводителѣ, кромѣ стараго нѣтъ ничего новаго, и не смотря на его двойственную натуру, мы все бы предпочли ему единственный «Путеводитель» г. Дмитріева, который и основательнѣе знаетъ свое дѣло, и обстоятельнѣе излагаетъ его подробности.

КНИГИ, ИЗДАННЫЯ ВЪ РОССІИ НА ИНОСТРАННЫХЪ ЯЗЫКАХЪ.

33) Reise nach dem Ural *und der Kirgisensteppe in den Jahren 1833 und 1835, von* Gr. von Helmersen. *Erste Abtheilung mit* 3 *Karten. St. Petersburg. 1841.* (Путешествіе на Уралъ *и въ Киргизскую Степь, совершенное въ 1833 и 1835 годахъ* Гр. Гельмерсеномъ. *Отдѣлъ первый, съ 3-мя картами). Санктпетербургъ. 1841. Въ 8-ю д. л. 238 стр.*

Это описаніе путешествія, которое совершилъ ученый и извѣстный многими удачными геогностическими изслѣдованіями и составленіемъ превосходной карты высотъ Россіи—геологъ г. Гельмерсенъ. Оно составляетъ въ то же время 5-й томъ издаваемаго имъ, вмѣстѣ съ знаменитымъ естествоиспытателемъ, академикомъ Беромъ, сочиненія «Beiträge zur Kenntniss des Russischen Reichs und der angränzenden Länder Asiens». Въ настоящее время, когда поверхностность и неосновательность составляютъ отличительный характеръ большей части модныхъ путешественниковъ, эта книга, истинно обогащающая науку, заслуживаетъ величайшую и двоякую благодарность нашу. Авторъ ни туристъ, ни стилистъ, но ученый въ строжайшемъ и благороднѣйшемъ смыслѣ слова. И потому, тѣ изъ читателей, которые берутся за книгу для того, чтобъ разсѣять хандру, или провести какъ-нибудь послѣобѣденное время, должны оставить сочиненіе г. Гельмерсена въ покоѣ. Мыслящій читатель, напротивъ, не будучи даже знатокомъ дѣла, найдетъ въ немъ сокровищницу оригинальныхъ и новыхъ замѣтокъ и, вмѣстѣ съ основательнымъ наставленіемъ, въ высшей степени интересное занятіе. Уральскія-Горы—неисчерпаемая сокровищница минераловъ для Россіи, и довольно-давно уже онѣ служатъ магнитомъ, привлекающимъ къ себѣ извѣстныхъ минералоговъ и геогностовъ для ученыхъ наблюденій и изслѣдованій. Подлѣ именъ Палласа, Германа, Купфера, Энгельгардта — и, въ новѣйшее время, знаменитаго путешественника Розе, между посѣтителями Уральскаго-Хребта имя Гельмерсена стоитъ въ первомъ ряду. Немногіе имѣли возможность сообщать свои наблюденія ученой публикѣ, между-тѣмъ, какъ четыре путешествія къ Уральскимъ-Горамъ доставили ему случай изучить подробно особенности этихъ горъ; при чемъ не мало способствовали успѣху обогащенный свѣдѣніями умъ и пособія отъ правительства. Въ разсматриваемой нами книгѣ, авторъ излагаетъ результаты двухъ послѣднихъ путешествій своихъ въ 1833 и 1835 годахъ, и именно въ вышедшемъ нынѣ первомъ отдѣлѣ заключается историческая часть его путешествія, между-тѣмъ, какъ геогностическія и метеорологическія наблюденія войдутъ въ составъ втораго отдѣла. Мы далеко вышли бы за предѣлы библіографической статьи, еслибъ рѣшились представить читателямъ даже краткое извлеченіе изъ этой занимательной книги. Любопытнѣйшія статьи въ ней, безъ сомнѣнія: поѣздка по Волгѣ, исторія открытія золотаго песка на Уралѣ, превосходное изображеніе уральскаго племени Вогуловъ, описаніе Екатеринбурга и занимательныя свѣдѣнія о разныхъ лицахъ и положеніи ихъ; описаніе златоустовской желѣзоплавильни, и наконецъ подробности объ Оренбургѣ и путешествіи въ Киргизской-Степи. Г Гельмерсенъ, не выпуская изъ виду главной цѣли своей, остается ученымъ и спокойнымъ наблюдателемъ: никогда фантазія не беретъ у него власти надъ умомъ. Три карты, приложенныя къ книгѣ и составленныя авторомъ съ извѣстною по прежнимъ трудамъ его точностію, служатъ драгоцѣннымъ дополненіемъ къ книгѣ; особенно должны мы благодарить его за карту Киргизской-Степи между Верхнимъ-Ураломъ, Тоболемъ и Уемъ, начерченную по новѣйшимъ

съёмкамъ и по собственнымъ его наблюденіямъ. Желательно, чтобъ г. Гельмерсенъ приступилъ къ изданію находящихся въ его портфёлѣ и рисованныхъ съ натуры превосходныхъ очерковъ сибирскаго края.

34) C. Julii Caesaris Commentariorum de Bello Gallico *libri septem cum Vocabulario Latino-rossic.* (К. Юлія Цезаря Комментаріи о Войнѣ Галльской.) *Москва. Въ тип. Селивановскою. 1841. Въ 12-ю д. л. 278 и 65 стр.*

Книга, какъ извѣстно, довольно-нужная для классныхъ занятій; стало-быть изданіе ся, хотя довольно сѣрое и безъ всякихъ стороннихъ поясненій, кромѣ словаря, не будетъ излишнимъ.

35) Album Poëtique des Familles et des Maisons d'Education. *Recueil de poésies graduées pour le premier âge, l'enfance, l'adolescence et la jeunesse, extrait des meilleurs auteurs français, depuis le XVII-e siècle jusqu'a nos jours, par* Charles de St.-Hilaire. *3-me et 4-me livraisons.* Adolescence.—Jeunesse.—*St-Pétersbourg. 1841. Imprimerie du Journal de Saint-Pétersbourg. Въ 8-ю д. л. Въ I-й части 68, во II-й—90 стр.*

Сборникъ стихотвореній Делиля, Ламартина, Флоріана, Шольё, Жанъ-Батиста Руссо, г-жи Дезульеръ, Буало, Грессета, Детуша. Бауръ-Лорміана, Лагарпа и другихъ водяныхъ риемотворцевъ. Pauvre adolescence! pauvre jeunesse!...

36) Lectures Morales, Historiqes, et autres, *à l'usage de classes de la communauté des demoiselles nobles, redigées par* I. J. de Riffé, *l'un des maitres de cet institut. Saint-Pétersbourg. Imprimerie du Journal de Saint-Pétersbourg. 1841. Въ 8-ю д. л. Двѣ части. Въ I-й — 176, во II-й— 206 стр.*

Услалительное чтеніе для ума и сердца! какъ говаривали въ доброе старое время въ эпоху маркизовъ, париковъ и фижмъ. Книга, о которой смѣло можно сказать: *мать дочери велитъ ее читать.* Чего же больше?

37) Lectures Françaises *à l'usage des familles et des maisons d'éducation en Russie. Ouvrage gradué pour le premier âge, l'enfance, l'adoloscence et la jeunesse par* Charles de St.-Hilaire. Adolescence. *St.-Pétersbourg. De l'imprimerie de Charles Kray. 1841. Въ 12-ю д. л. Двѣ части. Въ I-й— 158, во II-й—166 стр.*

Тоже очень-полезная книга.

38) Cours comlet et gradué de Langue Française, *en cinq parties, à l'usage de la jeunesse russe, par* M. M. E. et A. de Baccarat. *Ouvrage adopté à l'école de commerce de St.-Pétersbourg. St.-Pétersbourg. De l'imprimerie de Edouard Pratz. 1841. Въ 8-ю д. л. Двѣ части. Въ I-й—93 и 67, во II-й—166 и III стр.*

Признаемся, мы не совсѣмъ поняли, въ чемъ именно состоитъ метода г Баккара, и потому думаемъ, что его книга полезна *его* ученикамъ и при *его* личномъ преподаваніи. Впрочемъ, примѣры для чтенія въ ней очень-хороши и по содержанію и по языку, какъ французскому, такъ и русскому.

БИБЛІОГРАФИЧЕСКІЯ И ЖУРНАЛЬНЫЯ ИЗВѢСТІЯ.

«Отечественныя Записки» прежде всѣхъ журналовъ ознакомили публику съ новымъ великимъ талантомъ, явившемся ей въ лицѣ Лермонтова, котораго преждевременную кончину долго не перестанетъ оплакивать русская литература горькими слезами. Первое стихотвореніе съ полнымъ именемъ

Лермонтова (*) было напечатано въ первой книжкѣ «Отечественныхъ Записокъ» въ 1839 году. Съ-тѣхъ-поръ почти въ каждой книжкѣ этого журнала Лермонтовъ являлся или съ стихотвореніемъ, или съ статьею въ прозѣ, и почти нигдѣ болѣе не печаталъ своихъ произведеній. Отъ-этого на «Отечественныхъ Запискахъ» нѣкоторымъ образомъ лежитъ священная обязанность собрать все, что написано было Лермонтовымъ въ-теченіе его кратковременной жизни,—и къ этому побуждаетъ насъ не только дружба, связывавшая насъ съ незабвеннымъ поэтомъ при его жизни, не только уваженіе къ его памяти, но и общая выгода русской литературы, для которой должна быть драгоцѣнна всякая строка, имъ начертанная. Мы стараемся теперь собирать всѣ его произведенія, не считая того, что оставилъ онъ у насъ, отъѣзжая на югъ, откуда уже не возвращался болѣе... Мы имѣемъ теперь двѣ большія его поэмы: *Бояринъ Орша* и *Демонъ*, начало третьей большой поэмы, которую онъ назвалъ *Сказка для дѣтей*, драму въ четырехъ актахъ: *Маскарадъ*, и нѣсколько *мелкихъ* стихотвореній. Всѣмъ этимъ мы непремѣнно подѣлимся съ читателями «Отечественныхъ Записокъ» въ будущемъ 1842 году. Стараясь собрать все написанное Лермонтовымъ въ послѣднее время его жизни, мы между прочимъ получили съ Кавказа горестное извѣстіе, что бумаги его пропали въ самый день его смерти, 15-го іюля нынѣшняго года. Теперь приняты мѣры къ отъисканію ихъ. Лермонтовъ, незадолго до своей кончины, извѣщалъ насъ, что по отъѣздѣ своемъ изъ Петербурга (въ маѣ мѣсяцѣ) онъ писалъ очень много... Дай-то Богъ, чтобъ все имъ написанное было отъискано! Это драгоцѣнный капиталъ русской литературы!

—

(*) Пѣсня о Калашниковѣ помѣщена была въ «Литер. Приб. къ Русскому Инвалиду» въ 1838 году; но тамъ не было подписано имени Лермонтова.

Лермонтовъ, при отъѣздѣ на Кавказъ, подарилъ редактору «Отечественныхъ Записокъ» чрезвычайно-схожій портретъ свой, писанный во время *послѣдняго* пребыванія его въ Петербургѣ нынѣшнею весною. Зная, какъ оцѣнила поэта русская публика, мы думали, что ей пріятно будетъ видѣть черты его и рѣшились подарить ее портретомъ Лермонтова. Лучшій петербургскій литографъ, Поль дѣлаетъ его теперь, и дѣлаетъ прекрасно: сходство удивительное! литографическая работа не уступитъ лучшимъ иностраннымъ. Этотъ портретъ, вмѣстѣ съ снимкомъ подписи Лермонтова, будетъ приложенъ къ первой книжкѣ «Отечественныхъ Записокъ» 1842 года.

—

Стихотворенія Пушкина, невошедшія почему-либо въ полное собраніе его сочиненій, дѣятельно собираются редакціею «Отечественныхъ Записокъ» и будутъ по-возможности всѣ напечатаны въ этомъ журналѣ въ слѣдующемъ году, чтобъ, какъ мы сказали въ 9-й книжкѣ, будущій издатель зналъ, гдѣ взять все остальное, принадлежащее Пушкину и вмѣстѣ собранное.

—

На-дняхъ появилась на русскомъ языкѣ одна изъ тѣхъ книгъ, которыя составляютъ эпоху въ каждой ученой литературѣ — трудъ многолѣтній, совершенный съ полнымъ знаніемъ дѣла, съ полною добросовѣстностію. Мы говоримъ о *Сочиненіяхъ Платона*, переведенныхъ *съ греческаго* и объясненныхъ профессоромъ Санктпетербургской Духовной Академіи *Карповымъ*. «Отечественныя Записки» поговорятъ подробнѣе объ этой книгѣ въ слѣдующемъ мѣсяцѣ: а теперь онѣ спѣшатъ поздравить русскую публику съ появленіемъ этого великаго творенія. «Божественный Платонъ» дѣлается теперь нашею собственностію, переведенный съ подлинника достойнымъ его образомъ, — не такъ, какъ переводилъ Кузенъ, старавшійся его перефразировать, —но такъ, что въ переводѣ видна

и мысль Платона съ ея оттѣнками, и сохранена чистота и естественность русской фразы. Одна такая книга выкупаетъ собою весь литературный балластъ нѣсколькихъ годовъ и приноситъ честь литературѣ и народу. Г. Карповъ совершаетъ великій подвигъ; всѣми силами души желаемъ ему довершить его до конца такъ же хорошо, какъ онъ началъ его. Теперь вышла только первая часть: вторая печатается; за нею поступятъ въ типографію и прочія.

—

Въ Москвѣ предпринято чрезвычайно-важное и полезное изданіе, подъ именемъ *Памятниковъ Московской Древности съ присовокупленіемъ Очерка Монументальной Исторіи Москвы.* Извѣстный знатокъ отечественной старины, И. М. Снегиревъ, составилъ, по порученію Московскаго Общества Исторіи и Древностей Русскихъ, описаніе московскихъ древностей; къ этому описанію предположено теперь присовокуплять изображенія важнѣйшихъ предметовъ, сдѣланныя извѣстнымъ по этой части археологомъ-художникомъ, академикомъ Ѳ. Г. Сонцевымъ, который уже нѣсколько лѣтъ занимается срисовываніемъ памятниковъ русской старины и дѣлаетъ это съ величайшимъ искусствомъ и точностію; альбомы его — истинное сокровище для археолога. Изданіе будетъ выходить тетрадями; каждая тетрадь заключитъ въ себѣ нѣсколько листовъ текста въ большую четвертку, напечатаннаго на лучшей веленевой бумагѣ, красивыми буквами, въ два столбца; къ каждой тетради приложено будетъ по *два* рисунка гравированныхъ и по *два* рисунка превосходно отпечатанныхъ красками въ Парижѣ, новымъ литохромическимъ способомъ по изобрѣтенію Энгельмана. Цѣна каждой тетради *четыре рубля серебромъ.* Первая и вторая тетради должны выйдти въ наступившемъ ноябрѣ.—Поздравляемъ всѣхъ любителей старины съ этимъ прекраснымъ предпріятіемъ, которымъ Москвѣ давно была бы пора почтить свою святую древность.

—

Къ новому году, конечно, приготовляется, какъ и всегда, много разныхъ такъ-называемыхъ дѣтскихъ книжекъ. Мы слышали объ одной изъ нихъ. Она называется *Дѣтскій Энциклопедическій Словарь*, и выйдетъ въ двухъ большихъ томахъ. Если книга эта будетъ составлена хорошо и старательно, то она будетъ очень полезна для справокъ. Исторія священная и гражданская, географія, естествознаніе, явленія природы, важнѣйшіе и въ быту встрѣчающіеся вопросы изъ химіи, физики, математики; этнографія древнихъ и новыхъ народовъ, описаніе краткое, сжатое, замѣчательнѣйшихъ произведеній человѣческаго генія, искусства или терпѣнія; художества свободныя, игры, — все, все войдетъ въ составъ этого словаря, гдѣ также, подъ буквою З дѣти увидятъ простое изложеніе началъ земледѣлія, а подъ другими, соотвѣтственными, описаніе разныхъ орудій, снарядовъ, машинъ, терминовъ, обрядовъ, употребляемыхъ какъ въ земледѣліи, такъ въ торговлѣ, ремеслахъ, фабрикахъ и пр. Всѣ предметы, о которыхъ дѣти не найдутъ подробностей въ другихъ русскихъ книгахъ. для дѣтей изданныхъ, будутъ довольно-подробно описаны въ «Словарѣ»; но всѣ тѣ, которые уже описаны многими авторами, будутъ очерчены кратко и заключены ссылками на такія книги, какъ на-примѣръ. Географія Соколовскаго, Исторія для Дѣтей Полеваго и г-жи Ишимовой, Священная Исторія священника Краснопѣвтова и г-жи Зонтагъ и пр. и пр Насъ извѣщаютъ, что, для этого «Словаря» нѣсколько любителей занимались переводомъ разныхъ статей изъ дѣтскихъ книгъ французскихъ, нѣмецкихъ, англійскихъ, а сводилъ все это вмѣстѣ извѣстный Викторъ Бурьяновъ, который, говорятъ, въ эти три года, что ничего не писалъ, послѣ изданія безчисленнаго множества томовъ

и томиков, излечилея от скороспѣлости въ трудахъ литературныхъ и работаетъ съ толкомъ, съ разстановкой. Съ 1-го ноября въ Конторѣ Отечественныхъ Записокъ открывается подписка на эту книгу. Цѣна за два большіе тома въ два столбца 3 р. сер. Немножко-дорого, правду сказать, для книги, которая должна быть настольною дѣтскою книгою...

—

Въ журнальномъ мірѣ, кажется, все обстоитъ благополучно; новаго ничего нѣтъ, а старое по старому. Въ-самомъ-дѣлѣ, въ 1842 году, кажется не будетъ ни одного новаго журнала, а старые, какъ слышно, всѣ будутъ издаваться по-прежнему; нѣкоторые только хотятъ измѣнить свои форматы и время выхода, что впрочемъ не перемѣнитъ сущности дѣла. Одинъ «Сынъ Отечества» не объявлялъ еще о подпискѣ на будущій годъ; но, говорятъ, и онъ тоже будетъ издаваться. Неизвѣстно также, что станется съ *Репертуаромъ, Пантеономъ, Экономомъ*, и пр. До-сихъ-поръ они что-то больно хромаютъ, а иные совсѣмъ безъ ногъ, т. е. вовсе не ходятъ, или не выходятъ, какъ, напр. «Пантеонъ Русскаго и всѣхъ Европейскихъ Театровъ», котораго пятой книжки все еще нѣтъ какъ нѣтъ. Видно, ему такая же участь, какъ *Портретной и Біографической Галлереѣ* г. Соколова, начавшейся съ великимъ шумомъ и обѣщаніями, и тоже, кажется, остановившейся. Ни одно изъ этихъ изданій не выпускало еще программы своей, ни объявленія о выходѣ въ 1842 году, — и міръ въ недоумѣніи обращаетъ къ нимъ взоры свои съ вопросомъ: будутъ ли существовать они? — Увы! нѣтъ отвѣта...

—

Но, если мы ничего не можемъ сказать о другихъ изданіяхъ, тѣмъ съ большимъ удовольствіемъ извѣщаемъ читателей о нѣкоторыхъ. Къ числу этихъ нѣкоторыхъ принадлежитъ *Посредникъ*, газета, издаваемая С. М. Усовымъ. Это въ высшей степени полезное изданіе, въ которомъ соединено основательное знаніе дѣла съ занимательностію и разнообразіемъ статей, будетъ продолжаться и въ слѣдующемъ 1842 году, третьемъ отъ его начала, по прежнему плану и на прежнихъ условіяхъ. Цѣль «Посредника», какъ извѣстно, знакомить читателей съ улучшеніями и полезными способами по разнымъ частямъ промышлености и хозяйства, и съ успѣхами наукъ, относящихся къ этому предмету, — цѣль, выполняемая сколько-можно-ближе къ потребностямъ быта. Слѣдовательно, это не поваренный листокъ, нашпигованный всякимъ вздоромъ, котораго, вѣроятно, и кухарки не читаютъ, — но изданіе истинно-полезное, наставительное. Достоинство «Посредника» всего лучше доказывается тѣмъ, что лишь-только появится листокъ его, какъ всѣ газеты, и петербургскія и московскія, наперерывъ перепечатываютъ изъ него статьи въ столбцы свои. Съ другими листками этого что-то не случается... (*)

—

Литературная Газета будетъ издаваться въ 1842 году безъ всякихъ измѣненій въ своемъ духѣ и направленіи; перемѣнится только форматъ ея и время выхода: она будетъ издаваться одинъ разъ въ недѣлю, и каждый нумеръ ея будетъ состоять изъ двухъ съ половиною листовъ самаго большаго формата, въ четвертую долю. Этимъ

(*) Цѣна за годовое изданіе или 52 нумера «Посредника», выходящіе еженедѣльно, остается на будущій годъ прежняя, то-есть 15 рублей ассигнаціями, или 4 руб. 30 коп. серебромъ, въ С. Петербургѣ съ доставкою на домъ, а иногороднымъ съ пересылкою на города. Подписка принимается въ С. Петербургѣ, въ редакціи «Земледѣльческой Газеты», на Вас. Острову, по 9 линіи, въ домѣ Маркова № 5; въ Газетной Экспедиціи С. Петербургскаго Почтамта; въ типографіи Э. Праца, у Краснаго-Моста, въ домѣ Меньшикова, и въ Конторѣ Отечественныхъ Записокъ у коммиссіонера Андрея Иванова, на Невскомъ-Проспектѣ, въ домѣ Петропавловской Церкви.

устранится непріятное раздѣленіе большихъ статей на нѣсколько нумеровъ, и читатели отъ такой перемѣны много выиграютъ. По-прежнему, главнымъ распорядителемъ по литературной и хозяйственной частямъ «Литературной Газеты» будетъ Ѳ. А. Кони, къ которому и слѣдуетъ обращаться со всѣмъ, относящимся до этого изданія. Подписка на «Литературную Газету» принимается въ Конторахъ Отечественныхъ Записокъ, въ Санктпетербургѣ, Москвѣ и Одессѣ. Годовая цѣна 10 рублей серебромъ, безъ пересылки и 11 рублей 50 коп. серебромъ съ пересылкою.

—

Съ начала нынѣшняго года издается въ Петербургѣ французская газета *Messager de Saint-Pétersbourg* (Санктпетербургскій Вѣстникъ) графомъ Сансе́, редакторомъ политической газеты «Journal de Saint-Pétersbourg», и служитъ ей какъ-бы дополненіемъ. Это изданіе — такъ-сказать Revue Etrangère въ газетномъ форматѣ. Въ немъ помѣщаются повѣсти, стихотворенія, общедоступныя статьи по наукамъ и искусствамъ, извѣстія о новыхъ изобрѣтеніяхъ, театрахъ, модахъ, анекдоты и пр. и пр. «Messager» замѣняетъ собою для русскихъ читателей дорого-сто́ящія парижскія газеты «Voleur» или «Cabinet de Lecture». Кто изъ нашихъ читателей знако́мъ съ «Journal de Saint-Pétersbourg», тотъ знаетъ умѣнье почтеннаго редактора его выбирать изъ иностранныхъ журналовъ статьи самыя интересныя и животрепещущія. Какъ «Journal de Saint Pétersbourg» — лучшій въ Россіи политическій журналъ—для многихъ русскихъ читателей замѣняетъ парижскія политическія газеты, къ которымъ у насъ приступу нѣтъ по дороговизнѣ, такъ «Messager de Saint-Pétersbourg» многимъ можетъ замѣнить парижскія литературныя газеты. Вотъ почему мы считаемъ нужнымъ указать на это изданіе нашимъ читателямъ, извѣщая ихъ, что «Messager» будетъ продолжаться въ 1842 году. Эта газета сто́итъ *впятеро* дешевле какого-нибудь «Cabinet de Lecture». Годовая цѣна его — 5 рублей серебромъ (а кто подпишется вмѣстѣ и на «Journal de Saint-Pétersbourg», тотъ платитъ только 3 рубля серебромъ), тогда какъ «Cabinet de Lecture» сто́итъ 15 р. 70 коп. серебромъ!

—

Въ десятой книжкѣ нашего журнала, въ статьѣ «Журнальныя Извѣстія», мы вывели на свѣжую воду нѣкоторыя проказы «Сѣверной Пчелы», доказавъ ей, кажется, очень-ясно, что она старается выдумывать разныя нелѣпицы на «Отеч. Записки», которыя имѣютъ честь ей не нравиться по весьма-простымъ и всякому извѣстнымъ причинамъ. Мы не хотѣли видѣть въ этихъ поступкахъ «Сѣверной Пчелы» ничего другаго, кромѣ страсти къ сплетнямъ. —Отвѣтъ нашъ. разумѣется, не понравился «Сѣверной Пчелѣ», и она теперь до того разсердилась, что, забывъ всѣ возможныя приличія, забывъ даже то, чему подобнаго рода поступки подвергаютъ ее въ глазахъ публики, позволила себѣ напечатать такія выходки противъ нашего журнала, отъ которыхъ должна бы краснѣть русская литература... — Вотъ въ чемъ дѣло.

Въ фёльетонѣ 240-го нумера этой газеты (27 октября), между глубокомысленными разсужденіями о томъ, какъ хорошо и душеспасительно молодымъ людямъ проводить время въ кандитерскихъ и ресторацiяхъ, сказано:

1) «Статейку, напечатанную въ № 10 Отечественныхъ Записокъ противу Сѣверной Пчелы и особенно противу одного изъ издателей ея (?), г. редакторъ Отечественныхъ Записокъ перепечаталъ *особо, брошюркою, и разсылаетъ теперь при всѣхъ газетахъ и журналахъ чрезъ почту*... (Слѣдуютъ разныя примѣчанія и размышленія по этому случаю).

2) Еслибъ показанія Сѣверной Пчелы были несправедливы, что *и за прошлый и за нынѣшній годъ* можно имѣть сколько угодно, *хоть тысячу экземпляровъ* Отечественныхъ Записокъ за весьма *дешевую*

цѣну, т. е. *цѣну, уменьшенную противъ подписки*, то это несправедливое показаніе упало бы само собою, и лучшее оправданіе противъ этого обвиненія было бы то, еслибъ въ-самомъ-дѣлѣ не было въ продажѣ Отечественныхъ Записокъ.

3) Подъ замѣчаніемъ, напечатаннымъ въ Сѣверной Пчелѣ объ Отечественныхъ Запискахъ не было подписано имени автора, и почему же брошюрка (т. е. статья Отечественныхъ Записокъ) испещрена *на каждой страницѣ* именемъ Булгарина? Кто далъ право Отечественнымъ Запискамъ догадочно приписывать ему статьи?

4) Отечественныя Записки въ каждой своей книжкѣ, рѣшительно въ каждой, печатаютъ статейки противъ Сѣверной Пчелы, и при разборѣ каждой *дурной книги* порицаютъ сочиненія Булгарина и печатаютъ его имя?

На два послѣдніе вопроса отвѣты просты: каждый читатель самъ себѣ можетъ сказать ихъ. Въ статьѣ 10-й книжки «Отеч. Записокъ»: «Журнальныя Извѣстія», состоящей изъ *шести* страницъ, имя г-на Булгарина всего-на все упомянуто *два* раза: въ первый разъ, когда говорится, что сочиненія его продаются за безцѣнокъ на толкучихъ рынкахъ (*), да еще вмѣстѣ съ именемъ г-на Греча, на послѣдней страницѣ, — и нигдѣ не приписывается *ему* статья Сѣверной Пчелы. Слѣдственно, все это не болѣе, какъ выдумка! — Что же касается до того, будто «Отеч. Записки» при разборѣ каждой *дурной книги* порицаютъ сочиненія г-на Булгарина — это объясняется закономъ аналогіи и зависитъ отъ сходства сочиненій г-на Булгарина съ *дурными книгами*.. Впрочемъ и тутъ «Сѣв. Пчела» не могла обойдтись безъ выдумки, ибо «Отеч. Записки» не при *каждой* дурной книгѣ упоминаютъ имя г-на Булгарина: это было бы скучно... Повторяемъ, оба эти отвѣта такъ очевидны, что каждый и безъ насъ могъ бы сдѣлать ихъ. Они въ рукахъ читателей — въ самой статьѣ «Отеч. Записокъ», на которую такъ жалуется «Сѣв. Пчела».

Но первыя два извѣстія, приведенныя выше, совсѣмъ другаго свойства. Редакція «Отеч. Записокъ», напечатавъ въ 10-й книжкѣ своего журнала статью, опровергающую ложныя извѣстія (207 № «Сѣв. Пчелы»), будто-бы «Отеч. Записки» 1840 и 1841 года продаются ниже той цѣны, какая объявлена была при подпискѣ, — естественно и сообразно съ справедливостію желала бы, чтобъ ея опроверженіе прочтено было *тѣми же самыми лицами*, которыя читали и обвиненіе въ «Сѣв. Пчелѣ». А такъ-какъ у насъ не заведено, чтобъ въ журналѣ, несправедливо обвиняющемъ другой журналъ, напечатано было и оправданіе обвиняемаго, и какъ, притомъ, могло случиться, что нѣкоторые изъ читателей «Сѣв. Пчелы» не выписываютъ себѣ «Отеч. Записокъ» подобно тому, какъ многіе читатели «Отеч. Записокъ» не читаютъ «Сѣв. Пчелы», — то редакція *намѣревалась*, отпечатавъ отдѣльно столько экземпляровъ статьи своей, сколько экземпляровъ разсылается «Сѣв. Пчелы» изъ Газетной Экспедиціи (слѣдственно, весьма не великое число), разослать ихъ съ какимъ-нибудь листкомъ этой газеты чрезъ почту. Въ-послѣдствіи, редакція «Отеч. Записокъ» оставила свое намѣреніе, услышавъ, что редакція «Сѣв. Пчелы» испугалась этого, — и такимъ образомъ *ни одного экземпляра* статьи не было послано съ «Сѣв. Пчелою». Теперь, откуда же взяла «Сѣв. Пчела», что мы разсылаемъ оттиски своей статьи *при всѣхъ газетахъ и журналахъ?* Смѣлость удивительная, непостижимая! Васъ увѣряютъ въ глаза въ такомъ дѣлѣ, какого не только нѣтъ и быть не могло! Ставимъ въ свидѣтели всю читающую и

(*) Сѣверная Пчела спрашиваетъ, гдѣ продаются сочиненія редактора Отеч. Записокъ. — Отвѣчаемъ: въ книжныхъ лавкахъ. Они напечатаны въ «Журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія», «Энциклопедическомъ Лексиконѣ», «Сынѣ Отечества 1836 года», «Литературныхъ Прибавленіяхъ къ Русскому Инвалиду 1837, 38 и 39 годовъ» и въ госьмнадцати томахъ «Отеч. Записокъ».

выписывающую журналы публику: получилъ ли кто-нибудь изъ читателей какого бы то ни было журнала *хоть одинъ* экземпляръ особо-отпечатанной статьи «Отеч Записокъ»?.. Нѣтъ, такая выдумка превосходитъ уже всякую мѣру, и мы не можемъ оставить ее безъ изслѣдованія... И такъ, пусть «Сѣв. Пчела», смѣло и рѣшительно увѣряющая въ разсылкѣ нашей статьи съ журналами, представитъ доказательства, что статья точно разослана была при *всѣхъ* русскихъ журналахъ и газетахъ, или при какомъ-нибудь журналѣ,— да *доказательства несомнѣнныя*, не пуфы!.. Этого мы требуемъ и имѣемъ полное право требовать. Если же *къ первому декабря сего года*, т. е. къ выходу 12-й книжки «Отеч. Записокъ» эти несомнѣнныя доказательства не будутъ представлены, мы сочтемъ себя въ правѣ объявить, что «Сѣв. Пчела» выдумала непростительную небылицу — и... да будетъ ей стыдно!

Точно такихъ же несомнѣнныхъ доказательствъ требуемъ мы и въ томъ, что «*за прошлый и за нынѣшній годъ* можно имѣть сколько угодно, *хоть тысячу экземпляровъ* «Отеч. Записокъ» за весьма дешевую цѣну, т. е. цѣну, *уменьшенную противъ подписки*». Пусть «Сѣв. Пчела» найдетъ — не тысячу, но хоть, положимъ вчетверо менѣе — хоть 250 экземпляровъ «Отеч. Записокъ» 1840 и 1841 годовъ за цѣну ниже объявленной, т. е. менѣе 50 рублей ас. безъ пересылки и 55 рублей ас. съ пересылкою; пусть укажетъ мѣсто, *гдѣ* можно было бы всякому видѣть и купить эти 250 экземпляровъ и сдѣлаетъ все это къ тому же сроку — къ *первому декабря* сего года... Мѣсяцъ сроку — довольно, кажется, для того, чтобъ сыскать 250 экземпляровъ, когда «Сѣв. Пчела» берется такъ легко найдти ихъ хоть тысячу?.. Мы знаемъ, что экземпляровъ «Отечеств. Записокъ» 1840 и 1841 годовъ нигдѣ нѣтъ, кромѣ Конторы этого журнала, и что въ кладовой Конторы осталось не болѣе 200 экземпляровъ, которые не уступались и не уступаются никому менѣе объявленной цѣны; — но ничего: пусть «Сѣв. Пчела» найдетъ 250 полныхъ экземпляровъ котораго-либо изъ этихъ годовъ и укажетъ намъ, гдѣ купить ихъ ниже объявленной цѣны: *мы обѣщаемъ тутъ же купить ихъ всѣ за объявленную цѣну, по 50 рублей ас* Довольно этого?.. «Сѣв. Пчела» *обязана* подтвердить свое извѣстіе *этими доказательствами*. Тутъ не помогутъ ни молчаніе, ни изворотливыя фразы: все это сочтется за сознаніе въ *ложности* извѣстія.

Ноябрь.

---

302) **Непостижимая.** Владиміра Филимонова. *Санктпетербургъ. Въ тип. III Отдѣленія Е. И. В. Канцеляріи 1841. Пять частей: Въ I-й части 252, во II-й—264, въ III-ей—227, въ IV-й—207, въ V-й—216 стр. Въ 12-ю д. л.*

Авторъ «Обѣда» и «Дурацкаго Колпака» — шуточныхъ произведеній, написанныхъ рѣзво, бойко, и непретендующихъ на высокое мѣсто въ литературѣ, — выступаетъ теперь на поприще романиста. «Непостижимая», если не ошибаемся, первая попытка его въ этомъ родѣ. Не будемъ разсказывать содержаніе этого романа, ни судить объ идеѣ его — по причинамъ, о которыхъ нѣтъ надобности говорить, и о которыхъ почтенный авторъ вѣроятно самъ догадается. Но вотъ что считаемъ нужнымъ замѣтить ему.

Въ произведеніяхъ литературы, идея является двояко. Въ однихъ она уходитъ внутрь формы и оттуда проступаетъ во всѣхъ оконечностяхъ формы, согрѣваетъ и просвѣтляетъ собою форму: эта идея жизненная, творческая, возникшая не черезъ разсудокъ, но непосредственно, — не сама собою, но вмѣстѣ съ формою; это созданія изящныя, художественныя. Другая идея родится въ головѣ автора независимо отъ формы — форма сочиняется имъ особо и потомъ прилаживается къ идеѣ. Изъ этого выходитъ, что сочиненіе умное по идеѣ (т. е по намѣренію автора), не заслуживаетъ никакого вниманія по формѣ. Причина очевидна: свѣтлый взглядъ на жизнь, глубокое чувство—могутъ быть достояніемъ многихъ, но способность выражать въ поэтическихъ формахъ свои взгляды на жизнь, свое глубокое чувство, — достояніе немногихъ избранныхъ. Можно быть поэтомъ въ душѣ, въ чувствѣ, въ жизни, даже въ политической и гражданской дѣятельности, — и не быть поэтомъ въ искусствѣ и литературѣ. Кто понимаетъ поэзію, тотъ уже одаренъ поэтическою душою; но этого еще мало, чтобъ самому быть поэтомъ: для этого нужно быть одареннымъ отъ природы *творческою фантазіею*, которая одна составляетъ исключительное достояніе поэта, отличающее его отъ не-поэтовъ. Послѣ этого объясненія, нашимъ читателямъ отнюдь не должно показаться страннымъ, когда мы скажемъ, что еслибъ идея романа г. Филимонова и понравилась кому-нибудь, то едва-ли кому можетъ понравиться его исполненіе.

Начнемъ съ того, что въ «Непостижимой» нѣтъ ни одного характера: все это образы, которые отличаются другъ отъ друга только именами и тѣми отношеніями, въ какихъ авторъ поставилъ ихъ другъ къ другу (т. е. назвавъ одного мужемъ, другаго любовникомъ, третью любовницею). Лицъ въ романѣ довольно-много; но ихъ кругъ связанъ механически и, кромѣ трехъ главныхъ лицъ (мужа, жены и друга), всѣ другія кажутся совершенно лишними: исключите ихъ — и романъ не проиграетъ. Но всѣхъ неудачнѣе введено въ концѣ романа лицо Клементины; она безъ всякой нужды наполняетъ пятую часть, которая отъ того и не кажется слишкомъ тоньше въ сравненіи съ четырьмя первыми. Весь романъ очень растянутъ; онъ весьма-удобно умѣстился бы и въ одной части; даже въ двухъ ему было бы просторно. Отъ-этого, дѣйствіе въ немъ

тянется утомительно: вездѣ слова и фразы, рѣдко мысли и картины. Является ли на сцену новое лицо — авторъ начинаетъ его описывать, вмѣсто того, чтобъ заставить это лицо говорить и дѣйствовать за себя. Эти описанія такъ часты и такъ длинны, что романъ по справедливости можетъ быть названъ *описательнымъ*, слѣдовательно антипоэтическимъ, потому-что *описаніе* относится къ *поэзіи* точно такъ же, какъ морозъ къ жару, или вода къ вину: поэзія не *описываетъ* предмета, а *показываетъ* его. Притомъ же описанія автора такъ общи, такъ блѣдны, такъ лишены всякой образности, такъ богаты словами и такъ небогаты содержаніемъ, что по нимъ трудно составить себѣ какое-нибудь представленіе объ описываемомъ лицѣ или событіи. Вся первая часть романа заключается въ *описаніи* поэтическаго развитія чувства въ сердцѣ героя; но вы не видите этой постепенности, и должны вѣрить на слово автору. Возьмите письма Вертера, читайте ихъ отъ перваго до послѣдняго, — и вы почувствуете, ка́къ съ каждымъ изъ нихъ ускоряется біеніе пульса у жертвы несчастной любви, ка́къ глубже и глубже входитъ страсть въ тайники его духовной жизни и овладѣваетъ ими. Вертеръ пишетъ къ своему другу не объ одной своей страсти, но и о своихъ занятіяхъ, о Гомерѣ, о своихъ воззрѣніяхъ на жизнь: ибо смѣшно было бы видѣть человѣка, который, отдавшись весь и исключительно своей страсти, только и думаетъ, только и пишетъ, что о ней; гораздо естественнѣе можно предполагать, что часто ему самому хочется забыть о ней, и что часто, какъ больному, ему самому не хочется слышать своихъ стоновъ и терзать ими другихъ. Но о чемъ бы ни говорилъ Вертеръ, хоть бы о ландшафтѣ, котораго видъ, во время прогулки, на минуту позабавилъ его, — вездѣ и во всемъ видите вы болѣзненное состояніе его духа, въ-слѣдствіе несчастной страсти. Въ томъ-то и высочайшее искусство поэта, чтобъ, не говоря о предметѣ, говорить о немъ. Всего болѣе заслуживаютъ сожалѣніе люди, которые дѣлаютъ какое-то занятіе, какую-то работу изъ своего чувства, называютъ его по имени, носятъ на рукахъ и всѣмъ показываютъ, какъ мать показываетъ своего ребенка. *Я влюбленъ, я люблю, — ахъ!* и пр., восклицаетъ герой плохаго романа, и варіируетъ общими мѣстами на эту бѣдную тэму, а читатель пусть себѣ зѣваетъ сколько хочетъ, — автору и дѣла нѣтъ. Нѣтъ, читатель не хочетъ, чтобъ съ нимъ обращались какъ съ дитятею и все ему разбалтывали и объясняли: напротивъ, ему хочется самому все понять, все разгадать, все оцѣнить, а отъ автора требуетъ онъ только *поэтическихъ фактовъ*.

Для убѣжденія читателей, что мы говоримъ это не произвольно, не въ-слѣдствіе какого-нибудь предубѣжденія, выписываемъ изъ романа небольшой отрывокъ, изъ котораго можно видѣть, ка́къ понимаетъ авторъ образованныхъ людей и какимъ образомъ излагаетъ онъ свои понятія о разныхъ вещахъ.

— Что я слышу? Это говорите вы, графиня — женщина свѣтская, блестящая! Я полагалъ, что поэзія общества для васъ милѣе поэзіи природы...

Тутъ Германъ, увлеченный этимъ разговоромъ, сказалъ князю Р***:

— О! Ипполитъ, еслибы ты коротко зналъ жену мою, ты не удивлялся бы словамъ ея. Повѣрь, мой другъ, трудно, однакожъ возможно соединить поэзію общества съ поэзіею природы. Я часто смѣюсь надъ этими угрюмыми философами, которые пишутъ толстыя книги о людяхъ, зная ихъ только изъ книгъ же. Они напрасно думаютъ, что въ гостиныхъ бродятъ однѣ пустыя женщины. Нѣтъ, мой другъ! въ нихъ есть достойныя, необыкновенныя женщины!... Вотъ, продолжалъ Германъ, показывая на графиню, примѣръ передъ тобою!...

— Послушайте, князь, замѣтила Альма, вы не слишкомъ довѣряйте другу вашему, когда онъ говоритъ о мнѣ. Онъ принадлежитъ къ числу тѣхъ немногихъ мужей, которые льстятъ женамъ своимъ — т. е.

льститъ неумышленно, отъ чистаго сердца. Германъ успѣлъ убѣдить себя въ такихъ высокихъ достоинствахъ жены своей, какихъ она вовсе не имѣетъ.

— Вы запрещаете мнѣ вѣрить Герману, графиня, возражалъ Ипполитъ: позвольте же мнѣ вѣрить по-крайней-мѣрѣ собственному моему убѣжденію.

— Только не увлекайтесь, князь, мнѣніемъ моего мужа. Онъ судья мой пристрастный. По теперешній разговоръ нашъ походитъ на обыкновенныя гостинныя учтивости. Оставимъ ихъ. Онѣ хороши тамъ, гдѣ людямъ тошно подъ тяжелыми каменными сводами: онѣ неумѣстны подъ открытымъ небомъ... Забудемъ эту прозу. Здѣсь все дышитъ поэзіей. Будемте говорить *объ ней*. она рѣдкая гостья въ нашей жизни!.. Точно, и въ обществѣ есть поэзія: но многіе ли чувствуютъ ее? Вы не меньше моего знаете наши общества. Дайте волю памяти. Представьте намъ такъ называемый *прекрасный свѣтъ*. Блестящіе, великолѣпные дома, на паркетѣ цвѣтущіе сады всѣхъ климатовъ, прелестная музыка, соединеніе красоты... мильйоны истрачиваютъ на балы и прекрасные балы — *для* чего же? — *для* того, чтобы выказать холодную, мраморную красоту Зизи, какой нибудь Мими; чтобъ выставить на паркетѣ бездушные истуканы, *для* которыхъ въ нашъ вѣкъ безчудесный нѣтъ Пигмаліоновъ; чтобъ разсадить ходячіе восковые кабинеты (?) за зеленые сады; чтобъ взмостить на ходули пигмеевъ; чтобъ въ праздничныя слова одѣть будничнія мысли... Не правда ли, въ этой поэтической рамѣ — какая прозаическая картина! согласитесь, что *для* нея не нужны ни волшебные звуки, ни ароматъ востока... А наши бальныя сборища не похожи ли на эту картину? Какъ мало исключеній, князь! какъ мало у насъ жизни! мы танцуемъ, играемъ въ вистъ — мы не веселимся даже... (*Ч. I. стр.* 115—11 .)

Мужъ, который книжными фразами, такъ простодушно, не прикрываясь даже свѣтскою шутливостію, хвалитъ другу своему жену: жена сидитъ тутъ же, и, въ свою очередь, книжными сентенціями резонёрствуетъ о природѣ и обществѣ: — будто-бы это общество возвышенныхъ душъ, будто-бы это князья и графы!.. А бѣдный Ипполитъ отъ всего этого въ восторгѣ — чудакъ!.. Положимъ, что все сказанное Альмою справедливо, вѣрно, основательно; но какая же женщина (а тѣмъ болѣе идеальная, поэтическая, «непостижимая») будетъ разговаривать по-книжному?..

Двѣ послѣднія части наполнены почти одною перепискою героевъ романа Ипполита и Альмы. Что же въ этихъ письмахъ? — Исповѣдь двухъ душъ, страдающихъ и блаженствующихъ въ роковой, но высокой страсти? — Откровенія любви, мистика сердца, глухіе диссонансы страданія, разрѣшающіеся въ гармонію блаженства?.. Ни чуть не бывало: это просто общія мѣста (длинныя, растянутыя, безпрестанно-повторяемыя) на жалкую тэму: *я люблю тебя, ты любишь меня, мнѣ скучно безъ тебя*, и т. п. Въ этихъ фразахъ, въ этихъ восклицаніяхъ, не ищите ничего недосказаннаго, но вѣющаго музыкою чувства, горящаго свѣтомъ мысли; тутъ все высказано обстоятельно, точно, подробно, и потому ничего не высказано, а только много насказано... Къ довершенію же всего, Ипполитъ растягиваетъ свои письма выписками изъ разныхъ дорожниковъ и Guides des Voyageurs, описываетъ Дрезденъ, Римъ, Неаполь, ничего не говоря о нихъ новаго...

Вообще, въ этомъ романѣ поражаетъ васъ какая-то слишкомъ-юная, дѣтски-молодая откровенность — въ чувствѣ, въ манерѣ высказывать, и вмѣстѣ съ этимъ какая-то устарѣлость въ мнѣніяхъ. Обѣ эти силы борятся между собою, и борьба разрѣшается во что-то странное. Германъ, давно невидѣвшійся *съ* другомъ своей юности, съ Ипполитомъ, зоветъ его пріѣхать въ Петербургъ, гдѣ нашелъ ему хорошее мѣсто. За этимъ слѣдуетъ цѣлый трактатъ о дружбѣ, которая, по словамъ автора, принадлежитъ уже къ преданіямъ старины, ибо-де теперь уже нѣтъ дружбы. И что же? По пріѣздѣ въ Петербургъ, Ипполитъ, этотъ новый Орестъ, говоритъ своему Пиладу: «Нѣтъ, графъ, я не въ силахъ объяснить *вамъ* благодарности моей! *Вы* такъ радушно, такъ неожиданно, доставили

мнѣ средство быть полезнымъ въ службѣ и быть неразлучнымъ съ вами!» Тогда Германъ, называя его «добрымъ товарищемъ», проситъ его оставить «вы» и говорить «ты» (Ч. I. стр. 45). Странная была встарину дружба, если она допускала такія китайскія церемоніи!.. Нѣсколько мѣсяцевъ сряду, Ипполитъ, подъ разными предлогами, уклоняется отъ знакомства съ женою своего друга. А почему? — Видите ли, въ Дрезденской Галлереѣ такъ поразило Ипполита доминикиново изображеніе Іоанна, что онъ пріобрѣлъ себѣ миллерову гравюру съ этой картины, и никогда съ нею не разлучался. Будучи въ Москвѣ, получилъ онъ отъ своего друга письмо, приглашавшее его переѣхать въ Петербургъ; тутъ взглядъ на гравюру поразилъ его какимъ-то тяжелымъ и грустнымъ чувствомъ, отъ котораго онъ едва разсѣялся въ Англійскомъ Клубѣ. Когда, по приглашенію Германа, Ипполитъ хотѣлъ ѣхать знакомиться съ женою своего друга, взглядъ на эстампъ произвелъ то же непонятное впечатлѣніе и заставилъ его нѣсколько мѣсяцевъ уклоняться отъ знакомства съ Альмою. Это должно быть фантастическое. Но у Германа балъ — отказаться нельзя. Увидѣвъ Альму, Ипполитъ тотчасъ же вспыхлалъ къ ней «роковой любовью», — и ему сталъ понятенъ невольный и таинственный страхъ, такъ долго заставлявшій его невольно трепетать при мысли о знакомствѣ съ женою своего друга. Но, читатели, все это по-прежнему непонятно! Альма спрашиваетъ Ипполита, почему онъ не хотѣлъ познакомиться съ нею; онъ отвѣчаетъ ей: «не знаю»...

— Вѣрю, сказала графиня, и, послѣ нѣкотораго молчанія, спросила Ипполита:

— Были вы въ 1815 году въ Дрезденѣ?

— Былъ, графиня.

— Вы были тамъ въ картинной галлереѣ?

— Былъ.

— Вы однажды поутру входили туда во фракѣ, съ какимъ-то дипломатическимъ чиновникомъ нашимъ при австрійскомъ дворѣ?

— Точно, съ барономъ Ш***.

— И такъ, князь, на ваше «не знаю», я вамъ скажу, что *я — все знаю.*

Далѣе, во время разговора, «она очаровательными глазами своими взглянула на него съ такимъ чувствомъ, съ такою выразительностію» и заключила разговоръ такъ: «Узнаете, все объяснится... все должно объясниться». Въ третьей, кажется, части, все объясняется слѣдующимъ образомъ: Альма долго не хотѣла показать Ипполиту своего таинственнаго кабинета, которымъ давно уже раздражала его любопытство; наконецъ святилище отворено для него, — и онъ увидѣлъ тамъ изображеніе Іоанна и свой собственный портретъ... Мы не отвергаемъ, что бываютъ предчувствія, что человѣкъ иногда инстинктивно, непосредственно предвидитъ горе или радость, и потому предчувствіе можетъ играть свою роль въ романѣ — но слегка, вскользь. Выстроить же на этомъ зыбкомъ основаніи такое большое зданіе, посвятивъ предчувствіямъ и эстампамъ такъ много страницъ, — это значитъ искать эффектовъ слишкомъ юношескихъ...

Что́ же до устарѣлости, то вотъ самый рѣзкій ея образчикъ. Желая возвысить свою героиню до идеальнаго совершенства, авторъ заставляетъ ее любить русскую литературу, которую всѣ истинно-поэтическія женщины полюбили, какъ и слѣдовало, только съ Пушкина. Мало этого: онъ заставляетъ ее читать даже «Вѣстникъ Европы». Теперь удивительно ли, что она фразами изъ него вотъ какъ судитъ о русскихъ писателяхъ:

— Не правда ли, въ Вяземскомъ большое дарованіе? Я люблю его — сколько въ немъ ума и чувства! Какъ онъ хорошо сердится! Вы вѣрно знаете Баратынскаго? — это настоящій поэтъ гостиной. Духовная поэзія Глинки умилительна. Партизанскія элегіи нашего гусара-поэта доказываютъ, что война не пугаетъ вдохновенія. И въ Мерзляковѣ есть душа: его пѣсни хороши; одна бѣда — онъ иногда слишкомъ за-

пивается. Слепцу-Козлову вдохновеніе отврыло Божій свѣтъ. А Василій Львовичъ? Это нашъ женскій стихотворецъ, нашъ трубадуръ (конечно!..). А славный племянникъ добраго дяди, молодой Пушкинъ! Это русскій поэтъ! Это блестящая заря: она обѣщаетъ яркій свѣтъ Россіи...»

Пушкинъ сказалъ:

Я знаю: дамъ хотятъ заставить
Читать по-русски. Право, страхъ!
Могу ли ихъ себѣ представить
Съ «Благонамѣреннымъ» въ рукахъ!

Думалъ ли онъ, что авторъ «Непостижимой» заставитъ одну изъ нихъ даже судить о русскихъ книгахъ фразами изъ «Благонамѣреннаго»?.. Но это очень оригинально, и мы не можемъ удержаться, чтобъ не представить читателямъ еще нѣсколько выписокъ. Ипполитъ такъ восхитился тонкими сужденіями Альмы (подлинно, влюбленные слѣпы, и имъ все кажется прекраснымъ въ ихъ красавицахъ!), что вскричалъ:

— *Ради Бога*, скажите всю правду, что вы думаете о Державинѣ, Карамзинѣ, Дмитріевѣ и другихъ нашихъ современникахъ?

— Охотно. Только не смѣйтесь надо мною: я сужу по-женски. По моему мнѣнію, Державинъ неоспоримо великій поэтъ —и все великій, не смотря на то, что языкъ его теперь нѣсколько тяжелъ и старъ —по-крайней-мѣрѣ *для* меня. Карамзинъ любезенъ, пріятенъ, милъ: въ его сочиненіяхъ видна вся добрая душа его. Стихи Дмитріева—золотые! Крыловъ—это русскій смышленый умъ; его наблюдательная поэзія отличается мѣстнымъ премуществомъ(?): она кстати(?), она впору(?), и потому она почти*(?!)* народна. Поэзія Долгорукаго—домашняя, семейная: онъ умѣлъ поэтизировать самые простые предметы, но онъ не всегда удачно ихъ высказывалъ. Признаюсь вамъ, я всего болѣе читаю Жуковскаго и Батюшкова, они ближе къ намъ. Но вы посмѣетесь, можетъ-быть, тому, что я сдѣлала съ сочиненіями Жуковскаго: посмотрите...

Тогда она подала Ипполиту книгу съ наклейками на листахъ, а на нихъ съ прекрасными рисунками. Дѣло въ томъ, что, желая видѣть въ Жуковскомъ не переводчика, а русскаго поэта, Альма отдѣлила изъ его стихотвореній все, собственно ему принадлежащее, а на переводныхъ мѣстахъ наклеила бѣлую бумагу, на которой нарисовала разныя виньеты. Жаль, что авторъ не упомянулъ, какъ велика вышла книжка—это было бы очень интересно. Любя Василья Львовича Пушкина, Долгорукаго и другихъ, Альма страстно любила Байрона, Шиллера и Гёте... Все это такъ восхитило Ипполита, что сперва онъ воскликнулъ изъ глубины души: «Какъ вы изобрѣтательны, графиня, въ оцѣнкѣ истиннаго дарованія!» а потомъ съ умиленіемъ: «Вы необыкновенная женщина!»—Такой чудакъ!

363) Семейство Холмскихъ. *Нѣкоторыя черты нравовъ и образа жизни, семейной и одинокой, русскихъ дворянъ.* Изданіе третіе, *вновь разсмотрѣнное и исправленное. Съ присовокупленіемъ дополнительныхъ свѣдѣній къ біографіи Тимоѳея Игнатьевича Сундукова и другихъ подробностей. Москва. Въ тип. Николая Степанова. 1841. Въ 12-ю д. л. Шесть частей. Въ I-й — LXXI: 255, во — II-й 300, въ III-й — 312, въ IV-й — 356, въ V-й — 347, въ VI-й — 378 стр.*

Авторъ, въ новомъ (третьемъ) изданіи своего романа, присовокупилъ къ нему цѣлую исторію, подъ именемъ *предисловія*: роману отъ этого не лучше, но читателямъ хуже. Значительное терпѣніе нужно для того, чтобъ прочитать 1948 страницъ довольно-убористой печати: каково же читать 1948+LXXI? Исторія загорѣлась отъ-того, что въ нѣкоторыхъ журналахъ сказали автору правду въ глаза. Одинъ, на-прим., замѣтилъ, что «Семейство Холмскихъ» есть не что иное, какъ переводъ французскаго перевода (le pour et le contre) англійскаго романа: развѣ это не правда? Другой уподобилъ его дорогѣ отъ Тобольска до Бѣлостока: развѣ это не правда? Третій сказалъ, что слѣдовало бы вновь издать его не болѣе, какъ въ четырехъ частяхъ: и это правда. Четвертый порицалъ автора, говоря, что книга его наполнена утомительными подробностями и безконечными женскими разговорами, которые и не въ

книгахъ рѣдко бываютъ интересны: гдѣ жь тутъ ложь? и за что жь сердиться?.. А древніе философы говаривали: «ты сердишься; слѣдовательно, ты виноватъ». .

Не принимая на себя защиты чужихъ мнѣній, мы должны упомянуть о выходкѣ автора противъ немногихъ строкъ, помѣщенныхъ въ «Литературныхъ Прибавленіяхъ къ Русскому Инвалиду» 1833 года (марта 29, № 35) гдѣ, между прочимъ, сказано, что отъ героини романа, Софьи Васильевны, вѣетъ холодомъ философіи престарѣлой дѣвственницы свіяжской, и что при чтеніи семейственныхъ сценъ, или короче, сплетней, изъ которыхъ состоитъ весь романъ, книга валится изъ рукъ, терпѣніе улетаетъ и замѣняется досадою, что насъ хотятъ возвратить въ тотъ вѣкъ несносныхъ сантиментальностей, юнлаго романтизма, пошлыхъ пародій на Аркадію, которыя мы пережили... Да, это правда; да, «Семейство Холмскихъ» есть собраніе комеражей; Софья Васильевна — холодная резонёрка, дѣва съ рыбьимъ сердцемъ, которая гордится холодною кровью. Истинное достоинство человѣка состоитъ въ трудѣ, заслугѣ, стремленіи къ совершенству, борьбѣ съ дурными наклонностями и побѣдѣ надъ ними — побѣдѣ, купленной цѣною крови. Я уважу и паденіе, если оно есть слѣдствіе борьбы не по силамъ, точно такъ же, какъ уважаю смерть воина, котораго одолѣлъ сильный врагъ; но если судья толкуетъ мнѣ о безкорыстіи, когда ему не съ кого и нечего взять, если пьяница прославляетъ свое воздержаніе, живучи въ такомъ мѣстѣ, гдѣ нѣтъ ни капли вина, если наконецъ барыня à la Софья Васильевна, получившая отъ природы не страсти, а безстрастіе, апатію, гордится своимъ безстрастіемъ, благоразуміемъ, осторожностію — гдѣ же тутъ, скажите, заслуга, достоинство, добродѣтель? Еще бы улитка стала чваниться хладнокровіемъ! Какъ ей быть не хладнокровной, когда въ ней нѣтъ и крови?.. Въ отвѣтъ на журнальныя замѣчанія, авторъ ничего не могъ лучше придумать, какъ вывести на сцену старичка съ двумя звѣздами и заставить его говорить три страницы сряду... Противъ такихъ опроверженій мы — пасъ...

364) Сказка за Сказкой. III Дуняша. IV. Эдуардъ и Кунигунда, или Серебрянная Свадьба. *Анекдотъ. Соч.* Н. В. Кукольника. V. Полковникъ Лесли. *Историческій разсказъ.* Н. В. Кукольника. *Санктпетербургъ. Въ типографіи Карла Крайя. 1841. Въ 8-ю д. л. 99—254 стр.*

Это изданіе дебютировало прекрасною повѣстью г. Кукольника «Иванъ Ивановичъ Ивановъ». Мы отдали полную справедливость этой повѣсти, а на счетъ хорошаго продолженія «Сказки за Сказкою» высказали нѣкоторыя сомнѣнія. И вотъ напечатано пять повѣстей, а наши сомнѣнія уже вполнѣ оправдались. «Дуняша» - просто болтовня о разныхъ пустыхъ и неестественныхъ событіяхъ. «Эдуардъ и Кунигунда» — очень неудачный опытъ г. Кукольника въ юмористическомъ родѣ, сказка, или, лучше сказать, анекдотъ, лишенный всякаго содержанія, всякаго правдоподобія, и очень бѣдный остроуміемъ. «Полковникъ Лесли» — длинная и скучная повѣсть, гдѣ всѣ лица — образы безъ лицъ, а особенно лицо Стрешнева—русскаго Цинцинната, что-то натянутое, неестественное. Конечно, въ этой повѣсти г. Кукольника есть мѣста занимательныя и страницы удачныя, и въ цѣломъ она — все-таки произведеніе человѣка умнаго и талантливаго, а не какого-нибудь писаки, скрывающаго свою бездарность подъ нѣмецкою или голландскою фамиліею; но ея концепція ложна, характеры изъисканны, большая часть подробностей лишена правдоподобія. Вообще, г. Кукольнику даются повѣсти только изъ временъ Петра-Великаго. Впрочемъ, объ этомъ предметѣ, равно какъ и повѣстяхъ г. Кукольника изъ временъ Петра-Великаго, мы будемъ имѣть случай поговорить въ первой книжкѣ «Отеч. Записокъ» на будущій

годъ, въ обозрѣніи русской литературы 1841 года. Что же касается до «Сказки за Сказкою», объ этомъ мы можемъ сказать теперь же, не откладывая вдаль: не быть ей Шехеразадою, и усыпленный ею грозный султанъ — публика, проснувшись между пятою и шестою сказкою, велитъ ей отрубить голову, какъ плохой разскащицѣ, способной только усыплять, а не возбуждать любопытство... Да иначе и быть не можетъ: откуда брать у насъ оригинальныхъ повѣстей? вся русская литература, въ продолженіи цѣлаго года, не производитъ болѣе пяти-шести хорошихъ повѣстей, — а тутъ одно изданіе хочетъ насъ подчивать десятками повѣстей ежегодно...

365) Басни и Сказки И. И. Хемницера. *Въ трехъ частяхъ. Съ описаніемъ его (?!) жизни. Печатано съ изданія 1830 года. безъ исправленій (!?). Иждивеніемъ Ильи Глазунова. Санктпетербургъ. Въ типографіи Ильи Глазунова и К°. 1841. Въ 12 ю д. л. 154 стр.*

Хемницеръ написалъ пять-шесть басень, отличающихся неподдѣльнымъ талантомъ, остроуміемъ, простодушіемъ и народностью; потомъ онъ написалъ около сотни самыхъ обыкновенныхъ басень, изъ которыхъ большая часть очень плохи, какъ, на-примѣръ, вотъ эта, начинающая собою новое изданіе; называется она «Дерево»:

Стояло дерево въ долинѣ,
И на судьбу свою пѣняя, говоритъ:
Зачѣмъ оно не на вершинѣ
Какой-нибудь горы стоитъ,
И то жъ да то же все Зевесу докучаетъ.
Зевесъ, который всѣмъ на свѣтѣ управляетъ,
Неудовольствіе отъ дерева внимаетъ,
И говоритъ ему:
Добро, перемѣню твое я состоянье
Ко угожденью твоему.
И далъ Вулкану приказанье
Долину въ гору *премѣнить,*
И такъ подъ деревомъ горою мѣсто стало.
Довольнымъ дерево тогда казалось быть,
Что на горѣ стояло.
Вдругъ изъ лѣса Зевесъ за что-то гнѣвенъ сталъ,
И въ гнѣвѣ приказалъ
Всѣмъ вѣтрамъ на лѣса пуститься.
Ужь дѣйствуетъ свирѣпыхъ вѣтровъ власть,
Колеблются лѣса, листы столпомъ крутятся,
Деревья ломятся, валятся,
Все чувствуетъ свою погибель и напасть;
И дерево теперь, *стоявши* на вершинѣ,
Трепещетъ о своей судьбинѣ.
Счастливы, говоритъ,
Деревья, что стоятъ въ долинѣ!
Ихъ буря столько не вредитъ.
И только это лишь сказало,
Изъ корня вырвано упало.
Мнѣ кажется, легко изъ басни сей понять,
Что страшно иногда на высотѣ стоять.

Но Хемницеръ родился въ 1744 году (почти столѣтіе назадъ), а печатать началъ свои басни съ 1778 года: слѣдовательно, все это было давно, очень давно — въ тѣ блаженныя времена, когда торжественная ода на иллюминацію, или тріолетъ по случаю прыщика на носу Лилеты давали вѣнокъ поэтическаго безсмертія. И потому, удивительно ли, что авторъ «Метафизика» Хемницеръ, изъ человѣка не безъ дарованія, какимъ онъ былъ въ-самомъ-дѣлѣ, произведенъ въ геніи; въ этомъ классѣ и понынѣ онъ продолжаетъ числиться по понятію нашего грамотнаго простонародья, котораго библіотека для чтенія состоитъ изъ Хемницера, изъ «Душеньки», плохой рифмованной сказки Богдановича, изъ «Милорда Англинскаго», «Гаука или непобѣдимой вѣрности», плохаго перевода «Потеряннаго Рая» и разныхъ сатирическихъ и нравоописательныхъ романовъ — преимущественно твореній Александра Анфимовича Орлова. По закону, черезъ 25 лѣтъ послѣ смерти автора, сочиненіе его дѣлается общимъ достояніемъ; а Хемницеръ умеръ назадъ тому 57 лѣтъ: вотъ причина, почему такъ часто печатаются у насъ басни Хем-

ницера. Книгопродавцу не нужно платить за рукопись... Благодаря же извѣстному кругу тѣхъ покупателей книгъ, которые, идучи въ книжную лавку, никогда не знаютъ, что имъ купить, а предоставляютъ выборъ книги судьбѣ и рекомендаціи образованнаго торговца книжнымъ товаромъ, — нельзя опасаться, чтобъ перепечатка залежалась...

Это новое, ужь и не помнимъ *которое*, изданіе перепечатано съ какого-то плохаго изданія 1830 года, какъ гласитъ наивное заглавіе книги. «Жизнь *сочинителя*» есть, вѣроятно, сотая перепечатка съ какого-нибудь давнишняго изданія, сдѣланнаго вскорѣ послѣ смерти Хемницера. Эта статья очень замѣчательна по безграмотности и простодушію, — и мы не можемъ удержаться, чтобъ не выписать изъ нея нѣсколькихъ строкъ:

«Рожденный съ добрымъ сердцемъ, легко заимствовалъ онъ отъ родителей своихъ *коренныя* добродѣтели, *наиболѣе*: безкорыстіе и *горячность въ дружбѣ*; *а наконецъ*, съ такими расположеніями *пущенный* въ самыхъ молодыхъ лѣтахъ на свою волю въ свѣтъ, *котораго опасности живо ему изображаемы были*, изострилъ онъ всегдашнею осторожностію наблюдательный умъ, причины и дѣйствія вещей испытующій, которому обязаны мы большею частію басенъ и сказокъ его, одной *токмо* природѣ подражающихъ».

Раздѣленіе басень на три части сдѣлано безъ всякой необходимости и причины, если исключить увеличеніе числа пустыхъ страницъ и вящщее великолѣпіе заглавія, для ослѣпленія людей, читающихъ по складамъ. Ороографія въ изданіи г. Глазунова страждетъ только относительно прописныхъ буквъ; все же прочее обстоитъ благополучно; но лучше всего то, что книжка издана опрятно, на хорошей бумагѣ, и стоитъ только 30 копеекъ серебромъ. Пусть читаетъ да почитываетъ ее на-здоровье православный людъ, котораго могутъ тѣшить басни Хемницера.

366) Очерки Жизни и Избранныя Сочиненія Александра Петровича Сумарокова, *изданные* Сергѣемъ Глинкою. *Санктпетербургъ. 1841. Въ тип. С. С. Глинки и К°. Въ 8-ю д. л. Часть вторая и третья. Во — II-й части 253, въ III-й — 278 стр.*

Эти двѣ книги суть благополучное продолженіе и окончаніе благополучно-начатаго великаго труда. С. Н. Глинка очень дѣятеленъ: онъ издаетъ журналъ — и притомъ какой превосходный журналъ! Онъ издаетъ біографіи замѣчательныхъ русскихъ людей, пишетъ статьи обо всемъ; наконецъ, въ качествѣ критика и историка, *предъявляетъ* намъ, — говоря его любимымъ и многозначительнымъ словомъ, — «Очерки Жизни и Избранныя Сочиненія Александра Петровича Сумарокова». А что еще прежде-то, во времена оны, писывалъ С. Н Глинка — ужасъ! И драмы, и лирическіе стихи, и исторію Россіи, и патріотическія статьи...

Первая статья второй части содержитъ въ себѣ неоспоримыя доказательства, что новую русскую словесность Ломоносовъ и Сумароковъ изобрѣли оба вмѣстѣ, а не кто-нибудь одинъ изъ нихъ. Тутъ же желающіе могутъ найдти и сильныя опроверженія несправедливой мысли, будто-бы Сумароковъ съ Ломоносовымъ были во враждѣ. Жаль только, что при этомъ случаѣ г-ну Глинкѣ заблогоразсудилось не сказать ни слова объ извѣстномъ письмѣ Ломоносова къ Шувалову, письмѣ, въ которомъ выражается со стороны великаго мужа столько презрѣнія къ Сумарокову... Въ этой же любопытной статьѣ, *предъявляется* совершенно новое и оригинальное мнѣніе, что «въ одѣ Ломоносова болѣе полета восторженнаго; а въ первыхъ лирическихъ стихахъ Сумарокова болѣе мягкости, не чуждой однако ни порыва, ни силы выраженія поэтическаго». А вотъ и доказательство:

Вперяясь въ перемѣны странъ,
Взыграй, взыграй *моя мнѣ лира*!
И счастья шаткаго обманъ,

И несколько хотя исчисли
Людей тщеславныхъ праздны мысли,
Тѣхъ смертныхъ, коихъ праха нѣтъ,
Которы въ ярости мѣшались
И только въ книгахъ лишь остались
По памяти ужасныхъ бѣдъ.

Кто не согласится, что это и мягко и не чуждо ни порыва, ни силы выраженія поэтическаго?..

Впрочемъ, мы должны отказаться отъ удовольствія слѣдить г-на Глинку шагъ за шагомъ: это рѣшительно невозможно. Въ этой второй части «Очерковъ Жизни и Сочиненій Сумарокова» наговорено много хорошаго о Сумароковѣ, но еще больше о предметахъ не имѣющихъ къ Сумарокову никакого отношенія, какъ-то: объ Александрѣ Македонскомъ, о Гомерѣ, Пиндарѣ, Анакреонѣ, Софоклѣ, обо всѣхъ латинскихъ поэтахъ, о нѣкоторыхъ итальянскихъ, нѣмецкихъ, французскихъ, англійскихъ, индійскихъ, камчатскихъ и, между прочимъ, о Байронѣ, что онъ, въ своихъ твореніяхъ, не сказалъ ничего новаго; а все повторялъ давно уже до него и чуть-ли не Сумароковымъ сказанное... Ну какъ угоняться за такимъ Протеемъ, какъ не потеряться въ такомъ разнообразіи и множествѣ предметовъ, о которыхъ съ такою непостижимою легкостію трактуетъ нашъ сочинитель?.. Вотъ почему отъ первой статьи второй части переходимъ прямо къ первой главѣ третьей части.

«Сумароковъ зналъ Шекспира; отдавалъ справедливость красотамъ этого непостижимаго чародѣя драматическаго; но въ то же время, по духу тогдашней европейской словесности, почиталъ въ немъ то безобразнымъ, что теперь почитается первымъ внимомъ поэта британскаго; то есть: переходъ въ его трагедіяхъ отъ *великана* къ *карлу*, *отъ кедра* къ *исопу*. Къ драмамъ его можно примѣнить то, чѣмъ Наполеонъ 1812 года *огромилъ быть европейскій*. «Отъ великаго до смѣшнаго, сказалъ онъ: одинъ шагъ». Это живая картина мишурнаго и превратнаго нашего свѣта; это душа единственнаго шекспирова генія».

Весь этотъ отрывокъ мы выписали болѣе для того, чтобъ показать, какимъ волшебнымъ орудіемъ дѣлается перо въ рукахъ г-на Глинки. *Наполеонъ огромилъ быть европейскій:* — ново, оригинально и смѣло!

Въ трехъ слѣдующихъ за первою статьяхъ, содержатся разборы трагедій Сумарокова: «Хоревъ», «Гамлетъ» и «Синавъ и Труворъ». Разборъ «Хорева» отличается удивительно-тонкою критикою, которая, — говоримъ это не шутя, — ничѣмъ не уступаетъ критикѣ Лагарпа, если еще не превзойдетъ ея. За разборомъ «Хорева» слѣдуетъ и самъ «Хоревъ», перепечатанный почти весь, за исключеніемъ шести съ половиною страницъ. Знаменитый нашъ критикъ оканчиваетъ свою перепечатку слѣдующею патетическою сценою:

Посланный.
Скрѣпися, государь!
Кій.
О злое рока жало!
Велькаръ.
Что сдѣлалося здѣсь?
Посланный.
Оснельды, *ахъ!* не стало!

Все остальное г. Глинка «предъявляетъ» въ прозаическомъ сокращеніи, не желая «огромлять быта россійскаго» раздражающею душу сценою. Но мы не хотимъ быть сострадательными къ публикѣ, «огромимъ» ее продолженіемъ патетической сцены и окончательнымъ монологомъ *злополучнаго* Хорева, стремящагося въ адъ для соединенія съ своею *дражайшею* Оснельдою:

Велькаръ.
Какой, увы! ударъ...
Кій.
Почто я въ свѣтъ рожденъ!
Къ чему несчастливый я нынѣ приведенъ!
Велькаръ.
Какія лютости душа твоя имѣла,
Что въ горести ее(?) хранити не умѣла.
Кій.
Не вѣдаешь еще несчастій ты моихъ.
Велькаръ.
Что можетъ, государь, быть больше бѣдъ намъ сихъ?
Оснельды нѣтъ, Хоревъ...
Кій.
Хоревъ теперь въ покоѣ.

Ахъ, можетъ ли онъ притти на зрѣлище такое!

Скажи, что видѣлъ ты?

Посланный.

Я съ вѣстію къ ней шелъ...
О боги! какову Оснельду я нашелъ!
Смутился *весь* мой духъ, и сердце задрожало:
То тѣло на одрѣ безчувственно лежало,
Увяли красоты, *любви заразовъ нѣтъ*...

Кій.

Сокройся отъ очей моихъ, противный свѣтъ!

Именно — сокройся!... Нѣтъ, мы не можемъ больше выписывать: какая «заразительная» поэзія!.. Изъ глазъ текутъ слезны токи, руки дрожатъ... Но соберемся съ силами — вотъ конецъ:

Кій.

Карай *мя*, я твое сокровище похитилъ.

Хоревъ.

Пускай сей кровію тебя твой гнѣвъ насытилъ,
Который *толь тебя на мя* ожесточилъ,
Но если ты о мнѣ когда нибудь *рачилъ*,
Такъ сдѣлай только то, о чемъ напоминаю!
Сіе прошеніе исполнишь ты, я знаю:
Отдай *Завлоху* мечъ, свободу возврати,
И воинство все съ нимъ изъ града *изпусти*.

(Кій *отдаетъ* Завлоху *мечъ*, а Хоревъ *говоритъ* Завлоху:)

А ты, несчастный князь! возьми съ собой то тѣло,
Съ которымъ сердце быть на вѣкъ хотѣло,
И *плачемъ омочивъ* лишенное души,
Предай его землѣ; надъ гробомъ напиши:
«Дѣвица, коей прахъ въ семъ мѣстѣ почиваетъ!
«И въ адъ со своимъ Хоревомъ пребываетъ,
«Котораго она любила въ жизни сей,
«Хоревъ ея лишась послѣдовалъ за ней.
(*закололся*)

Странное дѣло: отъ-чего не даютъ на театрѣ этой прекрасной трагедіи? Какъ бы хорошъ былъ въ роли злополучнаго Хорева г. Толченовъ старшій!...

Въ разборѣ «Гамлета» сумароковскаго особенно замѣчателенъ тонкій судъ нашего проницательнаго критика о Шекспирѣ:

«Стало быть, творенія Шекспира — солнце безъ темныхъ мѣстъ? Сказано было выше, что и на англійскомъ театрѣ выпускаютъ нѣкоторыя явленія изъ его драмъ, *отжившія въ новое время*. Были у Е(Э)врипида *фуріи*: есть и у Шекспира *вѣдьмы*. У Е(Э)врипида фуріи выведены по-крайней-мѣрѣ для изобличенія преступной совѣсти; у Шекспира вѣдьмы забрасываютъ въ душу дунканова полководца ядовитыя сѣмена властолюбія и *тлетворные порывы убійства*. Слѣдственно: полководецъ не виноватъ. Духъ убійства *не въ немъ* зародился, но *извнѣ* вторгнулся въ грудь его».

Именно такъ! глубокая мысль! Правда, европейскіе критики толкуютъ, будто вѣдьмы у Шекспира не что иное, какъ страшная поэтическая апоѳеоза мрачныхъ помысловъ, таившихся въ сокровеннѣйшихъ нѣдрахъ властолюбиваго духа Макбета; но это рѣшительный вздоръ: европейскіе критики не читали ни Сумарокова, ни г-на Глинки, а потому и ничего не смыслятъ ни въ искусствѣ, ни въ критикѣ.

Пятая статья особенно замѣчательна: въ ней проведена паралель между «Борисомъ Годуновымъ» Пушкина и «Димитріемъ Самозванцемъ» Сумарокова. Глубокомысленный аристархъ нашъ ни слова не говоритъ о томъ, которая изъ двухъ трагедій выше; но наша проницательность и наша симпатія къ образу мыслей господина критика раскрыли намъ его задушевную мысль. Да и гдѣ бѣдному Пушкину было бороться съ Сумароковымъ, если сей трагикъ побѣдилъ самого Шекспира! Да, читатели, побѣдилъ, «огромилъ» и «предъявилъ»... Слушайте, слушайте:

«Смѣлымъ, отважнымъ порывомъ Сумароковъ выставилъ *Самозванца* провозгласителемъ суда Божія, гремѣвшаго надъ его главою. На всѣ вопросы *наперстника* своего *Пармена*: что причиною смущенія и тревоги его душевной? онъ *гласно*, утвердительно отвѣчаетъ:

Зла Фурія во мнѣ смятенно сердце грызетъ;
Злодѣйская душа спокойна быть не можетъ!

«Здѣсь Сумароковъ, въ отношеніи развитія волненія душевнаго, превосходнѣе того, что Шекспиръ *предъявлялъ* въ своемъ *Макбетѣ*. Въ сердце этого властолюбца чары *вѣдьмъ* переселили жажду владычества; слѣдственно, альбіонскій поэтъ какъ будто оправдываетъ неистовства *Макбета*, приписывая ихъ вдохновенію силы посторонней. Но адъ Самозванца и возникъ и свирѣпствовалъ въ душѣ *его* собственными *его* вдохновеніями. Онъ былъ жертвою самого-себя и онъ разительно высказалъ тайну суда Божія, казнившаго *его* имъ *самимъ*.»

Совершенно справедливо! въ высшее доказательство этого выписываемъ слѣдующій анекдотъ о Сумароковѣ:

«Послѣ перваго представленія Димитрія Самозванца на московскомъ театрѣ, одна барыня изъ *того тогдашняго* круга, въ которомъ *Свайкиновы плутни* называли трагедіей, пріѣхала къ Аннѣ Петровнѣ, родной сестрѣ Александра Петровича, и разохавшись отъ восторга и удивленія восклицала: «ну, ужъ! какъ же весело было, матушка! вашему братцу! Въ театрѣ такъ то хлопали, что мнѣ кажется всѣ руки пообколотили себѣ!»

«А тутъ, какъ сонъ въ руку, шасть въ гостиную и самъ торжествующій поэтъ! Лицо его сіяло удовольствіемъ; отъ порывистыхъ взлетовъ головы, подпудренной рыжеватый парикъ переваливался на одинъ високъ; по кружевнымъ манжетамъ струились густыя полосы испанскаго табаку, спѣша подарить счастливаго поэта радостнымъ привѣтомъ, Анна Петровна сказала: ну братецъ! вотъ эта госпожа говоритъ, что хлопанье восхищенныхъ зрителей оглушало весь театръ. «Сумароковъ подлетѣлъ къ гостьѣ, усѣлся подлѣ нее и ожидая новыхъ *пальмовъ* (пальмъ?), спросилъ со всею уклончивостію увѣнчаннаго поэта: «скажите, сударыня! Что болѣе всего вамъ понравилось?» А какъ стали плясать, мой батюшка! отвѣчала гостья.» Закипѣвъ досадою, Сумароковъ вскочилъ со стула, вскрикнулъ на сестру: «охота тебѣ принимать къ себѣ такихъ дуръ!» схватилъ шляпу и — убѣжалъ.»

Это была лучшая трагедія, сочиненная Сумароковымъ!

Въ заключеніе, мы хотимъ привести мнѣніе Пушкина о нѣкоторыхъ старинныхъ нашихъ стихотворцахъ. Почему же и не такъ: Сумароковъ великій піита, господинъ С. Н. Глинка великій критикъ, а Пушкинъ — ну, хоть порядочный стихотворецъ и не глупый человѣкъ; слѣдовательно, и его скромное мнѣніе можетъ имѣть мѣсто и вѣсъ даже при глубокихъ «предъявленіяхъ» и «огромленіяхъ» г-на Глинки. Вотъ что *предъявляетъ* Пушкинъ въ статьѣ своей «Ломоносовъ»:

«Въ Ломоносовѣ нѣтъ ни чувства, ни воображенія. Оды его, писанныя по образцу тогдашнихъ нѣмецкихъ стихотворцевъ, давно уже забытыхъ въ самой Германіи, утомительны и надуты. Его вліяніе на словесность было вредное, и до-сихъ-поръ въ ней отзывается. Высокопарность, изъисканность, отвращеніе отъ простоты и точности, отсутствіе всякой народности и оригинальности—вотъ слѣды, оставленные Ломоносовымъ. Ломоносовъ самъ не дорожилъ своею поэзіею и гораздо болѣе заботился о своихъ химическихъ опытахъ, нежели о должностныхъ одахъ на высокоторжественный день тезоименитства и проч. Съ какимъ презрѣніемъ говоритъ онъ о Сумароковѣ, страстномъ къ своему искуству, *объ этомъ человѣкѣ, который ни о чемъ, кромѣ какъ о бѣдномъ своемъ рифмотворчествѣ не думаетъ*... За то съ какимъ жаромъ говоритъ онъ о наукахъ, о просвѣщеніи. Смотрите письма его къ Шувалову, къ Воронцову и проч.

. . . .

Вообще, изученіе Тредьяковскаго приноситъ болѣе пользы, нежели изученіе прочихъ нашихъ старыхъ писателей. *Сумароковъ и Херасковъ вѣрно не стоятъ Тредьяковскаго.* (Томъ XI, стр. 22 и 34).

367) **Пиратъ**. *Соч* Марріета. *Переводъ съ Англійскаго. Санктпетербургъ. 1841. Въ типографіи Іогансона. Въ 64-ю д. л. Въ двухъ частяхъ. Въ 1-й части 231, во II-й — 152 стр.*

Марріетъ принадлежитъ къ числу тѣхъ писателей, которыхъ произведенія охотно читаются большинствомъ публики тотчасъ по ихъ выходѣ, и потомъ навсегда забываются. Онъ писатель не безъ дарованія, особенно когда не берется не за свое дѣло, остается вѣренъ доступной ему сферѣ жизни, — а ему доступна только сфера низшихъ

сторонъ общественности: онъ хорошо нарисуетъ портретъ негодяя шкипера, который между службою промышляетъ и контрабандою; онъ занимательно разскажетъ похожденія какого-нибудь сироты, брошеннаго на произволъ случая, натерпѣвшагося горя и бѣдствій, прошедшаго сквозь огонь и воду. По роду изображаемой имъ жизни, Марріетъ подходитъ подъ одну категорію съ Диккенсомъ и Поль-де-Кокомъ; но по таланту, каждый изъ этихъ романистовъ — великанъ въ-сравненіи съ Марріетомъ. Русская публика довольно знакома съ Марріетомъ. Въ одномъ изъ журналовъ была переведена его большая повѣсть подъ названіемъ «Чортъ-собака»; потомъ отдѣльно былъ изданъ его романъ «О томъ, какъ Іафетъ ищетъ своего отца»; оба эти произведенія читаются не безъ удовольствія. Но прежде еще «Іафета» былъ переведенъ по-русски романъ Марріета «Морской Офицеръ» — произведеніе вялое, растянутое, скучное, написанное въ духѣ той узенькой морали, почитающей развратомъ всякое проявленіе жизни и желающей, чтобъ люди были мертвыми, машинами, которыя чувствуютъ, мыслятъ и дѣйствуютъ не сами собою, а посредствомъ пружинъ и колесъ пошленькихъ сентенцій и резонёрскихъ принциповъ. Въ «Пиратѣ» Марріету вздумалось нарядиться въ чужія перья и, будучи вороной, разъиграть орла. Должно быть, Куперъ своимъ превосходнымъ «Краснымъ Корсаромъ» взманилъ его на попытку — вмѣсто плута и негодяя, создать страшнаго, пожираемаго огненными страстями и сильнаго характеромъ разбойника. Но куда господамъ Марріетамъ гоняться за Куперомъ! Какъ ни силился англійскій сказочникъ придать своему пирату черты какого-то дикаго и страшнаго величія, но его пиратъ, на зло ему, остался чудовищемъ низкимъ, подлыцъ, кровожаднымъ, свирѣпымъ и развратнымъ, безъ всякихъ проблесковъ человѣчности. Однакожь г-ну Марріету, во что бы ни стало, нужно было исправить своего гнуснаго героя, — и онъ натянулъ то, что само-собою не могло дойдти до предположенной мѣры. Раскаяніе егоКаина неестественно и произвольно, да и вся повѣсть слѣплена изъ пустыхъ и внѣшнихъ эффектовъ. Впрочемъ, тѣ изъ читателей, которые смотрятъ на романъ и повѣсть, какъ на сказку, требуя отъ нихъ только разныхъ приключеній и похожденій, найдутъ и въ «Пиратѣ» занимательную для себя книгу.

Переводъ такъ-и-сякъ — съ грѣхомъ пополамъ; впрочемъ, смыслъ вездѣ на-лицо; что же касается до ореографіи, часто замѣтно ея отсутствіе. Изданіе довольно скромно, но форматъ книжки, сообразно съ величиною шрифта, очень малъ; жаль только, что книгопродавческій разсчетъ изъ одной книжки сдѣлалъ полторы, безъ всякой нужды, раздѣливъ романъ на *двѣ* части.

368) Мазепа. *Поэма* лорда Байрона. *Москва. Въ тип. Семена. 1841. Въ 16-ю д. л. 60 стр.*

Громкое, славное имя автора и рядомъ съ нимъ — темное, т. е. совершенно безгласное имя переводчика: — вы можете себѣ представить, какъ мало можно ожидать отъ подобнаго перевода. Мы совершенно согласны съ переводчикомъ, если только онъ думаетъ, что переводъ поэмы Байрона можетъ составить нѣкотораго рода заслугу въ литературѣ, вообще небогатой хорошими переводами; но мы также увѣрены, что «Мазепа» своими страшными, ужасающими сердце картинами, даже одною яркостію своихъ красокъ, требовалъ бы руки смѣлой и опытной. Пробовать же руку надъ «Мазепой» — значитъ имѣть мало уваженія и къ его великому автору, и къ литературѣ, которую хотите подарить подобнымъ переводомъ. Впрочемъ, мы готовы отдать справедливость всякому, кому слѣдуетъ. Въ переводѣ «Мазепы» не замѣтно ни особенной литературной опытности, ни сильнаго таланта передавать поэтическія произведенія, но встрѣчается нѣсколько вѣрно-переданныхъ

мѣстъ, нѣсколько удачныхъ стиховъ, нѣкоторое единство въ колоритѣ и тонѣ цѣлаго, и пока — довольно... Болѣе и нельзя требовать отъ того, кто не можетъ болѣе выполнить. По-крайней-мѣрѣ, въ этомъ переводѣ очень-ясно можно видѣть добросовѣстное убѣжденіе и свободный трудъ, а не книгопродавческую спекуляцію. Нѣсколько стиховъ, взятыхъ изъ новаго перевода «Мазепы», надѣемся, подтвердятъ слова наши:

—Летимъ! Какъ вихорь надъ горой,
Мой конь крутится подо мной
Въ степи далеко отъ людей.
Такъ метеоръ въ глуши ночей
По небу сыплетъ *тьму лучей*,
И трескомъ будитъ ночь отъ сна,
И просыпается она...
. . . .
Томилось сердце, мозгъ горѣлъ;
Кружилось небо, свѣтъ темнѣлъ,
Деревья гнулись, блескъ огней
Сверкалъ вблизи моихъ очей
И поминутно исчезалъ.
. . . .
Я чувствовалъ—ночная тѣнь
Носилась страшно предо мной.
Я силился преодолѣть
Дремоту, но не могъ смотрѣть,
Ни слышать. То казалось мнѣ,
Что я ношусь по глубинѣ
Морскихъ взволнованныхъ зыбей,
Что волны все сильнѣй, сильнѣй
Меня кружатъ и душатъ *тамъ*,
И гонятъ къ *мертвымъ* берегамъ,—и пр.

Болѣе ровноты въ тонѣ, болѣе выдержанности и отдѣлки въ стихѣ, и менѣе неправильныхъ удареній— потому-что они довольно часто мелькаютъ въ поэмѣ—и переводъ былъ бы очень удачный.

369) Сауръ-Могила, *атаманъ разбойниковъ. Повесть. Москва. Въ тип. И. Смирнова. 1841. Въ 16-ю д. л. 49 стр.*

Странный былъ человѣкъ этотъ негодяй, названный Сауръ-Могилою; если вѣрить господину, который сочинилъ такого разбойника, то на него страшно было и смотрѣть простому человѣку; книжка же, въ которой разсказываются похожденія атамана разбойниковъ, страшнѣе такого отчаяннаго злодѣя: и грязно, и неопрятно, и пошло!.. Мы совѣтовали бы сочинителю вести себя передъ публикою поприличнѣе и по-крайней-мѣрѣ впередъ не выпускать на свѣтъ Божій подобныхъ пресмыкающихся.

370) Сто двадцать Сказокъ и Басень *фантастическихъ, аллегорическихъ, волшебныхъ, сатирическихъ, разсказовъ романическихъ, причудовъ людей и всѣхъ богачей, проказъ шарлатановъ и проч. Сочиненіе* Ѳедота Кузмичева. *Части IV и V. Москва. Въ тип. И. Смирнова. 1841.*

Вотъ господинъ Ѳедотъ Кузмичевъ другое дѣло: ему что вы ни говорите, онъ васъ ни за что въ свѣтѣ не станетъ слушать, и будетъ себѣ писать по-прежнему... За то онъ «сынъ природы»! И будетъ онъ писать до-тѣхъ-поръ, пока будетъ существовать на свѣтѣ оберточная бумага, и не переведутся подобныя типографіи, какова типографія г. Смирнова и братіи. Вы, можетъ-быть, думаете, напримѣръ, что, выдавъ IV и V части этого хламу, называемаго имъ «сказками», онъ на томъ и остановится? Напрасно! Въ концѣ послѣдней части *напечатано* слѣдующее: «конецъ пятой и послѣдней части, а прочія обѣщанныя мною еще *пять* издамъ по одиначкѣ». И то добрый человѣкъ, что разсрочилъ: по-крайней-мѣрѣ, можно будетъ духъ перевести! Можетъ-быть, еще вы сомнѣваетесь, чтобъ господинъ Ѳедотъ Кузмичевъ сдержалъ свое обѣщаніе? О, это самое неумѣстное сомнѣніе! Скорѣе солнце совратится съ своего пути, нежели онъ, господинъ Ѳедотъ Кузмичевъ, откажется бросить въ нашу литературу еще одинъ комъ грязи, или издать книжку своего издѣлія—что одно и то же.

371) Все изъ Любви къ Царю. *Историческій разсказъ за Байкаломъ. Сочиненіе издателя* Русскаго Вѣстника Сергѣя Глинки. *Санктпетербургъ. Въ типографіи С. С. Глинки и К°. 1841. Въ 8-ю д. л. 45 стр.*

372) Жизнь и Описаніе Путешествія Казака Назимова *изъ Восточ-*

ной Сибири. съ границъ Китайской Имперіи, въ Санктпетербургъ — пѣшкомъ. Сочиненіе сибиряка В. Беккера. *Санктпетербургъ. 1841. Въ типографіи Фишера. Въ 8-ю д. л. 112 и 12 стр.*

Обѣ эти книжки весьма примѣчательны какъ по событію, которое подало поводъ къ ихъ появленію въ свѣтъ, и которое дѣлаетъ истинную честь русскому имени, такъ и по литературному достоинству. «Историческій Разсказъ за Байкаломъ» полонъ даже поэзіи — стиховъ достопримѣчательнаго казака Назимова, и поэтической прозы почтеннаго и заслуженнаго ветерана и патріота русской литературы. Та и другая книжка снабжены портретомъ отличившагося любовію къ Царскому Дому казака Назимова; а при второй приложенъ его дорожный журналъ, замѣчательный не только по уму составителя, но и по умѣнью его владѣть языкомъ получше инаго литератора.

373) **Руководство находить въ Священныхъ Книгахъ Новаго Завѣта Чтеніе Апостола и Евангелія**, *положенное на каждый день православною церковію. Санктпетербургъ. Въ тип. Штаба Военно-учебныхъ Заведеній.* 1841. *Въ 8-ю д. л. 40 стр.*

374) **Сокращенный Молитвословъ.** *Санктпетербургъ. Въ Сѵнодальной типографіи.* 1841. *Въ 8-ю д. л.* 135 *стр.*

375) **Уроки изъ Священной Исторіи Ветхаго Завѣта,** *читанные Воспитанникамъ Института Корпуса Горныхъ Инженеровъ, священникомъ Димитріемъ* Абрюцкимъ. *Санктпетербургъ.* 1841. *въ 8-ю д. л.* 168 *стр.*

376) **Страстная Седмица.** **Изданіе четвертое,** *исправленное и умноженное. Москва. Въ тип. Н. Степанова.* 1841. *Въ* 12-*ю д. л. 245 стр.*

377) **Письма о Должностяхъ Священнаго Сана.** *Томъ второй. Одесса. Въ Городской типографіи.* 1841. *Въ 8-ю д. л. 220 стр.*

Изъ пяти названныхъ здѣсь книгъ, первыя три изданы достопочтенными преподавателями закона Божія въ здѣшнихъ учебныхъ заведеніяхъ: «Руководство» законоучителемъ Перваго Кадетскаго Корпуса, отцомъ Раевскимъ, «Молитвословъ» законоучителемъ Павловскаго Кадетскаго Корпуса, отцомъ Лавровымъ и «Уроки» законоучителемъ Института Горныхъ Инженеровъ. Послѣдняя изъ нихъ назначена исключительно для класснаго употребленія въ преподаваніи священной исторіи и при всей своей краткости отличается полнотою; но двѣ первыя имѣютъ цѣлію — представить христіанину спасительное для него чтеніе или руководить его въ этомъ чтеніи. Въ «Молитвословѣ» собраны молитвы утреннія, молитвы въ продолженіи дня, на сонъ грядущимъ и относящіяся къ богослуженію, въ церкви совершаемому; тропари, кондаки, молитвы и стихи изъ Тріоди постной и цвѣтной, тропари, богородичны и кондаки воскресные осьми гласовъ; дневные тропари и кондаки на всю седмицу; тропари, кондаки и величанія на праздники господни, богородичны и святыхъ великихъ, тропари и кондаки, общіе святымъ; молитвы на разные случаи, и нѣкоторые псалмы, выражающіе чувствованія вѣрующаго. — Въ «Руководствѣ» же благочестивый сынъ церкви получаетъ самый легкій и удобный способъ находить, въ какомъ бы то ни было изданіи св. книгъ Новаго Завѣта, чтеніе Апостола и Евангелія, положенное на каждый день православною церковію. Безъ этого «Руководства» многіе желавшіе въ домашнемъ чтеніи св. книгъ Новаго Завѣта постоянно слѣдовать порядку, который соблюдается въ ежедневномъ богослуженіи, находили важное затрудненіе, потому-что только въ тѣхъ изданіяхъ, которыя назначены для церковнаго употребленія, подробно означено какому дню какое принадлежитъ чтеніе. Теперь же, имѣя въ рукахъ «Руководство», изданное отцомъ Раевскимъ, всякій можетъ дома ежедневно услаждать душу свою тѣмъ благодатнымъ чтеніемъ, которое въ тотъ же самый день благовѣствует-

ся въ церкви: — услуга, за которую авторъ вѣрно услышитъ благодарность отъ всякаго благомыслящаго христіанина.

«Страстная Седмица» — твореніе знаменитаго нашего духовнаго витіи, преосвященнаго Иннокентія, выходитъ нынѣ четвертымъ изданіемъ: — доказательство, какъ пастырская бесѣда его доступна и утѣшительна сердцу русскихъ читателей.

Первый томъ «Писемъ о Должностяхъ Священнаго Сана» вышелъ въ прошломъ году; теперь появился второй, которымъ оканчивается это замѣчательное во всѣхъ отношеніяхъ сочиненіе, доставляющее автору ея, г-ну *Стурдзѣ*, почетное мѣсто между первоклассными духовными писателями. Цѣль книги – представить обязанности православнаго іерея во всей ихъ строгости и во всемъ объемѣ того благодѣтельнаго вліянія, которое онъ долженъ оказывать на ввѣренную ему паству. Вотъ названіе семи главъ, составляющихъ книгу: 1) о приготовленіи къ священству, 2) о священнодѣйствіяхъ, 3) о исповѣди, 4) о проповѣданіи слова Божія, 5) о законоучительствѣ, 6) о обращеніи священника съ людьми, 7) о званіи и подвигѣ благовѣстника. Первыя четыре главы находятся въ первомъ томѣ, остальныя три въ послѣднемъ. Не будемъ говорить о полнотѣ, логической послѣдовательности и совершенномъ знаніи предмета, которыя видны во всемъ сочиненіи; довольно сказать, что книга г. Стурдзы должна сдѣлаться настольною справочною книгою всякаго православнаго священника. Но что за вдохновенный языкъ, что за полнота одушевленія, которымъ блещетъ каждое изъ этихъ писемъ! Это не напыщенныя, всегда фальшивыя и всегда холодныя фразы, которыми иные писатели надѣются замѣнить недостающее въ нихъ сочувствіе съ ихъ высокимъ предметомъ; это не сбродъ пышныхъ періодовъ, пестрѣющихъ галлицизмами, и перемѣшанныхъ съ славянскими изреченіями, — нѣтъ, тутъ слышится русское слово, идущее прямо отъ сердца, тутъ раздается говоръ души, глубоко проникнутой вѣрованіемъ и плѣненной святымъ предметомъ своимъ; тутъ видѣнъ поэтъ, но поэтъ — благовѣстникъ, которому не нужно подниматься на ходули, чтобъ казаться высокимъ: каждое его слово — любовь; каждая его фраза — мысль... Намъ очень хотѣлось бы сдѣлать выписки изъ этой превосходной книги; но мы увѣрены, что многіе читатели наши поспѣшатъ ознакомиться съ нею сами; однакожь вотъ нѣсколько замѣтокъ автора о Кавказѣ, изъ седьмой главы (О званіи и подвигѣ благовѣстителя):

«О, сколько на каждомъ шагу» — говоритъ авторъ — «полу-изглаженныхъ слѣдовъ древняго владычества Его (Креста Христова) на теменахъ и въ дебряхъ гордаго Кавказа! Какое страшное попущеніе Божіе! Вездѣ развалины храмовъ, *мерзость запустѣнія на мѣстѣ святѣмъ*, умилительные остатки благочестивыхъ Христіанскихъ обрядовъ и молитвъ, искаженныхъ примѣсью языческаго суевѣрія и мусульманства!.

«Увы! сколь жалокъ бѣдный человѣческій родъ, сколь падокъ ко грѣху и долупреклоненъ онъ, лишь только отступитъ отъ него на мигъ вседѣтельная благодать Божія. И это тяготѣніе естества нашего свойственно не однимъ частнымъ лицамъ, но и всецѣлымъ племенамъ и народамъ. Кавказъ и берега морей Каспійскаго и Чернаго напоминаютъ намъ участь сѣверной Африки, гдѣ въ IV и V вѣкѣ по Р. Х. процвѣтали Кипріаны, Августины, гдѣ сотни православныхъ Епископовъ торжественно съѣзжались на Соборы, отстаивать заповѣди и права святой Вѣры. И тамъ и здѣсь, другъ мой, сбылись прещенія Господни, возвѣщенныя древнимъ Азійскимъ церквамъ, устами тайновидца Іоанна Богослова. И здѣсь *сдвинутъ свѣтильникъ* церкви съ *мѣста своего*, и *пріиде* паки *нощь, егда никто же можетъ дѣлати*.

«Проѣзжая чрезъ Пятигорскъ, я пошелъ осматривать цѣлебные ключи, изъ которыхъ струится тѣлесное здравіе для многихъ. Дивное зрѣлище сіе тронуло меня до слезъ; я молилъ того, *ему же работаютъ источницы*, да призритъ онъ снова на синѣвшія вдали вершины Кавка-

за и водворить на нихъ истинную Силоамскую купель святаго просвѣщенія, баню живо-бытія, да дастъ глаголъ намъ благовѣствующимъ *силою многою*, вопреки немощи нашей!!...

«При всемъ упадкѣ духовнаго просвѣщенія въ древле-православной странѣ, отданной *языкомъ на попраніе* въ продолженіи *вѣковъ* многихъ, не возможно, другъ мой, взирать на уцѣлѣвшіе памятники древняго благочестія безъ глубокаго и благоговѣйнаго умиленія. Насажденная въ началѣ IV-го вѣка Грузинская церковь *уподобися купинѣ неопалимой*. Ухватясь за нетлѣнную хоругвь животворящаго Креста Господня, она пребыла вѣрною ученію Апостольскому подъ сѣкирою и мечемъ гонителей, *въ разженной пещи* зіявшаго на нее язычества, мусульманства и варварства! Мы призваны врачевать язвы и покрыть наготу первородной сестры церкви Россійской, подкрѣпить и утѣшить вѣрныхъ ея служителей, устоявшихъ на тяжкой, всенощной стражѣ двора овчаго! Было время, когда Иверійцы въ свою чреду заступали и ущедряли Христіянъ Іерусалимскихъ, созидали славныя обители на вершинахъ святой горы Аѳонской и вносили свѣтильникъ вѣры въ Персію и окрестныя Восточныя страны. Теперь настала череда наша; предначинается подвигъ ревности братолюбивой. Съ нимъ благовѣствованіе наше окажется плодоносньмъ; Православіе изъ гробницы прошедшаго изыдетъ паки на дѣло свое, разольется живымъ потокомъ отъ Кавказа до Арарата и озаритъ свѣтомъ Евангельскаго ученія Азійскія племена...»

«Здѣсь, въ ущельяхъ горъ, вдоль непріязненныхъ береговъ Понта, и вѣнецъ мученическій—не мечта! Здѣсь, по мѣрѣ случаевъ, представляемыхъ промысломъ Божіимъ, намъ можно являть любовь свою къ единовѣрцамъ, влагать сѣмя святаго единомыслія въ души разномыслящихъ Армянъ и благую вѣсть спасенія пронести въ отдаленные аулы витязей-отступниковъ...

«Здѣсь, въ тѣснинахъ строптиваго Кавказа, всего труднѣе для благовѣстника открывать доступъ во внутренность быта семейнаго, такъ чтобы женскій полъ и малолѣтныя дѣти слушали наши поученія. А безъ нихъ едва ли возможно надѣяться *плода пребывающаго* въ потомствѣ. Восточное затворничество женщинъ, привольная жизнь дѣтей полудикихъ, узы языка и незнаніе мѣстныхъ обычаевъ, — все противъ насъ въ заговорѣ, всюду преграды и горы, неприступнѣе тѣхъ утесовъ и вѣковыхъ скалъ, которыя видимо насъ окружаютъ...

«Съ многоженствомъ мы рѣдко встрѣчались въ горахъ, потому что скудость пропитанія и наѣздническій образъ жизни существованію гаремовъ не благопріятствуютъ. Сверхъ того, давно ли торгъ невольниками обоего пола пересталъ опустошать долины Кавказа и приморскія страны, съ которыхъ Турецкая нѣга взимала безчеловѣчную дань именемъ лже-пророка!»

Душевно желаемъ, чтобъ почтенный авторъ «Писемъ» продолжалъ труды свои на этомъ высокомъ и столь славномъ для него поприщѣ.

378) Журналъ Министерства Государственныхъ Имуществъ. *Книжки 1, 2, 3, 4, 5 и 6. Санктпетербургъ.* 1841. *Въ тип. 3-го Департамента Государственныхъ Имуществъ. Въ 8-ю д. л.*

Въ первыхъ числахъ ноября вышла изъ печати 6-я книжка «Журнала Министерства Государственныхъ Имуществъ», который и оканчиваетъ ею *первый* годъ своего существованія. При самомъ началѣ этого изданія, мы радостно привѣтствовали появленіе его, вполнѣ сознавая важность журнала, имѣющаго назначеніемъ распространеніе экономическихъ знаній вообще и хозяйственныхъ свѣдѣній о Россіи въ особенности. У насъ уже существовали хозяйственные журналы и газеты; но свѣдѣнія, въ нихъ помѣщавшіяся, были обыкновенно лишь спеціальныя, слишкомъ частныя, можно сказать односторонния. При настоящемъ ходѣ промышленой дѣятельности необходимо, чтобъ техническія знанія были подводимы подъ общую точку зрѣнія—государственнаго хозяйства, потому-что только такимъ образомъ разнородныя отрасли народнаго хозяйства могутъ идти твердо, подкрѣпляя другъ друга. Въ настоящее время, одни механическія усилія не составляютъ еще промышлености: нужно, чтобъ впереди всякаго труда или работы шла мысль.

И это прекрасное, высокое назначеніе предположила себѣ одною изъ главныхъ цѣлей редакція «Журнала Министерства Государственныхъ Имуществъ». Читая такъ-называемыя капитальныя статьи въ этомъ журналѣ (articles de fond), вы увидите, что вездѣ фактъ подчиняется мысли; вы незамѣтно становитесь на высшую точку зрѣнія, откуда хозяйство кажется уже полнымъ организмомъ, гдѣ дѣйствуютъ не только вещественныя силы природы, но и нравственныя—человѣка; вы невольно убѣждаетесь, что сельское хозяйство не есть сфера, —какъ многіе думаютъ у насъ, —гдѣ сила мысли не такъ необходима, какъ въ другихъ областяхъ человѣческой дѣятельности: силы природы не потекутъ потокомъ богатства, до-тѣхъ-поръ, пока человѣкъ, силою мысли, и только мысли, не заставитъ ихъ отвѣчать на его призывы, удовлетворять его желанія. И какъ плодотворенъ подобный взглядъ при томъ богатствѣ фактическихъ свѣдѣній, которыя составляютъ содержаніе «Журнала Министерства Государственныхъ Имуществъ»! Довольно указать на статистическія извѣстія о государственныхъ имуществахъ, составляющихъ около $^2/_5$ всего пространства Европейской и болѣе $^1/_8$ Азіатской Россіи, съ 20 м. жителей обоего пола. Извѣстія объ этихъ предметахъ въ первый разъ являются въ этомъ журналѣ и составляютъ драгоцѣнное достояніе русской статистики. Впрочемъ, въ «Журналѣ Министерства Государственныхъ Имуществъ», статистическія свѣдѣнія имѣютъ направленіе хозяйственное, касаются, слѣдовательно, ближайшихъ интересовъ нашихъ. — Быть-можетъ, для большей части читателей-практиковъ, занимательнѣе сельское хозяйство: и въ этомъ отношеніи «Журналъ Министерства Государственныхъ Имуществъ» представляетъ самую обильную и разнообразную пищу любознательности русскихъ хозяевъ. Извѣстно, что въ этомъ министерствѣ сосредоточиваются наблюденія за ходомъ и успѣхами сельскаго хозяйства и разныхъ его отраслей, что̀ представляетъ возможность сообщать и болѣе вѣрныя, и болѣе подробныя свѣдѣнія объ этой важной части отечественной промышлености. Многочисленныя связи редактора журнала съ извѣстными хозяевами, его собственныя ежегодныя путешествія по Россіи, представляютъ возможность придавать свѣдѣніямъ колоритъ мѣстности и современности: — условіе, едва-ли доступное другимъ издателямъ хозяйственныхъ газетъ и журналовъ. Читайте отдѣлъ журнала *Корреспонденція:* — вы увидите, какая живая лѣтопись русскаго земледѣлія развернется передъ вами. Это не мелкія, мимолетныя замѣтки: большая часть изъ этихъ статей, по объему своему и содержанію, могла бы войдти въ число основныхъ статей инаго періодическаго изданія: — доказательство того, какое обиліе матеріаловъ находится въ распоряженіи редакціи. Всѣхъ статей въ отдѣлѣ *Хозяйственныя замѣчанія въ Россіи*, помѣщено болѣе 80. Сверхъ-того, читая отдѣлъ *Новые опыты и открытія*, вы познакомитесь со всѣми важнѣйшими современными движеніями сельскаго хозяйства въ Европѣ. Можно замѣтить, что и здѣсь редакція не просто переводила изъ иностранныхъ журналовъ, но выбирала только то, что̀ можетъ имѣть болѣе или менѣе полезное у насъ примѣненіе.

Наконецъ, мы еще должны упомянуть объ одномъ изъ полезнѣйшихъ отдѣловъ журнала — о *Библіографіи*. Этотъ отдѣлъ исключительно принадлежитъ разбираемому нами изданію, и, отличаясь свѣтлымъ критическимъ взглядомъ, составляетъ, по нашему мнѣнію, драгоцѣнное и единственное руководство для сельскихъ хозяевъ въ выборѣ сочиненій для чтенія, —особенно въ то время, когда, къ-несчастію, книжное дѣло превратилось у насъ въ ремесло, часто только обольщающее простодушныхъ деревенскихъ жите-

лей пышностію и многорвчіемъ заглавій. Во всемъ годовомъ изданіи «Журнала» было разобрано 23 русскія хозяйственныя сочиненія и 33 нѣмецкія и французскія. Сверхъ-того, своевременно дѣлались обзоры періодическихъ хозяйственныхъ изданій. Такое разнообразіе дѣлаетъ «Журналъ Министерства Государственныхъ Имуществъ», такъ сказать, энциклопедическимъ обозрѣніемъ народнаго хозяйства въ обширномъ смыслѣ. Быть можетъ, для многихъ желательно было бы появленіе книжекъ ежемѣсячно, а не чрезъ два мѣсяца: но предметъ «Журнала Министерства Государственныхъ Имуществъ» по нашему мнѣнію таковъ, что онъ не столько требуетъ быстроты, летучести свѣдѣній (для этого существуютъ газеты), сколько тщательности въ выборѣ и отдѣлкѣ статей, соотвѣтствующихъ важности изданія.

Впрочемъ, при аккуратности выхода книжекъ «Журнала Министерства Государственныхъ Имуществъ» и ихъ объемѣ (около 24 листовъ убористой печати въ каждой книжкѣ), читатели, по нашему мнѣнію, не только не въ потерѣ, но едва ли не въ выигрышѣ: каждые два мѣсяца они получаютъ цѣлый томъ, а не тощую тетрадку. Наружнымъ изяществомъ этотъ журналъ не уступаетъ лучшимъ нашимъ періодическимъ изданіямъ.

Уже объявлено о продолженіи «Журнала Министерства Государственныхъ Имуществъ» въ наступающемъ году. Мы увѣрены, что русскіе хозяева, вполнѣ раздѣляя наше мнѣніе о важности этого изданія, достойно оцѣнятъ усилія правительства къ распространенію здравыхъ экономическихъ понятій въ образованномъ классѣ русской публики.

379) Описаніе къ Изображенію Креста, *находящагося въ часовнѣ у Крестовской Заставы въ Москвѣ. Москва. 1841. Въ типографіи А. Семена. Въ 4-ю д. л. 3 стр. Съ рисункомъ.*

Въ Москвѣ, въ приходѣ церкви Троицы-на-Капелькахъ, на пути въ Троицкую Сергіеву Лавру, близь Крестовской Заставы, въ предмѣстіи, именуемомъ *У-Креста*, стоитъ часовня, въ которой находится древній дубовый крестъ: на лицевой его сторонѣ выпукло вырѣзанъ крестъ и слова, а на другой, обращенной къ стѣнѣ, вглубь вырѣзана надпись слѣдующаго содержанія: «Отъ лѣтъ многихъ сокровенно бысть неизтощимое сокровище вскраи Российскаго Государства, во отоцеакіанѣ море, во острове Соловецкомъ изволениемъ Всесилнаго въ Троицы славимаго Господа нашего Іисуса Христа и пречистыя Его Матере, лѣта 7160 (1652) іюля въ 9 день сотвори срѣтеніе многоцелебныхъ мощей новаго чюдотворца Филипа, митрополита Московскаго и всея Русиі благочестивый Государь Царь и Великій Князь Алексѣй Михаиловичь всеа Русиі съ чюдотворными іконами, съ митрополиты і со архіепископы і со освященнымъ соборомъ съ князи и боляры и со всѣми православными християны. Недошедъ восприятия мощей его на семъ мѣстѣ преставися преосвященный Варлаамъ митрополитъ Ростовскій и Ярославскій.» Величина этого креста 3¼ арш., толстота 4 вершка. Открытіемъ этого достопримѣчательнаго памятника древности обязаны мы Ивану Михайловичу Снегиреву, почтенному нашему знатоку и изыскателю отечественныхъ древностей, который въ 41-мъ нумерѣ «Московскихъ Губернскихъ Вѣдомостей» нынѣшняго года, при описаніи креста, упомянулъ и о народномъ преданіи: «будто на мѣстѣ семъ отдыхалъ преподобный Сергій, когда онъ шелъ въ Москву, и будто до этого мѣста провожали его, когда онъ возвращался изъ богоспасаемаго града въ благочестивую свою обитель. Выходныя книги свидѣтельствуютъ, что у креста останавливались цари Алексій Михайловичъ и Феодоръ Алексіевичъ, въ шатрахъ, гдѣ, перемѣнивъ платье, пускались въ путь на поклоненіе преподобному Сергію». Въ выходныхъ кни-

гахъ 1660 года записано слѣдующее: «Сентября въ 27 день шелъ Государь въ царствующій градъ Москву отъ креста, гдѣ стояли мощи великаго святителя Филиппа Митрополита».

380) Священная Исторія *въ разговорахъ для маленькихъ дѣтей. Сочиненіе* А. Ишимовой. *Санктпетербургъ. Въ привиллегированной типографіи Фишера. 1841. Въ 16-ю д. л. 155 стр.*

Заглавіе этой книги само говоритъ о достоинствѣ ея содержанія и цѣли, а имя сочинительницы ручается за выполненіе.

381) Географія для Дѣтей. *Второе исправленное и дополненное изданіе. Тетрадь первая. Санктпетербургъ. Въ типографіи А. Бородина и К. 1841. Въ 16-ю д. л. 59 стр.*

Мы уже отзывались съ похвалою о первомъ изданіи этой книжки г. Студитскаго: второе еще лучше. Какъ увѣдомленіе для публики, выписываемъ предисловіе автора:

«Вниманіе публики къ моему небольшому труду заставило меня пересмотрѣть и дополнить 1-ю тетрадь «Географіи для Дѣтей», которая была одобрена Министерствомъ Народнаго Просвѣщенія. Начиная путешествіе съ дѣтьми со Пскова, я хотѣлъ обратить вниманіе преподавателей и отцовъ семейства на ту мысль, что легче всего, и даже необходимо, начинать учить дѣтей географіи съ того мѣста, гдѣ они живутъ. Я думалъ совершенно передѣлать путешествіе, но желая удовлетворить скорѣе требованіямъ, рѣшился прибавить только разговоръ о черченіи картъ, путешествіе изъ Москвы, Нижняго-Новгорода Костромы, Ярославля и Новгорода. Конечно, эти путешествія довольно сухи, но по-крайней-мѣрѣ, дѣти могутъ доѣхать до Петербурга или до Финскаго Залива. Впрочемъ, каждый преподаватель можетъ составить путешествіе до Петербурга по образцу путешествія изъ Пскова. Главное мое попеченіе облегчить занятіе дѣтей географіею.»

«Вторая тетрадь—«Путешествіе по Россіи» или «Географія Россіи для Дѣтей» выйдетъ черезъ нѣсколько мѣсяцевъ.»

Будемъ ждать съ нетерпѣніемъ этого «Путешествія по Россіи». Г. Студитскій такъ мастерски умѣетъ говорить съ дѣтьми, что, нѣтъ сомнѣнія, обѣщаемая имъ книга будетъ замѣчательнымъ явленіемъ въ русской учебной литературѣ.

382) Гимназическій Курсъ Чистой Математики, *содержащій Ариѳметику, Основанія Алгебры и Геометріи, Прямолинейную Тригонометрію и Коническія Сѣченія. Составленъ профессоромъ* Д. Перевощиковымъ. Изданіе второе *исправленное Москва. Въ тип. Николая Степанова. 1841. Въ 8-ю д. л. 119 стр.*

Намъ не нужно рекомендовать эту книгу гг-мъ учащимъ и учащимся: имя автора рекомендуетъ ее лучше всѣхъ журнальныхъ похвалъ... Кто имѣлъ удовольствіе слушать чтенія ученаго профессора и читать его сочиненія, тотъ знаетъ, что каждое изъ нихъ отличается глубокимъ знаніемъ предмета, прекраснымъ изложеніемъ, недопускающимъ ничего лишняго, и не опускающимъ ничего нужнаго. «Гимназическій Курсъ», достигшій втораго изданія, соединяетъ въ себѣ всѣ качества учебной книги, упрочивающія ея пользу. Теперь отпечатана геометрія; остаются еще двѣ части: прямолинейная тригонометрія и коническія сѣченія.

383) Гибель Англійскаго Корабля Кентъ. *Санктпетербургъ. 1841. Въ типографіи А. Сычева. Въ 16-ю д. л. 68 стр.*

Назидательное, хотя и не отличающееся хорошимъ языкомъ, чтеніе.

384) Система Русской Грамматики, *съ присоединеніемъ практическихъ упражненій. Соч.* И. Соловьева. *Москва. Въ тип. И Смирнова.* 1841. *Въ 8-ю д. л. 285 стр.*

Можетъ-быть, вамъ угодно прежде всего познакомиться съ авторомъ, а потомъ съ его твореніемъ, въ-слѣдствіе той истины, что иногда стоитъ только взглянуть на почтенную фигуру отца, чтобъ видѣть, каковы должны быть его дѣти? Постараемся удовлетворить ваше желаніе, хоть это и трудновато.

Впрочемъ, перелистывая толстую «Систему Грамматики»; мы нашли нѣсколько драгоцѣнныхъ отвѣтовъ, изъ которыхъ хотя нельзя составить полнаго формулярнаго списка, но которые показываютъ, по-крайней-мѣрѣ, взглядъ автора на самого-себя. На стр. 76, въ XXV урокѣ, *о мѣстоименіяхъ*, говоря о томъ, какія свойства всякаго мѣстоименія вообще, г. Соловьевъ коснулся собственно себя: «Сущность моя очевидна тѣмъ, которымъ говорю, и которые меня слышатъ или видятъ; а для другихъ я *непроницаемъ,* и для тѣхъ я есмь *кто-то, нѣкто;* а которые хотятъ меня узнать, для тѣхъ, я—кто? а которые постигаютъ меня, для тѣхъ *я тотъ, который говорю или пишу;* а понятіе о моей сущности содержу *я въ себѣ*». Драгоцѣнныя свѣдѣнія! Не зная сущности автора, потому-что понятіе о ней содержитъ онъ въ самомъ-себѣ, мы знаемъ однакожь, что онъ *непроницаемъ*, что онъ есть *кто-то*, то-есть *нѣкто,* что онъ есть *кто,* что онъ есть *тотъ*, *который говоритъ или пишетъ*. Сверхъ того, видимъ, что онъ пишетъ дурно, ошибочно разставляетъ знаки препинанія и любитъ союзъ *а*. Прибавьте къ этому, что онъ учитъ русской грамматикѣ *восемь лѣтъ* (стр 1), и вы поймете, отъ-чего онъ пишетъ дурно и ошибается въ знакахъ препинанія.

Но вы спрашиваете: что́ такое грамматика *непроницаемаю* г. Соловьева?.. Есть многочисленный классъ людей, которые, не смотря на невозможность свою выдумать порохъ, къ-несчастію, получили отъ природы страсть систематизировать, допытываться основныхъ началъ тамъ, гдѣ они уже вовсе не диковинка, искать и искать того, что́ давнымъ-давно сыскано. Не получивъ предварительнаго образованія, не читавъ книгъ, и слѣдовательно не ознакомясь съ литературой науки, которой должны заниматься по обязанности, или изъ доброй воли, эти люди каждое свое понятьице, трудомъ и по́томъ добытое, считаютъ за новость, за открытіе Америки; они самоуслаждаются, когда узнаютъ, на-примѣръ, что *ы* есть сложная буква, состоящая изъ *ъ* и *і*. Для нихъ такіе подвиги—труды великіе, нѣвидаль, страхъ; имъ и незамѣтно даже, что эти огромныя истины, всѣ сполна, находятся даже въ самыхъ плохихъ грамматикахъ. Нужно ли показать различіе между *одушевленными и неодушевленными предметами?* они прикладываютъ палецъ ко лбу и начинаютъ думать, думать, думать. Чрезъ нѣсколько дней опредѣленіе готово: *одушевленный предметъ есть тотъ*, *который движется*. Но когда возразятъ имъ, что и маятникъ движется; то они снова перестраиваютъ свое песочное зданіе, и говорятъ: *одушевленный предметъ есть тотъ, который можетъ ѣсть, принимать пищу*. Вы смѣетесь, почтенный читатель, а я говорю не шутя: я именно зналъ одного изъ такихъ грамматистовъ, который гордился этимъ опредѣленіемъ, какъ не подлежащимъ исключенію. И вотъ, бродя во тьмѣ, спотыкаясь и падая на каждомъ шагу, господа систематики-самоучки ловятъ подобнымъ образомъ каждое опредѣленіе, каждое раздѣленіе. Правда, имъ иногда и удается попасть въ цѣль, наткнуться на мысль—но ка́къ?.. Изъ поисковъ за истинами, всѣмъ извѣстными, выходятъ они увѣчными, съ сокрушеннымъ сердцемъ... Чего бы, казалось, прямѣе и легче развернуть любую грамматику, гдѣ находятся всякія опредѣленія: вѣдь чтеніе короче напраснаго думанья; нѣтъ, они хотятъ думать. — Вздумаютъ ли подобные господа́ написать книгу — они сваливаютъ въ нее все, что́ думали и выдумали; но такъ-какъ изъ мыслей ихъ однѣ давнымъ-давно извѣстны, т. е. до пошлости справедливы, а другія неизвѣстны никому, т. е. до нелѣпости ошибочны, то и книга выходитъ съ двумя похвальными качествами: пошлостію и нелѣпостію; другими словами, въ ней справедливое—старо, а новое—несправедливо.

Книга господина Соловьева: «Система Русской Грамматики» принадлежитъ, безъ малѣйшей оговорки, къ категоріи сочиненій, о которыхъ мы сейчасъ говорили: это книга пошлая и нелѣпая.

Пошлость ея видна изъ того, что она содержитъ въ себѣ такія истины, которыя, мы полагаемъ, знаетъ наизусть и послѣдній наборщикъ типографіи г. Смирнова, гдѣ она узрѣла впервые свѣтъ дневной. Авторъ съ важностію увѣряетъ, что *грамматика есть наука* (стр. 1), что *должно учиться основательно* (стр. 2), что *учащійся не долженъ спѣшить* — и прочія тонкости, въ которыя увлекла его любовь къ изслѣдованію языка. Жаль, что авторъ не позаботился доказать *пользу* и *возможность* грамматики: безъ этого мы можемъ подумать, что онъ толкуетъ о безполезномъ и невозможномъ.

Что же касается до нелѣпости, то, разсматривая твореніе «непроницаемаго» г. Соловьева съ этой точки, мы находимъ въ немъ обширное поле для забавныхъ выписокъ. Оставляя въ сторонѣ вступленіе, гдѣ помѣщены толки о теоріи и практикѣ и совѣты начинать въ грамматикѣ съ опредѣленій и идти къ примѣрамъ, — совѣты, ясно показывающіе, что автору неизвѣстна истинная метода языкоученія, — приступаемъ къ самой грамматикѣ.

Стр. 10: «Согласная означаетъ звукъ спертый, совершенный, заимствующій *голосность* отъ свободнаго».

Стр. 11: «*По степени происхожденія звуковъ въ органѣ* (!?), всѣ буквы раздѣляются *на степенныя и переходящія*».

Стр. 25: «Виды совершенства: *умъ доброты и образованность*».

Стр. 27: «Роды узнаются въ именахъ существительныхъ предметовъ одушевленныхъ, которыхъ полъ очевиденъ, *по значенію*, и именно такъ: если означаемый предметъ — мужчина, то и названіе его мужескаго рода, на-примѣръ *Илья*. Ежели предметъ — женщина, то и имя женскаго рода, на-примѣръ *Дарья*; а если предметъ въ такомъ младенчествѣ, что полъ его еще не очевиденъ, какъ-то замѣчается въ птицахъ, и даже въ людяхъ относительно къ постороннимъ (отъ-чего часто спрашиваютъ: что это — мальчикъ или дѣвочка?), то и имя его средняго рода, на-примѣръ *ребя, дитя, цыпля, теля, овча, отроча*».

Стр. 31: «Падежъ въ имени, относительно ко всякой рѣчи, есть выраженіе перехода предмета отъ 1-ой значимости до послѣдней принадлежности».

Стр. 95: «По смыслу греческаго слова λογος, *сложеннаго самого съ собою* (!?), глаголъ есть слово о словѣ».

Стр. 97: При раздѣленіи глаголовъ, по образамъ дѣйствія, страдательные названы *чужими* — почему жь не *чужаками?*

Стр. 143: «Предлогъ *за* означаетъ обратную сторону, противоположную *лицевой*, на-примѣръ *за мною*, т. е. *у меня назади*».

Стр. 145: «Предлогъ *за* употребляется съ именительнымъ падежемъ, когда значитъ неизвѣстность или странность предмета, на-примѣръ *что это за человѣкъ?*» — Это новость! предлоги управляютъ именительнымъ и звательнымъ падежами!..

Стр. 162: «Части предложенія *изобрѣтаются* и открываются по вопросамъ именъ существительныхъ, прилагательныхъ и нарѣчій».

Стр. 178. «Предложенія, по свойству сказуемаго, дѣлятся на положительное, *обязательное* и предположительное».

Стр. 194: Мы въ началѣ замѣтили, что господинъ Соловьевъ не силенъ въ знакахъ препинанія. Вотъ еще доказательство. По его мнѣнію, въ слѣдующемъ условномъ періодѣ знаки разставятся такъ: «*Если мы хорошо употребляемъ лѣта юности; не расточаемъ драгоцѣннаго времени напрасно, запасаемся въ молодости сокровищами ума и сердца: то старость наша не будетъ скучна и безутѣшна*». По православному надобно поставить такъ: «*Если мы хорошо употребляемъ лѣ-*

та юности, не расточаемъ драгоцѣнна-ю времени напрасно, запасаемся въ молодости сокровищами ума и сердца; то старость, и проч. Двоеточіе передъ союзомъ *то* можно еще оправдать; по какъ оправдать точку съ запятой послѣ слова *юности?* и почему жь нѣтъ точки съ запятою послѣ слова *напрасно?*

Стр 197: «Правописаніе есть часть грамматики *практическая,* относящаяся исключительно къ письму; а словопроизведеніе и словосочиненіе — *теоретическія,* относящіяся къ письму и къ разговору». Значитъ: намъ прійдется надобность *въ правильномъ письмѣ,* но не встрѣтится нужды въ *правильномъ соединеніи* словъ? не такъ ли, г-нъ Соловьевъ?

Стр. 221: Въ числѣ отличій стиховъ отъ прозы, поставлено слѣдующее: «Въ стихахъ *разстановка словъ позволительна неправильная*». Такъ вотъ что значитъ писать стихи: ставить слова какъ угодно, даже неправильно? Стихотворецъ имѣетъ право не знать грамматики, рѣчь стихотворная, изящная, на-примѣръ Пушкина, Жуковскаго, отличается отъ прозы г-на Соловьева неправильностію?.. О, «непроницаемый» авторъ! что вы это говорите?

И такая грамматика, можетъ-быть, введена въ употребленіе? Чего, подумаешь, на свѣтѣ не бываетъ!..

385) Русская Азбука, *составленная по грамматикамъ* Н. Греча *и* А. Востокова. *Съ присовокупленіемъ сокращенія русской грамматики, правилъ чистописанія и каллиграфическихъ чертежей. Санктпетербургъ. Въ типографіи Экспедиціи Заготовленія Государственныхъ Бумагъ. 1841. Въ 12-ю д. л. 94 стр.*

У насъ нѣтъ ни одной сколько-нибудь порядочной русской азбуки: всѣ преплохія и предорогія. Исключеніе остается только за «Таблицею Складовъ для употребленія въ Дѣтскихъ Пріютахъ», изданною въ нынѣшнемъ году (см. Отеч. Записки т. XV, стр. 63 Библ. Хроники). Жаль, что эта таблица не превращена въ азбуку, т. е. не дополнена примѣрами для чтенія и не напечатана книжкою, въ большомъ количествѣ экземпляровъ, которые продавались бы не дороже десяти копеекъ серебромъ. Тогда русскимъ дѣтямъ было бы по чему учиться русской грамотѣ. А то, посудите сами, что это такое: нелѣпые склады *бря, вря, дру, вру,* потомъ пошлые побасёнки, да лубочныя картинки, вздорная мораль, изложенная дурнымъ языкомъ и съ ороографическими ошибками: какъ тутъ учиться? И при этомъ — цѣна чудовищно-огромная: есть такія азбуки по *семи рублей ассигнаціями!*

Какіе-то гг. издатели, заблагоразсудившіе скрыть свои имена подъ завѣсою неизвѣстности, вздумали инкогнито издать азбуку, что-называется «на славу», — и для-того выставили на ней имена гг. Греча и Востокова. Но не смотря на то, ихъ азбука, *составленная по грамматикамъ г. Греча и Востокова,* недалеко ушла отъ всѣхъ бывшихъ и сущихъ русскихъ азбукъ. Всѣ ея улучшенія состоятъ во введеніи въ азбуку того, что не относится къ азбукѣ, назначаемой для обученія дѣтей грамотѣ. Такъ, на-пр., за изображеніемъ прописныхъ, строчныхъ и скорописныхъ (курсивныхъ?) буквъ слѣдуетъ теорія раздѣленія буквъ на гласныя, полугласныя и согласныя: предметъ, совершенно непостижимый для ребёнка, который едва успѣлъ различать буквы по начертанію и произношенію! Затѣмъ слѣдуютъ *ба, бя, фя, пю, зю, бря мря, хря* и подобная тому дичь, безсмысленная, безполезная и смѣшная... Скажутъ: «нельзя же безъ складовъ»; точно нельзя — но только надобно, чтобъ въ примѣрахъ для складовъ былъ смыслъ иметода. Въ «Таблицѣ Складовъ для Дѣтскихъ Пріютовъ», на которую мы ссылались выше, есть то и другое: тамъ всѣ склады суть слова и рѣченія, выражающія понятія, а не безсмысленные звуки; притомъ, они расположены по алфавиту, такъ-что въ каждомъ словѣ нѣтъ буквы, съ ко-

торою бы ученикъ не встрѣчался прежде.

За складами, въ азбукѣ, *составленной по грамматикамъ г. Греча и Востокова*, слѣдуютъ примѣры для чтенія, изъ которыхъ первый глаголетъ: «Добрыя дѣла никогда не остаются безъ вознагражденія», и пр. — Не лучше ли учить дѣтей любить добро для добра, безвозмездно, безъ спекуляцій на благосостояніе?..

Азбука оканчивается 55-ю страницею, а съ 36-й начинается сокращеніе русской грамматики — родъ компиляціи, состряпанной изъ убогихъ началъ грамматики г. Греча. — Грамматики г. Востокова тутъ нѣтъ и тѣни. склоненій три. спряженій также три, и потому имъ, а особенно спряженіемъ, никакъ нельзя выучиться. Да и странная мысль — составить грамматику изъ двухъ чужихъ грамматикъ, совершенно противоположныхъ одна другой по началамъ!

386) Секретъ Маши, *или средство выучиться музыкѣ безъ помощи учителя. Музыкальная книжка-игрушка. Санктпетербургъ.* 1841. *Въ тип. С. Глинки и К. Въ* 16-*ю д. л.* 108 *стр.*

Книжка эта составлена съ цѣлію облегчить для дѣтей изученіе начальныхъ правилъ музыки. Цѣль, конечно, похвальная, потому-что ничего нѣтъ затруднительнѣе для учителя, какъ заставить юный, только-что начинающій развертываться разсудокъ думать, соображать, представлять, подчиняться правиламъ. И тѣмъ тяжеле для юнаго разсудка, что онъ долженъ дѣлать все это не въ-слѣдствіе влеченія, любви, не въ-слѣдствіе понятой, или по-крайней-мѣрѣ инстинктуально-чувствуемой необходимости, — а потому только, что велятъ такъ дѣлать. Но музыка еще требуетъ, чтобъ въ натурѣ ученика было къ ней врожденное расположеніе, чтобъ въ немъ было такъ-сказать врожденное чувство звука, т. е. способность отличать одинъ звукъ отъ другаго, и чувство такта. А это даръ природы и не зависитъ отъ воли человѣка; слѣдственно, можно быть отлично-умнымъ, образованнымъ человѣкомъ — и въ то же время не имѣть никакихъ способностей къ музыкѣ. Но такъ-какъ, съ одной стороны, музыка начинаетъ составлять одну изъ необходимыхъ принадлежностей хорошаго воспитанія, — и такъ-какъ, съ другой стороны, способности у иныхъ дѣтей развиваются очень-медленно, а часто даже и очень-долго не обнаруживаются, то яснѣйшая и простѣйшая метода въ первоначальномъ ученіи музыки получаетъ теперь весьма важное значеніе.

Отдавая составителю «Секрета Маши» справедливость за его доброе и полезное намѣреніе, мы полагаемъ, однакожь, что онъ смотритъ на свое дѣло съ ложной точки. Дитяти выучиться безъ учителя музыкѣ невозможно; даже при руководствѣ умнаго и опытнѣйшаго учителя, это первоначальное ученье идетъ всегда чрезвычайно-трудно и медленно. Напрасно также онъ далъ своему «Секрету» такую дурную форму апатическаго дѣтскаго діалога, который имѣетъ лишь одну наружность дѣтскую, но совершенно далекъ отъ обычаевъ и взглядовъ дѣтей. Вообще, книжка эта для дѣтей не можетъ имѣть ни малѣйшаго интереса, потому-что дѣти вообще не любопытны до такихъ резонёрскихъ, скучно-благоразумныхъ «Секретовъ». Авторъ гораздо бы лучше поступилъ, если бъ, вмѣсто этой ложно-наивной и мнимо-дѣтской «книжки-игрушки», ограничился простымъ и яснымъ изложеніемъ первоначальныхъ практическихъ правилъ игры на фортепьяно: за это поблагодарили бы его не одни учители музыки, но и многіе, которымъ природа дала влеченіе и глубокую симпатію къ музыкѣ, не давъ вмѣстѣ съ тѣмъ средствъ платить за уроки.

387) Подарокъ Дѣтямъ на Новый Годъ. *Москва. Въ типографіи Лазаревыхъ Института Восточныхъ Языковъ. 1841. Въ 16-ю д. л. 162 стр.*

Изъ московскихъ дѣтскихъ книгъ, эта книга – герой, рѣдкость. Клянусь вамъ «Дѣтскимъ Собесѣдникомъ», котораго вышло 4 книжки, вмѣсто обѣщанныхъ 12, и котораго статьи заимствованы изъ прежняго «Дѣтскаго Собесѣдника», издававшагося г. Гречемъ, котораго, вмѣсто обѣщанныхъ 12, вышло только 8, и въ которомъ брались нѣкоторыя статьи изъ «Пространной Грамматики» г. Греча – увы! – также неконченой, и остановившейся на этимологіи. А статьи сей «Пространной Грамматики», по закону неразрывности, связующей всѣ произведенія знаменитыхъ писателей, заимствованы изъ «Корректурныхъ Листовъ Русской Грамматики», которыхъ листовъ вышло, не больше и не меньше, какъ одна тетрадь, вмѣсто... Извините частое повтореніе слова *который*: того требуетъ вышеозначенная неразрывность, для выраженія *которой* весьма прилично мѣстоименіе *который*. Возвращаюсь къ Подарку Де(ѣ)тямъ» – этой рѣдкости между московскими дѣтскими книгами. Дѣйствительно такъ: по-крайней-мѣрѣ эта книга хороша тѣмъ, что картинки можно смотрѣть не морщась, текстъ читать не затыкая ушей, и даже понимая, что читаешь. Одно не далось издателю: ороографія; онъ пишетъ *детей* вмѣсто *дѣтей*, звѣрьй вмѣсто звѣрей; – замѣтили мы также выраженіе: *всклокочила волосы;* но погодите: во 2-мъ изданіи этого не будетъ. Вѣдь всѣ книги совершенствуются при новыхъ изданіяхъ!

388) Начальныя Основанія Нѣмецкаго Языка, *приспособленныя къ первому возрасту юношества. Составлены* Францомъ Клуге. *Москва. Въ тип. Лазаревыхъ Института Вост. Языковъ. 1841. Въ 8-ю д. л. 80 стр.*

Хорошая учебная книга, написанная, какъ видно, понимающимъ дѣло учителемъ. Первая часть «Основаній» заключаетъ въ себѣ азбуку, фразы, разговоры и анекдоты, расположенные по степенямъ возрастающей трудности; другая – краткую этимологію, просто, безъ затѣй изложенную.

389) Атласъ Музеума Императорскаго Вольнаго Экономическаго Общества. *Томъ I, тетрадь 5. Санктпетербургъ.* 1841. *Въ тип. Третьяго Департ. Госуд. Имуществъ. Въ 8-ю д. л. 8 стр. Съ чертежами.*

Въ этой тетради заключаются: 1) пропашникъ, особенно нужный для картофеля, сажаемаго въ полѣ; 2) центробѣжная вѣялка – полезная для отдѣленія мелкихъ зеренъ отъ крупныхъ, отбираемыхъ для посѣва; 3) опрокидная тележка (по образцу устроенной бергмейстеромъ Бердомъ); 4) землебитные кирпичи – весьма интересная статья, въ короткихъ словахъ, но и съ достаточною подробностію описывающая все производство землебитныхъ строеній, которыми такъ желательно замѣнить наши сельскія деревянныя постройки. Въ одномъ мы несогласны съ авторомъ статьи: онъ совѣтуетъ при кладкѣ землебитныхъ кирпичей вставлять въ стѣну стоячіе косяки при окнахъ; но эти стѣны чрезвычайно садятся, а брусокъ или доска стойки вовсе не садится; слѣдовательно, должно умножить толщины въ стѣнѣ; намъ кажется всего лучше класть стѣны сперва сплошныя и прорубать въ нихъ двери тогда уже, когда онѣ сядутъ.

390) Строенія по части Сельскаго Хозяйства, *или указаніе сельскому хозяину лучшихъ способовъ производства домашнихъ построекъ; расположенія усадебъ и садовъ, а равно раздѣленія полей и пр., составленное для содѣйствія народному благосостоянію.* Э. Г. Нейманомъ, *инспекторомъ экономіи. Санктпетербургъ. Въ тип. Крайя.* 1841. *Въ 4-ю д. л. 108 стр. Съ чертежами.*

Наши сельскіе хозяева давно нуждаются въ руководствѣ для производства прочныхъ и удобныхъ построекъ съ наименьшими издержками. Надобно признаться, что сочиненіе г-на Неймана не отвращаетъ вполнѣ этого недостатка; оно хорошо для помѣщика

опытнаго, который можетъ и не чувствовать въ немъ необходимости; для начинающаго же надобно было бы сперва подробно описать употребительнѣйшие матеріалы, различіе, на-прим., между лѣсомъ, рудовымъ и мендовымъ; количество рабочихъ рукъ на копку глины, рвовъ подъ основанія, на тёску бревенъ и ручную пиловку и пр., такъ, чтобъ помѣщикъ могъ самъ дѣлать смету постройкѣ и знать сходно ли съ нею просятъ за извѣстную работу. Въ такомъ сочиненіи не надобно вдаваться въ многословіе, ни расточать всякому извѣстныхъ истинъ, на-прим., что строеніе должно быть расположено красиво, удобно, — что надобно обращать вниманіе на здоровье живущихъ и т. п. Лучше было бы сказать, *какъ* этого достигнуть.

Не говоримъ о слогѣ: онъ въ сочиненіяхъ такого рода небольшое вниманіе заслуживаетъ; но нѣкоторыя выраженія для ясности должно бы исправить, на-прим., вмѣсто *засѣкъ* въ анбарахъ, писать *закромы*, и пр.

391) Улучшеніе Физическихъ Недостатковъ Различныхъ Почвъ, *прибавленіемъ песку, извести и глины. Соч.* Іоганна Бургера, *доктора медицины и члена многихъ обществъ для поощренія успѣховъ въ сельскомъ хозяйствѣ. Переводъ съ нѣмецкаго. Въ тип. Лазаревыхъ Института Восточ. Языковъ. Москва.* 1841. *Въ 16-ю д. л. 36 стр.*

Небольшая, но серьёзная книжечка, — не то, что «средство получать двойные доходы съ имѣнія, откармливать скотину ничѣмъ не кормя» и подобныя штуки. Впрочемъ, у кого въ рукахъ есть Таеръ, тотъ едва-ли взглянетъ на эту брошюрку, хотя она и вышла изъ рукъ Іоганна Бургера. Странно только, какъ это сочинитель берется не уничтожать недостатки почвъ, а *улучшать* эти *недостатки*: вѣдь *улучшать недостатокъ* — почти то же, что увеличивать, усиливать его?

392) Полное Руководство къ Управленію Питейными Откупами, *или подробное изложеніе всѣхъ должностей и обязанностей лицъ, при питейныхъ сборахъ служащихъ. Съ присовокупленіемъ формъ контрактовъ, книгъ, вѣдомостей, расчетныхъ листовъ, отличекъ, рапортовъ, предписаній и проч. необходимаго къ правильному и точному распоряженію по питейнымъ сборамъ, и таблицы для скорѣйшаго и вѣрнаго разсчета серебра на ассиг. и ассиг. на серебро, а также всѣхъ россійскихъ и иностранныхъ монетъ на серебро и ассигнаціи. Въ двухъ частяхъ. Часть первая. Москва. Въ тип. В Кирилова.* 1841. *Въ 12-ю д. л. Въ 1-й части 99 стр.*

Мы полагаемъ, что эта книга не принесетъ пользы, желаемой г-мъ сочинителемъ, въ-слѣдствіе русской пословицы: *ученаго учить — только портить*. Если содержатели питейныхъ откуповъ могутъ терпѣть убытокъ, то конечно не отъ-того, что не умѣютъ написать контракта, вѣдомости, рапорта, предписанія и проч... Надобно однакожь сказать правду — книга г. Кирилова не безъ достоинствъ. Всегдашнія сношенія его съ г-ми содержателями питейныхъ откуповъ, — такъ выражается онъ самъ въ предисловіи, — и десятилѣтнія занятія его по коммерческимъ дѣламъ дали ему средства и возможность къ составленію сего «Полнаго Руководства», содержаніе котораго можете видѣть изъ откровеннаго заглавія.

393) О Бугорчатой Проказѣ (*Elephantiasis Graecorum*) *Войска Донскаго, именуемой на Дону проказою, крымскою болѣзнію и крымскою проказою. Сочиненіе* Григорія Плахова, *доктора медицины, оператора Войска Донскаго Врачебной Управы. Москва. Въ типографіи А. Семена. 1841. Въ 8-ю д. л. 135 стр.*

Существующая въ землѣ Войска-Донскаго бугорчатая проказа обнаруживается появленіемъ на разныхъ частяхъ тѣла, особенно на лицѣ и конечностяхъ, пятенъ, бугорковъ и язвъ, при изъязвленіи слизистой оболочки зѣва и языка и пораженіи дыхательныхъ

и дѣтородныхъ органовъ. Авторъ, во введеніи къ сочиненію своему, которое есть добросовѣстный трудъ, плодъ собственныхъ его наблюденій и знакомства съ наблюденіями другихъ, излагаетъ исторію этой болѣзни и указаніе на нее въ древности и въ новыя времена, въ разныхъ странахъ земнаго шара. За введеніемъ слѣдуютъ опредѣленіе болѣзни, признаки ея, распознаваніе, причины, леченіе, частныя наблюденія, и проч. Въ концѣ приложенъ списокъ больнымъ, одержимымъ этою болѣзнію, состоящимъ въ Васильевской Больницѣ, съ 1835-го по 1-е января 1841 года.

394) Лучшее Приданое *или необходимыя наставленія для беременныхъ, рожениць и родильниць. съ присовокупленіемъ правилъ перваго физическаго воспитанія дѣтей, календаря беременности и двухъ рисунковъ. Сочиненіе* Ѳ. Фонъ-Дейча, *Надворнаго Совѣтника, Доктора Медицины и Акушера. Дѣв части. Москва. Въ тип. Н. Степанова. 1841. Въ 12-ю д. л. Въ I-й части — 199, во II-й — 193 стр.*

Въ чемъ состоитъ, по мнѣнію г. Дейча, *лучшее приданое?* Въ наставленіяхъ для беременныхъ, рожениць и родильниць... Не знаемъ, будутъ ли довольны такимъ «приданымъ» всѣ женихи. намъ кажется, большая часть изъ нихъ сочтетъ за горькую насмѣшку слова г-на Дейча и невольно вспомнитъ поступокъ одного опрометчиваго юноши, который, черезъ мѣсяцъ послѣ своей свадьбы, купилъ *двѣнадцать колыбелей*... Впрочемъ, оставивъ въ сторонѣ двусмысленность заглавія книги г-на Дейча, скажемъ, что эта книга содержитъ въ себѣ много дѣльнаго и принесетъ довольно пользы отцамъ и матерямъ. Въ ней есть даже наставленіе, какъ ходить за ребенкомъ во время прорѣзыванія зубовъ, а всѣмъ извѣстно, что въ это время малютки ужасно страдаютъ.

395) Юридическая Библіотека: *опытъ руководства къ познанію законовъ и къ правильному примѣненію ихъ къ случаямъ; для всѣхъ вообще состояній, а въ особенности для поступающихъ въ гражданскую службу, для стряпчихъ и повѣренныхъ по дѣламъ, и проч. Изданіе* Ѳедора Наливкина. *Тетрадь четвертая. Москва. Въ Университетской тип. 1841. Въ 8-ю д. л. 104 стр.*

Еще при выходѣ предъидущей тетради, мы сдѣлали опытъ примиренія съ «Юридической Библіотекой» г. Наливкина — и, кажется, въ добрый часъ! Все дѣло здѣсь состоитъ въ томъ, чтобъ, отбросивъ лишнія претензіи, собрать всѣ употребительнѣйшія и существенныя юридическія знанія и формулы, которыя чаще всего могутъ понадобиться русскому человѣку въ жизни, и соединить въ одномъ уютномъ, доступномъ для всякаго изданіи. И «Юридическая Библіотека» не шутя хочетъ быть полезнымъ изданіемъ; это мы замѣчаемъ не только изъ содержанія последнихъ тетрадей, но и изъ самаго тона. Въ послѣдней тетради, безъ особенной системы, но ясно и вразумительно излагаются права состояній, или точнѣе, права дворянства, какъ перваго изъ сословій, и собраны формы для всѣхъ важнѣйшихъ сдѣлокъ по крѣпостнымъ дѣламъ.

396) Карманная Книжка *для желающихъ въ короткое время научиться игрѣ въ преферансъ, съ показаніемъ шоръ, ни въ какомъ случаѣ не проигрывающихся, съ изложеніемъ общихъ правилъ разыгрыванія и съ таблицами расчетовъ. Москва. Въ Университ. тип. 1841. Въ 32-ю д. л. 67 стр.*

Вотъ и Москва не отстала отъ Петербурга: и въ ней тоже появилась книжка для охотниковъ до преферанса. Что прикажете дѣлать? Духъ времени! Такъ ужь теперь принято у насъ, что неумѣющій играть въ преферансъ не найдетъ себѣ дѣла въ гостяхъ, и долженъ сидѣть сложа руки — самая непріятная поза, которая и на театрѣ рѣдко употребляется! Вотъ для такихъ-то «невѣждъ» видно и издана эта опрятная книжка, гдѣ изложены правила преферанса и различные его

роды: преферансъ съ кадилами, преферансъ безъ кадилей, игра съ талономъ и безъ талона, преферансъ простой, преферансъ смѣшанный, и проч. и проч.

«На что, подумаешь, народъ не ухитрится!»

397) Исторія Петра Великаго. *Съ 500 оригинальными рисунками, гравированными въ Лондонѣ. Изданіе* Ф. И. Эльсвера. *Санктпетербургъ.* 1841. *Въ тип. Карла Крайя. Въ 8-ю д. л. Выпускъ I.* 32 *стр.*

Если эта первая тетрадь «Исторія Петра Великаго», соч. г. Ламбина съ 500-ми рисунками, служитъ образчикомъ историческихъ идей и историческаго таланта составителя, равно какъ и дарованій рисовальщиковъ, — то все изданіе рекомендуетъ себя несовсѣмъ хорошо. Во введеніи, на 30 страничкахъ, авторъ обозрѣлъ исторію Россіи, политическое и нравственное состояніе ея до Петра-Великаго. Обзоръ этотъ — голая реторика въ духѣ г. Кайданова. Между-прочимъ, въ этомъ краткомъ очеркѣ, гдѣ съ трудомъ можно было бы показать общее историческое развитіе Россіи, г. Ламбинъ нашелъ мѣсто повторить всѣ сказки о происхожденіи Руси и баснословномъ ея періодѣ: онъ говоритъ о Рюрикѣ, называетъ Олега *воинственнымъ*, говоритъ о набѣгѣ его на Константинополь; *мудрая* Ольга устрояетъ у него *государственный* порядокъ и смягчаетъ полу-дикіе нравы племенъ славянскихъ: Святослава называетъ онъ «первообразомъ норманскаго рыцаря», тогда какъ, по извѣстію Льва Діакона, собственными глазами смотрѣвшагона Святослава при свиданіи его съ Іоанномъ Цимисхіемъ, это былъ «первообразъ азіатскаго витязя», и пр. Если позволено судить по начинаніямъ г. Ламбина, то можно быть увѣрену, что «Исторія» его будетъ весьма плохою компиляціею, составленною безъ всякой мысли. Нигдѣ такъ ясно не выразилась бы мысль автора, какъ въ общемъ очеркѣ исторіи Россіи до Петра; читатель по одному этому очерку могъ бы уже видѣть, чего ожидать отъ послѣдующихъ тетрадей, — и теперь полное право имѣетъ не ожидать ничего. Впрочемъ, подобное изданіе при недостаточности текста могло бы еще щегольнуть картинками: но и картинки рѣшительно плохи и по композиціи, и по выполненію.

КНИГИ, ИЗДАННЫЯ ВЪ РОССІИ НА ИНОСТРАННЫХЪ ЯЗЫКАХЪ.

39) Nouvelle Biographie de Mozart, *suivie d'un aperçu sur l'histoire générale de la musique et de l'analyse des principales oeuvres de Mozart par* Alexandre Oulibicheff, *Membre honoraire de la Société Philharmonique de St. Petersbourg* (Новая Біографія Моцарта, соч. Александра Улыбышева). *Томъ 1. Москва. Въ типографіи Семена. 1841. Въ 8-ю д. л. 318 стр.*

Полное сочиненіе будетъ состоять изъ двухъ книгъ или трехъ томовъ. Въ первомъ томѣ, нынѣ вышедшемъ, содержится часть повѣствовательная, разсказъ о жизни Моцарта, заимствованный преимущественно изъ его біографіи, написанной Ниссеномъ на нѣмецкомъ языкѣ, и явившейся, въ 1828 г., въ Лейпцигѣ; другіе два тома представятъ результатъ изученія моцартовыхъ произведеній.

40) Filature de la Soie en Russie *ou Nouvelle Méthode de filer la soie sans broches, en une seule opération, d'après un nouveau système de torsion, inventé par* Henri Graf (О Пряжѣ шелка въ Россіи, *или новая метода прясть шелкъ безъ*

шпуль или веретенъ за одинъ разъ, по новой системъ 'крученія, изобрътенной Генрихомъ Графомъ). *Санктпетербургъ. 1841. Въ тип. Journal de St.-Pétersbourg. Въ 8-ю д. л. 64 стр.*

Эта брошюрка содержитъ въ началѣ извѣстіе объ изобрѣтеніи г. Графа (стр. 30—31), дѣйствительно весьма важномъ и о которомъ подробно объявлено было уже въ русскихъ журналахъ. Здѣсь приложены: отзывы гг. академиковъ Якоби и Кеппена, одобренные Академіею Наукъ, 7 мая нынѣшняго года; статья изъ газеты «Journal de St.-Pétersbourg» № 298 и изъ «Библіотеки для Чтенія». Далѣе, на стр. 54, изобрѣтатель разсказываетъ, что мысль о новомъ способѣ сученія шелка пришла ему при видѣ сапожника, который, прикрѣпивъ конецъ дратвы къ стѣнѣ, ссучивалъ ее съ другаго конца, на своемъ колѣнѣ, такъ-что въ три или четыре движенія его руки, какъ бы ни были длинны нити, дратву составляющія, онѣ будутъ совершенно ссучены. Изобрѣтеніе г. Графа дѣйствительно на этомъ основано. Не сомнѣваемся, что брошюрка его скоро переведена будетъ и на русскій языкъ. Послѣдствія изобрѣтенія такого рода неисчислимы, и тѣмъ болѣе важны, что теперь шелкъ разводится даже въ Москвѣ.

41) Troisième rapport annuel. De l'école gratuite des enfans pauvres *appartenant à la confession de foi Evangélique* (Третій Годовой Отчетъ Училища Бѣдныхъ Дѣтей, *принадлежащихъ къ евангелическому исповѣданію). Москва. Въ Унив. тип.* 1841. *Въ 8-ю д. л. 8 стр.*

Двѣ такія школы находятся въ Москвѣ, на Покровкѣ. Г-да директоры школъ представляютъ публикѣ каждогодно отчеты о ихъ состояніи: настоящій отчетъ обнимаетъ истекшій годъ, отъ 1-го октября 1840 по 1-е октября 1841 года. Заведенія преуспѣваютъ съ каждымъ годомъ болѣе-и-болѣе. Дай только Богъ, чтобъ число ихъ увеличивалось.

42) Dritter Jahresbericht *über die Evangelische Armenschule in Moskwa. Москва. Въ Унив. тип. 1841. Въ 8-ю д. л. 8 стр.*

Тотъ же самый отчетъ только на нѣмецкомъ языкѣ.

43) Wanderungen *durch Deutschland, die Schweiz, die Oesterreichische Monarchie, die preussischen Staaten ins russischen Reich nach der Kaiserlichen Haupt-und-Residenz-Stadt St. Petersburg. Unternommen in den Jahren 1832—39, von* Heinrich Eduard Heiniz. (Странствованія *чрезъ Германію, Швейцарію, Австрію, Прусскія Владѣнія въ Петербургъ). Москва. 1841. Въ тип. Семена. Въ 8-ю д. л., 184 стр.*

Съ господиномъ Гейнрихомъ Гейницемъ, авторомъ этой замѣчательной книги, судьба съиграла очень странную шутку, одну изъ тѣхъ шутокъ, которыми она любитъ проказить надъ людьми, когда слишкомъ разъиграется: то-есть, она создала господина Г. Гейница, что́-называется «поэтомъ въ душѣ», съ удивительною страстію къ стихамъ, и въ то же время—сдѣлала его *наборщикомъ*, и вотъ, въ-слѣдствіе такого ничѣмъ несогласимаго противорѣчія, нашъ господинъ наборщикъ-поэтъ не уживется нигдѣ, да и только. Что́ же дѣлать въ такомъ случаѣ? Ничего, или лучше сказать—странствовать. Господинъ Гейницъ такъ и сдѣлалъ: взявъ походную котомку и талера два денегъ, онъ вышелъ изъ своего роднаго Бунцлау въ 1832 году, и пустился въ путь, куда глаза глядятъ. Путь г. Гейница лежалъ черезъ Германію; онъ заходилъ во всѣ подорожные города, осматривалъ ихъ достопримѣчательности, заводилъ маленькія знакомства, иногда брался за свое ремесло, но тотчасъ опять бросалъ его, вездѣ писалъ и пѣлъ свои стихотворныя импровизаціи, очень наивно признавался въ нихъ въ своей бѣдности, получалъ гдѣ талеръ, гдѣ

два, и такимъ-образомъ, гдѣ дѣломъ, гдѣ шуткою, проходилъ и прожилъ въ Германіи цѣлыя шесть лѣтъ. Между-тѣмъ, положеніе г-на Гейница, не смотря на его многолѣтнія странствованія, нисколько не улучшилось; надобно было опять приняться за какую-либо затѣю; на-примѣръ, почему бъ не ѣхать въ Россію, въ Петербургъ? На дняхъ же туда отходитъ корабль,—или нѣтъ, на-дняхъ туда отправляется одинъ экипажъ. Вздумано—сдѣлано: черезъ нѣсколько дней г. Гейницъ—въ Петербургѣ, потомъ—въ Тулѣ, потомъ—въ Москвѣ, гдѣ и печатаетъ свои удивительныя «Похожденія». Мы говоримъ—удивительныя, потому-что не умѣемъ лучше опредѣлить этотъ родъ географическихъ названій и статистическихъ исчисленій, перемѣшанныхъ поэтическими импровизаціями господина Гейница. Тѣмъ не менѣе книга г-на Гейница не лишена нѣкоторой занимательности, хотя, какъ мы заключаемъ по всему, собственная особа г-на Гейница, поэта-наборщика, по-крайней-мѣрѣ во сто разъ должна быть занимательнѣе его книги.

44) Livre pour apprendre a bien lire en français. *St.-Petersbourg de l'imprimerie d'Iversen. 1841. Въ 12-ю д. л. 36 стр.*

Очень порядочная французская азбука.

45) Abrégé de l'Histoire de l'Empire de Russie *par* M. Karamsin, *redigé en français. et dédié à l'adolescence russe par* Gabriel Ladent. *Première Partie.* (Краткая Исторія Россійской Имперіи, *соч.* Карамзина, *редижированная на французскомъ языкѣ* Г. Ладаномъ. Часть I). *Санктпетербургъ. Въ тип. К. Крайя. 1841. Въ 8-ю д. л. VIII и 110 стр.*

Г. Ладанъ возъимѣлъ благую мысль—издать, въ пособіе преподавателямъ французскаго языка по методѣ Жакото, мѣста изъ «Исторіи» Карамзина, чтобъ замѣнить, для Русскихъ, утомительнаго «Телемака» и сотни другихъ нелѣпыхъ книжонокъ, которыми досихъ-поръ жакотисты забиваютъ головы учениковъ своихъ. Намъ кажется, что книжка г-на Ладана должна быть съ благодарностію принята всѣми поклонниками методы Жакото и введена въ употребленіе при ихъ урокахъ. Русскому гораздо-полезнѣе и занимательнѣе затверживать, что́ дѣлали наши Владиміры, Іоанны и Борисы, чѣмъ со слезами на глазахъ твердить, какъ Калипса не могла утѣшиться по отъѣздѣ улиссовомъ...

—

БИБЛІОГРАФИЧЕСКІЯ И ЖУРНАЛЬНЫЯ ИЗВѢСТІЯ.

На-дняхъ вышелъ изъ печати второй томъ *Матеріаловъ для Статистики Россійской Имперіи*, издаваемыхъ, съ Высочайшаго соизволенія, при Статистическомъ Отдѣленіи Совѣта Министерства Внутреннихъ Дѣлъ, — томъ огромный, содержащій въ себѣ около 800 страницъ, напечатанныхъ въ два столбца убористымъ шрифтомъ и равняющійся почти восьми томамъ обыкновенной печати. Здѣсь, такъ же какъ и въ первомъ томѣ, собрано множество драгоцѣннѣйшихъ статистическихъ свѣдѣній, которыя могутъ быть достовѣрно извѣстны только Министерству Внутреннихъ Дѣлъ, и которыя, поэтому, не подлежатъ никакому сомнѣнію. Въ слѣдующемъ мѣсяцѣ мы поговоримъ о тринадцати статьяхъ, которыя составляютъ этотъ томъ, и изъ которыхъ одна «Обозрѣніе Древнихъ Русскихъ Зданій и другихъ памятниковъ» (г. Глаголева), составляетъ цѣлое особое сочиненіе, весьма интересное, сколько можно судить по первому обзору его.

—

Русское юношество, воспитывающееся въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ, получаетъ наконецъ превосходное руководство къ изученію всеобщей исторіи, въ которомъ нуждалось такъ долго и котораго тщетно ожидало. Профессоръ Главнаго Педагогическаго Института, г. *Лоренцъ*, приступилъ уже къ изданію своего курса всеобщей исторіи и на-дняхъ издалъ первую часть его, содержащую въ себѣ *Древнюю Исторію*. До сего времени, г. Лоренцъ былъ извѣстенъ только какъ отличный профессоръ, о лекціяхъ котораго слушатели не могли говорить безъ восторга; литографированныя записки его лекцій долгое время ходили по рукамъ любителей исторіи, и всѣ съ нетерпѣніемъ ожидали, чтобъ профессоръ скорѣе напечаталъ свои лекціи, усвоивъ ихъ такимъ образомъ русской ученой литературѣ. Желаніе это теперь осуществляется, и мы съ особеннымъ удовольствіемъ привѣтствуемъ появленіе этой книги, долженствующей уничтожить давнымъ-давно замѣченный пробѣлъ въ нашей литературѣ и составить въ ней эпоху. Кто постигаетъ, до какой степени нуждалось наше юношество въ руководствѣ къ важнѣйшей отрасли человѣческихъ познаній, тотъ достойно оцѣнитъ заслугу г-на Лоренца.

—

Извѣстный нашъ статистикъ-гидрографъ, И. Ѳ. Штукенбергъ, котораго статьи въ «Энциклопедическомъ Лексиконѣ» заслужили такое всеобщее вниманіе и одобреніе, приступилъ теперь къ печатанію на нѣмецкомъ языкѣ своего большаго сочиненія, содержащаго въ себѣ историческое, статистическое и техническое описаніе всѣхъ проведенныхъ и проектированныхъ въ Россійской-Имперіи судоходныхъ и сплавныхъ каналовъ. Это сочиненіе увѣнчано въ нынѣшнемъ году демидовскою наградою. Академія присудила выдать г. Штукенбергу, сверхъ половинной преміи, еще 3000 рубл. ас. для вознагражденія издержекъ печатанія, поставивъ ему въ обязанность присоединить къ сочиненію карту Россійской-Имперіи съ показаніемъ всѣхъ описываемыхъ въ немъ каналовъ: эта гравированная на стали карта и будетъ приложена къ сочиненію, которое, говорятъ, выйдетъ въ самомъ непродолжительномъ времени.

—

Отецъ Іакинѳъ, по просьбѣ многихъ любознательныхъ читателей, приступаетъ теперь къ изданію большаго труда своего, заключающаго въ себѣ *Статистическое Описаніе Китайской Имперіи*. Это будетъ уже не сборникъ статей, или замѣтокъ о Китаѣ, подобно изданной имъ недавно книгѣ «Китай, его Жители, Нравы, Обычаи, Просвѣщеніе»—книгѣ чрезвычайно-любопытной, сообщающей такія свѣдѣнія, какихъ нигдѣ нельзя найдти, кромѣ ея, но составленной безъ предварительнаго плана. Статистика Китая, напротивъ, будетъ сочиненіемъ вполнѣ-ученымъ, обдуманнымъ, для котораго авторъ давно уже собиралъ и обработывалъ матеріалы. Одинъ изъ знакомыхъ автора принялъ на себя обязанность издать это сочиненіе, которое составитъ двѣ части съ картою Китайской Имперіи на пяти листахъ. Но, для избѣжанія безполезныхъ издержекъ, предполагая въ числѣ печатаемыхъ экземпляровъ ограничиться требованіями желающихъ имѣть означенную книгу, издатель рѣшился предварительно открыть подписку. Подписная цѣна—*8 рублей 50 коп. серебромъ*, съ надбавленіемъ вѣсовыхъ за *восемь* фунтовъ, смотря по разстоянію мѣста. Желающіе подписаться на полученіе книги, благоволятъ окончательно объявить свои требованія къ 15-му января 1842 года, а для полученія книги явиться съ билетами и деньгами между 1 и 10 числами октября того же года.

—

Г. Вояжинъ, авторъ «Бесѣды Петербургскаго Жителя въ Удѣльномъ Земледѣльческомъ Училищѣ о сельскомъ хозяйствѣ» и простонароднаго романа

«Деревенскій Староста Миронъ Ивановъ», котораго, говорятъ, нѣтъ болѣе ни одного экземпляра въ продажѣ, теперь доставилъ намъ объявленіе о новомъ своемъ предпріятіи — о намѣреніи издать книгу подъ названіемъ: *Русское Хозяйство.* Книга, по словамъ объявленія, будетъ состоять изъ четырехъ обширныхъ томовъ въ восьмую долю, въ два столбца четкой и убористой печати, красиваго шрифта, на гладкой, бѣлой а не на оберточной бумагѣ, какъ почти всегда печатаются книги хозяйственныя. Къ ней присоединятся *шестьсотъ чертежей и рисунковъ,* въ особенности по части домостроительства и сельской архитектуры, изображающихъ фасады и планы домовъ городскихъ и сельскихъ, дачь, бесѣдокъ, павильйоновъ, ригъ, сушиленъ. овиновъ, мельницъ, печей разнаго устройства, избъ усовершенствованныхъ, какъ большихъ, такъ и малыхъ, скотныхъ, птичьихъ и конныхъ дворовъ, наконецъ рисунки разной мёбели съ разрѣзами и чертежами шаблоновъ и лекалъ для удобнѣйшаго уразумѣнія всякаго домашняго столяра. Кромѣ этихъ предметовъ, изображены будутъ разныя орудія, снаряды, машины, инструменты и наконецъ виды различныхъ домашнихъ животныхъ многихъ породъ Эта книга, какъ объявляетъ г. Волжинъ, составлена не имъ однимъ, а нѣсколько особъ, занимающихся практически сельскимъ хозяйствомъ, въ-теченіе нѣскольких лѣтъ составляли записки свои о различныхъ предметахъ, до хозяйства относящихся; въ числѣ ихъ двѣ почтенныя дамы-хозяйки, живущія безвыѣздно въ деревнѣ. Г. Волжинъ привелъ въ порядокъ эти записки, расположилъ ихъ по своему произволу, дополнилъ свѣдѣніями собственнаго опыта и опытовъ, производимыхъ въ одномъ изъ замѣчательнѣйшихъ земледѣльческимъ заведеній, обогатилъ множествомъ чертежей и рисунковъ, составленныхъ подъ его надзоромъ хорошими художниками, и раздѣлилъ книгу эту на двѣ половины: одна посвящена совершенно женскому хозяйству, а другая мужскому. Дама-хозяйка найдетъ въ своемъ отдѣленіи: *домашнее счетоводство, цѣны главнѣйшихъ потребностей домашняго обихода, распредѣленіе дома и меблировку, поварство. кандитерство, сбереженіе разныхъ припасовъ, дѣланіе вареньевъ, пастилы, медовареніе, мойку бѣлья и разнаго платья, блондъ и кружевъ, пятновывожденіе, разныя женскія рукодѣлія, тканье и льнопряденіе, цвѣтоводство, хожденіе за комнатными растеніями, садоводство, огородничество, птицеводство во всей обширности, наблюденіе за содержаніемъ коровъ, телятъ, овецъ, свиней и козъ; искусство отпаивать телятъ, поросятъ и барашковъ, приготовленіе различныхъ молочныхъ скоповъ, приготовленіе различныхъ цѣлебныхъ тинктуръ, спиртовъ, мазей и проч. изъ разныхъ садовыхъ, полевыхъ и огородныхъ растеній; леченіе болѣзней, ушибовъ, вывиховъ домашними средствами, устройство гидропатическихъ ваннъ.* и проч. Такъ-какъ по части земледѣлія собственно нельзя ничего сказать такого въ наше время, что разъ двадцать не было бы повторено, то г. Волжинъ, принявъ для втораго отдѣленія своего труда совершенно-новую, небывалую форму, заставитъ читателя пройдти съ собою курсъ земледѣлія, разсматривая поля и переходя всѣ времена года. Тутъ повторятся вкратцѣ мнѣнія всѣхъ лучшихъ авторитетовъ по этой части, съ прибавленіемъ разныхъ наблюденій, которыя дѣлаемы были по этимъ предметамъ нашими русскими агрономами-практиками въ «Земледѣльческой Газетѣ» и въ журналахъ, посвященныхъ сельскому хозяйству. Любознательный хозяинъ, какъ бы онъ опытенъ или неопытенъ ни былъ, найдетъ здѣсь: *хлѣбопашество, землеобработываніе, землеудобреніе, полеводство, полеразделеніе, почвоузнаніе, устройство усадебъ, выборъ мѣста для усадебъ, межеваніе, плантированіе, осушеніе болотъ, домостроительство городское и сельское, корововодство, коневодство, овцеводство, свиноводство, пчеловодство,*

скотолеченіе, *лѣсоводство*, *постройку ригъ*, *амбаровъ*, *овиновъ*, *сушиленъ*, *молотиленъ*, *несгораемыхъ смазныхъ стѣнъ и крышъ*, *выдѣлку землебитнаго кирпича*, *вырѣзку торфа*, *цѣнopoложеніе*, *земледѣльческую статистику*, *хозяйственную отчетность*, *хозяйственное счетоводство*, *распредѣленіе работъ*, *мастерства: кузнечное*, *плугодѣльное*, *столярное*, *мёбельное*, *бочарное*, *бондарное*, *плотничное*, *кожевенное*, *кушнерское*, *салотопленное*, *свѣчелитное*, *воскобойное*, *сапожное*, *портняжное; производства: валяльное*, *полотняное*, *шерстобитное*, *суконодѣльное*, *поташное*, *шадриковое*, *винокурное*, *хлѣбное и картофельное*, *свеклосахарное*, *детярное*, *смоляное*, *пеньковое* и проч. Ко всему этому въ обоихъ отдѣленіяхъ присовокуплена будетъ особенная статья подъ названіемъ: *хозяйственная библіотека*, въ которой будетъ помѣщенъ каталогъ всѣхъ лучшихъ на русскомъ языкѣ хозяйственныхъ книгъ, по разнымъ частямъ, какъ оригинальныхъ, такъ переводныхъ, и указаніе на всѣ замѣчательнѣйшія статьи хозяйственныя, помѣщенныя въ спеціальныхъ и энциклопедическихъ журналахъ. Способъ изложенія принятъ, по словамъ того же объявленія, самый простой, самый неизъисканный; редакторъ обѣщаетъ быть щедръ на факты и скупъ на слова, и въ особенности на пустыя фразы, которыя изъ этого труда изгонятся рѣшительно.—Душевно желаемъ, чтобъ объявленіе, которое прислано намъ г. Волжинымъ, и изъ котораго мы сдѣлали здѣсь извлеченіе, — не ввело насъ въ ошибку.—Вмѣстѣ съ этимъ объявленіемъ, получили мы отъ кого-то и другое объ *Энциклопедіи сельскаго и городскаго хозяйства для хозяевъ и хозяекъ*, *скотоводовъ и скотницъ*, *садоводовъ и садовницъ*, *огородниковъ и огородницъ*, *экономовъ и экономокъ*, *вотчинниковъ и вотчинницъ*, *фабрикантовъ и фабрикантшъ*, *заводчиковъ и заводчицъ* и проч. и проч., всего страница одного заглавія. Эта программа показалась намъ похожею на книгопродавческій пуфъ, тѣмъ болѣе, что и имя составителя книги скрыто. Вотъ почему мы и не рѣшились передать его нашимъ читателямъ, ограничившись извѣщеніемъ ихъ только о предпріятіи г. Волжина, трудолюбіе котораго мы знаемъ съ весьма-выгодной стороны.

—

Второй томъ *Русской Бесѣды* будетъ раздаваться гг. подписавшимся 10-го декабря. Въ этомъ томѣ, состоящемъ изъ 40 печатныхъ листовъ, помѣщены, между прочимъ, слѣдующія статьи: Въ прозѣ: 1) Архангельскій Соборъ, *Автора Путешествія къ Святымъ Мѣстамъ*; 2) Записки покойнаго Дениса Васильевича *Давыдова*, во время поѣздки его въ 1826 году изъ Москвы въ Тифлисъ; 3) Аптекарша, повѣсть *графа Соллогуба*; 4) Захарушка Добрая Душа и 5) Каменная Баба. *А. Ѳ. Вельтмана*; 6) Пекинское Дворцовое Правленіе, *отца Іакинѳа*; 7) Графъ Андрей Ивановичъ Остерманъ, *кн. П. Долгорукова;* 8) Душа Женщины, *К. В. О.;* 9) Маріетта, записки русскаго живописца; 10) Разсказъ, *Основьяненка;* 11) Мичманъ Поцѣлуевъ, *казака Луганскаго;* 12) Двѣ Главы изъ Романа, *А. П. Башуцкаго;* 13) Случай изъ Жизни Гёте и его «Зимняя Поѣздка на Гарцъ», *А. Н. Струговщикова;* 14) Два Дня въ Демутовомъ Трактирѣ, *барона Корфа*.—Стихотворенія: 1) Дума на Волгѣ и 2) Воронъ, *Г. Коренева;* 3) Славяне, *Ѳ. Т.;* 4) Изъ Альбома С. Н. Карамзиной и 5) Графинѣ Растопчиной, *М. Ю. Лермонтова*; 6) На Дорогу Михайлу Юрьевичу Лермонтову, *гр. Растопчиной;* 7) Келья, *И. Д.;* 8) На Смерть Поэта, *С. Шевырева;* 9) Въ Альбомъ Всеволожской, *Губера;* 10) Раздѣлъ, изъ Шиллера, перев. *А. Н. Струговщикова;* 11) * * *, *Языкова*.

Зная многія изъ этихъ статей, мы напередъ можемъ сказать, что этотъ томъ далеко оставитъ позади себя предшественника своего, который составленъ былъ на-скорую-руку, безъ строгаго выбора. Имена Лермонтова, Давыдова, графа Соллогуба, князя В. Ѳ. О., графини Ростопчиной, казака

Луганскаго, Струговщикова, Вельтмана, Основьяненка и другихъ — ручаются уже, что подписавшіеся на «Русскую Бесѣду» найдутъ здѣсь себѣ чтеніе самое пріятное.

—

Старѣйшее изъ русскихъ періодическихъ изданій, «Санктпетербургскія Вѣдомости», которыя вступаютъ въ сто-шестнадцатый годъ своего существованія, будетъ продолжаться и въ 1842 году на прежнемъ основаніи. Обширный планъ ихъ обнимаетъ всѣ отрасли человѣческаго вѣдѣнія, за исключеніемъ только литературы, и редакція всегда обращаетъ преимущественное внимавіе на все русское, родное. Доказательствомъ этого можетъ служить множество оригинальныхъ статей, помѣщенныхъ въ Смѣси «Санктпетербургскихъ Вѣдомостей» 1841 года и отличающихся разнообразіемъ, важностію сообщаемыхъ ими свѣдѣній и искуснымъ изложеніемъ, — какъ напр. слѣдующія статьи: «Реквіемъ Берліоза въ концертѣ Ромберга», *кн. В. Ѳ. Одоевскаго*; «О числѣ Евреевъ въ Россіи», «О городахъ Россійской Имперіи» и «О письменныхъ сношеніяхъ въ Россіи», *г. Кеппена*; «Объ операціяхъ надъ заиками», *Д. И. Заблоцкаго;* «Письма изъ чужихъ краевъ», *Ѳ. В. Чижова;* «Пріобрѣтенія Академіи Наукъ по Зоологическому Музею» *г. Брандта*; «Римскіе папы, ихъ церковь и государство», *г. Савельева;* разборы книгъ: «Сочиненія Д. В. Давыдова», «Піитическіе Опыты Е. Кульманъ» и «Сочиненія Пушкина», написанные *М. И. Сорокинымъ*, и пр. и пр. Сверхъ этого, въ Смѣси помѣщены были отчеты министерствъ и другихъ главныхъ управленій, ученыхъ, учебныхъ и благотворительныхъ заведеній; статьи о всѣхъ замѣчательныхъ концертахъ въ Санктпетербургѣ; множество мелкихъ извѣстій библіографическихъ, музыкальныхъ, художественныхъ, и статей, переведенныхъ изъ иностранныхъ журналовъ.

Планъ «Санктпетербургскихъ Вѣдомостей» можетъ быть раздѣленъ на слѣдующіе главные разряды:

I. *Внутреннія извѣстія*. О событіяхъ при Высочайшемъ Дворѣ. — Постановленія правительства. — Назначенія, производства, пожалованія, и разныя извѣстія, касающіяся до Россіи. II. *Иностранныя Извѣстія*. События въ мірѣ политическомъ: военныя дѣйствія, трактаты, парламентскія пренія, излагаемыя съ возможною послѣдовательностію. Сужденія журналовъ разныхъ партій о современныхъ событіяхъ, и пр. III. *Смѣсь*. Отчеты министерствъ, учебныхъ заведеній, промышленыхъ обществъ. — Извѣстія о занятіяхъ конференціи Императорской Академіи Наукъ. — Подробные разборы важнѣйшихъ книгъ, выходящихъ въ Россіи (составляемые людьми спеціальными); краткія библіографическія извѣстія о другихъ русскихъ книгахъ, почему-либо заслуживающихъ вниманіе. — Подробные разборы важнѣйшихъ произведеній иностранныхъ литературъ. — Статьи историческаго и статистическаго содержанія. — Путешествія. — Біографіи и некрологіи. — О концертахъ, бывающихъ въ Петербургѣ; еженедѣльныя извѣстія о новыхъ нотахъ, и проч. Въ этомъ же отдѣленіи помѣщаются: вексельные курсы, извѣстія о цѣнахъ акцій на Санктпетербургской Биржѣ, о пріѣзжающихъ и отъѣзжающихъ лицахъ первыхъ четырехъ классовъ, о пароходствѣ, о зрѣлищахъ и метеорологическія наблюденія.

Редакція «Санктпетербургскихъ Вѣдомостей» будетъ состоять, какъ и въ шести предъидущихъ годахъ, въ вѣдѣніи А. Н. *Очкина*. Кромѣ постоянныхъ сотрудниковъ, ему обѣщали свое содѣйствіе многіе извѣстные ученые и литераторы. Сверхъ-того, редакція будетъ съ благодарностію принимать статьи, соотвѣтствующія плану газеты и отъ лицъ, не участвующихъ постоянно въ ея изданіи. Всякій желающій можетъ, по предварительному сношенію съ редакторомъ, получить до 200 отдѣльныхъ оттисковъ своей статьи,

или денежное вознагражденіе, на слѣдующемъ основаніи: за печатный листъ переводной статьи отъ 35 до 60 р. асс., за такой же листъ оригинальной статьи отъ 100 до 200 р., за мелкія извѣстія по особому уговору съ редакторомъ.

Цѣна «Санктпетербургскихъ Вѣдомостей» менѣе цѣнъ всѣхъ другихъ періодическихъ изданій этого рода, даже и такихъ, которыя выходятъ только три раза въ недѣлю; именно: *безъ доставки*, — *одной газеты*: на годъ 7 р. 15 к., на полгода 4 р. 30 к., на три мѣсяца 2 р. 30 к. сер. *Съ прибавленіями*: на годъ 11 р. 45 к., на полгода 6 р. 30 к., на три мѣсяца 3 р. 45 к. сер. *Съ доставкою одной газеты*: на годъ 10 р., на полгода 5 р. 70 к., на три мѣсяца 3 р. 15 к. сер. *Съ прибавленіями*: на годъ 14 р 30 к., на полгода 7 р. 70 к., на три мѣсяца 4 р. 30 к. сер.

—

Народно-врачебная газета *Другъ Здравія*, съ *Медико-Статистическими Извѣстіями*, пріобрѣтшая себѣ такую лестную извѣстность въ просвѣщенной публикѣ, будетъ продолжаема и въ 1842 году, въ прежнемъ видѣ и составѣ. Но въ будущемъ году она еще болѣе распространится статьями, относящимися особенно къ сохраненію народнаго здоровья какъ гигіеническими, такъ и врачебными средствами. Хоть эта газета заимствуетъ свои матеріалы, по всѣмъ медицинскимъ наукамъ, изъ современныхъ медицинскихъ періодическихъ изданій и новѣйшихъ сочиненій, и помѣщаетъ, кромѣ того, статьи, доставляемыя врачами въ Медицинскій Департаментъ Министерства Внутреннихъ Дѣлъ и Обществами Санктпетербургскихъ и Кіевскихъ Врачей, равно и разныя наблюденія отечественныхъ врачей, — однако изложеніе предметовъ, направленіе ихъ къ общественной цѣли остаются и въ будущемъ году въ такомъ же видѣ, чтобъ чтеніе газеты было удобопонятно для всѣхъ и приносило практическую пользу какъ любителямъ медицинскихъ знаній, такъ и врачамъ. Смѣло можно ручаться, что почтенный издатель, докторъ К. И. Грумъ, извѣстный какъ ученый и опытный врачъ, не только поддержитъ, но и усугубитъ еще довѣренность публики къ своему *девятилѣтнему* изданію, обезпеченному благодѣяніями высшаго начальства.

Подписная цѣна годовому изданію 25 рублей ассигнаціями. Адресоваться: въ редакцію Газеты «Другъ Здравія», находящуюся теперь въ Санктпетербургѣ, въ домѣ г. Туфонова, близь Измайловскаго Моста, по Вознесенскому Проспекту; въ Газетную Экспедицію Санктпетербургскаго Почтамта, и въ Контору Отечественныхъ Записокъ, состоящую на Невскомъ Проспектѣ, противъ Казанскаго Собора, въ домѣ Петропавловской Лютеранской Церкви, къ *Андрею Ивановичу Иванову*.

—

До-сихъ-поръ въ Россіи не было еще англійскихъ журналовъ, между-тѣмъ какъ англійская литература, особенно въ послѣднее время, и числомъ и достоинствомъ своихъ произведеній можетъ войдти въ соперничество съ литературами германскою и французскою, для которыхъ у насъ было и есть по нѣскольку періодическихъ изданій. Съ величайшимъ удовольствіемъ узнаёмъ мы теперь, что *г. Уаррендъ*, преподаватель англійскаго языка при особѣ Ихъ Императорскихъ Высочествъ и лекторъ Санктпетербургскаго Университа, вознамѣрился издавать съ 1-го января будущаго года, вмѣстѣ съ магистромъ Кембриджскаго Университета, *г. Томасомъ Б. Шау*, на англійскомъ языкѣ журналъ подъ названіемъ *The St. Petersburg English Review* (Санктпетербургское Обозрѣніе Англійской Литературы). — Журналъ этотъ будетъ состоять подъ Высочайшимъ покровительствомъ Ея Императорскаго Величества Государыни Императрицы. — Вотъ его программа:

«Превосходство періодическихъ со-

чиненій, издаваемыхъ въ Англіи по части наукъ и литературы, есть фактъ, признанный всѣмъ образованнымъ міромъ; и еслибъ этотъ фактъ требовалъ подтвержденія, то довольно было бы указать на прочія иностранные журналы, которые наполняютъ статьи свои, какъ ученаго, такъ легкаго и забавнаго содержанія, переводами изъ англійскихъ журналовъ. — Отличныя способности писателей, участвующихъ въ изданіи этого рода сочиненій, чрезвычайное обиліе полезныхъ свѣдѣній въ нихъ заключающихся, и самая давность существованія нѣкоторыхъ журналовъ, уже болѣе ста лѣтъ пользующихся безпрерывно возрастающимъ довѣріемъ публики, доставили англійскимъ періодическимъ сочиненіямъ громкое имя и уважаемый авторитетъ почти по всѣмъ отраслямъ литературы. Въ Великобританіи, журналы, извѣстные подъ названіемъ обозрѣній (Reviews), имѣли весьма благодѣтельное вліяніе на читающую публику, и были одною изъ главныхъ причинъ, содѣйствовавшихъ къ равномѣрному распространенію просвѣщенія во всѣхъ классахъ общества. — До-сихъ-поръ, два обстоятельства препятствовали Русскимъ короче ознакомиться съ англійскими періодическими сочиненіями. Первое и главнѣйшее препятствіе, состоявшее въ недостаточномъ знаніи англійскаго языка, уже болѣе не существуетъ, такъ какъ языкъ этотъ, сдѣлавшись съ нѣкотораго времени необходимымъ условіемъ хорошаго воспитанія, съ каждымъ днемъ болѣе и болѣе распространяется въ Россіи, и теперь не только вошелъ въ курсъ наукъ, преподаваемыхъ молодымъ людямъ, получающимъ образованіе въ семейномъ кругу, но даже введенъ правительствомъ во многихъ изъ высшихъ учебныхъ заведеній. Второе препятствіе заключается въ чрезвычайномъ множествѣ и разнообразіи журналовъ, издаваемыхъ въ Англіи, и значительности издержекъ, сопряженныхъ съ выполненіемъ условія, необходимаго для всякаго человѣка, желающаго имѣть основательное понятіе о состояніи англійской литературы, — то-есть подпискою на большое количество періодическихъ изданій. Настоящее предпріятіе имѣетъ цѣлію отвратить до нѣкоторой степени это второе затрудненіе изданіемъ въ Санктпетербургѣ журнала, который будетъ наполняться статьями, избираемыми изъ лучшихъ англійскихъ періодическихъ сочиненій, по всѣмъ предметамъ, могущимъ доставить читателямъ пріятное, полезное или наставительное чтеніе. Никакая отрасль литературы не будетъ оставлена безъ вниманія, и потому журналъ этотъ будетъ заключать въ себѣ пространныя извлеченія изъ романовъ, стихотвореній и другихъ произведеній легкой словесности, такъ что каждый изъ подписчиковъ, постоянно имѣя передъ собою множество разнообразныхъ статей, будетъ имѣть возможность избрать чтеніе, наиболѣе сходное съ его вкусомъ. Сверхъ того, въ составъ журнала войдутъ статьи ученаго содержанія по такимъ предметамъ, которые найдены будутъ занимательными и полезными, и прочія разнаго рода свѣдѣнія, находящіяся въ предѣлахъ литературнаго періодическаго изданія. — Вторая цѣль этого журнала состоитъ въ томъ, чтобы представить читателямъ, въ видѣ извлеченій изъ лучшихъ англійскихъ періодическихъ сочиненій, или въ статьяхъ нарочно для того сочиненныхъ: — біографическія замѣчанія о частной жизни и критическія разсужденія о твореніяхъ всѣхъ знаменитѣйшихъ великобританскихъ писателей, какъ нашего, такъ и отдаленнѣйшихъ вѣковъ. Такимъ образомъ «Санктпетербургское Обозрѣніе» (St.-Petersburg English Review) будетъ заключать въ себѣ богатство свѣдѣній объ англійской литературѣ, котораго нельзя найдти ни въ какой другой книгѣ. — «Санктпетербургское Обозрѣніе» посвящается не одной только англійской литературѣ и наукамъ исключительно, но будетъ также, по

мѣрѣ возможности, слѣдить за ходомъ прочихъ иностранныхъ литературъ, въ оригинальныхъ или переводныхъ статьяхъ. Имена особъ, подписавшихся до 1-го января 1842 года, будутъ припечатаны въ первой книжкѣ журнала.—Подписная цѣна за годовое изданіе 17 рублей серебромъ безъ пересылки и 19 рублей серебромъ съ пересылкою. —Журналъ будетъ выходить 1-го и 15 числъ каждаго мѣсяца, книжками въ 5 или 6 печатныхъ листовъ (отъ 80 до 96 страницъ) въ 8-ю долю листа; что составитъ въ-теченіе трехъ мѣсяцевъ одинъ томъ въ 500 или 600 страницъ. —*Подписка принимается*: Въ Санктпетербургѣ у Гауера и комп.; въ Москвѣ у Урбана и Рено, и у Семена: въ Вильнѣ у Глюксберга; въ Кіевѣ у Глюксберга и Литтова; въ Варшавѣ, у Глюксберга; въ Гельсингфорсѣ и Ригѣ — у Френкеля и комп.; въ Одессѣ у Л. Вилліетти, и во всѣхъ почтамтахъ главнѣйшихъ городовъ имперіи.»

Зная свѣдѣнія г-на Уарренда въ англійской литературѣ и просвѣщенный вкусъ его, мы можемъ ручаться, что предпринятый имъ журналъ будетъ достоинъ вниманія просвѣщенныхъ цѣнителей трудовъ литературно-ученыхъ, и потому смѣло рекомендуемъ его вниманію нашихъ читателей.

Дѣло съ «Сѣверной Пчелою», отъ которой въ предъидущей книжкѣ мы требовали доказательствъ въ справедливости взводимыхъ ею на насъ выдумокъ, — кончилось такъ, какъ и должно было ожидать. Вмѣсто доказательствъ, «Сѣверная Пчела» прибѣгла къ изворотливымъ фразамъ, которыя, — тогда же мы объявили, — не могутъ быть приняты иначе, какъ за сознаніе въ ложности изобрѣтенныхъ ею извѣстій. Просимъ прислушать, если вамъ это еще не слишкомъ надоѣло.

Мы требовали, — ибо имѣли полное право требовать, — чтобъ «Сѣверная Пчела» представила несомнѣнныя доказательства справедливости извѣстія, напечатаннаго въ 240-мъ ея нумерѣ, будто статья изъ 10-й книжки «Отечественныхъ Записокъ» подъ названіемъ «Журнальныя Извѣстія» *разослана* была *при всѣхъ газетахъ и журналахъ*, которыхъ насчитано тамъ же 24,000 экземпляровъ. — На это справедливое и законное требованіе наше «Сѣверная Пчела» отвѣчаетъ теперь (№ 259) *косвенно*, т. е. говоритъ совсѣмъ не то, чего отъ нея требуютъ, — именно, что редакція «Отечественныхъ Записокъ» *рѣшилась напечатать* статьи своей столько экземпляровъ, сколько экземпляровъ «Сѣверной Пчелы» (замѣтьте: теперь уже говорятъ только объ одной «Сѣверной Пчелѣ»!) разсылается черезъ почту, и ни слова не сказала въ опроверженіе того, что утверждали мы, т. е. что ни одного экземпляра этой статьи не было *разослано* ни при одномъ журналѣ. Слѣдственно, она *созналась*, что выдумала извѣстіе, будто означенная статья *разослана* была при *всѣхъ* газетахъ и журналахъ. Это разъ. Далѣе —

«Сѣверная Пчела объявила тамъ же (въ 240-мъ №), что «и за *прошлый* и за *нынѣшній* годъ можно имѣть сколько угодно, *хоть тысячу экземпляровъ* «Отечественныхъ Записокъ» за *весьма дешевую цѣну*, т. е. цѣну уменьшенную противъ подписки». Мы требовали, чтобъ «Сѣверная Пчела» представила также несомнѣнныя доказательства въ справедливости словъ своихъ. Слова ея явно клонились къ тому, чтобъ подорвать довѣріе публики къ журналу; слѣдственно, долгъ литературной совѣсти требовалъ отъ нея представить неопровержимыя доказательства этихъ словъ; она *должна* была указать намъ, какъ мы и требовали — не тысячу, но хоть какое-нибудь количество экземпляровъ 1840 и 1841 годовъ, продаваемыхъ по цѣнѣ ниже той, какая

объявлена при подпискѣ; это была прямая и необходимая ея обязанность. Что же теперь отвѣчаетъ она? Что касательно этого *не входитъ въ разсужденія*, что она *не занимается торговлею (?!!)*, и пр. и пр. Другими словами, что она не нашла (потому-что не могла найдти) ни одного экземпляра «Отечественныхъ Записокъ» 1840 и 1841 годовъ за цѣну ниже той, какая объявлена при подпискѣ, хоть и очень желала бы найдти ихъ и съ удовольствіемъ о томъ объявила бы. — И здѣсь, слѣдовательно, «Сѣверная Пчела» *сознались* въ своей выдумкѣ... Такимъ образомъ всѣ предположенія наши оправдались; обѣ выдумки обличены: правда взяла свое, неправда сама въ себѣ нашла наказаніе. Теперь предоставляемъ самимъ читателямъ оцѣнить достоинство подобныхъ выдумокъ...

Въ томъ же нумерѣ (259-мъ), гдѣ напечатаны эти горькія сознанія, помѣщены еще двѣ выходки противъ «Отечественныхъ Записокъ». Первая состоитъ вотъ въ чемъ. Въ предъидущей книжкѣ мы слегка замѣтили издателю «Пантеона Русскаго и всѣхъ Европейскихъ Театровъ», что онъ до-сихъ-поръ не даетъ своимъ подписчикамъ даже и *пятой* книжки, тогда какъ обѣщалъ выдать двенадцать. «Сѣверная Пчела» спрашиваетъ по этому случаю:

«Но кто же редакторъ Пантеона? Тотъ самый Ѳ. А. Кони, который въ той же 11-й книжкѣ Отечественныхъ Записокъ, на стр. 28-й, названъ главнымъ распорядителемъ по литературной и хозяйственной части Литературной Газеты, которой редакторомъ *тотъ же* редакторъ Отечественныхъ Записокъ! А кто распорядитель хозяйственной части Пантеона? Тотъ же содержатель типографіи, гдѣ *печатаются* Отечественныя Записки и хозяинъ *бумажнаго магазина*, доставляющаго Отечественнымъ Запискамъ бумагу! — И такъ, въ кого брошены стрѣлы изъ Отечественныхъ Записокъ при упрекѣ «Пантеона» въ неисправности? Удивительная ловкость!»

Спросимъ въ свою очередь: что это такое, и печаталось ли что-нибудь подобное гдѣ-нибудь, когда-нибудь, на какомъ-нибудь языкѣ?.. Вникните, сдѣлайте милость: «Сѣверная Пчела» признаётся во всеуслышаніе, что журналъ не долженъ ни въ чемъ упрекать того, въ чьей типографіи онъ печатается, или у кого покупаетъ бумагу?.. Неуже ли это отрывокъ изъ того журнальнаго кодекса, которымъ руководствуется «Сѣв. Пчела» въ своихъ сужденіяхъ? Что касается до насъ, мы, право, не знаемъ, кто доставляетъ бумагу «Сѣв. Пчелѣ» и, не слыхивали до-сихъ-поръ, *кто* распоряжался хозяйственною частію «Пантеона»: знаемъ, что издателемъ его *объявленъ* былъ книгопродавецъ Поляковъ, редакторомъ — г. Кони, и намъ очень мало нужды до того, къ кому бы ни относился нашъ упрекъ. Дѣло въ томъ, что не годится, собравъ подписку за цѣлый годъ, выдать, вмѣсто 12-ти книжекъ, только четыре: это мы скажемъ и теперь; а кто тутъ виноватъ, мы не знаемъ, да и знать не хочемъ, потому-что не имѣемъ привычки справляться о хозяйственныхъ распоряженіяхъ чужихъ журналовъ. Впрочемъ, общепринятое мнѣніе въ такихъ дѣлахъ обыкновенно обвиняетъ *издателя*, который, собирая подписку, отвѣчаетъ передъ публикою за исправность выхода книжекъ, тогда какъ на редакторѣ лежитъ отвѣтственность только за достоинство внутренняго содержанія книжекъ. Это недавно даже было напечатано, по случаю отказа г. редактора «Сына Отечества» отъ завѣдыванія симъ изданіемъ... Какъ бы то ни было, выходка «Сѣверной Пчелы» противъ «Отечественныхъ Записокъ» хоть кого можетъ привести въ удивленіе. Не понимаемъ, какъ у редакціи этой газеты достаетъ охоты ходить по типографіямъ и бумажнымъ лавкамъ и наводить справки, кто у кого печатаетъ, гдѣ беретъ бумагу, сколько платитъ, какъ ведутся счеты, и проч. и проч. Этого часто не знаютъ даже и

маклерà, которымъ болѣе нежели кому-нибудь должны быть вѣдомы подобныя сдѣлки, и которые остерегаются говорить о нихъ кому-либо; «Сѣверная же Пчела» преоткровенно печатаетъ все, чтò, въ-слѣдствіе стараній своихъ, развѣдаетъ о домашнихъ, хозяйственныхъ распоряженіяхъ бумажныхъ торговцовъ и типографщиковъ... Право, это по-крайней-мѣрѣ удивительно! — Не понимаемъ также, чтó за цѣль у «Сѣверной Пчелы» смѣшивать редакцію «Отечественныхъ Записокъ» съ редакціею «Литературной Газеты» и называть редактора первыхъ редакторомъ послѣдней? Развѣ видѣла она въ-теченіе всего 1841 года хоть одинъ разъ подпись редактора «Отечественныхъ Записокъ» на листахъ «Литературной Газеты»? развѣ нашла эту подпись подъ объявленіемъ объ изданіи этой газеты въ 1842 году? Слова объявленія, что *главнымъ распорядителемъ* по *литературной* и *хозяйственной* частямъ «Литературной Газеты» будетъ Ѳ. А. Кони, ясно показываютъ, что «Литературная Газета» отдѣлена отъ «Отечественныхъ Записокъ», должна имѣть свои собственныя литературныя мнѣнія, которыя могутъ и не согласоваться съ мнѣніями «Отечественныхъ Записокъ», и что даже хозяйственная часть ея не имѣетъ ничего общаго съ этимъ журналомъ. Редакція «Отечественныхъ Записокъ» хоть иногда и не соглашается безусловно съ мнѣніями «Литературной Газеты», но всегда, отдавая ей справедливость въ выборѣ многихъ дѣльныхъ статей, считала бы дѣломъ недобросовѣстнымъ относить къ себѣ всѣ достоинства «Газеты» и долгомъ считаетъ приписывать ихъ тѣмъ, кому они принадлежатъ, т. е. распоряжающимъ литературною и хозяйственною частію «Литературной Газеты», которая дѣйствуетъ въ этомъ отношеніи совершенно-независимо отъ редакціи «Отечественныхъ Записокъ». Не понимаемъ, зачѣмъ затемнять дѣло такое ясное и такъ всѣмъ извѣстное...

Вторая и послѣдняя выходка «Сѣверной Пчелы» заключается въ томъ, что она «проситъ каждаго любителя *литературы* (извѣстно, какъ понимаетъ «Сѣверная Пчела» это слово) заглянуть въ объявленіе, напечатанное въ «Прибавленіи къ № 40-му Полицейской Газеты», на стр. 180-й». Намъ, къ-несчастію, весьма рѣдко удается видѣть «Вѣдомости Санктпетербургской Городской Полиціи», но тутъ мы полюбопытствовали, послали за 40-мъ ихъ нумеромъ, и въ «Прибавленіяхъ» къ нему нашли «Объявленіе отъ управляющаго С. Петербургскимъ Книжнымъ Магазиномъ К. А. Полеваго». Подписано оно какимъ-то П. Ратьковымъ, увѣряющимъ православный людъ, что книжныя лавки г. Полеваго имѣли полное право объявить у себя *исключительный* пріемъ подписки на нашъ журналъ, потому, изволите видѣть, что будто-бы этотъ управляющій *купилъ* какіе-то билеты на «Отечественныя Записки» 1842 года, будто-бы отданные редакціею «Отечественныхъ Записокъ» содержателю типографіи за печатаніе этого журнала и за бумагу... Словомъ, напутана исторія, въ которой изумляешься изобрѣтательной фантазіи сочинителя. Мы, разумѣется, не войдемъ въ печатные споры ни съ «Объявленіемъ», ни съ книгопродавческимъ прикащикомъ. Итакъ, совѣтуемъ какъ сочинителю означеннаго объявленія, такъ и адвокатамъ его, заглянуть въ «Объявленіе отъ Конторы Отечественныхъ Записокъ», приложенное къ этой же книжкѣ нашего журнала. Тамъ увидятъ они, что если управляющій петербургскою лавкою г. книгопродавца Полеваго, такъ отважно публикующій у себя *исключительную* подписку на нашъ журналъ, какъ-будто-бъ былъ его владѣльцемъ, — явится въ Контору за полученіемъ первой книжки «Отечественныхъ Записокъ» 1842 года безъ билета, купленнаго имъ въ Конторѣ «Отечественныхъ Записокъ» (въ другихъ мѣстахъ билетовъ нѣтъ и быть не можетъ), или не принесетъ слѣдующихъ

за просимые имъ экземляры денегъ наравнѣ съ другими книгопродавцами, то не получитъ *ни одного* экземляра для своихъ подписчиковъ. Кажется это — доказательство довольно-дѣйствительное? Самое дѣло докажетъ тутъ, что редакція «Отечественныхъ Записокъ» никакому содержателю типографіи не давала билетовъ на будущій годъ за печатаніе своего журнала; что управляющій лавкою г. Полеваго *не купилъ* и *не могъ купить* ни одного *подлиннаго*, настоящаго билета мимо Конторы (а тамъ онъ не покупалъ билетовъ), и что содержатель типографіи получаетъ отъ редакціи «Отечественныхъ Записокъ» плату не билетами, а чистыми деньгами,точно такъ же,какъ и Контора будетъ продавать «Отечественныя Записки» на чистыя деньги, во избѣжаніе разныхъ неисправностей со стороны книгопродавцевъ. Ясно ли теперь, что Контора не могла бы этого сдѣлать, еслибъ управляющій петербургскою лавкою г. Полеваго имѣлъ у себя билеты на «Отечественныя Записки» 1842 года?... Конечно, вся эта исторія придумана не безъ добраго намѣренія, — но мы бросаемъ всѣ эти сплетни съ полнымъ пренебреженіемъ, безъ всякаго вниманія, оставляя дѣло говорить за себя...

Однакожь, довольно, довольно этихъ дрязговъ, даже слишкомъ!.. Скучно, утомительно, несносно говорить такъ долго о всѣхъ этихъ нелитературныхъ событіяхъ... Пора остановиться и отвернуться отъ нихъ навсегда изъ уваженія къ самимъ-себѣ и къ нашимъ читателямъ. Теперь же кстати сама «Сѣверная Пчела» представляетъ намъ прекрасный поводъ прекратить всѣ дальнѣйшія объясненія ея поступковъ. Послѣдними выдумками своими, которыя мы окончательно опровергли, заставивъ ее торжественно въ нихъ сознаться, она подала публикѣ мѣрку, на которую съ-сихъ-поръ должно прикидывать всѣ извѣстія ея о журналахъ, имѣющихъ честь ей не нравиться. Теперь публика и безъ нашихъ указаній можетъ уже судить, въ какой степени заслуживаютъ вѣроятіе эти выдумки, обличенныя такъ гласно. Довольно разъ узнать ихъ журнальную тактику, чтобъ навсегда опредѣлить ей цѣну; мы надѣемся, что читатели наши достойно оцѣнили ее и всегда будутъ имѣть въ виду эту оцѣнку, когда «Сѣвер. Пчела» будетъ говорить объ «Отечеств. Запискахъ»; а что она будетъ говорить много и не перестанетъ употреблять противъ нихъ то же оружіе, которымъ пользовалась до-сихъ-поръ, — это не подлежитъ никакому сомнѣнію. Но что бы ни говорила она, что бы ни выдумывала, — ничто не получитъ нашего отзыва. Предоставляемъ ей широкое поле собирать обо всѣхъ изданіяхъ справки по бумажнымъ лавкамъ и типографіямъ, даемъ ей полное право писать какія-угодно нелѣпости на насъ самихъ и на журналъ нашъ, — всему этому отвѣтомъ съ нашей стороны будетъ молчаніе...

Съ 1841-мъ годомъ, этою послѣднею книжкою, въ немъ изданною, оканчиваемъ мы всѣ свои разсчеты съ «Сѣверной Пчелой», и благодаримъ ее за доставленіе намъ этого давно-желаннаго случая. Для человѣка, привыкшаго къ труду литературному, нѣтъ ничего утомительнѣе, какъ писать о предметахъ, нетолько неимѣющихъ въ себѣ никакого литературнаго интереса, но даже нисколько незанимательныхъ для читателя, — и писать для того только, чтобъ людей, незнакомыхъ съ закулисными тайнами русской журналистики, не допускать до заблужденія и указывать настоящую точку, съ которой должно смотрѣть на иные журналы.... Теперь эта точка опредѣлена — покрайней-мѣрѣ относительно одной изъ сторонъ русской журналистики, и мы съ радостію слагаемъ съ себя обязанность говорить объ этой сторонѣ. Споровъ литературныхъ и ученыхъ у насъ съ нею быть не можетъ, потому-что она объ этихъ предметахъ не споритъ: у ней своя *литература!*

Обличать же выдумки теперь нѣтъ намъ никакой надобности. Итакъ, весело прощаясь съ 1841-мъ годомъ, мы также весело прощаемся навсегда и съ «Сѣверною Пчелою», желая ей всевозможныхъ успѣховъ на избранномъ ею поприщѣ.

II. ИНОСТРАННАЯ ЛИТЕРАТУРА.

—

1. ГЕРМАНСКАЯ ЛИТЕРАТУРА.

—

Начинаемъ прерванное нами въ сентябрской книжкѣ «Отечественныхъ Записокъ» обозрѣніе германской литературы разборомъ замѣчательнѣйшихъ явленій ея, показавшихся въ послѣднее время.

Востокъ и Западъ, картины Дуная, Турціи, Греціи, Египта, Палестины, Сиріи, Средиземнаго Моря, Испаніи, Португаліи и Южной Франціи. 3 тома. Штутгартъ. 1841. (Morgenland und Abendland, Bilder von der Donau, Türkei, Griechenland, Aegypten, Palästina, Syrien, dem Mittelmeer, Spanien, Portugal und Südfrankreich. Drei Bände. Stuttgart. 1841).

Это прекрасное описаніе путешествія *неизвѣстнаго* (авторомъ его, кажется, не безъ основанія почитаютъ майора виртембергской службы, Гайльброннера) свидѣтельствуетъ о характерѣ путешественника, который чувствуетъ и легко увлекается всѣмъ прекраснымъ и высокимъ, никогда, впрочемъ, не погрѣшая противъ исторіи и критики. Умъ его, доступный всѣмъ впечатлѣніямъ природы, просвѣщенный наукою и искусствомъ,—прекрасный наблюдатель общества. Обогащенный всѣми необходимыми для путешественника познаніями, которыя онъ повѣряетъ на мѣстѣ собственнымъ наблюденіемъ, не вводимый въ заблужденіе частными явленіями, которыя подчиняетъ общимъ законамъ, законецъ врагъ всякихъ крайностей и преувеличеній,— авторъ постоянно занимаетъ и приковываетъ вниманіе читателя своимъ разсказомъ, изъ котораго не хочется проронить ни одного слова.— Нельзя желать себѣ лучшаго путеводителя въ путешествіи. Кажется, онъ путешествовалъ только для удовольствія; счастливое расположеніе духа и неутомимая бодрость тѣла позволили ему вполнѣ насладиться имъ. Нигдѣ не преслѣдуетъ онъ особенной цѣли, и хотя въ немъ явно видѣнъ археологъ и образованный офицеръ, но природа, народные нравы, состояніе образованности и исторія народнаго развитія не остаются имъ незамѣченными. Путешествіе начинается плаваніемъ по Дунаю до Чернаго-Моря; авторъ дѣлаетъ весьма основательныя замѣчанія объ улучшеніи судоходства по Дунаю, описываетъ пограничныя крѣпости и въ Виддинѣ посѣщаетъ сераскира. Въ Силистріи въ то время свирѣпствовала чума. Изъ негостепріимнаго Понта путешественникъ вступаетъ въ Босфоръ,—который Байронъ называетъ прекраснѣйшею въ мірѣ оперною декораціею,—и описываетъ постепенно-возрастающія красоты обворожительнаго, единственнаго въ мірѣ мѣстоположенія. Лѣсъ мачтъ и движеніе многочисленнаго народа въ

живописныхъ костюмахъ, приготовляетъ его къ картинѣ чуднаго Стамбула. Онъ описываетъ Константинополь со всѣми его достопримѣчательностями и европейскими нововведеніями, описываетъ самого молодаго султана, съ которымъ говорилъ.—Главы: «Казармы» и «Сераскиръ» въ высшей степени любопытны: онѣ представляютъ вѣрную картину военнаго управленія Турціи. — Решидъ-Бэй, старый Хозревъ, реформа одежды, Дарданеллы—описаны живо и привлекательно. Троя и ея поле битвы вдохновляютъ путешественника, который наконецъ, между французскимъ и англійскимъ флотами, достигаетъ Смирны. — Превосходное описаніе Греціи полно новыхъ и важныхъ подробностей о королевской фамиліи, правительствѣ и народѣ, о нравахъ и достопримѣчательностяхъ природы. Ни одна страна не сохранила въ такой степени своихъ первобытныхъ нравовъ, не оставила такого огромнаго запаса славныхъ воспоминаній, какъ Греція: археологъ, историкъ, любитель искусствъ, на каждомъ шагу встрѣчаютъ тамъ предметы, останавливающіе ихъ вниманіе;—поэтому путешествіе по Греціи доставляетъ болѣе наслажденій, нежели всякое другое путешествіе, и физическія лишенія, кажется, еще возвышаютъ эти наслажденія. Авторъ совѣтуетъ посѣщать Грецію въ маѣ. Въ отечествѣ Эпаминонда оказалъ ему гостепріимство жандармскій офицеръ. Самыя противоположныя сцены неожиданно смѣняютъ у него одна другую; ужасы преисподней и цвѣтущіе луга, древнее и новое граничатъ другъ съ другомъ непосредственно.—Изъ Греціи чрезъ Іонійскіе-Острова путешественникъ переходитъ въ Египетъ, Палестину, Дамаскъ и на Ливанъ. Онъ рѣшительно объявляетъ себя противникомъ Мехмеда-Али (съ которымъ также имѣлъ свиданіе) и его системы, и съ увѣренностію предсказываетъ совершенное разрушеніе могущества Египта при первомъ толчкѣ извнѣ, что нынѣ уже и подтверждается фактами. Изъ Александріи описываетъ онъ внутреннее управленіе страны.—Перло Востока—Дамаскъ, посѣщенъ авторомъ вскорѣ послѣ несчастнаго убіенія католическаго патера Томаса: путешественникъ нашелъ все народонаселеніе Дамаска въ ужасѣ отъ этого происшествія, о которомъ онъ сообщаетъ примѣчательныя подробности.—Третій томъ книги заключаетъ въ себѣ возвратный путь автора чрезъ Родосъ, Мальту, къ южнымъ берегамъ Испаніи, посѣщеніе Малаги, и оттуда путешествіе через Гренаду до Аранхуэца и Мадрида. Изображеніе Испаніи и Греціи—лучшіе отдѣлы сочиненія. Портреты королевы-правительницы, Эспартеро и его alter ego Линожа, чрезвычайно любопытны.—Изъ Мадрида авторъ отправляется въ Лиссабонъ, а оттуда на пароходѣ въ Марсель; проѣхавъ Провансъ, онъ разстается съ читателями въ Женевѣ. — Отъ всей души благодаримъ автора-чужеземца за удовольствіе, которое чувствовали мы, читая его книгу. Мѣсто не позволяетъ намъ сообщать здѣсь нѣкоторыя подробности изъ самого сочиненія, но мы не можемъ не представить читателямъ въ нѣкоторой связи цѣлаго ряда картинъ изъ этого путешествія. (*)

Описаніе Остиндскаго Архипелага. Докт. Эппа. *Съ картою и 9 гравюрами. Гейдельбергъ. 1841.* (Schilderungen aus Ostindiens Archipel von Dr. Epp. Mit 1 Karte und 9 Abbildungen. Heidelberg 1841). — Авторъ въ 1835 году, въ качествѣ хирурга нидерландской службы, сопровождалъ транспортъ съ 100 солдатами въ Голландскую Индію и нѣсколько лѣтъ провелъ на островахъ Явѣ, Суматрѣ и Банка. Извѣстія о послѣднемъ изъ нихъ любопытны; прочія же описанія

(*) Въ отдѣлѣ Смѣси этой книжки «Отечественныхъ Записокъ» помѣщаемъ три статьи «Абдулъ-Меджидъ», «Мехмедъ-Али» и «Оттонъ».

слишкомъ растянуты и наполнены пустыми подробностями.

Записки Младшаго Принца царствующей фамиліи, изъ собственныхъ его бумагъ (Aufzeichnungen eines nachgebornen Prinzen, aus der nachgelassenen französ. Handschrist übersetzt v. v. R. Stuttgart. 1841). Имя автора этой книги едва-ли отъищется въ отдѣленіи Готскаго Альманаха (Almanac de Gotha), въ которомъ помѣщаются имена особъ царствующихъ въ Европѣ фамилій; кажется, его должно искать между дипломатическими агентами прежнихъ лѣтъ. Онъ очень хорошо играетъ свою роль, хоть часто,—именно когда онъ наиболѣе старается скрыться подъ маскою,—виденъ подлогъ. Въ сочиненіи вездѣ замѣтенъ умъ, большая опытность и короткое знаніе высшаго круга, но самое это знаніе изобличаетъ не человѣка, рожденнаго въ высшемъ кругу, а наблюдателя, который втерся въ него изъ средняго состоянія. Кто будетъ искать здѣсь современныхъ записокъ, т. е. интригъ и описаній лицъ и происшествій, тотъ очень ошибется. Авторъ разъигрываетъ роль принца, которому судьба не предназначила носить корону, но который въ-продолженіи жизни собралъ много наблюденій, обогатилъ свой умъ опытностію, и въ преклонныхъ лѣтахъ разсуждаетъ, какъ бы онъ поступалъ, бывъ на престолѣ. Какъ ни подробно ознакомился авторъ съ этимъ поприщемъ, но при всемъ томъ въ его движеніяхъ замѣтенъ какой-то недостатокъ легкости и непринужденности. Въ книгѣ его встрѣчается много важныхъ истинъ, развитыхъ въ самыхъ строгихъ и основательныхъ формахъ, и если она, можетъ-быть, не понравится обыкновенной публикѣ, то конечно найдетъ много внимательныхъ читателей въ высшемъ кругу.

Исторія образованія Бранденбургско-Прусской Монархіи, соч. Германа фонъ Онезорге, *Лейпцигъ. 1841*. (Geschichte des Entwickelungsganges der Brandenburgisch-Preussischen Monarchie, von Hermann von Ohnesorge. Leipzig. 1841.) — Этимъ драгоцѣннымъ дополненіемъ къ исторіи Пруссіи Германія обязана перу молодаго дипломата, который умеръ на 22-мъ году своей жизни, прежде, нежели сочиненіе его вышло изъ печати; одинъ изъ друзей его принялъ на себя трудъ объяснить въ предисловіи цѣль, съ которою авторъ предпринялъ свое сочиненіе. По плану его, изданная нынѣ исторія постепеннаго расширенія Пруссіи, въ которой представлены преимущественно характеры государей, учрежденія королевской фамиліи, отношенія разныхъ частей государства къ цѣлому, и Пруссіи къ другимъ государствамъ,—должна была служить только основаніемъ обширнѣйшему творенію, въ которомъ авторъ предполагалъ развить всѣ многоразличныя явленія и моменты государственной жизни Пруссіи. Отношенія короля къ государству, участіе народа въ правленіи, его гражданское и политическое состояніе, промыслы и торговля, искусства, умственное образованіе, т. е. народное обученіе, воспитаніе, ученость и литература, религія и церковныя учрежденія, законодательство, судопроизводство, финансы, полицейское и военное управленіе,—вотъ отдѣленія, изъ которыхъ должно было состоять полное развитіе организаціи Прусскаго Государства. Къ-сожалѣнію, сочинитель успѣлъ окончить только фундаментъ, который расположенъ съ основательностію и глубокомысліемъ. —Вышедшая книга состоитъ изъ трехъ отдѣленій. Изложивъ въ введеніи ходъ постепеннаго присоединенія къ Пруссіи теперешнихъ ея владѣній, авторъ представляетъ въ I-мъ отдѣленіи личный характеръ каждаго изъ королей прусскихъ и владѣтелей Бранденбургіи, во II-мъ, учрежденія королевской фамиліи, и въ III-мъ, обширнѣйшемъ, развитіе внѣшнихъ отношеній ихъ. Намъ невозможно представить здѣсь подробности политико-ис-

торическихъ изслѣдованій автора, которыя могутъ служить образцомъ яснаго изложенія и вмѣстѣ доказательствомъ нѣмецкой основательности и нѣмецкаго прилежанія. Сочиненіе это не только полезно для науки, но можетъ служить прекраснымъ указаніемъ практическому политику и государственному человѣку, представляя присоединеніе къ Пруссіи разныхъ владѣній, съ ихъ правами и притязаніями, постепенное возрастаніе ея могущества и сплоченіе составныхъ частей ея, и наконецъ основательнымъ изученіемъ источниковъ, на которыхъ основано все изложеніе.

О финансовомъ положеніи Пруссіи, соч. Бюлова Куммерова, *Берлинъ.* (Ueber Preussens Finanzen, von Bülow Cummerow. Berlin. 1841).—Ученое и остроумное защищеніе началъ большею частію ошибочныхъ. Главное предложеніе свое «что Пруссія должна увеличить до 50 мильйоновъ талеровъ своихъ ассигнацій (Kassenscheine), авторъ основываетъ на общихъ разсужденіяхъ «о деньгахъ и увеличеніи ихъ массы въ народномъ обращеніи, о кредитѣ и его упроченіи». По мнѣнію его, вся разница между звонкою монетою и ассигнаціями состоитъ только въ томъ, что первая имѣетъ цѣну во всѣхъ пяти частяхъ свѣта, а послѣднія только въ одномъ какомъ-либо государствѣ. Но это мнѣніе очевидно ошибочно, ибо существенное различіе монеты и ассигнацій заключается въ томъ, что звонкая монета состоитъ изъ вещества, имѣющаго внутреннюю цѣнность, и котораго количества мы не можемъ увеличивать по произволу, бумажныя же деньги не представляютъ никакой внутренней цѣнности и могутъ быть умножаемы безъ всякаго ограниченія. Поэтому, цѣнность бумажныхъ денегъ, а не звонкой монеты, какъ полагаетъ авторъ, зависитъ отъ мнѣнія. Ассигнаціи необходимо должны имѣть кредитъ, по-крайней-мѣрѣ въ такой степени, чтобъ каждый былъ увѣренъ, что во всякое время можетъ получить за нихъ равное цѣнности ихъ количество товаровъ; для народа же, привыкшаго къ употребленію металлическихъ денегъ, необходима увѣренность въ возможности всегда обмѣнять ихъ на звонкую монету.—Мы вполнѣ раздѣляемъ мнѣніе автора, что достаточное количество средствъ обмѣна (денегъ) облегчаетъ торговлю, но не можемъ согласиться, чтобъ «избытокъ ихъ необходимо усиливалъ торговлю.»—Избытокъ капиталовъ дѣйствительно усиливаетъ торговлю; избытокъ же наличныхъ денегъ, напротивъ, стѣсняетъ ее, ибо цѣнность денегъ упадаетъ, а цѣнность товаровъ возвышается. Польза умноженія ассигнацій для усиленія средствъ обмѣна опровергается еще и тѣмъ, что для внутренней же торговли, при быстромъ обращеніи, достаточно незначительной массы денегъ, и что въ этихъ средствахъ чаще нуждается внѣшняя, всемірная торговля, для которой ассигнаціи безполезны, и которая сама творитъ для себя бумажныя деньги, основанныя на кредитѣ. Далѣе, авторъ говоритъ, что теперь уже не достаетъ фондовъ для выкупа находящихся въ обращеніи ассигнацій; поэтому, въ случаѣ войны для прусскаго правительства, 10 или 40 мильйоновъ оно не въ состояніи будетъ заплатить;—для войны уже слишкомъ много, а для мирнаго времени еще слишкомъ мало ассигнацій. — Это разсужденіе опровергается само собою, ибо, во-первыхъ, не все равно потерять 10 или 40 мильйоновъ, и во-вторыхъ, при благопріятныхъ обстоятельствахъ легче будетъ выплатить 10, нежели 40 мильйоновъ. Во всякомъ случаѣ чрезмѣрное увеличеніе ассигнацій вытѣсняетъ изъ государства металлическія деньги, что современемъ должно необходимо произвесть недостатокъ въ звонкой монетѣ, весьма чувствительный для внѣшней торговли. Сверхъ-того, такъ-какъ умноженіе ассигнацій возвышаетъ цѣну товаровъ, въ чемъ сознается и самъ авторъ, то сбытъ ихъ за гра-

ницу и вмѣстѣ съ тѣмъ внутренная промышленость должны ограничиться. По этимъ причинамъ, мы полагаемъ, что польза предлагаемой авторомъ мѣры для улучшенія теперешняго состоянія Пруссіи весьма сомнительна. Второе предложеніе его состоитъ въ учрежденіи въ Пруссіи «большаго центральнаго банка»,—который бы не былъ, какъ теперешній королевскій банкъ, въ зависимости отъ политическихъ событій; но при всемъ томъ онъ подчиняетъ его правительству. Дѣйствія его не должны ограничиваться только выпускомъ и учетомъ бумажныхъ денегъ; напротивъ, авторъ полагаетъ предоставить ему распоряженіе всѣми государственными доходами, съ тѣмъ, чтобъ онъ пускалъ въ оборотъ всѣ наличные капиталы, удовлетворялъ посредствомъ кредита чрезвычайнымъ потребностямъ государства, и управлялъ ажіотажемъ; въ зависимости его должны находиться провинціальные банки. Нельзя въ библіографической статьѣ разсматривать вопросъ о пользѣ соединенія финансоваго управленія государства съ биржевыми денежными спекуляціями; но, кажется, опыты новѣйшихъ временъ говорятъ противъ этой мѣры. Далѣе, авторъ разсуждаетъ «о недостаткахъ прусской системы податей и о необходимости пересмотра законовъ о податяхъ», — при чемъ отдаетъ полную справедливость безкорыстію всѣхъ классовъ прусскихъ чиновниковъ, совѣтуетъ уменьшить почтовой сборъ, отмѣнить пошлину съ наслѣдствъ, и т. п. Сверхъ этого, онъ предлагаетъ возвысить сборъ съ хлѣбнаго вина, признавая умѣренное употребленіе его необходимымъ для здоровья въ сѣверныхъ климатахъ, но возстаетъ противъ монополіи торговли солью, противъ гербоваго и цѣховаго сборовъ и противъ судебныхъ издержекъ.—Въ третьемъ отдѣленіи, онъ разсматриваетъ организацію министерства и управленія финансовъ въ Пруссіи. Все сочиненіе, не смотря на свою односторонность, заключаетъ въ себѣ много идей основательныхъ.

Отчеты объ управленіи Швеціи, предложенные правительствомъ въ собраніяхъ государственныхъ чиновъ, 1809–1840 года, переводъ съ шведскаго. Лейпцигъ. 1840. (Rechenschaftsbericht über die Verwaltung Schwedens. Von der Regierung vorgelegt auf den Reichstagen 1809—1840. Aus dem Schwedischen übers. Leipzig. 1841). Собранные здѣсь оффиціальные отчеты представляютъ прекрасную картину благодѣтельной, съ каждымъ годомъ развивающейся дѣятельности шведскаго правительства. Это достопримѣчательное и подробное исчисленіе всѣхъ правительственныхъ мѣръ короля Карла-Іоанна (Бернадота) показываетъ вмѣстѣ и существованіе партій, которыя не устыдились нападать на такія высокія заслуги. Шведовъ, по ихъ живому, безпокойному характеру, ищущему блеска и новизны, — можно назвать Французами Сѣвера; журналы ихъ также необузданны, и высшее дворянство всегда расположено къ интригамъ и къ духу партій. Поэтому, правительство само объявило себя главою спокойной реформы;—дѣятельность его обнимаетъ всѣ вѣтви цивилизаціи. Очень можетъ быть, что иностранное происхожденіе затрудняетъ вліяніе мудраго и кроткаго государя на духъ народа, который его не вполнѣ понимаетъ.—Разсматриваемая нами книга заключаетъ въ себѣ множество любопытнѣйшихъ статистическихъ свѣдѣній о Швеціи.

О наказаніяхъ и исправительныхъ заведеніяхъ. Его кор. высоч. Оскара, наслѣднаго принца Швеціи; *переводъ съ шведскаго* А. Трескова, *съ введеніемъ доктора* Юліуса. *Съ 3 литографированными таблицами. Лейпцигъ, 1840.* (Ueber Strafe und Strafanstalten, von S. Königl. Hoheit Oscar, Kronprinzen von Schweden etc. Aus dem Schwedischen übersetzt von A. v. Treskow. Mit Einleitung und

Anmerkungen v. Dr Julius. Mit 3 lith. Tfln. Leipzig. 1840.)

О наказаніяхъ и исправительныхъ заведеніяхъ. Съ швед., со втораго изданія, сочиненіе Дитриха. *Съ прибавленіемъ и 3-мя таблицами изображеній. Штокгольмъ и Лейпцигъ, 1841.* (Von Strafen und Strafanstalten, aus dem Schwedischen nach der 2-ten Auflage von Dietrich. Mit 3 Taf. Abbild. Stockholm und Leipzig. 1841).

Первое изъ этихъ сочиненій пріобрѣло самое шумное одобреніе публики прежде, нежели имя его высокаго автора сдѣлалось извѣстнымъ. Кромѣ того, что предметъ этого сочиненія въ высшей степени интересенъ для всего человѣчества, и особенно важенъ въ настоящее время для Швеціи, при предстоящемъ преобразованіи ея уголовнаго законодательства, одни чувства человѣколюбія, выраженныя просто и ясно, должны были найдти себѣ повсюду сочувствіе. Непреувеличивая нѣжной заботливости о преступникѣ, высокій авторъ допускаетъ наказанія строгія, тяжкія, но не безчестныя, которыя преграждаютъ преступнику возвращеніе въ общество, ставятъ его внѣ покровительства законовъ и дѣлаютъ существомъ вѣчно враждующимъ съ государствомъ. Наказаніе должно возвратить его обществу исправленнымъ и пересозданнымъ. Разрѣшеніе этой задачи въ разсматриваемомъ нами сочиненіи показываетъ, съ одной стороны, глубокое знаніе людей, а съ другой тщательное, всеобъемлющее изученіе уголовнаго права. Въ первой главѣ, *«о наказаніяхъ»*, авторъ отвергаетъ, какъ противныя цѣли, всѣ тѣлесныя наказанія, также ссылку и преимущественно смертную казнь. Онъ признаетъ лишеніе свободы (заключеніе) единственнымъ наказаніемъ, которое, удовлетворяя правосудію, способно исправить преступника, отдѣленнаго отъ общества и долженствующаго послѣ наказанія опять въ него возвратиться. Какъ вѣрны и какъ прекрасны въ устахъ наслѣдника двухъ царствъ мысли о смягченіи наказаній и о правѣ помилованія, составляющія особое отдѣленіе книги! Не менѣе замѣчательно изслѣдованіе, въ какой степени поведеніе преступника въ заключеніи можетъ быть поводомъ къ сокращенію времени наказанія.—Во 2-й главѣ излагается начало и усовершенствованіе исправительной системы. Послѣ упадка при Іосифѣ II перваго подобнаго заведенія, учрежденнаго въ Гентѣ графомъ Виленемъ XIV въ 1772, и имѣвшаго уже значительный успѣхъ; послѣ нѣсколькихъ неудавшихся опытовъ улучшенія тюремъ въ Сѣверной Америкѣ, въ темницѣ оборнской (Auburn) образовалась новая система. Преступники на ночь были запираемы въ отдѣльныя келльи, а днемъ работали въ общихъ мастерскихъ, но при совершенномъ молчаніи; малѣйшій шопотъ, всякій замѣченный знакъ, были тотчасъ же и съ величайшею строгостію наказываемы. По этому образцу устроены были тюрьмы въ Женевѣ, Глочестерѣ и Гласгоу.—Въ Питтебургѣ, въ Пенсильваніи, выстроена была темница съ отдѣльными келльями, для совершеннаго разъединенія заключенныхъ. Но по открывшейся въ-послѣдствіи ошибкѣ при постройкѣ, допустившей сообщеніе между преступниками, выстроено было въ 1829 году новое зданіе въ Шерри-Гиллѣ (Cherry-Hill), которое и почитается образцомъ такъ-называемой филадельфійской и пенсильванской системы. Эта система имѣетъ четыре слѣдующія основныя правила: совершенное уединеніе заключенныхъ; отмѣна всѣхъ тѣлесныхъ наказаній, преподаваніе закона Божія, тяжелая работа, и наконецъ позволеніе разговаривать только съ тюремными приставами.—Въ третьей главѣ разсматривается вопросъ: которая изъ этихъ системъ заслуживаетъ предпочтеніе, въ какой степени каждая изъ нихъ можетъ служить къ справедливому наказанію и къ предупрежденію преступленій, дѣйствовать на моральное исправленіе и здоровье за-

ключенныхъ, упрочить на долгое время заведенный порядокъ, доходами отъ работы преступниковъ покрыть расходы на содержаніе сихъ заведеній, и наконецъ, вліяніе этихъ системъ на будущее положеніе въ гражданскомъ обществѣ освобожденныхъ преступниковъ? — Результатъ этихъ изслѣдованій, подтвержденныхъ статистическими доводами, — слѣдующій: филадельфійская система должна быть принята, во-первыхъ, для отдѣленія несчастныхъ, которые только-что вступили на стезю порока, отъ закоренѣлыхъ злодѣевъ; далѣе, для тѣхъ, которыхъ исправленіе возможно, и которые, по истеченіи срока наказанія, опять возвратятся въ общество; наконецъ, для находящихся еще подъ слѣдствіемъ. Напротивъ того, оборнская система должна быть примѣнена только тогда, ежели преступникъ не подаетъ надежды къ исправленію, или осужденъ на весьма долгое заключеніе, при которомъ совершенное уединеніе можетъ имѣть вредное вліяніе на его здоровье. Четвертая глава дѣлаетъ примѣненіе этихъ началъ къ Швеціи и заключаетъ въ себѣ превосходныя подробныя наставленія объ управленіи и внутреннемъ устройствѣ тюремъ; приложенные чертежи заключаютъ въ себѣ планы и разрѣзъ исправительной и окружной темницы, съ подробною сметою издержекъ. Это сочиненіе сопровождено нѣкоторыми замѣчаніями знаменитаго доктора Юліуса, котораго голосъ въ этомъ дѣлѣ имѣетъ неоспоримый вѣсъ. Но нѣкоторые недостатки перевода, равно какъ и неделикатное объявленіе имени высокаго автора, которое въ шведскомъ подлинникѣ было скрыто, заслужили справедливое порицаніе.

Прибавленіе ко второму изъ приведенныхъ нами сочиненій заключаетъ въ себѣ краткое историческое обозрѣніе измѣненій шведскаго уголовнаго уложенія и мысли о вліяніи вышеприведеннаго творенія на предстоящее преобразованіе.

Исторія Франціи въ революціонномъ періодѣ, Ваксмута. *1-я часть. Гамбургъ. 1841.* (Geschichte Frankreichs im Revolutionszeitalter, von Wachsmuth. 1-r Theil. Hamburg. 1841). — Это сочиненіе составляетъ часть уже упомянутой нами «Исторіи европейскихъ государствъ» Герена и Уккерта (Geschichte der Europäischen Staaten, von Heeren und Uckert), огромнаго предпріятія, начатаго пятнадцать лѣтъ назадъ и до-сихъ-поръ продолжающагося съ самымъ удовлетворительнымъ успѣхомъ; издатель его, книгопродавецъ Пертесъ, заслуживаетъ полную благодарность всѣхъ любителей исторической литературы. Обогатить науку рядомъ превосходныхъ твореній, и при исполненіи этого огромнаго труда остаться выше обыкновенныхъ литературныхъ спекуляцій, какими выньче затопляется нѣмецкая литература,—вотъ великія заслуги тѣхъ ученыхъ, которые предприняли это полезное твореніе, и ихъ сотрудниковъ. Поэтому-то вы нигдѣ не замѣчаете въ немъ пустоты и слабости, свойственныхъ всѣмъ *фабрикованнымъ* книгамъ; напротивъ, каждая изъ вышедшихъ понынѣ частей самобытностію своею споспѣшествуетъ совершенствованію науки, каждая составитъ эпоху въ исторіографіи государства, которое она описываетъ. Все изданіе состоитъ теперь изъ слѣдующихъ частей:

Исторія Германской Имперіи (5 томовъ), Пфистера.

Исторія Итальянскихъ Государствъ (5 томовъ), Лео.

Исторія Саксоніи (2 тома), Бёттигера, и

Исторія Голландіи (2 тома), Кампена.

Эти части совершенно окончены.

Неконченныя:

Исторія Испаніи (1 томъ), начатая Лембке и продолжаемая Шеферомъ, который довелъ также

Исторію Португаліи (2 тома) до конца среднихъ вѣковъ.

Исторія Пруссіи (3 тома), Штенцеля.

Исторія Швеціи (4 тома), Гейгера.

Исторія Россіи (2 тома), Штраля.

Исторія Даніи (2 тома), Дальмана.

Исторія Англіи (3 тома), Лаппенберга.

Исторія Франціи до революціи (2 тома), Шмидта.

Исторія Австріи (3 тома), Майлата.

Исторія Османовъ (1 томъ), Цинкэйзена.

Исторія Польши (1 томъ), Рёпеля.

Все изданіе окончится черезъ пять или шесть лѣтъ. Конечно, каждый изъ историковъ, участвующихъ въ этомъ трудѣ, имѣетъ свой особенный, индивидуальный характеръ, но этою многосторонностью, этимъ соединеніемъ многоразличныхъ силъ, стремящихся къ одной общей цѣли, еще болѣе возвышается достоинство цѣлаго, представляя счастливое обиліе различныхъ взглядовъ. — Многія изъ этихъ твореній приняты съ одобреніемъ въ другихъ государствахъ и переведены на иностранные языки. — Въ кругъ этихъ превосходныхъ сочиненій вступаетъ нынѣ твореніе Ваксмута, обработавшаго исторію Франціи съ начала ея великаго государственнаго переворота. Подобному раздѣленію подверглась и исторія Германіи, ибо съ паденія Нѣмецкой Имперіи она также получила другаго историографа, Бюлау. Но во французской исторіи внутренній моментъ раздѣленія гораздо важнѣе: съ этой эпохи характеръ французскаго народа какъ-бы измѣняется и принимаетъ совершенно другой типъ: являются люди съ необыкновенными, небывалыми характерами и замѣтно особенно движеніе во всѣхъ отрасляхъ дѣятельности и жизни. Сверхъ-того, исторія этого времени получаетъ высокую степень занимательности по тѣсной связи ея съ настоящимъ состояніемъ Европы, по необходимости ея для вѣрнаго познанія нашего времени. Къ-сожалѣнію, лѣтописи этого важнаго періода, писанныя по внушенію частнаго интереса и мелкихъ страстей, до невѣроятности исказили и затмили его исторію. — Авторъ весьма справедливо говоритъ въ предисловіи: «никогда не было выдумано столько и такой безстыдной лжи, никогда ей не вѣрили и не повторяли ее такъ усердно, какъ во время послѣ французской революціи; никогда духъ партій не былъ такъ дѣятеленъ въ изобрѣтеніи и распространеніи толковъ о несправедливыхъ фактахъ, и это-то, вмѣстѣ съ всегдашнимъ расположеніемъ людей слушать разсказы о развратѣ, злодѣяніяхъ и жестокостяхъ, причиною, что до-сихъ-поръ еще не искоренены эти плевелы лживыхъ свидѣтельствъ и мнѣній. — Поэтому первымъ дѣломъ автора была общая, по возможности точная и строгая критика всѣхъ прежнихъ свидѣтельствъ и мнѣній, при необозримомъ множествѣ матеріаловъ: — дѣло неимовѣрно трудное; при всемъ томъ, истинная любовь къ наукѣ и неутомимое трудолюбіе Ваксмута успѣли сдѣлать весьма много; онъ вездѣ старался каждый фактъ подтвердить доказательствами, взятыми изъ самыхъ источниковъ и безпристрастно изложить результаты своихъ изслѣдованій. Въ первой книгѣ, которая служитъ введеніемъ въ другія, авторъ излагаетъ свой политическій и философскій взглядъ на движеніе въ французской революціи... Къ-сожалѣнію, мы не имѣемъ мѣста подробно разсмотрѣть здѣсь содержаніе этого замѣчательнаго сочиненія. Первая часть его продолжается до закрытія законодательнаго собранія и окончанія прусскаго похода; вторая будетъ заключать въ себѣ время національнаго конвента и директорію; третья, — исторію консульскаго правленія и имперіи, а четвертая — царствованіе Бурбоновъ и послѣдующіе перевороты Франціи. — Авторъ извлекъ много драгоцѣнныхъ свѣдѣній изъ французскихъ архивовъ.

Извѣстія о Гёте изъ изустныхъ и письменныхъ, изданныхъ и неизданныхъ источниковъ. Соч. Римера. *2 тома. Берлинъ. 1841.* (Riemer's Mittheilungen über Göthe, aus mündlichen und schriftlichen, gedruckten und ungedruckten Quellen. 2 Bde. Berlin.

ман 1841). — Нѣсколько лѣтъ назадъ Эккерманнъ издалъ свои «Бесѣды съ Гёте». и мы всегда останемся ему благодарны за то, что, изъ уваженія къ великому человѣку, онъ поставилъ себя самого на второмъ планѣ, чтобъ ярче освѣтить главное лицо. Съ глубокимъ благоговѣніемъ представилъ онъ намъ вѣрное изображеніе того, съ кѣмъ много лѣтъ былъ въ самыхъ тѣсныхъ сношеніяхъ, и взору читателя представляется Гёте, который, подобно лучезарному солнцу, разсѣваетъ печальный туманъ, помрачавшій ликъ его. Если изображеніе Эккерманна, представившаго намъ Гёте въ преклонныхъ лѣтахъ, такъ привлекательно, то чего не должны мы были бы ожидать отъ творенія Римера, знавшаго Гёте во время полнаго развитія его дѣятельности и творческаго генія, — и, при такомъ же уваженіи и благоговѣніи къ нему, извѣстнаго своею ученостію и умомъ. Но эти ожиданія далеко не удовлетворяются на дѣлѣ; читатель не найдетъ въ сочиненіи Реймерса живаго изображенія Гёте; напротивъ, это побоище, въ которомъ авторъ съ слѣпымъ фанатизмомъ нападаетъ поочередно на всѣхъ противниковъ Гёте; онъ припоминаетъ старые, давно забытые нападки и въ опроверженіе ихъ не приводитъ никакихъ доказательствъ, кромѣ собственнаго своего мнѣнія. — Вы найдете здѣсь Гёте не такимъ, какъ онъ жилъ, мыслилъ, говорилъ, дѣйствовалъ, но какъ его односторонно понималъ сочинитель. Величайшаго генія всѣхъ вѣковъ онъ разсѣкаетъ на главы и параграфы, и сочиненіе его похоже на visum repertum анатомирующаго врача о предложенномъ ему трупѣ. Такимъ образомъ главы, на которыя раздѣлено сочиненіе, носятъ странныя названія (въ первыхъ трехъ главахъ сочинитель отдѣлалъ такъ называемыхъ порицателей Гёте): IV. Наружность Гёте, V. Его здоровье, VI. Характеръ, VII. Образъ мыслей, VIII. Дѣятельность, XI. Недостатки. Глава объ образѣ мыслей состоитъ изъ разныхъ отдѣленій: a) чувствительность, b) слова, c) безкорыстіе, d) благодарность, e) благотворительность, f) предразсудки, g) вѣра (безспорно самое любопытное отдѣленіе изъ всего сочиненія, составляющаго 1280 страницъ), h) аристократизмъ, i) народность. Вездѣ видна ученость сочинителя; онъ приводитъ часто собственныя слова Гёте и испещряетъ свое сочиненіе безчисленными цитатами изъ древнихъ и новыхъ писателей; но все это не даетъ еще цѣлаго образа живаго исполина, а представляетъ только его разсѣченный трупъ, котораго члены, конечно, все еще возбуждаютъ удивленіе своею колоссальностію. — Къ чему эти ожесточенныя выходки противъ Беттины, Менцеля, даже противъ умершихъ: Шиллера, Виланда, Гердера, Фалька и др., которые, конечно, на томъ свѣтѣ примиренные, съ любовію встрѣтили великаго поэта? Не этимъ должны мы чтить память Гёте; мы ничего не прибавимъ къ славѣ его, пробуждая давно-замолкшихъ враговъ, давно-забытые нападки. Геній Гёте будетъ свято чтимъ позднѣйшимъ потомствомъ; что́ же касается до его слабостей, то не станемъ ни извинять, ни украшать ихъ; лучше забудемъ ихъ. — Если можно быть за что-нибудь благодарну автору этой книги, то развѣ за собраніе отзывовъ Гёте о нѣкоторыхъ литераторахъ, художникахъ и книгахъ, также за собраніе его застольныхъ рѣчей, помѣщенное въ концѣ его книги: это можетъ служить дополненіемъ къ изображенію Гёте въ частной жизни, исполненной добродушнаго юмора. — Также нельзя не похвалить глубокаго, восторженнаго уваженія автора къ великому человѣку; но тутъ по-неволѣ приходитъ на память стихъ Пушкина: «Охъ, эти мнѣ друзья, друзья!»... Г. Римеръ оказалъ бы, конечно, величайшую услугу и памяти Гёте, и его друзьямъ и врагамъ, и наконецъ самому-себѣ, если бъ вовсе не предпринималъ этого огромнаго сочиненія. А между-тѣмъ, какъ важно для насъ имѣть вѣрное изобра-

женіе Гёте, этой чистѣйшей человѣческой натуры, озаренной свѣтомъ поэзіи! Нашему времени необходимо, для умственнаго развитія, вѣрно понять это достопримѣчательное явленіе, изучить всѣ особенности его характера и ходъ его развитія. — Въ одной изъ слѣдующихъ книжекъ «Отечественныхъ Записокъ» мы попробуемъ представить нашимъ читателямъ Гёте, какъ человѣка и какъ поэта.

Жизнь Прусскаго Государственнаго Министра, Фрейгера фон-Штейна (Leben des Preussischen Staatsministers Freiherrn von Stein. Ein Denkmal. 2 Bde. Leipzig. 1841). — Возрастающее сочувствіе Германцевъ къ ихъ государственнымъ людямъ и особенное вниманіе, которое въ настоящее время заслуживаютъ въ нашихъ глазахъ люди, недавно еще своими смѣлыми и обширными планами возстановившіе величіе Пруссіи и содѣйствовавшіе уничтоженію владычества Французовъ въ Германіи, — все это оживило воспоминаніе о Штейнѣ, первомъ законодателѣ новой Пруссіи. Какъ ни близка къ намъ исторія жизни этого знаменитаго человѣка, но при всемъ томъ трудъ, предстоявшій автору, былъ очень великъ. Морицъ Арндтъ соорудилъ уже достойный памятникъ Штейну, изобразивъ его личный характеръ; но его достоинство, какъ политика и законодателя, гораздо выше; изобразить заслуги и значеніе его, какъ государственнаго человѣка, можетъ только историкъ-философъ, неувлекающійся направленіемъ нашего вѣка.

Штейнъ, нассаускій уроженецъ, въ 1780 году, по любви къ Фридриху II, вступилъ въ прусскую службу; онъ былъ директоромъ горнаго департамента, президентомъ коллегій военной и государственныхъ имуществъ, и наконецъ обер-президентомъ трехъ вестфальскихъ коллегій. Въ 1804 году, Фридрихъ-Вильгельмъ III, выбирая преемника министру Струэнзе, остановился на Штейнѣ, извѣстномъ своими познаніями, характерностью, неутомимою дѣятельностью и благороднымъ образомъ мыслей. Управленію его порученъ былъ департаментъ акцизнаго и пошлиннаго сборовъ, морская торговля, банкъ, внутренняя торговля и промышленость. Важнымъ недостаткомъ тогдашней системы государственнаго управленія Пруссіи была чрезмѣрная сложность и раздробленность. Штейнъ принялъ вездѣ самыя дѣйствительныя мѣры, упростилъ дѣлопроизводство и, при всеобщемъ недостаткѣ въ звонкой монетѣ, убѣдилъ короля выпустить на 10 милліоновъ талеровъ ассигнацій. Несогласія въ кабинетѣ побудили его въ 1807 году выйдти въ отставку и удалиться въ свои помѣстья. Но послѣ заключенія тильзитскаго мира король увидѣлъ, какъ необходимы были дарованія Штейна для Пруссіи въ ея стѣсненномъ положеніи, и осенью того же года на него возложено было общее управленіе государствомъ. Во всѣхъ мѣрахъ правительства оказалась его глубокомысленная, смѣлая и вѣрная политика. Первою цѣлію его и его товарищей было пробудить, развить и обратить на пользу общую всѣ индивидуальныя силы государства. Между-тѣмъ, какъ Шарнгорстъ занимался новымъ устройствомъ военнаго управленія, Штейнъ обнародовалъ рядъ узаконеній, которыя произвели совершенное преобразованіе гражданскаго законодательства Пруссіи, ибо съ нихъ начинается уравненіе правъ и обязанностей всѣхъ подданныхъ. Въ 1809 году, Штейнъ, котораго характеръ вселялъ бодрость въ патріотовъ Германіи, былъ, по требованію Наполеона, удаленъ отъ дѣлъ государственныхъ, и даже для личной безопасности долженъ былъ удалиться въ Австрію, а потомъ въ Россію. Но, оставляя Пруссію, онъ завѣщалъ ей свои виды и попеченія о ея счастіи, и въ письмахъ къ высшимъ правительственнымъ мѣстамъ изложилъ практическія мѣры, которыя необходимо еще было исполнить для довершенія начатаго преобразованія. Дѣйствительно,

законы Штейна и дальнѣйшее частное развитіе ихъ Гарденбергомъ упрочили будущность Пруссіи. Авторъ разсматриваемой нами книги исчисляетъ, правда, всѣ факты законодательства Штейна, но ему рѣшительно не достаетъ философскаго взгляда, чтобъ понять его духъ и цѣль, и изъ нихъ опредѣлить заслуги Штейна. Чтобъ быть достойнымъ біографомъ великаго человѣка, онъ не имѣетъ ни дарованій, ни образованности историка, потому-что вовсе не воспользовался даже источниками, которые могутъ объяснить политическій характеръ Штейна. Книгу свою раздѣлилъ онъ на множество отдѣленій, но не для того, чтобъ въ каждомъ изъ нихъ разсмотрѣть жизнь Штейна въ какомъ либо особомъ отношеніи; напротивъ, эти отдѣлы только раздробляютъ предметъ и отрывками представляютъ нѣкоторыя стороны изъ жизни и дѣлъ описываемаго лица. Обработка каждаго отдѣленія такъ же неудовлетворительна, какъ и обработка цѣлаго; все это есть не что иное, какъ собраніе историческихъ извѣстій, извлеченій изъ другихъ книгъ и длинныхъ декламаторскихъ тирадъ. Что въ этомъ сочиненіи есть достойнаго хвалы, то не принадлежитъ автору; его же трудъ совершенно безполезенъ.

Жизнь Фельдмаршала Графа Шверина, соч. Фарнгагена фон-Эизе (Leben des Feldmarschalls Grafen von Schwerin, von Varnhagen von Ense. Berlin. 1841). — Это сочиненіе представляетъ доказательство дарованій автора. Имя Шверина — одно изъ знаменитѣйшихъ именъ въ исторіи семилѣтней-войны. Его славная смерть въ сраженіи при Прагѣ (1757), гдѣ онъ самъ схватилъ знамя, и съ восклицаніемъ: «за мною, дѣти!» повелъ противъ непріятеля солдатъ своихъ, начавшихъ уже отступать, — есть одинъ изъ отличнѣйшихъ подвиговъ того геройскаго времени, и онъ-то, можетъ-быть, причиною, что до-сихъ-поръ мало обращали вниманія на остальную жизнь героя, ибо часто мы связываемъ воспоминаніе о великомъ человѣкѣ только съ однимъ наиболѣе-замѣчательнымъ подвигомъ его жизни. Авторъ разсматриваемой нами книги оказываетъ большую услугу невѣрной памяти современниковъ, представляя мастерское изображеніе жизни и характера знаменитаго полководца. Шверинъ родился въ Помераніи въ 1684 году, получилъ отличное воспитаніе, вступилъ сперва въ голландскую службу и сдѣлалъ нѣсколько походовъ подъ начальствомъ принца Евгенія и Марльборо, величайшихъ военныхъ знаменитостей своего времени, а потомъ перешелъ въ мекленбургскую службу, и на 23 году былъ уже полковникомъ. Въ 1712 году ѣздилъ онъ въ Турцію съ дипломатическимъ порученіемъ къ Карлу XII, и имѣлъ случай цѣлые десять мѣсяцевъ пользоваться поучительными бесѣдами съ этимъ достопримѣчательнымъ человѣкомъ; «это» говоритъ авторъ «было лучшимъ основаніемъ для его послѣдующей славы, нежели два счастливые похода, какъ сознавался и самъ Шверинъ». Когда, въ-слѣдствіе штокгольмскаго мира, Померанія уступлена была Пруссіи, Шверинъ перешелъ въ прусскую службу генерал-майоромъ, и скоро достигъ высшихъ военныхъ степеней. При открытіи первой силезской войны, въ сраженіи при Мольвицѣ, онъ былъ уже генерал-фельдмаршаломъ, и съ этого времени имя его неразлучно съ именемъ Фридриха-Великаго. Изображеніе современной исторіи Пруссіи, которой сочиненіе Фарнгагена фон-Энзе служитъ прекраснымъ дополненіемъ, дѣлаетъ его еще болѣе занимательнымъ. Не такъ удачно обработана военная исторія, ибо, безъ самыхъ подробныхъ картъ, она едва-ли будетъ удовлетворительна для знатоковъ, а для прочей части читателей слишкомъ утомительна подробностями.

Жизнь Торквато Тасса, соч. Карла Штрекфуса. *Берлинъ. 1841.* (Torquato Tasso's Leben, von Karl

Streckfuss. Berlin. 1841).—Знаменитый переводчикъ Данта, Аріоста и Тасса (новѣйшее изданіе подъ названіемъ: *Образцовыя Произведенія Итальянской Поэзіи*, переведенныя Карломъ Штрекфусомъ, (Der Italienischen Dichtkunst Meisterwerke, übersetzt von K. Streckfuss. Ausgabe in 1 Bde in 4-to. Halle. 1841) предложилъ себѣ весьма трудную задачу, описать жизнь Тасса, изобразить страданія злополучнаго поэта. Эта трудная задача сдѣлалась еще труднѣе отъ-того, что авторъ по справедливости долженъ былъ оправдать герцога Альфонса Эсте и его сестеръ отъ неосновательнаго обвиненія въ жестокосердіи, взводимомъ на нихъ жаркими обожателями Тасса. Біографъ, чуждый всякаго пристрастія, не долженъ скрывать заблужденія своего героя; напротивъ, пусть онъ раскроетъ ихъ откровенно, справедливо, не забывая впрочемъ, что надъ окончившимъ свое земное поприще наше осужденіе безсильно. Въ дарованіяхъ и душевныхъ качествахъ Тасса не было равновѣсія; его творческому воображенію не доставало въ такой же степени благоразумія и твердой воли. Тщеславіе и неумѣніе подчиняться обстоятельствамъ, меланхолическій темпераментъ, болѣзненность тѣла, и наконецъ ложное положеніе въ свѣтѣ, — были причиною частаго нарушенія законовъ общежитія, иногда даже минутнаго забвенія важныхъ обязанностей и униженія его характера. Эту неполную жизнь, это нарушеніе равновѣсія моральныхъ силъ, дошедшее до болѣзненности, изображаетъ авторъ иногда съ нѣкоторымъ негодованіемъ противъ несчастнаго поэта; и часто, принимая сторону окружавшихъ его людей, конечно болѣе разсудительныхъ, но и не больныхъ, дѣлается его обвинителемъ. Сверхъ этого негодованія, неприличнаго въ отношеніи къ давно-умершему, въ изображеніи характера Тасса видна рука опытнаго художника. Авторъ пользовался при этомъ сочиненіи бумагами, недавно отъисканными графомъ Маріано Альберти въ Луккѣ.

Война и миръ. соч. Фридерики Бремеръ. *Переводъ съ шведскаго. Лейпцигъ. 1841* (Friderika Bremer. Streit und Friede. Aus dem Schwedischen. Leipzig. 1841).—Романы знаменитой шведской писательницы являются въ одно время въ трехъ различныхъ переводахъ, въ Лейпцигѣ, въ Берлинѣ и въ Гамбургѣ. Многіе ученые и талантливые писатели мучатъ себя нынѣче надъ выдумкою новыхъ сюжетовъ для романовъ, потому-что все старое кажется имъ уже изношеннымъ Они роются въ скучныхъ хроникахъ, прочитываютъ цѣлыя библіотеки, чтобъ найдти что-нибудь новое въ исторіи; тормошатъ всѣ науки и философію, чтобъ ими одушевить любовную интригу романа, предаютъ пыткѣ всѣ чувства, всѣ страсти, чтобъ возбудить любопытство читателя, представляютъ всевозможные ужасы, чтобъ произвести сильныя ощущенія, оскорбляютъ всѣ законы приличія и нравственности, чтобъ только добиться эффекта, — и вотъ твореніе женщины «*Очерки ежедневной жизни*» (Skizzen aus dem Alltagsleben), написанное безъискусственнымъ перомъ, вышибаетъ изъ сѣдла всѣхъ этихъ ратоборцевъ. Каждый читатель спѣшитъ прочесть это изображеніе сценъ и предметовъ, которые онъ можетъ встрѣтить и конечно встрѣчалъ ежедневно, но которые, при всемъ томъ, для него привлекательны своей вѣрностью и поэтическимъ разсказомъ. Послѣдняя повѣсть г-жи Бремеръ такъ же проста, какъ и предшествовавшія, и въ ней также интрига—вещь второстепенная. Вниманіе читателя поглощается прекраснымъ изображеніемъ нравовъ и обычаевъ Норвегіи, ея мѣстностей, климата, произрастеній. Описанія народныхъ празднествъ и танцевъ, преданій и повѣрій, чрезвычайно занимательны; характеры развиты вполнѣ; разговоры и споры главныхъ дѣйству-

ющихъ лицъ оживлены непринужденнымъ юморомъ. Даже домашнія животныя, птичій дворъ, описаны поэтически; сѣрые и бѣлые гусаки, которые также играли роль въ романѣ, оканчиваютъ его траги-комическимъ образомъ:—ихъ закалываютъ для свадебнаго пира. Эти *Очерки*, хоть въ нихъ нѣтъ ничего низкаго и пошлаго, а выставлено только благородное, не принадлежатъ къ числу нравоучительныхъ романовъ, которыхъ публика такъ справедливо боится. Они написаны для всѣхъ состояній, половъ и возрастовъ; ихъ будутъ читать и молодыя дѣвушки, для которыхъ такъ мало чтенія въ новѣйшей литературѣ,—женщина и мужчина, вельможа и простолюдинъ, житель столицы и провинціалъ; это прекрасная tableau de genre, которую всякій замѣтитъ въ галлереѣ и передъ которой всякій остановится.

Пастухъ (Der Schaafhirt, histor. Roman aus den Zeiten der Utrechter Stiftsfehde. 1481—83, von von der Hagen. Aus d. Holländ. übers. von O. L. B. Wolff. 6 Thle. Leipzig. 1841). Нѣмцы — муравьи въ области литературы. Нѣтъ ни одного уголка въ духовномъ развитіи другихъ народовъ, котораго бы они также не обработали. Названный нами романъ есть второй опытъ автора сдѣлаться Вальтеромъ Скоттомъ Голландіи. Шесть лѣтъ тому назадъ издалъ онъ подобное же сочиненіе, принятое публикою весьма благосклонно, подъ названіемъ «Дворецъ Лёвенштейнъ въ 1570 году». Нельзя оспоривать у автора изобрѣтательность и умѣнье обрисовывать характеры; но ему не достаетъ еще многаго, чтобъ стать наравнѣ съ своимъ образцомъ. Его описанія страждутъ подробностями болѣе нежели вальтер-скоттовскими, а его голландской жесткости и педантства не могъ избѣжать даже и искусный переводчикъ. Добрые характеры этого романа, при всей своей варварской храбрости, имѣютъ въ себѣ много сантиментальной слабости, а злые слишкомъ злы даже для себя. Содержаніе романа составляютъ споры архіепископа утрехтскаго, Давида Бургундскаго, съ отпавшими городами, а главныя дѣйствующія лица суть: Шаффеларъ, образецъ рыцарства, сражающійся за епископа, и мессиръ Перрольтъ, прозванный *Красная-Рука*, воплощенный дьяволъ, предводитель черной шайки (bande noire), держащій сторону городовъ. Причина ихъ личной ненависти — Марія, дочь кузнеца Вальтера и невѣста Шаффелара; Перрольтъ употребляетъ хитрость, силу, даже волшебство, чтобъ овладѣть ею. Оба умираютъ въ поединкѣ; но наказаніе еще прежде настигаетъ Перрольта, которымъ авторъ вообще занимается съ особенною любовію. Пастухъ Ральфъ—нѣчто въ родѣ deus ex machina, лицо второстепенное, хоть именемъ его и названъ романъ. Все сочиненіе довольно занимательно по удачной завязкѣ и по множеству характеровъ.

Стихотворенія Николая Беккера (Gedichte von Nicolaus Becker. Cöln. 1841).—Эта книжка, конечно, осталась бы незамѣченною во множествѣ отличныхъ лирическихъ произведеній, явившихся въ послѣднее время въ Германіи, еслибъ авторъ ея не былъ авторомъ пѣсни «Германскій Рейнъ» (Der Deutsche Rhein), пріобрѣтшей въ короткое время всеобщую извѣстность. Эта политическая пѣсня,—хотя пѣвецъ ея получилъ множество бокаловъ, благодарственныхъ посланій и другихъ знаковъ общаго одобренія, какъ отъ коронованныхъ особъ, такъ и отъ ихъ подданныхъ, — при ближайшемъ разсмотрѣніи оказывается весьма обыкновеннымъ произведеніемъ; это не болѣе, какъ голосъ идиллически-веселой души, и только. Всѣ произведенія автора носятъ на себѣ тотъ же отпечатокъ: всѣ они не болѣе, какъ пѣсенки очень звучныя въ пѣніи. Между многими мѣстами, исполненными естественности и чувства, встрѣчается еще болѣе совершенно-ничтожныхъ. Всѣ нѣсколько-

значительныя стихотворенія монотонны и вялы и показываютъ недостатокъ возвышеннаго взгляда и опытности.

Разнообразная Жизнь. Романъ, *соч.* Л. Мюльбаха (Bunte Welt. Roman, von L. Mühlbach. 2 Bde. Stuttgart. 1841).—Въ сочинительницѣ этого и многихъ другихъ романовъ, супругѣ даровитаго молодаго писателя, Теодора Мундта (въ Берлинѣ), видѣнъ талантъ, родной таланту Жоржа Занда, хотя обѣ писательницы рѣзко отличаются другъ отъ друга своею національностію. Германка спокойнѣе, не смотря на всю теплоту чувства и пламенность фантазіи, а Француженка, при недостаткѣ спокойствія, имѣетъ направленіе болѣе-практическое; поэтому въ твореніяхъ послѣдней болѣе практической жизни, между-тѣмъ, какъ у первой дѣйствительная жизнь одухотворяется сильнѣйшимъ чувствомъ. Любовь и бракъ, ограничивающій и утверждающій ее, составляютъ предметъ разсматриваемаго нами сочиненія, такъ же, какъ и большей части твореній женщинъ-писательницъ. Въ первыхъ романахъ, образъ мыслей г-жи Мундтъ былъ не совсѣмъ въ пользу брака; теперь же она рѣшительно признаетъ его учрежденіемъ облагороживающимъ и устроивающимъ жизнь человѣка. Это нисколько не служитъ доказательствомъ непостоянства ея характера, но показываетъ только, что всѣ повидимому писавшіе *противъ* брака, болѣе нападали на злоупотребленіе его, нежели на самое учрежденіе, и столько же заблуждались на этотъ счетъ сами, сколько вводили въ заблужденіе другихъ; даже весь продолжительный споръ между поборниками *эманципаціи* женщинъ и ихъ противниками происходилъ не отъ противоположныхъ мнѣній, но отъ недоразумѣнія. Романъ Л. Мюльбаха, или г-жи Мундтъ, конечно много будетъ содѣйствовать разсѣянію этихъ недоразумѣній, ибо сочинительница много разъ повторяетъ свое предложеніе, именно, что бракъ безъ любви не заключаетъ въ себѣ ничего нравственнаго, и потому не долженъ бы быть обязательнымъ, какимъ онъ теперь; она подтверждаетъ мнѣніе свое примѣрами изъ дѣйствительной жизни, которые и составляютъ содержаніе романа. Въ немъ изображены разнообразныя и перепутанныя между собою судьбы четырехъ мужчинъ и четырехъ женщинъ. Мужчины всѣ разныхъ націй: *Арманъ*—Французъ-республиканецъ, *Джюзепно*—Итальянецъ, *Нордгеймъ*—Нѣмецъ, и *Мэкдемъ*—Ирландецъ. Всѣ они были любимы и обмануты женщинами, но Итальянецъ считаетъ себя обиженнымъ болѣе всѣхъ. Разсказывая исторію своей молодости, онъ признается, что живетъ для того только, чтобъ мстить женщинамъ, и пребываніе его въ Лондонѣ (мѣсто дѣйствія романа) имѣетъ цѣлію удовлетвореніе этой страсти. Его мстительные замыслы, въ которые впутываются и другіе мужчины, преимущественно Нордгеймъ, составляютъ главный предметъ романа. Въ Нордгеймѣ представленъ по возможности совершеннѣйшій мужской характеръ, образованный страданіями, опытностію, просвѣщеннымъ и отъ природы возвышеннымъ умомъ; такъ же какъ графиня Эллинорь, любившая нѣкогда Итальянца, ея непорочная, хотя и рожденная внѣ брака дочь Аурелія, и Ирландка Эффи, представляютъ въ различныхъ видахъ совершенную женщину. Онѣ не выставляются здѣсь образцами строгой добродѣтели; напротивъ, женская натура ихъ развивалась въ необузданныхъ страстяхъ, и потому заблуждалась, страдала; опытность сдѣлала ихъ кроткими, благоразумными, и наконецъ истинная любовь, которая только въ бракѣ находитъ защиту и спокойствіе, — счастливыми. Хотя въ планѣ романа есть нѣкоторые недостатки, дѣйствіе бѣдно и развязка нѣсколько натянута; но при всемъ томъ нельзя не отдать справедливости необыкновенному остроумію, живому воображенію, изобрѣтательности и легкому, пріятному разсказу сочинительницы. Выводя дѣй-

ствующія лица своего романа на сцену въ такую эпоху ихъ жизни, когда участь каждаго уже дѣлается болѣе опредѣленною, она сдѣлала ошибку, которую тщетно старается исправить при помощи разсужденій и чувствительныхъ сценъ. Романъ требуетъ обширнѣйшей сцены; онъ долженъ представить начало, развитіе жизни человѣка и хоть часть пройденнаго имъ пути. Мужскіе характеры въъ этомъ романѣ, какъ и во всѣхъ романахъ, писанныхъ женщинами, довольно односторонни, женскіе же показываютъ глубокую наблюдательность и рѣдкое знаніе женскаго сердца.

—

ЛИТЕРАТУРНЫЯ ЗАМѢТКИ.

а) ИТАЛІЯ.

Никто не споритъ, что нынѣче преобладающая наука въ мірѣ — исторія. Вездѣ и во всемъ, она одерживаетъ верхъ.

Ка́къ далеки въ наше время Итальянцы отъ этого историческаго образованія, лучше всего можно видѣть изъ твореній ихъ новѣйшихъ поэтовъ. Нельзя не сознаться, что въ послѣдніе годы, преимущественно въ Сѣверной-Италіи, начали весьма ревностно заниматься историческими изъисканіями, чему несомнѣннымъ доказательствомъ служитъ множество «*историческихъ*» повѣстей Манцони, Розини и Цезаря Канту; но эти же опыты доказываютъ, ка́къ непривычно, ка́къ трудно имъ это поприще, какихъ усилій сто́итъ имъ обработка историческихъ матеріаловъ. Выписки изъ хроникъ, съ прибавленіемъ описанія одѣяній и кое-какихъ разговоровъ, не составляютъ еще эстетическаго произведенія.

Справедливость сказаннаго подтверждается и новыми драматическими опытами Итальянцевъ, являющихся въ весьма значительномъ числѣ: всѣ они относятся къ исторіи Италіи въ средніе вѣка и говорятъ о самосознаніи народа, о его симпатіи, и т. п. Сюда относятся: *Фоскарини* и *Джіованна де-Прочида*, соч. Николини, также трагедіи Сильвіо-Пеллико, написанныя имъ частію во время заключенія въ Шпильбергѣ, частію послѣ освобожденія изъ тюрьмы. Сверхъ-того, Маренко-да-Чева написалъ множество историческихъ драмъ, каковы: *Буондельмонте*, *Корсо Донати*, *Беренгаріо Аугусто* и *Чечилія ди-Баоне*. Туринецъ Бріано сдѣлалъ знаменитаго канцлера императора Фридриха героемъ драмы *Пьеръ делла-Винье*, а содержаніе другаго его творенія, *Семейство Ласкари*, заимствовано изъ генуэзской исторіи. Поэтъ Джюзеппо Ревера написалъ драму *Лоренцино Медичи*, принятую весьма благосклонно. Феличе Туротти написалъ трагедію «Il conte Anguissola», Карло Тедальди «La Beatrice Tenda», наконецъ Гіацинто Батталіо «Luisa Strozzi». Не будемъ осуждать стереотипную форму итальянскаго театра, сходную съ древнею французскою формою: она можетъ быть извиняема тѣмъ, что Итальянцы слишкомъ придерживаются образцовъ, каковы напр. Альфіери и другіе; но пожалѣемъ объ ограниченности историческаго взгляда ихъ поэтовъ, которые, заимствовавъ своихъ героевъ изъ исторіи, ставятъ ихъ совершенно внѣ того круга, тѣхъ отношеній, въ коихъ они дѣйствовали, и такимъ образомъ въ самомъ зародышѣ подавляютъ историческую истину и внутреннее развитіе драмы. Нѣкоторые изъ молодыхъ поэтовъ, кажется, сами почувствовали уже справедливость этого и предпочли въ своихъ твореніяхъ прозаическую рѣчь стихамъ. Гіацинто Батталіо отличается отъ всѣхъ болѣе правильнымъ взглядомъ на исторію; но съ другой стороны онъ слишкомъ-строго придерживается историческихъ фактовъ, и потому часто кажется принужденнымъ.

Итальянцы продолжаютъ по-прежнему теоретически обработывать музыку, свое давнишнее искусство. Изъ новѣйшихъ сочиненій о музыкѣ замѣчательно вышедшее въ Неаполѣ «Memorie di Compositori di Musica del Regno di Napoli, racolte dal Marchese di Villarosa», также «Teoriche elementari di Musica», соч. Alessandro Mampieri,—собственно только музыкальная грамматика.

b) **ИСПАНІЯ И ПОРТУГАЛІЯ.**

Въ Испаніи, такъ же, какъ и въ другихъ странахъ, большая часть литературной дѣятельности обращена на сокровища, собранныя минувшими временами; обработка ихъ была до сего времени замедляема неблагопріятными обстоятельствами. Броженіе и положительное направленіе нашего времени побуждаютъ къ безпристрастному взгляду на прошедшее. Королевская Академія Исторіи въ Мадридѣ очень дѣятельна въ этомъ отношеніи. Изданіе актовъ кортесовъ прошедшихъ столѣтій продолжается дѣятельно; сверхъ того вышла хроника Alonzo de Palencier, лѣтописца XV вѣка, заключающая въ себѣ царствованіе Генриха IV.

Вышла первая часть сочиненія Квинто: *Политическія разсужденія о законодательствѣ и исторіи древняго Аррагонскаго Государства* (Quinto, Discursos politicos sobre la legislacion y la Historia del antiquo Regno de Arragon), заслужившая всеобщее одобреніе своею основательною ученостію и здравою критикою. Не менѣе замѣчательны *Историческія легенды и преданія* Зорилья (Zorilla, Legendas y tradiciones historicos). — Исторія цивилизаціи въ Испаніи, дона Евгенія де-Тапса — сочиненіе умное и обширное. — Антоніо Кеведо переводитъ исторію войны коммуверосовъ (communeros) при Карлѣ V, написанную современникомъ Мальдокадо въ XVI столѣтіи, на латинскомъ языкѣ. Это сочиненіе, составленное въ-весьма свободномъ духѣ, не могло быть издано до сего времени: переводчикъ обогатилъ свой трудъ многими остроумными примѣчаніями. — Ученое общество въ Барцелонѣ предпринимаетъ изданіе географическаго, статистическаго и историческаго словаря Испаніи и ея теперешнихъ колоній, основаннаго на статистическихъ матеріалахъ, находящихся въ рукахъ правительства.—Еще недавно вышли: *Біографическій Лексиконъ Испанскихъ Архитекторовъ*, соч. Лагуноса, съ дополненіями Хуана Бермудеца, заключающій въ себѣ любопытныя подробности относительно исторіи севильской рисовальной школы; *Словарь Древнихъ Испанскихъ Языковъ* (Tarraconense, Betica y Lusitana), дона Мигуэля Кортецъ-и-Лопецъ. — Саларъ, морской министръ Фердинанда VII, сдѣлался исторіографомъ и панегиристомъ любимаго зрѣлища испанскаго народа — сраженія съ быками, издавъ небольшую книжку, въ которой старается доказать, что это народное увеселеніе — самое невинное препровожденіе времени, даже полезное занятіе, и потому должно быть покровительствуемо правительствомъ. — Эспартеро воспѣтъ въ героической поэмѣ «Luchana», написанной рифмованною прозою. Но гораздо удачнѣе драма молодаго испанскаго поэта Рибота *Христоваль Колонъ* (Christoval Colon o las glorias Espannolas), уже игранная съ большимъ успѣхомъ на театрѣ и нынѣ явившаяся въ печати.—Въ послѣднее время показалось весьма-много переводовъ большею частію съ итальянскаго и французскаго. «Исторія Французской Революціи» Тьера вышла вдругъ въ трехъ переводахъ. Прекрасное твореніе Англичанина Милля, *Начала Политической Экономіи*, переведено на испанскій языкъ, но не съ подлинника, а съ французскаго перевода, Энцикомъ-и-Пьедра.—Изъ періодическихъ изданій упомянемъ о ежемѣсячномъ *el Mentor* и еженедѣльномъ *el Seminario industrial*, — журналѣ, относящемся до земледѣлія,

ремеслъ и всего, что можетъ содѣйствовать развитію народнаго богатства.

Въ Португаліи также пробуждается дѣятельность литературная. Въ Опорто издается ежемѣсячно *Литературное и Историческое Обозрѣніе*, и въ послѣднихъ нумерахъ его между-прочимъ заключается описаніе экспедиціи короля въ Тангеръ въ 1437 году, превосходная статья объ исторіи и статистикѣ Макао, и любопытныя извѣстія о древнихъ португальскихъ поэтахъ.— Антоніо Моура, издавшій въ 1832 году португальскій переводъ исторіи Африки Аби-эль-Галима (арабскаго историка XIII-го столѣтія), перевелъ теперь вполнѣ оригинальное твореніе Ибн-Батута, изъ котораго извлеченіе было обнародовано въ 1829 году кембриджскимъ профессоромъ Ли.

с) ВОСТОЧНАЯ ЛИТЕРАТУРА.

Востокъ — міръ неподвижности и покоя; поэтому, если вы говорите о его успѣхахъ, образованности, литературѣ, это вѣрно относится къ трудамъ Европейцевъ, избравшихъ его предметомъ своихъ занятій. Представляемъ краткое обозрѣніе недавнихъ трудовъ европейскихъ ученыхъ относительно языковъ и древнѣйшей литературы Востока.

Прежде всего упомянемъ о предпріятіяхъ Лондонскаго Комитета Переводовъ съ Восточныхъ Языковъ. Нынѣче имъ окончены уже и печатаются на собственное его иждивеніе слѣдующія книги: *Исторія мухаммеданскихъ династій въ Испаніи, Аль Манкари*, переводъ Паскаля де Гаянгосъ; *Массуди* (Золотые Луга и Серебряные Рудники), переводъ доктора Шпренгера; *Сама-Веда*, переводъ доктора Стефенсона; *Макризи*, *Исторія мамелюкскихъ султановъ* въ Египтѣ, переводъ Катрмера (Quatremère); *Гаджи Калифа Библіографическій Словарь*, переводъ профессора Флюгеля. Начатый покойнымъ профессоромъ Ши (Shea) переводъ *Дабистана* продолжается капитаномъ Тройеромъ. Всѣ эти книги скоро выйдутъ въ свѣтъ.—По части турецкаго языкознанія и литературы знаменитый оріенталистъ Гаммеръ издалъ, подъ заглавіемъ «*Baznahmeh*», любопытную турецкую рукопись о соколиной охотѣ, съ нѣмецкимъ переводомъ. — Между-тѣмъ, какъ въ Константинополѣ, по повелѣнію бывшаго великаго визиря Хозрева, напечатана на турецкомъ языкѣ французская грамматика, г. Берсвордъ въ Берлинѣ издалъ турецкую грамматику на турецкомъ языкѣ, Бьянки въ Парижѣ — *Guide de la conversation en français et en turc* и французско-турецкій словарь; наконецъ князь Ханджери (о которомъ мы говорили уже) также турецкій словарь, основаніемъ коему служилъ словарь Французской-Академіи.

Также много сдѣлано въ послѣднее время европейскими учеными для изученія древнихъ персидскихъ языковъ: тщательно скопировано и собрано значительное количество гвоздеобразныхъ надписей. Разбираніемъ этихъ надписей успѣшно занимался нѣмецкій филологъ Гротефендъ въ Ганноверѣ.—Бюрнуфъ въ Парижѣ и Лассенъ въ Боннѣ издали комментаріи на надписи, собранныя Нибуромъ на развалинахъ Персеполя; результаты изслѣдованій этихъ обоихъ ученыхъ, занимавшихся независимо одинъ отъ другаго, согласны между собою, и это показываетъ, какъ важны эти надписи для географіи и исторіи древняго Персидскаго Государства. Новѣйшій путешественникъ Ролинсонъ собралъ въ Западной Персіи множество до сего времени неизвѣстныхъ надписей; многія извѣстныя вновь скопировалъ съ большою точностію, и по возвращеніи своемъ намѣренъ предоставить Лондонскому Королевскому Азіатскому Обществу изданіе ихъ.

Бюрнуфъ, въ Парижѣ, издаетъ рядъ монографій о разныхъ мѣстахъ изъ

книгъ Зороастра и другихъ сочиненій зендскаго языка. Важность точнѣйшаго изученіи зендскаго языка для сравнительной грамматики дѣлается болѣе и болѣе очевидною. Въ послѣднее время англійскій оріенталистъ Боллерсъ воспользовался имъ при составленіи своей новой персидской грамматики.

Лонперрье́, въ Парижѣ, весьма-удачно воспользовался языкомъ pehlwi (особымъ персидскимъ нарѣчіемъ, образовавшимся изъ зендскаго языка) для разбора надписей на монетахъ царей изъ династіи сассанидовъ.

Въ литературѣ *Индіи* въ наше время замѣтна также большая дѣятельность. Въ послѣдніе 20 лѣтъ переведены въ Индіи на бенгальскій языкъ 175 англійскихъ книгъ; большею частію по предмету законовѣдѣнія, религіи, философіи и медицины. Въ журналѣ «Friend of India», издаваемомъ миссіонерами, нѣкогда изъявлено было желаніе, чтобъ изданіе книгъ на народномъ языкѣ было ограничено, ибо часто онѣ распространяютъ только заблужденія и возбуждаютъ страсти. Дай-Богъ, чтобъ желаніе это не исполнилось! Англійское правительство само подаетъ этому благой примѣръ. Весьма-недавно генерал-губернаторъ назначилъ въ распоряженіе Калькуттскаго Комитета Народнаго Просвѣщенія ежегодно 160,000 рублей, чтобъ дать ему возможность привести въ исполненіе давно уже предположенныя улучшенія индійскихъ и мухаммеданскихъ школъ въ Калькуттѣ, Дели, Бенаресѣ и Агрѣ, и преимущественно для учрежденія нормальныхъ школъ, въ которыхъ приготовлялись бы хорошіе наставники. Смерть неутомимаго англійскаго оріенталиста Принсепа (*James Princep*), послѣдовавшая въ прошломъ году (*) — великая потеря для индійской литературы. Калькуттское Азіатское Общество заказало Чентрею (Chantrey) бюстъ его, который и будетъ поставленъ въ залѣ общества. Городъ Калькутта строитъ въ честь его великолѣпный ghat (родъ лѣстницы, ведущей въ рѣку) близъ Гугли; медицинская калькуттская школа украсила его именемъ свои медали, раздаваемыя въ награду воспитанникамъ, а браминъ *Сародапрасадъ* написалъ на смерть его стихи на санскритскомъ языкѣ.

(*) См. Отеч. Зап. Томъ XV. стр. 85, Смѣсь)

На бенгальскомъ языкѣ нынѣ издаются слѣдующіе журналы:

Semedscheh Darpan (Зеркало Образованности), первый журналъ на народномъ языкѣ, основанный 23 мая 1818 года миссіонерами въ Серампурѣ. —Послѣ него браминъ Бабу-Банардши (Babu Banardschi) основалъ новый журналъ подъ названіемъ *Samortschar Tschandricka* (Лунное Зданіе Новостей). —По свѣдѣніямъ, сообщеннымъ журналомъ *Christian Observer*, число выходящихъ нынѣ въ Индіи журналовъ простирается до 12-ти; изъ нихъ два выходятъ ежедневно, кромѣ воскресенья; одинъ два раза въ мѣсяцъ, прочіе еженедѣльно. Они издаются Индійцами и печатаются въ индійскихъ типографіяхъ. До-сихъ-поръ они печатаются еще со множествомъ ошибокъ, но замѣтно улучшаются въ-отношеніи къ языку. Многіе изъ этихъ журналовъ такъ же скоро исчезаютъ, какъ и появляются. Изъ числа ихъ замѣтимъ еще два журнала *Sambod Pernutschandrodoy* (Полнолуніе Разума) и *Sambod Arunodoy* (Заря Разума), издаваемые однимъ и тѣмъ же лицомъ. Послѣдній является ежедневно и составляетъ оппозицію противъ англійскаго правительства. На англійскомъ языкѣ издается Мак-Клеллендомъ журналъ по предмету натуральной исторіи Индіи, подъ названіемъ *Calcutta Journal of Natural History* (Калькуттскій Журналъ Натуральной Исторіи).

Съ величайшею дѣятельностію занимаются нынѣ изученіемъ китайскаго языка и литературы, чему много способствовала политическая важность, которую пріобрѣлъ теперь Китай въ-отношеніи къ Европѣ. Профессоръ Моль въ Парижѣ издалъ вторую и послѣднюю часть латинскаго перевода *y-King*. Станиславъ Жюльенъ трудится для Лондонскаго Китайскаго Общества надъ французскимъ переводомъ *Li-ki*, и сверхъ-того переводитъ описаніе путешествія въ Индію буддистскаго жреца *Hi-uen-tsang*, въ концѣ VII-го столѣтія. Эдуардъ Біо, въ Парижѣ, объявилъ объ изданіи словаря древнихъ и новыхъ названій городовъ и провинцій Китайской-Имперіи, а Базенъ, переводчикъ «Китайскаго Театра», готовитъ курсъ новѣйшаго китайскаго языка. Изъ собраній китайскихъ романовъ и повѣстей особенно замѣчательны переведенные на французскій языкъ Пави (Pavie) и на англійскій Робертомъ Томомъ (псевдонимъ Sloth).—Изъ словарей китайскаго языка достойны замѣчанія только: изданный миссіонеромъ Медгорстомъ (Medhurst) для нарѣчія Fokien, и Морисономъ для кантонскаго нарѣчія. — Еще въ 1839 году вышла китайская хрестоматія, въ 4-ю долю листа, напечатанная въ Кантонѣ, безъ имени сочинителя. Она заключаетъ въ себѣ разговоры о различныхъ предметахъ, съ англійскимъ переводомъ и съ означеніемъ китайскаго произношенія посредствомъ латинскихъ буквъ.— Гораздо-важнѣе составленный умершимъ епископомъ изврополисскимъ Таберомъ и изданный на иждивеніи Калькуттскаго Общества Словесности *Dictionarium anamitico-latinum et latino-anamiticum* въ двухъ томахъ, въ 4-ю долю листа, съ приложеніемъ краткой исторіи, грамматики и флоры кохинхинской, разговоровъ на кохинхинскомъ языкѣ и прекрасной карты. — Упомянемъ также объ изданіи *Tao—te—king*, соч. *Lao—tse—ou*, ученымъ синологомъ Потьё, въ Парижѣ; къ этой книгѣ Марсель Легранъ выгравировалъ, подъ руководствомъ Потьё, полную китайскую азбуку. Королевская парижская типографія также пріобрѣла двѣ полныя китайскія азбуки, отлитыя въ провинціи *Se-tschuen*.

Даже и малайскій языкъ обратилъ на себя въ послѣднее время вниманіе ученыхъ. Голландскій натуралистъ Роорда фан-Эйзинга издалъ ручную книжку для тѣхъ, кто хочетъ пріобрѣсть нѣкоторыя, необходимыя для разговора свѣдѣнія въ этомъ языкѣ. Онъ употребилъ латинскія буквы, чтобъ избавить отъ труда изучать малайскія письмена. Для основательнѣйшаго изученія этого языка могутъ служить грамматика и словарь, изданные миссіонеромъ Марсденомъ. Роорда говоритъ, что малайскій языкъ очень мягокъ и пріятенъ; поэзія его очень проста, и имѣетъ только два рода сочиненій: *Pantou* и *Sayar*; послѣдній перешелъ отъ Арабовъ, и заключаетъ въ себѣ басни, романы и большія легенды. Прозаическая литература малайская богаче ихъ поэзіи, хоть все еще незначительна.—Княжескія и вообще знатныя фамиліи на островѣ Явѣ владѣютъ чисто-малайскими рукописями, съ которыми обходятся чрезвычайно-почтительно и почитаютъ ихъ талисманами.—Они и составляютъ аристократію, образуемую учителями, жрецами и князьями островитянъ. Одинъ изъ важнѣйшихъ и наиболѣе-уважаемыхъ малайскихъ писателей есть *Makota segalla Radja* (вѣнецъ всѣхъ царей). Роорда напечаталъ голландскій переводъ его сочиненія. Оно состоитъ изъ 24 отдѣленій, и содержитъ въ себѣ извлеченія изъ множества литературныхъ и политическихъ сочиненій. Для князей и вельможъ малайскихъ книга эта то же, что для насъ библія. Историческія сочиненія Малайцевъ не заслуживаютъ никакого довѣрія въ ученомъ отношеніи, но любопытны по изображенію нравовъ и обычаевъ народа.—Относительно эѳіопскаго языка замѣтимъ, что путешественникъ Аббади, давно уже

живущій въ Абиссиніи, прислалъ Парижскому Азіатскому Обществу богатый сравнительный словарь четырехъ ѳеіопскихъ нарѣчій и языка Галласцевъ. Словарь этотъ напечатается какъ скоро отлиты будутъ буквы. — Оріенталистъ Рёдигеръ, въ Галлѣ, давно уже трудится надъ составленіемъ ѳеіопской хрестоматіи.

Не останавливаясь на другихъ ученыхъ трудахъ англійскихъ, французскихъ и нѣмецкихъ оріенталистовъ, совершаемыхъ по отдѣльнымъ отраслямъ наукъ, каковы труды нѣмецкихъ ученыхъ: Шлегеля, Бётлинга, Боппа, Моля, Фрейтага, Лассена, Козегартена, Габеленца, Флейшера и другихъ, — назовемъ недавно-вышедшую въ Лейпцигѣ Bibliotheca orientalis, Ценкера, полный каталогъ литературъ арабской, персидской, турецкой, индійской, китайской и другихъ азіатскихъ, отъ изобрѣтенія книгопечатанія до нашихъ временъ.

---

2. ФРАНЦУЗСКАЯ ЛИТЕРАТУРА.

Если въ послѣдней статьѣ о французской литературѣ мы старались доказать, что лирическая поэзія еще не совсѣмъ умерла во Франціи, то объ эпической, напротивъ, рѣшительно думаемъ, что она никогда не существовала у Французовъ. У Грековъ была «Иліада» и «Одиссея», у Римлянъ «Энеида», у Итальянцевъ есть «Божественная Комедія», «Неистовый Роландъ», «Освобожденный Іерусалимъ», у Англичанъ «Царица Фей» (Fairy Queen) и «Потерянный Рай», у Германцевъ «Нибелунги», «Персиваль» и «Титурель», въ позднѣйшія времена клопштокова «Мессіада», и наконецъ «Оберонъ» Виланда, у Испанцевъ «Араукана», у Португальцевъ «Лузіада», у Индійцевъ «Махабарата» и «Рамаяна»; — у Персовъ «Шахъ Намè» (Книга Царей), Французы-же могутъ назвать только одну «Генріаду», Вольтера, т. е. почти ничего. Конечно, у Французовъ, такъ же какъ и у всякой другой націи, есть множество неудачныхъ эпическихъ попытокъ изъ всѣхъ эпохъ ихъ исторіи, которыя носятъ въ заглавіи замѣчательнѣйшія имена среднихъ вѣковъ, съ окончаніями на *ода*, *еида*, *ида*, и *іода*, начиная съ ронсаровой «Франсіады» до вьеннетовой «Филиппиды». — Но всѣ эти творенія давно уже погрузились въ забвеніе. Недостаетъ ли нашему времени предметовъ или вдохновенія для эпической поэзіи, — вымерли ли эпическіе поэты, нужно ли обождать еще нѣсколько времени, чтобъ произведенія современныхъ поэтовъ явились совершенно зрѣлыми? Пусть читатель самъ разрѣшитъ для себя эти вопросы; мы же думаемъ, что въ наше время эпическое вдохновеніе избрало для себя болѣе легкую форму, и, принимая возвышенный полетъ, какъ напр. въ «Фритіофъ-Сагѣ», Тегнéра, въ «Послѣднемъ Рыцарѣ», Анастазія Грюна, въ «Полтавѣ», Пушкина и въ другихъ подобныхъ твореніяхъ, оно всегда теряется въ формѣ романсовъ. — Французы до сего времени не сдѣлали еще ничего, чтобъ пополнить недостатокъ въ своей національной эпопеѣ, и вообще въ эпической поэзіи новѣйшаго времени, хотя поэмы Эдгара Кинè: «Ahasver», «Napoléon» и «Promethée», эпическое стихотвореніе Ламартина «La chûte d'un ange» (une veritable chûte!), «Eloa» Альфреда Девиньи, не говоря уже о произведеніяхъ менѣе замѣчательныхъ, повидимому доказываютъ противное. Но вотъ, въ началѣ 1841 года являются два тома, подъ заглавіемъ: *La divine Epopée*, *par Alexandre Soumet*, заключающіе въ себѣ до 12,000 александрійскихъ стиховъ, и съ эпиграфомъ: «La lyre peut chanter tout ce que l'âme rêve». Это явленіе съ перваго взгляда показалось намъ анахронизмомъ, и собственное признаніе автора, что онъ употребилъ на это твореніе пятнадцать лѣтъ своей жизни, подтвердило наше мнѣніе. Не произнося еще сужденія объ этомъ произведеніи, доказывающемъ неимовѣрное трудолюбіе и терпѣніе, мы изложимъ прежде хоть часть содержанія его. Оно начинается описаніемъ безпредѣльныхъ небесныхъ пространствъ; время существованія вещественнаго міра уже прошло, земля обратилась въ первобытный хаосъ, и изъ всѣхъ созданій Творца остались только рай и адъ. Поэтъ

вводитъ насъ въ небо, гдѣ души праведниковъ вкушаютъ высочайшее блаженство. Но посреди всеобщаго, безпредѣльнаго счастія, одна душа скорбитъ, мучимая воспоминаніемъ земной любви, которая не оставляетъ ея даже въ райскомъ жилищѣ. Семида, послѣдняя женщина, какъ первая женщина Евва, надѣлена была отъ природы, совершавшей процессъ разрушенія, всѣми прелестями, всею обворожительностію своего пола. Пятнадцатилѣтняя дѣвушка одиноко гуляетъ въ благоухающихъ садахъ рая; голосъ ея не смѣшивается съ хорами серафимовъ, и уста ея тихо шепчутъ какое-то неизвѣстное имя. Изъ всѣхъ избранныхъ, сочувствующихъ горести Семиды, наибольшее участіе обнаруживаетъ одна святая, которая спрашиваетъ ее о причинѣ ея скорби. Семида съ робостію открываетъ ей свое сердце; святая совѣтуетъ ей обратиться къ небесному Утѣшителю. Семида слѣдуетъ этому совѣту, но какова горесть ея, когда она слышитъ, что Идамеель, дерзнувшій противиться опредѣленію Бога, въ наказаніе за свое высокомѣріе ввергнутъ во тьму ада! Въ адѣ Идамеель поднялъ знамя мятежа противъ сатаны, побѣдилъ его и занялъ его мѣсто.—Скорбь Семиды при этомъ извѣстіи такъ велика, что сообщается всѣмъ обитателямъ рая, и верховный небожитель, тронутый ея мольбами, испрашиваетъ наконецъ у всеблагаго Творца трудное порученіе избавить грѣшниковъ, осужденныхъ на вѣчныя мученія.—Такимъ образомъ поэтъ ведетъ насъ въ глубину преисподней, которую онъ, такъ же какъ и Данте, раздѣляетъ на девять странъ, и въ которой Идамеель царствуетъ вмѣсто сатаны. Идамеель составляетъ совершенную противоположность съ Семидою. Пылая ненавистію и местію противъ неба, похитившаго у него драгоцѣнное перло, Семиду, онъ наружно украшенъ всѣмъ ужасно-величественнымъ великолѣпіемъ ада. Приближается годовщина побѣды его надъ сатаною, и сфинксъ, символъ сомнѣнія и ироніи, спрашиваетъ его приказаній на счётъ празднества, которымъ должно праздновать этотъ день. Адская оргія оканчивается разсказами жителей ада о преступленіяхъ, совершенныхъ ими во время земной жизни; Неронъ и Дон-Хуанъ заключаютъ собою рядъ страшныхъ повѣствованій, и наконецъ сфинксъ вызываетъ самаго владыку ада повѣдать подданнымъ своимъ исторію своего земнаго странствія. По приказанію Идамееля, 300 альмей приносятъ три мѣдныя доски, на которыхъ онъ начертываетъ исторію своей жизни, и сфинсъ читаетъ ее предъ всѣми жителями ада.

Идамеель, послѣдній сынъ земли, родился въ то время, когда всѣ признаки предвѣщали уже близкій конецъ міра. Одаренный въ высочайшей степени умственными способностями, онъ взросъ въ пещерѣ на о. Элефантѣ, подъ надзоромъ одного еврейскаго раввина, который обладалъ глубокою ученостію и посвятилъ питомца своего во всѣ таинства науки.—Идамеель исполинскими шагами прошелъ всѣ степени человѣческаго знанія, но не постигъ конечной причины вещей, этой неразрѣшимой загадки. Тщетно старался онъ исторгнуть у неба тайну его, чтобъ обновить умирающую землю. Проклиная безсиліе свое, онъ оставляетъ Элефанту, и странствуетъ по землѣ, которая разрушается подъ его стопами; такимъ образомъ достигаетъ онъ горы Арарата, послѣдняго убѣжища жизни. Престарѣлый пророкъ Клеоѳаноръ, стражъ священнаго ковчега, хранящагося на вершинѣ горы, гостепріимно принимаетъ его въ своемъ шатрѣ. Семида, дочь пророка, обворожила сердце Идамееля своею цвѣтущею красотою. Узнавъ, что она обречена отцомъ на вѣчное дѣвство, онъ сперва старается похитить ее у неба, но мысль о близкомъ концѣ міра заставляетъ его стараться побѣдить страсть свою, чтобъ не населять могилъ. Однажды, не смотря на запрещеніе Клеоѳанора, онъ взошелъ на вершину

Арарата, попалъ во внутренность ковчега, и тутъ допотопная сфера, служившая моделью нашей землѣ, открываетъ ему тайну творенія. Теперь онъ въ силахъ обновить землю; ободренный своимъ открытіемъ, онъ идетъ къ Семидѣ, предлагаетъ ей драгоцѣнный талисманъ какъ приданое, и проситъ отца благословить ихъ союзъ. Старикъ, раздраженный нарушеніемъ его запрещенія, узнаетъ въ Идамеелѣ Антихриста, вырываетъ изъ преступныхъ рукъ священную золотую сферу, разбиваетъ ее объ скалу, и снова обрекаетъ дочь свою небу. — Вторично проклятый Идамеель бѣжитъ въ Египетъ, гдѣ силою своихъ познаній удерживаетъ еще остатки человѣческаго рода и обновляетъ землю. Его избираютъ царемъ и онъ основываетъ городъ для своихъ новыхъ подданныхъ; съ помощію искусственныхъ крыльевъ облетаетъ онъ землю, чтобъ собрать послѣдніе остатки всѣхъ породъ животныхъ и перенесть ихъ въ Идамеельполисъ. На Островѣ Св. Елены онъ вызываетъ изъ могилы Наполеона для совѣщанія о судьбѣ будущихъ государствъ. Наконецъ, онъ возвращается въ свое новое царство, но находитъ твореніе свое несовершеннымъ:—женщины его царства безплодны. Только Семида можетъ населить землю, и онъ возвращается на Араратъ, чтобъ достигнуть обладанія ею. Въ минуту его прихода умираетъ старый пророкъ. Таинственная арфа, левъ и ангелъ-хранитель, вотъ средства, которыя остались Семидѣ для защиты противъ искусителя. Идамеель употребляетъ все могущество своего краснорѣчія, чтобъ убѣдить ее не дать угаснуть человѣчеству. Уже близкая къ паденію, она призываетъ своего ангела-хранителя Элоима; чтобъ избавиться отъ обольстителя, она бросается на руки ангела и, пораженная блескомъ небеснаго сіянія, умираетъ. — Отчаяніе овладѣло Идамеелемъ; онъ оставляетъ свое твореніе, и солнце вновь хладѣетъ. Ангелы предаютъ землѣ тѣло Семиды, воспѣвая ей хвалу, и смерть разстилаетъ покровъ свой на все твореніе.

Мы не будемъ разбирать всѣхъ подробностей поэмы, всѣхъ вымысловъ пылкой фантазіи сочинителя, его рая съ чудесною птицею Алексаноръ, его кустарника Мелофлора, котораго листья суть музыкальные аккорды, а цвѣты трели или звуки органа, его чуднаго Argyrose (розоваго серебра), изъ котораго выстроены дворцы ангеловъ, его исполинскаго органа, extaseon, сопровождающаго пѣніе тысячей ангеловъ, и еще менѣе истинныя колоссально-ужасныя явленія ада, передъ которыми Walpurgisnachtstraum Гёте не болѣе, какъ игрушка. Здѣсь мы сдѣлаемъ нѣсколько общихъ замѣчаній, какъ о вымыслѣ, такъ и о планѣ поэмы г. Александра Сумé «La Divine Epopée». Основная мысль всего творенія уже не нова. Даже въ новѣйшей французской литературѣ вы встрѣтите подобный сюжетъ въ твореніи Гранвилля, «le Dernier Homme», а въ «Eloa», Альфреда Девиньи и въ Рахели Кинé (въ Ahasver) увидите типъ Семиды. Идамеель принадлежитъ уже болѣе самому Сумѐ, хотя и на него имѣли вліяніе Сатана Мильтона и Прометей Кинé. Но, не входя въ дальнѣйшее изслѣдованіе, принадлежитъ ли вымыселъ самому автору, или нѣтъ, разсмотримъ, удовлетворяетъ ли его твореніе, въ настоящемъ своемъ видѣ, всѣмъ требованіямъ эпопеи? Метафизика не есть искусство, и философскія отвлеченія не составляютъ поэзіи. Мы ничего не скажемъ противъ *чудеснаго*, которымъ исполнена поэма Сумé, ибо эпическій поэтъ необходимо долженъ пользоваться *чудеснымъ* въ той степени, въ какой оно освящено народнымъ вѣрованіемъ, чтобъ сильнѣе дѣйствовать на воображеніе читателя. Но въ этомъ *чудесномъ* должно быть нѣчто правдоподобное, человѣческое, сходное съ нашими чувствами и понятіями; поэтъ долженъ отъ времени до времени касаться земли, чтобъ она сочувствовала ему. Данте обработалъ также предметъ, лежащій внѣ воз-

можности, но при всемъ томъ, гдѣ можно найдти болѣе дѣйствительности, какъ не въ его безсмертномъ твореніи? Образы и сравненія Данте безпрестанно напоминаютъ собою дѣйствительный міръ, и видъ, движенія, слова его фантастическихъ существъ возможны, естественны, даже истинны въ смыслѣ искусства. Онъ вездѣ ясенъ и опредѣлителенъ, и если нѣкоторыя мѣста для насъ темны и непонятны,—это отъ-того, что они, вѣроятно, имѣли какой-либо мистическій или историческій смыслъ, для насъ теперь потерянный. Совершенно противное встрѣчаете вы въ 12-ти безконечныхъ пѣсняхъ Александра Сумè. Конечно, онъ богатъ звучными стихами и блестящими описаніями, но этотъ блескъ, эта звучность составляютъ единственное достоинство сочиненія. Все расположеніе его рѣшительно неудачно; нигдѣ не видно изученія природы, даже старанія выбирать выраженія, соотвѣтствующія предмету; описанія и картины неопредѣлительны, неясны и не представляютъ точнаго изображенія вещей, которыя хотѣлъ представить авторъ. Притомъ же, слогъ его есть смѣшеніе жеманной принужденности и непомѣрной напыщенности, производящихъ самое непріятное впечатлѣніе. Чтобъ дать нѣкоторое понятіе о здравомъ смыслѣ его метафоръ, приведемъ одно мѣсто изъ описанія ада, гдѣ онъ говоритъ, что каждая пещера, каждый родникъ скрываютъ въ себѣ какое-либо чудовище, урода, который

Tremble comme une perle au fond des mers de l'Inde
Ou comme un beau lotus dans les lacs de Mélinde.

Какая связь между жемчужиною или цвѣткомъ лотуса въ волшебномъ озерѣ и дракономъ, гнѣздящимся въ мрачной пещерѣ ада?... Далѣе, блуждающія души грѣшниковъ (въ числѣ которыхъ находится и душа Байрона!) сравниваются съ роемъ стрекозъ, летающихъ надъ озерами и качающихся на цвѣтахъ ненуѳара. Между вѣтвями фантастическихъ растеній рая, вмѣсто птицъ, летаютъ млечно-бѣлыя души младенцевъ, умершихъ при рожденіи и прозрѣвшихъ (?) только въ раю. Мы уже выше привели нѣсколько примѣровъ новоизобрѣтенной терминологіи автора. Весьма часто въ одномъ и томъ же стихѣ натянутость классической поэзіи стоитъ рядомъ съ колоссальными преувеличеніями французскихъ романистовъ, что производитъ также непріятное впечатлѣніе. Наконецъ, всѣ описанія и разговоры такъ непомѣрно-длинны, что надо имѣть большую силу воли, чтобъ прочесть до конца поэму, которая, безъ малѣйшаго вреда дѣйствію и цѣлости своей, могла бы быть сокращена въ половину настоящаго своего объема. Недостатокъ занимательности въ дѣйствіи, которое происходитъ внѣ предѣловъ времени и пространства, долженъ бы былъ убѣдить г-на Сумè въ необходимости быть умѣреннѣе въ подробностяхъ. Если онъ думаетъ, что неясный, напыщенный слогъ болѣе идетъ къ сверхестественнымъ идеямъ его стихотворенія, то онъ ошибается, потому-что чѣмъ отвлеченнѣе мысль, тѣмъ яснѣе должно быть изложеніе, и поэтъ обязанъ неопредѣлительныя идеи выразить въ опредѣлительныхъ формахъ. Sesquipedalia verba Горація совершенно идутъ къ г. Сумè, который иногда говоритъ въ какомъ-то поэтическомъ лихорадочномъ бреду. Впрочемъ, мы были бы болѣе нежели несправедливы, если бы сказали, что изъ двѣнадцати тысячь стиховъ его нельзя выбрать нѣсколькихъ хорошихъ мѣстъ. Невозможно отвергать поэтическаго достоинства и въ изображеніи кокетки, которая охотно переноситъ муки, причиняемыя ей огненно-бриллянтовыми украшеніями, чтобъ только сохранить красоту свою,—преступника, спускающагося въ колодезь по цѣпи, которой каждое звѣно есть какое-нибудь изъ его злодѣяній,—въ разсказѣ Нерона и во многихъ другихъ эпизодахъ. Можно ли сказать, что «la Divine Epopée» восполняетъ собою

недостатокъ эпопеи во Франціи, и что авторъ ея свободенъ отъ погрѣшностей своихъ предшественниковъ?

Въ послѣднемъ отчетѣ о французской литературѣ, мы упомянули о множествѣ эфемерныхъ періодическихъ изданій, которыя привлекаютъ публику заманчивыми названіями. Теперь обратимъ вниманіе на нѣкоторыя важнѣйшія явленія въ области «ливрезонной» литературы.

Histoire-musée de la republique française depuis l'assemblée des notables jusqu'à l'empire, par Augustin Challamel (*Историческій Музеумъ Французской Республики отъ собранія нотаблей до временъ имперіи*, Огюстена Шалламеля),—важное дополненіе къ литературѣ исторіи французской революціи. Это сочиненіе выходитъ еженедѣльно тетрадями и будетъ состоять изъ 60 тетрадей, которыя составятъ 2 тома въ 1,000 страницъ. Въ текстѣ помѣщены раскрашенные политипажи; сверхъ того, къ книгѣ приложится 120 чертежей и снимковъ съ замѣчательнѣйшихъ гравюръ, каррикатуръ, медалей, историческихъ портретовъ, картинъ, нравовъ и модъ тогдашняго времени и 100 снимковъ съ почерковъ замѣчательныхъ людей.

Voyage Pittoresque en Asie et en Afrique par Eyriès (*Живописное Путешествіе по Азіи и Африкѣ*, Эйріè) содержитъ въ себѣ общій сводъ совершенныхъ въ этихъ странахъ въ древнія и новыя времена путешествій; то же должно сказать объ издаваемой подъ надзоромъ г. д'Орбиньи (автора «Voyage dans l'Amerique Méridionale») книгѣ *Voyage pittoresque dans les deux Ameriques* (*Живописное Путешествіе по Сѣверной и Южной Америкѣ*). Оба эти сочиненія составляютъ одно цѣлое, въ двухъ томахъ, и будутъ украшены 500 виньетками, изображающими виды, оружія, одежды, народныя сцены, портреты, обычаи, древности, памятники, рѣдкія произведенія природы, замѣчательныхъ животныхъ и растенія; всѣ онѣ рисованы прекрасно и гравированы на мѣди. Продолжается также: *Univers pittoresque ou histoire et description de tous les peuples, contenant l'exposé de leurs réligions, moeurs, coutumes* (*Живописный Міръ или исторія и описаніе всѣхъ народовъ, содержащій въ себѣ описаніе ихъ религіи, нравовъ, обычаевъ*). Это сочиненіе выходитъ тетрадями, которыя составятъ 40 томовъ съ 2,300 гравюрами, изображающими древніе и новые памятники, одежды, мёбели и пр. Многіе томы уже совершенно окончены.—Знаменитое твореніе бывшаго французскаго посланника въ Константинополѣ, графа Шуазёль-Гуффье: *Voyage pittoresque dans l'empire Ottoman, en Grèce, dans la Troade, les îles de l'Archipel et sur les côtes de l'Asie Mineure* (*Живописное Путешествіе по Оттоманской Имперіи, Греціи, Троадѣ, островамъ Архипелага и по берегамъ Малой-Азіи*) является въ новомъ изданіи, дополненномъ замѣчаніями извѣстнѣйшихъ новѣйшихъ путешественниковъ, подъ руководствомъ и съ объяснительными примѣчаніями знаменитаго археолога Газè и другихъ ученыхъ. Книга будетъ выходить тетрадями, которыхъ числомъ будетъ 100; каждая тетрадь составитъ одинъ листъ текста съ 3 и 4 изображеніями; все изданіе умѣстится въ 4 томахъ въ 8-ю д. л.

Любопытны также: *L'Espagne artistique et monumentale, vues et description des sites et des monuments les plus notables de l'Espagne* (*Испанія художническая и монументальная, виды и описаніе замѣчательныхъ мѣстностей и памятниковъ Испаніи*), съ изображеніями и описаніями нравовъ, обычаевъ, вооруженія и одеждъ въ эпохи, наиболѣе важныя для исторіи искусствъ. «Испанское общество», управляющее изданіемъ, состоя, кромѣ литераторовъ и художниковъ, изъ капиталистовъ, объявляетъ, что оно руководствуется однимъ чисто-патріотическимъ направленіемъ. Въ другихъ отношеніяхъ важно сочиненіе *Le Moyen Age monumental et archéologique* (*Средніе вѣка въ отношеніи къ па-*

мятникамъ и археологіи). Въ немъ издатели намѣрены представить изображенія замѣчательнѣйшихъ зданій среднихъ вѣковъ по рисункамъ Шапюи, съ объяснительнымъ текстомъ знаменитыхъ французскихъ археологовъ. Это сочиненіе сдѣлается источникомъ для изученія искусства среднихъ вѣковъ.

Сверхъ того, надобно еще замѣтить выходящую также тетрадями *Histoire criminelle du gouvernement anglais depuis les premiers massacres de l'Irlande jusqu' à l'empoisonnement des Chinois par* Elias Regnault (*Криминальная исторія англійскаго правительства отъ первыхъ убійствъ въ Ирландіи до отравленія Китайцевъ*, Эліаса Реньйо). Изображеніе этихъ политическихъ насильствъ, составляемое французскою народною ненавистью, все еще будетъ довольно-рѣзко, если даже исключить изъ него нѣкоторыя преувеличенія и клеветы. Въ шестнадцати отдѣльныхъ статьяхъ разсматриваются различныя насилія англійскаго правительства, изъ которыхъ въ заглавіи книги поименованы только первое и послѣднее.

Книга, которую, по ученому содержанію ея, нельзя сравнивать ни съ одною изъ предъидущихъ, но издаваемая также тетрадями, есть *Dictionnaire des hiéroglyphes par* Camille Duteuil (*Словарь іероглифовъ, составленный* Камилломъ Дютёлемъ). Система объясненія іероглифовъ этого ученаго совершенно уклоняется отъ системы знаменитаго Шампольйона-Младшаго, изложенной въ его «Grammaire Egyptienne»; французскіе критики хвалятъ систему Дютёля, какъ слѣдствіе глубокомысленныхъ изъисканій, и говорятъ, что изложеніе книги чрезвычайно ясно. Для примѣра они приводятъ дютёлево объясненіе понятія о сфинксѣ. Левъ, по мнѣнію Дютёля,—символъ воды, оплодотворяющей землю, а львица, оплодотворяемая львомъ — символъ земли. Основываясь на этихъ предварительныхъ положеніяхъ, Дютёль говоритъ: «Египтяне изображали обыкновенно символическую львицу покоющеюся, чтобъ тѣмъ изобразить видимую неподвижность земли, а если они хотѣли показать, что львица, представляющая обыкновенно символъ земли вообще, — представляетъ символъ Египта особенно, то придавали ей египетское головное украшеніе или голову Египтянки. Желая обозначать плодотворность египетской почвы, они изображали украшенную уже женскимъ головнымъ уборомъ символическую львицу съ полными грудями. «Это—говоритъ авторъ,— именно тотъ знаменитый сфинксъ, который предлагалъ загадки и пожиралъ людей, потому-что всѣ произведенія земли для насъ загадки, и земля пожираетъ насъ всѣхъ.» — Такое глубокомысленное объясненіе противорѣчитъ объясненію Шампольйона, который видитъ въ сфинксѣ—соединеніи человѣческой головы съ львинымъ тѣломъ — символъ нравственной силы въ соединеніи съ физическою, и потому полагаетъ, что этотъ символъ означаетъ «повелителя». Вопросъ, отъ-чего статуя Нила иногда находится на сфинксѣ, Дютёль объясняетъ тѣмъ, «что Нилъ разливается по египетской почвѣ». Книга эта породитъ жаркія пренія въ ученомъ мірѣ и приведетъ къ важнымъ открытіямъ въ-отношеніи къ образованности и исторіи древней Азіи.

Шестое изданіе ***Histoire des Croisades faite d'après les derniers travaux et les dernières intentions de l'auteur et précedée d'une vie de Michaud** par* Poujoulat (***Исторія Крестовыхъ Походовъ**, составленная по послѣднимъ трудамъ и видамъ **автора**, съ жизнеописаніемъ Мишо*, Пужула) приближается къ окончанію. О достоинствѣ этой книги, которая выходитъ теперь въ 72 тетрадяхъ или 6 томахъ съ 6 виньетами и 3 картами, излишне было бы говорить.

Перепечатываніе подъ руководствомъ Леонара Галлуа «Монитёра», который, какъ извѣстно, будетъ состоять изъ четырехъ выпусковъ: I. Assemblée constituante (Конститу-

онное Собраніе, 9 томовъ), II. Assemblée législative (Законодательное Собраніе, 4 тома), III. Convention Nationale (Національный Конвентъ, 12 томовъ) и IV. Directoire executif (Исполнительная Директорія, 16 томовъ), быстро подвигается впередъ. Для полноты этого важнѣйшаго изъ всѣхъ источниковъ исторіи французской революціи, будетъ прибавлено «Введеніе» (Introduction au Moniteur) въ одномъ томѣ, и «Оглавленіе» въ двухъ томахъ.

3. АНГЛІЙСКАЯ ЛИТЕРАТУРА.

Сборники историческихъ матеріаловъ весьма-сильно распространились въ Англіи, особенно въ послѣднее время. Упомянемъ о нѣкоторыхъ довольно-важныхъ явленіяхъ по этой части.

A brief account of the discovery of America by the Northmen in the Tenth Century with Notices of early settlement of the Irish in the western hemisphere by North Ludlow Beamish (*Краткое извѣстіе объ открытіи Америки Норманами въ X вѣкѣ, съ свѣдѣніями о первыхъ поселеніяхъ Ирландцевъ въ западномъ полушаріи*). Давно уже Сѣверъ объявлялъ притязанія свои на открытіе Америки. Если вѣрить датскимъ ученымъ, отъ Ортеліуса (1570) до Рафна (1837), то Колумбъ только присвоилъ себѣ чужія заслуги. Истинный открыватель американскаго материка, по словамъ ихъ, Бьярне, сынъ Гергульфа,—одинъ изъ спутниковъ норманскаго князя Эриха-Рыжаго, открывшаго Гренландію. Сынъ Эриха, Лейфъ, купилъ корабль у Бьярне, какъ говоритъ преданіе, и отправился на немъ самъ къ означеннымъ берегамъ; онъ назвалъ новооткрытыя земли *Геллуландомъ* (страною шифера), *Маркландомъ* (страною лѣса) и *Винеландомъ* (страною винограда). Думаютъ, что эти земли нынѣшній Ньюфоундлэнъ, Новая Шотландія и часть береговъ Мэссечузетса. Эти предположенія разсматриваются весьма основательно въ изданной въ Копенгагенѣ ученымъ Рафномъ книгѣ (въ 4-ю д. л.) подъ названіемъ «Antiquitates Americanae sive Scriptores septentrionales rerum Ante-colombianarum in America». Въ приведенной выше книгѣ, г. Бэмишъ представляетъ извлеченіе изъ сочиненія Рафна, вмѣстѣ съ собственнымъ своимъ мнѣніемъ, что его землякамъ, Ирландцамъ, принадлежитъ заслуга населенія Америки. Хоть доказательства, приведенныя Рафномъ, довольно-убѣдительны, однакожь безсмертная слава Коломба, который не на удачу, но по предварительно-обдуманному плану отправился на открытія, останется непомраченною даже и тогда, когда счастливый случай, приведшій смѣлыхъ норманскихъ искателей приключеній, Бьярне и Лейфа, къ берегамъ Америки, будетъ доказанъ удовлетворительно, исторически.

Ни въ одной странѣ нѣтъ такого множества ученыхъ обществъ, какъ въ Англіи, и не смотря на это, въ ней ежедневно составляются новыя общества для разныхъ ученыхъ цѣлей. Недавно, по образцу Camden Society, образовалось другое, Historical Society of Englisch Science, которое, между прочимъ, имѣетъ цѣлью издавать матеріалы для исторіи наукъ въ Англіи (еще необработанные). Для естествоиспытателя, эти изслѣдованія имѣютъ, конечно, только второстепенный интересъ, но тѣмъ важнѣе они для историка, желающаго проникнуть въ ходъ развитія народной жизни и граж-

данскихъ отношеній. Первое изданіе этого общества—

A collection of letters illustrative of the progress of science in England from the reign of Elizabeth to that of Charles II, *edited by* O. Halliwel. (*Собраніе писемъ объ успѣхахъ наукъ въ Англіи отъ времени царствованія Елизаветы до Карла II, изданное* О. Гелливелемъ). Между чрезвычайно-разнообразными статьями этого сборника находятся нѣкоторыя, имѣющія общій интересъ; особенно замѣчательна автобіографія сэра Самуеля Морлэнда (ум. 1697), современника Кромвеля и одного изъ лучшихъ механиковъ того времени.

Переходимъ къ романамъ. Не будемъ говорить о безчисленномъ множествѣ морскихъ романовъ, которые дѣйствительно могутъ причинить своимъ читателямъ морскую болѣзнь, о множествѣ такъ-называемыхъ политическихъ повѣстей, въ которыхъ по-большой-части нѣтъ ничего политическаго, кромѣ заглавнаго листка съ заманчивою вывѣскою; не скажемъ также ни слова о третьемъ разрядѣ романовъ, принадлежащемъ къ genre niais, —пошлыхъ прозаическихъ подражаній затянутой простотѣ поэзіи *лекистовъ* (Lakistes), но скажемъ только о нѣсколькихъ замѣчательныхъ явленіяхъ въ области романа и повѣсти. Только-что кончилъ неутомимый Диккинсъ послѣдній романъ свой, Barnaby Rudge, какъ уже является новый рядъ повѣстей подъ названіемъ: The Pic-nic papers, edited by Boz (3 vol.). Правда, въ этомъ пикникѣ, который предпринятъ Диккинсомъ въ пользу вдовы умершаго въ бѣдности книгопродавца, находятся только двѣ статьи его собственнаго приготовленія, но обѣ онѣ, заимствованныя изъ ежедневной жизни Лондона, скрашиваютъ всю книгу. Вмѣстѣ съ Диккинсомъ участвовали въ благодѣтельномъ пикникѣ Айнсворсъ («Старый Лондонскій Купецъ»), миссъ Стрикклэндъ («Рыцарь Баннерé»); Джонъ и Олленъ Коннингэмъ принесли на пикникъ кое-что изъ шотландской кухни, а Максуэль—изъ ирландской. Томасъ Муръ далъ превосходный дессертъ изъ иностранныхъ плодовъ въ своемъ «Багдадскомъ Студентѣ»; многіе другіе также принесли лепту свою, какъ-то: ЛейчъРиччи, Горацій Смитъ, Эрскинъ, Дондесъ Моррей и др., такъ что на этотъ разъ нѣмецкая пословица viele Köche verderben den Brei» оказалась ложною.

Несравненно важнѣе—новѣйшій романъ геніальнаго Купера, автора «Путеводителя въ Пустынѣ»: the Deerslayer (Охотникъ),—романъ, составляющій полное художественное произведеніе. Если Купера, въ сочиненіяхъ, относящихся до Европы, сравниваютъ съ рѣкою, заключенною въ прекрасныхъ набережныхъ, то касаясь отечественной почвы, онъ превращается въ широкій, великолѣпный лѣсной водопадъ. Онъ, кажется, самъ сознавалъ эту истину, и потому съ оживленныхъ, веселыхъ береговъ Рейна возвратился въ мрачную глушь дѣвственныхъ лѣсовъ Америки. Дѣйствіе новаго романа его опять на его родинѣ, съ которою авторъ знакомъ съ-дѣтства и которую онъ умѣетъ живописать такими яркими, такими вѣрными красками. Вы опять переноситесь въ густые, мрачные еловые и кедровые лѣса, на берега тихихъ, свѣтлыхъ озеръ, въ душистыя зеленѣющія долины, подъ скалы и гремящіе водопады Сѣверной-Америки, и на этой почвѣ, такъ чудно живописуемой геніальнымъ романистомъ, встрѣчаетесь съ дико-романтическими событіями. Въ романѣ изображены приключенія и чудесное спасеніе семейства поселенцевъ отъ ужасовъ индійскихъ войнъ. Между женскими характерами особенно замѣчательны двѣ сестры,—одна хитрая, кокетливая, рѣшительная и одаренная необычайною силою ума,—другая исполненная нѣжности и беззаботной дѣтской простоты. Въ такомъ же контрастѣ находятся два главные героя романа: страстный охотникъ пустыни, столь же знакомый съ краснокожими,

какъ и съ лѣсными звѣрьми, и молодой воинъ, мужественный подобно товарищу, но характера болѣе кроткаго и благороднаго. Не смотря на частое изображеніе Индійцевъ и ихъ воинскихъ хитростей въ романахъ Купера, геніальный авторъ представляетъ ихъ въ «Охотникѣ» съ новой стороны.

Новѣйшая повѣсть плодовитаго Джемса: *Corse de Leon, or the brigand*, 3 *vol*. (*Леонскій Корсаръ*) принадлежитъ къ второстепеннымъ произведеніямъ этого новеллиста, причисляемаго къ первостатейнымъ повѣствователямъ Англіи. Дѣйствіе происходитъ въ царствованіе Генриха II французскаго, и оканчивается смертію этого короля. Изображеніе короля — лучшая часть повѣсти. Онъ представленъ здѣсь такимъ, какимъ мы знаемъ его изъ исторіи, безъ прикрасъ, безъ преувеличеній. Герой романа—разбойникъ, не по древне-англійскому рецепту одного джентльмена

Linked with one virtue and a hundred crimes
(Составленный изъ одной добродѣтели и ста пороковъ),

но галльскій Робин-Гудъ, или какой-нибудь Клиффордъ, который беретъ тамъ, гдѣ видитъ избытокъ, и отдаетъ туда, гдѣ терпятъ недостатокъ; защитникъ бѣдныхъ, бичъ богатыхъ, подающій собою примѣръ патриціямъ, которыхъ презираетъ. Любовная интрига не нова; погрѣшностей противъ правдоподобія нѣтъ, и ловкое смѣшеніе вымысла съ историческими фактами дѣлаетъ изъ цѣлаго разсказъ правдоподобный; только изображеніе героини кажется натянутымъ и несоотвѣтствующимъ таланту автора.

Вышелъ вторымъ изданіемъ упомянутый въ XVI томѣ «Отеч. Записокъ» романъ *The Moneyed Man* (*Денежный Человѣкъ*), Ореста Смита, автора прекраснаго романа «Brambletye house». Новый романъ его очень хорошъ и приноровленъ къ нашему времени. Дневникъ молодаго банкира, принадлежащаго къ поколѣнію денежной аристократіи, воспитаннаго въ отвратительныхъ предразсудкахъ ультраторизма, дерзкаго отъ значительности своей въ обществѣ и бездушнаго отъ богатства, служитъ основою разсказу и представляетъ вѣрную картину по временамъ проявляющихся въ обществѣ фазовъ человѣческаго духа. Во введеніи мы встрѣтили много сходства съ ироническимъ духомъ Свифта. Китайская стѣна не что иное, какъ кучка земли, вскиданная надъ норкою крота въ-сравненіи съ демаркаціонною линіею, которую проводитъ молодой Маркъ Хоквудъ между собой и своимъ роднымъ племянникомъ, прежнимъ школьнымъ товарищемъ и сыномъ торговца табакомъ. Позже, Хоквудъ, въ сотовариществѣ съ Брюммелемъ, Фицпетрикомъ и другими подобными денди, составлявшими нѣкоторое время общество на вечерахъ Георга IV и дававшими тонъ лондонскому обществу, дѣлаетъ множество глупостей. Наконецъ умираетъ отецъ его, обанкрутившись. Какъ герой нѣкогда прогналъ свою любовницу, бѣдную Фанни, такъ прогоняетъ его-самого теперь Августа, богатая его невѣста. Тутъ наконецъ денди опомнился, собираетъ всѣ свои силы и дѣлается полезнымъ гражданиномъ. Характеры начертаны рѣзко и вѣрно съ лондонскимъ бытомъ.

Леди Чаттертонъ, авторъ многихъ бельлетрическихъ произведеній, издала въ 3 томахъ *Home Sketches and foreign recollections* (*Очерки родины и воспоминанія изъ чужбины*); это, кажется, не что иное, какъ собраніе всѣхъ клочковъ бумаги съ ея письменнаго стола, описанія ландшафтовъ, критическія воззрѣнія на искусства, историческія разсужденія, неправдоподобныя приключенія, замѣчанія о музыкѣ и музыкальныхъ львахъ, исторійки, изображенія человѣческаго сердца, домашнія и семейныя сцены, иноземные обычаи, такъ-называемыя философическія мысли, и такъ-называемыя моральныя размышленія, съ сотнею подобныхъ вещей, «слишкомъ многочисленныхъ для исчисленія», какъ

обыкновенно выражаются лондонскіе аукціонеры, при продажѣ стараго хлама и ветоши; все это довольно поистерто и изношено.

Генри Чарлей представляетъ рядъ путевыхъ очерковъ, относящихся къ искусствамъ и обществу, подъ названіемъ: *Music and manners in France and Germany* (*Музыка и обычаи во Франціи и Германіи*). Это плодъ шести путешествій по Франціи и Германіи; впрочемъ, ни замѣтки эти, ни самыя путешествія не имѣли цѣлію составленіе книги. Только послѣднее путешествіе автора осенью 1840 года, было предпринято съ намѣреніемъ повѣрить и возобновить прежнія впечатлѣнія, потомучто минутная прихоть часто требуетъ позднѣйшей повѣрки. Цѣль книги — представить землякамъ автора выборъ сценъ изъ театральной и музыкальной жизни Нѣмцевъ и Французовъ. Чарлей утверждаетъ, что находилъ въ Германіи во всѣхъ классахъ любовь къ музыкѣ и драматическому искусству, и не только въ-отношеніи къ наслажденію, но и въ-отношеніи къ стремленію дѣйствовать самому въ ихъ сферѣ. Берлинъ считаетъ онъ неоспоримо городомъ критицизма; «но» присовокупляетъ онъ: «если критическій духъ, при анализированіи фактовъ и началъ, унижается до того, что занимается лицами и происшествіями, то прихоть и капризы такъ же легко пріобрѣтаютъ голосъ, какъ и разумъ. Жители такъ ласково встрѣчаютъ пріѣзжихъ, тонъ въ обществахъ, не смотря на нѣкоторый оттѣнокъ претензіи, такъ пріятенъ, что я могу только желать, чтобъ жители были поласковѣе другъ-къ-другу. Дѣлать въ Берлинѣ круговые визиты столь же мудрено, какъ танцовать на яйцахъ, когда при всякомъ па́ боишься раздавить скорлупу. Побуждаемый весьма естественнымъ любопытствомъ, я спросилъ о Беттинѣ Арнимъ, которую переписка съ Гёте ставитъ наряду съ отличнѣйшими женщинами Германіи, и тотчасъ дюжина голосовъ наперерывъ старались увѣрить меня, что письма ея отнюдь не «письма ребенка», и самымъ ненавистнымъ образомъ чернили ея добрую славу, или вычисляли лѣта ея. Начну ли хвалить гостепріимство г-дъ ***, тотчасъ спрашиваютъ меня: «какимъ образомъ попали вы въ этотъ негодный домъ?» Начну ли говорить о музыкѣ Мендельсона, и замѣчаніе: «онъ имѣлъ много таланта, будучи мальчикомъ» отнимаетъ духъ продолжать разговоръ.» Авторъ обогащаетъ изображеніе этой забавной игры вопросовъ и отвѣтовъ еще многими примѣрами, но полагаетъ, что эта черта характера Берлинцевъ—не нова; въ доказательство чего приводитъ авторитетъ Борнеа, который говоритъ: «Музыкальные споры ведутся въ Берлинѣ съ большею горячностію и ненавистью, нежели гдѣнибудь»; а Вольтеръ еще до него писалъ къ своей племянницѣ, госпожѣ Дени: «Berlin est un petit Paris. Il y a de la médisance, de la tracasserie, des jalousies d'auteurs et jusqu'à des brochures». — Чарлей прибавляетъ, что тѣсная трехлѣтняя связь съ музыкальными кругами въ столицѣ Франціи не представила ему такой массы артистической вражды, какъ трехнедѣльныя случайныя и поверхностныя наблюденія въ Берлинѣ. Авторъ превосходно изображаетъ музыку и музыкантовъ во Франціи. Приведемъ здѣсь описаніе одного утра артистовъ (matinée d'artistes) въ Парижѣ; — это было на завтракѣ, который давали для того, чтобъ Нидермайеръ могъ сыграть предъ нѣкоторыми изъ своихъ покровителей кое-что изъ своей оперы «Страделла», которая въ то время ставилась на театрѣ Большой-Оперы. Въ Лондонѣ нѣтъ ничего, что могло бы дать понятіе объ appartements de garçon, въ которомъ приняли насъ и котораго двѣ небольшія комнаты доставили бы цѣлую главу для «Стараго Кабинета Рѣдкостей» (романа Диккинса): сѣдалища всѣхъ формъ и видовъ, старые стѣнные часы, китайскія изделія, искуственные цвѣты съ запахомъ, ко-

торые могли бы обмануть всякаго, еслибъ они не стояли въ такихъ отдаленныхъ углахъ комнаты, гдѣ никогда не бываютъ камеліи; пестрыя оконныя стекла, золотыя вещи среднихъ вѣковъ, — все это, расположенное съ граціозною прихотью подлѣ домашней утвари, представляло зрѣлище, въ которомъ самый безпорядокъ пріятенъ. Смотря на эти комнаты, нельзя было не вспомнить мрачныхъ, пыльныхъ, закопченныхъ дымомъ норокъ, въ которыхъ обыкновенно живутъ наши лондонскіе холостяки, и не пожалѣть о предразсудкѣ, съ которымъ послѣдніе смотрятъ на комфортъ и блескъ такихъ прекрасныхъ вещей, какъ на доказательство изнѣженности. При этомъ я вспомнилъ о томъ лицѣ, которое Бульверъ изобразилъ такъ остроумно въ своемъ романѣ «Мальтраверъ»—о томъ свѣтскомъ человѣкѣ, который, чтобъ заслужить славу великаго мыслителя, поселяется въ грязной коморкѣ, гдѣ обои разорваны, занавѣсы закопчены, обѣденный столъ не лакированъ и поваръ не знаетъ своего дѣла. Здѣсь не было ничего подобнаго. Завтракъ былъ превосходный и бесѣда еще менѣе на англійскій манеръ, нежели все прочее. Послѣ завтрака, маэстро, или правильнѣе капельмейстеръ, сѣлъ за фортепьяно и, вмѣстѣ съ однимъ превосходнымъ артистомъ, бывшимъ въ числѣ гостей, съигралъ дуэтъ. Мнѣ, вѣроятно, будетъ дозволено сказать, что послѣдній—былъ старшій сынъ маршала Нэя, потому что храбрость, оказанная имъ при Константинѣ, дала ему право отличиться и въ менѣе воинственномъ искусствѣ. Потомъ одинъ изъ первыхъ теноровъ нашего времени, князь Бельджойозо, спѣлъ романсъ. Мало-по-малу почти всѣ присутствующіе приняли участіе въ этомъ импровизированномъ концертѣ и исполнили по-большой-части превосходно музыкальную пьесу, которой ноты они видѣли въ первый разъ».—Изъ приведеннаго нами отрывка видно, что авторъ сводитъ все: народную жизнь, нравы, приключенія и литературу, на музыку, сужденія о которой составляютъ основу сочиненія, и что онъ, не смотря на свой нѣсколько натянутый энтузіазмъ къ музыкѣ, умѣетъ завлекать читателя.

Italy General views of its History and Literature in referente to its present state by Mariotti, 2 vol. (*Италія, общій взглядъ на ея исторію и литературу въ отношеніи къ ихъ настоящему состоянію*, Маріотти).—Это трагическое изложеніе судебъ Италіи съ паденія Западной Римской Имперіи до настоящаго времени имѣетъ двоякую цѣль — защищать Итальянцевъ противъ разныхъ обвиненій, и побудить ихъ къ народному возрожденію средствами болѣе дѣйствительными. Умѣнье автора писать по-англійски удивительно, хотя кое-гдѣ и встрѣчаются итализмы. Не смотря на то, что авторъ часто склоняется къ мистическому и превратному направленію новѣйшаго времени, однакожь его защищеніе національнаго характера Итальянцевъ и изслѣдованіе обстоятельствъ, имѣвшихъ на него вліяніе въ-теченіи времени, изложено довольно ясно и подтверждается исторіею.

Подъ названіемъ *The Jdler in France* (*Лѣнивица во Франціи*), графиня Блессингтонъ, любезная путешественница, представляетъ намъ свои личныя воспоминанія о жизни въ парижскихъ гостиныхъ. Какъ путешественница-аристократка, благородная леди не находитъ на пути изъ Лондона въ Парижъ ничего удивительнаго, кромѣ большой дешевизны въ парижскихъ гостинницахъ. Пріѣхавъ въ Парижъ, она находится въ своей стихіи и изъ-подъ пера ея выливается обильный потокъ умныхъ замѣчаній. То она превозноситъ французскую вѣжливость къ старшимъ лѣтами дамамъ, то сравниваетъ отношенія между господами и слугами въ Англіи и Франціи въ пользу послѣдней. Словомъ, за исключеніемъ высшаго общества въ Англіи и лондонскихъ купеческихъ прикащиковъ, леди во всемъ отдаетъ преимущество Франціи передъ Англіею. Для примѣ-

ра приведемъ здѣсь сужденіе ея о большомъ свѣтѣ въ двухъ столицахъ. «Въ обществѣ щеголеватыхъ и умныхъ Англичанъ находите вы спокойствіе, пріятность, которыхъ не встрѣтите нигдѣ болѣе; это происходитъ отъ-того, что они *не хотятъ* или по-крайней-мѣрѣ *показываютъ*, что не хотятъ производить эффекта. Манеры Англичанъ пріятны, голосъ никогда не поднимается выше извѣстной ноты, далѣе которой онъ перестaлъ бы быть пріятнымъ. Вы никогда не замѣтите неумѣстной предупредительности; единственная предупредительность, которую они позволяютъ себѣ, удовлетворяетъ даже тончайшему чувству приличія и состоитъ только въ выборѣ занимательнаго для васъ разговора, и интересѣ, который они сами принимаютъ въ немъ. Французы, напротивъ, съ своею ртутною натурою (mercurial temperaments) не могутъ ограничиться этими спокойными формами, этимъ тономъ, исполненнымъ тонкаго приличія. Они гораздо внимательнѣе и услужливѣе къ женщинамъ, и живой умъ ихъ безпрерывно забавляется множествомъ остроумныхъ примѣненій и ѣдкихъ замѣчаній. Нельзя не сознаться, что они блестятъ; но съ сожалѣніемъ видишь въ нихъ недостатокъ этого спокойствія, исполненнаго пріятности, въ которомъ удерживаетъ васъ бесѣда англійскаго джентльмена.» При этомъ занимательная «Лѣнивица» представляетъ галлерею англійскихъ джентльменовъ, бывшихъ въ ея время въ Парижѣ. Вотъ еще нѣсколько замѣчаній о нѣкоторыхъ Французахъ: «Г. Тьеръ весьма замѣчательный человѣкъ, живой, умный и хорошій наблюдатель. Отъ него ничего не ускользаетъ; каждое замѣчаніе его носитъ на себѣ печать проницательнаго и вѣрнаго ума. Я нахожу истинное удовольствіе въ бесѣдѣ съ нимъ, свободной отъ всякихъ претензій, но тѣмъ не менѣе оригинальной и назидательной (impressif). Неразлучный другъ его, г. Миньѐ, напоминаетъ мнѣ Лорда Байрона каждый разъ, когда я его вижу: сходство между ними удивительное. Одаренный рѣдкими способностями, Миньѐ, кажется, болѣе созданъ для мирной жизни ученаго и для философскихъ мечтаній, нежели для непосредственнаго вліянія на свой вѣкъ, которое, напротивъ, составляетъ истинное назначеніе Тьера. Тьеръ—Прометей; творческое воображеніе его распространяетъ вокругъ него жизнь и движеніе. Глаза его, хоть и заслонены очками, блестятъ необыкновеннымъ свѣтомъ, и движенія физіономіи сопровождаютъ быструю какъ молнія рѣчь во всѣхъ ея многообразныхъ измѣненіяхъ. Чтобъ высказать вкратцѣ свое мнѣніе объ этихъ двухъ человѣкахъ, которыхъ постоянная дружба дѣлаетъ честь обоимъ, я полагаю, что никто не написалъ бы такъ хорошо, какъ Миньѐ, исторіи революціи, которой зачинщикомъ былъ бы Тьеръ... При легкомысліи, раздражительности (excitability) Французовъ, люди, подобные Тьеру, опасны государству. Геній, краснорѣчіе и смѣлость доставляютъ имъ непобѣдимое вліяніе на энтузіазмъ націи. Это пылающіе факелы подлѣ пороховой камеры. Въ Англіи, страсти не такъ продолжительны и безъ такихъ ужасныхъ послѣдствій, потому-что скоро бываютъ побѣждаемы здравымъ разсудкомъ. Даже Наполеонъ, со всей своей славой, не привелъ бы въ изступленіе англійскаго народа; г. Тьера же у насъ нечего было бы опасаться.» Аристократическій «синій чулокъ» вездѣ остроуменъ, хотя иногда и со вредомъ истинѣ.

VII.

СМѢСЬ.

Картина Ѳ. А. Бруни: «Воздвиженіе Моисеемъ мѣдянаго змія въ пустынѣ Аравійской». — Эта знаменитая картина, изображающая наказаніе Израильтянъ дождемъ змѣинымъ, такъ долго ожидаемая и возбуждавшая такой живой интересъ во всѣхъ истинныхъ любителяхъ живописи, — наконецъ въ Петербургѣ. Вотъ слова св. писанія, которыя дали содержаніе ей: «И ропташу людіе на Бога и на Моисея, глаголюще: вскую изведъ еси ны изъ Египта убити насъ въ пустыни, яко нѣсть хлѣба и воды, и душа наша негодуетъ о хлѣбѣ семъ тщемъ. И посла Богъ на люди змиевъ умерщвляющихъ, и угрызаху людей, и умроша люди мнози отъ сыновъ израилевыхъ. И пришедше людіе къ Моисеови, глаголаша: согрѣшихомъ, яко роптахомъ на Господа и на тя: помолися убо ко Господу, да отженетъ отъ насъ змии: и помолися Моисей ко Господу о людехъ. И рѣче Господь къ Моисею: сотвори себѣ змію (мѣдяну) и положи ю на знамя: и будетъ, аще угрызетъ змія человѣка, всякъ угрызенный видѣвъ ю живъ будетъ.» (Книга Числъ. гл. 21, ст. 5, 6, 7, 8, 9).

Мы не будемъ здѣсь разсматривать, до какой степени подобныя событія, взятыя изъ еврейскаго міра, могутъ служить содержаніемъ для картины, но скажемъ вообще, что представленіе религіозныхъ предметовъ требуетъ отъ художника особеннаго вдохновенія и сознанія. Событіе, изображенное г. Бруни, одухотворившись христіанскимъ чувствомъ художника, — получило высшее содержаніе: въ немъ раскрываетъ онъ предъ вами великое таинство духа человѣческаго — таинство вѣры, — потому-что въ картинѣ его только тѣ получаютъ облегченіе отъ ужасной кары Божіей, которые съ вѣрою взираютъ на символъ спасенія, воздвигнутый Моисеемъ. Посему, дѣйствіе, совершающееся предъ вами, должно состоять изъ двухъ частей — страданія и смерти, въ-слѣдствіе невѣрія въ спасеніе, — и избавленія, вытекающаго изъ чувства вѣры. Предъ вами пустыня, по которой проходятъ сыны израилевы; вдали несутъ скинію; вы присутствуете первымъ минутамъ воздвиженія мѣдянаго змія, когда вѣра во спасеніе не проникла еще въ народъ, и кара Божія наказуетъ нечестивыхъ. — Постараемся исчисленіемъ главнѣйшихъ группъ дать хоть поверхностное понятіе о томъ, въ какихъ образахъ воплотилъ нашъ русскій художникъ свое созерцаніе.

На первомъ планѣ, простертъ на землѣ, уязвленный зміями, умирающій Израильтянинъ. Ни вѣра, ни надежда на спасеніе не подвигли ожесточенную душу: отвратясь отъ символа спасенія, онъ умираетъ въ ужасныхъ страданіяхъ. Одинъ изъ зміевъ, ужалившихъ

его, бросается на близь-сидящаго дряхлаго старика, но старикъ не въ силахъ даже приподняться. Вся правая сторона картины исполнена разнообразнѣйшаго драматическаго движенія. Особенно замѣчательна здѣсь группа: молодая женщина—типъ еврейской красоты — бросается отъ приближающагося змія къ мужчинѣ; въ ужасѣ невольно обернулась она посмотрѣть на извивающееся смертоносное животное; проникнутый желаніемъ спасти ее и видя всюду грозящую смерть, мужчина устремилъ на знаменіе взоръ, исполненный глубочайшаго, задушевнаго чувства; старушка-мать дряхлыми руками тоже старается защитить милую женщину. Далѣе: мать семейства обращаетъ взоры къ мѣдяному змію; маленькій сынъ ея въ страхѣ прижимается къ сестрѣ, схватившейся за руку матери. Позади этихъ группъ, въ толпѣ, глаза съ ужасомъ останавливаются на несчастномъ, на котораго упалъ одинъ изъ летающихъ зміевъ и обвивается около руки его; кажется, слышишь его вопли...

На второмъ планѣ, двѣ превосходныя группы — Израильтянина, который, держа на рукахъ изможденную страданіями женщину, спѣшитъ къ знаменію спасенія,—и матери съ двумя дѣтьми: трепеща смотритъ она на летающихъ зміевъ; лицо ея исполнено томительнаго, отчаяннаго опасенія. Одинъ изъ сыновей ея — превосходный типъ дикаго сына пустыни. Лѣвая сторона картины особенно влечетъ къ себѣ своимъ трогательнымъ характеромъ. Милая, прекрасная дѣвушка только-что умерла; вѣроятно смерть ея не была мучительна, потому-что на устахъ еще мелькаетъ тихая, улетающая улыбка. Старая мать, свидѣтельница ея кончины, не въ силахъ убѣдиться въ потерѣ своей, прикладываетъ руку къ груди дочери, надѣясь еще почувствовать біеніе ея сердца, и съ ужасомъ ощущаетъ мертвое спокойствіе. Молодой человѣкъ, потерявшій въ дѣвушкѣ будущую подругу жизни, страшно потрясенный потерею, какъ-бы хочетъ догнать улетающій взоръ милаго созданія, приподнимая закрывшуюся вѣку ея глаза; или можетъ-быть надѣется онъ, что потухающій взоръ ея авось встрѣтитъ знаменіе исцѣленія... Эта группа исполнена глубокаго чувства.—Тутъ же, лѣвѣе, несутъ больнаго юношу — лучшее лицо картины! Кажется, невозможно истиннѣе изобразить страданіе кроткой души, утомленной муками; старушка-мать — вся участіе и сострадание, прикладываетъ руку къ его головѣ. Эта группа съ вышеупомянутой — кажутся намъ лучшими по глубокому, искреннему, задушевному выраженію своему. Достойна замѣчанія еще мать, заставившая свое дитя обнять воздвигнутый Моисеемъ столпъ и съ радостнымъ, торжествующимъ чувствомъ взирающая на толпы Израильтянъ, бѣгущихъ къ нему.

Внутреннее средоточіе картины, идеальную душу ея, составляетъ, по нашему мнѣнію, образъ Моисея, указующаго жезломъ своимъ на знаменіе спасенія и окруженнаго жрецами вмѣстѣ съ первосвященникомъ Елеазаромъ. Эта группа, облеченная таинственнымъ, суровымъ величіемъ, владычествуетъ надъ всѣми разнообразными чувствами, возбуждаемыми картиной, указуя на высшій, внутренній смыслъ всего событія. Въ этой превосходной группѣ схвачена идеальная сущность еврейскаго міра. И какъ мудро поступилъ нашъ художникъ, поставивъ ее въ глубинѣ и центрѣ картины, какъ дѣйствительную субстанцію всего совершающагося Высокое мастерство его видимъ мы въ томъ, что этою, по-наружности чрезвычайно простою и облеченною въ вечерній мракъ группою, умѣлъ онъ овладѣть всѣми страстями и волненіями картины...

Читатели простятъ намъ этотъ поверхностный отзывъ о произведеніи г. Бруни: мы спѣшимъ хоть нѣсколько словъ сказать о немъ; подробное же

разсмотрѣніе и оцѣнка его требуютъ времени и особеннаго изученія, которымъ мы и намѣрены заняться, прося принять статью не болѣе, какъ за журнальное извѣстіе.

Въ техническомъ отношеніи, картина г. Бруни имѣетъ много первоклассныхъ достоинствъ. Нѣкоторыя изъ женскихъ лицъ отличаются истинно-художественною оконченностію. Такъ-какъ чувство вѣры скорѣе всего доступно кроткому чувству женщины, то и въ картинѣ г. Бруни женскія фигуры особенно исполнены глубокаго драматическаго и вмѣстѣ какого-то цѣломудреннаго выраженія. Равнымъ образомъ, превосходно исполнены мужское лицо, съ мольбою взирающее на знаменіе — и фигура больнаго юноши. Елеазаръ, левиты и Моисей, можно сказать, поражаютъ характеристическимъ, многозначительнымъ выраженіемъ своимъ. Картина колоссальная: длина ея около 12¼ аршинъ, ширина около 8¾ аршинъ.

НОВѢЙШІЯ СВѢДѢНІЯ О САМОЙ СѢВЕРНОЙ ЧАСТИ СИБИРИ, МЕЖДУ РѢКАМИ ПЯСИДОЙ И ХАТАНГОЙ. — Самая отдаленная къ сѣверу часть Сибири, находящаяся между рѣками Пясидой и Хатангой, считается досихъ-поръ почти совершенно-неизвѣстною. Изъ всѣхъ экспедицій, отправленныхъ въ Сибирь, только два отдѣленія большой беринговой экспедиціи проникли далѣе Туруханска. Съ-тѣхъ-поръ прошло цѣлое столѣтіе, и во все это время не только ни одинъ образованный человѣкъ не посѣщалъ странъ, лежащихъ по Пясидѣ и Хатангѣ, но и не было получено о нихъ никакого другаго достовѣрнаго свѣдѣнія. Даже результаты прибрежныхъ экспедицій, проникнувшихъ, подъ начальствомъ Минина, отъ устья Енисея къ востоку, подъ начальствомъ Прончищева — изъ Лены къ западу, а въ-послѣдствіи подъ начальствомъ Харитона Лаптева — изъ Лены до мыса, простирающагося отъ устья Таймура къ сѣверу и потомъ отъ нижней Хатанги черезъ тундру къ Таймуру и вдоль большей части прибережья, — никогда не были вполнѣ извѣстны. Такимъ образомъ мы не имѣемъ никакихъ другихъ свѣдѣній о странахъ при Пясидѣ, Хатангѣ и Таймурѣ, кромѣ тѣхъ, которыя сообщены въ весьма недостаточныхъ запискахъ этихъ экспедицій и въ недостовѣрныхъ показаніяхъ, собранныхъ у инородцевъ туруханскихъ.

При такомъ положеніи дѣлъ, новая экспедиція въ эту неизвѣстную пустыню была бы чрезвычайно важна и любопытна. Въ 1838 году она дѣйствительно была предложена въ Академіи Наукъ. Обязанностію этой экспедиціи поставлялось, между-прочимъ, достигнуть самой сѣверной оконечности. Отъ Академіи не скрывались трудности, соединенныя съ такимъ предпріятіемъ. Одна изъ самыхъ важныхъ трудностей состояла въ томъ, что, по недостатку свѣдѣній, невозможно было заранѣе начертить плана относительно способовъ перевозки, — а безъ этого нельзя было предпринять ничего рѣшительнаго. По этому опредѣлено: собрать въ Туруханскѣ предварительныя справки при посредствѣ генералъ-губернатора Западной-Сибири, князя Горчакова.

Академія поручила составленіе вопросовъ, на которые желала получить отвѣты, одному изъ членовъ своихъ, г-ну Беру. Къ вопросамъ о лучшемъ способѣ достигнуть сѣвернаго берега прибавлены другіе, имѣющіе отношеніе къ естественнымъ наукамъ. При этомъ она просила собрать желаемыя свѣдѣнія не изъ красноярскаго губернскаго архива, а изъ устныхъ отвѣтовъ, полученныхъ по-крайней-мѣрѣ въ Туруханскѣ, какъ мѣстѣ, до котораго всего легче достигнуть и которое находится въ наибольшемъ сношеніи съ сосѣдними пустынями, если тамъ бываютъ какія-нибудь сношенія. Болѣе же всего Академія желала, чтобъ изъ Туруханска былъ отправленъ надежный человѣкъ на Хатангу, для собра-

нія отъ поселившихся тамъ Русскихъ свѣдѣній о странахъ, лежащихъ еще далѣе къ сѣверу.

Отвѣты получены Академіею въ началѣ 1841 года отъ извѣстнаго естествоиспытателя. г. Турчанинова, предсѣдателя Енисейскаго Губернскаго-Правленія. Къ-сожалѣнію, Академіи не сообщено, какимъ образомъ и гдѣ собраны эти отвѣты. Впрочемъ, они во многихъ отношеніяхъ такъ удовлетворительны и полны, какъ только можно было желать. Изъ нихъ, между прочимъ, видно, что въ народонаселеніи этихъ странъ въ-теченіе столѣтія произошли существенныя измѣненія, и что Русскіе, а можетъ-быть и инородцы, стали посѣщать берегъ еще рѣже, нежели посѣщали въ прежнія времена. Почитая собранныя свѣдѣнія весьма любопытными, Академія рѣшилась напечатать ихъ, и мы пользуемся этимъ случаемъ, чтобъ сообщить ихъ нашимъ читателямъ.

Вопросы, разрѣшеніе которыхъ Академія желала получить отъ посылаемаго къ Хатангѣ нарочнаго,— и Отвѣты, основанные на свѣдѣніяхъ отдѣльнаго засѣдателя Туруханскаго края.

Вопр. 1-й. Можно ли въ Туруханскѣ во всякое время года и безъ остановки закупить 100 оленей?

Отв. Въ Туруханскѣ оленей нѣтъ, а можно ихъ до 100 штукъ купить у инородцевъ, живущихъ по рѣкѣ Тазу, и не во всякое время, а только осенью. Впрочемъ, покупка ихъ тогда только возможна, когда уловъ звѣря бываетъ скуденъ; при хорошемъ уловѣ, когда инородцы не нуждаются въ продовольствіи, оленей закупить нельзя.

Вопр. 2-й. Держатъ ли и теперь въ Туруханскѣ, какъ то было прежде, особыхъ собакъ для ѣзды, и сколько примѣрно?

Отв. Собакъ для ѣзды держатъ, но мало; во всемъ Туруханскѣ ихъ можно найдти не болѣе 40.

Вопр. 3-й. Если въ Туруханскѣ не держатъ собакъ для ѣзды, или держатъ въ маломъ числѣ, то нельзя ли съ достовѣрностью положиться на то, что изъ окрестностей нѣсколькихъ сотъ верстъ соберутъ до 300 собакъ, если заказъ получится въ Туруханскѣ за три мѣсяца до употребленія собакъ въ путешествіе?

Отв. Собрать нынѣче до 300 собакъ изъ окрестностей Туруханска нельзя, какъ бы срокъ сбора ни былъ продолжителенъ. Причиной уменьшенія количества собакъ можно положить то, что ѣзда на собакахъ замѣняется лошадьми. Отъ Енисейска до Туруханска учреждена вездѣ конная гоньба. А отъ Туруханска внизъ по Енисею, по малочисленности жильцовъ на станціяхъ, собакъ содержится на каждой отъ 8 до 12, и то для собственнаго употребленія.

Вопр. 4-й. Или не лучше ли отправиться на оленяхъ до Хатанги и тамъ закупить собакъ?

Отв. Вотъ обыкновенный и, кажется, самый удобный образъ переѣзда по туруханскому краю: изъ Енисейска до Дудиной, находящейся въ 500 верстахъ ниже Туруханска, ѣздятъ водой на судахъ, во множествѣ отправляющихся каждую весну; до Хатанги отъ Дудиной на оленяхъ, которыхъ можно тамъ закупить до 200 штукъ, если заблаговременно озаботиться заготовленіемъ ихъ. Олени гораздо удобнѣе для путешествія, нежели собаки: преимущество ихъ состоитъ въ томъ, что они, питаясь мохомъ, не требуютъ другаго корма; о нихъ нужно имѣть одну заботу — сохранять отъ нападенія волковъ. Собаки же для дальнихъ переѣздовъ неспособны, о чемъ будетъ сказано въ пунктахъ 7 и 8.

Вопр. 5-й. Какъ, по-крайней-мѣрѣ прежде, у береговъ Ледовитаго-Моря не держали для ѣзды оленей, а только собакъ, то нужно справиться какъ въ Туруханскѣ, такъ и у Хатанги, не содержатъ ли и теперь еще собакъ на берегу и въ какомъ примѣрно числѣ на Хатангѣ, Таймурѣ, Пясидѣ и у устья Енисея?

Отв. На берегахъ Ледовитаго-Моря жителей нѣтъ. Самое послѣднее зимовье есть Крестовское; оно стоитъ на устьѣ Енисея во 100 верстахъ отъ моря. Вверхъ по Енисею до Толстаго-Носа живутъ крестьяне, которые оленей не имѣютъ, а держатъ собакъ и то понемногу, такъ - что въ каждомъ зимовьѣ можно найдти не болѣе 10. Всѣ эти зимовья, которыхъ тамъ считается только 5, расположены на большомъ пространствѣ одно отъ другаго. А потому утвердительно можно сказать, что по этому тракту проѣхать иначе нельзя, какъ только водою въ лѣтнее время. Устья Пясиды и Хатанги необитаемы, а есть жители гораздо-выше; всѣ они имѣютъ немного собакъ и оленей, но ѣздятъ преимущественно на сихъ послѣднихъ. На Таймурѣ собакъ вовсе нѣтъ, и Самоѣды, единственные обитатели этихъ мѣстъ, тоже ѣздятъ на оленяхъ.

Вопр. 6-й. Сколько обыкновенно впрягаютъ въ тамошнихъ странахъ собакъ въ одну нарту?

Отв. Восемь и десять.

Вопр. 7-й. Сколько пудовъ можно навьючить на такую нарту, не утомляя собакъ въ дальнемъ пути?

Отв. 20 и 25 пудъ, то-есть по 2½ пуда на собаку. Чтобъ сберечь собакъ въ дальнемъ путешествіи, дѣлаютъ обыкновенно такъ: проѣхавъ два дня, не болѣе 25 или 30 верстъ въ каждый, даютъ имъ отдыху одинъ день; чрезъ другіе же два дня даютъ отдыху два же дня. И при такомъ сбереженіи, на собакахъ можно проѣхать только отъ 500 до 800 верстъ.

Вопр. 8-й. Можно ли во всякое время закупить значительный запасъ пищи для собакъ и въ какихъ именно мѣстахъ? Или не нужно ли сдѣлать напередъ заказы, чтобъ къ опредѣленному времени было наловлено и навялено потребное количество рыбы? Какое количество таковыхъ рыбъ потребно для корма собаки на одинъ мѣсяцъ?

Отв. Нельзя опредѣлительно сказать, гдѣ и когда можно закупить значительный запасъ пищи для собакъ. Собаки кормятся рыбой, а уловъ рыбы зависитъ отъ случая: годомъ ее бываетъ много, а иногда весьма мало. Чтобъ хорошо кормить собаку, надобно 90 юкалъ чировыхъ въ мѣсяцъ, что составитъ гораздо болѣе той тяжести, которую собака можетъ везти. А какъ на путешествіе къ морю за тундрой потребуется времени болѣе одного мѣсяца, слѣдовательно, собаки не въ состояніи будутъ перевезти и своего корму. Вотъ уже и невозможность путешествія на собакахъ.

Вопр. 9-й. Въ какихъ другихъ мѣстахъ, кромѣ Туруханска, взимается ясакъ?

Отв. Ясакъ взимается при магазинахъ: дузинскомъ, лудинскомъ, хетскомъ, на Таву у церкви, у часовни на рѣкѣ Нижней-Тунгускѣ и за тундрой на Хатангѣ.

Вопр. 10-й. Производится ли это и понынѣ въ Хатангскомъ-Погостѣ?

Отв. Производится съ Якутовъ, Долгановъ, Самоѣдовъ и Тунгусовъ, живущихъ за тундрой.

Вопр. 11-й. Сколько Русскихъ живутъ въ Хатангскомъ-Погостѣ?

Отв. Русскихъ тамъ нѣтъ, а есть только три двора (дома) осѣдлыхъ Якутовъ.

Вопр. 12-й. Сколько Русскихъ живутъ въ другихъ мѣстахъ на Хатангѣ, и въ какихъ именно селеніяхъ, и по какимъ побочнымъ ея рѣкамъ?

Отв. По теченію Хатанги отъ погоста живутъ Русскіе въ зимовьяхъ: Усть-нижнемъ 11, Лукинскомъ 2, Попигайскомъ 7 и Балахнинскомъ, у рѣки Балахны, 3 души; по впадающимъ въ Хатангу рѣчкамъ тоже живутъ Русскіе, а именно: по рѣчкѣ Баганидѣ въ 6 зимовьяхъ 39, и по рѣкѣ Хетѣ въ 1-мъ 2 души.

Вопр. 13-й. Не живутъ ли Русскіе на рѣкахъ Таймурѣ и Пясидѣ и сколько примѣрно? или по симъ рѣкамъ живутъ одни только бродячіе народы?

Отв. По рѣкѣ Таймуру нѣтъ никакихъ жителей. Въ вершинѣ Пясиды,

до впаденія въ нее рѣки Дудыпты, живутъ Русскіе въ 7-ми зимовьяхъ до 35 душъ; далѣе же впаденія Дудыпты, Пясида необитаема По Дудыптѣ Русскіе живутъ въ 9 зимовьяхъ до 30 душъ.

Вопр. 14-й. Нѣтъ ли у устья Хатанги еще осѣдлыхъ (сидячихъ) Тунгусовъ, которые не содержатъ оленей, а собакъ?

Отв. Сидячихъ инородцевъ тамъ нѣтъ; бродячіе же иногда заходятъ туда, но всегда на оленяхъ.

Вопр. 15-й. Въ какихъ мѣстахъ собираются разные бродячіе народы, особенно зимою, и въ какихъ лѣтомъ?

Отв. Постоянныхъ сборищъ у бродячихъ народовъ нѣтъ. Въ ноябрѣ мѣсяцѣ иногда собираются, и то немногіе, на озерѣ Елѣ для торга съ пріѣзжающими туда изъ якутскаго края торговцами. Самоѣды иногда выходятъ въ Дудину, но всегда порознь.

Вопр. 16-й. Не доходятъ ли сіи кочевые народы, а особенно Самоѣды, лѣтомъ до двухъ мысовъ, простирающихся къ западу и востоку отъ рѣки Таймура на сѣверъ?

Отв. Объ этомъ положительно ничего нельзя сказать.

Вопр. 17-й. Имѣется ли вообще о сихъ двухъ мысахъ какое-либо свѣдѣніе въ Туруханскѣ и Хатангскомъ-Погостѣ? Низки ли они, или гористы? поросли ли мхомъ, или совсѣмъ утесисты?

Отв. Никакихъ нѣтъ свѣдѣній.

Вопр. 18-й. Отправляютъ ли и понынѣ въ Туруханскѣ ярмарку 29-го іюня (г. Степановъ называетъ *сугланы* или *ярмарки*; и такъ, сугланъ, кажется, должно быть употребительное въ Сибири названіе); приходятъ ли туда также бродячіе народы, и какіе именно?

Отв Сугланъ значитъ сборное мѣсто для взноса ясака. Туруханскую ярмарку, бывающую каждый годъ съ 1-го іюня по 1-е іюля, можно развѣ сугланомъ назвать потому, что Тунгусы, съ Нижней-Тунгуски, и Остяки разныхъ ордъ, выходя въ это время въ Туруханскъ, взносятъ ясакъ.

Вопр. 19-й. Отправляютъ ли также въ Хатангскомъ-Погостѣ сугланъ или ярмарку, и когда именно?

Отв. Въ Хатангскомъ-Погостѣ существуетъ не ярмарка, а сугланъ, т. е. сборъ ясака.

Вопр. 20-й. Справедливо ли то, что въ южныхъ частяхъ Хатанги еще имѣются лѣса?

Отв. Отъ вершины Хатанги и немного ниже Хатангскаго-Погоста есть лѣса, хоть небольшіе, однако достаточные для построекъ и отапливанія.

Вопр. 21-й. Рѣка Пясида вся ли течетъ по тундрѣ?

Отв. По Пясидѣ, до впаденія въ нее Дудыпты, мѣста лѣсисты, и оттуда начинается тундра.

Вопр. 22-й. Протекаетъ ли Анобаръ весь по тундрѣ, или не имѣется ли лѣсу у его источниковъ?

Отв. Вершины Анобара лѣсисты, какъ говорятъ самовидцы, бывавшіе въ Якутской-Области и у его начала; въ туруханскомъ же краѣ онъ течетъ по тундрѣ.

Вопр. 23-й. Употребляются ли на этихъ рѣкахъ лодки?

Отв. По Хатангѣ и Пясидѣ употребляются лодки, поднимающія до 100, а по Анобару такъ-называемыя ветки, поднимающія отъ 10 до 25 пудовъ.

Вопр. 24-й. Когда обыкновенно вскрываются эти рѣки и когда покрываются льдомъ? Когда вскрывается рѣка Таймуръ?

Отв. Всѣ эти рѣки, также и Таймуръ, вскрываются около 15-го іюня, а покрываются льдомъ около 29 августа.

Вопр. 25-й. Во сколько полагаютъ длину Пясиды, Таймура, Хатанги и Анобара? Всѣ ли онѣ берутъ свое начало изъ озеръ?

Отв. Длина этихъ рѣкъ неизвѣстна; начало свое онѣ точно имѣютъ изъ озеръ. Вершины Анобара, находясь въ Якутской-Области, неизвѣстны.

Вопр. 26-й. Которая изъ этихъ рѣкъ болѣе всего изобилуетъ рыбою и въ какое время преимущественно производится ловъ ея?

Отв. Всѣ эти рѣки изобилуютъ рыбой. но преимущественно Таймуръ и Пясида. Ловъ рыбы обыкновенно производится въ концѣ іюня или началѣ іюля.

Вопр. 27-й. Справиться въ Туруханскѣ далеко ли по рѣкѣ Тазу растутъ деревья?

Отв. Съ вершины Таза и немного ниже Часовни есть лѣса, а далѣе пойдетъ тундра.

Вопр. 28-й. Въ какое время залетаютъ сюда перелетныя птицы? Какихъ въ-особенности птицъ знаютъ жители? Сколько тамъ извѣстно породъ утокъ и гусей, и не имѣется ли между ими также бѣлаго гуся?

Отв. Птицы залетаютъ сюда въ концѣ мая и началѣ іюня. Жители знаютъ и въ особенности ловятъ: лебедей. гусей и утокъ. Породы утокъ имѣютъ здѣсь слѣдующія названія: сѣрыя, большія, острохвостныя, чирки, черныя аклеи, крохали и плаконоски; породы гусей: гуменники, короташи, ворогуйки. пискунцы и чугайки Бѣлые гуси залетаютъ сюда, но рѣдко.

Вопр. 29-й. Сколько извѣстно тамъ породъ рыбъ въ рѣкахъ и въ морѣ?

Отв. Извѣстныя рыбы въ рѣкахъ: осетры. стерляди, нельмы. таймени, муксуны. чиры. омули. пелятки, сиги, сельди, язи; въ озерахъ ловятся: караси, окуни. щука. налимы, куньжи и мучугоры. Породы морскихъ рыбъ неизвѣстны.

Вопр. 30-й. Попадаются ли въ тундрѣ мыши? Если онѣ попадаются, то желательно получить ихъ пару, уложенныхъ въ коробочкѣ съ сухою солью?

Отв. Мыши, такъ-называемыя песцовыя, водятся по тамошнимъ тундрамъ.

Вопр. 31-й. Въ какихъ мѣстахъ Хатанги попадаются каменные угли? Или не извѣстны ли еще страны въ тундрѣ, гдѣ попадаются каменные уголья?

Отв. О каменномъ углѣ за-тундрскіе жители, не имѣя понятія, не могли сообщить никакого свѣдѣнія.

Вопр. 32 й. Желательно, чтобъ привезено было два или три куска тамошнихъ каменныхъ углей и столько же янтарю, который, какъ говорятъ, встрѣчается у береговъ моря?

Отв. Янтарь и каменный уголь представляются.

Вопр. 33 й. Въ старинныхъ извѣстіяхъ упоминается о какой-то горящей въ нѣдрахъ своихъ горѣ на Хатангѣ. Извѣстна ли и теперь эта гора? Не каменный ли уголь горитъ въ ней? Желательно имѣть образчики его.

Отв. Горящей въ нѣдрахъ своихъ горы нѣтъ.

Вопр. 34-й. Часто ли попадаются въ тундрѣ, или по берегамъ рѣкъ, кости мамонтовъ?

Отв. Кости мамонтовъ часто попадаются по берегамъ рѣкъ и иногда въ тундрѣ. Костей этихъ за-тундрскіе жители передаютъ разнымъ торговцамъ иногда до ста пудъ.

Вопр. 35-й. Если зимою вся почва замерзла, то всѣ ли маленькія рѣчки высыхаютъ, или содержатъ въ себѣ еще воду?

Отв. Рѣки здѣсь покрываются льдомъ толщиною въ 3 арш., озера въ $2^1/_2$. И такъ, рѣки, неимѣющія означенной глубины. вымерзаютъ до-суха, и вода изъ источниковъ ихъ течетъ тогда уже по поверхности льда, называясь здѣсь «наледью».

Вопр. 36-й. Что извѣстно о пустынномъ хребтѣ, простирающемся, какъ говорятъ, отъ Западнаго-Таймурскаго-Мыса къ югу, а потомъ поворачивающемъ на востокъ къ Хатангѣ? Очень ли онъ высокъ? Остается ли лѣтомъ покрытъ снѣгомъ, или нѣтъ?

Отв. Хребетъ этотъ туземцы называютъ Сѣверными-Камнями; снѣгъ на немъ лѣтомъ таетъ, почему и надобно заключить, что онъ невысокъ.

Подлинникъ подписалъ: Управляющій губерніею, предсѣдатель губернскаго правленія Турчаниновъ.

СПОСОБЪ ЗОЛОТИТЬ МЕТАЛЛИЧЕСКІЯ ИЗДѢЛІЯ БЕЗЪ РТУТИ. — Ртутные пары, отдѣляющіеся при золоченіи металлическихъ вещей золо-

тою амальгамою, весьма вредно дѣйствуютъ на здоровье работниковъ. Нынче извѣстно нѣсколько способовъ золоченія безъ посредства ртути, и, конечно, самый удобный и дешевый — способъ Англичанина Элькингтона. Вотъ въ чемъ состоитъ онъ. Одну часть золота распускаютъ въ царской водкѣ и растворъ испаряютъ до кристаллизаціи; потомъ растворяютъ хлористое золото въ большомъ количествѣ воды, именно въ 130 частяхъ, кипятятъ и прибавляютъ туда 6 или 7 частей кислаго углекислаго кали или натра; жидкость получаетъ отъ этого зеленоватый цвѣтъ. Металлическая вещь, т. е. мѣдная или серебряная, предварительно хорошо очищается отъ окисла и на нѣсколько минутъ кладется въ слабую азотную кислоту. Вынувъ изъ кислоты, ее опускаютъ въ горячій золотой растворъ; чрезъ нѣсколько минутъ она совершенно вызолотится, и позолота бываетъ довольно-прочна. Но вотъ что̀ непріятно: иногда на мѣдной вещи (на серебряной этого не бываетъ) показываются темныя пятна, которыя никакъ не закрываются золотомъ. Это обратило на себя вниманіе Элькингтона, и онъ произвелъ, вмѣстѣ съ г. Райтомъ, множество опытовъ, результатомъ которыхъ оказывается слѣдующее: 1) Металлъ, предъ золоченіемъ, долженъ быть вычищенъ сколь-возможно-тщательнѣе, потому-что окислы не разлагаютъ раствора золота; вычищенную вещь должно брать не пальцами, а щипчиками, потому-что жиръ, пристающій отъ пальцевъ, также препятствуетъ, или, по-крайней-мѣрѣ, затрудняетъ золоченіе. 2) Только тотъ металлъ можетъ быть позолоченъ этимъ способомъ, который химически дѣйствуетъ на растворъ золота, слѣдовательно долженъ быть электро-положительный къ золоту, но не въ высокой степени, какъ напр. желѣзо; въ противномъ случаѣ золото хоть и осаждается на металлъ, но не пристаетъ къ нему. Лучше всего золотится серебро, потомъ красная мѣдь, томпакъ, желтая мѣдь и нейзильберъ. 3) Наконецъ, въ растворѣ золота должно имѣть ту степень окисленія, въ какую можетъ перейдти позолочиваемый металлъ (изобрѣтатель полагаетъ, что въ растворѣ находится хлористо-водородный окиселъ золота). Вотъ почему нельзя золотить прямо растворомъ золота въ царской водкѣ: здѣсь одинъ атомъ золота соединенъ съ тремя атомами хлора, а мѣдь требуетъ для своего соединенія только два атома; слѣдовательно, для позолоченія непремѣнно нужно имѣть одно хлористое золото, содержащее въ себѣ два атома хлора, которое и получается по способу Элькингтона, вмѣстѣ съ хлористымъ поташомъ, или натромъ въ видѣ двойной соли. Сверхъ всего этого, Элькингтонъ и Райтъ нашли, что золоченіе бываетъ вѣрнѣе, если въ растворъ золота, вмѣсто кислаго углекислаго кали, или натра, прибавить синеродистаго потассія, или натрія. При употребленіи этого раствора, пятенъ на мѣди не бываетъ.

КАКОЕ ДѢЙСТВІЕ ОКАЗЫВАЮТЪ МИНЕРАЛЬНЫЕ ЯДЫ НА ПРОИЗРАСТАНІЕ РАСТЕНІЙ? — Этотъ вопросъ въ видѣ задачи предложила ученымъ Брюссельская Академія въ прошломъ году. Дѣйствительно, очень-важно знать: если земля содержитъ въ себѣ, естественно или случайно, ядовитыя вещества, то будутъ ли они находиться въ растеніи, ростущемъ на такой почвѣ? — Давно уже Теодоръ де-Соссюръ доказывалъ, что корни растеній могутъ всасывать въ себя только вещества въ растворенномъ состояніи. Нынѣ представили Брюссельской Академіи свои опыты гг. Гентинъ и Луве. Гентинъ на квадратный метръ примѣшивалъ 250 грамовъ (около 50 золотниковъ) мышьяковистой кислоты и сѣялъ пшеницу, овесъ, морковь и картофель. Они росли безъ всякихъ особенныхъ явленій на отравленной почвѣ, и когда созрѣли, Гентинъ, обмывъ хорошенько каждое растеніе, изслѣдовалъ его и не нашелъ въ немъ ни на-

лѣйшаго признака мышьяка. Тотъ же опытъ повторилъ Луне и получилъ одинаковый результатъ. При другомъ опытѣ, Гентинъ на квадратный метръ примѣшалъ мышьяку впятеро больше и замѣтилъ, что растеніе, пустивъ только ростки, умирало. Въ росткахъ заключалось примѣтное количество мышьяка. Подобный же результатъ Гентинъ получилъ, поливая посѣянныя сѣмена крѣпкимъ растворомъ сулемы. Потомъ онъ поливалъ сѣмена особыми растворами слѣдующихъ солей: мышьяковисто-кислаго кали, сурьмяно-винокислымъ кали, уксуснокислымъ свинцомъ, сѣрнокислымъ цинкомъ, азотнокислою ртутью. При всѣхъ этихъ опытахъ, хлѣбныя растенія росли какъ ростутъ обыкновенно и не содержали въ себѣ ни одной изъ означенныхъ солей. Авторъ полагаетъ, что отъ дѣйствія углекислой извести, находившейся въ землѣ, всѣ эти соли перешли въ нерастворимыя соединенія, и потому не могли оказывать никакого дѣйствія. При употребленіи раствора желѣзнаго купороса, въ растеніяхъ оказывается больше желѣза, чѣмъ обыкновенно; равнымъ образомъ, если поливать мѣднымъ купоросомъ, то въ нихъ замѣчается присутствіе мѣди. Впрочемъ, мѣдь проникаетъ въ растенія въ видѣ углекислой соли, растворенной въ водѣ, которая насыщена углеродною кислотою, а можетъ-быть и растворенною въ соединеніи съ органическими веществами, находящимися въ землѣ. Впрочемъ, г. Верверъ, производя такой же опытъ, не нашелъ мѣди въ растеніи.

Совершенно-противное замѣчается, если поливать уже выросшее растеніе какимъ-нибудь ядовитымъ веществомъ, на-прим. кислымъ мышьяковисто-кислымъ кали; въ такомъ случаѣ, оно чрезъ сутки умираетъ, и мышьякъ находится не только въ корнѣ, но и въ стеблѣ, листьяхъ и даже сѣменахъ растенія; то же самое происходитъ, если стебель срѣзать и опустить въ слабый растворъ какой-либо металлической соли.

И такъ, эти опыты показываютъ, что для истребленія вредныхъ растеніямъ насѣкомыхъ можно безъ всякой опасности употреблять разныя ядовитыя вещества, даже мышьяковистую кислоту. Здѣсь видна предусмотрительность природы: вещества ядовитыя или не поглощаются растеніями или, попавши въ нихъ, тотчасъ умерщвляютъ ихъ. Напротивъ, безвредные металлическіе составы, какъ, на-примѣръ, содержащіе въ себѣ желѣзо, марганецъ, и проч. удобно входятъ въ растеніе въ большомъ количествѣ, и растеніе отъ этого ничего не терпитъ.

НОВЫЙ ВИДЪ КВАСЦОВЪ. — Съ нѣкотораго времени за границею появились новые квасцы, весьма выгодные для фабрикантовъ, во-первыхъ, потому-что они содержатъ въ себѣ гораздо болѣе глинозема, существенной части квасцовъ; во-вторыхъ, въ нихъ нѣтъ нисколько желѣза. Наружностью они совсѣмъ непохожи на обыкновенные поташные квасцы, а бываютъ въ видѣ бѣлой полупрозрачной доски, около вершка толщиною. Вкусъ ихъ такой же, какой имѣютъ обыкновенные квасцы, но только они сильнѣе, и въ водѣ распускаются гораздо-скорѣе, какъ доказываютъ изслѣдованія доктора Мора (въ Кобленцѣ); во 100 частяхъ ихъ находятся: глинозема 13,91, сѣрной кислоты 34, 93, сѣрнокислаго кали 2,77, и воды 48, 53. Слѣдовательно, они представляютъ чистый сѣрнокислый глиноземъ, если не принимать въ разсчетъ малаго количества сѣрнокислаго кали, въ нихъ находящагося. Они приготовляются чрезъ раствореніе прокаленной глины въ камерной сѣрной кислотѣ, сгущеніи раствора въ плоскихъ свинцовыхъ сосудахъ до густоты сиропа и вылитіи его въ низкія четыреугольныя формы. Вотъ какую выгоду могутъ они принести фабрикантамъ: Выше сказано, что полезная часть квасцовъ есть глиноземъ; въ этихъ квасцахъ его находится 13,91%, въ кристаллизованныхъ поташныхъ

квасцахъ его содержится только 10. 8%: слѣдовательно, въ первыхъ глинозема болѣе 3.1%, – количество, равняющееся 28.7% обыкновенныхъ квасцовъ, и потому, купивъ новые квасцы дороже обыкновенныхъ 28,7%, фабриканты ничего не теряютъ, напротивъ, скорѣе выигрываютъ, особенно если квасцы употребляются ими въ красильномъ искусствѣ: – выигрываютъ именно тѣмъ, что для полученія уксуснокислаго глинозема они сберегутъ 25% уксуснокислаго свинца, котораго это количество разлагаетъ сѣрнокислое кали, находящееся въ поташныхъ квасцахъ, и слѣдовательно теряется даромъ.

ОРГАНЫ ДѢТОРОЖДЕНІЯ У ЖЕМЧУЖНИЦЫ И БЕЗЗУБКИ. – «По примѣру прочихъ университетовъ» говоритъ Окенъ (*): «въ Цюрихскомъ также назначаются студентамъ преміи. Весною 1837 года это назначеніе пришлось на мою долю и я предложилъ слѣдующій вопросъ: «Съ древнихъ временъ, и даже послѣ превосходныхъ изслѣдованій Поли, полагали, что раковинные моллюски имѣютъ только одинъ яичникъ, и что они, по-этому, должны почитаться за животныхъ женскаго пола. Но наблюденія новѣйшихъ временъ дѣлаютъ вѣроятнымъ присутствіе въ нихъ и мужескихъ органовъ, хоть все-таки не рѣшено, двуполыя ли то животныя, или раздѣльныхъ половъ. Поэтому должно, какъ анатомическимъ разсѣченіемъ, такъ и микроскопическими изслѣдованіями и непосредственнымъ наблюденіемъ надъ развитіемъ молодыхъ животныхъ, доказать настоящее состояніе этихъ органовъ. Относительно развитія должны быть наблюдаемы одиночные моллюски, отдѣльно отъ другихъ, въ сосудахъ, а также по двое и по нѣскольку вмѣстѣ. Если будутъ открыты мужскіе органы, то ихъ срисовать вмѣстѣ съ ихъ относящими протоками.» Тогда не было получено никакого рѣшенія этой задачи, но позже студентъ Нейвилеръ занялся рѣшеніемъ этого вопроса и что это было не безъ успѣха, доказываетъ слѣдующее.

Опредѣленность, съ которою въ новѣйшее время Зибольдъ и Р. Вагнеръ увѣряютъ въ раздѣльности половъ не только нашихъ прѣсноводныхъ, но почти и цѣлаго класса двустворчатыхъ моллюсковъ, и совершенное молчаніе прочихъ, нераздѣляющихъ этого мнѣнія, заставляетъ меня сообщить здѣсь кратко результаты моихъ наблюденій и обратить вниманіе на истинный мужескій органъ нашихъ жемчужницъ (Uniones) и беззубокъ (Anodontae).

Съ-тѣхъ-поръ, какъ начали заниматься анатоміею моллюсковъ, существуютъ, касательно половыхъ отношеній этихъ животныхъ, всѣ возможныя мнѣнія. Такъ Мери и Кёльрейтеръ принимали за яичники наружныя жабры, а первый изъ нихъ внутреннія жабры за органы, приготовляющіе сѣмя. Оба наблюдали образованіе молодаго моллюска изъ яйца въ наружныхъ жабрахъ, чего имъ, безъ всякаго разысканія другихъ органовъ, казалось достаточнымъ для принятія этихъ частей за женскія. Наблюденія Поли, изложенныя въ его великолѣпномъ сочиненіи и доказывающія присутствіе яичниковъ у всѣхъ раковинныхъ моллюсковъ, какъ это зналъ уже Лёвенгукъ, уничтожили это мнѣніе и произвели другое, по которому весь классъ двустворчатыхъ моллюсковъ состоитъ только изъ женскихъ индивидуумовъ и которое раздѣляютъ Окенъ, Бленвилль и Карусъ. Эти ученые приняли для объясненія развитія яицъ у моллюсковъ такъ-называемое *безполое дѣторожденіе*, полагая, что яйцо можетъ быть оплодотворено безъ мужскаго начала. Противники же этого мнѣнія, особенно Прево, Зибольдъ и Вагнеръ, принимали раковинныхъ моллюсковъ за животныхъ съ раздѣльнымъ поломъ, потому-что у нѣкоторыхъ изъ нихъ они нашли на мѣстѣ яичника совершенно также устроен-

(*) Въ журналѣ своемъ «Isis» Изида. (1841, тетр. 8), откула и заимствуемъ эту статью.

ный органъ, который, однако, вмѣсто яицъ, содержалъ въ себѣ бѣловатый сокъ, наполненный сѣмянными животными (spermatozoa), чтó и понудило ихъ принять это состояніе яичника за яички (testes) и этихъ моллюсковъ за мужескихъ. Хотя фон - Беръ и полагаетъ, опираясь на свои наблюденія, по которымъ одна часть яичника образуетъ яички, а другая сѣмя, что моллюски все-таки могутъ быть обоеполыми, однако мнѣніе Прево, который, первый послѣ Лёвенгука, наблюдалъ сѣменныхъ животныхъ въ яичникахъ, кажется, теперь вѣроятнѣе, тѣмъ болѣе, что оно подтверждается разъисканіями Зибольда и Вагнера, и присутствіе оплодотворенныхъ сѣменныхъ животныхъ доказано и у другихъ безпозвоночныхъ животныхъ. Но всѣ эти мнѣнія основывались только на простомъ наблюденіи яичника; между-тѣмъ, какъ его изучали съ разныхъ сторонъ, надѣясь этимъ пояснить половыя отношенія, истинный мужской органъ, мѣсто образованія сѣменныхъ животныхъ, собственныя яички (testes) оставляли безъ всякаго вниманія; основываясь только на томъ, что Окенъ по аналогіи мужскаго органа съ чернильнымъ органомъ главоногихъ моллюсковъ такъ полагалъ, принимали этотъ мужской органъ за почку, тѣмъ болѣе, что Боянусъ показалъ большое количество сосудовъ, въ немъ находящихся. Эти яички (testes) суть не что иное, какъ та бурая железá, которую Поли почиталъ за органъ, отдѣляющій известь для образованія раковины, Мери и Боянусъ за легкія, Окенъ и новѣйшіе — за почку.

Въ-продолженіи наблюденій своихъ, я открылъ въ трубочкахъ многочисленныхъ складокъ, изъ которыхъ у жемчужницъ и беззубокъ образована эта железà, — сѣменныхъ животныхъ, какъ ихъ наблюдали Прево, Зибольдъ и Вагнеръ въ яичникѣ этихъ моллюсковъ; и замѣтилъ то участіе, которое онѣ принимаютъ въ половыхъ отправленіяхъ во время кладки яицъ, — именно: во время выхожденія яицъ чрезъ яйцепроводы истекаетъ изъ обѣихъ ихъ отверстій, которыя зналъ уже Поли, слизь, облекающая яйца. Будучи соединены такимъ образомъ между собою, они достигаютъ, какъ извѣстно, чрезъ широкія отверстія наружныхъ жаберныхъ проходовъ, въ мѣсто своего развитія, между сосудистыми листочками наружныхъ жабръ.

Эти наблюденія побуждаютъ меня принять бурый органъ за мужской и раковинныхъ моллюсковъ за обоеполыхъ, чтò согласуется также съ мѣстомъ, занимаемымъ ими въ системѣ, и ихъ родомъ жизни.

Извѣстно, что отверстіе яичекъ (testes) находится возлѣ устья яйцепровода (oviduct) и, подобно этому яйцепроводу, окружено бѣловатыми бородавочками, какъ-будто заступающими мѣсто запирающихъ мускуловъ. Актъ оплодотворенія, по-этому, можетъ быть легко объясненъ. Какъ скоро образовались въ яичкахъ (testes) сѣменныя животныя и наступило время дѣторожденія, то бородавки совершенно прилегаютъ одна къ другой, и переходъ сѣменныхъ животныхъ начинается. Принимающимъ раздѣльность половъ трудно будетъ объяснить переходъ оплодотворяющаго начала изъ одного индивидуума въ другой чрезъ узкія отверстія яйцепроводовъ; равнымъ образомъ не легче объяснить, почему низшіе раковинные моллюски раздѣльнаго пола, а высшеорганизованныя улитки обоеполыя.

ПАРОХОДЪ, ПОСТРОЕННЫЙ ВЪ XVI СТОЛѢТІИ. — Множество открытій приписывается недавнему времени, между-тѣмъ, какъ они извѣстны были очень-давно; это можетъ доставить утѣшеніе тѣмъ, которые говорятъ, что «ничто не ново подъ луною»... Такъ, на-примѣръ, изобрѣтеніе парохода приписываютъ обыкновенно Американцамъ въ настоящемъ столѣтіи, а между-тѣмъ вотъ что говоритъ объ этомъ донъ Мартинъ Фернандецъ де-Наварета (Navarette) въ своей ком-

пиляціи. *Путешествія и Открытія Испанцевъ.* «Бласко де-Гарай, капитанъ корабля, въ 1543 году представилъ императору Карлу V машину, посредствомъ которой могутъ плыть самые большіе корабли въ тихую погоду, безъ парусовъ и безъ веселъ. Изобрѣтатель нашелъ себѣ много противниковъ; однакожь, по повелѣнію императора, были производимы опыты съ его машиною 7 іюня 1543 года въ барцелонской гавани. Гарай содержалъ въ секретѣ устройство машины, и извѣстно было только, что она состоитъ изъ огромнаго котла. Судно же, на которомъ была она поставлена, имѣло по колесу съ обѣихъ сторонъ, и проѣхало отъ Колліуры до Барцелоны, нагруженное хлѣбомъ. Оно вмѣщало въ себѣ 200 тоннъ, называлось «Троицею» и находилось подъ управленіемъ г. Скарзы. Опытъ этотъ произведенъ былъ въ присутствіи Генриха-Толедскаго, Петра Кардоны, начальника города, вице-канцлера Франциска Гралла и другихъ знатныхъ особъ, при стеченіи множества народа и моряковъ, привлеченныхъ необыкновенностію зрѣлища. Машина дѣйствовала удачно и заслужила одобреніе императора и большой части бывшихъ съ нимъ особъ. Главный противникъ Гарая, Раваго, утверждалъ, что изобрѣтеніе не принесетъ никакихъ выгодъ, потому-что, при дорого-стоящемъ и весьма-сложномъ механизмѣ, судно дѣлаетъ только 12 верстъ въ два часа, и сверхъ-того предстоитъ опасность отъ разрыва пароваго котла. Между-тѣмъ, назначенная коммиссія донесла, что судно ходитъ очень скоро, такъ-что при самомъ медленномъ плаваніи оно совершаетъ 8 верстъ въ часъ. Послѣ опыта, машина была снята съ судна и долго хранилась въ барцелонскомъ арсеналѣ; колеса же оставались у изобрѣтателя. И такъ, не смотря на всѣ выходки Раваго, изобрѣтеніе Гарая увѣнчалось полнымъ успѣхомъ, и императоръ, весьма-довольный имъ, велѣлъ принять на свой счетъ всѣ издержки, употребленныя на опыты; но война отвлекла вниманіе Карла V, — устроеніе пароходовъ тѣмъ и кончилось. Достовѣрность этого происшествія доказываютъ подлинные документы, хранящіеся въ Саламанкскомъ Архивѣ.»

Желѣзныя дороги въ Германіи.—Германія отчасти приготовила, отчасти приготовляетъ цѣлую сѣть желѣзныхъ дорогъ, которая должна будетъ обнять всѣ важнѣйшіе пути, прорѣзанные торговлею въ огромномъ тѣлѣ ея, какъ на берегахъ Балтійскаго и Сѣвернаго Морей, такъ и по направленію къ Океану, Средиземному-Морю и Дунаю. Это не шаткіе проекты, не предположенія, а дѣла или оконченныя, или оканчиваемыя.

Сѣть желѣзныхъ дорогъ, предпринятыхъ Пруссіею и Саксоніею, будетъ имѣть средоточіемъ Лейпцигъ и Галле, и составитъ четыре основныя линіи:

Первая линія простирается изъ Штетина, отъ устья Одера, касается Берлина, Лейпцига и, проходя по Баваріи и Ломбардіи, соединяется въ Веронѣ съ большою желѣзною дорогою, которая должна соединить Миланъ съ Венеціею.

Вторая линія идетъ изъ Бремена, отъ устья Везера, чрезъ Ганноверъ, Магдебургъ, соединяется съ первою у Лейпцига, простирается черезъ Саксонію и Богемію въ Дрезденъ и Прагу и доходитъ до Брунна и Вѣны.

Третья — изъ Гамбурга, отъ устья Эльбы, въ Берлинъ, Франкфуртъ-на-Одерѣ, и чрезъ Силезію и Бреславль до границъ Галиціи, въ Краковъ.

Четвертая, начинаясь у Средняго-Рейна, то-есть у точки соединенія баварскихъ и бельгійскихъ желѣзныхъ дорогъ и французской альзасской желѣзной дороги, идетъ на Мангеймъ, Франкфуртъ-на-Майнѣ, Кассель, Гёттингенъ, Галле и соединяется у Лейпцига съ упомянутыми тремя линіями дорогъ.

Не останавливаясь на многочисленныхъ боковыхъ желѣзныхъ дорогахъ, которыя будутъ еще тѣснѣе соединять

главныя, скажемъ о цѣломъ преднамѣреніи вообще,—преднамѣреніи, которое уже рѣшено, условлено между Пруссіею, Австріею и другими германскими государствами и которому не недостанетъ, въ этихъ государствахъ, гдѣ разсуждаютъ мало, ни капиталовъ, ни рукъ. На многихъ пунктахъ уже начались работы.

Довольно бросить взглядъ на карту, чтобъ тотчасъ убѣдиться, какъ обширенъ и разуменъ планъ этихъ желѣзныхъ дорогъ, о которыхъ говоримъ мы. Германскій сѣверъ владѣетъ тремя большими морскими устами: Веверомъ, Эльбою и Одеромъ. Черезъ нихъ производится почти вся прибалтійская торговля. На югѣ Германіи три пункта соотвѣтствуютъ этимъ рѣкамъ: французскій Рейнъ, Адріатическое-Море и Дунай, или Черное-Море. Описанная нами система соединяетъ собою всѣ эти крайніе пункты и, что еще важнѣе, приводитъ ихъ въ связь съ большою дорогою, которую Голландія Сѣвернымъ Рейномъ, а Бельгія своими желѣзными дорогами и каналами открыли торговлѣ между Атлантическимъ-Океаномъ и континентальною Европою.

И въ центрѣ всей этой системы, Лейпцигъ, столица промышлености Германскаго Союза, средоточіе тѣхъ знаменитыхъ нѣмецкихъ ярмарокъ, которыхъ существованіе относится къ самымъ отдаленнымъ временамъ, и на которыхъ встрѣтите вы и Армянина, и кочующаго Еврея, и Англичанина, и Американца, и Русскаго,—Лейпцигъ, котораго торговая дѣятельность удесятерилась въ послѣднія семь лѣтъ, со времени установленія таможеннаго союза и вокругъ котораго потянутся по всѣмъ направленіямъ, точно какъ лучи, пять необъятныхъ линій желѣзныхъ дорогъ; эти линіи будутъ доставлять ему, съ юга, ломбардскіе шелки и сырые матеріалы, приносимые Дунаемъ съ Востока; съ сѣвера и востока повезутъ къ нему шерсти, пеньку и ленъ изъ Саксоніи, Польши и Россіи; съ запада — хлопчатую бумагу и тропическія произведенія Новаго-Свѣта. Этими же пятью линіями отправятъ изъ Лейпцига доставленные ему матеріалы обратно, но уже въ видѣ произведеній, которыми сѣверъ и западъ Германскаго Союза соперничествуютъ уже съ Ліономъ и Мюльгозомъ, съ Манчестеромъ и Бирмингэмомъ. Слѣдствія этого неисчислимы.

Ученый конгрессъ 1842 года во Франціи. — Въ концѣ августа начались во Франціи съѣзды ученыхъ въ Ліонѣ; засѣданія открылись 19-го и продолжались по 20 августа; ежедневно 12 или 15 часовъ было посвящаемо наукамъ. 26-го августа ученые отправились въ Вьенну. Два большіе парохода болѣе чѣмъ съ 700 пассажирами плыли по Ронѣ, сопровождаемые пушечною пальбою и музыкою отъ самаго Ліона до Вьенны. Множество собравшихся на берегу рѣки зрителей составляло какъ-бы живую аллею для ученаго общества. По пріѣздѣ въ Вьенну, ученые были встрѣчены подпрефектомъ Додомъ, мэромъ Дуанà, смотрителемъ за антиками, г. Делормомъ, и важнѣйшими фабрикантами. Потомъ, раздѣлившись на три партіи, они отправились осматривать, одни — горы, окружающія Вьенну, другіе — фабрики и заводы, тамъ находящіеся въ большомъ количествѣ и въ хорошемъ состояніи, третьи — древности, стòящія вниманія археологовъ, особенно остатки цирка древняго города Планкуса. Послѣ этого осмотра, общество сѣло обѣдать въ числѣ 800 человѣкъ на Марсовомъ-Полѣ подъ деревьями. Въ-продолженіи обѣда играла военная музыка и производилась пальба изъ пушекъ; множество гулявшаго народа придавало событію видъ настоящаго праздника. Князь де Канина, занимающійся весьма ревностно естественными науками и находившійся въ поѣздѣ, былъ замѣченъ и привѣтствованъ громкихъ «виватъ!». Изъ Вьенны князь отправился въ Мар-

сель, чтобъ поспѣть въ-время во Флоренцію на съѣздъ итальянскихъ ученыхъ. На другой и въ слѣдующіе дни начались любопытныя пренія, чтеніе разныхъ сочиненій, записокъ, и засѣданія продолжались долго за положенное въ программѣ время. Каждое отдѣленіе ученыхъ составляло настоящую академію, въ которой разсматривались различные современные вопросы, интересные для науки. Общественное ученіе Фурьѐ изложено было Консидераномъ и развито докторомъ Дессе́ и многими молодыми врачами; предъявлено было нѣсколько замѣчательныхъ феноменовъ животнаго магнетизма и сомнамбулизма; высшіе педагогическіе взгляды Песталова и Фелленберга встрѣтили себѣ множество объяснителей и жаркихъ защитниковъ, тогда-какъ первыя три ученія нашли себѣ страшныхъ противниковъ. Потомъ предложено было много вопросовъ, относящихся прямо къ мѣстности, именно объ улучшеніи положенія рабочаго класса, усовершенствованіи фабричныхъ и заводскихъ производствъ и о средствахъ, служащихъ къ отвращенію разлива водъ Роны, причиняющихъ много вреда жителямъ. Г. Фелленбергъ прислалъ въ конгрессъ записку, весьма замѣчательную по своему содержанію относительно учрежденія школъ для воспитанія и образованія искусныхъ земледѣльцевъ. Подобную школу завелъ и содержитъ Фелленбергъ въ Гофвилѣ, близь Берна. Послѣ чтенія этой записки, г. Жюльенъ де-Пари предложилъ составить коммиссію изъ собравшихся ученыхъ, которая бы осмотрѣла замѣчательныя земледѣльческія учебныя заведенія во Франціи, и сдѣлала бы донесеніе, на основаніи котораго можно было бы учредить въ Ронскомъ Департаментѣ или въ другомъ мѣстѣ нормальную школу, гдѣ вмѣстѣ съ правилами нравственности воспитанники изучали бы и правила сельскаго хозяйства. Это предложеніе принято было съ чрезвычайнымъ одобреніемъ, но совершенно опровергнуто ронскимъ депутатомъ Фульширономъ, по мнѣнію котораго подобныя предложенія, кажущіяся очень заманчивыми, до-сихъ-поръ не производятъ никакихъ полезныхъ результатовъ; «къ-тому же» — продолжалъ онъ — «зачѣмъ ѣздить понапрасну, когда нѣтъ денегъ для заведенія школы?» — Далѣе читана была г-мъ Поршà записка, въ которой умно и вѣрно сравниваетъ онъ литературу въ провинціяхъ съ парижскою и показываетъ способы къ усовершенствованію моральному и общественному. Г. Поршà чтеніемъ своимъ возбудилъ единодушное рукоплесканіе. Потомъ онъ же читалъ нѣсколько отрывковъ изъ перевода стихами на французскій языкъ «Ars poëtica» Горація; переводъ его очень вѣренъ и дышетъ истиннымъ краснорѣчіемъ. Далѣе читаны были и другія произведенія литературныя въ стихахъ и прозѣ: гг. Жюль Полѐ, библіотекаремъ въ Боннѣ, Аньяномъ, Бушарлу, Бѣтелемъ, Пезани и Жюльеномъ де-Пари. Гг. Морне и Пюви, экс-депутаты, предложили способы осушить окрестные пруды и произвести многія другія измѣненія, клонящіяся къ поддержанію общественнаго здравія. Въ живописномъ городскомъ саду были выставлены произведенія земледѣлія и цвѣтоводства. Потомъ были два засѣданія общества сохраненія памятниковъ провинціальнаго института: музыкальные вечера у ліонскаго мэра; публичныя засѣданія въ гимнастической школѣ, въ военной гимназіи въ Ліонѣ; дѣлана была проба новаго органа превосходной работы: звуки его не уступаютъ фрибургскому органу въ Швейцаріи; потомъ ученые осматривали собранія древностей, между-прочимъ замѣчательнѣйшее собраніе г. Комарнона, публичныя библіотеки и другія общественныя заведенія. Наконецъ, 31 августа, на прощанье, конгрессу данъ былъ концертъ, въ которомъ играло 120 музыкантовъ; на Тильзитскомъ Мосту черезъ рѣку Саону горѣла чудная иллюминація, представлявшая храмъ искусствъ; къ довершенію всего,

пущенъ былъ огненный шаръ, разразившійся въ воздухѣ великолѣпнымъ фейерверкомъ.—Такъ чествуютъ въ Европѣ науку и ея представителей!

ЗНАМЕНИТЫЕ СОВРЕМЕННИКИ: СУЛТАНЪ АБДУЛЪ-МЕДЖИДЪ, МЕХМЕДЪ-АЛИ И ОТТОНЪ. — Въ этой же книжкѣ нашего журнала, въ обозрѣніи новостей германской литературы, мы извѣщаемъ читателей о весьма-интересной книгѣ, только-что появившейся въ Штутгардѣ подъ названіемъ: «Morgenland und Abendland» (Востокъ и Западъ). Заимствуемъ, на первый разъ, изъ нея очерки трехъ главныхъ дѣйствователей на сосѣднемъ съ Европою Востокѣ: молодаго турецкаго султана, престарѣлаго паши египетскаго — недавняго врага, теперь смиреннаго подданнаго Оттоманской Имперіи, — и короля возрожденной Греціи.

1. Абдулъ-Меджидъ. Въ одиннадцать часовъ утра (говоритъ авторъ - путешественникъ) загремѣли пушки: султанъ отправлялся изъ босфорскаго дворца въ сераль. На этотъ день назначена была для молитвы его мечеть султанши-валидэ; о подобномъ назначеніи народъ узнаётъ обыкновенно лишь за нѣсколько часовъ до процессіи. Какъ во всѣхъ большихъ городахъ во время празднествъ, толпы народа тѣснились на улицахъ Константинополя: султанъ въ первый разъ послѣ смерти отца своего выѣзжалъ въ мечеть. Войска и роскошно-убранныя кареты, наполненныя дамами, вытянулись шпалерами по обѣимъ сторонамъ улицы и съ трудомъ удерживали натискъ любопытнаго народа. Знакомые намъ турецкіе офицеры освободили насъ изъ ужасной давки, гдѣ по-временамъ очень-близко отъ насъ раздавались палочные удары блюстителей тишины и порядка. Мы вошли въ кафинè; тамъ офицеры попотчивали насъ трубками и кофеемъ, и мы выбрали самое выгодное мѣсто, чтобъ видѣть всю церемонію. Шествіе открылось богато-убранными верховыми лошадьми изъ султанскихъ конюшенъ. За ними слѣдовали попарно верхомъ офицеры, отъ низшихъ чиновъ до полковниковъ и генераловъ. Къ нимъ примыкалъ длинный рядъ офицеровъ высшаго разряда, шедшихъ пѣшкомъ, а за ними по одиначкѣ, верхомъ, ѣхали Гафизъ-паша, повидимому въ глубокой печали, всемогущій Хозревъ и зятья султана. Потомъ ѣхалъ самъ султанъ, высокій молодой человѣкъ, сидѣвшій очень прямо на лошади, блѣдный и серьёзный, съ легкимъ пушкомъ на бородѣ, съ прекрасною профилью и блестящими, проницательными глазами, которые, впрочемъ, онъ вперялъ прямо передъ собой въ землю. Лицо его неподвижно, но дѣлается привлекательно, если онъ одушевляется. Некрасивый красный фесъ закрывалъ уши и лобъ его. Головное украшеніе составляла алмазная аграфа. На немъ надѣта была мантія нынѣшнихъ султановъ; высокій суконный воротникъ ея, оливковаго цвѣта, застегнутъ былъ брильянтовой пряжкой. За султаномъ шли придворные чиновники и слуги въ вышитыхъ ливреяхъ сераля.

Два человѣка съ серебряными кадильницами встрѣтили Абдула-Меджида на порогѣ мечети; изъ курильницъ чудное благовоніе распространялось по всей площади; потомъ, эти два человѣка впереди султана вступили въ мечеть. Муэззины подняли свои отвратительные крики и изъ мечети понеслось пѣніе муфтіевъ, довольно похожее на пѣніе въ католическихъ обѣдняхъ. Мы отправились къ пристани, чтобъ видѣть отъѣздъ султана; французскіе и англійскіе флотскіе офицеры собрались туда же. Султанъ поклонился намъ слегка, но съ европейскою граціею, прежде, нежели сошелъ съ лошади. Войско привѣтствовало его шумною музыкою, а народъ ужасными кликами, которые часто удерживали полновѣсными ударами кавассы. Султанъ сѣлъ въ пре-

красную, позолоченную гондолу съ балдахиномъ изъ краснаго бархата. Такихъ гондолъ двѣ: одна всегда остается въ резервѣ на случай несчастія. Эти гондолы, равно какъ и тѣ, въ которыхъ сидитъ свита, бѣлаго цвѣта, богато и со вкусомъ украшены золотомъ; не смотря на величину свою, онѣ построены очень легко и красиво, и могутъ служить образцами для морскихъ весельныхъ судовъ. По турецкому обычаю, каждый, при вступленіи въ гондолу, снимаетъ башмаки, потому-что суда сплошь обиты драгоцѣнными коврами. Молодой падишахъ вошелъ въ гондолу и сѣлъ на поставленный въ ней позолоченный тронъ подъ балдахиномъ.

Двадцать-четыре молодыхъ, сильныхъ гребцовъ, отличнѣйшихъ изъ десяти тысячь гребцовъ на босфорскихъ каикахъ, въ голубыхъ и красныхъ шапочкахъ, бѣлыхъ куртках и панталонахъ, поднялись въ ту минуту, когда султанъ сѣлъ, взялись за позолоченныя весла, и судно полетѣло по водамъ, какъ-бы гонимое невидимою бурею. Особенно замѣчательно военное однообразіе гребли: весла опускаются вдругъ и на равную глубину въ воду; гребцы встаютъ всѣ вдругъ съ своихъ мѣстъ, проводя веслами по водѣ, и также точно опять садятся. Въ этихъ пріемахъ господствуетъ величайшая точность и однообразіе; можно побиться объ закладъ, что тутъ нѣтъ ни на вершокъ разницы.—Вслѣдъ за этимъ открывается единственное въ своемъ родѣ зрѣлище. На всѣхъ корабляхъ въ гавани и каналѣ подымаются флаги; баттареи сераля привѣтствуютъ султана залпомъ, повторяемымъ на всякомъ военномъ кораблѣ и на отдаленныхъ прибрежныхъ баттареяхъ. Море начинаетъ колебаться, потрясенное выстрѣлами; въ одно мгновеніе городъ и проливъ покрываются черными облаками дыма; видѣнъ только огонь, вырывающійся изъ бортовъ кораблей и изъ пушекъ, стоящихъ на берегу; мимо тысячи барокъ несутся блестящія султанскія гондолы, нельзя подобно молніямъ въ мракѣ: онѣ летятъ въ Золотой-Рогъ и скоро исчезаютъ въ дыму выстрѣловъ, которые повторяются въ горахъ трехъ султанскихъ городовъ протяжнымъ эхомъ. Это такая оригинальная картина южной роскоши, какой едва-ли гдѣ можно встрѣтить теперь, кромѣ, развѣ, Китая.

Я сѣлъ въ лодку и поѣхалъ вдоль гавани за султанскою свитой, но скоро потерялъ ее изъ виду. Босфоръ-Ѳракійскій, вѣрно, не имѣетъ другаго достойнѣйшаго соперника, кромѣ знаменитаго Золотаго-Рога; Золотой-Рогъ — какъ гавань, несравненъ, а какъ рѣка — можетъ уступить только Темзѣ въ числѣ кораблей, покоящихся на водахъ его. До мосту вы ѣдете между частымъ лѣсомъ мачтъ, совершенно-закрывающихъ берега обоихъ городовъ. За мостомъ, картина становится обширнѣе; на рѣкѣ не такъ ужь много кораблей, точно какъ въ Лондонѣ за Лондонскимъ-Мостомъ. По лѣвую сторону открываются набережныя; многочисленныя ворота становятся явственнѣе, Армянскій-Кварталъ, Селимова-Мечеть, Церковь Патріархов, Еврейскій Гетто и Фанаръ выступаютъ передъ проѣзжающимъ, и только городскіе валы отдѣляютъ отъ васъ прелестный Эйюбъ съ его садами и могилами; пригорки, возвышающіеся за нимъ, составляютъ мѣсто прекраснѣйшей прогулки къ Прѣснымъ-Водамъ и усладу константинопольскихъ жителей. Вправо же отъ моста, на крутыхъ скалахъ, возвышаются предмѣстья Галата и Кассимпаша; они, вмѣстѣ съ арсеналомъ и его безчисленными мастерскими, верфями, литейными, канатными фабриками и магазинами на нѣсколько миль покрываютъ весь берегъ, иззубренный губами, до самой пустынной горы съ печальными памятниками на еврейскихъ могилахъ, которыми оканчивается городъ.

При поворотѣ открывается вамъ прекрасный ландшафтъ въ томъ мѣстѣ,

гдѣ втекають въ гавань прѣсныя воды, собирающіяся у подошвы Балкана и текущія оттуда въ море. Берега украшены прелестными кіосками и соединены между собою воздушными мостиками. Прекрасныя группы деревьевъ, роскошные дубы стоятъ по-одиначкѣ, — и безъискуственная, необработанная, какъ создала ее прихотливая природа, эта аллея тянется между рѣкой и пригорками, идущими вправо къ Пэрѣ... На лугахъ были разбиты зеленыя палатки и безчисленныя группы женщинъ, одѣтыхъ въ бѣлое, окаймляли берега, на которыхъ онѣ отдыхали и прохлаждались въ тѣни вязовъ. Очарованный этимъ зрѣлищемъ, я зашелъ далеко за султанскій кіоскъ; вдругъ два турецкіе эффендія на быстрыхъ коняхъ обогнали меня и поскакали къ пригорку, изъ за котораго въ это самое время вышла толпа прогуливавшихся дѣвушекъ. При видѣ всадниковъ, онѣ съ громкимъ крикомъ разбѣжались въ разныя стороны. Не знаю, кто болѣе испугался — дѣвушки, или всадники, потому-что въ Турціи, гдѣ такъ строго соблюдается раздѣльность половъ, всякое подобное приключеніе можетъ быть толковано въ дурную сторону и имѣть непріятныя послѣдствія. Мужчины остановили лошадей и спѣшились; тутъ страхъ рѣзвыхъ дѣвушекъ превратился въ кокетство, которое очень забавляло меня, потому-что я не видывалъ ничего подобнаго. Онѣ продолжали бѣгать по всѣмъ направленіямъ, какъ-бы ища помощи, и при этомъ случаѣ имѣли нѣкоторымъ образомъ право выказывать такія вещи, которыя обнаруживать запрещаетъ имъ безчеловѣчный законъ. Чтобъ легче было бѣжать, онѣ такъ ловко распоряжались своими широкими одеждами, что безпрестанно обнажали то ножку, то шею. Это была чрезвычайно-невинная, можетъ-быть даже несовсѣмъ-понятная имъ-самимъ игра, которая кончилась тѣмъ, что онѣ съ громкимъ хохотомъ взбѣжали на ближайшій пригорокъ и скрылись за нимъ. Эти несчастныя созданія рады хоть на минуту сбросить съ себя оковы, наложенныя на всю жизнь ихъ.

Вдругъ разразилась гроза и принудила меня искать убѣжища. Всѣ спѣшили въ палатки, я также отправился искать пріюта въ самой большой изъ нихъ, гдѣ нашелъ множество народа, столпившагося вокругъ группы танцовщиковъ—прелестныхъ мальчиковъ. Только одинъ изъ всѣхъ присутствующихъ сидѣлъ; прочіе всѣ стояли. Этотъ одинъ былъ султанъ, который, будучи застигнутъ дождемъ, вошелъ въ палатку и дозволилъ танцовщикамъ плясать въ своемъ присутствіи. Я почтительно поклонился ему по-европейски, и онъ отвѣчалъ мнѣ очень благосклонно. По окончаніи танца, султанъ всталъ, ласково кивнулъ мнѣ головой и приказалъ одному изъ свиты спросить моего драгомана, кто я. Я подошелъ ближе и выразилъ свое сожалѣніе, что, по неимѣнію мундира, не могъ представиться его высочеству, и считаю себя очень счастливымъ, что желаніе мое исполнилось теперь такъ неожиданно. Султанъ былъ очень милостивъ, и я могъ теперь лучше разсмотрѣть его физіономію, чѣмъ поутру. На ней выражается умъ и добродушіе; но черты, если взять въ соображеніе лѣта султана, очень стары; Богъ-знаетъ, что причиною этого... Когда султанъ возвратился въ свою гондолу, я воспользовался прояснившеюся погодою и поѣхалъ назадъ. Лишь только миновалъ я мостъ, какъ блестящій поѣздъ султанскихъ гондолъ уже догналъ меня и вскорѣ скрылся изъ виду между безчисленнымъ множествомъ кораблей.

II. Мехмедъ-Али.—Нынѣшній правитель Египта, Мехмедъ-Али, одинъ изъ самыхъ счастливыхъ авантюристовъ и мятежниковъ всѣхъ временъ и народовъ. Онъ разрушилъ царство происковъ, бунтовъ, измѣны и убійствъ, уничтожилъ Мамлюковъ, чтобъ они не могли оспоривать правъ его на корону, свергъ съ себя верховную власть слабаго правительства, создалъ значительный флотъ и благоустроенную ар-

мію, которые непобѣдимы до-тѣхъ-поръ, пока противъ нихъ возстаютъ только дикія орды, незнающія порядка и устройства. Но Мехмедъ-Али навлекъ на себя проклятіе своего несчастнаго народа, потому-что въ человѣкѣ желаніе жить пересиливаетъ всѣ другія желанія, а онъ отнялъ у народа всѣ средства къ жизни. Въ древности, народонаселеніе Египта простиралось до 7 мильйоновъ; во время вторженія Бонапарте—до 5-ти; когда Мехмедъ-Али истребилъ Мамлюковъ, оно уменьшилось до 3-хъ, а теперь составляетъ только два, по инымъ даже полтора мильйона. Вотъ простой отвѣтъ на хвастливыя похвалы, расточаемыя террористскому правительству, которое не признаетъ собственности и съ человѣкомъ обходится какъ съ средствомъ къ пріобрѣтенію денегъ. Что̀ пользы бѣднымъ, египетскимъ феллахамъ въ мечтательной славѣ ихъ государя (*); что̀ пользы въ освобожденіи отъ турецкой власти, въ многочисленномъ флотѣ, въ дорого-сто̀ящемъ управленіи, въ европейскихъ прожектёрахъ, дармоѣдахъ и панегиристахъ, которые увозятъ съ собою деньги и смѣются надъ легковѣріемъ паши? И можно ли вмѣнять въ преступленіе этому народу, что онъ несетъ тиранское иго съ скрытною яростію и ненавидитъ его виновника? Ненависть эту знаетъ самъ Мехмедъ-Али, и вотъ причина его жестокаго правленія, которому можетъ покоряться одинъ только египетскій народъ, въ-продолженіи тысячелѣтій привыкшій къ рабству. Найдете ли вы въ управленіи Мехмеда-Али хоть что-нибудь, носящее на себѣ малѣйшій признакъ справедливости и человѣколюбія? Личное самолюбіе и удовлетвореніе необъятной, безпокойной жажды власти—вотъ рычаги всѣхъ его дѣйствій. Въ глазахъ его, Египетъ не болѣе, какъ вотчина, изъ которой самовластно можно извлекать выгоды, а египетскій народъ—стадо, которое можно стричь и рѣзать по произволу. Развѣ онъ самъ не говоритъ при всякомъ случаѣ, что несчастные феллахи не созрѣли еще для лучшаго состоянія и что ихъ можно держать въ повиновеніи только страхомъ? И что̀ же, наконецъ, сдѣлалъ онъ, чтобъ доставить хоть отдаленнѣйшему потомству своего народа лучшую участь, лучшее нравственное состояніе? Все, что̀ ни дѣлалъ онъ,—дѣлалъ для одного себя, не обращая вниманія на то, что введенная имъ система монополіи должна разрушить торговыя связи и благоденствіе всего Египта. Онъ соорудилъ огромнѣйшій флотъ, нисколько не думая помогать этимъ торговлѣ. Его система налоговъ отчудила богатые караваны отъ Египта; фабрики его не находятъ себѣ другихъ потребителей, кромѣ подданныхъ его, принуждаемыхъ къ тому силою. Множество разрушающихся фабричныхъ строеній доказываетъ, какъ безполезно было заводить ихъ. Невѣроятное легкомысліе, съ какимъ исполнялись проекты нѣкоторыхъ неопытныхъ инженеровъ, предлагавшихъ устроивать плотины на оконечности нильской Дельты, можетъ служить лучшимъ доказательствомъ невѣжества и расточительности Мехмеда-Али, и даетъ вѣрный масштабъ для оцѣнки его совѣтниковъ, указывающихъ самолюбивому старику во всякомъ камнѣ, употребляемомъ на безполезныя постройки,—ступень къ безсмертію. Всѣ эти зданія и заведенія теперь опять начинаютъ распадаться: мильйоны штукъ плитняку, въ-теченіе долгаго времени привозимые съ необъятными расходами для запруженія Нила, теперь съ такими же расходами перевозятся въ другія мѣста, гдѣ начинаются другія, столь же безполезныя постройки; красивѣйшіе корабли не могутъ выйдти въ море, потому-что подгнили снизу. Обыкновенное несчастіе,

(*) Надо замѣтить, что авторъ былъ въ Египтѣ до 1840 года; слѣдственно, до взятія Бейрута и Акры, когда Европа называла еще Мехмеда-Али *вице-королемъ* Египта. *Ред.*

преслѣдующее людей съ высокимъ духомъ, состоитъ въ томъ, что они слишкомъ-нетерпѣливы и не могутъ дождаться довершенія задуманныхъ ими созданій. Мехмедъ-Али вовсе не обладаетъ никакими высшими званіями, а совѣтники его большею-частью лишены всякаго научнаго образованія. Его энергія и упорство не терпятъ препятствій, и вотъ причина настойчивости, съ какою онъ идетъ такъ твердо по ложнымъ путямъ, чтобъ еще при жизни своей озариться сіяніемъ славы, на которую право едва-ли не оспоритъ у него исторія.

Еслибъ Мехмедъ-Али удовольствовался однимъ Египтомъ, то еще при жизни своей создалъ бы счастливѣйшее государство; но Сирія и никогда-непобѣждаемая Аравія не обѣщаютъ ни ему, ни наслѣдникамъ его спокойнаго владычества. Онъ сдѣлаетъ еще много горькихъ опытовъ, если будетъ продолжать утѣснять Сирію, какъ утѣсняетъ Египетъ. Въ Египтѣ онъ разрушилъ уже всякое право собственности, желая пріучить обитателей къ тому, чтобъ они приносили какъ дань къ стопамъ своего владыки всѣ произведенія своего труда и своей почвы. Бѣдные Арабы радехоньки, если могутъ кое-какъ прокармливаться съ грѣхомъ по-поламъ, а большія заведенія въ ихъ странѣ принадлежатъ всегда безъ сомнѣнія какому-нибудь Турку или Европейцу. Чрезмѣрное увеличеніе арміи отвлекло отъ земледѣлія почти всѣхъ молодыхъ людей. Между-тѣмъ, какъ двѣнадцати и тринадцатилѣтніе мальчики учатся ружейнымъ пріемамъ, старики, слѣпые, немощные и женщины обработываютъ поля. Необходимымъ слѣдствіемъ этого уменьшенія народонаселенія долженъ быть упадокъ земледѣлія, и на берегахъ Розетскаго Устья, равно какъ на богатой Дельтѣ и во всемъ Верхнемъ-Египтѣ прекраснѣйшія полосы земли остаются невоздѣланными. Какія же средства употребляетъ Мехмедъ-Али для содержанія своей арміи въ полномъ комплектѣ? Отвращеніе Арабовъ отъ солдатства такъ велико, что они уродуютъ своихъ дѣтей или самихъ-себя для того, чтобъ избавиться отъ вступленія въ службу. Равнодушіе, съ какимъ эти несчастные отрубаютъ себѣ пальцы, даже ноги, выламываютъ здоровые зубы или выкалываютъ себѣ по одному глазу, истинно ужасно! Мехмедъ-Али недавно издалъ повелѣніе, чтобъ изъ этихъ калекъ были образованы два полка, и я видѣлъ уже въ Каирѣ одинъ изъ этихъ одноглазыхъ полковъ, собравшійся передъ дворцомъ Ибрагима-Паши (сына Мехмеда-Али) для парада.

Мехмедъ-Али все-таки остается Туркомъ, какихъ бы ни приписывали ему филантропическихъ чувствъ. Онъ уступаетъ только необходимости или силѣ, никогда не удовольствуется тѣмъ, что дадутъ ему и всегда будетъ желать большаго; а это «большее» — престолъ константинопольскій. Господствующая идея у него — аравійская монархія, и ослѣпленіе его въ этомъ отношеніи такъ велико, что онъ не замѣчаетъ, какъ обладаніе Сиріею и Аравіею сдѣлается его гибелью, между-тѣмъ, какъ, владѣя однимъ богатымъ Египтомъ, онъ могъ бы основать прочную династію. Природа указываетъ Египту наземледѣліе, которое можетъ прокормить восемь милліоновъ народа. Вмѣсто того, чтобъ поощрять его, Мехмедъ-Али отнимаетъ у него нужныя руки; вотъ, на-примѣръ, сейчасъ получено въ Каирѣ новое повелѣніе поставить лѣсу на три новые военные корабля!.. Презрѣніе всякаго права собственности простирается особенно на единственное средство перевозки въ Египтѣ, на нильскія барки. Когда я былъ въ Каирѣ, на всѣ частныя суда было наложено запрещеніе для перевозки отнятаго у жителей хлѣба, и слѣдствіемъ этой мѣры было то, что всѣ онѣ были покинуты и пущены въ продажу. Вотъ главная причина, отъ-чего путешествіе по Египту такъ дорого: ни у кого нѣтъ охоты снаряжать барки,

чтобъ потомъ отдавать ихъ безвозмездно правительству для его нуждъ. Причиной этого ужаснаго своеволія почитаютъ Ибрагима, но его нельзя винить много, потому-что онъ еще не правитель Египта и не дѣйствуетъ независимо.

Мехмедъ-Али сооружаетъ исполинскій флотъ, который, однакожь, не приноситъ никакой пользы торговлѣ; онъ строитъ военные корабли и уничтожаетъ торговые. Финансовое управленіе его, доведенное до крайности, обложило налогами всѣ источники жизни. Онъ тратитъ сокровища Египта на исполненіе безумныхъ плановъ, вмѣсто того, чтобъ строить плотины, мосты, каналы и принимать гидравлическія мѣры, которыя, при безпрерывномъ возвышеніи почвы, оказываются крайне-необходимыми. Сверхъ того, онъ не выпускаетъ изъ виду главнаго права египетскихъ владѣтелей — взимать подати только произведеніями земли; нисколько не заботится ни объ образованіи своего народа, ни даже о его физическихъ потребностяхъ. Хлопчатую бумагу и сахарный тростникъ вводитъ онъ въ Египетъ единственно для своего употребленія. Египетская почва можетъ производить все, а между-тѣмъ на ней не садятъ даже картофеля.

Нельзя не сознаться, что Мехмедъ-Али, введеніемъ европейскаго образованія въ войско, придалъ своему народу большую важность и внушилъ ему мечты о превосходствѣ надъ иноземцами. Такъ-какъ, въ этомъ отношеніи, онъ перенялъ болѣе существеннаго, нежели формальнаго, то онъ стоитъ выше своего соперника, султана. Но всѣ замыслы его стремятся только къ независимости и расширенію власти; всѣ средства, употребленныя имъ для этой цѣли, еще болѣе разоряютъ подвластную ему страну. Дорогія фабрики, ни въ чемъ не могущія состязаться съ европейскими, объднили Египетъ, и нигдѣ не видно начала къ улучшенію земледѣлія, единственнаго средства къ спасенію Египта. Мехмедъ-Али неограниченный властитель въ полнѣйшемъ смыслѣ этого слова; онъ всемогущъ и всякую минуту могъ бы перемѣнить свои правила и виды въ пользу своей страны. Если онъ когда-нибудь достигнетъ полной независимости, то долженъ прежде всего приступить къ уменьшенію несоразмѣрно-огромной арміи, чтобъ возвратить землѣ необходимыхъ дѣлателей. Все прочее пойдетъ потомъ само собою. Но, кажется, его безпокойная страсть къ славѣ всегда будетъ препятствовать ему рѣшиться на это. Смерть, вѣроятно, застигнетъ его посреди нелѣпыхъ плановъ къ распространенію власти, и бѣдный Египетъ ничего не выиграетъ этимъ, кромѣ кровожаднаго правленія его наслѣдника и, если возможно, еще большей нищеты.

Мехмедъ-Али Румеліотъ. Безчеловѣчіе, обнаруженное имъ въ молодости, въ-отношеніи къ несчастному народу, у котораго онъ былъ сборщикомъ податей, и жадность, какою отличался онъ, будучи продавцомъ табаку, объясняютъ то равнодушіе, какое онъ показываетъ къ страданіямъ своей изнуренной страны; фальшивый и двуязычный противъ всѣхъ, кто его поддерживалъ, онъ истребилъ самымъ подлымъ образомъ благородныхъ Мамлюковъ, и слабая Порта не могла воспротивиться его возрастающей власти. Его безчувственность довела его до выраженія, что «онъ желалъ бы выставить двѣ картины — одну, изображающую смерть герцога ангьенскаго, другую — изображающую убіеніе Мамлюковъ, чтобъ міръ могъ судить тогда, которое изъ этихъ двухъ дѣлъ заслуживаетъ преимущество». Паша очень любитъ, чтобъ его сравнивали во всемъ съ Наполеономъ. Желая уничтожить вмѣстѣ съ цвѣтомъ рыцарства религіозную свободу, онъ перерѣзалъ Вехабитовъ и ограбилъ въ Іеддѣ храмъ Арабовъ, принявшихъ его гостепріимно. Онъ отравилъ въ своей арміи начальниковъ, сопротивлявшихся французскому устрой-

ству войска, и чрезъ это простое средство удалось ему начать великое дѣло преобразованія введеніемъ наполеонова воинскаго устава. Ужасъ положилъ основаніе этому благородному европейскому образованію: кровь и ядъ довершили его.

Мехмедъ-Али опытенъ въ устройствѣ государственномъ и въ управленіи. Онъ умѣетъ избирать способныхъ, знающихъ людей, но не умѣетъ привязывать ихъ къ себѣ, и потому дѣйствуетъ совершенно одинъ. Правда, онъ возвратилъ народу египетскому безопасную жизнь и обладаніе имуществомъ, хоть употребленныя на это средства ужаснѣе самыхъ грабежей и разбоевъ, которыми славился Египетъ въ прежнія времена. Но онъ присвоилъ самому-себѣ исключительное право грабежа, которое оспориваетъ у своихъ подданныхъ. Во всемъ Египтѣ нѣтъ никого, кто могъ бы сказать, что владѣетъ собственностью: все принадлежитъ пашѣ. Притѣсненія, которыя дозволяютъ себѣ шейхи, состоящіе на жалованьѣ, и солдаты — при покупкѣ за самовольно-назначаемыя ими цѣны произведеній труда бѣдныхъ феллаховъ — всякій путешественникъ можетъ узнать по стонамъ и крикамъ, раздающимся въ каждомъ селеніи. Царство, основанное на своеволіи и ужасѣ, не можетъ быть долговѣчно, и кровожадный наслѣдникъ Мехмеда-Али, Ибрагимъ, менѣе всякаго другаго способенъ спасти это эфемерное зданіе отъ разрушенія.

Первый разъ я былъ рано утромъ приглашенъ на аудіенцію къ Мехмеду-Али. Онъ принялъ меня, какъ принимаетъ всѣхъ иностранцевъ, съ тою ласковостію, которая составляетъ черту его политики, и которою старается онъ заслужить себѣ похвалы за границей. Не могу сказать, чтобъ онъ произвелъ на меня то впечатлѣніе, какое мы ощущаемъ при видѣ истинно-великихъ людей. Маленькій, живой старикъ, съ огненными глазами, обыкновенными чертами лица, длинною сѣдою бородой, безпокойно бѣгалъ передо мною взадъ и впередъ, закинувъ саблю на спину. Въ немъ не видно ни малѣйшаго слѣда величія, которымъ счастливые выскочки умѣютъ обыкновенно прикрывать свое низкое происхожденіе. Онъ хвалилъ свое здоровье, дозволявшее ему стоять такъ долго теперь, тогда-какъ онъ передъ-тѣмъ простоялъ уже два часа. Пріемъ совершается при растворенныхъ дверяхъ, передъ которыми толпится нищая прислуга, какъ это бываетъ обыкновенно у турецкихъ вельможъ. Невозможно, кажется, превзойдти эту мѣру недостатка въ этикетѣ и достоинствѣ; но у Мехмеда-Али даже и въ этомъ есть что-то изъисканное, что, однакожь, при отсутствіи истиннаго величія, становится непріятнымъ и пошлымъ. Мехмедъ-Али, передъ приходомъ моимъ, получилъ донесеніе о вспыхнувшемъ бунтѣ. Тонъ, которымъ онъ разсказывалъ это въ короткихъ, отрывистыхъ фразахъ, былъ разсчитанъ для эффекта, весьма дурно поддерживаемаго драгоманомъ, однозвучно повторявшимъ слова его. Меня удивило молчаніе одного стоявшаго подлѣ меня представителя государства, которое болѣе всѣхъ пристрастно къ Египту, когда паша, рѣзко и со взглядомъ, напоминавшимъ его собственныя кровопролитія, замѣтилъ насмѣшливо, что «это слѣдствія несчастной выжидательной системы, проливающей болѣе крови, нежели открытая война». Рѣшительный посланникъ на такое замѣчаніе навѣрно не полѣзъ бы въ карманъ за отвѣтомъ; но многіе консулы-дипломаты стараются перещеголять другъ друга въ низкопоклонствѣ и нисколько неспособны доставить своимъ правительствамъ большое уваженіе въ этихъ полуварварскихъ странахъ. Мехмедъ-Али производитъ всѣ дѣла публично, или по-крайней-мѣрѣ кажется откровеннымъ въ разговорѣ. Поэтому всякій надѣется, что пріобрѣлъ его довѣріе. Въ Александріи ничего нѣтъ легче, какъ составлять ежедневно газетныя статьи, наводняющія Европу.

Гордый, хитрый паша забавляется этими автоматами, и притомъ самъ такъ любитъ сплетни, что радъ слушать ихъ по цѣлымъ днямъ. Вся аудіенція его показалась мнѣ бесѣдою, собравшеюся на чашку кофе, потому-что во все это время разсказывались анекдоты. Здѣсь играютъ комедію, хоть не самую *благородную*; и лучшимъ актеромъ, занимающимъ роль интригана, все-таки остается старый Мехмедъ-Али. Окончаніе пріема столь же нецеремонно, какъ начало, и я никогда не забуду неестественнаго смѣха Мехмеда-Али, который болѣе всего поразилъ меня. Это былъ жосткій, рѣзкій смѣхъ бездушнаго человѣка, который можетъ радоваться чужому несчастію, если только самъ пріобрѣтаетъ выгоду. Мехмеда превозносятъ за то, что онъ сталъ убивать менѣе прежняго. Можетъ-быть, онъ пресыщенъ кровію? Впрочемъ, доказательство, что онъ не совсѣмъ еще пресыщенъ, заключается въ томъ, что недавно еще исчезли богатые люди, которыхъ наслѣдствомъ паша тотчасъ же воспользовался. Видя, какъ онъ прогуливается, я не могу не вспомнить толпы бѣдныхъ Нубійцевъ, которыхъ онъ сжегъ, и тридцати тысячь несчастныхъ Негровъ, которыхъ до-тѣхъ-поръ обучали воинскому артикулу, пока всѣ они не перемерли. Мнѣ казалось, они неслись за нимъ какъ полчища черныхъ Эвменидъ, призывая его на послѣдній, страшный судъ. Я оставилъ залу съ убѣжденіемъ, что видѣлъ счастливца, который, съ небольшими дарованіями, стеченіемъ множества благопріятныхъ обстоятельствъ умѣлъ возвыситься и кажется великимъ только отъ безсилія трусливыхъ противниковъ. При недостаткѣ истиннаго благородства, невозможно истинное величіе. Послѣдствія покажутъ, ложно ли я судилъ о немъ и былъ ли я къ нему несправедливъ. До-тѣхъ-поръ уступаю тѣмъ, которые удивляются ему.

III. Король Оттонъ и его дворъ. — Было воскресенье и первый день моего пребыванія въ Аѳинахъ. Живописные наряды Греціи сошлись какъ-бы на свиданіе въ тѣсныхъ улицахъ; прекрасные юноши, въ блестящихъ бѣлыхъ фустанеллахъ и стянутыхъ корсетахъ, кокетничали, посматривая на оныя; красныя фески такъ мило, такъ гордо сидѣли на кудрявыхъ головкахъ греческихъ дѣвушекъ, какъ-будто хотѣли вызвать на смертный бой все-вытѣсняющія парижскія шляпки. Разъигрывая маршъ изъ «Пуританъ» Беллини, хоръ турецкихъ музыкантовъ пробирался черезъ толпу народа играть вальсы Ланнера подъ окнами королевы, тамъ, гдѣ за нѣсколько лѣтъ передъ симъ клефты занимались разбоемъ и грабежами. Послѣ обѣда, на улицахъ разлились потоками новыя массы народа, и мы послѣдовали за ними въ томъ пріятномъ расположеніи духа, какое ощущаешь обыкновенно въ городѣ, куда только-что прибылъ, гдѣ не успѣлъ еще разослать визитныхъ карточекъ и свободно, независимо отъ отдѣльныхъ лицъ, можешь обратить все свое вниманіе на цѣлое. Насъ занесли скоро черезъ Эолову-Улицу къ Корсо, этой дорогѣ въ Кефиссію, съ очаровательнымъ видомъ на море, на оливковые лѣса и горы. Около превосходной военной музыки образовался уже обширный кругъ слушателей, между-тѣмъ, какъ за нимъ разъѣзжали взадъ и впередъ блестящіе экипажи, около которыхъ денди скакали на быстрыхъ греческихъ лошадяхъ, совершенно какъ у насъ, и въ то же время совсѣмъ не такъ, какъ у насъ. Вдругъ высокій юноша, въ богатомъ албанскомъ нарядѣ, съ развѣвающеюся фустанеллой, на быстромъ аравійскомъ конѣ полетѣлъ черезъ равнину такъ смѣло, такъ неожиданно, что мы всѣ воскликнули: «какъ прелестенъ долженъ быть цѣлый полкъ изъ такихъ наѣздниковъ!» Толпа раздалась; юноша ласково кивнулъ ей головой; радостный ропотъ пробѣжалъ по рядамъ; всѣ кланялись, но не рабски падая до земли, а тѣлодвиженіями выражая любовь и преданность, которыя образуютъ лучшую связь между королемъ

и народомъ. Это былъ король, который остановилъ своего бурнаго коня въ толпѣ и бросилъ вокругъ себя открытый, веселый взглядъ. Съ другой стороны подъѣзжала большая толпа всадниковъ; впереди ѣхали три амазонки; за ними свита въ блестящихъ мундирахъ паликаровъ и конюховъ. Одна изъ дамъ, ѣхавшихъ впереди, была очень стройна; шляпка и вуаль ея были надѣты съ особенною граціею на бѣлокурые локоны; подлѣ нея ѣхала другая, соперничествовавшая съ нею въ красотѣ, — германская картина Дюрера возлѣ аттическихъ формъ Фидія. Это были молодая королева и дочь Боцариса. Впечатлѣніе, какое производили эти быстро-смѣняющіяся явленія на столпившійся народъ, невыразимо; кто хочетъ знать, что́ должно думать о сплетняхъ англійскихъ и греческихъ корреспонденцій, тому совѣтуемъ мы отправиться въ Аѳины и взглянуть на королевскую чету въ кругу ея народа. Гдѣ они ни стояли, гдѣ ни ѣхали, вездѣ слѣдили за ними толпы народа, всюду провожали ихъ взорами, всюду принимали ихъ съ любовью, и энтузіазмъ видимо выражался въ словахъ и тѣлодвиженіяхъ. Король — прекрасный, смѣлый наѣздникъ; королева — одна изъ прелестнѣйшихъ женщинъ въ Греціи: удивительно ли, что Греки восхищены уже одною наружностью этой четы, еслибъ даже превосходныя душевныя ея качества не возбуждали въ нихъ чувствъ преданности и уваженія?

Нѣсколько дней спустя, вечеромъ, посланникъ нашъ представилъ меня греческому королю и королевѣ. Все здѣсь неизъисканно, безъ роскоши и блеска; маленькое, красивое жилище; на каждомъ шагу видите порядокъ въ хозяйствѣ; и дворъ и придворная служба, и народъ и государство, все еще такъ молодо, такъ полно надежды и юношеской силы. Король Оттонъ одаренъ одною изъ тѣхъ физіономій, на которыя суровость дѣйствительной жизни слишкомъ-рано набросила мрачный покровъ; но приподнимите этотъ покровъ, и вамъ яснѣе выкажется ласковость чистой души. Въ королевѣ олицетворены прелесть и живость, которыя бываютъ слѣдствіемъ избытка жизненныхъ силъ; при первомъ взглядѣ она привлекаетъ къ себѣ каждаго. Вопросы ея быстры и рѣшительны; прелестные глаза угадываютъ отвѣты. Наружность короля и королевы носитъ на себѣ отпечатокъ тихаго семейнаго счастія, и этотъ примѣръ не можетъ не подѣйствовать благодѣтельно на только-что возродившійся народъ. Умная, любящая супруга очаровательнымъ обращеніемъ своимъ умѣетъ смягчать суровость государя и супруга; въ-послѣдствіи, я не разъ имѣлъ случай замѣчать, какъ она прогоняла съ чела его послѣдніе слѣды правительственныхъ заботъ; тогда оба они вполнѣ предавались веселью, свойственному ихъ лѣтамъ. Такимъ образомъ, оба характера поддерживаютъ взаимно другъ друга. Король весь Грекъ; королева, кажется, не совсѣмъ еще забыла свой родной сѣверъ. Она очень молода; танцы и верховая ѣзда должны вознаграждать ее за многія лишенія. Нѣмецкія дамы двора ея начинаютъ ужé заниматься собираніемъ древностей; это можетъ возбудить въ нихъ болѣе любви къ классическимъ предметамъ, ихъ окружающимъ. Чтобъ теперь быть въ состояніи сносить жизнь въ Греціи, надобно имѣть сильную любовь къ древнему міру и никогда не забывать, что задача, которую должно разрѣшить греческому правительству, — благороднѣйшая, труднѣйшая, но за то и самая благодарная изъ всѣхъ задачь нашего времени!

Исторія такъ мало представляетъ примѣровъ возрожденія народовъ совершенно-упавшихъ, что уже въ одномъ этомъ заключается поводъ къ величайшему участію въ возрожденіи Грековъ, занимательнѣйшаго народа на земномъ шарѣ; и подобно тому, какъ могущественный Римъ, спустя сотни лѣтъ послѣ политической смерти Аѳинъ, оказывалъ имъ еще ува-

женіе—нынѣ европейскіе владыки простерли руку помощи къ колыбели искуствъ и просвѣщенія и спасли ее отъ совершенной гибели. Но какія средства были употреблены на это? Каподистріа хотѣлъ изолировать свое отечество, но при этомъ забылъ, что Греція не Парагвай, хотя онъ-самъ и былъ одаренъ желѣзною волею какого-нибудь доктора Франсіа. Регентство въ другомъ отношеніи заблуждалось на счетъ своихъ обязанностей: оно хотѣло дать Греціи значительное положеніе относительно другихъ государствъ, не установивъ внутренняго порядка,—и долго еще не заживутъ раны, нанесенныя этими великими намѣреніями и попытками. Когда я смотрю на молодаго короля, отъ котораго всѣ ожидаютъ помощи, которому должно исправить такое множество промаховъ, то часто готовъ отчаяваться въ успѣхѣ принятой имъ обязанности. Видя его на пиршествахъ, между блестящими гостями, изъ которыхъ иногда половина по его же милости спаслась отъ плахи, или окруженнаго новорожденными вельможами Греціи, — я понимаю грустное выраженіе его лица и внутреннюю душевную скорбь его. Есть ли въ Европѣ другой государь, который имѣлъ бы такъ мало у себя вѣрныхъ совѣтниковъ, какъ король Оттонъ? При немъ нѣтъ ни одного Грека, которому онъ могъ бы ввѣриться, открыть свое сердце, на честность котораго могъ бы положиться безусловно. Въ Греціи нѣтъ людей государственныхъ, потому-что нѣтъ школы, въ которой они могли бы образоваться. Министры — выскочки, безъ знаній и талантовъ, хитрые фанаріоты, негодные врачи и адвокаты,— вотъ изъ кого до-сихъ-поръ король былъ принужденъ выбирать себѣ совѣтниковъ. Видя, какъ этотъ низкопоклонный народъ увивается около молодаго, прямодушнаго государя, стараясь все обратить къ худшему и набить себѣ карманы, нельзя не пожелать, чтобъ король обратился къ большей, благороднѣйшей части народонаселенія, уничтожилъ эти ядовитыя растенія, этихъ фанаріотскихъ фарисеевъ и сикофантовъ, и ввелъ патріархальное правленіе, основанное на любви и совѣтахъ истинныхъ греческихъ патріотовъ. Сближеніе такъ-называемыхъ низшихъ сословій съ правительственною властію, твердое сопротивленіе партизанамъ и заносчивымъ вельможамъ, уничтоженіе всѣхъ партій, тѣлесное наказаніе и гильйотина для грабителей, и наконецъ неожиданныя, быстрыя путешествія по всему государству, открытое отправленіе правосудія на мѣстѣ преступленія и подъ открытымъ небомъ, —вотъ необходимыя условія для управленія южными народами, вотъ задача, предстоящая для разрѣшенія королю греческому.

Я представилъ здѣсь въ легкомъ очеркѣ положеніе юнаго короля; оно опасно, но не отчаянно. Если даже немногіе Нѣмцы, еще оставшіеся при немъ, уступятъ отвращенію Грековъ къ чужеземцамъ; если генералъ Шмальцъ и полковникъ Гессъ, эти рыцарскіе характеры и твердыя опоры престола, возвратятся въ свое отечество, то я увѣренъ, недалеко то время, когда Греція изъ среды своихъ гражданъ будетъ въ состояніи доставлять королю вѣрныхъ и преданныхъ совѣтниковъ. Не знаю, отъ-чего принято за непреложную истину, будто-бы невозможно найдти въ Греціи людей для отправленія государственныхъ должностей, людей, которые были бы въ одно и то же время способны и честны; между-тѣмъ, это довольно вѣроятно, потому-что до-сихъ-поръ не нашлось еще такихъ людей. Но подобное положеніе дѣлъ не можетъ быть продолжительнымъ; въ народѣ, одаренномъ такою охотою къ образованію и воспріимчивостью, скоро должны образоваться таланты; о честности же позаботится нравственное воспитаніе и общественное мнѣніе. Стоитъ только подвергнуть министровъ

отвѣтственности и дать имъ волю дѣйствовать открыто; король долженъ вѣрить имъ, не считать ихъ простыми писцами... Въ Греціи, гдѣ свободно высказывается мнѣніе о каждомъ, истина всегда должна открыться.

Греческій король имѣетъ государство, народъ, столицу, — но не имѣетъ еще дома. Въ Греціи надлежало создать все вновь, и жилище короля должно было построить такъ же, какъ и самую столицу. Гдѣ быть столицѣ, гдѣ построить дворецъ — объ этомъ разсуждали долго, и нельзя довольно похвалить принятаго выбора, какъ бы ни судила объ этомъ близорукая критика. Столица Греціи, назначенная ей исторіею и природою, безъ сомнѣнія — Аѳины, и я не знаю, что сталъ бы дѣлать греческій король на берегу морскомъ (который теперь обозрѣваетъ гораздо-свободнѣе изъ своихъ оконъ), въ Пиреѣ, гдѣ подвергался бы оскорбленіямъ отъ всякаго иностраннаго военнаго корабля. Точно также можно было бы удивляться, зачѣмъ Вѣна не находится въ Тріестѣ, Парижъ въ Гаврѣ. Столицѣ не для чего быть торговымъ городомъ; а когда изъ Аѳинъ въ Пирей устроятъ желѣзную дорогу, эти два города и безъ того сольются въ одинъ.

Гораздо-затруднительнѣе былъ выборъ мѣста для построенія дворца, и затрудненіе заключалось не въ выборѣ хорошаго мѣстоположенія, но въ избраніи между многими прекрасными мѣстами лучшаго. Извѣстнѣйшіе архитекторы предлагали свои услуги; они истощали свой геній въ составленіи превосходныхъ плановъ для рѣшенія этой трудной задачи, — потому-что дѣйствительно нелегко создавать, въ присутствіи высочайшихъ образцовъ древности, новыя, достойныя ихъ зданія. Первые архитекторы хотѣли построить дворецъ фасадомъ къ сѣверу, съ видомъ на Акрополисъ и, мимо его, на море. Клензе предложилъ построить дворецъ на высокой платформѣ пониже Ареопага, насупротивъ Тезеева Храма. Но хоть этотъ планъ былъ хорошъ, однакожь исполненіе его стоило бы очень-дорого, ибо все возвышеніе должно было покрыть мраморными ступенями и террасами, которыя, впрочемъ, придали бы дворцу великолѣпную наружность. Но здѣсь король жилъ бы подобно привратнику своей столицы, потому-что всѣ улицы, ведущія отъ моря въ Аѳины, сходятся у этого пригорка. Проектъ Шинкеля построить новый дворецъ на Минервиной-Скалѣ и соединить новую архитектуру съ античною, должно, кажется, считать только однимъ изъ прекраснѣйшихъ мечтаній этого поэтическаго ума. Онъ никогда не могъ осуществиться по причинѣ недостатка воды на Акрополисѣ.

Предложеніе Гертнера одержало верхъ, и его произведеніе свидѣтельствуетъ о дарованіи мастера. Дворецъ почти оконченъ. Германскій король, давшій отчизнѣ Перикла своего сына, а въ своей странѣ возродившій эпоху Перикла, заложилъ первый камень при этой постройкѣ; его испытанный вкусъ не измѣнилъ себѣ и здѣсь: видъ изъ новаго дворца соединяетъ въ себѣ все, что Аѳины имѣютъ прекраснаго, и если бъ горы были покрыты зеленью и Ликабеттосъ обсаженъ деревьями, то это мѣсто можно было бы назвать прекраснѣйшимъ мѣстомъ въ мірѣ. Квадратный двух-этажный дворецъ совершенно открытъ со всѣхъ сторонъ; плоская крыша его украшена антификсами. Главный фасадъ зданія построенъ въ дорическомъ стилѣ, съ подъѣздомъ. Изъ обширныхъ сѣней (vestibule) лѣстница слѣва ведетъ въ прохладные корридоры, которые, вмѣстѣ съ маленькими окнами, предохраняютъ отъ зноя. Расположеніе комнатъ чрезвычайно-удобно; на южномъ же фасадѣ, — гдѣ живутъ король и королева, — снаружи устроена цвѣточная галлерея и желѣзныя оконныя рамы, по которымъ во всю вышину поднимаются цвѣты, уподобляющіе королевскій покой прелестнымъ бесѣдкамъ. Надъ этою галлереею, во всю ширину строенія,

разбита палатка изъ цвѣтной матеріи, и какъ садъ передъ дворцомъ протягивается къ югу, то прямо изъ комнатъ вы вступаете въ свободную, тѣнистую, благовонную сферу. Садъ этотъ сообщается съ публичнымъ садомъ, который долженъ заключить въ себѣ колонны Адріанова-Храма и Стадіума. Здѣсь, на этихъ освященныхъ мѣстахъ, невдалекѣ отъ Ликея и Киносарги, на берегахъ Илиса, прославленныхъ элевзинскими таинствами, религіозно-художественными играми, со-временемъ, ежегодно въ іюлѣ мѣсяцѣ, увидите вы возрожденіе празднествъ, которыя будутъ напоминать собою героическія игры Стадіума. Тамъ, гдѣ долины Стадіума раздѣлены глубокими гротами, новые Греки воззовутъ къ жизни ристанія своихъ предковъ, борьбу, кулачные бои, стрѣльбу и метаніе въ цѣль, будутъ состязаться о наградѣ, и новые бигасы покатятся по колеямъ, которыхъ слѣды не могли быть истреблены изъ скалы тысячелѣтіями. Посреди этого богатаго воспоминаніями мѣстоположенія, возвышается дворецъ, отдѣленный отъ города большимъ плацомъ, отъ Акрополиса паркомъ. Греки, которыхъ главнѣйшую характеристическую черту составляетъ неблагодарность, присвоиваютъ себѣ это прекрасное зданіе, думая, что достаточно научились у Нѣмцевъ, между-тѣмъ, какъ исполненіе его должно приписывать исключительно Нѣмцамъ. Капители смѣшаннаго стиля — коринѳскаго и іоническаго. Архитравы рѣдкой величины, и всѣ мраморныя работы исполнены съ необыкновенною оконченностью и чистотою. Великолѣпное зданіе, воздвигнутое Гертнеромъ, удовлетворяетъ самымъ строгимъ требованіямъ, и никто изъ великихъ земли не можетъ похвалиться тѣмъ, что живетъ на такомъ прекрасномъ, освященномъ высокою древностію мѣстѣ, наслаждаясь изъ оконъ видомъ храмовъ Юпитера-Олимпійскаго, вѣчнымъ Акрополисомъ, Ахейскимъ-Моремъ, и окруженный со всѣхъ сторонъ пригорками и прибрежьями безсмертнаго Илиссиннаго, гдѣ каждый комъ земли, каждый камень пробуждаетъ великія воспоминанія, гдѣ вся страна — открытая книга, изъ которой молодой государь можетъ узнавать во всякое время какъ избѣгать несправедливости, какъ совершать дѣла великія.

На мѣсто древняго Адріанополиса, Гертнеръ поставилъ юный, свѣжій Ортонополисъ; не предметы роскоши Лондона и Парижа будутъ наполнять дворецъ Оттона, нѣтъ, — дѣвственная почва Греціи содержитъ въ себѣ еще много дивныхъ сокровищъ для того, кто можетъ превратить жилище своего короля въ знаменитѣйшій музей скульптуры, которая здѣсь, на мѣстѣ своего рожденія, будетъ лучшимъ украшеніемъ жилища своего освободителя, гордостью освобожденнаго народа. При этомъ богатствѣ неподдѣльныхъ остатковъ греческаго искусства, должны будутъ исчезнуть всѣ подобныя собранія въ Европѣ.

ПОѢЗДКА ВЪ КИТАЙ. (*Статья третья*). — Часу въ пятомъ вечера открылась передъ нами *Урга*, главное мѣстопребываніе монгольскихъ правителей и монгольскаго кутухты. Этотъ городъ, который скорѣе бы можно было назвать селеніемъ, расположенъ на пространной равнинѣ и состоитъ изъ нѣсколькихъ улицъ, обстроенныхъ китайскими домиками, перемѣшанными съ юртами Монголовъ. Никакой признакъ дѣятельности не оживляетъ его окрестностей: даже поля оставлены безъ воздѣлыванія и только сомнительный признакъ дороги, появившійся за нѣсколько верстъ отъ города, показывалъ, что тутъ живутъ люди. И вотъ первый городъ Срединной Имперіи, вотъ цѣль, къ которой стремились мы въ-продолженіи двухъ недѣль, то мѣсто, гдѣ мы надѣялись успокоиться послѣ несносно-утомительнаго пути и которое составляло постоянный предметъ нашихъ разговоровъ, нашихъ догадокъ и увы,

нашихъ мечтаній въ пустыняхъ и горахъ безлюдной Монголіи. Когда мы подъѣхали къ городу на полверсты, то на встрѣчу къ намъ показалась толпа вооруженныхъ верховиковъ; они, въ числѣ пятидесяти или шестидесяти человѣкъ, вытянулись въ двѣ шеренги по сторонамъ дороги, и мы между этими живыми стѣнами тріумфально потянулись въ пресловутую Ургу. Боже ты мой милостивый! до какихъ почестей можетъ дожить человѣкъ!.. Всякій легко угадаетъ, что я, лежа въ своей кибиткѣ, вполнѣ могъ постигнуть тѣ чувства, которыя волновали душу Цезаря, вступавшаго въ Римъ послѣ дивныхъ своихъ побѣдъ и завоеваній... И такъ, мы въѣхали въ городъ; здѣсь подъ словомъ *мы* должно разумѣть только членовъ миссіи и провожатыхъ, потому-что наши заводныя лошади и наши быки остались въ степи—добывать себѣ подножнаго корма. За нами слѣдомъ поѣхала наша почетная стража и весь караванъ, пропарадировавъ посреди довольно-большой толпы любопытныхъ почти половину города, въѣхалъ на дворъ русскаго подворья. Это подворье, расположенное отдѣльно отъ прочихъ строеній, состоитъ изъ довольно-большаго мѣста, обнесеннаго частоколомъ. Въ оградѣ построенъ домикъ, раздѣленный на двѣ маленькія комнатки съ рѣшетками, оклеенными бѣлою бумагою, вмѣсто оконъ, и съ деревянными нарями подъ рѣшетками, вмѣсто дивановъ. Нечистота этихъ коморокъ была такъ велика, что, кажется, и Монголы почувствовали это, и потому приказали для насъ разбить на дворѣ нѣсколько юртъ, которыя, говоря по чести, могли показаться роскошными въ-сравненіи съ этимъ домомъ. Едва только въѣхалъ весь нашъ обозъ, какъ къ намъ съ своимъ привѣтствіемъ явился Монголъ, постоянный житель нашего подворья, котораго юрта, поставленная къ сторонкѣ, составляетъ всегдашнее его жилище. Самымъ лучшимъ было то, что въ Ургѣ мы достали свинины, барановъ, куръ, свѣжей капусты, яицъ и приготовили себѣ роскошный ужинъ, вознаградившій насъ за долгое однообразіе нашего дорожнаго стола. Притомъ, къ концу пути запасъ сахару, взятый изъ Кяхты, истощился, и здѣсь мы могли достать, если не такого сахару, который употребляется у насъ, то, по-крайней-мѣрѣ, китайскаго леденцу, который, хотя и не совсѣмъ удобно, могъ замѣнить его. Въ Ургѣ мы пробыли дней пять; но для вящшаго удовольствія, намъ,—впрочемъ очень вѣжливо,—не позволено было и носа высунуть за предѣлы магическаго частокола, подъ тѣмъ предлогомъ, что съ нашими драгоцѣнными особами могутъ случиться какія-нибудь непріятности, и что въ такомъ случаѣ вся Срединная Имперія будетъ повергнута въ несказанную горесть, или, по-крайней-мѣрѣ, высокомочные шарики на нашихъ почтенныхъ провожатыхъ могутъ перемѣнить цвѣтъ свой или и совсѣмъ слетѣть съ корабликоподобныхъ шапокъ, покрывающихъ гладко-подбритыя ихъ головы.

Впрочемъ, на третій день нашего почетнаго заключенія, монгольскіе правители удостоили назначить намъ аудіенцію. Часу въ шестомъ по полудни, мы по два человѣка усѣлись въ наемныя одноколки, запряженныя мулами; наши конвойные казаки составили почетную или охранную стражу (понимайте какъ угодно), построившись въ двѣ шеренги по сторонамъ одноколокъ, и весь поѣздъ тронулся шагомъ. Такъ ѣздятъ въ Китаѣ всѣ, да и нельзя ѣхать иначе, потому-что каждаго мула извощикъ ведетъ въ-поводу, позволяя себѣ, да и то только при долгой ѣздѣ, время-отъ-времени садиться на передокъ. Нужно замѣтить, что дорога немощеная; одноколки безъ рессоръ, и устроены такъ, что сѣдоки, волей-неволей, принуждены садиться по-китайскому обычаю, т. е. поджавъ подъ себя ноги. Можете представить всю прелесть такого путешествія! У меня сводило ноги, кололо въ бока, и я по пяти разъ

на каждую минуту перемѣнялъ положеніе, но все напрасно: всякій бугорокъ, всякая рытвина—а ихъ не искать-стать на ургинскомъ шоссе—отдавались у меня въ каждомъ составчикѣ и, не смотря на то, что я и товарищъ мой оба держались обѣими руками за края адской одноколки, наши головы безпрестанно стукались о края повозки. За то мы, право, не жалѣли привѣтствій толпамъ Монголовъ, которыя, не смотря на всегдашнюю свою лѣность и глупость, кажется, не безъ удовольствія зѣвали на нашъ забавный поѣздъ. Но вотъ, мученіе наше кончилось; мы взъѣхали на небольшой дворикъ, гдѣ были встрѣчены какимъ-то чиновникомъ, по приглашенію котораго, пройдя еще черезъ другой дворикъ, выстланный плитою, и черезъ какую-то каморку, въ которой толпились Монголы, вошли въ аудіенц-залу. Представьте себѣ небольшую (шаговъ въ восемь длины и шаговъ въ шесть ширины) комнату съ рѣшеткою, обклеенною бумагою вмѣсто оконъ, съ бѣлыми, обсыпанными въ-узоръ слюдою обоями; довольно-темную, довольно-грязную, и вы будете имѣть понятіе объ этой залѣ. По одной изъ узкихъ стѣнъ, противъ входа, во всю ея длину, тянется *канъ*,—родъ низкой лежанки, покрытой краснымъ войлокомъ; посреди этой лежанки былъ поставленъ низенькій столикъ, подлиннѣе и пониже нашего табурета, а по бокамъ этого столика сидѣли два главные правителя Монголіи въ полномъ парадномъ платьѣ китайскихъ чиновниковъ. Вдоль всѣхъ остальныхъ стѣнъ, стояли простые деревянные табуреты, покрытые лакомъ. На наше привѣтствіе, высокомочные правители отвѣчали легкимъ поклономъ, не заблагоразсудивъ даже привстать съ своихъ подушекъ. Впрочемъ, насъ просили садиться, чего не удостоился ни одинъ изъ нашихъ китайскихъ провожатыхъ. Всякое дѣло съ китайскимъ чиновникомъ, важный ли это или неважный, начинается обыкновенно поваркомъ; а потому нашъ приставъ, послѣ первыхъ привѣтствій о здоровьѣ, зная, что Китайцы не любятъ напрасно терять времени, велѣлъ принести подарки и поднесъ каждому изъ нихъ какъ отъ иркутскаго губернатора, такъ и отъ себя. Вообще, они принимали подарки, по-крайней-мѣрѣ по наружности, довольно-холодно; но весь китайскій стоицизмъ не устоялъ, когда приставъ поднесъ одному изъ нихъ водородное огниво. Китайская мудрость не могла надивиться, какъ изъ банки, наполненной жидкостью, выскакиваетъ огонь, и эта штука такъ распотѣшила ихъ важность, что они, какъ видно, то-и-дѣло что открывали кранъ; по-крайней-мѣрѣ на другой же день явился прислужникъ пристава и съ горестію объявилъ намъ, что машинка испортилась и «огонь больше не дѣлается». Разсмотрѣвъ огниво, мы увидѣли, что монгольское благоразуміе цѣлый день только и дѣлало, что добывало огонь: вся вода въ машинкѣ была разложена. Перемѣнивъ кислоту, мы вполнѣ обрадовали присланнаго; а для отвращенія подобнаго несчастія на будущее время, послали къ правителю цѣлую бутылку кислоты, научивъ предварительно, какъ помочь горю, когда огонь снова перестанетъ дѣлаться.

Самую важную рѣдкость Урги составляетъ *кутухта*, глава монгольской іерархіи. Кутухту можно нѣкоторымъ образомъ сравнить съ вѣчнымъ Жидомъ, и вся разница состоитъ въ томъ только, что вѣчный Жидъ весь никогда не умираетъ, а кутухта можетъ умирать; но душа его переселяется въ какого-либо другаго человѣка, свыше избраннаго и такъ-сказать отъ самаго рожденія назначеннаго занять мѣсто покойнаго первосвященника. Странно только, что подобныя избранія мудрая судьба дѣлаетъ лишь въ домахъ князей или, по-крайней-мѣрѣ, знатнѣйшихъ сановниковъ. Едва кутухта дѣлается опасно боленъ или очень старъ, какъ уже стоустая молва извѣщаетъ Монголовъ, что въ томъ или другомъ домѣ ростетъ мальчикъ необыкновенный и свыше-предъизбранный. Этотъ

мальчикъ воспитывается съ особеннымъ стараніемъ и заблаговременно пріучается удаляться отъ своихъ сверстниковъ, не участвовать въ ихъ забавахъ и казаться чѣмъ-то особеннымъ. Слухи о подобныхъ поступкахъ, а можетъ-быть какія-нибудь другія болѣе дѣйствительныя мѣры, дѣлаютъ то, что едва кутухта умираетъ, какъ монгольскіе ламы, отправляющіеся искать человѣка, обновленнаго переселеніемъ въ него души кутухты, приходятъ въ этотъ домъ и подвергаютъ мальчика испытанію. Испытаніе состоитъ въ томъ, что къ нему, вмѣстѣ съ разными разностями, приносятъ нѣсколько вещей покойнаго кутухты; мальчикъ тотчасъ узнаётъ тѣ изъ нихъ, которыя принадлежали покойному, беретъ ихъ себѣ и смѣло называетъ своими. Послѣ такого неоспоримаго доказательства можно ли усомниться, что душа кутухты дѣйствительно переселилась въ этого мальчика, и можно ли не признать его кутухтою? Объ этомъ всерадостнѣйшемъ открытіи тотчасъ доводятъ до свѣдѣнія императора, и если императоръ найдетъ, что душа покойнаго кутухты переселилась дѣйствительно въ найденнаго ламами, а не въ другаго, то даетъ на это избраніе свое согласіе, и тогда избранный съ возможными церемоніями перевозится въ кумирню своего предшественника и тамъ уже поступаетъ подъ невидимый надзоръ старшаго ламы, совѣты котораго управляютъ его дѣйствіями, а наставленія знакомятъ со всѣми тонкостями религіи. Уваженіе, которое Монголы оказываютъ кутухтѣ, выше всякаго описанія. Важнѣйшіе князья могутъ къ нему явиться не иначе, какъ съ его позволенія; при входѣ въ комнату, гдѣ сидитъ кутухта, они дѣлаютъ ему не только земные поклоны, но растягиваются на полу во всю длину своего тѣла и почитаютъ за величайшую милость, если онъ прикоснется рукою къ ихъ головамъ, и за верхъ чести, если позволитъ присѣсть на полу въ своемъ присутствіи, или дастъ отъ себя какую-нибудь бездѣлицу, которую получившій считаетъ уже священною. Но и здѣсь Китай не измѣняетъ своимъ обычаямъ: каждый являющійся къ кутухтѣ не можетъ явиться безъ приличной взятки. Богатый князь, посѣщая кутухту, приноситъ *хадакъ*, т. е. шелковый шарфъ, да деньгами на наши ассигнаціи тысячь до десяти, да приводитъ штукъ до ста лошадей или другаго скота. Такъ-какъ простые Монголы не могутъ давать по стольку, то и не пускаются по одиначкѣ, а собираются десятками и принимаются не въ комнатѣ, но на дворѣ передъ дверью, въ которой стоитъ огромное кресло кутухты. Когда они растянутся по двору, то *шан-са-да-ба*, главноуправляющій кутухты, обходитъ всѣхъ поклонниковъ и, отобравъ у нихъ хадаки, деньги и прочія приношенія, отпускаетъ ихъ съ миромъ по домамъ. Нужно замѣтить, что каждый Монголъ почитаетъ священною обязанностію по-крайней-мѣрѣ одинъ разъ въ годъ явиться на поклоненіе кутухтѣ; тѣ же, которымъ позволяютъ средства, пользуются этимъ счастіемъ по два и по три раза въ годъ; кромѣ того, всѣ наряды умирающихъ составляютъ собственность кутухты.

Не смотря на всѣ наши старанія видѣть это важное лицо, тѣмъ болѣе, что кутухта ургинскій занимаетъ первое мѣсто между всѣми кутухтами, мы никакъ не могли удовлетворить этому желанію: намъ отвѣчали, что безъ земныхъ поклоновъ нельзя насладиться этимъ счастіемъ; а на такую жертву мы не рѣшились.—Вмѣсто кутухты, намъ предложили видѣть шан-са-да-бу, къ которому можно было явиться безъ преклоненій и подношеній. Шан-са-да-ба, главноуправляющій кутухты, второе духовное лицо въ Ургѣ, живетъ возлѣ главной кумирни, въ юртѣ, неуступающей величиною большому дому; — впрочемъ, сказать правду, я не знаю хорошенько, тутъ ли точно живетъ шан-са-да-ба, или эта юрта составляетъ только его пріемную залу. Вообще, ламы помѣщаются въ особливыхъ

зданіяхъ, построенныхъ вокругъ кумирень и обнесенныхъ стѣною. Зданія тянутся по сторонамъ кумирни, въ нѣкоторомъ отъ нея отдаленіи, и раздѣлены на нѣсколько комнатокъ съ особенными выходами на дворъ кумирни; въ каждой комнаткѣ тѣснится по нѣскольку ламъ, число которыхъ при кумирнѣ простирается, смотря по ея важности, до 3-хъ, 4-хъ, 5-ти сотъ, а можетъ-быть даже и до тысячи.

Само собою разумѣется, что и это свиданіе не обошлось безъ предварительныхъ совѣщаній и переговоровъ. Нужно замѣтить, что тотчасъ послѣ нашего пріѣзда въ Ургу, къ намъ явились китайскій чиновникъ отъ ургинскихъ правителей, и лама отъ кутухты, и, какъ казалось, послѣдній былъ важнѣе перваго, по крайней-мѣрѣ, хотѣли ли мы что видѣть, или куда пойдти, во всѣхъ случаяхъ окончательныя рѣшенія зависѣли отъ него. Вотъ къ этому-то ламѣ обратились мы съ просьбою о позволеніи представиться шан-са-да-бѣ, и онъ нѣсколько разъ то являлся къ намъ съ обнадеживаніемъ, то снова уходилъ въ кумирню для переговоровъ. Наконецъ позволеніе получено, и мы, попринарядившись, какъ слѣдуетъ, отправились подивиться на чудо чудное.—Безмѣрная юрта, куда привели насъ, не отличалась ничѣмъ отъ обыкновенной монгольской юрты по своей формѣ, и была разбита на голой землѣ. Все великолѣпіе этого чертога заключалось въ томъ, что внутреннія его стороны были подвѣшены какою-то красною матеріею; по правой и по лѣвой сторонѣ со входа тянулись деревянные подмостки, тремя рядами возвышавшіеся одни надъ другими, а прямо передъ входомъ возвышалось особенное почетное мѣсто. Боковые подмостки были покрыты подушками, обитыми также красною бумажною матеріею, а на почетномъ мѣстѣ лежало нѣсколько подушекъ одна на другой, и всѣ онѣ были обтянуты шелковою матеріею. Шан-са-да-ба, здоровый краснощекій мужчина лѣтъ сорока, сидѣлъ на своемъ мягкомъ пьедесталѣ, со всею торжественностію и важностію поджавъ подъ себя ногу; а по обѣ его стороны съ такою-же важностію сидѣло человѣкъ до пятидесяти ламъ. Всѣ они были одѣты въ желтое съ головы до ногъ, и только черезъ правое плечо каждаго былъ повязанъ красный шарфъ, едва-ли, подобно юртѣ, не безконечнаго объема. Вся эта группа освѣщалась сверху, освѣщалась довольно-слабо и при рефлекціи красныхъ стѣнъ и красныхъ шарфовъ, при золотистомъ цвѣтѣ одежды, наконецъ при торжественной важности и мраморной неподвижности своей могла бы поразить каждаго, если бъ обстоятельное знаніе того, съ кѣмъ имѣешь дѣло, и мимоходное пожатіе руки или значительный взглядъ товарищей не возбуждали желанія похохотать,—желанія тѣмъ болѣе соблазнительнаго, что должно было удерживаться и важничать не меньше китайскаго. На поклонъ нашъ, шан-са-да-ба кивнулъ головою и такъ коротко и отрывисто, что я сравнилъ бы его на это время съ гипсовымъ котомъ, какихъ продаютъ у насъ подъ вербами, если бъ только у него были усы; впрочемъ, на этотъ разъ такое сравненіе никуда не годится, потому-что ламы брѣютъ не только всю голову, но усы и бороду что-называется до-чиста. Лама, пріѣхавшій съ нами и бывшій тутъ нѣкоторымъ образомъ въ должности церемоніймейстера, просилъ насъ садиться и указалъ на одну изъ боковыхъ скамей. Мы влѣзли на подмостки и усѣлись за ламами. Правда, мы сидѣли выше ламъ; но было ли это мѣсто почетнѣе или нѣтъ, кто изъ необритыхъ до-гола́ разгадаетъ сію великую тайну! Слѣдуя непреложному обычаю благословенной Монголіи, нашъ приставъ самъ поднесъ шан-са-да-бѣ хадакъ, состоявшій изъ нѣсколькихъ аршинъ тонкаго полотна, раскинувъ его на обѣ руки. Шан-са-да-ба принялъ его обѣими же руками и передалъ ламѣ, возлѣ него бывшему, не привставъ однакожь съ своего

мѣста. Лама, принявшій хадакъ, вышелъ и черезъ нѣсколько минутъ возвратился снова и поднесъ приставу, отъ лица шан-са-да-бы, отдарный хадакъ, состоявшій изъ нѣсколькихъ аршинъ шолковой матеріи бѣлаго цвѣта, впрочемъ очень-незавидной. Между-тѣмъ, всѣ мы хранили, какъ-говорится, самое краснорѣчивое молчаніе; по крайней-мѣрѣ всѣ наши разговоры ограничивались опредѣленнымъ числомъ лаконическихъ вопросовъ о здоровьѣ и дорогѣ, и такимъ же числомъ такихъ же отвѣтовъ между шан-са-да-бой и приставомъ. За молчаніемъ послѣдовало угощеніе: намъ подали по чашкѣ кирпичнаго чаю, приготовленнаго по-монгольски, т. е. съ молокомъ, поджареною на маслѣ мукою и солью; къ чаю поданы были особенные леденцы, приготовляемые Монголами изъ молока, чаю и сахару. Можете представить, ка̀къ все это вкусно!..

Промолчавъ съ полчаса у шан-са-да-бы, мы радостно вырвались на свѣтъ Божій, проклиная и чай и леденцы, о которыхъ нельзя было забыть скоро.—Въ то время, когда лама велъ переговоры съ шан-са-да-бою о возможности нашего свиданія, мы поручили бывшему при миссіи монгольскому чиновнику узнать, пріиметъ ли насъ тотъ самый молодой князь ургинскій, съ которымъ мы видѣлись въ Кяхтѣ и въ Маймаченѣ. Онъ недавно возвратился изъ вояжа и въ это время жилъ въ Ургѣ. Князь такъ привѣтливъ былъ съ нами, что мы не сомнѣвались въ его согласіи; но каково же было наше удивленіе, когда нашъ переговорщикъ пришелъ съ отвѣтомъ, что князь дастъ отвѣтъ, подумавши. Впрочемъ, какъ мы узнали послѣ, этотъ неудовлетворительный отвѣтъ происходилъ отъ-того, что онъ самъ не имѣлъ права рѣшить такого важнаго вопроса и только послѣ большихъ усилій могъ исходатайствовать на это позволеніе отъ ургинскихъ правителей. Получивъ согласіе князя принять насъ, мы рѣшились уже за одно сдѣлать и этотъ визитъ; а потому отъ шан-са-да-бы отправились прямо къ князю. Молодой князь, хотя и происходилъ изъ княжескаго дома, но не пользовался еще княжескимъ достоинствомъ, которое отъ отца переходило на старшаго его брата, и по лѣтамъ своимъ не занималъ еще никакой должности. Домъ его не отличался ничѣмъ отъ прочихъ домовъ: онъ состоялъ изъ нѣсколькихъ зданій, обнесенныхъ каменною стѣною, раздѣленныхъ небольшими двориками и заборами. Остановясь на первомъ дворѣ и прошедъ второй дворикъ, мы были встрѣчены самимъ княземъ, который проводилъ насъ черезъ небольшую комнату въ свою гостиную — также небольшую комнату, по стѣнамъ и по потолку обклеенную бѣлыми обоями, также съ огромною рѣшетчатою рамою, затянутою бумагой; но въ той рамѣ красовались два стекла, цѣлыхъ два стекла, четверти въ три каждое, каково?—а полъ былъ выстланъ сѣрымъ полу-обожженнымъ кирпичомъ; мёбель состояла изъ табуретовъ, покрытыхъ подушками и обтянутыхъ шелковою матеріею, изъ двухъ столиковъ краснаго дерева и изъ нѣсколькихъ креселъ, также краснаго дерева. Столики, вмѣсто лаку, были натерты воскомъ; на нихъ стояли разныя вещицы изъ нефриту, и въ богатѣйшихъ фарфоровыхъ вазахъ красовались обыкновенные яблоки. Князь ввелъ насъ и просилъ садиться, предлагая приставу почетное мѣсто; но приставъ уклонился отъ этой чести, и князь самъ занялъ его. Наконецъ, мы усѣлись, и, признаюсь, если бъ число посѣтителей хоть нѣсколько поувеличилось, не знаю, ка̀къ бы князь умѣстилъ гостей. Послѣ «казенныхъ» привѣтствій и вопросовъ, началось угощеніе, и въ первую голову пошли яблоки. Вы себѣ и вообразить не можете, что̀ значитъ яблоко въ Ургѣ! Чтобъ попасть въ наши благородные зубы, несчастный фруктъ долженъ былъ совершить путешествіе изъ Пекина,—а путешествіе отъ Пекина до Урги мо-

жетъ только сравниться съ путешествіемъ отъ Урги до Пекина. Да, угощеніе яблокомъ было угощеніе истинно княжеское. За яблоками слѣдовалъ чай — это неизбѣжное звѣно въ цѣпи китайской и монгольской вѣжливости. Впрочемъ, тутъ дали намъ не такой бурды, какою подчивалъ неподвижный шан-са-да-ба, а хорошаго зеленаго чаю, который можно было глотать довольно-спокойно, не смотря на то, что его подаютъ и безъ сахару. Во всю бытность нашу у князя, ни одинъ изъ его чиновниковъ не смѣлъ сѣсть—и дѣльно: а то гдѣ-же бы была и подчиненность?

Окончивъ эти визиты, мы начали собираться въ дорогу. Пользуясь временемъ отдыха и кое-какими удобствами, а что всего важнѣе, поотъѣвшись нѣсколько въ Ургѣ, мы привели въ порядокъ свои дорожные журналы; они оказались очень небогатыми; только нашему ботанику посчастливилось открыть нѣсколько и, кажется, довольно-много растеній, еще неизвѣстныхъ наукѣ. Впрочемъ, флора—богиня, да еще и прекрасная: какъ же ей не дѣлать завоеваній? Да, друзья мои. прекрасныя вездѣ пожинаютъ лавры торжества, даже и въ безлюдныхъ пустыняхъ Монголіи. Но, ради Бога. не придирайтесь къ словамъ или, по-крайней-мѣрѣ, позвольте я самъ признаюсь, что для фразы сдѣлалъ вдругъ два невѣрныя показанія: во-первыхъ, Монголія не безплодна, если только условимся Монголовъ называть людьми и если двѣ-три юрты, попадающіяся время-отъ-времени, условимся признавать за населеніе, и, во-вторыхъ, слѣдовательно она не пустыня. Да, какъ быть! населеніе таки-маловато; а жаль: сторона, право, живописная; по-крайней-мѣрѣ почти вся наша дорога шла черезъ горы, изрѣзанныя ущельями, смѣло и красиво раскинутыми вправо и влѣво; здѣсь зеленый кустарникъ опушаетъ сѣроватую массу гранита; за нимъ зеленѣетъ березовый лѣсъ, или мрачныя сосны грозно поднимаютъ свои щетинистыя головы, а тамъ вьется рѣчка, капризно измѣняющая свое направленіе, и скалы, и зелень, и голубое небо, отражаясь въ свѣтлыхъ струяхъ ея, совершенствуютъ картину и усиливаютъ наслажденіе. Но, можетъ-быть, вы, зауральскіе жители, уже отвыкли наслаждаться красотами и любите болѣе существенное, а потому скажу вамъ, что между горъ разстилаются обширныя долины, покрытыя прекраснѣйшей травою, и огромныя стада лошадей и овецъ встрѣчаются довольно-часто. Всѣ эти горы можно, кажется, отнести къ первоперіодному образованію; по-крайней-мѣрѣ въ обноженіяхъ мы замѣчали только гранитъ, діабазъ, сіенитъ и сланцы, и не замѣтили ни песчанниковъ, ни пудингова образованія; а изъ минераловъ видѣли только желѣзный блескъ.—Во всю дорогу, мы встрѣчали очень мало птицъ, исключая воронъ. — Должно полагать, что въ этихъ мѣстахъ совсѣмъ нѣтъ дичи, потому-что въ это время (въ сентябрѣ) еще рано отлетѣть ей въ теплыя страны. — По ночамъ термометръ уже опускался до точки замерзанія, и даже по-временамъ бывали морозы; но деревья все еще стояли, украшенныя листьями.

Въ послѣднихъ числахъ сентября мы отправились въ дальнѣйшій путь, запасшись въ Ургѣ свѣжею капустой, китайскимъ леденцомъ и крупичатою мукою. Вскорѣ послѣ нашего отъѣзда изъ Урги, открылась передъ нами необозримая степь Гоби, простирающаяся верстъ на тысячу. Степь эта есть плоская возвышенность, на которой взору рѣшительно не на чемъ остановиться: нѣтъ ни деревца, ни кустика; одна только сухая трава ирисъ печально желтѣетъ на нѣкоторыхъ мѣстахъ. Трава здѣсь растетъ самая желтая, и бѣдный скотъ нашъ долженъ былъ по нѣскольку дней довольствоваться самымъ скуднымъ кормомъ. Особенно памятенъ мнѣ въ этой степи одинъ переѣздъ по сыпучему песку, въ которомъ лошади наши вязли по колѣни. Чтобъ облегчить наши повозки и вьючныя телеги, мы должны

были принанять у мѣстныхъ Монголовъ до двухъ десятковъ верблюдовъ, на которыхъ мы навьючили часть нашей поклажи. И при всемъ томъ, впряженныя лошади уставали такъ скоро, что на каждыхъ двухъ или трехъ верстахъ мы замѣняли ихъ свѣжими. Утомленные и проголодавшіеся до крайности, мы едва дотащились верхами до назначеннаго ночлега часамъ къ 8-ми; а обозъ нашъ и кухня прибыли около полуночи. Изрѣдка на пескахъ попадались небольшіе бугорки, покрытые сочною травою; голодныя лошади наши и быки ѣли ее довольно-охотно; но въ тотъ же день у многихъ открылся сильный поносъ, продолжавшійся около недѣли. Трава эта попадалась намъ и послѣ; но казаки, наученные опытомъ, не допускали скотъ ѣсть ее. Въ-продолженіе всего пути по степи, мы не встрѣчали ни одной рѣчки, и пользовались водою изъ колодцевъ, вырытыхъ Монголами, глубиною аршина въ полтора. Воды въ нѣкоторыхъ изъ нихъ было такъ мало, что мы не могли напоить всего нашего табуна, и потому скотъ нашъ бывалъ по суткамъ безъ питья. Эта колодезная вода большею-частію солоновата, и послѣ вскипяченія дѣлается такъ густа, что чай, изъ нея приготовленный, тянется какъ патока.

Погода во все продолженіе нашего переѣзда по степи, т. е. съ конца сентября до первыхъ чиселъ ноября, была довольно-суха: ни разу не было дождя; холодъ же, постепенно увеличиваясь, доходилъ иногда до 16-ти градусовъ по Реомюру. Иногда выпадалъ небольшой снѣгъ, который вскорѣ же и таялъ. Изрѣдка дулъ довольно-свѣжій вѣтеръ, усиливавшійся иногда до урагана. Такъ однажды мы сидѣли въ юртѣ за низенькимъ монгольскимъ столикомъ, поджавъ подъ себя ноги:—положеніе, къ которому мы начинали мало-по-малу привыкать; занятые бостономъ, мы не замѣчали, что порывистый вѣтеръ вылъ и свистѣлъ между нашими повозками съ большею и большею силою. Какъ вдругъ среди жаркаго бостоннаго спора ужаснымъ порывомъ урагана юрта наша взлетѣла на воздухъ, свѣчи упали, и тузы, короли, леве и онёры понеслись по безпредѣльной степи Гобія... Изумленные, мы нѣсколько секундъ не могли прійдти въ себя; но опомнившись, бросились ловить юрту; ухватившись за края, съ величайшимъ усиліемъ могли удержать ее и, при помощи казаковъ, снова утвердить на прежнемъ мѣстѣ съ большею прочностію. Свѣча, упавшая съ нашего стола, зажгла сухую степную траву, которая въ одно мгновеніе вспыхнула и, раздуваемая вѣтромъ, могла бы распространить пожаръ по всему нашему кочевью; но мы успѣли затушить огонь войлоками. Буря продолжалась цѣлую ночь; повозки находились ежеминутно въ опасности опрокинуться, и мы принуждены были поставить ихъ одну подлѣ другой. Въ-теченіе этой ночи, никто изъ насъ не могъ спать: свистъ и завываніе урагана, песокъ, хлеставшій въ лицо, забота о скотѣ, который бѣжалъ изъ табуна по направленію вѣтра—все это не давало намъ покоя. Цѣлыхъ двадцати лошадей не досчитались мы на другое утро, не смотря на то, что караулъ на эту ночь былъ утроенъ мѣстными Монголами; только черезъ двое сутокъ догнали насъ Монголы съ убѣжавшими отъ насъ лошадьми, за исключеніемъ двухъ или трехъ, которыя пропали безъ вѣсти.

Наконецъ, въ первыхъ числахъ ноября, выбрались мы изъ утомительной степи, которая всѣмъ намъ до чрезвычайности надоѣла. Правда, каждый изъ насъ встрѣчалъ предметы по своему занятію любопытные и занимательные; но предметы эти были разбросаны на такомъ огромномъ протяженіи, что могли охладить самаго жаркаго приверженца къ наукѣ. Такъ, напримѣръ, намъ попадались цѣлыя горы гранита, сіенита, діабаза, сланцевъ, яшмы яркаго краснаго цвѣта, порфировъ; а въ одномъ мѣстѣ мы увидѣли цѣлый холмъ, покрытый окаменѣлостями: сердолики, халцедоны

валялись въ видѣ огромныхъ пней, сохранившихъ явственно не только сложеніе дерева, но даже форму коры. Впрочемъ, эти интересныя явленія тѣмъ досаднѣе, что, видя надежду къ значительнымъ открытіямъ и заключеніямъ, въ то же время долженъ бываешь оставаться при одной надеждѣ. Своротить съ дороги нельзя; даже остановиться долго на одномъ мѣстѣ, кромѣ дневки, на мѣстахъ, назначаемыхъ проводниками, нѣтъ никакой возможности: Китайцы народъ подозрительный, и если кто-нибудь изъ насъ хоть на одну минуту своротитъ съ дороги или обратитъ на что-нибудь особенное вниманіе, тотчасъ являются вопросы: что онъ дѣлаетъ? зачѣмъ онъ остановился?... Дк-Минъ.

—

ТЕАТРАЛЬНАЯ ЛѢТОПИСЬ.

РУССКІЙ ТЕАТРЪ ВЪ ПЕТЕРБУРГѢ.

45) Князь Даніилъ Дмитріевичъ Холмскій. *Драма въ пяти актахъ, въ стихахъ и въ прозѣ, сочиніе* Н. В. Кукольника.

Репертуаръ русской сцены необыкновенно-бѣденъ. Причина очевидна: у насъ нѣтъ драматической литературы. Правда, русская литература можетъ хвалиться нѣсколькими драматическими произведеніями, которыя сдѣлали бы честь всякой европейской литературѣ; но для русскаго театра это скорѣе вредно, чѣмъ полезно. Геніальныя созданія русской литературы въ трагическомъ родѣ написаны не для сцены: «Борисъ Годуновъ» едва-ли бы произвелъ на сценѣ то, что называется эффектомъ и безъ чего пьеса падаетъ, а между-тѣмъ, онъ потребовалъ бы такого выполненія, какого отъ нашего театра и желать невозможно. «Борисъ Годуновъ» писанъ для чтенія. Мелкія драматическія поэмы Пушкина, каковы: «Сальери и Моцартъ», «Пиръ во время Чумы», «Русалка», «Скупой Рыцарь», «Рыцарскія Сцены», «Каменный Гость»,—неудобны для сцены по двумъ причинамъ: онѣ слишкомъ еще мудрены и высоки для нашей театральной публики, и требовали бы геніальнаго выполненія, о которомъ намъ и мечтать не слѣдуетъ. Что же касается до комедіи, у насъ всего двѣ комедіи — «Горе отъ Ума» и «Ревизоръ»; онѣ могли бы, особливо послѣдняя, не говоримъ — украсить, но обогатить любую европейскую литературу. Обѣ онѣ выполняются на русской сценѣ лучше, нежели что-нибудь другое; обѣ онѣ имѣли неслыханный успѣхъ, выдержали множество представленій, и никогда не перестанутъ доставлять публикѣ величайшее наслажденіе. Но это-то обстоятельство, будучи съ одной стороны чрезвычайно-благодѣтельно для русскаго театра, въ то же время и вредно для него. Съ одной стороны, несправедливо было бы требовать отъ публики, чтобъ она круглый годъ смотрѣла только «Горе отъ Ума» да «Ревизора», и не желала видѣть что-нибудь новое; нѣтъ—новость и разнообразіе необходимы для существованія театра; всѣ новыя произведенія національной литературы должны составлять капитальныя суммы его богатства, которыми однѣми можетъ держаться его кредитъ; такія пьесы должны даваться не вседневно, идти незаурядъ,— напротивъ, ихъ представленія должны быть праздникомъ, торжествомъ искусства; вседневною же пищею сцены должны быть произведенія низшія, бельлетрическія, полныя живыхъ интересовъ современности, раздражающія любопытство публики: безъ богатства и обилія въ такихъ произведеніяхъ, театръ походитъ на призракъ, а не на что-нибудь дѣйствительно-существующее. Съ другой стороны, что же прикажете намъ смотрѣть на русской сценѣ послѣ «Горе отъ Ума» и «Ревизора»? Вотъ это-то и почитаемъ мы вредомъ, который эти пьесы нанесли нашему театру, объяснивъ намъ живымъ образомъ,—фактомъ, а не теоріею,—тайну комедіи, представивъ намъ собою ея высочай-

шій идеалъ .. Есть ли у насъ что-нибудь такое, что бы сколько-нибудь, хоть относительно, — не говоримъ, подходило подъ эти пьесы, но—не оскорбляло послѣ нихъ эстетическаго чувства и здраваго смысла? Правда, иная пьеса еще и можетъ понравиться, но не больше, какъ на одинъ разъ, — и надо слишкомъ много самоотверженія и храбрости, чтобъ рѣшиться видѣть ее во второй разъ. Да и все достоинство такихъ пьесъ состоитъ въ томъ только, что онѣ не лишаютъ актёровъ возможности выказать свои таланты; а совсѣмъ не въ томъ, чтобъ онѣ давали актерамъ средства развернуть свои дарованія. Вообще, по-крайней-мѣрѣ половина нашихъ актёровъ, чувствуютъ себя выше пьесъ, въ которыхъ играютъ, — и они въ этомъ совершенно справедливы. Отсюда происходитъ гибель нашего сценическаго искусства, гибель нашихъ сценическихъ дарованій (на скудость которыхъ мы не можемъ пожаловаться): нашему артисту нѣтъ ролей, которыя требовали бы съ его стороны строгаго и глубокаго изученія, съ которыми надобно бы ему было побороться, помѣриться, словомъ — до которыхъ бы ему должно было постараться возвысить свой талантъ; нѣтъ, онъ имѣетъ дѣло съ ролями ничтожными, пустыми, безъ мысли, безъ характера, съ ролями, которыя ему нужно натягивать и растягивать до себя. Привыкши къ такимъ ролямъ, артистъ привыкаетъ торжествовать на сценѣ своимъ личнымъ комизмомъ, безъ всякаго отношенія къ роли, привыкаетъ къ фарсамъ, привыкаетъ смотрѣть на свое искусство как на ремесло, и много-много, если заботится о томъ, чтобъ протвердить роль: объ изученіи же ея не можетъ быть и слова. Въ-самомъ-дѣлѣ, что такое наши драматическія пьесы?—Разсмотримъ ихъ.

Мы пока исключимъ изъ нашего разсмотрѣнія трагедію—о ней рѣчь впереди,—а поговоримъ только о тѣхъ пьесахъ, которыя не принадлежатъ ни къ трагедіи, ни къ комедіи-собственно, хотя и обнаруживаютъ претензіи быть и тѣмъ и другимъ вмѣстѣ,—пьесы смѣшанныя, мелкія, трагедіи съ тупоумными куплетами, комедіи съ усыпительными патетическими сценами, словомъ — этотъ венегретъ бенефисовъ, предметъ нашей Театральной Лѣтописи.

Онѣ раздѣляются на три рода: 1) пьесы, переведенныя съ французскаго, 2) пьесы, передѣланныя съ французскаго, 3) пьесы оригинальныя. О первыхъ прежде всего должно сказать, что онѣ, большою частію, неудачно переводятся, особенно водевили. Водевиль есть любимое дитя французской національности, французской жизни, фантазіи, французскаго юмора и остроумія. Онъ непереводимъ, какъ русская народная пѣсня, какъ басня Крылова. Наши переводчики французскихъ водевилей переводятъ слова, оставляя въ подлинникѣ жизнь, остроуміе и грацію. Остроты ихъ тяжелы, каламбуры вытянуты за уши, шутки и намёки отзываются духомъ чиновниковъ пятнадцатаго класса. Сверхъ-того, для сцены эти переводы еще и потому не находка, что наши актёры, играя Французовъ, на зло себѣ остаются Русскими,—точно такъ же, какъ французскіе актёры, играя «Ревизора», на зло себѣ остались бы Французами. Вообще, водевиль—прекрасная вещь только на французскомъ языкѣ, на французской сценѣ, при игрѣ французскихъ актёровъ. Подражать ему такъ же нельзя, какъ и переводить его. Водевиль русскій, нѣмецкій, англійскій — всегда останется пародіею на французскій водевиль. Недавно въ какой-то газетѣ русской было возвѣщено, что пока-де нашъ водевиль подражалъ французскому, онъ никуда не годился; а какъ-де скоро сталъ на собственныя ноги, то вышелъ изъ него молодецъ хоть куда — почище и французскаго. Можетъ-быть, это и такъ, только, признаемся, если намъ случалось видѣть русскій водевиль, который ходилъ на собственныхъ ногахъ, то онъ всегда ходилъ на кривыхъ ногахъ, и глядя на него, мы не-

вольно вспоминали эти стихи изъ русской народной пѣсни:

Ахъ, ножища-то — что вилища!
Ручища-то — что граблища!
Головища — что пивной котелъ!
Глазища-то — что ямища!
Губища-то — что палчища!

Русскія передѣлки съ французскаго нынѣче въ большомъ ходу: большая часть современнаго репертуара состоитъ изъ нихъ. Причина ихъ размноженія очевидна: публика равнодушна къ переводнымъ пьесамъ; она требуетъ оригинальныхъ, требуетъ на сценѣ русской жизни, быта русскаго общества. Наши доморощенные драматурги на выдумки бѣдненьки, на сюжетцы неизобрѣтательны: что жь тутъ остается дѣлать? Разумѣется, взять французскую пьесу, перевести ее слово-въ-слово, дѣйствіе (которое, по своей сущности, могло случиться *только* во Франціи) перенести въ Саратовскую-Губернію или въ Петербургъ, французскія имена дѣйствующихъ лицъ перемѣнить на русскія, изъ префекта сдѣлать начальника отдѣленія, изъ аббата — семинариста, изъ блестящей свѣтской дамы — барыню, изъ гризетки — горничную, и т. д. Объ оригинальныхъ пьесахъ нѣчего и говорить. Въ передѣлкахъ, по-крайней-мѣрѣ, бываетъ содержаніе — завязка, узелъ и развязка; оригинальныя пьесы хорошо обходятся и безъ этой излишней принадлежности драматическаго сочиненія. Какъ тѣ, такъ и другія и знать не хотятъ, что драма, — какая-бы она ни была, а тѣмъ болѣе драма изъ жизни современнаго общества, — прежде всего и больше всего должна быть вѣрнымъ зеркаломъ современной жизни, современнаго общества. Когда нашъ драматургъ хочетъ выстрѣлить въ васъ, — становитесь именно на то мѣсто, куда онъ цѣлитъ: непремѣнно дастъ промаха, а въ противномъ случаѣ — чего добраго, пожалуй и зацѣпитъ. Общество, изображаемое нашими драмами, такъ же похоже на русское общество, какъ и на арабское. Какого бы рода и содержанія ни была пьеса, какое бы общество ни рисовала она — высшаго круга, помѣщичье, чиновничье, купеческое, мужицкое, что бы ни было мѣстомъ ея дѣйствія — салонъ, харчевня, площадь, шкуна, — содержаніе ея всегда одно и то же: у дураковъ-родителей есть милая, образованная дочка; она влюблена въ прелестнаго молодаго человѣка, но бѣднаго — обыкновенно въ офицера, изрѣдка (*для* разнообразія) въ чиновника; а ее хотятъ выдать за какого-нибудь дурака, чудака, подлеца, или за все это вмѣстѣ. Или, наоборотъ, у честолюбивыхъ родителей есть сынъ — идеалъ молодаго человѣка (т. е. лицо безцвѣтное, безхарактерное), онъ влюбленъ въ *дочь бѣдныхъ, но благородныхъ родителей*, идеалъ всѣхъ добродѣтелей, какія только могутъ умѣститься въ водевилѣ, образецъ всякаго совершенства, которое бываетъ вездѣ, кромѣ дѣйствительности; а его хотятъ выдать замужъ — то-есть женить, на той, которой онъ не любитъ. Но къ концу добродѣтель награждается, порокъ наказывается: влюбленные женятся, дражайшіе родители ихъ благословляютъ, разлучникъ съ носомъ — и райкъ надъ нимъ смѣется. Дѣйствіе начинается всегда такъ: дѣвица одна — съ книжкой въ рукѣ, жалуется на родителей и читаетъ сентенціи о томъ, что «сердце любитъ не спросясь людей чужихъ». Вдругъ: «Ахъ! это вы, Дмитрій Ивановичъ, или Николай Александровичъ!» — Ахъ! это я, Любовь Петровна или Ивановна, или иначе какъ-нибудь... Какъ я радъ, что засталъ васъ *однѣхъ!* — Проговоривши таковы слова, нѣжный любовникъ цалуетъ ручку своей возлюбленной. Замѣтьте, непремѣнно цалуетъ — иначе онъ и не любовникъ и не женихъ, иначе по чемъ бы и узнать публикѣ, что сей храбрый офицеръ, или добродѣтельный чиновникъ — любовникъ, или женихъ. Мы всегда удивлялись этому неподражаемому искусству нашихъ драматурговъ такъ тонко и ловко намекать на отношеніе персонажей въ своихъ драматическихъ издѣліяхъ... Далѣе: о

проситъ его уйдти, чтобъ не увидѣли папенька или маменька; *онъ* продолжаетъ цаловать ея ручку и говорить, что какъ онъ несчастливъ, что онъ умретъ съ отчаянія, но что, впрочемъ, онъ употребитъ всѣ средства; наконецъ *онъ* въ послѣдній разъ цалуетъ *ея* ручку и уходитъ. Входитъ «разлучникъ» и тотчасъ цалуетъ ручку—разъ, и два, и три, и болѣе, смотря по надобности; *барышня* надуваетъ губки и сыплетъ сентенціями; маменька, или папенька бранитъ ее и грозитъ ей; наконецъ—къ любовнику является на помощь богатый *дядя*, или разлучникъ оказывается негодяемъ: *дражайшіе* соединяютъ руки влюбленной четы—любовникъ нѣжно ухмыляется и, чтобъ не стоять на сценѣ по пустякамъ, принимается цаловать ручку, а въ губки чмокнетъ; *барышня* жеманно и умильно улыбается и будто нехотя позволяетъ цаловать свою ручку... Глядя на все это, поневолѣ воскликнешь:

Съ кого они портреты пишутъ?
Гдѣ разговоры эти слышутъ?
А если и случалось имъ —
Такъ мы ихъ слышать не хотимъ.

Если вѣрить нашимъ драмамъ, то можно подумать, что у насъ на святой Руси все только и дѣлаютъ, что влюбляются, и замужъ выходятъ за тѣхъ, кого любятъ; а пока не женятся, все ручки цалуютъ у своихъ возлюбленныхъ... И это зеркало жизни, дѣйствительности, общества!... Милостивые государи, поймите наконецъ, что вы стрѣляете холостыми зарядами на воздухъ, сражаетесь съ мельницами и баранами, а не съ богатырями! Поймите наконецъ, что вы изображаете тряпичныхъ куколъ, а не живыхъ людей, рисуете міръ нравоучительныхъ сказочекъ, способный забавлять семилѣтнихъ дѣтей, а не современное общество, котораго вы не знаете и которое васъ не желаетъ знать! Поймите наконецъ, что влюбленные (если они хоть сколько-нибудь люди съ душою), встрѣчаясь другъ съ другомъ, всего рѣже говорятъ о своей любви, и всего чаще о совершенно постороннихъ и притомъ незначительныхъ предметахъ. Они понимаютъ другъ друга молча — а въ томъ-то и состоитъ искусство автора, чтобъ заставить ихъ высказать передъ публикою свою любовь, ни слова не говоря о ней. Конечно, они могутъ и говорить о любви, но не пошлыя, истертыя фразы, а слова, полныя души и значенія, слова, которыя вырываются невольно и рѣдко...

Обыкновенно, «любовники» и «любовницы»—самыя безцвѣтныя, а потому и самыя скучныя лица въ нашихъ драмахъ. Это просто — куклы, приводимыя въ движеніе посредствомъ бѣлыхъ нитокъ руками автора. И очень понятно: онѣ тутъ не сами *для себя*, онѣ служатъ только внѣшнею завязкою для пьесы. И потому мнѣ всегда жалко видѣть артистовъ, осужденныхъ злою судьбою на роли любовниковъ и любовницъ. Для нихъ уже большая честь, если они съумѣютъ не украсить, а только сдѣлать свою роль сколько возможно меньше пошлою.... Для чего же выводятся нашими драматургами эти злополучные любовники и любовницы? Для того, что безъ нихъ они не въ состояніи изобрѣсти никакого содержанія; изобрѣсти же не могутъ, потому-что не знаютъ ни жизни, ни людей, ни общества, не знаютъ, *что* и *какъ* дѣлается въ дѣйствительности. Сверхъ-того, имъ хочется посмѣшить публику какими-нибудь чудаками и оригиналами. Для этого они создаютъ характеры, какихъ нигдѣ нельзя отъискать, нападаютъ на пороки, въ которыхъ нѣтъ ничего порочнаго, осмѣиваютъ нравы, которыхъ не знаютъ, зацѣпляютъ общество, въ которое не имѣютъ доступа. Это обыкновенно насмѣшки надъ купцомъ, который сбрилъ бороду; надъ молодымъ человѣкомъ, который изъ-за границы воротился съ бородою; надъ молодою особою, которая ѣздитъ верхомъ на лошадяхъ, любитъ кавалькады; словомъ—надъ покроемъ платья, надъ прической, надъ французскимъ языкомъ, надъ лорнеткою, надъ желтыми перчатками и надъ всѣмъ, что любятъ осмѣивать люди въ своихъ го-

сподахъ, ожидая ихъ у подъѣзда съ шубами на рукахъ... А какіе идеалы добродѣтелей рисуютъ они—Боже упаси! Съ этой стороны, наша комедія нисколько не измѣнилась со временъ Фонъ-Визина: глупые въ ней иногда бываютъ забавны, хоть въ смыслѣ карикатуры, а умные всегда и скучны и глупы...

Чтó касается до нашей трагедіи—она представляетъ такое же плачевное зрѣлище. Трагики нашего времени представляютъ изъ себя такое же зрѣлище, какъ и комики: они изображаютъ русскую жизнь съ такою же вѣрностію и еще съ меньшимъ успѣхомъ, потому-что изображаютъ историческую русскую жизнь въ ея высшемъ значеніи. Оставляя въ сторонѣ ихъ дарованія, скажемъ только, что главная причина ихъ неуспѣха—въ ошибочномъ взглядѣ на русскую исторію. Гоняясь за народностію, они все еще смотрятъ на русскую исторію съ западной точки зрѣнія. Иначе они и не стали бы въ Россіи до временъ Петра-Великаго искать драмы. Историческая драма возможна только при условіи борьбы разнородныхъ элементовъ государственной жизни. Не даромъ только у однихъ Англичанъ драма достигла своего высшаго развитія; не случайно Шекспиръ явился въ Англіи, а не въ другомъ какомъ государствѣ: нигдѣ элементы государственной жизни не были въ такомъ противорѣчіи, въ такой борьбѣ между собою, какъ въ Англіи. Первая и главная причина этого—тройное завоеваніе: сперва туземцевъ Римлянами, потомъ Англо-Саксами, наконецъ Норманами; далѣе: борьба съ Датчанами, вѣковыя войны съ Франціею, религіозная реформа, или борьба протестантизма съ католицизмомъ. Въ русской исторіи не было внутренней борьбы элементовъ, и потому ея характеръ скорѣе эпическій, чѣмъ драматическій. Разнообразіе страстей, столкновеніе внутреннихъ интересовъ и пестрота общества — необходимыя условія драмы: а ничего этого не было въ Россіи. Пушкина «Борисъ Годуновъ» потому и не имѣлъ успѣха, что былъ глубоко-національнымъ произведеніемъ. По той же причинѣ, «Борисъ Годуновъ» нисколько не драма, а развѣ поэма въ драматической формѣ. И съ этой точки зрѣнія, «Борисъ Годуновъ» Пушкина—великое произведеніе, глубоко исчерпавшее сокровищницу національнаго духа. Прочіе же драматическіе наши поэты думали увидѣть національный духъ въ охобняхъ и горлатныхъ шапкахъ, да въ рѣчи на простонародный ладъ, и вслѣдствіе этой чисто-внѣшней народности, стали рядить Нѣмцевъ въ русскій костюмъ и влагать имъ въ уста русскія поговорки. По-этому, наша трагедія явилась въ обратномъ отношеніи къ французской псевдо-классической трагедіи: французскіе поэты въ своихъ трагедіяхъ рядили Французовъ въ римскія тоги и заставляли ихъ выражаться пародіями на древнюю рѣчь; а наши какихъ-то Нѣмцевъ и Французовъ рядятъ въ русскій костюмъ и навязываютъ имъ подобіе и призракъ русской рѣчи. Одежда и слова русскія, а чувства, побужденія и образъ мыслей нѣмецкій или французскій... Мы не станемъ говорить о вульгарно-народныхъ, безвкусныхъ, бездарныхъ и не-эстетическихъ издѣліяхъ: подобныя чудища вездѣ нерѣдки и вездѣ составляютъ необходимый соръ и дрязгъ на заднемъ дворѣ литературы. Но чтó такое «Ермакъ» и «Дмитрій Самозванецъ» г. Хомякова, какъ не псевдо-классическія трагедіи въ духѣ и родѣ трагедій Корнеля, Расина, Вольтера, Кребильйона и Дюсиса? А ихъ дѣйствующія лица чтó такое, какъ не Нѣмцы и Французы въ маскарадѣ, съ накладными бородами и въ длиннополыхъ кафтанахъ? Ермакъ—нѣмецкій буршъ; казаки, его товарищи—нѣмецкіе школьники; а возлюбленная Ермака—пародія на Амалію въ «Разбойникахъ» Шиллера Дмитрій Самозванецъ и Басмановъ—люди, которыхъ какъ ни назовите — Генрихами, Адольфами, Альфонсами — все будетъ равно, и сущность дѣла отъ этого нисколько не из-

мѣнится. Впрочемъ, основателемъ этого рода псевдо-классической и мнимо-русской трагедіи должно почитать Нарѣжнаго, написавшаго (впрочемъ, безъ всякаго злаго умысла) пародію на «Разбойниковъ» Шиллера, подъ названіемъ: «Дмитрій Самозванецъ» (*трагедія въ пяти дѣйствіяхъ. Москва. 1800. Въ типографіи Бекетова*). Послѣ г. Хомякова, надъ русскою трагедіею много трудился баронъ Розенъ, — и его трудолюбіе заслуживаетъ полной похвалы. Съ большимъ противъ обоихъ ихъ успѣхомъ подвизался и подвизается на этомъ поприщѣ г. Кукольникъ. Мы готовы всегда отдать должную справедливость способностямъ г. Кукольника въ поэзіи, — и хотя не читали его «Паткуля» вполнѣ, но, судя по напечатанному изъ этой драмы прологу, думаемъ, что и вся драма можетъ быть не безъ значительныхъ достоинствъ. Что́ же касается до другихъ его драмъ, которыхъ содержаніе взято изъ русской жизни, — о нихъ мы уже все сказали, говоря о «Борисѣ Годуновѣ» Пушкина и трагедіяхъ г. Хомякова. Въ нихъ русскія имена, руські костюмы, русская рѣчь; но русскаго духа слыхомъ не слыхать, видомъ не видать. Въ нихъ русская жизнь взята на-прокатъ для нѣсколькихъ представленій драмы: публика имъ отхлопала и забыла о нихъ, а заключающіеся въ нихъ элементы русской жизни снова возвратились въ прежнее свое хранилище — въ «Исторію Государства Россійскаго». Никакой драмы не было во взятыхъ г. Кукольникомъ изъ исторіи Карамзина событіяхъ: никакой драмы не вышло и изъ драмъ г. Кукольника. Какъ умный и образованный человѣкъ, г. Кукольникъ самъ чувствовалъ это, хоть можетъ безсознательно, — и рѣшился на новую попытку: свести русскую жизнь лицомъ-къ-лицу съ жизнію ливонскихъ рыцарей, и выжать изъ этого столкновенія драму. Вотъ что породило «Князя Даніила Дмитріевича Холмскаго», новую его драму. Мы не будемъ излагать подробно содержаніе трагедіи г. Кукольника: этотъ трудъ былъ бы выше нашихъ силъ и терпѣнія читателей, ибо содержаніе «Холмскаго» запутано, перепутано, загромождено множествомъ лицъ, неимѣющихъ никакого характера, множествомъ событій чисто-внѣшнихъ, мелодраматическихъ, придуманныхъ для эффекта, и чуждыхъ сущности пьесы. Это, какъ справедливо замѣчено въ одной критикѣ, «не драма и не комедія, и не опера, и не водевиль, и не балетъ; но здѣсь есть всего по-немножку, кромѣ драмы, словомъ, это *дивертиссментъ*».

Вотъ вкратцѣ содержаніе «Князя Холмскаго»: баронесса Адельгейда фон-Шлуммермаусъ любитъ псковскаго купца Александра Михайловича Княжича, и, чтобъ соединиться съ нимъ, позволяетъ отряду московскаго войска, присланнаго великимъ княземъ Іоанномъ подъ предводительствомъ Холмскаго раздѣлаться съ ливонскимъ орденомъ, взять себя въ плѣнъ. Надо сказать, что она—амазонка: ломаетъ копья и завоевываетъ острова. Холмскій влюбляется въ нее на-смерть; сперва кокетство, а потомъ козни брата ея, барона фон-Шлуммермауса, заставляютъ ее подать Холмскому надежду на взаимность съ ея стороны. Послѣ долгой борьбы съ самимъ собою, Холмскій, поджигаемый коварнымъ барономъ и соумышленникомъ его, тайнымъ Жидомъ Ознобливымъ, ни съ того ни съ сего доходитъ до нелѣпаго убѣжденія, что *звѣзды* велятъ ему отложиться отъ отечества, образовать новое государство изъ Ганзы, Ливоніи и Пскова. Когда онъ объявилъ «волю звѣздъ» на псковскомъ вѣчѣ, его берутъ подъ стражу; великій князь прощаетъ его какъ-бы изъ снисхожденія къ его безумію, и наказываетъ одного барона фон-Шлуммермауса. Къ довершенію *комическаго* положенія забавнаго героя —Холмскаго, онъ узнаетъ, что амазонка-баронесса интриговала съ нимъ и выходитъ замужъ за своего бородатаго любовника, торговца Княжича.

Онъ хочетъ зарѣзать ихъ, но его не допускаетъ шутъ Середа — его пѣстунъ, лицо нелѣпое, безъ смысла, смѣшная пародія на русскихъ юродивыхъ, сто-первый незаконнорожденный потомокъ Юродиваго въ «Юріи Милославскомъ». Драма тянулась, тянулась; въ ней и ходили, и выходили, и говорили, и пѣли, и плясали; декорація безпрестанно мѣнялась, а публика зѣвала, зѣвала, зѣвала.... Драма *заснула*, говоря рыболовнымъ терминомъ, а публика проснулась и начала разъѣзжаться. Только одно лицо барона фон-Кульмгаусборденау оживляло немного апатическій спектакль, и то благодаря умной и ловкой игрѣ г. Каратыгина 2-го.

Очевидно, что Холмскій г. Кукольника есть русскій Валленштейнъ: тотъ и другой вѣрятъ въ звѣзды и хотятъ основать *для* себя независимое отъ своего отечества государство. Разница только въ томъ, что Валленштейнъ вѣритъ въ звѣзды въ-слѣдствіе фантастической настроенности своего великаго духа, гармонировавшаго съ духомъ вѣка, а стремится къ похищенію власти въ-слѣдствіе ненасытнаго честолюбія, жажды мщенія за оскорбленіе и безпокойной дѣятельности своего великаго генія; Холмскій же вѣритъ въ звѣзды по слабоумію, а стремится къ похищенію власти по любви къ женщинѣ, которая обманываетъ его, и по ничтожности своей маленькой душонки.—Хорошъ герой *для* трагедіи!... Валленштейна останавливаетъ на пути предательство и смерть; Холмскаго останавливаетъ на пути самая нелѣпость его предпріятія, какъ розга останавливаетъ забаловавшагося школьника. «Князь Даніилъ Дмитріевичъ Холмскій» можетъ почесться довольно-забавною, хотя и весьма-длинною и еще больше скучною пародіею на великое созданіе Шиллера—«Валленштейнъ». Оставляя въ сторонѣ частные недостатки, спросимъ читателей: есть ли въ изобрѣтеніи (концепціи) драмы г. Кукольника что-нибудь русское, принадлежащее русской субстанціи, русскому духу, русской національности? Есть ли въ нашей исторіи примѣры—хоть одинъ примѣръ того, чтобъ русскій бояринъ съ ввѣреннымъ ему отъ царя войскомъ вздумалъ отложиться отъ отечества и основать себѣ новое государство?... Правда, Ермакъ съ горстью казаковъ завоевалъ жезлъ властительства надъ Сибирью, но съ тѣмъ, чтобъ повергнуть его къ ногамъ своего царя. Не правы ли мы, говоря, что наши драматурги, цѣлясь въ русскую жизнь, бьютъ по воздуху, и попадаютъ развѣ въ воронъ, созданныхъ ихъ чудотворною фантазіею?... Замыселъ Холмскаго, его любовь, его вѣра въ астрологію, все это—вороны...

46) **Костромскіе Лѣса**, *русская быль въ двухъ дѣйствіяхъ*, съ пѣніемъ *соч.* Н. А. Полеваго.

Г. Полевой явился у насъ тоже создателемъ особаго рода драмы—драмы анекдотической, которая есть не что иное, какъ анекдотъ, переложенный на разговоры между любовникомъ, любовницею и разлучникомъ и оканчивающійся свадьбою. Да, г. Полевой законный владѣлецъ этого рода драмы, помѣщикъ этой полосы рукодѣльной литературы, точно такъ же, какъ г. Булгаринъ — помѣщикъ въ несуществующей области нравственно-сатирическихъ и нраво-описательныхъ статеекъ и романовъ. Обоимъ этимъ почтеннымъ писателямъ суждено-обезсмертить свои имена въ русской литературѣ изобрѣтеніемъ совершенно новыхъ способовъ занимать и забавлять публику. Но и здѣсь та же исторія, какъ и во всей почти нашей драматической литературѣ, т. е. стрѣльба холостыми зарядами на воздухъ. Вотъ хоть бы «Костромскіе Лѣса»: подумалъ ли нашъ сочинитель о томъ, что̀ онъ хотѣлъ дѣлать? Высокое самоотверженіе Сусанина есть великій подвигъ, дѣлающій славу русскому имени; поэзія *должна* и *можетъ* брать его своимъ содержаніемъ; но *какъ*—вотъ вопросъ. Сусанина можно сдѣлать героемъ пѣсни, эпическаго рапсода, баллады, поэмы, оперы,—но никогда драмы. Конечно, дра-

ма объемлетъ собою одинъ моментъ въ жизни избраннаго его героя, но сосредоточиваетъ въ этомъ моментѣ всю жизнь его. А что мы знаемъ о жизни Сусанина, исключая его великаго и священнаго подвига? Страдалецъ святаго чувства преданности къ царю — онъ умеръ молча, пожертвовалъ собою не для эффекта, не требуя ни хвалы, ни удивленія. Хвала и удивленіе нашли его; но нашли въ подвигѣ, а не въ жизни, въ дѣлѣ, а не въ личности. Какъ данное лицо, какъ характеръ, Сусанинъ не йдетъ для драмы. Самый подвигъ его — плодъ мгновеннаго, лирическаго восторга, а не плодъ цѣлой его жизни, или драматическаго столкновенія двухъ противоположныхъ влеченій... Что же сдѣлалъ г. Полевой изъ Сусанина? какой создалъ изъ него характеръ? Увы! что-то такое странное, такъ мало достойное памяти великаго человѣка, что грустно и говорить объ этомъ! Вся драма состоитъ изъ сцены между Сусанинымъ и пьянымъ, хвастливымъ и глупымъ Полякомъ, съ которымъ онъ и поетъ и пляшетъ, вывѣдывая тайну экспедиціи его отряда и придумывая средства для совершенія своего подвига. Заведши Поляковъ въ глушь, онъ слышитъ голосъ отъискивающаго его зятя съ крестьянами; потомъ ведетъ далѣе, а на его мѣсто приходятъ отъискивающіе; эти уходятъ — опять является Сусанинъ, говоритъ цѣлые монологи тамъ, гдѣ истинный Сусанинъ только молился, заставляя говорить за себя Полякамъ самому дѣлу; раненный пулею, онъ опять говоритъ — длинно, напыщенно, реторически... Тѣмъ все и кончается.

47) Отецъ и Откупщикъ, Дочь и Откупъ. *Нѣсколько сценъ въ родѣ драмы. Комедія въ одномъ дѣйствіи,* *соч.* Н. А. Полеваго.

Интрига этой пьесы довольно внѣшняя: откупщикъ Хамовъ пріѣхалъ въ Петербургъ на торги и взялъ съ собой изъ пансіона дочь свою — пустую дѣвчонку, умѣющую только болтать по-французски. Вымпелову, шурину Хамова, хочется выдать племянницу за артиллерійскаго офицера *Милова*; Хамовъ не хочетъ объ этомъ и слышать. Повѣренный откупщика, Ѳедька Кулакъ, помогаетъ Вымпелову: по наученію Ѳедьки, Вымпеловъ объявляетъ Хамову, что самъ хочетъ идти на торги, чтобъ перебить у него откупъ, но беретъ отъ Хамова 50,000 отступнаго, и соглашается отступиться только на условіи брака племянницы съ Миловымъ. Хамовъ—дѣлать нечего, соглашается. Вымпеловъ приводитъ Милова—Миловъ цалуетъ ручки у невѣсты... Ѳедька Кулакъ—цаловальникъ; онъ знаетъ, что Хамовъ началъ свое поприще съ этого же званія, знаетъ положеніе его дѣлъ, всѣ тайны его торговли; онъ уже самъ много наворовалъ, но унижается, льститъ, цалуетъ руки Хамова за то, что тотъ учитъ его добру, т. е. бьетъ по щекамъ. Онъ проситъ у Хамова мѣста главнаго повѣреннаго; Хамовъ отказываетъ, и Ѳедька грозитъ предложить свои услуги богатой купчихѣ Кривобоковой, сопернинцѣ Хамова по откупамъ. Хамовъ велитъ своему прикащику Такалкину задержать Ѳедьку у себя въ домѣ и послать за квартальнымъ. Но Ѳедька суетъ Такалкину денегъ и ускользаетъ. Настаетъ рѣшительная минута — Хамову надо ѣхать на торги; Ѳедька даетъ Такалкину полтораста рублей, чтобъ тотъ задержалъ Хамова дома на одинъ часъ. Хамовъ торопится, но то не готова карета, то входитъ живописецъ, то вбѣгаетъ архитекторъ, то дантистъ. Является Сидоренко—тоже откупщикъ, и упрекаетъ его въ скрытности, что онъ самъ не поѣхалъ на торги, а послалъ вмѣсто себя повѣреннаго — и городъ остался за нимъ. Въ томъ же увѣряютъ Хамова товарищи его по ремеслу — Крючковъ, Непаленой и Кривобокова; Хамовъ въ изумленіи. Является Ѳедька и объявляетъ, что онъ давно уже купецъ первой гильдіи, взялъ городъ на откупъ себѣ, и что залогами его ссудила Кривобокова. Хамовъ въ отчаяніи, онъ ничего не хочетъ дать за

дочерью; Миловъ, искавшій приданаго, а не жены, отказывается отъ Лизы.

Вообще, эта пьеса г. Полеваго— не холостой зарядъ на воздухъ. Въ ней есть истина, есть дѣйствительность. Видно, что авторъ хорошо знаетъ сферу жизни, которую взялся изобразить. Въ ней есть, если не характеры лицъ, то вѣрные очерки нѣкоторыхъ сословій. Хамовъ и Ѳедька—лучшія лица; всѣ прочія, по-крайней-мѣрѣ, правдоподобны, исключая Вымпелова и Милова—лицъ совершенно вставочныхъ, внѣшнихъ пьесѣ, безхарактерныхъ и ничтожныхъ. Къ числу недостатковъ пьесы должно еще отнести и нѣкоторую растянутость. Впрочемъ, пьеса хорошо идетъ на сценѣ, и видѣть ее въ тысячу разъ пріятнѣе, чѣмъ иную трагедію съ танцами, или историческую быль съ пѣснями и трагическою пляскою.

48) Современный Бородолюбіе. *Оригинальная комедія въ трехъ отдѣленіяхъ, сочиненіе* Д. Г. Зубарева.

Помѣщикъ Курдюковъ отказываетъ въ рукѣ своей дочери ротмистру Славскому, котораго она любитъ и который цалуетъ у ней руки, безпрестанно восклицая: «Ахъ, это я, Софья Петровна!» Курдюковъ — видите ли, смотритъ на свою дочь съ моральной стороны, т. е. какъ на вещь: онъ далъ слово отдать ее за Разъѣздова, сына своего друга—и сдержитъ свое честное слово, хоть бы его дочь умерла отъ этого. Хорошій родитель—нечего сказать! самый дражайшій! Во второмъ отдѣленіи, Разъѣздовъ на станціи; онъ прямо изъ Парижа скачетъ жениться на Софьѣ Курдюковой, и такъ торопится, что не успѣлъ сбрить бороды, которую отпустилъ въ Парижѣ. Станціонный смотритель не хочетъ вѣрить, чтобъ человѣкъ съ бородою могъ быть отставнымъ корнетомъ, не даетъ лошадей и посылаетъ за становымъ; становой рѣшительно убѣжденъ, что Разъѣздовъ—бѣглый купецъ, убившій корнета Разъѣздова и воспользовавшійся паспортомъ своей жертвы. Къ-счастію, эта станція недалеко отъ деревни Курдюкова: становой рѣшается не сажать Разъѣздова въ желѣза и не представлять его въ городъ, а съѣздить съ нимъ къ Курдюкову. Курдюковъ читаетъ Разъѣздову наставленія о томъ, что бороду носить позорно, и отказываетъ ему въ рукѣ дочери, а Славскій снова начинаетъ цаловать у ней руки, восклицая: «Ахъ, это я, Софья Петровна!» За тѣмъ, галиматьѣ конецъ. — Тутъ нѣтъ ни лицъ, ни образовъ, ни характеровъ, ни комическихъ положеній, ни остроумія, ни веселости, ни правдоподобія, ни смыслу. Писать такія комедіи значитъ уже и не стрѣлять въ воронъ по воздуху, а развѣ считать галокъ на крышахъ домовъ... И что за мораль! Конечно, смѣшно ходить съ бородою тамъ, гдѣ это не принято ни обычаемъ, ни всевластною модою, такъ же, какъ смѣшно ходить безъ бороды тамъ, гдѣ всѣ ходятъ съ бородами; но гдѣ же видалъ г. сочинитель у насъ на Руси свѣтскихъ, образованныхъ людей съ бородами? А вѣдь комедія должна осмѣивать *общія* странности! И кого же онъ противопоставилъ *безнравственному* Разъѣздову?—Отца, который, чтобъ сдержать честное слово (котораго не имѣлъ права давать), хочетъ погубить свою дочь; глупца станціоннаго смотрителя и наконецъ такого становаго, какого—можемъ поручиться—къ чести Россіи, нельзя отъискать ни въ какомъ захолустьѣ. И это картины русскаго общества! Бѣдное русское общество! Чѣмъ ты виновато, что бездарные маляры мажутъ съ тебя своими мазилками безсмысленныя карикатуры и выдаютъ ихъ за твои портреты?...

49) Актеръ. *Оригинальный водевиль въ одномъ дѣйствіи, соч.* Н. А. Перепельскаго.

Саратовскій помѣщикъ Кочергинъ любитъ играть на бильярдѣ, и потому мучитъ жениха своей дочери, прося его «еще партійку». Чтобъ избавиться отъ него, женихъ предлагаетъ своему будущему тестю познакомиться съ однимъ знакомымъ ему акте-

ромъ, который хорошо играетъ на бильярдѣ. Кочергинъ почитаетъ всякаго актёра за шута, и такъ-какъ онъ къ-тому же очень смѣшливъ, то помираетъ со смѣху при каждомъ словѣ Стружкина (актёра), думая, что тотъ для смѣху представляетъ изъ себя порядочнаго человѣка. Оскорбленный Стружкинъ уходитъ, и почти вслѣдъ за нимъ является старуха, мать Сухожилова (жениха) и начинаетъ съ Кочергинымъ ссору, будто за то, что тотъ завлекъ ея сына въ невыгодную для него женитьбу на своей дочери. За старухою входитъ Татаринъ съ халатами и шалями; между тѣмъ и другимъ, онъ открываетъ Кочергину, что Сухожиловъ долженъ ему тысячъ пять, забирая у него подарки для любовницъ, и что онъ женится на какой-то богатой дѣвушкѣ. Кочергинъ приходитъ въ бѣшенство и прогоняетъ Сухожилова, не слушая его оправданій. За тѣмъ является продавецъ гипсовыхъ фигуръ, и проситъ съ Кочергина платы за разбитыя Сухожиловымъ фигуры, при встрѣчѣ съ нимъ въ дверяхъ. Наконецъ, оказывается, что мать Сухожилова, Татаринъ и продавецъ гипсовыхъ фигуръ былъ—Стружкинъ, мистифировавшій Кочергина для того, чтобъ доказать ему, что актёръ не шутъ площадной, а артистъ.

50) Счастіе лучше Богатства. *Интермедія-водевиль въ одномъ дѣйствіи.*

Крестьянка Любаша любитъ бѣднаго крестьянина Сергѣя, а мачиха хочетъ насильно выдать ее за сѣдаго старосту Байбака. Бѣдная Любаша! ни за что пропала! Не печальтесь: Любаша красавица и добрая дѣвушка, а *таковыя* въ водевиляхъ и интермедіяхъ никогда не погибаютъ. Въ самую критическую минуту пріѣзжаетъ изъ Питера расторговавшійся крестьянинъ Степанъ, дядя Любаши; телега его очень кстати опрокидывается, а Сергѣй очень кстати сдерживаетъ лошадей; за тѣмъ Любаша выходитъ за Сергѣя, старостѣ и свахѣ—носъ, а галиматьѣ—конецъ.

51) Та да не та, или Ошибки Справочнаго Мѣста. *Водевиль въ одномъ дѣйствіи, переводъ съ французскаго.*

Г. и г-жа Дервильи, живя въ деревнѣ, просятъ своего повѣреннаго въ Парижѣ прислать имъ компаньйонку и швею. Сынъ ихъ женился тайно на бѣдной дѣвушкѣ, и рѣшается, чтобъ его жена отправилась къ нимъ въ качествѣ компаньйонки. Но въ справочномъ мѣстѣ перемѣшали имена обѣихъ женщинъ, и потому г. и г-жа Дервильи принимаютъ Адель за швею, а Шарлотту — за компаньйонку, очаровываются умомъ и прекрасными манерами швеи, и оскорбляются плебейскими замашками компаньйонки. Изъ этого выходитъ очень комическое положеніе, пока наконецъ дѣло не объясняется. Вся пьеса вертится на характерѣ швеи Шарлотты, которая должна выразить собою не швею съ дурными манерами (напротивъ, какъ швея, она должна быть и мила и по-своему граціозна), а компаньйонку съ дурными манерами. На Александринскомъ-Театрѣ эта роль прекрасно выполняется г-жею Самойловою 2-ю.

52) Двѣ Жизни, или не все то золото, что блеститъ. *Комедія въ трехъ дѣйствіяхъ, соч. г-жи* Ансело, *переведенная съ французскаго* П. С. Ф(Ѳ)едоровымъ.

Мы не будемъ излагать содержанія этой пьесы по самой простой причинѣ: мы забыли его, и помнимъ только, что это что-то такое моральное, длинное, растянутое и скучное.

53) Путешественникъ и Путешественница, *водевиль въ одномъ дѣйствіи, переводъ съ французскаго* (*Un Monsieur et une Dame*).

Вотъ истинно-французская пьеса — безъ всякаго содержанія, а между-тѣмъ полная интереса, жизни, движенія, комическихъ положеній. Все дѣло тутъ въ томъ, что, по неимѣнію комнатъ въ постояломъ домѣ, дама принуждена ночевать въ одной комнатѣ съ незнакомымъ молодымъ человѣкомъ. При игрѣ г. Максимова 1-го и г-жи Дюръ,

эта пьеска и на руской сценѣ не лишена занимательности.

54) Я всѣхъ перехитрилъ. *Комедія-водевиль въ одномъ дѣйствіи.*

На сценѣ нравы восьмнадцатаго вѣка. Молодой человѣкъ пробирается въ комнату оперной пѣвицы посредствомъ стола, который выдвигается черезъ полъ изъ кухни. Потомъ онъ выпроваживаетъ отъ нея своихъ соперниковъ, увѣривъ старика Бельмона, что турецкій посолъ завезъ въ Парижъ чуму, а графа Давиньи, заманивъ хитростью подъ столъ, который и проваливается съ графомъ подъ полъ. При хорошемъ сценическомъ выполненіи, эта пьеска должна быть очень забавна.

—

РАЗНЫЯ ИЗВѢСТІЯ.

— Въ Теплицѣ, на Госпитальной Горѣ (Spitalberg), воздвигнутъ на дняхъ памятникъ покойному прусскому королю Фридриху-Вильгельму III. Онъ состоитъ изъ каменнаго постамента, на одной сторонѣ котораго видно грудное изображеніе монарха, вылитое изъ чугуна, съ слѣдующею надписью: «Honori et Memoriae Friderici Guilielmi reg. Boruss. grata Teplitz dedicavit MDCCCXLI.» На постаментѣ находится большой чугунный шаръ, а на шарѣ стоитъ изображеніе генія, вѣнчающаго лавровымъ вѣнкомъ бюстъ покойнаго государя. Весь памятникъ вышиною въ 30 футовъ.

— Въ Грецѣ (Graetz) 20-го августа открытъ торжественно бронзовый памятникъ австрійскому императору Францу I, сооруженный на счетъ пожертвованій и приношеній дворянъ и прочихъ сословій Штиріи—трудами миланскаго ваятеля Марчези и литейщика Виснарди. Покойный императоръ представленъ въ одеждѣ ордена золотаго руна, держащимъ скипетръ въ лѣвой, опущенной рукѣ: правая рука простерта къ народу.—На подножіи памятника слѣдующая надпись: «Francisco I. Austriae Imperatori Grata Stiria.»

— Въ Лондонѣ, на аукціонной продажѣ книгъ, кто-то купилъ весьма рѣдкій и единственный въ свѣтѣ экземпляръ драмы Марлова за 900 талеровъ, напечатанной въ 1595 г. — Эта книга называется: «Трагедія Ричардъ Герцогъ Йоркскій.»— Нѣкоторые журналы доказали, что Шекспиръ для своей трагедіи того же имени много мѣстъ перевелъ буквально изъ Марлова.

— Между журналами и газетами, выходящими въ Испаніи, есть два журнала, изъ которыхъ первый, по предмету своему, не имѣетъ себѣ подобнаго въ цѣломъ свѣтѣ. Это «Копьевой Ударъ, журналъ испанской травли быковъ»; второй называется «Кортесы Испанскаго Прекраснаго Пола, или Испанская Дамская Газета»; цѣль его—эманципація испанской женщины.

— На-дняхъ былъ въ Петербургѣ глава бельгійскихъ книжныхъ контрфакторовъ, Гауманъ—«литературный пиратъ», какъ зовутъ его во Франціи. Онъ пріѣхалъ сюда по дѣламъ своимъ изъ Парижа, куда посылало его общество бельгійскихъ книгопродавцевъ депутатомъ на конференцію при заключеніи торговаго договора между Франціею и Бельгіею. Гауманъ всѣми силами долженъ былъ отстаивать интересъ своихъ собратій. Онъ объявилъ французскому правительству, что бельгійскіе книгопродавцы соглашаются оставить перепечатываніе книгъ на такомъ только условіи, чтобъ Франція купила у нихъ всѣ книги, уже напечатанныя и еще не распроданныя. На вопросъ: сколько же нужно имъ за это? — Гауманъ объявилъ десять мильйоновъ франковъ. Мы имѣли случай видѣть Гаумана и нашли въ немъ человѣка въ высшей степени ловкаго, сметливаго и оборотливаго.

— Въ началѣ ноября должна появиться въ Парижѣ первая книжка новаго журнала *la Revue Independan-*

ее, который предприняла издавать Жоржъ-Зандъ вмѣстѣ съ гг. Леру и Луи Віардо. Въ этой книжкѣ должны быть помѣщены между-прочимъ стихи какого-то мастероваго съ примѣчаніемъ г. Араго, и статья Жоржа-Занда: «Horace». Журналъ будетъ выходить книжками, по двѣ книжки въ мѣсяцъ, подобно Revue des deux Mondes. Очень любопытно было бы взглянуть на это изданіе.

— Съ 1-го октября нынѣшняго года, въ Парижѣ издается еще ежемѣсячный журналъ, который долженъ быть очень интересенъ. Онъ называется *La Chronique, revue du monde fashionable*, съ виньетами работы Порре. Онъ содержитъ въ себѣ всевозможныя хроники: парижскую, провинціальную, театральную, художественную, литературную, ученую, и біографіи. Въ первой книжкѣ помѣщена біографія Меттерниха. Обѣщаютъ жизнеописанія Гюго, Гизо, Тьера, Моле, Ламартина, Сульта, Беррье, Шатобріана, Баранта, Веллингтона, де-Броли, Пиля, Пальмерстона и пр. и пр. Въ Петербургѣ не получена еще эта книжка.

— Наконецъ, о ужасъ! Викторъ-Гюго, поэтъ, трагикъ, академикъ и пр. и пр., написалъ водевиль *Le Fils de la Bossue*... Вѣрно это не болѣе какъ шалость великаго таланта. Гюго не дойдетъ до ремесла водевилиста: это удѣлъ посредственности.

— Жаненъ, какъ извѣстно, женился, и черезъ два дня послѣ своей свадьбы извѣстилъ о томъ Европу и цѣлую вселенную посредствомъ фёльетона въ «Journal des Débats», наговоривъ двѣнадцать столбцовъ такихъ пустяковъ, которые, даже при его умѣньи болтать, очень скучны. Весь этотъ фёльетонъ вертится на собственномъ его удивленіи, что за него, литератора, критика, слѣдовательно «цыгана», честный адвокатъ отдалъ дочь свою. Въ газетѣ «la Presse» порядкомъ отдѣлали Жанена за нескромность; но это domestica facta, или сплетни; предоставляемъ ихъ въ завѣдываніе тѣмъ изъ нашихъ газетъ, которыя такъ жадны до сплетенъ — своихъ и чужихъ. Онѣ вѣрно не пропустятъ жаненовой статьи безъ вниманія и переведутъ ее, если не перевели ужь въ тощіе столбцы свои...

—

— Г. Везенъ, профессоръ центральнаго училища ремеслъ и торговли, написалъ въ Брюсселѣ книгу подъ названіемъ: «Открытая Тайна Криптографіи, или искусства читать и разбирать всевозможныя письмена и знаки, писанные на какомъ угодно языкѣ, хотя бы буквы и языкъ вовсе были неизвѣстны читающему». — Этотъ ученый живетъ теперь во Франкфуртѣ-на-Майнѣ, гдѣ публично дѣлалъ опыты своей криптографіи.—Кто-то предложилъ ему разобрать и прочитать стихотвореніе, написанное фантастическими и произвольными знаками. Везенъ въ нѣсколько минутъ разобралъ эти каракули, и замѣтилъ притомъ нѣсколько грамматическихъ ошибокъ, сдѣланныхъ писцомъ въ стихотвореніи. Другой замѣнилъ по своему произволу буквы цифрами, и написалъ нѣсколько фразъ. Везенъ прочиталъ въ нѣсколько минутъ цифирное письмо, и нашелъ даже, что одна цыфра въ фразѣ была пропущена. Везенъ увѣряетъ, что онъ можетъ научить своему искуству каждаго желающаго читать и переводить съ неизвѣстныхъ языковъ письмена, начертанныя какими угодно фантастическими буквами—на языки французскій, нѣмецкій, англійскій, латинскій, итальянскій и фламандскій.

— Возрастъ и долголѣтіе звѣрей и животныхъ весьма различны. Медвѣдь рѣдко живетъ болѣе 20 лѣтъ, собака можетъ прожить 20 лѣтъ, волкъ также, лисица отъ 14 до 16, левъ до 70. Кошки среднимъ числомъ живутъ 15 лѣтъ, векши отъ 7 до 8 лѣтъ, кролики 7 лѣтъ. Слоны могутъ жить даже до 400 лѣтъ.—Когда Александръ-Великій разбилъ индійскаго царя Пора, то взялъ себѣ, въ числѣ прочей добычи, слона, наиболѣе отличивша-

гося своею стойкостію въ битвѣ. Александръ назвалъ его Аяксомъ и посвятилъ солнцу. Послѣ того онъ далъ свободу слону, и на кожѣ его выжегъ слѣдующее тавро: «Александръ, сынъ Юпитера, посвятилъ Аякса солнцу». Этотъ слонъ, извѣстный по своей надписи, былъ пойманъ въ лѣсу черезъ 350 лѣтъ послѣ побѣды Александра надъ Поромъ.—Свиньи доживаютъ иногда до 30 лѣтъ, носорогъ до 20, лошадь можетъ прожить до 62 лѣтъ; между-тѣмъ, вѣкъ лошади среднимъ числомъ составляетъ отъ 25 и много до 30 лѣтъ. Верблюды могутъ жить до 100 лѣтъ. Олени также живутъ долго; овца живетъ 10 лѣтъ, корова 15; моржъ, по увѣренію Кювье, можетъ жить 1000 лѣтъ.—Въ Вѣнѣ околѣлъ орелъ 104 лѣтъ; иные лебеди живутъ до 300 лѣтъ. У г. Маллартона былъ скелетъ лебедя, который жилъ 200 лѣтъ.—Пеликаны также могутъ жить 150 лѣтъ и болѣе.

— Недавно въ Монсѣ случилось замѣчательное происшествіе. У портнаго Депоза находился значительный запасъ каменнаго угля въ погребѣ, плотно закрытомъ. Двѣ служанки со свѣчою пошли за этимъ углемъ; но лишь только отворили дверь, какъ произошелъ сильный взрывъ, отъ котораго обѣ женщины упали: у одной изъ нихъ опалено лицо; всѣ стекла въ лавкѣ разбились. Должно полагать, что каменный уголь былъ свѣжій, и потому изъ него отдѣлился горючій газъ.

— Послѣднее время было очень выгодно для антикваріевъ: сдѣлано множество новыхъ находокъ въ разныхъ мѣстахъ. Въ Луккѣ (въ Апуліи) открытъ недавно большой мозаическій полъ, на которомъ представлены двѣнадцать знаковъ зодіака. Въ Венозѣ, въ гробницѣ Марцелла, также продолжаютъ копать, для открытія древнихъ вещей, равно какъ въ Кумѣ, Баѣ и пр., гдѣ уже открыты нѣсколько римскихъ гробницъ, саркофаговъ, монетъ, сосудовъ для собиранія слезъ, и пр.—Въ Помпеѣ снова отрытъ большой бронзовый ключъ, который поясняетъ теперь совершенно, какъ дѣлались замки у древнихъ. Въ Коссендау (въ Лигницкомъ Округѣ) отрыто языческое древнее кладбище, въ которомъ остовы человѣческіе лежали въ симметрическомъ порядкѣ, а иные въ большихъ урнахъ. Въ одномъ мѣстѣ сохранились уголья и кучи пепла, гдѣ обыкновенно сожигались тѣла умершихъ. Между остовами найдена также пара серегъ изъ какого-то бѣлаго металла, нѣсколько колецъ, бронзовыхъ иголокъ, и острый жертвенный ножъ.

— Всѣмъ извѣстно, что подъ-исходъ лѣта, и еще болѣе позднею осенью нѣкоторыя комнатныя мухи дѣлаются неотвязчивы и кусаютъ очень-больно. Одинъ германскій ученый въ-продолженіи нѣсколькихъ лѣтъ производилъ наблюденія надъ мухами, и въ-слѣдствіе этихъ наблюденій убѣдился, что мухи сами подвергаются въ это время гораздо-большимъ мученіямъ, не только отъ голода и жажды, но и отъ какихъ-то насѣкомыхъ, которыми онѣ совершенно покрыты и которыя своимъ жаломъ доводятъ ихъ до крайняго бѣшенства. На иныхъ мухахъ эти насѣкомыя такъ велики, что ихъ можно видѣть невооруженнымъ глазомъ; мухи, на которыхъ много такихъ насѣкомыхъ, обыкновенно очень-худы и истощены; убить ихъ—значитъ избавить отъ ужасныхъ мученій.

— Наконецъ теперь доказано, что многія насѣкомыя совершенно лишены органа зрѣнія. Такъ, напр., у рака въ головѣ есть два выпуклые блестящіе узелка, которые до-сихъ-поръ почитались глазами; но изслѣдованіе этихъ узелковъ показало, что они — наросты хрящеватаго вещества, неимѣющіе отверстій, слѣдовательно не могущіе служить органами зрѣнія. Такъ-какъ ракъ ползаетъ впередъ и назадъ, то глаза на томъ мѣстѣ, гдѣ видны у него означенные узелки, не могутъ служить ему, между-тѣмъ, какъ осязательные рожки ему очень полезны, ибо онъ можетъ то выставлять ихъ впередъ, то загибать назадъ.

Глаза замѣняются ему, безъ сомнѣнія, тѣмъ разлитымъ по всему его тѣлу магнетическимъ чутьёмъ, которымъ снабдила его природа: все тѣло рака какъ-бы одарено глазами. Рожки садовой улитки, на оконечности которыхъ находится черное пятнышко, почитались также органами зрѣнія, но и это мнѣніе ложно: улитка одарена такимъ сильнымъ общимъ чутьёмъ, что легко можетъ обойдтись безъ глазъ.

— Князь Пюклеръ, посѣщавшій въ 1836 году Грецію, во второмъ томѣ своихъ «Греческихъ Страданій» сообщаетъ слѣдующее объ озерѣ Фоніа въ древней провинціи Ахаіи. «Это озеро уже въ древности славилось таинственными качествами, и до-сихъ-поръ утверждаютъ, что оно видимо только 13 лѣтъ, а потомъ исчезаетъ на другія 13 лѣтъ. Предполагая даже, что это сказка, нельзя не согласиться въ доказанномъ фактѣ, что озеро Фоніа иногда высыхаетъ совершенно на нѣсколько лѣтъ, а потомъ вдругъ, безъ всякой внѣшней причины, изъ недовѣдомыхъ пещеръ прорывается въ него вода, причиняющая нерѣдко гибельныя опустошенія и наполняющая надолго его ложе, покрытое зеленою тиною. Еще Страбонъ говорилъ объ этомъ озерѣ, что во время его разливовъ часто появляются чудовищныя рыбы, никогда дотолѣ невиданныя, и пробирающіяся чрезъ рѣку Ладонъ, которая вытекаетъ изъ Фоніа, въ Альфей, а изъ Альфея въ море. Въ 1835 году, послѣ продолжительной засухи, произошелъ такой прорывъ воды; перевозчики и крестьяне, вѣроятно никогда неслыхавшіе о разсказѣ Страбона, пришедши въ городъ Пиргосъ, объявили, что видѣли въ Ладонѣ огромныхъ змѣй, съ головой, похожею на голову быковъ, и что эти змѣи плыли къ морю. Они говорили также, что погнавшись за однимъ изъ этихъ чудовищъ, не могли поймать его.» Пюклеру разсказывалъ объ этомъ г. Агамемнонъ, докторъ медицины въ Пиргосѣ, большой любитель древностей, и притомъ человѣкъ ученый и образованный. Дѣло, во всякомъ случаѣ, очень любопытное, заслуживающее ближайшаго изслѣдованія.

—.

— Извѣстный изобрѣтатель музыкальнаго телеграфа, г. Сюдръ, выдумалъ еще новый инструментъ подъ названіемъ *телефонъ*. — Это родъ трубы или рупора, посредствомъ котораго ночью на морѣ можно давать сигналы кораблямъ на разстояніи 2,200 тоазовъ (двухъ морскихъ миль). — Для испытанія телефона учреждена была въ Тулонѣ особая коммиссія, подъ предсѣдательствомъ адмирала Гюгона; по изслѣдованію найдено, что телефонъ очень полезенъ для сигналовъ на морѣ во время бури и ночью, когда никакіе другіе сигналы не дѣйствуютъ.

— Новый способъ сохраненія мяса, въ которое посредствомъ сжатаго воздуха впускается соль, очень распространился въ Буэнос-Айресѣ и въ другихъ частяхъ Южной-Америки, гдѣ, какъ извѣстно, убиваютъ рогатый скотъ только для кожи, а мясо тамъ не имѣетъ почти никакой цѣны. Соленое мясо конечно сдѣлается предметомъ важной вывозной торговли не только въ Англію, но и въ другія страны Европы. Если помянутый способъ соленія вполнѣ удастся жителямъ Южной-Америки, то мясо въ скоромъ времени очень вздешевѣетъ. Стада рогатаго скота и овецъ столь многочисленны на равнинахъ Пампаса, что мясо ихъ употребляется не только въ пищу, но и вмѣсто дровъ, на разныя потребности. — Одинъ путешественникъ увѣряетъ, что онъ видѣлъ въ Пампасѣ цѣлыя кучи сушеныхъ ободранныхъ овецъ, которыя какъ дрова употреблялись для разведенія и поддержанія огня.

— Въ Лейтѣ, по близости Эдинборга, находится огромное заведеніе для приготовленія мяснаго кушанья, по методѣ Апперта. Кушанье разсылается оттуда по всему свѣту, и особенно въ Остиндію. Въ нижнемъ этажѣ строенія находятся кладовыя для съѣстныхъ припасовъ и чистительные аппараты; во второмъ нѣсколько огром-

ныхъ залъ, занятыхъ единственно кухнями; тамъ въ десяти большихъ котлахъ варится мясо; далѣе нѣсколько котловъ, въ которыхъ вывариваетса изъ бычьихъ ногъ крѣпкій студень и бульйонъ для суповъ. Въ этомъ заведеніи приготовляется до 20 сортовъ разныхъ суповъ, посылаемыхъ въ Остиндію, и знаменитый супъ изъ черепахъ. Такіе супы варятся очень густо, въ родѣ желэ, и при употребленіи въ пищу разводятся водою. Въ двухъ флигеляхъ этой кухонной фабрики множество женщинъ стряпаютъ до 90 сортовъ разныхъ яствъ, назначенныхъ для вывоза во всѣ страны свѣта. На тысячѣ вертелахъ жарятся говядина, телятина, баранина; каждый кусокъ отъ 2 до 6 фунтовъ. На дворѣ устроено десять мастерскихъ палатъ, гдѣ жестянники приготовляютъ жестяныя банки для кушанья. Банки, наполненныя мясомъ или желэ, герметически закрываются и, для защиты отъ сырости и воздуха, лакируются. Потомъ на нихъ наклеиваютъ этикеты, какъ на винныхъ бутылкахъ, и складываютъ въ огромные погреба, послѣ упаковываютъ все это въ бочки и посылаютъ за море. Въ этомъ заведеніи приготовляется ежедневно отъ 800 до 1000 банокъ съ кушаньемъ, каждая величиною отъ большой табакерки до мужской шляпы. Такимъ образомъ закупоренное кушанье сохраняется совершенно свѣжимъ долгое время, даже въ жаркихъ климатахъ подъ экваторомъ и въ Остиндіи.

— Въ Лондонѣ дѣлано было испытаніе надъ гуано, или пометомъ морской птицы гуано, водящейся въ южно-американскихъ моряхъ. Этотъ пометъ, конечно, будетъ важнымъ предметомъ торговли, потому-что его множество по берегамъ Южнаго-Океана, и онъ превосходитъ всѣ роды назема, доселѣ употребляемаго для хлѣбопашества въ Европѣ. Если акръ земли удобрить пометомъ птицы гуано, то на немъ могутъ родиться въ изобиліи и превосходнаго качества рѣпа, морковь и самая жирная, сочная трава. Знаменитый химикъ Дэви въ своей «Хозяйственной Химіи» упоминаетъ о чудесномъ дѣйствіи такого назема на почву. Этотъ наземъ, смѣшанный съ содою-нитратъ, которая также получается въ большомъ количествѣ съ береговъ Южной-Америки, скоро сдѣлается необходимымъ удобриваніемъ пахатной земли Англіи и, можетъ-быть, прочей Европы. Сода-нитратъ оказываетъ благодѣтельное дѣйствіе особенно на пшеницу.

— Лондонскій докторъ Ротъ изобрѣлъ двѣ ариѳметическія машины. Первая дѣлаетъ сложеніе и вычитаніе, простое и сложное, а вторая—умноженіе и дѣленіе. Обѣ машины сдѣланы изъ мѣди. Первая имѣетъ продолговатую форму, а вторая круглую. Докторъ Ротъ взялъ уже привилегію отъ правительства на свое изобрѣтеніе.

—Типографщикъ Уикерманъ въ Эрфуртѣ изобрѣлъ новый способъ снимать вѣрныя копіи съ старопечатныхъ рѣдкихъ книгъ, рукописей, хартій и пр. Съ оригинала снимаются буквы и фигуры посредствомъ особаго химическаго аппарата и переводятся на литографическій камень, нарочно для того подготовленный. Оригиналъ нимало не повреждается отъ этого копированія и вовсе не теряетъ прежняго своего вида. Потомъ начинаютъ печатать съ камня отъ 2 до 3000 экземпляровъ особеннымъ способомъ, различнымъ отъ нынѣ-употребляемаго въ литографіяхъ. Если на эти оттиски употребится бумага или пергаментъ совершенно похожіе на бумагу или пергаментъ оригинала, тогда оттисковъ нельзя будетъ отличить отъ настоящей старопечатной книги или рукописи. Такимъ способомъ въ октябрѣ прошлаго года перепечатано нѣсколько древнихъ рукописей и копія съ рѣдкой книги, изданной въ Готѣ докторомъ Мёллеромъ «Liber Olimatum Auctore Aba Ishac el Faresi vulgo El Issthachri».

— На большомъ чугунно-литейномъ заводѣ Брагама и Робинзона въ Лондонѣ оконченъ маякъ въ 105 футовъ вышиною, весь составленный изъ чугунныхъ

плитъ. Онъ назначенъ для мыса Мордана, находящагося на западномъ берегу британскаго острова Ямайки. Это диво новѣйшей чугунно-литейной техники окончено, по заказу адмиральтейства, въ два мѣсяца, вѣситъ не болѣе 100 тоннъ (200,000 фунтовъ) и обойдется всего-на-все, съ планомъ, матеріаломъ, отливкою, перевозкою черезъ Атлантическій-Океанъ и постановкою на мысѣ не болѣе какъ въ семь тысячь фунтовъ стерлинговъ (175,000 рублей)! Слѣдующія свѣдѣнія о его устройствѣ и составѣ такъ любопытны, что мы не можемъ умолчать о нихъ. Платформа маяка имѣетъ 16 квадратныхъ футовъ, и потому выдается во всѣ стороны маяка, имѣющаго въ основаніи $18^1/_2$ футовъ, но уменьшающагося въ діаметрѣ кверху до $11^1/_2$ футовъ въ окружности. Платформа окружена перилами въ 3 фута вышиною. Оконъ 24. Входъ въ маякъ сдѣланъ въ 10 футахъ отъ земли и закрывается дверью изъ массивнаго дубоваго дерева, къ которой ведутъ нѣсколько чугунныхъ ступеней. Вліяніе тропическаго солнца на желѣзныя доски въ одинъ вершокъ толщиною должно быть такъ сильно, что жаръ въ башнѣ сдѣлается невыносимъ; для отвращенія этого придумано средство, состоящее въ томъ, что вся внутренность стѣнъ обложена шиферными досками и притомъ-такъ, что между ними и стѣнами остается пустой промежутокъ въ $1^1/_2$ вершка, по которому свободно можетъ проходить воздухъ и значительно уменьшать жаръ. Маякъ, имѣющій 105 футовъ въ вышину, будетъ возвышаться только на 90 футовъ надъ землею, потому-что 15 футовъ его основанія будутъ опущены въ скалу мыса и въ-придачу укрѣплены внѣшнею стѣною. Такимъ образомъ, этотъ маякъ, снабженный еще громоотводомъ (хоть онъ и самъ-по-себѣ представляетъ уже огромнѣйшій громоотводъ), будетъ въ силахъ противостоять всѣмъ бурямъ и непогодамъ. Весьма замѣчательно, что маякъ строился безъ лѣсовъ, которые въ тѣхъ мѣстахъ были бы очень дороги.

— Каретникъ Клодіусъ, въ Берлинѣ, изобрѣлъ новаго рода телеги и повозки о шести колесахъ, и получилъ на нихъ привилегію отъ правительства. При сравненіи такихъ повозокъ съ двухколесными и четырехколесными, выходитъ, что повозка о двухъ колесахъ требуетъ силы въ 400 фунтовъ, о четырехъ колесахъ 200 ф., а о шести только 150 ф., чтобъ тянуть ее лошадьми по обыкновенной дорогѣ. Неровность дороги много затрудняетъ ходъ двухколесной телеги, особенно нагруженной; колеса сильно врѣзываются въ колеи между камнями, и нужна большая сила для того, чтобъ двигать ее. Повозка о четырехъ колесахъ встрѣчаетъ менѣе затрудненій на подобной мостовой; но шестиколесная идетъ легко и скоро по той же самой дорогѣ. Каждое колесо имѣетъ свою особую рессору и идетъ попеременно по возвышенностямъ и углубленіямъ дороги, такъ-что сѣдокъ нимало не чувствуетъ качки и толчковъ даже въ такомъ случаѣ, когда дорога вовсе неровна и усѣяна рытвинами. Лошадь, запряженная въ шестиколесную телегу, можетъ одною третью вести болѣе тяжести, чѣмъ на четырехколесной. Посредствомъ особо-приложеннаго механизма къ шестиколесной повозкѣ, она можетъ легко проходить и оборачиваться въ самыхъ узкихъ улицахъ и переулкахъ, также никогда не опрокидывается даже и въ такомъ случаѣ, когда подъ нею сломается ось или колесо. Повозка и телега изобрѣтенія Клодіуса представляютъ большую выгоду въ узкихъ проѣздахъ, кривыхъ переулкахъ, гдѣ прочія телеги никакъ пройдти не могутъ. Само собою разумѣется, что тяжело-нагруженная телега о шести колесахъ гораздо-менѣе имѣетъ давленія на мостовую; шины ея не такъ глубоко врѣзываются въ землю, и потому колеса не портятъ шоссе и весьма легко оборачиваются даже въ самомъ глубокомъ пескѣ. Шестиколесныя повозки Клодіуса стоятъ не дороже четырехколесныхъ.

— Недавно въ гавань города Лин-

кольна пришелъ крошечный пароходецъ, въ 26 футовъ длины и 5 высоты, вмѣстимостію въ 3 тонны. Жители Линкольна очень могли предположить не свалился ли этотъ пароходъ съ неба, потому-что море, передъ тѣмъ какъ пришелъ онъ, бушевало сильно, — и трудно было повѣрить, чтобъ кто-нибудь рѣшился ѣхать на такомъ суднѣ въ непогоду. Однакожь это миньятюрное созданье гриничскаго механика Бекслэнда благополучно совершило путь изъ Лондона въ Линкольнъ, подъ начальствомъ капитана Ферберна. Особенно замѣчателенъ въ этомъ пароходѣ новый механизмъ для движенія его: двѣ маленькія лопатки, помѣщенныя у кормы судна, посредствомъ ремней и блоковъ загребаютъ воду, наподобіе веселъ. Собственно же этотъ пароходъ служитъ моделью для доказательства безопасности и скорости, доставляемыхъ новымъ его устройствомъ. Первое оправдывается счастливымъ путешествіемъ «Яна» (такъ называется пароходъ), а второе — тѣмъ, что онъ дѣлаетъ 7 миль въ часъ. Такіе маленькіе пароходы особенно выгодны для плаванія по каналамъ и небольшимъ рѣкамъ.

— Миссъ Костелло, въ послѣднемъ сочиненіи своемъ о Франціи, приводитъ слѣдующее любопытное письмо, написанное въ февралѣ 1841 года знаменитою Маріонъ де-Лормъ: «По требованію вашему, я приняла вашего англійскаго лорда, маркиза Уорчестера, какъ-нельзя-лучше. Я веду его, или, правильнѣе, онъ ведетъ меня отъ одного замѣчательнаго предмета къ другому, выбираетъ всегда важнѣйшіе, говоритъ очень-мало, слушаетъ съ чрезвычайнымъ вниманіемъ, и на тѣхъ, кого разспрашиваетъ, смотритъ такъ пристально своими большими голубыми глазами, какъ-будто хочетъ проникнуть въ средоточіе ихъ мыслей. Вообще, онъ недоволенъ никакими данными ему свѣдѣніями и никогда не видитъ предметовъ въ такомъ свѣтѣ, въ какомъ ихъ представляютъ ему. Вы можете судить объ этомъ по нашему посѣщенію Бисетра, гдѣ онъ вообразилъ себѣ, что въ одномъ изъ сумасшедшихъ открылъ генія. Еслибъ недугъ сумасшедшаго не достигъ высшей степени бѣшенства, то я увѣрена, что маркизъ попросилъ бы объ освобожденіи его и взялъ бы его съ собою въ Лондонъ, чтобъ на досугѣ съ утра до вечера слушать его бредни. Мы проходили по двору дома сумасшедшихъ, и я, ни живая, ни мертвая отъ ужаса, прижалась къ маркизу, какъ вдругъ за толстою желѣзною рѣшеткою показалось ужасное лицо и воскликнуло: «Я не сумасшедшій, я не сумасшедшій; я сдѣлалъ открытіе; оно обогатитъ страну, которая рѣшится принять его.» — Что же онъ открылъ такое? спросила я у проводника. — Пустое, замѣтилъ проводникъ, пожимая плечами: — ничего важнаго, и вы вѣкъ не угадаете: онъ что-то хочетъ дѣлать изъ пара отъ кипятка... Я засмѣялась. — Человѣкъ этотъ, продолжалъ проводникъ: — называется Саломономъ де-Косъ; онъ четыре года тому назадъ пріѣхалъ изъ Нормандіи, чтобъ представить королю записку о чудесныхъ послѣдствіяхъ, какія могло бы имѣть его открытіе. Судя по его словамъ, надобно предполагать, что посредствомъ пара можно управлять кораблями и двигать экипажи, — словомъ, нѣтъ никакого дѣла, котораго, какъ онъ утверждаетъ, нельзя было бы произвести при помощи его выдумки. Кардиналъ не согласился выслушать объясненія сумасшедшаго. Но Саломонъ де-Косъ не упалъ духомъ, и упорно преслѣдовалъ кардинала на каждомъ шагу до-тѣхъ-поръ, пока кардиналъ, наскучивъ его неотвязчивостью и бреднями, не приказалъ заперетъ его въ Бисетрѣ, гдѣ онъ и находится уже три года съ половиною и, какъ вы сейчасъ слышали, увѣряетъ всѣхъ посѣтителей, что онъ не сумасшедшій, и что сдѣлалъ драгоцѣнное открытіе. Онъ даже написалъ объ этомъ предметѣ книгу, которая хранится у меня. — Лордъ Уорчестеръ, непроронившій ни одного слова, задумался, потребовалъ книгу, прочиталъ нѣсколько страницъ изъ нея и сказалъ: — Этотъ человѣкъ не сума-

сшедшій; у насъ, въ Англіи, не заключили бы его въ домъ сумасшедшихъ, а наградили бы; позвольте мнѣ переговорить съ нимъ и разспросить кое-очемъ. — Маркиза впустили, но вскорѣ онъ возвратился печальный и задумчивый. — Теперь онъ дѣйствительно сумасшедшій, сказалъ маркизъ: — несчастія и заключеніе лишили его ума; но вы отвѣтите за его безуміе; заключивъ его въ Бисетрѣ, вы уничтожили величайшаго генія. — Мы ушли; но маркизъ съ-тѣхъ-поръ только и бредилъ, что о Саломонѣ де-Косѣ.»

—

— Извѣстный докторъ Рушъ всегда говаривалъ, что взрослыя дѣти и молодыя дѣвушки, кромѣ другихъ физическихъ упражненій тѣла, для поддержанія своего здоровья должны непремѣнно заниматься пѣніемъ. Онъ утверждалъ, что въ числѣ учебныхъ предметовъ для дѣвицъ должно непремѣнно находиться и пѣніе, ибо оно не только служитъ полезнымъ разсѣяніемъ отъ домашнихъ заботъ и скуки, но имѣетъ самое благодѣтельное вліяніе на грудь дѣвицъ, предохраняя ихъ отъ чахотки. — Рушъ между-прочимъ говоритъ, что въ его практикѣ было много дѣвицъ, страдавшихъ грудными болѣзнями, и что онъ избавилъ ихъ отъ злой чахотки единственно тѣмъ, что заставлялъ какъ-можно-чаще пѣть. Согласно съ этою системою доктора Руша, нынче во всѣхъ школахъ Англіи учатъ пѣть дѣтей обоего пола; даже уроки грамматическіе и ариѳметическіе они учатъ на-распѣвъ. Эта метода ученія оказалась на дѣлѣ весьма-полезною для здоровья учащихся. Были примѣры, что дѣти, которыя отъ слабости едва могли держаться на ногахъ, совершенно выздоравливали упражняясь въ пѣніи.

— Австрійское правительство составило проектъ, нѣкоторымъ образомъ исполинскій: построить у восточной оконечности столицы, на совершенно-безплодной почвѣ, новый городъ, который могъ бы содержать въ себѣ около 50,000 жителей и, съ самаго своего основанія, былъ снабженъ всѣми необходимыми главными строеніями, какъ-то церквами, губернаторскимъ домомъ, присутственными мѣстами, биржею, театрами, музеями и проч. Этотъ городъ будетъ названъ *Фердинандштадтомъ* (городомъ Фердинанда). Планы для него составлены придворнымъ архитекторомъ Ферстеромъ, который, прежде представленія ихъ правительству, хочетъ попросить совѣтовъ и мнѣній всѣхъ главныхъ академій художествъ.

— Теперь только и толковъ въ иностранныхъ газетахъ, что о покражѣ, произведенной въ египетскомъ музеумѣ, во дворцѣ Монбижу (въ Пруссіи). Не страшась фараоновыхъ мумій, воры украли всѣ золотыя вещи, украшавшія гробы и самыхъ мумій. Въ числѣ украденныхъ предметовъ находится знаменитый кусокъ золота, вѣсомъ 227 червонцевъ, столь же замѣчательный своими арабесками, какъ и своею цѣнностію.

— Въ Лиеморѣ (въ Сѣверной-Америкѣ) почтмейстеръ Годди проѣхалъ недавно четыре съ половиною мили до Фермуа въ бочкѣ на четырехъ колесахъ, въ которую запряжены были свинья, барсукъ, двѣ кошки, ёжъ и гусь. — Этотъ чудакъ, помахивая кнутомъ, такъ искусно управлялъ своею запряжкою, что черезъ шесть часовъ пріѣхалъ въ Фермуа и выигралъ пари въ 25 фунт. стерл.

— Въ концѣ августа многіе жители Лондона видѣли карету, которая ѣхала по улицамъ безъ лошадей, влекомая электро-магнитною силою съ необыкновенною скоростію: она сдѣлала 10 нѣмецкихъ миль въ полтора часа! — Механикъ, устроившій этотъ экипажъ, пріѣзжаетъ въ немъ ежедневно въ Лондонъ изъ Сен-Альбанса (57 англійскихъ миль) въ полтора часа. Издержка на такую поѣздку обходится не болѣе 18 крейцеровъ (крейц. 3 коп. мѣдью).

— Въ ходѣ обыкновенныхъ карманныхъ часовъ, производится въ часъ 17,160 біеній, что составляетъ въ

день 411,840, а въ годъ 150,424,560 разъ, когда годъ считать въ 365 дней и 6 часовъ. Иногда часы, при акуратномъ съ ними обхожденіи, могутъ ходить цѣлый вѣкъ: тогда они въ постеченіи 100 лѣтъ сдѣлаютъ 15,042,456,000 біеній.—Часы составляются изъ крѣпкихъ металловъ; но есть вещество, которое гораздо-слабѣе мѣди и стали и такъ же мягко какъ на-примѣръ тѣло руки: это вещество бьется 5,000 разъ въ часъ, 120,000 разъ въ день и 43,830,000 разъ въ годъ. Иногда оно бьется регулярно сряду сто лѣтъ, что составитъ 4,383,600,000 біеній. Можно подумать, что это мягкое вещество изотрется и издержится гораздо-скорѣе, чѣмъ металлъ въ часахъ; но въ неосновательности этого каждый можетъ увѣриться на самомъ себѣ, приложивъ руку къ лѣвой сторонѣ своей груди. Это мягкое вещество безпрестанно бьющееся называется—сердцемъ.

— Примѣромъ необыкновенной скорости, съ какою нынѣ сообщаются извѣстія изъ одного государства въ другое, служитъ англійская газета «Morning Herald»: 14-го сентября напечатано было въ ней извѣстіе о покушеніи на жизнь герцога омальскаго, случившееся въ Парижѣ 13 сентября пополудни.

— Извѣстный ваятель Даннекеръ, творецъ группы «Аріадна», статуи Христа Спасителя (въ Царскомъ Селѣ), бюста Шиллера и проч., живетъ теперь въ Стутгардѣ. Ему уже минуло 87 лѣтъ отъ роду; тѣломъ онъ совершенно здоровъ, но лишенъ ума и впалъ въ совершенное дѣтство. Это—живой контрастъ знаменитому Торвальдсену, который, при маститой старости своей, сохранилъ умъ, память и воображеніе во всей ихъ свѣжести.

— Извѣстная комедія Самуила Футса не уменьшила въ Англіи любителей и охотниковъ до картинъ. Богатые наслѣдники купцовъ и ремесленниковъ, которые въ нѣсколько лѣтъ нажили себѣ огромные капиталы въ Лондонѣ, моты-аристократы, и индійскіе набобы—ежедневно увеличиваютъ въ Англіи число любителей и собирателей картинъ.—Истинныхъ знатоковъ въ живописи, конечно, тамъ мало, а потому Англія считается самою лучшею страною Европы, гдѣ обманщики и пройдохи получаютъ отъ продажи картинъ огромные барыши. Поддѣльные Рафаэли, Тиціаны и Мурильйо всегда находятъ своимъ контрфакціямъ вѣрный сбытъ въ Лондонѣ. Многіе лорды любители картинъ сами ѣздятъ въ Римъ и покупаютъ за настоящіе оригиналы поддѣльныя копіи, даже писанныя англійскими художниками. Продавцы картинъ въ Лондонѣ наживаютъ большія суммы отъ такой торговли.—Многіе изъ нихъ посылаютъ своихъ агентовъ въ Испанію, Голландію, Италію и Германію для покупки оригинальныхъ картинъ всякаго сорта.—Изъ послѣднихъ статистическихъ извѣстій видно, что въ Англіи находятся до 200,000 картинъ разныхъ иностранныхъ школъ, и что посредствомъ аукціонной продажи распространяется въ Англіи ежегодно до 50,000 картинъ разныхъ художниковъ.

— Въ Римѣ множество людей занимается поддѣлкою разныхъ камеевъ, и надобно быть отличнымъ знатокомъ древностей, чтобъ не попасться въ обманъ этимъ «художникамъ». Разумѣется, что поддѣльный камей долженъ имѣть видъ тысячелѣтней давности, который художники производятъ слѣдующимъ образомъ: они даютъ индѣйкѣ вмѣстѣ съ кормомъ проглотить камей, потомъ убиваютъ ее черезъ нѣсколько времени, и камей отъ дѣйствія желудочнаго сока получаетъ видъ древняго греческаго камня, какъ-будто лежавшаго двѣ тысячи лѣтъ въ землѣ.

— Въ одной французской газетѣ утверждаютъ, что на всемъ земномъ шарѣ нынѣ живутъ 600,000 глухонѣмыхъ, и изъ числа ихъ въ одной Франціи 25,000. Число институтовъ для глухонѣмыхъ въ образованныхъ странахъ простирается до 130, а въ одной

Франціи ихъ 30. Жаль только, что въ этихъ тридцати институтахъ воспитываются не болѣе 1000 глухонѣмыхъ.

— Весьма немногимъ, даже Французамъ (исключая живущихъ на морскомъ берегу) извѣстно, что во Франціи существуетъ положительный законъ, въ силу котораго никто не смѣетъ брать морскую воду, съ какою бы то ни было цѣлію, — чтобъ выгонкою изъ нея соли не сдѣлать подрыва казнѣ, присвоившей себѣ исключительное право на соль. Этотъ почти-невѣроятный законъ такъ строго соблюдается на берегахъ обоихъ морей, омывающихъ Францію, что недавно въ Біорнсѣ слуга, почерпнувшій ведро морской воды для ванны своему господину и пойманный при этомъ солянымъ приставомъ, былъ принужденъ вылить ее опять въ море.

— Офицеръ 30-го бенгальскаго пѣхотнаго полка, въ англійской «Охотничьей Газетѣ» (Sporting Magazine) помѣстилъ слѣдующее любопытное описаніе Павлиньяго-Лѣса: «6 апрѣля пріѣхали мы въ Чатнеръ и расположились у опушки такъ называемаго Павлиньяго-Лѣса. Около 7 часовъ утра, мы остановились на обширной равнинѣ, покрытой травою, между двумя пригорками, надъ которыми тянулся частый лѣсъ, и разбили палатки вблизи болота, покрытаго индійскими водяными лиліями. Здѣсь имѣлъ я несчастіе лишиться своей любимой лягавой собаки, которая, утомясь отъ продолжительнаго пути и желая напиться, была пожрана аллигаторомъ. Не смотря на нестерпимый зной, я и два другіе офицера рѣшились послѣ завтрака отправиться на охоту. Вооруженные тремя двуствольными ружьями и необходимымъ снарядомъ, мы проникли въ Павлиній-Лѣсъ. Вокругъ насъ царствовала мертвая тишина; ни одинъ листъ не колыхался и только изрѣдка молчаніе было прерываемо рѣзкимъ крикомъ павлина или крикомъ лоси, немогшей освободиться отъ мускитосовъ, которые часто доводятъ этихъ животныхъ до бѣшенства. Сходя съ пригорка, мы увидѣли въ нѣсколькихъ шагахъ четырехъ волковъ, которые пожирали скелетъ лани. Вдругъ лѣсъ сдѣлался рѣже, и мы въ дальней просѣкѣ завидѣли тысячи павлиновъ. Мы подошли почти на сто шаговъ къ нимъ прежде, нежели они отступили въ бамбуковый кустарникъ, окружавшій просѣку. Когда павлины распустили свои хвосты, блестящія перья ихъ при солнечномъ свѣтѣ уподоблялись шитью, украшенному богатѣйшими алмазами. Началось убіеніе. Каждый выстрѣлъ убивалъ по шести и болѣе изъ этихъ прекрасныхъ птицъ, и одинъ залпъ изъ нашихъ трехъ двуствольныхъ ружей доставилъ намъ 27 павлиновъ. Мы продолжали бы еще охоту, если бъ несносный жаръ не принудилъ насъ искать въ лѣсу прохлады. Мы проходили чрезъ нѣсколько горныхъ потоковъ, на болотистыхъ берегахъ которыхъ видѣли слѣды тигровъ, леопардовъ и другихъ хищныхъ звѣрей, приходящихъ сюда для утоленія своей жажды. Самый Павлиній-Лѣсъ есть еще совершенно неизвѣстная пустыня; въ немъ берутъ свое начало величайшія рѣки юговосточной части Индіи, и онъ обитаемъ только павлинами и свойственными этой странѣ хищными звѣрьми.

— Китайцы, чтобъ побѣдить «рыжихъ варваровъ», вздумали построить въ Кантонѣ огромнѣйшую машину, пловучій укрѣпленный городъ, и пустить его на пораженіе британскаго флота. Къ огромному плоту они придѣлали два колеса, подобныя пароходнымъ; каждое колесо двигали на водѣ 80 человѣкъ. По сторонамъ плота устроены возвышенныя галлереи для китайскихъ стрѣлковъ, и люки, чтобъ въ случаѣ нужды прятаться отъ пуль и ядеръ непріятельскихъ, которыхъ Китайцы чрезвычайно боятся. Этотъ пловучій городъ снабженъ огромнѣйшими пушками, которыхъ ядра чуть не долетали до луны; но изъ этихъ машинъ китайскіе артиллеристы не осмѣлились выстрѣлить ни разу, когда

дѣло дошло до настоящаго сраженія.

— Недавно Кафръ на Мысѣ-Доброй-Надежды подстрѣлилъ красивую зебру; но звѣрь, легко раненный, пустился бѣжать опрометью въ лѣсъ. Охотникъ вонзилъ въ него вторую стрѣлу, и началъ уже настигать, какъ вдругъ левъ вышелъ изъ ближняго кустарника и загородилъ ему дорогу. Кафръ, не смѣя вступить въ бой съ такимъ страшнымъ врагомъ, въ минуту вскарабкался на вершину огромнаго дуба. Левъ, великодушный царь лѣсовъ, заступился за невинную зебру, позволилъ ей убраться во свояси, но обратилъ все вниманіе на охотника. Оба соперника долго наблюдали другъ друга; наконецъ левъ рѣшился выждать своего врага, и легъ у корня дерева. Такимъ образомъ прошли цѣлыя сутки. —Охотникъ думалъ, что левъ наскучитъ напраснымъ ожиданіемъ своей добычи и сниметъ осаду; но звѣрь лежалъ подъ деревомъ и не трогался съ мѣста. Наконецъ оба врага, утомленные обоюднымъ надзоромъ, крѣпко заснули. Охотнику пригрезилось во снѣ, что онъ свалился съ дерева прямо въ пасть льва. Этотъ сонъ такъ испугалъ Кафра, что, очнувшись, онъ потерялъ равновѣсіе и въ-самомъ-дѣлѣ упалъ прямо на спину звѣря. Левъ, не ожидая такой аттаки, струсилъ какъ заяцъ и побѣжалъ опрометью прочь отъ дерева. Охотникъ воспользовался этимъ счастливымъ оборотомъ дѣла.

— Каррера, неограниченному правителю Гватималы, почитаемому изувѣрами-Индійцами за пророка, теперь не болѣе двадцатипяти лѣтъ; ростомъ онъ пять футовъ шесть вершковъ; лицо у него индійское. Онъ лишенъ всякаго образованія, и только недавно научился подписывать свое имя. Соображаясь съ тѣмъ, какъ онъ, предводительствуя толпою дикихъ Индійцевъ, вторгся въ Гватималу и покорилъ себѣ эту страну, нельзя не полагать почти навѣрное, что онъ будетъ имѣть живѣйшее вліяніе на всю центральную Америку и, при своихъ сильныхъ страстяхъ и непреклонной волѣ достигнетъ цѣли—т. е. покоритъ эту часть новаго свѣта. Жестокіе поступки его со всякимъ иностранцемъ, которыми онъ ознаменовалъ начало своего правленія, теперь прекратились, и онъ особенно ласково принимаетъ Англичанъ. Каррера желаетъ покоренной странѣ блага, и охотно былъ бы готовъ пожертвовать собою для достиженія его. Будучи совершенно необразованъ, онъ не можетъ всегда быть счастливъ въ выборѣ средствъ; притомъ же онъ все еще много зависитъ отъ дикихъ воиновъ своихъ, которыхъ, подобно кондотьеру среднихъ вѣковъ, онъ приковалъ къ своей судьбѣ и можетъ удерживать въ повиновеніи только аккуратною выдачею жалованья и величайшею строгостью. Пятнадцати лѣтъ, предводительствуя небольшимъ отрядомъ Индійцевъ, вооруженныхъ негодными мускетами, которые они зажигали сигарами, началъ онъ свои подвиги, и личнымъ мужествомъ и бѣшеною храбростію дошелъ до званія правителя цѣлаго народа.

— Мадара, деревня въ четырнадцати миляхъ отъ Рущука въ Валахіи, пріобрѣла большую этнологическую извѣстность тѣмъ, что въ-продолженіе нѣсколькихъ десятилѣтій была обитаема одними женщинами, которыхъ, во время цвѣтущаго состоянія ея, считалось болѣе двухъ тысячь. Онѣ вели, правда, не такую воинственную жизнь, какъ древнія амазонки, однакожь отказались отъ всякаго сообщества съ мужчинами и враждебно встрѣчали всякаго, кто, непрошенный, приближался къ ихъ владѣнію. Теперь маленькое республиканское государство ихъ, по новѣйшимъ извѣстіямъ, близко къ паденію; по-крайней-мѣрѣ почти совершенно умолкли слухи о подвигахъ его обитательницъ, которые состояли преимущественно въ томъ, что онѣ дополняли свое народонаселеніе наборомъ въ окрестностяхъ недовольныхъ мужьями женъ, непостоянныхъ дѣвушекъ, покинутыхъ невѣстъ, старыхъ дѣвъ и прогнанныхъ невольницъ. До-

ма онѣ занимались земледѣліемъ, скотоводствомъ и другими промыслами, между прочимъ охотою, рыболовствомъ и охраненіемъ границъ. Онѣ всѣ почти безъ исключенія были мухаммеданки.

— Въ Бангалорѣ, въ Бенгалѣ, недавно происходило замѣчательное торжество, которое даже въ Индіи принадлежитъ къ рѣдкимъ явленіямъ, — именно, похороны слона. Джалси, огромнѣйшая самка-слонъ, которая, по свидѣтельству мегаута, имѣла уже болѣе семидесяти лѣтъ отъ роду, въ молодости носила на хребтѣ своемъ роскошные гауды или палянкины Гайдера-Али и потомъ его сына Типпо-Саиба; но послѣ паденія этого сильнаго соперника британскихъ завоевателей, была превращена въ военнаго слона. Въ этомъ достоинствѣ она сопровождала британско-индійскія арміи во многихъ походахъ и участвовала въ разныхъ сраженіяхъ. Находясь уже нѣсколько лѣтъ въ отставкѣ, она содержалась на счетъ Остиндской Компаніи въ большомъ слоновомъ инвалидномъ домѣ, въ Гунсурѣ, а оттуда, по совѣту тамошняго доктора, приставленнаго къ слонамъ, отправлена, для перемѣны воздуха, въ Бангалоръ. Здѣсь она умерла вскорѣ послѣ своего прибытія. По предписанію бангалорскаго правительства, для нея приготовлены были великолѣпные похороны, на которыхъ присутствовали всѣ слоны округа. На лугу между коммиссаріатомъ и рѣкою, вырыта огромная могила; шесть лучшихъ военныхъ слоновъ, сопровождаемыхъ двадцатью другими слонами въ черныхъ покровахъ, потащили трупъ товарища къ могилѣ. Когда раздался глухой шумъ паденія тѣла въ яму, ученые слоны подняли свои хоботы и испустили продолжительный, печальный вой; послѣ чего они отправились домой.

— Въ Нормандіи нищіе женятся довольно-оригинально. Если нищій сыщетъ себѣ подругу, то спрашиваетъ, хочетъ ли она выйдти за него. Одного слова *да* со стороны невѣсты довольно, — и бракъ заключается слѣдующимъ образомъ: въ простомъ глиняномъ горшкѣ варятъ супъ изъ курицы; опорожнивъ горшокъ, женихъ разбиваетъ его палкою, — и молодые обязываются жить въ супружествѣ столько лѣтъ, сколько окажется черепковъ отъ разбитаго сосуда.

— Князь Талейранъ, бывши знаменитымъ дипломатомъ, былъ въ то же время большой чудакъ и причудникъ въ домашней жизни. За обѣдомъ онъ часто пилъ одну только воду, а иной разъ одно вино въ большомъ количествѣ. Онъ ненавидѣлъ лекарства, былъ всегда упрямъ въ болѣзни, и герцогинѣ Дино стоило большаго труда уговаривать больнаго, чтобъ онъ проглотилъ хоть одну пилюлю. Онъ одѣвался всегда по модѣ въ самое узкое платье, не смотря на старость и увѣчную короткую ногу; слугамъ же своимъ, изъ экономіи приказывалъ носить широкое, мѣшковатое платье.

— Газета «the Times» разсказываетъ о нѣкоемъ Бернардѣ Кавенахѣ, удивительномъ явленіи. Этотъ человѣкъ въ-теченіе пяти лѣтъ не съѣлъ ни одной унціи пищи. Многіе извѣстные врачи Лондона, чтобъ удостовѣриться въ истинѣ разсказа «the Times», заперли для испытанія Кавенаха въ комнату на извѣстное время. Кавенахъ пробылъ тамъ десять дней совершенно безъ питья и пищи, но былъ здоровъ, веселъ и даже неголоденъ, хотя объемъ его тѣла сдѣлался отъ-того нѣсколько тоньше.

— Недавно одинъ изъ французскихъ адвокатовъ защищалъ небольшой процессъ, принадлежащій къ числу тѣхъ процессовъ, которые проходятъ незамѣтно, потому-что въ нихъ нѣтъ именъ, пріобрѣтшихъ печальную извѣстность. Защищавъ прежде противную сторону, адвокатъ ошибся, и цѣлый часъ говорилъ противъ своего клиента, который ни живъ ни мертвъ сидѣлъ за нимъ. Наконецъ несчастный не вытерпѣлъ и рѣшился дернуть своего цицерона за рукавъ. — Да помилуйте, ради Бога, вы ошибаетесь; за что вы такъ

ругаете меня? Вѣдь вы должны защищать меня? Опомнитесь!—Адвокатъ вдругъ остановился.—Вы правы, сказалъ онъ тихо:—но успокойтесь; тутъ нѣтъ еще ничего дурнаго. Потомъ, перемѣнивъ вдругъ голосъ и выраженіе лица, и обращаясь къ судьямъ, воскликнулъ:—«Вотъ, въ чемъ противная сторона осмѣливается обвинять моего несчастнаго кліента! вотъ ужасныя чувства, которыя навязываетъ она этому благородному человѣку! Но мы докажемъ ей»... И ораторъ еще битый часъ побѣдоносно опровергалъ собственныя слова свои.—Онъ выигралъ тяжбу.

— Два Англичанина заѣхали въ окрестностяхъ Шварцвальда въ трактиръ, котораго хозяинъ очень нагрубилъ имъ. Туристы послѣ того не замедлили прославить въ Англіи оригинальную грубость шварцвальдскаго трактирщика. Эта рекомендація не только не сдѣлала вреда грубіяну, но послужила ему же въ пользу. Съ того времени трактиръ его безпрестанно наполнялся англійскими туристами. Трактирщикъ началъ примѣтно разживаться, и уже обходился гораздо-учтивѣе съ своими постояльцами; но это не понравилось имъ, и трактиръ его снова опустѣлъ. Наконецъ трактирщикъ догадался, въ чемъ было дѣло, и публиковалъ теперь во всѣхъ лондонскихъ газетахъ слѣдующее: «Имѣю честь объявить всѣмъ гг. Англичанамъ, что я сдѣлался попрежнему большимъ грубіяномъ, и что еще болѣе усовершенствовался въ грубости, чѣмъ прежде; посему и прошу всѣхъ господъ-путешественниковъ удостоивать своимъ посѣщеніемъ шварцвальдскую гостинницу».

— Въ Лейпцигѣ вышла въ свѣтъ новая книга подъ заглавіемъ: «die Hut-Frage», или полезный совѣтъ о неснимании при встрѣчахъ съ головы шляпы, въ медицинскомъ и моральномъ отношеніи. Авторъ говоритъ, что въ Германіи 40 мильйоновъ головъ большихъ и малыхъ, ученыхъ и невѣжественныхъ. Изъ этого числа $^{5}/_{8}$ принадлежатъ прекрасному полу (но до этихъ головъ вопросъ о мужскихъ шляпахъ не касается); 4 мильйона головъ принадлежатъ дѣтямъ, которыя либо вовсе не носятъ шляпъ, либо носятъ, да не знаютъ еще обыкновенія снимать ихъ передъ каждымъ встрѣчнымъ; 2 мильйона такихъ, которые ходятъ всегда въ колпакахъ, слѣдовательно, имѣютъ только дѣло съ ткачами и вязальщиками. И такъ, въ Германіи находится на лицо 8 мильйоновъ головъ, которыя носятъ шляпы, фуражки, и по закону учтивости должны передъ знакомыми обнажать голову. Положимъ, что изъ нихъ 4 мильйона носятъ шляпы, а другіе 4 мильйона шапки или фуражки.

Каждая шляпа стоитъ 2 талера, а всѣ . . 8,000,000 тал.
Каждая фуражка среднимъ числомъ 1 тал. 4,000,000 —
Всего 12,000,000 —

Если Нѣмцы приймутъ совѣтъ не снимать напрасно, изъ одной только учтивости, съ головы шляпы или фуражки (у которыхъ также портится отъ сниманія козырекъ), то они могутъ носить свои шляпы и фуражки вмѣсто одного года, два; слѣдовательно, сберегутъ отъ этой экономіи каждый годъ 6 мильйоновъ талеровъ, которые можно будетъ употребить съ пользою на другіе предметы.

— Королева парижской денежной аристократіи, г-жа фон-Ротшильдъ перегнала самую даже моду въ пышности и убранствѣ своихъ комнатъ. Показывая одному путешественнику свой великолѣпный дворецъ, она сказала между прочимъ: «Жаль, что я не могу убрать комнатъ совершенно по моему вкусу; мужъ мой ассигновалъ для драпировки моей спальни только 100,000 франковъ; я должна довольствоваться и этою суммою».—Спальня, которую г-жа Ротшильдъ находила довольно-бѣдно убранною, драпирована богатѣйшими кружевами, которыя только знатныя дамы употребляютъ не болѣе полуаршина на самыя нарядныя платья. Она жаловалась также на бѣдное украшеніе

замныхъ креселъ, которыя вмѣсто бронзы обложены позолоченнымъ серебромъ.

— Въ Парижѣ оканчивается отдѣлкою огромнѣйшее зданіе, принадлежащее банкиру Гоппе; оно обширнѣе даже Лувра и можетъ смѣло назваться великолѣпнѣйшимъ домомъ Парижа. На постройку и отдѣлку его употреблено уже одиннадцать мильйоновъ франковъ.

— Охотникамъ до шампанскаго и бургонскаго можемъ сообщить слѣдующія извѣстія. Изъ Бургундіи пишутъ, что теплая и ясная сентябрская погода совершенно устранила опасенія на-счетъ виноградниковъ, которымъ очень не благопріятствовали дождливые и холодные мѣсяцы іюнь и іюль. Виноградъ зрѣетъ теперь быстро, но количество вина изъ него будетъ вполовину менѣе прошлогодняго, за то качествомъ оно не уступитъ лучшимъ и знаменитѣйшимъ годамъ прежняго времени. Въ Шампаніи уже началась жатва вина, котораго однако жь будетъ немного, особенно отъ виноградниковъ *Аи*, худо созрѣвшихъ. *Эперне* и *Пьерри* удались лучше. — Реймсъ дастъ нынче мало вина, но превосходнаго качества; въ Верценe весь виноградъ источенъ червями, и вино пропало.

— Еще о винахъ. Вина бываютъ различныхъ качествъ и сортовъ. Въ Испаніи ростетъ вино болѣе четырехъ сотъ родовъ, а во Франціи слишкомъ тысяча. Одинъ виноградникъ на горѣ Юрѣ производитъ 19 родовъ винъ. Подлинно неизвѣстно, откуда первый виноградъ пересаженъ былъ въ Европу; иные утверждаютъ, что Азія колыбель винограда. Настоящее вино ростетъ на пространствѣ 16 географическихъ градусовъ, начиная отъ Кобленца, подъ 51° къ сѣверу, и до острова Кипра къ югу. Въ Калабріи и въ другихъ жаркихъ странахъ виноградныя лозы защищаются отъ солнечнаго зноя навѣсами. — Въ Америкѣ германскіе переселенцы развели рейнскій виноградъ, гдѣ до прибытія ихъ росло до 70 родовъ дикаго винограда. Вообще лучшее вино ростетъ на холмахъ средней высоты, на скатахъ невысокихъ горъ, обросшихъ лѣсомъ и хорошо-освѣщаемыхъ солнцемъ; наклонъ виноградниковъ къ югу не всегда бываетъ нуженъ: по лѣвому берегу Рейна и по берегамъ Мозеля ростетъ хорошо вино и на сѣверной сторонѣ. — Тучная почва земли не даетъ хорошаго винограда; сырая вовсе для него не годится. Во всей Франціи (кромѣ Прованса), въ Германіи, Швейцаріи и Венгріи виноградныя лозы вообще низки; въ Италіи вьются онѣ высоко около деревъ; въ Греціи лозы гораздо-толще и ихъ не подпираютъ жердями. Одинъ только сортъ вина не выжимается прессомъ, или ногами: это знаменитое *лакрима-христи*; изъ проколотыхъ виноградныхъ кистей сокъ каплетъ въ подставленныя подъ нихъ сосуды; съ лучшею малагою поступаютъ такимъ же образомъ. Виноградъ для приготовленія кипрскаго вина бьютъ колотушками на покатыхъ доскахъ.—Во Франціи занято подъ виноградники 2 мильйона гектаровъ земли; они производятъ среднимъ числомъ 35 мильйоновъ гектолитровъ вина, изъ которыхъ шестая часть употребляется на выдѣлываніе французской водки—Во Франціи добывается ежегодно вина на 720 мильйоновъ франковъ.

— Въ Парижѣ управленіе публичными зданіями и вѣдомство предметовъ изящныхъ искусствъ видно поссорились между собою и мистифируютъ другъ друга слѣдующимъ образомъ: Г. Вату́, директоръ публичныхъ работъ, получаетъ множество писемъ, въ которыхъ просятъ его о билетахъ для входа во внутренность Луксорскаго Обелиска, который состоитъ изъ плотнаго куска гранита, и вовсе не имѣетъ въ срединѣ пустоты.— Вату́, чтобъ не остаться въ долгу за такую шутку директора des beaux arts, приказалъ напечатать нѣсколько тысячь билетовъ на розовой бумагѣ, и разослалъ ихъ по всему Парижу. Въ та-

комъ билетѣ напечатано слѣдующее: «Министерство внутреннихъ дѣлъ. — Билетъ для одной персоны.—Г-ну N. N, съ провожатымъ позволяется осмотрѣть внутренность артезіанскаго колодца въ Гренеллѣ —Подписано: *Rafé*. Палки, зонтики и собаки должны оставаться на верху. Сей билетъ вручается смотрителю въ глубинѣ колодца.»

— Въ Европѣ опять входитъ въ моду старинная забава феодальныхъ бароновъ,—соколиная охота. Нѣсколько Голландцевъ отправились нарочно въ Норвегію за соколами, которыхъ наловили тамъ цѣлую дюжину. Въ средніе вѣка, Норвегія славилась особою породою отличныхъ соколовъ.

— Во Франкфуртѣ-на-Майнѣ литераторъ Эдуардъ Гартенфельсъ основалъ контору, или справочное мѣсто, для предметовъ наукъ и художествъ. Эта контора будетъ посредникомъ между литераторами, книгопродавцами и типографщиками. Она берется разсылать рукописи драматическихъ пьесъ директорамъ театровъ, ангажировать пѣвцовъ, пѣвицъ, актёровъ, композиторовъ и пр. на разныя художественныя произведенія, доставлять работу живописцамъ, ваятелямъ, и пр.

— Въ Берлинѣ открытъ недавно модный магазинъ для продажи траурныхъ вещей. Всѣ украшенія магазина траурныя, и въ приличныхъ мѣстахъ обвѣшаны чернымъ флеромъ. Прикащики и даже конторщики одѣты съ ногъ до головы въ черное платье. Они должны, не смотря на свое веселое расположеніе духа, продавать вещи вздыхая и съ печальною миною: хозяинъ магазина, при сдачѣ и мѣнѣ денегъ, вынимаетъ талеры и серебряные гроши изъ чернаго кошелька.

МОДЫ.

Самое затруднительное время настало для модъ: на прогулкахъ являются то осенніе, то зимніе, то полулѣтніе наряды, но со всѣмъ тѣмъ до-сихъ-поръ еще нѣтъ никакихъ особенно-достопримѣчательныхъ новостей, кромѣ разныхъ матерій, которымъ даются названія, примѣняемыя къ разнымъ новымъ явленіямъ политическимъ, литературнымъ, и проч.

Бюрнусы, мантильи, шарфы, манто, вотъ что́ теперь занимаетъ модный міръ; на гуляньяхъ, въ театрахъ, — всюду являются преразнообразные фасоны. Къ слѣдующей книжкѣ «Отечественныхъ Записокъ» мы надѣемся приложить картинку самаго послѣдняго фасона бюрнусовъ.

Въ большой модѣ бархатныя манто-альмавивы, съ шелковыми снурками или тесьмами, безъ капюшона, съ пелеринкою и небольшимъ стоячимъ воротникомъ; цвѣта для такихъ манто самыя модныя — гранатовый и зеленый: подкладка бѣлая атласная.

Нынѣшнею зимою больше нежели когда-нибудь мѣхъ будетъ въ употребленіи; не только платья, реденготы, но даже и шарфы будутъ обшиваться мѣхомъ; муфта по-прежнему будетъ непремѣнною принадлежностью туалета, назначаемаго для прогулки.

ВОСПИТАНІЕ ВОЕННЫХЪ ЛЮДЕЙ ВЪ КИТАѢ. — Между-тѣмъ, какъ европейскія государства одно другому соревнуютъ какъ въ учрежденіи, такъ и въ улучшеніи разныхъ училищъ по военной части, Китай вовсе не помышляетъ даже и объ основаніи общественныхъ заведеній для образованія офицеровъ. Восемь знаменъ иностранныхъ войскъ, доставившихъ престолъ Китая нынѣ-царствующей династіи, составились изъ постепеннаго соединенія разноплеменныхъ мелкихъ владѣтелей, которые, пожертвовавъ своимъ состояніемъ общему благу, имѣли право на вознагражденіе, обезпечивающее потомству ихъ въ содержаніи себя: по сей причинѣ многія офицерскія мѣста въ знаменахъ, исключая первыхъ четырехъ классовъ, оставлены наслѣдственными. Напротивъ, въ войскахъ зеленаго знамени, состоящихъ изъ коренныхъ Китайцевъ, офицерскія мѣста предоставлены однимъ кандидатамъ и магистрамъ военной гимнастики.

Въ каждомъ изъ восьми знаменъ учреждены училища для образованія юношества, по происхожденію принадлежащаго къ знаменамъ. Китайцы получаютъ образованіе въ военной гимнастикѣ у частныхъ учителей, и притомъ по собственному произволенію; а кандидатами государственной службы дѣлаются съ того времени, когда объявятъ правительству о своемъ желаніи служить отечеству въ военномъ званіи. Имъ предлежитъ испытаніе въ военномъ искусствѣ, которое, подобно испытанію въ свободныхъ наукахъ, производится на степень студента въ областномъ или окружномъ, на степень кандидата въ губернскомъ городѣ, на степень магистра въ столицѣ.

Такимъ образомъ достигшій извѣстной степени образованія въ военной гимнастикѣ долженъ явиться въ областный или окружный городъ, въ вѣдомствѣ коего родился. Здѣсь производятъ имъ испытаніе на степень военнаго студента. Число учениковъ, къ испытанію помѣщаемыхъ на сію степень, въ каждой губерніи опредѣлено закономъ, какъ-то: въ Чжи-ли — 2,411, въ Шань-дунъ — 1,812, въ Сань-си — 1,624, въ Хэ-нань — 1,648, въ Цзянъ-су — 915, въ Ань-хой — 841, въ Цзянъ-си — 1,318, въ Фу-цзянь — 1,030, въ Чжэ-цзянъ — 1,064, въ Ху-бэй — 1,153, въ Ху-нань — 1,088, въ Шань-си — 1,057, въ Гань-су — 865, въ Сы-чуань — 1,361, въ Гуанъ-дунъ — 1,154, въ Гуанъ-си — 931, въ Юнь-нань — 1,171, въ Гуй-чжеу — 876; всего 22,319.

Въ этомъ числѣ только 80 студентовъ изъ Китайцевъ восьми знаменъ; прочіе всѣ изъ коренныхъ Китайцевъ. Маньчжуры и Монголы восьми знаменъ не допускаются на испытаніе, потому-что они по самому происхожденію принадлежатъ къ военному званію, и военно-гимнастическія упражненія составляютъ существенную ихъ обязанность.

Каждый, получившій степень военнаго студента, обязанъ отправиться въ главный своей губерніи городъ держать испытаніе на степень кандидата; а для удостовѣренія долженъ представить отъ мѣстнаго начальства свидѣтельства, по которымъ казенная палата составляетъ списокъ прибывшимъ на испытаніе и представляетъ генерал-губернатору или губернатору, занимающихъ при семъ испытаніи мѣсто главнаго экзаменатора. Но главный экзаменаторъ долженъ производить испытаніе въ-присутствіи одного изъ высшихъ военныхъ начальниковъ смежной губерніи.

Получившихъ степень военнаго кандидата отправляютъ въ столицу пройдти испытаніе на степень магистра военной гимнастики. Испытаніе на сію степень производится лицами, назначаемыми самимъ государемъ. Должность пристава обыкновенно поручается совѣтнику военной палаты изъ Китайцевъ; въ случаѣ же отлучки ихъ по должности, назначаются изъ другихъ палатъ совѣтники изъ Китайцевъ же. При испытаніи должны присутствовать еще четыре члена изъ президентовъ и совѣтниковъ военной пала-

ты. Чиновники для исправленія разныхъ порученій при испытаніи назначаются изъ разныхъ присутственныхъ мѣстъ. Если отряженный чиновникъ имѣетъ, въ числѣ прибывшихъ на испытаніе, близкаго родственника, самъ долженъ донести о томъ; въ противномъ случаѣ онъ отрѣшается отъ должности, а родственникъ исключается. По полученіи указа о испытаніи, надзиратели и члены военной палаты не могутъ возвратиться въ свои домы, равно не могутъ ночевать вблизи отъ мѣста испытанія. Урожденецъ губерніи Чжи-ли не можетъ быть назначенъ экзаменаторомъ на губернскомъ испытаніи въ Пекинѣ. Экзаменаторы на столичномъ испытаніи не могутъ смотрѣть задачу кандидатовъ изъ одной съ ними губерніи. Каждый военный кандидатъ долженъ явиться въ казенную палату при бумагѣ отъ мѣстнаго начальника родины его, а палата препровождаетъ кандидатовъ въ столицу. Неявившіеся на испытаніе безъ достаточныхъ причинъ требуются чрезъ начальство. Кандидатовъ, имѣющихъ за 60 лѣтъ отъ роду, запрещается представлять къ столичному испытанію.

Губернское военное испытаніе производится чрезъ три года въ четвертый, въ 10-й лунѣ. Въ числа 7 и 8 испытываютъ въ конномъ стрѣляніи изъ лука; въ числа 9, 10 и 11 — въ пѣшемъ стрѣляніи изъ лука, въ ловкости и силѣ. Въ 12-е число отмѣчаютъ, кто въ одномъ и кто въ обоихъ предметахъ искусенъ. Въ 14-е число выбранные проходятъ внутреннее испытаніе въ письмѣ и немедленно выпускаются изъ экзаменальнаго двора.

Столичное испытаніе производится въ слѣдующій годъ послѣ губернскаго и открывается въ 9-й лунѣ. Въ числа 5, 6 и 7 испытываютъ въ конномъ стрѣляніи изъ лука; въ числа 8, 9 и 10 — въ пѣшемъ стрѣляніи изъ лука, въ ловкости и силѣ. Въ 11 число отмѣчаютъ, кто въ первомъ и кто въ обоихъ предметахъ искусенъ. Въ 14 число кандидаты являются на внутреннее испытаніе въ переписке съ диктованія. По обнародованіи списка получившихъ степень военнаго кандидата, еще приводятъ ихъ въ экзаменальный дворъ, гдѣ каждый собственноручно долженъ написать свой формуляръ, и сіи формуляры, вмѣстѣ съ экзаменальными задачами, препровождаются въ военную палату.

Число долженствующихъ получить степень кандидата въ каждой губерніи опредѣлено закономъ, какъ-то: въ Чжи-ли — 151, въ Маньчжуріи — 3, въ Цзянь-нань — 63, въ Чжё-цзянъ — 50, въ Фу-цзянь — 50, въ Шань-си — 50, въ Гянь-су — 50, въ Хэ-нань — 47, въ Шаньдунъ — 46, въ Цзянъ-си — 44, въ Гуандунъ — 44, въ Юнь-нань — 42, въ Саньси — 40, въ Сы-чуань — 40, въ Гуанъ-си — 30, въ Ху-бэй — 25, въ Ху-нань — 24, въ Гуй-чжеу — 23; всего 822.

Что касается до имѣющихъ получить степень магистра, то по окончаніи столичнаго испытанія представляютъ государю списокъ кандидатовъ по раздѣленію на губерніи. По сему списку государь самъ отмѣчаетъ удостоиваемыхъ степени военнаго магистра.

Списки губернскаго испытанія военная палата представляетъ государю въ 5-й лунѣ слѣдующаго года; а военное испытаніе во дворцѣ полагается въ 15 число 10-го мѣсяца. Палата, назначивъ дни какъ испытанія въ письмѣ и гимнастикѣ, такъ и объявленія военныхъ магистровъ, представляетъ государю на разрѣшеніе, угодно ли ему самолично производить испытаніе, или, вмѣсто себя, назначить кого изъ князей и вельможъ. За день до испытанія назначаются чиновники для исполненія разныхъ порученій приономъ. Въ первый день испытанія, водятъ кандидатовъ, получившихъ степень магистра, во дворецъ и разставляютъ по обѣимъ сторонамъ красваго крыльца. Съ ними вмѣстѣ становятся чиновники, назначенные для исправленія разныхъ порученій. Чиновникъ государственнаго кабинета выноситъ изъ тронной Тхаі-хо-дянь задачу (для переписки

съ диктованія, и подъ свѣсомъ передъ тронною передаетъ члену военной палаты, который, съ колѣнопреклоненіемъ принявъ задачу, сходитъ съ крыльца среднимъ сходомъ и съ колѣнопреклоненіемъ же полагаетъ оную на приготовленный столъ, а потомъ дѣлаетъ троекратное поклоненіе. Церемоніймейстеръ становится подлѣ стола, и чиновники дѣлаютъ по его возгласамъ троекратное колѣнопреклоненіе съ девятью поклонами въ землю; а вслѣдъ за ними тотъ же обрядъ совершаютъ и военные кандидаты. Послѣ сего, чиновники военной палаты раздаютъ кандидатамъ бумагу для переписки задачи; а кандидаты, по принятіи бумаги, дѣлаютъ троекратное поклоненіе. По окончаніи переписки, отбираютъ у нихъ переписанную задачу и, запечатавъ, относятъ въ коммиссію, назначенную для пересмотра.

Чрезъ день послѣ дворцоваго испытанія въ письмѣ, военная палата вноситъ желтый списокъ кандидатовъ въ Цзы-гуанъ-гэ (*), и ожидаетъ прибытія государева. Въ первый день, государь производитъ испытаніе въ конномъ и пѣшемъ стрѣляніи изъ лука, во второй въ натягиваніи лука, въ дѣйствованіи тесакомъ и поднималіи камня, причемъ самъ отмѣчаетъ въ желтомъ спискѣ отличившихся кандидатовъ. Въ третій день палата представляетъ государю кандидатовъ, получившихъ степени, и ожидаетъ его опредѣленія степеней по разрядамъ. Если же не самъ государь производитъ испытаніе, то представляютъ ему списокъ на утвержденіе.

Въ 20-й день 10-го мѣсяца совершается церемонія объявленія военныхъ магистровъ. Императорскій кортежъ разставляется предъ тронной Тхай-хо-дянь. Князья и чины становятся въ своихъ рядахъ. Военные магистры, въ общемъ ихъ костюмѣ, въ шляпахъ съ султаномъ изъ трехъ вѣтокъ съ девятью листочками, становятся на красномъ помостѣ въ концѣ рядовъ. Въ тронной, на восточной и западной сторонѣ, поставляютъ по одному столу съ объявленіемъ, и еще одинъ столъ по срединѣ краснаго крыльца. По изготовленіи сего, члены военной палаты просятъ государя въ тронную. Государь выходитъ изъ дворца въ церемоніальномъ одѣяніи. На воротахъ Ву-мынь бьютъ въ колоколъ и литавру. Члены военной палаты открываютъ государю путь въ тронную. Бьютъ три раза плетью, и начинается музыка. Разные чиновники, отряженные быть при испытаніи, совершаютъ обрядъ поклоненія. Министръ выноситъ изъ тронной объявленіе о магистрахъ, и подъ кровельнымъ свѣсомъ передаетъ члену военной палаты, который, съ колѣнопреклоненіемъ принявъ объявленіе, полагаетъ на столъ. Послѣ сего ставятъ военныхъ магистровъ въ ряды. Провозглашаютъ о сошествіи указа, а магистры становятся на колѣни. Чтецъ становится на восточной сторонѣ краснаго крыльца и читаетъ: *Въ такомъ-то году и мѣсяцѣ произведено испытаніе военныхъ кандидатовъ имперіи. Первому отдѣленію дается титулъ магистровъ перваго разряда, второму отдѣленію титулъ магистровъ втораго разряда, третьему отдѣленію титулъ магистровъ третьяго разряда.* Далѣе читаетъ: *такой-то поставленъ первымъ,*

(*) Цзы-гуанъ-гэ есть зданіе, построенное при настоящей династіи. Онъ лежитъ на западномъ берегу озера въ дворцовомъ саду. Государи въ началѣ пріѣзжали сюда смотрѣть маневры морскихъ сраженій. Тянь-ди въ сентябрѣ собиралъ сюда высшихъ офицеровъ для коннаго стрѣлянія изъ лука, и сей случай въ-послѣдствіи принятъ закономъ для испытанія военныхъ магистровъ. Въ 1761 году поставлены въ семъ зданіи портреты ста генераловъ и офицеровъ, отличившихся въ чжуньгарскую войну; сверхъ сего на стѣнахъ повѣшены картины, представляющія разные виды сраженій китайскихъ войскъ въ 1776 году въ Цзинь-чуанъ съ Тангутами и портреты ста генераловъ и офицеровъ, отличившихся въ войну сію. Вся эта картинная галлерея писана превосходными живописцами изъ европейскихъ миссіонеровъ.

такой-то вторымъ, *такой-то третьимъ магистромъ въ первомъ разрядѣ*. Каждый изъ провозглашенныхъ выступаетъ изъ рядовъ и становится на колѣни. Далѣе читаетъ: *во второмъ разрядѣ первый магистръ и прочихъ столько-то*; *въ третьемъ разрядѣ первый магистръ и прочихъ столько-то*. Магистровъ послѣднихъ двухъ разрядовъ не выводятъ изъ рядовъ. Чиновники, по совершеніи обряда троекратнаго колѣнопреклоненія съ девятью поклонами въ землю, становятся на прежнія свои мѣста. Членъ военной палаты, взявъ объявленіе, сходитъ внизъ и полагаетъ оное на блюдо. Членъ отдѣленія, принявъ блюдо съ объявленіемъ, выходитъ изъ воротъ Тхай-хо-мынь, и за воротами Ву-мынь, поставивъ въ драконовый портшезъ, дѣлаетъ три поклона въ землю. Служители дворцовой экипажной выносятъ портшезъ за ворота Чанъ-ань-мынь на западъ и вѣшаютъ на стѣнѣ императорскаго города. Военные магистры слѣдуютъ за объявленіемъ. Между-тѣмъ, члены военной палаты докладываютъ государю, что совершеніе обряда кончилось. Государь возвращается во дворецъ, а чиновники расходятся. Вслѣдъ за объявленіемъ магистровъ государь награждаетъ перваго магистра изъ перваго разряда латами съ шлемомъ, лукомъ съ стрѣлами, тесакомъ, колчаномъ и сайдакомъ, поясомъ и чулками; а прочимъ магистрамъ жалуетъ по пяти ланъ серебра. Въ слѣдующій по объявленіи магистровъ день, учреждается въ военной палатѣ пиръ для новыхъ магистровъ и чиновниковъ, бывшихъ при столичномъ испытаніи. На другой день пира, первый магистръ изъ перваго разряда со всѣми прочими магистрами изготовляетъ благодарственный адресъ государю, и съ членомъ отдѣленія изъ военной палаты относитъ оный въ государственный кабинетъ.

Испытаніе въ военной гимнастикѣ заключается:

а) Въ конномъ стрѣляніи изъ лука. — Для коннаго стрѣлянія изъ лука ставятъ три цѣли, во 175 футовъ одну отъ другой. Въ двукратный бѣгъ мимо сихъ цѣлей на лошади пускаютъ шесть стрѣлъ и еще одну стрѣлу въ земляной болванчикъ. Пометить въ цѣль тремя стрѣлами считается достаточнымъ.

б) Въ пѣшемъ стрѣляніи изъ лука. — Для пѣшаго стрѣлянія изъ лука ставятъ мишень вышиною въ 5½, шириною въ 2½ фута. Перестрѣлъ полагается во 175 футовъ. Испытываемые становятся по 10-ти человѣкъ въ рядъ; каждый изъ нихъ долженъ пустить шесть стрѣлъ, изъ коихъ пометить двумя считается достаточнымъ. Для коннаго стрѣлянія берутъ лукъ въ три силы, а для пѣшаго въ пять силъ. Въ пѣшемъ стрѣляніи требуется попасть въ самый центръ мишени. Кто обвыситъ, или обнизитъ, считается промахомъ.

в) Въ ловкости и силѣ. — Ловкость и сила показываются въ натягиваніи тугаго лука, въ дѣйствованіи огромнымъ тесакомъ, и подниманія камня. Лукъ есть восьмисильный, десятисильный, двѣнадцатисильный. Тесакъ есть въ 80, 100 и 110 гиновъ (*). При испытаніи въ ловкости и силѣ, лукъ должно натянуть вполнѣ, тесакомъ сдѣлать нѣсколько пріемовъ, и камень приподнять на футъ отъ земли. Сдѣлать одно или два изъ сихъ считается достаточнымъ.

Что касается до переписки задачъ, то и на губернскомъ и на столичномъ испытаніи внутренній экзаменаторъ назначаетъ одну статью изъ книги Вуцзинъ, содержащую въ себѣ около ста буквъ, а на дворцовомъ испытаніи самъ государь назначаетъ. Переписать съ диктованія безъ упущенія и погрѣшности, и написать красивымъ почеркомъ — считается достаточнымъ.

Испытаніе въ военной гимнастикѣ производится на полѣ, и потому назы-

(*) 27½ гиновъ составляютъ русскій пудъ, или 40 фунтовъ.

вается внѣшнимъ—въ противоположность испытанію въ письмѣ, которое производится въ экзаменальномъ дворѣ, и потому называется внутреннимъ. На внѣшнемъ испытаніи въ первый день испытываютъ въ конномъ, а во второй въ пѣшемъ стрѣляніи изъ лука, въ натягиваніи тугаго лука, въ дѣйствованіи тесакомъ и подниманіи камня. Экзаменаторы отмѣчаютъ лучшихъ искусными — съ различеніемъ, кто въ одномъ, и кто въ обоихъ предметахъ искусенъ, и въ экзаменальныхъ спискахъ тайно полагаютъ печать надъ ихъ прозваніями съ именами... Ввечеру кладутъ сіи списки въ ящикъ, который запечатавъ и заперши отдаютъ приставу, а ключъ препоручаютъ надзирателю изъ стряпчихъ. По окончаніи внѣшняго испытанія, запечатанный ящикъ съ списками препоручаютъ приставу представить въ государственный кабинетъ, куда надзиратель изъ стряпчихъ и ключъ представляетъ.

Для внѣшняго испытанія еще изготовляются два списка, изъ которыхъ въ одномъ каждый изъ отмѣченныхъ искуснымъ въ конномъ стрѣляніи изъ лука обязанъ самъ написать свой формуляръ, и отмѣченный искуснымъ на второмъ испытаніи пишетъ то же во второмъ спискѣ. По сличеніи почерка въ обоихъ спискахъ, допускаютъ ихъ на внутреннее испытаніе, куда препровождаются и списки вышеупомянутые. По окончаніи испытанія, задачи съ диктованія сличаются съ почерками; и если окажется несходство, то производится слѣдствіе.

Кто окажется недостаточнымъ въ конномъ стрѣляніи изъ лука, тотъ не допускается на испытаніе въ пѣшемъ стрѣляніи. Кто окажется недостаточнымъ въ пѣшемъ стрѣляніи, тотъ не допускается на испытаніе въ ловкости и силѣ. Кто окажется недостаточнымъ въ ловкости и силѣ, тотъ не допускается на внутреннее испытаніе. По окончаніи внѣшняго испытанія, составляется на маньчжурскомъ языкѣ списокъ отмѣченныхъ и объявляется всенародно, и отмѣченныхъ отправляютъ на внутреннее испытаніе. О непоступившихъ въ выборъ также обнародывается съ изложеніемъ причинъ, по которымъ они исключены.

По обнародованіи о столичномъ испытаніи, государь отряжаетъ трехъ человѣкъ изъ князей и вельможъ произвести кандидатамъ вторичное испытаніе въ каждомъ изъ тѣхъ военныхъ упражненій, въ которыхъ незадолго предъ симъ были испытываемы. Если окажется несходство въ чемъ-либо, то кандидатъ одинъ разъ не допускается на дворцовое испытаніе, а экзаменаторы подлежатъ отвѣтственности. Кто на дворцовомъ испытаніи окажется посредственнымъ, тотъ впредь не допускается на дворцовое испытаніе, а князья и вельможи, повѣрившіе столичное испытаніе, подвергаются отвѣтственности.

Что́ касается до воспитанниковъ въ восьми знаменахъ, то приготовляющіеся къ испытанію на степень студента, кандидата и магистра въ словесности, предварительно испытываются начальниками дивизіи въ конномъ и пѣшемъ стрѣляніи изъ лука, а потомъ препровождаются списки о нихъ куда слѣдуетъ. Потомъ еще ихъ свидѣтельствуютъ князья и вельможи, и кто окажется достаточнымъ въ конномъ стрѣляніи изъ лука, тѣ допускаются на гражданское испытаніе. Близорукіе увольняются отъ стрѣлянія изъ лука. Кто имѣетъ слабость въ рукахъ, долженъ взять свидѣтельство отъ ротнаго начальника. Кто имѣетъ ниже 13 и свыше 55 лѣтъ, тотъ испытывается только въ пѣшемъ стрѣляніи изъ лука.

Іакинѳъ.

ИЗСЛѢДОВАНІЯ СОСТАВА КАОЛИНА, ИЛИ ФАРФОРОВОЙ ГЛИНЫ. — До-сихъ-поръ въ составленіи массы для фарфора фабриканты руководствуются единственно опытомъ. Въ этомъ случаѣ они совершенно правы, потому-что химическія разложенія извѣстнѣйшихъ видовъ фарфоровой гли-

ны не совершенно-точны, и не такъ многочисленны, чтобъ можно было вывести какую-либо теорію, которая служила бы правиломъ для составленія лучшаго фарфора. Въ недавнее время гг. Броньяръ и Малагути произвели нѣсколько весьма точныхъ разложеній разныхъ сортовъ фарфоровой глины, и нашли въ составѣ ея отъ 58 до 65 кремнезема, отъ 18 до 23 глинозема, отъ 12—15 кали и около 0,05 магнезіи и столько же извести. Фарфоровая глина въ естественномъ состояніи, и только очищенная отъ грубѣйшихъ частицъ посредствомъ отмучиванія, представляетъ смѣсь каолина и нерастворимаго вещества въ кислотахъ, состоящаго преимущественно изъ кремнекислыхъ солей, глинозема и кали. Составъ же каолина можно выражать однимъ атомомъ кремнезема, соединеннаго съ однимъ атомомъ глинозема и однимъ же атомомъ воды: впрочемъ, почти во всѣхъ видахъ фарфоровой глины находится еще большое количество кремнезема въ видѣ механической примѣси.

Здѣсь кстати замѣтить, что въ разрушеніи полеваго шпата въ образованіи каолина участвуетъ, кромѣ атмосферныхъ дѣйствователей, еще электричество. Это предположеніе подтверждается новѣйшими наблюденіями надъ мѣстонахожденіемъ фарфоровой глины въ породахъ желѣзистыхъ и еще болѣе прямымъ опытомъ, подвергая полевой шпатъ дѣйствію вольтова столба. Гг. Броньяръ и Малагути, въ довершеніе своихъ изслѣдованій, приводятъ еще составъ, выведенный изъ разложенія фарфоровой массы, употребляемой на извѣстномъ севрскомъ заводѣ; кремнезема въ ней находится 58, глинозема 34,5, извести 4,5, кали 3: десять же частей, недостающихъ до 100, должны быть отнесены къ водѣ, въ ней заключавшейся.

При этомъ считаемъ нужнымъ замѣтить, что господа-химики, составляя фарфоровую массу изъ совершенно-чистыхъ матеріаловъ, всегда находили, что фарфоръ былъ низкаго качества и легче плавился, нежели приготовленный изъ естественной глины. Броньяръ и Малагути очень справедливо объясняютъ этотъ фактъ, полагая, что тутъ причиною плавности не составъ, а болѣе однородная смѣсь, или точнѣе сказать, соединеніе кремнезема съ глиноземомъ, чѣмъ въ естественной глинѣ. Впрочемъ, этотъ вопросъ долженъ заинтересовать химиковъ и можно надѣяться, что современемъ мы получимъ положительную теорію.

Лекціи прикладной химіи г. Пейена. — Въ депо произведеній искусствъ и ремеслъ, г. Пейенъ началъ 2 ноября читать прикладную химію. Судя по программѣ, въ курсъ войдутъ всѣ главнѣйшія техническія производства, заимствующія матеріалы свои изъ царства растеній и животныхъ. Вотъ подробная программа лекцій: 1) химическій составъ растеній; питаніе растеній и сохраненіе дерева; 2) приготовленіе и испытаніе искусственныхъ наземовъ; 3) качества и примѣненіе разнаго вида топлива, калориферы, печки, домны и пр.; 4) сохраненіе и высушиваніе зерноваго хлѣба, молотьба, сохраненіе муки, хлѣбопеченіе; 5) выдѣлка крахмала, приготовленіе камеди и сахара изъ картофеля; 6) извлеченіе сахара изъ сахарнаго тростника и свекловицы. 7) бумагодѣліе (ручное и механическое), проклеиваніе бумаги двумя способами; 8) извлеченіе массъ изъ оливъ и вишенъ; 9) приготовленіе пива и сидровъ, винъ красныхъ, бѣлыхъ и шипучихъ; 10) винокуреніе; 11) приготовленіе студенины и различныхъ видовъ животнаго клея; 12) извлеченіе жира, сала и маслъ изъ животныхъ; 13) сохраненіе веществъ, употребляемыхъ въ пищу; 14) дубленіе кожъ; 15) приготовленіе смолъ и летучихъ маслъ; 17) приготовленіе древесной кислоты и другихъ произведеній перегонки дерева, экономическое употребленіе

дегтя и смолъ: 17) костяной уголь: 18) произведенія, содержащія въ себѣ амміакъ, синильное кали; 19) способы окуриванія; 20) газовое освѣщеніе. — Въ свое время мы отдадимъ читателямъ отчетъ объ этомъ замѣчательномъ курсѣ.

Польза, доставляемая ежами въ сельскомъ хозяйствѣ. — Въ настоящее время извѣстно сдѣлалось много любопытныхъ фактовъ объ этомъ животномъ. Особенно много сообщено новаго гг. Ленцомъ и Боклендомъ. «У меня» говоритъ г. Ленцъ: «былъ ёжъ-самка совершенно-ручная; нерѣдко въ ящикъ, гдѣ находилось животное, я бросалъ живыхъ змѣй, и обыкновенно ёжъ поѣдалъ ихъ, не обращая вниманія на усилія змѣи сдавить его, обвернувшись вокругъ его тѣла, кольцами.» Однажды г. Ленцъ пустилъ на ежа медянку, и сколько змѣя ни жалила его, ёжъ схватилъ ее за голову и съѣлъ вмѣстѣ съ ядоносными пузырьками. Повторяя эту травлю нѣсколько разъ, г. Ленцъ всегда замѣчалъ у ежа до 10 ранокъ на ушахъ, рылѣ и даже языкѣ; но ранки заживали безъ всякаго особеннаго признака, обыкновенно замѣчаемаго при укушеніи ядовитою змѣею. Нынѣче можно повѣрить Палласу, который увѣрялъ, что ёжъ можетъ безъ вреда ѣсть испанскихъ мухъ; недавно одинъ докторъ въ Германіи, желая испытать желѣзную натуру ежа, кормилъ его самыми сильными ядами: прусскою кислотою, мышьякомъ, сулемою и пр.; но животное оставалось здоровёхонько, какъ ни въ чемъ не бывало. Ежъ можетъ быть полезенъ въ земледѣліи способностію своею истреблять разныхъ вредныхъ животныхъ, каковы мыши, крысы, змѣи, ящерицы, жабы, лягушки, разныя насѣкомыя, и пр. Вообще, если онъ будетъ находить ихъ довольное количество себѣ въ пищу, никогда не станетъ ѣсть растенія. Такимъ образомъ весьма полезно разводить ежей въ деревняхъ, гдѣ часто не знаютъ, какъ избавиться отъ мышей или вредныхъ насѣкомыхъ, поѣдающихъ хлѣбъ.

Бой быковъ въ Мадридѣ. — Въ Испаніи закрыты университеты, но учреждены каѳедры для образованія тореадоровъ. Испанцы проиграли чрезъ это въ-отношеніи къ просвѣщенію, но много выиграли въ-отношеніи къ общественнымъ удовольствіямъ, между которыми бои быковъ занимаютъ у нихъ первое мѣсто. Чтобъ понять, какъ далеко простирается у нихъ страсть къ этимъ боямъ, надобно быть на мѣстѣ, въ Испаніи. Вотъ что говоритъ объ этомъ одинъ германскій путешественникъ:

«Я имѣлъ уже случай узнать бои въ Гренадѣ и Аранхуэзѣ, но ихъ надобно видѣть въ Мадридѣ, гдѣ для нихъ забываютъ и кортесовъ, и междоусобную войну, и конституцію; гдѣ простолюдинъ охотнѣе согласится не ѣсть трое сутокъ, чѣмъ отказать себѣ въ этомъ наслажденіи, и гдѣ запрещеніе ихъ можетъ произвести смятенія... Испанскіе быки имѣютъ свои родословныя и патенты точно такъ же, какъ арабскія и англійскія кровныя лошади, и съ тѣхъ-поръ, какъ начали существовать публичныя школы для тореадоровъ, а въ Андалузіи процвѣтать заводы быковъ, любители боевъ успокоились, и прежнія счастливыя времена для этихъ наслажденій, по-видимому, возвратились. Испанцы привязаны къ этимъ кровавымъ зрѣлищамъ точно такъ же страстно, какъ были нѣкогда привязаны Римляне къ сраженіямъ гладіаторовъ... Впрочемъ, надобно и то сказать, что тореадорство есть занятіе истинно-рыцарское и требуетъ много отваги, много ловкости.

Въ первое утро послѣ пріѣзда, отправился я въ улицу Каретасъ (Caretas) и нашелъ въ ней густыя толпы народа. Здѣсь была касса цирка. Какой-то пожилой господинъ сказалъ мнѣ, что я пріѣхалъ какъ-нельзя-болѣе кстати, потому-что увижу знаменитаго Монтеса, лучшаго тореадора Севильской

Консерваторіи, этого кумира Испаніи, котораго портретъ виситъ въ спальнѣ каждой хорошенькой Испанки. Собесѣдникъ мой говорилъ о счастіи, ожидавшемъ меня, съ такимъ восторгомъ, съ такимъ одушевленіемъ, съ какимъ, вѣроятно, ни одинъ дилетантъ никогда не говаривалъ о дебютѣ какой-нибудь Гарсіи.

Широкая Улица Алькальская была тѣсна для несмѣтнаго числа любопытныхъ, которые шумнымъ потокомъ стремились къ Алькальскимъ-Воротамъ, между-тѣмъ, какъ на площади толпилось уже по-крайней-мѣрѣ столько зрителей, сколько циркъ можетъ вмѣстить въ себѣ. Этотъ циркъ, величественный и совершенно-открытый, былъ почти наполненъ, когда я вошелъ въ него; а потомъ въ немъ сдѣлалось такъ людно, что онъ казался мозаикомъ, составленнымъ изъ головъ. Надъ амфитеатромъ его тянулся рядъ ложъ, въ которыхъ мѣста стоили дороже, но не были лучше прочихъ, потому-что слишкомъ далеко отстояли отъ арены. Наконецъ, между барьеромъ арены и самою низшею ступенью амфитеатра, я замѣтилъ широкую, пустую галлерею: это было убѣжище торсадоровъ, на случай послѣдней крайности.

Тотъ, кто хоть однажды увидитъ бой быковъ, ужь никогда не будетъ вѣрить разсказамъ о важности и степенности Испанцевъ. Нельзя описать того живаго, безпокойнаго нетерпѣнія, съ которымъ болѣе десяти тысячь человѣкъ ждали обѣщаннаго имъ кроваваго зрѣлища, —зрѣлища столь новаго, столь поразительнаго для чужеземца! Наконецъ коррехидоръ появился въ своей ложѣ, звукъ трубъ возвѣстилъ начало празднества, и въ циркѣ воцарилось глубокое молчаніе. Вслѣдъ за тѣмъ, изъ боковыхъ воротъ выѣхали на арену алгвазилы, одѣтые въ древній костюмъ. Они заставили сойдти съ арены всѣхъ, кто находился на ней. Появленіе ихъ въ подобныхъ случаяхъ, служащее знакомъ, что съ той минуты народу принадлежитъ право верховнаго суда и расправы въ предстоящей битвѣ, всегда заключаетъ въ себѣ нѣчто торжественное. Впрочемъ, впечатлѣніе, производимое имъ, было, безъ сомнѣнія, еще сильнѣе въ тѣ времена, когда бои быковъ, подобно рыцарскимъ турнирамъ, происходили на большихъ площадяхъ городскихъ, а зрители помѣщались въ окнахъ сосѣдственныхъ домовъ, и когда сами рыцари вступали въ битву съ разсвирѣпѣвшими быками. Разсказы объ этомъ, находящіеся въ мавританскихъ романсахъ, трогаютъ и вмѣстѣ съ тѣмъ наводятъ ужасъ на душу.

Вскорѣ послѣ того растворились ворота и, пропустивъ на арену разъяреннаго быка, затворились немедленно. Испуганный видомъ такого множества людей, устремившихъ на него глаза свои, онъ остановился посреди цирка, озираясь вокругъ и съ дикимъ ревомъ взметая ногами песокъ. Но вотъ увидѣлъ онъ трехъ пикадоровъ, хладнокровно, спокойно ожидающихъ его съ острыми копьями.—Глаза лошадей ихъ закрыты, а сами всадники въ наколѣнникахъ изъ двойной воловьей шкуры, въ вышитыхъ полукафтаньяхъ, въ сѣрыхъ шляпахъ старинной формы. Они крѣпко держатъ острыя копья свои, которыми, однакожь, не умертвятъ своей жертвы, а только будутъ болѣе и болѣе раздражать ее. И какое нетерпѣливое ожиданіе, какое безпокойство овладѣло въ эту минуту публикою! «Что-то сдѣлаетъ онъ?» спрашиваетъ себя каждый: «убѣжитъ, или нападетъ?...» Долго смотрѣлъ быкъ на ближайшаго врага, устремившаго противъ него копье свое; вдругъ вытянулъ передніи ноги, нагнулъ голову, поворотился и спокойно пошелъ къ воротамъ. «Oh malo, malo el toro!» послышалось со всѣхъ ступеней амфитеатра; но пикадоры не тронулись съ мѣста: они хорошо знаютъ быка. Быкъ, не нашедъ выхода, возвратился на прежнее мѣсто, заревѣлъ и кинулся прямо на третьяго пикадора, всего менѣе ожидавшаго нападенія. Поровнявшись съ нимъ, онъ вонзилъ рога въ

(н)есчастную лошадь близь сѣдельной (п)одпруги, приподнялъ ее и всадника (н)а воздухъ, какъ-бы желая показать ихъ (п)убликѣ, и, послѣ нѣсколькихъ секундъ, (б)росилъ на землю съ такою силою, (ч)то пикадоръ улегся подъ конемъ своимъ недвижимо, словно убитый. Вслѣдъ (з)а тѣмъ, быкъ бросился съ ревомъ на (в)тораго пикадора и опрокинулъ коня (е)го ударомъ только одного рога. Но (в)садникъ спасся: онъ соскользнулъ съ (к)оня во время паденія и перепрыгнулъ въ галлерею. Между-тѣмъ, упавшій пикадоръ успѣлъ выбраться изъ-подъ лошади и поставить ее на ноги. Внутренности бѣднаго коня вышли наружу и тянулись до самой земли, но пикадоръ, не смотря на это, сѣлъ на него и, крѣпко пришпоривъ, заставилъ идти впередъ. Напрасно, однакожь, надѣялся онъ вызвать быка на новый бой: животное, на этотъ разъ, было сострадательнѣе Испанцевъ, восхищавшихся столь отвратительнымъ зрѣлищемъ; быкъ, увидѣвъ окровавленнаго коня, который, приближаясь къ нему, шатался подъ тяжестію своего всадника, отворотился: онъ стыдился вступить въ битву съ побѣжденнымъ, умирающимъ врагомъ; потомъ, какъ-бы досадуя на безжалостныя насмѣшки грубой толпы, въ два скачка очутился передъ тѣмъ пикадоромъ, который оставался еще невредимъ, и опрокинулъ его съ лошадью на землю. Всадникъ, безъ сомнѣнія, погибъ бы, еслибъ тогда не всрыгнули въ арену всѣ бандерильеры и не отвлекли своими платками вниманія разъяреннаго быка. Въ эту минуту раздались въ честь храбраго животнаго оглушительныя рукоплесканія и началась та живая, такъ-сказать, мелкая война, которая принадлежитъ къ лучшимъ явленіямъ этой страшной драмы. Двѣнадцать смѣлыхъ, ловкихъ бандерильеровъ, въ бѣлыхъ шелковыхъ чулкахъ, въ красныхъ или голубыхъ короткихъ панталонахъ, въ богато-вышитыхъ серебромъ андалузскихъ курточкахъ, то накидывали себѣ на голову пестрые платки свои, то разстилали ихъ передъ быкомъ, все болѣе и болѣе свирѣпѣвшимъ, то быстро спасались за оградою отъ его страшнаго преслѣдованія. Часто, въ ту минуту, когда одинъ изъ нихъ скрывался за ограду, между нимъ и быкомъ оставалось не болѣе вершка разстоянія; въ подобныхъ случаяхъ, быкъ вымещаетъ свою злобу надъ покидаемымъ ему въ жертву платкомъ: онъ или яростно топчетъ его ногами, или схватываетъ на рога и раздираетъ о досчатую стѣну. Наконецъ бандерильеры запасаются своими метальными копьями (отъ которыхъ и получили они свое названіе), украшенными бѣлыми лентами и имѣющими на острѣ зазубрину. Чтобъ попасть такимъ копьемъ въ шею животнаго, требуется много ловкости; по моему мнѣнію, это труднѣйшее дѣло во всей битвѣ. Бандерильеръ бѣжитъ съ нимъ прямо на быка, который бросается на него, какъ на вѣрную добычу. Быкъ уже стоитъ надъ нимъ, онъ уже наклоняетъ голову, чтобъ нанести противнику своему смертный ударъ, какъ вдругъ въ шею его вонзается острое копье, и тотъ, который вонзилъ это копье, тотъ, которому угрожала, повидимому, неизбѣжная гибель, — избѣгаетъ ея какимъ-то неимовѣрно быстрымъ движеніемъ. Отъ одного вершка, отъ одной линіи разстоянія зависитъ здѣсь жизнь и смерть! Точно также было съ однимъ бандерильеромъ и на этотъ разъ; но въ то мгновеніе, когда онъ находился, какъ говорится, на волосъ отъ гибели, быка окружили всѣ другіе бандерильеры и, бросивъ въ него, съ обѣихъ сторонъ, острыя копья свои, привели его въ такую ярость, что онъ зарычалъ, какъ левъ, выпустилъ своего низложеннаго врага и началъ съ дикимъ бѣшенствомъ преслѣдовать бандерильеровъ, разбѣжавшихся по аренѣ. Послѣ нѣсколькихъ неудачныхъ покушеній, онъ исключительно устремился за однимъ изъ нихъ и, сдѣлавъ скачокъ, подобнаго которому, какъ мнѣ кажется, не сдѣлаетъ ни какой другой быкъ въ Европѣ, очутился вмѣстѣ съ противникомъ своимъ за барьеромъ, въ галлереѣ. Но

жертва, преслѣдуемая имъ, укрылась отъ его мщенія, и всѣ тореадоры, всѣ сидѣвшіе на низшихъ ступеняхъ зрители въ испугѣ отпрянули отъ несчастнаго быка, котораго страданія этимъ еще не кончились. Будучи вынужденъ снова выйдти на арену, онъ появился на ней окровавленный и видимо удивленный тѣмъ, что опять находится на мѣстѣ битвы. Наступила истинно-торжественная минута: быкъ, словно предчувствуя приближавшуюся катастрофу, грустно озирался вокругъ, и вотъ раздался звукъ трубъ, вотъ сталъ передъ нимъ матадоръ съ обнаженнымъ мечомъ подъ пурпуровою мантіею — съ мечомъ, который носить имѣетъ право только онъ одинъ. Они стояли нѣсколько секундъ неподвижно, какъ прикованные къ одному мѣсту, не сводя глазъ другъ съ друга. Потомъ быкъ, взметая песокъ ногами и наклонивъ голову, понесся за матадоромъ, которому не удалось нанести вѣрнаго удара своему противнику. Бандерильеры, однакожь, спасли его, отвративъ отъ него гибельное вниманіе быка посредствомъ пестрыхъ платковъ своихъ и особаго рода восклицаній. Неловкій матадоръ былъ освистанъ публикою. Онъ старался поправить свою ошибку; но быкъ, по истомленію, или, быть можетъ, изъ презрѣнія къ врагу, не вступалъ съ нимъ въ новый бой. Послѣ долгихъ нападеній, онъ выступилъ противъ него медленно, неохотно: мечъ матадора глубоко вонзился ему въ шею... Съ этимъ мечомъ онъ отбѣжалъ на нѣсколько шаговъ въ сторону, упалъ и издохъ, испустивъ оглушительный ревъ. Такъ окончилось, при плескахъ и кликахъ толпы, первое дѣйствіе этой драмы, достойной трагедій Виктора Гюго и Александра Дюма, написанныхъ для Порт-Сен-Мартенскаго Театра, въ Парижѣ. По окончаніи боя, появились изъ-за кулисъ три разукрашенные мула: на нихъ взвалили двухъ убитыхъ лошадей вмѣстѣ съ трупомъ храбраго быка, и въ публикѣ начались обычные споры *pro* и *contra*.

Второе дѣйствіе имѣетъ совершенно одинаковое расположеніе съ первымъ; но исполненіе, само собою разумѣется, бываетъ болѣе или менѣе различно. Замѣчательно, впрочемъ, что быки всегда опрокидываютъ лошадей, а не всадниковъ; что они никогда не дѣлаютъ полнаго употребленія изъ своего страшнаго оборонительнаго оружія и почти никогда не пользуются вполнѣ своею побѣдою; потому, въ бояхъ съ ними, обыкновенно погибаетъ много лошадей, люди же гибнутъ рѣдко. Пострадавшіе здѣсь всегда виноваты, потому-что въ глазахъ здѣшней публики всегда бываетъ правъ — побѣдитель. Удача боя зависитъ отъ ловкаго употребленія платковъ, однакожь изученіе обычныхъ, механическихъ движеній быка есть дѣло величайшей важности для тореадора и составляетъ особый отдѣлъ «тореомахіи», отдѣлъ тѣмъ болѣе необходимый, что каждый новый, еще не изученный капризъ животнаго можетъ стоить жизни одному изъ бойцовъ.

Послѣ пяти схватокъ съ быками, болѣе или менѣе счастливыхъ, выпрыгнулъ на арену небольшой быкъ, ринулся на ближайшаго къ нему пикадора, нанесъ его лошади смертельный ударъ, потомъ пропоролъ другой лошади грудь и наконецъ третьей — животъ. Все это было дѣломъ одного мгновенія. Всадники спаслись бѣгствомъ, лошади лежали при послѣднемъ издыханіи, а быкъ носился по аренѣ, отъискивая новой жертвы. Бандерильерамъ давно бы слѣдовало повести свою аттаку, но всѣ они были поражены паническимъ страхомъ при грозномъ появленіи своего ужаснаго противника. Зрители шумѣли и стучали тростями: они, пожалуй, понесли бы тріумфально этого храбраго быка гавирскаго (лучшей породы въ Испаніи), еслибъ онъ укротился на время. Въ эту минуту растворились ворота, и на арену выступилъ новый матадоръ. Онъ былъ одинъ-одинёхонекъ; но пурпуровая мантія такъ живописно драпировалась на лѣвой рукѣ его, свѣтлый

мечъ такъ грозно блестѣлъ въ правой его рукѣ, притомъ онъ самъ такъ легокъ былъ въ движеніяхъ, такъ по-видимому, увѣренъ въ себѣ, что отъ него невольно ожидали чего-то необыкновеннаго. Когда онъ остановился, съ амфитеатра раздались громовыя рукоплесканія, а подлѣ меня сказала шопотомъ, съ глубокимъ вздохомъ, какая-то испанская красавица: «Divino Montes!», и я узналъ, въ честь кого гремѣли эти рукоплесканія. Въ-самомъ-дѣлѣ, Монтесъ вполнѣ заслуживаетъ названіе, данное ему прекрасною Испанкою; еслибъ, во всю жизнь свою, онъ совершилъ только одинъ тотъ подвигъ, которымъ изумилъ онъ меня въ этотъ вечеръ, и тогда онъ пріобрѣлъ бы себѣ громкую извѣстность. Монтесъ не могъ отблагодарить публику, потому-что быкъ, замѣтивъ его, очутился передъ нимъ въ два или три прыжка. Матадоръ выставилъ впередъ свою лѣвую руку, покрытую мантіею и устремилъ на быка глубокій, неподвижный взглядъ... Положеніе было критическое: Монтесъ, на ту пору, не могъ ждать помощи ниоткуда. Быкъ ринулся на матадора, но матадоръ съ невѣроятною ловкостію увернулся отъ роговъ его и между ними начался поединокъ въ полномъ смыслѣ этого слова,—поединокъ, въ которомъ смышленость человѣка долженствовала состязаться съ дикою силою разсвирѣпѣвшаго звѣря. Эта страшная битва продолжалась, быть можетъ, пять минутъ; но какъ томительны были для меня эти пять минутъ! Въ-теченіе ихъ, Монтесъ за одинъ неосторожный шагъ свой, за одно непредугаданное движеніе быка, могъ заплатить жизнію, какъ и случилось съ знаменитымъ предшественникомъ его, Ромеро. Зрители уже требовали, чтобъ Монтесу подали помощь, какъ вдругъ быкъ, пропоровъ рогами брошенную ему мантію, опрокинулъ матадора на землю, въ то самое мгновеніе, когда этотъ ловкій врагъ хотѣлъ ударить его мечомъ. Крикъ ужаса пронесся по всему цирку... Но Монтесъ не погибъ: сдѣлавъ какое-то безпримѣрное движеніе, онъ поставилъ себя внѣ удара, ухватился за одинъ рогъ быка, заставилъ приподнять себя и повисъ у него на шеѣ; потомъ спрыгнулъ на землю, но, навѣрное, не избѣжалъ бы смерти, еслибъ наконецъ бандерильеры, вопреки запрещенію его, не вбѣжали на арену и не отвлекли отъ него вниманія быка, который, устремясь за ними, опасно ранилъ одного изъ нихъ въ ногу. Этотъ несчастный былъ немедленно отнесенъ въ больницу, а Монтесъ выступилъ снова въ бой и, при первой схваткѣ, нанесъ мечомъ своимъ столь сильный ударъ въ самое сердце быка, что быкъ мгновенно упалъ бездыханный.

Зрители находились въ неописанномъ восхищеніи, и я думалъ, что празднество заключится этою, по-истинѣ, величественною сценою. Но Испанцы, въ-отношеніи къ подобнымъ наслажденіямъ, ненасытны: битва не прекратилась, хотя уже сдѣлалось довольно-темно. На этотъ разъ, слѣдовало одному эстремадурскому быку выдержать первое испытаніе; ожиданіе было всеобщее, сильное, и многіе утверждали, что быкъ удивитъ всѣхъ своимъ молодечествомъ. Наконецъ превознесенный быкъ явился; но, увидѣвъ копья, тотчасъ побѣжалъ отъ нихъ назадъ, и началъ стараться уйдти съ арены. Зрители захохотали тѣмъ громче, что ожидали отъ него необычайныхъ подвиговъ. Напрасно бандерильеры истощали все свое искуство,—быкъ не покидалъ своего хладнокровія, и по цирку гремѣло отовсюду: «perros, perros!» Для быка считается самою большою обидою, когда выпускаютъ на него собакъ; къ такому крайнему средству вообще прибѣгаютъ весьма неохотно. Однакожъ, это средство было употреблено противъ труса. Сначала его осыпали горящими копьями, чѣмъ, конечно, можно раздражить самое кроткое существо; потомъ, когда онъ, въ бѣшенствѣ, усиливался освободиться отъ нихъ, выпустили на него съ дюжину англійскихъ бульдоговъ. Съ алчнымъ

лаемъ кинулись собаки на пламенѣющее животное, которое, не вступивъ въ битву съ людьми, смѣло выступило противъ бульдоговъ. Началась страшная схватка. Огромные бульдоги летали по воздуху, подобно шарамъ жонглёра. Черезъ нѣсколько минутъ почти всѣ они лежали, смертельно раненные, у ногъ быка, и только одинъ изъ нихъ крѣпко держался за ухо его; но и того онъ убилъ, ударивъ объ стѣну. Быкъ остался побѣдителемъ; но такъ-какъ онъ былъ весь израненъ и шатался, какъ пьяный, то кауетеръ избавилъ его сильнымъ ударомъ отъ дальнѣйшихъ страданій, чѣмъ и заключилось празднество. Послѣдняя схватка была страшнѣе прочихъ, потому-что горѣвшія копья придавали ей то кровавое освѣщеніе, которое столь вѣрно умѣлъ передать одинъ голландскій живописецъ. Впрочемъ, въ этомъ родѣ, Испанцы не находятъ ничего излишне-кровавымъ, и если я не много замѣтилъ въ циркѣ знатныхъ дамъ — за то очень много видѣлъ нянекъ и имѣлъ случай наблюдать за однимъ двухлѣтнимъ мальчикомъ, который, сидя близь меня на колѣняхъ у своей матери, доказывалъ топаньемъ и хлопаньемъ по моимъ плечамъ своё истинно-испанское участіе въ наиболѣе-ужасныхъ сценахъ. Многіе изъ зрителей уносятъ съ собою кусокъ мяса убитаго быка и съѣдаютъ цѣлымъ семействомъ съ величайшимъ благочестіемъ: — настоящее языческое лакомство!

Совѣтъ. (*Разсказъ Шарля Бернара*). — Въ началѣ прошлой осени между посѣтителями, собравшимися въ пріемной доктора Маньяна, былъ человѣкъ лѣтъ сорока, бѣлокурый, длинный, сухощавый, нѣсколько сутуловатый. Стоило только взглянуть на него, чтобъ отгадать, что вы находитесь у медика. Вошедъ въ комнату, онъ усѣлся съ заботливымъ видомъ въ уголъ и терпѣливо дожидался, пока хозяинъ, принявъ другихъ больныхъ и окончивъ послѣднюю консультацію, подошелъ къ нему съ дружескою улыбкою.

— Здравствуйте, г. Дюкнуа! сказалъ докторъ. — Простите, сдѣлайте милость, что я заставилъ васъ дожидаться; вѣдь вы знаете, что время мое преимущественно принадлежитъ больнымъ, а я надѣюсь, что вы не можете претендовать на титулъ больнаго?

— Страданія душевныя тяжеле тѣлесныхъ, отвѣчалъ блѣдный человѣкъ, удерживая вздохъ.

— Чтò жь у васъ такое? спросилъ его медикъ: — вы совсѣмъ разстроены... Ужь здорова ли г-жа Дюкнуа?

— О, у жены моей желѣзное здоровье! отвѣчалъ Дюкнуа съ горькой улыбкой.

— Такъ растолкуйте же, отъ-чего вы въ волненіи. Вы что-то говорите о страданіи души? Но если вы не скажете, въ чемъ дѣло, то какъ же хотите, чтобъ я догадался? Ну, говорите же, чѣмъ я могу помочь вамъ?

— Милый докторъ, отвѣчалъ Дюкнуа, садясь въ изнеможеніи: — вотъ ужь болѣе двадцати лѣтъ, какъ мы знакомы; я считаю васъ однимъ изъ лучшихъ друзей моихъ и имѣю къ вамъ безпредѣльную довѣренность.

— Безъ комплиментовъ.

— Это не комплименты; говорю то, чтò думаю. Впрочемъ, самая исповѣдь моей тайны докажетъ вамъ, какое уваженіе имѣю я къ вашему характеру.

— Къ дѣлу, сказалъ съ маленькимъ нетерпѣніемъ докторъ.

— Дѣло это для меня горестное, но вамъ оно можетъ показаться страннымъ; вотъ отъ-чего я и не рѣшаюсь приступить къ нему... Обѣщайте прежде всего никому въ свѣтѣ не открывать того, чтò услышете.

— Тайна для медика точно такъ же священна, какъ и для духовника, сказалъ важно докторъ Маньянъ. Дюкнуа снова вздохнулъ, закусилъ себѣ губу и поднялъ глаза къ потолку.

— Знаете вы Пельтье? сказалъ онъ наконецъ, мрачно смотря на доктора.

— Капитана главнаго штаба? Какъ не знать! Онъ человѣкъ съ сангвиническимъ темпераментомъ, короткой шеей, съ бычьимъ тѣлосложеніемъ, ши-

рокими плечами и незначительнымъ умомъ. Ужь я давно предсказалъ ему смерть отъ апоплексическаго удара!

— О, да услышитъ Богъ предсказаніе ваше!

— Что это значитъ? Я полагалъ, что вы дружны между собою.

— Дружны! повторилъ Дюкнуа тономъ ироніи, смѣшанной съ негодованіемъ.

— Да тьфу къ чорту! Говорите яснѣе, или замолчите. Я вѣдь не Эдипъ, чтобъ отгадывать ваши загадки.

Нетерпѣніе, которое блестѣло въ маленькихъ черныхъ глазахъ доктора, не позволило безпечному другу его увертываться долѣе отъ главнаго предмета исповѣди.

— Ну, милый Маньянъ, такъ вотъ вамъ весь разсказъ въ двухъ словахъ, началъ онъ разстроганнымъ голосомъ: — Пельтье волочится за моей женою!

Докторъ выставилъ нижнюю губу, чтобъ скрыть улыбку, и съ притворною важностью покачалъ нѣсколько разъ головою.

— Я никогда не думалъ бы, сказалъ онъ потомъ: — чтобъ у этого Пельтье былъ такой хорошій вкусъ. Но увѣрены ли вы въ томъ, что говорите? Вѣдь обыкновенно мужья послѣдніе узнаютъ о вещахъ этого рода.

— Я совершенно въ этомъ увѣрился, и вотъ какимъ образомъ: жена моя поѣхала въ Фонтенбло, чтобъ провести нѣсколько дней у матери своей. Третьяго-дня, нечаянно рывшись въ ея спальнѣ, я замѣтилъ, что ключъ отъ моего бюро приходился какъ-нельзя-лучше къ ея стеклянному шкапу. Я машинально открываю шкапъ и въ заднемъ, довольно-потаенномъ ящикѣ, нахожу множество писемъ отъ Пельтье...

— Чортъ возьми! Да зачѣмъ же было ходить въ шкапъ, принадлежащій женѣ вашей?

— Я имѣлъ право сдѣлать это; но отложите на нѣсколько времени судъ вашъ надъ моимъ поступкомъ. По заключающемуся въ письмахъ я увѣрился въ совершенной невинности Виргиніи; она виновата только въ томъ, что скрывала отъ меня эту переписку. Я почти увѣренъ, что она никогда не подавала ему къ этому повода; и такъ я на нее гораздо-менѣе сердитъ, чѣмъ на Пельтье. Что же до него, я чувствую, что никогда не прощу ему. И это человѣкъ, которому я открылъ входъ въ домъ свой, котораго называлъ старымъ товарищемъ, другомъ своимъ!..

— Развѣ вы забыли, что только друзья и измѣняютъ?

— Я былъ вчера у него.

— А!

— Упрекалъ его въ недостойномъ его поведеніи, и знаете ли, что онъ отвѣчалъ мнѣ?

— Вѣрно запирался.

— Сперва запирался; но, увидѣвъ письма, онъ понялъ, что всякое опроверженіе будетъ напрасно. «Милый Дюкнуа», сказалъ онъ мнѣ тѣмъ дерзкимъ тономъ, который уже знакомъ вамъ: — «если вы такъ хорошо все знаете, то я и не беру на себя труда лгать. Правда, я влюбленъ въ жену вашу; я ужь имѣлъ съ ней объ этомъ объясненіе, и не поклянусь, чтобъ не повторилъ его, потому-что, по всему вѣроятію, не сдержалъ бы своей клятвы. Я очень понимаю, что такая сдѣлка не можетъ вамъ нравиться, что вы оскорбляетесь ею; но вѣдь вы знаете, что я человѣкъ вѣжливый, имѣющій привычку отвѣчать за всѣ свои дѣла и движенія? И такъ, если вы считаете себя обиженнымъ, я къ вашимъ услугамъ и готовъ разсчитаться съ вами какъ, гдѣ, и когда вамъ угодно.

— Вотъ, что называется знать общежитіе! сказалъ врачъ, стараясь сохранить серьёзное лицо. — Какъ? онъ смѣлъ вамъ сказать это?

— Ни больше, ни меньше.

— Что же вы отвѣчали ему?

— Что онъ скоро услышитъ обо мнѣ. Послѣ этого я вышелъ, потому-что неловко же было мнѣ продолжать такой разговоръ... Вотъ въ какомъ положеніи теперь дѣла мои.

Лицо медика сдѣлалось серьёзнымъ.

Онъ обошелъ разъ кругомъ залы съ поникшею головою и съ закинутыми назадъ руками; потомъ, подошедъ къ своему гостю, спросилъ его, пристально смотря ему въ глаза:—Ну, чтó жь вы намѣрены дѣлать теперь?

— Чтó вы мнѣ посовѣтуете?

— Я понимаю, что вамъ трудно бросить это дѣло; съ другой стороны, я былъ бы въ отчаяніи, еслибъ вы должны были драться съ этимъ извѣстнымъ бретёромъ Пельтьè.

— Съ бретёромъ? сказалъ Дюкнуа, вытаращивъ глаза:—да, онъ дуэлистъ, онъ поденьщикъ, онъ цѣлое утро только и дѣлаетъ, что стрѣляетъ въ цѣль у Лепажа въ фехтовальныхъ залахъ: онъ дерется на дуэли аккуратно всякіе три мѣсяца.

— А вы сами дрались ли когда-нибудь? спросилъ докторъ.

— Никогда, отвѣчалъ Дюкнуа, еще болѣе блѣдный въ эту минуту, чѣмъ когда-нибудь:—никогда не дрался, и не потому, чтобъ мнѣ не представлялось нѣсколько разъ случаевъ, но оттого, что дуэль противна моимъ правиламъ. Мысль, что я долженъ пролить кровь ближняго, возмущаетъ меня; дуэль—варварское обыкновеніе: она казалась мнѣ всегда уродливою и противною нашимъ образованнымъ нравамъ.

— Словомъ, у васъ вовсе нѣтъ желанія драться?

— Еслибъ я былъ оскорбленъ положительно... еслибъ нужно было отмстить смертельную обиду, тогда вѣроятно голосъ страсти заговорилъ бы во мнѣ сильнѣе человѣколюбія;—есть въ жизни обстоятельства, въ которыхъ умнѣйшій человѣкъ не въ состояніи отвѣчать за себя. Но здѣсь дѣло не дошло еще до такой степени, и еслибъ Пельтьè перемѣнилъ свое надменное обращеніе и извинился предо мною, чего я, кажется, въ правѣ ожидать отъ него, обѣщалъ бы лучше вести себя на будущее время: то, мнѣ кажется, что это... выгодно было бы для обѣихъ сторонъ... не было бы огласки... Не такъ ли, докторъ?... Вѣдь было бы возможно...

— Вамъ не драться? Конечно, прервалъ врачъ:—если вы выйдете на дуэль, можно будетъ держать десять противъ одного, что Пельтьè васъ искрошитъ какъ цыпленка; а это будетъ не совсѣмъ для васъ пріятно.

— Вы нехорошо поняли меня, докторъ...

— Напротивъ, очень-хорошо, а доказательствомъ послужитъ то, что вы не будете драться, и капитанъ извинится передъ вами. Не правда ли, въ этомъ и состоитъ желаніе ваше?

Прямодушіе доктора заставило покраснѣть миролюбиваго Дюкнуа.

— Пельтьè невѣжа! продолжалъ докторъ, какъ бы разговаривая самъ съ собою.—Офицеры главнаго штаба должны лучше знать свѣтское обращеніе: пусть они стараются нравиться женамъ; но зачѣмъ же вызывать мужей на дуэль?...

— Такъ вы совѣтуете мнѣ оставить дѣло его собственному теченію? вы думаете, что оно устроится само-собою? спросилъ Дюкнуа нерѣшительнымъ тономъ.

— Конечно, сказалъ смѣясь докторъ:—и сверхъ-того я беру на себя примирить васъ. Повторяю вамъ: завтра же Пельтьè откажется отъ своего вызова, извинится передъ вами, поклянется не тревожить вашего супружескаго спокойствія. Это—мое дѣло; остальное вы сами можете устроить.

— Остальное?...

— Да; вѣдь вы знаете, что обѣщать что-нибудь и исполнить—двѣ вещи разныя, и мнѣ кажется, что съ вашей стороны было бы не излишнею осторожностію облегчить капитану исполненіе его клятвы удаленіемъ отъ него на нѣсколько мѣсяцевъ г-жи Дюкнуа. Онъ обязанъ по службѣ жить въ Парижѣ, а вы свободны. Кто жь мѣшаетъ вамъ провести лѣто на югѣ, въ Ниццѣ, на-примѣръ?

— Я ужь думалъ о приготовленіяхъ къ пути и очень радъ, что наши мысли на этотъ счетъ одинаковы. Но

отъ-чего же надо ѣхать въ Ниццу, а не въ другой какой-нибудь городъ?

— Потому что тамъ здоровый климатъ, особенно для людей съ грудью немного-слабою.

— У меня прездоровая грудь... по-крайней-мѣрѣ, мнѣ такъ кажется, прервалъ Дюкнуа, съ безпокойствомъ вопрошая взорами глаза медика.

— Я и не спорю объ этомъ, прервалъ докторъ серьёзнымъ тономъ: — въ этомъ отношеніи вамъ нѣтъ никакой надобности слѣдовать моему совѣту; но предосторожности никогда не вредны, и лучше предупреждать зло, нежели дожидаться его.

— Такъ вы полагаете, что мнѣ угрожаетъ грудная болѣзнь? сказалъ блѣднѣя Дюкнуа, который, какъ мы уже видѣли, питалъ самую живѣйшую привязанность къ самому-себѣ.

— Я ни слова объ этомъ не говорилъ, сказалъ Маньянъ, какъ-бы упрекая себя внутренно за то, что сказалъ уже слишкомъ-много. — Угодно ли вамъ знать, отъ-чего я произнесъ имя Ниццы? Изъ эгоизма. Очень вѣроятно, что я самъ поѣду туда на зиму. Еслибъ вы и г-жа Маньянъ были тамъ, то вѣрно пребываніе въ Ниццѣ показалось бы мнѣ гораздо-пріятнѣе.

— Хорошо... увидимъ... это еще можетъ устроиться, — отвѣчалъ Дюкнуа, который вышелъ отъ доктора еще болѣе озабоченнымъ, нежели вошелъ къ нему, потому-что къ безпокойству, которое ему представляла дуэль, присоединилась еще неменьшая боязнь болѣзни часто смертельной, о которой онъ и не помышлялъ до-сихъ-поръ.

— Въ шесть часовъ вечеромъ, Маньянъ вошелъ въ Café Anglais почти увѣренный, что встрѣтится тамъ съ Пельтьё. Въ-самомъ-дѣлѣ, капитанъ главнаго штаба уже сидѣлъ тамъ за маленькимъ столикомъ, обѣдалъ съ большимъ аппетитомъ и не подливалъ воды въ вино свое. Онъ былъ высокій, плотный и сильный мужчина, широкоплечій, съ смѣлымъ взглядомъ, блестящими усами, багровымъ лицомъ, съ жилистыми руками; словомъ, одинъ изъ тѣхъ людей съ воинскою наружностію, которые, еслибъ не были военными, то казалось бы, что они противятся своему предназначенію, и которыхъ наружность невольно вселяетъ въ другихъ скромность и умѣренность. Другой на мѣстѣ Дюкнуа почелъ бы истиннымъ несчастіемъ имѣть дѣло съ такимъ «львомъ».

Медикъ и офицеръ дружески поклонились другъ другу, и, послѣ нѣсколькихъ комплиментовъ, начали обѣдать каждый особо. Потомъ вмѣстѣ вышли изъ кандитерской, встрѣтились въ дверяхъ и равномѣрнымъ движеніемъ подавъ другъ другу руку, пошли къ бульвару Магдалины.

— Ну, докторъ, сказалъ весело Пельтьё: — нашли ли вы то, о чемъ я васъ ужь разъ десять просилъ: т. е. прелестную женщину (дѣвицу или вдову, брюнетку или блондинку; низенькую или высокую, все равно) женщину, которая согласилась бы составить мое счастіе, соединивъ свою судьбу съ моею? Вѣдь приданаго я прошу всего-на-все 100 тысячь экю. Чортъ возьми! мнѣ кажется, это очень скромно.

— Даже слишкомъ-скромно; вы стóите дороже этого.

— Насмѣшникъ!

— Совсѣмъ нѣтъ; да и время для шутки теперь было бы очень невыгодно, потому-что, въ ожиданіи невѣсты во 100 тысячь экю, мнѣ нужно поговорить съ вами о весьма важномъ дѣлѣ. Дюкнуа просилъ меня переговорить съ вами.

— И вы называете это важнымъ дѣломъ? подхватилъ, смѣясь, капитанъ.

— Всякое дѣло важно, когда оно можетъ кончиться кровопролитіемъ, сказалъ докторъ съ притворною важностью.

— А! Г. Дюкнуа жаждетъ моей крови? подхватилъ громче смѣясь Пельтьё. — Я до-сихъ-поръ почиталъ его животнымъ болѣе травояднымъ, нежели плотояднымъ. Чѣмъ же хочетъ онъ приправить меня? шпагой или пистолетомъ?

— Онъ вамъ предоставляетъ вы-

боръ оружія, сказалъ съ неизмѣнною важностью медикъ.

— Мнѣ совершенно все равно; ужь я объявилъ ему это. Но завтра я обѣдаю съ нѣкоторыми изъ товарищей; это родъ корпуснаго угощенія, и я былъ бы въ отчаяніи, еслибъ пропустилъ его; послѣ-завтра же утромъ я къ вашимъ услугамъ. Удобно ли для васъ это время?

— Какъ-нельзя-лучше. Послѣ завтра въ 7 часовъ утра, при входѣ въ Венсенскій-Лѣсъ.

— Именно, сказалъ капитанъ, ударивъ своей широкой рукою по рукѣ медика. — И вы, докторъ, также вмѣшиваетесь въ дуэль? Такое вмѣшательство должно бы было, однакожь, возбуждать въ васъ антипатію...

Медикъ отвѣчалъ на эту шутку язвительною улыбкой, которую тотчасъ же скрылъ.

— Смѣясь, вы коснулись одной изъ ранъ моихъ, сказалъ онъ послѣ минутнаго молчанія. — Признаться ли вамъ въ странной мысли, даже, можно сказать, чудовищной мысли, которая теперь пришла мнѣ въ голову?

— Говорите; я люблю чудовищныя мысли.

—Я думалъ, что для моей репутаціи есть причина желать, чтобъ послѣзавтра дуэль ваша съ Дюкнуа имѣла для него пагубныя слѣдствія.

— Почему же? спросилъ съ удивленіемъ офицеръ.

— Потому-что если вы не убьете его, то не пройдетъ и года, какъ я прослыву его убійцею.

— Я васъ не понимаю; развѣ вы также хотите съ нимъ драться?

— Совсѣмъ нѣтъ; но я его докторъ, и слѣдовательно, въ глазахъ многихъ долженъ отвѣчать за жизнь его; вѣдь, вы знаете, всѣ эти господа требуютъ отъ доктора здоровья, въ которомъ отказываетъ имъ природа. А такъ-какъ Дюкнуа по всему вѣроятію остается жить не болѣе года...

— Что жь у него за болѣзнь? вскричалъ Пельтье, вытаращивъ глаза.

— Чахотка! отвѣчалъ докторъ съ видомъ состраданія:—хроническая болѣзнь неизлечимая! Я ужь хочу послать его въ Ниццу. Извѣстное дѣло: нашъ братъ медикъ, когда ужь не знаетъ что прописывать больнымъ, посылаетъ ихъ на воды, или на югъ куда-нибудь. Если послѣ-завтра съ нимъ ничего не случится, онъ поѣдетъ. Но возвратится ли онъ — Богъ знаетъ!

—Чахотка! Да; онъ всегда блѣденъ...

— Цвѣтъ лица еще ничего не значитъ.

— Вы думаете, что онъ въ опасности?

— Я предполагаю, что онъ не проживетъ болѣе года, даже, можетъ-быть, и полугода.

Оба собесѣдника нѣсколько времени шли въ молчаніи.

— Да, капитанъ, сказалъ докторъ: —бѣднаго Дюкнуа можно считать пропавшимъ человѣкомъ, даже не принимая въ соображеніе опасности, которой подвергаетъ его вашъ вызовъ... Безъ сомнѣнія, жена его прежде года можетъ думать о вторичномъ замужствѣ; она будетъ очаровательною вдовушкою, и вѣрно у нея не будетъ недостатка въ обожателяхъ.

Пельтье бросилъ облическій взглядъ на своего товарища; но добродушный видъ доктора разсѣялъ недовѣрчивость, возбужденную его словами.

— Если Дюкнуа умретъ, вдова его будетъ богата? сказалъ капитанъ вполголоса вопросительнымъ тономъ.

— Чортъ возьми! отвѣчалъ докторъ: —на этотъ разъ должно будетъ сотнями тысячь считать талеры ея приданаго.

— Вы, кажется, преувеличиваете, докторъ! вскричалъ капитанъ, у котораго вдругъ заблистали глаза.

— Это легко счесть, отвѣчалъ г. Маньянъ съ увѣренностью:—Г-жа Дюкнуа получила сто тысячь франковъ въ наслѣдство отъ отца; она ожидаетъ получить полтораста тысячь франковъ отъ матери, да мужъ вѣрно оставитъ ей триста-пятьдесятъ тысячь... Сочтите...

— Не-уже-ли онъ по свадебному

контракту обязался все ей оставить? спросилъ Пельтье, котораго волненіе возрастало съ каждою цифрою, произносимою его товарищемъ.

— Все! отвѣчалъ докторъ торжественнымъ голосомъ.

Это могучее слово вело за собой длинный разговоръ. Еслибъ г. Маньянъ говорилъ съ человѣкомъ, котораго можно было уважать за умъ, то вѣрно не прибавилъ бы ни слова; но зная, что у капитана былъ ощутительнѣе недостатокъ въ умственныхъ органахъ, чѣмъ въ плечахъ, смѣло возвращался къ мысли, отъ которой ожидалъ волшебнаго дѣйствія.

— Вотъ партія-то для васъ, капитанъ! Женщина молодая, прекрасная и шестьсотъ тысячъ франковъ приданаго! Правда, чтобъ достигнуть цѣли, не должно начинать убіеніемъ мужа...

Пельтье, котораго физіономія приняла задумчивое выраженіе, принужденно засмѣялся; потомъ перемѣнилъ разговоръ. Увѣренный въ достиженіи своей цѣли, докторъ, подъ предлогомъ визита, оставилъ своего собесѣдника, пораженнаго въ самое сердце шестьюстами тысячь франковъ будущей вдовы. Съ скоростью раненнаго кабана пробѣжалъ капитанъ отъ бульвара Магдалины до Бастиліи у Сен-Мартенскихъ Воротъ. Намѣреніе его было уже рѣшительное.

— Докторъ, ничего неподозрѣвая, далъ мнѣ прекрасный совѣтъ, думалъ онъ. — Драться съ Дюкнуа! Что я за дуракъ! Я убилъ бы его: у меня ужь такая несчастная рука... Какъ бы я послѣ этого показался на глаза Виргиніи? Она неравнодушно смотритъ на меня; къ-счастью, ухаживая за нею около трехъ мѣсяцевъ, я во многомъ успѣлъ, такъ-что когда настанетъ «великій день», ей невозможно будетъ предположить, что я люблю ее за ея богатство. Убить Дюкнуа! это было бы глупо! Пусть онъ умираетъ своею смертью! Я не противъ этого. По всѣмъ вѣроятіямъ, я еще буду имѣть много случаевъ драться съ своими соперниками. Когда Виргинія овдовѣетъ... шестьсотъ тысячь франковъ! Тѣсно будетъ около нихъ... Но пусти другіе держать ухо востро, я *первый* кандидатъ и навѣрное не позволю обойдти себя!

На другое утро капитанъ вошелъ къ доктору Маньяну гораздо-раньше того времени, которое назначено для пріема.

— Докторъ, сказалъ онъ ему съ солдатскою откровенностью: — то, что вчера сказали вы про болѣзнь Дюкнуа, заставило меня хорошенько поразмыслить. Мнѣ кажется, неловко было бы драться съ человѣкомъ, которому остается жить только шесть мѣсяцевъ. Положимъ, что я его раню; но рана, которая у другаго вылечилась бы, для него можетъ быть смертельною, и тогда я цѣлую жизнь буду упрекать себя за то, что по пустякамъ убилъ стариннаго своего пріятеля. Открылъ онъ вамъ причину нашей ссоры?

— Нѣтъ, отвѣчалъ докторъ, который думалъ, что, въ качествѣ посредника, онъ имѣлъ полное право лгать.

— Нѣсколько колкихъ словъ съ обѣихъ сторонъ... возразилъ офицеръ, обманутый добродушнымъ видомъ доктора. — Вы знаете, что у меня горячая голова; за какую-то бездѣлицу, я грубо отвѣчалъ бѣдному Дюкнуа, и теперь раскаяваюсь въ этомъ... Короче, я имѣлъ довольно дуэлей и, слѣдовательно, безъ упрека могу одну ссору кончить примиреніемъ. И такъ, если вы возьмете на себя трудъ посовѣтовать Дюкнуа, чтобъ онъ прекратилъ враждебныя дѣйствія, то я вамъ даю на то полное право. Между нами, я думаю, это предложеніе не будетъ ему противно...

— Вы можете ошибиться, сказалъ докторъ, сохраняя все свое хладнокровіе. — Вчера Дюкнуа показался мнѣ внѣ себя. Хоть у него нравъ и тихій, но онъ дѣлается тигромъ, когда въ немъ закипитъ кровь... Кажется, вы очень оскорбили его своею выходкою, и если вы не представите ему формальнаго извиненія...

— За этимъ дѣло не станетъ, возразилъ Пелтье. — Хоть, признаюсь, я не привыкъ извиняться, хоть въ пер-

вый разъ случится со мной такое дѣло, — но для старинкаго друга можно смотрѣть на все это сквозь пальцы. Впрочемъ, я готовъ лучше извиниться, нежели въ-послѣдствіи упрекать себя... Хотите вмѣстѣ идти къ Дюкнуа?

— Пойдемте, сказалъ докторъ, который не могъ удержаться отъ улыбки, видя, до какой степени будущія деньги сдѣлали человѣколюбивымъ, чувствительнымъ и деликатнымъ записнаго дуэлиста.

Увидя вошедшаго доктора и съ нимъ офицера главнаго штаба, Дюкнуа, не могшій во всю ночь сомкнуть глазъ, почувствовалъ душевное волненіе, подобное тому, какое чувствуетъ осужденный, которому тюремщикъ читаетъ смертный приговоръ.

Съ первыхъ словъ разговора, кровь его, начинавшая застывать въ жилахъ, пришла опять въ обращеніе. Капитанъ разсыпался въ самыхъ убѣдительныхъ извиненіяхъ, и немедленно удалился, пожавъ руку своему другу, который въ радости, что этимъ отдѣлался, и не думалъ играть роль неумолимаго.

— Вы не докторъ, а волшебникъ! сказалъ Дюкнуа, когда они остались вдвоемъ.

— Это отчасти также составляетъ мою должность, смѣясь отвѣчалъ докторъ. — Такъ дѣло улажено! Я сдержалъ свое слово, сдержите ли вы свое? Когда отправляетесь на югъ?

Удовольствіе, написанное на лицѣ Дюкнуа, мигомъ исчезло и замѣнилось мрачнымъ, заботливымъ выраженіемъ.

— Докторъ, сказалъ онъ прерывающимся голосомъ: — вы должны сказать мнѣ правду. Я человѣкъ съ характеромъ; у меня достанетъ твердости выслушать приговоръ свой; не правда-ли, грудь моя въ дурномъ положеніи?

— Вы помѣшались, возразилъ докторъ, пожавъ плечами: — я охотно промѣняю свою грудь на вашу.

— Вы меня обманываете. Вчерашнія слова ваши не выходятъ у меня изъ головы. Я кашлялъ цѣлую ночь, и между плечъ чувствую боль, которой прежде никогда не замѣчалъ.

— Э, вздоръ!

— Ужь позвольте; я знаю, что и чувствую, продолжалъ Дюкнуа могильнымъ голосомъ. — Я не боюсь смерти, но признаюсь, не безъ сожалѣнія увижу, что принужденъ въ цвѣтѣ лѣтъ на вѣки проститься съ женою и семействомъ. Обязанность моя сохранить жизнь свою для нихъ, если я и не хочу дѣлать этого для себя-самого. Я не напишу къ Виргиніи, чтобъ она пріѣхала сюда, а самъ заѣду за нею, проѣзжая мимо Фонтенбло́, и мы вмѣстѣ отправимся въ Ниццу.

— Поѣзжайте съ Богомъ! сказалъ докторъ: — это путешествіе не можетъ принести вамъ вреда.

— Но думаете ли вы, что оно принесетъ мнѣ пользу?

— Безъ сомнѣнія.

— И еще не поздно дѣйствовать противъ этой ужасной болѣзни?

— О, мы васъ вылечимъ! сказалъ Маньянъ съ насмѣшливою важностью. — Черезъ шесть недѣль я самъ пріѣду въ Ниццу. И такъ, будьте покойны; если, противъ ожиданія, вамъ сдѣлается хуже, за вами будетъ ухаживать докторъ, къ которому вы имѣете полную довѣренность.

Друзья разстались, Докторъ внутренно смѣялся надъ болѣзнію своего паціента, который думалъ, что уже носитъ смерть въ груди своей и спрашивалъ себя, не лучше ли было бы подвергнуться страшному мечу капитана Пельтье́, нежели, можетъ-быть, умереть во цвѣтѣ лѣтъ на чужой сторонѣ. Преслѣдуемый этою мрачною мыслію, Дюкнуа въ два дня взялъ подорожную, привелъ дѣла свои въ порядокъ и сдѣлалъ всѣ приготовленія къ отъѣзду, потомъ сѣлъ въ почтовую коляску и какъ бомба упалъ въ Фонтенбло́, гдѣ его вовсе не ожидали. Воспользовавшись супружескими правами, онъ увезъ изъ Фонтенбло́ жену свою, изумленную такимъ обращеніемъ, и очень неохотно оставлявшую Парижъ, который сталъ ей еще

видѣе послѣ страстныхъ выраженій офицера главнаго штаба. Къ концу недѣли оба супруга прибыли въ Ниццу — одинъ дрожа за свое здоровье, другая сожалѣя о своихъ любовныхъ дѣлишкахъ; къ осени пріѣхалъ туда же докторъ Маньянъ, съ удивительною аккуратностію сдержавшій свое слово.

Въ апрѣлѣ мѣсяцѣ слѣдующаго года, на Французскомъ Театрѣ давали трагедію «les Horaces». Благодаря таланту г-жи Рашель, еще болѣе нежели устарѣвшему таланту Корнеля, зала была полнёхонька. На правой сторонѣ балкона, капитанъ Пельтьѐ, съ нѣсколькими подобными ему повѣсами, громко разговаривалъ, смѣялся, критиковалъ актёровъ, дѣлалъ смотръ всѣмъ дамамъ и безпокоилъ своихъ сосѣдей; но никто не смѣлъ напомнить ему о порядкѣ: такъ могущественно бываетъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ дѣйствіе наглаго взгляда, и атлетическаго сложенія...

Направляя лорнетъ на всѣ углы залы, отъ бенуаровъ до райка, капитанъ замѣтилъ въ одной изъ ложъ втораго яруса группу, которая тотчасъ же и привлекла на себя все его вниманіе.

Спереди сидѣли г. Дюкнуа и его супруга, а въ глубинѣ ложи, за стуломъ молодой женщины, докторъ Маньянъ.

Положеніе этихъ трехъ особъ было весьма характерно. Миролюбивый супругъ съ блѣднымъ лицомъ, съ болѣзненною физіономіею и съ очками изъ синяго стекла на носу (ими онъ обязанъ былъ воображаемой офтальміи), держалъ въ рукахъ театральную афишку, которую читалъ во время антрактовъ, и внимательно слушалъ трагедію даже тогда, когда представительницею Корнеля была не г-жа Рашель. Г. Дюкнуа играла маленькимъ букетомъ изъ пурпуровыхъ цвѣтовъ, которые рѣзко оттѣняли бѣлизну лица ея; можно было подумать, что это движеніе, исполняемое съ величайшею граціею, было слѣдствіемъ кокетства. Небрежно облокотившись на спинку креселъ, она иногда поворачивала голову, чтобъ лучше разслышать то, что вполголоса говорилъ ей улыбавшійся докторъ; но мужъ не принималъ участія въ разговорѣ и не замѣчалъ его дружескаго и искреннаго обращенія.

— На кого ты такъ долго смотришь? спросилъ капитана одинъ изъ его сосѣдей:—ужь не старинная ли это страстишка твоя, не г-жа ли Дюкнуа? Я думалъ, что ты ужь давнымъ-давно позабылъ ее.

—Я не зналъ, что она возвратилась изъ Ниццы, отвѣчалъ капитанъ.

—Э! ужь она въ Парижѣ около двухъ недѣль.

— Не замѣчаешь ли ты, что Дюкнуа очень похудѣлъ? Южный климатъ, кажется, немного помогъ ему. Онъ сдѣлался вдвое блѣднѣе, нежели былъ до отъѣзда. Бѣдный Дюкнуа!

— Какъ? не-уже-ли и ты вѣришь его мнимой грудной болѣзни? Это смѣшно...

— Чтó жь тутъ смѣшнаго? рѣзко спросилъ капитанъ.

— Шутка, которую съигралъ этотъ лицемѣръ Маньянъ съ Дюкнуа и съ тобою, потому-что, судя по твоему удивленію, ты также участвуешь въ мистификаціи.

— Ты выводишь меня изъ терпѣнія, Бертонъ! сказалъ Пельтьѐ сердитымъ тономъ.

— Волкъ волка не кусаетъ, смѣясь возразилъ Бертонъ: — и такъ, будемъ продолжать не сердясь Вотъ въ чемъ дѣло, которымъ весь Парижъ, исключая тебя, забавляется въ продолженіи трехъ дней. Кажется, г. Маньянъ, во-первыхъ, влюбленъ въ г-жу Дюкнуа (чего никто не подозрѣвалъ); во-вторыхъ, страдая грудью съ нѣкотораго времени, онъ заблагоразсудилъ провести зиму въ климатѣ, который гораздо-теплѣе здѣшняго. Чтó же онъ придумалъ? Онъ увѣрилъ невиннаго Дюкнуа, что у него болитъ грудь, отправилъ его вмѣстѣ съ любезною супругою въ Ниццу; потомъ, не торопясь, присоединился и самъ къ нимъ. Выраженіе лицъ ихъ въ эту минуту ясно показываетъ развязку исторіи.

Глядя на нихъ, понимаешь, что безъ малѣйшей клеветы можно было бы прибить къ ложѣ ихъ заглавіе одного изъ послѣднихъ романовъ Поль-де Кока: «Мужъ, Жена и Любовникъ». Этотъ Маньянъ— умный малый, и ему приходятъ въ голову славныя мысли. Вѣроятно, боясь, чтобъ мужъ не слишкомъ-много видѣлъ, онъ убѣдилъ его носить синіе очки, грозя въ противномъ случаѣ офтальміею. Не правда ли, шутка славно съиграна? приключеніе презабавное?..

— Прекрасное, восхитительное! отвѣчалъ капитанъ съ улыбкою весьма похожею на скрежетъ зубовъ.

Трагедія приходила къ концу. Докторъ Маньянъ вышелъ изъ ложи. Пельтьѐ тотчасъ послѣдовалъ его примѣру. Черезъ нѣсколько минутъ они встрѣтились въ буфетѣ.

— Одно слово, докторъ! сказалъ офицеръ серьёзнымъ тономъ.

— Два, если угодно, капитанъ! отвѣчалъ Маньянъ съ веселою улыбкою.

— Кажется, вопреки вашимъ предсказаніямъ, г. Дюкнуа совершенно здоровъ?

— Развѣ вы хотите, чтобъ онъ умеръ? спросилъ докторъ, подражая съ комическою напыщенностью Жоанну, выполнявшему роль отца Гораціевъ.

— Я знаю, вы превосходно шутите, возразилъ Пельтьѐ съ возрастающею досадою:—но вы могли, кажется, знать, что я не имѣю привычки быть шутомъ. Отвѣчайте мнѣ безъ шутокъ, правда ли, что г. Дюкнуа никогда не былъ въ опасности?

— Напротивъ, онъ былъ въ большой опасности; развѣ онъ не долженъ былъ драться съ вами?

—И вы его отправили въ Ниццу?

—Единственно для того, чтобъ воспрепятствовать дуэли. Какъ докторъ, я долженъ пещись о здоровьѣ своихъ паціентовъ, и обязанность моя состояла въ томъ, чтобъ сохранить Дюкнуа отъ вашей шпаги, которая опаснѣе ужаснѣйшей болѣзни...

— Болѣзни, отъ которой вы, кажется, скоро будете принуждены лечить самого-себя, сказалъ капитанъ, выведенный хладнокровіемъ доктора изъ терпѣнія.—Пусть этотъ глупецъ Дюкнуа умираетъ отъ страха, или отъ чего другаго, ужь конечно я ему не сдѣлаю чести вмѣшиваться въ дѣла его; но вы, любезный докторъ, вы такъ хорошо шутите, что я очень желалъ бы посмотрѣть, столько ли у васъ неустрашимости, сколько ума!

Роль несчастнаго, обманутаго соперника такъ унизительна, что Пельтьѐ, изъ самолюбія, во все время разговора старался не выказывать настоящей причины своего гнѣва и не произнесъ имени г-жи Дюкнуа. Докторъ дѣлалъ то же самое; но отъ него это требовалось его положеніемъ: онъ былъ торжествующій любовникъ. Докторъ принялъ вызовъ офицера главнаго штаба съ тою же неизмѣнною улыбкою которая до-сихъ-поръ бродила на устахъ его.

— Любезный капитанъ! сказалъ онъ: — я вижу, что въ эту минуту вамъ особенно пріятно было бы проколоть мнѣ бокъ вашею знаменитою шпагою, или всадить мнѣ пулю въ ногу (думаю, что изъ уваженія къ старинному знакомству вы пощадите мою голову); но это такая прихоть, безъ которой вы можете обойдтись. Если жь вы убьете меня, кто васъ посватаетъ на дѣвицѣ Нантёль?

Пельтьѐ смотрѣлъ на своего противника съ удивленіемъ, которое удвоивало веселость доктора.

—Кто же эта дѣвица Нантёль? спросилъ онъ невольно-смягчившимся голосомъ.

— Прелюбезная наслѣдница, которой я докторъ, хоть она и совершенно здорова; у которой 200 т. франковъ наличными и столько же въ перспективѣ. Еслибъ сметливый другъ вмѣшался въ это дѣло, то она, вѣроятно, согласилась бы составить счастіе такого молодца, какъ вы.

—Что за чортъ этотъ Маньянъ! подумалъ капитанъ, взявъ доктора подъ-руку:—на него невозможно сердиться!

ПИСЬМА ИЗЪ-ЗА ГРАНИЦЫ.

Письмо VII (*).

Женева. 26 *октября* 1841.

....Не знаю, съ чего начать продолженіе описаній бродяжничества моего. Помнится, въ послѣднемъ письмѣ остановился я на Флоренціи; долго надо бы говорить объ этой землѣ, чтобъ объяснить почему Альфіери, проклявшій въ удивительныхъ сонетахъ, которые гораздо лучше трагедій его — Римъ, Пизу, Генуя, пріѣхалъ умирать въ Флоренцію, и какъ это случилось, что во Флоренціи давно уже существуетъ публичное судопроизводство, между-тѣмъ, какъ только въ 1842 году заводятъ его въ Пруссіи и, отъ-чего, окруженная сосѣдями съ самымъ строгимъ остракизмомъ въ-отношеніи печати, она одна дозволила свободный впускъ всѣхъ иностранныхъ журналовъ, и по какому убѣжденію въ нынѣшній съѣздъ ученыхъ отдала она всѣ свои дворцы въ ихъ распоряженіе, и какъ это дѣлается, что въ самомъ сердцѣ Италіи народъ трудится, работаетъ и живетъ въ тишинѣ, несдерживаемый ничѣмъ, кромѣ сознанія своего благополучія... Это рѣшительно итальянская Германія: даже въ физіономіи женщинъ, въ ихъ особенной полнотѣ, голубыхъ глазахъ и скромномъ, домашнемъ, благочинномъ сластолюбіи, (не знаю какъ выразить этотъ родъ сластолюбія) есть что-то нѣмецкое. Благословивъ Флоренцію и пожалѣвъ, что въ качествѣ земли, неимѣющей никакого вліянія на человѣчество — человѣчеству, собственно, и нѣтъ дѣла счастлива ли она или несчастлива — выѣхалъ я въ Болонію, съ которой 5 мѣсяцевъ тому-назадъ началъ мое путешествіе по Италіи. Все та же она: также пуста, грустна и меланхолична; ничего съ ней не произошло, но со мною произошло многое. Господи Боже! сколько въ эти 5 мѣсяцевъ проѣхалъ я языковъ, дорогъ, морей. Я остановился въ томъ же самомъ трактирѣ, въ той же самой комнатѣ, и вечеромъ, отворивъ окно, припомнилъ весь интервалъ!.. Вспомнилось мнѣ также, что я приступалъ къ этому подвигу, совершаемому Англичанами въ видѣ моціона, для возбужденія дѣятельности желудка, — съ нѣкоторымъ родомъ торжественности и робости... Но буди имъ вѣчная память! Я теперь, какъ лордъ Байронъ, знаю почти всѣ простонародныя проклятія Итальянцевъ: Corpo di Bacco! и проч. и проч. Съ Болоньи началось мое торжественное шествіе на Миланъ, роздыхами коему служили Модена, Парма и Піаченца — три столицы, встрѣчающіяся на пространствѣ немного по менѣе 250 верстъ. Вамъ не безъизвѣстно, что Модена есть Парагвай всей Италіи. Самыми сильными средствами прервано всякое сообщеніе мысли съ Европой. А между-тѣмъ, только голубыя Аппенины, только роскошныя поля, разлегшіяся у подошвы ихъ, отдѣляютъ Модену отъ Флоренціи!..

Супруги наполеоновой не было въ Пармѣ, когда я прибылъ туда; а хотѣлось бы мнѣ взглянуть на нее. Въ замѣнъ этого, въ Пармѣ была фреска Корреджіо и удивительная его картина, извѣстная подъ именемъ «Св. Іеронима». Съ самаго Рима не испытывалъ я впечатлѣнія болѣе сильнаго. Вся эта сцена ангела съ развернутой книгой, Христа-младенца, простирающаго къ ней руки, Божіей Матери, смотрящей съ улыбкой на движенія его, Магдалины, съ величайшимъ благоговѣніемъ цалующей его ногу, — вся эта сцена, оттѣненная суровой фигурою Іеронима — полна небесной прелести, благоуханна невыразимо. Въ томъ же родѣ и другая его картина: *Madonna della Scodella*. Я никакъ не понимаю, почему нѣмецкая партія, старающаяся возвратить живопись къ строгому, христіанскому началу, исключаетъ этотъ элементъ райской прелести, родившейся тоже изъ самаго глубокаго религіознаго чувства.

(*) Первыя два письма напечатаны въ 3-й книжкѣ, второе, третье и четвертое въ 5-й, пятое въ 6-й, шестое въ 10-й книжкѣ «Отечеств. Записокъ» сего года.

Тороплюсь разсказать вамъ мое знакомство и цѣлую недѣлю дружбы съ миланскимъ журналистомъ, издателемъ театральной газеты *Пиратъ*, господиномъ *Регли*, получающимъ подарки отъ Донизетти, Тальйони и отъ всѣхъ пѣвцовъ и пѣвицъ, проѣзжающихъ черезъ Миланъ. Онъ, вотъ изволите видѣть, совсѣмъ не такъ желченъ, какъ иные-прочіе. На мое замѣчаніе о пошлости итальянской журналистики и о путаницѣ этихъ мягкихъ фразъ въ разборахъ и отчетахъ, которыя, словно занавѣска, колеблемая вѣтромъ у окна, и открываютъ внутренность комнаты, и не открываютъ — онъ объявилъ мнѣ, что это дѣло условное, что это вещь, непонятная для иностранца, но что есть похвальныя фразы, выражающія осужденіе! Пуфъ! Такъ, на-примѣръ, сказать: *опера вообще нравится* значитъ сказать, что опера никуда не годится, да и самъ онъ Регли имѣлъ исторію съ любителемъ танцовщицы, про которую откровенно сказалъ, что она *заслуживаетъ вниманіе!!!* Можете теперь представить, сколько надо употребить восторга и энтузіазма при разборѣ вещи, дѣйствительно достойной похвалы. Съ какою наивностію показывалъ онъ мнѣ посвященіе своего театральнаго альманаха графинѣ С***, въ которомъ называетъ ее знатокомъ, покровителемъ изящныхъ искусствъ въ его отечествѣ и проч., за что̀ и получилъ 600 франковъ! Наконецъ, онъ повелъ меня обѣдать къ молодому композитору, для котораго самъ сочиняетъ либретто, и я имѣлъ счастіе присутствовать при самомъ процессѣ созданія итальянской оперы. Послѣ обѣда, съ чашкой кофе подошелъ онъ къ письменному столу, взялъ перо и набросалъ въ одну минуту четыре строфы романса, гдѣ *cuor* и *amor* звучали сильно; композиторъ пододвинулъ стулъ къ фортепьянамъ и стучалъ по нимъ до-тѣхъ-поръ, пока выстукалъ мотивъ; мы, разумѣется, пришли въ неописанный восторгъ, а композиторъ, потирая руки, сказалъ: «да! съ хорошей пѣвицей, и если разработать его хорошенько—онъ сдѣлаетъ свое дѣло». И вотъ, можетъ-быть, черезъ годъ и на петербургской сценѣ мотивъ этотъ будетъ дѣлать свое дѣло при всеобщихъ рукоплесканіяхъ. Я удивился въ Миланѣ бѣдности историческихъ памятниковъ, которыми такъ щедро надѣлены итальянскіе города, да и вообще, если исключить бездну кофейныхъ домовъ, способствующихъ —не скажу публичной, чтобъ не обидѣть Аѳины и древній Римъ, но—наружной жизни, какую обыкновенно ведутъ Итальянцы, то въ этомъ городѣ съ большими домами *безъ стиля* и чистыми улицами нѣтъ уже ничего итальянскаго. Соборъ удивителенъ. Кто-то сказалъ, что на крышѣ его онъ очутился *въ лѣсу* колоннъ и спицовъ, и этой гиперболѣ такъ посчастливилось, что она обошла весь свѣтъ, что я встрѣчался съ нею всякій разъ, какъ заходилъ разговоръ о соборѣ, и что она мнѣ очень надоѣла. Для перемѣны предлагаю слѣдующую, которую всякій учитель можетъ употребить для назиданія слушателей съ каѳедры: «миланскій соборъ съ перваго раза кажется лопнувшимъ буракомъ фейерверка, который выкинулъ въ небо сотни звѣздъ съ огненными хвостами» и т. д. Особенно замѣчательно въ этомъ соборѣ, что онъ былъ послѣднимъ усиліемъ готизма въ Европѣ и поэтому уже не найдете вы въ немъ фантастическихъ барельефовъ, узоровъ, высѣченныхъ въ камнѣ, за которыми трудно слѣдить глазу — всего того, что̀ въ германскомъ готизмѣ и въ нѣкоторыхъ старыхъ церквахъ Италіи поражаетъ разгуломъ, прихотью воображенія. Все въ немъ правильно, чисто и симметрично. Это классицизмъ готизма, если можно такъ сказать. «Путеводитель» мой говоритъ, что соборъ начатъ въ 1386, т. е. именно, когда вся Европа кинулась въ древность. Вотъ почему онъ нѣсколько холоденъ и имѣетъ весьма фальшивую ноту въ общей гармоніи, а именно: *куполъ*, столь несвойственный готизму, хотя снаружи онъ и прикрытъ

чѣмъ-то въ родѣ готической беседки. Тяжело было, думаю, архитекторамъ строить соборъ этотъ между двухъ вѣрованій, двухъ противоположныхъ мыслей, двухъ методъ, исключавшихъ одна другую! Что касается до огромной залы театра *della Scala* , за входъ въ которую платится 250 к., то она. съ золотыми украшеніями своими по бѣлому, не такъ безвкусна и аляповата, какъ зала Сан-Карло , но выстроена только для Каталани, Пастъ и проч. Все, что не Каталани, не Зонтагъ и проч., погибаетъ , задушается этимъ пространствомъ, и усилія плохой пѣвицы, которую я слышалъ, наполнить его—походили, право, на предсмертныя страданія человѣка съ сильнымъ тѣлосложеніемъ. Судороги, крики, и потомъ тишина и ослабленіе—все было.

Наконецъ, изъ Милана пріѣхалъ я въ Генуую,—кинуть послѣдній прощальный взоръ на Средиземное-Море, по которому, буквально сказать, такъ много колесилъ я на пароходахъ, да взглянуть на знаменитые дворцы ея. Въ Генуѣ совсѣмъ - неожиданно приснился мнѣ разъ—какъ думаете кто? Пріятель мой, декоратерный живописецъ ! Въ коричневомъ сюртукѣ стоялъ онъ передо мною, и я будто бы упрекалъ его горькими словами: «Какъ это вамъ не стыдно, жить Богъ знаетъ гдѣ, когда вотъ здѣсь въ улицѣ Гальби есть пустой дворецъ Дурацо? И что вы это тамъ рисуете? Какія вы тамъ созидаете на полотнѣ клетушки съ окнами, какія лѣпите съ боку лѣсенки; что за террасы вы тамъ мажете, которыя никуда не выходятъ; а если и выходятъ, то словно говорятъ : да что тутъ смотрѣть ; ничего нѣтъ любопытнаго! Да и сады ваши годятся только для прогулки Нѣмкѣ , которой прискучило окошечко съ деревяннымъ балкончемъ и двумя горшечками цвѣтовъ на немъ.. Да и осмѣлились ли вы когда-нибудь пустить воду такъ, чтобъ она не походила на дождевую лужицу, склонившуюся въ углубленіи? Переѣзжайте сюда , сударь. Здѣсь есть изъ камня , изъ мрамора , изъ гранита — въ полной своей дѣйствительности, лѣстницы, великолѣпнѣе вашихъ храмовъ, переходы, галлереи, террасы, подобныхъ коимъ не начертали еще мѣломъ на полотнѣ ни вы, ни учители ваши, Мазонески и Роллеръ; салы, балконы, залы, отъ которыхъ закружится у васъ голова и вѣроятно воскликнете вы: это ужь слишкомъ; намъ этого нельзя! Счастливъ будетъ тотъ день и много я порадуюсь, когда воображеніе ваше достигнетъ до величія одной изъ мраморныхъ переднихъ здѣшнихъ !»—И отвѣчалъ мнѣ мой пріятель: «Охъ, Боже мой ! Что вы говорите? Вы не понимаете... Ужь нынче это принято у насъ, чтобъ лѣстницы вели на стѣну, въ кабинетахъ стояли огромныя колонны,на галлереяхъ чтобъ не было видно и кошки, крыши украшались куполами, а въ садахъ стояли луксорскіе обелиски. Это для эффекта: вы не понимаете . . . » Тутъ я и проснулся. Прощай, Средиземное-Море; прощай, Италія. Отсюда переѣзжаю я въ Женеву, снова на почву политическихъ, историческихъ , философическихъ вопросовъ и всяческаго треволненія, и при семъ случаѣ не могу не возблагодарить Италію за множество тихихъ , но самыхъ полныхъ наслажденій. Будь я поэтъ, непремѣнно написалъ бы прощаніе съ Италіей...

Вотъ я и въ Женевѣ. И чтобъ новая строка начиналась торжественнѣе, вотъ вамъ положеніе: Швейцарія находится въ сію минуту въ какомъ-то судорожномъ состояніи... Я уже вижу отсюда, какъ вы испугались, какой ужасъ объялъ васъ... Успокойтесь! Не можете себѣ представить, какъ находящіеся въ судорожномъ состояніи Швейцарцы славно ѣдатъ здѣсь, какъ набиты ими всѣ кафехаузы, какая музыка на озерѣ, прогулка по восхитительнымъ берегамъ его, пикеты и экарте во всѣхъ публичныхъ залахъ. А между-тѣмъ, съ недѣлю тому назадъ, подъ самыми стѣнами города было народное собраніе, говорятъ, въ 4000 человѣкъ; полемика журнальная идетъ жарко и сильно, партіи воюютъ и сшибаются на бумагѣ

собирается сеймъ въ Бернѣ. И если теперь вы не поймете здѣшняго *уложенія*, гдѣ всѣ говорятъ, но изъ круга частныхъ своихъ обязанностей никто не выходитъ, гдѣ только случай производитъ иногда грубую, отвратительную матеріальную ошибку, но въ общности все порѣшаетъ *диспутъ*, смягчаетъ, уничтожаетъ и возводитъ — то назову васъ страннымъ человѣкомъ. Многіе говорятъ: чѣмъ-то все это кончится? какой-то будетъ конецъ? А я нисколько этимъ не интересуюсь. Извѣстно, что какой-нибудь конецъ да будетъ, и извѣстно, что будетъ конецъ мирный, потому-что негодованіе Европы задушитъ всякую попытку междоусобной войны. Для меня, скромнаго жителя сѣвера, странствующаго для назиданія своего, гораздо назидательнѣе и любопытнѣе настоящая минута,—и хладнокровное, чисто *сьянтифичное* наблюденіе борьбы страстей, испаряющихся или въ декламаціи, или закованныхъ въ печать, думаю, ни всѣми и никѣмъ другимъ въ дурную сторону не пріймется и въ вину мнѣ не причтется! Необычайное развѣтвленіе представительности, въ-слѣдствіе чего все выбирается — совѣтъ малый, совѣтъ большой, совѣтъ представителей, такъ что канцелярійки нельзя составить безъ выбора, такъ-что почтальйонъ, принесшій ваше письмо, мнѣ казался здѣсь представителемъ и ночной сторожъ депутатомъ отъ Морфея,—все это прибавляетъ еще новую полемику, и весьма важную, о правильности выборовъ, о законности ихъ, о духѣ, о аристократизмѣ, демократизмѣ, сомнамбулизмѣ и другихъ разныхъ «измахъ», имѣющихъ, впрочемъ, каждый своего оратора и своего антагониста. Извѣстно, что всякій отдѣльный кантонъ есть государство независимое; но всѣ подчинены въ важныхъ случаяхъ рѣшенію сейма, который состоитъ изъ ихъ же собственныхъ депутатовъ, — и вотъ 8-й, или 10-й, или 15-й источникъ пренія: что такое сеймъ? изъ чего составился сеймъ? правильно ли и здравомысленно ли разсуждалъ сеймъ? и эту распрю ведутъ уже не частныя лица, а уже цѣлые кантоны между собою. Знаменитый Сисмонди объявилъ на-дняхъ въ рѣчи своей слѣдующее: «Кантоны такъ разнятся между собою нравами жителей, религіей и даже языкомъ, что одинъ не имѣетъ никакого права входить въ дѣла другаго. Это самое будетъ всегда препятствовать сейму дѣйствовать справедливо и съ знаніемъ обстоятельствъ. Да и по смыслу уложенія (*Пакты*) онъ можетъ принять рѣшительныя мѣры только въ случаѣ единодушнаго согласія всѣхъ членовъ: и возможно ли ожидать этого отъ 22 депутацій?» Ну, что послѣ этихъ словъ остается дѣлать? Впереди ничего нѣтъ, а въ настоящую минуту какъ-будто все трещитъ, лопается подъ ногами... Право, на мѣстѣ этихъ Швейцарцевъ, наложилъ я бы на себя руки, а они гуляютъ, курятъ, разсуждаютъ объ Америкѣ, и одинъ даже на упрекъ мой, что какъ ему не стыдно пить кофе съ ромомъ и цѣлый вечеръ смотрѣть, какъ другіе играютъ въ бильярдъ — при такомъ отчаянномъ состояніи отечества, отвѣчалъ мнѣ флегматически: мы любимъ споры!»

Я посѣтилъ Ферней, дачу Діодати и замокъ Копетъ. Вольтеръ, Байронъ и г-жа Сталь! даже вискамъ больно отъ соединенія этихъ именъ! Впечатлѣнія на мѣстѣ ихъ жилищъ весьма различны,—столь же различны, какъ спокойная, холодная насмѣшка, позволяющая человѣку наслаждаться всѣми благами земли до глубокой старости, и кровная борьба съ обществомъ, которой все принесено въ жертву, или какъ различенъ отъ вышеупомянутаго шумъ, поднятый ради оскорбленнаго тщеславьица.

Однакожъ, осмотрѣвшись, я вижу, что деревья стоятъ уже безъ листьевъ, небо туманно, озеро волнуется, съ горъ несетъ холодомъ. Всѣ разсчеты съ природой кончены Пора въ теплую комнату, подъ свѣтъ театральной люстры, за романы, журналы и мудрствованія Миносовъ и Солоновъ нашего вѣка. Ѣду въ Парижъ. Прощайте.

-А—въ.

ПОѢЗДКА ВЪ КИТАЙ. (Статья четвертая).—*Деревня Нордянь.—Великая-Стѣна.—Хамань.—Пекинъ.—Первое впечатлѣніе при въѣздѣ въ Пекинъ.—Русскіе и русское подворье въ Пекинѣ.*

Первая китайская деревня, которую мы увидѣли послѣ двух-мѣсячнаго странствованія по степи, была деревня *Нордянь,* отстоящая на одинъ только день ѣзды отъ *Хадгана,* пограничнаго города между Монголіею и Китаемъ. Съ неописаннымъ удовольствіемъ вступили мы въ нее, восхищаясь видомъ постоянныхъ жилищъ и надеждою встрѣтить спокойный отдыхъ послѣ нашей кочевой жизни и ночлеговъ въ холодныхъ, грязныхъ и закопченныхъ юртахъ. Послѣ безлюдной степи монгольской, взорамъ нашимъ представилась пестрая картина живой дѣятельности: по скатамъ горъ спускались ослы, навьюченные сухимъ валежникомъ, древеснымъ углемъ, соломою; за ними шли погонщики, покрикивая на нихъ односвучными восклицаніями, которыя трудно и выразить нашими европейскими буквами; крики ихъ похожи нѣсколько на звукъ: *тр! тр! тха!..* Крестьяне же, которые побѣднѣе и не имѣютъ у себя ословъ, тащили тяжести на своихъ спинахъ и плечахъ. Въ самой деревнѣ попадались намъ разносчики съ холстомъ и разными бездѣлушками; тутъ же на улицѣ, цирюльники, не смотря на холодъ, простиравшійся до 6-ти градусовъ, распаривали головы поселянъ, поливая на нихъ горячую воду изъ мѣдныхъ тазовъ, и скоблили ихъ своими короткими бритвами. Мы здѣсь въ первый разъ увидѣли китайскихъ женщинъ, которыя ходятъ по улицѣ съ открытыми лицами. Собою онѣ вообще недурны, и многихъ даже можно бы назвать красавицами, если бъ онѣ не безобразили себя бѣлилами и румянами и яркаго краснаго цвѣта пятномъ, которое онѣ рисуютъ на нижней губѣ киноварью. Обычай бѣлиться, румяниться, сурмить брови и пятнать губу такъ силенъ въ Китаѣ, что даже въ деревняхъ каждая женщина скорѣе натретъ себѣ лицо мукою, чѣмъ отстанетъ отъ общаго обыкновенія. А право, жаль, особливо, когда смотришь на молоденькую и хорошенькую Китаянку, съ прелестными черными огненными глазками, которые вовсе не узки и не малы, какъ воображаютъ себѣ у насъ, судя по нелѣпымъ китайскимъ картинамъ.

Насъ помѣстили на постояломъ дворѣ, довольно-опрятномъ и снаружи и внутри; мы весело вошли въ комнаты, оклееныя простенькими обоями, съ рѣшетчатыми бумажными окнами и кирпичнымъ поломъ. Въ комнатахъ разставлены были столики и табуреты, покрытые блестящимъ лакомъ. Все это показалось намъ такою роскошью, такимъ великолѣпіемъ, что мы долго ходили изъ комнаты въ комнату, любуясь своимъ временнымъ убѣжищемъ. Но очарованіе наше скоро кончилось: едва только мы скинули шубы, какъ почувствовали, что домъ давно уже не топленъ. Чтобѣ пособить нашему горю, услужливые Китайцы принесли тотчасъ въ тазахъ разожженный древесный уголь; дымъ и чадъ повалили по всѣмъ комнатамъ, и мы принуждены были приказать вынести вонъ тазы, пока всѣ угли не перегорятъ. Въ Нордянѣ мы могли достать свѣжей баранины и свинины, и поручили китайскому повару состряпать намъ пельмени—единственное кушанье, которое мы умѣли назвать по-китайски. Часа черезъ полтора послѣ заказа, когда терпѣніе наше уже начало истощаться, явился наконецъ Китаецъ, неся на огромномъ деревянномъ подносѣ въ фарфоровыхъ чашкахъ 300 штукъ пельменей. Но вообразите ужасъ голодныхъ путешественниковъ: малорослый Китаецъ, желая блеснуть передъ нами своею ловкостію и расторопностію, запнулся ногою за порогъ и полетѣлъ съ подносомъ на полъ! Горячіе пельмени разсыпались по кирпичному полу, и благовонный паръ, поднимавшійся отъ нихъ, еще болѣе раздражалъ аппетитъ нашъ. Прежде

нежели мы очнулись, ловкій прислужникъ исчезъ за дверьми, и черезъ минуту явился съ огромною чашкой теплой воды; руками, которыя онъ во время паденія изрѣзалъ о черепки чашекъ, началъ онъ проворно подбирать грязные пельмени и класть въ воду съ намѣреніемъ опять подать ихъ намъ, и когда мы объявили, что не станемъ ихъ ѣсть, онъ, недоумѣвая, смотрѣлъ на насъ, и съ изумленіемъ согласился стряпать вновь, не смотря на наше обѣщаніе заплатить и за первые и за вторые пельмени.

На другой день, съ головною болью отъ угара, мы оставили *Нордянь* и переѣхали черезъ такъ-называемую Великую-Стѣну, отдѣляющую Китай отъ Монголіи. Сначала мы увидѣли огромныя четырехугольныя башни, саженъ въ девять вышины и сажени три въ основаніи; онѣ тянулись направо и налѣво такъ далеко, какъ только можно было видѣть глазамъ. Подъѣхавъ ближе, мы могли разсмотрѣть насыпь, соединяющую башни, отстоящія одна отъ другой на нѣсколько шаговъ; насыпь обложена съ обѣихъ сторонъ тёсаными камнями и до-сихъ-поръ только въ немногихъ мѣстахъ, да и то, можетъ-быть, во время непріятельскихъ набѣговъ, разрушена (*). Глядя на это гигантское произведеніе, протянутое на пять тысячь верстъ, не знаешь чему дивиться: могуществу ли воли, трудности ли исполненія, или нелѣпости мысли. Стѣна и башни то поднимаются на хребты неприступныхъ горъ, то спускаются въ пропасти по крутизнамъ и обрывамъ и вездѣ обдѣланы съ одинаковою прочностію, сохранившею все зданіе въ-продолженіи двухъ тысячь лѣтъ. При видѣ этого нѣмаго стража пустыни, невольно вспоминаешь пирамиды Египта и, кажется, грозный геній, отторгавшій милліоны народа отъ мирныхъ домашнихъ занятій, глядитъ на васъ съ этихъ чугловищныхъ алтарей своихъ.

(*) Стѣна вышиною и шириною почти до трехъ саженъ.

Подъѣзжая къ воротамъ, мы ожидали, что насъ заставятъ выйдти изъ экипажей и пройдти пѣшкомъ, какъ это было сдѣлано съ предшествовавшею миссіею, и готовы уже были спорить до послѣдней крайности съ китайскими приставами; но намъ не сказали ни слова, и мы, по предъявленной нашими проводниками подорожной, спокойно были пропущены черезъ ворота и въѣхали въ городъ *Хàлганъ*.

Хàлганъ, одинъ изъ многолюднѣйшихъ и огромнѣйшихъ городовъ Китайской Имперіи, расположенъ на равнинѣ. Улицы его довольно-прямы, широки и однообразны; замѣчательныхъ зданій нѣтъ, исключая кумирень, отличающихся величиною и пестротою архитектуры. Вообще, всѣ китайскіе города разнятся отъ европейскихъ тѣмъ, что они, при одинаковомъ населеніи, занимаютъ несравненно-большее пространство: всѣ домы въ нихъ строются въ одинъ этажъ. Садовъ вообще мало; каждое жилище состоитъ изъ нѣсколькихъ домовъ, раздѣленныхъ двориками, и обнесено каменною стѣною; а потому видъ улицъ чрезвычайно-однообразенъ и грустенъ. Только лавки, выходящія на улицы, нѣсколько разнообразятъ и оживляютъ ихъ. Проѣхавъ большую часть города, среди многолюдной толпы любопытныхъ, мы остановились на постояломъ дворѣ, отличавшемся отъ нордяньскаго своею огромностію и бóльшими удобствами, хотя угаръ и здѣсь мучилъ насъ такъ же, какъ и въ Нордянѣ. Здѣсь мы могли достать не только съѣстныхъ припасовъ, но и персиковъ, и абрикосовъ, и винограду; все это получили мы за самую умѣренную цѣну, хотя въ то же время за пудъ сѣна платили по рублю двадцати копеекъ и, что всего интереснѣе, намъ приносили его маленькими сверточками, фунта въ полтора каждый.

Отъ Хàлгана намъ уже нельзя было ѣхать на своихъ экипажахъ, и потому весь нашъ обозъ остался въ степи, подъ

надзоромъ десяти казаковъ и унтеръ-офицера; а мы наняли для себя муловъ и лошадей подъ верхъ и въ телеги, и верблюдовъ подъ вьюки. Правители Хàлгана пожелали видѣть насъ, и мы отправились къ нимъ съ визитомъ въ сопровожденіи китайскихъ приставовъ и казаковъ. Пріѣхавъ въ *Я-мэнь*, присутственное мѣсто, мы были встрѣчены главнымъ правителемъ на послѣднемъ дворикѣ. У первыхъ дверей началась китайская вѣжливость: правитель предлагалъ приставу миссіи первому честь пройдти черезъ двери; а нашъ приставъ предоставлялъ эту честь самому правителю. Церемонія эта продолжалась около четверти часа; наконецъ, изобрѣтательный умъ Китайца нашелъ средство выйдти изъ столь затруднительнаго обстоятельства: правитель Хàлгана взялъ соотечественника нашего подъ-руку, и рядомъ съ нимъ вошелъ въ маленькую комнату, а изъ нея въ пріемную. Здѣсь онъ посадилъ пристава на почетное мѣсто, то-есть на *канъ*, позади столика, по обѣимъ сторонамъ котораго усѣлись двое правителей. Канъ былъ покрытъ краснымъ войлокомъ; для пристава сверхъ войлока постлана была барсовая кожа, а для правителя положены подушки. Мы размѣстились передъ ними на табуретахъ; мѣсто наше было хотя не такъ почетно, но за то гораздо покойнѣе. Бѣдный приставъ, принужденный сѣсть по обычаю Китайцевъ, поджавъ подъ себя ноги, съ большимъ трудомъ могъ сладить съ своими шпорами, шпагою и узкимъ покроемъ платья. Особенныхъ усилій ему стóяло приподняться на ноги послѣ получасовой бесѣды о здоровьѣ и о пути. Само-собою разумѣется, что насъ подчивали чаемъ, и что приставъ нашъ долженъ былъ за честь знакомства отплатить подарками. На другой день, правители сдѣлали намъ такой визитъ, какой обыкновенно въ Китаѣ вельможи дѣлаютъ низшимъ себѣ: они подъѣхали къ воротамъ нашего постоялаго дома, прислали сказать, что они были, и, не выходя изъ своихъ одноколокъ, отправились домой.

Послѣ трехдневнаго отдыха, мы отправились изъ Хàлгана. Дорога была довольно-разнообразна: мѣстами мы должны были пробираться по ущельямъ, заваленнымъ булыжниками, которые наносятся съ горъ дождевыми потоками, отъ-чего ѣзда на телегахъ, даже двухколесныхъ, дѣлается рѣшительно невозможною, и нужна вся опытность извощиковъ, чтобъ провезти телеги, и то совершенно безъ всякой клади; мѣстами встрѣчались равнины, и вообще на всемъ этомъ пространствѣ видна дѣятельность; довольно-часто проѣзжали мы черезъ города и деревни, или видѣли ихъ по ту и другую сторону нашей дороги; довольно-часто встрѣчали огромныя цѣпи верблюдовъ, навьюченныхъ товарами. Вообще, наше путешествіе приняло совершенно-другой характеръ: эта жизнь, эта людность вокругъ, и наконецъ самая близость цѣли нашего странствованія прогнали нашу хандру: разговоры сдѣлались веселѣе, и разнообразіе окружающихъ насъ предметовъ оживило насъ самихъ. Въ самомъ-дѣлѣ, за исключеніемъ только нѣсколькихъ мѣстъ, все пространство, нами переѣханное отъ Хàлгана до Пекина, носило на себѣ признаки удивительной дѣятельности Китайцевъ; не только скаты горъ, но и самыя вершины ихъ были обработаны: гдѣ не было земли, туда трудолюбіе перетащило ее съ низменныхъ мѣстъ и, кажется, побѣдило самую природу. Конные, пѣшіе, мужчины, женщины, дѣти,—все работаетъ, все, по мѣрѣ силъ и возможности приноситъ пользу. Но, работая до изнуренія силъ, Китаецъ не жалѣетъ и рабочаго скота своего: несчастные мулы наши были такъ измучены, что никакія усилія погонщиковъ не могли заставить ихъ идти рысью; тощіе, истомленные, они едва передвигали ноги, и когда были безъ сѣделъ, то невозможно было смотрѣть на этихъ жалкихъ страдальцевъ. Спины ихъ протерты были сѣдлами до глубокихъ

ранъ, покрытыхъ гноемъ и кровью; но Китаецъ спокойно набрасывалъ войлокъ на эти страшныя язвы и сверхъ войлока также спокойно затягивалъ сѣдло, довершая все остальное дубиною.

Съ перваго вступленія въ Китай, путешественникъ убѣждается, что главная мысль Китайцевъ есть мысль о защитѣ: начиная съ великой стѣны, опоясывающей Небесную Имперію, и до ограды каждаго частнаго жилища, все подтверждаетъ и доказываетъ эту врожденную наклонность Китайцевъ къ оборонѣ. Всякій городокъ непремѣнно обнесенъ огромною каменною стѣною, даже многія деревни позначительнѣе не оставлены безъ какой-нибудь ограды. Самый ненаблюдательный путешественникъ можетъ тотчасъ замѣтить, что ѣдетъ по землѣ храбрецовъ. Всего интереснѣе, что эти грозныя стѣны не охраняются никакою стражею, и пушки, назначенныя для защиты, лежатъ безъ лафетовъ у воротъ, засыпанныя до половины землею. Правда, у воротъ живутъ два или три сторожа; но вы съ перваго взгляда на ихъ лѣнивыя и сонныя рожи съ достовѣрностію можете заключить, что они никогда не брались за оружіе, да и впередъ браться не намѣрены. Впрочемъ, правительство отпускаетъ провіантъ и жалованье на достаточное количество солдатъ; но последніе разсчитали весьма благоразумно, что имъ гораздо прибыльнѣе, получивъ казенное содержаніе, заняться чѣмъ-нибудь другимъ, а надзоръ за воротами и караульнею, въ которой хранится полный комплектъ солдатскихъ шапокъ, поручить двоимъ или троимъ изъ своихъ товарищей за условную плату. Время-отъ-времени правительство посылаетъ довѣренныхъ людей осматривать караулы; но эта гроза не слишкомъ пугаетъ храбрыхъ воиновъ: по первому знаку уличная чернь, хорошо знакомая съ этимъ обыкновеніемъ, сбѣгается въ караульню, надѣваетъ шапки — и дозоръ проходитъ благополучно.

Чѣмъ ближе мы подъѣзжали къ Пекину, тѣмъ чувствительнѣе климатъ становился теплѣе, такъ-что ртуть въ термометрѣ не опускалась ниже пяти градусовъ, и мы, даже ночью, могли ѣхать въ однѣхъ шинеляхъ. Грунтъ земли постоянно былъ глинистый; дороги разбиты въ нѣкоторыхъ мѣстахъ до того, что лошади наши шли по колѣно въ пыли. Не доѣзжая до Пекина верстъ за десять, мы остановились отдохнуть въ довольно-большой деревнѣ. Едва мы сошли съ сѣделъ и вошли въ комнату, какъ дверь съ шумомъ растворилась, трое Китайцевъ въ богатомъ платьѣ торопливо вошли къ намъ, и съ радостными криками «добро пожаловать!» начали обнимать каждаго изъ насъ по очереди. Ихъ нарядъ, ихъ бритыя головы, ихъ длинныя косы—и русскій привѣтъ никакъ не вязались другъ-съ-другомъ. Мы недовѣрчиво поглядывали на почтенныхъ мандариновъ, крѣпко жавшихъ намъ руки; сомнительно отвѣчали на объятія объятіями, и никакъ не умѣли объяснить себѣ, что все это значитъ. Наконецъ, когда восторгъ пришедшихъ поуспокоился, все дѣло объяснилось весьма просто. Члены прежней миссіи, уже окончившіе свое десятилѣтіе въ Пекинѣ, ждали насъ, какъ прокаженные ждали нѣкогда движенія воды въ купели силоамской; высчитывали дни и часы и выѣхали изъ Пекина встрѣчать своихъ искупителей. Первое свиданіе съ земляками восхитило затворниковъ, и они, привыкшіе видѣть другъ друга въ китайскомъ нарядѣ, не могли сообразить, что для насъ это перекостюмированіе покажется странностію; да и когда было имъ соображать все это! Съ шумными кликами восторга потащили они насъ въ другой постоялый дворъ, гдѣ было ихъ временное пристанище, и гдѣ, по силѣ гостепріимства, священнаго для потомковъ Славянъ даже и у стѣнъ Пекина, добрые земляки приготовили намъ богатый завтракъ. Русская рѣчь лилась рѣкою; сколько вопросовъ, сколько воспоми-

ванiй, сколько надеждъ, и все это такъ весело, такъ шумно, такъ полно мысли о скоромъ возвращенiи на родину... что мнѣ не на шутку стало грустно. Радость готоваго къ возвратному пути не радуетъ остающагося; а нарядъ ихъ, не смотря на все свое богатство, нелѣпый до глупости, и бритыя ихъ головы, и длинныя ихъ косы,—все это располагало меня къ какой-то хандрѣ. Впрочемъ, сытный завтракъ, изготовленный по всѣмъ правиламъ китайской гастрономiи, явившiйся намъ въ несметномъ количествѣ чашъ, чашечекъ, тарелокъ и тарелочекъ всякаго вида и званiя, послѣ недѣльнаго питанiя одними только пельменями, поразсѣялъ грустное расположенiе моего духа:—мнѣ было двадцать два года, а въ эти лѣта печаль непродолжительна. Мы всѣ развеселились. Свѣтскiе члены старой миссiи, такъ радушно встрѣтившiе насъ, не забыли ничего, что только могло сдѣлать пирушку ихъ веселѣе; *шао-цзiу* (хлѣбное вино Китайцевъ), налитое въ оловянные кувшинчики, подогрѣвалось въ горячей водѣ, и *шао-синъ-зiу* (вино, получаемое изъ проса безъ перегонки), эта роскошь китайской пирушки,—все было готово для нашего угощенiя. Хотя наши запасы были уже истощены, но русская пословица говоритъ: «послѣдняя копейка ребромъ», и мы отъискали кое-какiе уцѣлѣвшiе остатки вина, вытащили послѣднiя двѣ бутылки шампанскаго, и пиръ пошелъ не на шутку. Но легче Европу сдѣлать Китаемъ, нежели Китай Европою; не знаю, имѣли ли какое-нибудь влiянiе наши земляки на обычаи Китайцевъ; но они сами окитаились до такой степени, что, о ужасъ! начали доказывать, будто шампанское нужно сперва подогрѣть, а потомъ пить. Само собою разумѣется, здравая логика восторжествовала, и благородная влага не потерпѣла такого варварскаго униженiя. Радушные земляки наши приняли на себя всѣ хлопоты о насъ, и при ихъ знанiи языка и обычаевъ все дѣло кончилось въ нѣсколько минутъ. Окончивъ завтракъ, мы сѣли на приготовленныхъ намъ лошадей; но эти лошади осѣдланы были по-китайски съ короткими стременами; намъ стоило неимовѣрныхъ усилiй держаться въ сѣдлѣ, и полагаю, мы подавали безпрестанно-встрѣчавшимся намъ Китайцамъ не очень высокое понятiе о нашемъ искусствѣ въ верховой ѣздѣ.

Путешественнику, подъѣзжающему къ Пекину, не чѣмъ любоваться: онъ видитъ огромное пространство земли, обнесенной высокою стѣною—и только. Правда, дорога чрезвычайно оживлена; длинные караваны вьючныхъ верблюдовъ тянутся непрерывною цѣпью; верховые и пѣшеходы движутся по всѣмъ направленiямъ, и вообще видишь дѣятельность, ясно свидѣтельствующую присутствiе многолюднаго города. Мы сдѣлали все, чтобъ придать нашему поѣзду возможную важность: казаки, усѣвшись на нашихъ муловъ, открыли шествiе; за ними ѣхали мы; за нами ѣхали члены миссiи въ одноколкахъ, нарочно-высланныхъ нашими миссiонерами изъ Пекина. Помня прiемъ, сдѣланный намъ въ Ургѣ, я все посматривалъ впередъ, ожидая пышной встрѣчи, но, увы, городъ былъ близко, а встрѣча не появлялась: только два, почти непрерывные ряда тележекъ, распространявшихъ отъ себя нестерпимый запахъ, тянулись изъ города, и если бъ съ нами былъ знаменитый рыцарь Донъ-Кихотъ, то онъ навѣрно бы сказалъ: «это не амбра!»

Наконецъ увидѣли мы вдали большую толпу музыкантовъ, шедшихъ къ намъ на встрѣчу, и потрясавшихъ воздухъ пронзительными и нестройными звуками трубъ, тамтамовъ, тарелокъ и дудокъ. За музыкантами несли какiя-то расписанныя доски, что-то въ родѣ нашихъ знаменъ, и другiя торжественныя принадлежности.—«Ну, вотъ и дождались мы великолѣпной встрѣчи!» — думалъ каждый изъ насъ про себя; но соотечественники наши, знакомые съ обычаями и церемонiями Китая, объяснили намъ, что встрѣчи

намъ никакой не будетъ; а процессія, которую мы сочли за почетный пріемъ, была погребальная, и провожала тѣло одного богатаго мандарина. — Дѣйствительно, вскорѣ показался пышный гробъ, который несли человѣкъ 30 на носилкахъ, подъ великолѣпнымъ балдахиномъ; родственники и родственницы, провожавшіе прахъ покойника, были одѣты съ ногъ до головы въ бѣлое холстинное платье, — а знакомые въ черное шелковое. Большая часть изъ этой свиты испускала заунывные, протяжные звуки, установленные въ этомъ случаѣ законами китайской церемоніи.

Пропустивъ мимо себя погребальную процессію, мы подъѣхали къ стѣнамъ города. Ворота были отворены, и мы безъ всякой остановки вступили въ столицу Небесной Имперіи, среди многолюдной толпы пѣшихъ и конныхъ зѣвакъ, которыхъ полицейскіе, съ огромными кнутами въ рукахъ, разгоняли по обѣ стороны, чтобъ очистить для насъ свободный проѣздъ.—Не могу изобразить той пестроты, того шума, того движенія, которые представились намъ на улицахъ Пекина. Отъ самыхъ городскихъ воротъ и до подворья нашего, на каждомъ шагу встрѣчались торгаши, разносчики и разные ремесленники, которые тутъ же на улицахъ отправляли свои промыслы. Здѣсь продавцы платья подъ холстиннымъ навѣсомъ, перебрасывая передъ покупателями съ особенною ловкостію товаръ свой изъ одной кучи въ другую, во все горло и съ удивительною скоростію назначаютъ каждой вещи цѣну. Тамъ, въ походной харчевнѣ, засаленный Китаецъ варитъ лапшу, рисовую кашу и мясо дохлыхъ лошадей и верблюдовъ. Его подвижную кухню окружаетъ толпа голодныхъ, съ жадностію вытаскивающихъ изъ котловъ костяными палочками и кусочки мяса, и лапшу, и пельмени; а хозяинъ вслухъ считаетъ быстро и безошибочно глотки каждаго изъ своихъ гостей. Подлѣ него цирюльникъ публично скоблитъ бритвою лоснящуюся голову Китайца, вычищаетъ ему уши и подбриваетъ въ ноздряхъ волосы. За нимъ, на деревянной подмосткѣ, усѣлся разсказщикъ, развернулъ передъ собою длинный свитокъ, и, подыгрывая на двухъ или трехъ струнной гитарѣ, на-распѣвъ горланитъ какую-нибудь забавную исторію; кругомъ его на скамеечкахъ сидятъ слушатели, и какъ только онъ ихъ распотѣшитъ какою-нибудь удачною выходкою, — бросаютъ ему мелкую монету. Здѣсь возвышается голосъ хозяина панорамы, который дико выкликиваетъ содержаніе своихъ картинъ, а въ то время, когда переводитъ духъ, колотитъ съ оглушающимъ звономъ въ мѣдныя тарелки. Тамъ дряхлый старичишка, уладивъ кое-какъ свою походную палатку, починиваетъ старые сапоги и башмаки; а другой кладетъ заплаты на ветхое платье. Между всѣми этими неподвижными группами шныряютъ мелкіе разносчики со всякою всячиною. Иной продаетъ игрушки, другой завитки изъ тѣста, жареные въ маслѣ, и хлѣбцы; третій тесемки, холстъ и ленты, иной соленыя прикуски, и тому подобное. —Нужно замѣтить, что китайскіе разносчики не кричатъ, подобно нашимъ, о своихъ товарахъ; вмѣсто крика, они даютъ знать о себѣ каждый особеннымъ инструментомъ: такъ продавецъ лентъ стучитъ въ маленькій бубенъ, цирюльникъ жужжитъ стальною пружиной, игрушечникъ бьетъ въ мѣдныя тарелки.—Особенно мы были поражены видомъ китайскихъ нищихъ, которые бродятъ въ этой же толпѣ, вымаливая себѣ подаяніе. Нельзя безъ ужаса смотрѣть на нихъ: женщины еще прикрыты кое-какимъ рубищемъ; но мужчины большею частію совершенно наги, не смотря на зимнюю стужу. Почти окоченѣвшіе отъ холода, они замирающимъ голосомъ и съ земными поклонами выпрашиваютъ милостыню, и считаютъ себя счастливыми, если за цѣлый часъ земныхъ поклоновъ получатъ *цянь*, то-есть половину нашей мѣдной копейки. Тѣло ихъ покрыто язвами и грязью; небритые волосы на головѣ и бородѣ торчатъ безобразными клоками... Въ первый же день пріѣзда,

мы видѣли доказательства, что Китайцы не очень застѣнчивы в надобности свои среди бѣлаго дня открыто отправляютъ на улицѣ: чуть только встрѣтишь маленькую площадку, то уже непремѣнно тамъ увидишь нѣсколько мужскихъ фигуръ, съ трубкою въ зубахъ, въ живописномъ положеніи.—И-въ слѣдствіе этого, въ Пекинѣ существуетъ особенный родъ промышленниковъ: они съ кадочками на спинѣ и съ желѣзными ложками въ рукахъ расхаживаютъ по городу и, быстро наполняя свои кадки, перегруживаютъ собранное въ особыя тележки. которыя и вывозятъ тотчасъ за городъ для удобренія полей... Эти-то тележки и встрѣтились намъ при въѣздѣ въ городъ.

Мнѣ кажется, въ цѣломъ свѣтѣ нѣтъ столько пыли, сколько наберется ея на одной пекинской улицѣ; напрасно владѣльцы домовъ, по волѣ блюстителей порядка, выливаютъ всѣ нечистоты и помои на городскія улицы: въ нѣсколько минутъ онѣ опять сохнутъ, и при малѣйшемъ вѣтеркѣ самая тонкая пыль густыми облаками носится надъ городомъ, засыпая глаза, набиваясь въ ротъ, носъ и уши. Такъ-какъ улицы Пекина не мощены, то онѣ вообще представляютъ два рода удобствъ: во время дождя непроходимую грязь, а во время сухой погоды такую страшную пыль, что лица идущихъ и ѣдущихъ, безъ всякаго преувеличенія, покрываются значительнымъ слоемъ смрадной пыли, а подъ глазами, подъ носомъ и около рта виднѣются у каждаго широкія полоски грязи, которая иногда отъ пота или слезъ длинными дорожками живописно разстилается и по всему лицу.

Проѣхавъ нѣсколько улицъ, мало отличающихся одна отъ другой, оглушенные шумомъ и криками, опыленные съ головы до ногъ и усталые до крайности, мы наконецъ достигли русскаго подворья. Надо замѣтить, что хоть этотъ въѣздъ нашъ былъ 18-го ноября, но погода была теплая, а день такъ хорошъ, что мы не только не нуждались въ шубахъ, но сняли шинели и могли удобно ѣхать въ однихъ сюртукахъ. На первомъ дворѣ подворья мы были встрѣчены почтеннымъ нашимъ архимандритомъ, который, прожив въ Пекинѣ 14 лѣтъ, и послѣ того 10 лѣтъ въ Петербургѣ, вторично возвратился въ Пекинъ, и снова пробывъ тамъ 10 лѣтъ, съ нетерпѣніемъ ожидалъ нашего прибытія, дававшаго возможность почтенному старцу опять увидѣть отечество. Одинъ изъ іеромонаховъ встрѣтилъ насъ съ крестомъ, и всѣ мы, приложившись къ нему, отправились въ церковь возблагодарить Всевышняго за счастливое окончаніе нашего труднаго странствія. Послѣ молебна, почтенный архимандритъ поздравилъ насъ съ счастливымъ окончаніемъ пути и пригласилъ къ себѣ. Тамъ былъ уже накрытъ столъ по русскому обычаю, и русская рѣчь, русскія кушанья и русское хлѣбосольство заставили насъ, хоть на время, забыть, что мы далеко-далеко отъ милой родины. Но сказать ли вамъ по правдѣ, что вашъ странствователь всего болѣе обрадовался не вкуснымъ пирогамъ и соусамъ, а просто бѣлому хлѣбу,—хлѣбу, котораго не видали мы въ-продолженіи двухъ съ половиною мѣсяцевъ, и который былъ здѣсь такъ хорошъ, что не уступалъ лучшимъ вашимъ французскимъ булкамъ съ Морской или Невскаго-Проспекта! Вообще, обѣдъ былъ очень хорошъ, а для насъ показался просто чудеснымъ; не доставало только хорошаго вина; а чтобъ пить китайскую водку, надобно имѣть или особенный навыкъ, или особенное желаніе. Насъ подчивали также виноградным виномъ, приготовленнымъ миссіонерами изъ китайскаго винограда; но оно было мутно, водянисто и такъ подслащено, что нисколько не могло нравиться. За то десертъ, поданный вечеромъ, былъ и разнообразенъ и богатъ. Груды спѣлаго разноцвѣтнаго винограда, разныхъ сортовъ грушъ, яблоковъ, гранатъ, апельсиновъ, цѣлыя блюда вареныхъ въ сахарѣ померанцевъ, персиковъ, абрикосовъ, барбарисовой пастилы, персиковыхъ косто-

чемъ свѣжихъ и соленыхъ, арбузныхъ сѣменъ, разныхъ орѣшковъ, и проч. и проч. едва умѣщались на шести столахъ. Между всѣмъ этимъ были поданы также особеннымъ образомъ приготовленныя утиныя яйца, которыхъ бѣлокъ былъ желтъ и прозраченъ, какъ янтарь. Эти яйца составляютъ необходимую принадлежность китайскаго десерта; но они имѣютъ запахъ гнилыхъ яицъ, намъ очень не понравились и показались просто испортившимися.

Еще поутру того дня, въ который мы должны были пріѣхать, китайскій приставъ нашего пекинскаго подворья прислалъ намъ подарки, состоявшіе изъ крупичатой муки, рису, свинины, баранины, жареныхъ поросятъ и сладкихъ хлѣбцовъ; а передъ тѣмъ временемъ, какъ мы собирались сѣсть за столъ, пріѣхалъ и самъ, чтобъ познакомиться съ нами. Послѣ обычныхъ церемоній, его усадили на диванѣ, и каждый изъ насъ долженъ былъ по очереди подходить и рекомендоваться почтенному чиновнику съ бѣлымъ, прозрачнымъ шарикомъ на шапкѣ, — достоинство, можно сказать, соотвѣтствующее нашему майору. Для каждаго изъ насъ важно приподнимался онъ, и то нѣсколько, съ своего мѣста, привѣтствовалъ подходившаго короткимъ наклоненіемъ головы и, бѣгло окинувъ своимъ испытующимъ взглядомъ, въ ту же минуту обращался къ архимандриту и рѣшительнымъ тономъ произносилъ: *Цунь-минь* — «способенъ», разумѣя чрезъ то, что его высокомудріе прозрѣваетъ въ насъ столько талантовъ, что почитаетъ *способными* учиться по-китайски. *Вэнь-сань-лао-е* (имя пристава, гдѣ *Вэнь* означаетъ фамилію, *сань* — что онъ третій изъ братьевъ, *лао-е* — господинъ; вообще, слово господинъ у Китайцевъ ставится послѣ фамиліи), просидѣвъ у насъ съ четверть часа, отправился домой, и старые миссіонеры проводили его черезъ всѣ дворы до самаго экипажа; у каждыхъ дверей и воротъ приставъ останавливался и упрашивалъ ихъ воротиться; провожавшіе останавливались; но едва только онъ переступалъ черезъ порогъ, они снова шли за нимъ, твердя, что это ихъ обязанность, и эти церемоніи продолжались до-тѣхъ-поръ, пока онъ не сѣлъ въ свою одноколку и не уѣхалъ.

Хоть подворье наше довольно-обширно, но насъ было такъ много, что мы принуждены были размѣститься по двое въ каждомъ отдѣленьицѣ, состоящемъ изъ двухъ небольшихъ комнатъ, выстроенныхъ совершенно по-китайски.

Мы и въ Пекинѣ не забыли выполнить обыкновеніе русскихъ путешественниковъ смыть съ себя въ теплой банѣ дорожную пыль и грязь. Баня эта устроена внутри нашего подворья нашими миссіонерами; у Китайцевъ, вмѣсто бань, есть публичныя ванны, куда ходятъ, и то очень рѣдко, небогатые жители Пекина, и моются въ нихъ одинъ за другимъ, не перемѣняя воды до-тѣхъ-поръ, пока она не сдѣлается совершенно-грязною. Мы чувствовали величайшее наслажденіе, орошая себя теплою водою, послѣ странствія нашего по песчанымъ степямъ Монголіи и ночлеговъ въ закоптѣлыхъ юртахъ, въ которыхъ стужа не позволяла намъ даже перемѣнять бѣлье. Представьте же наше удивленіе и досаду: не зная свойства пекинской воды, мы преусердно натерли себѣ головы мыломъ; но когда захотѣли смыть его, всѣ старанія наши были тщетны, и мы вышли изъ бани съ волосами, склеившимися отъ мыла до такой степени, что даже гребнемъ нельзя было расчесать ихъ. До другаго дня волосы наши не просыхали. Старые миссіонеры, которые забыли насъ предувѣдомить о томъ, что пекинская вода содержитъ въ себѣ соли, и слѣдовательно не можетъ растворять мыла, — хохотали надъ нашимъ приключеніемъ, и чтобъ помочь горю, послали за цирюльникомъ, который натеръ намъ волосы валяльною глиною и потомъ отмылъ и мыло и глину. Тутъ же мы узнали, что Китайцы не употребляютъ вовсе мыла, замѣняя его глиною, или содой.

Подворье наше находится въ серединѣ города, неподалеку отъ императорскаго дворца: оно составляетъ довольно-пространный четвероугольникъ, обнесенный каменною стѣною, сажени полторы въ вышину. Внутри раздѣляетъ его опять каменная стѣна, пониже первой, на два равныя отдѣленія: первое собственно назначено было для посольства, и до-сихъ-поръ называется посольскимъ дворомъ; второе же занято монастыремъ. Посольскій дворъ заключаетъ въ себѣ нѣсколько отдѣльныхъ домиковъ, стоящихъ по сторонамъ двора; между ими стоитъ довольно большой домъ, предназначенный для посла; а за нимъ тянется рядъ отдѣльныхъ комнатъ, въ которыхъ помѣщаются миссіонеры. Всѣ зданія посольскаго двора построены и поддерживаются на счетъ китайскаго правительства. Монастырь также состоитъ изъ отдѣльныхъ домиковъ, между которыми занимаемый архимандритомъ отличается своею величиною и нѣкоторыми удобствами. Почти на самой серединѣ монастырскаго двора, противъ жилища архимандрита, возвышается церковь довольно-красивой архитектуры, въ европейскомъ вкусѣ, и даже съ вызолоченнымъ куполомъ. Образа для иконостаса и колокола́ были привезены изъ Россіи. Всѣ зданія монастырскія, кромѣ церкви, перестроены вновь передъ нашимъ пріѣздомъ на счетъ русскаго правительства; расположеніе домиковъ и архитектура ихъ совершенно-китайскія. Какъ на посольскомъ дворѣ, такъ и въ оградѣ монастырской, разведены небольшіе фруктовые сады, въ которыхъ посажены виноградныя лозы, яблони, обыкновенныя и приносящія плоды величиною съ волошскій орѣхъ, и груши. Зданія, принадлежащія монастырю, хоть очень неудобны по своему китайскому устройству, по-крайней-мѣрѣ чисты и опрятны. Въ домикахъ же, занятыхъ нами: комнаты малы, низки; сквозь рѣшетчатыя рамы, обклеенныя бумагою, замѣняющею стекла, свѣтъ проходитъ довольно-слабый; но за то вѣтеръ и пыль врываются свободно. Двери, разсохшіяся и со сквозными щелями, притворяются неплотно; полъ, выстланный полуобожженнымъ кирпичемъ, неровенъ, и въ одной комнатѣ холоденъ, въ другой же, отъ печи, устроенной подъ нимъ, раскаляется до такой степени, что жжетъ подошвы обуви. Посудите же объ удовольствіи быть въ комнатѣ, гдѣ ноги ваши чуть-только не горятъ, а головѣ холодно, тѣмъ болѣе, что потолковъ нѣтъ, а вмѣсто ихъ тростниковая рѣшетка, обклеенная бумагою. Первая комната тоже не лучше этой: тамъ полъ не жжетъ ногъ, но за то она нагрѣвается лежанкою (канъ) безъ трубы, и потому дымъ и чадъ отъ каменнаго угля вынуждаютъ во все время топки оставлять дверь растворенною...

Дэ-Минъ.

Изъ записокъ русскаго, бывшаго въ плѣну у черкесовъ. — *Путь отъ аула Чишки до аула Доч-Морзей* (*) Изъ Чишекъ до Доч-Морзей двѣ дороги: одна идетъ по горамъ и утесамъ, образующимъ славное Аргунское ущеліе, другая по руслу рѣки. Газій (князь) выбралъ послѣдній, сотворивъ обычную полуденную молитву; князю и мурудамъ его подвели коней, меня посадили на крупъ лошади какого-то Чеченца. Авангардъ тронулся; за нимъ, въ 60 шагахъ, вновь пожалованный начальникъ (**), имѣя по бокамъ въ пяти или

(*) Редакторъ «Отечественныхъ Записокъ» получилъ статью при слѣдующемъ письмѣ: «М. Г. судьба бросила меня плѣнникомъ въ Чечню; странны и происшествія, бывшія со мною, говоря безъ преувеличенія, — сущій романъ. Я описалъ свои похожденія; посылаю отрывокъ изъ этого описанія, и проч. и проч. *Л. Екельнъ*».

(**) Послѣ смерти славнаго Эрс-Мирзы, Шамиль, голова бунтующихъ горцевъ, назначилъ на мѣсто его Газія, муруда и соотечественника своего, начальникомъ слѣдующихъ ауловъ: Чишки, Доч-Морзей, Улус-Керты, Исмаил-Ирвей, Войхёнахъ и Муссейн-Юрте.

десяти шагахъ по нѣскольку человѣкъ наѣздниковъ; наконецъ арьергардъ. Толпа народа проводила князя, осыпая желаніями здоровья и успѣховъ. Выѣхавъ изъ аула, мы повернули налѣво къ берегамъ вольнаго Аргуна. Послѣдній разъ простился я взорами съ Чишками, памятными звѣрскимъ обращеніемъ со мною Голегы и жестокою болѣзнію. Аулъ съ высокими пирамидами кукурузы медленно тонулъ въ осеннемъ туманѣ .. Прощай!

Дорога, дошедъ до лѣса, вдругъ поворачиваетъ направо и сбѣгаетъ къ ложу рѣки, обставленная высокими дубами и вязами; кони, фыркая, медленно, нога-за-ногу, ступали по глинистой почвѣ, размоченной дождями, и грудью бросались въ волны Аргуна, катившаго воды свои у самаго спуска. Вотъ мы въ ущеліи: гигантскія скалы облегли бѣшеную рѣку, увитыя вѣковыми дубравами; надъ головою клочокъ прекраснаго голубаго неба: направо и налѣво громадныя выси; подъ ногами волны да волны...

Шагомъ ѣхали мы то по руслу Аргуна, то по тропинкѣ, бѣжавшей около береговъ его. Князь запѣлъ любимый гимнъ мухаммеданъ «ля и ля иль аллахъ»; муруды хоромъ подхватили послѣдніе звуки пѣсни, и вызванное эхо слѣдомъ откликнулось какою-то дикою, мрачною гармоніею, и далеко, далеко понесло печальные напѣвы свои...

Грустно стало мнѣ; казалось, чѣмъ дальше отодвигался я отъ роднаго края, тѣмъ дальше улетала надежда когда-нибудь снова увидѣть его. Будущность, прежде столько свѣтлая и радужная, исчезла какъ звукъ. Недавно писалъ я на родину; отвѣта еще не было, и невольная мысль, что поприще столько благородное я долженъ кончить рабомъ презрѣннаго и гнуснаго Лезгина, умереть въ цѣпяхъ, неоплаканный слезою ни друга, ни христіанина, убить въ желѣзахъ мою молодость и потомъ умирать долго, медленно, обремененный кандалами и напутствуемый проклятіями или насмѣшками враговъ Бога и моего отечества... Изъ чьихъ глазъ эти думы не вызвали бы слезы душевнаго страданія?...

Съ часъ ѣхали мы; природа все та же: не увидишь луча солнечнаго; все выси, да скалы, да горы, да лѣса дремучіе. . . — Скоро ли? спросилъ я у своего спутника.—Да вотъ, отвѣчалъ Чеченецъ, указывая плетью: — поднимемся на бугоръ, а оттуда недалеко.

Мы взъѣхали на маленькую горку. Широкая и длинная поляна лежала передъ нами; солнце садилось; князь приказалъ остановиться; мы слѣзли; начальнику поднесли мѣдный тазъ и глиняный кувшинчикъ для омовенія; лошадей спутали; мнѣ приказали сѣсть; правовѣрные собрались прочесть молитву передъ закатомъ. Впереди, на маленькомъ пестромъ коврикѣ, самъ князь; за нимъ, на разостланныхъ буркахъ, муруды его; каждый шепчетъ про себя слова намаза; одинъ Газій звучнымъ и громкимъ голосомъ полу-поетъ «бисмиль ля и эльхиндо». Лица, за минуту полныя отваги и дерзости, смѣнились выраженіемъ какой-то важности и смиренія; взоры опущены долу, руки сложены на поясницѣ; лучи солнца, пробившись сквозь вѣтви деревьевъ, и далеко обливая поляну, играли на бѣлыхъ, чистыхъ чалмахъ мурудовъ чуднымъ розовымъ свѣтомъ; дорогія насѣчки на ружьяхъ, кинжалахъ и шашкахъ словно горѣли; недалеко связанный Русскій; тамъ кони, понуривше головы... Такъ торжественно тихо! ни вѣтеръ не колыхнетъ, ни птица не взовьется; только звучный лепетъ молитвы да говоръ волны...

«Аттаге и ата» кончена и вотъ мы опять на *диньяхъ* (*). До ночлега о-

---

(*) *Гауръ*, нарицательное, лошадь, *динъ* меринъ, *кель* кобыла; слово *гауръ* употребляется Чеченцами въ трехъ случаяхъ: говоря о лошади; ругаясь, онъ даетъ ему другое значеніе, и тогда это слово дѣлается турецкимъ, которымъ, какъ извѣстно, называютъ христіянъ; и наконецъ *гауромъ* называютъ Чеченьи въ пѣсняхъ своихъ юношей, желая выразить этимъ и любов-

ставалось версты три; мѣсто ровно, хоть шаро́мъ покати. Выхвативъ пистолеты и ружья, муруды словно птицы понеслись по полю, сверкая и гремя выстрѣлами. Каждый хотѣлъ блеснуть передъ новымъ начальникомъ. И долго джигитовали бы *барколлы* (удальцы, бодрые, смѣлые), еслибы не аулъ, который вдругъ вышелъ изъ-за лѣса. Мгновенно всѣ собрались вокругъ князя. Проѣхавъ еще съ полчаса, отрядецъ нашъ остановился въ виду Доч-Морзей. Множество домовъ аккуратно выбѣленыхъ, разбросанныхъ безъ всякой симметріи по широкому полю. Съ южной и западной стороны, Доч-Морзей опоясанъ густымъ и непроходимымъ боромъ; съ восточной онъ примыкаетъ къ Аргуну; жители его бѣглецы атагинскіе: послѣ набѣга Ермолова на столицу Чечни, славную и богатую Атагу, все, что было истаго мечиковскаго, бросилось въ ущеліе и образовало аулы самыхъ буйныхъ и смѣлыхъ разбойниковъ . . . . . .

Князь, по обычаю истиннаго мухаммеданина, выжидалъ, чтобъ кто-нибудь пригласилъ насъ подъ кровлю. Вотъ летитъ знакомецъ мой, хитрый Чими.

— Саламъ алейкюмъ! —Алейкюмъ саламъ! отвѣтили хоромъ. — Пошли привѣтствія.

— А, а, Леонъ, хё вуи окузъ? марша ла илла я дела!

(А, а! Леонъ, ты здѣсь? прошу Бога, чтобъ здоровье шло къ тебѣ!)

Я поблагодарилъ; мы тронулись. Все, что было живаго и разумнаго въ аулѣ, все встрѣтило насъ. Саламъ и привѣтствія градомъ летѣли со всѣхъ сторонъ. Съ этой-то свитой мы торжественно въѣхали во дворъ Эмь-Мирзы, отца Чими.

Какъ и вездѣ, меня мгновенно окружили; десятки рукъ протянулись къ поламъ сюртука, ощупывая сукно; фуражка ходила изъ рукъ въ руки, возбуждая смѣхъ и брань. Какъ и вездѣ, народъ, удовлетворивъ первому любопытству, началъ ругать христіанъ, Русскихъ и меня въ особенности. Я попросилъ человѣка, приставленнаго ко мнѣ, развязать мнѣ руки (когда мы отправлялись, локти мои туго перетянуты были кожаныхъ ремнемъ) и спрятать куда-нибудь отъ безотвязныхъ. Мурудъ отправился къ князю испрашивать позволенія; черезъ минуту явился онъ, неся кандалы; меня посадили, и не прошло мгновенія, какъ бѣдныя ноги мои были скованы. Кто былъ поближе, со смѣхомъ спрашивалъ: «*якши? дикенъ - дюи? эй давелла гаккецъ! эй джаліа, джаліа!* (*Якши* — по татарски хорошо; *дикенъ-дюи* по-чеченски то же; *давелла гаккецъ* — твой отецъ ѣстъ свинью, или просто «ты свиноѣдовъ сынъ»; *джаліа*-собака) Надо было поскорѣе уходить; иначе слова превратились бы въ угрозы болѣе дѣйствительныя, а я долженъ былъ молчать, и, какъ вещь бездушная, ни чувствовать, ни мыслить.

Меня ввели въ высокую и просторную саклю. Въ стѣнѣ вдѣланъ каминъ; яркое пламя разведеннаго огня обливало свѣтомъ трехъ Чеченокъ, варившихъ баранину и, играя на стволахъ ружей и пистолетовъ, на клинкахъ шашекъ и кинжалахъ, терялось въ углахъ комнаты.

При входѣ нашемъ, Чеченки поднялись.

— Возьми его! говорилъ мой мурудъ, сдавая съ рукъ-на-руки какой-то старушкѣ, сгорбленной тяжелыми 50-тью годами: — посади его куда-нибудь, да посмотри за нимъ; мнѣ надобно идти.

Добрая старушка усадила меня подлѣ самаго огня на мягкой кожаной подушкѣ. Я поблагодарилъ ее какъ умѣлъ. Вѣроятно хозяйка приняла участіе во мнѣ, потому-что продолжала, указывая пальцемъ на котелъ съ лакомой бараниной: «якши? твоя копъ кушай будетъ!»

Я не говорилъ вамъ, что переѣздъ мой изъ Чишекъ въ Доч-Морзей былъ въ послѣднихъ числахъ осени. Единственная рубашка, бывшая на мнѣ, давно сгнила; сапоги, носки и исподнее платье снялъ съ меня Эрс-Мирза, на-

---

къ какому-нибудь гауру и невнимательность ею къ привязанности пылкой горянки.

чальникъ отряда Гихинскаго Лѣса, когда, отуманенный сильною потерею крови и оглушенный ударамъ въ голову, я безъ памяти съ карабахца моего упалъ въ ряды непріятеля. Теперь, въ сюртукѣ, босой и въ шароварахъ, истертыхъ цѣпями, въ холодный осенній день,— судите сами, сколько я обрадовался теплому огню...

Отогрѣвшись, я началъ разсматривать новыхъ знакомокъ моихъ: первая, какъ я и сказалъ, старушка лѣтъ 50; подлѣ женщина лѣтъ 28; слѣды давней красоты, нѣсколько едва-замѣтныхъ морщинокъ, средній ростъ, темные волосы, такіе же глаза, пріятное выраженіе лица — вотъ вамъ невѣстка Эль-Мирзы, сирѣчь жена Чими; но когда взоръ мой упалъ на третью собесѣдницу.... Много слышалъ я на Руси о красотѣ Черкешенокъ и Чеченокъ; пять мѣсяцевъ, проведенныхъ уже между Мечиковцами, громко говорили противное. Разъ какъ-то случилось мнѣ видѣть въ историческихъ Гирстяхъ что-то подобное «идеалу»; но и тотъ имѣлъ слишкомъ-длинный носъ и я, твердо убѣжденный не въ красотѣ, а едва-ли не въ безобразіи Чеченокъ, пересталъ искать «воровокъ покоя» между дикарками; но теперь... На головѣ ея наброшена бѣлая кисейная чалма, изъ-подъ которой два черные-черные локона выбѣжали по розовымъ щекамъ красавицы; большіе темно-каріе глаза сверкали то умомъ, то чувствомъ; уста, казалось, сотворены были для жаркихъ лобзаній; длинныя рѣсницы порою закрывали очи Бійги отъ страстныхъ взоровъ коварнаго сына; казалось, не нагляделся бы на эти очи, не оторвался бы отъ этихъ устъ... Жизнію своею я жертвовалъ бы за одинъ поцалуй твой, милая, добрая Бійги! И что значила мнѣ жизнь моя, обремененная цѣпями и горемъ!.. Красная шелковая, чрезвычайно-широкая блуза, оторочённая отъ самой шеи до пояса широкимъ галуномъ, падала до самыхъ ногъ, обутыхъ въ крошечный «мяасиньі»; свѣтло-голубой архалукъ, унизанный застежками и рядами монетъ, изъ серебра надъ черною прекрасной работы, стягивалъ станъ Бійги, стройный и гибкій словно стебель «дзеззы»; полосатые лилово-черные шаровары связывались внизу серебрянымъ шнуркомъ съ маленькими кистями; на обѣихъ рукахъ большіе браслеты; маленькія серьги, кольца съ висячими шариками, нѣсколько рядовъ цѣпочекъ, лежавшихъ на груди (*),—вотъ какъ и вотъ въ какомъ нарядѣ я увидѣлъ въ первый разъ дѣвушку, которая въ-послѣдствіи играла такую важную ролю въ моемъ плѣну.

(Если редакторъ «Отечественныхъ Записокъ» согласится, я пришлю ему подробную повѣсть моей жизни, какъ жизни плѣнника (**).

Если кого-нибудь изъ васъ судьба приведетъ быть въ Грозной, спросите тамъ о Бійги, дочери извѣстнаго купца *Инжень-Иса*, и всякій дастъ вамъ одинъ отвѣтъ: —«хороши гуріи пророка, да!» и, махнувъ рукой, прибавитъ: «что грѣшить!»

Не буду говорить, чѣмъ и какъ угощалъ Эль-Мирза своихъ гостей,—объ этомъ послѣ когда нибудь.

Муэззинъ давно прокричалъ «Аллахъ экперъ!» и мурузы начали расходиться по саклямъ на ночлегъ; пора и мнѣ прилечь; я всталъ, помолился Богу и кликнулъ своего сторожа. Мнѣ постлали рогожку и въ голову дали дырявый войлокъ; вотъ и цѣпи; гремя и звеня упали желѣза на нищенское ложе мое; лѣвую ногу приковали къ стѣнѣ; на шею огромный ошейникъ и, пропустивъ черезъ стѣну цѣпь его, укрѣпили снадворья толстымъ ломомъ. Къ чему не привыкаетъ животное-человѣкъ?... Сначала одинъ звукъ кандаловъ поднималъ волосъ дыбомъ и ру-

---

(*) Все серебряное. Прошу читателя вѣрить, что все, мною разсказываемое — святая правда. Тутъ нѣтъ ни малѣйшей выдумки; ручаюсь въ этомъ моимъ честнымъ словомъ. Лица, выведенныя мною, носятъ точно принадлежащія имъ имена; всѣ они живы.

(**) Не только соглашаюсь, но прошу объ этомъ покорнѣйше.

Ред.

чьемъ гналъ слезы изъ глазъ; прошло время, и я равнодушно смотрѣлъ на обычныя украшенія...

— Спи, собака!

— Засну.

Черезъ пять минутъ я спалъ.

Необыкновенный шумъ разбудилъ меня гораздо до-свѣта; отворивъ маленькое окошко, я увидѣлъ какое-то особенное движеніе народа: шумъ и говоръ не умолкалъ, и до слуха моего долетали иногда «*Сюли*» (Чеченецъ называетъ этимъ именемъ Лезгина) и *биддишь хюзна* (слово непереводимое). На просьбы мои и увѣренія въ томъ, что не буду больше спать, сняли наконецъ ошейникъ и цѣпь съ лѣвой ноги; оставались кандалы; но я такъ привыкъ уже къ нимъ, что свободно могъ ходить и въ желѣзахъ. Я вышелъ: бездна народу, раздѣлившись на кучки, вела между-собою шопотомъ бесѣду, и такъ-какъ на меня никто не обратилъ вниманія, я смѣло заключилъ, что Чеченцы заняты чѣмъ-нибудь серьёзнымъ. Минутъ 10 продолжался этотъ говоръ; вдругъ выходитъ князь, толпы смолкли; лицо Газія мрачно, какъ и душа его. Мурады, собравшись, пошли въ аулъ вооруженные съ ногъ до головы, тихо перешептываясь; князь обратился къ народу и началъ говорить, казалось, грозилъ. Подлѣ меня стоялъ какой-то рослый мужчина; я обратился къ нему съ просьбою объяснить, что значитъ это собраніе, и вотъ что узналъ я отъ рослаго господина:

Бегиръ, сынъ Доч-Морзей, одного изъ богатѣйшихъ жителей аула того же имени, влюбился въ хорошенькую Дженнатъ. Дѣвушка, видно, была также неравнодушна; вѣтренный Бегиръ воспользовался слабостію бѣдной Дженнатъ, и вмѣсто того, чтобъ женитьбою загладить свой проступокъ, бросилъ ее на произволъ судьбы. По окончаніи извѣстнаго срока, слѣдствія связи этой обнаружились. Отецъ подъ кинжаломъ заставилъ ее высказать всю правду, и какъ миновало уже прежнее вольное время свободной мести, когда обиженный безбоязненно могъ всадить клинокъ въ ребра врага, не заботясь о слѣдствіяхъ, то огорченный отецъ рѣшился просить защиты и правды у своего князя Газія—Лезгина, славнаго своими звѣрскими правилами, подвигами и глубокимъ знаніемъ законовъ мухаммедовыхъ. Я думалъ, что несчастнымъ любовникамъ отсѣкутъ головы. Не-уже-ли одна смерть только выкупаетъ нѣсколько минутъ наслажденія, украденныхъ у людей и времени?

А, вотъ они!..

Посреди мурудовъ шелъ Чеченецъ видный, ловкій и статный, лѣтъ 20-ти; благородное лицо подернуто раздумьемъ, брови сдвинуты, и рука крѣпко держитъ слоновую рукоятку каза—никщенскаго кинжала. Когда вѣтренаго любовника привели къ князю, Газій предложилъ ему жениться на дѣвушкѣ, имъ обезчещенной; но Бегиръ молчалъ: полюбилъ ли онъ другую, или думалъ, что жена, которую ему предлагаютъ, изъ боязни смерти открыла свой же собственный позоръ; что это слабое твореніе недостойно быть подругою цѣлой жизни безстрашнаго Чечень: то ли, другое ли, но Бегиръ ни слова, ни одного звука въ отвѣтъ на рѣчь князя.

Молчаніе это вывело изъ терпѣнія Газія.

— Долой чуху! закричалъ онъ повелительнымъ голосомъ, обращаясь къ мурудамъ.

Юноша быстро сдѣлалъ шагъ назадъ; орлинымъ взглядомъ измѣрилъ князя съ головы до ногъ, и, выхвативъ свѣтлый кинжалъ, прошепталъ: «саюелла во джаліашъ» (саюель — поди сюда)!

Тѣ изъ мурудовъ, которые вмѣстѣ съ своимъ начальникомъ пришли въ Чечню обирать и объѣдать храбрыхъ Мечиковцевъ, гнусные Лезгины, бросились-было исполнить приказаніе своего предводителя; но взглядъ Бегира и клинокъ, молніей сверкнувшій въ глазахъ оторопѣвшихъ Андейцевъ, остановили порывъ усердія друзей Газія.

Въ эту минуту, изъ толпы народа выступилъ старикъ, подлинный кунахъ

(мужъ). Бодро подошелъ онъ къ Бегиру и, помѣнявшись нѣсколькими словами, сказалъ, обращаясь къ Лезгинамъ:

—Наказывайте!..Голосъ старца дрожалъ; очи сыпали искры негодованія и мести: то былъ отецъ Бегира.

Князь повелъ рукою; какъ звѣри бросились Андейцы на злополучнаго любовника; руки его дрожали, когда онъ, по приказанію отца, вкладывалъ бранное оружіе въ мирные ножны.

Чуха и рубашка въ одно мгновеніе ока слетѣли съ плечь виновнаго: плети взвились и начали прыгать по атлетическимъ его формамъ...

«Сто!» крикнулъ кто-то, вѣроятно счётчикъ; плети исчезли. По знаку Газія, подвели сѣро-пепельнаго цвѣта паршиваго ишака; принесли сажи, и въ минуту лицо Бегира, изъ прекраснаго смуглаго, превратилось въ совершенно-черное. Бѣдняка посадили на вислоухаго буцефала задомъ напередъ, дали держать хвостъ въ руки, и, набросивъ петлю на шею, вся процессія двинулась вокругъ аула. Исполнитель правосудія кричалъ во всеуслышаніе:

«Во Дженнатъ! во Дженнатъ! поди, посмотри на милаго! Эй, Дженнатъ! поцалуй своего любовника!»

Объѣхавъ трижды вокругъ Доч-Морзей, ишакъ съ Бегиромъ вернулись назадъ. Бегиръ вымылся, одѣлся и пошелъ домой, вѣроятно, обдумывая месть. Князь вошелъ въ комнаты; народъ молча расходился, насупивъ брови.

Недѣли чрезъ двѣ послѣ разсказаннаго, когда я жилъ въ Улус-Кертѣ, говорили, что несчастная Дженнатъ, послѣ родовъ, была наказана такимъ же образомъ; къ-тому же, бѣдной приказали еще выѣхать изъ того аула, гдѣ она подала (какъ говорили хитрыя горянки, лукаво улыбаясь и краснѣя) примѣръ такой непозволительной любви.

Левъ Екельнъ.

—

РАЗНЫЯ ИЗВѢСТІЯ.

— *Некрологъ.* — Съ 19-го на 20-е число октября, ночью, скончался въ Москвѣ извѣстный нашъ писатель, *Василій Петровичъ Андроссовъ*, 38 лѣтъ отъ роду. Неожиданная потеря этого благороднаго по чувствамъ и характеру человѣка такъ поразила друзей его, что каждый съ ужасомъ узнавалъ о невозвратимой утратѣ. В. П. Андроссовъ былъ одинъ изъ тѣхъ немногихъ людей, которыхъ, узнавъ, нельзя не уважать: вѣрный другъ и пріятнѣйшій собесѣдникъ и по уму, и по знаніямъ, и по оригинальности взгляда на предметы, и по правотѣ убѣжденія въ образѣ своихъ мнѣній, съ которыми никогда и ни для кого не рознился праводушный языкъ его. Уроженецъ города Рославля, онъ учился въ Смоленской-Гимназіи и, какъ отличный ученикъ, былъ присланъ въ Московскій-Университетъ, гдѣ посвятилъ себя изученію политическихъ наукъ. Въ 1824 г., получивъ золотую медаль за лучшее сочиненіе на заданную тэму, онъ выпущенъ изъ университета кандидатомъ и вступилъ въ службу чиновникомъ для особыхъ порученій при московскомъ военномъ генералъ-губернаторѣ.

Профессоръ Павловъ, при самомъ учрежденіи въ Москвѣ Земледѣльческой Школы, пригласилъ Андроссова быть въ ней учителемъ географіи и статистики и раздѣлить съ нимъ надзоръ за нравственнымъ воспитаніемъ учениковъ. Это, конечно, былъ одинъ изъ самыхъ счастливыхъ выборовъ профессора Павлова. Андроссовъ умѣлъ передать воспитанникамъ чувства долга и будущихъ обязанностей. Первые два выпуска учениковъ Земледѣльческой Школы, сдѣлавшіе ей особенную честь, обязаны многимъ своему праводушному наставнику. Въ то же время, по желанію президента Общества Сельскаго Хозяйства, Андроссовъ написалъ для учениковъ Земледѣльческой Школы *Хозяйственную Статистику Россіи*, по мнѣнію гг. Шторха и Герма-

на, удостоенную посвященія Государю Императору и напечатанную въ 1827 году на казенный счетъ, съ Всемилостивѣйшею наградою сочинителя брильянтовымъ перстнемъ. Въ 1827 году, Андроссовъ избранъ былъ Обществомъ Сельскаго Хозяйства въ помощники директора Земледѣльческой Школы. Не соглашаясь съ нимъ въ способѣ ученія воспитанниковъ, которое Андроссовъ признавалъ недостаточно-практическимъ, онъ въ 1829 году оставилъ Земледѣльческую Школу и принялъ на себя званіе секретаря комитета, образовавшагося тогда въ Москвѣ для сортированія русской шерсти. Въ 1831 году, онъ вступилъ въ Общество Овцеводства членомъ, секретаремъ и издателемъ «Журнала для Овцеводовъ». Эти обязанности, измѣнившія прежнее направленіе его занятій, не удовлетворяли его дѣятельности; но онъ подчинялся необходимости и занимался ими, хоть и безъ наслажденія.

Въ 1832 году, московскій военный генерал-губернаторъ поручилъ Андроссову составить *Статистическую Записку о Москвѣ.* Это оживило его дѣятельность: статистика была всегда любимымъ предметомъ занятій Андроссова. «Записка о Москвѣ», вмѣстѣ съ «Хозяйственною Статистикою», до сихъ-поръ признаются лучшими сочиненіями въ семъ родѣ и показываютъ, къ чему способенъ былъ этотъ энергическій и вмѣстѣ трудолюбивый писатель, еслибъ судьба не препятствовала ему заниматься любимою наукою на поприщѣ ученомъ.

Неудачи въ жизни, изломанное направленіе въ ученыхъ занятіяхъ уже клали отпечатокъ грусти на веселомъ характерѣ Андроссова; но онъ не подчинялся унынію. Друзья и знакомые не измѣнили своего уваженія къ его благородному и твердому характеру, и въ 1832 году предложили ему издавать журналъ *Московскій Наблюдатель.* Онъ принялъ на себя этотъ трудъ съ радостною надеждою противодѣйствовать тогдашнему меркантильному направленію литературы; надѣялся высказать для пользы соотечественниковъ завѣтныя чувства, которыя согрѣвали его душу; но борьба съ обстоятельствами была не въ мѣру силъ, ослабленныхъ противностями и неудачами. Съ окончаніемъ изданія «Наблюдатели», Андроссовъ впалъ въ какое-то равнодушіе къ литературной и ученой дѣятельности и занимался только изданіемъ «Журнала для Овцеводовъ», сознавая, что если онъ не доставилъ ему наслажденій, то и не нанесъ ему никакого огорченія. Восемь лѣтъ Андроссовъ одинъ былъ издателемъ этого журнала, оставивъ, и для овцеводовъ, памятникъ своего трудолюбія, за которое, конечно, они будутъ ему благодарны.

Между-тѣмъ, здоровье его годъ-отъ-году дѣлалось болѣзненнѣе, грудь ослабѣвала, дыханіе становилось тяжеле. Въ прошедшее лѣто ему посовѣтовали пользоваться въ Москвѣ искусственными водами; но воды не помогли ему, усиливъ только слабость лёгкихъ и тягость дыханія. Здоровое, по-видимому, сложеніе Андроссова подавало друзьямъ надежду на его выздоровленіе, тѣмъ болѣе, что онъ не переставалъ посѣщать ихъ съ обычною своею любезностію и остроумными, всегда оригинальными замѣчаніями и веселымъ нравомъ. За недѣлю до смерти онъ выѣзжалъ; потомъ до 17-го октября принималъ у себя знакомыхъ безъ малѣйшаго признака опаснаго состоянія здоровья; но 17-го октября, въ ночь, показалось у него въ первый разъ сильное кровотеченіе горломъ, которое, однакожь, при употребленіи нѣкоторыхъ пособій, по-видимому, еще облегчило его болѣзнь; 19-го онъ всталъ съ постели, чувствуя себя гораздо легче, и говорилъ, что завтра онъ надѣется совершенно поправиться. Въ такомъ состояніи провелъ день съ посѣтившими его друзьями до 10 часовъ вечера; но въ 12-мъ часу ночи, послѣ кашля, сдѣлалось вновь сильное кровотеченіе изъ груди, вѣроятно, отъ разрыва въ лёгкихъ, и черезъ нѣсколько ми-

нутъ его не стало... Эта неожиданная смерть истинно поразила друзей и знакомыхъ его. Каждый потерялъ въ немъ часть отрадныхъ часовъ жизни, доставляемыхъ благородными чувствами и любезною бесѣдою умнаго сотоварища. Они старались какъ-бы уловить и продлить воспоминаніе этихъ часовъ, заставивъ списать съ умершаго портретъ и снять форму для бюста. Такъ—будетъ и портретъ, будетъ и бюстъ, но съ закрытымъ взоромъ, съ замкнутыми устами, съ погасшимъ пламенемъ благородной души... Всѣ извѣстные московскіе литераторы, сослуживцы и товарищи почтили память усопшаго присутствіемъ при его погребеніи; они на рукахъ несли гробъ его до церкви, проводили до могилы и отдали ей тѣло, поручивъ душу милосердому Богу... В. П. Андроссовъ погребенъ въ Москвѣ на Ваганьковскомъ-Кладбищѣ, и друзья его согласились поставить надъ его могилою памятникъ искренняго ихъ уваженія къ благородному его характеру.

—

— Изобрѣтатель новаго искусства управлять по своей волѣ направленіемъ воздушныхъ шаровъ, г. Комасхи (Comaschi), недавно дѣлалъ опыты такого рода въ Ліонѣ. Погода была для воздухоплавателя очень непріятна; небо покрылось тучами, дождь и сильный вѣтеръ много мѣшали полету. Не смотря на то, Комасхи поднялся на своемъ аэростатѣ надъ Саоною и направилъ путь къ западу, описывая по небу кривую линію. Онъ послѣ спустился надъ рѣкою на томъ же самомъ мѣстѣ, съ котораго поднялся. Надобно замѣтить, что шаръ его не цилиндрической, но ромбоидальной формы.

— По многократнымъ опытамъ, дѣланнымъ г-мъ Пирани надъ прививкою разныхъ плодовыхъ деревьевъ, удалось ему получить отъ лимоннаго дерѣва, къ которому была привита померанцовая вѣтка, плодъ особаго рода, нѣчто среднее между лимономъ и померанцемъ. Этотъ плодъ имѣетъ форму лимона, но вкусомъ очень похожъ на померанецъ. Пирани имѣетъ нѣсколько плодовыхъ садовъ на берегахъ Гардскаго-Озера въ окрестностяхъ Limone.

— До сего времени извѣстно объ образованіи, вышинѣ, направленіи и скорости теченія облаковъ только то, что они составляются изъ паровъ, поднимающихся съ земли; что между облаками и туманомъ нѣтъ различія. Облака образуются во всѣхъ высотахъ атмосферы, начиная съ нижнихъ, теплѣйшихъ и густыхъ до высочайшихъ, тонкихъ и холодныхъ слоевъ воздуха. Есть облака, которыя носятся въ 25 000 и до 26 000 футахъ надъ земною поверхностію, между-тѣмъ какъ другія лежатъ на самой землѣ. Высочайшее облако можетъ быть видимо съ земли на разстояніи 50 или 60 часовъ. Хоть такое облако летитъ по тверди небесной отъ 15 до 20 часовъ въ одинъ часъ, но оно кажется людямъ неподвижнымъ. Оно ежеминутно перемѣняетъ свою форму, но глазъ человѣка не можетъ примѣтить этого. На такой ужасной вышинѣ облако въ 1000 футовъ пространствомъ кажется съ земли не болѣе черной маленькой точки.

— Въ прошломъ году («Отеч. Записки» томъ XI, Смѣсь, стр. 50) мы говорили о наборно-разборной типографской машинѣ г-на Киглера: теперь Англичане Юнгъ и Деламбръ изобрѣли замысловатую *наборную машину*, которая набираетъ сама-собою слова и рѣчи, что̀ нынѣ производится типографскими наборщиками. Разумѣется, эта машина должна также работать съ помощію наборщика, ибо она только набираетъ слова, но не самыя строки и страницы. Машина состоитъ изъ такого же числа *жолобковъ* (gruoves), сколько имѣется буквъ въ азбукѣ. Буквы посредствомъ клавишей поднимаются въ эти *жолобки*, гдѣ и составляются слова; а наборщикъ уже дѣлаетъ изъ нихъ строки, что, по увѣренію изобрѣтателей, сберегаетъ $^7/_8$ работы. По ихъ методѣ

и съ помощію машины можно набрать въ часъ отъ 12 до 15,000 буквъ. Положимъ, что наборщикъ употребитъ еще часъ, чтобъ наборъ машины размѣстить въ строчки, — выходитъ, что наборъ, который обыкновенные наборщики оканчиваютъ въ-продолженіе восьми часовъ, произведенъ будетъ посредствомъ машины только въ два часа.

— Въ Ринген, какой-то архитекторъ изобрѣлъ новаго рода известковый растворъ для всякихъ каменныхъ построекъ, изъ смѣси гашеной извести и золы каменнаго угля. Этимъ составомъ очень полезно покрывать каменные полы въ подвалахъ, въ цитернахъ и вообще въ тѣхъ постройкахъ, куда легко проникаетъ сырость; также онъ служитъ предохранительнымъ средствомъ отъ огня. Изобрѣтатель, чтобъ доказать несгараемость изобрѣтеннаго состава, намазалъ имъ сосновую доску, на которой послѣ того развелъ сильный огонь и варилъ себѣ пищу, какъ на чугунной плитѣ. Доска, по истеченіи двухъ часовъ, осталась совершенно-невредимою и даже не обуглилась. Новоизобрѣтеннымъ составомъ жители Рингена уже начали покрывать крыши домовъ, вмѣсто черепицы и шифера.

— Въ окрестностяхъ Маастрихта выкопали недавно окаменѣлый оставъ исполинскаго животнаго (родъ огромной ящерицы), который и отданъ на сохраненіе въ Нидерландскій Музеумъ. Эта находка, конечно, возбудитъ всеобщее вниманіе европейскихъ натуралистовъ, ибо допотопная ящерица имѣетъ въ длину 140 футовъ!

— Въ послѣднемъ засѣданіи Французской Академіи Наукъ, г. Góденъ объяснилъ свою методу приготовленія дагерротипныхъ досокъ, которыя окуриваетъ онъ особымъ составомъ, называемымъ *іодбромюръ*, дѣлающимъ ихъ столь чувствительными для солнечнаго свѣта, что на нихъ изображается предметъ въ-теченіе одной четверти секунды. Góденъ, посредствомъ усовершенствованнаго дагерротипа, снимаетъ съ натуры всѣ скоро и быстро движущіеся предметы, на-примѣръ Pont-neuf со всѣми проходящими по немъ людьми, лошадьми и пр. Такимъ же образомъ онъ снимаетъ дагерротипомъ портреты, на которыхъ изображается малѣйшее движеніе мускуловъ лица, улыбка, смѣхъ и все прочее, что въ эту секунду представляли оригиналы.

— Въ одной изъ брюссельскихъ газетъ напечатано статистическое извѣстіе о бельгійскихъ желѣзныхъ дорогахъ. Изъ него видно, что съ 1835 года по сіе время убитъ былъ на желѣзной дорогѣ только одинъ старикъ, совершенно безъ его вины, а нѣсколько пассажировъ лишилось жизни отъ собственной своей неосторожности.

— Г. Лангбомъ, въ Луизіанѣ, изобрѣлъ новое средство ѣздить по морю на судахъ безъ помощи огня и пара, а именно: посредствомъ углекислаго газа. Онъ построилъ уже корабль, который будетъ плавать безъ парусовъ, единственно съ помощію газа.

—Огромныя колеса пароходовъ всегда препятствовали приспособить ихъ къ морской военной службѣ. Излишнее мѣсто, занимаемое колесами, и беззащитность ихъ отъ непріятельскихъ ядръ, давно уже побуждали кораблестроителей изобрѣсть новаго рода механизмъ для военныхъ пароходовъ. Нынѣче въ нѣкоторыхъ газетахъ есть извѣстіе, что какой-то инженеръ выдумалъ новую движущую силу для пароходовъ, которая устраняетъ всѣ помянутыя неудобства. Если вѣрить на слово изобрѣтателю, то его механизмъ утроитъ силу пароходовъ, освободитъ ихъ отъ колесъ и огромной машины, которая занимаетъ много мѣста. Новый пароходный снарядъ вовсе неподверженъ дѣйствію непріятельскихъ ядеръ, сберегаетъ мѣсто въ кораблѣ, которое можно употребить для помѣщенія пушекъ. Такой пароходъ гораздо-легче можетъ маневрировать въ морѣ, и втрое менѣе потребуетъ горючаго матеріала.

— Лондонскій механикъ Кларкъ устроилъ модель повозки, движущейся посредствомъ электро-магнитной си-

лы. Эта модель, нагруженная 45 фунтами тяжести, пробѣгаетъ по желѣзной дорогѣ 45 футовъ въ 10 секундъ, истрачивая на своемъ курсѣ матеріала на 3 пенса (30 копеекъ) въ часъ. Механизмъ ея подобенъ той шлюпкѣ, которая въ Петербургѣ двигалась по Невѣ посредствомъ электро - магнитной силы. Выгоды отъ такого изобрѣтенія очевидны, ибо расходы обходятся вдвое менѣе, нежели на пароходахъ, и матеріала истрачивается въ $^{1}/_{10}$ долю менѣе. Наибольшая же выгода отъ этого изобрѣтенія произойдетъ конечно для пароходовъ, ибо сберегаетъ въ нихъ много пространства, которое употребляется нынѣче для большаго запаса каменнаго угля. Вмѣсто угля, на суднѣ помѣщается только два оксофта съ сѣрною кислотою и двѣ свинцовыя доски,—и вотъ все, чтò нужно для движенія такого судна. Г. Кларкъ устроилъ свою электро-магнитную машину на одномъ изъ кораблей, стоящихъ въ Темзѣ.

— Шеллингъ, 15 ноября открылъ въ Берлинскомъ Университетѣ свои лекціи. Слава этого знаменитаго философа привлекла такое множество слушателей, что, не смотря на обширную залу, для многихъ не достало мѣста. Уже одно введеніе, въ которомъ Шеллингъ между прочимъ далъ обѣщаніе изложить вполнѣ свою систему, возбудило живѣйшее участіе, которое, по окончаніи чтенія, обнаружилось громкими и восторженными восклицаніями.

— Недавно произведены были починки и перестройки въ домѣ Перпиньянской Ратуши. При этомъ случаѣ на чердакѣ дома, заваленномъ разною старою мёбелью, найдена грязная, закопченая картина. Мэръ города приказалъ очистить и вымыть эту размалеванную холстину, изъ которой вышла превосходная картина Рафаэля, представляющая святое семейство. Знатоки оцѣнили картину въ 40,000 франковъ.

— Въ Берлинъ недавно пріѣхалъ изъ Рима талантливый прусскій ваятель Вольфъ. Онъ работаетъ тамъ по заказу королевы Викторіи бюстъ ея дочери, также во весь ростъ мраморную статую принца Альберта.

— Въ Берлинѣ обращаетъ на себя общее вниманіе публики картина Крюгера, представляющая парадъ королевскаго полка въ Штетинѣ. Король и его свита отличаются удивительнымъ сходствомъ.

— Испанскій поэтъ Бретонъ делас-Герросъ написалъ недавно комедію подъ названіемъ: *La Marcela*, которую такъ полюбила публика, что въ одинъ вечеръ ее играли два раза сряду на одномъ и томъ же театрѣ. Эта комедія въ 5-ти дѣйствіяхъ; но зрители по окончаніи пьесы не хотѣли выйдти изъ театра, и пьесу повторили снова.

— Мы уже извѣщали читателей, что Жоржъ Зандъ основала новый журналъ, вмѣстѣ съ гг-мъ Віардо и Леру, подъ названіемъ «Revue Independante». Теперь парижскія газеты говорятъ, что это намѣреніе знаменитой писательницы имѣетъ источникомъ ссору ея и процессъ въ Парижскомъ Коммерческомъ Судѣ съ издателемъ ея романовъ и прочихъ сочиненій. По этому случаю она отказалась отъ сотрудничества въ журналахъ «Revue de Paris» и «Revue des deux mondes», отъ-чего эти журналы, безъ сомнѣнія, очень много потеряютъ.

—

—Въ царствованіе папы Павла III-го на аппіанской дорогѣ открыто было нѣсколько языческихъ гробницъ. Въ одной изъ нихъ нашли совершенно сохранившееся тѣло молодой дѣвушки, которая лежала погруженною въ какую-то жидкость пріятнаго запаха. Трупъ имѣлъ весьма свѣжій цвѣтъ; длинные бѣлокурые волосы, заплетенные въ косы, сжималъ на тѣлѣ золотой обручъ. Изъ надписи надъ гробомъ видно, что покойница была дочь Цицерона,

по имени Туллія, и лежала въ землѣ уже 1,500 лѣтъ. Это тѣло привезено въ Римъ и было нѣсколько недѣль въ Капитоліи. Народъ воздавалъ ему великія почести. Такое не-христіанское поклоненіе язычницѣ побудило папу приказать дочь Цицерона бросить въ Тибръ...

— Въ то же время отрыты были гробы двухъ невѣстъ императора Гонорія, дочерей Стилихона, Маріи и Термандіи, которыя умерли дѣвицами. Онѣ лежали въ подземельномъ склепѣ, недалеко отъ Церкви св. Петра, 1118 лѣтъ. Головы покойницъ украшены были золотыми коронами, которыя осыпаны драгоцѣнными камнями. Тѣла ихъ обвернуты парчею. При открытіи мраморныхъ саркофаговъ, трупы ихъ развалились, какъ пепелъ, отъ прикосновенія воздуха. Въ этихъ гробницахъ собрано было золота болѣе 80 фунтовъ.

— Г. Смидтъ, профессоръ протестантской семинаріи въ Страсбургѣ, открылъ въ архивахъ старинняго Капитула святаго Ѳомы между старыми бумагами новыя подробности, не совершенно-извѣстныя о жизни Гуттенберга. Эти документы относятся къ 1461 году и содержатъ въ себѣ требованія Капитула св. Ѳомы объ уплатѣ Гуттенбергомъ процентовъ съ 80 ливровъ, взятыхъ имъ въ долгъ. Впрочемъ, всѣ эти требованія, кажется, ни къ чему не послужили, потому-что съ 1458 до 1474 года имя Гуттенберга въ счетахъ Капитула стоитъ между должниками, неплатящими процентовъ. Въ 1474 году Гуттенбергъ умеръ, и Капитулъ, полагая деньги свои пропавшими, поставилъ противъ его имени въ своихъ реестрахъ этого года слово *abeganck*, что̀ означало долгъ пропавшій. Этими подробностями пополняются свѣдѣнія, уже извѣстныя изъ документовъ, найденныхъ гг. Шёпфлиномъ и Юнгомъ о несчастномъ періодѣ жизни знаменитаго изобрѣтателя книгопечатанія.

—На-дняхъ умерла въ Парижѣ родная сестра извѣстнаго Марата, погибшаго отъ руки Шарлотты Кордэ. Сестра Марата, старуха 83 лѣтъ, жила въ ужасной бѣдности на чердакѣ, въ улицѣ de la Barillerie. У ней былъ только одинъ родственникъ, торговецъ зеленью, и одна подруга, жена какого-то дворника, которые и закрыли глаза бѣдной женщинѣ. Лицомъ она была очень похожа на своего ужаснаго брата и занималась много лѣтъ изготовленіемъ часовыхъ стрѣлокъ. Она хорошо знала латинскій языкъ, и играла на флейтѣ. Старость и немощи довели ѐе до нищеты.

— Недавно житель Лейта получилъ изъ Канады письмо отъ своего сына, который отправился оттуда на американскомъ пароходѣ «Президентъ», безъ-вѣсти пропавшемъ въ Океанѣ. Отецъ уже давно оплакивалъ кончину любимаго сына, ибо зналъ, что онъ, вмѣстѣ съ прочими пассажирами «Президента», сдѣлался добычею моря. Этотъ молодой человѣкъ обязанъ своимъ спасеніемъ слѣдующему случаю: онъ былъ принятъ на пароходъ въ должность хлѣбопёка, но за день до отплытія судна поссорился съ капитаномъ, не хотѣлъ исправлять своей обязанности и убѣжалъ тайно съ парохода. — Этимъ побѣгомъ онъ спасъ жизнь свою.

— Въ Филадельфіи, въ залѣ техническаго общества, сохраняется, какъ величайшая рѣдкость, печатный станъ, при которомъ знаменитый Франклинъ былъ нѣсколько лѣтъ простымъ печатникомъ въ Лондонѣ. Черезъ нѣсколько лѣтъ этотъ печатникъ былъ основателемъ и президентомъ Филадельфійскаго Техническаго Общества.

— Въ «Вашингтонскомъ Корреспондентѣ», слѣдующими чертами изображена физіономія нынѣшняго президента Американскихъ Штатовъ, Тайлера. У него длинное, овальное лицо, длинный орлиный носъ, проницательные сѣрые глаза, темнорусые волосы съ просѣдью. Лицо покрыто глубокими морщинами, холодно и непривлекательно; глубокія думы и заботы сообщили ему строгую выразительность. У Тайлера есть дочь, милая, красно-

шеская дѣвица 18 лѣтъ, и два сына, крѣпкіе мальчики 12 и 14 лѣтъ.

—На Азорскихъ Островахъ ростутъ цѣлые лѣса апельсинныхъ, лимонныхъ и померанцовыхъ деревьевъ. Эти лѣса, или огромные сады, окружены высокими каменными стѣнами для защиты ихъ отъ сильныхъ вѣтровъ. Для такой же цѣли туземцы стараются разводить вокругъ своихъ померанцовыхъ садовъ ель и камфорное дерево. Апельсинное дерево чѣмъ старѣе, тѣмъ лучше даетъ плодъ, который имѣетъ весьма тонкую кожу и мало зеренъ. Фруктовыя деревья, выдернутыя сильнымъ вѣтромъ, не увядаютъ, но приносятъ такіе же вкусные плоды лежа, въ теченіи двухъ лѣтъ.—Въ 1839 году было вывезено съ Азорскихъ Островоъ въ Англію 120,000 ящиковъ апельсиновъ, лимоновъ и померанцевъ на сумму 115,000 фунт. стерлинговъ.

—Въ Восточной Индіи, какъ извѣстно, множество разбойничьихъ шаекъ подъ названіемъ Тогъ или Тугъ (Thugs). Англійское правительство старается всѣми силами истребить кровожадныхъ фанатиковъ, но до сего времени это предпріятіе не совершенно исполнено. Изъ оффиціальныхъ извѣстій видно, что въ Индіи Туги ежегодно предаютъ насильственной смерти до 2,000 человѣкъ и грабятъ ихъ на сумму 20,000 фунт. стер. (500,000 рублей). —Съ 1822 года по 1837-й обвинено судомъ присяжныхъ въ смертоубійствѣ: 8379 Туговъ, изъ которыхъ было 51 женщина. Награбленной ими добычи считалось на 10 мильйон. гульденовъ. Съ 1837 по 1840 годъ предано суду 3689 Туговъ; изъ нихъ 3058 преданы казни, а 97 оправданы.

—На-дняхъ отправляется изъ Марселя корабль, нагруженный разными товарами, купленными въ Парижѣ для королевы Мадагаскара, Ранавалу-Манжаке. Коммиссіонеръ, которому черная королева поручила сдѣлать въ Парижѣ покупки, живетъ въ Мадагаскарѣ ужь 20 лѣтъ, родомъ Французъ, по имени Деластъ, бывшій капитанъ морской французской службы. Этотъ человѣкъ въ большой довѣренности у королевы Ранавалу-Манжаке, ибо привезъ съ собою значительную сумму золота и всѣ вещи покупалъ въ Парижѣ на чистыя деньги. Грузъ корабля состоитъ изъ слѣдующихъ товаровъ: 25,000 ружей для арміи, солнечный микроскопъ, инструменты для двухъ хоровъ полковой музыки, органъ (шарманка), кадки для сбиванія масла, кофейники и самовары, дагерротипъ, длинное ружье особой конструкціи для стрѣльбы картечью въ крокодиловъ, домашняя посуда, двѣ золотыя короны, нѣсколько паръ бархатнаго и mousseline de laine платья для королевы, кашемировыя шали, особый родъ парчи, вытканной по рисунку, присланному изъ Таннанарива для парадной мантіи королевы. На этотъ кусокъ парчи употреблено до 5,000 франковъ золота. Нѣсколько паръ красныхъ сафьянныхъ сапоговъ, вышитыхъ золотомъ и шолковыхъ перчатокъ, тоже съ золотомъ для королевы, золотые ножи и вилки. Наконецъ, слишкомъ сто богатыхъ костюмовъ для тѣлохранителей, фрейлинъ и кавалеровъ придворнаго штата.

— Въ деревнѣ Палезо есть замѣчательная колокольня, въ разсѣлину которой сорока-воровка прятала украденныя ею серебряныя ложки, что и послужило сюжетомъ для извѣстной оперы Россини. Одна дѣвушка въ Палезо была обвинена въ воровствѣ этихъ ложекъ, и участь ея не окончилась такъ счастливо, какъ оканчивается въ оперѣ Россини. Невинную жертву казнили на эшафотѣ за мнимое преступленіе, и послѣ уже открылось, что настоящею преступницею была сорока. Это происшествіе прославило въ Европѣ палезоскую колокольню, которую съ особеннымъ любопытствомъ осматриваютъ путешественники.

— Знаменитый пѣвецъ Рубини поѣхалъ изъ Парижа въ Мадридъ, чтобъ дать нѣсколько представленій на тамошнемъ театрѣ. На границѣ Испаніи данъ ему былъ военный конвой, се-

стоявшій изъ 30 всадниковъ, чтобъ разбойничьи шайки, блуждающія по Испаніи подъ именемъ приверженцевъ дона-Карлоса, или королевы Христины, не ограбили и не убили его. Въ Колменарѣ, за двѣ станціи до Мадрида, этотъ поѣздъ вдругъ окруженъ былъ толпою вооруженныхъ поселянъ, которые приняли Рубини за взбунтовавшагося генерала, партизана вдовствующей королевы Христины, и думали, что его везутъ въ Мадридъ, чтобъ разстрѣлять, какъ Діего-Леона. Напрасно Рубини увѣрялъ, что онъ пѣвецъ, и ѣдетъ въ Мадридъ не на смертную казнь, но для представленій на тамошней оперѣ. Чернь не хотѣла вѣрить этому разсказу и вооруженною рукою разсѣяла конвой Рубини. На эту суматоху подоспѣлъ священникъ ближней деревни, узналъ въ чемъ дѣло и освободилъ бѣднаго Рубини отъ мнимыхъ его избавителей.

—Изъ метрическихъ книгъ прихода св. Леонгарда, въ Шорлишѣ, взято недавно извѣстіе, что 28 января 1588 года умеръ тамъ ветеранъ всѣхъ стариковъ на свѣтѣ, который, по увѣренію хроники, жилъ 207 лѣтъ. Онъ родился при РичардѣII, въ 1381 году, и жилъ въ-продолженіе царствованій двѣнадцати королей и королевъ.

— Англійскія газеты считаютъ свои доходы не по числу пренумерантовъ, но по ежедневной продажѣ экземпляровъ въ публику. Съ 1 апрѣля по 30 іюня нынѣшняго года, было продано экземпляровъ газеты «Times» 1,650,000 или ежедневно 21,154; «Morning Chronicle» 600,000 экземпляровъ, или ежедневно 7,691; «Morning Herald» 405,000; ежедневно 5,192; «Morning Post» 305,150, ежедневно 3,912; «Sun» 314,000, ежедневно 4,025; «Globe» 260,000, ежедневно 3,333; Standard» 250,000, ежедневно 3,205; «The Courrier» 48,000, ежедневно 615 экземпляровъ.

— Въ Брюсселѣ недавно была весьма любопытная вещь: карета Наполеона, которая при Ватерлоо попалась въ руки побѣдителей, но въ жару сраженія брошена была на полѣ. По окончаніи битвы, поселяне Шарльруа прибрали къ рукамъ этотъ экипажъ, и потомъ продали его одному брюссельскому гражданину. Охотники до вещей, принадлежащихъ великимъ людямъ, давали за карету Наполеона 30,000 франковъ; но хозяинъ не хотѣлъ разстаться съ этой драгоцѣнностью. Потомъ она играла немаловажную роль при высадкѣ Людовика-Наполеона въ Булони, въ прошломъ году, и стояла на границѣ, въ ожиданіи успѣшнаго окончанія дѣла; но возмущеніе шло худо, и карета возвратилась въ Брюссель. Потомъ она досталась въ руки одного спекуланта, который намѣренъ былъ показывать ее за деньги въ Лондонѣ. Въ лондонской таможнѣ оцѣнили карету Наполеона въ 2,400 фунтовъ стерлинговъ (60,000 руб. асс.) и потребовали за нее пошлины 60 фунтовъ стерлинговъ. Наконецъ, одинъ таможенный чиновникъ предложилъ спекулянту за карету 2,500 фунтовъ стерлинговъ. Торгъ былъ заключенъ, и этотъ историческій экипажъ привлекаетъ теперь къ себѣ любопытство всей лондонской публики.

— Въ Ревнѣ умеръ недавно богатый пирожникъ Поганнъ, который между тамошними жителями считался большимъ чудакомъ. Во время пребыванія союзныхъ войскъ во Франціи, онъ пекъ пироги съ масломъ и жиромъ для Французовъ, а съ провонявшимъ саломъ для Пруссаковъ. Этотъ чудакъ женился *на своей кормилицѣ*, которой уже теперь минуло 85 лѣтъ.

—Въ англійскихъ газетахъ мы прочли любопытныя подробности объ образѣ жизни знаменитаго ватерлооскаго героя, Веллингтона. Онъ хворалъ нѣсколько лѣтъ сряду разными недугами; теперь здоровье его очень поправилось; онъ сдѣлался снова бодръ и свѣжъ. Лондонскіе жители видятъ часто, какъ герцогъ прогуливается пѣшкомъ въ Гринъ-Паркѣ.—Герцогъ ведетъ очень регулярную жизнь. Онъ встаетъ обыкновенно въ 6 часовъ утра, и, если по-

года хорошая, прогуливается въ Гайд-Паркѣ до завтрака, который состоитъ изъ кофе, холоднаго мяса, вареныхъ яицъ, мармелада, компота и проч. Въ часъ по-полудни герцогъ полдничаетъ, что называется у Англичанъ luncheon (это между-обѣдъ, состоящій изъ разнаго рода горячихъ блюдъ). Въ парламентъ Веллингтонъ ѣздитъ обыкновенно верхомъ, не смотря на погоду. Ему минуло уже 70 лѣтъ; многія парламентскія работы дѣлитъ онъ съ своимъ молодымъ другомъ, графомъ Абердиномъ, и лордомъ Линдгерстомъ. У герцога много занятій и должностей, большая корреспонденція, и потому онъ по-необходимости не можетъ много заниматься парламентскими дѣлами. Его вездѣ просятъ на совѣщанія, всѣ ищутъ его протекціи и предстательства. Онъ большею частію самъ собственноручно отвѣчаетъ на всѣ адресованныя ему письма. Вотъ должности, которыя нынѣче исправляетъ Веллигтонъ: онъ шефъ полка лейб-гренадерскаго (съ жалованьемъ 1200 фунт. стер.), шефъ стрѣлковой бригады (238 ф. 15 шилл.), констабель, или главный смотритель древняго лондонскаго замка Тоуэра (947 ф. 9 шил.), лордъ Warden of the cinque Ports, или директоръ англійскихъ гаваней, лежащихъ противъ Франціи (474 ф. 10 шил.).—Кромѣ жалованья, доставляемаго этими должностями, онъ имѣетъ пенсіонъ въ 4,000 фунт., пожалованный ему правительствомъ англійскимъ въ 1812 году. — Съ помѣстьевъ, подаренныхъ ему въ Португаліи, получаетъ онъ 8,000 ф. дохода, съ испанскихъ помѣстьевъ 10,000 фунт., съ голландскихъ столько же; англійскій парламентъ купилъ ему превосходное помѣстье Стретфильдъ, недалеко отъ Лондона. Прочее имѣніе герцога неизвѣстно въ подробности, но, говорятъ, очень значительно. Португальское правительство подарило ему золотой столовый сервизъ, который оцѣненъ въ 100,000 фунт. стерл. (2,500,000 руб. ас.)— Подарки, сдѣланные герцогу разными монархами Европы, состоятъ изъ богатыхъ табакерокъ, шпагъ, звѣздъ, украшенныхъ брилльянтами, и огромнаго серебрянаго щита.—Всѣ эти вещи цѣнятся въ 150,000 фунт. стерл. (3,750,000 руб. асс.)

—Въ Монсѣ, при рытіи земли для закладки фундамента новаго театра, выкопанъ свинцовый гробъ, въ которомъ найденъ довольно-хорошо сохранившійся трупъ женщины, одѣтой въ черное шолковое платье. Подлѣ тѣла лежала отрубленная голова: значитъ, женщина была казнена. Одинъ антикварій Монса увѣряетъ, что покойница, — графиня Инеса-де-Мендоза. которая была казнена на дворѣ Монской Ратуши 9 іюня 1618 года, за участіе въ заговорѣ маркиза Гейрикеца. На рукѣ обезглавленной найденъ золотой перстень съ тремя якорями, въ лазоревомъ полѣ. Эта эмблема была гербомъ фамиліи Мендозовъ. Свинцовый гробъ находится нынѣ въ Монскомъ Музеумѣ.

— Въ послѣднее засѣданіе англійскаго парламента, кто-то изъ членовъ подалъ билль объ отмѣненіи закона королевы Елисаветы, по которому налагается штрафъ въ одинъ шиллингъ на каждаго жителя Англіи, непосѣщающаго церковь въ воскресные дни. — Король Яковъ I-й былъ еще строже къ такимъ людямъ: онъ повелѣлъ взимать штрафъ въ 20 фунт. ст. съ тѣхъ, кто сряду четыре воскресенья не былъ въ церкви. Этотъ законъ особенно строго исполнялся между католиками. Въ царствованіе Карла II-го, одинъ баронетъ платилъ за себя и свое семейство, состоящее изъ 11 человѣкъ, 240 фунт. стер. (6,000 руб. ас.) ежемѣсячно за нехожденіе въ церковь. Ему бы пришлось платить гораздо болѣе, но онъ изъ предосторожности держалъ въ своемъ домѣ слугъ только протестантскаго исповѣданія. Еще недавно законъ Елисаветы исполненъ былъ въ Лондонѣ надъ одиннадцатью Англичанами, которые по лѣности не посѣщали своихъ приходскихъ церквей по воскресеньямъ.

—Въ Рiо-де-Жирѣ какой-то инженеръ устроилъ для проведенія въ городъ воды стеклянныя трубы, которыя обошлись гораздо-дешевле и прочнѣе чугунныхъ. Въ доказательство этого приводятъ то обстоятельство, что обыкновенныя шампанскія бутылки могутъ выдержать давленіе 40 атмосферъ; сверхъ того, стеклянныя водопроводныя трубы неподвержены ржавчинѣ, какъ чугунныя, и слѣдовательно, не такъ легко могутъ засориться.

— Въ Парижѣ занимается съ большимъ успѣхомъ гомеопатіею молоденькая жена доктора Ганемана, которая совершенно переняла методу леченія своего мужа и очень счастливо лечитъ многихъ молодыхъ людей, которые, можетъ-быть, изъ любви къ прелестной гомеопаткѣ прикидываются больными. Молодые денди толпами являются къ г-жѣ Ганеманъ, чтобъ изъ ея прелестныхъ ручекъ получать рецепты отъ воображаемыхъ болѣзней. Насмѣшники говорятъ, что паціенты не могли вылечиться никакими гомеопатическими крупинками отъ своихъ сердечныхъ недуговъ.

—Отъ парижской медицинской полиціи объявлено приказаніе всѣмъ кандитерамъ и продавцамъ разныхъ лакомствъ, чтобъ они отнюдь не употребляли для завертыванія конфектовъ бумаги, крашеной минеральными красками, кромѣ ультрамарина и берлинской лазури. Также строго запрещено употреблять для конфектовъ и сахарныхъ плодовъ металлическую проволоку на стебельки и велѣно замѣнять ее китовымъ усомъ, соломою, или деревянными спичками.

— Многіе охотники до сигаръ думаютъ, что лучшія сигары курятъ Испанцы, но это заблужденіе. Даже испанскіе гранды, которые стараются какъ-можно-болѣе отличаться отъ средняго класса народа, курятъ дешевыя сигары севильской фабрики, въ которой изготовляются сигары изъ табачныхъ оборковъ гаванскаго табаку, и потому, кто въ Испаніи хочетъ курить отличныя сигары, тотъ долженъ ихъ выписывать прямо изъ Гаванны. Въ Мадридѣ каждый разносчикъ, каждый водовозъ выкуриваетъ непремѣнно въ день до 20 сигаръ; по такому чрезвычайному расходу на этотъ товаръ, въ Севильѣ работаютъ сигары день и ночь до 3000 дѣвушекъ. Главное депо гаванскихъ сигаръ находится въ Гамбургѣ, который снабжаетъ ими почти всю Европу. Испанскій король Фердинандъ VII даже на аудіенціяхъ курилъ сигары, и особенную благосклонность къ своимъ фаворитамъ оказывалъ тѣмъ, что позволялъ имъ брать огня отъ собственной своей сигары. Испанскіе генералы въ сраженіи, во время самой жаркой битвы, курятъ сигары. Испанскимъ монахамъ вовсе запрещено употребленіе сигаръ. Сперва былъ вопросъ: невредно ли для глазъ частое куреніе сигаръ; но такъ-какъ многіе знаменитые врачи въ Европѣ страстно любятъ курить сигары и не чувствуютъ отъ-того никакихъ дурныхъ послѣдствій для своихъ глазъ, то опасеніе на-счетъ этого вреда вовсе уничтожилось въ публикѣ.

—Въ Германіи, на 50 или 40 трезвыхъ считается одинъ пьяница; въ самой малочисленной общинѣ всегда можно найдти по нѣскольку пьяницъ. Въ Пруссіи считается ихъ до 27,000, въ Ганноверѣ 13,000, въ мекленбургскихъ владѣніяхъ болѣе 10,000, въ Липпе-Детмольдѣ 1600, въ Вальдекѣ 1,200. Слѣдовательно, во всей Сѣверной Германіи найдется болѣе 400,000 пьяницъ.

— Въ Парижѣ живетъ до 80,000 Нѣмцевъ, изъ которыхъ 50,000 ремесленниковъ. Тамъ нѣтъ ни одного искусства или ремесла, которымъ бы не за-

нимались Нѣмцы. Лучшіе учители музыки, врачи, воспитатели, конторщики и прикащики безспорно Нѣмцы. Самые модные портные, сѣдельники и каретники—Нѣмцы. Недавно одинъ отставной австрійскій офицеръ завелъ въ Парижѣ хлѣбопекарню на вѣнскій манеръ. Этотъ благородный булочникъ печетъ всякаго рода превкусные хлѣбы, булки и сухари. Двадцать подмастерьевъ пекутъ у него день и ночь хлѣбы, и Парижане говорятъ, что теперь только они узнали, что̀ значитъ хорошій, вкусный хлѣбъ. Въ прежнее время, лейпцигскіе хлѣбники снабжали Парижъ особаго рода кислымъ хлѣбомъ, печенымъ изъ ржаной муки.

—Ежегодные доходы Парижа, употребляемые на публичныя постройки и проч., простираются до 48,000,000 франковъ. Не удивительно послѣ этого, что городской совѣтъ употребляетъ большія суммы на поддержаніе и украшеніе разныхъ публичныхъ зданій.

— Въ Парижѣ построено десять мостовъ, на которыхъ сбирается съ прохожихъ и проѣзжающихъ мостовая пошлина. Постройка этихъ мостовъ обошлась городу въ 8,440,000 франковъ и ежегодный доходъ съ нихъ въ сборѣ пошлины простирается до 8,510,000 франковъ.

— Въ Мейнингенѣ умеръ старикъ 68 лѣтъ, котораго всѣ жители города считали за нищаго; онъ жилъ на чердакѣ, и питался самою дешевою и не свѣжею пищею. Послѣ его смерти нашли капиталъ въ 35,000 талеровъ. Этотъ скряга позволялъ себѣ въ жизни только одно лакомство—кофе, который употреблялъ онъ троякимъ образомъ: сперва накладывалъ сырой кофе въ трубку и курилъ его, вмѣсто того, чтобъ жарить на сковородѣ, потомъ пилъ его, какъ обыкновенно водится, а гущу, высушивъ, нюхалъ вмѣсто табаку.

— Г-жа Лафаржъ перевезена уже въ Клермонтскій Рабочій Домъ, гдѣ, наравнѣ съ другими 860 преступницами, занимается разными работами и носитъ общую одежду заключенныхъ, сшитую изъ толстаго сѣраго сукна. Обѣдъ ея состоитъ изъ грубой тюремной пищи. Она уже не можетъ, какъ прежде, писать свои мемуары, ибо ей запрещено давать чернила, перья и бумагу. Передъ отъѣздомъ въ тюрьму, она вручила своему адвокату третій томъ этихъ мемуаровъ для изданія.

— Директоръ оркестра Большой Парижской Оперы изобрѣлъ новое средство, чтобъ хористы на сценѣ держали вѣрный тактъ съ оркестромъ. Подъ пультомъ капельмейстера устроены педали, которыя посредствомъ особаго механизма сообщаютъ хористамъ начало каждаго такта. Такія педали очень облегчили работу капельмейстера, и вокальная часть съ инструментальною идутъ теперь гораздо согласнѣе.

— По случаю драматическаго юбилея Берлинскаго Опернаго Театра, находился между зрителями одинъ столѣтній старецъ, который, начиная съ 15-лѣтняго своего возраста, посѣщалъ каждое представленіе всѣхъ оперъ, данныхъ на помянутомъ театрѣ въ-теченіе 85 лѣтъ; слѣдовательно, онъ видѣлъ всю исторію берлинской оперы не въ книгѣ, но на сценѣ. Этотъ маститый дилетантъ явился на юбилей въ томъ самомъ платьѣ, въ которомъ одѣтъ былъ за 90 лѣтъ предъ симъ, въ первое его посѣщеніе опернаго театра.

— Сицилійскій князь Манджини, гастрономъ и гуляка, соорудилъ въ своемъ саду мраморный монументъ знаменитымъ гастрономамъ древности, Апицію и Лукуллу. Памятникъ пред-

ставляетъ огромный пастетъ, высѣченный изъ мрамора. Наружныя украшенія его состоятъ изъ гастрономическихъ аттрибутовъ. Въ срединѣ пастета помѣщена столовая зала съ кухнею, погребомъ и прочими принадлежностями для храненія съѣстныхъ припасовъ.

МОДЫ.

—

Зимы еще нѣтъ у насъ; но, не смотря на это, бархатъ почти исключительно господствуетъ во всѣхъ нарядахъ. Бурнусы, шарфы, манто такъ разнообразны, что нѣтъ возможности описывать малѣйшія ихъ подробности и измѣненія; замѣтимъ только, что всѣ почти шарфы, манто, бурнусы и проч. обшиваются шелковыми плетешками, шнурками или мѣхомъ; шарфы для прогулки дѣлаются безъ всякихъ украшеній, и подбиваются подкладкою одного цвѣта съ верхомъ. Шарфы для спектаклей и вечеровъ всѣ почти шитые.

Касательно платьевъ, можно сдѣлать только слѣдующія замѣчанія: юбки еще дѣлаются шире и длиннѣе; гладкіе рукава, говорятъ, скоро замѣнятся полуширокими; корсажи на платьяхъ почти все гладкіе; украшенія на юбкахъ состоятъ единственно изъ широкихъ складокъ или біэ; но платья для прогулокъ въ манто дѣлаются совершенно безъ всякихъ украшеній.

Форма шляпокъ нынче дѣлается нѣсколько больше прошлогоднихъ; шляпки исключительно теперь носятъ бархатныя; цвѣта темные предназначены для прогулки, а свѣтлые для вечеровъ.

Перчатки, украшенныя серебряною сѣтью, подъ пунцовымъ бархатомъ или съ серебряною бахрамою и такими же кистями, составляютъ верхъ роскоши дамскаго туалета.

